3 1761 08821015 8

LR
M2655B

Mamin, Dmitry Narkisovich

Д. Н. МАМИНЪ-СИБИРЯКЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Polnoe sobranie sochineny

СЪ ПОРТРЕТОМЪ АВТОРА
И КРИТИКО-БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ П. В. БЫКОВА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

(v5)

494388
7.7.49

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ :: ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1916 г.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Маркисъ, Измайл. просп., № 29

СИБИРСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

СИБИРСКІЕ ОРЛЫ.

I.

На одномъ изъ промежуточныхъ вокзаловъ только-что открытой Тюменской дороги собралось много публики. Ждали проѣзда извѣстнаго сибирскаго магната Мансвѣтова-Гирей. Многіе пріѣхали на станцію съ спеціальной цѣлью, чтобы только взглянуть на великое свѣтило. Въ числѣ собравшейся публики особенное вниманіе обращалъ на себя сѣдой, высокій старикъ въ потертой и выцвѣтшей шинели съ гимназическимъ ранцемъ за плечами. Старая военная косточка сказывалась во всемъ — и въ костюмѣ, и въ выправкѣ, и въ манерѣ себя держать. Заплатанные ботфорты были вычищены ваксой, какъ на смотръ; кэпи упраздненнаго французскаго покроя было надѣто набекрень, что̀ уже совсѣмъ не гармонировало съ серебряными сѣдинами почтеннаго старца. Меня поражала въ этомъ субъектѣ удивительная бодрость и розовый цвѣтъ лица. Ему, по крайней мѣрѣ, было лѣтъ семьдесятъ. Только военная николаевская выправка создавала такихъ богатырей.

Мнѣ приходилось ждать поѣзда, и отъ-нечего-дѣлать я наблюдалъ желѣзнодорожную публику. Какая неизмѣримая разница съ прежнимъ сибирскимъ трактомъ, когда гужомъ ѣхали все такіе основательные люди: купцы, сибирскіе администраторы и просто дѣловые люди. Желѣзная дорога привела съ собой много такого люда, общественное положеніе котораго нельзя опредѣлить никакимъ химическимъ анализомъ. Куда идутъ эти невѣдомые люди, зачѣмъ они такъ торопятся и откуда они взялись?.. На каждомъ лицѣ дѣловая тревога, глаза такъ и бѣгаютъ, а общее выраженіе такое, какъ будто человѣка ожидаютъ вотъ сейчасъ и невѣсть какія важныя дѣла. Таинственные незнакомцы хлынули въ Сибирь изъ невѣдомыхъ глубинъ коренной Россіи и вездѣ понесли съ собой московскую расторопность, изворотливость и просто сшитое на живую нитку плутовство. Ихъ присутствіе на этой станціи для меня являлось неразъяснимой загадкой. Но они были тутъ и суетились больше всѣхъ. Другое дѣло — служащіе Мансвѣтова, которые являлись встрѣтить патрона по обязанности. Они такъ и держали себя, какъ гости, пріѣхавшіе на именины.

— Monsieur, нѣсколько крейцеровъ... — проговорилъ надъ моимъ ухомъ хриплый, непріятный голосъ. — Извините, но мои сѣдины позволяютъ быть настолько неделикатнымъ, что...

Это былъ старикъ съ ранцемъ. Я только теперь замѣтилъ его большіе, темные глаза, глядѣвшіе насквозь съ такимъ страннымъ блескомъ. Онъ не протягивалъ руки, не корчилъ жалобной рожи, а требовалъ, какъ должнаго. Получивъ какую-то мелочь, онъ спокойно проговорилъ:

— А какъ вы полагаете, сколько мнѣ лѣтъ?

— Лѣтъ семьдесятъ...

— Извините-съ: ровно восемьдесятъ. Да-съ... Георгію Самсоновичу восемьдесятъ и мнѣ восемьдесятъ: по годамъ мы съ нимъ равны. Евангельскій богачъ и убогій Лазарь, а годы равны-съ... Не правда ли, какое странное совпаденіе-съ?.. Даже и не Лазарь, а самъ Іовъ въ дни его несчастія... Вы слыхали про заболотскаго полицеймейстера Неупокойникова? Нѣтъ? Жаль... Онъ къ вашимъ услугамъ.

Эта манера называть Мансвѣтова по имени и отчеству: Георгій Самсоновичъ — выдавала стараго проходимца головой. Выгнанный со службы сибирскій чинъ сказался въ двухъ словахъ. Дескать, и мы въ свое время были съ Георгіемъ Самсоновичемъ за панибрата, когда еще онъ и т. д. Это обычный пріемъ столичныхъ трактирныхъ жуликовъ и сибирскихъ чиновниковъ не у дѣлъ. Мнѣ лично такой оборотъ разговора очень не понравился, гораздо хуже того, что человѣкъ позаимствуетъ у васъ нѣсколько крейцеровъ. Русскій человѣкъ ужъ такъ устроенъ, что настоящему бѣдняку не подастъ, а вотъ такому субъекту посовѣстится отказать, и мнѣ было обидно за себя, что я не отказалъ полицеймейстеру Неупокойникову. Къ довершенію всего, старикъ отправился безъ стѣсненія прямо къ буфету третьяго класса и развязно потребовалъ рюмку водки. Оставалось ждать, какъ онъ заявится опять, дохнетъ прогорѣлымъ виномъ и фамильярно подсядетъ. Явилось даже малодушное желаніе куда-нибудь спрятаться, но это было невозможно: вокзалъ былъ невеликъ, а до поѣзда оставалось еще полчаса.

— Я тутъ у знакомаго попа гостилъ, а теперь пробираюсь въ Питеръ... — заговорилъ возвратившійся старикъ, дѣйствительно подсаживаясь ко мнѣ на дубовый диванчикъ. — Скитаюсь изъ страны въ страну... взыскующій града... да...

Я очутился въ довольно глупомъ положеніи, но потомъ подумалъ: что же, вѣдь онъ меня не съѣстъ въ эти полчаса. Пусть его поговоритъ, если хочется...

— Вы долго служили въ Заболотьѣ? — спросилъ я.

— Да порядочно-таки... И въ Восточной Сибири служилъ и въ Западной, а кончилъ Заболотьемъ. Очень любилъ я хорошихъ лошадей... Самъ выѣзжалъ. Да... Интересно, узнаетъ меня Георгій Самсоновичъ или не удостоитъ. Когда онъ вѣнчался, въ коляскѣ у него была заложена моя пара... Только выѣхали изъ церкви молодые, я ѣду впереди, какъ полицеймейстеръ, а кучеръ-ворона и распусти вожжи... ну, лошади понесли коляску, а я выскочилъ изъ своего экипажа и остановилъ. Тройку на полномъ ходу останавливалъ... Мы, казаки, около лошадей съ дѣтства, такъ оно привычное дѣло.

— Вы изъ какихъ казаковъ?

— А изъ Сибирскаго казачьяго войска. Какъ же, казакъ съ ногъ до головы. И землю свою имѣю, но только земля-то спорная. Ѣду хлопотать... Да. Такъ Георгій Самсоновичъ тогда меня на свадьбѣ изъ щеки въ щеку расцѣловалъ... Мы съ нимъ давно знакомы были, когда я еще тюремнымъ смотрителемъ на Чернорѣченскомъ заводѣ служилъ. Это рукой подать отъ Заболотья, и въ Чернорѣченскомъ заводѣ была каторга. Да... Упразднена въ 1863 году.

— Какой же это заводъ былъ?

— Винокуренный, казенный-съ... Это еще при откупахъ было. Нѣсколько такихъ заводовъ было въ Сибири, и казна сдавала ихъ въ аренду. Георгій-то Самсоновичъ и арендовалъ тогда Чернорѣченскій заводъ. Можно сказать, что тамъ были ихъ первые шаги... Потомъ ужъ они развернулись до необъятности. Еще и теперь въ Чернорѣченскомъ заводѣ на берегу три березки

стоятъ, а подъ ними Георгій Самсоновичъ любили вечеркомъ посидѣть и помечтать-съ. Да-съ... Подъ этими березками, можетъ-быть, какія мысли-то обдумывались?.. Я вамъ скажу прямо: Георгій Самсоновичъ геній... и я ихъ боготворю. Вчужѣ сердце радуется, и точно самъ молодѣешь... Вотъ какіе прежде-то люди были: орлы. Да-съ... И взглядъ орлиный имѣли, прямо сказать. Когда Георгій-то Самсоновичъ арендовали Чернорѣченскій заводъ, такъ рабочіе были все каторжные. Другіе въ кандалахъ у заторныхъ чановъ стояли... О чемъ я хотѣлъ сказать, позвольте...

— О Мансвѣтовѣ.

— Да, да... Извините, захлестываетъ у меня иногда, потому что и старъ, и дряхлъ, и обремененъ лѣтами. Дней же моего странствія въ сей юдоли плача восемьдесятъ лѣтъ... Говорилъ ужъ я, кажется? Да, такъ о Георгіи Самсоновичѣ рѣчь идетъ. Былъ такой случай у меня. Я смотрителемъ каторги былъ, такъ разъ ночью и докладываютъ, что въ общей камерѣ произошло убійство. Конечно, сейчасъ слѣдствіе, розыски, но ничего обнаружить невозможно. Извѣстно, каторжные... На слѣдующій день вызываю къ допросу всю камеру. Слѣдствія у насъ производились тутъ же, въ конторѣ. Ну, выстроили въ шеренгу человѣкъ двадцать такихъ подлецовъ, что картина. — „Знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ“... По старымъ судамъ это много помогало. Бьемся день, бьемся другой, а толку все нѣтъ. На третій день въ каторжную контору къ намъ и заверни Георгій Самсоновичъ... „Не нашли виноватаго?“ — Никакъ нѣтъ-съ! — „Эхъ, плохо вы слѣдствіе производите... Ну-ка, я не буду ли счастливѣе!“ Вышелъ это къ арестантамъ, обошелъ шеренгу, посмотрѣлъ на всѣхъ издали, а потомъ прямо къ одному подходитъ и прямо его по уху: — „Твоихъ рукъ дѣло, подлецъ!“ Могучій былъ человѣкъ, и никто не устаивалъ на ногахъ... Ну, арестантъ, извѣстно, свалился и сейчасъ на колѣни: „Виноватъ, ваше благородіе...“ Вотъ какой взглядъ былъ у человѣка!

— Да, дѣйствительно... взглядъ.

— И другой случай былъ... Это ужъ въ Заболотьѣ. У одного чиновника въ домѣ появились вдругъ духи. Все бьютъ, все ломаютъ, по ночамъ стукъ и трескъ — житья не стало. Хорошо-съ... А чиновникъ-то не маленькій, и, какъ семейный человѣкъ, конечно, ему непріятно. Узналъ про духовъ Георгій Самсоновичъ и говоритъ чиновнику: „Хорошо, я какъ-нибудь заѣду познакомиться съ твоими духами...“ А самъ смѣется... Признаться сказать, онъ тогда еще вольтерьянцемъ былъ и, какъ говорится, ни въ Бога ни въ чорта не вѣрилъ. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время пріѣзжаетъ онъ къ этому чиновнику. Осмотрѣлъ расположеніе комнатъ, разбитыя зеркала, печи, а потомъ и говоритъ: „Дѣйствительно, духи у васъ очень ужъ расшалились“. Чиновница тутъ же стоитъ и слушаетъ въ оба уха, а Георгій Самсоновичъ попросилъ ее выйти на минуточку и прислать няньку-старуху да горничную. Тѣ приходятъ, а Георгій Самсоновичъ къ нимъ и прямо: рразъ! рразъ! Ха-ха... Ну, конечно, сейчасъ же повинились бабенки. Крѣпостныя были и хотѣли барынѣ досадить. Такъ я и говорю: вотъ какой взглядъ былъ у прежнихъ людей. А нынче куда... даже, знаете, смѣшно говорить-съ.

— Маленькіе нынче люди...

— Нѣтъ, вы послушайте, что̀ дальше-то было... Эта самая горничная, которая духовъ изображала, — изъ-за нея я вотъ въ настоящемъ видѣ и очутился, — послѣ того, какъ пришла въ себя, отъ всего отперлась, ну, попала ко мнѣ въ лапы на предварительное дознаніе... хорошо-съ...

Свистокъ подходившаго поѣзда прервалъ разсказъ сибирскаго орла на самомъ интересномъ мѣстѣ.

II.

Поѣздъ подходилъ, медленно и тяжко сдерживая свое движеніе. Слышно было, какъ дрогнула земля. Публика изъ вокзала вышла на платформу. Нужно было видѣть, какимъ молодцомъ вытянулся жандармъ, какъ засуетился начальникъ станціи, а публика замерла, впившись глазами въ вагонъ перваго класса, гдѣ въ отдѣльномъ купэ ѣхалъ *онъ*. У публики есть инстинктъ угадывать присутствіе своего любимца: было два вагона перваго класса, но всѣ обратили вниманіе именно на второй. Онъ долженъ быть здѣсь... Сибирскій полицеймейстеръ, конечно, былъ впереди всѣхъ и, когда подходилъ поѣздъ, вытянулся во фронтъ и даже сдѣлалъ подъ козырекъ.

— Господа, не напирайте...

Большинство толпилось на платформѣ изъ любопытства, загораживая дорогу тѣмъ, кому нужно было явиться къ Мансвѣтову.

— Поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!..—надтреснутымъ теноркомъ выкрикивалъ кондукторъ, пробѣгая мимо линіи вагоновъ какой-то особенной дробной походкой, какъ ходятъ только половые въ московскихъ трактирахъ да вымуштрованная желѣзнодорожная прислуга.

Мансвѣтовъ такъ и не показался изъ вагона. „Нужные люди“ по очереди отправлялись къ нему на исповѣдь и быстро возвращались—магнатъ никого не задерживалъ. Сопровождавшая его свита подкрѣпилась въ буфетѣ и весело галдѣла на разныхъ языкахъ. Кого тутъ только ни было... У Мансвѣтова было золотое умѣнье распознавать людей, и разъ попавшій къ нему на службу могъ считать свою карьеру обезпеченной. Магнатъ не давалъ преимущества ни одной національности.

— Когда же я-то, господа?—растерянно спрашивалъ Неупокойниковъ, напрасно стараясь попасть въ очередь.

— Послушайте, господинъ, да вамъ зачѣмъ?

Старику пришлось ждать долго, но онъ таки-добился своего. Я видѣлъ, какъ онъ вышелъ назадъ, точно ошпаренный, и шелъ по платформѣ, машинально повертывая свое кэпи въ рукахъ. Какъ мнѣ показалось, у него на глазахъ были слезы.

— Не узналъ... нѣтъ, не узналъ...—бормоталъ онъ. — Конечно, гдѣ же узнать... столько лѣтъ...

Въ вагонѣ третьяго класса публики ѣхало не особенно много, такъ что на каждаго нашлась свободная лавочка. Я помѣстился у окна и смотрѣлъ на летѣвшую мимо ленту полей, перелѣсковъ, овраговъ и насыпей. Поѣздъ мчался съ особенной быстротой—машинистъ понималъ, что везетъ цезаря и его счастье. На одной изъ маленькихъ станцій Неупокойниковъ отыскалъ меня и подсѣлъ на сосѣдней лавочкѣ. Въ теченіе какого-нибудь часа онъ точно постарѣлъ на нѣсколько лѣтъ—сгорбился, съежился и даже какъ будто сдѣлался ниже. Водкой отъ него пахло попрежнему, но старческой молодцоватости не осталось и слѣда.

— Не узнали-съ...—заявилъ онъ съ грустной ноткой въ голосѣ и махнулъ рукой.—Да и гдѣ же узнать, помилуйте!.. Хуже...

— А что?

Старикъ оглянулся и хриплымъ шопотомъ добавилъ:

— Захожу-съ... Георгій Самсоновичъ полулежитъ на кушеткѣ... я ихъ сразу узналъ: одинъ взглядъ чего стоитъ. Конечно, года... ну, орелъ, однимъ словомъ. На лицѣ этакая усталость и нѣкоторая задумчивость... Я остано-

вился въ дверяхъ и только хотѣлъ отрекомендоваться, а они... Нѣтъ, совѣстно даже выговорить! Георгій Самсоновичъ этакъ вскользь взглянули на меня и трехрублевый билетъ подаютъ... Господи, что̀ же это такое?.. У меня даже горло сдавило, слова не могу сказать... Такъ и ушелъ, и деньги бросилъ: не могу. Отъ чужого возьму и даже самъ обращусь, а тутъ свой братъ... помилуйте, хлѣбъ-соль прежде водили...

— Онъ, просто, не узналъ васъ.

Старикъ опять оглянулся кругомъ, точно боялся засады, и уже на ухо мнѣ прошепталъ:

— Это я себя обманываю, что не узнали... Помилуйте, Георгій Самсоновичъ—да не узнаетъ! Этакій-то орелъ... Сразу узнали, а мнѣ совѣстно стало... за нихъ, что они притворились. Ей-Богу... У нихъ все, у меня ничего, и мнѣ же совѣстно. И вдругъ: трешницу... А я, признаться сказать, недѣли двѣ проживался по здѣшнимъ мѣстамъ, чтобы встрѣтить ихъ—послѣдняя надежда, можно сказать... Теперь уже все кончено: если Георгій Самсоновичъ отвернулись, то чего же ждать? Finita la comedia...

У старика опять выступили на глазахъ слезы, и онъ напрасно мигалъ красными опухшими вѣками, чтобы скрыть ихъ. Если женскія слезы возбуждаютъ сожалѣніе, то мужскія производятъ непріятное и жуткое чувство—нѣтъ, значитъ, выхода... Наступила пауза.

— Вы за что же собственно пострадали?—спросилъ я.

— А... что̀?..—точно проснулся Неупокойниковъ.—За что пострадалъ?.. Да очень просто, за эту горничную съ дуxами... Дѣйствительно: я шутить не любилъ, допросилъ ее собственноручно, а она и умри... кто же бы могъ подозрѣвать, что у простой дѣвки и вдругъ порокъ сердца?.. Тутъ ужъ на меня, имя рекъ, и налетѣли злые коршуны и давай щипать, и вотъ что̀ произвели: нагъ, сиръ, гладенъ и хладенъ.... Ну, отними все, возьми, но не дай въ конецъ погибнуть... да-съ. А то какъ уволили съ волчьимъ паспортомъ, по третьему пункту—и пропалъ. Находилъ и мѣсто и занятія, все ничего, а какъ дойдетъ дѣло до паспорта и увидитъ человѣкъ мой третій пунктъ—даже замычитъ. Да я самъ не принялъ бы самого себя никуда съ этакой рекомендаціей.

— Кажется, подобныя исторіи въ Сибири довольно обыкновенны, и пугаться третьяго пункта довольно странно.

— Да вѣдь Неупокойниковъ по третьему пункту уволенъ, а Неупокойникова вся Сибирь знаетъ, скажу не хвастаясь... Вѣрнѣе: знала. Вѣдь нужно сказать вамъ, какъ я жилъ: князь... принцъ... Только въ сказкахъ можно прочитать. Въ Заболотьѣ-то золотопромышленники и сивушные короли тогда развернулись... Господи, что̀ было, что̀ только было!.. Какіе люди, какое время... А горные инженеры? Представьте вы себѣ, что въ ничтожнѣйшемъ и жалкомъ городишкѣ вдругъ скопились десятки милліоновъ совершенно дикихъ денегъ... Великіе были люди: Аника Терентьевичъ, Титъ Поликарпычъ... да мало ли ихъ, всѣхъ не перечтешь. И мы съ Георгіемъ Самсоновичемъ перебрались: онъ свою линію повелъ, а я свою... Даже страшно выговорить: полицеймейстеръ въ Заболотьѣ. Силища... Я и на службу поступилъ по приглашенію отъ золотопромышленниковъ: знали меня еще на каторгѣ-то. Молодъ, красивъ, удалъ... Еще подходишь къ дамочкѣ, а она ужъ не знаетъ, куда сѣ дѣваться: сама не своя. Тройку на всемъ скаку останавливалъ... Нарочно за мной въ Чернорѣченскій заводъ изъ Заболотья посылали, потому что былъ еще у меня одинъ талантъ: русскія пѣсни никто лучше меня не умѣлъ пѣть. Развеселится компанія и за мной: спой, голубчикъ... Слушаютъ и плачутъ—вотъ какой голосъ Богъ даетъ человѣку. Да гдѣ же вы найдете другого

такого полицеймейстера?.. Ну, и попалъ сыръ въ масло: квартира первая въ городѣ, въ конюшнѣ двадцать лошадей, винъ цѣлый погребъ—и хлѣбосолъ и угодникъ. И вкусъ имѣлъ: ни одной хорошенькой вещички мимо не пропущу, вообще артистъ. И англійскій хрусталь, и китайская бронза, и японскіе лаки, и бухарскій шелкъ, и картины—все было. Домъ—полная чаша. Каждая горничная—пиши картину, а главный кучеръ—морское чудовище, ей-Богу. Голосина у него, у подлеца: какъ рявкнетъ на улицѣ—человѣкъ и оторопѣетъ. А больше-то всего любили меня, если говорить правду, за удаль... Вѣдь сторона дикая, народъ—варнакъ, ходи да оглядывайся, а у меня въ городѣ ни-гу-гу. Каждую ночь переодѣнусь въ полушубокъ, подвяжу бороду и вездѣ побываю. Только скажешь, бывало:—Неупокойникова знаешь?—„Виноватъ, вашескородіе". Былъ такой случай. По тракту разбойничалъ татаринъ Карагузъ. Мужчина пудовъ двѣнадцати вѣсомъ. Одинъ обозъ останавливалъ... А взять его не могли... Не въ моемъ онъ участкѣ разбойничалъ. Ну, меня и подразнили: „Неупокойниковъ, возьми-ка Карагуза, ежели смѣлъ".—Я? Голыми руками возьму... Признаться сказать, захвалился я: въ полѣ Никола Богъ, и татаринъ силищи непомѣрной. Хорошо-съ... Сказалъ слово, надо его держать. Нарядился купцомъ, посадилъ кучеромъ мальчишку и маршъ въ дорогу прямо на Карагуза, гдѣ онъ пошаливалъ... Ѣдемъ. Ночь волчья, снѣжокъ падаетъ. Лѣсъ по сторонамъ... Только обгоняетъ меня кошевая и поперекъ дороги,—извѣстная разбойничья замашка.—„Стой!.." Выскочилъ я и прямо къ нему: онъ, Карагузъ. Ну, я бормочу по-купечески:—„Возьми все, отпусти душу на покаяніе"... Понялъ, собака, съ кѣмъ дѣло имѣетъ—какъ размахнется желѣзной укрючиной, да какъ свистнетъ... А я увернулся по-казачьи, а укрючиной-то полу полушубка, какъ ножомъ, отрѣзало. Я ему, идолу, подъ ноги брошусь, тоже наша казачья ухватка, онъ черезъ меня, какъ дерево дубовое, а я на него... Выхватилъ укрючину-то и укомплектовалъ. Самъ привезъ еле [illegible] а Карагузъ на второй день и душу своему Аллаху отдалъ. Купцы тог[illegible] подпискѣ серебряный сервизъ мнѣ поднесли, а Георгій Самсоновичъ пуб[illegible] расцѣловали. Все у меня было, и ничего больше не желалъ, а и тогда [illegible] клонялся передъ Георгіемъ Самсоновичемъ, котораго почиталъ за генія... И вдругъ изъ-за этой самой горничной все прахомъ. Пошли суды да слѣдствія, и я точно растаялъ... Даже удивительно, какъ всего общипали эти желѣзные носы, всего, по перышку. Ничего не осталось, кромѣ третьяго пункта...

Разсказчикъ даже глаза закрылъ, видимо, прислушиваясь къ звуку собственныхъ словъ.

— А давно все это было?—спросилъ я.

— Да ужъ порядочно... Теперь ужъ лѣтъ тридцать, какъ я на волчьемъ положеніи... Сегодня вотъ привелъ Господь принять послѣднее поношеніе... обидно... Что̀ стоило Георгію-то Самсоновичу воскресить человѣка? Вѣдь всего одно слово—возродился бы изъ праха.

1888.

ГЛАВНЫЙ БАРИНЪ.

I.

Каждый разъ, подъѣзжая къ лѣсной деревушкѣ Грязнухѣ, засѣвшей въ глухомъ лѣсномъ углу, я испытывалъ особенное чувство, которое трудно назвать: это былъ край свѣта, совершенно особый міръ, страничка изъ русской исторіи XVII столѣтія. Гдѣ-то тамъ далеко творились чудеса цивилизаціи, гдѣ-то складывались громадные промышленные центры, открывались новые пути, дѣлались великія открытія, совершались страшныя кровопролитія, а Грязнуха оставалась все такой же Грязнухой, чуждая и чудесамъ, и открытіямъ, и кровопролитіямъ. Около двухъ лѣтъ назадъ пришелъ какой-то поселщикъ Евстратъ, темный человѣкъ, скрывавшійся, вѣроятно, отъ какого-нибудь московскаго розыска, высмотрѣлъ глухое мѣстечко на гнилой рѣчонкѣ Грязнухѣ и здѣсь осѣлъ. Это былъ корень, изъ котораго выросла нынѣшняя деревня—въ ней всѣ жители носили одну фамилію Евстратовы, по родоначальнику. Чужой человѣкъ удивился бы, что деревня Грязнуха засѣла въ болотѣ, когда всего въ верстѣ отъ нея великолѣпное свѣтлое озеро Вежай съ такими удобными берегами для селитьбы, но родоначальникъ Евстратъ поселился именно въ болотѣ, какъ скрывается по чащамъ и зарослямъ травленый волкъ,—ему нужно было укрыться отъ грознаго государева ока. И Евстратъ не ошибся: онъ не только сохранилъ свою личную неприкосновенность, но вывелъ цѣлую семью, и теперь „Евстратовыхъ“ дворовъ тридцать. Деревенская косность сохраняла за собой родительское мѣсто и ни за что не хотѣла уходить къ озеру: не сами, по родителямъ. Самое интересное было то, что сама по себѣ Грязнуха рѣшительно была никому не нужна и сама ни въ комъ не нуждалась. Мимо нея никто и никуда не ѣздилъ, не было здѣсь никакого торжка—однимъ словомъ, какъ есть ничего, и всѣ эти Евстратовы жили навѣрно такъ же, какъ жилъ ихъ родоначальникъ Евстратъ. Сюда не проникли даже такіе всеразрушающіе элементы, какъ самоваръ-тулякъ и линючіе московскіе ситцы. Всѣ ходили въ домотканной пестрядинѣ, носили домотканную сермягу, укрывались своей домашней овчиной. Большинство бабъ нигдѣ за предѣлами Грязнухи не бывали и боялись всего, что̀ было за этими предѣлами,—это былъ родительскій страхъ. Бывальцами въ Грязнухѣ считалось двое мужиковъ—отставной солдатъ Македошка, отчаянный пьяница, и охотникъ Сысой, возившій набитую на оз. Вежаѣ дичь въ городъ. Они являлись исключеніями, и коренные, настоящіе грязнухинцы относились къ нимъ съ большимъ недовѣріемъ, какъ къ людямъ испорченнымъ и зараженнымъ.

Мнѣ случалось раза два въ лѣто пріѣзжать въ Грязнуху съ спеціальной цѣлью поохотиться на гусей, укрывавшихся по „ситникамъ“ и „лавдамъ“

озера Вежая. Ситникъ—высокая и жесткая озерная трава, похожая на камышъ; ею зарастаютъ озерные берега на большое пространство, иногда въ нѣсколько верстъ. Изъ ситника же образовались живые плавучіе острова—это и есть „лавы“. Озеро Вежай разлеглось въ своихъ лѣсистыхъ берегахъ на нѣсколько верстъ, и въ его ситникахъ можно было заблудиться. Дѣло въ томъ, что въ береговыхъ заросляхъ пробиты узкіе ходы, по которымъ съ трудомъ можно было пробраться только на лодкѣ-душегубкѣ. Эти ходы такъ запутаны, что неопытный человѣкъ могъ по нимъ блуждать нѣсколько дней, какъ по лабиринту, и все-таки не выбрался бы на открытое озеро. Легенда говорила о двухъ такихъ охотникахъ, погибшихъ въ ситникахъ. Зато для дикой птицы здѣсь настоящее приволье, и она плодилась здѣсь массами. Гусь—сторожкая, умная птица и не будетъ вить гнѣзда въ сомнительномъ мѣстѣ, а здѣсь гуси вились изъ года въ годъ, и ихъ покой нарушалъ только одинъ Сысой.

Итакъ, я подъѣзжалъ въ осенній денекъ къ Грязнухѣ съ тѣмъ чувствомъ, какъ будто погружался въ глубины XVII столѣтія. Стояли свѣтлые сентябрьскіе дни „бабьяго лѣта“. Узкая проселочная дорога была избита до невозможности, и мой дорожный коробокъ дѣлалъ какія-то судорожныя движенія, точно его била жестокая лихорадка—пенье, коренье, каменье и непролазныя великія „грязи“, какъ писали приказные изъ Москвы.

— А застанемъ мы Сысоя дома?—спросилъ я своего возницу, начиная испытывать безпокойство.

— Куды ему дѣться-то, Сысою?—увѣренно отвѣтилъ бывалый городской человѣкъ.—Извѣстно, дома...

Тоже особенность Грязнухи: всегда и всѣ были дома, слѣдовательно и Сысой долженъ быть дома.

У Грязнухи никакого вида не было, какъ у другихъ деревень. Просто болото, а въ болотѣ разсажались безъ всякаго плана десятка три избъ, да и тѣ, по русскому обычаю, задами къ рѣкѣ. Изба Сысоя стояла въ сторонѣ. Мы къ ней и подкатили, обративъ на себя вниманіе одной только собаки Соболя, рвавшейся на цѣпи. Сысой, дѣйствительно, оказался дома. Въ избѣ сидѣлъ еще гость, солдатъ Македошка. Меня удивило съ перваго раза то, что Македошка сидѣлъ у стола и пилъ водку,—время самое неуказанное для такого занятія. Самъ Сысой налаживалъ старую мережку и оставался только благороднымъ свидѣтелемъ. У печки возилась съ ухватомъ его жена, сердито поглядывавшая на загулявшаго солдата. Когда я вошелъ, Македошка посмотрѣлъ на меня презрительно прищуренными глазами и даже сплюнулъ на сторону, точно отгоняя какую-то неблагочестивую мысль.

— Ахъ, братецъ ты мой...—проговорилъ онъ наконецъ, крутя головой.—Д-даа... Какъ вы насчетъ этого самаго полагаете, городской господинъ?.. Ахъ, братецъ ты мой...

Я ничего не могъ полагать относительно „этого самаго“, и Македошка еще разъ плюнулъ, причмокнулъ по-пьяному и провелъ рукой по лицу, точно не могъ проснуться отъ какого-то сна. Меня удивило гордое настроеніе солдата, тѣмъ болѣе, что раньше онъ всегда отличался заискивающей угодливостью спившагося человѣка.

— Ты бы, Македошка, шелъ домой,—предложилъ Сысой.—Только духу напустилъ своимъ винищемъ...

Вмѣсто отвѣта Македошка хрипло засмѣялся, а потомъ торопливо хлопнулъ стаканъ водки и проговорилъ:

— Баушка-то, значитъ, Домна... х-ха!.. Маланья, ты бы провѣдать ее сходила... Рѣшилась баушка-то. Совсѣмъ какъ полоумная ходитъ. Вѣрно...

— И то рѣшилась...—отвѣтила сердито Маланья, гремя ухватомъ.— Этакое счастье Господь послалъ.

— Деньги куда-то спрятала, а сама все яйца считаетъ... х-ха... А кто руководствовалъ все дѣло? Все я, Македошка... На, получай, да не поминай лихомъ Македошку. Ахъ, братецъ ты мой...

— А Ермилку ты же научилъ?—спросилъ Сысой, оставляя работу.

— Ну, Ермилка-то другого поучитъ... Онъ, братъ, сразу привѣсился. Шеснадцать цѣлковыхъ, и тому дѣлу конецъ. Значитъ, два раза самоваръ наставляли, да вечеромъ перемени сдѣлали — только и всего. Новую лошадь, слышь, покупаетъ на эти деньги... Вотъ онъ какой, Ермила-то!.. Ахъ, братецъ ты мой... А баушка Домна рѣшилась ума, вѣрно. Давѣ я заходилъ къ ней, такъ она забилась въ уголъ и отъ меня этакъ рукой: „Уйди, солдатъ! Уйди, грѣхъ!“ Х-ха...

Македошка допилъ водку, еще разъ съ презрѣніемъ посмотрѣлъ на меня, какъ-то фыркнулъ и, не простившись ни съ кѣмъ, вышелъ изъ избы. Онъ былъ мертвецки-пьянъ, хотя и держался еще на ногахъ. Видимо, онъ пилъ уже не первый день.

— Форсунъ...—сердито ворчала Маланья, когда дверь за солдатомъ затворилась.—Непутевая голова.

Сысой политично молчалъ. Очевидно, что случилось что-то, и случилось очень важное, а Сысой былъ обстоятельный мужикъ и не любилъ болтать зря. Это былъ средняго роста плечистый мужикъ въ полной порѣ. Я часто любовался этой [illegible]й мужицкой силой и какой-то особенной цѣльностью каждо[illegible]го движенія. Охота для Сысоя служила только подспорьемъ, а по существу онъ былъ исправный работящій мужикъ, что рѣдко встрѣчается [illegible] Благообразная русая борода, каріе умные глаза, степенныя [illegible]ло въ его пользу. И баба у него была славная. Все [illegible] сдѣлать и мужа обряжала съ деревенскимъ достаткомъ — все на Сысоѣ было крѣпкое своей домашней крѣпостью. Я замѣтилъ, что въ Грязнухѣ случилось что-то необычайное, что всѣхъ волновало и приводило въ нервное настроеніе, особенно жену Сысоя. Спрашивать прямо я не хотѣлъ, потому что по-деревенски это было бы безтактностью.

— Поѣдемъ на охоту?—спросилъ я Сысоя.

— Поѣдемъ...

Онъ отвѣтилъ неохотно,—видимо, ему было не до гуссй. Признакъ былъ плохой.

Когда мы собирались выйти изъ избы, въ окнѣ показалась голова Македошки. Маланья даже вздрогнула. Солдатская рожа прильнула къ оконному стеклу и хрипло хихикнула.

— Ахъ, братецъ ты мой... — бормоталъ онъ. — Сейчасъ былъ у баушки Домны... х-ха... То ли еще будетъ... Постой!..

Солдатъ даже погрозилъ кому-то кулакомъ. Когда мы съ ружьями вышли на улицу, Македошка съ гиканьемъ пронесся мимо насъ на неосѣдланной лошади.

— Сбѣсился, крупа,—ворчалъ Сысой, вскидывая на плечо свое ружье.

II.

До озера отъ Грязнухи было всего версты полторы. Мы свернули съ дороги и шли тропой, пробитой по болоту въ мелкомъ „карандашникѣ“, т.-е. мелкой болотной поросли изъ вербы, золотушной болотной березы-карлицы и

ольхи. Сысой молчалъ. На низкомъ песчаномъ мысу мы нашли лодку. Вода въ озерѣ была совсѣмъ темная,—рыбаки называютъ осеннюю воду тяжелой и увѣряютъ, что именно поэтому осенью и не бываетъ крупной волны, какъ въ Петровки, когда вода легкая. Когда мы уже садились въ лодку, я обратилъ вниманіе на валявшіяся пустыя жестянки изъ-подъ консервовъ.

— Кто-то пріѣзжалъ на охоту?—попробовалъ я догадаться.

— Нѣтъ... нѣтъ...—уклончиво отвѣтилъ Сысой, отпихивая лодку отъ берега.—Наѣзжали господа...

— Слѣдователь?

— Нѣтъ... Какъ ихъ назвать—не умѣю. Однимъ словомъ, чугунку намъ хотятъ налаживать.

— А...

Для меня теперь сдѣлалось ясно все, начиная съ пьянства Македошки и кончая нервнымъ настроеніемъ Маланьи. Сысой молча выгребалъ весломъ. Лодка летѣла стрѣлой, дѣлая судорожныя движенія при каждомъ взмахѣ. Мы перекосили озеро къ дальнимъ лавдамъ. Отъ праваго берега чинно отплыла чета лебедей съ парой лебедятъ,—на Уралѣ эту птицу не бьютъ, какъ не бьютъ голубей. Она еще пользуется привилегіей заповѣдной птицы, которую убивать грѣшно. Гдѣ-то изъ ситниковъ снялась утиная стая и со свистомъ пронеслась высоко надъ нашими головами.

— Птица грудиться стала...—объяснилъ Сысой.—Теперь молодыхъ учатъ на отлетъ. Сильно теперь сторожатся.

Мы забрались въ ситники, и скоро ничего не осталось, кромѣ двухъ зеленыхъ стѣнъ по сторонамъ да неба надъ головой. Ситники въ корнѣ уже пожелтѣли, а жесткіе зеленые листья шелестѣли какъ-то по-мертвому, какъ шелеститъ высохшая осенняя трава. Не было того зеленаго живого шума, которымъ полонъ лѣсъ въ лѣтнюю пору. И вода тоже была мертвая и какъ-то по-мертвому расходилась жидкими морщинами, точно это были конвульсіи.

Охота какъ-то не задалась. Въ двухъ мѣстахъ гуси снялись раньше, чѣмъ мы ихъ замѣтили, потомъ мое ружье сдѣлало осѣчку, потомъ Сысой „промазалъ“ то кряковой. Онъ только плюнулъ и бросилъ ружье въ лодку. Что̀ уже тутъ хлопотать, когда не везетъ. Внутренно я обвинялъ его въ этихъ неудачахъ, потому что, видимо, онъ сегодня относился къ дѣлу съ самымъ обиднымъ индифферентизмомъ, а когда нѣтъ священнаго охотничьяго жара—все равно ничего не выйдетъ. Въ результатѣ оказались убитыми два несчастнымъ чирка, одна кряковая утка и гагара—послѣднюю Сысой убилъ отъ злости, чтобы разрядить ружье.

— Ну что̀ же, остается ѣхать домой,—замѣтилъ я, подавляя въ себѣ справедливое негодованіе.—Какая это охота...

Сысой только тряхнулъ головой.

— Домой выворотимся?—спросилъ онъ точно въ свое оправданіе.

— Выворотимся...

Оставалось для полноты неудачи заблудиться въ лавдахъ, и это произошло. Сысой перепуталъ какой-то проходъ, и намъ пришлось плавать по ситникамъ битый часъ. Эта послѣдняя неудача сконфузила его, и онъ энергично выругался.

— Ахъ, братецъ ты мой!..—ворчалъ Сысой, загребая весломъ.—Вѣдь вотъ поди ты, притча какая... а?.. Н-нуу...

Обернувшись ко мнѣ и пустивъ лодку по вѣтру, Сысой заговорилъ съ тою особенною быстротой, когда является потребность выгрузить наболѣвшія мысли.

— Что у насъ дѣлается, баринъ... А-ахъ, братецъ ты мой! Вся деревня ума рѣшилась. Ходимъ, какъ пьяные... То-есть такое дѣло, такое дѣло!.. Вонъ баушка Домна совсѣмъ спятила съ ума... Видите ли, какъ оно все вышло. Народъ, прямо сказать, отъ пня, ничего не понимаетъ. Живемъ въ лѣсу... А тутъ вдругъ пали до насъ слухи: ведутъ чугунку и прямо на насъ. Ну, ведутъ, такъ ведутъ... Наше дѣло—сторона. И что бы ты думалъ, братецъ ты мой? Устигла она насъ, чугунка, значитъ, и еще какъ устигла... Первое дѣло, слышимъ мы, что партія уже въ Матвѣевой, это гдѣ Ермила живетъ... Тамъ у нихъ село и, значитъ, кабакъ, и, значитъ, Македошка тамъ руководствуетъ въ лучшемъ видѣ. Только этотъ разъ глядимъ, а Македошка на своей собственной лошади ѣдетъ и пьяный-препьяный, и пѣсни оретъ. Избенка у него завалящая, женушка непутевая, хозяйство—ухватъ да вилы, тутъ прямо на своей лошади. Пріѣхалъ онъ это и бахвалится: „народы, гритъ, озолочу!“ Извѣстно, непутевый человѣкъ, зря оретъ. Однимъ словомъ, озорникъ... Хорошо. Вотъ онъ намъ тутъ и разсказалъ про это самое дѣло. Гритъ, пришла это партія въ Матвѣево и сейчасъ, напримѣрно, начальникъ: самоваръ. А самоваръ-то только у Ермилы... Справный мужикъ, свой кабакъ содержитъ. Хорошо. Выпили господа самоваръ, а потомъ ѣсть захотѣли. А какая въ деревнѣ ѣда? Ну, тутъ Ермила опять свою линію, настряпала своинная хозяйка перменей и подаетъ. На утро опять самоваръ... А потомъ баринъ и говоритъ: „Сколько тебѣ слѣдоваетъ, милъ человѣкъ?“ Ну, Ермила-то и ахнулъ: шестнадцать цалковыхъ... Тоже совѣсть у человѣка. На полтину всего-то добра справилъ, а онъ вонъ какъ завернулъ... Тоже и языкъ повернется у человѣка. Вѣдь заплатилъ баринъ-то, слова не молвилъ. А Македошка, значитъ, тутъ же толчется и все смотритъ... Однимъ словомъ, песъ кабацкій. И сейчасъ, напримѣрно, Македошка къ партіи пристроился, партія идетъ—и Македошка идетъ. Отъ Матвѣевой-то до насъ верстъ съ сорокъ, ну и идутъ. Партія идетъ позади, а главный баринъ попередъ. Мѣстовъ не знаютъ, ну, а тутъ пересылку надо сдѣлать—опять Македошка тутъ же. Баринъ-то и лошадь ему далъ: ѣзди, ищи. Ну, Македошка и ѣздитъ, а поденщина ему три цалковыхъ. Это какъ по-вашему?.. Въ мѣсяцъ ему такихъ денегъ никто не дастъ... Хорошо. Только ѣздилъ-ѣздилъ такимъ манеромъ Македошка, напился какъ-то, да пьяный прилегъ къ огню и бокъ себѣ спалилъ. Самъ-то чуть не сгорѣлъ, окаянная душа... Хорошо. И что бы ты думалъ, какую штуку укололъ онъ, Македошка? Горѣлъ-то онъ въ партіи, ну, начальникъ, который при партіи, и пожалѣлъ его, пса, значитъ, далъ шесть цалковыхъ: ступай, выздоравливай. А Македошка ужъ весь скусъ узналъ и прямо къ главному барину: такъ и такъ, чуть живота не рѣшился. А главный баринъ добрѣющій и сейчасъ, напримѣрно, добываетъ четвертной билетъ и даетъ Македошкѣ. На, не поминай лихомъ... И сейчасъ Македошка купилъ себѣ лошадь и прямо къ намъ въ Грязнуху пригналъ. Сбѣсился человѣкъ... Слова у него пустыя, осатанѣлъ... Ѣздитъ по деревнѣ и оретъ: „всѣхъ озолочу!“.

Сысой тяжело перевелъ духъ, еще разъ переживая все, что произошло.

— Нѣтъ, что онъ сдѣлалъ, опять Македошка этотъ самый... Прожилъ этакъ дня съ два, деньги пропилъ и сейчасъ жену научилъ. Пошла она прямо къ главному барину, сейчасъ въ ноги, сейчасъ завыла: такъ и такъ, мужъ померъ... Запалилъ себѣ бокъ и померъ. Тутъ главный баринъ опять ей четвертной билетъ прямо въ зубы, только не реви. Ну, воротилась она въ Грязнуху и деньги своему солдату принесла... Вотъ какое дѣло, баринъ. То-есть никто ума не приложитъ... Хорошо. Только дошла партія и до нашей Гряз-

нухи, а вотъ, того, и самъ главный баринъ пріѣхалъ. Ничего, хорошій баринъ—глазъ у него веселый, играетъ и все посмѣивается. Извѣстно, ежели денегъ у него неотсчетная труба, ну и уважаетъ свой карахтеръ. Пожилъ у насъ онъ два съ два... да... И нагляделись мы. Ахъ, что только было, братецъ ты мой! Деньгами такъ и сыплетъ: на, получай. Македошка тогда и научилъ бабушку Домну: „ступай, бабушка, яйца продавать барину и проси съ него за десятокъ четыре цалковыхъ". Ну, побѣжала старуха, показываетъ яйца, а баринъ ей сейчасъ деньги... Что же это такое, а?.. По нашей-то цѣнѣ всего восемь копеекъ они стоятъ, да и то некому продавать... По осени вонъ я цыплятъ вожу въ городъ, такъ по пятачку плачу за штуку. Помутилась вѣдь умомъ старуха, потому какъ и въ жисть свою такихъ денегъ не видывала... Другія бабы завидуютъ ей и поѣдомъ ѣдятъ. А главное — никто ничего не понимаетъ, какъ и что...

— А Македошка?

— У Македошки ошибочка вышла съ барномъ... Разлакомился ужъ очень, песъ. И стыда никакого... Баринъ въ Грязнуху, а онъ сейчасъ къ барину.—„Да вѣдь ты померъ?"—„Никакъ нѣтъ, ваше высокое благородіе". И сейчасъ, напримѣрно, говоритъ: „пожалуйте, гритъ, за безчестье четвертной билетъ"... Ну, тутъ ужъ главный баринъ разстервенился и прямо Македошку въ шею... Ахъ, что только было, братецъ ты мой, что было!.. Всѣ мужики-то какъ оммороженые сдѣлалисъ, такъ и рвутъ... Ну, а потомъ партія ушла дальше, главный баринъ уѣхалъ, а мы вотъ остались опять на прежнемъ положеніи. Будемъ ждать чугунки...

Положеніе Грязнухи, дѣйствительно, было критическое. Изъ своего семнадцатаго вѣка она прямо перешагнула въ самый конецъ девятнадцатаго. Одно появленіе „главнаго барина" перевернуло сразу все вверхъ дномъ. Трущоба проснулась, а имѣющая выстроиться желѣзная дорога докончитъ остальное.

Я уѣзжалъ изъ Грязнухи съ тяжелымъ чувствомъ, какъ отъ трудно-больного, котораго не надѣешься увидѣть въ слѣдующій разъ. Прощай и озеро Вежай, и гуси, и вся обстановка семнадцатаго вѣка...

1893.

ЗВѢРСТВО.

Лѣтніе эскизы.

I.

Горячій лѣтній день. Рѣка точно застыла. Изнемогающія отъ зноя собаки напрасно ищутъ спасительной тѣни по разнымъ заугольямъ. Красиво дремлетъ на крутомъ берегу кучка домиковъ, спрятавшихся на вѣковомъ бору. У самой воды вытянулось деревянное зданіе, гдѣ чающіе исцѣленія пьютъ желѣзную воду и принимаютъ ванны. Это — провинціальныя „минеральки", забравшіяся на сибирскую сторону Урала. Мѣстное названіе—Курьи. Публика уже привыкла къ нимъ и охотно ихъ посѣщаетъ, особенно благодаря удобствамъ, которыя доставляетъ Уральская желѣзная дорога, — по ней до водъ рукой подать. Скептики клятвенно увѣряютъ, что курьинская вода не содержитъ ни одного атома желѣза, а вѣрующіе доказываютъ, что вода прекрасно дѣйствуетъ. Мы знаемъ только то, что Курьи очень многимъ помогли, что они доступны самымъ небогатымъ людямъ, и что наконецъ нѣсколько деревень живутъ недурно, благодаря „наѣзжающимъ господамъ". Въ зной публика прячется по квартирамъ или бродитъ по парку, и только самыя неугомонныя и точныя курсовыя дамы торопливо пробираются къ ваннымъ. Мнѣ не помогутъ никакія воды, но я вѣрю въ животворящую силу солнца и по цѣлымъ часамъ брожу на припекѣ. Солнце—все, оно податель жизни, главный двигатель, и есть основаніе подозрѣвать, что оно же и починиваетъ многое, что̀ мы, по свойственному одному человѣку безразсудству, такъ послѣдовательно и упорно разстраиваемъ. Но наше сѣверное солнце — скупое, и приходится дорожить каждымъ солнечнымъ днемъ. Итакъ, я иду по самому открытому мѣсту; зной такъ и пышетъ. Сдѣлавъ опредѣленный кругъ по крутому угору, спускаюсь къ рѣкѣ и по пыльной дорогѣ иду къ парку, гдѣ такъ хорошо отдохнуть сейчасъ.

Территорія собственно водъ отдѣлена отъ крестьянской земли деревянной изгородью. У главнаго въѣзда воротникомъ стоитъ слѣпой парень, который молча кланяется каждому прохожему. На водахъ парень уже свой человѣкъ. Мнѣ нравится въ немъ извѣстное спокойствіе: онъ не пристаетъ къ прохожимъ, не канючитъ и принимаетъ милостыню, какъ должное. Пріѣзжихъ въ лѣто набирается нѣсколько сотъ, и если каждый подастъ всего одинъ пятачокъ, то получится изрядная сумма. Слѣпой парень, видимо, спокоенъ за свое существованіе, тѣмъ болѣе, что у него въ рукахъ призракъ нѣкоторой должности—онъ затворяетъ ворота, чтобы не пускать въ паркъ жадную деревенскую скотину. Нужно видѣть тревогу этого слѣпого лица, когда со стороны деревни послышится торопливый топотъ бойкихъ овечьихъ ногъ. Овца не ко-

рова, такъ и норовитъ прорваться черезъ заповѣдную грань, и слѣпой ужасно волнуется, когда почувствуетъ приближеніе вороватой твари. Не стало ей, подлой, травы въ полѣ, такъ нѣтъ, давай пролѣзу еще въ паркъ... Я иногда разговариваю съ слѣпымъ человѣкомъ, который узнаётъ меня по шагамъ.

— Да вѣдь много ходитъ людей мимо, какъ же ты узнаёшь?—спрашиваю я.

— Пріобыкъ, а потомъ въ жару ты одинъ ходишь... Я вотъ тоже на солнышкѣ-то люблю... во какъ жаритъ!..

Въ описываемый день я еще издали увидѣлъ своего знакомца слѣпого въ большой ажитаціи. Онъ размахивалъ руками и громко ругался съ какимъ-то мужикомъ, который понуро сидѣлъ у самыхъ воротъ.

— Уйди отъ грѣха! — кричалъ парень и пробовалъ стащить за руку упрямаго мужика.—Мое мѣсто... Ишь, выискался тоже, ловчакъ... Проваливай, говорятъ...

— А ты не тронь...—какъ-то равнодушно отвѣчалъ мужикъ, продолжая сидѣть. — Жаль тебѣ мѣста-то, ироду?

— Уйди отъ грѣха... Тебѣ говорятъ...

Единственной свидѣтельницей этой сцены была босоногая и бѣлоголовая крестьянская дѣвочка лѣтъ семи, которая стояла посреди дороги и съ дѣтскимъ любопытствомъ ждала, что̀ будетъ дальше. Мои шаги заставили воевавшаго слѣпца утихнуть, — нехорошо при постороннемъ-то баринѣ ругаться. Когда я подошелъ совсѣмъ близко, дѣло разъяснилось: сидѣвшій мужикъ также былъ слѣпой, слѣдовательно являлся конкурентомъ нашему курсовому слѣпцу. Это была профессіональная ненависть, какъ бываютъ профессіональные пороки и добродѣтели и даже профессіональная честь...

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я, останавливаясь.

— Гонитъ, — коротко отвѣтилъ слѣпецъ-чужакъ. — И что̀ я ему помѣшалъ? Слава Богу, сбоимъ мѣста хватить и еще даже отъ насъ останется...

— Да вѣдь я тутъ который годъ?—заспорилъ курсовой.—Я при должности состою... Обыщи себѣ свое мѣсто и сиди. Небось, я не полѣзу къ тебѣ...

Курсовой слѣпой отемнѣлъ еще въ дѣтствѣ, можетъ-быть, онъ и родился „темнымъ“, такъ что его еще молодое лицо приняло типичный отпечатокъ неподвижности. Слѣпецъ-чужакъ являлся уже калѣкой: все лицо у него было обезображено, а вмѣсто глазъ оставались какія-то дыры. Но по подвижности этого обезображеннаго лица можно было предположить, что онъ такимъ сдѣлался сравнительно недавно.

— Какъ же быть въ самомъ-то дѣлѣ?..—вслухъ подумалъ я.

— Гонитъ яво,—проговорила дѣвчонка, очевидно, принимавшая сторону чужака, котораго и привела.

— А такъ и будетъ: сяду и буду сидѣть, — равнодушно отвѣтилъ мужикъ.—Ежели разобрать, такъ мнѣ здѣсь самое настоящее мѣсто... Что̀ тебѣ: одинъ, какъ перстъ, а у меня семейство, поди, въ деревнѣ-то осталось. Себя воспитывай, да еще ребята... это какъ по-твоему?

— Отъ себя отемнѣлъ, такъ нечего и жалиться,—уязвилъ курсовой слѣпецъ.—А я урожденный... моей причины никакой не было... Господь нашелъ.

— И меня Господь нашелъ, — спорилъ чужакъ.—Еще какъ нашелъ-то!

— Ты недавно ослѣпъ?—спросилъ я, заинтересованный этимъ споромъ.

— А второй годъ... По своей, значитъ, винѣ принялъ наказаніе Божіе,— съ покорнымъ равнодушіемъ отвѣтилъ онъ.—Съ землякомъ мы, значитъ, домой обращались, съ заработковъ... Идемъ это къ себѣ въ деревню, остается еще верстъ со сто. Извѣстно, прохарчились, обносились, устали. Я и говорю товарищу-то: — „Скажемся бродягами“... Это чтобы за тепло не платить и за

харчи. Добрые люди бродяжекъ даромъ пропитаютъ... значитъ, для своей души спасенія... Хорошо. Сказались мы бродягами... Понаило намъ сразу: тутъ покормятъ, тамъ пятачокъ подадутъ... А насъ уже изъ совѣсти совсѣмъ вышибло! Набрали мы денегъ да въ кабакъ, да еще съ собой полуштофъ водки... Приходимъ такимъ манеромъ въ деревню и ужъ смѣло въ крайнюю избу: такъ и такъ, бродяги. Хозяинъ видитъ, что безсовѣстные—только бы отвязаться отъ дорогихъ гостей. То-се, собрали на столъ поѣсть, а мы полуштофъ свой расчали... Поѣли, выпили и пошли дальше: сыты, пьяны... Только этакъ отошли мы верстовъ съ пять, а землякъ-то и говоритъ. „Эхъ, говоритъ, посудину напрасно оставили. Воротимся“... Ну, идемъ мы это назадъ къ деревнѣ, а тамъ дымъ столбомъ: горитъ деревня-то лѣтнимъ дѣломъ. Только мы увидали дымъ, а навстрѣчу ужъ мужики бѣгутъ... „Вотъ, кричатъ, поджигатели бродяги..“ Ну, какой тутъ разговоръ: цымали насъ и давай бить смертнымъ боемъ... Били-били, приволокли на пожарище и хотѣли въ огонь бросить, да раздумали: кто-то притащилъ купороснаго масла, да купоросным масломъ насъ и облили... Ну, конечно, мы безъ памяти стали, а они, мужики-то, на телѣгу насъ да къ чужой деревнѣ и подбросили. Тутъ ужъ насъ обыскали, значитъ, и по начальству предоставили. Въ земскомъ лазаретѣ выдѣчили... А потомъ мужиковъ-то, которые насъ отемнили купоросным масломъ, въ судѣ судили и въ Сибирь засудили. А намъ развѣ отъ этого легче? И наши семьи засиротѣли, да и у тѣхъ тоже... Обязали ихъ будто воспитывать насъ, а какое воспитаніе, когда у самихъ ничего нѣтъ... Вотъ какое дѣло, баринъ!.. За чужую милостыню насъ Господь нашелъ...

Вечеромъ, проходя воротами, я опять увидѣлъ только одного курсового слѣпца, а чужака не было.

— Гдѣ тотъ, давешній-то слѣпой?

— А ушелъ...

— Куда ушелъ?.

— Кто ево знатъ... Ушелъ куды-то.

II.

Ровно черезъ недѣлю я встрѣтилъ слѣпца-чужака на станціи Уральской желѣзной дороги Богдановичъ.

Онъ пытался попасть на поѣздъ, но безъ билета его не пускали: желѣзная дорога не богадѣльня... Онъ такъ и остался на вокзалѣ съ протянутой рукой. Не нашлось настолько щедраго благодѣтеля, который заплатилъ бы за его проѣздъ „до города“. Это была совершенно безполезная попытка прорваться въ такое мѣсто, гдѣ слѣпой человѣкъ можетъ разсчитывать на щедрое подаяніе: его изъ города высылали уже нѣсколько разъ „по мѣсту жительства“.

Въ вагонѣ третьяго класса, гдѣ, вмѣстѣ со мной, возвращались съ водъ изъ Курей еще нѣсколько курсовыхъ, зашелъ разговоръ о несчастномъ человѣкѣ. Одни жалѣли его, а другіе порицали. Особенную жестокость проявилъ благообразный сѣденькій старичокъ, повидимому, дышавшій голубиной кротостью.

— Такъ и слѣдуетъ ихъ, варнаковъ, — повторялъ онъ настойчиво:—не притворяйся бродягой... Милостыню-то не имъ, варнакамъ, подаютъ, а Богу. Лепта... Вотъ теперь и казнись за напрасную-то милостыню, да и другимъ закажи. Да...

— Это одна жестокость,—спорилъ курсовой отецъ дьяконъ.—Наказаніе несоразмѣрно съ виной... Помилуйте, купоросным масломъ выжечь глаза живому человѣку!..

— Достаточно этого звѣрства среди мужиковъ,—присовокупилъ молодой купчикъ.—Даже ужасное звѣрство происходитъ... Страшно разсказывать. Про подкованную-то дѣвку слышали? Мнѣ это вѣрный человѣкъ сказывалъ... Какъ же-съ!.. Тоже въ деревнѣ дѣло было... Дѣвка-то гуляла, ну ее свои парни и захотѣли поучить. Привели въ кузницу, поставили въ лошадиный станокъ и сейчасъ кузнецу: „подковывай!". Тотъ туда-сюда, а они ему ножомъ пригрозили. Что бы вы думали, вѣдь подковали, какъ лошадь куютъ: напримѣръ, взяли подкову, накалили и сейчасъ, напримѣръ, къ лѣвой ногѣ приставили и гвоздями-съ... Такъ на обѣ ноги подковали и одну руку, а тутъ ужъ дѣвка не стерпѣла: въ станкѣ померла-съ.

— И подѣломъ, не плешничай,—подсказалъ благообразный старецъ.— Развратъ-съ... Для нея же лучше, т.-е. для дѣвки, что, напримѣръ, еще на землѣ приняла казнь за свои грѣхи. Агроматный развратъ идетъ теперь среди мужиковъ, не говоря о заводахъ или городахъ. Ослабѣлъ народъ, въ особенности женскій полъ... Ихъ бы, блудницъ этихъ самыхъ, всѣхъ купоросным масломъ!..

Легенду о подкованной дѣвкѣ мнѣ приходилось слышать въ нѣсколькихъ варьяціяхъ, но достовѣрность ея еще требуетъ подтвержденія. Въ настоящемъ случаѣ важно отношеніе къ такому факту „посторонней публики". Благочестивый старичокъ напиралъ главнымъ образомъ на „чернядь", на мужика, для котораго требовалъ и кнутъ, и зеленую улицу, и застѣнокъ, а публику въ собственномъ смыслѣ выгораживалъ.

— Что такое мужикъ: звѣрь! — ораторствовалъ онъ уже съ ожесточеніемъ. — Посмотрите, что мужики по деревнямъ надъ своими бабами выдѣлываютъ... Страсти Господни! И вообще звѣрство... Какъ окружный судъ наѣдетъ куды-нибудь въ Шадринскъ или въ Ирбитъ, глядишь, за двѣ-то недѣли лѣтъ двѣсти каторги набѣжитъ. Однимъ словомъ, варнакъ народъ по здѣшнимъ мѣстамъ... Озвѣрѣли всѣ.

— Все-таки несправедливо платить звѣрствомъ за звѣрство!—возмущался кто-то въ публикѣ.

— Ею же мѣрою мѣрите, возмѣрится и вамъ,—отвѣчалъ старичокъ. — Нельзя-съ: темнота... Я, главнымъ образомъ, про мужиковъ выражаюсь, а не касаемо до прахтикованныхъ людей, которые имѣютъ свое понятіе. Да... Однимъ словомъ мужикъ-съ!..

— Всѣ хороши, взять хоть тѣхъ же купцовъ. — заявилъ неизвѣстный никому господинъ, слушавшій до этого момента молча. — Знаете дѣло купца Валина, который въ Шадринскѣ жену изъ ружья застрѣлилъ? Да-съ... Положимъ, они пьянствовали вмѣстѣ и человѣческій образъ потеряли, а все-таки...

— А она ему рожу всю исцарапала,—спорилъ старикъ.—Это, значитъ, Валину, а потомъ и говоритъ: „Вотъ, говоритъ, ты послѣзавтра именинникъ будешь, такъ покрасуйся съ ободранной-то рожей". Ну, онъ и не стерпѣлъ...

— Хорошо, я допускаю, что пьяные люди могутъ сдѣлать все,—согласился господинъ:—я даже не защищаю убитую... Оба пьянствовали, безчинствовали и кончили уголовщиной. Это между ними и останется... А вотъ что нехорошо: зачѣмъ оправдали Валина-то? Мало того, что оправдали, Валинъ-то потомъ къ оставшемуся послѣ жены имуществу еще права наслѣдства предъявилъ... Пожалуйте, говоритъ, мою седьмую часть. Гдѣ же, напримѣръ, совѣсть?..

— Это ужъ адвокаты научили...

Поѣздъ летитъ по слегка всколыхненной равнинѣ. Вдали мелькаютъ какія-то деревни, перелѣски и шахматы полей. Картина самая мирная, которая

овсѣмъ уже не вяжется съ жестокими разговорами. Наступаетъ долгая пауза. Благообразный жестокій старичокъ глядитъ въ окно и тяжело вздыхаетъ, сокрушаясь объ ему одному извѣстныхъ грѣхахъ. Споривший съ нимъ господинъ задумчиво крутитъ усы и время отъ времени вызывающе поглядываетъ на другихъ. Очевидно, его такъ и подмываетъ еще разъ сцѣпиться съ жестокимъ старцемъ и договорить что-то недосказанное, что̀ его, видимо, мучило. Одѣтъ онъ прилично и вообще приличенъ. Только въ сѣрыхъ выкаченныхъ глазахъ свѣтится что-то такое желчное и безпокойное. Однимъ словомъ, довольно распространенный типъ человѣка, который „не позволитъ наступить себѣ на ногу“. Онъ попробовалъ завести разговоръ съ о. дьякономъ, но изъ того ничего не вышло: о. дьяконъ оказался такимъ кроткимъ человѣкомъ, что соглашался уже впередъ съ каждымъ вашимъ словомъ.

— Нѣтъ, позвольте-съ...—говорилъ желчный господинъ, споря съ невидимымъ противникомъ...—Такъ нельзя-съ!.. Конечно, мужицкое звѣрство возмутительно, но это физическое звѣрство, гдѣ человѣка убиваютъ, рѣжутъ, ослѣпляютъ, увѣчатъ... Сравнительно, это еще не такъ страшно, какъ нравственное звѣрство. Даже подкованная дѣвка, въ сущности говоря, терпима... Конечно, я говорю о сравнительной жестокости и хочу сказать то, что, перенеси та дѣвка операцію подкованія, она стала бы жить калѣкой, какъ мужикъ съ выжженными глазами. Такъ я говорю?

Вопросъ былъ обращенъ къ благоразумному старцу, точно желчный господинъ хотѣлъ выстрѣлить въ него.

— Обнаковенно...—бормоталъ старецъ, напрасно стараясь проникнуть въ скрытый подвохъ.—Темнота, вотъ что̀!

— А позвольте узнать, что̀ вы называете темнотой?—прицѣпился желчный господинъ.

— Очень просто: когда человѣкъ неполированный... вообще...

— Понимаю. Только, по-моему, совершенно наоборотъ: полированный-то человѣкъ и вынетъ изъ васъ душу. Про дѣло Миловзорова слышали?—обратился желчный господинъ уже ко всѣмъ. — Ну, конечно, слышали.. И въ мѣстной прессѣ было напечатано въ качествѣ слуха. Да-съ... Только все то дѣло публикѣ неизвѣстно вполнѣ, а я могу его разсказать.

— Господинъ, позвольте!—азартно вступился благообразный старецъ.—Про этакое дѣло стороннимъ людямъ даже и разговаривать-то невозможно, потому какъ промежду мужа и жены одинъ Богъ судья. Да-съ... Это даже и въ законѣ сказано... Ежели, напримѣръ, дѣвица не соблюла себя и вдругъ подъ вѣнецъ... Это хоть кого касаемо, такъ не вытерпитъ. Такихъ-то въ водѣ топить надо, вотъ что̀... Прямо будемъ говорить!

— Нѣтъ, ужъ извините! — закричалъ желчный господинъ, поправляя начинавшій давить его воротъ крахмальной сорочки.—Никакой звѣрь такъ-то не сдѣлаетъ, какъ вашъ „прахтикованный“ и полированный человѣкъ. Ужаснѣе всего то, что вашъ Миловзоровъ ничего ужаснаго изъ своей особы не представляетъ: самый обыкновенный средній человѣкъ... да. Я его давно знаю... въ карты даже игралъ не одинъ разъ... Совсѣмъ приличный и скромный человѣкъ. Хорошо-съ... Такъ вотъ стукнуло Миловзорову сорокъ лѣтъ, и вздумалъ онъ жениться: есть свой небольшой капитальчикъ, есть мѣсто какого-то довѣреннаго, ждать больше ужъ нечего, значитъ, остается жениться. Сталъ присматривать невѣстъ и нашелъ подходящую... Семья большая, дѣвушка красивая и на возрастѣ, а приданаго нѣтъ. Въ гимназіи училась, а тутъ у родителей жила въ какомъ-то заводѣ, гдѣ и жениховъ нѣтъ. Поговаривали про ее, что была какая-то у ней любовная исторія, и женихи обѣгали ее. Хо-

рошо... Все это Миловзорову на руку, конечно, потому что не по любви же восемнадцатилѣтняя дѣвушка пойдетъ за него. Присватался, дѣвушка въ слезы, а родители рады пристроить ее... Ну, поплакала, погоревала, а потомъ родные, конечно, уломали ее. Миловзоровъ радуется, что на склонѣ лѣтъ такую красоту заполучилъ. Скрутили свадьбу, гости разъѣхались, молодые остались одни... Что у нихъ было—неизвѣстно, а извѣстно то, что утромъ Миловзоровъ потребовалъ почтовыхъ лошадей, выгналъ жену буквально въ одной рубашкѣ и на дорогу далъ заряженный револьверъ, изъ котораго посовѣтовалъ застрѣлиться. Она тутъ же въ спальнѣ и записку написала, что, молъ, прошу въ моей смерти никого не обвинять. Однимъ словомъ, все по формѣ... полировано... Вотъ и ѣдетъ несчастная женщина неизвѣстно куда... Нѣтъ, она знаетъ, куда ѣдетъ, потому что и записка написана и револьверъ въ рукахъ. Къ родителямъ нельзя и носу показать, мужъ прогналъ, — однимъ словомъ, некуда ей итти, вотъ этой самой женщинѣ съ револьверомъ. Она виновата— это правда... Но, можетъ-быть, она надѣялась, что мужъ ее проститъ, просто пожалѣетъ ея молодость,—мало ли на что надѣется человѣкъ. И вдругъ она видитъ, что ей въ восемнадцать-то лѣтъ ничего, кромѣ смерти, не осталось. Будь она потерянная женщина, такъ она нашла бы утѣшителя, а тутъ другое: душу вынули изъ живого человѣка въ одну ночь. Вѣдь Миловзоровъ не безъ грѣха прожилъ до сорока лѣтъ, а женѣ не могъ простить... Сидитъ она съ револьверомъ, колокольчики позваниваютъ, звенитъ у ней въ головѣ, и чувствуетъ она, что кромѣшное звѣрство кругомъ: и тотъ человѣкъ, который обманулъ ея дѣвичью неопытность, и молодой мужъ, и родители—всѣ звѣри, одинъ къ одному. Цѣлую станцію такъ-то она, бѣдная, ѣхала и все думала, а потомъ пріѣхала на постоялый дворъ, забѣжала куда-то въ конюшню и бацъ изъ револьвера. Только рука дрогнула—не на смерть первая пуля, пожалуй, еще оживешь,—она второй разъ бацъ и въ третій. Такъ и кончилась...

— Сама виновата,—заключилъ сѣденькій старецъ.

— Конечно, виновата,—никто не споритъ. А вотъ вы, напримѣръ, не имѣете грѣха на душѣ? Можетъ-быть, мы-то съ вами въ тысячу разъ хуже ея, не можетъ-быть, навѣрное, и все-таки живемъ, потому что и сами озвѣрѣли... Да. Вѣдь Миловзоровъ душу живую убилъ — и ничего; онъ служитъ на старомъ мѣстѣ, его терпятъ, и, главное, онъ самъ себя терпитъ. Даже больше, онъ считаетъ себя правымъ, потому что и другіе „прахтикованные“ люди считаютъ его такимъ. Онъ можетъ спать, ѣсть, пить, разговаривать съ другими и даже, вѣроятно, женится въ другой разъ... Вѣдь такому звѣрству нѣтъ имени, нѣтъ мѣры!? Если бы онъ убилъ ее самъ, такъ это по нашей жестокости еще понятно, какъ подкованная дѣвка; но Миловзоровъ побоялся отвѣтственности и довелъ несчастную восемнадцатилѣтнюю женщину до того, что она сама себя убила. Людоѣды покажутся младенцами передъ такимъ полированнымъ человѣкомъ...

1890.

НА ПЕРЕВАЛѢ.

Изъ осеннихъ мотивовъ.

I.

Первый иней, отъ котораго „закисаетъ“ лиственница, служитъ сигналомъ для охоты на глухарей. Чуть тронутая холодомъ мягкая хвоя служитъ лакомствомъ для птицы, и охотники пользуются этимъ, чтобы бить по зарямъ усѣвшихся на лиственницахъ глухарей. Въ среднемъ Уралѣ это дерево достигаетъ значительной высоты и надъ лѣсомъ поднимается цѣлой головой. Обыкновенно встрѣчаются отдѣльныя деревья, а цѣлыя насажденія очень рѣдко, дальше къ сѣверу. Странное дерево эта лиственница: высокое, вѣтвистое, чуть посыпанное своей блѣдной и мягкой хвоей. По крѣпости оно тверже дуба, въ водѣ не гніетъ и потому служитъ по преимуществу типомъ корабельнаго лѣса. Въ среднемъ Уралѣ лиственницы имѣютъ такой голый, сиротскій видъ и широко разстилаютъ свои узловатыя коряжистыя вѣтви, похожія на оленьи рога. Южнѣе эти деревья отличаются стройностью и достигаютъ громадной величины, — такъ, около Златоуста нашли для телеграфнаго столба лиственницу, изъ которой вырубили столбъ въ 36 аршинъ длины и 12 вершковъ въ верхнемъ отрубѣ. Тамъ же молодыя лиственныя заросли придаютъ характерный отпечатокъ горной южно-уральской растительности.

Итакъ, первый иней палъ, и въ садахъ лиственницы начинаютъ желѣть. Ѣдемъ на охоту. Осенняя птица жирная, и это лучшее время въ своемъ родѣ. Въ самомъ словѣ „охота“ вы уже чувствуете что-то такое доброе и освѣжающее... Да, ѣдемъ. У всякаго охотника есть свои облюбованные уголки, куда его непремѣнно тянетъ, въ извѣстное время вы его найдете на своемъ посту. Для сравненія могу указать на усердныхъ прихожанъ, которые въ церкви станутъ непремѣнно на *свое* мѣсто. У меня такимъ любимымъ мѣстомъ служитъ осенью такъ называемый „перевалъ“—это горный водораздѣлъ, глухой уголокъ, оставшійся въ сторонѣ отъ растерзанныхъ владѣльческихъ лѣсныхъ дачъ, на тридцать верстъ никакого жилья, и въ самомъ интересномъ мѣстѣ, на крутомъ берегу горнаго озера, стоитъ лѣсной кордонъ, гдѣ можно и чаю напиться, и собрать необходимыя свѣдѣнія отъ Ивана Васильича, мѣстнаго сторожа, который проживаетъ здѣсь „по обязанностямъ службы“.

Дорога изъ города идетъ сначала оставшимся за штатомъ знаменитымъ сибирскимъ трактомъ, а потомъ повертка на глухой лѣсоворный проселокъ. Вы ѣдете покосами, черезъ мелкіе лѣсные островки, по длиннымъ слажамъ черезъ болота, и опять островки, покосы и лѣсъ, уже настоящій лѣсъ, который, чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ выше. Городъ—величайшій врагъ лѣсу, и близость этого врага вы чувствуете издалека: лучшія деревья срублены, на

землѣ валяется мертвый хворость, молодымъ деревьямъ не даютъ подрасти въ настоящую мѣру. Но чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ легче и привольнѣе дышится, и травка не та, и дерево поднимается выше, и воздухъ такой чистый, хорошій. Вотъ въ сторонѣ мелькнулъ знакомый кордонъ „на полянкѣ", за нимъ чернѣетъ смолокурня, гдѣ „гонятъ" деготь и смолу, еще дальше мелькаютъ уже однѣ колѣнницы дровъ, сложенныя въ сторонѣ полуземлянками и осинниками. Подъема въ гору вы почти не замѣчаете, а между тѣмъ экипажъ на самой вершинѣ водораздѣла,—вотъ и послѣдняя болотистая рѣчонка, которая сбѣгаетъ въ Исеть, за ней довольно крутой увалъ, за нимъ уже западный склонъ Урала. Собственно горъ здѣсь совсѣмъ нѣтъ, и самый перевалъ незамѣтенъ.

Въ послѣдній разъ я поднимался на водораздѣлъ въ такой хорошій осенній день, обѣщавшій удачную охоту. Когда экипажъ очутился на вершинѣ горы, въ просвѣтахъ между рѣдкимъ соснякомъ, сѣрой блестящей полосой глянуло Глухое озеро, одно изъ той озерной цѣпи, которая залегла между верховьями рѣкъ Исети и Чусовой.

— Вотъ мы и въ Расею заѣхали, — проговорилъ кучеръ Гагара, оборачивая ко мнѣ свое „шадривое" красное лицо съ плутоватыми, разномастными глазами.—Вода уже на Волгу отседа пошла... расейская вода...

Придерживая бойкую пристяжку, Гагара ловко спустился въ крутой ложокъ, подтянулъ коренника и съ ямщицкимъ шикомъ подкатилъ на угоръ, гдѣ среди пихтъ и елей прятался кордонъ. Очень красивое мѣсто этотъ кордонъ, и только недостаетъ какой-нибудь пустыньки или монастырька, чтобы оживить его. Съ высокаго берега открывался просторный видъ на все озеро, разлегшееся среди невысокихъ лѣсистыхъ уваловъ. Въ глубинѣ, въ камышахъ спрятался истокъ, которымъ озеро соединяется съ р. Чусовой. Вотъ и собака Юлка выбѣжала съ громкимъ лаемъ навстрѣчу намъ, а въ двухъ избушкахъ показались любопытныя лица—въ одной обиталъ самъ Иванъ Васильичъ въ качествѣ начальства, а другая стояла такъ, на всякій случай: когда лѣсничій заѣдетъ, когда охотники, когда такъ кто-нибудь завернетъ.

— Вотъ и монашины... — говорилъ Гагара, осаживая пару у воротъ.— Онѣ теперь ягоды собираютъ въ лѣсу. У Ивана Васильича важнецкая изба для проѣзжающихъ налажена, ну, монашины недѣли по три здѣсь выживаютъ. Юлка, не узнала гостей?..

Собака въ послѣдній разъ брехнула на лошадей и ласково завиляла хвостомъ. Въ окнѣ избы „для проѣзжающихъ" мелькнуло два темныхъ монашескихъ платка. Ворота скрипнули, и показался самъ Иванъ Васильичъ въ своихъ неизмѣнныхъ резиновыхъ калошахъ, въ темныхъ большихъ очкахъ и сѣренькомъ пиджакѣ. Это былъ очень степенный господинъ съ неторопливыми движеніями и той солидностью, которая зависитъ отъ характера. Онъ распахнулъ большія ворота и впустилъ экипажъ во дворъ.

— Хозяину...—здоровался Гагара съ развязностью городского кучера.— Опять къ тебѣ въ гости, Иванъ Васильичъ.

— Милости просимъ... Живемъ въ лѣсу, а гостямъ рады. Вы ужъ мнѣ пожалуйте въ избу, а тамъ въ другой избѣ у меня брусничный монастырь. Можетъ, на свѣжемъ воздухѣ чайку пожелаете напиться?

— Да, я думаю, что такъ будетъ лучше.

— Конечно, для васъ это гораздо любопытнѣе. Ушку можно варить...

У Ивана Васильича все дѣлалось какъ-то само собой, и самоваръ въ время будетъ готовъ, и ушка поспѣетъ. Свой же парень съѣздитъ посмотрѣть

въ истокъ поставленную вчера морду и привезетъ свѣжихъ окуньковъ, а хозяйка оборудуетъ самоваръ.

— А какъ глухари?—спрашиваю я, разминая ноги послѣ тряской трехчасовой дороги.

— Глухари-съ? Они свое дѣло въ лучшемъ видѣ знаютъ... Вчера двухъ спугнулъ по дорогѣ къ Кочкамъ. Тутъ есть ложокъ, а надъ нимъ этакъ осинничекъ пойдетъ, листьяночки — аккуратное мѣсто. Какъ разъ только чайку напьетесь — тутъ и самое ваше занятіе... Юлка орудуетъ въ лучшемъ видѣ.

— На дерево бросается?

— Сначала кидалась, а потомъ я ее отвадилъ... Тоже понимаетъ, стерва. Сядетъ подъ дерево и брешетъ, а онъ, глухарь, на нее сверху: ту-ту-ту!.. Ну, и разговариваютъ. Даже смѣшно въ другой разъ слушать. А вы въ самый моментъ пріѣхали — теперь глухарь на чику...

Мы сидѣли на берегу, подъ густой старой пихтой, и долго бесѣдовали о разныхъ разностяхъ. Холодное осеннее солнце быстро склонилось къ зубчатой линіи лѣса. По озеру разгуливала осенняя волна, сосавшая берегъ и съ шипѣньемъ уходившая въ качавшуюся полосу жесткаго ситника. Странное это время осень! И погода ясная, и солнце свѣтитъ, а васъ такъ и сосетъ какая-то грустная, сиротская тоска! Есть своя поэзія осени, задумчивая прелесть звѣздныхъ холодныхъ ночей и цѣлая гамма тоновъ умирающей зелени. Весело горитъ огонекъ на открытомъ воздухѣ, и дымъ уже не стелется по землѣ, какъ въ туманную лѣтнюю ночь, а вьется столбомъ прямо въ небо. Гагара устроилъ цыганскую распорку и варитъ въ котелкѣ уху. Юлка сидитъ невдалекѣ и ждетъ своей доли въ общей трапезѣ.

— Ты луковку-то не торопись спущать, — совѣтуетъ Иванъ Васильичъ тономъ спеціалиста:—размокнетъ, какъ тряпица, какой въ ней толкъ, а надъ въ пропорцію.

— Не скучно вамъ здѣсь, Иванъ Васильичъ? — спрашиваю я, разсматривая пустынное озеро.

— Нѣтъ, ничего... Главное: спокойно. Лѣтомъ я какъ Сергѣй-наша въ неприступной Плевнѣ сижу: кругомъ болота, а дорога одна въ кочки. Лѣсоворамъ нечего дѣлать, ну и отдыхаешь. Берегъ на сорокъ верстъ-то участокъ растянулся, и не углядѣлъ бы, если бы не болото.

Военныя сравненія у Ивана Васильича проскальзываютъ часто: онъ сдѣлалъ послѣднюю русско-турецкую кампанію и фельдфебелемъ какой-то стрѣлковой роты переходилъ Балканы. Послѣ того служилъ на желѣзной дорогѣ, но по слабости зрѣнія долженъ былъ бросить эту „обязанность“, потомъ служилъ урядникомъ, — помилуйте, ни днемъ ни ночью нѣтъ покоя, а народъ какой здѣсь — того смотри, что голову оторвутъ, а у Ивана Васильича семья. Пензенскій уроженецъ, онъ попалъ на Уралъ по той же причинѣ, какъ и многіе другіе: дома нечего дѣлать, а здѣшнія мѣста захвалили. Оно, дѣйствительно, мѣста обширныя, и жить можно, да народъ, сказать правду, варнакъ. Сердце Ивана Васильича возмущалось убойными сибирскими нравами.

II.

Мы идемъ по лѣсу. Подъ ногами хрустятъ сучки. Трава совсѣмъ сухая. Иванъ Васильичъ шагаетъ въ своихъ резиновыхъ калошахъ и несетъ длиннаго „туляка“ (ружье) на плечѣ, точно по командѣ: ружья вольно! Юлка суетливо шныряетъ между деревьями, и я по лицу Ивана Васильича вижу,

что онъ доволенъ собакой, которая „забираетъ верхнимъ чутьемъ“ и пойдетъ глухарными подъѣздами и кормежками. Вотъ и ложокъ и покраснѣвшій отъ мороза осинникъ съ своей яркой, точно ситцевой листвой—даже есть тѣ линючіе тона, какіе производитъ московская мануфактура.

— Конечно, жалованье маловато, на пятнадцать рублей не много расширишься...—говоритъ Иванъ Васильичъ и останавливается, какъ вкопанный,— Юлка брехнула на птицу, и глухарь забормоталъ на нее.

Это моментъ самый интересный на охотѣ: такъ и встрепенешься весь. Солнце уже сѣло, но въ лѣсу еще свѣтло, и деревья отчетливо вырѣзываются своими контурами на отбѣлѣвшемъ осеннемъ небѣ. Мы расходимся. Иванъ Васильичъ предоставляетъ мнѣ добычу, и я уже замѣтилъ высокую лиственницу, гдѣ бормочетъ глухарь. Небольшой перелѣсокъ отдѣляетъ меня отъ этого дерева, но подойти ближе нельзя—чутная птица, пожалуй, не пуститъ, а проклятые сучки такъ и хрустятъ подъ ногами. Останавливаюсь и перевожу дыханье. Слышно, какъ бьется сердце. Еще нѣсколько шаговъ — и добыча будетъ въ роковомъ кругѣ „поля пораженія“. Немного больше ста шаговъ, но винтовка Лебоди возьметъ и дальше. Сквозь порѣдѣвшую листву просматриваю въ послѣдній разъ глухаря—онъ сидитъ на длинномъ сучкѣ и разговариваетъ съ собакой. Вотъ пауза, нужно стоять смирно и стрѣлять, когда глухарь опять забормочетъ. Въ это время онъ не слышитъ выстрѣловъ, и можно изъ малокалиберной винтовки „отвѣсить“ по немъ разъ десять. Вотъ опять бормотанье, выстрѣлъ, и облачко дыма мѣшаетъ разглядѣть результаты. Нѣтъ, глухарь сидитъ на старомъ мѣстѣ и только сильнѣе вытянулъ шею по сучку—значитъ, пуля пронесла верхомъ. Второй выстрѣлъ заставилъ его подскочить — пуля обнизила. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ глухарь улетаетъ, но этотъ непуганный и послѣ небольшой паузы начинаетъ опять разговаривать. Третій выстрѣлъ, и птица снялась съ дерева широкими взмахами своихъ крыльевъ, сплавилась подъ пролѣскомъ и исчезла. Слышно, какъ Юлка заливается, но это уже не торжествующій, осмысленный лай, а просто собачій азартъ: она потеряла птицу. Ужасно досадно, и я въ утѣшеніе себѣ разсматриваю свою винтовку: что съ ней такое случилось?

— По сучку шлепнулась пулька-то... — за спиной у меня говоритъ неслышно подошедшій Иванъ Васильичъ.—Теперь самый обычный свѣтъ: своя прицѣлка... Я вотъ къ своему туляку вполнѣ привѣсился и шаговъ на пятьдесятъ такъ шарахну, что даже самъ удивляешься въ другой разъ.

Мы пошли дальше. Юлка затихла. Свѣтъ быстро исчезъ, точно его тушитъ какая-то невидимая рука. Дѣлается холодно. На нашу бѣду подвернулся зайченокъ, и Юлка бросилась за нимъ съ особымъ завываньемъ, которое знакомо всѣмъ охотникамъ.

— Ахъ, проклятая!.. — ругался Иванъ Васильичъ, бросаясь въ погоню за невѣрнымъ псомъ.—Вотъ каждый разъ такъ... Поймаетъ и съѣстъ подлая!.. Юлка-а!.. Я тебя, шельма-а!..

Тѣни сгущаются. Большія деревья трудно просмотрѣть, но на мое счастье опять попадается глухарь. Безъ собаки къ нему трудно подойти—приходится пользоваться только его бормотаньемъ, когда едва успѣешь сдѣлать нѣсколько шаговъ. Пожалуй, еще въ ширфъ попадешь куда-нибудь... Подхожу на приличную дистанцію, начинаю выцѣливать — плохо видно. Стреляю наугадъ, и глухарь благополучно улетаетъ. Гдѣ-то близко грянулъ „тулякъ“ Ивана Васильича, — „этотъ не промахнется“, — думаю я, огорченный сегодняшней неудачей. Дѣйствительно, появляется Иванъ Васильичъ и волокетъ за крыло убитую птицу.

— Агроматный мѣшокъ... — говоритъ онъ, останавливаясь. — Бѣгу за Юлкой, а онъ на меня сверху какъ забормочетъ... ей-Богу!.. Вотъ какая повадка... Ну, я его и положилъ: такъ комомъ и свернулся, какъ мѣшокъ. Вѣдь сверху, когда летитъ, точно медвѣдь... Юлки не видали?.. Вотъ, я вамъ скажу, бываетъ же такая несообразная тварина...

Мы возвращаемся. Охота кончена. Въ темнотѣ дорога кажется длиннѣе. Но вонъ и знакомая пихта — мы дома. Огонь догораетъ. Въ „брусничномъ монастырѣ“ теплится слабый огонекъ, и какая-то темная фигура стоитъ передъ иконой въ переднемъ углу.

— Съ полемъ!—кричитъ Гагара, наметавшійся съ охотниками.

Юлка ужъ дома. Замѣтивъ насъ, она поджала хвостъ и виновато поползъ по травѣ къ пылающему гнѣвомъ хозяину, который угрожаетъ ей встрепку и читаетъ наставленія. Юлка визжитъ больше для приличія и облизывается—она хорошо закусила.

Выплывшій мѣсяцъ освѣтилъ заснувшее озеро. Мы опять [illegible] подъ своей пихтой и, грѣясь около огонька, гуторимъ о разн[illegible] Хорошо вотъ такъ посидѣть въ лѣсу и побалтать съ бывалымъ человѣкомъ. Иванъ Васильичъ покуриваетъ трубочку и сплевываетъ на огонь. Гагара потрошитъ убитаго глухаря, чтобы сдѣлать изъ него похлебку. Ему помогаетъ хозяйка, пожилая женщина въ накинутой на плечи шубейкѣ.

— Я тотъ часто такъ-то выйду на бережокъ, — повѣствуетъ Иванъ Васильичъ, не торопясь: — и раздумаюсь... Вѣдь какое здѣсь мѣсто: настоящая грань. Одной ногой въ Рассеѣ, другой въ Сибири. Да... Самое глухое мѣсто. Вонъ туда, къ Чусовой, и дороги больше никакой нѣтъ: доѣхалъ до Кочекъ и ступай назадъ... Вонъ какое мѣсто...

— А зимой волки у васъ бываютъ здѣсь?

— Нѣтъ, мало... Съ озера развѣ какой шальной забредетъ, а вотъ лѣсоворы тогда хуже всякихъ волковъ. Зимой-то вездѣ дорога... Какъ начнутъ подчаливать въ городъ бревна, тутъ держись только, а отвѣчать долженъ за всю дачу все я же. Она, милая, вонъ какая дача-то: больше пятидесяти квадратныхъ верстъ. Лѣсничій проѣхалъ, увидалъ свѣжую порубь... Настоящее военное положеніе, а одному-то не разорваться. Подъ Плевной лучше было: тамъ все-таки не одинъ.

Утромъ надо было вставать часа въ три, чтобы взять птицу „на брезгу“, т.-е. когда только начнетъ свѣтъ заниматься, а поэтому мы и залегли спать пораньше. Въ избѣ у Ивана Васильича было очень чисто, и старой ситцевой занавѣской она дѣлилась на двѣ половины: въ одной спалъ онъ съ женой, а въ другой расположился я. На палатяхъ давно уже спалъ мальчикъ лѣтъ двѣнадцати. Городская привычка ложиться поздно сказалась и здѣсь — я долго ворочался съ боку на бокъ, прежде чѣмъ могъ заснуть. Даже это былъ и не сонъ, а какое-то полузабытье. Помню, какъ я опять „скрадывалъ“ глухаря, и какъ взлаивала Юлка, а потомъ сквозь сонъ въ ухо лѣзъ какой-то бабій шопотъ:

— Разбуди, Аннушка, Ивана-то Васильича... ради истиннаго Христа!

— Да, можетъ, поблазнило, сестрица?

— Нѣтъ, голубушка... Сначала этакъ мелькнуло будто на полянкѣ, и Юлка брехнула, а сестра Агнеса и видитъ въ окошко: онъ къ стеклу-то и припалъ... Мы такъ и ужаснулись всѣ, а сестра Платонида и говоритъ: „Это, можетъ, говоритъ, ихній, городской кучеръ...“ А Юлка, нѣтъ-нѣтъ, и взлаетъ, ну, а потомъ *онъ* опять къ нашему окошку присунулся. Мы всѣ видимъ, а никто слова молвить не можетъ.

— Ихній-то кучеръ въ повозкѣ спитъ...

— Этотъ съ бородой, а кучеръ безбородый. Ну, сестра Агнеса и послала къ вамъ; непремѣнно, говоритъ, добудись...

Открываю глаза. Изба чуть освѣщена лунным свѣтомъ, хозяйка въ пріотворенную дверь шепчется съ невидимой монашенкой, какъ я начинаю догадываться.

— Что такое случилось?—спрашиваю я.

— Да такъ... пустяки...—отвѣчаетъ хозяйка.—Вотъ монашкамъ поблазнило, будто какой человѣкъ къ сим въ окошко смотрѣлъ... А кому здѣсь смотрѣть-то? Мы и ворота сроду не запирывали.

— Побуди Ивана-то Васильича-то...—проситъ голосъ.

— И то разбудить.

Хозяйка голыми ногами проходитъ за свою занавѣску и начинаетъ расталкивать домовладыку.

— А?.. Что?.. Мм...—мычитъ въ просонье Иванъ Васильичъ — Отстань, пожалста... умереть не дадутъ... Брусники наѣлись монашины, вотъ и увидали человѣка. Отстань.

Въ этотъ моментъ послышался топотъ нѣсколькихъ паръ босыхъ ногъ, и въ сѣняхъ раздалось болѣе смѣлое шушуканье.

— Матушка моя, сидитъ... Своемъ глазомъ поглядите: у огонька сидитъ!.. Охъ, до смертушки мы всѣ перепугались...

— Да, можетъ, кучеръ ихній сидитъ?

— Охъ, нѣтъ... Съ бородой мужчина...

Это былъ уже весь „брусничный монастырь", столпившійся въ нашихъ сѣняхъ, какъ стадо овецъ. Иванъ Васильичъ въ одной рубахѣ выглянулъ въ окошко и проговорилъ:

— И то кто-то сидитъ, лѣшій его задери...

Во дворѣ, заслышавъ суматоху, Юлка выбивалась изъ силъ и съ приступомъ бросалась въ ворота. Иванъ Васильичъ не торопясь одѣлся. Я послѣдовалъ его примѣру.

— Разбудите Гагару...—шепотомъ приказывалъ онъ женѣ...—Мы *его* изловимъ, каналью... Вотъ еще притча какая...

— Да, можетъ, онъ не одинъ?—боязливо шептала хозяйка.—Какъ ножомъ полыхнетъ—вотъ и вся тутъ...

— Ну, ну, полыхнетъ... Не твоего ума дѣло!..

Иванъ Васильичъ опять выглянулъ въ окошко: нѣтъ, сидитъ онъ у самаго пепелища... Ужъ не оборотень ли какой?

III.

Мы устроили настоящую засаду: я занялъ отвѣтственный постъ у воротъ, Гагара долженъ былъ обойти со стороны дороги и отрѣзать отступленіе, Иванъ Васильичъ перелѣзъ черезъ заборъ прямо въ лѣсъ и оттуда долженъ былъ открыть атаку на непріятеля. Юлка неистовствовала у воротъ, монахини заперлись въ избѣ на крючокъ, а *онъ* продолжалъ сидѣть у едва тлѣвшаго огонька и преспокойнѣйшимъ образомъ подбрасывалъ въ него щепочекъ. Въ пріотворенную калитку я видѣлъ широкую согнутую спину и голову безъ шапки. Раздался сигнальный свистъ, и мы открыли наступленіе. Первой бросилась на приступъ Юлка.

— Эй, кто есть живъ человѣкъ: сдавайся!..—кричалъ Иванъ Васильичъ, показываясь изъ лѣсу съ ружьемъ въ рукахъ.

Молчаніе. Одна Юлка съ визгомъ наступаетъ на сгорбленную фигуру у огня и раза два, кажется, успѣла хватить зубомъ.

— Да ты умеръ, что ли?—слышится недоумѣвающій голосъ Ивана Васильича.—Сдавайся.

Мы съ трехъ сторонъ подходимъ къ огню, и Иванъ Васильичъ схватываетъ незнакомца, ксендзейскимъ пріемомъ, за плечи сзади.

— Кто таковъ человѣкъ?

— Живой человѣкъ...—отвѣчаетъ наконецъ незнакомецъ слабымъ, охрипшимъ голосомъ.

— Откуда взялся?

— Изъ лѣсу...

— Какъ зовутъ?..

— Косачъ... птица... бруснику ѣлъ, листвень ѣлъ, мохъ ѣлъ—и вышелъ косачъ.

— Видимъ, что птица... — спокойно говоритъ Иванъ Васильичъ. — Бродяга?..

— Около того... Говорятъ тебѣ: косачъ.

— Зачѣмъ ночью подходишь, дьяволъ? А какъ я бы да тебя хлобыснулъ пулей...

— И стрѣляй... Сбился съ дороги.... отощалъ... три дня хвою да грибы ѣлъ... Вотъ огня не было, ноги не держатъ...

— Отъ артели отсталъ?

— Отъ артели... боялся днемъ-то подойти...

Плѣнный былъ приведенъ въ избу. При огнѣ онъ оказался тщедушнымъ мужикомъ съ горбатой спиной и зеленымъ испитымъ лицомъ. Одинъ глазъ вытекъ, а на его мѣстѣ оставалось одно закрытое вѣко. Весь костюмъ состоялъ изъ одной запошенной рубахи, нестрядныхъ портовъ и какого-то отрепья на плечахъ. Голыя ноги были покрыты ранами, и бродяга съ трудомъ переступалъ. Войдя въ избу, онъ перекрестился и проговорилъ:

— Дайте попить... смертушка пришла...

— Ну, и звѣря залобовали!—качалъ головой Иванъ Васильичъ, дѣлая знакъ женѣ.

Появилась краюшка хлѣба и чашка съ квасомъ. Бродяга дрожащими руками ухватился за хлѣбъ и принялся его ѣсть съ жадностью. Я протянулъ было руку къ своимъ дорожнымъ запасамъ, но Иванъ Васильичъ остановилъ меня.

— Не нужно... Очень ужъ сердяга отощалъ, не стерпитъ настоящей ѣды. Отвыкъ отъ хлѣба-то...

Столпившіяся у дверей монахини смотрѣли на несчастнаго бродягу со смѣшаннымъ чувствомъ страха и сожалѣнія. Слышались вздохи.

— Дальній будешь, миленькій? — осмѣлилась наконецъ спросить одна изъ сестеръ.

— Дальніе, голубушка... изъ-подъ Иркутскова... — быстро отвѣтилъ бродяга и посмотрѣлъ такимъ голоднымъ взглядомъ на всѣхъ насъ. — Отощалъ... изъ силы выбился.

— Господи, батюшка!..—слышался благочестивый шопотъ.

— Ну, куда я теперь съ тобой, косачъ?—спрашивалъ Иванъ Васильичъ, расхаживая по комнатѣ. — Ну, куда?.. Шелъ бы своей дорогой... Вотъ не угодно ли!—обратился Иванъ Васильичъ уже ко мнѣ,—Я же его и представляй въ городъ... Это значитъ—тридцать верстъ впередъ да тридцать верстъ назадъ. Нѣтъ, спасибо, голубчикъ... Это ужъ третій такъ-то ко мнѣ навязы-

вается: отобьется отъ артели, и вези его въ городъ. У нихъ, у бродягъ, тракть по рѣкѣ Исети, а потомъ черезъ горы переваломъ на рѣку Чусовую идетъ—старинный трактъ. Верстахъ въ двадцати отъ кордона ихняя бродячья тропа. Въ лѣто-то, можетъ, тысячи три человѣкъ пройдетъ: все въ Расею, значитъ, обращаются... Охъ-хо-хо!.. Когда урядникомъ былъ, такъ до смерти бывало, надоѣдятъ эти бродяги, особливо по осени, когда колодежь ихъ въ горахъ достигнетъ. Артелями приходили: предоставь во начальству. Это они зимовать въ острогъ просятся... И вотъ все такіе орлы! Ну, чего съ ними подѣлаешь, съ косачомъ?..

— Заплутался...—точно про себя говорилъ бродяга.—Отощалъ... все думалъ—выйду на дорогу, а самого ужъ вторыя сутки мутитъ... съ голоду мутитъ...

— Чѣмъ же ты кормился?—спрашиваетъ сестра побойчѣе.

— Саранку копалъ да ѣлъ... медвѣжью дудку, брусницу... огня не было, вотъ главная причина... иззябъ весь, ноги избилъ, отощалъ...

— Вотъ что, сестрицы, идите-ка съ Богомъ спать,—предложилъ Иванъ Васильичъ, позѣвывая.—Утро вечера мудренѣе.

Монашки придвинулись къ двери и зашептались.

— Боятся онѣ...—объяснила хозяйка.—Можетъ, *онъ* не одинъ: отворить ночью ворота товарищамъ, всѣхъ и укокошатъ. Тоже бывали случаи...

— Пустяки!.. Идите, сестрицы, а для острастки Юлку возьмите...

Напуганныя монахини едва рѣшились уйти въ свою избу, хозяйка укрылась за свою занавѣску, а Иванъ Васильичъ продолжалъ ходить по избѣ и думалъ вслухъ:

— Ежели отпустить его—пристанодержателемъ назовутъ... Въ городъ вести—одна маята. Ну и задалъ же задачу... А?.. Ты вотъ что, косачъ, какъ мы успемъ, ты и уходи потихоньку, а я скажу, что бѣжалъ... Не укараулили—и вся недолга.

— Нѣтъ ужъ, будь милостивъ, предоставь въ острогъ...

— Ахъ, какой человѣкъ навязался! Охота мнѣ тащиться тридцать верстъ да тамъ по разнымъ мытарствамъ ходить... Право, ночью и уходи своей дорогой.

— Не могу... обезножилъ... силы нѣтъ...

Бродяга былъ настолько жалокъ, что на него невозможно было даже разсердиться.

— Вы меня свяжите, а сами ложитесь спать...—предложилъ онъ нейтральную мѣру.

— Чего тебя вязать... Ахъ, ты, притча какая!.. Тебѣ бы только вонъ тамъ по-за горой лѣвѣе взять—тутъ сейчасъ и тропа выйдетъ. Все равно, перезимуешь въ острогѣ и опять убѣжишь...

— Убѣгу...

— Ну, такъ по этой же дорогѣ придется итти, притча этакая?..

— Нѣтъ, ужъ предоставь по начальству.

Я долго всматривался въ несчастнаго бродягу. На видъ ему можно было дать лѣтъ пятьдесятъ. Русые волосы, сбившіеся въ кошму, и несочнаго цвѣта борода не были еще тронуты сѣдиной. Но это лицо мнѣ навсегда запало въ память: худое, изможденное, съ обтянувшимися около зубовъ губами, обострившимся носомъ и лихорадочно горѣвшимъ единственнымъ глазомъ. Бродяга—это неизбѣжная принадлежность нашего уральскаго быта. Ихъ каждый видалъ на тракту: идетъ обозъ или экипажъ катится, къ нимъ изъ стороны выходитъ одинъ или двое, снимаютъ шапки и кланяются. Рѣдкій не по-

дастъ куска хлѣба или копеечки. Видалъ я бродягъ въ лѣсу, по волостнымъ правленіямъ, на этапныхъ пунктахъ, въ камерахъ судебныхъ слѣдователей, на скамьѣ подсудимыхъ, но „косачъ“ положительно выдавался своей отчаянной безпомощностью, голоднымъ видомъ и упорнымъ желаніемъ попасть непремѣнно въ острогъ. Тысячи такихъ вотъ косачей бродятъ по лѣсу, перебираясь черезъ Уралъ на родину—даже страшно дѣлается при одной мысли объ этомъ волчьемъ существованіи. Выбитые изъ колеи, они, эти бродяги, отрекаются отъ своего имени, послѣдняго достоянія, которое несетъ человѣкъ съ собой даже въ могилу. Косачъ—и все тутъ... Звѣрь и птица живутъ безъ имени, и бродяги тоже. Это полная гражданская смерть, а между тѣмъ такихъ непомнящихъ родства бродягъ тысячи. Нѣтъ, жизнь положительно — страшная вещь...

Утромъ рано мы возвращались въ городъ. За моимъ экипажемъ на телѣгѣ ѣхалъ Иванъ Васильичъ, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ косачъ—онъ проспалъ въ избѣ несвязанный и выглядѣлъ при дневномъ свѣтѣ еще несчастнѣе. Иванъ Васильевичъ имѣлъ сосредоточенный, почти сердитый видъ.

— Привезешь его въ городъ, а тамъ своимъ бродягамъ не рады,—ворчалъ онъ, усаживаясь въ телѣгу.—Еще обругаютъ, зачѣмъ привезъ...

Утро выдалось пасмурное. Начиналъ накрапывать мелкій дождь. Въ одномъ мѣстѣ намъ дорогу перебѣжалъ заяцъ — это уже окончательно взорвало Ивана Васильича, и онъ сердито началъ отплевываться.

1897.

НЕ У ДѢЛЪ.

I.

— Видѣли Марзака...—торжественно заявлялъ нашъ кучеръ Яковъ, неподвижный и вялый хохолъ.

— Гдѣ видѣли?

— А по улицѣ иде, пранци его батькѣ...

— Что же его не задержали, Марзака?..

— А зачѣмъ его держать: самъ приде ночью у кабакъ—тамъ и словимо.

— А если не придетъ?

— Приде... Куда винъ дѣнется, пранцеватый?...

При послѣднемъ словѣ Яковъ лѣниво улыбался, раскуривалъ трубочку и дѣлалъ необходимыя приготовленія къ предстоящей ночью баталіи, т.-е. лѣзъ на печь и доставалъ чугунный пестъ отъ ступки—единственное оборонительное и наступательное оружіе въ нашемъ домѣ. Хохлацкое спокойствіе производило на насъ, дѣтей, импонирующее впечатлѣніе, и мы смотрѣли на Якова съ раскрытымъ ртомъ, какъ на героя: Яковъ будетъ ловить разбойника Марзака, Яковъ побѣжитъ въ кабакъ съ чугуннымъ пестомъ въ рукахъ по первому удару набатнаго колокола крѣпостной заводской конторы; Яковъ будетъ вязать веревкой Марзака, и т. д.

— Яковъ, а тебѣ не страшно?—приставали мы къ нему.—Вѣдь Марзакъ съ ножомъ...

— Нехай съ ножомъ...

— Онъ тебя зарѣжетъ...

— А пестъ?

Мы, дѣти, страшно волновались и выслѣживали каждый шагъ Якова до того момента, когда насъ отправили спать. Волновались и большіе, хотя эта исторія повторялась черезъ извѣстные промежутки не одинъ разъ. Всего болѣе смущала увѣренность, что Марзакъ долженъ прійти именно въ кабакъ и никуда больше. Въ этой мысли было что-то роковое, неизбѣжное, какъ сама судьба, и фатализмъ положенія пугалъ одинаково какъ большихъ, такъ и маленькихъ. Въ Марзакѣ чувствовалась какая-то стихійная сила, не укладывавшаяся въ тѣсныя рамки заурядного прозябанія.

Вечеромъ, когда все стихло, въ калитку осторожно стучала какая-то невидимая, таинственная рука. Кучеръ Яковъ, не торопясь, выходилъ за ворота и долго съ кѣмъ-то шептался, а потомъ возвращался въ кухню и упорно молчалъ.

— Изъ конторы сотникъ приходилъ...—объяснялъ намъ кухарка подъ величайшимъ секретомъ.—Народъ сбиваютъ... Легкое мѣсто сказать: одного человѣка ымать!.. тьфу!..

Въ кухаркѣ сказывалось смутное сочувствіе къ геройству Марзака, и она любила разсказывать, какъ этотъ разбойникъ бросался съ ножомъ на заводскаго приказчика, какъ его ловили, заковывали въ кандалы, драли въ „машинной“, а потомъ увозили въ Верхотурье, въ острогъ. Марзакъ сидѣлъ нѣсколько времени, а потомъ уходилъ и непремѣнно возвращался опять къ намъ, на Шайтанскій заводъ. Разъ ушелъ онъ изъ острога зимой въ одной рубахѣ, босой, и ничего, остался живъ. Вообще получался легендарный человѣкъ, который умѣлъ заговаривать даже пули конвойныхъ солдатиковъ. Всѣ эти разсказы, конечно, припоминались именно въ этотъ моментъ, когда весь заводъ ждалъ набата. Лежишь въ своей теплой дѣтской кроваткѣ и со страхомъ думаешь о „машинной“, гдѣ наказывали за всякую крѣпостную провинность розгами, о верхотурскомъ острогѣ, о глубокихъ зимнихъ снѣгахъ, по которымъ бѣжитъ босой Марзакъ, и дѣтское сердце сжимается отъ ужаса. И жаль дѣлается, и страшно, и какое-то тяжелое чувство поднимается въ душѣ противъ неизвѣстнаго, расплывающагося въ дѣтскомъ воображеніи зла. Приказчикъ Завертневъ, на котораго Марзакъ бросался съ ножомъ, часто бываетъ въ нашемъ домѣ, онъ такой веселый, добрый человѣкъ. И его тоже жаль... Зачѣмъ Марзакъ хотѣлъ зарѣзать этого Завертнева? Въ ушахъ даже поднимается звонъ кандаловъ, въ которыхъ мы видали Марзака не разъ... Да и вотъ сейчасъ этотъ самый Марзакъ идетъ съ ножомъ къ кабаку, гдѣ его будутъ ловить... Дѣтское сердце замирало отъ страха, и ухо старалось поймать малѣйшій шорохъ.

Дѣйствіе начиналось обыкновенно ночью.

Прежде всего повторялся таинственный стукъ въ калитку, и кучеръ Яковъ, захвативъ чугунный пестъ, исчезалъ изъ кухни не менѣе таинственно. Наступала зловѣщая тишина. Лежавшая на печи кухарка тяжело вздыхала и вполголоса начинала причитать:

— Микола милостивый... О-охъ, согрѣшили мы, грѣшные!..

Дѣлалось вообще ужасно страшно, такъ что для безопасности забираешься подъ одѣяло съ головой и даже затыкаешь уши, точно хотятъ ловить не Марзака, а тебя, такого маленькаго и беззащитнаго. Но никакое одѣяло не спасаетъ: ухо ловитъ осторожный топотъ торопливыхъ шаговъ подъ окнами.. Вотъ во весь опоръ пронеслась лошадь... Отъ нашего дома до кабака всего сотни двѣ шаговъ: подняться въ гору, повернуть налѣво, и сейчасъ подъ горой, на берегу горной рѣчонки Шайтанки стоитъ кабакъ. Изъ заводской конторы и господскаго дома, гдѣ жилъ приказчикъ, нужно итти мимо нашего дома, и по звуку шаговъ догадываешься, что невидимые люди бѣгутъ торопливо туда, къ кабаку. Вотъ и набатный колоколъ залился лихорадочнымъ звономъ.

— Матушка, Казанская Богородица... Помилуй насъ!—уже громко молится кухарка, и въ звукахъ ея голоса стоятъ дешевыя бабьи слезы.—Микола милостивый... угодники безсребренники...

Такой набатъ возвѣщалъ, что Марзакъ въ кабакѣ. На улицѣ поднимался громкій топотъ бѣгущихъ—теперь уже никто не бережется. Народъ бѣжалъ изъ фабрики и съ Зарѣчнаго конца. А колоколъ все звонитъ частыми смѣшанными ударами, точно пульсъ лихорадочнаго больного... Потомъ все сразу замираетъ—и колоколъ, и бѣгущіе шаги, и конскій топотъ, но эта зловѣщая тишина еще страшнѣе недавняго шума, и чувствуешь, какъ отзываетъ набатъ въ груди—собственное сердце, а въ вискахъ тяжело шумитъ кровь. Всѣ чувства напрягаются до послѣдней степени. Не слышно даже причитаній кухарки, которая тоже насторожилась, какъ птица. „Господи, что

же будетъ: поймаютъ Марзака, или онъ кого-нибудь зарѣжетъ и уйдетъ?..“ Точно въ отвѣтъ, гдѣ-то тамъ, подъ землей, глухо проносится смутный гулъ. Вотъ онъ ближе, ближе, точно поднимается какая-то волна. Опять топотъ, громкій говоръ, чей-то одинокій плачъ—по улицѣ проходитъ цѣлая толпа народа: это ведутъ въ „машинную“ пойманнаго Марзака.

— Ну что?—спрашиваетъ отецъ, когда Яковъ возвращается.

— А пымали... и ножъ у сапогѣ: во, якій ножъ, — объясняетъ Яковъ, охваченный лихорадкой совершеннаго подвига. — Мы его у кабакѣ узяли... Подходимъ: сѣдитъ, постучали у дверь: сѣдитъ, вошли: сѣдитъ...

— То-то, поди, напугали мужика, аники-воины,—язвитъ кухарка:—легкое мѣсто, всей-то ордой на одного человѣка навалились. Избили почти на смерть?..

— А якъ же?.. Винъ съ ножомъ...

Кухарка что-то ворчитъ себѣ подъ носъ, Яковъ выкуриваетъ для успокоенія послѣднюю трубочку, и все засыпаетъ, какъ засыпаетъ и самъ Марзакъ въ „машинной“. Всю ночь гремитъ одна фабрика, да дымятъ безъ конца высокія трубы, разсыпая снопы красныхъ искръ.

Шайтанскій заводъ принадлежитъ къ числу тѣхъ медвѣжьихъ угловъ, которые рѣдко попадаются даже на Уралѣ. Онъ залегъ своими бревенчатыми избами по западному склону горнаго кряжа и въ описываемое нами время (конецъ пятидесятыхъ годовъ) едва имѣлъ двѣ тысячи населенія, сосланнаго сюда съ разныхъ сторонъ: основаніемъ служили раскольники, потомъ къ нимъ прибавили туляковъ и хохловъ, пригнанныхъ изъ Россіи. Нашъ кучеръ Яковъ былъ „пригнанный“ хохолъ, а Марзакъ—тулякъ. Характерной особенностью крѣпостного права на заводахъ было то, что въ это время создался контингентъ крѣпостныхъ бѣглыхъ и крѣпостныхъ дураковъ. Бѣгалъ кержакъ Савка, потомъ хохолъ Окулко и Безпалый, но всѣхъ ихъ выше по цѣльности типа стоялъ Марзакъ. По крайней мѣрѣ, въ нашемъ дѣтскомъ воображеніи онъ сложился въ сказочнаго героя, котораго не держали ни тюремныя стѣны ни кандалы, не говоря уже о „машинной“ и своихъ заводскихъ торгахъ. Всего сильнѣе дѣйствовалъ на воображеніе открытый характеръ его дѣйствія. Втайнѣ все населеніе сочувствовало ему, какъ живому протесту противъ жестокихъ заводскихъ порядковъ, тѣмъ болѣе, что Марзакъ никому, кромѣ заводскихъ властей, никакого зла не дѣлалъ.

Пойманный Марзакъ запирался въ „машинную“, т.-е. теплое помѣщеніе для пожарныхъ машинъ, гдѣ жили заводскіе конюхи. Здѣсь обыкновенно производилась порка, и, проходя мимо заводской конторы, можно было частенько слышать отчаянные вопли истязуемыхъ въ машинной. Самое зданіе конторы уже имѣло въ себѣ казенный внушительный видъ; низенькій, разсѣвшійся на двѣ половины домъ съ высокимъ мезониномъ и бѣлыми колоннами выстроенъ былъ въ казарменно-классическомъ стилѣ временъ Аракчеева и стоялъ „въ самомъ горлѣ“, какъ говорили рабочіе, т.-е. въ концѣ плотины, такъ что всякій долженъ былъ проѣхать мимо этой конторы—другой дороги не было. Мы, дѣти, относились съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ къ этому таинственному мѣсту, и только желаніе посмотрѣть на знаменитаго разбойника Марзака побороло спасительное чувство страха. Помню, какъ подъ предводительствомъ нашего кучера Якова мы отправились туда въ первый разъ прямо подъ бѣлыя колонны, гдѣ шелъ сквозной коридоръ съ улицы на дворъ. Нѣсколько кучеровъ, „отвѣчавшихъ“ и по заплечнымъ дѣламъ, встрѣтили Якова, какъ своего: русскіе кучера отличаются необыкновенной общительностью и братскими чувствами.

— А мы до Марзака...— равнодушно объяснялъ Яковъ, покачивая на насъ движеніемъ головы.

Насъ повели черезъ дворъ къ низенькому бревенчатому зданію, которое по наружному виду рѣшительно ничего страшнаго не представляло: обыкновенный каретникъ, и только распашныя двери были обиты кошмой. Это и была машинная. Когда дверь растворилась, на насъ пахнуло совсѣмъ хозяйственнымъ воздухомъ: пахло дегтемъ, кожей, ржавымъ желѣзомъ и злѣйшей кучерской махоркой. Въ машинной стояла полутьма, и глазу необходимо было къ ней привыкнуть, чтобы различить рядъ пожарныхъ машинъ и внутреннюю дверь въ слѣдующее отдѣленіе. Небольшое оконце въ этой двери, задѣланное желѣзной рѣшеткой, глядѣло, какъ единственный глазъ.

— Эй, Ѳедя...—осторожно окликнулъ одинъ изъ кучеровъ, заглядывая въ рѣшетчатое оконце.

Гдѣ-то въ глубинѣ рѣзко грянули желѣзныя кандалы, и у оконца показалось красное лицо Марзака.

— Дайте табаку на цыгарку...—какъ-то равнодушно попросилъ голосъ изъ-за рѣшетки.

Наше любопытство было вполнѣ удовлетворено: Марзакъ оказался настоящимъ разбойникомъ—въ кандалахъ, въ красной рубахѣ, съ хриплымъ голосомъ и однимъ глазомъ, а другой отсутствовалъ.

Черезъ нѣсколько дней, послѣ приличной домашней экзекуціи, его увозили въ Верхотурье. Картина получалась самая импонирующая: Марзакъ сидитъ въ телѣгѣ въ своей кумачной рубахѣ безъ шапки и, по старозавѣтному разбойничьему обычаю, истово раскланивается на всѣ четыре стороны. Помню до мельчайшихъ подробностей эту большую угловатую голову, на которой при каждомъ поклонѣ трепалась волна русыхъ шелковыхъ кудрей. Сотни народа бѣгутъ за телѣгой, а Марзакъ все кланяется, пока его красная рубаха, точно кровавое пятно, не исчезла на поворотѣ къ роковому кабаку.

II.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, поздней осенью мнѣ нужно было ѣхать въ Петербургъ. Уральской желѣзной дороги тогда еще не было, и проѣхать триста верстъ до Перми по убійственному гороблагодатскому тракту являлось такимъ подвигомъ, предъ которымъ отступали завзятые храбрецы,—даже прославленный сибирскій трактъ въ сравненіи съ нимъ являлся чуть не шоссе. Узнавъ, что съ одной изъ верхнихъ чусовскихъ пристаней отправляется послѣдній караванъ, я постарался воспользоваться этой оказіей.

Осенній сплавъ по рѣкѣ Чусовой не представляетъ опасностей, но требуетъ терпѣнія,—то разстояніе, которое весной проходится въ трое сутокъ, теперь могло потребовать трехъ недѣль. Но выбирать было не изъ чего, и я отправился. По „межени", т.-е. лѣтомъ, по Чусовой могутъ проходить только полубарки съ грузомъ отъ 5-ти до 7-ми тысячъ пудовъ. На одномъ изъ такихъ суденышекъ я и помѣстился,—водоливъ уступилъ половину своей каютки, и это представляло громадныя удобства. Отвалъ каравана съ пристани составлялъ всегда событіе, и я съ удовольствіемъ наблюдалъ суетившуюся на берегу толпу. Весной на Чусовой набирается до 20 тысячъ пришлаго „чужестраннаго" народа, сгоняемаго сюда нуждой изъ сосѣднихъ губерній, а осенью работаютъ всѣ свои пристанскіе или съ ближайшихъ заводовъ. Нужно замѣтить, что въ бурлаки изъ заводскихъ шли самые отолтѣлые и замотавшіеся

рабочіе, пользовавшіеся самой плохой репутаціей. Такъ было и теперь. Коренные чусовляне перемѣшались съ заводчиной, и получилась самая пестрая бытовая картина. Меня интересовалъ не самый сплавъ, который осенью ничего особеннаго для насъ, уральцевъ, не представлялъ, а только бурлаки.

— Да не варнаки ли... а?..—оралъ водоливъ, который метался по полубарку во время отвала съ такимъ азартомъ, точно насъ осадилъ непріятель. — Куда прете?.. Эй, бабенки, вы у меня смотрите... Ну, и пародецъ... а?!.

Сходни сняты, снасть отдана, и барка медленно отдѣлилась отъ берега.

— Шапки долой!—скомандовалъ сплавщикъ.

Головы обнажились. Посыпались торопливые кресты. Въ этотъ моментъ съ берега изъ толпы вынырнулъ высокій мужикъ съ котомкой за плечами, догналъ медленно двигавшуюся барку и при помощи легонькаго шестика ловко перепрыгнулъ черезъ воду. Онъ такъ плашмя и упалъ на палубу прямо подъ ноги изумленному водоливу, который въ азартѣ хотѣлъ его столкнуть обратно въ воду, но это было не такъ-то легко сдѣлать: мужикъ ухватился одной рукой за канатъ и замеръ.

— Не тронь...—спокойно замѣтилъ онъ, не обращая вниманія на пинки водолива.

— Эй, Данилычъ, отвяжись,—окликнулъ водолива сплавщикъ.—Разѣ ослѣпъ...

Бурлаки сначала захохотали, счастливые даровымъ представленіемъ, а потомъ смолкли и зашептались.

Этотъ эпизодъ быстро затерялся въ пестрой смѣнѣ новыхъ впечатлѣній. Плыли мимо оригинальные берега, подпиравшіе рѣку разорванной линіей чередовавшихся скалъ; показывались и быстро прятались глухія лѣсныя деревеньки; прошумѣлъ первый переборъ, гдѣ рѣка, сдавленная камнями, неслась съ шумомъ и ревомъ опеpенными бѣлой пеленой майданами, точно въ тѣснотѣ бѣжало стадо бѣлыхъ овецъ; хмурое осеннее небо непривѣтливо глядѣло сверху изъ-за дикихъ скалъ, и наконецъ медленно и настойчиво пошелъ осенній назойливый дождь, не знающій пощады. Ничего не оставалось, какъ уходить въ каюту, гдѣ водоливъ Данилычъ уже „смастачилъ“ чай. Я нашелъ своего сожителя въ полномъ отчаяніи.

— Это не барка, а острогъ...—ругался Данилычъ, обрадовавшись случаю подѣлиться своимъ горемъ.—Разбой, одно слово.

— Да что такое случилось?

— А Ѳедька?.. Зарѣжетъ онъ насъ всѣхъ...

— Какой Ѳедька?..

— А Марзакъ? Ну, еще давѣ на шестокѣ на барку перескочилъ: разбойникъ и есть разбойникъ...

Я не узналъ героя своихъ дѣтскихъ воспоминаній и не могъ удержаться, чтобы не выскочить изъ балагана и не посмотрѣть на знаменитаго Ѳедьку. Страшнаго однако ничего не оказалось. Ѳедька, какъ ни въ чемъ не бывало, стоялъ подгубщикомъ у поноснаго *) и ворочалъ его, какъ матерый медвѣдь. Картина бурлаковъ, работавшихъ подъ дождемъ, была самая жалкая. Что-то такое беззащитное и оторванное отъ всего чувствовалось подъ этими мокрыми

---

*) Поноснымъ, или потесью, называется бревно съ „перомъ на одномъ концѣ,—оно на баркѣ замѣняетъ руль и весло; толстый конецъ поноснаго, у котораго стоятъ бурлаки, заканчивается „губой“. Въ подгубщики ставятся самые сильные и опытные бурлаки.

лохмотьями, безмолвно шевелившимися на палубахъ по командѣ сплавщика. Ѳедька работалъ за двоихъ, и сплавщикъ любовно смотрѣлъ на него, когда онъ „срывалъ“ тяжелое поносное, какъ перышко. Теперь было понятно, почему сплавщикъ заступился за Ѳедьку, когда разгоревшійся Данилычъ хотѣлъ столкнуть его въ воду.

Бойкій пристанскій народъ рѣзко выдѣлялся въ средѣ заводчины. Чусовляне были какъ у себя дома, а заводскіе, привыкшіе къ своей огненной или курной работѣ, выглядѣли чужими, непривычными людьми. Исключеніе представлялъ одинъ Марзакъ, видимо ломавшій не первый караванъ по Чусовой. В течеціе двухъ недѣль я внимательно присматривался къ оригинальной бурлацкой артели, которая сложилась такъ же быстро, какъ и всѣ другія мужицкія артели. Повторилось поразительное явленіе, которое меня всегда занимало: въ теченіе нѣсколькихъ часовъ сложилось твердое и безповоротное общественное мнѣніе, и каждому отведено было надлежащее мѣсто. Сдѣлалось это само собой, по молчаливому соглашенію, и вся барка представляла собою одинъ организмъ съ тонкимъ распредѣленіемъ ролей, обязанностей и разныхъ возможностей. И разбойникъ Марзакъ сразу занялъ свое особенное мѣсто: онъ не принималъ никакого участія въ бурлацкомъ галдѣньи, мелкихъ ссорахъ и ругани, точно не замѣчалъ ничего кругомъ. Между тѣмъ, когда требовалось по какому-нибудь экстренному случаю,—сѣла барка на мель, подрались бабы,—мнѣніе бурлацкаго круга, его голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Высказывалъ свою мысль Ѳедька коротко, въ нѣсколькихъ словахъ, но здѣсь все было обдумано и взвѣшено.

— Ужъ Ѳедька скажетъ, точно гвоздь заколотитъ!..—говорили про него бурлаки.—Такой уродился.

Ростомъ Марзакъ былъ невеликъ, но широкъ въ плечахъ и, какъ всѣ силачи, сильно сутуловатъ. Лицо было такое же красное, и все тѣ же русые кудри шапкой стояли на угловатой головѣ. Вытекшій глазъ придавалъ этому лицу угрюмое выраженіе. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ: синяя пестрядная рубаха, рваный армякъ, худые сапоги на ногахъ, шапка въ формѣ вороньяго гнѣзда, и все тутъ. Разбойничьей красной рубахи не было и въ поминѣ, а вмѣстѣ съ ней онъ точно снялъ и свое обаяніе, какъ разбойникъ. Оставалась извѣстная авторитетность человѣка, привыкшаго къ опасностямъ, сказывался сильный, властный характеръ, но черезъ эти остатки сквозила какая-то усталость, вѣрнѣе сказать—грусть. Однимъ словомъ, это былъ человѣкъ, который сыгралъ свою роль и остался не у дѣлъ.

Однажды вечеромъ мы затащили его въ свой балаганъ напиться чаю. Онъ принялъ приглашеніе довольно непринужденно и такъ же непринужденно разговорился.

— Какъ ты тогда, Ѳедя, изъ разбойниковъ-то выпутался?—спрашивалъ сплавщикъ, любившій поболтать съ хорошимъ человѣкомъ.

— А какъ волю объявили, ну, я въ тѣ поры въ бѣгахъ состоялъ,—спокойно отвѣчалъ Марзакъ, глядя въ сторону:—ну, вижу, пошло уже совсѣмъ другое... Втроемъ мы тогда и объявились въ Верхотурье по начальству: я, Савка и Безпалый. Такъ и такъ, мы, молъ, самые и есть. Ну, насъ судить, въ острогъ, а у насъ свое на умѣ. Таскали, таскали насъ по судамъ...

— А вы, значитъ, свое: знать ничего не знаю, вѣдать не вѣдаю?..

— Знамо дѣло... Ну, надоѣло начальству, и выпустили въ подозрѣніи.

— Это по старымъ судамъ даже весьма много было... Главная причина, что вотъ бѣгать не зачѣмъ стало: всѣ вольные.

— Мы свою-то волю раньше получили... по-волчьему.

Марзакъ оказался разговорчивымъ человѣкомъ и разсказывалъ о себѣ, какъ о постороннемъ: дѣло прошлое, нечего таиться, а что было, то было.

— Чѣмъ же ты теперь занимаешься?—спрашивалъ я его.

— А разное... Вотъ на сплавъ уйду, потомъ на золотые промыслы. Работы послѣ насъ еще останется... Не прежняя пора: палкой на работу гонали, да всякій надъ тобой же галеганится.

— А бываетъ тебѣ скучно иногда?

Этотъ вопросъ точно испугалъ Марзака. Онъ быстро взглянулъ на меня своимъ единственнымъ глазомъ, тряхнулъ головой и замолчалъ. Нечаянно я, кажется, попалъ въ самое больное мѣсто.

— Не въ людяхъ человѣкъ—вотъ какое мое дѣло,—отвѣтилъ послѣ длинной паузы Марзакъ.—Добрые люди какъ на звѣря смотрятъ... имя-то осталось... Раньше-то хоть волкомъ ходилъ, а теперь и этого не стало.

Біографія Марзака оказалась несложной. Родился и выросъ онъ въ Шайтанскомъ заводѣ, а подросткомъ уже работалъ на фабрикѣ въ кричной. Тяжелая огненная работа Марзаку была ни по чемъ, но сталъ поперекъ горла одинъ крѣпостной уставщикъ. Завязалась отчаянная борьба между безгласнымъ рабочимъ и микроскопическимъ начальствомъ, выбившимся разными неправдами изъ простой рабочей среды: давилъ такой же рабочій. Дѣло кончилось тѣмъ, что ни въ чемъ неповинного Марзака отвели въ машинную и прописали жестокую порку. Онъ обозлился и съ ножомъ бросился на приказчика. Дальше слѣдовала уже настоящая порка, кандалы и жерлитурскій острогъ, гдѣ Марзакъ закончилъ кругъ своего образованія въ обществѣ Савки и Безпалаго. Съ ними онъ ушелъ изъ острога и подъ ихъ руководствомъ быстро прошелъ весь опытный курсъ бродяжничества. Впослѣдствіи эту шайку обвиняли въ ограбленіи заводской почты и въ другихъ шалостяхъ, направленныхъ противъ заводскаго начальства.

— Зачѣмъ же тебя чортъ въ кабакъ-то приносилъ тогда?—удивился вздоливъ Данилычъ, успѣвшій примириться съ разбойникомъ.

— Когда въ бѣгахъ состоялъ?

— Ну, когда бѣгалъ... Захаживалъ и къ намъ на пристань, какъ же. Ну, и бѣгалъ бы по лѣсу, а то нѣтъ, надо въ кабакъ... Да еще зря и въ кабакъ-то придетъ. Всѣ знаютъ твою-то заразу, и сейчасъ ловить.

Марзакъ посмотрѣлъ на Данилыча и разсмѣялся—это было въ первый разъ, что онъ развеселился.

— А вѣдь я и самъ то же самое думалъ, Данилычъ,—отвѣтилъ онъ, встряхивая кудрявой головой.—Знаю, что поймаютъ, а иду... Точно вотъ кто меня толкаетъ. Намерзнешься въ лѣсу-то, наголодаешься, истомишься, оно и тянетъ въ теплое мѣсто...

— Ахъ ты какой, Ѳедя: ну, послалъ кого за водкой—и вся тутъ.

— Ну, нѣтъ... Тутъ дѣло особенное: какъ увидали тебя на улицѣ, значитъ, быть Ѳедькѣ въ кабакѣ. Да... Знаешь, что ждутъ ужъ тебя, будутъ ловить, ну вотъ поэтому по самому и идешь. Не боится, молъ, васъ Ѳедька никого... Не одинова уходилъ изъ кабака-то цѣлешенекъ, потому какъ всѣ тебя боятся. Приступиться страшно къ разбойнику... Нельзя не прійти.

Въ Перми мы разстались. Марзакъ дружелюбно мотнулъ мнѣ головой и зашагалъ съ толпой бурлаковъ.

— Ты куда это?—спрашивалъ я его на прощанье.

— А вонъ...—указалъ онъ на ближайшую кабацкую вывѣску.

— Въ кабакъ?

— По нашему положенію некуда больше.

III.

Въ послѣдній разъ въ Шайтанскомъ заводѣ я былъ въ восьмидесятыхъ годахъ. Заводъ значительно увеличился, появилось много новыхъ построекъ, но изъ старыхъ, знакомыхъ, дорогихъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ, оставалось уже мало. Народилось и выросло молодое, незнакомое поколѣніе, и усиѣли сложиться уже нѣкоторыя новыя формы заводскаго быта. Такъ, сравнительно вдвое контингентъ дураковъ и дурочекъ. Вмѣсто одного кабака съ какой, замѣчательной вывѣской, выросли цѣлыхъ пять питейныхъ заведеній. Да, много было новаго, и въ душѣ поднималось невольное старческое чувство, то особенное чувство, когда васъ охватываютъ безпричинная грусть и безпокойныя размышленія о суетѣ суетъ.

Поздним лѣтнимъ вечеромъ, когда благочестивые люди улеглись спать, ко мнѣ въ квартиру завернулъ знакомый заводскій служащій сообщить, что сейчасъ поймали двухъ бродягъ и отвели ихъ въ волость.

— Развѣ есть опять бѣглые?—удивился я.

— Нѣтъ, не свои, а чужестранные,—объяснилъ служащій.—Надо полагать, сбились съ дороги, поплутали-поплутали по горамъ, ну и зашли въ жило *), а ихъ здѣсь и накрыли. У нихъ свой трактъ: по р. Исети, а потомъ на Чусовую.

Мнѣ захотѣлось взглянуть на бродягъ, и мы отправились въ волостное правленіе, до котораго было десять шаговъ.

По заводамъ волости щеголяютъ своимъ приличнымъ видомъ и даже богатствомъ. Такъ, шайтанское волостное правленіе помѣщалось въ каменномъ двухъэтажномъ домѣ, выстроенномъ на „пропойныя деньги", т.-е. на тѣ тысячи рублей, какія выплачивались обществу кабатчиками за разрѣшеніе открыть въ заводѣ извѣстное число заведеній. Во второмъ этажѣ брезжилъ еще огонекъ, и запоздавшій надъ своими бумагами писарь встрѣтилъ насъ съ недовольнымъ и сердитымъ лицомъ.

— Бродяги, извѣстно, бродяги и есть...—ворчалъ онъ, зажигая сальную свѣчу, чтобы проводить насъ въ нижній этажъ, гдѣ помѣщался „карцъ".—Невидаль какую нашли...

Мы спустились въ какой-то коридоръ, гдѣ пахло офиціальной вонью всѣхъ кутузокъ, холодныхъ и всякихъ другихъ узилищъ.

— Варнаки какіе-то,—уже добродушно объяснялъ писарь, пробуя на всякій случай крѣпкую деревянную дверь съ рѣшетчатымъ оконцемъ.—Эй, Ѳедя, гдѣ у тебя ключъ?..

Гдѣ-то въ углу на лавкѣ послышалась тяжелая возня, и изъ темноты выступила плечистая фигура каморника, пошатывавшагося спросонья. Повернулся ключъ въ замкѣ, и дверь распахнулась.

— Эй, вы, голуби... покажитесь, — командовалъ писарь, поднимая свѣчу кверху.—Одинъ назвался „Не поминай лихомъ", а другой „Постой-ка". Ну, пошевеливайтесь, господа непомнящіе родства... Который „Постой-ка"-то?..

— Я,—отвѣтилъ разбитый тенорокъ изъ темнаго угла.

Бродяги оказались самыми обыкновенными и попались они тоже самымъ обыкновеннымъ образомъ. „Постой-ка" попросилъ табаку и равнодушно завалился опять на нары.

---

*) Жило—селеніе.

— А они не убѣгутъ у васъ?—спрашивалъ слушатель, посматривая на деревянную стѣнку, отдѣлявшую эту камеру отъ сосѣдней комнаты.

— Ну, у насъ-то ужъ не уйдутъ...—самодовольно отвѣтилъ писарь и, мотнувъ головой на каморника, прибавилъ:—вонъ у насъ какой благодѣтель для нихъ приспособленъ... хе-хе!.. Ѳедя, не пустишь?

— Не пущу...—лѣниво отвѣтилъ каморникъ.—Гдѣ имъ... Такъ, расейскіе. Ихъ надо еще съ ложки кашей кормить...

Это былъ Марзакъ. Я не узналъ его сразу въ темнотѣ и только теперь разсмотрѣлъ хорошенько. Да, это былъ онъ,—та же кудрявая голова, тотъ же закрытый глазъ, та же сутулая, могучая спина.

— Не узнаешь?—спросилъ я его.

— Запамятовалъ, ваше скородіе...—отвѣтилъ Марзакъ тономъ человѣка, пріобщившагося къ мѣстной администраціи.

— А вы его знаете?—спрашивалъ въ свою очередь писарь.—Онъ у насъ въ сотскихъ ходитъ вотъ ужъ третій годъ... Ну, Ѳедя, запирай: сладенькаго понемножку.

ПОДСНѢЖНИКЪ.

Очеркъ.

I.

— Васька, и нѣтъ у тебя стыда ни капли... Погляди-ка ты на себя-то, на рожу-то на свою... Охъ, погибель ты моя, Васька, не глядѣли бы на тебя мои глазыньки!..

— Мамынька...

— Какая я тебѣ мамынька?.. Другимъ матерямъ дѣти-то на радость, а мнѣ петля на шею. По станицѣ идешь, такъ всѣ пальцами тычутъ: вонъ Васькина мать идетъ. Пріятно это матери-то, когда проходу нѣтъ отъ твоихъ качествъ?..

— Мамынька...

— И по смѣй ты этого самаго слова выговаривать, а то прокляну... Лучше уйди съ глазъ долой...

Страшный контрастъ представляли эти два спорившихъ голоса: старая казачка Ульяна такъ и дребезжала, точно треснувшее стекло, а грубый голосъ Васьки гудѣлъ такой полной нотой, какъ гудитъ ворвавшійся въ комнату шмель. Впрочемъ, достаточно было взглянуть на дѣйствующихъ лицъ, чтобы понять эту разницу: высохшая, какъ щепка, Ульяна казалась дѣвочкой рядомъ съ своимъ сыномъ. Онъ сидѣлъ на лавкѣ въ накинутомъ на плечи татарскомъ азямѣ и въ бѣлой войлочной киргизской шляпѣ на головѣ; красная кумачная рубаха врѣзалась воротомъ въ красную могучую шею, а изъ широкихъ киргизскихъ кожаныхъ шароваръ, расшитыхъ когда-то шелкомъ, выставлялись голыя ноги. Удивительный былъ человѣкъ этотъ Васька; онъ казался какимъ-то выходцемъ среди остальной человѣческой мелочи, точно сорвался съ какого-нибудь свитка увертливаго московскаго подьячаго, гдѣ означены были такія примѣты: „волосомъ русъ, кудреватъ, борода тоже русая, окладомъ на-двое, надъ лѣвой бровью къ носу сѣчено на-полы да затерто зельемъ, глаза быстрые, изъ себя кряжистъ“ и т. д. Такіе молодцы родились только въ разинской Руси, и сама Ульяна не могла дать толку, въ кого могъ Васька уродиться такимъ богатыремъ.

— Мамынька, а... дай двоегривенный...

Именно этого и ждала Ульяна и вся точно вскипѣла: этакій лобъ пришелъ обирать у матери послѣднія деньги. Легкое мѣсто сказать: двоегривенный... Вѣдь ей, старухѣ, и въ недѣлю его не выработать на пряжѣ или полотьемъ грядъ, а онъ, все равно, снесетъ его въ кабакъ, двоегривенный-то. Взбѣшенная этой просьбой Ульяна кинулась къ сыну съ кулаками.

— Двоегривенный, а?..—визжала она, наскакивая на своего богатыря.—

Ты думаешь, я на тебя и управы не найду... а?.. Сейчасъ побѣгу къ атаману... Будетъ мнѣ терпѣть отъ тебя!

Старуха бросилась къ двери, но вернулась и снять кинулась на Ваську съ какой-то яростью, какъ раненый звѣрь.

— Да ты съ кѣмъ разговариваешь-то, безпутная голова!—уже хрипѣла она и ловкимъ ударомъ по затылку сшибла бѣлую шляпу съ Васькиной головы. Бога-те хоть побойся... лѣзешь съ шашкѣ въ избу, какъ орда какая...

Васька покорно нагнулся, чтобы поднять съ полу шляпу, и свѣсившіеся русые кудри закрыли его лицо до самыхъ усовъ. Разогнувшись, онъ исподлобья посмотрѣлъ на мать, движеніемъ головы откинулъ волосы назадъ и, улыбнувшись, проговорилъ:

— А ты погляди, мамынька, вотъ на это...

Скинувъ съ праваго плеча азякъ, Васька открылъ висѣвшую, какъ плеть, руку: красная рубаха была разорвана, и на самомъ плечѣ вздулся сине-багровый пузырь съ кулакъ величиной. Ульяна только жалобно ахнула и замоталась на мѣстѣ.

— Васенька, голубчикъ, кто это тебя изувѣчилъ?—закричала она, привычнымъ глазомъ осматривая кровоподтекъ.—Ахъ, разбойники!.. Ужо я тебѣ разотру въ банѣ да травки приложу. Кость-то хоть цѣла ли осталась, а мясо залилось... Ахъ, разбойники, душегубцы проклятые!..

— У башкыръ на байгѣ *) былъ...—бормоталъ Васька виновато.—Ну, такъ оглоблей и зацѣпили... Въ голову подлецы мѣтились, да только промахнулись.

Я былъ единственнымъ свидѣтелемъ этой сцены, потому что занималъ небольшую комнату рядомъ. Собственно говоря, первая ея половина представляла довольно заурядное явленіе, потому что Васька частенько завертывалъ къ матери за двоегривенными и получалъ безропотно жестокую головомойку, но теперь весь интересъ сосредоточивался на неожиданномъ финалѣ. Когда я показался на порогѣ, Ульяна жалобно запричитала,—свое, домашнее горе при постороннемъ человѣкѣ казалось еще больнѣе.

— Перестань выть,—останавливалъ ее Васька.—Не велика важность... Не это видывали...

— Гдѣ это тебя, Василій, угораздило?

— Да такъ, неустойка небольшая вышла... Ужъ и здоровъ же башкыретинъ попался мнѣ: дерево дубовое. Какъ звѣзданетъ оглоблей...

— Ты бы къ доктору съѣздилъ,—посовѣтовалъ я, съ ужасомъ разглядывая синій пузырь на плечѣ.

— Ничего, такъ износимъ... Вотъ мамынька разотретъ въ банѣ да травкой полѣчитъ.

— И то полѣчу,—упавшимъ голосомъ повторяла за сыномъ убитая горемъ Ульяна.—Есть и травка такая...

Какъ всѣ старыя казачки, Ульяна умѣла лѣчить всякіе ушибы и раны,—въ прежнія времена, когда подъ Уметомъ проходила „линія“, безъ этого было нельзя. Увлекшись медицинскими соображеніями, старуха позабыла о „двоегривенномъ“, а только охала и быстро что-то искала по разнымъ печуркамъ, на полатяхъ и въ сундукѣ подъ лавкой. Нужно было видѣть, съ какой ловкостью Ульяна принялась растирать ушибленное мѣсто, а потомъ перевязала его.

— Ну и башкыретинъ попался,—бормоталъ Васька, покручивая кудрявой головой.—Кк-акъ размахнется... ну и чортъ!..

---

*) Байга—скачки у башкиръ.

Когда перевязка кончилась, въ рукахъ у Васьки появился точно самъ собой двоегривенный,—это сунула Ульяна, уже безъ всякой просьбы, точно она хотѣла утѣшить поврежденное дѣтище. Она выскочила за ворота, провожая уходившаго въ кабакъ Ваську. Онъ и шелъ не такъ, какъ другіе, по самой срединѣ улицы, волоча по пыли одну полу азяма. Въ дверяхъ кабака ждала возвращенія Васьки кучка кабацкихъ завсегдатаевъ. Когда визгливая, расщелившаяся и захватанная грязными руками кабацкая дверь проглотила могучее Васькино тѣло, Ульяна вернулась въ избу и, повалившись на лавку, глухо зарыдала. Нужно же было выплакать свое старое горе, свою материнскую любовь и женскую безпомощность.

Эта живая картинка съ натуры разстроила обычный порядокъ моего дня. Я долго ходилъ по комнатѣ, прислушиваясь къ подавленнымъ вздыхаваньямъ Ульяны, и какое-то тяжелое и гнетущее чувство мѣшало мнѣ приняться за обычную работу, точно и комната сдѣлалась вдругъ меньше, и воздухъ сперся, и какой-то мертвой истомой дохнуло въ открытое оконце съ накаленной лѣтнимъ степнымъ солнцемъ улицы. Въ такіе жаркіе іюльскіе дни станица Уметъ точно вымирала. Даже станичныя собаки и тѣ исчезали неизвѣстно куда. Дѣйствительно, степное солнце жжетъ такъ немилосердно, что не хочется двигаться, да и некуда, если бы даже явилась къ тому охота,—кругомъ станицы разлеглась ковыльная степь, желтымъ ковромъ уходившая изъ глазъ. Лѣсъ былъ вырубленъ самымъ безжалостнымъ образомъ, и кизякъ служилъ единственнымъ топливомъ. Дождя не было уже около двухъ недѣль, и солнце по утрамъ поднималось въ дымномъ маревѣ, красное и громадное, точно только-что раскаленное гдѣ-нибудь въ кузнечномъ горнѣ. Жизнь въ станицѣ проявлялась только по утрамъ и вечерамъ, когда спадалъ степной зной.

— Ульяна, поставь мнѣ самоваръ,—проговорилъ я наконецъ, чтобы хоть этимъ отвлечь вниманіе бѣдной старухи отъ ея горя.

— И то поставлю, баринъ,—отозвалась она своимъ обычнымъ заботливымъ тономъ.—Вонъ какая жарынь на дворѣ... Спалило совсѣмъ.

Къ особенностямъ Ульяны принадлежала способность необыкновенно быстро двигаться, хотя старухѣ было уже подъ семьдесятъ. Когда она спала—я не знаю, потому что въ теченіе двухъ недѣль постоянно видѣлъ ее на ногахъ. Домикъ Ульяны въ станицѣ былъ лучшимъ, и я занималъ въ немъ отдѣльную комнату, убранную съ нѣкоторой претензіей на удобства. Бѣленая печка, деревянная кровать за ситцевымъ пологомъ, зеленый шкапъ для посуды, оклеенный обоями передній уголъ и нѣсколько деревянныхъ стульевъ говорили о лучшихъ временахъ, когда еще былъ живъ мужъ Ульяны, станичный атаманъ. Она была дочерью атамана и вышла замужъ за новаго атамана. Впрочемъ, это было только одно громкое слово, такъ какъ станичные атаманы оренбургскаго казачьяго войска мало чѣмъ отличаются отъ другихъ рядовыхъ казаковъ.

II.

За самоваромъ по вечерамъ у насъ съ Ульяной велись длинные, душевные разговоры. Старушка любила чай, но должна была отказывать себѣ и въ этомъ единственномъ удовольствіи, потому что какіе старушечьи достатки, а отъ Васьки немного поживишься. Поставленный въ неурочное время самоваръ сейчасъ являлся для Ульяны лучшимъ утѣшеніемъ, хотя она, по обычаю, изъ вѣжливости и отказывалась отъ чая. Въ этой высохшей ста-

рушнѣ было такъ много деликатности и какой-то дѣтской застѣнчивости, чѣмъ она мнѣ особенно нравилась. Глядя на нее, такъ и казалось, что это уже не человѣкъ, а одна тѣнь, — жизнь оставалась назади, въ далекомъ прошломъ. Переходы отъ одного чувства къ другому совершались въ ней тоже съ дѣтской быстротой, и, выпивая вторую чашку, Ульяна уже улыбалась.

— Васька-то, безпутный, на какого башкыретина натакался, — повторяла она съ улыбкой, покачивая маленькой головкой, какъ у сушеной рыбы, точно говорила о комъ-то постороннемъ. — А не ходи на байгу, не связывайся съ ордой... Все равно, уходитъ когда-нибудь, — прибавила она уже совсѣмъ равнодушно.

— Кого уходитъ, бабушка?

— А его же, Ваську... Не снесетъ ему своей головы, потому какъ самъ вездѣ лѣзетъ. Какой-то онъ смѣшной, право... Вотъ этакъ живетъ-живетъ въ станицѣ, годъ живетъ, два живетъ, а потомъ придетъ и говоритъ: „Мамынька, уйду я отъ васъ... провалитесь вы совсѣмъ и съ вашей станицей... Тошно мнѣ и глядѣть-то на васъ“... Ну, и уходи, коли тошно. А я ужъ знаю его повадку: уйти-то уйдетъ, да и воротится, безпремѣнно воротится. Тянетъ его въ станицу... Теперь вотъ огоревалъ себѣ меленку, такъ сколько поживется. Кабы у Васьки умъ былъ, такъ какъ бы онъ жилъ-то... охъ-хо-хо!.. Въ степѣ онъ гурты гонялъ, такъ пріѣхалъ домой о дву-конь, сѣдло въ наборѣ серебряномъ, на самомъ два шелковыхъ халата, и мнѣ привезъ шелковый платокъ. Тоже, значитъ, вспомнилъ мать-то... Право, такой отличный платокъ. Ну, а потомъ все и пропилъ, и платокъ дареный у меня же изъ сундука выкралъ. За этотъ самый платокъ ему же и досталось: замертво привезли... Охъ-хо-хо! Сижу вотъ этакъ же подъ вечеръ у окошка, пряду шерстку, а Ваську на телѣгѣ и привозятъ. Такъ меня всю и захолонуло... Выскочила, гляжу, а онъ совсѣмъ мертвый, а отъ лица и званья нѣтъ. Одежда на немъ вся исплаштана, самъ въ крови, глаза опухомъ затянуло, лежитъ въ телѣгѣ и не шевельнется. Такъ замертво и въ избу внесли... Ужъ я его обихаживала-обихаживала: и мыла, и натирала, и мазью мазала, и въ банѣ по три дня съ одной старушкой правила, — нето-нето, мой Васька одыбался. Вотъ онъ какой, утѣшитель-то мой. А какъ открыли у насъ вблизи золото, да пошли промысла, такъ и способовъ никакихъ съ Васькой не стало. Этакъ же вотъ одинова его въ шахтѣ нашли: ни рукой ни ногой... Опять я же его налаживала. Стану его спрашивать: „кто тебя, Васька, убилъ?“ Молчитъ. Крѣпкій онъ на языкъ, не обмолвится. Сегодня вотъ про башкыретина сказалъ, а то головой своей безпутной трихнетъ — и весь тутъ нашъ разговоръ. Взъѣдаюсь я на него и сильно взъѣдаюсь, а въ другой разъ и согрѣшу — пожалѣю... Своя кровь, а материнское сердце зла не помнитъ. Да и какой-то онъ, Васька-то, особенный уродился: всѣ люди какъ люди, а его ни къ чему не примѣнишь, точно онъ заговоренный.

Ульяна нѣсколько разъ во время своего разсказа принималась плакать, а потомъ смѣялась сквозь слезы и переходила къ новымъ подвигамъ своего безпутнаго Васьки. Но это была, такъ сказать, экстраординарная тема, вызванная исключительными событіями, и, когда матеріалъ исчерпался въ достаточной степени, старушка перешла къ наклонной плоскости своихъ старушечьихъ воспоминаній — главный предметъ нашихъ чайныхъ бесѣдъ. Да и было о чемъ вспоминать Ульянѣ, этой пожелтѣвшей страницѣ станичной лѣтописи. Она помнила еще то время, когда на Уметъ нападали киргизы, т.-е. не на самую станицу, а на людей въ полѣ.

— Какъ же, наѣзжала эта орда на насъ, и баушку мою съ матерней

стороны киргизы въ полонъ увели, — разсказывала Ульяна. — Попа тоже тогда въ полонъ увели, а чтобы онъ не убѣжалъ, такъ сильно (конскій волосъ) настригли, разрѣзали ему пятки, да въ пятки и насыпали. Когда я еще совсѣмъ дѣвчонкой была, такъ одного нашего казака киргизы вонъ на томъ увалѣ копьями скололи... Березнячокъ тогда росъ по увалу-то, ну, казакъ и идетъ по нему съ покоса, а на нихъ киргизы и наѣхали. Жена-то побѣжала, а казакъ на киргизовъ бросился, чтобы защитить жену, ну, а они его и скололи копьемъ. На другой день его еще живого привезли. Я бѣгала посмотрѣть: лежитъ въ телѣгѣ и стонетъ, а изъ-подъ телѣги кровь каплетъ... Кончился черезъ день. Комендантъ у насъ дрянной былъ, и солдаты все какіе-то беззубые да кривые. Ну, онъ, комендантъ-то, замѣсто того, чтобы оборонить вдову, ее же за киргиза Измаила замужъ отдалъ, потому она стала бы просить свою вдовью часть съ него, съ коменданта-то... Измаилъ-то и убилъ казака, а комендантъ ему вдову отдалъ.

— Да вѣдь Измаилъ-то не нашей вѣры былъ, такъ какъ православную отдавать за него?

— Говорю: дрянной комендантъ былъ... Линія-то тогда близко проходила подъ Уметомъ, ну казаки и мѣшались съ ордой: то наши дѣвокъ киргизскъ, то киргизы увезутъ нашихъ дѣвокъ. Дрянной былъ комендантъ...

Старая казачка часто повторяла одну и ту же фразу, точно переживая ее, а потомъ мысль, какъ ночная птица, дѣлала неожиданно-быстрый поворотъ къ настоящему и прежде всего, конечно, къ безпутному Васькѣ. Раньше бы родиться ему, Васькѣ, когда киргизы на линію наѣзжали, въ самый бы разъ Васькѣ съ киргизами воевать, а то теперь также напрасно погибнетъ гдѣ-нибудь у кабака...

Лѣтосчисленіе Ульяна вела по пожарамъ: большой пожаръ былъ лѣтъ двадцать назадъ, а поменьше — лѣтъ десять тому время. Когда въ дѣвушкахъ была, тоже вся станица выгорала раза два, а самый большой пожаръ случился въ тотъ самый годъ, когда Ульяна „привела въ домъ жениха“ — она была богатая атаманская дочь и жениха брала въ домъ, на все готовое. Послѣдній пожаръ былъ прошлымъ лѣтомъ, — половину станицы какъ языкомъ слизнуло. Прежде хоть строиться легко было — лѣсъ подъ рукой, а нынче ближе ста верстъ жерди не найдешь. Вотъ Васькѣ на пожарахъ такъ цѣны нѣтъ, — какъ бы не онъ, такъ у ней изба ужъ давнымъ-давно сгорѣла бы.

— Съ промыслами у насъ народъ совсѣмъ истварился, — разсказывала Ульяна. — Какъ пошло это золото по станицамъ, такъ всѣ точно бѣлены объѣлись... На моихъ памятяхъ все дѣло было. Жили мы тутъ по старинѣ, какъ еще отцы и дѣды наказывали, а тутъ вдругъ золото... Точно кипяткомъ народъ-то обварило. Лѣтъ этакъ съ пятьдесятъ, какъ золото началось въ степѣ: сначала въ Кочкарѣ оно объявилось, а потомъ до насъ дошло. Мужики-то всѣ на промыслы бросились, а за ними и бабы поволоклись... Охъ-хо-хо!.. До Умета золото дошло передъ большимъ пожаромъ... Ну, мой-то Васька чѣмъ хуже другихъ: на промыслахъ въ конецъ изболтался. И теперь, сказываютъ, краденое золото скупаетъ, только достигнуть его не можетъ компанія. Давно его слѣдуютъ, а сослѣдить не могутъ, потому какъ у вора одна дорога, а у выслѣдчика цѣлыхъ сто. Горе наше казачье съ этимъ золотомъ... И какъ будто денегъ много зарабливаютъ, а бѣдность еще больше. Народъ истварился совсѣмъ, изъ кабака не выходятъ, а это какой же порядокъ. Землю запустили, отъ крестьянской работы отбились, одна надежда на золото... Компанія эта подсунулась, землю казачью въ арендъ забрала. „Мы, говорятъ, васъ кормимъ“...

III.

Казачья станица Уметъ, раскидавшая свои избенки по берегу степной рѣки Уя, являлась сама по себѣ своего рода сфинксомъ: для чего она существуетъ и какъ существуетъ — для обыкновеннаго разума неразрѣшимая задача. Когда-то давно, когда уводили бабушку Ульяны въ полонъ, она еще имѣла значеніе, а сейчасъ рѣшительно никакого, какъ сотни другихъ казачьихъ станицъ, раскиданныхъ въ землѣ оренбургскаго казачьяго войска. Ради курьеза можно отмѣтить хлесткія названія нѣкоторыхъ станицъ: есть казачій Парижъ, есть Берлинъ, Кацбахъ, Ульмъ и т. д.

Рѣка Уй выпадаетъ съ южнаго Урала и уходитъ въ степь. По ея безлѣснымъ берегамъ разсажалось много казачьихъ станицъ, а между прочимъ, и Уметъ. Мѣсто для этой станицы выбрано открытое, вольное, и только съ одной стороны она прикрыта уваломъ. Кругомъ поля, луга и ковыльная степь. Станичное строеніе издали и вблизи имѣетъ самый жалкій видъ, какъ любая русская деревушка, — я говорю русская, въ отличіе отъ громадныхъ, семиверстныхъ сибирскихъ селъ. Прежде всего, рѣзало глазъ отсутствіе всякой зелени — ни кустика ни деревца, вообще хоть шаромъ покати. Казаки въ этомъ случаѣ пересщеголяли даже башкиръ, которые оставляютъ лѣсъ хоть на своихъ кладбищахъ и вообще надъ могилами. Благодаря недостатку въ строительномъ матеріалѣ, избы выстроены изъ березовыхъ жердей, и хозяйственныя пристройки состоятъ изъ одного плетня. Сверху все это прикрыто соломой. Изъ этого общаго описанія можно себѣ представить внѣшнюю красоту этихъ казачьихъ Парижей и Берлиновъ, которые издали походятъ просто на неправильно раскиданныя по полю кучи навоза. Печи дѣлаются изъ битой глины кое-какъ, трубы поэтому лопаются, а отсюда вѣчные пожары казачьихъ станицъ, пожары, которые нисколько не способствуютъ къ ихъ украшенію, какъ это случается въ деревянныхъ русскихъ городахъ. Если мазанки и плетни до извѣстной степени красивы въ Малороссіи, гдѣ и климатъ другой, и притомъ вездѣ вы встрѣтите зеленый садочекъ, прикрывающій хохлацкое убожество, то здѣсь, въ степи, эти плетни и березовыя избы просто жалки.

Въ Уметѣ лучшимъ домомъ была изба Ульяны, поставленная еще въ доброе старое время. Она сохранилась отъ постоянныхъ пожаровъ какимъ-то чудомъ, а отчасти благодаря тому, что была поставлена на углу станичной площади. Внутри она дѣлилась на двѣ избы, — въ одной жила сама хозяйка, а другая отдавалась внаймы. Послѣднее явилось статьей дохода только въ послѣднее время, когда открыли золотые промыслы и по станицамъ начали шнырять разные юркіе люди, искавшіе легкой наживы. Кто дастъ двугривенный, кто тридцать копеекъ, а кто и цѣлый рубль — въ станицѣ это большія деньги, и Ульянѣ завидовали всѣ другія казачки. Да и какъ было не завидовать, когда добычливость ограничивалась своимъ домашнимъ дѣломъ, а деревенской бабьей работѣ вся цѣна расколотый грошъ.

Жизнь казачьей станицы лѣтомъ напоминаетъ тяжелый летаргическій сонъ, нарушаемый только буйными возгласами кабацкихъ завсегдатаевъ. Чувствуется какое-то изнеможенное безсиліе и безпричинная степная апатія. День прошелъ — и слава Богу... Если есть извѣстное движеніе и стимулъ къ такому движенію, то это золотые промыслы, гдѣ кишмя кишатъ невѣдомые люди, жадные до степного золота. Достаточно сказать одно то, что эти таинственные незнакомцы сумѣли расшевелить даже казачью мертвую лѣнь. При

надѣлѣ въ 15 — 30 десятинъ на душу великолѣпнаго чернозема, оренбургскій казакъ ухитрился добиться чисто-башкирской бѣдности и съ радостью отдаетъ въ аренду свой черноземъ по 20 — 50 коп. за десятину, и вдругъ онъ, этотъ казакъ, идетъ на тяжелую промысловую работу. Секретъ здѣсь въ томъ, что у всякаго есть расчетъ на легкую поживу, какъ въ азартной игрѣ, а пока этотъ всякій довольствуется и грошами. Другой расчетъ въ томъ, что хлѣбъ жди, когда еще онъ уродится, а уродился хлѣбъ хорошо, такъ цѣна ему грошъ, а на промыслахъ расчетъ каждую недѣлю, и лѣнивый рабъ несетъ выручку прямо въ кабакъ.

Въ теченіе какой-нибудь недѣли жизнь станицы, со всей ея внѣшней обстановкой и подводной частью, какъ на ладони — дальше и знакомиться не съ чѣмъ, кромѣ безконечныхъ разсказовъ какой-нибудь Ульяны. Остаются промыслы, гдѣ жизнь кипитъ. Вечеркомъ нѣтъ-нѣтъ да кто-нибудь и заглянетъ къ промысловыхъ служащихъ. Есть у меня среди нихъ одинъ пріятель—Павелъ Митричъ, который бываетъ чаще другихъ и приноситъ съ собой послѣдній запасъ новостей. Это рослый и красивый молодецъ съ кудрявой головой и смѣлыми глазами. Онъ прошелъ всю лѣстницу разныхъ промысловыхъ обязанностей, а теперь занимаетъ совершенно фантастическую должность „преслѣдователя хищниковъ", т.-е. ловитъ рабочихъ, тайно промывающихъ золото въ дачѣ компаніи. Каждое утро и вечеръ на горбоносомъ буланомъ конѣ Павелъ Митричъ объѣзжаетъ опасные пункты и частенько возвращается съ добычей. Помню, разъ въ воскресенье я зашелъ въ пріисковую контору, — она стояла верстахъ въ двухъ отъ Умета, на противоположномъ берегу Уя. Собственно говоря, это была почти лачуга или сарай, такъ что громкое названіе „контора" рѣзало ухо. Не успѣлъ я поздороваться съ дежурившимъ служащимъ, какъ на широкій конторскій дворъ съ грескомъ влетѣла крестьянская телѣга, за которой неслись въ карьеръ Павелъ Митричъ и его верховая стража. Въ телѣгѣ кто-то лежалъ и громко стоналъ.

— Хищника привезли!..—пронеслось по всѣмъ избушкамъ, окружавшимъ контору.—Павелъ Митричъ хищника поймалъ...

Когда я вышелъ на дворъ, телѣга была окружена уже цѣлой толпой. Тутъ сбѣжались и служащіе, и прислуга, и рабочіе, и разная безыменная пріисковая челядь.

— Охъ, убили!.. Ба-атюшки, убили...—стоналъ хищникъ въ телѣгѣ.

— Врешь, шельмецъ!..—ругался Павелъ Митричъ, медленно слѣзая съ своего буланка,—онъ имѣлъ сегодня особенно торжественный видъ, какъ герой дня.—У всѣхъ у васъ одна повадка: убили... Ну-ка, ребята, поднимите его, сахара!..

Десятки рукъ бросились къ телѣгѣ, и „сахаръ" предсталъ предъ публикой въ образѣ тщедушнаго мужичонки, босого и безъ шапки. Со страху у бѣдняги подгибались колѣни, и вообще онъ имѣлъ жалкій и несчастный видъ, никакъ не вязавшійся съ такимъ вреднымъ словомъ, какъ „хищникъ". Сквозь толпу протискался точно изъ-подъ земли взявшійся Васька, схватилъ хищника своей желѣзной рукой за плечо, встряхнулъ и торжественно поволокъ въ контору. Мужикъ опять заохалъ и какъ будто весь сжался. Помню это запекшееся на солнцѣ лицо, точно вылѣпленное изъ глины и растрескавшееся, какъ глина, убитый взглядъ слезившихся сѣрыхъ глазъ, узкія плечи, болтавшійся на нихъ заплатанный кафтанишко и необыкновенно длинныя руки,—рядомъ съ Васькой хищникъ походилъ на мокрую курицу.

— Развяжите ему руки!—командовалъ Павелъ Митричъ, въ волненіи шагая по конторѣ.

Хищника развязали и посадили на желѣзный сундукъ съ кассой. Онъ опять заохалъ.

— Я тебѣ покажу, стервецъ!..—кричалъ Павелъ Митричъ.—Ѣду мимо Голиковскаго разрѣза, а онъ сидитъ у воды съ ковшомъ и промываетъ пески... Да, съ ковшомъ. Гдѣ ковшъ? Вотъ этотъ самый... Какъ увидалъ меня, сейчасъ бѣжать. Каковъ? И убѣжалъ бы, если бы я не верхомъ былъ. Я знаю ихъ повадку, и меня не проведешь... Прямо въ разрѣзѣ сидитъ, и ковшъ въ рукахъ!.. Нѣ-ѣтъ, голубчикъ, у меня не уйдешь... покажу!.. У меня судъ короткій...

Пока составляли подробный протоколъ, Павелъ Митричъ все время бѣгалъ по конторѣ и съ азартомъ повторялъ все одно и то же. Онъ совсѣмъ вошелъ въ роль „преслѣдователя хищниковъ“ и выступалъ какимъ-то пѣтушинымъ шагомъ. А хищникъ понуро сидѣлъ на желѣзномъ сундукѣ и все охалъ, придерживая одну руку.

— Ну, будетъ тебѣ два неполныхъ...—шутилъ Васька, похаживая около хищника съ видомъ заплечнаго мастера.—Туда же золото воровать!.. Ахъ, ты, мусоръ!..

— Молчи, кошма!—огрызнулся хищникъ и сейчасъ же застоналъ.

Кошма—ругательное слово для всѣхъ оренбургскихъ казаковъ, и поэтому Васька сейчасъ же вскипѣлъ.

— Павелъ Митричъ, позволь мнѣ уважить его,—просилъ онъ, засучивая рукава.

— Оставь!

Я не дождался конца этой тяжелой сцены и ушелъ.

Встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней Павла Митрича, я освѣдомился относительно дальнѣйшей судьбы пойманнаго хищника.

— Ахъ, да, тотъ?..—равнодушно отвѣтилъ Павелъ Митричъ и махнулъ рукой.—Составили протоколъ и отпустили на всѣ четыре стороны... Золота при немъ не нашли, значитъ, тащить къ мировому не стоитъ: только время даромъ потеряешь...

— Охота вамъ такъ безпокоиться изъ-за пустяковъ.

— Нельзя, служба, а второе—и имъ, подлецамъ, тоже потачки нельзя давать. Да...

— Да вѣдь Голиковскій разрѣзъ давно выработанъ и брошенъ, такъ что же онъ могъ достать со своимъ ковшомъ?

— Оно, конечно, ничего не достанетъ, а все-таки нельзя; компанія требуетъ преслѣдованія хищниковъ. Позволь одному, а за нимъ сотня ихъ является. Со мной разъ какой случай былъ... Я тогда еще пѣшкомъ ходилъ по промысламъ—возьму ружье и иду. Разъ этакъ иду и вижу: двое башкиръ сидятъ въ разрѣзѣ и полощутся съ ковшами. Я къ нимъ, а они отъ меня. Да... Я за ними, а они бѣгомъ въ гору и всю снасть за собой волокутъ. Хорошо... Я какъ изъ одного ствола выстрѣлю, конечно, на воздухъ—они пали, побросали лопаты и ковши, да опять въ гору. Они-то босикомъ дуютъ, а мнѣ въ сапогахъ за ними не поспѣть. Очень ужъ трусливый народъ и боится выстрѣла до смерти... Я какъ царапну изъ другого ствола, они опять на землю пали, а потомъ вскочили да, какъ зайцы, въ разныя стороны бросились. Такъ и ушли... Что, по-вашему, это красиво?

— А что?

— Нѣтъ, я-то въ какихъ дуракахъ остался? Башкиришки убѣжали и надо мной же, поди, посмѣялись. Нѣтъ, съ этимъ народомъ нельзя безъ строгости.

Павелъ Митричъ, минуя его спеціальную обязанность, самъ по себѣ былъ премилый человѣкъ. Собственно говоря, и его должность носила скорѣе комическій характеръ, какъ въ приведенномъ примѣрѣ. Казаки отдавали компаніи свои земли на самыхъ льготныхъ условіяхъ и потомъ сами же шли въ кабалу къ компаніи, сдавая ей добытое золото за полцѣны,—кто тутъ правъ и кто виноватъ, судить трудно. Башкиры такъ же дѣлаютъ: сдадутъ въ аренду свои земли за безцѣнокъ, а потомъ сами же идутъ наниматься къ арендатору въ работу.

Свободное время, котораго оставалось у Павла Митрича достаточно, онъ посвящалъ охотѣ, и мы изъѣздили и исходили съ нимъ много мѣста. Степная охота неважная но все-таки развлеченіе.

IV.

Незадолго до моего отъѣзда изъ Умета, рано утромъ завернулъ ко мнѣ Павелъ Митричъ и, постучавъ въ окно избы нагайкой, проговорилъ:

— Поѣдемте на мельницу къ Васькѣ... У него на пруду пара дикихъ гусей живетъ въ камышахъ.

— Какъ же мы поѣдемъ: верхомъ на одной лошади?

— До конторы, а тамъ возьмемъ коробокъ и закатимся. Васька хотя и плутъ, и я давно слѣжу за нимъ, но гуси-то не виноваты, что онъ краденое золото скупаетъ.

— Совершенно вѣрно...

До Васькиной мельницы было верстъ пять, такъ что не стоило обращаться въ контору. Я отправился пѣшкомъ, а Павелъ Митричъ ѣхалъ за мной верхомъ. Дорога шла внизъ по Ую, черезъ заливной лугъ. Раннимъ утромъ степь полна своеобразной прелести,—краски блещутъ еще ночной свѣжестью, даль уходитъ изъ глазъ радужнымъ туманомъ, и воздухъ дышитъ застоявшимся тяжелымъ ароматомъ пахучей степной травы. Желтоватые султаны ковыля точно проросли алмазными искрами—это ночная роса: въ воздухѣ невидимо гремитъ жаворонокъ, надъ головой въ недосягаемой выси неподвижными точками стоятъ степные ястреба, а солнце поднимается такое большое и совсѣмъ безъ лучей. День будетъ знойный, и впередъ чувствуешь во всемъ тѣлѣ наливающуюся истому.

— А я его, Ваську, все-таки достигну,—задумчиво повторяетъ Павелъ Митричъ, распуская поводья:—потому не скупай нашего золота... да. Онъ думаетъ, что дураки круглые, и чортъ ему не братъ. Погоди, голубчикъ...

— Какъ же это такъ, Павелъ Митричъ: вы его выслѣживаете, то-есть Ваську, а онъ бываетъ у васъ въ конторѣ, и мы сейчасъ ѣдемъ къ нему же въ гости?

— Это ничего не значитъ: хлѣбцемъ вмѣстѣ, а табачкомъ—врозь. Онъ свою линію ведетъ, а мы свою... Я ему давно, чорту, говорю: „Васька, не уйдешь ты отъ моихъ рукъ“. Да... У насъ это просто.

Черезъ часъ показалась и Васькина мельница, выглянувшая на насъ изъ-за крутого мыса. Уй былъ перегороженъ широкой плотиной, и рѣка красиво разлилась въ плоскихъ берегахъ, затянутыхъ камышомъ. Самая мельница „раструска“ имѣла довольно жалкій видъ и стояла даже безъ крыши, какъ приготовленный къ постройкѣ срубъ. Въ десяти шагахъ отъ нея красовалась вросшая въ землю избенка,—она была также безъ крыши. Покачнувшійся плетень и соломенный навѣсъ дополняли хозяйственную обстановку мельника.

— Ишь, мошенецъ, какое мѣсто убойное облюбовалъ,—ругался Павелъ Митричъ, сидѣвшаясь въ сѣдлѣ по-киргизски на одинъ бокъ.—Онъ у насъ, какъ бѣльмо на глазу, сидитъ, потому рабочимъ до его мельницы съ промысломъ рукой подать... А гусей мы у него все-таки залобуемъ!

Мы нашли Ваську дома. Онъ сидѣлъ въ своей избенкѣ передъ самоваромъ въ обществѣ какого-то башкира и того самаго мужичонки-хищника, котораго Павелъ Митричъ недавно представлялъ въ контору съ такой помпой.

— Въ гости къ тебѣ пріѣхали,—заявилъ Павелъ Митричъ, входя въ избу.—Ну, здравствуй...

— Мы гостямъ завсегда рады, Палъ Митричъ,—степенно отвѣтилъ Васька, протягивая свою невѣроятной величины длань.—Милости просимъ, господа почтенные... Уразайка, поставь-ка намъ самоварчикъ!

Башкиръ молча поднялся и, разставивъ широко руки, бережно вынесъ самоваръ изъ избы. Это былъ высокій и ражій дѣтина съ удивительно плоской рожей, на которой два узкихъ черныхъ глаза точно заблудились. Одѣтый въ національныя лохмотья, онъ казался еще могучѣе самого Васьки.

Въ избушкѣ было голо, какъ на ладони. Только на стѣнѣ висѣло дряхлое тульское ружье, да въ углу валялся татарскій азямъ. Единственная лавка и столъ въ переднемъ углу составляли всю меблировку.

— Ну, и дворецъ у тебя,—говорилъ Павелъ Митричъ, отыскивая мѣсто, куда бы положить свою фуражку.—Не стѣсняешь себя мебелью-то...

— А на что она мнѣ, ваша мебель: и такъ хорошо. Кому надо, такъ и моей избушкой не брезгуетъ. Тоже и насъ добрые-то люди не обѣгаютъ, Палъ Митричъ....

— Вижу, вижу... Это мой хищникъ-то?—ткнулъ Павелъ Митричъ на сидѣвшаго у стола мужика.

— Онъ самый, Палъ Митричъ... Надо же и ему куда-нибудь дѣться, вотъ онъ и пришелъ ко мнѣ.

— Такъ, добрый ты человѣкъ... А башкыра гдѣ подцѣпилъ?

— Башкыра? — переспросилъ Васька и, почесавъ могучій затылокъ, улыбнулся.—А это мой пріятель будетъ... На байгѣ-то тогда онъ самый оглоблей меня и хлестнулъ. И здоровъ же изъ себя, Палъ Митричъ, а мнѣ любопытно... Вотъ чаемъ его накачиваю за ловкую ухватку, что Ваську умѣлъ саданутъ оглоблей... Илюшка, ты бы вышелъ изъ избы, а то Палу Митричу и глядѣть-то на тебя обидно,—прибавилъ Васька, обращаясь къ молча сидѣвшему хищнику.—Выдь на улицу да погляди, гдѣ у меня лошадь запропастилась...

Мужикъ покорно вышелъ изъ избы, пряча рваную шапку за спиной, точно онъ ее только-что укралъ.

— А мы за твоими гусями пришли, — говорилъ Павелъ Митричъ, довольный оказанной любезностью.

— Что же, доброе дѣло, а гуськи точно что есть... Къ самой мельницѣ третьева-дни подплывали... Жирные они сейчасъ...

Рука у Васьки еще плохо зажила, и онъ обходился пока одной лѣвой. Сегодня онъ имѣлъ, вообще, такой степенный видъ, а кудрявые волосы были даже расчесаны и намазаны коровьимъ саломъ. Ситцевую розовую рубаху Васька какъ-то по-дѣтски подвязалъ гаруснымъ пояскомъ, а на ногахъ у него красовались мягкіе татарскіе сапоги съ расшитыми зеленой бухарской шагренью задками. Вообще щеголь хоть куда, а деревенскія бабы отъ Васьки „рѣшились ума“, какъ говорила Ульяна, качая своей маленькой головой. Держался онъ просто, но съ достоинствомъ человѣка, видавшаго лучшіе дни.

За чаемъ сначала разговоръ плохо вязался, и Васька больше отмалчивался разглаживая свою кудрявую бороду.

— Ну, а какъ ты нынче насчетъ женскаго пола?—шутилъ Павелъ Митричъ, подмигивая.—Прежде большой охотникъ былъ...

— Пустой это предметъ, Палъ Митричъ, — строго отвѣтилъ Васька и даже благочестиво отплюнулся.—Прямо сказать: срамъ...

— Не любишь? Ха-ха... — заливался Павелъ Митричъ, вытирая лицо платкомъ.—Помнишь, видно, какъ дробью стрѣляли...

Васька скосилъ глаза на меня и укоризненно покачалъ своей головой: эхъ, дескать, Палъ Митричъ, разбалакался не къ мѣсту при чужомъ человѣкѣ.

— Ничего; быль молодцу не укоръ, — успокаивалъ его Павелъ Митричъ. — Да и дѣло самое житейское... Онъ тебя гдѣ стрѣлилъ-то?

— Кто?

— Ну, перестань прикидываться.

— Да я что̀, мнѣ все равно... А только къ тому говорю, что меня, можетъ, сколько разовъ и дробью и пулей стрѣляли, такъ и перепутать не мудрено.

— Я про Маланьина мужа говорю, въ Уметѣ.

— А... Что̀ же, было дѣло, Палъ Митричъ. Я, значитъ, въ клѣти съ Маланьей-то со своимъ дѣломъ, а мужъ шасть домой. Ну, зима, я въ полушубкѣ былъ, а онъ забѣжалъ въ избу, ухватилъ ружье со стѣны, да какъ полыхнетъ меня прямо въ брюхо — противъ сердца мѣтилъ, да обнизилъ. Только и всего...

— У него и теперь весь зарядъ въ животѣ сидитъ, — объяснялъ мнѣ Павелъ Митричъ, заливаясь смѣхомъ.—Изъ пушки не прострѣлишь...

— Къ непастью чувствую ее, дробь-то, какъ она по брюху начнетъ перекатываться, — серьезно объяснялъ Васька. — Въ такомъ родѣ, какъ горохъ... Ежели бы у меня была кость жидкая, такъ прямо бы насквозь, а то стерпѣлъ.

— Такъ ты бѣжать изъ клѣти, а Маланьинъ мужъ тебя прямо въ упоръ: бацъ!?.. — переспрашивалъ Павелъ Митричъ. — Охъ, согрѣшишь съ тобой, Васька... Ты разскажи-ка намъ, какъ самъ-то кыргыза порѣшилъ подъ Троицкомъ.

— Опять ты напрасно, Палъ Митричъ: ничего я не знаю...

— Да перестань отпираться! Этакая глупая привычка, точно ты у слѣдователя.

— Лошадь у меня въ тѣ поры, дѣйствительно, была хорошая, Палъ Митричъ,—заговорилъ Васька съ серьезнымъ видомъ: — а про кыргыза, вотъ какъ передъ истиннымъ Христомъ, не покаюсь... Самъ ничего не знаю! Тогда я съ гуртомъ изъ степи шелъ, ну, подъ Троицкимъ остановились пожировать. Хорошо. Я—въ Троицкъ, да тамъ и заболтался.

— Вожжа подъ хвостъ попала?

— Около того... Только ночью ко мнѣ подручный и прискакалъ: „кыргызы гуртъ отбиваютъ“... Ну, я сейчасъ палъ на лошадь, левольверъ за пазуху и качу. Ахъ, хороша была лошадь, Палъ Мигричъ! До гурта-то больше десяти верстъ я съ небольшимъ въ полчаса сдѣлалъ. Пастухи мечутся, какъ угорѣлые, и объяснить ничего не могутъ, а только показываютъ, куда кыргызы моихъ барановъ отогнали. Ночь—глаза выколи... Я за ними одинъ бросился, потому надѣюсь, что лошадь меня вполнѣ оправдаетъ. И, дѣйствительно, нагналъ. Кричу: стой!.. Ихъ трое и всѣ конные... Лопочутъ по-своему, а я понимаю ихній-то разговоръ; кунчать башка мнѣ хотятъ. Ахъ, псы! Я сей-

часъ на нихъ да изъ револьвера... Убилъ кого, нѣтъ, ничего не знаю, а баранокъ привелъ всѣхъ назадъ. Только всей моей и причины было, что больно ужъ лошадь хороша у меня была...

— Однимъ словомъ, порѣшилъ, Васька... Нехорошо отпираться: дѣло прошлое.

— Ничего не знаю, Палъ Митричъ. Напраслиной обносите меня, какъ вотъ и насчетъ вашего золота...

— Ну, ужъ насчетъ золота-то мы сами знаемъ, что̀ знаемъ, а тебѣ быть на веревочкѣ. Ужъ это, братъ, вѣрно, какъ въ аптекѣ...

— Ловите, а поймаете—ваше счастье.

— И поймаемъ... Дай срокъ, не увернешься.

— Н-но-о?.. Перестань, Палъ Митричъ, пужать, а то какъ разъ застращаешь мужика. Робокъ я больно, того гляди, занемножется...

Охота у насъ вышла неудачная. Гуси сильно сторожились и не допускали даже на два выстрѣла, несмотря на самое усиленное стараніе. Кончилось тѣмъ, что они поднялись и улетѣли по направленію къ одному изъ степныхъ „озеринокъ“.

V.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ Ваську наканунѣ отъѣзда, когда онъ поздно вечеромъ пришелъ пьяный къ матери съ своей обычной просьбой о деньгахъ. Повторилась съ небольшими варьяціями уже извѣстная читателю сцена.

— Да у меня припасено для тебя?—кричала визгливо Ульяна.—Тогда пожалѣла, дала, а ты, можетъ, и руку нарочно самъ извелъ...

— Мамынька...

— Уйди съ моихъ глазъ долой!..

Чтобы удержаться и не дать двугривеннаго, Ульяна придумала новое средство: она оставила Ваську сидѣть въ избѣ одного, а сама ушла куда-то въ сосѣди. Васька сидѣлъ на лавкѣ, раскачиваясь изъ стороны въ сторону, и время отъ времени повторялъ:

— Мамынька... а мамынька!.. Мамы-нька...

Мнѣ надоѣло слышать эти возгласы, и я вышелъ сказать, что старухи нѣтъ дома. Васька съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на меня мутными глазами и проговорилъ:

— А помнишь гусей-то?.. Пыталъ меня тогда Палъ Митричъ, насчетъ золота пыталъ, а оно тутъ было... было на двухъ ногахъ и изъ избы ушло... Вотъ какъ у насъ!.. Я, можетъ, этого ихняго золота въ годъ-то черезъ свои руки пропущу не одинъ пудъ, а только у Васьки ничего нѣтъ... Плевать мнѣ и на ихнее золото!.. Да... Будетъ, шабашъ... Брошу станицу и уйду, куды глаза глядятъ. Надоѣло... Мамынька, а?..

— Да нѣтъ ея, ушла.

— Уйду, брошу все...—бормоталъ Васька, мотая головой.—Все одно, гдѣ ни пропадать...

— Отчего ты на одномъ мѣстѣ не хочешь устроиться?

— А тошно мнѣ... устраивался сколько разовъ: одежду справлю, лошадь заведу, денегъ накоплю, а потомъ и прорветъ. Для чего?.. Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми... Сила во мнѣ непреоборимая ходитъ, ну и тоскуешь, потому какъ есть дѣваться мнѣ некуда. Вотъ еще къ мѣсту своему тянетъ... мать-старуху тоже жаль... Плачется она на меня, а мнѣ ее жаль.

Мамынька родимая, прости ты меня дурака!.. Земля меня не носитъ — вотъ я какой проклятый человѣкъ!

Васька сидѣлъ у стола, облокотившись на него руками. Съ послѣдними словами онъ уронилъ свою кудрявую голову на руки и глухо зарыдалъ. Въ окно глядѣла ясная мѣсячная ночь, и гдѣ-то далеко перекликались журавли.

Черезъ годъ мнѣ случилось проѣзжать черезъ Уметъ. Я велѣлъ ямщику везти меня къ Ульянѣ.

— Да нѣту ея, твоей Ульяны,—отвѣтилъ ямщикъ.

— Какъ нѣту?

— А ужъ такъ... По осени-то другая половина Умета выгорѣла, ну, и ея изба тоже. Захудала сильно старуха, а силы ужъ нѣту. Такъ, кой-какъ перебивалась, сердяга; гдѣ день, гдѣ ночь. А по веснѣ-то къ святымъ мѣстамъ ушла.

— А Васька гдѣ?

— Васька? И его нѣту...

— Тоже ушелъ куда-нибудь?

— Ушелъ-то онъ, дѣйствительно, ушелъ изъ станицы: ни слуху ни духу... А Ульяна одно твердитъ: воротится къ своему мѣсту. Чуяло ея сердце, что близко онъ. Подснѣжникомъ и объявился Васька по веснѣ...

— Какимъ подснѣжникомъ?

— А по веснѣ, значитъ, когда снѣгъ таетъ, такъ мертвяки и оказываются, ну, мы ихъ подснѣжниками зовемъ, потому какъ изъ-подъ снѣгу они объявляются. Такъ и Васька... Недалеко отъ мельницы нашли его. Какъ былъ въ полушубкѣ, такъ и лежитъ на правомъ боку. Ужъ кто его достигъ — ничего неизвѣстно... Много у насъ такихъ подснѣжниковъ объявляется по веснамъ. Ну, Ульяна-то сильно горевала, а потомъ къ святымъ мѣстамъ и ушла...

1889.

КЛАДЪ.

I.

Въ уѣздномъ городѣ Кочетовѣ „Сибирская гостиница“ пользовалась плохой репутаціей, какъ притонъ игроковъ и сомнительныхъ сибирскихъ „человѣковъ“, какихъ можно встрѣтить только въ сибирскихъ трактовыхъ городахъ, особенно съ золотыхъ промысловъ. Чистая публика избѣгала останавливаться въ номерахъ „Сибирской гостиницы“, но навертывались иногда проѣзжающіе, попадавшіе въ эту трущобу по невѣдѣнію. Днемъ въ гостиницѣ всегда было тихо, но жизнь закипала по вечерамъ, и далеко за полночь окна гостиницы свѣтились огнями: темные сибирскіе человѣки играли въ карты, кутили на чужія деньги и весело хороводились съ подозрительными женщинами. Общая зала всегда оставалась пустой—сибирская публика еще не привыкла къ трактиру, и только въ бильярдной громко щелкали шары, точно открывалась и закрывалась какая-то громадная пасть, лязгавшая вершковыми зубами. Старикъ-маркеръ, въ войлочныхъ туфляхъ и длинномъ дипломатѣ неопредѣленнаго цвѣта, разбитой старческой походкой шмыгалъ около бильярда и, считая очки, монотонно повторялъ неровнымъ тономъ:

— Сорокъ семь и двадцать четыре... двадцать четыре и сорокъ семь!

Это былъ мрачный субъектъ съ испитымъ, желтымъ лицомъ и моргавшими сѣрыми глазами. Онъ часто морщился, потому что простуженныя ноги давали себя чувствовать при каждомъ неловкомъ шагѣ. Да и руки тоже болѣли у старика — сказывался старческій ревматизмъ. Коротко остриженные сѣдые волосы покрывали угловатую голову точно серебряной щетиной, а когда старикъ упорно глядѣлъ на кого-нибудь своими маленькими глазками—рѣдкій выносилъ этотъ волчій взглядъ.

— Чего уперся глазами-то, старый чортъ... — ругались самые отпѣтые бильярдные завсегдатаи.

Старикъ презрительно улыбался и машинально выкрикивалъ свои маркерскія цифры. Не одну тысячу верстъ сдѣлалъ онъ, ходя около бильярда, а еще въ силахъ и можетъ отвѣтить за любого молодого. Широкая сутулая спина и длинныя руки говорили о недюжинной силѣ, когда-то сидѣвшей въ этомъ износившемся старомъ тѣлѣ; но что̀ было, то прошло, а теперь старый маркеръ все ходилъ около своего бильярда, какъ манекенъ. Прислуга въ гостиницѣ не любила его за неуживчивый нравъ, но хозяинъ его держалъ, какъ ловкаго человѣка на всякій случай—онъ и изъ бѣды выручитъ и другихъ не выдастъ. Вообще серьезный былъ старикъ, видавшій виды, не то что остальная трактирная прислуга, набранная съ бору да съ сосенки. Звали старика Галанцемъ—эту кличку онъ принесъ съ собой въ Сибирь изъ Расеи. Кто онъ

такой и откуда—никто не зналъ, да никто и не интересовался: просто маркеръ Галанецъ—и все т-тъ. Только, когда старика сердили, онъ говорилъ:

— Эхъ, вы, варнаки сибирскіе...

— А ты какъ въ Сибирь попалъ, дѣдка?

— Я? Я—другое... Я по своему дѣлу попалъ, а не по кнуту. Помирать въ Расею пойду... Надоѣло мнѣ и глядѣть-то на васъ, варнаковъ.

Послѣ каждаго такого объясненія Галанецъ дѣлался особенно мраченъ и ходилъ около своего бильярда темнѣе ночи. Развѣ они, холуи, могутъ что̀ понимать? Онъ, Галанецъ, съ полковниками въ аглецкомъ клубѣ игралъ... да. Меньше полковника туда и хода не было, а это что̀ за публика: и публика холуйская и прислуга тоже. Никакого обращенія не понимаетъ, потому что настоящаго никто и не видалъ. Эхъ, кабы ноги Галанцу да прежній вострый глазъ, бросилъ бы онъ давно эту немшоную Сибирь!.. Такъ, видно, на роду было написано, чтобы съ холуями валандаться... Отъ судьбы не уйдешь. Своихъ гостей старикъ презиралъ отъ всего сердца: развѣ это настоящіе господа — такъ, шантрапа разная набралась. Каждый норовитъ на грошъ да пошире — однимъ словомъ, варнацкая публика.

Тускло горятъ лампы въ бильярдной. Въ буфетѣ стѣнные часы пробили одиннадцать. Галанецъ ходитъ съ машинкой въ рукахъ чуть не съ обѣда. Ноги у него сегодня особенно ноютъ — чуютъ, видно, ненастье старыя кости. На бѣду игроки навязались неугомонные: Вася и проѣзжій адвокатъ. Оба играютъ хорошо, но Галанецъ слѣдитъ за игрой съ презрительной улыбкой: развѣ такъ играютъ?

— Смотри, распухнетъ шаръ-то, — дразнитъ адвокатъ Васю.

Вася надувается, краснѣетъ и, выцѣливъ шаръ кіемъ, дѣлаетъ промахъ. Каждая неудача заставляетъ его отплевываться. Онъ въ смятой крахмальной рубашкѣ и потертомъ пиджакѣ, на ногахъ туфли, какъ и у маркера—барыня, значитъ, осердилась и арестовала сапоги. Молодое, румяное лицо Васи хмурится, и онъ сердито взмахиваетъ своей шапкой бѣлокурыхъ кудрей. Этотъ Вася настоящій мучитель для Галанца: какъ свяжется съ кѣмъ играть, такъ и не уйдетъ, пока огней не погасятъ. И зачѣмъ только живетъ человѣкъ въ „Сибирской гостиницѣ“? Пріѣхалъ съ какой-то барыней да и околачивается третью недѣлю, а прислуга шу-шу, шу-шу... Оказалось, что Вася состоитъ при барынѣ аманомъ, и чуть что̀ напроказитъ, она сапоги съ него сниметъ, а потомъ не велитъ обѣда подавать. Сама запрется въ своемъ номерѣ и на глаза его не пускаетъ. Цѣлый день такъ-то Вася и перебивается въ бильярдной, а прислуга смѣется надъ нимъ же.

— Что̀, Вася, ножки, видно, заболѣли?..

— А ну васъ къ чорту! — огрызается онъ. — Я вотъ ее задушу, тогда узна̀етъ, какой я человѣкъ... А сапоги—плевать. Въ туфляхъ еще свободнѣе.

Прислуга смѣется, а Вася какъ ни въ чемъ не бывало, только башкой трясетъ, какъ хорошій коренникъ. Барыня держала его въ ежовыхъ рукавицахъ. Да и было кому держать: высокая, здоровая, какъ есть въ настоящемъ соку. Изъ номера она рѣдко показывалась и то больше по вечерамъ. Навѣрно, убѣжала отъ мужа съ молодцомъ да и гарцуетъ въ свою бабью волю,— такъ рѣшила номерная прислуга. Мало ли народу околачивается въ номерахъ—всякія и барыни бываютъ. Вася унижался до того, что выпрашивалъ у швейцара сапоги, а у офиціантовъ занималъ по двугривенному.

Итакъ, Вася играетъ съ адвокатомъ. Сначала онъ проигрывалъ, но, затянувъ партнера, кончилъ партію нѣсколькими ударами, какъ дѣлаютъ ярмарочные жулики.

— Не вредно, — похвалилъ Галанецъ, прищуривая отъ удовольствія глаза: — ловко сыграно.

— А ты какъ меня понимаешь, Галанецъ? — хвастался счастливый успѣхомъ Вася. — Не смотри, что я въ туфляхъ сегодня... Тебѣ дамъ десять очковъ впередъ.

— Подавишься...

— Я? Давай, сейчасъ намочу тебѣ хвостъ, старому чорту...

Проигравшійся адвокатъ былъ радъ отвязаться отъ партнера и тоже принялся поджигать стараго маркера. Положимъ, этотъ адвокатъ былъ прохвостъ и, проживая въ гостиницѣ, занимался больше всего обыгрываніемъ захмелѣвшихъ купеческихъ сынковъ, но старому Галанцу показалось обидно, что надъ нимъ смѣются такіе прохвосты, — они задѣли его за живое мѣсто. „Ахъ, вы... шильники!“ — ругался старикъ, молча выбирая кій. Онъ рѣдко игралъ, но теперь нельзя было отказаться.

— Если обыграешь Ваську, — закладываю рубль, — поощрялъ адвокатъ, усаживаясь на диванъ. — Да нѣтъ, гдѣ тебѣ, Галанецъ...

— Я могу даже закрыть лѣвый глазъ, — хвастался Вася, выпячивая грудь колесомъ. — Съ однимъ правымъ глазомъ буду играть.

— Ахъ, вы, шильники!.. — ругался Галанецъ, размахивая кіемъ. — Да я въ аглецкомъ клубѣ игралъ въ Петербургѣ... съ полковниками... Тамъ меньше полковника не полагается, а не то, чтобы какая-нибудь шантрапа. Чему смѣетесь, желторотые!

Разсерженный Галанецъ сначала сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, но потомъ успокоился и кончилъ партію съ трескомъ, какъ играютъ только старые маркеры. Вторую партію онъ кончилъ почти „съ кія“, не давая партнеру дохнуть.

— Ахъ, ты... сахаръ!.. — ругался Вася, разбитый въ пухъ и прахъ.

Въ это время Галанецъ только хотѣлъ сдѣлать шара, но остановился, посмотрѣлъ на Васю сбоку и спросилъ:

— Какъ вы сказали, сударь?

— Я говорю: сахаръ...

У Галанца задрожалъ въ рукѣ кій. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на Васю и уже вполголоса прибавилъ:

— Карпу-то Лукичу сынкомъ приходитесь?..

— А ты почему знаешь?

— Да поговорка-то ихняя... Помилуйте, какъ мнѣ-то этакого слова не знать. То-то я все присматриваюсь къ вамъ: лицо знакомое, а узнать не могу. А вотъ поговорку-то узналъ...

Вася былъ сконфуженъ этимъ открытіемъ и только таращилъ глаза на маркера.

— Ну, что же вы остановились? — спрашивалъ адвокатъ.

— Не могу... усталъ... — бормоталъ Галанецъ, бросая кій.

II.

Ночью въ каморкѣ Галанца долго свѣтился огонь. Каморка была крошечная, какъ нора, гдѣ-то подъ лѣстницей въ номера, но все-таки свой уголъ, гдѣ самъ большой, самъ маленькій. Въ углу на столѣ горѣла дешевая жестяная лампочка, и тутъ же стояла бутылка съ водкой. Вася сидѣлъ на стулѣ, облокотившись руками на столъ, а Галанецъ кружился по комнатѣ.

— А про Поцѣлуиху слыхали? — спрашивалъ старикъ.

— Это гдѣ кладъ-то?..

— Шш!..—зашипѣлъ старикъ, поднимая руку.—Что вы, Василій Карпычъ, еще, пожалуй, услышатъ... Не таковское это дѣло, сударь.

Вася засмѣялся и махнулъ рукой. Это движеніе обидѣло старика, но это было минутное чувство, которое сейчасъ же смѣнилось чѣмъ-то такимъ любовнымъ и ласковымъ... Галанецъ все смотрѣлъ на него, вздыхалъ и время отъ времени повторялъ:

— Эхъ, Василій Карпычъ... а?.. Вася... Вѣдь еще малюточкой, можно сказать, на рукахъ тебя нашивалъ, и вдругъ... Эхъ, Вася, Вася, нехорошо! Такъ нехорошо—что и не выговоришь... Какое ужъ это занятіе—въ аманахъ при барынѣ состоять. Наши-то холуи зубы моютъ-моютъ, даже со стороны тошно слушать.

— Замотался я... ослабѣлъ...—шепталъ Вася со слезами на глазахъ.—Самъ себя презираю... Хошь бы въ маркеры куда поступить. Уѣду куда-нибудь подальше и поступлю... А то что же это за мода: чуть прогулялъ лишній часъ, она и сапоги долой.

— Да кто она-то, дама-то твоя?

— А исправничья дочь, исправника Чистаго...

— Это Галактіона Павлыча?.. Ахъ, Боже мой, Боже мой... Какъ сейчасъ его вижу, голубчика... Значитъ, дочка она ему-то?

— Родная дочь... Она замужемъ, только уже очень избалована: если у мужа денегъ нѣтъ, Анна Галактіоновна и уѣдетъ.

— А онъ-то какъ же, мужъ-то?

— Ну, онъ деньги и добываетъ, а какъ добудетъ — она и воротится. У ней своихъ много, ну и дуритъ... Мужа въ черномъ тѣлѣ держитъ. Я выпью, дѣдка.

— Пей, голубчикъ... Ахъ, какое дѣло, какое дѣло!.. И даже въ умѣ-то не представишь себѣ... Ежели бы такая дама подвернулась покойничку Карпу Лукичу, да онъ бы ее узломъ завязалъ. Вотъ какой былъ человѣкъ необыкновенный... А вы, Василій Карпычъ, насчетъ сапогъ не сумлѣвайтесь; мы это въ лучшемъ видѣ оборудуемъ. Ахъ, какое дѣло, какое дѣло...

— Мнѣ вотъ только выпить, я ее убью, змѣю...

— Зачѣмъ убивать, Васенька... Пусть ее поживетъ: не ты, такъ другой найдется. Наскочитъ на такого хохоля, что овечкой сдѣлаетъ... Ну, да это все пустое. Погоди, оборудуемъ... Вотъ что, Вася, ты не ходи туда, въ номеръ, а ночуй здѣсь у меня. Я на полу прилягу, а ты на кровать...

— А она искать меня будетъ.

— Пусть поищетъ... А то я и самъ схожу къ ней. Съ полковниками разговаривалъ, небось, тоже въ зубахъ у насъ не завязнетъ. Такъ прямо и скажу: я и папеньку вашего Галактіона Павлыча даже весьма зналъ, ужъ вы извините, а это не порядокъ...

— Ну?

— А то какъ же, Вася? Въ женскую, молъ, вашу часть я не вхожу, а свою мужскую могу понимать и даже превосходнѣе другихъ прочихъ.

— Нѣтъ, ты не ходи: плевать... Пусть ее разорветъ со злости.

Вася обрадовался предложенію Галанца и сейчасъ же улегся на его кровать. Онъ даже улыбался при мысли, какъ будетъ рвать и метать Анна Галактіоновна—э, плевать, пусть лопнетъ. Правда, кровать у Галанца, вымощенная изъ старыхъ досокъ, гнулась и трещала подъ нимъ, да и ноги пришлось согнуть, но все-таки лучше, чѣмъ слушать тамъ въ номерѣ попреки да ругань. Старикъ въ это время успѣлъ устроиться на полу, охая и покряхъ-

тывая. Онъ потушилъ свою лампочку и долго ворочался на своемъ жесткомъ ложѣ.

— Василій Карпычъ, вы спите?

— А... нѣтъ, не сплю...—бормоталъ въ просонкахъ Вася.—А что?

— Да такъ... Вотъ лежу и про кладъ все думаю.

— Про какой кладъ?

— А на Пошѣлуихѣ.

— И не думай лучше: ничего не придумаешь. Отецъ въ землю отъ этого клада ушелъ...

— Ахъ, Боже мой, кому ты сказываешь-то, Вася? Ты меня бы спросилъ лучше, какъ это самое дѣло было... Да. Тебя еще тогда и на свѣтѣ не было...

— Разсказывай...

Пауза. Старикъ пошарилъ рукой по полу, угнетенно вздохнулъ и сѣлъ. Его старые глаза черезъ окружавшую ночную темноту глядѣли въ даль, далеко, на то, что случилось тридцать лѣтъ назадъ. Ахъ, какъ все это было давно и, вмѣстѣ, точно все случилось вчера!

— Я тогда въ аглецкомъ клубѣ маркеромъ служилъ,—началъ старикъ, разводя руками. — Ну, а „Дрезденъ“ въ Конюшенной — модные номера такъ назывались. Въ „Дрезденѣ“ у меня швейцаръ былъ знакомый. Такъ вотъ этотъ швейцаръ—Никитой его звали—и приходитъ ко мнѣ этакъ съ утра, когда еще господа въ номерахъ спали.—„Григорій, говоритъ, дѣло до тебя есть“.—„Какая-такая потребность случилась?“—говорю я.—„А такая, говоритъ, не вдругъ и выговоришь...“ Говоритъ это, а самъ смѣется. Хорошо. Ну, онъ и разсказываетъ: пріѣхали, гритъ, въ „Дрезденъ“ два господина, не то, чтобы настоящіе господа, да и къ купцу нельзя примѣнить. Заняли, гритъ, лучшій номеръ и сейчасъ спать: цѣлыя сутки спали. Мы ужъ, гритъ, хотѣли полиціи объявлять, ну, а они въ этотъ разъ и проснись. Потребовали самоваръ, водки и закуски. Фиціантъ подаетъ имъ все въ порядкѣ, какъ слѣдуетъ порядочнымъ господамъ, а они его на смѣхъ подняли.—„Ты, гритъ, за кого насъ принимаешь?“ Всю эту померную закуску назадъ, а заказали себѣ цѣлое блюдо телячьихъ почекъ и четверть водки. „Это, гритъ, по-нашему, по-сибирски“... Ну, обнаковенно, прислугѣ это самое дѣло удивительно, а управляющій даже сконфузился, потому въ „Дрезденѣ“ первые господа останавливаются, а тутъ сразу такое безобразіе. Однако все исполнили... Что же ты думалъ, они вдвоемъ цѣлую четверть выпили и цѣлое блюдо почекъ оплели, а сами даже ни въ одномъ глазу. Люди какъ люди. Повременили малое мѣсто и заказали обѣдъ, за обѣдомъ опять пили всячины, а сами опять ни въ одномъ глазу. Послѣ обѣда посылаютъ за мной, чтобы я ложу имъ въ оперу досталъ. „Какъ, говоритъ Никита, записать прикажете въ кассѣ?“—„Графъ Киваата и князь Эншамо *)—такъ и запиши“. Ну, Никита добылъ имъ билетъ, вечеромъ они поѣхали. Тамъ уже капельдинеры встрѣчаютъ по-своему: ваше сіятельство, пожалуйте... Хорошо. Прослушали они одно дѣйствіе, сходили въ буфетъ, а потомъ и заснули въ ложѣ-то. Натурально, вся публика на нихъ воззрилась... Сейчасъ капельдинеръ разбудилъ ихъ и говоритъ: „такъ и такъ, ваше сіятельство, никакъ невозможно, чтобы спать въ театрѣ“. А тѣ ему: „За свои-то деньги нельзя?“—„Ужъ это какъ вамъ будетъ угодно, а только начальство... порядокъ...“ Тогда они встали и ушли, а Никиту на другой день опять въ театръ: откупи намъ эту самую ложу на цѣлый мѣсяцъ. Хорошо... Вася, да ты никакъ спишь?

---

*) Киваата и Эншамо—названія двухъ рѣчекъ въ тайгѣ.

— Нѣтъ, не сплю... Кто же это такіе были?

— А ты слушай... Откупили они ложу въ театрѣ, а сами опять призываютъ Никиту и прямо подносятъ чайный стаканъ водки. Никита и въ ротъ этого вина не бралъ, да и должность у него такая, чтобы всегда былъ въ аккуратѣ.—„Не могу, гритъ, ваше сіятельство...“ — „А ежели, грятъ, не можешь, такъ пошли кого поумнѣе себя“. Ну, одинъ лакеишка выискался-было, а только не вытерпѣлъ: на второмъ стаканѣ ослабѣлъ, подъ руки его изъ номера вывели. А они въ амбицію: что̀ это, грятъ, у васъ за номера такіе, ежели удовольствія себѣ получить нельзя за свои деньги? Однимъ словомъ, куражатся, и никакого съ ними способа. Вотъ Никита-то и пришелъ ко мнѣ: выручи, Григорій. А надо тебѣ сказать, что смолоду я очень былъ пабалованъ и водки принималъ до неистовства—недаромъ Галанцемъ прозвали. На Васильевскомъ острову галанцы лѣтами наѣзжали, ну, такъ я съ ними хороводился: никто супротивъ нихъ не можетъ устоять касательно выпивки, а я даже превосходнѣе ихъ себя оказывалъ. Конечно, глупость это наша одна... Такъ за это качество и прозвали меня Галанцемъ. Въ праздникъ нарочно меня наши водили въ гавань, чтобы галанцевъ конфузить. Хорошо... Вотъ Никита и пришелъ за мной, чтобы я въ „Дрезденъ“ къ нимъ завернулъ ублаготворить ихнихъ гостей. Опять-таки моя глупость была: пошелъ. Ну, прихожу это въ номеръ и даже диву дался — такихъ два осетра, что даже попревосходнѣе галанцевъ настоящихъ будутъ. Какъ два дубовыхъ корабельныхъ бруса... ей-Богу!.. Признаться сказать, я даже этакъ маленько оторопѣлъ, потому какъ самъ ростомъ не дошелъ въ настоящую мѣру. Они поглядѣли этакъ на меня: „можешь?“—„Могу, ваше сіятельство“... Натурально, сейчасъ чайный стаканъ водки и сейчасъ другой, а я имъ: „позвольте третьимъ закусить“... То-то глупость... Какъ я третій-то выпилъ, тогда одинъ всталъ, подошелъ ко мнѣ, обнялъ и расцѣловалъ. — „Вотъ это, гритъ, по-нашему, посибирски“... А потомъ: „каковъ ты есть человѣкъ?“ Очень я имъ понравился. Который меня цѣловалъ и оказался вашимъ тятенькой, Карпомъ Лукичомъ Полуяновымъ, а другой-то Логинъ Евсеичъ Недошивинъ. Золотопромышленники сибирскіе, извѣстное дѣло, пріѣхали въ Питеръ удовольствіе себѣ сдѣлать, а куда ни сунутся, вездѣ имъ порядокъ: то нельзя, это нельзя, третье не полагается. Обидно имъ сдѣлалось, что препятствуютъ, значитъ, карахтеру, зачѣмъ, грятъ, мы ѣхали-то такую даль? А мнѣ-то обрадовались, какъ родному, и сейчасъ вмѣсто себя въ ложу стали посылать, чтобы досадить кассиру. Ложа дорогая, а я каждый день и сижу въ ней одинъ. Изъ театра къ нимъ въ „Дрезденъ“ и разсказываю все, какъ и что̀ было... Очень довольны были. Потомъ заказали отыскать имъ подходящую французинку, потому какъ много были наслышаны объ этой націи. Денегъ у нихъ бугры, ну и чудили... Вася, ты никакъ совсѣмъ спишь?

— Да нѣтъ же... Разсказывай.

— А на чемъ я остановился-то?

— Да на француженкѣ... А кладъ-то скоро?

— Погоди, будетъ и кладъ...

III.

— Съ этой французинкой у насъ хлопотъ было весьма достаточно, — продолжалъ въ темнотѣ голосъ Галанца:—ну, кое-какъ приспособили. Настоящая французинка, свою квартиру держала на Малой Морской. Только прихожу я въ „Дрезденъ“ къ Карпу Лукичу и докладываюсь: „пожалуйте всякое

удовольствіе получить". А они этакъ переглянулись и смѣются... Дѣло было за чаемъ: закусокъ блюдо печекъ и четверть на столѣ, все по формѣ.— „Кому же, грютъ, ѣхать?" —„Это, грю, вамъ ближе знать, а французинка готова въ полной формѣ". Ну, посмѣялись, закусили и начали какъ будто собираться... Между собой-то перепираются, а я стою въ дверяхъ и молчу. Только совсѣмъ ужъ собрались, а покойникъ Логинъ Евсеичъ и говоритъ: „Карпъ Лукичъ, знаешь, что̀ я тебѣ скажу? Чѣмъ къ французинкѣ ѣхать и безпокоить себя: удивимъ лучше Галактіона Павловича... Онъ думаетъ, что мы въ Питерѣ проваландаемся до осени, а мы къ нему прямо на именины и подкатимъ, какъ снѣгъ на голову". Вотъ тебѣ и французинка,—думаю про себя:—всю музыку испортятъ. Тятенька вашъ какъ обрадуется:—„И въ самомъ дѣлѣ, грютъ, чего мы здѣсь дураковъ валяемъ — все нельзя... Удивимъ Галактіона Павлыча!" Ну, я ужъ не стерпѣлъ и говорю:—„Какъ же, говорю, съ французинкой? Она, напримѣръ, ждетъ въ полной формѣ"...—„А ты, грятъ, и поѣзжай къ ней, какъ въ театръ за насъ ѣздилъ, а деньги, что̀ слѣдуетъ, заплатимъ: такъ и скажись—сибирскій князь Эншамо".

— Ха-ха... ловко! Что̀ же ты, ѣздилъ... а?

Пауза. Галанецъ въ темнотѣ отплевывается и тяжело вздыхаетъ. Вася еще громче хохочетъ.

— Что̀ же, дѣйствительно, ѣздилъ... — заговорилъ Галанецъ, когда немного успокоился отъ благочестиваго негодованія. — Главная причина опять моя же глупость была: пообѣщали мнѣ всю пару новую, верхнее пальто, шляпу,—однимъ словомъ, полный костюмъ отъ Корпуса. Карпъ-то Лукичъ разошелся и часы свои золотые на меня нацѣпилъ, а Недошивинъ перстни свои далъ мнѣ. Охъ, согрѣшилъ я безъ конца передъ Господомъ Богомъ...

— Что̀ же француженка?

— Да ничего... Все одно, какъ и наши бабы, только одѣта чисто, даже до чрезвычайности чисто, и обращеніе имѣетъ свободное. Ей удивительно посмотрѣть, какіе такіе сибирскіе князья бываютъ, а у меня своя глупость на умѣ—платье-то все у меня останется... Охъ, глупость была, Васенька, а теперь вотъ я каюсь. Тьфу... Пріѣзжаю я отъ французинки въ каретѣ, а они ужъ совсѣмъ и въ дорогу собрались. Посмѣялись надо мной, поспросили про французинку, а потомъ и говорятъ: „Айда съ нами въ Сибирь, Галанецъ! Будешь доволенъ, а ты намъ по нраву пришелся"... Даже подумать хорошенько не дали: собирайся... Что̀ же, думаю, ежели ужъ такая удивительная линія подошла... Склался я въ полчаса и покатилъ, не знаю самъ куда. Дальше своей Ярославской губерніи не бывалъ, а тутъ на край свѣта... Все-таки ничего, думаю, купцы богатые, не оставятъ. Признаться сказать, съ дороги малымъ дѣломъ чуть-чуть не воротился: такъ и тянетъ меня въ Питеръ, и кончено. Какъ закрою этакъ глаза, и начнетъ представляться все: на Невскомъ огни, музыка, швейка одна знакомая, полковники, съ которыми на бильярдѣ игралъ... Чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ города мельче и народъ совсѣмъ убогій живетъ, а бабы—одно только названіе, что бабы. Мнѣ скучно, а имъ веселѣе. Ѣдутъ и все Питеръ ругаютъ... Очень ужъ это имъ слово не понравилось: „нельзя". Проплыли мы такимъ манеромъ по Волгѣ, повернули на Каму, а тамъ ужъ по трахту закатили на двухъ тарантасахъ. Объѣхали эти самыя горы и на сибирскую сторону перевалили... Чѣмъ дальше ѣдемъ, тѣмъ веселѣе мои господа: „вотъ это наше пошло". Сидятъ да похваливаютъ... Ну, тутъ, дѣйствительно, и мѣста начались другія и народъ особенный. Прямо сказать: сибирскій народъ, варнакъ. Переѣхали Иртышъ, катимъ по степи — и вдругъ, братецъ ты мой, на одной станціи и накрыли Галактіона Павлыча.

Значитъ, самъ исправникъ Чистый... Мои благодѣтели такъ и охнули: нарочно изъ Питера пріѣхали, чтобы ему сюрпризъ сдѣлать, а онъ и встрѣлся. Даже пріуныли совсѣмъ. Исправникъ-то разспрашиваетъ ихъ про Питеръ, а они на меня показываютъ: „вотъ, грятъ, у насъ Галанецъ все произошелъ". И опять пить меня заставляютъ: надо же чѣмъ-нибудь удивить Чистаго. А я какъ примѣчаю, что моимъ благодѣтелямъ даже совѣстно противъ него: и изъ Питера уѣхали не солоно хлебавши, и его не могли удивить именинами. Даже изъ лица спали, туманные такіе ходятъ оба и водку перестали принимать... Чистый-то смѣтилъ, въ чемъ дѣло, и ихъ же впередъ на смѣхъ поднимаетъ. Хоть назадъ ворочаться, такъ въ ту же пору. Что же ты думаешь, вѣдь удумали они штуку... Хе-хе!.. То-есть въ лучшемъ видѣ... Сидимъ это мы на станціи, а Карпъ Лукичъ похаживаетъ и говоритъ: „Ахъ, ты, сахаръ ты мой, Галактіонъ Павлычъ, соскучился я о тебѣ"... Ну, натурально, сейчасъ выпивка. Что ни слово, то хлопъ да хлопъ... Чистый пьетъ на ряду съ ними, могутный человѣкъ, а свое дѣло помнитъ: „Господа, а мнѣ некогда — черезъ два дня именинникъ, надо домой поспѣвать".—„Поспѣется, сахаръ ты нашъ, а именинникъ не медвѣдь—въ лѣсъ не уйдетъ". И опять рюмка за рюмкой... Только и народъ былъ: медвѣдю, кажется, столько не выдержать. И вѣдь удѣлали-таки Галактіона Павлыча... Пили они пили, неочерпаемое, можно сказать, количество, пока онъ изъ настоящаго разума не выступилъ. На ногахъ-то онъ держится, а разуму въ немъ ужъ нѣтъ. Помнитъ одно: ѣхать надо, потому именинникъ. Когда его нагрузили вполнѣ, сейчасъ вывели подъ руки, усадили въ экипажъ и пожелали гладкой дороги. Лошади-то и не заложены, а Карпъ Лукичъ на козлы и по-ямщичьи ухаетъ, а Недошивинъ дугу съ колокольцами трясетъ... Потѣха чистая! Чистый только мычитъ: „Пшолъ!..", ну и, натурально, заснулъ. Дали ему съ часъ поспать, а Карпъ Лукичъ опять на козлы, а Недошивинъ за дугу... Тпру!.. Пріѣхали, вашескородіе. Ну, конечно, Чистый ничего не понимаетъ. Вывели его изъ экипажа, будто на другую станцію пріѣхали, и опять пить. „Мы съ тобой, грятъ, вмѣстѣ на именины ѣдемъ"... Ну, такимъ манеромъ двои сутки Чистаго изъ экипажа таскали въ избу, а изъ избы въ экипажъ. А когда строкъ вышелъ, тятенька-то вашъ разбудили Чистаго, шапочку сняли и говорятъ: „Съ ангеломъ имѣемъ честь поздравить, Галактіонъ Павлычъ"... Ей-Богу! Что было смѣху, что ругани... Чистый-то такъ разстервенился, что мы едва отъ него тогда ноги уплели... Все-таки свое сорвали: удивили его, какъ онъ именинникомъ-то проснулся. Охъ, грѣхи тяжкіе, точно все это вчера было, а никого ужъ и въ живыхъ нѣтъ!

— А кладъ-то когда будетъ?

— Да въ свое время и кладъ.

IV.

— Пріѣхали мы и на мѣсто, Васенька. Понравилось мнѣ, какъ жилъ Карпъ Лукичъ: домъ—полная чаша, всего вволю, только птичьяго молока недостаетъ. И все этакъ на сибирскую руку приспособлено, не по-расейски, потому какъ жисть, значитъ, вполнѣ привольная. Обзнакомился я совсѣмъ и живу себѣ. Выпалъ снѣжокъ, зима сибирская завернула, ну, мнѣ ужъ и скучновато стало. Главная причина: дѣлать мнѣ нечего. Извѣстно, нѣтъ-нѣтъ, да и поманитъ на свою сторону, въ Расею. Хорошо около меня, да только все чужое... Разъ этакъ около Рождества очень ужъ я стосковался, да и говорю Карпу Лукичу: „Отпустите меня домой, а то безъ дѣла чего же мнѣ слоняться".

А они только смѣются: „Погоди, Григорій, въ нѣкоторое время ты мнѣ пригодишься, а работа впереди. У насъ все такъ: годъ на боку лежимъ, да одну недѣлю за два года работаемъ“. Конечно, по-нашему, по-расейски это даже весьма несообразно, ну, да дѣлать нечего, нанялся—продался. Прошли Святки, прошла масляная, а этакъ недѣлѣ на третьей поста Карпъ Лукичъ и говоритъ, чтобы я собирался въ дорогу. Весь домъ вверхъ дномъ повернули, точно вотъ на войну собираемся. Цѣлый обозъ снарядился съ нами—значитъ, въ развѣдки поѣхали. Хорошо. Рабочихъ съ нами за пятьдесятъ человѣкъ, конюхи, вожаки—войско да и только. Молебенъ отслужили, все честь честью справили и въ путь. Мамынька ваша провожаетъ насъ, а сама какъ рѣка льется, потому невѣдомо, когда воротимся. Почитай весь городъ сбѣжался на проводины. Я въ кошевой вмѣстѣ съ Карпомъ Лукичемъ ѣду, въ томъ родѣ, какъ обережной или подручный. Успѣлъ за зиму-то къ каждой ихней привычкѣ вполнѣ привѣситься: они еще только подумаютъ, а я уже сдѣлалъ. Ѣдемъ мы такимъ родомъ день, ѣдемъ два, свернули съ трахту на проселокъ, а съ проселка въ тайгу: ни конца ни краю вплоть до китайской границы. Поѣхали по тропамъ, по примѣтамъ... По дорогѣ въ двухъ мѣстахъ сдѣлали развѣдки да только попусту. Гляжу я на Карпа Лукича и дивуюсь: совсѣмъ другой человѣкъ, а водки даже ни-ни. Такой у него зарокъ былъ положенъ, что какъ на дѣло, такъ водки ни капли. На первыхъ-то развѣдкахъ мы позадержались лишнюю недѣлю, а тутъ насъ весной накрыло. Обождали водополь и поѣхали дальше верхами, а на стану караулъ оставили. Ну, тутъ настоящую муку мы и приняли: то гора, то болото, а то и на горѣ болото. Переправа за переправой, а рѣчки быстрыя да студеныя... Всего удивительнѣе для меня оказывали себя лошади: сколь же умна эта самая скотина! По болоту идетъ, такъ съ кочки на кочку перескакиваетъ, на гору по камнямъ царапается, подъ гору на хвостѣ идетъ—человѣку такъ не сдѣлать, какъ эта самая таежная лошадь. Въ сѣдлѣ-то сидѣть страшно, только и глядишь, на который бокъ половчѣе упасть, въ случаѣ чего... А каково такой лошади подъ Карпомъ Лукичемъ итти: четырехъ лошадей въ сутки мѣнялъ. Ну, думаю, по этакимъ мѣстамъ только душу спасать ѣздить... Пріѣдемъ на станъ—разогнуться нѣтъ возможности. Чѣмъ дальше ѣдемъ, горы выше, а въ горахъ опять холоднѣе. Начали лошади въ болотахъ вязнуть. Пришлось ихъ оставить на второмъ стану съ конюхами, а сами пошли пѣшкомъ. Грузенъ былъ Карпъ-то Лукичъ, не можетъ по болоту итти. Тогда насъ на лубкахъ съ нимъ черезъ болота перетаскивали... Съ недѣлю мы такимъ манеромъ промаялись, всю душеньку вымотали. Не утерпѣлъ я и спрашиваю Карпа Лукича: „Куда это мы идемъ?“ А онъ мнѣ: „Кладъ будемъ искать... Слыхалъ про Поцѣлуиху?“ Это почесть на самой китайской границѣ выходило, да и Поцѣлуихъ считали до десятка рѣчонокъ—что ни рѣчка, то и Поцѣлуиха, а дорога—пьяный чортъ ѣздилъ. Долго ли, коротко ли, доѣхали мы до большой горы, Бѣлокъ называется, Карпъ Лукичъ и говоритъ: „Здѣсь будетъ послѣдній станъ“. Начали мы дѣлать развѣдки въ разныя стороны. Вездѣ есть знаки на золото, а настоящаго дѣла все-таки нѣтъ: нестоящее золото для работы. Почесть цѣльное лѣто мы такимъ манеромъ прожили въ лѣсу, обносились, озвѣрѣли, на людей не стали походить. Этакъ разъ, ужъ къ осени дѣло было, отбились мы съ Карпомъ Лукичомъ отъ партіи. Отъ своего Бѣлка пошли къ другой дорогѣ,—со стану глядѣть, такъ рукой подать. Мы съ Карпомъ Лукичомъ да трое рабочихъ—и все тутъ. Шли-шли, а гора точно отъ насъ уходитъ дальше. Однако къ вечеру добрели. Мѣсто глухое, лѣсъ—овчина овчиной. Рѣчка съ горы выпала—опять, значитъ, Поцѣлуиха. Пошли внизъ по рѣчкѣ. Вотъ тутъ намъ и поблазнило... Идемъ

этакъ лѣсомъ, слышу, Карпъ Лукичъ кричитъ: „Стой!“. Я-то позади всѣхъ плелся, потому измотался за день. Подхожу и вижу: стоитъ Карпъ Лукичъ осередь поляны и руками разводитъ, а на полянѣ камни чернѣютъ. „Погли-ко, говоритъ, Галанецъ, какіе камни-то“... Я приглядѣлъ и даже этакъ обомлѣлъ: на полянѣ-то все тумпасы, да по аршину ростомъ каждый... „Это самое мѣсто и есть“,—шепчетъ мнѣ Карпъ Лукичъ. Сколь же и мѣстечко диковинное издалось, только вотъ въ сказкѣ разсказать. А рѣчонка въ двухъ шагахъ, и въ ней такіе же тумпасы, точно поросяты, лежатъ въ водѣ. Ударили ужъ въ сумеркахъ ширпъ на бережку: золото оказалось богатимое. Тутъ мы и заночевали... А Карпъ Лукичъ всю ночь не спалъ: полежитъ-полежитъ у огонька и опять пойдетъ осматривать эти тумпасы, да къ рѣчкѣ—и мнѣ не далъ спать. Еще, думаю, утонетъ... Ахъ, какое это удивительное мѣсто было!.. Едва дождались утра и опять ширпъ, по ту сторону рѣчки—золото еще лучше. По самой рѣчкѣ взяли пробы—опять золото. „Вотъ онъ кладъ-то“,—шепчетъ мнѣ Карпъ Лукичъ, а самъ точно пьяный сдѣлался. Ну, поставили мы развѣдочные столбы, накопали ямъ и пошли къ своему Бѣлку. По дорогѣ рабочіе затески дѣлали на деревьяхъ, чтобы не заплутаться. Однимъ словомъ, все устроили по формѣ. Только, сударь ты мой, едва мы вышли къ своему Бѣлку: вотъ тутъ она, наша гора, совсѣмъ на глазахъ, а пойдемъ къ ней—она точно въ сторону отойдетъ... Оказія!.. Такъ мы засвѣтло-то и не могли выйти на станъ и заночевали гдѣ-то въ болотѣ. Утромъ просыпаемся: Бѣлокъ-то саженяхъ во ста отъ насъ, мы, какъ кулики, въ болотѣ мокли цѣлую ночь. Только пошли мы на Бѣлокъ ужъ съ другой стороны, а не съ той, гдѣ станъ. Въ тайгѣ это случается... Хорошо. Пришли на станъ, поглядѣлъ Карпъ Лукичъ изъ-подъ ручки на гору, гдѣ мы были, и говоритъ: „Вонъ онъ, кладъ-то нашъ гдѣ спрятался“...—„Такъ точно, говорю я, Карпъ Лукичъ: здѣсь Бѣлокъ, тутъ болото, а тамъ гора, а изъ горы выпала Поцѣлуиха съ тумпасами“. По-настоящему намъ надо было торопиться къ лошадямъ, чтобы загодя выбраться изъ этихъ мѣстовъ, а Карпъ Лукичъ не утерпѣлъ, еще разъ захотѣлъ побывать на кладовомъ мѣстечкѣ. Я остался на стану, а онъ повелъ съ собой почитай всю партію. И что̀ бы вы думали, сударь мой: три дня и три ночи искали они эту рѣчку съ полянкой, гдѣ мы ширпы били, да такъ и не нашли... Темнѣе ночи воротился Карпъ Лукичъ и только все спрашивалъ меня: „Галанецъ, вѣдь ты видѣлъ тумпасы?“—„Точно такъ-съ, Карпъ Лукичъ...“—„Хоронится, — говоритъ,—отъ насъ кладъ-то, точно сквозь землю провалилась полянка съ тумпасами“.

„Что̀ же бы вы думали, сударь мой, мы вѣдь такъ ни съ чѣмъ и выѣхали изъ тайги... Первая причина, снѣга поопасались, а вторая—весь припасъ у насъ вышелъ, и народъ нечѣмъ кормить. Ну, пріѣхали домой, Карпъ Лукичъ веселый такой: ждетъ не дождется опять поста, чтобы по послѣднему пути на Бѣлокъ выѣзжать. Нанялъ рабочихъ ужъ по-настоящему, сдѣлалъ всякую заготовку: харчи, одежду, машину, лошадей—въ тайгѣ-то негдѣ взять, всякую малость съ собой вези. Опять поѣхали на Бѣлокъ по старой дорогѣ и всю муку мученическую приняли въ полной формѣ. Это легко разсказывать-то. Ну, и опять не нашли Поцѣлуихи. Такъ задарма цѣлое лѣто пробродили по горамъ да по болотамъ, а домой опять воротились ни съ чѣмъ. Затуманился мой Карпъ Лукичъ, потому какъ за два года шатанья по тайгѣ сильно деньгами подшибся. Однако на третью весну опять мы въ походъ собрались... Гдѣ только можно, вездѣ денегъ добывали, а я сталъ примѣчать за Карпомъ Лукичомъ такъ, что будто онъ въ изступленіи ума дѣлается. Началъ даже заговариваться и все Поцѣлуихой этой бредитъ: видитъ ее во

снѣ и гаяву. Опять поѣхали мы въ тайгу и цѣлое лѣто задаромъ прошатались, и все около Бѣлка. Близко осени было дѣло, надо ворочаться домой, а Карпъ Лукичъ говоритъ: „Помру здѣсь, а найду Поцѣлуиху“... Крѣпкій былъ человѣкъ, а тутъ изнемогъ. Ходитъ по стану и бормочетъ. „Это Бѣлокъ— тутъ болото... тутъ гора, съ которой выпала Поцѣлуиха“. Ужъ это лѣто намъ и запалось же: мошки, комары—житья нѣтъ. Лошадей поморили, рабочіе ропщутъ, а Карпъ Лукичъ все на своемъ стоитъ: здѣсь Бѣлокъ, тамъ болото, тамъ гора, съ которой Поцѣлуиха выпала. Близко ужъ осени было дѣло. Я въ одной палаткѣ съ Карпомъ Лукичомъ жилъ. Только разъ просыпаюсь ночью, а въ палаткѣ кто-то плачетъ. И такъ тихонько плачетъ, совсѣмъ по-бабьи. Досталъ я огня, гляжу, а это Карпъ Лукичъ: сѣлъ на постель, ухватилъ голову руками да и заливается... Ахъ, ты, Боже мой, что же это такое? Я его утѣшать, а онъ пуще... Да и меня на сумлѣнье навелъ.—„Скажи мнѣ, братъ, помнишь ты отлично, какъ все дѣло было, когда мы полянку съ тумпасами нашли?..“—„Даже, говорю, очень и превосходно помню: какъ сейчасъ вижу и полянку, и тумпасы, и рѣчку, и мѣсто, гдѣ шурфы мы били“.—„Да, можетъ, ты, братъ, ошибся: облесло насъ, поблазнило... Мало ли что въ лѣсу бываетъ съ человѣкомъ!“—„Что вы, говорю. Карпъ Лукичъ, спросите рабочихъ, кто не съ нами были...“ Конечно что тутъ спрашивать на свои глаза свидѣтелей не надо, а просто Карпъ Лукичъ началъ мѣшаться въ своемъ разумѣ. Тронулся человѣкъ... Да и меня, признаться, тоже оторопь взяла: въ какомъ-то дѣлѣ не побывало ли тогда намъ!.. Ну, сидимъ мы на стану подъ Бѣлкомъ, а ужъ пошли заморозки—того гляди, выпадетъ первый снѣжокъ, а тогда въ тайгѣ смерть безъ смерти. Лучшіе вожаки плутаютъ, потому какъ всѣ пріметы снѣгомъ засыплетъ, да и лѣсъ совсѣмъ другимъ оказываетъ. А Карпъ Лукичъ упрется,—не пойду, и кончено тому дѣло. Ужъ мы его уговаривали и такъ и этакъ—приступу нѣтъ. Рабочіе забунтовали... Ну, тутъ и вышелъ съ нами грѣхъ. Ахъ, какой тяжкій грѣхъ, Васенька, случился, что, кажется, и не разсказать! Одна страсть... Этакъ утромъ просыпаемся, выхожу я изъ палатки, а кругомъ бѣло, точно саваномъ покрыло все... Саванъ и былъ. Господи, что только тогда у насъ было: рабочіе-то совсѣмъ озвѣрѣли и чуть Карпа Лукича не убили. Такъ съ ножами къ горлу и приступаютъ... Извѣстно, тоже не отъ ума люди на стѣну лѣзутъ. Ну, поругались, пошумѣли, забрали все, что можно, и ушли, а мы съ Карпомъ-то Лукичомъ вдвоемъ и остались, да еще лошадь заморенная съ нами. Я его уговариваю итти домой, а онъ свое толмитъ: помру здѣсь. А снѣгъ-то идетъ да идетъ. Ну, думаю, пришла наша смертынька съ Карпомъ Лукичомъ, догуляли... Запасовъ осталось у насъ дня на три всего, какъ я уговорилъ-таки его итти—не помню. Пошли, а лошадь за нами... И умная это тварь лошадь. Столь она умна, столь умна, что вотъ только не скажетъ: чувствую, молъ, я, что подвержена я во всемъ человѣку и безъ васъ мнѣ пропасть. А партія-то, что раньше насъ вышла со стану, на вторыя сутки заплуталась въ тайгѣ. Пошли споры да раздоры: одни говорятъ—туда итти, другіе—совсѣмъ наоборотъ. Разбились кучками, и всякъ въ свою голову ломитъ. Ну, такимъ манеромъ они почитай всѣ выбились изъ силъ, да въ тайгѣ и перемерзли. кто съ голоду, кто съ натуги, другихъ звѣрь задавилъ... Охъ, незамолимый грѣхъ!.. А Карпъ Лукичъ свое: „Хоть бы помереть скорѣе. Галанецъ: одинъ конецъ, а домой и итти не къ чему“. Все-таки идемъ, сколько можемъ, а за нами лошадь колченогая ковыляетъ. Мы остановимся—и она встанетъ. Когда весь харчъ вышелъ, Карпъ Лукичъ и говоритъ: „Мы ее приколемъ“... Ну, мнѣ это ужъ противъ сердца пришло. „Что вы, говорю, сударь, какія вы слова выговариваете, точно на насъ и креста

нѣтъ... Да и не объ этомъ теперь думать надо: хоть бы Господь христіанской кончины сподобилъ, а вы лошадь колоть. Не татары мы, слава Богу"... Въ одномъ мѣстѣ нашли замерзлаго человѣка изъ нашей партіи. Ну, совсѣмъ у смерти... конецъ... И что же бы вы думали, сударь мой?—наша лошадь-то ковыляла за нами, а потомъ впередъ насъ вошла. И такъ идетъ, пойдетъ, пойдетъ и остановится, чтобы мы подошли. „Ой, говорю я Карпу Лукичу,—жилье она чуетъ..." Голодъ ужъ съ ногъ доканать насъ сталъ, стояли въ конецъ и только кору осиновую жевали. Только отъ насъ мы шли за нашей лошадью, я вижу подъ снѣгомъ будто избушка. Показываю Карпу Лукичу, а онъ не вѣритъ: наважденіе, говоритъ. И что бы вы думали, сударь мой?—вѣдь вывела она насъ, эта самая лошадь, прямо на партію привела—къ Недошивину; храпомъ своимъ лошадиномъ учуяла жилыхъ людей. Пришли мы къ Недошивину ни живы ни мертвы, да такъ насъ изъ тайги и домой отправили, а Карпъ Лукичъ съ этого самаго времени замолчали. До самой своей смерти ни единаго словечка не вымолвили; то ли это съ голоду, то ли съ золоти, или поблазнило чѣмъ,—не умѣю сказать. Имѣніе все разорили одинъ словомъ—все богатство по вѣтру разнесло... Богъ онъ какой кладъ-то на Попѣлухѣ выдался намъ... Вася, да ты иначе спишь?

V.

Когда Анна Галактіоновна проснулась на другой день въ своемъ номерѣ, первой ея мыслью было: гдѣ Васька? Положимъ, что не первый разъ, что онъ ночевалъ гдѣ-нибудь въ бильярдной, и притомъ безъ сапогъ далеко не уйдешь,—но все-таки она встревожилась и позвонила.

— Позовите ко мнѣ Василія Карпыча,—приказала она номерному лакею.

— Ихъ нѣтъ-съ...

— Какъ нѣтъ? Куда онъ безъ сапогъ уйдетъ?..

— Такъ точно... Съ нашимъ маркеромъ ушли-съ; Галанцемъ называется, т.-е. маркеръ. Онъ имъ и сапоги приспособилъ... Надѣли котомку и ушли...

— Это интересно, куда они могутъ уйти...

— А пошли какой-то кладъ разыскивать... Конечно, не отъ ума, а только у старика-то деньги съ собой. На смертный часъ готовилъ, а теперь дѣло повернулось на кладъ...

Черезъ годъ въ одной изъ сибирскихъ газетъ было напечатано коротенькое извѣстіе, что поисковая партія наткнулась въ тайгѣ у китайской границы на два „неизвѣстныхъ трупа"—очень можетъ быть, что это были старикъ Галанецъ и Вася.

1889.

МОРОКЪ.

Очеркъ.

I.

Зачѣмъ Никешка подымался ни свѣтъ ни заря, на Чумляцкомъ заводѣ этого никто не могъ сказать. А онъ все-таки вставалъ до свистка на фабрикѣ, точно службу служилъ. Подымется на самомъ „брезгу", высунетъ свою лохматую голову въ окно и глазѣетъ на улицу, какъ сычъ. Добрые люди на работу идутъ, а Никешка въ окно глядитъ и не пропуститъ мимо ни одного человѣка, чтобы не обругать. Особенно доставалось отъ него сосѣдямъ—старику Мирону и дозорному Евграфу Ковшову. Миронъ жилъ рядомъ, а Ковшовъ—напротивъ.

— Пропасти на тебя нѣтъ, Никешка!—говорилъ Миронъ при каждой встрѣчѣ и укоризненно качалъ головой.—Погляди-ка, вѣдь сѣдой волосъ занялся у тебя въ бородѣ, а ты все не въ людяхъ человѣкъ. Хошь бы ужъ померъ, право...

— Сперва погляжу, какъ вы всѣ передохнете,—отвѣчалъ Никешка съ обычной дерзостью.—Получше другихъ человѣкъ завелся, такъ вамъ бы въ ноги ему кланяться... такъ я говорю?.. Вотъ ты, Миронъ, за дочерями-то гляди въ оба, чтобы прибыли какой не вышло.

— Никешка!..

— Я давно Никешка.

— Тьфу!.. Собака—и есть собака.

Старый Миронъ, благочестиво отплевавшись, поскорѣе убирался въ свою пятистѣнную избу. Ему было всего пятьдесятъ лѣтъ, но на видъ—старикъ старикомъ. Сказалась тяжелая огненная работа, на которой человѣкъ точно выгораетъ. Давно ли Миронъ жилъ паномъ, домъ былъ полная чаша, а потомъ разнемогся да разнемогся, и все богатство сплыло. Правда, осталась старуха-жена да три дочери, и только. Были два сына, поженились и ушли своимъ домомъ жить. Такихъ „стариковъ до времени" въ Чумляцкомъ заводѣ было много, и вездѣ повторялась одна и та же исторія.

Другой сосѣдъ Никешки, дозорный Ковшовъ, жилъ крѣпко и богатѣлъ тугимъ мужицкимъ богатствомъ. Попавъ въ заводское начальство, онъ не забывалъ себя: поправилъ домишко, обзавелся скотиной, купилъ ведерный самоваръ и быстро началъ толстѣть. Однимъ словомъ, человѣкъ попалъ на легкій хлѣбъ и жилъ въ свое удовольствіе. Благополучіе Ковшова отравлялось только сосѣдствомъ Никешки, который не давалъ ему прохода. Чтобы не встрѣчаться со своимъ врагомъ, Ковшовъ уходилъ иногда на фабрику огородами, точно воръ. Но, все равно, никакая политика не могла спасти его отъ

Никешки. Идетъ Ковшовъ съ фабрики съ правиломъ въ рукѣ и старается не замѣчать своего сосѣда, но Никешка уже оретъ на всю улицу:

— Еграфу Палычу сорокъ одно съ кисточкой... Эй, сосѣдъ, айда ко мнѣ въ помощники: я ничего не дѣлаю, а ты помогать мнѣ будешь!

Сохранить свое достоинство при такихъ обстоятельствахъ довольно трудно, и Ковшовъ долженъ былъ ругаться:

— Острогъ-то давно о тебѣ плачетъ, Никешка... Мотри, не ошибись: только даромъ время проводишь въ своей избушкѣ.

— А вы, Еграфъ Палычъ, слава Богу, мучки аржаной возикъ купили...—не унимался Никешка.—Гдѣ Господь желѣзка пошлетъ, гдѣ бревешко подвезутъ даромъ, гдѣ что̀, а хорошему человѣку все на пользу... Вотъ какъ хорошіе-то люди живутъ: у скотинки хвостъ трубой, въ сундукахъ добро не проворотишь, а бѣднота кланяется Еграфу Палычу, потому какъ онъ самъ передъ начальствомъ хвостомъ лютъ вилять. Такъ я говорю? Собаки чужія не лаютъ на Еграфа Палыча... Дымъ у него изъ трубы столбомъ идетъ...

— Тьфу, окаянная душа!..

Все, что̀ дѣлалось въ домѣ Ковшова, Никешка зналъ лучше, чѣмъ свои собственныя дѣла, и оповѣщалъ всю улицу. Еграфъ Палычъ женѣ палевый платокъ купилъ, а себѣ завелъ сапоги со скрипомъ; у Еграфа Палыча сѣно само на сарай пріѣхало; Еграфъ Палычъ лошадку новую собирается купить, потому что старымъ лошадямъ дѣлать нечего, и т. д. Выведенный изъ всякаго терпѣнія, Ковшовъ нѣсколько разъ хлопоталъ, чтобы общество выключило Никешку изъ своего состава; но эти подходы не удавались. Даже выставленное волостнымъ старичкамъ вино не помогало: выдерутъ Никешку, и только. Секретъ заключался въ томъ, что Никешка былъ отличный конскій пастухъ и ни одну лошадь не дастъ украсть.

Такъ и жилъ Никешка въ своей проваленной избушкѣ, покосившейся на одинъ бокъ. Дѣлать запасы дровъ онъ не имѣлъ привычки и помаленьку топилъ печь разнымъ домашнимъ строеніемъ: сначала сожегъ амбаръ, потомъ баню, прясла и даже ворота, а теперь принялся за крышу,—стащитъ драницу и въ огонь. Жилъ онъ бобылемъ, и единственную живность въ его хозяйствѣ составляла сивая, кривая кобыла. И скотина была по хозяину: зиму и лѣто жила подъ открытымъ небомъ, а питалась чѣмъ Богъ пошлетъ. Была у Никешки жена, было хозяйство, но все это ушло при ближайшемъ участіи закадычнаго пріятеля Никешки, кабатчика Пимки, который не только перевелъ за себя все, что̀ можно было взять у Никешки, но по пути захватилъ и его жену—Маланью. Когда друзья напивались, они начинали колотить несчастную бабу вдвоемъ.

На заводѣ Никешка извѣстенъ былъ подъ именемъ Мо̀рока, и это прозвище онъ носилъ не безъ достоинства. Только сосѣди называли его просто Никешкой.

II.

Ласковое апрѣльское солнце едва занималось, а Никешка уже сидѣлъ у своего окна и глядѣлъ на улицу. Уральская весна поздняя, и, несмотря на послѣднія числа апрѣля, кое-гдѣ еще лежали кучи почернѣвшаго и точно источеннаго червями снѣга. Весенняя грязь за ночь покрылась тонкимъ слоемъ льда, который хрустѣлъ и ломался подъ копытами лошадей, какъ стекло. Накопившаяся за зиму дрянь, которую чумляцкіе обыватели выкидывали за не-

имѣшемъ покойныхъ лямъ прямо на улицу, теперь точно вылѣзала изъ земли и задерживала таяніе послѣдняго снѣга. Никешка смотрѣлъ вдоль улицы на новую крышу новой избы Ковшова и любовался собственной кобылой, которая не безъ ловкости подбирала отвислыми старыми губами клочки гнилого сѣна, валявшіеся на улицѣ.

— И тварь только: чѣмъ, подумаешь, жива?—удивлялся Никешка добычливости своего единственнаго живота.—Не хочетъ помирать, подлая... брюхо-то, видно, не зеркало!

Пригрѣтый весеннимъ солнышкомъ, Никешка задумался о лѣтѣ. Вотъ пройдетъ съ горъ вода, и вездѣ-то займется трава. Поведутъ тогда всѣ лошадей въ пасеко, выѣдетъ онъ, Никешка на своей кобылѣ, какъ слѣдуетъ пастуху,—лѣто-то и пройдетъ шутя. Кобыла всегда успѣвала отъѣдаться къ осени, хотя и лѣтомъ Никешка не считалъ нужнымъ ее кормить: сама должна себѣ пропитать добывать, на то она и кобыла. Деньгами да кормомъ скотины тоже не укупишь, какъ дѣлаетъ Ковшовъ и другіе толстогумы.

А солнышко такъ и грѣетъ, такъ и грѣетъ... Смертная лѣнь одолѣла Никешку: высунулъ башку въ окно и сидитъ. Скоро вотъ на фабрикѣ свистокъ завоетъ, народъ побѣжитъ на работу... Дураки!.. А Никешка будетъ сидѣть да поглядывать. Когда надоѣстъ сидѣть, пойдетъ къ Никкѣ,—не подвернется ли какой хорошій человѣкъ. Никешкѣ тоже иногда перепадаютъ даровые стаканчики водки: загуляетъ человѣкъ, что ему стоитъ угостить. Бываетъ, что и Никешка пригожается... Худъ-худъ, а безъ него тоже дѣло не обходится.

Задымили печи у проворныхъ хозяекъ, поднялся медленный шумъ закипавшаго дня, напахнуло крѣпкимъ весеннимъ вѣтерномъ. Никешка зажмурился отъ удовольствія, а его широкое, бородатое лицо съ заплывшими глазками даже покрылось масломъ. Кобыла, набивная себѣ брюхо разной дрянью, тоже дремала на солнышкѣ, и Никешка еще разъ подумалъ: „Ишь, подлая тварь, чувствуетъ“. А свистокъ ужъ скоро. Никешку позываетъ на сонъ. Голова свѣшивается, какъ отшибленная, и солнце грѣетъ теперь только самую макушку съ порѣдѣвшими темными волосами.

— Никешка... Мѐрокъ!..

— А... что?.. Экъ васъ взяло!..—мычитъ Никешка, стукаясь головой о верхній косякъ окна.—Ну?..

— Недавно ослѣпъ: безъ очковъ-то не видишь?..—повторяетъ тотъ же сердитый голосъ.

— Чего глядѣть-то?.. Ишь расшеперился: не великъ въ перьяхъ-то!

— А ты не корачься, Мѐрокъ... Добромъ тебѣ говорятъ: куда дѣлъ сапоги? Гдѣ ты вечоръ-то былъ, окаянная душа?.. Окромя тебя, некому украсть сапоговъ...

Никешка нѣсколько время молчалъ, какъ человѣкъ, удрученный сознаніемъ, что, дѣйствительно, кромѣ него, некому украсть сапоговъ. Да и староста налицо, и понятые, и Егранька Ковшовъ выбѣжалъ на улицу въ одной рубахѣ, счастливый чужимъ безвременьемъ.

— Какіе сапоги?—удивляется Никешка точно про себя.

— А вотъ мы тебѣ, Мѐроку, покажемъ—какіе!..

— Онъ, онъ укралъ!.. Вѣрно...—кричалъ Ковшовъ, размахивая руками.—Да вы чего съ нимъ разговариваете? Айда, волоки прямо въ волость!

Происходитъ нѣкоторое колебаніе. Нужно все по формѣ сдѣлать: можетъ, не найдется ли поличное? Мужики идутъ прямо въ избу. Никешка встрѣчаетъ ихъ спокойно и даже не поднялся съ лавки.

— Обыскивай, а то я и самъ ничего не найду,—подсмѣивается онъ.

— Не заговаривай зубовъ-то,—ругается староста, заглядывая на пустыя полати. — И чѣмъ живетъ человѣкъ?.. А сапоги все-таки ты, Мѐрокъ, уперъ!..

— Поищите, можетъ, двое найдете.

Обыскъ кончается въ нѣсколько минутъ: кромѣ ременнаго пастушьяго хлыста, въ избѣ ничего не оказалось,—всѣ свои богатства Никешка носилъ на своихъ плечахъ.

— Айда въ волость!—кричалъ въ окно Ковшовъ: въ избу онъ не смѣлъ войти.—Навѣрно, у Пимки въ кабакѣ сапоги, потому кромѣ Никешки искому... Извѣстный заворуй!.. изъ кабака не выходитъ...

— Отвяжись, судорога!—ворчалъ Никешка, подпоясывая свой рваный полушубокъ.—Посоли лучше свой-то самоваръ да ступай чай пить. Ну, староста, не то пойдемъ въ волость...

— И то пойдемъ...—равнодушно соглашается староста, быстро израсходовавшій весь свой административный пылъ.

На улицѣ уже столпилась куча любопытныхъ. Всѣ желаютъ посмотрѣть, какъ поведутъ Мѐрока въ волость. Въ толпѣ бабъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является чахоточный сапельщикъ Илья, который въ такихъ случаяхъ незамѣнимъ: кричитъ, машетъ руками и бросается въ разныя стороны, какъ бѣшеный. Горбунъ Калина, единственный „чеботарь“ въ Чумлякахъ, молча стоитъ со старымъ Мирономъ. Появленіе Мѐрока произвело извѣстное впечатлѣніе на толпу: онъ выше всѣхъ ростомъ и съ такою увѣренностью шагаетъ по самой серединѣ улицы.

— Мы тебѣ, милашъ, по-ок-кажемъ, какіе сапоги бываютъ!—повторяетъ староста, не желающій дискредитировать свою власть на людяхъ.

— Горячихъ ему!.. Горрячихъ!..—оретъ вдогонку Ковшовъ.

Процессія торжественно идетъ впередъ, потомъ спускаются къ заводскому пруду и дѣлаютъ легкую остановку у кабака Пимки. Заведеніе пристроилось какъ разъ на самомъ юру, такъ что и въ фабрику, и въ церковь, и на базаръ народъ идетъ мимо. Пимка выскакиваетъ въ простой кумачной рубахѣ.

— Подавай сапоги!—кричитъ ему староста еще издали.—Окромя тебя, негдѣ имъ быть.

— Да я... а-ахъ, Божже мой! Да вотъ провалиться... да будь я трою проклятъ, ежели касательство какое!—клянется Пимка, пойманный врасплохъ.—Да мало ли ко мнѣ народу всякаго шатается?

— Сапоги!

Пимка моментально исчезаетъ, и въ отвѣтъ на приказаніе старосты изъ кабака летятъ искомые сапоги. Староста медленно поднимаетъ ихъ съ земли, оглядываетъ и утвердительно киваетъ головой: „Они самые, въ настоящую точку, какъ показывала Дунька Ковригина“... Сапоги пріобщаются къ дѣлу, и процессія продолжаетъ свое шествіе.

Окруженный понятыми, Никешка идетъ своимъ развалистымъ шагомъ и старается не смотрѣть на встрѣчныхъ. На поворотѣ въ гору нагоняетъ эту толпу мужиковъ веселая гурьба заводскихъ поденщицъ, которыя торопятся поспѣть до свистка; Никешка инстинктивно оглядывается, и одинъ этотъ взглядъ останавливаетъ говорливую поденщину.

— Ты чего уперся, столбъ?—ругается староста и начинаетъ толкать Никешку въ спину крадеными сапогами.—Вотъ они, сапоги-то! Погоди, мы тебѣ покажемъ...

Но Никешка продолжаетъ стоять на мѣстѣ и старается разглядѣть молодое дѣвичье лицо, которое стыдливо прячется въ толпѣ поденщицъ.

— Да вѣдь это Даренка...—вслухъ удивляется онъ, занятый своими личными соображеніями.—Послѣдняя у Мирона дѣвка ахнула... а?..

Отвѣта нѣтъ. Изъ толпы поденщицъ выступаетъ только отпѣтая солдатка Матрена, старшая дочь Мирона, и вызывающе смотритъ на заворуя-Мòрока.

— Ступай, ступай!—кричитъ староста, упираясь въ спину Никешки обѣими руками.—Эко дерево, подумаешь...

— Хошь бы ботинки укралъ да мнѣ подарилъ,—смѣется Матрена, подступая ближе.

— Куда ты Даренку-то ведешь, отпѣтая?—какъ-то глухо спрашиваетъ ее Никешка.

— Никто ее не ведетъ: своей волей пошла. А тебѣ какая печаль сдѣлалась?

Всѣ поденщицы одѣты бѣдно, но съ тѣмъ шикомъ, какъ одѣваются на заводахъ. Поношенные ситцевые сарафаны подтыканы, чтобы показать юбки съ пестрыми подзорами; на головахъ большею частью кумачные платки. Матрена всѣхъ наряднѣе и смотритъ кругомъ потерявшими всякій стыдъ глазами. Младшая ея сестра Дарья вышла еще въ первый разъ на поденную работу и одѣта совсѣмъ бѣдно. Она напрасно старается спрятаться въ толпѣ отъ испытующаго взгляда Никешки. Подруги ее подталкиваютъ. Никешка быстро повернулся и сосредоточенно зашагалъ въ гору къ волости. Загудѣлъ свистокъ на фабрикѣ, и толпа поденщицъ бросилась врассыпную.

II

Въ волости съ Мòрокомъ происходила всегда одна и та же исторія: волостные старички для формы устраивали короткій судъ и немедленно пороли виноватаго. Такъ было и теперь. Никешка не оправдывался, не сопротивлялся, не роптал, а принималъ все, какъ должное. Когда экзекуція кончилась, онъ привелъ въ порядокъ свой костюмъ и самъ отправился въ холодную, гдѣ обыкновенно отдыхалъ до слѣдующаго дня, какъ было заведено давно. Въ результатѣ всѣ оставались довольны.

— Черти, право, черти!—ворчалъ Никешка, не обращаясь ни къ кому въ отдѣльности.—Скоро коней выгонять, такъ я вамъ покажу... Эка важность: сапоги! Тоже нашли...

Въ Чумляцкомъ заводѣ Никешка игралъ оригинальную роль единственнаго вора, и при всякой пропажѣ отправлялись къ нему, потому что больше некому украсть. Если приходили вò-время и находили поличное, какъ въ данномъ случаѣ, онъ покорялся безпрекословно. Если удобный моментъ былъ пропущенъ и краденое, при посредствѣ кабатчика Пимки, уплывало въ невѣдомыя бездны, Никешка запирался, начиналъ ругаться и буянить; но его все-таки пороли и держали на высидкѣ больше обыкновеннаго. Единственный воръ на весь заводъ,—значитъ, чего съ нимъ толковать. Случались серьезныя дѣла, какъ уводъ лошади, тогда Никешку предварительно колотили, долго и больно колотили, а потомъ уже пороли и сажали „въ карцъ“. Эти шалости обыкновенно совпадали съ зимнимъ глухимъ временемъ, когда у Никешки не оставалось никакихъ рессурсовъ для существованія, кромѣ сивой кобылы, которую онъ обыкновенно мѣнялъ на цыганскій манеръ съ придачей. Но къ веснѣ, когда нужно было выгонять лошадей въ пасево, кобыла непремѣнно являлась въ рукахъ Никешки, и онъ гарцовалъ на ней съ пастушьей

ухваткой. Эта кобыла заслуживаетъ вниманія не меньше хозяина. Она не давалась въ запряжку, а если ее все-таки запрягали, падала въ оглобляхъ; на себя она тоже никого не пускала,—била задними ногами, кусалась и въ заключеніе опять падала. Справлялся съ ней одинъ Никешка. И теперь, засаженный въ холодную, онъ думалъ о своей кобылѣ, которая осталась безъ всякаго призора. Положимъ, она никуда не дѣвается, но все-таки было жаль.

Итакъ, Никешка лежитъ въ холодной и сосредоточенно молчитъ. Сначала онъ думалъ о своей кобылѣ, а потомъ припомнилъ солдатку Матрену, и точно что̀ его кольнуло въ самое сердце. Зачѣмъ Даренка пряталась отъ него давеча?.. На погибель вела ее солдатка: ужъ какая дѣвка, ежели въ подсвинцину попала—вся чужая. Плохо, видно, Мирону приходится, ежели онъ послѣдней дочери не пожалѣлъ.

„Сплоховалъ старикъ,—думаетъ Никешка, закрывая глаза.—Надо бы повременить: можетъ, какой бы женихъ выискался на Даренку“.

Къ фабрикѣ у Никешки было какое-то органическое отвращеніе. Въ крѣпостное время, когда насильно гнали народъ на огненную работу, онъ одинъ отбился отъ фабрики, несмотря на то, что его и пороли, и морили высидкой, и сдавали въ солдаты,—ничего не помогало. Заводское начальство махнуло на него рукой, какъ на отпѣтую голову. Каково же было удивленіе этого начальства, когда послѣ воли первымъ на фабрику явился Никешка! Онъ точно переродился и проработалъ лѣтъ пять, какъ слѣдуетъ. Появился у Никешки свой домишко, хозяйство, и въ заключеніе онъ женился. Все шло хорошо. Но, когда на фабрикѣ поставили первую паровую машину, Никешка точно сдурѣлъ: явился къ управителю и заявилъ, что больше работать не будетъ.

— Почему?—удивился управитель.

— А такъ... Что̀ же, собака я, что ли, что буду вамъ по свистку на работу выходить?

— Да ты съ ума сошелъ...

— Все равно, толку не будетъ...

— Отъ свистка?

— Отъ его отъ самаго...

Какъ сказалъ Никешка, такъ и сдѣлалъ: не хочу, и все тутъ. Паровой свистокъ, дѣйствительно, нагонялъ на него какую-то тоску и озлобленіе. Каждое утро Никешка ждалъ того момента, когда загудитъ его врагъ.

— О, чтобы тебѣ подавиться!—ругался онъ, посиживая у окна.

Даже въ пасевѣ, верстъ за пятнадцать отъ завода, Никешка не могъ избавиться отъ проклятой нѣмецкой выдумки: свистокъ все-таки гудѣлъ, далеко-далеко гудѣлъ, точно подъ землей.

Нажитое добро было прожито съ поразительной быстротой, и Никешка окончательно попалъ на свою линію единственнаго вора. Жена Маланья ушла жить къ кабатчику Пимкѣ, а Никешка остался со своей сивой кобылой и все сидѣлъ у окошечка. Въ его душѣ сформировалось непоколебимое убѣжденіе, что отъ заводской работы никакого толка не будетъ, а лошадей пасти можно было только лѣтомъ. Подтвержденіемъ его первой мысли была та же исторія семьи Мирона: вотъ человѣкъ работалъ, выбивался изъ силъ, а подъ старость все-таки пошелъ по-міру. Другое дѣло Егранька Ковшовъ: онъ такой же заворуй, какъ и Никешка, только воруетъ съ поклономъ. Такимъ образомъ все зло заводскаго существованія для Никешки сосредоточилось въ паровомъ свисткѣ, и онъ не хотѣлъ ничего знать. И Даренку онъ пожалѣлъ потому же: подъ свистокъ пошла—пиши пропало. Ужъ если мужику пропасть, то дѣвкѣ—вдвое.

IV.

Наступило лѣто, а слѣдовательно Мòрокъ гарцовалъ на своей сивой кобылѣ, помахивая длиннымъ пастушьимъ хлыстомъ. Всѣ зимніе грѣхи точно растаяли вмѣстѣ со снѣгомъ, и Никешка не спалъ ночей, оберегая общественное добро. Конское пасево было отведено „съ незапамятныхъ временъ“ въ двадцати верстахъ отъ Чумляцкаго завода, на такъ называемой Елани, старомъ, заброшенномъ куренѣ, примыкавшемъ къ рѣкѣ Чусовой. Это было глухое медвѣжье мѣсто, по которому цѣлое лѣто бродилъ заводскій табунъ, лошадей въ тысячу. Лѣтомъ конныхъ работъ на заводѣ не было, и лошади отдыхали въ пасевѣ. Десять человѣкъ пастуховъ съ Мòрокомъ во главѣ отвѣчали за каждую голову, если не представятъ мѣченыхъ тавромъ копытъ. Пастушье дѣло—самое проклятое, особенно, когда лошадь отобьется отъ своего табуна и уйдетъ въ горы: извольте ее искать на разстояніи сотни квадратныхъ верстъ. Мѣста кругомъ были дикія, и только кой-гдѣ засѣли глухія лѣсныя деревушки. Все лѣто пастухи перебивались въ балаганахъ, а Никешка почти не слѣзалъ со своей кобылы, потому что на его обязанности было отыскивать отбившихся отъ табуна лошадей. Благодаря знанію мѣстности и многолѣтнимъ связямъ съ конокрадами всей округи, онъ выполнялъ свою роль изъ года въ годъ, какъ мы уже говорили, блистательно.

Нынѣшнее лѣто проходило обычнымъ порядкомъ, хотя самъ Мòрокъ видимо скучалъ и замѣтно тяготился своей собачьей службой.

— Чортъ на немъ ѣдетъ, что ли? — удивлялись пастухи. — Отъ хлѣба отбился человѣкъ.

— Старъ сталъ: кости болятъ...—уклончиво объяснилъ Мòрокъ. — Тоже бьютъ-бьютъ человѣка, а къ ненастью поясницу ломитъ вò-какъ.

Дѣло было не въ пояснице. Мòрокъ обманывалъ самого себя. Онъ все думалъ о Даренкѣ. Втемяшилась ему въ башку эта дѣвка и не выходитъ. Стороной онъ уже слышалъ, что на фабрикѣ Даренка „защеголяла“: явились козловые ботинки, кумачный платокъ, ситцевые „подзоры“ на юбкахъ, стеклянныя бусы на шеѣ, а авторомъ этихъ неотразимыхъ для каждой поденщицы соблазновъ называли заводскаго машиниста Мухачка. Вся фабрика галдѣла на эту тему недѣли двѣ и не давала проходу Даренкѣ, хотя дѣло это было самое обыкновенное: вся бабья поденщина съ солдаткой Матреной во главѣ—на одну руку. Можетъ-быть, изъ всѣхъ заводскихъ одинъ Мòрокъ пожалѣлъ пропавшую ни за грошъ дѣвку.

Въ своихъ разъѣздахъ по заводской дачѣ Мòрокъ не одинъ разъ завертывалъ на покосъ къ Мирону. Отъ Елани это было рукой подать. Тутъ же были покосы сапельщика Ильи, чеботаря Калины, — тоже единственные люди въ Чумляцкомъ заводѣ, какъ былъ единственный воръ—Никешка. Лучшій покосъ, конечно, принадлежалъ здѣсь Егранькѣ Ковшову, и Мòрокъ дѣлалъ нарочно десять верстъ лишнихъ, чтобы поругаться съ нимъ.

Страда на заводахъ—самое лучшее время: весь народъ въ полѣ, и работа кипитъ. По ночамъ весело горѣли огни у покосныхъ избушекъ, и по всѣмъ покосамъ катились веселыя пѣсни. Старики, конечно, рады были мѣсту, а веселилась неугомонная молодежь: день денской съ косой, а вечеромъ—гулянка. Когда-то такое же веселье было и на покосѣ Мирона, но теперь не то. Настоящей рабочей силой являлся одинъ старикъ Миронъ, а остальные были все бабы—старуха Арина, солдатка Матрена, Прасковья и Дарья. Отдѣленные сыновья работали въ свою голову, а Миронъ управлялся одинъ. Бабы, ко-

нечто, работали, но, извѣстно, какая бабья работа: то да не то. А тутъ еще солдатка Матрена куражилась: то одного привелетъ, то другого, да еще и сама пьяная нашлется. Конечно, дивить на солдатку было нечего: непокрытая голова, и взять не съ кого. Хуже было то, что и другія дочери своими дружками обзавелись. Одинъ Мухачокъ чего стоилъ: пріѣдетъ верхомъ и начнетъ куражиться, а худая-то слава далеко бѣжитъ. Старикъ Миронъ все это видѣлъ, но молчалъ. Да и что онъ могъ подѣлать, когда самъ посылалъ дочерей на фабрику: нужно пить, ѣсть, одѣться, а самъ онъ — какой работникъ? Поносить до обѣда, а послѣ обѣда лежитъ въ избушкѣ,—натруженныя кости ноютъ, спина болитъ, каждый суставъ ломитъ. Дѣвки хоть и гулящія, а проворныя, и работа идетъ мало-мало. Вотъ только старуха Арина донимаетъ своими причитаньями: у другихъ и то, и другое, и десятое. Старый Миронъ только вздохнетъ,—конечно, старухѣ обидно.

Разъ, когда послѣ обѣда Миронъ лежалъ въ балаганѣ и раздумывалъ свои невеселыя старыя думы, кто-то подъѣхалъ верхомъ.

„Опять, видно, Мухачокъ“, — подумалъ Миронъ и притворился, что спитъ.

— Старичку!—послышался знакомый голосъ.—Живъ, Миронъ?

— Это ты, Илья?

— Около того...

Это былъ Никешка на своей сивой кобылкѣ. Нагнувшись, онъ пролѣзъ въ балаганъ и съ трубкой сѣлъ на порогъ.

— А вѣдь я-то тебя за синельщика принялъ, — жалостливо заговорилъ старикъ. — По голосу смѣшалъ... охъ-хо-хо!.. Другіе-то робятъ, а я вотъ лежу...

— Всѣ судемъ лежатъ... Ты свое обробилъ все,—философски замѣтилъ Мòрокъ.—Работы не проробишь, а тебѣ и замѣниться кѣмъ помоложе пора.

— Да замѣниться-то некѣмъ.

Миронъ радъ былъ живому человѣку, которому могъ пожаловаться на свою жизнь, все же сусѣди. Да и скрывать нечего было: весь заводъ былъ на слуху. Посидѣлъ Никешка, поговорилъ и уѣхалъ, а Миронъ долго думалъ, зачѣмъ могъ пріѣзжать къ нему Мòрокъ.

— Такъ, шалый,—рѣшилъ про себя старикъ.

А Никешка пріѣхалъ и во второй и въ третій разъ. Сначала закинулъ задѣлье: не видали ли пѣгой лошади?—а потомъ хлѣба выпросилъ. Солдатка Матрена подняла-было его на смѣхъ, но Миронъ ее остановилъ.

— Худъ онъ для себя, а не для насъ... Оставь, зуда! Тоже сусѣди называемся...

Однажды, когда старикъ вышелъ изъ балагана посмотрѣть на работу онъ даже остановился отъ изумленія. Покосъ доканчивали, и оставалось пройти послѣднюю мочажинку. Солдатка косила въ березнякѣ, а мочажинка досталась Дарьѣ. Теперь Миронъ увидѣлъ такую картину: Даренка сидѣла на травѣ и перевязывала порѣзанную вчера ногу, около нея ходила по травѣ сивая кобыла, а въ мочажинкѣ работалъ Никешка. И какъ работалъ: только коса свиститъ... Старый Миронъ залюбовался на эту настоящую мужицкую работу, а Никешка такъ и претъ полосу за полосой. Могутный человѣкъ, одно слово.

— Вотъ Богъ работника послалъ,—вслухъ проговорилъ Миронъ, подходя къ дочери.

Никешка даже не оглянулся, а только поплевалъ на руки и еще сильнѣе ударилъ косить. Даренка видимо смутилась и хотѣла взять у него косу.

— Постой, дай кончить,—отозвался Никешка, не глядя на нее. — На себя не роблю, такъ хоть тебя замѣню. Куда ты безъ ноги-то въ осоку полѣзешь, дура?...

Пришла старая Арина и тоже полюбовалась на Никешкину работу. Старики даже вздохнули о собственныхъ молодыхъ годахъ, тогда у нихъ работа горѣла въ рукахъ, а по пути вспомнили и про непокорныхъ сыновей, работавшихъ теперь на себя. А Никешка все косилъ, — разстегнулъ воротъ рубахи, бросилъ шапку, снялъ сапоги.

— Ну, теперь прощайте!—сказалъ онъ, когда отъ мочажинки осталась одна зеленая щетина да валы свѣжей кошенины.

— Куда ты, Никифоръ?—проговорилъ Миронъ:—оставался бы съ нами поужинать.

— Нѣтъ, мнѣ недосугъ... Спасибо.

— Зачѣмъ свой-то покосъ людямъ сдаешь, Никифоръ? Вотъ бы и робилъ на себя... Глядишь, на зиму и съ сѣномъ.

— А для кого мнѣ косить-то?... Ну, прощайте!...

Никешка даже не взглянулъ на Даренку, сѣлъ на свою кобылу и уѣхалъ. Старики молча поглядѣли ему вслѣдъ и по обыкновенію промолчали. Даренка тоже молчала: она боялась, что Мòрока видѣла Матрена. Загорѣлая, здоровая, Даренка была дѣвка хоть куда, если бы не худая фабричная слава. Она долго стояла не двигаясь, глядя на выкошенное мѣсто. Неиспытанная еще тоска сдавила ея дѣвичье сердце: вотъ, если бы она была замужемъ, то-то спорая пошла бы работа.

Когда Даренка вечеромъ пришла съ косой на плечѣ къ балагану, старая Арина съ какой-то особенной ласковостью посмотрѣла на нее и даже поправила выбившіеся изъ-подъ краснаго платка свѣтло-русые волосы. Когда ихъ глаза встрѣтились, дѣвушка поняла, что мать жалѣетъ ее, и это еще больше защемило ея сердце. Ночью Даренка тихонько плакала, не зная о чемъ, а старикъ Миронъ лежалъ и думалъ:

„Пожалѣлъ Никешка дѣвку... Тоже вотъ поди: шалый, а пожалѣлъ“.

V.

Наступила осень. Сивая кобыла опять бродила по улицамъ Чумляцкаго завода на полной свободѣ: значитъ, Мòрокъ былъ дома, и его голова торчала изъ окна избушки.

Было ясное осеннее утро. Земля, скованная первымъ морозомъ, звонко гудѣла подъ ногами. Издали было слышно, какъ катились телѣги. Никешка сидѣлъ на своемъ посту и ждалъ, когда загудитъ на фабрикѣ проклятый свистокъ. Онъ сидѣлъ въ новой ситцевой рубахѣ, всклоченные волосы были намазаны коровьимъ масломъ, и вообще въ Никешкѣ случилась перемѣна. Въ домѣ Егранькиа Ковшова происходило какое-то таинственное движеніе, и изъ-за косяковъ мелькали любопытныя лица, а Никешка все сидѣлъ, поджидая свистокъ.

— Ишь, тварина, гдѣ-то наѣлась-таки!—вслухъ удивился Мòрокъ, когда въ концѣ улицы показалась сивая кобыла, направлявшаяся домой. — То-то дошлая скотина!..

Приближавшійся топотъ невидимыхъ ногъ заставилъ Никешку оглянуться на противоположный конецъ улицы: тамъ, отъ кабака Пимки, медленно подвигалась цѣлая толпа народа. Мòрокъ сразу узналъ старосту, старика Мирона и понятыхъ. Всѣ шли не торопясь и остановились у избы Мирона.

Вышла на улицу старуха Арина и запричитала, указывая на избушку Мòрока. Понятые смущенно молчали и только переминались на мѣстѣ, какъ стадо овецъ, наткнувшееся на волчье логовище. Потомъ староста перешелъ на другую сторону улицы, и всѣ сгрудились у избы Ковшова. Въ окнѣ высунулась голова самого Егранькн и закричала:

— Чтò вы на его смотрите: тащите въ волость — вотъ и весь сказъ. Не больно важное кушанье. Да горячихъ ему залѣпить, да въ карцъ, да опять горячихъ, да...

— Оно, конечно, слѣдствуетъ, — соглашался староста, поглядывая на избу Никешки.—Даже весьма слѣдуетъ... гм... да... Не впервой... то-есть три шкуры спустить... Прежде сапоги да коней воровалъ, а теперь... да...

— Берите его!—оралъ Егранька, входя въ азартъ.—Прямо за волосы волоките!.. Катай его!..

Эти вопли не производили надлежащаго дѣйствія на толпу: мужики переминались, подталкивали другъ друга и вообще не рѣшались приступить къ дѣйствію. Рѣшительный моментъ наступилъ, когда къ толпѣ присоединились чахоточный синельщикъ Илья и чеботарь Калина. Подъ ихъ предводительствомъ толпа отдѣлилась отъ избы Ковшова и черезъ улицу направилась къ избушкѣ Мòрока. А Никешка все сидѣлъ въ окнѣ и съ спокойствіемъ записного философа ждалъ, чтò изъ всего этого произойдетъ.

— Бей его... катай!..—оралъ Егранька, перебѣгая отъ окна къ окну.— Бери...

Не доходя нѣсколько шаговъ до избушки, толпа остановилась. Наступилъ новый моментъ нерѣшительности, пока староста не приступилъ къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей.

— Мы къ тебѣ пришли, Мòрокъ...

— Вижу.

— Ну, такъ ты ужъ того... да... Айда въ холодную! Прежде сапоги воровалъ, а теперь дѣвку чужую увелъ... Подавай Даренку, а самъ айда въ волость.

— Ну нѣтъ, братъ, шабашъ! — закричалъ Мòрокъ, показывая въ окно кулакъ.—У Даренки свои ноги есть, а я шабашъ... Будетъ!

— Никешка, дьяволъ, тебѣ добромъ говорятъ!

Подбѣжавшая къ окну старуха Арина хотѣла-было схватить Мòрока прямо за бороду, но тотъ уклонился. Поднялся сразу страшный гвалтъ, — всѣ кричали, ругались, показывали кулаки. Общественная нравственность была оскорблена и требовала отмщенія. Главное, женатый мужикъ увелъ дѣвку, да еще и увелъ у сусѣда, — это было невозможно... Даренка, дѣйствительно, сидѣла въ избушкѣ Мòрока, блѣдная, перепуганная, плохо сознававшая, чтò происходило около нея. Она слышала только вопли матери и не смѣла шевельнуться. Чтò имъ нужно?.. Даренка ушла къ пропащему человѣку Никешкѣ потому, что это былъ единственный человѣкъ, который ее пожалѣлъ. На фабрикѣ она переходила съ рукъ на руки, какъ пущенная въ оборотъ монета, и вездѣ было одно и то же: ее сначала заманивали, дарили что-нибудь для перваго раза, напаивали водкой, а потомъ слѣдовали побои, издѣвательства и позоръ. У одного Никешки нашлось для нея теплое, ласковое слово, и она пришла къ нему: онъ такой сильный и не дастъ никому въ обиду. Ей, какъ уличной собакѣ, такъ немного было нужно...

А Мòрокъ стоялъ у окна, выпрямившись во весь свой ростъ, и ждалъ приступа съ спокойствіемъ рѣшившагося на все человѣка. О, онъ теперь не дастся имъ живой въ руки и Даренку не дастъ: пусть попробуютъ!.. Дверь

была заперта на задвижку, и, чтобы попасть въ избу, нужно было ее выломать. Чья-то рука уже пробовала ее, и Никешка закричалъ не своимъ голосомъ:

— Не подходи... убью!..

Этого было достаточно, и въ окно полетѣли камни, полѣнья и куски замерзшей грязи. Подслѣповатыя зеленыя стекла вылетѣли съ жалобнымъ звономъ, а переплетъ гнилыхъ рамъ представлялъ собой плохую защиту. Изъ избушки въ отвѣтъ на эту канонаду полетѣли какіе-то черепки и цѣлые кирпичи. Толпа, встрѣтивъ такой ожесточенный отпоръ, отступила, и опять наступило затишье.

— Никешка, говорю тебѣ добромъ: выходи...—попробовалъ еще разъ староста усовѣстить разбойника. — Хуже будетъ.

— Убью!.. — ревѣлъ Никешка, бросая изъ окна досками отъ развороченныхъ полатей. — Не подходи...

— Валяй его! — оралъ черезъ улицу Егранька, бѣгая у своей избы.

Староста снялъ шапку, почесалъ затылокъ и, повернувшись спиной къ избушкѣ Мòрока, — проговорилъ:

— Ребята, пойдемте домой!

1888.

ПРІИСКОВЫЙ МАЛЬЧИКЪ.

I.

Для Ермошки послѣдній Ильинъ день останется навсегда въ памяти; какъ день удивительныхъ приключеній и еще болѣе удивительной его собственной, Ермошкиной, изобрѣтательности.

По праздникамъ Ермошка обыкновенно околачивался у пріисковой конторы или господскаго дома. Своя казарма пустовала, потому что рабочіе расползались въ разныя стороны и возвращались домой только къ утру, если были въ состояніи это выполнить. Ермошка тоже слонялся цѣлый день на полной своей волѣ и, по примѣру большихъ рабочихъ, приносилъ съ такого праздника подбитый глазъ или какое-нибудь другое праздничное увѣчье.

На пріискѣ Любезномъ Ильинъ день праздновался особенно широко, потому что главная шахта называлась „Ильинской".

Итакъ, Ильинъ день наступилъ. Ермошка проснулся, по обыкновенію, рано, но провалялся на своей нарѣ лишній часъ, благо сегодня ему не нужно „гонять барабанъ". Въ отворенную дверь казармы заглядывало горячее, лѣтнее солнце, такъ что глазамъ было больно. Первымъ дѣломъ Ермошка сбѣгалъ къ ближайшей выработкѣ и приблизительно умылся, т.-е. размазалъ по лицу полосами ярко-желтую пріисковую глину. Затѣмъ онъ надѣлъ новую ситцевую рубаху, плисовыя порыжѣлыя шаровары, пригладилъ скатавшіеся копной волосы на головѣ и почувствовалъ себя окончательно въ праздничномъ настроеніи. Возвращаясь черезъ казарменную кухню, Ермошка воспользовался отсутствіемъ зазѣвавшейся артельной стряпки Леканиды и стянулъ порядочную краюху пшеничнаго хлѣба, которую и спряталъ съ ловкостью записного вора подъ нары.

— Ахъ, ты, песъ! — крикнулъ на него лежавшій на печи старикъ Осипъ, служившій шорникомъ. — Вотъ ужо я скажу Леканидѣ-то, такъ она те расчешетъ башку-то...

Ермошка запустилъ въ старика валявшимся на полу старымъ лаптемъ и ретировался. Покрытое веснушками и загаромъ, скуластое лицо Ермошки дышало завиднымъ здоровьемъ, а сѣрые глаза смотрѣли съ откровеннымъ нахальствомъ настоящаго пріисковаго мальчишки, выросшаго въ рабочей казармѣ безъ всякаго призора.

Позавтракали сегодня рано, потому что народъ торопился разойтись по промысламъ, и многіе не обѣщались вернуться даже къ обѣду. Нахлебавшись щей изъ толстой крупы съ забѣлой изъ сметаны, Ермошка отправился въ походъ вмѣстѣ съ другими.

Стряпка Леканида, конечно, хватилась недостававшей краюшки, но мах-

нула рукой на разбойника: за обѣдомъ раскроется хлѣбомъ, который останется отъ загулявшихъ рабочихъ. Да и то сказать, Леканидѣ было не до Ермошки, — она торопилась поскорѣе убраться у печи, чтобы отвести свою приисковую душеньку на гулянкѣ.

Пріискъ Любезный занималъ большую площадь, перерѣзанную съ угла на уголъ болотистой рѣчонкой Шабейкой. Издали и вблизи общая картина имѣла совсѣмъ унылый видъ: плоская болотистая равнина, тощій болотистый лѣсокъ, грязныя дорожки, и кое-гдѣ громадныя выработки и цѣлый рядъ приисковыхъ построекъ. Рабочая казарма, въ которой жилъ Ермошка, стояла уже на борту выработавшейся золотоносной розсыпи, — работы были отодвинуты чуть не за версту. До пріисковой конторы отъ казармы было съ версту. На пути стояла знаменитая Ильинская шахта, давшая владѣльцу Любезнаго больше пятидесяти пудовъ золота; снаружи деревянный корпусъ, защищавшій шахту, ничего особеннаго не представлялъ — деревянный сарай съ высокой желѣзной трубой, и больше ничего... Желѣзная труба вѣчно дымилась, потому что паровая машина день и ночь откачивала тяжелую и холодную „рудную“ воду. Она же вертѣла стальные бѣгуны, дробившіе кварцъ въ каменную муку. Каждый уголокъ на пріискѣ былъ извѣстенъ Ермошкѣ, какъ свои пять пальцевъ; онъ и песокъ съ розсыпи возилъ по желѣзной дорогѣ на машину, и у паровыхъ котловъ ходилъ, и на машинѣ состоялъ, и канавки для воды проводилъ, а теперь „гонялъ барабанъ“, т.-е. цѣлый день ѣздилъ на парѣ лошадей кругомъ громаднаго деревяннаго барабана, на который наматывалась снасть, „выхаживавшая“ изъ шахты бадью съ породой или „пустякомъ“. Проходя теперь мимо своего пустовавшаго по-праздничному вагона, Ермошка лихо свистнулъ на невидимыхъ лошадей, — свистѣлъ онъ ухарски, такъ что непривычный человѣкъ вздрогнетъ.

— Гли-ко, робя, это что̀ у конторы! — крикнулъ Ермошка, вглядываясь впередъ. — Никакъ гости пріѣхали...

Не дожидаясь отвѣта, Ермошка уже летѣлъ впередъ на всѣхъ рысяхъ, такъ что сверкали только его голыя пятки. Надо было поспѣть во̀-время и разузнать, кто пріѣхалъ, откуда и зачѣмъ. Чужіе люди рѣдко показывались на Любезномъ и являлись жертвой неудержимаго любопытства Ермошки. Онъ еще издали замѣтилъ, что пріѣхавшіе были люди необычные. У подъѣзда господскаго дома понуро стояла старая сивая лошадь, запряженная въ странной формы повозку, — это были простыя дроги съ плетенымъ кузовомъ, защищеннымъ отъ враждебныхъ стихій парусиной. Такъ никто на промыслахъ не ѣздилъ... На крылечкѣ стоялъ, вытянувшись въ струнку, швейцаръ и обережной хозяина, по прозванію Гусь, а передъ нимъ безъ шапки переминался съ ноги на ногу какой-то бритый человѣкъ съ длинными усами. Изъ экипажа выглядывало блѣдное женское лицо.

— Сами Вукулъ Ефимычъ приказали, — повторялъ бритый человѣкъ. — Такъ какъ они видѣли нашу игру и весьма одобряли... Да. Мы въ Елковскомъ заводѣ представленіе имѣли для почтеннѣйшей публики, и господинъ Вукулъ Ефимычъ тогда же удостоили насъ своимъ вниманіемъ и приказали пріѣхать на Любезный.

Гусь подозрительно оглядывалъ съ ногъ до головы бритаго человѣка и отрицательно качалъ головой, что̀ въ переводѣ означало, что не можетъ этого быть.

По воровской привычкѣ, Ермошка не подошелъ къ крыльцу прямо, а предварительно обошелъ кругомъ экипажъ и заглянулъ подъ парусину. Повозка оказалась нагруженной доверху какими-то ширмами, крашеными пал-

ками и подозрительными узлами. Поторговавшись для важности съ бритымъ человѣкомъ, Гусь ушелъ въ господскій домъ и на всякій случай заперъ за собою дверь на крючокъ. Бритый человѣкъ подошелъ къ повозкѣ и ласково сказалъ блѣдной женщинѣ:

— Все отлично... Вукулъ Ефимычъ дома. А холуй еще ломается...

Появившійся на крыльцѣ Гусь поманилъ бритаго человѣка, и они скрылись въ подъѣздѣ.

— Тетенька, вы кто такіе будете? — освѣдомился Ермошка, заглядывая подъ парусину.

— Мы комедію будемъ представлять...

— Какую комедь?

— А вотъ увидишь...

— Гдѣ?

— Здѣсь. Палатку поставимъ и будемъ представлять... Если хочешь посмотрѣть, такъ припасай гривенникъ.

У Ермошки захватило дыханіе отъ этого извѣстія, и онъ сразу сообразилъ все. Шорникъ Осипъ видѣлъ, какъ комедію ломаютъ... Вотъ такъ штука!.. Гусь и бритый человѣкъ вышли снова на подъѣздъ уже совсѣмъ пріятелями: Вукулъ Ефимычъ приказали всячески способствовать пріѣхавшимъ комедьщикамъ.

— Комедьщики пріѣхали... комедьщики!.. — кричалъ Ермошка, бросившись сначала къ корпусу служащихъ, а потомъ обратно къ своей казармѣ. — Комедьщики!..

II.

Центръ Любезнаго пріиска составляла его присковая контора съ господскимъ домомъ, корпусомъ для служащихъ, амбарами, конюшнями и разными другими пріисковыми постройками. Маленькая, неправильной формы площадка раздѣляла ихъ, точно заплата, пришитая неумѣлой рукой. Вотъ на этой площадкѣ бритый человѣкъ и принялся за дѣло. Прежде всего онъ воткнулъ въ землю большой шестъ съ краснымъ флагомъ и пестрой афишей, гласившей, что мосье Пертубачіо имѣетъ честь извѣстить почтеннѣйшую публику о своемъ благополучномъ прибытіи. Далѣе слѣдовали нѣкоторыя подробности: мосье Пертубачіо, изучившій черную и бѣлую магію, покажетъ чудесныя явленія изъ міра таинственнаго, будетъ глотать горящій огонь и шпаги, представитъ опытъ индійскаго чревовѣщателя, олимпійскія игры, всевозможные фокусы и въ заключеніе всего знаменитую воздушную фею миссъ Санта-Анну, или „бюстъ женщины, одобренный многими высокими особами“. Гусь былъ прикомандированъ на помощь мосье Пертубачіо и съ обиженнымъ видомъ смотрѣлъ, какъ тотъ быстро устраивалъ свою походную палатку изъ заплатанной парусины. Около этого походнаго сооруженія собралась цѣлая толпа и впереди всѣхъ, конечно, пожираемый любопытствомъ Ермошка.

— Вотъ такъ нѣмецъ!.. — слышались одобрительные возгласы. — Ловко приспособился...

— Ви не мѣшайтъ мой... — бормоталъ мосье Пертубачіо искусственно-ломанымъ языкомъ, отодвигая напиравшую толпу.—Мой будетъ давать морда... Доннерветтеръ!.. Мальчишка, долой, каналья!

Особое вниманіе мосье Пертубачіо обратила на себя стоявшая недалеко отъ палатки сухая береза. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ ней, пробовалъ ее и качалъ недовѣрчиво головой, — береза была гнилая и не выдерживала напора его рукъ.

— Проклятая шволочь!.. — бормоталъ мосье Пертубачіо, оставляя въ покоѣ гнилую березу.

Всѣ эти таинственныя приготовленія совершались чуть не цѣлый день. Когда палатка наконецъ была готова, мосье Пертубачіо торжественно вывѣсилъ по обѣимъ сторонамъ входной двери двѣ картины. — на одной изображенъ былъ онъ самъ, глотающій огонь, а на другой миссъ Санта-Анна, или бѣлая женщина. Возбужденному пріисковому любопытству не было мѣры и границъ. Невозмутимый Гусь былъ приставленъ охранять палатку отъ нескромнаго любопытства пріисковой публики.

Представленіе было назначено въ шесть часовъ вечера, когда хозяинъ пріиска Вукулъ Ефимычъ Злобинъ соснетъ послѣ обѣда. Это была цѣлая вѣчность для нетерпѣнія Ермошки. Онъ позабылъ о своемъ обѣдѣ и не отходилъ отъ палатки ни на шагъ. Вдругъ онъ уйдетъ, и представленіе начнется безъ него... Мосье Пертубачіо закусилъ что-то съ своей воздушной феей и тоже прилегъ отдохнуть.

Ермошка ужасно безпокоился и въ каждомъ новомъ человѣкѣ видѣлъ своего кровнаго врага, который займетъ именно его мѣсто. Палатка была невелика, негдѣ кошки за хвостъ повернуть, а народъ все прибывалъ.

— Тише вы, галманы!—какъ-то шипѣлъ на всѣхъ Гусь.—Вукулъ Ефимычъ изволятъ почивать... Право, варначье!..

Такъ какъ всему на свѣтѣ бываетъ конецъ, то и Вукулъ Ефимычъ изволилъ наконецъ проснуться. Гусь былъ отозванъ въ господскій домъ и получилъ строгій наказъ стоять все время представленія у палатки и наблюдать, чтобы „не было худыхъ словъ“. Вукулъ Ефимычъ шелъ на представленіе съ собственной супругой, потомъ будутъ жены служащихъ и наконецъ дѣвицы, а народъ праздничнымъ дѣломъ пьяный.

— Ты у меня смотри, каналья! — предупредилъ Вукулъ Ефимычъ и многозначительно погрозилъ вѣрному Гусю своимъ опухшимъ отъ жира пальцемъ.—Понимаешь, будутъ барышни.

— Могу соотвѣтствовать вполнѣ, Вукулъ Ефимычъ...

Представленіе началось съ того, что мосье Пертубачіо вышелъ изъ своей палатки съ мѣдной трубой и затрубилъ, а потомъ ударилъ въ барабанъ. У Ермошки духъ захватило отъ волненія: начиналось что-то необыкновенное. Когда замерла послѣдняя трель барабана, въ палаткѣ захрипѣла походная разбитая шарманка, надъ которой трудилась миссъ Санта-Анна. Мосье Пертубачіо выставилъ у входа небольшой деревянный столикъ, раскрылъ деревянную шкатулку и принялся продавать билеты.

— Каспада, пожалюйтъ...—повторялъ онъ, раскланиваясь съ почтенной публикой.—Сегодня на деньги, завтра въ долгъ...

Первымъ покупателемъ явился Ермошка. Мосье Пертубачіо внимательно осмотрѣлъ поданный пятиалтынный, попробовалъ его на зубъ и, подозвавъ Гуся, проговорилъ:

— Фальшивая монета.

— Ахъ, ты, варначонокъ!..

Космы Ермошки очутились въ могучей длани Гуся, и его маленькое грѣшное тѣло покатилось къ ногамъ мирно дремавшей сивой кобылы... Гусь давно уже замѣтилъ вертѣвшагося у палатки Ермошку и инстинктивно почуялъ въ немъ своего врага. Ермошка, нужно сознаться, былъ порядочно обезкураженъ такимъ неблагопріятнымъ началомъ, хотя и зналъ, что его „монетъ“ фальшивый. Неужели онъ такъ-таки ничего не увидитъ?.. Нѣтъ, это было ужасно... Цѣлый день ждать и ничего не увидѣть?.. Ермошка сильно

задумался и готовъ былъ разревѣться съ горя. Но шарманка играла, барабанъ опять билъ, и время даромъ терять не приходилось. Въ палатку уже прошли двое служащихъ съ женами, потомъ барышни и наконецъ самъ Вукулъ Ефимычъ съ собственной супругой. Это было сигналомъ для остальной публики, бросившейся покупать билеты нарасхватъ.

Ермошка совсѣмъ упалъ духомъ, когда представленіе началось, а онъ, Ермошка, остался за палаткой. Мальчикъ просто сгоралъ отъ любопытства и готовъ былъ расплакаться. Машинально онъ нѣсколько разъ обошелъ палатку, стараясь не попадаться на глаза Гусю. А въ палаткѣ, видимо, творились чудеса, и публика хохотала неистово. Случайно Ермошка обратилъ свое вниманіе на большую заплату въ задней стѣнкѣ палатки. Отодрать ее и продѣлать небольшое отверстіе для него было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ, и вотъ всѣ чудеса передъ нимъ. Ермошка видѣлъ теперь всю публику: впереди всѣхъ сидѣлъ Вукулъ Ефимычъ съ супругой, за нимъ сидѣли служащіе со своими семьями, а назади стояла на ногахъ остальная черная публика. Сцену замѣнялъ подержанный тюменскій коверъ, на которомъ мосье Пертубачіо показывалъ свои фокусы: глоталъ зажженную паклю, игралъ на кофейникѣ и въ заключеніе взялъ золотые часы Вукула Ефимыча и истолокъ ихъ въ дребезги въ мѣдной ступкѣ. Миссъ Санта-Анна подавала ему необходимыя вещи и нѣсколько разъ заслоняла своей широкой спиной поле зрѣнія Ермошки. Когда мосье Пертубачіо подалъ Вукулу Ефимычу совсѣмъ цѣлые часы, Ермошка расхохотался до слезъ и долженъ былъ на время оставить свой наблюдательный постъ. Но это проявленіе искренней дѣтской радости чуть его не погубило: когда Ермошка опять заглянулъ въ свою дыру, воздушная фея миссъ Санта-Анна ткнула въ нее чѣмъ-то такъ, что онъ едва успѣлъ отскочить.

— У, дьяволъ!—ругался Ермошка, отскочивъ.—Прямо въ глазъ мѣтила, окаянная душа...

У Ермошки явилась счастливая мысль достать палку и ткнуть ее прямо въ спину проклятой миссъ Санта-Аннѣ. Половина этого плана была приведена въ исполненіе, но когда Ермошка подошелъ къ своей дырѣ, то знакомая ужъ ему длань Гуся ухватила его за волосы и распростерла ницъ. Визгъ Ермошки совершенно потерялся въ шумныхъ проявленіяхъ восторга благодарныхъ зрителей.

— Ты у меня, сибирская язва, смотри!—грозно шипѣлъ Гусь, оттоняя Ермошку отъ палатки пинками.

Что было дѣлать? Теперь уже нельзя было къ палаткѣ подойти, потому что проклятый Гусь сторожилъ его. Скрѣпивъ сердце, Ермошка вмѣшался въ толпу и очутился подъ березой. Взлѣзть на нее было опять дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Публика, толкавшаяся у палатки, одобрила предпріятіе Ермошки, такъ что даже преслѣдовавшій его Гусь теперь былъ безсиленъ и только издали погрозилъ вороватому врагу кулакомъ. Ермошка торжествовалъ. Ермошка былъ выше всѣхъ и видѣлъ рѣшительно все, а представленіе у него шло на глазахъ: было видно рѣшительно все, даже то, чего не видѣла заплатившая деньги публика. Мосье Пертубачіо глоталъ шпаги, показывалъ опыты чревовѣщанія, опять глоталъ зажженную паклю и наконецъ заявилъ, что покажетъ „бюстъ женщины“. Предварительно онъ загородился отъ публики красной ширмочкой, потомъ поставилъ за ширмочкой тотъ самый столикъ, на которомъ давеча продавалъ билеты, посадилъ на него свою воздушную фею, вытащилъ откуда-то нѣсколько зеркалъ — Ермошка все это видѣлъ и замеръ отъ восторга. Когда волшебная ширмочка раскрылась, миссъ Санта-Анна видна была только по поясъ, и любопытные могли съ ней разговаривать и

даже ощупать ее, какъ предлагалъ мосье Пертубачіо, чтобы убѣдиться, что это не кукла, а живой человѣкъ. Ермошка до того вытягивался, стараясь разглядѣть, куда спрятаны ноги миссъ Санта-Анны, что гнилая береза не выдержала и рухнула вмѣстѣ съ нимъ прямо на палатку...

III.

Можно себѣ представить смятеніе почтеннѣйшей публики, произведенное паденіемъ Ермошки. Когда березу убрали и публика немного пришла въ себя, первымъ дѣломъ естественно явился вопросъ о Ермошкѣ, но пріисковый мальчикъ точно сквозь землю провалился. Миссъ Санта-Анна припоминала, какъ во снѣ, что старалась схватить этого разбойника за волосы, но онъ ловко бросился къ ней подъ ноги, уронилъ ее и исчезъ. Вукулъ Ефимычъ потребовалъ отвѣта отъ Гуся, какъ лица, облеченнаго спеціальной довѣренностью, но Гусь только размахивалъ руками и ругался.

— Ну, я съ тобой разсчитаюсь послѣ, — грозился Вукулъ Ефимычъ, показывая Гусю кулакъ.—Пошелъ вонъ, дуракъ!..

Послѣ этого невольнаго антракта представленіе продолжалось. Гусь попрежнему стоялъ у входа, вытянувшись въ струнку, и его душа кипѣла негодованіемъ. Только бы увидать ему этого подлеца Ермошку, и онъ показалъ бы ему...

А Ермошка былъ тутъ, всего въ двухъ шагахъ. Онъ укрылся подъ „параднымъ" крыльцомъ господскаго дома. Здѣсь онъ прежде всего привелъ въ порядокъ свой праздничный костюмъ, вытеръ носъ и принялся наблюдать, что дѣлаетъ проклятый Гусь. Стоило выглянуть Ермошкѣ изъ своей засады, какъ Гусь сейчасъ же накрылъ бы его. Необходимо было ждать... Ермошкѣ сдѣлалось грустно. Другіе веселятся, миссъ Санта-Анна вертитъ свою шарманку, мосье Пертубачіо выкидываетъ все новыя колѣна, а онъ, Ермошка, долженъ сидѣть для праздника подъ крыльцомъ.

Да, музыка гудѣла, на площадкѣ галдѣлъ по-праздничному пріисковый людъ, а Ермошка выглядывалъ изъ своей дыры, какъ мышенокъ. Ближе всего къ нему стояла повозка мосье Пертубачіо съ привязанной къ ней сивой лошадью.

Лѣтній день быстро догоралъ. Солнце багровымъ шаромъ спустилось за разорванную линію обступившаго со всѣхъ сторонъ пріискъ Любезный лѣса. Быстро надвигались короткія лѣтнія сумерки. Ближайшее болото точно задымилось бѣлымъ туманомъ. Мосье Пертубачіо въ третій разъ протрубилъ въ свою трубу и съ изящнымъ поклономъ объявилъ публикѣ, что сейчасъ начнется послѣднее дѣйствіе его представленія, именно живая картина или полетъ воздушной феи миссъ Санта-Анны. Раскланявшись граціозно, мосье Пертубачіо удалился изъ палатки: ему нужно было переодѣться. Онъ отыскалъ свой экипажъ и быстро принялся за дѣло. Прежде всего мосье Пертубачіо, конечно, снялъ свой пиджакъ и жилетъ, а затѣмъ остальныя принадлежности своего костюма. Свернувъ все это одѣяніе, онъ сунулъ его подъ бесѣдку экипажа, а на себя натянулъ заштопанное и довольно грязное трико. Вся эта операція хотя и совершалась въ темнотѣ, но отъ волчьяго глаза Ермошки не ускользнуло ничего, до мишуры и блестокъ костюма комедьщиковъ включительно. Вслѣдъ за мосье Пертубачіо переодѣлась и миссъ Санта-Анна, являвшаяся теперь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Она была въ короткой кисейной юбочкѣ, въ трико тѣлеснаго цвѣта и съ восхитительно-голыми руками. Мосье Пертубачіо подхватилъ ее за руку, и они легкими прыжками вернулись въ палатку.

Пользуясь темнотой, Ермошка вылѣзъ изъ своей засады, оглядѣлся и подошелъ къ экипажу. Сивая лошадь проснулась и посмотрѣла на него усталыми добрыми глазами. Прежде всего Ермошка запустилъ руку подъ бесѣдку, извлекъ оттуда только-что снятый костюмъ мосье Пертубачіо и сдѣлалъ быстрый обыскъ. Его вниманіе заняли главнымъ образомъ штаны комедьщика, т.-е. карманы оныхъ. Нащупавъ портмонэ, Ермошка извлекъ его, сунулъ за пазуху, а потомъ привелъ всѣ вещи въ порядокъ и сейчасъ же исчезъ въ темнотѣ, какъ извѣстно, спеціально благопріятствующей влюбленнымъ и ворамъ.

Послѣднее дѣйствіе произвело необыкновенный эффектъ, такъ что блѣдная миссъ Санта-Анна даже раскраснѣлась отъ быстрыхъ движеній и общаго вниманія. Она граціозно раскланивалась, прижимала обѣ руки къ сердцу и посылала воздушные поцѣлуи. Мосье Пертубачіо тоже кланялся, счастливый тѣмъ, что могъ заработать цѣлыхъ семь рублей двадцать копеекъ. Улыбающаяся и счастливая чета граціозными прыжками вернулась къ своему экипажу, чтобы переодѣться. Можно себѣ представить изумленіе и ужасъ мосье Пертубачіо, когда онъ, облекшись въ свою походную пару, не нашелъ портмонэ. Въ первую минуту несчастный онѣмѣлъ... А миссъ Санта-Анна, взбужденная успѣхомъ, сладко улыбалась. Какъ ему тяжело было огорчить свою вѣрную подругу...

Первымъ движеніемъ мосье Пертубачіо было броситься за помощью къ Гусю, который отдыхалъ послѣ тяжелаго дня на своемъ крылечкѣ. Мосье Пертубачіо объяснялъ ему свою исторію шопотомъ и все сбивался, такъ что Гусь заподозрѣлъ его сначала во лжи и глубокомысленно молчалъ.

— Вѣдь семь калковыхъ!—повторялъ мосье Пертубачіо, опускаясь въ изнеможеніи на лѣсенку.—Нюта радуется, а я не могу ничего выговорить.

Гусь только-что хотѣлъ сказать нѣсколько теплыхъ словъ по адресу шляющихся комедьщиковъ, которые только безпокоятъ добрыхъ людей, какъ вдругъ мосье Пертубачіо, тотъ самый Пертубачіо, который сгибалъ въ пальцахъ двугривенные, схватилъ руками собственную голову такимъ движеніемъ, точно хотѣлъ ее оторвать, какъ совсѣмъ ненужную вещь, и... заплакалъ. Это безмолвное проявленіе искренняго горя, съ одной стороны, тронуло Гуся, а съ другой, для него сдѣлалось яснымъ рѣшительно все.

— Ахъ, онъ варнакъ!.. а? Ахъ, подлецъ!—шипѣлъ Гусь, подымаясь.—Некому другому этого сдѣлать, какъ ему...

— Кому?

— То-то я смотрю: все вертѣлся на глазахъ, какъ бѣсъ, а тутъ сразу сгинулъ... Его дѣло!..

— Чье?

— Ну, варнакъ этотъ, который съ березы на публику сверзился... Ахъ, продъ!..

— Я его не видалъ...

— И я тоже... Понимаешь ты, мосье: некому больше!.. Все вертѣлся на глазахъ, а тутъ пропалъ... Онъ!.. Съ живого кожу сдеру...

Гусь поднялся съ рѣшительностью убѣжденнаго человѣка, сдѣлалъ знакъ мосье Пертубачіо и повелъ его за собой. Скоро они скрылись въ темнотѣ. Комедьщикъ покорно слѣдовалъ за своимъ мрачнымъ путеводителемъ, шагая черезъ какія-то ямы, запинаясь за камни, точно пьяный.

— Вѣдь семь рублей...—повторялъ онъ упавшимъ голосомъ.—А она такъ беззаботно улыбается... И руками тянется ко мнѣ... Если она узнаетъ, это ее убьетъ. Понимаете: она нервная... А я-то какъ отлично сегодня работалъ: сейчасъ еще каждая косточка ноетъ.

Небо покрылось неизвѣстно откуда наползшими облаками, точно войлокомъ. Нигдѣ не свѣтилось ни одной звѣздочки. Лѣтній жаркій день быстро смѣнился прохладой надвигавшейся грозы, которой уже пахло въ воздухѣ. Гусь нѣсколько разъ смотрѣлъ на небо, прислушивался къ чему-то и наконецъ протоворилъ:

— Быть грозѣ... На то тебѣ Ильинъ день. Ужъ это завсегда такъ... Поглче Илья-то маненько запоздалъ.

Точно въ отвѣтъ на эти слова вверху яркимъ изломомъ бросилась молнія, и, послѣ короткой паузы, тяжелымъ раскатомъ ударилъ громъ.

— Господи, прости насъ, грѣшныхъ!—крестился Гусь.

IV.

Въ казармѣ едва свѣтился замиравшій огонекъ,—это играли въ три листа неугомонные пріисковые забулдыги, ставя на карту послѣдніе гроши. Остальные давно спали на нарахъ, раскинувшись въ самыхъ непринужденныхъ позахъ. На печкѣ спалъ старый шорникъ Осипъ, а за печкой на лавочкѣ прикурнула подгулявшая пріисковая стряпка Леканида. Намаялась она за день, а потомъ бабьимъ дѣломъ выпила. Въ заключеніе гулянья ее больно поколотили и пообѣщали совсѣмъ порѣшить, если бы она не убѣжала въ темнотѣ. Каждый праздникъ нещадно колотили Леканиду, и каждый праздникъ она горько каялась въ своихъ грѣхахъ и давала зарокъ, что это ужъ послѣдній разъ, и что больше она даже не посмотритъ глазомъ ни на одного проклятаго мужика.

— Эй, вы, челдоны!—крикнулъ Гусь, входя въ казарму. — Гдѣ тутъ у васъ парнишка?

Игроки даже не удостоили отвѣтомъ грозное начальство, продолжая свое дѣло.

— Вамъ говорятъ, оммороншые!—еще грознѣе крикнулъ Гусь.

Никто не шевельнулся и не повернулъ головы. Гусь величественно стоялъ у двери, а за нимъ мосье Пертубачіо, подавленный своимъ горемъ.

— Какого тебѣ парнишку?—откликнулась изъ запечья Леканида.

— А этого самаго... Ермошкой звать.

— Тутъ гдѣ-нибудь спитъ,—сонно отвѣтила Леканида, зажигая сальную свѣчу.—Ужо встъ я посвѣчу...

Розыски начались при колебавшемся свѣтѣ сальной свѣчи. Леканида обошла всѣ нары—Ермошки нигдѣ не было. Было осмотрѣно помѣщеніе подъ нарами—тоже.

— Куда бы ему дѣться?—удивлялась Леканида, стараясь не смотрѣть на безпомощно распростертыя мужицкія тѣла.—Да вамъ-то на что его?

— Ужъ это наше дѣло,—строго отвѣтилъ Гусь.—Ну-ка, краля, посвѣти на печь...

— Осипъ тамъ спитъ, шорникъ... Неможется ему,—объяснила Леканида, шагая къ печи.—Къ ужину только прибѣгъ Ермошка-то, наголодался за день, какъ песъ, а потомъ свернулся—только его и видѣла.

На печкѣ, дѣйствительно, спалъ шорникъ Осипъ, а за нимъ самъ Ермошка. Гусь схватилъ его за толую ногу и сонного поволокъ прямо на полъ.

— Тебя-то и надо, молодца!—грозно крикнулъ Гусь, встряхивая заспаннаго Ермошку.

Ермошка ничего не понималъ и только смотрѣлъ кругомъ заспанными глазами. Гусь ощупалъ его, слазилъ на печку, пошарилъ тамъ—ничего.

— А гдѣ у него сундукъ?—спрашивалъ Гусь, огорченный этой неудачей.

— Никакого и сундука нѣтъ,—отвѣчала Лекаида, сообразившая, въ чемъ дѣло.—Весь тутъ: рубаха на немъ да штаны... Никакого сундука нѣтъ.

Гусь схватилъ Ермошку за руку и поволокъ изъ казармы. Мальчикъ упирался изо всѣхъ дѣтскихъ силъ, пробовалъ укусить руку Гуся, но все напрасно.

Ермошка очутился за предѣлами казармы и понялъ, что все кончено. Гусь куда-то тащилъ его за руку, а мосье Пертубачіо подталкивалъ сзади колѣномъ. „Убьютъ меня въ лѣсу",—мелькнуло въ головѣ у Ермошки, и онъ попробовалъ закричать благимъ матомъ. Но и эта послѣдняя попытка не помогла, потому что Гусь закрылъ Ермошкинъ ротъ своей широкой ладонью. Они молча отвели плѣнника отъ казармы и остановились.

— Сказывай, куда дѣлъ деньги?—рявкнулъ Гусь, поднявъ Ермошку за волосы.

— Дяденька, вотъ те Христосъ, не бралъ!.. знать не знаю!..—вопилъ Ермошка, отчаянно болтая ногами.

— А вотъ узнаешь! Мосье, держи его за ноги.

Ермошка былъ повергнутъ на землю, и Гусь съ ожесточеніемъ принялся его лупить сломанной по пути розгой. Отчаянный вопль огласилъ лѣсъ и жалко замеръ.

— Не знаешь?—спрашивалъ Гусь, дѣлая небольшую передышку.

— Ничего не знаю... вотъ сейчасъ провалиться...

— Мосье, теперь ты катай его, а я подержу за ноги,—рѣшилъ Гусь.

Экзекуція началась съ новой энергіей, и новый вопль Ермошки опять замеръ въ окружавшей темнотѣ. Ермошку били такъ часто и много, что онъ перенесъ бы это истязаніе, но его испугала ночь, окружавшая темнота и его полная беззащитность. Что̀ стоило разсвирѣпѣвшимъ мужикамъ убить его, а потомъ бездыханное Ермошкино тѣло бросить куда-нибудь въ шурфъ. Эта мысль заставила Ермошку сдѣлать признаніе.

— Давно бы такъ,—другимъ тономъ проговорилъ Гусь.—Куды деньги-то запряталъ, песъ?

Ермошка соображалъ: ему нужно было выиграть время и мѣсто. Разгорячившись, мужики запороли бы его на смерть, да и мѣсто самое глухое.

— Подъ крыльцомъ въ землю закопалъ...—признавался Ермошка, лежа на землѣ.—У господскаго дома подъ крыльцомъ.

— Ну, смотри, ежели надуешь, такъ я тебя въ порошокъ изотру,—пообѣщалъ Гусь.—Подъ крыльцомъ, говоришь?

— Въ уголкѣ закопалъ.

По дорогѣ къ господскому дому Гусь наломалъ розогъ и очистилъ ихъ отъ листьевъ.

— Отдай мои семь рублей,—говорилъ мосье Пертубачіо, подталкивая Ермошку ногой.—Я тебѣ пряниковъ куплю...

Въ господскомъ домѣ окна были еще ярко освѣщены, когда Ермошка очутился на мѣстѣ преступленія.

— Ну?—коротко буркнулъ Гусь, когда они подошли къ крыльцу.

Ермошка осмотрѣлся и полѣзъ подъ крыльцо. Гусь тоже растянулся на землѣ, хотя и не могъ залѣзть въ узкую дыру. Нѣсколько времени Ермошка копалъ землю, а потомъ заявилъ шопотомъ:

— Дяденька, кто-то утащилъ портмонетъ-то!..

— Что-о! Ахъ ты подлецъ... да я...

Гусь никакъ не могъ залѣзть подъ крыльцо и только болталъ ногами, а Ермошка, воспользовавшись удобствомъ своей неприступной позиціи, заревѣлъ такимъ благимъ матомъ, что сбѣжались не только всѣ изъ господскаго дома, но и изъ корпуса служащихъ. Гусь былъ сконфуженъ... Вукулъ Ефимычъ самъ принялся за разборъ дѣла и, когда узналъ всѣ подробности, залился неудержимымъ хохотомъ: ужъ очень ловко все было оборудовано.

— Въ штанахъ, говоришь, портмонэ былъ?—спрашивалъ онъ растерявшагося мосье Пертубачіо.—Пришелъ, надѣлъ штаны, а портмонэ-то и нѣтъ... Ха-ха-ха!.. Дудилъ въ трубу, представлялъ, а денегъ и нѣтъ? Охъ, уморилъ... Ну и ловокъ Ермошка!.. Какъ вы его, черти, на смерть не забили въ лѣсу-то!

Развеселившійся Вукулъ Ефимычъ заплатилъ мосье Пертубачіо красненькую „за хлопоты“, а Ермошку велѣлъ отпустить съ миромъ. Когда Гусь разсказывалъ о подвигахъ Ермошки, весь господскій домъ покатывался со смѣху. Вукулъ Ефимычъ былъ доволенъ и велѣлъ покормить комедьщиковъ ужиномъ.

Когда на другой день миссъ Санта-Анна проснулась, первое, что̀ ей бросилось въ глаза, была сивая лошадь,—она понуро и сконфуженно посмотрѣла на нее своими добрыми глазами. Великолѣпный сивый хвостъ былъ отрѣзанъ начисто... Кто это сдѣлалъ—всѣмъ было ясно, какъ день.

КРЕСТНИКЪ.

Этюдъ.

I.

— Васька объявился, Александръ Иванычъ...

— Ахъ, мерзавецъ!..

— Опять съ каторги выворотился... Наши заводскіе его видѣли на тракту. Идетъ это съ котомочкой и кланяется, а потомъ остановился и говоритъ: „скажите, говоритъ, поклончикъ крестному!“. То-то охальникъ онъ, Васька-то...

— Мошенникъ... Такъ и говоритъ: крестному?

— Такъ и сказалъ.

— Что̀ же его не задержали, подлеца?—возмутился Александръ Иванычъ, разглаживая свою окладистую рыжую бороду.

— Да ужъ такъ, Александръ Иванычъ... Кабы наши заводскіе, такъ безпремѣнно пымали бы, а то деревенскіе. „Кто его знаетъ, говорятъ, что̀ у Васьки на умѣ... Не простъ человѣкъ, коли изъ безсрочной каторги выворотился“.

— Дураки!

— Извѣстно, деревня, Александръ Иванычъ... Потомъ бабы видѣли Ваську на покосѣ. Наши заводскія бабы-то сразу опознали Ваську... Онъ еще хлѣбца у нихъ попросилъ, потому какъ, значитъ, въ бѣгахъ больно отощалъ. Извѣстно, каторжникъ: гдѣ день, гдѣ ночь—все одно лѣсной звѣрь. А бабы, извѣстно бабы, какъ, все одно, овечки въ лѣсу: все отдамъ, только не тронь. Живъ смерти боится, Александръ Иванычъ.

Этотъ докладъ происходилъ рано утромъ, когда становой Александръ Иванычъ, въ халатѣ и съ трубкой въ рукахъ, пилъ чай. Дома онъ не выпускалъ трубки,—сказывалась старая военная косточка. Высокій, костлявый, съ выпученными глазами неопредѣленнаго цвѣта, Александръ Иванычъ пользовался большой популярностью въ своемъ участкѣ, какъ человѣкъ исполнительный и энергичный. Любимой его поговоркой было: у волка въ зубѣ Егорій далъ. Именно на такого волка и онъ самъ походилъ, особенно съ головы, костлявой и широколобой, съ большимъ, точно вѣчно нюхающимъ носомъ и гладко остриженными щетинистыми волосами. Докладывалъ о Васькѣ заводскій объѣздной лѣсникъ, коренастый и кривоногій мужикъ, по фамиліи Хрусталевъ. Онъ былъ въ своей формѣ—въ сѣромъ полукафтаньѣ, перехваченномъ краснымъ кушакомъ, и съ мѣдной бляхой. Небольшая русоволосая головка съ быстро мигающими глазками была крѣпко посажена на широкія плечи, а несоразмѣрно-длинныя руки придавали такой видъ, точно онѣ были взяты отъ другого человѣка.

— Ну, такъ что тебѣ нужно?—хрипло спросилъ Александръ Иванычъ, насасывая свою трубку.

— А, значитъ, объявить пришелъ, Александръ Иванычъ, потому какъ дѣло совсѣмъ особенное. Значитъ, на всякій случай...

— Да вѣдь у тебя свое начальство есть: ему и объявляй. Умнѣе меня хотятъ быть, ну, пусть и ловятъ Ваську... Вами-то заводскіе очень ужъ расфорсились, да и слѣдователь новый тоже. Я да мы—ну, и пусть дѣлаются, какъ знаютъ.

— Моей причины никакой тутъ нѣтъ, Александръ Иванычъ, а только я насчетъ Васьки... значитъ, извѣстный у васъ порядокъ...

— Дуракъ ты, Хрусталевъ!—обругался Александръ Иванычъ и даже замахнулся на лѣсника чубукомъ.—Иди и скажи своему заводскому начальству, что они всѣ дураки...

По обыкновенію Александръ Иванычъ покричалъ, потопалъ ногами и выгналъ лѣсника вонъ. Хрусталевъ выскочилъ на улицу безъ шапки и долго встряхивалъ своей маленькой головкой, точно его окатили холодной водой.

— Что, получилъ два неполныхъ?—смѣялся кучеръ Александра Иваныча, сидѣвшій за воротами.—Тоже къ Александру Иванычу съ молитвой надо подходить... Какъ еще на него взглянетъ.

Эта маленькая бытовая сцена имѣла свои причины въ тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя возникли у Александра Иваныча съ Энскимъ заводоуправленіемъ. Пятнадцать лѣтъ Александръ Иванычъ „становилъ" въ Энскомъ заводѣ, былъ на счету у начальства и не разъ получалъ за свою энергію отличную благодарность. Самъ губернаторъ зналъ Александра Иваныча, называлъ его попросту Александромъ Иванычемъ и ставилъ въ примѣръ всѣмъ другимъ уральскимъ становымъ. Конечно, были свои грѣшки и у Александра Иваныча (у волка къ зубѣ Егорій далъ), но начальство смотрѣло на нихъ сквозь пальцы. На Энскомъ заводѣ было, конечно, свое заводское начальство и очень большое начальство, которое съ испокони вѣку ладило со становыми, а съ Александромъ Иванычемъ въ особенности. Но врагъ человѣческій силенъ, и черная кошка пробѣжала между сторонами.

Дѣло происходило на именинахъ управителя Зыкова. Александръ Иванычъ находился въ прекрасномъ настроеніи духа и, въ качествѣ почетнаго гостя, винтилъ съ самимъ именинникомъ и молодымъ судебнымъ слѣдователемъ Голубчиковымъ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, но держалъ себя съ большимъ гоноромъ и, какъ показалось Александру Иванычу, отнесся къ нему свысока. Можетъ, это просто показалось Александру Иванычу, но тѣмъ не менѣе онъ затаилъ злобу. Въ довершеніе всего Александру Иванычу пришлось быть партнеромъ Голубчикова, и, по привычкѣ, выходя съ валета бубенъ, онъ сказалъ:

— А ну-ка мы непомнящаго родства бродягу выпустимъ...

„Непомнящій родства" былъ битъ, и Голубчиковъ ядовито замѣтилъ:

— Эхъ, Александръ Иванычъ, не вамъ, видно, съ бродягами дѣло имѣть.

— Какъ не мнѣ?.. Позвольте, молодой человѣкъ...

Произошелъ довольно крупный разговоръ. Хозяинъ вмѣшался и, стараясь примирить гостей, окончательно испортилъ все дѣло. Александръ Иванычъ досидѣлъ до конца вечера, простился съ хозяиномъ довольно холодно и увезъ съ собой нараставшее злобное чувство: его промѣняли на мальчишку, на молокососа—его, Александра Иваныча. Зыковъ, въ свою очередь, тоже обидѣлся: онъ-то ужъ, кажется, былъ ни при чемъ, а тутъ еще услужливые люди пере-

дали Александру Иванычу, какъ похвалялся молодой слѣдователь, что онъ и безъ Александра Иваныча обойдется, а ловить бродягъ совсѣмъ не хитрая штука. Появленіе Васьки возстановило эту домашнюю исторію, и, по уходѣ Хрусталева, Александръ Иванычъ даже потиралъ руки отъ удовольствія.

— Будемъ посмотрѣть, какъ Зыковъ съ Голубчиковымъ будутъ ловить Ваську!—повторялъ онъ, пыхтя дымомъ.—Будемъ посмотрѣть...

II.

Самъ по себѣ Васька является типичнымъ роковымъ человѣкомъ. Онъ былъ мастеровой Энскаго завода и промышлялъ „по лѣсоворной части". Такая спеціальность объяснялась очень просто: громадная заводская площадь принадлежала заводовладѣльцу всецѣло, а у населенія никакой земли не полагалось, какъ не полагалось и лѣсу, а безъ лѣсу жить невозможно, какъ извѣстно всѣмъ и каждому. Въ Энскомъ заводѣ каждое бревно и каждое полѣно дровъ являлось, такимъ образомъ, продуктомъ „лѣсоворной части". Другого лѣса, кромѣ краденаго, не существовало. Васька промышлялъ этимъ воровствомъ и кое-какъ существовалъ. Зимой онъ вывозилъ бревна на себѣ—положитъ бревно на свои салазки и везетъ. Когда его ловили съ поличнымъ и предъявляли мировому судьѣ, Васька удивлялся и очень резонно говорилъ:

— Кто его садилъ, лѣсъ-то? Божій онъ... А что̀ касаемо того, что я вырублю лѣсину, выволоку ее на своемъ хребтѣ да продамъ за восемь гривенъ, такъ это какое же воровство: поденщина не окупается. Всѣ мы хлѣбъ ѣдимъ, ваше высокоблагородіе... Кабы другая подходящая работа попала, да я бы съ моимъ удовольствіемъ, а то вровень съ двужильной лошадью маюсь, и я же воръ.

Эти разсужденія ни къ чему не вели, и Васька прошелъ черезъ цѣлую лѣстницу повышавшагося возмездія. Сначала его присуждалъ мировой судья къ штрафамъ, потомъ на высидку, а въ концѣ концовъ Васька достукался до окружного суда. Въ результатѣ получилось заключеніе въ острогъ, но и оно не исправило Ваську. По выходѣ изъ острога Васька опять попался въ лѣсоворствѣ и по новому, строгому закону былъ лишенъ „нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ" и сосланъ „въ не столь отдаленныя мѣста". Но это не образумило Ваську: онъ бѣжалъ съ мѣста ссылки и пришелъ въ Энскій заводъ, какъ бродяга. Тутъ его и накрылъ Александръ Иванычъ въ первый разъ.

— Ну, теперь будешь моимъ крестникомъ, Васька...—посмѣялся тогда Александръ Иванычъ и погрозилъ пальцемъ.

За этотъ побѣгъ Ваську лишили уже всѣхъ правъ и сослали дальше, но онъ черезъ годъ опять вернулся въ свой родной Энскій заводъ. Александръ Иванычъ опять его накрылъ, и Ваську „обсудили каторгой" на три года. Черезъ три года Васька снова „выворотился" домой, снова былъ пойманъ и, какъ бѣглокаторжный, присужденъ былъ къ плетямъ, а каторга увеличена на десять лѣтъ.

— Дуракъ ты, Васька!—ругался Александръ Иванычъ.—Не стало тебѣ мѣста въ Сибири, али ушелъ бы въ Расею и сказался непомнящимъ родства. Всего-то бы тебѣ по суду вышло поселенье, а ты прешь непремѣнно домой. Право, дуракъ... Еще разъ придешь—опять поймаю.

— Александръ Иванычъ, не могу я безъ своего мѣста...—отвѣчалъ Васька откровенно.—Душеньку всю истомило. А за что муку-то мученическую принимаю? Изъ-за лѣсниковъ... Ей-Богу, правда! Въ первый-то разъ у меня

двоегривеннаго не хватило дать лѣсникамъ, чтобы не подводили подъ протоколъ. Вотъ вся моя причина... А ты посчитай, сколько у меня подвыщинъ пропало по острогамъ да этапамъ. Тоже и наши напрасныя слезы дойдутъ...

— Куда дойдутъ-то, дурья твоя голова?

— Ничего я не сдѣлалъ, Александръ Иванычъ...—повторялъ Васька упорно.

— Вотъ и толкуй съ тобой, съ дуракомъ!—ругался въ свою очередь Александръ Иванычъ.—Думаешь, имъ сладко ловить тебя, дурака? Важное кушанье... Рукъ-то не стоитъ марать объ тебя, а только моя такая собачья должность, что я съ вами, воришками, долженъ валандаться...

Никакихъ художествъ за Васькой не было, кромѣ упорнаго бѣгства домой, какъ раньше онъ упорно воровалъ заводскій лѣсъ. Васька считалъ себя въ правѣ рубить этотъ „Божій лѣсъ", какъ теперь считалъ себя въ правѣ выходить на родину. Въ послѣдній разъ онъ вышелъ изъ каторги года три тому назадъ и за этотъ побѣгъ былъ присужденъ въ безсрочную каторгу и къ полуторастамъ плетей. Даже Александръ Иванычъ, видавшій на своемъ вѣку всякіе виды и переловившій сотни некомнящихъ родства и каторжниковъ, подивился непобѣдимому упрямству своего крестника Васьки,—онъ называлъ крестниками всѣхъ пойманныхъ бродягъ.

Итакъ, Васька объявился, и заводской администраціей, совмѣстно со слѣдователемъ, приняты были энергичныя мѣры. Александръ Иванычъ занялъ выжидательное положеніе. Не будь этихъ обострившихся отношеній, Васька, вѣроятно, еще долго гулялъ бы на свободѣ, но мы уже сказали выше, что вся его жизнь складывалась роковымъ образомъ. Заводоуправленіе хотѣло показать, что оно обойдется и безъ Александра Иваныча, а поэтому подняло на ноги всю лѣсную стражу и согнало народъ изъ волости. Ваську видѣли въ окрестностяхъ Энскаго завода, а потому вездѣ по дорогамъ и были поставлены стражники, а лѣсники объѣзжали свои участки верхомъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Хрусталевъ, вооруженный револьверомъ. Время стояло лѣтнее, и поиски велись по всѣмъ направленіямъ. Разъ Хрусталевъ выѣхалъ изъ завода раннимъ утромъ. Въ ближайшемъ лѣскѣ онъ наткнулся на свѣжую сакму: по росѣ было видно, что прошелъ человѣкъ. Хрусталевъ направился по слѣду и скоро увидѣлъ между деревьями дымокъ. Онъ пріостановился и сталъ разглядывать между деревьями. Дѣйствительно, курился огонекъ, а около огонька лежалъ человѣкъ.

„Должно-быть, Васька...—подумалъ Хрусталевъ.—Управитель обѣщалъ четвертной билетъ, кто поймаетъ".

Лежавшій у огонька человѣкъ въ свою очередь замѣтилъ Хрусталева, но не двинулся съ мѣста. Хрусталевъ подъѣхалъ ближе: какъ будто Васька, какъ будто и не Васька—сразу не разберешь.

— Эй, какъ тебя звать, не видалъ ли верхового? — спрашивалъ Хрусталевъ, стараясь выиграть время и разстояніе.

— Что̀, лѣсная собака, не узналъ? — отозвался Васька, поднимаясь. — Двадцать пять рублей охота получить?

— Стой, варнакъ!..

Васька побѣжалъ. Хрусталевъ погнался за нимъ. Нѣкоторое время Васька лавировалъ между деревьями, но подвернулась поляна, и Хрусталевъ нагналъ его вплоть.

— Стой: стрѣлять буду!..

— Стрѣляй...

Васька грудью пошелъ на своего преслѣдователя, который выхватилъ револьверъ. Но не успѣлъ Хрусталевъ взвести курка, какъ Васька однимъ

прыжкомъ кинулся къ нему и всадилъ ножъ въ животъ. Съ крикомъ рухнулъ съ сѣдла Хрусталевъ, а Васька вскочилъ на его лошадь и былъ таковъ.

Убитаго лѣсника нашли только черезъ три дня, и всѣ были увѣрены, что это Васькина работа, хотя раньше онъ и не былъ замѣченъ въ какихъ-нибудь „качествахъ“.

III.

Александръ Иванычъ торжествовалъ. Васька не только ушелъ цѣлъ и невредимъ, а еще зарѣзалъ Хрусталева. На время Васька исчезъ безслѣдно, хотя всѣ были увѣрены, что онъ гдѣ-нибудь близко, и о немъ ходили самые разнорѣчивые слухи. Слѣдователь сбился съ ногъ, разыскивая такого крупнаго преступника, но все было безуспѣшно.

Такъ прошло все лѣто и осень. Наступила зима. Разъ, встрѣтившись съ слѣдователемъ гдѣ-то на именинахъ, Александръ Иванычъ спросилъ:

— А когда-то вы Ваську поймаете?

— Да онъ ушелъ давно... Отчего вы его не ловили сами?

— Если захочу — и поймаю... Сегодня же поймаю. По рукамъ?

Гости подхватили Александра Иваныча на словѣ. Дѣло было близко къ полуночи, и онъ сейчасъ же отправился въ экспедицію, захвативъ съ собой и слѣдователя.

— Куда Васькѣ дѣваться, — долженъ быть здѣсь, — увѣрялъ Александръ Иванычъ авторитетно. — Сказалъ: поймаю — и поймаю...

Ночь была темная и вѣтреная. Порошилъ сухой снѣжокъ. Становой со слѣдователемъ и двумя стражниками выѣхали на окраину завода, гдѣ уже начинались плохія избенки. Около одной изъ такихъ избенокъ они остановились съ необходимыми предосторожностями. Стражники остались на улицѣ, а Александръ Иванычъ постучалъ въ оконце. Въ избѣ долго никто не откликался, а потомъ тихо скрипнула дверь.

— Кто крещеный?—спрашивалъ старческій голосъ.

— Принимай гостей, Устиновна, — поздоровался Александръ Иванычъ, чиркая въ сѣняхъ спичкой.

— Охъ, Александръ Иванычъ, родимый ты мой... — запричитала старуха. — По душу по мою пріѣхалъ?

Это была мать Васьки, проживавшая въ своей избушкѣ бобылкой. Она и плакала, и тряслась, и ничего не умѣла объяснить. Совсѣмъ изъ ума выжила старуха. Александръ Иванычъ сдѣлалъ осмотръ избы во мгновеніе ока и даже спустился въ „голбецъ“, т.-е. въ подполье. Васьки нигдѣ не было. Александръ Иванычъ вышелъ въ темныя сѣни, опять чиркнулъ спичкой и сдѣлалъ слѣдователю знакъ остановиться у деревянной лѣсенки, которая изъ сѣней вела подъ крышу, а самъ началъ осторожно подниматься наверхъ. Слѣдователю видны были только однѣ ноги Александра Иваныча, а потомъ все стихло. Это была зловѣщая тишина, продолжавшаяся нѣсколько секундъ, пока Александръ Иванычъ добывалъ свои спички. Когда вспыхнулъ огонекъ, мимо него вылетѣла какая-то неопредѣленная масса и скрылась въ слуховомъ окнѣ. За ней во мгновеніе ока вылетѣлъ и самъ Александръ Иванычъ, всѣмъ тѣломъ рухнувшій на копошившагося въ снѣгу Ваську.

— А, попался, варнакъ... Эй, люди, сюда!..

Васька напрасно извивался въ снѣгу змѣемъ и все старался выпростать правую руку: Александръ Иванычъ насѣлъ на него настоящимъ медвѣдемъ, схвативъ лѣвой рукой правую руку Васьки, а правой—Васькино горло.

— Врешь, шельменъ!.. Не узналъ крестнаго?.. Вотъ какъ вашего брата Александръ Иванычъ корчитъ...

Подбѣжавшіе стражники скрутили Ваську по рукамъ и ногамъ, а онъ все молчалъ, точно бнѣмѣлъ. Очень ужъ все быстро случилось... Всю дорогу, пока Ваську везли въ полицію, онъ упорно молчалъ и только въ полиціи, когда его стали обыскивать и нашли за голенищемъ ножъ, онъ криво улыбнулся и проговорилъ:

— Дешево я достался тебѣ, крестный... Вонъ и гостинецъ тебѣ былъ припасенъ.

— Врешь, подлецъ! — рявкнулъ Александръ Иванычъ, сшибая съ ногъ Ваську ударомъ кулака. — Развѣ ты разбойникъ? Дрянь ты, вотъ что! Посмотри на себя, ну какой ты разбойникъ? А еще туда же, Хрусталева зарѣзалъ... Стыдно тебя и крестникомъ назвать!..

Оставшійся въ одной рубахѣ Васька, дѣйствительно, не имѣлъ никакого разбойничьяго вида. Средняго роста, немного сутулый, съ небольшой головой, онъ представлялъ собой заурядный типъ заводскаго мастерового, которому не ножъ въ руки, а гармонію. Круглое, едва тронутое жиденькой бородкой лицо Васьки тоже ничего особеннаго не представляло, за исключеніемъ глубоко посаженныхъ глазъ и какого-то тупого взгляда. Онъ производилъ впечатлѣніе именно такого тупого малаго, и самое подходящее мѣсто Васькѣ было бы гдѣ-нибудь въ кучерахъ. Новичокъ-слѣдователь съ удивленіемъ разсматривалъ знаменитаго Ваську и только пожималъ плечами.

— Неужели это тотъ самый? — спросилъ онъ Александра Иваныча, не выдержавъ. — Вы не ошибаетесь?

— Ха-ха!.. Слава Богу, въ шестой разъ ловлю... Васька, подлецъ, ты вѣдь семью осиротилъ: послѣ Хрусталева-то жена самъ-пятъ осталась! Ну, съ чего ты его зарѣзалъ?..

Васька неожиданно заморгалъ глазами, и слезы потекли по его загорѣлому лицу.

— Богъ насъ разсудитъ, Александръ Иванычъ... — шепталъ Васька. — Самъ не помню, какъ все дѣло вышло... Только вѣдь я черезъ этихъ самыхъ лѣсниковъ муку свою принимаю, а тутъ увидалъ Хрусталева, какъ онъ съ револьвертомъ за мной гонится, — у меня свѣтъ изъ глазъ...

Новый ударъ прямо въ зубы не далъ Васькѣ кончить. Александръ Иванычъ вдругъ разсвирѣпѣлъ и бросился бить „крестника". Онъ таскалъ его за волосы, билъ о полъ, пиналъ ногами, пока слѣдователь не оттащилъ его за руку.

Счастье, какъ извѣстно, очень капризная вещь. Поимка Васьки вызвала еще большее раздраженіе заводской администраціи противъ Александра Иваныча. Начались мелкія дрязги, стычки и доносы. Александру Иванычу вовремя нужно было бы покориться силѣ, а онъ еще больше поднялъ голову и пошелъ противъ теченія. Завязалась горячая борьба, закончившаяся тѣмъ, что Александра Иваныча притянули „къ Аннѣ и Каіафѣ", несмотря на заступничество губернатора. Слѣдствіе производилъ Голубчиковъ и постарался не ударить лицомъ въ грязь: это было первое „хорошее" дѣло въ его участкѣ, да и звѣрь попался красный! Выплыли наружу такія дѣла, о которыхъ Александръ Иванычъ давно уже забылъ. „По совокупности" всѣхъ дѣлъ было до сотни.

Финалъ разыгрался въ окружномъ судѣ только черезъ годъ. Александръ Иванычъ былъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія и приговоренъ къ ссылкѣ „въ отдаленнѣйшія мѣста". Въ „послѣднемъ словѣ" Александръ Иванычъ сказалъ:

— За что же меня одного судить, господа присяжные засѣдатели?.. Судить, такъ судить всѣхъ...

Изъ мѣстнаго тюремнаго замка срочная арестантская партія выступала въ солнечный весенній день. Ей приходилось сдѣлать пѣшкомъ верстъ семь, до ближайшей станціи Уральской желѣзной дороги. Много тутъ было сѣрыхъ арестантскихъ шапокъ и бѣлыхъ арестантскихъ женскихъ платковъ. За партіей шелъ обозъ съ имуществомъ и цѣлая толпа провожавшихъ родственниковъ. Лязгъ желѣзныхъ кандаловъ смѣшивался съ воемъ и причитаніями женщинъ. По роковой случайности въ эту партію попали вмѣстѣ и Александръ Иванычъ и Васька. Первый дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ своего „крестника", но Васька подошелъ къ нему и добродушно заговорилъ:

— Александръ Иванычъ, ты почто сердишься-то на меня?

— Ахъ, это ты, Васька... — смущенно пробормоталъ Александръ Иванычъ.

— Въ безсрочную опять иду, Александръ Иванычъ, — съ арестантской хвастливостью отвѣтилъ Васька. — А все изъ-за чего, ежели разобрать: двоегривеннаго не было лѣсникамъ дать, чтобы подъ протоколъ не подводили. Эхъ, жисть...

— А я изъ-за валета бубенъ, — сумрачно отвѣтилъ Александръ Иванычъ.

„Крестный" и „крестникъ" шагали рядомъ, соединенные роковой судьбой. Замѣчательно было то, что Васька не только не питалъ ни малѣйшей злобы къ своему „крестному", а еще жалѣлъ его: этакій человѣкъ, какъ Александръ Иванычъ, и вдругъ „въ отдаленнѣйшія мѣста"...

1891.

УДИВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Очеркъ.

I.

Каждый человѣкъ, который въ первый разъ попадаетъ на скамью подсудимыхъ, нѣсколько времени, вѣроятно, бываетъ очень удивленъ: въ самомъ дѣлѣ, развѣ для того онъ жилъ на бѣломъ свѣтѣ, т.-е. хлопоталъ, бился, обманывалъ себя и другихъ, чтобы попасть въ это глупое положеніе. Но представьте себѣ удивленіе Максима Лукича, когда онъ очутился на скамьѣ подсудимыхъ... Собственно говоря, Максима Лукича и не было совсѣмъ, а былъ уволенный по третьему пункту сибирскій засѣдатель г. Переберинъ, котораго судили „по-новому". Максиму Лукичу казалось, что судили совсѣмъ не его, Максима Лукича, а кого-то другого, именно уволеннаго по третьему пункту допотопнаго сибирскаго засѣдателя г. Переберина. Въ качествѣ посторонняго наблюдателя, Максимъ Лукичъ удивлялся, между прочимъ, и тому, что судятъ всенароднаго человѣка за совершенные пустяки; наконецъ больше всего онъ удивился тому, какъ скоро все это случилось, т.-е. слѣдствіе, предварительное заключеніе и наконецъ самый судъ. Судился Максимъ Лукичъ „по совокупности", такъ что слѣдователь выбился изъ силъ, открывая все новыя и новыя преступленія. Получалась длинная цѣпь изъ превышеній власти, взяточничества, вымогательствъ и безконечныхъ рукоприкладствъ. Но и этого оказалось мало: на судѣ изъ свидѣтельскихъ показаній выплывали новые факты, и, казалось, имъ не было конца. Для одного человѣка матеріала было слишкомъ много, и старые сибирскіе суды проволочили бы это дѣло, по меньшей мѣрѣ, лѣтъ пятнадцать, пока Максимъ Лукичъ не догадался бы и умеръ, а тогда все производство кануло бы въ вѣчность. Именно эта быстрота новаго суда и возмущала Максима Лукича... Помилуйте, вчера человѣкъ былъ облеченъ властью, пользовался общимъ довѣріемъ и любовью, а сегодня онъ украшаетъ собственной особой скамью подсудимыхъ!

Набившаяся въ залу суда публика тоже недоумѣвала и съ участіемъ слѣдила за ходомъ дѣла. Сыромятныя физіономіи такъ и застыли въ недоумѣніи: что̀ же это такое, въ самомъ-то дѣлѣ? Помучили человѣка, и будетъ. Нужно и честь знать...

Публика глазѣла на расшитые мундиры новыхъ судебныхъ чиновъ, на скамью присяжныхъ засѣдателей, на двухъ адвокатовъ, а больше всего на молоденькаго товарища прокурора, который нѣсколько кокетничалъ. Что̀ ему, этому молодому человѣку, сдѣлалъ Максимъ Лукичъ? Максимъ Лукичъ, въ свою очередь, смотрѣлъ на публику, гдѣ мелькали все знакомыя лица, и только пожималъ плечами. Дескать, посмотрите, добрые люди, что̀ со мной

дѣлаютъ. А ужъ я ли, кажется, не старался для васъ же!.. Наѣхавшій новый судъ былъ здѣсь совершенно чужимъ и не понималъ взаимнаго тяготѣнія сторонъ. Когда при открытіи засѣданія предсѣдатель обратился съ обычнымъ вопросомъ: „Подсудимый, признаёте ли вы себя виновнымъ?"—старикъ весь встрепенулся и что-то хотѣлъ сказать, но потомъ махнулъ рукой и отвѣтилъ коротко: „Никакъ нѣтъ-съ", какъ отвѣчалъ еще во время службы въ одномъ изъ казачьихъ полковъ на китайской границѣ. Публика облегченно вздохнула: такъ могъ отвѣтить только совершенно невинный человѣкъ... Да и наружность у Максима Лукича была самая импонирующая: высокій, сѣдой старикъ, съ остриженными подъ гребенку волосами, производилъ подкупающее впечатлѣніе. Большіе, не по-старчески живые, темные глаза и военная выправка придавали ему бодрый видъ. Его портила только отпущенная во время предварительнаго заключенія борода—рыжевато-грязнаго цвѣта, съ прямымъ волосомъ, какъ на половой щеткѣ, точно она была сдѣлана изъ проржавленной желѣзной проволоки. Товарищъ прокурора, выхоленный молодой человѣкъ съ утонченно-изящными манерами, брезгливо отворачивался отъ стараго сибирскаго волка, точно одинъ его видъ могъ замарать чистую прокурорскую душу. Особенно понравилась этому молодому человѣку стереотипная фраза, какой встрѣчалъ и провожалъ бывшій засѣдатель своихъ бывшихъ клієнтовъ:

— Мы разсмотримъ ваше дѣло, смотря по *даннымъ*...

Это было типично и остроумно: всѣ дѣла вершились, смотря *по даннымъ*, т.-е. сообразно съ количествомъ и качествомъ взятокъ. Максимъ Лукичъ, дѣйствительно, бралъ жаренымъ и вареным; но, во-первыхъ, кто же не беретъ, и, во-вторыхъ, ему самому приходилось представлять свои собственныя *данныя*, когда налетала внезапная ревизія или выѣзжалъ на кормежку какой-нибудь голодный губернскій чинъ. Шла круговая, а на скамью подсудимыхъ попалъ одинъ Максимъ Лукичъ. Къ своему адвокату онъ относился совершенно безразлично, какъ къ новому человѣку, который поражалъ его только своей юркостью и самодовольнымъ видомъ. Что это онъ, адвокатъ, такъ суетится, когда дѣло совсѣмъ правое? Съ другой стороны, Максимъ Лукичъ подозрѣвалъ, что его адвокатъ въ заговорѣ съ прокуроромъ, — это замѣтно по всему. Этакій, съ позволенія сказать, шалыганъ, и вдругъ отъ него, нѣкоторымъ образомъ, будетъ зависѣть вся судьба Максима Лукича.

— Вы не робѣйте...—шепталъ адвокатъ, обращаясь къ подсудимому.— Все будетъ зависѣть отъ присяжныхъ...

— Это значитъ, отъ мужиковъ?

— Развѣ вы въ первый разъ на судѣ?

— Слава Богу, раньше не случалось... Да и какой это судъ?.. Товарищъ прокурора—мальчишка, присяжные—мужланы...

Максимъ Лукичъ съ какой-то грустью посмотрѣлъ на присяжныхъ, въ рукахъ которыхъ теперь его судьба: два чиновника, пять купцовъ, а остальные—все мужики. Всѣ надежды онъ возлагалъ на этихъ двухъ чиновниковъ, которые все-таки могутъ понять что-нибудь, ну, пожалуй, купцы наполовину поймутъ, а остальные... Нечего тутъ и говорить: отличный судъ!.. Конечно, мужики его осудятъ, потому что онъ пять уѣздовъ держалъ въ страхѣ и трепетѣ и никому не спускалъ. Да, онъ не дискредитировалъ власти, какъ вотъ такія нынѣшнія фитюльки...

— Послушайте,—обратился Максимъ Лукичъ къ своему защитнику въ срединѣ прокурорской рѣчи:—что я сдѣлалъ этому молодому человѣку? Ужъ очень онъ привязался къ „даннымъ"... Нельзя ли подсунуть ему барашка въ бумажкѣ?

— Вы съ ума сошли, Максимъ Лукичъ.

„Ну, судъ!...—угнетенно подумалъ подсудимый. — А того не знаетъ, что честь всегда лучше безчестья...“

II.

Обвиненіе „по совокупности“ распадалось на цѣлый рядъ дѣлъ, тѣхъ заурядныхъ дѣлъ, о которыхъ не стоило бы даже говорить. Отправнымъ пунктомъ послужило „дѣло купца Максунова“, заключавшееся въ слѣдующемъ. Степной купецъ Максуновъ пріѣхалъ на Ирбитскую ярмарку, гдѣ у него была торговля бараньимъ саломъ. Ярмарка была бойкая, и Максуновъ расторговался своимъ товаромъ. Подъ конецъ, когда сводились счеты, къ нему является молодой человѣкъ, по фамиліи Калачиковъ, служившій раньше приказчикомъ у обанкротившагося купца Шершнева.

— Степанъ Иванычъ, не знаете ли гдѣ мнѣ мѣстечко? — спросилъ молодой человѣкъ.—Вотъ полгода безъ дѣла шатался... Думалъ — въ Ирбитской подыщу занятіе, а вотъ ярмарка кончилась, а я все въ той же кожѣ.

Максуновъ видалъ раньше Калачикова и пожалѣлъ. Что же, въ самомъ-то дѣлѣ, со всякимъ можетъ бѣда приключиться, а парень совсѣмъ молодой; не умереть же ему съ голода. Полученный на ярмаркѣ барышъ тоже много способствовалъ благодушному настроенію Степана Иваныча.

— Вотъ что, молодецъ, скажу я тебѣ, — отвѣтилъ онъ: — мѣста у меня тебѣ нѣтъ, а помочь могу... Первое дѣло, отсюда я проѣду на Степную ярмарку, такъ айда со мной. Мнѣ все одно прогоны-то платить, а тамъ, можетъ, что и придумаемъ...

Конечно, Калачиковъ согласился, и они отправились въ дорогу вмѣстѣ. До Степной ярмарки было дней пять пути, но зимой эта дорога легкая, а шубы у Максунова, какъ печи съ герметическими заслонками. Одѣлъ онъ и Калачикова, который щеголялъ въ сакъ-пальто съ барашковымъ воротникомъ. Ѣдетъ Максуновъ и все жалѣетъ своего невольнаго спутника. Пріѣхали въ Степную,—Максуновъ по своимъ дѣламъ, а Калачиковъ опять мѣсто ищетъ. Искалъ-искалъ, ничего не нашелъ. И Максуновъ за него хлопоталъ—ничего не выходитъ. Такой ужъ, значитъ, незадачливый человѣкъ уродился, что все у него клиномъ. Только возвращается разъ Максуновъ къ себѣ въ номеръ, а Калачиковъ виситъ на душникѣ. Вотъ такъ фунтъ... Что называется, поблагодарилъ за хлѣбъ за соль. Конечно, и записка: „въ смерти моей прошу никого не обвинять“. Однимъ словомъ, все въ порядкѣ устроилъ, какъ въ газетахъ объ такихъ дѣлахъ описываютъ.

„Нечего сказать, ублаготворилъ!..“—подумалъ Максуновъ и сейчасъ же послалъ за полиціей.

Какъ бывалый и тертый человѣкъ, онъ ничего особеннаго не боялся. Конечно, непріятно, хоть до кого доведись, а больше и ничего. Могъ бы человѣкъ изъ благодарности въ другомъ мѣстѣ гдѣ-нибудь удавиться... Ну, да что тутъ толковать: и жить не умѣлъ и умеръ скверно. На заявленіе въ полицію явился самъ засѣдатель Максимъ Лукичъ. Максуновъ встрѣчался раньше съ нимъ, кучивали даже вмѣстѣ, а поэтому онъ и отнесся къ нему за панибрата.

— Вотъ какой гостинецъ, Максимъ Лукичъ...

— Да-съ, казусъ не маленькій,—отвѣчалъ загадочно Максимъ Лукичъ.— Надо будетъ обыскъ небольшой сдѣлать у васъ... Конечно, я понимаю, что не вы же его удавили, но нельзя-съ, форма. Самъ подневольный человѣкъ...

— Зачѣмъ обыскъ, Максимъ Лукичъ? Помилуйте, у него рѣшительно ничего не было, и привезъ-то я его сюда въ своей шубѣ.

Однимъ словомъ, Максимъ Лукичъ сразу повелъ дѣло къ „даннымъ", а Максуновъ уперся: нѣтъ ужъ, извините, не прежняя пора, чтобы за здорово живешь и т. д. Максуновъ бывалъ и въ Нижнемъ, тоже видалъ людей. Что же, онъ готовъ сдѣлать благодарность, но въ свое время, а не такъ, чтобы, напримѣръ, вамъ прямо наступили на горло и выняли изъ кармана „данныя". Наконецъ, это не по-товарищески, а еще вмѣстѣ у арфистокъ путались.

— Дѣлайте обыскъ, ежели это вамъ нравится, — заявилъ обиженный Максуновъ.—Здѣсь все мое, кромѣ вотъ этого мертваго тѣла...

Засѣдатель принялся за свое дѣло, а Максуновъ сидитъ и только посмѣивается. Этакая старая крыса, что придумалъ! Пусть порыется. Максимъ Лукичъ, дѣйствительно, поусердствовалъ. Не только перерыты были всѣ чемоданы и разныя дорожныя вещи, но даже подпороты шубы и подушки.

— Кажется, теперь все-съ?—спрашивалъ Максуновъ.

Послѣднимъ Максимъ Лукичъ осматривалъ небольшой дорожный чемоданчикъ съ разными бумагами, приходо-расходными книгами и счетами. Пересмотрѣвъ все, онъ остановился на конвертѣ съ надписью: 200 р. Въ конвертѣ оказалось всего 12 р.

— А это какъ, по-вашему, называется?—спросилъ Максимъ Лукичъ, показывая конвертъ.

— Никакъ не называется: конвертъ, а въ конвертѣ 12 рублей денегъ.

— Такъ-съ... А надпись: „200 рублей" что означаетъ?.. Это, государь мой, называется *подлогомъ*. Да... Это, государь мой, значитъ, что вы ѣздите по ярмаркамъ да обманываете публику. Впрочемъ, что тутъ толковать: улика налицо, а мы составимъ протоколецъ.

У Максунова лицо вытянулось. Былъ составленъ протоколъ, подписанъ понятыми, скрѣпленъ Максимомъ Лукичомъ, а Максуновъ былъ подвергнутъ предварительному заключенію.

— Максимъ Лукичъ, да ты послушай, перестань шутить...—попробовалъ онъ уговорить поднявшагося на дыбы засѣдателя.—Ежели ужъ на то пошло, такъ я могу сдѣлать благодарность...

— Поздно, государь мой,—печально отвѣтилъ Максимъ Лукичъ.—Вотъ ты, борода, думаешь, что былъ два раза на ярмаркѣ въ Нижнемъ, такъ и расширился... Нѣтъ, погоди, я тебя укорочу!.. Будешь помнить Максима Лукича...

Дѣло о подлогѣ пошло законнымъ ходомъ, а Максуновъ просидѣлъ въ тюрьмѣ ровно восемь мѣсяцевъ, пока не былъ назначенъ въ Западную Сибирь новый судъ и пока его дѣло не попало въ руки новаго слѣдователя, ахнувшаго отъ изумленія. Максунова, конечно, немедленно освободили отъ заключенія, и Максимъ Лукичъ занялъ его мѣсто въ качествѣ подсудимаго. Такимъ образомъ максуновское дѣло послужило только исходной точкой, а тамъ посыпались новыя дѣла безъ конца: подлоги, вымогательства, хищенія въ самой разнообразной формѣ и вообще превышеніе власти. Максимъ Лукичъ орудовалъ въ степи, какъ своего рода царекъ. Но у каждаго спеціалиста есть непремѣнно свой конекъ, а такимъ конькомъ сибирскаго засѣдателя были мертвыя тѣла. Онъ перевозилъ ихъ съ мѣста на мѣсто и получалъ „данныя" на этомъ пути со всѣхъ. Одно мертвое тѣло онъ завезъ на мельницу, другое—къ попу на погребъ и т. д.

III.

Рѣчь молодого товарища прокурора была блестяща, какъ тѣ первые весенніе цвѣты, которые говорятъ о наступающемъ лучшемъ времени года. Онъ говорилъ о справедливости, объ уваженіи къ закону, о чувствѣ собственнаго достоинства, о правовыхъ нормахъ, еще разъ о справедливости, и вообще сыпалъ великими истинами, составляющими размѣнную монету профессіональнаго краснорѣчія. Послѣ этого необходимаго вступленія, онъ перешелъ къ обстоятельствамъ настоящаго дѣла и густыми красками набросалъ спеціальную картину разной сибирской неправды, невѣжества—съ одной стороны, и хищенія—съ другой, а въ примѣненіи особенно налегъ опять на „данныя". Максимъ Лукичъ слушалъ эту блестящую рѣчь и опять недоумѣвалъ. Первой половины, признаться, онъ и совсѣмъ не понялъ, а со второй не могъ согласиться, какъ порядочный человѣкъ. Нѣтъ, извините, онъ не злодѣй и не преступникъ, а самый обыкновенный человѣкъ, какъ всѣ другіе, и поступалъ онъ тоже какъ другіе,—ни хуже ни лучше. Нѣсколько разъ его такъ и подмывало прервать прокурорское краснорѣчіе и заявить во всеуслышаніе: „Ваше благородіе, да за что вы меня судите-то? Сущіе пустяки, о которыхъ и говорить-то не стоитъ... Если ужъ судить, такъ судить вотъ за что..."—тутъ слѣдовалъ цѣлый рядъ такихъ фактовъ, о которыхъ прокуроръ и слѣдователь были не извѣстны и объявить которые Максимъ Лукичъ не имѣлъ права, потому что не желалъ оговаривать другихъ. Да, онъ этого не хочетъ, и вотъ эти другіе пусть казнятся, какъ онъ страдаетъ за всѣхъ.

Прокуроръ закончилъ свою рѣчь блестящей фразой, приправленной соотвѣтствующимъ жестомъ:

— Господа присяжные засѣдатели, въ этомъ человѣкѣ (прокурорская рука указала на подсудимаго) умерло рѣшительно все человѣческое, кромѣ страха наказанія...

Въ залѣ царило гробовое молчаніе, когда прокуроръ спрятался наконецъ за своимъ пюпитромъ. Публика была подавлена, какъ тѣ дѣти, которыя въ первый разъ попали на исповѣдь. Максимъ Лукичъ сидѣлъ съ опущенной головой, и какая-то конвульсивная улыбка кривила его губы. Что же, говорите, можно сказать все, а онъ не виноватъ... Вотъ тебѣ и „данныя", Максимъ Лукичъ! И слово-то не его, а позаимствовано во времена оны отъ одного благопріятеля, консисторскаго чина, который тоже рѣшалъ всѣ дѣла „смотря по даннымъ".

— Господа присяжные засѣдатели и господа судьи!..—немного глухимъ голосомъ началъ защитникъ Максима Лукича, привычнымъ жестомъ вскидывая свое пенснэ на носъ.—Господь да просвѣтитъ и васъ, господа присяжные...

Максимъ Лукичъ широко раскрылъ глаза отъ удивленія: вотъ такъ выстрѣлилъ адвокатъ-то... Ловко!.. Подъ конецъ прокурорской рѣчи, утомленный предшествовавшимъ судоговореніемъ, Максимъ Лукичъ страшно захотѣлъ спать и, чтобы привести себя въ сознаніе, считалъ число оконъ въ залѣ и число набившейся въ залѣ публики. Это скромное занятіе разгоняло дремоту. День уже клонился къ вечеру, а прокуроръ ни за что не хотѣлъ сдѣлать перерыва. Максимъ Лукичъ начиналъ испытывать голодную зѣвоту и не прочь былъ перекусить. Ловкій приступъ адвоката встряхнулъ его.

Теперь Максимъ Лукичъ былъ увѣренъ, что его оправдаютъ. Конечно, оправдаютъ, если судить на совѣсть. Присяжные-то засѣдатели все знаютъ и могутъ понимать.

Рѣчь адвоката такъ и лилась рѣкой. Онъ ловко подхватилъ нѣсколько неудачныхъ выраженій изъ прокурорской рѣчи, бойко очертилъ показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей и подробно остановился на самой сущности дѣла. Вотъ тебѣ и фитюлька: какъ ножомъ, такъ и рѣжетъ. Дремавшіе присяжные тоже встрепенулись и съ удивленіемъ смотрѣли на адвоката, что̀ онъ скажетъ въ пользу кругомъ виноватаго человѣка. Среда, унаслѣдованныя привычки, мѣстные нравы, уровень развитія—такъ и сыпались съ адвокатскаго языка, точно пошелъ дождь.

— Я охарактеризую подсудимаго проще и понятнѣе, тѣмъ г. товарищъ прокурора,—говорилъ защитникъ.—Это законный сынъ извѣстнаго строя жизни, извѣстной обстановки и унаслѣдованныхъ привычекъ—не больше того... Мы всѣ рабы времени, въ какое живемъ, и платимъ ему тяжелую дань. Если бы на подсудимаго надѣть мундиръ г. товарища прокурора, вооружить его уложеніемъ о наказаніяхъ и поставить за прокурорскій пюпитръ, а г. товарища прокурора посадить на скамью подсудимыхъ...

— Господинъ защитникъ, вы отклоняетесь въ сторону,—остановилъ адвоката предсѣдатель.

— Господа присяжные засѣдатели, я хотѣлъ сказать только то, что понять человѣка можно не иначе, какъ поставивъ себя на его мѣсто,—ловко отпарировалъ ударъ г. защитникъ.—Пусть ваша совѣсть обвинитъ среду, обстановку, обстоятельства и привычки, которыя подсудимаго довели до настоящаго положенія, а люди—вездѣ люди, и подсудимый не хуже васъ съ нами... На его мѣстѣ мы, быть-можетъ, сдѣлали бы еще больше зла!..

Эта горячая защита продолжалась битыхъ часа два, такъ что адвокатъ началъ хрипнуть и нѣсколько разъ вытиралъ вспотѣвшее лицо платкомъ. „Вотъ именно...“—мысленно повторялъ за нимъ Максимъ Лукичъ и смотрѣлъ на присяжныхъ засѣдателей, старался прочитать на ихъ лицахъ свой приговоръ. Что̀ онъ имъ-то сдѣлалъ?.. И сто̀итъ сказать всего два слова: „нѣтъ, не виновенъ“, а что̀ касается „данныхъ“,—такъ ужъ Богъ съ ними, съ этими „данными“. Главное, за пустяки судятъ.

Наконецъ адвокатъ кончилъ. Послѣ него говорилъ что-то товарищъ прокурора, потомъ сдѣлалъ свое резюме предсѣдатель, и наконецъ предоставлено было послѣднее слово подсудимому.

— Нѣтъ, не виновенъ...—упавшимъ голосомъ проговорилъ Максимъ Лукичъ, хотѣлъ еще сказать что-то, но горло точно сдавило что̀, и онъ только махнулъ рукой.

Послѣ получасового совѣщанія присяжные засѣдатели вынесли свой вердиктъ, и старшина громко прочиталъ:

— Да, виновенъ...

Сначала Максимъ Лукичъ не понялъ смысла этихъ словъ, а потомъ судорожно схватился за рѣшетку и какъ-то грудью крикнулъ:

— Господа, да за что же?.. Ужъ если судить, такъ... Э, да что̀ тутъ, впрочемъ, говорить!..

1890.

МИЗГИРЬ.

I.

Осенью, когда отъ перваго инея закисала лиственница, я съ винтовкой отправился на кордонъ при горной рѣчонкѣ Шипишной, чтобы провести нѣсколько дней на одной изъ лучшихъ охотъ. Шипишинскій кордонъ поставленъ былъ на полустанкѣ между заводомъ Галчинскимъ и пристанью Уралкой, куда лѣто и зиму везли желѣзо и мѣдь. Движеніе кладей усиливалось зимой, и транспорты останавливались на кормежку на Шипишинскомъ кордонѣ, гдѣ были устроены громадные навѣсы для лошадей, амбары съ овсомъ и сѣновалы. Отъ Шипишинскаго кордона было ровно двадцать верстъ и до завода и до пристани, мѣста по р. Шипишной были вообще нетронутыя и довольно дикія, а для осенней охоты лучшихъ, кажется, и не придумать. Когда-то здѣсь былъ громадный курень, растянувшійся на десять верстъ, а теперь все поросло громаднымъ смѣшаннымъ лѣсомъ.

Видъ на самый кордонъ открывался съ ближайшей горы. Онъ стоялъ на луговинѣ, на самомъ берегу рѣки, которая вѣчно шумѣла по камнямъ, пряталась въ осокахъ и прирѣчной поросли и разливалась тихими заводями, гдѣ ее подпирали новые камни. Кругомъ кордонъ былъ обрамленъ зеленой стѣной куренныхъ березняковъ: такія березы, высокія, ровныя, стройныя, какъ восковыя свѣчи, вырастаютъ только на куренныхъ пожогахъ.

Собственно кордонъ состоялъ изъ громадной русской избы съ громадной русской печью и громадными полатями. Транспорты приходили подводъ по сту, и нужно было обогрѣть гдѣ-нибудь всѣхъ ямщиковъ, напоить ихъ и накормить. Транспортные ямщики вообще пользовались плохой репутаціей, особенно тѣ, которые ѣздили и зиму и лѣто. Лѣтнихъ ямщиковъ называли почему-то „соловьями“, и это названіе переходило отъ одного поколѣнія ямщиковъ къ другому, какъ клеймо самаго отпѣтаго народа. Въ осеннюю распутицу транспортовъ шло совсѣмъ мало, и на кордонѣ царили тишина и какая-то мертвая лѣсная лѣнь. Безъ просыпу спалъ подручный кордонщикъ Шимка, молодой вороватый парень съ красной затекшей шеей и припухшими глазами; безъ просыпу спала кордонная стряпка Настасья, здоровенная бабища, точно сшитая изъ подошвенной кожи; спали собаки, и только бодрствовалъ за всѣхъ самъ кордонщикъ, по прозванію Мизгирь.

Это былъ тщедушный мужичонка, съ сморщеннымъ, маленькимъ лицомъ-кулачкомъ и жиденькой бороденкой-мочалкой. Онъ вѣчно молчалъ и вѣчно что-нибудь промышлялъ по своему обширному хозяйству. Безъ дѣла я его никогда не видалъ: то онъ починивалъ какую-то сбрую, то рубилъ дрова, то поправлялъ что-нибудь у избы или на дворѣ. Онъ былъ изъ числа тѣхъ суетливыхъ людей, которые не могутъ сидѣть безъ дѣла. Лично мнѣ Мизгирь напоминалъ трудолюбиваго муравья изъ какой-нибудь басни.

— Ты отчего же подручнаго не заставляешь работать, а все самъ?

— А такъ... Пусть его отдохнетъ, — коротко отвѣтитъ Мизгирь, постукивая топоромъ.

— Почему тебя Мизгиремъ зовутъ?

— А ростомъ не вышелъ, вотъ и сталъ Мизгирь. Еще ребята прозвали, когда мальчонкой былъ...

Между прочимъ, на обязанности Мизгиря лежало охраненіе лѣсовъ на десять верстъ въ окружности,—это уже такъ, между дѣломъ, для того, чтобы въ заводскихъ отчетахъ не оставалось пустой графы о лѣсномъ кордонѣ. Эта мудрая заводская экономія, впрочемъ, ничего не стоила и Мизгирю, потому что оберегать лѣсъ было не отъ кого: кому его нужно въ этомъ глухомъ медвѣжьемъ углу? Но Мизгирь все-таки считалъ своей обязанностью каждую недѣлю обходить какой-нибудь участокъ изъ своихъ обширныхъ владѣній, вѣроятно, главнымъ образомъ потому, что любилъ природу и былъ поэтомъ въ душѣ; среди простого народа такихъ поэтовъ достаточное количество, и, вѣроятно, имъ обязано происхожденіе народныхъ пѣсенъ.

Характеристика Мизгиря была бы неполной, если бы я не прибавилъ описаніе собаки Мучки, сопровождавшей своего хозяина по пятамъ. Это была не охотничья собака въ собственномъ смыслѣ слова и не дворняга въ тѣсномъ, а промысловая, одно изъ тѣхъ удивительныхъ созданій, которыя только не говорятъ. Въ характерѣ спеціально охотничьихъ собакъ и въ каждомъ ихъ движеніи на меня производитъ всегда непріятное впечатлѣніе что-то лакейское, приниженное и вороватое, тогда какъ въ промысловой собакѣ сохранились дѣловая серьезность и сознаніе своего собачьяго достоинства. Такая собака не будетъ облаивать зря каждаго встрѣчнаго, не будетъ и ласкаться безъ пути или соваться безъ всякаго толку, опять-таки потому, что у нея есть свое главное дѣло; хозяина она стережетъ тоже умненько, какъ и ласкается. Мучка меня приводила въ восторгъ своимъ тактомъ, выдержкой и солидностью. И масть у нея была какая-то необыкновенная: настоящій волкъ, если бы не задранный кольцомъ хвостъ. По происхожденію Мучка принадлежала къ вогульскимъ лайкамъ, и этотъ типъ промысловой собаки выработался, вѣроятно, не одной сотней лѣтъ. Нужно было видѣть Мучку на охотѣ, чтобы вполнѣ оцѣнить ея рѣдкія качества. Мое появленіе съ ружьемъ всегда производило въ душѣ Мучки мучительную раздвоенность: своимъ собачьимъ сердцемъ она принадлежала Мизгирю, а охотничій инстинктъ толкалъ ее ко мнѣ.

Нужно было видѣть собаку, когда мы отправлялись на охоту. Мизгирь всегда сопровождалъ меня, хотя и никогда не стрѣлялъ. Я подозрѣваю, что онъ и ходилъ со мной только для того, чтобы потѣшить собаку. Мучка сама вела въ лѣсъ и понимала каждое движеніе. Глаза ея блестѣли, движенія принимали ту неуловимую грацію, какую породистому животному придаетъ „кровь", и только время отъ времени она какими-то виноватыми глазами смотрѣла на хозяина, точно извинялась за свое охотничье опьяненіе.

— Ну, побалуй...—говорилъ Мизгирь.—Ишь вожжилась!..

— Отчего ты не заведешь себѣ ружья?—нѣсколько разъ спрашивалъ я у Мизгиря.—Сколько бы добылъ себѣ дичи...

— Не люблю,—коротко отвѣчалъ Мизгирь.

— Да отчего не любишь?

— А такъ... неподходящее дѣло.

Сколько я ни добивался болѣе обстоятельнаго отвѣта, но ничего не могъ выпытать.

Въ своей дачѣ Мизгирь зналъ каждый уголокъ, каждое дерево, каждый камень, и могъ пройти ее изъ конца въ конецъ съ завязанными глазами. Вообще въ немъ было много качествъ настоящаго лѣсника, начиная съ необычайной способности оріентироваться. Онъ съ точностью настоящаго хозяина зналъ, гдѣ какіе и сколько выводковъ, куда они выходятъ пастись, какія перемѣны произошли въ ихъ составѣ и т. д.

— Агромадныхъ три пѣтуха подъ Ереминымъ-Верхомъ на лиственяхъ кормятся, — сообщалъ онъ. — По зарѣ такъ и поговариваютъ. Съ кордона слышно, какъ они бормочутъ.

Закисшая лиственница — любимое кушанье глухаря. Сначала птица садится на дерево кормиться только по зарямъ, а потомъ и днемъ. Когда стоитъ слишкомъ ясная погода или дуетъ вѣтеръ, глухарь „сторожитъ", и къ нему безъ собаки подойти на выстрѣлъ въ такую строгую минуту почти невозможно. Лучшее время охоты — тѣ сѣрые осенніе дни, когда съ утра начинаетъ „моросить". Съ собакой охота облегчается во много разъ, особенно съ такой, какъ Мучка. Она сама отыскивала глухаря не „по поѣди", какъ другія собаки, не лаяла слишкомъ громко и не прыгала на дерево, а выводила верхнимъ чутьемъ. Глухарь въ пернатомъ царствѣ напоминаетъ какой-то дубоватой простотой медвѣдя. Въ обыкновенное время очень чуткая и сторожкая птица, за исключеніемъ періода весенняго токованья, на лиственницѣ онъ дѣлается совсѣмъ глупымъ, особенно, когда завидитъ собаку. Не нужно было даже говорить, кого облаивала Мучка: она такъ выразительно тявкала раза два-три и дѣлала выжидательную паузу, давая время подойти. Заслышавъ наши шаги, она снова начинала лаять, чтобы отвлечь вниманіе глупой птицы на себя. Однимъ словомъ, удивительная собака.

Всего интереснѣе былъ моментъ, когда подкрадываніе къ птицѣ кончалось, и я взводилъ курокъ винтовки. Мизгирь затыкалъ уши пальцами и закрывалъ глаза, какъ слабонервная дѣвица. Когда раздавался выстрѣлъ, онъ вздрагивалъ и какъ-то испуганно глядѣлъ на лиственницу, гдѣ сидѣлъ глухарь. Къ убитой птицѣ онъ совсѣмъ не подходилъ.

— Боишься выстрѣла?—спрашивалъ я его.

— Нѣтъ... Крови боюсь, — отвѣчалъ онъ, закрывая глаза и съеживая свои почти дѣтскія плечи.—Страшно!.. Не могу... Сердце такъ и зайдется.

Нужно замѣтить, что прелесть осенней охоты на глухарей—не въ количествѣ убитой птицы, а въ грустной поэзіи умирающаго лѣса, расцвѣченнаго послѣдними красками. Трудно сравнить съ чѣмъ-нибудь то чувство, которое охватываетъ васъ, когда вы бродите по лѣсу такой осенью. Подъ ногами какъ-то по-мертвому шуршитъ облетѣлый листъ, трава тоже сухая и жесткая, какъ волосъ, а зато какими яркими цвѣтами играютъ березняки и осинники, точно обрызганные золотомъ и кровью. Воздухъ напоенъ тѣмъ особеннымъ горьковатымъ ароматомъ, какой даетъ палый листъ; осенній крѣпкій холодокъ заставляетъ вздрагивать, дышится легко, и вы переживаете то состояніе пріятнаго опьянѣнія, какое производитъ дорогое старое вино. Самая усталость не гнететъ, а только сулитъ крѣпкій сонъ, отличный аппетитъ и какую-то необъяснимую полноту существованія.

II.

Разъ вечеромъ, когда мы возвращались съ охоты, издали еще можно было разглядѣть приваливавшій къ кордону транспортъ. На полянкѣ передъ воротами стояли десятки роспусковъ, нагруженныхъ желѣзомъ. Погода стояла

хорошая, и заводоуправленіе воспользовалось ею, чтобы отправить съ Уралки осенній караванъ. У воротъ насъ встрѣтилъ подручный Пимка, почесывавшій затылокъ.

— Цѣлое гнѣздо соловьевъ слетѣлось, — проговорилъ онъ. — Ночевать остались, галманы.

— Ну, и пусть ночуютъ, — покорно согласился Мизгирь, прибавляя шагу.—Надо овса отпустить... сѣна...

— Пусть кони-то сперва выстоятся...

У Настасьи уже топилась печь для соловьевъ: надо было готовить ужинъ. Въ воротахъ мы встрѣтили плечастаго и загорѣлаго соловья, извѣстнаго подъ именемъ Волка. Онъ вышелъ изъ избы покурить на свѣжемъ воздухѣ коротенькую трубочку. Настасья не любила, когда соловьи курили табакъ въ избѣ, и немилосердно ихъ гнала на улицу даже въ клящій морозъ.

— А, Мизгирь... — лѣниво протянулъ Волкъ, презрительно оглядывая тщедушную фигурку кордонщика.—Веселенько ли прыгаешь?..

Мизгирь только сморщился и ничего не отвѣтилъ. Онъ вообще не выносилъ соловьевъ съ ихъ грубыми шуточками и нахальствомъ. Всѣхъ соловьевъ набралось больше десяти, и ночлегъ былъ испорченъ. Обыкновенно ночевать на кордонѣ составляло одно удовольствіе: Настасья содержала избу необыкновенно чисто и постоянно выгоняла спать Пимку куда-нибудь на сарай, такъ что даже Мизгирь заступался за своего подручнаго.

— Только духъ въ избѣ портитъ, — объясняла Настасья съ обычной своей суровостью.—Мучка спитъ же на дворѣ, ну и Пимка тоже... Не важное кушанье...

Будь лѣто, и я предпочелъ бы выспаться гдѣ-нибудь на сѣновалѣ; но въ сентябрѣ на Уралѣ ночи настолько холодныя, что объ этомъ нечего было и думать. А въ избѣ сейчасъ набилось человѣкъ десять народа, и можно представить, какой стоялъ тамъ воздухъ. Когда мы вошли въ избу, на столѣ стоялъ ведерный самоваръ, а около него размѣстились вспотѣвшія, красныя ямщичьи физіономіи. Народъ былъ все рослый, могучій.

— Эй, ты, святая душа на костыляхъ!—крикнулъ кто-то на Мизгиря.— Куда запропастился?.. Пора конямъ задавать овса...

— А ты не ори,—ворчалъ Мизгирь.—Все будетъ...

— Ахъ, ты, Мизгирь... Настасья, и не нашла же ты себѣ хуже въ мужья! Развѣ это человѣкъ: взять двумя пальцами и раздавить, какъ клопа.

— И то замаялась я съ нимъ,—отозвалась Настасья. — Только званье, что мужикъ, а какой въ немъ прокъ: комаръ комаромъ.

— Какъ же это ты, Настенька, этакая корпусная женщина, и вдругъ за Мизгиря изгадала? Тебѣ бы, по-настоящему, какого мужа надо: ратника, однимъ словомъ. Тоже вашу сестру, бабу, вдругорядь и поучить надо, а ты зашибешь сама своего Мизгиря.

— Такъ ужъ, врагъ попуталъ,—отшучивалась Настасья, привыкшая къ подобнымъ разговорамъ. — Будто пожалѣла я его, а онъ меня и обманулъ... Ошибочка маленькая вышла.

Напившись чаю, я отправился на полати, гдѣ вповалку спало потомство Мизгиря. У него почти каждый годъ родился ребенокъ, но въ живыхъ оставалось всего человѣкъ пять. Старшему мальчику было уже лѣтъ восемь, а остальные — мелюзга. Дѣти ростомъ напоминали мать: всѣ были такіе же крѣпыши, и Мизгирь нѣстовалъ ихъ съ трогательной нѣжностью. Вся эта бѣлоголовая дѣтвора теперь уже спала мертвымъ дѣтскимъ сномъ. Я долго

лежалъ, прислушиваясь къ галдѣнью „соловьевъ“. Въ избѣ оставались всего трое, да пришелъ еще съ улицы Волкъ, помѣстившійся на приступкѣ у печки. Мизгирь сидѣлъ на лавкѣ, скрестивъ по-дѣтски свои голыя ноги. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ Пимка и вышучивалъ Настасью вмѣстѣ съ другими.

— Удивительное это дѣло, братцы,—говорилъ Пимка, ухмыляясь.—Какъ это только по осени первый транспортъ прошелъ, такъ у насъ новый ребенокъ. Точно вотъ вѣтромъ дунетъ... Ок-казія!..

Отвѣтомъ послужилъ громкій хохотъ соловьевъ.

— Ужъ Пимка, тоже и вырѣжетъ штучку!.. Какъ, говоришь, пройдетъ транспортъ, такъ и ребенокъ? О-хо-хо...

— Правильно, — подтвердилъ Пимка, встряхивая своей безпутной головой.—Я такъ ребятъ и считаю осенями, по первому транспорту.

Мизгирь сидѣлъ на лавочкѣ и какъ-то жалобно улыбался, склонивъ голову немного набокъ. Настасья сердито ворочала какіе-то горшки въ печи.

— Ай, Пимка, ай, прокуратъ!..

— И давно это примѣчаю я, братцы, что ребята у насъ ростомъ-то въ транспортныхъ.

— Слышь, Настасья?!. О-хо-хо...

— Не вашего ума это дѣло!—огрызалась Настасья.—Тоже нашли надъ чѣмъ измываться... Охальники! Ты что̀ это и впрямь, Пимка, зубы-то моешь? Я вотъ возьму ухватъ, да какъ примусь тебя обихаживать: только стружки полетятъ.

Не выйди изъ себя Настасья, все обошлось бы обычными шуточками; но она какъ-то сразу потеряла равновѣсіе и ввязалась въ разговоръ съ настоящимъ бабьимъ азартомъ. Пимка тоже бы отсталъ, если бы бабья угроза не задѣла его мужицкой гордости.

— Что̀, Пимка, испужался? — поддразнивалъ Волкъ, лѣниво сплевывая въ сторону. — Небось, не первый ужъ ухватъ Настасья ломаетъ объ тебя. Ты его, пса, хорошенько, Настенька!..

— Меня?—пробовалъ отшутиться Пимка. — Ну, еще мои-то ухваты въ лѣсу не выросли... Ты, Волчище, не заѣдай: слышитъ кошка, чье мясо съѣла.

Эта выходка окончательно взорвала всѣхъ, такъ что сидѣвшіе за столомъ ямщики покатились со смѣху. Поощренный общимъ хохотомъ, Пимка разошелся окончательно и прибавилъ:

— То-то снжу я какъ-то вотъ этакъ подъ вечеръ, значитъ, лѣтомъ, а ребятенки на дорогѣ играютъ... Играли-играли, а потомъ присѣли въ канавку, да какъ по-волчьи взвоютъ...

Это былъ каламбуръ на прозвище „Волкъ“, и вся изба точно вздрогнула отъ общаго хохота, такъ что даже Волкъ смутился, не зная, что̀ отвѣтить охальнику Пимкѣ. Со двора пришли остальные ямщики и тоже хохотали. Чтобы поддержать общее настроеніе, Волкъ подошелъ къ Настасьѣ и облапилъ ее.

— Ну, что̀, Настенька, грѣха таить... Было дѣло...

Это ужъ окончательно взорвало Настасью, но она, по необъяснимой бабьей логикѣ, накинулась не на Пимку или Волка, а на своего безотвѣтнаго мужа.

— Ты это что̀ молчишь-то, плѣсень?.. А?—заголосила она „источнымъ“ голосомъ.—Тутъ цѣлая изба мужиковъ галится надъ женщиной, а онъ хоть бы слово пикнулъ!.. Какой ты мнѣ мужъ послѣ этого?!.. Другой бы мужикъ развѣ далъ свою бабу на сгалъ? А тебѣ, идолу, все одно... Охъ, согрѣшила я съ тобой!..

— Да вѣдь это все Пимка... — попробовалъ оправдываться Мизгирь, жалко моргая глазами.—Ты чего на меня-то лѣзешь?..

— Плѣсень гнилая! Тоже и скажетъ: Пимка! У Пимки въ глазахъ стыда-то и не бывало сроду... А ты нѣчанный мужъ... Да другой мужикъ убилъ бы на мѣстѣ, кабы тронули бабу-то.

За этимъ коротенькимъ супружескимъ діалогомъ послѣдовало уже совершенно неожиданное заключеніе: Настасья схватила ухватъ и бросилась съ нимъ на несчастнаго Мизгиря, который какъ-то по-дѣтски закрылъ голову руками и только старался, чтобы ухватъ попадалъ по спинѣ. Всѣ ямщики заливались хохотомъ, подливая масла въ огонь.

— Дуй его, Настенька! Катай!.. Да ты по мордѣ его, въ скулу! Еще разокъ...

Эти крики, ямщичій хохотъ и полное нежеланіе даже защищаться со стороны мужа привели Настасью въ дикое бѣшенство, и, бросивъ ухватъ, она вцѣпилась въ мужа, какъ кошка. Мизгирь какъ-то жалко пискнулъ, какъ придавленный котенокъ, и покатился съ лавки на полъ. Тутъ ужъ вступился кто-то изъ ямщиковъ и оттащилъ ополоумѣвшую бабу.

— Настасья, брось!.. Будетъ дурить!..

Настасья посмотрѣла кругомъ остановившимися дикими глазами, хотѣла что-то сказать, но только махнула рукой и съ причитаньями и воемъ бросилась въ уголъ. Мизгирь, избитый и окровавленный, медленно поднялся съ полу и медленно обвелъ глазами стоявшихъ соловьевъ. Онъ, очевидно, отыскивалъ Пимку, но тотъ во время свалки благоразумно успѣлъ выскочить во дворъ.

— На-ка, псней водицы,—предложилъ кто-то изъ ямщиковъ Мизгирю, подавая ковшъ съ водой.—Этакую бабу да убить мало! То-то стерва...

Недавнее желаніе травить несчастнаго Мизгиря смѣнилось теперь общей жалостью, потому что „развѣ можно такъ увѣчить законнаго мужа, да еще на людяхъ". Однимъ словомъ, поднялся весь порядокъ законныхъ мужскихъ чувствъ и мужской гордости. Настасья это чувствовала и не вылѣзала изъ своего угла, продолжая горько рыдать.

— Вотъ ты и разсуди бабу: кругомъ виновата и сама же реветъ, какъ корова!—резонировалъ соловей, отпаивавшій Мизгиря водой. — Хорошій бы мужъ, значитъ, который мужикъ вполнѣ, да онъ бы на мелкія части ее разорвалъ... Да онъ бы ее изволочилъ всю... Ногами бы истопталъ... Вышибъ бы дурь изъ головы...

— Оставь...—съ какой-то больной кротостью остановилъ его Мизгирь.— Промежду мужемъ да женой одинъ Богъ судья.

— Въ ногахъ бы она валялась у настоящаго мужика... Да! Какъ змѣя бы ползала, а не то, чтобы дурь свою показывать...

— Говорю: оставь,—упрашивалъ Мизгирь.

— Эхъ, ты, горе лыковое! Говорить-то съ тобой по-настоящему не стоитъ...

III.

Мнѣ не случалось обращать вниманія на семейную жизнь Мизгиря, а разсказанный выше случай открылъ многое такое, о чемъ посторонній человѣкъ могъ только догадываться. Это была мужицкая „не пара", со всѣми признаками внутренняго семейнаго разлада. Происходившая на моихъ глазахъ дикая сцена служила только выраженіемъ внутренней розни. Однимъ

словомъ, Мизгирь меня заинтересовалъ, какъ мужъ-неудачникъ, какихъ немало, но здѣсь все происходило на подкладкѣ мужицкой жизни.

На кордонѣ меня задержалъ выпавшій ночью снѣгъ. Случилось это совершенно неожиданно. Погода стояла хорошая, хотя и съ крѣпкимъ осеннимъ холодкомъ; небо было чистое, безоблачное; вѣтеръ дулъ не изъ „гнилого угла", какъ Мизгирь называлъ сѣверо-востокъ, а съ полудня. Однимъ словомъ, всѣ примѣты обѣщали хорошую погоду. Но, когда утромъ проснулись соловьи, все было покрыто снѣжной пеленой въ четверть. Такой глубокій снѣгъ на среднемъ Уралѣ выпадаетъ въ первыхъ числахъ сентября очень рѣдко, а я видѣлъ его въ первый разъ.

— Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день... — ворчалъ Волкъ, надѣвая опучи.—На саняхъ теперь въ самую пору.

Положеніе транспорта, застигнутаго снѣгомъ на половинѣ дороги, было критическое. Упавшій на сухую землю снѣгъ навертывался на колеса, какъ войлокъ, но не сидѣть же изъ-за него на кордонѣ. Соловьи перебрали весь лексиконъ своихъ крѣпкихъ словъ и тронулись въ путь только часовъ въ девять. Мизгирь проводилъ ихъ, стоя за воротами, — онъ жалѣлъ несчастныхъ лошадей, вытягивавшихъ тяжелые возы изъ послѣднихъ силъ

— Забьется богова скотинка,—проговорилъ онъ вслухъ.

Я предполагалъ вернуться домой, но очень ужъ хорошо теперь было въ лѣсу, особенно въ чернолѣсьѣ, гдѣ еще не спалъ осенній листъ. Березы, рябины, черемухи и осины просто гнулись подъ тяжестью снѣжныхъ хлопьевъ. Картина была единственная, особенно тамъ, гдѣ съ мертвой бѣлизной снѣга контрастировала сохранившаяся листва: осинники точно были обрызганы кровью, которая рѣзала глаза на бѣломъ снѣжномъ фонѣ. Я смотрѣлъ и не могъ достаточно налюбоваться—такъ было все оригинально-хорошо.

— Премудрость Божія,—объяснилъ Мизгирь, любовно оглядывая засыпанную снѣгомъ картину. — Къ урожаю ранній-то снѣгъ... Въ горахъ-то у насъ, конечно, не займуются хлѣбомъ, а по крестьянамъ идетъ повѣрье. Крестьяне-то не чета нашимъ заводскимъ: у нихъ все по-божески.

— А что̀, пойдемъ сегодня на охоту?

Мизгирь точно смутился. Помявшись немного, онъ признался, что ему жаль молодыхъ, которые еще въ первый разъ увидѣли снѣгъ.

— Тварь, а тоже чувствуетъ, — объяснилъ онъ, увлекаясь темой. — Ножки-то на снѣгу зябнутъ, ну, они всѣ по деревьямъ, какъ курицы.

— Чего же тебѣ жаль?

— А какъ же: смиренные они теперь, хошь руками бери. Потому чувствуютъ свою неустойку... Которая птица нонѣшняго лѣта, такъ ее ужъ сразу видно.

— Я молодыхъ не буду стрѣлять...

— Старыхъ пѣтуховъ, пожалуй, и можно, потому какъ хорошій хозяинъ держитъ и дома пѣтуха всего три года...

На этомъ мы и согласились. Мизгирь повелъ въ лѣсъ, и мы скоро разыскали нѣсколько выводковъ. Мучка, конечно, шла за нами, но не облаивала птицу, а только подавала убитую.

Увлекшись охотой, мы незамѣтно ушли верстъ за пять, такъ что вернулись домой только къ вечеру. Настасья за день успѣла, видимо, одуматься и конфузливо повертывалась къ мужу спиной.

— Что̀, стыдно, небось, рожѣ-то? — корилъ Мизгирь. — Каку моду придумала... Да еще по рылу норовитъ!

— Мужики проклятущіе меня подожгли, — сурово оправдывалась Настасья.—А ты молчишь, какъ пень березовый.

— А того ты не подумала, кто я тебѣ?

— Извѣстно, кто: мужъ.

— То-то вотъ и есть... Закону не понимаешь. Ты думаешь, я бы тебя не одолѣлъ, кабы на то пошло? Думаешь, большая мудрость человѣка ухватомъ обихаживать? Своихъ глазъ не стыдно, такъ постыдилась бы чужихъ...

Настасья терпѣливо сносила эту добродушную воркотню, пока въ избу не вошелъ Пимка. Картина сразу перемѣнилась.

— Да ты что̀ присталъ-то ко мнѣ, смола?—накинулась она на мужа.— Безъ тебя знаю, гдѣ моя неустойка... Ежели бы ты былъ настоящій мужикъ, какъ прочіе люди, а то вся-то тебѣ красная цѣна: недоносокъ.

Пимка не вступался въ разговоръ, но его присутствіе видимо раздражало Настасью. Мизгирь тоже какъ-то весь съежился и сразу замолчалъ. Въ этой сценѣ было что-то недосказанное. По пути Настасья побила подвернувшуюся подъ-руку дѣвчонку, швырнула какой-то горшокъ и вообще обнаружила явные признаки сильнаго раздраженія. Мизгирь забрался на печку и только вздыхалъ. Мужицкая обида тяжела и ложится на душу камнемъ, не то что легкое господское горе, которое все наверху. Годами она вынашивается, годами накипаетъ, пока не прорвется какимъ-нибудь мужицкимъ случаемъ, большею частью изъ-за пустяковъ.

Утромъ на другой день я отправился домой. Меня везъ на охотничьихъ пошевняхъ Пимка, а Мучка изъ вѣжливости провожала версты три. Хорошо было ѣхать по молодому снѣгу, не тронутому еще ни однимъ пятнышкомъ. Лѣсъ стоялъ въ снѣговомъ покровѣ, какъ очарованный, точно въ какомъ-то сказочномъ царствѣ. Небо какъ-то сразу потеряло всѣ краски, побѣлѣло по-зимнему, но яркій матовый свѣтъ заставлялъ жмуриться. Мохноногая лошадка бѣжала безъ понуканья, легко и свободно, точно и она радовалась легкому зимнему пути. Пимка правилъ довольно небрежно и все насвистывалъ.

— Пимка, тебѣ не совѣстно?—спросилъ я.

— Это насчетъ третьеводнишняго, баринъ?—отвѣтилъ онъ, поворачивая ко мнѣ свое безбородое круглое лицо.—А я тутъ ни два ни полтора... Грѣшатъ они промежду себя постоянно, можно сказать, безъ утиху грѣшатъ. Извѣстно, дура эта Настасья, потому какъ видѣла, за кого замужъ шла.

— Она не любитъ мужа?

— А кто его знаетъ... Поѣдомъ ѣстъ, а Мизгирь молчитъ. Ну, она, обыкновенно, пуще злится... Кабы настоящій мужикъ былъ, такъ онъ бы ее по первому слову выворотилъ наскрозь.

— Зачѣмъ же ты бѣса подпускаешь?..

— Да такъ... Надоѣло мнѣ на кордонѣ жить до смерти: лѣсъ кругомъ. Праздникъ придетъ, а ты не знаешь, куда дѣваться... Одурѣешь отъ этакой жисти. Ну, соловьи пріѣдутъ, все же на-людяхъ какъ будто и веселѣе...

Помолчавъ немного, Пимка опять повернулся ко мнѣ и убѣжденно проговорилъ:

— Все-таки она его любитъ, значитъ, Настасья-то... Какъ-то онъ по веснѣ разнемогся, такъ она ревмя реветъ, а выздоровѣлъ — опять грѣшитъ.

— А ты давно живешь на кордонѣ?

— Да ужъ лѣтъ съ десять будетъ. Полюбила собака палку—такъ и я. Отбился отъ другой всякой работы, измотыжился. Вотъ погляжу еще съ годокъ, да въ транспортные опредѣлюсь, баринъ. А что̀ касаемо Мизгиря, такъ вѣдь я не со зла шутку сшучу иной разъ. Конечно, кабы настоящій онъ мужикъ, такъ тоже не посмѣлъ бы я озорничать-то...

Незадолго передъ Рождествомъ ко мнѣ завернулъ Мизгирь. Онъ привезъ

цѣлый мѣшокъ съ морожеными налимами, которыхъ ловилъ въ это время въ своей рѣчкѣ Шипишной по какимъ-то ямамъ и омутамъ. Мизгирь вытряхивалъ мѣшокъ, и мерзлая рыба разсыпалась, какъ раздернутая связка крендедей. Налимы рѣдко замерзаютъ клиномъ, какъ другая рыба, а непремѣнно изовьются въ разныя фигуры. Можно мерзлаго налима разломить, какъ сухарь. Но если такую мерзлую рыбу оттаять постепенно, то она оживаетъ, и недавніе мерзлые крендели начинаютъ ползать по полу. Какъ мнѣ разсказывали, положенные въ пирогъ, они выползали изъ тѣста въ печи. Послѣдняго я не видалъ, а какъ они оживали на полу—наблюдалъ много разъ. Не знаю, сколько времени можетъ сохраняться эта живучесть, но во всякомъ случаѣ она заслуживаетъ вниманія.

— Ну, что новенькаго, Мизгирь?—спрашивалъ я своего гостя.

— Да все то же, что и раньше... Волки нонѣ одолѣваютъ.

Мизгирь замѣтно похудѣлъ и выглядѣлъ еще меньше. Я предложилъ стаканчикъ водки, но онъ отказался.

— Не потребляю... Будетъ. И то грѣховъ-то накопилъ достаточно...

— А здоровьемъ какъ?

— Ничего, слава Богу. По веснѣ меня прижало будто, а теперь ничего. Настасья наказала кланяться...

— Часто ссоритесь, или нѣтъ?

— Бываетъ... Карахтерная она у меня, а такъ ничего. Проворная баба, другой-то такой поискать...

Помолчавъ немного, онъ проговорилъ съ какой-то дѣтской улыбкой:

— Недавно она у меня прощенья просила, значитъ, Настасья... Вѣрно говорю.

— Опять, вѣроятно, побила тебя?

— Около этого... Только я се-то, Настасьину драку, ни во что кладу: себя она не помнитъ, когда въ карахтеръ свой войдетъ. Конечно, объ стѣну головой тоже не бьется, все меня норовитъ благословить чѣмъ попадя... Это есть. А только и другое надо разсудить, баринъ: сегодня транспортные, завтра транспортные,—своимъ хозяйствомъ другая-то баба едва управляется, а Настасья вонъ какую страсть воротитъ. Работа работой, а потомъ тутъ еще озорство да высмѣхи, а бабье сердце тутъ и есть: вскипѣло и готово. Ежели бы намъ такъ устроиться, чтобы не на людяхъ,—другой совсѣмъ разговоръ. Конечно, привыкъ я къ лѣсу, обжился вотъ какъ, а все-таки думаю бросить кордонъ... Ну его совсѣмъ!

— Куда же ты думаешь?

— А въ крестьяне уйду... Въ ордѣ*), сказываютъ, земли много пустуетъ. Вотъ и уйду въ орду... Хлѣбъ буду сѣять, хозяйство заведу, а по зимамъ въ кузницѣ буду робить, потому какъ къ этому дѣлу я сызмала свыченъ. Непремѣнно уйду... Надоѣло.

IV.

Вскорѣ послѣ этого визита Мизгиря разнеслась страшная вѣсть о разыгравшейся на Шипишинскомъ кордонѣ драмѣ. Дѣло случилось передъ самымъ Рождествомъ, когда проходилъ послѣдній передъ праздникомъ транспортъ желѣза изъ Галчинскаго завода на пристань Уралку. Разыгрался буранъ, и транспортъ заночевалъ на кордонѣ. Соловьи размѣстились ночевать

*) Ордой заводскіе называютъ и Башкирію и казачьи земли Оренбургской губерніи.

въ избѣ, и въ числѣ другихъ уже знакомый мнѣ Волкъ. Мизгирь съ вечера еще обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что самъ предложилъ лучшее мѣсто на лежанкѣ у печки именно Волку. Улеглись спать и заснули мертвымъ ямщичьимъ сномъ. Но въ глухую ночь всѣ повскакали отъ неистоваго крика Настасьи:

— Убилъ!.. Ой, батюшки, убилъ!—голосила она въ темнотѣ благимъ матомъ.

Когда зажгли огонь, представилась ужасная картина: на лежанкѣ у печки лежалъ ямщикъ съ отрубленной головой, а Мизгирь спокойно сидѣлъ въ уголкѣ у двери и даже улыбался. Убитымъ оказался какой-то Спиридонъ Нѣмтырь,—у каждаго соловья была своя кличка въ артели...

— Это я убилъ... вяжите...—спокойно заявилъ Мизгирь

Его, конечно, сейчасъ же принялись вязать, и тутъ только выяснилась роковая ошибка: Мизгирь хотѣлъ убить Волка, а по ошибкѣ убилъ Нѣмтыря. Случилось это потому, что Волкъ ночью выходилъ на дворъ посмотрѣть лошадей, а Нѣмтырь, спавшій на полу, захотѣлъ пошутить и занялъ его теплое мѣсто у печки, да сейчасъ же и заснулъ мертвымъ сномъ. Вернувшись въ избу, Волкъ нашелъ свое мѣсто занятымъ и спокойно улегся спать на полу. Можно себѣ представить изумленіе Мизгиря, когда къ нему съ веревкой въ рукахъ подошелъ тотъ самый Волкъ, котораго онъ считалъ убитымъ. Это была ужасная минута. Мизгирь бросился на Волка, какъ кошка, и вцѣпился въ него зубами, но тотъ одной рукой поднялъ его на воздухъ и связалъ, какъ бабы пеленаютъ ребятъ. Только тутъ обезсилившій Мизгирь окончательно пришелъ въ себя и заплакалъ.

Всего удивительнѣе въ этой драмѣ было то, что убійцей явился Мизгирь, тотъ самый Мизгирь, который не могъ зарѣзать курицы и не выносилъ вида крови. Ямщики такъ бы и проспали до утра, не услышавъ ничего, если бы не проснулась Настасья, разбуженная ударомъ топора,—Мизгирь рубилъ предполагаемаго Волка со всего плеча и въ темнотѣ нѣсколько разъ промахнулся. Настасья въ темнотѣ не разглядѣла, кто и кого рубитъ.

Дальше все пошло обычнымъ путемъ. „Пригналъ“ урядникъ и произвелъ полицейское дознаніе, потомъ явился слѣдователь и произвелъ слѣдствіе, а затѣмъ Мизгирь былъ препровожденъ въ тюрьму для предварительнаго заключенія. Я постарался увидѣть слѣдователя и разспросилъ о подробностяхъ дѣла.

— Психопатъ какой-то, — объяснилъ представитель Ѳемиды: — хотѣлъ убить одного, а убилъ другого... Въ моей практикѣ это третій случай. Если что интересно въ этомъ дѣлѣ, такъ это его романическая подкладка. Свидѣтельскими показаніями установленъ фактъ, что единственный мотивъ — ревность... Въ моей практикѣ такихъ случаевъ десятки. А въ сущности, самое глупое дѣло, и собственно слѣдователю тутъ почти дѣлать нечего. Все какъ на ладони, да и убивецъ даетъ чистосердечное показаніе.

Какъ оказалось потомъ, слѣдователь слишкомъ ужъ положился на свою опытность: дѣло оказалось совсѣмъ не простымъ.

Въ Галчинскій заводъ черезъ каждые два мѣсяца выѣзжала сессія ...скаго окружнаго суда. Дѣлъ было достаточно, такъ что дѣло Мизгиря дождалось своей очереди только черезъ годъ. Я нарочно отправился въ Галчинскій заводъ, чтобы присутствовать на разбирательствѣ. Помѣщеніе для суда было маленькое, публики много, такъ что и судьи и присяжные обливались потомъ, а съ однимъ присяжнымъ сдѣлалось дурно. Мизгирь на скамьѣ подсудимыхъ казался совсѣмъ мальчикомъ и меньше всего походилъ на убійцу.

Меня поразило лицо Мизгиря: точно оно выцвѣло въ тюрьмѣ—такое блѣдное-блѣдное, совсѣмъ восковое. На немъ застыла торжественная покорность своей судьбѣ и не было даже тѣни непріятной арестантской рисовки. Онъ сидѣлъ цѣлые часы совершенно неподвижно, стараясь не проронить ни одного слова. Мнѣ казалось, что онъ все время молился.

Самой интересной частью процесса, конечно, былъ допросъ самого подсудимаго и свидѣтелей.

— Признаёте ли вы себя виновнымъ, Сидоръ Парфеновъ?—спрашивалъ стереотипной формулой предсѣдатель.

— Мое дѣло...—глухо отвѣтилъ Мизгирь, не шевельнувшись. — Врагъ попуталъ, ваше высокоблагородіе. Не думалъ, что Господь приведетъ на подсудимую скамью...

Затѣмъ онъ такъ же спокойно и съ мельчайшими подробностями разсказалъ послѣдовательный ходъ событій: какъ женился, какъ поселился на кордонѣ, какъ жилъ согласно съ женой, и какъ закралось въ его душу первое подозрѣніе. Мужицкая ревность накоплялась годами, но онъ старался не вѣрить самому себѣ и сдерживался. Жена часто взъѣдалась на него, даже била и срамила при другихъ, но все это было пустяками передъ ревностью, охватившей его года два назадъ. Транспортные не шли съ ума, а тутъ еще Пимка „подсуживалъ“ да поднималъ на смѣхъ.

— А я все сумлѣвался...—разсказывалъ Мизгирь съ своимъ трогательнымъ спокойствіемъ:—все сумлѣвался, пока не увидалъ своими глазами...

Онъ тяжело замолчалъ, точно уперся въ стѣну.

— Что же, вы были свидѣтелемъ невѣрности вашей жены? — спросилъ предсѣдатель, помогая ему перейти затрудненіе.

Мизгирь не понялъ вопроса, а когда ему предложили его въ другой формѣ, махнулъ рукой.

— Зачѣмъ свидѣтелемъ?.. Не таковское дѣло, а тутъ совсѣмъ другое. Старшему мальчонкѣ, значитъ, Николкѣ, девятый годокъ пошелъ. Ну, какъ-то гляжу я на него, а меня точно кто ножомъ полыхнулъ: вылитый Волкъ... Затрясло меня, въ глазахъ все измѣшалось—смерть моя пришла. Гляжу на другихъ ребятъ, и въ нихъ тоже вся Волчья кровь, а моего ничего. Тутъ меня и угризло. День и ночь одно это думаю: сна лишился, ѣды не принимаю, а все думаю. Извѣстно, ребята на глазахъ вертятся, а меня это еще пуще разнимаетъ. Всю осень я такъ-то терпѣлъ, а потомъ и порѣшилъ кончить Волка... Раньше все обдумалъ, куда его положить, и топоръ припасъ. Ну, а тутъ ужъ моя неустойка вышла, что другой подвернулся въ темнотѣ.

Обдуманное намѣреніе было налицо, и Мизгирь самъ надѣвалъ себѣ петлю на шею; но онъ былъ радъ повѣдать всѣмъ, что перестрадалъ, и ничего не утаивалъ.

Свидѣтелей набралось около десяти человѣкъ, все соловьи, а затѣмъ Настасья и подручный Пимка. Изъ соловьевъ заинтересовалъ публику только одинъ Волкъ, когда защитникъ Мизгиря началъ допрашивать о его отношеніяхъ къ Настасьѣ.

— Вы находились въ близкихъ отношеніяхъ съ ней?

— Извѣстно, въ близкихъ... На что ближе: она намъ стряпала, а мы ѣли. Тоже намаешься дорогой-то, особливо зимой, продрогнешь, а у Настасьи все ужъ готово, только паръ идетъ...

— А вы не знаете, почему Парфеновъ хотѣлъ именно васъ убить?..

— Это Мизгирь-то? Извѣстно, не отъ ума...

Допросъ Пимки тоже ничего не выяснилъ, потому что подручный несъ

невозможную околесную и даже увѣрялъ, что Мизгирь разъ „засталъ" Волка и Настасью вмѣстѣ. Онъ перепуталъ данное показаніе на предварительномъ слѣдствіи и все старался оговорить Волка. Такъ отъ него и не добились правды, хотя Пимка долженъ былъ знать больше другихъ.

Послѣдней свидѣтельницей являлась Настасья. Она едва держалась на ногахъ. Когда приставъ указалъ ей мѣсто, гдѣ стоять, Настасья перекрестилась и бухнулась ему въ ноги.

— Мое дѣло, ваше высокоблагородіе, — заговорила она торопливо, съ своимъ рѣшительнымъ видомъ.—Кругомъ виновата по своей женской части, потому какъ спуталась съ подручнымъ... Изъ-за него и все дѣло вышло. Мой грѣхъ... А Волкъ тутъ ни при чемъ. Это Пимка придумалъ, чтобы прикрыться Волкомъ, и травилъ мово мужа. И дѣти отъ Пимки... Ну, ему тоже совѣстно, вотъ онъ и удумалъ на Волка.

Произошла самая раздирательная сцена, когда Настасья повинилась въ своемъ бабьемъ грѣхѣ. Она такъ разревѣлась, что предсѣдатель велѣлъ ее вывести.

Послѣ короткаго совѣщанія присяжные вынесли Мизгирю обвинительный приговоръ. Онъ выслушалъ его спокойно и перекрестился. Судъ приговорилъ его въ каторжныя работы.

Послѣднимъ словомъ этой мужицкой драмы было то, что Настасья изъявила непремѣнное желаніе слѣдовать за мужемъ и черезъ полгода ушла въ Сибирь за арестантской партіей.

1891.

ПИРЪ ГОРОЙ.

Повѣсть.

I.

Надъ озеромъ Увѣкъ спускался весенній вечеръ. Скиты стояли на правомъ, высокомъ берегу, въ тѣни вѣкового бора, отъ котораго потянулись длинныя тѣни. На низинахъ и по оврагамъ еще лежалъ рыхлый почернѣвшій снѣгъ, а на пригрѣвѣ уже чернѣла земля и топорщилась прошлогодняя сухая и желтая трава. Избитая и почернѣвшая дорога шла къ скитамъ отъ громаднаго селенья, задегшаго на низкомъ озерномъ берегу верстъ на пять. Селенье называлось тоже Увѣкомъ, какъ и озеро. Зимой въ скиты ѣздили прямо по озеру, а сейчасъ уже выступили желтыя наледи, и дорога шла горой. Именно по этой дорогѣ и шелъ странникъ, мужикъ лѣтъ пятидесяти, съ обвѣтрѣлымъ и загорѣлымъ лицомъ. За плечами у него болталась небольшая котомка, прикрѣпленная къ берестяному обочью, какія дѣлаютъ въ Сибири; въ рукахъ была тяжелая черемуховая палка, точно изгрызенная съ одного конца,—она говорила о далекомъ пути.

Странникъ остановился на угорьѣ и невольно полюбовался развертывавшейся передъ нимъ широкой картиной. Да, хорошее мѣсто Увѣкъ, — недаромъ слава о немъ прошла на большія тысячи верстъ, а увѣкскіе скиты приманивали къ себѣ тысячи богомольцевъ. И озеро хорошо, верстъ на пятнадцать, а кругомъ лѣсистыя горы. Въ дальнемъ концѣ озера зелеными шапками выдѣлялись острова.

— Угодное мѣсто...—проговорилъ странникъ и перекрестился.

Долго онъ шелъ сюда, а теперь оставалось сдѣлать всего нѣсколько шаговъ. Вотъ ужъ привѣтливо смотрятъ бревенчатыя скитскія избы и старая деревянная моленная и цѣлый рядъ хозяйственныхъ пристроекъ. Все это вмѣстѣ обнесено было высокимъ деревяннымъ заплотомъ (заборомъ), а большія шатровыя ворота всегда были на запорѣ. Около воротъ однимъ маленькимъ волсковымъ оконцемъ глядѣла небольшая избушка, въ которой жила сестра-вратарь. Къ ней и направился странникъ. Онъ постучалъ въ оконце и помолитвовался.

— Господи, Исусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ

Отвѣта пришлось подождать. Странникъ посмотрѣлъ на деревянную полочку, придѣланную къ окну съ лѣвой стороны, и улыбнулся. На полочкѣ лежалъ кусокъ хлѣба для заблудящаго страннаго человѣка,—исконный сибирскій обычай. Только на второе молитвованье въ окошечко „отдали аминь“ и показалась старушечья голова, замотанная платкомъ.

— Аминь добрый человѣкъ... Кого тебѣ, миленькій?

— А Якова Трофимыча, мать честная...

— Якова Трофимыча? Нѣту у насъ такого, миленькій...

— Какъ нѣту?.. Долженъ быть.

— А вотъ и нѣтъ...

Голова быстро скрылась, а окно сердито захлопнулось. Странинку пришлось молитвоваться въ третій разъ и ждать дольше. Крѣпко живутъ старицы.

— Что ты привязался-то? — ворчала старушечья голова, пріотворяя оконце вполовину.—Сказано: нѣтъ. Иди своей дорогой, миленькій...

— А ежели у меня грамотка къ матери Анѳусѣ?..

Строгіе старушечьи глаза посмотрѣли на странника довольно внимательно, точно взвѣшивали его.

— Погоди ужо...—отвѣтила старуха и скрылась.

Опять странникъ остался у воротъ. Солнце уже сѣло, и потянуло рѣзкимъ весеннимъ холодкомъ. Съ Увѣка доносился хриплый лай цѣпныхъ собакъ,—селенье раскольничье, и жили въ немъ по старинѣ, крѣпко.

— Угодное мѣсто... — еще разъ проговорилъ странникъ, подсаживаясь на приворотную скамейку.—Боголюбивые народы недаромъ строились... Вонъ какъ селитьба-то разлеглась, верстъ на шесть по берегу будетъ.

— Кто тамъ хрещеный?—послышался голосъ въ окнѣ.

Теперь выглянуло уже другое лицо, помоложе, въ черной монашеской шапочкѣ.

— Дѣльце есть небольшое...

— Да ты самъ-то кто будешь?

— Я-то? Ну, я, видно, дальній, а завернулъ въ обитель съ грамоткой отъ отца Мисаила... Крѣпко наказалъ кланяться и грамотку прислалъ.

— Давай грамотку-то...

— Не могу, честная старица: наказано матери Анѳусѣ въ собственныя руки, а не иначе этого.

Скитскія старицы пошептались, и только послѣ этихъ переговоровъ тяжело громыхнулъ монастырскій желѣзный затворъ. Когда странникъ вошелъ въ калитку, его еще разъ осмотрѣли и потомъ уже пустили дальше.

Скитскій дворъ занималъ большую площадь, обставленную простыми бревенчатыми избами. Самая большая была келарней. Дворъ былъ вычищенъ, а оставшійся снѣгъ таялъ большими кучами въ сторонѣ. Скитницы жили уютно и обихаживали свой укромный уголокъ съ охотой, какъ рабочія пчелки. Сестра-вратарь провела пришельца въ ближайшую избу съ высокимъ крыльцомъ, гдѣ и жила сама честная мать Анѳуса.

— Ужо, подожди здѣсь...—остановила гостя сестра-вратарь, поднимаясь на крыльцо.

Въ окошкѣ показалось молодое дѣвичье лицо и посмотрѣло на странника удивленными сѣрыми глазами. Это была совсѣмъ молодая дѣвушка, лѣтъ шестнадцати, и ея лицо казалось еще моложе отъ черной скитской шапочки, въ какихъ ходятъ послушницы. Потомъ это лицо сдѣлало знакъ страннику итти въ избу. Послушница встрѣтила его въ полутемныхъ сѣняхъ и повела въ заднюю избу. Она была такая высокая и стройная, такъ что странникъ даже полюбовался про себя. Хороши на Увѣкѣ послушницы, нечего сказать!..

Войдя въ избу, странникъ положилъ началъ и, поклонившись сидѣвшей на лавкѣ толстой старухѣ, проговорилъ:

— Прости, матушка, благослови, матушка...

— Богъ тебя проститъ, странничекъ, Богъ благословитъ,—не по лѣтамъ пѣвуче отвѣтила старуха, оглядывая гостя.—Отъ Мисаила сказался?

— Отъ его, видно,—отвѣтилъ странникъ, добывая изъ-за пазухи кожаный кошель.—Вотъ тебѣ и грамотка, честная мать...

Старуха взяла сложенную трубочкой засаленную грамотку, внимательно ее осмотрѣла и проговорила:

— Егоръ-то Иванычъ дожидаетъ тебя. Нарочно сегодня пригналъ изъ городу... Спиридономъ тебя звать? Такъ, такъ... Давненько про тебя пали слухи. Аннушка, проведи ты его къ Якову Трофимычу...

Послушница низко поклонилась и, опустивъ по-скитски глаза, вышла изъ избы. Спиридонъ, отвѣсивъ поклонъ честной матери, пошелъ за ней. Они опять вышли на дворъ. Дѣвушка повела его въ дальній уголъ, гдѣ двумя освѣщенными окнами глядѣлъ новенькій бревенчатый флигелекъ, поставленный въ усторонье.

— Изъ тайги пришелъ? спрашивала послушница, легкой тѣнью двигаясь въ темнотѣ.

— Оттедова, голубушка... А ты кто такая здѣсь будешь?

— Я-то? А дочь Егора Иваныча... Мамынька-то у меня померла, ну, тятя сюда меня и отдалъ подъ началъ матери Анѳусѣ. Четвертый годъ здѣсь проживаюсь...

— Такъ, такъ...

У флигеля пришлось опять молитвоваться, пока въ волоковомъ оконцѣ не показалось блѣдное женское лицо.

— Это ты, Аннушка?

— Я, Агнія Ефимовна... Вотъ привела къ вамъ таежнаго мужика.

Окно захлопнулось. Потомъ гдѣ-то скрипнула дверь, и въ сѣняхъ показался колебавшійся свѣтъ. Агнія Ефимовна сама отворила сѣни и впустила гостя. Онъ снялъ шапку и вошелъ въ низенькую горницу, слабо освѣщенную нагорѣвшей сальной свѣчой. У стола въ переднемъ углу сидѣли два старика — одинъ совсѣмъ лысый, съ закрытыми глазами, другой плотный и коренастый, съ цѣлой шапкой сѣдыхъ кудрей и строгими сѣрыми глазами. Спиридонъ по этимъ глазамъ узналъ въ немъ отца Аннушки. Положивъ началъ, онъ поклонился и сталъ у двери. Аннушка передала грамотку отцу и ушла съ Агніей Ефимовной въ сосѣднюю горницу, притворивъ за собой дверь.

Егоръ Иванычъ надѣлъ большія очки въ мѣдной оправѣ и принялся читать грамотку Мисаила. Читалъ онъ долго, поглаживая сѣдую бороду и изрѣдка взглядывая поверхъ очковъ на стоявшаго у дверей странника. Слѣпой лысый старикъ сидѣлъ понуро на своемъ мѣстѣ и жевалъ губами.

— Ну что?—спросилъ слѣпой, когда Егоръ Иванычъ снялъ очки и началъ ихъ укладывать въ мѣдный футляръ.

— А вотъ спросимъ Спиридона,—отвѣтилъ Егоръ Иванычъ.—Ну, Спиридонъ, что ты намъ скажешь?

Спиридонъ тяжело переступилъ съ ноги на ногу, опять вытащилъ изъ-за пазухи свой кожаный кошель, добылъ изъ него что-то завернутое въ тряпочку, развязалъ ее зубами и положилъ на столъ. На тряпочкѣ ярко желтѣло мелкое золото.

— Вотъ оно самое...—тихо проговорилъ онъ, оглядываясь на запертую дверь.

— Можетъ, у бухарцевъ купилъ?—недовѣрчиво спрашивалъ Егоръ Иванычъ, перегребая пальцемъ золотой порошокъ.

— Нѣтъ, самъ добылъ, Егоръ Иванычъ... На охотѣ съ орочономъ встрѣтился, а онъ мнѣ и указалъ мѣсто. Могу доказать... Богачество, Егоръ Иванычъ!.. Ежели бы Господь благословилъ, такъ большія тысячи можно въ тайгѣ добыть...

II.

Слухи о сибирскомъ золотѣ ходили уже давно среди уральскихъ раскольниковъ, особенно среди тѣхъ изъ нихъ, которые вели крупныя торговыя дѣла съ Киргизской степью. Егоръ Иванычъ выросъ въ подручныхъ у крупныхъ торговцевъ саломъ, Ивановыхъ, и не одинъ годъ провелъ въ степи. Тамъ, на степныхъ стойбищахъ, въ киргизскихъ аулахъ и кибиткахъ, онъ слышалъ десятки разсказовъ о сибирскомъ золотѣ, скрытомъ въ глубинахъ непроходимой тайги, какъ завѣтный кладъ. Эти разсказы переходили изъ рода въ родъ, и никому еще до сихъ поръ не удалось добраться до сокровища, несмотря на очень смѣлыя попытки, какъ, напримѣръ, исторія знаменитыхъ братьевъ Поповыхъ, положившихъ на это дѣло милліоны. Егоръ Иванычъ успѣлъ состариться, а сокровище оставалось нетронутымъ. И вотъ теперь, когда его голова уже покрылась первымъ снѣгомъ, оно само пришло къ нему, это сокровище. Во всей исторіи было что-то сказочное: и Спиридонъ, и старецъ Мисаилъ, и слухи, которые опередили Спиридона. Самъ Спиридонъ не внушалъ Егору Иванычу довѣрія: мало ли по Сибири такихъ бродягъ шатается. Просто, купилъ у бухарцевъ золота и подманиваетъ.

— Ну, вотъ что̀, милъ другъ, утро вечера мудренѣе, — строго проговорилъ Егоръ Иванычъ, поднимаясь съ мѣста.—Сегодня ты ступай въ Увѣкъ, тамъ заночуешь. Третья изба съ краю... Скажи, что Егоръ Иванычъ прислалъ. Да смотри: ѣшь пирогъ съ грибами, а языкъ держи за зубами.

Мужикъ посмотрѣлъ на Егора Иваныча исподлобья, какъ настоящій травленый волкъ, а потомъ свернулъ свою тряпочку съ золотомъ и отвѣтилъ:

— Что̀ же тутъ держать-то: я никого не неволю. Дѣло полюбовное, Егоръ Иванычъ.

Егоръ Иванычъ покраснѣлъ, но сдержался и только сухо замѣтилъ:

— Что̀ же, другимъ понесешь золото?

— А хошь бы и такъ... Вѣдь ты меня не купилъ. Говорю: любовное дѣло. Брюхо за хлѣбомъ не ходитъ...

— Какъ ты сказалъ, милъ человѣкъ?

— А такъ и сказалъ... Сначала коня запрягаютъ, а потомъ въ сани садятся. Я-то вотъ тыщи съ три верстовъ отмѣрялъ до тебя, а ты меня пирожкомъ накормилъ...

У Егора Иваныча глаза потемнѣли отъ бѣшенства,—очень ужъ дерзкій мужиченка,—но онъ переломилъ себя и только замѣтилъ:

— Зубы-то, милъ человѣкъ, побереги. Пригодятся...

— У волка въ зубѣ—Егорій далъ!—смѣло отвѣтилъ странникъ.

Когда онъ вышелъ, Егоръ Иванычъ громко ударилъ по столу кулакомъ.

— Нѣтъ, какъ онъ разговариваетъ-то, челдонъ?!.. — кричалъ старикъ, давая волю накопившемуся негодованію.—Слышалъ, Яковъ Трофимычъ?

— Какъ не слышать... — равнодушно подтвердилъ слѣпой. — Значитъ, вполнѣ надѣется оправдать себя, ежели такія слова выражаетъ. И то сказать, что̀ ему кланяться намъ со своимъ золотомъ.,.

— Да вѣдь это еще въ трубѣ углемъ написано, его-то золото!.. Надо его еще найти, а онъ впередъ на дыбы поднимается... Однимъ словомъ, варнакъ...

— Не великъ, видно, звѣрь, да лапистъ. А Мисаилъ-то что̀ пишетъ?

— Да вотъ послушай, Яковъ Трофимычъ... Очень ужъ увѣрился старичокъ вотъ въ этомъ самомъ Спиридонѣ. Какъ бы ошибки не вышло...

Егоръ Иванычъ опять осѣдлалъ свой носъ очками, развернулъ грамотку и только приготовился читать, какъ въ горницу вошли Агнія Ефимовна и Аннушка. Старикъ нахмурился и проговорилъ, обращаясь къ дочери:

— Анна, ты иди-ка къ себѣ въ келью. Не бабьяго это ума дѣло, чтобы наши разговоры слушать...

Послушница простилась и вышла, а Агнія Ефимовна, какъ ни въ чемъ не бывало, подсѣла къ мужу, положила къ нему руку на плечо и вызывающе посмотрѣла на сердитаго гостя своими большими карими глазами. Егоръ Иванычъ вскочилъ и грузно заходилъ по комнатѣ.

— Ну, что же Мисаилъ-то?—спросилъ слѣпой.

— Ахъ, отстань... Терпѣть ненавижу, когда, напримѣрно, всякая баба будетъ носъ совать не въ свое дѣло. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ...

— Куда же мнѣ итти отъ слѣпого мужа?—спрашивала Агнія Ефимовна самымъ простымъ тономъ.—Онъ какъ малый ребенокъ безъ меня...

— Не тронь ее, Егоръ Иванычъ,—вступился за жену слѣпой.—Она у меня разумница... Не бойсь, не разболтаетъ, чего не слѣдуетъ. Ты, Агнюшка, не бойся...

— И то не боюсь, Яковъ Трофимычъ. Не какая-нибудь, а мужняя жена. Некуда мнѣ уходить-то...

Агнія Ефимовна была еще молода, всего по тридцатому году, и сохраняла еще свою женскую красоту. Лицо у нея было тонкое, бѣлое, носъ съ легкой горбинкой, брови черныя, губы алыя; сидѣнье въ скитскомъ затворѣ около слѣпого мужа придавало этому лицу особенную женскую прелесть. Вывезъ жену Яковъ Трофимычъ откуда-то съ Волги, когда зрячимъ ѣздилъ по своимъ дѣламъ въ Нижній. Егоръ Иванычъ какъ-то инстинктивно не любилъ вотъ эту Агнію Ефимовну, правильнѣе сказать—не вѣрилъ ни ея ласковому бабьему голосу, ни этому смиренному взгляду, ни ея любви къ мужу. Сейчасъ въ особенности старикъ ненавидѣлъ эту женскую прелесть, мѣшавшую дѣлать большое мужское дѣло.

— Ну что же ты, Егоръ Иванычъ?—спрашивалъ слѣпой.—Что тебѣ Мисаилъ-то пишетъ?

— Не мнѣ, а матери Анѳусѣ,—поправилъ его Егоръ Иванычъ.—Дѣло не въ письмѣ, Яковъ Трофимычъ... Нѣтъ, не могу я съ тобой по-сурьезному разговоры разговаривать!..

Слѣпой тихо засмѣялся, откинувъ назадъ голову. Агнія Ефимовна поднялась, выпрямилась и заговорила твердымъ голосомъ:

— Ты не можешь, Егоръ Иванычъ, такъ я тебѣ скажу...

— Ну, ну, скажи,—подзадоривалъ старикъ, усаживаясь къ столу.—Въ чемъ дѣло, Агнія Ефимовна? Поучите насъ, дураковъ...

— Приходится, видно, поучать... Зачѣмъ Спиридона отвелъ сейчасъ? Характеръ свой захотѣлъ потѣшить?.. Только одно забылъ, что этотъ Спиридонъ изъ тайги сюда три мѣсяца шелъ, что, ежели бы его поймали на дорогѣ съ золотомъ, такъ ни дна бы ни покрышки онъ не взвидѣлъ, что... Однимъ словомъ, нужный человѣкъ, а ты ему ни два ни полтора.

— Вѣрно, Агнюшка, — поддакивалъ слѣпой. — И я то же говорилъ... Егоръ Иванычъ, ты не серчай, а у насъ все заодно: у одного на умѣ, а у другого на языкѣ.

— Такъ, такъ... Правильно!—иронически согласился Егоръ Иванычъ.— Еще не скажешь ли чего, матушка Агнія Ефимовна? Откедова ты это все вызнала-то, скажи-ка поперѣе всего?

— А сорока на хвостѣ принесла...

— А не сказала тебѣ сорока, чего будетъ стоить эта игрушка со Спи-ридономъ?

— Тысячъ на тридцать можно обернуться...

— А гдѣ ихъ взять?

— Яковъ Трофимычъ дастъ... Дѣло вѣрное, ежели старецъ Мисаилъ одобритъ. Не таковскій человѣкъ, чтобы зря говорить.

Егоръ Иванычъ поднялся, прошелся по комнатѣ, остановился около слѣпого и проговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— Дашь, что ли, Яковъ Трофимычъ, ежели дѣло на то пойдетъ? Мисаилъ-то пишетъ, дѣйствительно, того...

— Дать, Агнюшка?—спрашивалъ слѣпой.

— Ежели старецъ Мисаилъ благословляетъ, такъ, извѣстно, дать,—рѣшила Агнія Ефимовна.—Ему-то ближе нашего знать...

Егоръ Иванычъ стоялъ и молча смотрѣлъ на мудреную бабу. Охъ, сколько человѣческая слабость, особливо, когда бѣсъ прикачнется чуть на такой надъ, съ бабьими лестными словами... И самъ онъ то же думалъ, только не хотѣлъ показывать виду, а баба все и вывела на свѣжую воду, какъ пить дала...

— А ты бы, Агнія Ефимовна, все-таки вышла бы лучше въ свою горенку,—проговорилъ Егоръ Иванычъ, выдерживая характеръ.—Баба-то „такъ" поромъ по водѣ плаваетъ...

— Не тронь ты ее!..—взмолился слѣпой.—Она у меня вмѣсто глаза. Поговоримъ ладомъ... Что она, что я—разговоръ одинъ.

— А ежели не привыкъ я съ бабьемъ разговаривать? Ну, да дѣло твое... Немощь тебя обуяла, Яковъ Трофимычъ. Оно и взыскивать не съ кого... Я то такъ, къ слову пришлось.

Бесѣда задлилась во флигелькѣ за полночь. Говорилъ одинъ Егоръ Иванычъ, обсуждая новое дѣло со всѣхъ сторонъ. Агнія Ефимовна все время не проронила ни одного слова, точно воды въ ротъ набрала. Въ концѣ концовъ состоялось соглашеніе, и старики ударили по рукамъ.

— По первопутку поѣду въ тайгу со Спиридономъ самъ,—говорилъ Егоръ Иванычъ.—А тамъ, что Богъ дастъ...

Агнія Ефимовна вышла провожать старика въ сѣни и, стоя на порогѣ, проговорила:

— Моя любая половина, Егоръ Иванычъ.

— Изъ чего это половина-то?

— А изъ чистыхъ барышей...

Старикъ только тряхнулъ головой: чортъ, а не баба.

III.

Появленіе Спиридона въ Увѣкѣ надѣлало шуму во всемъ раскольничьемъ мірѣ. Молву о сибирскомъ мужикѣ, отыскавшемъ золото, разнесли по богатымъ раскольничьимъ милостивцамъ разныя старушонки-богомолки, странники, приживальцы—вообще весь тотъ людъ, который питался отъ крохъ падающихъ. Откуда могли вызнать все это проходимцы—трудно сказать, тѣмъ боле, что переговоры Спиридона съ Егоромъ Иванычемъ происходили келейно. Какъ-никакъ, а молва докатилась черезъ нѣсколько дней до города Сосногорска, гдѣ жили богатые промышленники и заводчики: Огибенины, Рябинины, Белкозеровы. По богатымъ палатамъ сосногорскихъ толстосумовъ шли теперь оживленные толки, и всѣ они сводились на Егора Иваныча, который продался

слѣпому Густомѣсову. Каждому хотѣлось отвѣдать сибирскаго золота, и каждый могъ только завидовать счастью слѣпого Якова Трофимыча,—вотъ ужъ именно „слѣпое счастье“. Съ другой стороны, всѣмъ было понятно, какъ совершились событія: старецъ Мисаилъ, къ которому пришелъ Спиридонъ, сдѣлалъ засылку честной матери Анѳусѣ, чтобы оповѣстила богатыхъ милостивцевъ, а честная мать Анѳуса давно дружила съ Егоромъ Иванычемъ, единственная дочь котораго воспитывалась въ скиту у Анѳусы. Дальше ужъ пошло само собой: Густомѣсовъ проживалъ въ скиту ужъ близко десяти лѣтъ и кормилъ всю обитель,—ну, Анѳуса и направила къ нему Егора Иваныча, а Егору Иванычу тоже не вредно, если поведетъ все дѣло на капиталы слѣпого хозяина—самъ большой, самъ маленькій будетъ во всемъ. Однимъ словомъ, исторія разыгралась, какъ по-писаному, и комаръ носа не подточитъ.

Нашлись любопытные, которые нарочно ѣздили въ Увѣкъ, чтобы хоть издали поглядѣть на таинственнаго сибирскаго мужика. Онъ проживалъ въ избѣ у старухи-бобылки и показывался только на озерѣ, куда выѣзжалъ на плотикѣ удить рыбу. Цѣлые дни проводилъ онъ за этимъ „апостольскимъ ремесломъ“ и ни съ кѣмъ не хотѣлъ водить знакомства. Даже въ скитъ къ Анѳусѣ ходилъ рѣдко и то на службу. Крѣпкій былъ мужикъ, однимъ словомъ. Выискался-было одинъ шустрый подручный отъ Рябининыхъ, который съ удочкой подчалилъ на лодкѣ къ плотику Спиридона, чтобы завести знакомство, но и изъ этого ничего не вышло,—хитрый сибирскій мужикъ даже не взглянулъ на него и сейчасъ же поплылъ къ своему берегу.

— Оборотень какой-то!—ругали всѣ сибирскаго мужика.—Чего онъ сторонится всѣхъ, какъ чумной быкъ?

Дальше интересовало всѣхъ, какъ обойдется Егоръ Иванычъ со своимъ хозяиномъ, Мелкозеровымъ, у котораго служилъ съ малыхъ лѣтъ. Мелкозеровъ былъ изъ сальниковъ, вмѣстѣ еще съ Густомѣсовымъ велъ дѣла въ степи, а потомъ попалъ въ случай: продавались желѣзные заводы у промотавшихся наслѣдниковъ, и Мелкозеровъ купилъ ихъ. Всѣ дивились необычайной смѣлости Мелкозерова,—дѣло было милліонное, непривычное, а онъ не побоялся. Много было волокиты и хлопотъ, чтобы просто купить эти заводы, потому что пріобрѣтать населенныя имѣнія могли только дворяне, а не купцы. Сильно тряхнулъ тугой мошной Мелкозеровъ и добился своего, а потомъ уже развернулся во всю ширь. Дѣло было громадное, прибыльное и сулило впереди милліоны. „Ндравный“ человѣкъ Мелкозеровъ превратился быстро въ самодура и на своихъ заводахъ являлся страшной грозой. Все трепетало передъ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ него зависѣли жестокія заводскія наказанія. Крутъ былъ сердцемъ Мелкозеровъ, и всѣ боялись его, какъ огня. Не боялся только одинъ Егоръ Иванычъ, состоявшій при немъ заразъ въ нѣсколькихъ должностяхъ: онъ и съ подрядчиками вѣдался, онъ и горныхъ чиновниковъ умасливалъ, онъ и всякія тайныя порученія исполнялъ—вездѣ поспѣвалъ Егоръ Иванычъ, какъ недремлющее око. И вдругъ Егоръ Иванычъ отшатится отъ Мелкозерова прочь,—никто даже представить себѣ не могъ, какъ это произойдетъ. Между тѣмъ все шло по-старому, и Егоръ Иванычъ не подавалъ никакого виду: все тотъ же Егоръ Иванычъ, точно ничего не случилось. Мелкозеровъ, конечно, уже зналъ о сибирскомъ золотѣ и тоже не подавалъ виду, что знаетъ что нибудь. Крѣпкіе люди сошлись.

Однако выпалъ роковой день, когда все разрѣшилось само собой. Это случилось въ іюлѣ, въ самую страду. У Мелкозерова было два желѣзныхъ завода, и управляющимъ состоялъ его племянникъ Капитонъ Титычъ, такой же „ндравный“ и упрямый человѣкъ, какъ и самъ старикъ Мелкозеровъ.

Летнее время на заводахъ тихое, потому что рабочіе распускались на страду. Самъ Мелкозеровъ проживалъ въ Сосногорскѣ и потребовалъ къ себѣ племянника для какихъ-то объясненій. Но вмѣсто племянника получилась коротенькая записка: „Рыбу ловлю. Некогда. Да и говорить намъ съ тобой, дядя, не о чемъ сейчасъ. Капитонъ Мелкозеровъ“. Вскипѣлъ старикъ и послалъ строгій наказъ ослушнику явиться немедленно. Въ отвѣтъ получилась записка еще короче: „Не хочу. Капитонъ Мелкозеровъ“. Это уже окончательно взорвало старика, и онъ послалъ на заводы нарочитыхъ людей, чтобы привезли Капитона живого или мертваго.

— Я за все въ отвѣтѣ!—кричалъ старикъ.—Орудуй въ мою голову...

Прежде онъ поручилъ бы это дѣло Егору Иванычу, а теперь обошелъ его. Это былъ явный признакъ опалы. Егоръ Иванычъ не шевельнулъ бровью: не его возъ, не его и пѣсенка.

Итакъ, стоялъ жаркій іюльскій день. Егоръ Иванычъ, по обыкновенію, сидѣлъ въ своей конторѣ, устроенной при громадномъ мелкозеровскомъ домѣ. Контора выходила окнами на улицу, и Егоръ Иванычъ видѣлъ, какъ къ воротамъ подъѣхала простая деревенская телѣга, на которой сидѣли четыре здоровенныхъ мужика.

— Капитона привезли...—пронеслось по конторѣ.

Всѣ служащіе такъ и замерли, ожидая, чѣмъ разыграется вся исторія. Телѣга въѣхала во дворъ и остановилась у крыльца. Доложили о пріѣхавшемъ гостѣ самому хозяину. Выбѣжалъ на крыльцо оторопѣлый подручный и проговорилъ:

— Капитонъ Титычъ, пожалуйте въ контору... Лаврентій Тарасычъ сейчасъ туда придутъ.

— Не хочу...—отвѣтилъ лежавшій на телѣгѣ Капитонъ; онъ и не могъ прійти, потому что былъ связанъ по рукамъ и ногамъ.

А старикъ Мелкозеровъ уже успѣлъ спуститься въ контору и смотрѣлъ въ окно. Онъ даже зашипѣлъ отъ ярости, услышавъ такой отвѣтъ.

— Какъ же онъ придетъ, ежели лежитъ связанный,—объяснилъ спокойно Егоръ Иванычъ.

— Ну, ступай, приведи его, дурака...

Егоръ Иванычъ отправился, велѣлъ развязать Капитона, но тотъ продолжалъ лежать въ телѣгѣ и не хотѣлъ вставать.

— Не хочу...—отвѣчалъ Капитонъ на всѣ уговоры.

— Несите его, щучьяго сына, на рукахъ!—крикнулъ Мелкозеровъ въ окно.

Здоровенные мужики подхватили ослушника на руки и внесли въ контору. Трудненько было тащить здоровеннаго мужика, но ничего—внесли. Въ конторѣ Капитонъ не пожелалъ встать на ноги, а растянулся на полу, какъ пластъ.

— Ты это что дуришь?..—накинулся на него Мелкозеровъ.—Да я тебя въ острогѣ сгною... запорю... И отвѣчать не буду!..

— Руки коротки, — спокойно отвѣтилъ Капитонъ. — Не крѣпостной я тебѣ дался.

Нужно было видѣть старика Мелкозерова въ этотъ моментъ. Онъ весь поблѣднѣлъ, затрясся и съ сжатыми кулаками бросился къ Капитону. Трудно сказать, что произошло бы тутъ, если бы Егоръ Иванычъ не загородилъ дороги. Гнѣвъ старика цѣликомъ обрушился на непрошеннаго заступника.

— Ты... ты... ты—Іуда!—задыхавшимся голосомъ повторялъ Мелкозеровъ, позабывая о лежавшемъ на полу Капитонѣ.—Ты продалъ меня... Старая-то хлѣбъ-соль забывается! Іуда...

Мелкозеровъ затопалъ ногами, зашипѣлъ и даже замахнулся кулакомъ на Егора Иваныча.

— Я все знаю...—уже хрипѣлъ онъ.—Да, все... Стакался ты со скитниками и обходишь теперь слѣпого дурака.

— Никого я не обходилъ, Лаврентій Тарасычъ...—слегка дрогнувшимъ голосомъ отвѣтилъ Егоръ Иванычъ.—Тебѣ вотъ я сорокъ лѣтъ прослужилъ вѣрой и правдой, а не имѣю сорока грошей. Больше не могу... Не о себѣ говорю, а о дочери Анпушкѣ... Объ ней пора позаботиться. Не хочу ее нищей оставлять.

Мелкозеровъ даже отшатнулся отъ вѣрнаго слуги, посмотрѣлъ на лежавшаго на полу Капитона и потомъ проговорилъ, указывая на него:

— Ты сговорился съ нимъ... Можетъ, вмѣстѣ собрались убить меня? А?!.

— Зачѣмъ убивать... А только, Лаврентій Тарасычъ, больше я тебѣ не слуга. Будетъ...

Это была настоящая живая картина. Центръ занималъ лежавшій на полу Капитонъ, могучій мужчина съ окладистой темной бородой, около него стоялъ Егоръ Иванычъ, немного откинувъ назадъ свою сѣдую голову, а противъ нихъ бѣгалъ Мелкозеровъ — высокій плечистый мужчина съ крутымъ лбомъ, огневыми темными глазами и бородкой клинушкомъ. Всѣ они были одѣты по-домашнему, въ раскольничьи полукафтанья, въ русскія рубахи-косоворотки и въ смазные сапоги.

— Сорокъ лѣтъ тебѣ я прослужилъ, Лаврентій Тарасычъ, а теперь пора и о себѣ позаботиться,—продолжалъ Егоръ Иванычъ.—Всякому своя рубашка къ тѣлу ближе...

Капитонъ въ этотъ моментъ поднялся и проговорилъ всего одну фразу:

— И я тоже...

Мелкозеровъ посмотрѣлъ на обоихъ и сказалъ всего одно слово:

— Вонъ!..

Вся контора замерла, ожидая, какую штуку выкинетъ Капитонъ, но онъ только посмотрѣлъ на дядю и отвернулся.

Егоръ Иванычъ и Капитонъ вмѣстѣ вышли на крыльцо. Они молча прошли дворъ и остановились у воротъ. Капитонъ снялъ шляпу, поправилъ кудрявые волосы, по-раскольничьи подстриженные въ скобку, и, погрозивъ кулакомъ въ окно конторы, проворчалъ:

— Погоди, идолъ, я до тебя доберусь...

Егоръ Иванычъ взялъ его подъ руку и повелъ подъ гору,—мелкозеровскій домъ стоялъ на горѣ. Они молча прошли полъ-улицы, а потомъ старикъ заговорилъ:

— Ну, Капитонъ, теперь мы съ тобой на одномъ положеніи... Осенью по первопутку я выѣзжаю съ партіей въ тайгу.

— Слышалъ...

— Ежели хочешь — поѣдемъ вмѣстѣ.

— На густомѣсовскія деньги?

— Ужъ это не твое дѣло. Попытаемъ счастья...

Старикъ боялся услышать въ отвѣтъ Капитоново „не хочу“, но Капитонъ только тряхнулъ головой и молча протянулъ руку.

— Э, гдѣ наше не пропадало, Егоръ Иванычъ... Будетъ, поработали на прелюбезнаго дядюшку. Ахъ, такъ бы, кажется, пополамъ и перекусилъ его...

— Будетъ, утишись. Сердце-то у васъ у обоихъ огневое, Капитонъ, вотъ ладу-то и не выходитъ, а со мной уживешься.

Капитона Егоръ Иванычъ зналъ съ дѣтства, когда онъ еще состоялъ при строгомъ дядѣ въ мальчикахъ, и любилъ его по-хорошему, какъ любятъ хорошіе люди. Въ упрямомъ мальчикѣ было много симпатичныхъ сторонъ, а Егоръ Иванычъ жалѣлъ его, какъ сироту. По-своему, по-стариковски, онъ больше всего цѣнилъ въ немъ хорошую кровь. Вотъ и теперь: ни на волосъ не сдался, хоть на части рѣжь. Съ огнемъ другого-то такого кремня поискать...

Впослѣдствіи Егоръ Иванычъ тысячу разъ раскаивался вотъ за эту сцену.

IV.

Приготовленія къ походу въ далекую тайгу заняли все лѣто. Нужно было собрать партію рабочихъ въ пятьдесятъ человѣкъ, заготовить всякую приисковую снасть, провіантъ, одежду для рабочихъ — однимъ словомъ, все, что̀ могло потребоваться за зиму въ безлюдной тайгѣ. Егоръ Иванычъ точно помолодѣлъ и работалъ за троихъ. Онъ поднимался съ зарей и хлопоталъ вплоть до ночи. Въ видѣ отдыха старикъ время отъ времени уѣзжалъ изъ Сосногорска въ Увѣкъ, чтобы повидаться съ дочерью, — это была послѣдняя старческая привязанность, которая угнетала и дѣлала рабомъ. Егоръ Иванычъ, если можно такъ выразиться, былъ просто боленъ своей дочерью, хотя и старался по внѣшнему виду не выдавать себя. Онъ даже казался строгимъ отцомъ и дѣлалъ суровые выговоры. Одна только честная мать Апоуса знала, какъ безумно любилъ старикъ свою ненаглядную Аннушку, — отъ нея у него не было тайнъ. Боже сохрани, чуть что̀ попритчится дѣвушкѣ!—старикъ сейчасъ же падалъ духомъ и рыдалъ, какъ ребенокъ, въ кельѣ Апоусы. Аннушка была его жизнью, свѣтомъ, дыханіемъ. Можно себѣ представить, какъ Егора Иваныча волновала близившаяся разлука на цѣлую зиму. Пока онъ старался не думать объ этомъ, какъ мы стараемся не думать о смерти.

Недѣли за двѣ до отъѣзда, послѣ Покрова, Егоръ Иванычъ пріѣхалъ въ скитъ вмѣстѣ съ Капитономъ. Послѣдній, хотя и былъ старовѣромъ, но въ скиту на Увѣкѣ не бывалъ ни разу. Отъ Сосногорска до озера было всего какихъ-нибудь двадцать верстъ, но Капитону все какъ-то не выпадала дорога именно въ эту сторону. Егоръ Иванычъ привезъ своего помощника съ той цѣлью, чтобы онъ самъ переговорилъ со слѣпымъ Густомѣсовымъ. Все же оно лучше, а то, храни Богъ, помрешь въ тайгѣ, и замѣняться будетъ некѣмъ. И для Густомѣсова надежнѣе: Капитонъ не чужой человѣкъ.

Осенняя непролазная грязь была уже скована морозомъ, и небольшая дорожная повозка Егора Иваныча бойко подкатила къ скиту.

— Ты смотри, Капитонъ, не скажи чего лишняго, — предупреждалъ старикъ, вылѣзая изъ экипажа.—Уговоръ на берегу... Мѣсто-то здѣсь тихое, не мірское. Напугаешь еще монашинъ... Вѣдь ты у меня, Христосъ съ тобой, съ норовомъ!

Капитонъ ничего не отвѣтилъ, а только улыбнулся въ бороду.

Въ скиту Егоръ Иванычъ давно былъ своимъ человѣкомъ и привелъ гостя прямо въ густомѣсовскій флигелекъ. По обыкновенію, двери отворила имъ сама Агнія Ефимовна. Она даже отшатнулась, когда увидѣла передъ собой рослаго красавца-мужчину, въ упоръ глядѣвшаго на нее своими сердитыми глазами.

— Что̀, испугалась, Агнія Ефимовна? — пошутилъ Егоръ Иванычъ. — Ничего, хорошъ звѣрь, ежели къ рукамъ.

— Пусть молодыя боятся, а я ужъ стара стала,—отвѣтила Агнія Ефимовна, оправившись.—Милости просимъ, дорогіе гости...

Капитона поразили больше всего ярко-красныя губы скитской затворницы, совсѣмъ ужъ не подходившія къ ея полумонашескому костюму, смиренному взгляду и матовому цвѣту прежде времени отцвѣтавшаго лица. Когда Капитонъ входилъ въ дверь и нагнулся, чтобы не стукнуться головой о притолоку, Агнія Ефимовна невольно улыбнулась: какой онъ большой, да здоровый, да красивый. Ее точно огнемъ опалило... Бываютъ такія мимолетныя встрѣчи, которыя оставляютъ въ душѣ неизгладимый слѣдъ и служатъ какой-то роковой гранью, раздѣляющей жизнь на разныя полосы. Иногда какая-нибудь ничтожная мелочь западаетъ въ память и выступаетъ съ яркой силой при каждомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи, когда Агнія Ефимовна думала о Капитонѣ, она не могла представить его себѣ иначе, какъ именно входящимъ, нагнувшись, въ дверь ихъ скитской горницы.

— Вотъ ты какой, Капитонъ!—удивлялся Яковъ Трофимычъ, ощупывая гостя безъ церемоній.—Изъ всего дерева выточенъ... А дядѣ такъ и отрѣзалъ тогда: „не хочу!". Ну, молодецъ... Съ Лаврентіемъ-то Тарасычемъ мы прежде хлѣбъ-соль водили, а теперь онъ и забылъ про меня. Всѣ забыли... да... Карахтерный человѣкъ Лаврентій Тарасычъ!.. А ты ему: „не хочу!". Ха-ха...

Капитонъ почувствовалъ себя въ этой маленькой горницѣ какъ-то особенно жутко. Ему точно было совѣстно и за свой ростъ и за свое богатырское здоровье, а тутъ еще этотъ смѣхъ лысаго слѣпца. Больше всего смущала Капитона то, что все время онъ чувствовалъ на себѣ пристальный взглядъ Агніи Ефимовны, которая точно впилась въ него своими зеленоватыми, какъ у кошки, глазами. Его такъ и тянуло самому разсмотрѣть ее хорошенько, да было совѣстно Егора Иваныча. Въ горницѣ она показалась ему совсѣмъ другой, чѣмъ въ сѣняхъ, точно она помолодѣла, переступивъ порогъ. Онъ плохо помнилъ, о чемъ шелъ дѣловой разговоръ, охваченный какимъ-то смутнымъ безпокойствомъ. Да, это была тревога, въ родѣ того, когда глухой ночью раздается неожиданный стукъ въ дверь. Егоръ Иванычъ замѣтилъ произведенное хозяйкой впечатлѣніе и нѣсколько разъ посмотрѣлъ на богатыря строгими глазами. Не замѣчалъ, конечно, ничего только Яковъ Трофимычъ, который чувствовалъ себя какъ-то особенно весело и пересыпалъ серьезный разговоръ шуточками и прибаутками.

— Полюбился ты мнѣ, Капитонъ!—повторялъ онъ.—Жаль въ Сибирь тебя отпускать...

— Дастъ Богъ, еще вернемся...—какъ-то глухо отвѣтилъ Капитонъ, глядя въ уголъ.—Не на смерть прощаемся.

Егоръ Иванычъ какъ-то разомъ оборвалъ разговоръ и началъ прощаться. Агнія Ефимовна проводила ихъ въ сѣни. Она не проронила въ теченіе разговора ни одного слова и простилась молча. Когда Капитонъ шелъ по скитскому двору, онъ чувствовалъ какъ-то всей своей спиной, что Агнія Ефимовна смотритъ на него. Подходя къ игуменской кельѣ, онъ не вытерпѣлъ и оглянулся: она, дѣйствительно, стояла въ дверяхъ, прислонившись къ косяку головой, точно оглушенная.

„Этакая змѣя подколодная...—думалъ Егоръ Иванычъ, поднимаясь по игуменской лѣстницѣ на крылечко.—Съѣсть готова глазищами. Вонъ какъ замутила Капитона-то..."

Честная мать Анеуса что-то разнемоглась и приняла гостей, лежа на лавочкѣ. Около нея сидѣла Аннушка. Когда Капитонъ вошелъ въ игуменьину келью, онъ почти никого и ничего не видѣлъ. Да и какое было ему дѣло до кого-нибудь...

— Что̀ вы больно долго собираетесь-то?—тихимъ голосомъ спрашивала мать Анѳуса.—Долгіе-то сборы не всегда къ добру...

— Да ужъ такое дѣло, мать Анѳуса, что скоро его не повернешь,— объяснялъ Егоръ Иванычъ.—Не шутки шутить ѣдемъ. Вотъ снѣжокъ выпадетъ, тогда мы и укатимъ по первопутку. Такъ и партія снаряжена... Всего-то, можетъ, недѣльки съ двѣ и жить здѣсь осталось.

Послѣдняя фраза произвела на дѣвушку неожиданное дѣйствіе. Она припала къ отцу своей головкой и горько заплакала.

— Ты это о чемъ, глупая?—упавшимъ голосомъ спрашивалъ Егоръ Иванычъ, гладя русую головку.—Къ веснѣ вернемся... Ну, о чемъ?

— Такъ, тятя...

Этотъ приливъ дочерней нѣжности сразу вышибъ Егора Иваныча изъ дѣлового настроенія, и онъ умоляющими глазами посмотрѣлъ на мать Анѳусу.

— Аннушка, ступай къ себѣ,—строго проговорила старуха.—Нечего тебѣ здѣсь дѣлать...

Дѣвушка горячо обняла отца и съ глухими рыданьями выбѣжала изъ комнаты. Егоръ Иванычъ поднялся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, пошатываясь, остановился у окна. По его лицу градомъ катились слезы. Капитонъ все время сидѣлъ, опустивъ голову, и разглядѣлъ Аннушку только тогда, когда она пробѣжала мимо него. Передъ нимъ мелькнуло это заплаканное дѣвичье лицо, какъ чудный молодой сонъ. Теперь Капитонъ смотрѣлъ съ удивленіемъ на всхлипывавшаго Егора Иваныча и ничего не могъ понять.

— Будетъ тебѣ блажить, Егоръ Иванычъ,—ворчала мать Анѳуса.—Слава Богу, не маленькій... И дѣвку разжалобилъ и самъ нюни распустилъ.

Въ комнатѣ наступила неловкая пауза. Слышно было только, какъ вздыхалъ Егоръ Иванычъ, сдерживая душившія его рыданія.

— Вѣдь одна она у меня...—шепталъ онъ, не поворачиваясь отъ окна.—Какъ сипь порохъ въ глазу... Еще кто знаетъ, приведетъ Богъ свидѣться либо нѣтъ... Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Ну, Капитонъ, ѣдемъ домой!

Всю дорогу Капитонъ молчалъ и только изрѣдка встряхивалъ головой, точно хотѣлъ выгнать какую-то неотвязную мысль. Уже подъѣзжая къ городу, онъ проговорилъ:

— А вѣдь я не зналъ, что у тебя есть дочь, Егоръ Иванычъ...

— А для чего бы я жить-то сталъ? Для нея и въ тайгу ѣду... Можетъ, Богъ и пошлетъ ей счастье...

Послѣ нѣкоторой паузы Капитонъ замѣтилъ:

— А зачѣмъ квасилъ дѣвку въ скиту?..

Егоръ Иванычъ посмотрѣлъ на Капитона и, къ удивленію, замѣтилъ на его лицѣ то упрямое выраженіе, когда онъ говорилъ: „не хочу“. Мудреный былъ человѣкъ Капитонъ.

V.

Первый снѣжокъ послужилъ сигналомъ къ отъѣзду. Егоръ Иванычъ въ послѣдній разъ пріѣхалъ въ скитъ на Увѣкѣ. Прощаніе съ Аннушкой было самое трогательное. Старикъ уже не стыдился собственныхъ слезъ.

— Смотри, Анна, ежели я помру въ тайгѣ, вотъ тебѣ вторая мать,—повторилъ Егоръ Иванычъ нѣсколько разъ, указывая на честную мать Анѳусу.—Слушайся ея, какъ меня... Она худу не научитъ.

— Тятенька, я тогда постриженіе приму...—отвѣчала Аннушка, заливаясь слезами.—Нечего мнѣ въ мірѣ дѣлать.

Потомъ дѣвушка была выслана, и старики занялись серьезнымъ разговоромъ.

— Разсчиталъ тебя Лаврентій Тарасычъ? — спрашивала старуха.

— Какъ же, разсчиталъ... Прислалъ сто рублей.

— Это за сорокъ-то лѣтъ службы? Вѣдь ты безъ жалованья у него служилъ...

— И за это спасибо. Ну, да Богъ съ нимъ... Вотъ Капитону прислалъ цѣлыхъ три тысячи, чтобы, значитъ, чувствовалъ. Такой ужъ особенный человѣкъ...

— Ужъ черезъ число особенный-то...

Честная мать была какъ-то особенно задумчива и послѣ дѣловыхъ разговоровъ сообщила томившую ее заботу:

— Пали изъ Москвы слухи, Егоръ Иванычъ, что позорятъ нашу обитель никоніаны. Строгости вездѣ пошли. Головушка съ плечъ—вотъ какая забота прикачнулась.

— Не кто, какъ Богъ, честная мать...

Когда Егоръ Иванычъ зашелъ проститься къ Густомѣсову, Агнія Ефимовна встрѣтила его съ опухшими отъ слезъ глазами.

— О чемъ это ты разгоревалась такъ, матушка?—удивился Егоръ Иванычъ, здороваясь.

— А ужъ мое дѣло... Тебя просить не буду, чтобъ пожалѣлъ,—отрѣзала Агнія Ефимовна.—Ступай къ слѣпому чорту.

Самъ Густомѣсовъ тоже держалъ себя какъ-то странно и все говорилъ о Капитонѣ.

— Вотъ какъ онъ мнѣ поглянулся, Егоръ Иванычъ, твой-то Капитонъ. Помру, пусть Агнюшка замужъ за него идетъ... Деньги-то вѣдь всѣ я ей оставлю. Пусть повеселятся да меня вспоминаютъ... Хе-хе!.. У молодыхъ-то мысли въ головѣ, какъ лягушки сивчутъ.

— Не ладно ты говоришь, Яковъ Трофимычъ... Только напрасно Агнію Ефимовну обижаешь.

— Я? Обижаю?.. Да вѣдь она меня любитъ, моя голубушка, а любя, все терпятъ... Она меня любитъ, Агнюшка, а я Капитона люблю. Хе-хе...

Егоръ Иванычъ съ тяжелымъ чувствомъ оставлялъ густомѣсовскій флигелекъ. Нехорошія слова говорилъ Яковъ Трофимычъ, и совсѣмъ не къ лицу. Провожая его, Агнія Ефимовна шепнула:

— Скажи поклончикъ Капитону Титычу... скажи, что буду Богу за него молиться.

— Ахъ, Агнія Ефимовна, Агнія Ефимовна... Себя-то пожалѣй, а объ Капитонѣ позабудь: вѣтеръ въ полѣ то и Капитонъ для тебя.

Агнія Ефимовна только улыбнулась сквозь слезы. Тоже, выискался совѣтчикъ: себя пожалѣй...

Долго простояла Агнія Ефимовна въ дверяхъ сѣней, похолодѣла вся, а уходить не хотѣла. Вотъ и Егоръ Иванычъ скрылся давно, и снѣжокъ падаетъ, мягкій такой да бѣлый, а она все стояла, стояла и стыла отъ щемившей ее тоски. Господи, хоть бы умереть... Вѣдь другіе умираютъ же, а она должна жить. Закроетъ глаза Агнія Ефимовна и видитъ Капитона, руками къ нему тянется, какія-то ласковыя слова говоритъ... И сердце обмираетъ, и голова кружится, и страшно дѣлается... А тамъ, изъ горницы, доносится старческое ворчанье: „Агнюша, гдѣ ты? Агнюша!..“. Агнія Ефимовна знала впередъ, что теперь начнутся умоляющія ноты, потомъ слезливыя, потомъ угрожающія. „Агнюша, голубушка... матушка... ахъ, Агнюша!“

Она вернулась въ горницу вся холодная, продрогшая. Старикъ схватилъ ее за руку и сейчасъ же ощупалъ лицо.

— Ты плакала? Объ немъ плакала? О, змѣя подколодная!..

Онъ захрипѣлъ отъ безсильнаго гнѣва, а она вся дрожала, чувствуя, какъ эта мертвая рука опять тянется къ ея лицу.

— Убить тебя мало... задушить... изрѣзать на мелкія части... растерзать!..

Она молчала и только закусила губы, когда старикъ началъ ломать ея тонкую руку. Потомъ этотъ порывъ ярости смѣнился нѣжностью, что̀ еще было хуже

— Агнюша, миленькая... голубка... Вѣдь ты любишь меня? Потерпи еще малое время: скоро я помру... пожалѣй старика... ну, любишь? Агнюшка, маточка... слезка моя... Умру, все тебѣ оставлю. Поминай старика...

Она молчала.

Старикъ оттолкнулъ ее и дико захохоталъ.

— Прочь отъ меня, дьяволъ!.. Ха-ха... Ты о немъ думаешь, о Капитонѣ... Вся ты одна ложь и скверна! И думай, а Капитонъ на другой женится... Другую будетъ ласкать-миловать. Ха-ха... Завидно тебѣ, маточка, охъ, какъ завидно, а ничего не подѣлаешь. Здоровый онъ, Капитонъ-то, молодой, кровь съ молокомъ, глаза, какъ у ясного сокола, и все другой достанется... Другая-то и будетъ заглядывать въ соколиные глаза, другая будетъ разглаживать русые кудри... Другая порадуется за тебя, Агнюшка, а ты вотъ со мной горе горевать будешь.

Отвѣтомъ были глухія рыданія.

— Агнюша, гдѣ ты?.. Агнюша, подойди ко мнѣ... Агнюша, не убивайся: скоро я помру, маточка.

Слѣпой поднялся и, протянувъ руки впередъ, пошелъ на глухія всхлипыванія. И вотъ опять тянутся къ ней эти холодныя руки, опять онѣ ощупываютъ ея лицо, а она сидитъ и не можетъ шевельнуться. Яковъ Трофимычъ присѣлъ на лавку рядомъ съ ней, обнялъ и прицалъ своей лысой головой къ ея груди. Эти ласки были тяжелѣе вѣчной брани, покоровъ и ворчанья. Она вырвалась. Сейчасъ ее сквернили эти руки.

— Нѣтъ, не надо... Убей меня лучше,—глухо шептала она.—Ничего я не знаю... ничего мнѣ не нужно... Тошно, тошно, тошно!..

— Агнюша, маточка...

— Не подходи ко мнѣ! Я... я... я ненавижу тебя... я сама тебя убью... отравлю... изведу...

— Агнюшка! миленькая!..

И эта пытка продолжалась цѣлыхъ десять лѣтъ, безконечныхъ десять лѣтъ...

Густомѣсовъ выбился въ люди изъ приказчиковъ одного богатаго сальника. Молва гласила, что онъ ограбилъ хозяина, когда тотъ умиралъ въ степи. Это было началомъ. А затѣмъ Густомѣсовъ развернулся уже самостоятельно. Онъ повелъ широкое дѣло со степью, скупая сало, кожи и цѣлые гурты курдючныхъ барановъ. Неправедныя денежки вернулись сторицей, и Густомѣсовъ уже немолодымъ задумалъ жениться. Для этой цѣли онъ нарочно отправился въ поволожскіе скиты и тамъ высмотрѣлъ себѣ скротку-дѣвушку, тоненькую, блѣдненькую, но писаную красавицу. Ей едва минуло шестнадцать, а ему было уже за тридцать. Вывезя молодую жену на Уралъ и поселившись съ ней въ Сосногорскѣ, Густомѣсовъ отъ сальнаго дѣла оставилъ одинъ салотопенный заводъ, а поѣздки въ степь бросилъ. У него былъ

уже свой кругленькій капиталъ, и онъ пустилъ его въ оборотъ другимъ путемъ. Въ описываемое нами время въ Сосногорскѣ не было ни банковъ ни ссудныхъ кассъ, и Густомѣсовъ началъ давать деньги „подъ проценты". Нуждающихся всегда довольно, особенно въ торговомъ мірѣ, и эта операція дала Густомѣсову гораздо больше, чѣмъ даже темное дѣло со степью; когда онъ покупалъ сало и барановъ на фальшивыя ассигнаціи. Въ какихъ-нибудь пять лѣтъ капиталъ утроился, но именно въ этотъ моментъ онъ ослѣпъ и долженъ былъ, по возможности, ликвидировать всѣ дѣла и жить на проценты. Послѣднее было не трудно сдѣлать, но несчастье заставило измѣнить весь образъ жизни, и Густомѣсовъ переѣхалъ съ молодой женой въ скиты на Увѣкѣ.

Всегда подозрительный, здѣсь онъ превратился въ деспота. Проведя всю молодость въ поволожскихъ скитахъ, Агнія Ефимовна опять очутилась за монастырской стѣной, но на этотъ разъ со слѣпымъ мужемъ. Она отлично понимала, что это скитское сидѣнье было устроено спеціально только для нея, чтобы предохранить отъ какого-нибудь вольнаго или невольнаго бабьяго грѣха. И она томилась въ скитской неволѣ годъ за годомъ, не видя впереди ничего, кромѣ того же черничества. До извѣстной степени ее спасала только полученная у раскольничьихъ мастерицъ строгая выдержка и привычка покоряться. Но и у этой заживо погребенной за скитской стѣной женщины по временамъ являлась смутная и тяжелая тоска по неиспытанной волѣ, какой-то большой призракъ неосуществимой надежды... Вѣдь вотъ тутъ, сейчасъ за скитской калиткой, уже начиналась жизнь, живые люди любили и ненавидѣли, радовались и плакали; для нихъ была и весна, и лѣто, и зеленая мурава, и все то, чѣмъ вольная жизнь красна.

VI.

Съ отъѣздомъ Егора Иваныча и Капитона Титыча въ Сибирь, въ скиту на Увѣкѣ потянулись особенно скучные дни. Вообще скитская жизнь не отличалась весельемъ, а тутъ ужъ совсѣмъ было тошно. Агнія Ефимовна ходила, какъ въ воду опущенная. Она теперь придумала новую манеру держать себя съ мужемъ: сядетъ куда-нибудь въ уголокъ и молчитъ хоть докуда.

— Агнія...—взывалъ слѣпой, протягивая руки.—Агнюшка... ангелочекъ...

Единственнымъ отвѣтомъ служила гробовая тишина. Слѣпой начиналъ волноваться и напрасно старался сдерживать себя. Онъ вставалъ и начиналъ обшаривать свою келью, какъ тѣнь. Агнія Ефимовна не шевелилась и только слѣдила за своимъ мучителемъ полными ненависти глазами. Она не шевелилась и тогда, когда эти холодныя, дрожавшія руки находили ее, схватывали за плечи и тянули къ себѣ.

— Агнюшка, касаточка, отзовись... Вымолви словечушко!

Молчаніе.

Яковъ Трофимычъ вдругъ закипалъ бѣшенствомъ и накидывался на жену, какъ звѣрь. Она чувствовала, какъ эти холодныя руки впивались въ ея шею и начинали ее душить. Раза два она вырывалась изъ этихъ рукъ вся растерзанная и прибѣгала къ матери Анюсѣ въ самомъ ужасномъ видѣ: волосы распущены, платье разорвано, на шеѣ слѣды душившихъ пальцевъ.

— Милушка, полно вамъ грѣшить...—уговаривала честная игуменья, качая сѣдой головой. Статочное ли это дѣло, чтобы въ обители такое мірское смятеніе?

— Охъ, тошнехонько, матушка!—плакалась Агнія.—Не пойду я къ сво-

ему мучителю—и все тутъ. Въ обители вѣдь мы живемъ, а онъ неподобнаго требуетъ. Какъ-то цѣльную ночь въ сѣняхъ простояла, а онъ цѣльную ночь искалъ меня... Видѣть его не могу, матушка. Богъ какъ тошно... Въ пору руки на себя наложить.

— Ахъ, милушка, какія ты слова говоришь!..—журила игуменья.—Богъ терпѣть велѣлъ, а ты вотъ что говоришь-то...

— Было бы для кого терпѣть, матушка. Извелъ онъ меня, всю душеньку вынулъ...

Густомѣсовъ былъ для обители находкой, какъ милостивецъ и кормилецъ, и, кромѣ того, онъ обѣщалъ послѣ смерти оставить скиту половину своего состоянія; поэтому честная мать Анѳуса употребляла всѣ усилія, чтобы уговорить Агнію и вообще помирить мужа съ женой. Было старухѣ своихъ скитскихъ дѣлъ по горло, а тутъ еще приходилось итти къ Якову Трофимычу и уговаривать его.

— Вотъ что̀, милостивецъ,—говорила игуменья Густомѣсову:—оставь ты Агнію, не тревожь... Раздоры-то ваши всю обитель смущаютъ. Неподобнаго требуешь... Забылъ, что въ обители живешь.

— Задушу я ее, змѣю!—кричалъ слѣпой мужъ.—Своими руками задушу и отвѣчать никому не буду...

— Перестань грѣшить Яковъ Трофимычъ...

— Я знаю, о комъ она думаетъ... Молчитъ, а сама все о немъ думаетъ, о Капитошкѣ. Я-то вѣдь знаю, все знаю... Извела она меня своимъ молчаньемъ.

— А ты стерпи... Успокоится баба, ну и пойдетъ все по-старому. Тебя и то Богъ убилъ, а ты мірскія мысли все думаешь. Будетъ, погрѣшилъ, когда на міру жилъ... И мнѣ не подобаетъ слушать твои пакостныя рѣчи, не для этого обитель ставилась.

Эти строгія внушенія сразу смиряли бушевавшаго слѣпца. Онъ садился къ столу, закрывалъ лицо руками и начиналъ плакать.

— Грѣхи надо замаливать, а не о женѣ думать,—наставительно говорила игуменья.

— Охъ, знаю, честная мать... Безъ тебя знаю!.. Только вотъ силы не хватаетъ на смиреніе... Чувствую я, что она тутъ, Агнія, ну и того... Красивая она, молодая, а я грѣшный человѣкъ...

— Тьфу!.. Слушать-то тебя муторно... Ужо вотъ на поклоны поставлю, тогда узнаешь, какъ такія слова говорить. Какой на мнѣ чинъ-то, грѣховодникъ?

— Да вѣдь жена она мнѣ, значитъ, вся моя, и грѣха тутъ нѣтъ...

— Тогда выѣзжай изъ обители... Всѣ тутъ разговоры съ тобой.

Честная мать знала, что Яковъ Трофимычъ не выѣдетъ изъ скита,—гдѣ же онъ найдетъ такой крѣпкій досмотръ за женой?—и пускала это средство, какъ самое рѣшительное. Затѣмъ ей опять приходилось уговаривать Агнію и вести ее къ мужу.

— Ты у меня смотри...—грозила смиренному слѣпцу старуха.—Чуть что̀, такъ я и лѣстовкой тебя поначалю. Найдемъ управу... Агнія, а ты слушайся мужа. Что̀ Богъ далъ, тѣмъ и владай...

Агнія молчала, зная, что все пойдетъ по-старому. Сначала мужъ будетъ приставать съ жалобными словами, а потомъ разсвирѣпѣетъ. Она предпочитала послѣднее: пусть лучше убьетъ разомъ...

Какія ужасныя ночи она проводила въ своемъ заточеніи... и все думала о немъ, о Капитонѣ Титычѣ. Пробовала отмаливать это навожденіе, но и мо-

лятва не спасала,—не было въ ней настоящей молитвы. „Приворожилъ онъ меня, присушилъ",—съ тоской думала Агнія и приходила въ ужасъ отъ собственнаго безсилія. Ничего не могла она съ собою сдѣлать и опять начинала думать о сердитыхъ и ласковыхъ глазахъ Капитона Титыча.

Только и было отдыху Агніи Ефимовнѣ когда слѣпой мужъ укладывался послѣ обѣда спать. Хоть одинъ часъ покойно проспить... Къ этому времени обыкновенно приходила Аннушка,—она тоже едва урывалась отъ своей скитской работы. Присядутъ молодыя женщины куда-нибудь на крылечко и разговариваютъ свои разговоры. Стояло ужъ лѣто, дни были жаркіе, такъ и томитъ жаромъ.

— Купаться просилась у матери,—жаловалась Аннушка:—озеро-то тутъ и есть, только подъ гору сбѣжать.. Не пустила. Говоритъ, угодники-то по пятидесяти годовъ не обнажали себя, а ты выдумала, озорница, плоть свою тѣшить.

— Имъ все нельзя, старухамъ...—вздыхала Агнія.—Чужой вѣкъ изживаютъ. Я-то привязана къ мужу какъ цѣпной песъ, а ты-то съ чего изводишься въ скиту? Кабы я была на твоемъ мѣстѣ, такъ...

— А тятенька?..

Агнія только улыбалась. Что такое тятенька? Онъ тоже старикъ, а молодымъ когда былъ, такъ по молодому и думалъ. Дѣвица — вольный человѣкъ, пока не запоручила свою голову.

Онѣ вмѣстѣ гуляли по скитскому двору, когда надоѣдало торчать на крылечкѣ. Любимымъ мѣстомъ Агніи была „стѣнка".

— Аннушка, пойдемъ на „стѣнку"?

— А игуменья увидитъ? Да и Яковъ Трофимычъ тебя хватится...

— Пусть хватается, постылый... Часъ—да мой!

„Стѣнка" была у самыхъ воротъ. Скитскія сестры, прежде чѣмъ отворить крышку, выглядывали сверху изъ-за тына, причемъ подставлялась деревянная лѣсенка. Изъ-за тына можно было видѣть и озеро Увѣкъ и громадное селенье. Сестра-вратарь обыкновенно не пускала на „стѣнку" и сердилась, но Агнія умѣла ее уластить. Аннушка только дивилась, откуда у Агніи такія слова берутся.

— Охъ, снимете вы съ меня голову,—ворчала старуха-вратарь.—Ужо, того гляди, проснется честная мать...

— Мы только чуточку поглядимъ,—говорила Агнія.—Вѣдь мы не скитскія сестры, а мірскія... Нечего съ насъ взять.

Агнія и Аннушка вмѣстѣ взбирались на лѣсенку и любовались „міромъ". Боже, какъ тамъ хорошо!.. И сколько тамъ вольнаго народа живетъ! И всѣмъ-то весело, всѣмъ хорошо! Блѣдное лицо Агніи покрывалось тонкимъ румянцемъ, и Аннушка каждый разъ любовалась ею: писаная красавица эта Агнюшка!

— Вотъ взять соскочить съ тыну,—только и видѣли...—говорила Агнія, заглядывая черезъ тынъ.—И ушла бы, кабы не своя неволя... Ты думаешь, меня Яковъ Трофимычъ связалъ?..

У Агніи глаза начинали блестѣть, грудь поднималась высоко—вся она была огонь и движеніе. Странно, что Аннушка каждый разъ чувствовала себя какъ-то непріятно и точно начинала ея бояться. Что было на умѣ у Агніи? Чему она смѣется?.. Агнія въ эти минуты, дѣйствительно, ненавидѣла Аннушку, глухо и нехорошо ненавидѣла. Ей даже хотѣлось столкнуть ее съ тына. Разъ Агнія, глядя на Увѣкъ, проговорила задумчиво:

— Знаешь, Аннушка, я тебѣ разскажу твою судьбу...

— Не надо, Агнія. Я не люблю... Это грѣшно... судьбу угадывать.

— А я все-таки скажу... Я все знаю, что будетъ. Ты вотъ сидишь въ скиту, какъ птица въ клѣткѣ, а суженый-ряженый ходитъ вѣтромъ въ полѣ. Далеко залетѣлъ ясный соколъ, а думки-то всѣ въ скиту. Сколько ни побродитъ онъ по горамъ да по болотамъ, а сюда вернется, и сейчасъ къ красной дѣвицѣ. Я сонъ такой видѣла... Богатство они найдутъ... много золота... Уѣхали бѣдные, пріѣдутъ богатые. Не чуетъ души въ своей дочери Егоръ Иванычъ, а ничего не подѣлаешь: придется разстаться.

— Будетъ, Агнія...—умоляла Аннушка.—Нехорошо.

— Нѣтъ, ты слушай сонъ-то... Вернется ясный соколъ, разобьетъ клѣтку и увезетъ птичку на вольную волюшку... Миловать ее будетъ, цѣловать, обнимать...

Говоря послѣднія слова, Агнія все больше и больше наклонялась къ Аннушкѣ, къ самому лицу, такъ что та чувствовала ея горячее дыханіе. А какіе были глаза у Агніи въ эту минуту—такъ и смотрятъ прямо въ душу! Аннушка вся дрожала, не смѣя шевельнуться.

— И она его тоже ждетъ... — уже шопотомъ говорила Агнія. — Лестно такого сокола приголубить. Другія-то бабы завидовать будутъ... И у ней свои слова найдутся. Сейчасъ-то ничего не понимаетъ, а тогда вся заговоритъ... А дальше...

Агнія откинулась, точно проснулась отъ тяжелаго сна. Лицо было такое блѣдное, глаза потемнѣли, на губахъ судорожная улыбка... Аннушка замерла отъ страха.

— Агнія, будетъ...

— Х-ха, испугалась, смиренница!.. Хочешь, я вотъ сейчасъ со стѣны прыгну?.. Не бойся, никуда не прыгну...

Въ свою келью Агнія возвращалась точно пьяная и даже шаталась на ходу. Аннушкѣ сдѣлалось жаль ее.

— Зачѣмъ ты такъ себя разстраиваешь, Агнія?

Агнія посмотрѣла на нее безумными глазами и захохотала.

— Уходи отъ меня, — шептала она. — Ты ничего не должна знать, что будетъ дальше... Уходи!

VII.

Цѣлый годъ объ Егорѣ Иванычѣ не было ни слуху ни духу, — точно всѣ въ воду канули. Разъ только была засылка къ матери Анѳусѣ отъ честнаго старца Мисаила черезъ прохожаго страннаго человѣка, пробиравшагося по раскольничьимъ дѣламъ въ мать-Расею.

— Наказалъ больно тебѣ кланяться, мать Анѳуса, — повторялъ странникъ въ десятый разъ.

— Ну, еще-то что

— А еще наказывалъ, чтобы вы не безпокоились, и что все идетъ правильно.

— Да ты говори толкомъ: гдѣ Егоръ-то Иванычъ? Онъ у насъ ни въ живыхъ ни въ мертвыхъ...

— Вся партія въ тайгу ушла еще съ зимы; ну, а лѣтомъ оттуда ходу нѣтъ ни конному ни пѣшему. Не близкое мѣсто: сотенъ на шесть верстъ отъ ближняго жилья. Тунгусишки сказывали, что будто видѣли партію и сослѣдили ее по зарубкамъ въ лѣсу...

Такъ и было неизвѣстно ничего, пока на Увѣкъ въ скитъ не пріѣхалъ самъ Лаврентій Тарасычъ Мелкозеровъ. Гордый былъ человѣкъ и рѣдко посѣщалъ обитель, а тутъ пріѣхалъ и прямо къ игуменьѣ.

— Какаю, честная мать, поживаешь?..

— Живемъ, Лаврентій Тарасычъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ...

Стара была мать Анѳуса, а все-таки догадалась, что не спроста пріѣхалъ толстосумъ. Поговоритъ-поговоритъ и замолчитъ, точно ждетъ чего. Такъ и не могли разговориться по-настоящему. Уходя, Мелкозеровъ спохватился:

— Мать честная, у тебя живетъ Яковъ-то Трофимычъ?

— Охъ, у меня, милостивецъ...

— Давно я собираюсь его провѣдать, да все некогда... А прежде-то дружками были. Ну, какъ онъ у тебя?

— Да все такъ же... Ты бы зашелъ къ нему, Лаврентій Тарасычъ. Убогаго человѣка навѣстить подобаетъ...

— Некогда мнѣ, честная мать. Дѣла у меня: помереть некогда. Вотъ до тебя еле удосужился...

— А ты послушай старуху, не погордись, сходи...

Мелкозеровъ поломался для прилику, а потомъ согласился.

— Ужъ только для тебя, честная мать, а то дыхнуть некогда.

Хитеръ былъ Лаврентій Тарасычъ, а перехитрить честную мать не сумѣлъ. Поняла она, зачѣмъ онъ пріѣхалъ: дошли какіе-нибудь слухи изъ тайги,—не иначе. То-то Яковъ Трофимычъ вдругъ понадобился. Провожать старика игуменья послала Анюшку и шепнула, чтобы та осталась на всякій случай у Агніи и послушала, о чемъ будутъ толковать старики.

Со слѣпцомъ Мелкозеровъ повелъ ту же политику и долго ходилъ кругомъ да около, а ужъ потомъ проговорилъ:

— Плакали твои-то денежки, Яковъ Трофимычъ...

— Какія денежки?

— А которыя отправилъ въ тайгу закапывать. Егоръ-то Иванычъ на старости лѣтъ немного изъ ума выступилъ, а Капитошка и всегда прямымъ дуракомъ былъ... Не положилъ, видно, не ищи. Жаль мнѣ тебя, ну и завернулъ... Дѣло-то твое такое, что обошли они тебя кругомъ.

— Ты это откуда вызналъ-то про тайгу?

— А вѣрный человѣкъ навернулся и все поразсказалъ, какъ и что. И деньги закопали и сами не знаютъ, какъ живыми выворотиться. Такое дѣло выходитъ, Яковъ Трофимычъ, и весьма я пожалѣлъ твою слѣпоту. Тридцать тысячъ выдалъ имъ?

— Охъ, тридцать, родимый мой!.. Охъ, зарѣзали, Лаврентій Тарасычъ!.. Что же я-то теперь буду дѣлать? Головушку съ плечъ сняли...

— Попытался на легкое богатство, вотъ и казнись. Жалѣючи говорю...

— Да вѣдь я-то не далъ бы, кабы не жена. Она меня обошла...

— А не живи впередъ бабьимъ умомъ!.. Меня бы спросилъ... Ужъ такъ мнѣ тебя жаль, Яковъ Трофимычъ, потому гдѣ тебѣ, слѣпому, взять такіе деньги...

Дальше старики заговорили шопотомъ. Агнія слышала первую половину разговора и стрѣлой понеслась къ матери Анѳусѣ. Сама она не посмѣла вмѣшаться въ дѣло: не маленькій былъ человѣкъ Лаврентій Тарасычъ, и перечить ему было страшно, да и характеромъ крутъ.

— Охъ, матушка, что-то не ладно они разговариваютъ, — жаловалась Агнія игуменьѣ. — Кругомъ пальца обернетъ Лаврентій-то Тарасычъ моего слѣпыша... Не спроста пріѣхалъ. Пошла бы ты къ нимъ, помѣшала...

— И то пойду, Агнюшка. Я уже сама догадалась, что не спроста дѣла пріѣхалъ Лаврентій-то Тарасычъ и мелкимъ бѣсомъ передо мной разсыпался...

Пока честная мать одѣвалась да собиралась, Мелкозерова и слѣдъ простылъ. Когда мать Анѳуса прошла въ густомѣсовскій флигелекъ, Яковъ Трофимычъ сидѣлъ и наощупь считалъ какія-то деньги. Заслышавъ шаги, онъ спряталъ цѣлую пачку за спину.

— Денегъ Богъ послалъ?—спросила мать Анѳуса.

— Добраго человѣка послалъ Богъ, а не деньги. Обманули вы меня всѣ: и твой старецъ Мисаилъ, и Егоръ Иванычъ, и милая женушка. Вотъ одинъ Лаврентій Тарасычъ пожалѣлъ... Говоритъ: давай грѣхъ пополамъ. Вотъ онъ какой... Я-то, говоритъ, наживу, потому зрячій, а тебѣ гдѣ взять, слѣпому.

— За что же онъ тебѣ столько денегъ далъ?

— А пожалѣлъ... Ему плевать пятнадцать-то тысячъ. На, говоритъ, поправляйся, а буде что будетъ, — барыши пополамъ. Какіе тамъ барыши, когда цѣльный годъ ни слуху ни духу...

— Надулъ онъ тебя, Лаврентій-то Тарасычъ!—вступилась Агнія.—Станетъ онъ тебѣ даромъ деньги давать...

— Молчать! — закричалъ Яковъ Трофимычъ. — Не твоего бабьяго ума дѣло... Всѣ вы меня обманываете...

— Да ты никакъ рехнулся! — обидѣлась мать Анѳуса. — Какія слова-то говоришь?

— А вотъ такія... Будетъ вамъ меня за носъ водить. Это все милая женушка устроила для милаго дружка Капитона Титыча. Ему на голодные-то зубы какъ разъ мои деньги пригодились. Лаврентій-то Тарасычъ прямо говоритъ: „За Капитошкино озорство тебѣ плачу, потому, какъ ни на есть, а племянникомъ меня Богъ наказалъ. Съ Егоромъ Иванычемъ самъ считайся, а за Капитошку я все помирю“.

— Обошелъ онъ тебя кругомъ, и разговаривать я съ тобой не хочу,— окончательно разсердилась мать Анѳуса и ушла, хлопнувъ дверью.

— Не поглянулось... а? Ха-ха...—смѣялся слѣпецъ, вытаскивая деньги изъ-за спины. — Сладокъ вамъ Капитошка пришелся... А съ тобой, змѣя, у меня свой разговоръ будетъ. Подойди-ка сюды, жаръ-птица...

— Не подойду! Лучше въ озеро брошусь... А ты дуракъ!.. Я тебя и знать больше не хочу...

— Молчать! — заревѣлъ слѣпой, трясясь отъ бѣшенства. — Убить тебя мало... На мои деньги хотѣли разлакомиться, да не выгорѣло... А Егоръ-то Иванычъ на старости лѣтъ какимъ себя дуракомъ оказалъ?.. И его вы обошли.

Цѣлый день во флигелькѣ стоялъ содомъ, а потомъ Агнія вырвалась и убѣжала къ матери Анѳусѣ, но ее туда не пустили: тамъ сидѣли Рябинины и Огибенины, пріѣхавшіе тоже провѣдать Густомѣсова. Они столкнулись случайно и смотрѣли другъ на друга волками, такъ что насмѣшили мать Анѳусу...

— Экая жалость на васъ сегодня напала...—говорила Анѳуса.—Ума не приложу. Давѣ утромъ пригонялъ Лаврентій Тарасычъ и напередъ васъ пожалѣлъ Якова Трофимыча. Опоздали вы, видно, маленько... Да и меня напрасно морочите. Говорите ужъ прямо, съ чѣмъ пріѣхали...

Долго отнѣкивались сосногорскіе толстосумы, а потомъ повинились на чистоту, чтобы вывести Лаврентія Тарасыча на свѣжую воду. Да, Егоръ Иванычъ нашелъ въ тайгѣ несмѣтное золото и скоро будетъ сюда, какъ только рѣки станутъ. Сказываютъ, что такого богатства еще и не видано и не слыхано.

Вѣсть о найденномъ богатствѣ разнеслась перекатной волной, и въ Сосногорскѣ только и говорили, что о таежномъ золотѣ. Попрежнему не вѣрилъ этимъ слухамъ одинъ Яковъ Трофимычъ и каждый день пересчитывалъ полученныя съ Мелкозерова деньги, ругая жену на чемъ свѣтъ стоитъ.

Егоръ Иванычъ пріѣхалъ только подъ Рождество, вмѣстѣ съ Капитономъ Титычемъ. Онъ пріѣхалъ прямо на Увѣкъ подъ вечеръ, когда въ обитель постороннихъ уже не пускали. Вышла сама мать Анѳуса, чтобы впустить желанныхъ гостей, и не узнала ихъ: загорѣли, завѣтрѣли, похудѣли.

— Зайдите ко мнѣ опнуться малымъ дѣломъ, — пригласила ихъ мать Анѳуса.

Степенный былъ человѣкъ Егоръ Иванычъ и не сразу распоясался, да и радъ былъ видѣть дочь. Даже прослезился старикъ, обнимая свою ненаглядную Аннушку.

— Ну, устроилъ я тебѣ хорошее приданое, доченька, — шепнулъ онъ. — Не для себя старался и всяческую муку принималъ... За ваши скитскія молитвы Господь счастки послалъ.

Мать Анѳуса выставила закуску для дорогихъ гостей и даже сама налила имъ по рюмкѣ своедѣльной настойки отъ сорока недуговъ.

— Не томите, отцы, — говорите... — молила она.

Капитонъ Титычъ молчалъ, изрѣдка взглядывая на Аннушку, а Егоръ Иванычъ разгладилъ свою бородку и проговорилъ:

— Перво-наперво скажу я тебѣ, мать честная, что привезъ я изъ тайги своей любезной дочери подарочекъ... Не вѣкъ ей въ дѣвкахъ вѣковать. Любъ тебѣ, Аннушка, Капитонъ Титычъ? Ну, да это не твоего ума дѣло.. Дѣвушкамъ и не слѣдъ знать, какого жениха отецъ выберетъ. А второе дѣло, честная мать Анѳуса, за твои молитвы сиротскія напали мы подъ самый Успеньевъ день на богатимое золото, о какомъ еще и не слыхивали... Потомъ все разскажу, а сейчасъ пойду Якова Трофимыча обрадую.

Появленіе Егора Иваныча съ извѣстіемъ объ открытомъ богатствѣ было для Якова Трофимыча ударомъ грома. Онъ даже весь затрясся и едва могъ разсказать про то, какъ его пожалѣлъ Лаврентій Тарасычъ.

— А ты ему верни деньги — и вся недолга, — совѣтовалъ Егоръ Иванычъ.

— Не могу, родной: клятву онъ съ меня взялъ. Вѣдь безъ бумаги дѣло дѣлалось, а на слово...

Впрочемъ, слѣпецъ скоро утѣшился, когда узналъ о женихѣ Аннушки. Онъ сразу повеселѣлъ и, потирая руки, говорилъ:

— Вотъ, Агнюшка, радость-то тебѣ великая... Вѣдь ты души не чаешь въ Аннушкѣ...

VIII

Открытіе сибирскаго золота въ теченіе всей зимы волновало Сосногорскъ. Молва увеличивала съ каждымъ днемъ нажитыя Егоромъ Иванычемъ сокровища, хотя всѣ и знали хорошо, что онъ и Капитонъ только „въ паю“, а львиная часть предпріятія досталась слѣпому Густомѣсову и Лаврентію Тарасычу Мелкозерову. Толпа всегда жаждетъ чего-нибудь необыкновеннаго, таинственнаго и сверхъестественнаго, а что же тутъ особеннаго, если къ густомѣсовскимъ и мелкозеровскимъ деньгамъ прибавятся новыя деньги. Другое дѣло — Егоръ Иванычъ, уважаемый всѣми старикъ, который сразу попалъ

въ милліонеры... Это — съ одной стороны, а съ другой — потихоньку отъ всѣхъ составлялись новыя партіи, чтобы по проторенной дорожкѣ двинуться въ тайгу. Во главѣ одной такой партіи стояли Огибенины, во главѣ другой — Рябинины.

— Тайга велика, всѣмъ мѣста хватитъ, — спокойно говорилъ Егоръ Иванычъ, когда ему разсказывали о замыслахъ будущихъ соперниковъ.—Только вѣдь все на счастливаго... Если бы не Капитонъ у меня, такъ и я пріѣхалъ бы съ пустыми руками. Удачливъ онъ...

Всѣ помыслы Егора Иваныча теперь были сосредоточены на свадьбѣ дочери, съ которой онъ ужасно торопился. Да и какъ было не торопиться: скоро нужно было опять уѣзжать надолго въ тайгу, и еще неизвѣстно, вернется домой живой или нѣтъ. Егора Иваныча начинала давить собственная старость, и онъ боялся, что любимая дочь Аннушка останется непристроенной. Капитона онъ зналъ съ дѣтства и зналъ всѣ его недостатки, но все-таки это былъ хорошій и добрый человѣкъ. Конечно, характеръ у Капитона вспыльчивый и гордый, но только не нужно его раздражать, и добрая, умная жена будетъ съ нимъ счастлива. Много безсонныхъ ночей провелъ въ тайгѣ Егоръ Иванычъ, обдумывая будущее своей ненаглядной дочери Аннушки, и ничего лучше не могъ придумать.

Сама Аннушка какъ-то плохо понимала, что̀ дѣлается кругомъ нея. Все случилось такъ быстро и такъ неожиданно. Когда дѣвушка оставалась одна, ей дѣлалось страшно безъ всякой причины. Она боялась, самая не зная чего... Просто страшно, и все тутъ. Вѣдь одинъ разъ выйти замужъ, и назадъ ничего не воротишь. Капитонъ ей нравился, и въ то же время она боялась его. Впрочемъ, онъ такъ рѣдко бывалъ въ скиту, такъ что и познакомиться поближе съ нимъ было некогда. Свадьба выходила по старинкѣ, по родительскому наказу. Егоръ Иванычъ замѣчалъ, что Аннушка какъ будто не весела, и самъ начиналъ хмуриться. Разъ онъ даже обратился къ Агніи Ефимовнѣ съ просьбой:

— Вы ее разговорите, Аннушку... Конечно, дѣвичье дѣло, всего боится, а отцу и сказать ей не подходитъ. Вы ужъ ей объясните...

— Пустяки, все пройдетъ, — успокаивала старика Агнія Ефимовна, улыбаясь и глядя въ глаза. — Соколъ, а не женихъ...

Агнія Ефимовна вообще приняла самое дѣятельное участіе въ готовившейся свадьбѣ, и подъ ея руководствомъ справлялось все богатое приданое. Егоръ Иванычъ развернулся и ничего не пожалѣлъ для милой дочки. О такомъ приданомъ въ Сосногорскѣ еще и не слыхивали. Часть приданаго готовилась въ скиту, а другая въ городѣ. Всего по старинному счету выходило сундуковъ тридцать, и Аннушка приходила въ ужасъ, что все это она должна износить. Вѣдь нужно было прожить лѣтъ сто для этого... Потомъ ей было просто совѣстно: всѣ другія дѣвушки завидовали ей, а между тѣмъ она совсѣмъ не желала богатства. Кому это нужно? Чтобы люди говорили и завидовали богатой невѣстѣ... Аннушкѣ казалось, что она дѣлаетъ что-то нехорошее и со временемъ должна будетъ дорого заплатить вотъ за эту чужую зависть. Вообще, ей было не весело, и она относилась совершенно хладнокровно къ хлопотамъ Агніи Ефимовны.

Потомъ Аннушка все больше и больше начинала бояться Агніи Ефимовны, особенно когда она такъ пристально смотрѣла на нее своими темными глазами, смотрѣла и улыбалась. И чѣмъ ласковѣе была Агнія Ефимовна, тѣмъ страшнѣе дѣлалось Аннушкѣ. Дѣвушка краснѣла, опускала глаза и не знала, куда ей дѣваться.

— Счастливая ты, Аннушка, — нѣвуче говорила Агнія Ефимовна. — Всѣ-то тебѣ завидуютъ... Вонъ какого сокола получаешь въ мужья. Чужія-то бабы глаза на него проглядятъ...

Яковъ Трофимычъ совсѣмъ не узнавалъ жены, которая сдѣлалась вдругъ ласковой, точно сразу отмякла. Съ своей стороны, онъ теперь не травилъ ее Капитономъ и даже старался совсѣмъ не поминать про него. Разъ Агнія Ефимовна сама приласкалась къ нему, обняла и сказала:

— Покаяться, Яковъ Трофимычъ?

— Покайся, Агнюша...

— Очень мнѣ нравился Капитонъ-то... И чѣмъ больше ты меня ругалъ, тѣмъ больше онъ мнѣ нравился. Кажется, кожу сняла бы съ себя да отдала ему...

— Ну, ну, говори, змѣя...

— А какъ онъ засваталъ Аннушку...

— Ну, ну?

— Какъ засваталъ, такъ и опостылѣлъ...

— Врешь!..

— Какъ передъ Богомъ... Ненавижу я его, Яковъ Трофимычъ. Видѣть не могу...

— Завидно?

— И не завидно, а просто ненавижу. Такъ обнесло меня тогда, совсѣмъ не своя была, а теперь обдумалась... Я такъ полагаю, что обошелъ онъ меня. Не спроста было дѣло...

— Не спроста, Агнюшка... Вѣрное твое слово: не спроста. А ты бы съ мужемъ посовѣтовалась... разсказала все, какъ сейчасъ... Вѣдь не чужой мужъ-то.

— И разсказала бы все, какъ на духу, кабы не совѣстно за свою слабость. А теперь я его терпѣть ненавижу...

— Не врешь?

— А что̀ мнѣ врать: сама на себя клепать напрасно не буду.

Какъ ни крѣпился Яковъ Трофимычъ, а повѣрилъ женѣ, во всемъ повѣрилъ. Велика сила въ этой женской слабости... Заговорила, уластила Агнія Ефимовна слѣпого мужа, и сама повѣрила, что ненавидитъ Капитона. Да и, дѣйствительно, ненавидѣла, какъ умѣютъ ненавидѣть однѣ женщины. Что̀ онъ ей, мужней женѣ — ни къ шубѣ рукавъ, какъ говорятъ старухи. Пусть порадуется съ молодой женой, а она сама по себѣ. Глухая злоба такъ и разбирала Агнію Ефимовну, и чѣмъ тяжелѣе ей дѣлалось, тѣмъ ласковѣе она улыбалась. Ей нравилось даже, что она такая несчастная и что должна коротать вѣкъ со слѣпымъ мужемъ. Нравилось ей готовить приданое Аннушкѣ, чужое счастье дѣлало ее еще несчастнѣе. А, пусть радуются, пусть любятъ другъ друга, пусть веселятся... А она на зло всѣмъ будетъ любить свое слѣпое горе.

Свадьбу задержало только приданое. Егоръ Иванычъ сильно торопилъ. Ему сейчасъ послѣ свадьбы нужно было уѣзжать въ тайгу. Въ этой свадьбѣ какъ-то всѣ приняли участіе. Густомѣсовъ подарилъ невѣстѣ цѣлый сундукъ всякаго добра, разступился и Лаврентій Тарасычъ: онъ отписалъ племяннику одинъ изъ своихъ домовъ. Однимъ словомъ, всѣ помирились, и дѣло катилось впередъ, какъ по маслу. Свадьбу сыграть рѣшено было въ громадномъ мелкезеровскомъ домѣ. Пусть всѣ видятъ, какъ Лаврентій Тарасычъ любитъ племянника.

Свадьба Капитона была сыграна на славу. Такой еще не видали въ

Сосногорскѣ. Гостей набралось сотенъ до двухъ. Лаврентій Тарасычъ разошелся и, похаживая по горницамъ, приговаривалъ:

— Пей, ѣшь, веселись въ мою голову... Ничего не жаль для дражайшаго племянничка.

Въ числѣ почетныхъ гостей первое мѣсто отведено было слѣпому Густомѣсову. Долго его уговаривали выѣхать изъ скита и кое-какъ уломали. Да и не поѣхалъ бы онъ, если бы не Агнія Ефимовна, которая тоже уперлась и ни за что не хотѣла ѣхать на свадьбу. Именно это и заставило Густомѣсова согласиться... Пусть милая женушка казнится, какъ милъ-сердечный другъ съ другой пойдетъ подъ вѣнецъ. У слѣпого всплыло желаніе показнить жену. Агнія Ефимовна даже заплакала, когда пришлось ѣхать изъ скита. Но въ гостяхъ она сразу очувствовалась, приняла гордый видъ, и всѣ невольно ею любовались. Красива была Агнія Ефимовна въ старинномъ парчевомъ сарафанѣ и въ расшитой жемчугами старинной „сорокѣ". Сидитъ съ мужемъ, рядомъ съ невѣстой, и такъ спокойно на всѣхъ поглядываетъ. Дрогнула Агнія Ефимова только въ моментъ, когда отправляла невѣсту къ вѣнцу.

— Будь счастлива, Аннушка, — шепнула она, цѣлуя невѣсту.

Аннушка посмотрѣла на нее и удивилась: у Агніи Ефимовны глаза были полны слезъ. Ей сдѣлалось жаль несчастной женщины.

Вѣнчали въ старой раскольничьей моленной, куда Агнія Ефимовна ѣздила провожать невѣсту. Съ молодыми она вернулась спокойная и веселая, точно сняла съ души какую-то тяжесть. А дальше Агнія Ефимовна и совсѣмъ развернулась. Рѣчистая была баба, схватчивая на словахъ, и самъ Лаврентій Тарасычъ похлопалъ ее по плечу.

— Хороша бабочка, нечего сказать: въ зубахъ слово не завязнетъ.

Разошлась Агнія Ефимовна на чужомъ пиру, расшутилась и даже въ плясъ пошла. Всѣ любовались красавицей и только дивились, откуда у нея веселье берется. Капитонъ смотрѣлъ на Агнію Ефимовну и хмурилъ брови, точно припоминалъ какой дурной сонъ.

— Поцѣлуй жену... — приставала Агнія Ефимовна къ нему. — Анна Егоровна, ну-ка, какъ ты любишь молодого мужа?

Эти приставанья сильно смущали молодую, и она не знала, куда дѣвать глаза.

— Посмотрите, какъ любятъ мужей, — не унималась Агнія Ефимовна и при всѣхъ цѣловала своего слѣпца. — Вотъ какъ и еще вотъ такъ...

Всѣ видѣли, какъ веселилась Агнія Ефимовна, и никто не зналъ, что̀ дѣлается у нея на душѣ.

Свадьба продолжалась цѣлыхъ двѣ недѣли. Расходившійся Лаврентій Тарасычъ вечеромъ запиралъ ворота на замо̀къ и никого не выпускалъ, а съ утра начиналась та же музыка. Все, что̀ было богатаго въ Сосногорскѣ и въ ближайшихъ городахъ, безпросыпно кутило въ мелкозеровскихъ палатахъ цѣлыхъ двѣ недѣли, позабывъ счетъ днямъ, позабывъ всякія дѣла и домашнія работы. Пьяные гости били посуду, ломали мебель, рвали на себѣ платье и вообще безобразничали. Трудно сказать, до чего дошло бъ это дикое веселье, если бъ въ одно прекрасное утро не нашли одного гостя мертвымъ: бѣдняга „сгорѣлъ" отъ вина. Все разомъ кончилось, и всѣхъ гостей вымело точно вѣтромъ, и даже самъ Лаврентій Тарасычъ сбѣжалъ на заводы, оставивъ мертвое тѣло въ своихъ палатахъ на произволъ судьбы, т.-е. Егору Иванычу, которому уже отъ себя пришлось считаться съ исправникомъ, засѣдателемъ, полицеймейстеромъ и разной чиновной мелочью.

IX.

Сейчасъ послѣ свадьбы, наскоро похоронивъ сгорѣвшаго отъ вина усерднаго гостя, Егоръ Иванычъ уѣхалъ въ тайгу. Молодые остались въ городѣ до осени и переѣхали въ собственный домъ, гдѣ продолжалось то же веселье. На радостяхъ Капитонъ закутилъ, и гости не выходили изъ дому. Свадебное веселье затянулось на все лѣто.

Густомѣсовъ вернулся въ скитъ на Увѣкъ, и свой флигелекъ теперь показался Агніи Ефимовнѣ живой могилой. Но она ничѣмъ не выдавала себя и по наружному виду казалась даже веселой.

— Такъ, Агнюшка, такъ... — похваливалъ жену Яковъ Трофимычъ. — Чего намъ съ тобой печалиться? Слава Богу, все есть, а тамъ еще Егоръ Иванычъ въ тайгѣ добудетъ... А много ли намъ съ тобой двоимъ надо? Умру, все на тебя запишу.

Мысль о смерти всегда вызывала непріятные разговоры. Агнія Ефимовна знала это впередъ и мучилась каждый разъ вдвойнѣ.

— Помру я, откажу тебѣ, Агнюшка, все свое добро, а ты...

— Пошелъ молоть! Прежде смерти никто не помираетъ, и меня переживешь еще десять разъ.

— Нѣтъ, я чувствую, что я скоро помру, Агнюшка... Ну, пожилъ, ну, всего отвѣдалъ — туда и дорога, а вотъ тебя мнѣ, миленькая, жаль. Останешься ты одна, да еще при собственномъ капиталѣ, окружатъ тебя бабы-шептуньи, — ну, и взыграютъ мои кровныя денежки... Подсыплется какой ни на есть статуй, а ваша женская часть слаба. Будете на мои денежки радоваться да надо мной, покойничкомъ, посмѣиваться. Все знаю, голубушка... А денежки проживете, онъ, статуй-то, и броситъ тебя. И будешь ты опять маленькая, какой я тебя замужъ бралъ: ни впередъ ни назадъ.

— Я въ скиту останусь, Яковъ Трофимычъ.

— Врешь!.. Не вѣрю... Все врешь!

Въ послѣднее время у Якова Трофимыча явилась мысль о „чинѣ ангельскомъ". На эту тему онъ не разъ заводилъ стороной разговоръ. Хорошо бы это было обоимъ постричься заразъ. И жили бы вмѣстѣ на Увѣкѣ: онъ въ своей кельѣ, а она съ другими старицами.

— Ежели оставишь мнѣ капиталъ, такъ я живо игуменьей буду, — говорила Агнія Ефимовна, поддакивая мужу. — Въ скиту деньги-то понужнѣе, чѣмъ на міру...

— Отлично, Агнюшка... Все на тебя отпишу... Было бы за что мои грѣхи отмаливать... Охъ, много грѣховъ!.. Слабъ человѣкъ, а врагъ силенъ.

Раздумавшись объ ангельскомъ чинѣ, Агнія Ефимовна и сама пришла къ заключенію, что это единственный выходъ изъ ея положенія. А тамъ можно и снять съ себя монашескую рясу... Только бы отъ постылаго мужа избавиться, чтобы не видѣть его и не слышать. Конечно, она могла уйти отъ мужа, какъ вѣнчанная по раскольничьему обряду, но эта мысль не приходила къ ней въ голову. И куда она пойдетъ? Дѣлать она ничего не умѣетъ, работать отвыкла, а жить по чужимъ людямъ не желала, припоминая свое сиротство. А главное, выходила на богатство, столько лѣтъ терпѣла—и вдругъ все бросить.

Всѣ эти планы разстроились совершенно неожиданно, и еще болѣе неожиданно Агнія Ефимовна очутилась на полной своей волѣ, какъ выпущенная изъ клѣтки птица.

Дѣло въ томъ, что въ описываемое нами время—начало сороковыхъ годовъ—надъ нескверным и тихимъ иноческимъ житьемъ стряслась неожиданная бѣда: вышелъ строгій указъ „о прекращеніи скитовъ". Слухи объ этомъ ходили и раньше, какъ заросли скиты раньше, но Увѣкъ, благодаря сильнымъ милостивцамъ и доброхотамъ, устаивалъ, не въ примѣръ другимъ обителямъ. А тутъ даже не успѣли опомниться, какъ налетѣла бѣда. Вскорѣ послѣ Успеньева дня на Увѣкъ пріѣхалъ исправникъ и опечаталъ скитъ, а сестрамъ велѣлъ убираться на всѣ четыре стороны. Огласилась тихая обитель стенаніями и воплемъ. Бывали бѣды и раньше, да сходили съ рукъ, а тутъ исправникъ и слышать ничего не хотѣлъ, какъ его ни умоляли повременить хоть недѣльку.

— Не могу противъ указа итти, — отвѣчалъ исправникъ. — Не моя воля.

Мало этого, потребовалъ у старицъ паспорты и пригрозилъ высылкой на мѣста жительства этапнымъ порядкомъ, если не уберутся по-добру по-здорову сами. Однимъ словомъ, вышелъ казусъ... Прежде Густомѣсовъ вызволялъ или Лаврентій Тарасычъ, потому какъ имѣли они большую силу у разныхъ властодержцевъ, а тутъ и они ничего не могли подѣлать. Очень ужъ скоро прискочила лихая напасть... Всѣхъ хуже приходилось Густомѣсову. Онъ совсѣмъ упалъ духомъ и рѣшительно не зналъ, что̀ ему дѣлать и куда дѣваться. Агнія Ефимовна тоже растерялась въ первую минуту и даже не обрадовалась желанному освобожденію. Ее точно пугала собственная воля.

— Умереть надо—вотъ что̀!—повторялъ въ отчаяніи слѣпой старикъ.— Ну, куда я теперь дѣнусь? Зрячіе-то найдутъ себѣ мѣсто, а я ума не приложу...

А тутъ и подумать даже некогда: уходи, и конецъ тому дѣлу. Горькими слезами всплакался несчастный слѣпецъ, предчувствуя самое горшее еще впереди. Положимъ, у него въ Сосногорскѣ былъ свой домъ и всякое угодье, а все-таки не въ примѣръ тихому скитскому житію.

Въ одинъ день весь скитъ опустѣлъ, точно умеръ. Съ горькими слезами и жалобными причетами оставляли сестры насиженное мѣсто. Никто не зналъ, куда голову приклонить... Не плакала и не жаловалась одна честная мать Апоуса: она не вѣрила, что скитъ закрытъ навсегда.

— Не можетъ этого быть,—спокойно говорила она.

А вышло другое: скитъ на Увѣкѣ закрывался навсегда, какъ и другіе скиты, разбросанные по Уралу тамъ и сямъ.

Густомѣсовы переѣхали на время въ свой домъ въ Сосногорскѣ. Яковъ Трофимычъ и слышать не хотѣлъ, чтобы оставаться здѣсь навсегда, и Агнія Ефимовна отмалчивалась. Домъ былъ большой, и одну половину занимали квартиранты. Теперь пришлось квартирантамъ отказать и занять весь домъ. Яковъ Трофимычъ не желалъ, чтобы вмѣстѣ жилъ кто-нибудь посторонній.

— Еще убьютъ какъ-нибудь,—жаловался слѣпой старикъ. — Извѣстно, какой нынче народъ. Знаютъ, что есть у меня кое-какія деньжонки, — ну и убьютъ, какъ пить дадутъ.

Хлопоты по устройству въ своемъ домѣ заняли все время Агніи Ефимовны, такъ что ей некогда было даже думать о томъ, что̀ будетъ дальше. Каждый день былъ переполненъ своими собственными заботами. Она была совершенно счастлива своей новой обстановкой. Яковъ Трофимычъ тоже устраивался по-новому. Дворъ былъ превращенъ въ настоящую крѣпость, и всѣ ворота запирались тяжелыми замка̀ми, ключи отъ которыхъ хранились у хозяина. Главная опасность грозила отъ воротъ на улицу, и здѣсь были при-

нятыя всѣ необходимыя предосторожности. Никто не могъ войти во дворъ безъ вѣдома хозяина, и онъ шнуркомъ отворялъ самъ калитку, разузнавъ предварительно, кто пришелъ, по какому дѣлу. Затѣмъ, онъ зналъ въ каждый моментъ, гдѣ жена, что она дѣлаетъ и что дѣлаютъ другіе. Въ своемъ собственномъ домѣ Яковъ Трофимычъ являлся какимъ-то злымъ духомъ. И все-таки Агнія Ефимовна была счастлива, особенно когда вспоминала свое скитское сидѣнье. Здѣсь ея время уходило, по крайней мѣрѣ, на хозяйство по дому, на сношеніе съ живыми людьми, какъ та же прислуга.

— Хорошо, Агнюшка,—радовался слѣпецъ.—Хлопочи, матушка... Вездѣ надо свой глазъ, а то все добро растащатъ по крохамъ. Вотъ какой народъ нынче пошелъ...

Изъ постороннихъ бывала только одна Аннушка, или, по-теперешнему,—Анна Егоровна. Яковъ Трофимычъ очень любилъ ее и былъ радъ, когда она завертывала. Молодая женщина замѣтно похудѣла и не имѣла вида счастливаго человѣка, что Агнія Ефимовна чувствовала каждый разъ.

— Когда вы кончите пиры-то пировать?—спрашивалъ слѣпецъ.—Ужъ будетъ. Ты бы останавливала своего-то Капитона. На то жена...

— Какъ я его остановлю, Яковъ Трофимычъ, если онъ меня не слушаетъ?

— Значитъ, не любитъ, если не слушаетъ... А ты его забери въ руки, какъ меня забрала Агнюшка... хе-хе!..

— Не умѣю, Яковъ Трофимычъ...

Аннушка пріѣзжала на своемъ собственномъ рысакѣ и всегда разодѣтая по-богатому, что ее смущало.

— Что, любитъ тебя мужъ?—спрашивала Агнія Ефимовна.—Какая я глупая... Конечно, любитъ, нечего и спрашивать. А мой-то слѣпышъ какъ ревновалъ меня къ Капитону Титычу... Задушить хотѣлъ со злости. И теперь не пущаетъ къ вамъ, а ужъ такъ охота мнѣ хоть однимъ глазкомъ посмотрѣть, какъ вы тамъ живете. Вѣдь есть же счастливые люди на свѣтѣ...

— Всякій по-своему счастливъ, Агнія.

— Не прикидывайся, смиренница. Все знаю...

Агнія Ефимовна, дѣйствительно, все знала, что дѣлается у Аннушки, и разсказывала мужу. Яковъ Трофимычъ хохоталъ до слезъ, когда жена такъ смѣшно все представляла. Онъ убѣдился, что она, дѣйствительно, возненавидѣла Капитона и готова устроить ему всякую пакость.

— Ахъ, если бы можно было его разорить!—со вздохомъ повторяла Агнія Ефимовна.—Будетъ, порадовался. Надо и честь знать... Ничего бы, кажется, не пожалѣла!

— И Аннушки не жаль?

— Чего ее жалѣть-то... Все равно, Капитонъ ее не любитъ.

— Ну, это ихнее дѣло... Промежду мужемъ и женой одинъ Богъ судья.

А дѣла Капитона шли все лучше и лучше. Изъ тайги шли хорошія вѣсти. Золото лилось рѣкой... Егоръ Иванычъ повелъ дѣло сильной рукой, и промыслы давали страшный дивидендъ. Въ первый же годъ на долю Густомѣсова и Мелкозерова досталось тысячъ по шестидесяти. Такъ, за здорово живешь, сыпались деньги. На долю Капитона доставалось меньше, но онъ проживалъ втрое больше, чѣмъ получалъ отъ Егора Иваныча. Скоро дошли слухи, что и другіе, уѣхавшіе въ тайгу по слѣдамъ Егора Иваныча, тоже получили свою долю, открывая новое золото. Сосногорскъ вообще переживалъ самое тревожное время, какъ охваченный лихорадкой человѣкъ. Наступалъ какой-то золотой вѣкъ, причемъ Егоръ Иванычъ являлся чуть не колдуномъ, развороживщимъ похороненныя въ тайгѣ сокровища.

Осенью Капитонъ уѣхалъ въ Сибирь, а Анна Егоровна осталась. Теперь она начала часто бывать у Густомѣсовыхъ, съ которыми ее связывали общія скитскія воспоминанія. Она чувствовала, что Яковъ Трофимычъ ее любитъ, какъ родную дочь, и инстинктивно льнула къ этому родному огоньку.

X.

Скоро для Агніи Ефимовны исчезла и послѣдняя тѣнь затворничества. Новыя сибирскія дѣла требовали усиленной работы, а Яковъ Трофимычъ никому не довѣрялъ и ничего слушать не хотѣлъ о помощникѣ. Между тѣмъ нужно было и счета подвести, и съѣздить въ банкъ, и достать какую-нибудь справку. Агнія Ефимовна вдругъ оказалась великимъ дѣльцомъ. Она быстро освоилась со всей этой дѣловой механикой и сдѣлалась необходимой сотрудницей мужа. Труднѣе всего было Якову Трофимычу выпускать жену хлопотать по дѣламъ одну, поэтому онъ уговаривалъ Анну Егоровну выѣзжать вмѣстѣ.

— Тебѣ-то я вѣрю, Аннушка,—повторялъ слѣпецъ.—А женушка, того гляди, сбрендитъ... Знаю я ее превосходно.

Агнія Ефимовна не обижалась этой опекой и вездѣ таскала за собой Анну Егоровну. Сдѣлавшись необходимой, она быстро вкралась въ полное довѣріе къ мужу. Теперь уже онъ совѣтовался съ ней, какъ поступить въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ.

— Ты у меня золото, Агнюшка, — говорилъ слѣпой. — Ежели бы я совсѣмъ могъ довѣриться тебѣ... Знаю, все знаю, какая ты есть.

Познакомившись со всѣми дѣлами мужа, Агнія Ефимовна составила довольно сложный планъ мести Капитону. Часто по ночамъ она уже видѣла его разореннымъ, униженнымъ, жалкимъ и впредь торжествовала побѣду. Да, онъ будетъ въ ея рукахъ и будетъ ждать одного ея ласковаго взгляда. Иногда, провѣряя присылаемые Егоромъ Иванычемъ пріисковые счета, она очень ловко подчеркивала растраты Капитона, разнесенныя по разнымъ статьямъ.

— Такъ, такъ, женушка, — соглашался Яковъ Трофимычъ. — Этакъ-то Капитонъ и совсѣмъ разоритъ насъ... Вонъ онъ какъ распыхался.

— И совсѣмъ онъ не нуженъ намъ,—говорила Агнія Ефимовна.—Только зря деньги травимъ...

— Что подѣлаешь, Агнюшка! Вся статья въ Егорѣ Иванычѣ... Для него и терпимъ Капитошку. А промежду прочимъ посмотримъ...

Эти подготовительныя бесѣды дѣлали свое дѣло. Яковъ Трофимычъ мало-по-малу озлоблялся. Съ другой стороны, онъ былъ такъ доволенъ, что жена сама подводитъ ненавистнаго Капитона. Оставалось обработать Лаврентія Тарасыча, и Агнія Ефимовна дѣйствовала здѣсь съ особенной осторожностью, чтобы характерный старикъ не догадался, по чьей дудкѣ будетъ онъ плясать. Когда при Мелкозеровѣ Яковъ Трофимычъ начиналъ травить Капитона, она непремѣнно вставляла какое-нибудь словечко за него.

— Молодъ еще Капитонъ Титычъ. Остепенится...

Густомѣсовъ былъ въ восторгѣ отъ такой политики.

— Старикъ-то, старикъ-то въ какихъ дуракахъ, Агнюшка... Ха-ха!.. Ты его ловко взнуздываешь, а онъ-то думаетъ, что все самъ... Ловко!

— Нельзя по-другому-то... Никого не слушаетъ Лаврентій Тарасычъ, а бабу гдѣ же послушаетъ. Еще наоборотъ сдѣлаетъ...

— Вотъ, вотъ... Ты нахваливай ему Капитошку-то. Охъ, и согрѣшилъ я съ тобой, Агнюшка!..

Такъ прошла зима, а когда по послѣднему пути вернулся изъ тайги Капитонъ, все уже было готово. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Егоромъ Иванычемъ и, конечно, ничего не подозрѣвалъ.

— Ужо къ намъ пріѣдетъ, такъ ты съ нимъ поласковѣе,—училъ жену Густомѣсовъ.—А я будто не слышу... Хе-хе!..

— Не учи, Яковъ Трофимычъ.

— Ахъ, эти бабы! Вотъ разбери-ка, что у ней на умѣ... А Капитошка-то простъ, всему повѣритъ. Потѣха!.. Ужъ ты постарайся, Агнюшка, чтобы комаръ носу не подточилъ.

Дѣйствительно, Капитонъ пріѣхалъ къ Густомѣсовымъ вмѣстѣ съ женой и былъ принятъ, какъ дорогой гость. Агнія Ефимовна встрѣтила его спокойной улыбкой. Дальше все шло, какъ по-писаному. Яковъ Трофимычъ былъ необыкновенно веселъ и только ухмылялся, слушая, какъ жена разговариваетъ съ Капитономъ. Потомъ старикъ не выдержалъ и принялся отчитывать гостя. Капитонъ выслушалъ попреки молча, молча повернулся и пошелъ въ переднюю, не простившись съ гостепріимнымъ хозяиномъ. Анна Егоровна страшно перепугалась и бросилась уговаривать Якова Трофимыча.

— Голубчикъ, Яковъ Трофимычъ, что же это такое?..

— Люблю тебя, Аннушка, а Капитошку въ порошокъ изотру...

Агнія Ефимовна воспользовалась этимъ моментомъ и догнала Капитона уже въ передней. Здѣсь она прямо бросилась къ нему на шею, обняла и, глядя въ глаза, шептала:

— Милый, милый... какъ я тебя люблю!.. И ненавижу и люблю...

Капитонъ отъ неожиданности ничего не могъ выговорить. Онъ чувствовалъ ея горячее дыханіе, чувствовалъ, какъ двѣ тонкихъ руки обвили его шею, и не могъ шевельнуться.

— Агнія Ефимовна...—шепталъ онъ, набирая воздуха.

— Какая я тебѣ Агнія Ефимовна? Нѣтъ здѣсь Агніи Ефимовны, а есть только безумная женщина... Ну, взгляни ласково, соколъ ясный!..

Она и плакала, и смѣялась, и припадала къ нему головой.

— Сколько я ждала... сколько мучилась... *Та* развѣ это понимаетъ? Дѣвчонка она несмысленная... Ты будешь мой, мой, мой... Утоплюсь, руки на себя наложу, а будешь мой. Милый, миленькій, родной!..

Этотъ безумный бредъ обжогъ Капитона огнемъ, и онъ даже пошатнулся на мѣстѣ, какъ пьяный, а потомъ сильной рукой обнялъ обезумѣвшую женщину. Она только закрыла глаза и вся распустилась, точно подкошенная. Эта нѣмая сцена была прервана послышавшимися шагами Анны Егоровны. Агнія отскочила, посмотрѣла кругомъ безумными глазами и захохотала, какъ русалка.

— Это мой слѣпышъ меня ревнуетъ...—объяснила она Аннѣ Егоровнѣ.— Понимаешь? Съѣлъ онъ меня... А ты думаешь, взаправду онъ говорилъ про Капитона? Ничего, все уладимъ...

Капитонъ только опустилъ глаза и молча простился съ сумасшедшей хозяйкой. Агнія Ефимовна бросилась къ окну и смотрѣла, какъ Капитонъ усаживаетъ жену въ экипажъ,—она ждала, что онъ оглянется на окно. Но онъ не оглянулся... Она, когда тронулся экипажъ, погрозила вслѣдъ уѣзжавшимъ кулакомъ и опять захохотала.

— Ловко, Агнюшка!—хвалилъ слѣпой и тоже смѣялся...—Какъ я его ошарашилъ... Турманомъ вылетѣлъ. Носи, не потеряй... Что онъ тебѣ говорилъ?

— Да ничего... Трясется весь, какъ осиновый листъ, и сказать ничего не можетъ. Даже жаль...

— Больно сердитъ, а на сердитыхъ воду возятъ. Жаль только Аннушку...

— Ее-то чего жалѣть? У ней сейчасъ отецъ богатый...

— Отецъ-то отцомъ, а мужъ-то, видно, милѣе... Какъ она меня тутъ улещала помириться съ Капитономъ. Даже расплакалась... Конечно, слаба ваша женская часть...

Все это было только началомъ устроенной Агніей Ефимовной облавы на Капитона. Слѣдующимъ номеромъ явилась крупная размолвка съ дядей Лаврентіемъ Тарасычемъ, который, не говоря худого слова, прямо выгналъ племянника въ шею. Положеніе Капитона получилось критическое, и онъ сразу обозлился на всѣхъ и кончилъ тѣмъ, что уже самъ разругался съ Егоромъ Иванычемъ и даже выгналъ его изъ своего дома.

Послѣднее случилось благодаря безтактности Егора Иваныча. Старикъ, узнавъ о размолвкѣ зятя съ Густомѣсовымъ и Лаврентіемъ Тарасычемъ, началъ его уговаривать помириться.

— Нехорошо, Капитонъ... Ты помоложе, могъ бы и стерпѣть. Не чужіе люди... Можетъ, тебѣ же добра желаютъ.

— А тебѣ какое дѣло до меня?—грубо отвѣтилъ Капитонъ.

— Какъ какое?.. Вѣдь моя дочь-то... Да ты никакъ очумѣлъ!..

— Была твоя, а теперь моя...

— Капитонъ, не форси!.. Капитонъ, утиши свой характеръ...

— Да ты что ко мнѣ присталъ-то, старый чортъ?..

Тутъ ужъ Егоръ Иванычъ обидѣлся и обругалъ зятя, а Капитонъ взялъ его за плечо и вывелъ въ переднюю.

Очутившись на улицѣ, Егоръ Иванычъ опомнился и только тутъ понялъ, какую глупость сдѣлалъ. Не надо было трогать Капитона, когда онъ въ [illegible], а выждать, когда утихомирится, и потомъ усовѣстить. Огневой [illegible], однимъ словомъ... Дальше старикъ понялъ, что теперь все обрушится [illegible] чемъ неповинную Аннушку. И дочь жаль и покоряться на старости лѣтъ не приходится. Капитонъ тоже не понесетъ повинную голову. Однимъ словомъ, какъ ни кинь — одинаково скверно. Старикъ даже всплакнулъ про себя. Очень ужъ горько ему показалось свое старое одиночество.

Крѣпился онъ цѣлыхъ три дня и наконецъ не вытерпѣлъ, отправился къ Густомѣсовымъ и упросилъ Агнію Ефимовну съѣздить за Аннушкой.

— Да онъ меня еще убьетъ, Капитонъ-то,—отнѣкивалась она.—Право, ужъ я не знаю, Егоръ Иванычъ...

— Ничего, не убьетъ, — уговаривалъ жену Густомѣсовъ. — Насъ онъ, дѣйствительно, искрошитъ въ крошки, а тебя не посмѣетъ тронуть...

Агнія Ефимовна еще ни разу не бывала въ домѣ у Капитона и ѣхала туда въ большомъ смущеніи. Тяжело переступать порогъ, за которымъ милый, хорошій живетъ съ другой. Аннушка ужасно обрадовалась гостьѣ, она всѣ эти дни проплакала.

— Я за тобой пріѣхала...

— Охъ, не отпуститъ онъ меня. Грозится всѣхъ убить... звѣрь звѣремъ ходитъ.

— Ну, страшенъ онъ, да милостивъ Богъ... Дай-ка я сама съ нимъ переговорю.

Капитонъ встрѣтилъ гостью довольно сурово, но она не смутилась, а прямо подошла къ нему и заговорила:

— Ну, ударь... ну, убей!.. Ахъ, ты, аника-воинъ!

— Зачѣмъ пришла-то?

— А какъ въ сказкѣ говорится: прилетѣла сорока-бѣлобока и говоритъ:

„Не кручинься, удалъ добрый молодецъ, не печалуйся, а все будетъ по-нашему“...

Разговоръ съ Капитономъ продолжался довольно долго, такъ что Аннушкѣ надоѣло ждать.

— Едва уговорила...—объяснила Агнія Ефимовна, вернувшись въ комнату Аннушки.—До смерти уморилась съ твоимъ-то идоломъ. И меня пообѣщалъ убить въ другой разъ... Ну, ѣдемъ.

Аннушка отъ души пожалѣла добрую пріятельницу и долго цѣловала ее за услугу и заступу, а Агнія Ефимовна закрывала глаза и отворачивала отъ нея лицо.

XI.

Разсвирѣпѣвшій Капитонъ сразу оборвалъ всякія отношенія съ дядей, съ тестемъ и Густомѣсовымъ, заперся у себя въ домѣ и кутилъ напропалую. Деньги у него еще оставались.

— Это я имъ открылъ золото, а они меня въ шею!—оралъ онъ пьяный.—Я имъ покажу... И всѣхъ зарѣжу. Да... А золота сколько угодно найдемъ.

Набрались у Капитона въ домѣ такіе же пьяные благопріятели изъ чиновниковъ и купцовъ,—и пошелъ дымъ коромысломъ. Анна Егоровна со страху по цѣлымъ днямъ запиралась у себя въ комнатѣ и могла только плакать. Впрочемъ, одинъ разъ она попробовала уговорить мужа, но онъ такъ ее оттолкнулъ отъ себя, что несчастная женщина полетѣла на полъ.

— Отстань, постылая...

Это послѣднее слово было тяжелѣе побоевъ. Оно окончательно убило несчастную женщину. Постылая жена... Вѣдь это хуже смерти. Она припомнила, какъ Агнія называла своего мужа постылымъ, и понимала, что̀ это значитъ. Предъ ней точно самый свѣтъ закрывался. А вѣдь она привыкла къ мужу и начинала его любить такъ хорошо, какъ любятъ скромныя женщины. И вдругъ ничего нѣтъ... Въ девятнадцать лѣтъ постылая, а что̀ же дальше-то будетъ?.. Анна Егоровна въ какомъ-то ужасѣ закрывала глаза и старалась совсѣмъ не думать объ этомъ будущемъ. Вонъ отецъ уговариваетъ терпѣть и не перечить мужу, а легко это дѣлать?.. Съ другой стороны, Анна Егоровна была на сторонѣ мужа, потому что всѣ напрасно его обижали—и Густомѣсовъ и Лаврентій Тарасычъ. Она не могла только понять, за что всѣ такъ разомъ поднялись на него.

Тосковавшій Егоръ Иванычъ теперь частенько завертывалъ къ Густомѣсовымъ отвести душу. Посылать Агнію Ефимовну за дочерью онъ стѣснялся, а ждалъ, когда это сдѣлаетъ самъ Яковъ Трофимычъ.

— Вотъ такъ устроилъ Аннушкѣ приданое...—сѣтовалъ старикъ, качая сѣдой головой и вздыхая. — Гдѣ у меня глаза были, когда выдавалъ дочь замужъ? Копилъ-копилъ да чорта и купилъ... Охъ, тошнехонько, Яковъ Трофимычъ!..

— Самъ виноватъ... Благодари Бога, что живъ ушелъ отъ милаго зятюшки.

— Да я не о себѣ... Что̀ я, мое-то все прожито, а вотъ какъ будетъ милая доченька жить со своимъ разбойникомъ.

— А ты пойди да прощенія у него попроси, что спустилъ тебя съ лѣстницы.

— Охъ, не говори: голова съ плечъ. А она-то, безотвѣтная, у меня его же, разбойника, выправляетъ...

— Ужъ бабы завсегда такъ. Одна имъ всѣмъ цѣна....

Назлобствовавшись, Густомѣсовъ начиналъ жалѣть и посылалъ жену за Аннушкой. Агнія Ефимовна обыкновенно и слышать объ этомъ не хотѣла и соглашалась только послѣ усиленныхъ просьбъ.

— Видѣть его не могу...—увѣряла она.—Только ужъ для тебя, Егоръ Иванычъ, непріятность себѣ сдѣлаю.

Егоръ Иванычъ упрашивалъ ее со слезами на глазахъ, и Агнія Ефимовна отправлялась. Анна Егоровна пріѣзжала, какъ всегда, спокойная и серьезная, точно ничего особеннаго не случилось, и никогда не жаловалась отцу на мужа. Но отцовское сердце чуяло, что дѣло не ладно, и болѣло вдвойнѣ. Отъ дочери Егоръ Иванычъ узналъ, что Капитонъ составляетъ какую-то новую компанію и ѣдетъ въ тайгу одинъ. Теперь старику опостылѣли и эта проклятая тайга и это проклятое сибирское золото, изъ-за котораго онъ загубилъ любимую дочь. Жила бы она тихо и мирно, вышла бы замужъ за какого-нибудь скромнаго человѣка, а онъ, Егоръ Иванычъ, на старости лѣтъ радовался бы. А тутъ вонъ что̀ вышло... И не удумаешь, какъ быть. Если итти и покориться Капитону—еще хуже будетъ, потому неукротимый у него характеръ.

Агнія Ефимовна торжествовала молча и молча только улыбалась про себя, когда слышала разговоры о новой компаніи. Какой дуракъ дастъ денегъ Капитону... А между тѣмъ онъ, дѣйствительно, отправлялся въ тайгу на развѣдки, а деньги ему дала она, Агнія Ефимовна. Когда она предложила ему эти деньги, Капитонъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— Откуда у тебя деньги-то, Агнія?

— А мои собственныя, милый-хорошій... За что я терпѣла-то свою муку-мученическую столько лѣтъ? Все равно, мужъ помретъ и откажетъ мнѣ все... Своими-то деньгами всякій можетъ распорядиться.

Въ первое время Капитону зазорнымъ казалось пользоваться этими бабьими деньгами, да еще крадеными, а потомъ онъ какъ-то разомъ на все махнулъ рукой. Онъ быстро поддался неукротимой энергіи Агніи Ефимовны и только говорилъ:

— Убить тебя мало, Агнія. Никакого въ тебѣ страха нѣтъ...

Добывать деньги у мужа было дѣломъ не легкимъ, и Агнія Ефимовна вела дѣло съ дьявольской хитростью, пользуясь полнымъ довѣріемъ мужа. На первый разъ она вынула лежавшія на храненіи деньги въ банкѣ. Яковъ Трофимычъ считалъ свои капиталы на ощупь, и она, вмѣсто сохранной расписки изъ банка, подсовывала ему простую бумагу. На первый разъ она позаимствовала всего тридцать тысячъ и надѣялась ихъ пополнить потомъ, когда Капитонъ найдетъ таежное дѣло. Мужъ, все равно, ничего не узнаетъ, потому что никому, кромѣ нея, не довѣряетъ. А денегъ осталось еще больше двухсотъ тысячъ...

Такъ и пошло. Передъ отъѣздомъ въ тайгу Капитонъ проговорилъ:

— Ну, Агнія, смѣла ты, а только добромъ все это не кончится... Быть намъ съ тобой на одной веревочкѣ.

— Пустяки: двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать.

Агнія Ефимовна только улыбалась. Что̀ такое деньги? Только бы онъ, ясный соколъ, посмотрѣлъ ласково, приголубилъ, обнялъ... Она была готова на все за одно ласковое слово. Жизнь въ ней кипѣла. Капитонъ невольно поддавался ея обаянію и тоже готовъ былъ на все.

— А ты будешь вспоминать обо мнѣ тамъ, въ тайгѣ? — ластилась къ нему Агнія Ефимовна.—Жену вспомнишь, а меня позабудешь...

Вмѣсто отвѣта Капитонъ только сжималъ ее въ своихъ могучихъ объятіяхъ и поднималъ на воздухъ, какъ перышко.

— Милый, любишь?..

— И люблю и ненавижу...

— Вотъ какъ я тебя... Не забывай. Пришли вѣсточку. А въ случаѣ чего, за деньгами дѣло не станетъ.

Совѣстно было Капитону прощаться съ обманутой молодой женой, но онъ слишкомъ далеко зашелъ—возврата не было. Онъ разсчитывалъ на одно, что отработаетъ выкраденныя у Густомѣсова деньги и тогда будетъ чистъ. Вѣдь и деньги-то эти онъ же имъ далъ, ежели разобрать правильно. Однимъ словомъ, начиналась та преступная логика, когда человѣкъ оправдываетъ себя во всемъ. Важенъ первый шагъ, а тамъ преступленіе покатится съ горы комомъ снѣга.

Капитонъ уѣхалъ, а Егоръ Иванычъ разнемогся и остался дома. Теперь ужъ могли вести таежныя дѣла и безъ него, благо все было устроено, налажено и предусмотрѣно. Старикъ былъ счастливъ, что могъ запросто видаться съ дочерью, которая пріѣзжала его провѣдывать каждый день. Хорошая была эта Аннушка, покорливая, серьезная—вся вылитая мать. Цѣны бы ей не было, если бы другой мужъ попался. Ну, да тутъ говорить нечего: отъ своей судьбы никто не уйдетъ... Егоръ Иванычъ только вздыхалъ.

Много хорошихъ вечеровъ скоротали отецъ съ дочерью. Теперь Егоръ Иванычъ могъ съ ней говорить, какъ съ вполнѣ взрослымъ человѣкомъ, и каждый разъ убѣждался только въ одномъ, какую хорошую дочь вырастилъ. Разъ, въ минуту откровенности, онъ проговорилъ:

— Ахъ, Аннушка, Аннушка... Загубилъ я тебя. Польстился на богатство, а теперь черезъ мое-то золото твои слезы льются.

— Ничего, тятенька, какъ-нибудь перетерплю... Опомнится Капитонъ Титычъ.

— Опомнится? Горбатаго-то, милушка, одна могила исправитъ...

Аннушка залилась слезами, спрятала свое лицо на отцовской груди и прошептала:

— Люблю я его, тятенька... Къ сердцу онъ пришелся.

— Ну, а онъ какъ? Любитъ?..

— Сначала-то очень любилъ, а теперь... я сама виновата, что не умѣла угодить.

— Постой, постой... гмм... Нѣтъ, тутъ что-то дѣло не ладно. Да...

Здѣсь въ первый разъ у старика мелькнуло въ головѣ подозрѣніе на Агнію, но онъ смолчалъ и ничего не сказалъ дочери. Зачѣмъ ее тревожить напрасно?.. Никогда не любилъ старикъ увертливой и ловкой Агніи Ефимовны, а теперь, перебирая событія послѣдняго времени, не могъ не замѣтить, что дѣло не чисто. Что-то ужъ весела Агнія Ефимовна и на глазахъ у всѣхъ ластится къ слѣпому мужу. Раньше-то не такъ было... Опытный старикъ достаточно видѣлъ на своемъ вѣку и инстинктомъ почуялъ потаенную ложь. Да, что-то тутъ кроется... И Капитонъ не спроста перемѣнился къ женѣ.

„Колдунья какая-то,—думалъ старикъ.—Ну, нѣтъ, погоди, матушка... Мы еще посмотримъ, чья возьметъ“.

Между прочимъ, Егоръ Иванычъ припомнилъ переговоры о новой компаніи, которую составилъ Капитонъ. Тоже дѣло не чисто, потому что негдѣ имъ, прохвостамъ, было взять денегъ.

Немного поправившись, Егоръ Иванычъ отправился къ Густомѣсову. Агніи Ефимовны какъ разъ не случилось дома.

— Въ банкъ уѣхала,—объяснилъ слѣпой.

— Такъ, такъ...

— Она вѣдь у меня по всѣмъ статьямъ. Лучше меня дѣла всѣ понимаетъ...

— Такъ, какъ. Что же, дѣло хорошее... Да, хорошее. А ты все-таки того, Яковъ Трофимычъ, не очень-то довѣряйся. Великій соблазнъ идетъ отъ денегъ... Вотъ какъ-нибудь вечеркомъ посчитали бы вмѣстѣ твои капиталы.

— Ну, нѣтъ, спасибо. Считай у себя зубы во рту...

Слѣпой обидѣлся и по пути припомнилъ, какъ подсыпался къ нему Лаврентій Тарасычъ вотъ съ такими же жалостливыми рѣчами, а потомъ взялъ да и объегорилъ въ лучшемъ видѣ. И этотъ туда же... Нѣтъ, шалишь, хотя и пораньше родился.

Они разстались довольно холодно. Егоръ Иванычъ тоже обидѣлся за недовѣріе. На лѣстницѣ онъ встрѣтилъ Агнію Ефимовну.

— Здравствуй, хозяюшка... Все хлопочешь?

— Умаялась, Егоръ Иванычъ. Дѣла-то большія, а бабій умъ короче воробьинаго носа...

Агнія Ефимовна сразу поняла, съ чѣмъ приходилъ Егоръ Иванычъ, и только улыбнулась. Немного опоздалъ старичокъ...

XII.

Важенъ первый шагъ, а остальное приходитъ само собой. Устроивъ первый подлогъ, дальше Агнія Ефимовна пошла впередъ уже съ легкимъ сердцемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не все ли равно, отвѣчать за тридцать тысячъ или за триста? И что значатъ деньги, когда душа огнемъ горитъ? Агнія Ефимовна окончательно завладѣла мужемъ, и онъ теперь вѣрилъ только ей одной. Для своихъ цѣлей ей нужно было заручиться такимъ же довѣріемъ Анны Егоровны, и она добилась этого. Дѣло въ томъ, что въ своихъ письмахъ къ женѣ Капитонъ Титычъ постоянно напоминалъ, чтобы она во всемъ слушалась Агніи Ефимовны. Анна Егоровна была рада хотя этимъ угодить мужу и постоянно защищала Агнію Ефимовну передъ отцомъ.

— Чужая душа—потемки, тятенька, а по-моему Агнія Ефимовна—хорошая женщина. Трудно ей, бѣдной... Съ зрячимъ-то мужемъ горя не расхлебаешь, а тутъ изволь нянчиться съ слѣпышомъ. Другая давно бы сбѣжала...

— Было бы куда бѣжать...

— Нѣтъ, ты ее не любишь, тятенька, и поэтому такъ говоришь...

— Охъ, не люблю, Аннушка! Грѣшный человѣкъ, не вѣрю ей... Вотъ она мужа-то какъ обошла. Я какъ-то заговорилъ съ нимъ стороной про нее, такъ онъ вотъ какъ на дыбы поднялся... Съѣсть готовъ.

— Кому же и вѣрить, какъ не женѣ?

— Глядя по тому, какая жена. А промежду прочимъ, не нашего ума дѣло: не нашъ возъ, не наша и пѣсенка. Что-то вотъ только около тебя, Аннушка, она ужъ очень обихаживаетъ... Боюсь я.

— Въ скиту-то вмѣстѣ сидѣли, ну и дружимъ. Натерпѣлась она тамъ довольно... И не разскажешь всего... И теперь еще, какъ вспомнитъ, такъ и зальется слезами горькими Агнія-то Ефимовна.

А Агнія Ефимовна дѣлала свое дѣло, не покладаючи рукъ. Она уже получила тайнымъ путемъ отъ Капитона два письма. Дѣло у него не ладилось, и онъ просилъ все новыхъ и новыхъ денегъ. Счастье точно отступило

отъ Капитона, когда онъ сошелся съ Агніей Ефимовной. Все пошло черезъ пень-колоду. А тутъ же рядомъ другіе всѣ богатѣли не по днямъ, а по часамъ. И всѣ получали свою часть... Лаврентій Тарасычъ и Густомѣсовъ загребали деньги лопатой, а изъ-за ихъ спины урвали свою долю и остальные, какъ Рябинины и Огибенины. Въ какихъ-нибудь два года уѣздный глухой городокъ сдѣлался неузнаваемымъ, точно его залила золотая волна. Вездѣ строились большіе дома, справлялись богатыя свадьбы, веселье катилось широкой рѣкой. Около большихъ людей наживалась и вся остальная мелкота. Страшное богатство хлынуло на всѣхъ, и всѣ говорили только о таежномъ золотѣ.

Чужое веселье не давало спать только Агніи Ефимовнѣ. Она ненавидѣла больше всѣхъ старика Лаврентія Тарасыча, памятуя его отношенія, и повела свою бабью политику. Нашелся у нея и помощникъ, какой-то выгнанный приказный Кульковъ, писавшій прошенія по кабакамъ. Разыскала его Агнія Ефимовна, призрѣла, одѣла, обула и начала сама учиться приказнымъ кляузамъ. Пьяница Кульковъ зналъ все и въ ея умѣлыхъ рукахъ сдѣлался кладомъ.

— Ахъ, если бы утопить Лаврентія Тарасыча!—вздыхала Агнія Ефимовна, слушая дѣловыя рѣчи дошлаго приказнаго человѣка.—Ничего бы, кажется, не пожалѣла... Домъ тебѣ куплю, Кульковъ, ежели обмозгуешь.

— Утопить-то такого осетра трудненько, а напакостить можно въ лучшемъ видѣ. Первое дѣло, надо его поссорить въ Яковомъ Трофимычемъ...

— А какъ ихъ поссоришь? Ужъ очень вѣритъ Яковъ-то Трофимычъ Лаврентію Тарасычу... Старые дружки. Еще въ степи фальшивыя бумажки вмѣстѣ ордынцамъ сбывали. Водой ихъ не разольешь.

— Въ большомъ-то всѣ умны, а мы ихъ на маленькомъ подцѣпимъ, благодѣтельница. Москва отъ копеечной свѣчки сгорѣла...

И научилъ приказная строка уму-разуму. Всѣ счета по промысламъ были на рукахъ у Агніи Ефимовны. Кульковъ разыскалъ въ нихъ одну графу, гдѣ былъ показанъ какой-то лишній расходъ на шарниковъ. Съ этого и началось. Агнія Ефимовна впередъ подтравила мужа, а когда пріѣхалъ Лаврентій Тарасычъ, вся исторія и разыгралась, какъ по-писаному.

— Да что̀ ты присталъ ко мнѣ съ шарниками?—вспылилъ Мелкозеровъ.—Не стану я тебя обманывать...

— Да это все равно, Лаврентій Тарасычъ, а денежки счетъ любятъ.

— Отвяжись, смола!.. Плевать я хочу на твоихъ шарниковъ.

— Тебѣ плевать, а мнѣ платить...

— Да ты за кого меня-то считаешь, Яковъ Трофимычъ?

Тутъ ужъ вспылилъ Густомѣсовъ и отрѣзалъ:

— За благодѣтеля я тебя считаю, Лаврентій Тарасычъ... Али забылъ, какъ тогда пожалѣлъ меня и за здорово живешь получаешь теперь съ промысловъ любую половину. Да еще на шарникахъ нагрѣть хочешь...

И этотъ покоръ стерпѣлъ бы Мелкозеровъ—было дѣло—не помяни Густомѣсовъ о шарникахъ. Лаврентій Тарасычъ вскипѣлъ огнемъ, ударилъ кулакомъ по столу и заявилъ:

— Коли твои такіе разговоры со мной, такъ я тебя и знать не хочу, слѣпого чорта. Да еще тебѣ же носъ утру...

Когда на шумъ прибѣжала Агнія Ефимовна и принялась уговаривать вздорившихъ стариковъ, взбѣсившійся Мелкозеровъ оборвалъ ее.

— А ты чего тутъ свой бабій хвостъ подвернула? Брысь подъ лавку...

Густомѣсовъ вскочилъ, затрясся и крикнулъ:

— Вонъ, Лаврушка!.. Знаю я тебя, заворуя... и самъ тебѣ еще почище носъ-то утру. Вонъ изъ моего дома...

Эта сцена послужила началомъ громаднаго процесса, тянувшагося цѣлыхъ двадцать лѣтъ и стоившаго тяжущимся нѣсколько милліоновъ. Стороны ничего не жалѣли, чтобы утопить другъ друга, а около этого дѣла кормилась цѣлая орда приказныхъ. Кульковъ зналъ, какъ „отшить" „здравнаго" толстосума, и заварилъ кашу. Агнія Ефимовна торжествовала, избавившись такъ легко отъ послѣдняго человѣка, который могъ ей быть опаснымъ. Она сама повела процессъ и настраивала мужа. Яковъ Трофимычъ могъ только дивиться, откуда она все знаетъ,—ни дать ни взять тотъ же приказный.

Когда Капитонъ вернулся изъ тайги по послѣднему пути, все дѣло было уже сдѣлано. Онъ пріѣхалъ невеселый, ночь-ночью. Да и нечему было веселиться: цѣлыхъ восемьдесятъ тысячъ закопалъ Капитонъ въ тайгѣ, а заработалъ изъ-за хлѣба на воду. Зато Агнія Ефимовна еще никогда не была такъ весела.

— Все будетъ по-нашему, милый, хорошій!.. Отдохни лѣто, а осенью я тебя отпущу.

Заговорила, уластила Агнія Ефимовна друга милаго, и Капитонъ махнулъ на все рукой. Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать... Совѣстно было ему передъ безотвѣтной женой, вотъ какъ совѣстно, а тутъ чужая жена за душу тянетъ. Пробовалъ Капитонъ сопротивляться, но изъ этого ничего не вышло.

— Ты только у меня пикни!—грозилась Агнія Ефимовна.—Сейчасъ все на свѣжую воду выведу и вмѣстѣ съ тобой въ Сибирь пойду...

— Ахъ, змѣя, змѣя...—удивлялся Капитонъ.

Подался даже Егоръ Иванычъ, когда заварилось дѣло Густомѣсова и Мелкозерова. Агнія Ефимовна сама пошла по судамъ и все вызнала. Старикъ только дивился, откуда что̀ берется у бабы. Очень ужъ ловкая бабенка оказалась, такая ловкая, что и не видано было въ Сосногорскѣ. Всѣхъ обошла, вездѣ у ней была своя рука.

— Ну, баба,—дивился старикъ.—Ей и книги въ руки... Заперла она духъ нашему Лаврентію Тарасычу. Вотъ какъ заперла...

Теперь ужъ Агнія Ефимовна шла и ѣхала, куда хотѣла, и вездѣ ей былъ почетъ и первое мѣсто. Широко развернулась умная баба, на всѣ руки была ходокъ, только своего сердца не могла утѣшить. Очень ужъ любила она Капитона, который только не ѣлъ изъ ея рукъ.

— Не тебѣ бы такую бабу любить,—говорила она, ласкаясь къ Капитону.—Простъ ты у меня, да еще дѣлить тебя приходится съ женой...

— Ну, ты это оставь... Анна тутъ ни при чемъ.

Агнія Ефимовна теперь ревновала Капитона къ женѣ и не могла никакъ совладать съ собой. Все-таки она его жена,—изъ пѣсни слова не выкинешь. Она слѣдила за ними и мучилась, когда Капитонъ начиналъ жалѣть жену. Агнія Ефимовна возненавидѣла теперь несчастную женщину и поэтому была съ ней особенно ласкова. Капитону дѣлалось страшно, когда онъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Онъ начиналъ бояться Агніи Ефимовны, какъ лошадь боится хорошаго кучера. А она на зло ставила его постоянно въ такія положенія, что вотъ-вотъ все раскроется и онъ пропадетъ ни за грошъ. Теперь Агнія Ефимовна назначала ему свиданья у себя въ домѣ и цѣловала на глазахъ у мужа. Ей нужна была опасность, нужно было, чтобы Капитонъ боялся, нужно, чтобы постылый мужъ несъ кару за свое недавнее тиранство...

Мало этого, Агнія Ефимовна являлась къ Капитону, какъ къ себѣ

домой, и всѣмъ распоряжалась, какъ настоящая хозяйка. Даже прислуга не смѣла ничего сдѣлать безъ ея приказа. Анна Егоровна все это видѣла, мучилась про себя, плакала, но никому и ничего не говорила. Разъ только она сказала Агніи Ефимовнѣ:

— Побойся ты Бога, Агнія, если людей не стыдишься...

— Какая ты глупая, Аннушка,—засмѣялась Агнія.—Было бы за что стѣнъ держать да Бога бояться... Вонъ и то говорятъ, что я любовница своего мужа. А кто осудилъ, съ того и грѣхъ взыщется...

Анна Егоровна сама не знала, есть что-нибудь у Капитона съ Агніей, или это ей кажется. Очень ужъ смѣло держала себя Агнія. Съ нечистой-то совѣстью отъ добрыхъ людей бѣгаютъ, а она всѣмъ въ глаза смотритъ. Капитонъ былъ какой-то странный, и Анна Егоровна видѣла только одно, что онъ тоже побаивается Агніи. Хорошо было ужъ то, что Капитонъ не обижалъ жены и съ глазу на глазъ обходился съ ней ласково.

— Тошно мнѣ, Аннушка,—говорилъ онъ передъ отъѣздомъ въ тайгу.—Только и отдыхаю на промыслахъ.

Капитонъ былъ радъ, когда лѣто прошло и онъ могъ уѣхать изъ Сосногорска въ тайгу.

— Смотри, милъ-сердечный другъ, не забывай меня,—наказывала Агнія Ефимовна на прощанье.

— Охъ, не забуду, Агнія... Надѣла ты мнѣ веревку на шею.

— Своя жена веревка-то, а чужая на утѣху молодецкую... Ахъ, ты, удалъ добрый молодецъ, что̀ крылья-то опустилъ?

XIII.

Процессъ Густомѣсова съ Мелкозеровымъ точно послужилъ примѣромъ для другихъ. Огибенины и Рябинины, работавшіе вмѣстѣ, тоже перессорились и тоже начали судиться. Спорные промысла оставались безъ дѣла, а нажитые въ тайгѣ капиталы пошли на тяжбы. Въ то же время коренные сибиряки не дремали и по готовымъ слѣдамъ напали на таежное дѣло и, съ своей стороны, подняли споры противъ сосногорскихъ золотопромышленниковъ. Отъ Иркутска до Петербурга всѣ суды были завалены этими дѣлами. Въ тайгу посылались спеціальныя комиссіи для изслѣдованія дѣла на мѣстѣ и только сильнѣе запутывали кипѣвшую войну.

Но самымъ громкимъ процессомъ оставался все-таки густомѣсовскій. Лаврентій Тарасычъ рвалъ и металъ, чтобы утереть носъ противнику, и разстроилъ свои личныя дѣла по заводамъ. Сильный былъ человѣкъ, но всѣ средства были въ дѣлахъ, и приходилось рвать живымъ мясомъ деньги изъ разныхъ статей. Вообще, выходило очень скверно. Раза два Мелкозеровъ подсылалъ Егора Иваныча для переговоровъ съ Густомѣсовымъ, но тотъ возвращался ни съ чѣмъ.

— Приступу къ нему нѣтъ,—объяснялъ старикъ.—Въ томъ родѣ, когда человѣкъ осатанѣетъ...

— Ничего ты не умѣешь сдѣлать, какъ слѣдуетъ,—сердился Лаврентій Тарасычъ, топая ногой.—Самъ поѣду и все устрою...

— Кабы хуже не вышло, Лаврентій Тарасычъ, потому какъ тамъ эта самая змѣя... Все отъ нея.

— Ты меня учить?!.

Егоръ Иванычъ только пожалъ плечами. Мелкозеровъ, дѣйствительно, отправился самъ къ Густомѣсову и этимъ уже сдѣлалъ шагъ къ примиренію.

Вѣдь сколько лѣтъ дружили, хлѣбъ-соль водили, а тутъ изъ-за какихъ-то шарниковъ подняли смуту... Мелкозеровъ ѣхалъ съ самыми миролюбивыми намѣреніями, которыя разбились сейчасъ же, какъ только онъ вошелъ въ густомѣсовскій домъ. Его встрѣтила Агнія Ефимовна и довольно дерзко спросила:

— Вамъ кого нужно, Лаврентій Тарасычъ?

— Какъ кого?—вскипѣлъ старикъ.—Чей домъ, къ тому и пріѣхалъ...

— Домъ мой...

Мелкозеровъ надѣлъ шапку, молча повернулся, плюнулъ и вышелъ. Только напрасно себя срамилъ. Надо было слушать Егора-то Иваныча... Агнія Ефимовна торжествовала свою самую большую побѣду, разсказывая мужу, какъ она встрѣтила гордаго толстосума.

— Ловко ты его обзатылила!—восторгался Яковъ Трофимычъ. — Плюнулъ, говоришь? Ха-ха... Не поглянулось. Отваливай въ налевомъ, приходи въ голубомъ...

— Это онъ раньше засылки дѣлалъ черезъ Егора Иваныча, а теперь самъ разскочился...

— То-то озлился, бѣдный! Ловко... Все хвалился носъ утереть мнѣ, а тутъ самому утерли.

— Еще не то будетъ, дай срокъ...

— Вѣрно, Агнюшка. Ничего не пожалѣю, чтобы извести его...

Эти успѣхи уже перестали радовать Агнію Ефимовну. Что она ни дѣлала, а главное все-таки оставалось: слѣпой мужъ держалъ ее, какъ желѣзная цѣпь, а Капитонъ принадлежалъ другой. Много передумала Агнія Ефимовна, и такъ и этакъ раскидывая умомъ, а выходило одно. Ну, въ лучшемъ случаѣ, мужъ умретъ—Аннушка останется, Аннушка умретъ—мужъ останется. А когда оба они умрутъ, пожалуй, и не дождешься. Потомъ Агнія Ефимовна замѣтила печальную вещь, именно, что за послѣдніе два года сильно состарилась. Пока сидѣла въ неволѣ—все было хорошо, а теперь подкралась старость, какъ воръ... И никуда не уйдешь, ничего не подѣлаешь. А тутъ еще, какъ на зло, Анна Егоровна похорошѣла. Здоровая такая стала, бѣлая, молодая, однимъ словомъ, кровь съ молокомъ. Пріѣдетъ Капитонъ изъ тайги и промѣняетъ чужую жену на свою.

Агнія Ефимовна рѣшилась на послѣднее средство. Она вызвала Капитона изъ тайги и заявила ему, что они вмѣстѣ поѣдутъ хлопотать по дѣлу съ Лаврентіемъ Тарасычемъ въ Петербургъ.

— Этого Яковъ Трофимычъ хочетъ, — объяснила она, глядя вопросительно на милаго друга.—Вотъ поговори съ нимъ самъ...

Капитонъ ожидалъ всего, но только не этого. Онъ ушамъ своимъ не вѣрилъ. Густомѣсовъ принялъ его одного, велѣлъ запереть всѣ двери и повелъ серьезныя рѣчи.

— Сердился я на тебя, Капитонъ, а теперь надоѣло... Не стоитъ. А лучше ты сослужи мнѣ службу, съѣзди съ Агнюшей въ Петербургъ. Ловкая она у меня, оборотистая, а все-таки куда одна баба повернется... Только одно тебѣ скажу: не очень-то она тебя любитъ. Такъ ужъ ты того, какъ-нибудь сократи свой карахтеръ. Не всякое лыко въ строку... Да и не молода она сейчасъ-то, такъ тебѣ и покориться въ самую пору.

Агнія Ефимовна повела дѣло такъ, что мужъ долженъ былъ упрашивать ее ѣхать съ Капитономъ. Она для приличія поломалась и согласилась только съ тѣмъ условіемъ, если поѣдетъ вмѣстѣ Аннушка. Это былъ второй актъ комедіи. Анна Егоровна отказалась отъ поѣздки наотрѣзъ, съ настой-

чивостью, удивившей даже Агнію Ефимовну, точно это была совсѣмъ другая женщина.

— Поѣзжайте лучше одни,- уговаривала она мужа.—А мнѣ что-то нездоровится, да и отецъ тоже все что-то припадаетъ...

Эта поѣздка была отчаяннымъ ходомъ со стороны Агніи Ефимовны. Она своими руками разрушала работу нѣсколькихъ лѣтъ и шла впередъ, очертя голову. Единственная мысль овладѣла ею безраздѣльно... Пожить съ Капитономъ хоть одинъ мѣсяцъ, какъ живутъ другіе. А тамъ пусть будетъ, что̀ будетъ... Старость была на носу, и терять времени не приходилось.

— Теперь ты мой, мой... весь мой! — шептала Агнія Ефимовна, когда они выѣзжали изъ Сосногорска съ Капитономъ на почтовыхъ.—Часъ—да мой...

Капитонъ угрюмо молчалъ, предчувствуя что-то недоброе. Онъ, вообще, замѣтно охладѣлъ и тяготился этой связью, опутавшей его по рукамъ и по ногамъ. Когда Агнія прижималась къ нему головой или плечомъ, онъ испытывалъ непріятное чувство, точно его начинало что-то давить.

— Любишь меня? Вѣдь любишь? — шептала Агнія, напрасно стараясь заглянуть ему въ глаза. — А я знаю, о чемъ ты думаешь... Ты о женѣ скучаешь.

Вмѣсто себя, при Яковѣ Трофимычѣ, уѣзжая, Агнія Ефимовна оставила Кулькова. Какъ это случилось—проболтался ли Кульковъ спьяна, или выдалъ свою благодѣтельницу сознательно, или проснулась въ немъ совѣсть,—но не прошло двухъ недѣль послѣ отъѣзда, какъ вся исторія устроенныхъ Агніей Ефимовной хищеній раскрылась во всей полнотѣ. Говорили, что Кульковъ купленъ былъ Лаврентіемъ Тарасычемъ, что его запугалъ Егоръ Иванычъ; но это все равно, — онъ послѣ своего предательства прожилъ только одинъ мѣсяцъ, и въ его скоропостижной смерти обвиняли Агнію Ефимовну, хотя она и была въ Петербургѣ.

Въ одно прекрасное утро Густомѣсовъ послалъ за Егоромъ Иванычемъ. Когда старикъ пріѣхалъ, Густомѣсовъ принялъ его келейно и заявилъ свои сомнѣнья относительно сохранности своихъ капиталовъ. Осторожный Егоръ Иванычъ пригласилъ еще третье достовѣрное лицо и только тогда приступилъ къ провѣркѣ густомѣсовскихъ капиталовъ. Оказалось, что наличность представляла скромную цифру въ сорокъ тысячъ, а четырехсотъ тысячъ недоставало. Вмѣсто банковыхъ билетовъ оказалась простая бѣлая бумага, которую Яковъ Трофимычъ берегъ въ желѣзномъ несгораемомъ шкапу. Но этого было мало. У Агніи Ефимовны была отъ мужа полная довѣренность, и по этой довѣренности она набрала денегъ направо и налѣво, гдѣ только могла набрать. Кто же могъ не повѣрить Густомѣсову? Въ общемъ сумма растраты простиралась до милліона, а Густомѣсовъ оказался чуть не нищимъ. Ударъ былъ настолько великъ и неожиданъ, что Яковъ Трофимычъ повторялъ только одно:

— Не понимаю... Ничего не понимаю. Это Капитонъ грабилъ меня. Это его дѣло...

Возникло новое громкое дѣло. Капитонъ и Агнія Ефимовна были возвращены въ Сосногорскъ этапнымъ порядкомъ и заключены въ тюрьму. По старымъ порядкамъ судъ тянулся нѣсколько лѣтъ, и обвиняемые все время сидѣли въ тюрьмѣ. Агнія Ефимовна отъ начала до конца выдержала характеръ и не признала за собой никакой вины: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Какъ съ ней ни бились, но довести до сознанія не могли, а старый уголовный судъ держался именно на признаніи самого обвиняемаго. Мало этого,—

она запутала въ дѣло много другихъ, которыхъ обвиняла, главнымъ образомъ, во взяточничествѣ, вымогательствахъ и сообщничествѣ. Дѣло разрасталось все больше, такъ что даже сами судьи были не рады ему. Капитонъ не сдавался три года, а потомъ махнулъ на все рукой и принесъ повинную. Когда это передали Агніи Ефимовнѣ, она со спокойной улыбкой замѣтила:

— Кто повинился, съ того и взыскивайте...

Восемь лѣтъ тянулось дѣло, пока Агнія Ефимовна предстала предъ судьями. Но и тутъ вышелъ казусъ: Густомѣсовъ скоропостижно умеръ наканунѣ. Некому было обвинять, и громадное дѣло рухнуло само собой. Присутствовавшій на засѣданіи Егоръ Иванычъ думалъ свою горькую думу: не открой онъ таежнаго дѣла, ничего бы не было, а главное, не загубилъ бы онъ дочери.

— Да, хорошее приданое я тебѣ приготовилъ, Аннушка...

Оправданные судомъ Капитонъ и Агнія Ефимовна сейчасъ же уѣхали въ Сибирь, и объ нихъ не было ни слуху ни духу.

Первый валъ бѣшенаго сибирскаго золота пролетѣлъ, и въ Соспогорскѣ наступило тяжелое похмелье послѣ пира горой.

1894.

НЕ УКАЖЕШЬ...

I

Лѣтнее душное утро. Солнце поднялось безъ лучей въ кровавомъ зареѣ. Воздухъ стоитъ неподвижно, точно расплавленный металлъ. Земля уже двѣ недѣли томится засухой, а дождя все нѣтъ. Громадное село Вершинки точно вымерло. Нѣтъ обычнаго оживленія, дѣловой суеты и движенія. Въ духѣ точно виситъ роковая мысль о засухѣ. Широкая улица пуста, и только кой-гдѣ у завалинокъ копошится бѣлоголовая деревенская дѣтвора. Нѣкоторые признаки жизни замѣчаются въ двухъ пунктахъ—у кабака и волостного правленія. У волости стоятъ двѣ пустыхъ телѣги и привязана къ столбу хромая лошадь. Въ тѣни воротъ лежитъ волостной песъ Гарька: онъ высунулъ языкъ и изнемогаетъ отъ наливающагося зноя. Всѣ окна въ волости распахнуты настежь, но эта крайняя мѣра не достигаетъ цѣли —въ комнатѣ и душно, и пыльно, и тяжело.

— Вотъ такъ жарынь навалилась...—изнемогающимъ тономъ повторяетъ староста Вахромей, не обращаясь собственно ни къ кому. Здоровенный староста вообще испытываетъ угнетающую тоску, когда сидитъ за столомъ. Кажется, и дѣла никакого нѣтъ, а тяжело сидѣть чурбаномъ. Вонъ старшина, сѣденькій и лысенькій старичокъ, бывшій содержатель постоялаго двора, тотъ увязъ въ дѣла и читаетъ какія-то бумаги, которыя ему подсовываетъ писарь Костя, кудрявый молодой человѣкъ съ зеленоватыми глазами. У писаря всегда дѣло, и онъ вѣчно скрипитъ перомъ, скорчившись надъ бумагами.

— Хоть бы дождичка...—уныло тянетъ староста, отмахиваясь рукой отъ мухи, которая стремится сѣсть непремѣнно на его носъ. — Вотъ бы какъ хорошо!..

— Ты бы шелъ домой, Вахромей,—совѣтуетъ старшина,—а то зря только торчишь тутъ...

— А что я буду дома дѣлать?.. Здѣсь-то все же на людяхъ...

— Право бы шелъ,—продолжаетъ совѣтовать старшина. —Дѣлать тебѣ нечего, ну, Богу бы помолился насчетъ бездождія. Ты у насъ замѣсто дьякона—столько же работы...

Старшина—ядовитый старичонка и не упускаетъ случая поязвить добродушнаго и глуповатаго старосту. Въ свободное время писарь Костя помогаетъ ему въ этомъ скромномъ занятіи, и случалось не разъ, что разозленный Вахромей бросался съ кулаками на Костю, и писарь спасалъ свою приказную душу бѣгствомъ. Но сейчасъ Вахромей не можетъ даже сердиться и только моргаетъ заплывшими жиромъ свиными глазками. До обѣда еще далеко, а тутъ хоть ложись да помирай. Въ головѣ Вахромея проползаетъ мысль о

томъ, что хоть бы конокрада поймали — все же развлеченіе. Кромѣ начальства, сейчасъ въ волости всего два мужика, которые почтительно стоятъ у дверей и внимательно слѣдятъ за писаремъ, какъ тотъ выправляетъ имъ новые паспорта. Вообще ничего интереснаго... Староста слушаетъ, какъ храпитъ сторожъ Ипатъ въ своей каморкѣ, какъ гдѣ-то жужжитъ муха, какъ воркуютъ голуби,—опять скучно. Хоть бы бабы подрались и пришли судиться, или Тришку-буяна привели, или завернулъ бы сторожъ Агапъ, который вѣчно жалуется на зятьевъ, — хоть бы что-нибудь этакое подходящее. Небось въ ненастье, особливо въ осеннюю пору, такъ всѣ и прутъ въ волость, а теперь ни одна собака не забѣжитъ. Чтобы развлечься хотя немножко, Вахромей принялся ловить муху. Онъ закрывалъ глаза и ждалъ, когда она усядется къ нему на носъ, но муха оказалась хитрѣе и не поддавалась этой уловкѣ. Это невинное занятіе неожиданно было прервано топотомъ босыхъ ногъ сейчасъ подъ окномъ. Вахромей высунулся въ окно и закричалъ:

— Куда васъ, пострѣловъ, несетъ? Вотъ ужо я васъ!..

Промчавшаяся дѣтвора что-то крикнула въ отвѣтъ и исчезла, какъ спугнутая стая воробьевъ.

— Куда бы имъ бѣжать?—подумалъ вслухъ Вахромей.—Ужъ не пожаръ ли, сохрани Богъ!..

Точно въ отвѣтъ на эти слова, откуда-то изъ-за угла выпрыгнула босоногая и бѣлокурая дѣвчонка, которая подошла къ окну и тоненькимъ голоскомъ проговорила:

— Дяденька, что̀ я тебѣ скажу...

— Ну?..

Дѣвочка перевела духъ и отвѣтила:

— Максимъ-то, который печи кладетъ...

— Ну?..

— Максимъ-то повѣсился, дяденька...

— Что̀ ты врешь-то, глупая?..

— Вотъ сейчасъ провалиться, повѣсился... въ банѣ у себя... Наши ребята видѣли. Всѣ туда бѣгутъ...

— Это печникъ Максимъ?

— Онъ, онъ... Ребята-то бѣгутъ мимо бани, а въ предбанникѣ голыя ноги болтаются. Вотъ сейчасъ провалиться!

— Силантій Парѳенычъ, слышишь? — обратился Вахромей къ старшинѣ.

— Чего-нибудь вретъ дѣвчонка...—отозвался старшина.—А ты съ большого-то ума уши развѣсилъ!

Это недовѣріе оказалось преждевременнымъ, потому что прибѣжалъ запыхавшійся сотскій и подтвердилъ разсказъ дѣвочки. Впечатлѣніе получилось ошеломляющее. Въ Вершининѣ за десять лѣтъ это былъ всего второй случай, что человѣкъ вздумалъ повѣситься. Утопленниковъ было достаточно, бабы отравляли мужей, одинъ солдатъ зарѣзался, а удавленники составляли большую рѣдкость. Да и печникъ Максимъ—человѣкъ пожилой, пьющій, справный. Еще недавно онъ въ церкви печь перекладывалъ.

— Что̀ же мы будемъ дѣлать?.. — спрашивалъ всполошившійся старшина.—Ахъ, разбойникъ!.. Время-то какое выбралъ: страда на носу, а онъ вѣситься...

— А если ему нравится?—пошутилъ Костя.

— Вотъ я ему покажу...—ругался старшина.—Пойдемъ, Вахромей. Живого, сотскій, вынули изъ петли?

— Какъ есть живой... ругается... Ребята доглядѣли, Силантій Парфенычъ, а то бы удавился въ конецъ.

— Ахъ, разбойникъ! Ахъ, душегубъ!..

II.

Староста Вахромей совершенно былъ счастливъ случившимся событіемъ, которое точно разбудило его. Онъ быстро шагалъ впередъ всѣхъ, такъ что старшина едва поспѣвалъ за нимъ. По дорогѣ ихъ обогнали еще двѣ стайки деревенской дѣтворы, летѣвшей къ мѣсту происшествія. Отъ волости до избы Максима было всего саженъ сто,—пройти по улицѣ къ церкви, а потомъ повернуть направо.

— Нѣтъ, время-то какое выбралъ, а?..—повторялъ старшина.—Добрые люди къ страдѣ готовятся, а онъ петлю себѣ приспособилъ... Ахъ, разбойникъ, разбойникъ!..

Около избы Максима собралась уже цѣлая толпа, состоявшая изъ ребятъ, бабъ и стариковъ. Настоящихъ мужиковъ было не видно,—они точно совѣстились за случившееся. Изба у Максима была новая, хорошая, и дворъ хорошій, и огородъ, и всякая хозяйственная пристройка. Однимъ словомъ, жилъ человѣкъ справно. Это обстоятельство еще сильнѣе озлило старшину. Ежели бы это надѣлалъ какой-нибудь пьяничуга, какъ зарѣзавшійся солдатъ или забулдыга Тришка, а то настоящій, справный мужикъ, у котораго старшій сынъ женатъ второй годъ, да двѣ дѣвки-невѣсты на рукахъ.

— Чего вамъ тутъ понадобилось?—накинулся старикъ на бабъ.—Брысь по домамъ!.. Точно на свадьбу сбѣжались!

Толпа попятилась, но не расходилась. Вахромей схватилъ валявшуюся палку и бросился разгонять.

— Убирайтесь домой, безсовѣстныя!.. Съ человѣкомъ, можно сказать, несчастье, а онѣ глазѣютъ. Вотъ ужо я васъ!..

Максимъ, пожилой мужикъ съ окладистой бородой, сидѣлъ у себя на крылечкѣ и не шевельнулся, когда начальство вошло во дворъ. Это спокойствіе немного озадачило старшину, и онъ проговорилъ какъ-то растерянно:

— Ты это что̀, Максимъ, надумалъ-то... а?..

Максимъ молчалъ, глядя куда-то въ уголъ. Въ сѣняхъ что-то шевельнулось, и послышались сдержанныя рыданія. Вахромей уперся глазами въ Максима и разсматривалъ его съ удивленіемъ барана, который стукнулся головой въ заборъ. Писарь Костя тоже смотрѣлъ на Максима, напрасно стараясь увидать въ немъ что-нибудь такое, что̀ говорило бы объ удавленникѣ, о человѣкѣ, который могъ повѣситься,—смотрѣлъ и ничего не находилъ. Человѣкъ, какъ всѣ другіе люди. Максимъ всегда былъ молчальникомъ, молчалъ и теперь.

— Нѣтъ, ты что̀ молчишь-то?—уже съ азартомъ наступалъ старшина, проникаясь своей отвѣтственной ролью начальника.—Вотъ сидишь, вытаращилъ глаза, а мы за тебя отвѣчай... Время-то какое стоитъ, а?.. Вотъ-вотъ всѣ поѣдутъ на покосъ, а тутъ мертвое тѣло... Одними понятыми заморили бы, да еще ставь подводы подъ станового, да подъ слѣдователя, да подъ дохтура. Это какъ по-твоему?.. Тебѣ-то все равно, а мы бы не расхлебались съ начальствомъ... Однихъ харчей сколько бы сошло за тебя, разбойника: и станового корми, и дохтура, и слѣдователя... Это какъ по-твоему?.. Да еще хорони тебя... Можетъ, и попу пришлось бы платить, и за гробъ, и за могилу, да еще попъ-то отпѣвать бы не сталъ. Кабы ты своей смертью померъ, такъ и

похоронили бы тебя честь-честью свои домашніе, а тутъ намъ же пришлось бы съ тобой возиться...

Эти хозяйственныя соображенія подняли въ старшинѣ всю злость, и онъ даже замахнулся на неудачнаго удавленника.

— Надо осмотрѣть баню,—рѣшилъ писарь Костя въ качествѣ дѣлового человѣка.—Все по порядку...

— И то осмотрѣть...—поддакнулъ Вахромей.—Можетъ, тамъ найдется что-нибудь... Вѣдь чортъ его знаетъ, что̀ у него было на умѣ!

Баня была старая, какъ ее поставилъ еще отецъ Максима. Осмотръ не далъ ничего интереснаго: баня, какъ баня. Даже не было веревки, на которой хотѣлъ повѣситься Максимъ.

— Надо понятыхъ созвать,—совѣтовалъ Костя.—Составить протоколъ на всякій случай. Да и баню надо, того, опечатать.

Понятыми взяли сосѣдей. По пути привели жену Максима, пожилую, болѣзненную женщину съ убитымъ лицомъ. Она, какъ комокъ, бросилась въ ноги старшинѣ и запричитала:

— Будь отцомъ роднымъ, Силантій Парѳенычъ, не погуби... Ничего я не знаю, ничего не вѣдаю.

— Ахъ, глупая баба!.. Нашей причины тутъ никакой нѣтъ, а что̀ слѣдуетъ по закону, то Максимъ и получитъ.

Такъ какъ олицетвореніемъ закона являлся писарь Костя, то жена Максима и переползла къ его ногамъ. Понятые стояли сумрачно и старались не смотрѣть на эту жалкую сцену, пока Вахромей не поднялъ старуху на ноги. Общее вниманіе теперь было занято принесенной старухой веревкой. Это былъ обрывокъ старыхъ вожжей и походилъ на всѣ остальныя веревки. Какъ ее ни вертѣли, въ веревкѣ не оказалось никакихъ особенно зловѣщихъ особенностей. Писарь занесъ ее въ протоколъ, какъ вещественное доказательство: „а вышеизложенную веревку пріобщили къ настоящему дѣлу“. Подъ протоколомъ подписался старшина, а Вахромей и понятые поставили кресты. Послѣ этой невинной церемоніи больше ничего не оставалось дѣлать, хотя всѣ и сознавали, что нужно что-то сдѣлать: случай вышелъ не за обычай, и всѣмъ почему-то было совѣстно.

— А что̀ мы съ нимъ будемъ дѣлать?—взмолился старшина какимъ-то упавшимъ голосомъ.—Какъ его такъ-то оставить?..

— Конечно, связать,—соглашался Вахромей.—Еще убѣжитъ, пожалуй...

Эта мысль почему-то показалась всѣмъ самой вѣроятной, и всѣ торопливо зашагали во дворъ. Костя несъ веревку, завернувъ ее въ протоколъ. А Максимъ попрежнему сидѣлъ на крылечкѣ, въ прежней позѣ. Старшина почувствовалъ новый приливъ законнаго озлобленія и накинулся на Максима съ новымъ азартомъ.

— Ахъ, ты, идіотъ отчаянный!.. Погляди-ка, какъ ты начальство свое безпокоишь! Все, братъ, въ бумагу описали, и веревка твоя—во... Будетъ надъ нами тебѣ издѣваться! Да... Тоже придумалъ!

— Чего съ нимъ разговаривать,—вмѣшался Вахромей, жаждавшій тоже проявить свою энергію.—Костя, давай-ка сюда веревку-то...

Въ качествѣ спеціалиста, Вахромей очень ловко скрутилъ Максиму руки назадъ и даже для безопасности поплевалъ въ узелъ.

— Ну, теперь трогай.

Максима торжественно повели въ волость. Онъ шелъ безъ шапки, опустивъ голову. Въ избѣ раздался громкій бабій вой. Вахромей шелъ впереди всѣхъ и кулаками разгонялъ толпу любопытныхъ.

— Нѣтъ, что̀ мы будемъ съ нимъ дѣлать?—повторялъ старшина, чувствуя изнеможеніе.

— А тамъ видно будетъ, Силантій Парѳенычъ,—рѣшилъ Кестя.—Созовемъ старичковъ, пусть они рѣшаютъ... Дѣло совсѣмъ особенное. Ни къ чему его не подведешь...

III.

Хлопоты съ Максимомъ заняли какъ разъ все время до самаго обѣда, чѣмъ особенно былъ доволенъ староста Вахромей, скучавшій безъ дѣла до тошноты. Неудачникъ-удавленникъ былъ посаженъ въ холодную, а начальство отправилось по домамъ обѣдать. Около волости собралась кучка любопытныхъ, ожидавшая дальнѣйшихъ событій. Отвѣтственными лицами при „холодной" оставались каморникъ Ипатъ, изъ отставныхъ солдатъ, и сотскій съ бляхой. Посаженный въ заключеніе Максимъ не проронилъ ни одного слова.

— Еще сдѣлаетъ надъ собой что-нибудь,—сомнѣвался Ипатъ, заглядывая въ дверное оконце.—Эй, Максимъ, ты живъ?

Максимъ молчалъ.

Послѣ обѣда начальство выспалось, напилось чаю и явилось въ волость уже подъ вечеръ, когда свалилъ дневной жаръ. Въ волости уже собрались старички, долженствовавшіе рѣшить судьбу Максима. Всѣ чувствовали себя неловко и потихоньку переговаривались между собой. Всѣмъ было ясно одно, именно—что не иначе, что Максима попуталъ нечистый, а съ другой, и законъ требовалъ удовлетворенія. Вѣдь если каждый такъ-то начнетъ безобразничать, то что̀ же это будетъ?.. Вообще, чувствовалась важность наступившаго момента и еще бо̀льшая важность предстоявшей отвѣтственности.

— Ну, старички, надо это самое дѣло обмозговать,—заявилъ старшина, усаживаясь на свое мѣсто.

Писарь Костя вооружился бумагой и перомъ, чтобы писать постановленіе. Старичкамъ была предъявлена веревка, и они отнеслись къ ней съ должнымъ вниманіемъ. Сѣдыя и лысыя головы внушительно качались, а веревка переходила изъ рукъ въ руки. Самый вліятельный изъ стариковъ, бывшій церковный староста Сысой, заявилъ первый:

— Не порядокъ, господа старички...

— Ужъ это что̀ говорить!..—загалдѣли разомъ судьи.—Прямо сказать: всѣхъ онъ острамилъ, Максимъ.

— А передъ начальствомъ кто долженъ отвѣчать?—опять началъ горячиться старшина.—Онъ-те задохся бы въ петлѣ, а мы отвѣчай... Да еще мы же его и хорони на опчественный счетъ, да харчи начальству, да прогоны, да попъ бы еще не сталъ хоронить самоубивца. А пора наступаетъ страдная... Понятыхъ должны бы были изморомъ морить у мертваго тѣла. Вотъ какое дѣло, господа старички...

— Ужъ на что хуже, Силантій Парѳенычъ... Срамъ. А надо его самого, идола, допросить...

Сторожъ Ипатъ торжественно ввелъ Максима. Удавленникъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. Онъ былъ въ одной рубахѣ, пестрядиныхъ портахъ и босой,—такой упрощенный костюмъ совсѣмъ не вязался съ трагическимъ положеніемъ Максима. Онъ нѣсколько разъ переступилъ съ ноги на ногу, потомъ почесалъ одну ногу другой и посмотрѣлъ на вершининскій ареопагъ. Что̀ происходило въ душѣ этого человѣка? Что̀ довело его до мысли о самоубійствѣ? Вѣдь было же что-то, что̀ заставило его лѣзть въ петлю, и это всѣ чув-

ствовали, разсматривая Максима съ озлобленнымъ любопытствомъ. Наложить на себя руки—страшный грѣхъ, а Максимъ не побоялся. Писарь Костя громко прочиталъ протоколъ осмотра дѣйствія, а затѣмъ Максиму была предъявлена „вышеизложенная веревка“.

— Эта, что ли?—сурово спросилъ Вахромей.

Максимъ взялъ веревку, подержалъ ее въ рукахъ, обвелъ присутствующихъ удивленнымъ взглядомъ и конвульсивно улыбнулся.

— Ахъ, Максимъ, Максимъ!..—укоризненно говорилъ одинъ изъ старичковъ.— Вотъ какъ нехорошо! И что̀ это тебя попутало?.. И что̀ мы, значитъ, съ тобой сейчасъ должны сдѣлать? Отпустить такъ—не порядокъ... Вѣдь не порядокъ? Ну, отослать тебя къ становому—закона того нѣтъ. Такъ, Коскентинъ? Озадачилъ ты насъ вотъ какъ...

— Что̀ вы съ нимъ, господа старички, понапрасну балакаете,—обидѣлся старшина.—Вѣдь онъ-то насъ не жалѣлъ, когда въ петлю лѣзъ...

— Нѣтъ, постой, Силантій Пароенычъ... Ты свое ужъ сказалъ, а надо все по душѣ, на совѣсть, чтобы никому не обидно было. Вѣдь и въ емъ, въ Максимѣ, тоже не паръ, а душа... Ну, какъ ты самъ-то о себѣ полагаешь, Максимъ, про это свое качество, а?..

Подсудимый переминается съ ноги на ногу и запускаетъ руку въ затылокъ. Онъ жестъ обличалъ, очевидно, начинавшееся раскаяніе. Человѣкъ приходилъ въ чувство у всѣхъ на глазахъ.

— Ну, Максимъ, такъ какъ же намъ съ тобой быть?.. По совѣсти будемъ говорить, на полную очистку... Устыдилъ вѣдь ты насъ всѣхъ. Руки опустились у всѣхъ... Ахъ, Максимъ, Максимъ!.. До чего ты насъ-то довелъ?

Потомъ вдругъ произошло общее молчаливое соглашеніе. Старшина сдѣлалъ таинственный знакъ Ипату. Максима подхватили сотскіе... Черезъ десять минутъ онъ поднимался съ грязнаго пола и, поправляя приведенный въ безпорядокъ костюмъ, угрюмо проговорилъ:

— А тоже не укажешь...

Ипатъ, уносившій пукъ розогъ, остановился, ожидая новаго приказанія, но старички только замахали на него руками.

1894.

ОБОРОТЕНЬ.

I.

Весь округъ Бѣлыхъ-Ключей былъ взволнованъ дерзостью совершеннаго преступленія. Даже на такихъ бойкихъ промыслахъ, гдѣ „не безъ грѣха", т.-е. ежегодно совершались убійства,—настоящій случай произвелъ особенное впечатлѣніе. Убили среди бѣлаго дня новаго пріисковаго повѣреннаго компаніи наслѣдниковъ Апрѣлева. Положимъ, убили въ лѣсу, но вся обстановка преступленія говорила объ отчаянной смѣлости разбойниковъ. По дорогѣ шли и ѣхали съ однихъ промысловъ на другіе; дорога, вообще, была бойкая и людная.

— Арсюткино дѣло!—рѣшили всѣ въ одинъ голосъ.—Некому, окромя его...

Арсютка былъ въ своемъ родѣ пріисковый герой. Онъ давно уже „ходилъ въ семи душахъ", т.-е. судился за убійство семи человѣкъ, и приговоренъ былъ къ безсрочной каторгѣ. Онъ былъ родомъ изъ Бѣлыхъ-Ключей и время отъ времени являлся на родину, гдѣ его ловили, представляли по начальству, а затѣмъ онъ уходилъ на каторгу, чтобы „въ нѣкоторое время выворотиться обратно". Всѣ къ этому привыкли, а становой Иванъ Павлычъ, имѣвшій резиденцію въ Бѣлыхъ-Ключахъ, какъ въ центрѣ цѣлаго золотопромышленнаго округа, не безъ самодовольства говорилъ, когда проходилъ новый слухъ о возвращеніи Арсютки:

— Ничего, пусть погуляетъ, а моихъ рукъ ему не миновать... Четыре раза его ловилъ. У меня кошка съ котятами не пройдетъ мимо... Да.

Золотопромышленная система Бѣлыхъ-Ключей была заброшена далеко на сѣверъ Урала и занимала площадь не въ одну тысячу верстъ. Селенія были разбросаны на большомъ разстояніи. Даже колесныя дороги были не вездѣ, а сообщеніе происходило лѣтомъ по рѣкамъ и лѣснымъ тропамъ. Зато зимой вездѣ была дорога. Открытые лѣтъ двадцать тому назадъ золотые промыслы очень оживили этотъ край. Появились временные поселки, населеніе увеличилось, благодаря приливу промысловыхъ рабочихъ. Послѣдніе набрались, по мѣткому выраженію, „съ бору да съ сосенки" и представляли типичную промысловую ватагу, перекочевывавшую съ мѣста на мѣсто. Стоило пройти слуху, что гдѣ-нибудь найдено новое мѣсторожденіе золота, и ватага являлась попытать счастья. Знаменитые апрѣлевскіе промыслы переживали нѣсколько такихъ періодовъ; то они „изубоживались"—и рабочая волна съ нихъ отливала въ другія мѣста, то на нихъ открывалось новое золото —и волна приливала снова. Сейчасъ промыслы находились въ состояніи такого прилива.

У апрѣлевской компаніи было нѣсколько повѣренныхъ, съ главнымъ повѣреннымъ Степаномъ Никитичемъ во главѣ. Это былъ худенькій, сѣденькій

старичокъ съ маленькими глазками, совсѣмъ ужъ не гармонировавшими съ мелкими чертами лица.

— Не можетъ этого быть!.. — говорилъ Степанъ Никитичъ, когда на промыслахъ случалась оказія. — Отчего же меня не убиваютъ? Да-съ, слава Богу, двадцать лѣтъ вожу и золото и деньги, и всѣ знаютъ, когда я ѣду, а вотъ живъ. Никто еще пальцемъ не тронулъ. Я, батюшка, старый пріисковый волкъ... Я и Арсютку сколько разъ видалъ. Да-съ...

Убитый повѣренный Черняковъ только недавно поступилъ на службу въ компанію и былъ командированъ въ Екатеринбургъ за полученіемъ изъ банка довольно крупной суммы для расчета рабочихъ. Очевидно, его поджидали на дорогѣ и убили наповалъ выстрѣломъ изъ засады. Ямщикъ убѣжалъ въ лѣсъ, бросивъ лошадей на дорогѣ. Убійцы похитили сумку съ деньгами и скрылись. Чернякова нашли мертвымъ въ экипажѣ. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати.

— Арсюткина работа, — увѣряли всѣ. — Отчаянный человѣкъ, однимъ словомъ...

Недѣли за двѣ до убійства уже ходили слухи, что Арсютка „выворотился "съ каторги, и что его видѣли. Но кто видѣлъ и гдѣ—оставалось неизвѣстнымъ, потому что всѣ боялись отчаяннаго человѣка, которому было все равно.

— Ну и народецъ только! — возмущался становой Иванъ Павлычъ. — Боятся разбойника... Да вѣдь у него не двѣ головы? А что онъ убилъ Чернякова, такъ это вѣрно. По работѣ видно...

Въ Бѣлыхъ-Ключахъ проживала еще мать Арсютки, больная, полуслѣпая старуха. Арсютка каждый разъ ее навѣщалъ, но старуха молчала, и даже Иванъ Павлычъ не сердился на нее.

— Что̀ же подѣлаешь: для насъ Арсютка — разбойникъ, а для нея — сынъ,—объяснялъ онъ.

А объ Арсюткѣ продолжали ходить самые упорные слухи. Кто-то его встрѣтилъ на дорогѣ, потомъ его видѣли въ покосной избушкѣ, потомъ онъ просилъ у кого-то хлѣба и т. д. и т. д. Всѣ эти слухи Иванъ Павлычъ принималъ за личное оскорбленіе. Помилуйте, какой же онъ становой, если разбойникъ Арсютка ходитъ у него подъ носомъ и нисколько его не боится? Да и передъ апрѣлевской компаніей совѣстно, потому что убитый Черняковъ везъ съ собою больше двадцати тысячъ, и всѣ эти деньги достались Арсюткѣ. А тутъ еще Степанъ Никитичъ подзуживаетъ. Положимъ, старый другъ и пріятель; а все-таки обидно.

Главное управленіе апрѣлевской компаніи помѣщалось въ Бѣлыхъ-Ключахъ, рядомъ съ становой квартирой. По вечерамъ, когда работа кончалась, Степанъ Никитичъ выходилъ на крылечко и кричалъ:

— Эй, Иванъ Павлычъ, развѣ взыграемъ?

Иванъ Павлычъ въ это время пилъ обыкновенно чай у открытаго окна и отвѣчалъ:

— Да что-то аппетита нѣтъ на карты, Степанъ Никитичъ...

— Боишься остаться безъ трехъ, какъ въ прошлый разъ?

— Ахъ, ты, старая кочерыжка!..

Нужно сказать, что Иванъ Павлычъ очень любилъ играть въ карты, но считалъ своимъ долгомъ немного поломаться. Все-таки, какъ хотите, онъ— начальство, чиновникъ, а Степанъ Никитичъ, хоть и главный повѣренный, но все-таки служитъ по вольному найму.

— Иванъ Павлычъ, что̀ же ты... а?—слышался голосъ Степана Никитича.— И Гаврила Ѳедотычъ ужъ ждетъ...

Иванъ Павлычъ грузно поднялся, надѣлъ лѣтній китель и съ недовольнымъ видомъ отправился въ контору.

— Ну, вотъ и я...—хмуро заявилъ онъ, появляясь на террасѣ конторы, гдѣ ужъ былъ поставленъ столикъ съ закуской и Гаврила Ѳедотычъ, промысловый бухгалтеръ, мрачный и молчаливый господинъ, разбиралъ карты.

— Ну вотъ, ну вотъ...—бормоталъ Степанъ Никитичъ, играя бровями.— Надо поломаться... а? Хорошо, я тебѣ объявлю большой шлемъ... хе-хе...

Нужно сказать, что игра въ карты въ Бѣлыхъ-Ключахъ происходила при нѣкоторыхъ особенныхъ условіяхъ. Дѣло въ томъ, что Бѣлые-Ключи засѣли въ болотѣ, и лѣтомъ не было житья отъ такъ называемой „мошкары". Это маленькое насѣкомое, почти едва замѣтное, отравляло всѣмъ жизнь. Ничтожная по величинѣ мошка лѣзла въ глаза, уши, ротъ, носъ и пребольно кусалась. У людей непривычныхъ, съ чувствительной кожей, въ одинъ день лицо превращалось въ пузырь. Единственнымъ спасеніемъ отъ этой „мошкары" служили „смолокурки", т.-е. желѣзныя коробки, въ которыхъ тлѣло смолье, пускавшее струю ѣдкаго дыма. Конечно, было непріятно дышать такимъ дымомъ, кашлять отъ него, чихать и проливать слезы, но все-таки изъ двухъ золъ это было лучшимъ. Въ іюльскія жары рабочіе носили такія смолокурки на поясахъ. Особенно надоѣдала „мошкара" вечеромъ, когда собирались на огонекъ. У Степана Никитича была устроена спеціальная смолокурка для игры въ карты, которая и ставилась подъ карточный столъ, такъ что игроки все время находились въ дыму.

— Ну, вотъ и отлично!—радовался Степанъ Никитичъ, когда на террасѣ показалась грузная фигура Ивана Павлыча. — У насъ и смолокурка готова.

По обычаю, передъ игрой немного выпили и закусили.

— Время наступаетъ ночное, нужно зарядить для безопасности,—шутилъ хозяинъ.—А то еще Арсютка, того гляди, напугаетъ...

Иванъ Павлычъ нахмурился, но ничего не отвѣтилъ: обладая веселымъ характеромъ, старикъ иногда перешучивалъ.

Сѣли играть въ преферансъ. Изъ-подъ стола такъ и валилъ дымъ, но приходилось терпѣть. Бухгалтеру везло, какъ всегда, и Иванъ Павлычъ началъ сердиться и рисковать.

— А вотъ мы вашу даму по усамъ, Иванъ Павлычъ, по усамъ! — выкрикивалъ Степанъ Никитичъ, убивая считанную взятку.

Выпили еще по маленькой. Иванъ Павлычъ раскраснѣлся. Тутъ случилось нѣчто необыкновенное. Иванъ Павлычъ сходилъ съ короля червей, а Степанъ Никитичъ убилъ его козыремъ, да еще проговорилъ:

— А мы и Арсютку по усамъ... х-ха!..

Это ужъ было слишкомъ. Иванъ Павлычъ побагровѣлъ, молча поднялся, молча надѣлъ свою форменную фуражку и молча пошелъ съ террасы.

— Иванъ Павлычъ, голубчикъ, воротись!—умолялъ Степанъ Никитичъ, напрасно стараясь удержать стараго пріятеля за рукавъ.—Ну, такъ сорвалось съ языка... Ну его къ чорту, Арсютку!.. Иванъ Павлычъ, голубчикъ...

Но Иванъ Павлычъ былъ неумолимъ и молча ушелъ къ себѣ домой. Тогда уже разсердился Степанъ Никитичъ.

II.

Нѣтъ ничего печальнѣе, когда разссорятся два старинныхъ друга... Десять лѣтъ были знакомы, водили хлѣбъ-соль, ежедневно встрѣчались, и вдругъ—нѣтъ ничего. Когда Степана Никитича спрашивали объ Иванѣ

Павлычѣ, онъ съ удивленіемъ поднималъ свои густыя брови и говорилъ:

— Какой Иванъ Павлычъ? Я не знаю никакого Ивана Павлыча...

То же продѣлывалъ и Иванъ Павлычъ, когда его спрашивали про Степана Никитича, и прибавлялъ:

— Ахъ, да, вы говорите про этого... да, про этого... гм... Не совѣтую вамъ съ нимъ встрѣчаться.

Прибавьте къ этому, что оба друга очень скучали, угнетаемые одиночествомъ. Какое общество, въ самомъ дѣлѣ, можно было найти въ Бѣлыхъ-Ключахъ? Иванъ Павлычъ дошелъ до того, что по вечерамъ дулся въ шашки съ собственнымъ письмоводителемъ, а Степанъ Никитичъ игралъ на флейтѣ и, нужно отдать ему справедливость, прескверно игралъ. Хуже всего было то, что имъ приходилось встрѣчаться по дѣламъ службы, и они вынуждены были разыгрывать комедію старой дружбы, чтобы не подавать соблазна подчиненнымъ.

А виновникъ этой глупой ссоры, Арсютка, продолжалъ „бѣгать", и его продолжали видѣть въ разныхъ мѣстахъ, даже заразъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Иванъ Павлычъ поклялся его поймать и налеталъ орломъ по первымъ слухамъ, но Арсютка ускользалъ у него изъ-подъ самаго носа съ отчаянной дерзостью. Главное, что было обидно: денегъ у Арсютки было достаточно,— ну и шелъ бы съ Богомъ на всѣ четыре стороны, такъ нѣтъ — засѣлъ въ Бѣлыхъ-Ключахъ. Даже по ночамъ Ивану Павлычу снилось плохо: все грезился Арсютка. Даже началъ Иванъ Павлычъ заговариваться. Встанетъ къ окошку, погрозитъ кулакомъ на пріисковую контору и бормочетъ:

— Я тебѣ покажу Арсютку, старая кочерыжка!.. За ухо къ тебѣ на дворъ приведу... Да...

Степанъ Никитичъ скучалъ, особенно по вечерамъ. Такъ бы и позвалъ Ивана Павлыча или самъ пошелъ къ нему! Раза два онъ машинально подходилъ къ становой квартирѣ и даже поднимался на крылечко, а потомъ отплевывался и торопливо уходилъ къ себѣ домой.

Чтобы какъ-нибудь убить время, онъ началъ частенько уѣзжать на другіе пріиски, гдѣ можно было провести время въ компаніи. Разъ онъ отправился на пріискъ Говорливый, гдѣ жилъ довѣреннымъ Егоровъ, у котораго была жена Анна Сергѣевна, великая мастерица дѣлать пельмени. День задался дождливый, дорогу развело грязью, и пара лошадей съ трудомъ тащила легонькій плетеный коробокъ. Верстахъ въ шести отъ Бѣлыхъ-Ключей попался какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, какъ ходятъ пріисковые рабочіе. Онъ сидѣлъ на пенькѣ и перевязывалъ ногу. Когда плетенка поровнялась съ нимъ, мужикъ поднялся, снялъ шапку, поклонился и проговорилъ:

— Степану Никитичу доброе здоровье!..

— А ты какъ меня знаешь?

— Кто же тебя не знаетъ, Степанъ Никитичъ. Однимъ словомъ, благодѣтель... Всѣ за тобой сидимъ, какъ тараканы за печкой,

Кучеръ остановилъ лошадей, чтобы поправить сбочившуюся дугу. Мужикъ показалъ глубокую рану на ногѣ и проговорилъ:

— Довезъ бы ты меня, Степанъ Никитичъ... Все равно, одинъ ѣдешь, а мнѣ по пути.

Степанъ Никитичъ понюхалъ табаку и пожалѣлъ промысловаго человѣка. Славный такой мужикъ. Сейчасъ видно свою пріисковую косточку.

— Ну, садись на козлы, какъ-нибудь доѣдемъ, — пригласилъ Степанъ Никитичъ.

— На вашей работѣ ногу-то извелъ, Степанъ Никитичъ.

Мужикъ перевязалъ свою ногу на скорую руку и взмостился на козлы. Кучеру, очевидно, было непріятно везти лишняго человѣка, и онъ что-то ворчалъ себѣ подъ носъ...

— Много вашего брата тутъ шляется... Всѣхъ не перевозишь. Еще лошадей пересобачишь...

Поѣхали. Степанъ Никитичъ любилъ дорогой побалагурить и подробно разспросилъ мужика, откуда онъ идетъ, куда и зачѣмъ. Тотъ отвѣчалъ все, какъ слѣдуетъ быть, и въ заключеніе попросилъ покурить „цыгарочку“.

— Табаку я не курю, а вотъ понюхать можешь,—предложилъ Степанъ Никитичъ и прибавилъ, посмѣиваясь и прищелкивая пальцемъ по крышкѣ табакерки:—Это, братецъ, у меня оборона противъ разбойниковъ... Вѣдь всю жизнь съ деньгами по лѣсамъ ѣзжу. А напади разбойникъ, я ему въ глаза и брошу щепотку табачку... хе-хе!.. Пока онъ будетъ чихать да кашлять, меня и слѣдъ простылъ.

— И Арсютки не боишься?

— И Арсютки не боюсь... Я ему прямо всю морду табакомъ залѣплю. Я вѣдь не Иванъ Павлычъ... Хе-хе!..

— Ахъ, ты какой лукавый, Степанъ Никитичъ! — смѣялся мужичокъ, покачивая головой.

Потомъ онъ прислушался и сказалъ:

— Степанъ Никитичъ, а вѣдь за нами погоня!

— Какая погоня?

— А Иванъ Павлычъ со стражниками гонится за Арсюткой... Значитъ, его видѣли гдѣ-нибудь поблизости. Въ самый бы разъ тебѣ, Степанъ Никитичъ, теперь его табакомъ своимъ посыпать...

Дѣйствительно, это была погоня, и Степанъ Никитичъ только подивился, какое у мужичка чуткое ухо.

„Погоню гналъ“ самъ Иванъ Павлычъ въ сопровожденіи четырехъ своихъ стражниковъ.

— Экая, подумаешь, Арсюткѣ честь, — замѣтилъ мужичокъ. — Онъ-то одинъ бѣжитъ пѣшкомъ, а за нимъ пятеро верхомъ гонятся. Нагналъ онъ холоду Ивану-то Павлычу...

Погоня летѣла на полныхъ рысяхъ. Иванъ Павлычъ издали узналъ плетенку Степана Никитича и про себя обругалъ „старую кочерыжку“, которая шляется въ такую погоду по промысламъ. По пути Иванъ Павлычъ сообразилъ, что старикашка ѣдетъ именно ѣсть пельмени къ Аннѣ Сергѣевнѣ. „Вотъ лукавый старичонка!“ — обругалъ онъ его про себя. Увидавъ сидѣвшаго на козлахъ мужика, Иванъ Павлычъ только улыбнулся: — „Эге, Степанъ Никитичъ все хвастался, что не боится Арсютки, а самъ теперь съ обережнымъ ѣздитъ... Вотъ такъ храбрецъ!.. Ахъ, ты, старая кочерга... Вотъ тебѣ и король червей. Смѣется, видно, послѣдній. Х-ха!..“

Догнавъ Степана Никитича, Иванъ Павлычъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ его, и даже отвернулся. „Э, пусть чувствуетъ, старый колдунъ“...

— Ишь какъ гордится Иванъ-то Павлычъ,—замѣтилъ мужикъ на козлахъ, передвигая свою шапку съ уха на ухо.—И тебя не хочетъ узнавать, Степанъ Никитичъ.

— Богъ съ нимъ,—смиренно отвѣтилъ Степанъ Никитичъ и угнетенно вздохнулъ.

Плетенка до пріиска Говорливаго тащилась уже часа три, и Степанъ Никитичъ даже пожалѣлъ, что поѣхалъ въ такую даль за семь верстъ киселя хлебать.

Когда вдали показалась пріисковая стройка, сидѣвшій на козлахъ мужикъ остановилъ самовольно лошадей.

— Ну, Степанъ Никитичъ, спасибо тебѣ, что подвезъ, да и отъ погони укрылъ...

Степанъ Никитичъ ничего не понималъ и молча смотрѣлъ, какъ мужикъ спустился съ облучка, поправилъ свою котомку и снялъ шапку.

— Спасибо, говорю,—продолжалъ мужикъ.—А встрѣтишь Ивана Павлыча, такъ скажи, что, молъ, Арсютка тебѣ поклончикъ прислалъ...

— Что-о?.. Да ты...

— Я и есть самый Арсютка... Аль не узналъ, Степанъ Никитичъ?.. Ну, а теперь прощай...

Арсютка повернулся, перепрыгнулъ дорожную канаву и быстро зашагалъ къ ближайшему лѣску. Степанъ Никитичъ выскочилъ изъ экипажа и неистово закричалъ:

— Держи его, разбойника... Арсютка, стой!.. Кучеръ, держи его!..

— Да, ступай-ка самъ и подержи его,—спокойно отвѣтилъ кучеръ, почесывая въ затылкѣ.—Онъ тебѣ покажетъ...

— Караулъ!.. Батюшки, держите!..—оралъ Степанъ Никитичъ, бѣгая около экипажа.—Арсютка, стой!..

Когда Арсютка скрылся въ лѣсу, Степанъ Никитичъ накинулся на кучера.

— Ты... ты вѣдь его узналъ?.. А?..

— Конечно, узналъ...

— Такъ что же ты все время молчалъ, негодяй... а?

— У меня не двѣ головы... Рядомъ сидѣли,—ну, какъ пырнетъ ножомъ въ бокъ. Ты его самъ посадилъ, Степанъ Никитичъ, твой и отвѣтъ...

— Я?! Ахъ, ты... Да я... я...

На Говорливый пріискъ Степанъ Никитичъ пріѣхалъ въ страшномъ волненіи. Какъ на грѣхъ, Иванъ Павлычъ сидѣлъ въ пріисковой конторѣ и пилъ чай. Всѣ страшно переполошились, когда Степанъ Никитичъ разсказалъ о случившемся, кромѣ Ивана Павлыча, который довольно ядовито замѣтилъ:

— У страха глаза велики, Степанъ Никитичъ... Тебѣ просто поблазнило отъ древности твоихъ лѣтъ.

— Мнѣ?!.. А кучеръ?

— А твой кучеръ просто дуракъ... Если онъ будетъ болтать глупости, такъ я его велю выдрать.

Это приключеніе сильно подѣйствовало на Степана Никитича. Старикъ какъ-то сразу опустился, началъ всего бояться, прислушивался по ночамъ къ малѣйшему шороху и по секрету всѣмъ сообщалъ:

— Это былъ оборотень... Онъ по душу мою приходилъ... Да...

Вообще человѣкъ рехнулся.

Черезъ полгода Иванъ Павлычъ поймалъ Арсютку, устроивъ облаву въ лѣсу. Степанъ Никитичъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля, но не призналъ въ Арсюткѣ того мужика, котораго везъ на козлахъ.

— Да ты погляди на меня-то хорошенько, Степанъ Никитичъ,—дерзко говорилъ Арсютка.—Еще тогда меня табачкомъ угощалъ...

— Нѣтъ, ты—оборотень...—повторялъ Степанъ Никитичъ.

1903.

СЕМЕЙНАЯ РАДОСТЬ.

I.

Старуха Марья Андреевна почти цѣлый день проводила у окна. Ей было уже за восемьдесятъ, и она плохо слышала, хотя горничныя и увѣряли противное—что̀ не нужно, такъ старая вѣдьма, небось, услышитъ.

— Давно черти съ огнемъ на томъ свѣтѣ ищутъ, — увѣряла горничная Даша, очень бойкая и задорная особа.—Въ чужой вѣкъ живетъ старая корга.

Старуха смотрѣла на Дашу своими мутными глазами, качала головой и отвѣчала:

— Ужо вотъ тебя на томъ свѣтѣ черти-то припекать будутъ...

Когда старуха сердилась, лицо у нея дѣлалось страшнымъ: глаза какъ-то останавливались, нижняя челюсть отвисала, изъ-подъ платка на головѣ выбивались космы начинавшихъ желтѣть сѣдыхъ волосъ. Сейчасъ трудно было сказать, была она когда-нибудь красива или безобразна, только крючковатый носъ и выдававшійся впередъ подбородокъ говорили о рѣзкихъ, типичныхъ чертахъ.

Итакъ, Марья Андреевна сидѣла у окна и смотрѣла на улицу. Трудно было бы сказать, о чемъ она думала и въ состояніи ли она вообще о чемъ-нибудь думать. Впрочемъ, этимъ никто и не интересовался. Поднималась она раньше всѣхъ въ домѣ и этимъ досаждала прислугѣ. Потомъ шла къ заутренѣ—досаждала дворнику, потомъ приходила изъ церкви прямо къ чаю и досаждала рѣшительно всѣмъ, потому что всякому до себя, а эта старуха только мѣшается. Однимъ словомъ, въ богатомъ домѣ ей не было мѣста, и она это чувствовала. Чуть кто подойдетъ—она сейчасъ поднимется и перейдетъ на другое мѣсто.

— Бабушка, да что̀ ты все толчешься!—ворчали на нее.—Даже въ глазахъ рябитъ...

Если старуха засиживалась на одномъ мѣстѣ, когда на нее находило забытье, это еще больше возмущало всѣхъ.

— Помилуйте, что̀ она торчитъ на одномъ мѣстѣ, какъ кукла! Смотрѣть тошно...

Когда старуха замѣчала это общее недовольство, у нея дѣлалось испуганное лицо, и она старалась куда-нибудь спрятаться, что̀ было не легко, такъ какъ семья была большая и всѣ комнаты были разобраны. Нигдѣ не было мѣста Марьѣ Андреевнѣ, и она слонялась по дому, какъ тѣнь.

Прислуга устраивала вѣдьмѣ всевозможныя каверзы, а когда та жаловалась дочери Еленѣ Ѳедоровнѣ, настоящей хозяйкѣ, то получала одинъ и тотъ же отвѣтъ:

— Какая вы, маменька, странная... Отчего же прислуга дѣлаетъ непріятности только вамъ одной?.. Вы просто выжили изъ ума и со всѣми ссоритесь... Вѣдь этакъ вы всѣхъ изъ дому выживете. Просто согрѣшила я съ вами...

— Вотъ умру, тогда никому мѣшать не буду,—ворчала старуха. — Вы всѣ хороши...

Но злѣйшими, настоящими врагами вѣдьмы были двое маленькихъ внучатъ, которые не давали ей покоя. Дѣтская изобрѣтательность безгранична. Маленькій Коля не могъ пройти мимо, чтобы не задѣть бабушку локтемъ, а разъ даже подставилъ ей ногу, и старуха пребольно расшиблась. Варя была постарше и по-своему изводила старуху. Подойдетъ къ ней, сдѣлаетъ ласковое лицо и заговоритъ:

— Бабушка, ахъ, какъ я васъ люблю!..

— Уйди, змѣенышъ...

— Нѣтъ, серьезно... И всѣ васъ любятъ. Жаль только, что вы скоро умрете. Такъ жаль, такъ жаль...

— Тебя еще переживу, дрянная дѣвчонка! На зло вамъ всѣмъ буду жить...

Отъ злости голова бабушки начинала трястись, а на губахъ выступала пѣна. Это забавляло маленькихъ инквизиторовъ, и они устраивали настоящую травлю, такъ что старуха боялась ихъ больше, чѣмъ большихъ. Нѣсколько разъ внучата доводили вѣдьму до того, что она съ яростью бросалась къ образу и громко начинала ихъ проклинать. Это выходило ужъ совсѣмъ смѣшно, и маленькіе мучители хохотали до слезъ.

— Бабушка, милая, прокляни еще немножко... Скоро умрешь, и некому будетъ проклинать. Ну, еще чуточку...

— И прокляну!.. Всѣхъ прокляну, все змѣиное отродье... Не будетъ вамъ счастья.

Дѣтская жестокость являлась только отраженіемъ жестокости большихъ. Никто не любилъ старухи, пережившей самоё себя, и дѣти эту нелюбовь довели до открытой ненависти. Всѣ опыты вѣдьмы найти защиту у Елены Ѳедоровны кончались еще большей неудачей, чѣмъ распри съ прислугой.

— Если ужъ вы не можете ужиться, маменька, съ дѣтьми, въ которыхъ все-таки ангельскій образъ, значитъ, и въ самомъ дѣлѣ вамъ пора умирать.

— Не избывай постылаго, матушка, приберетъ Богъ милаго, — ворчала вѣдьма.

— Вотъ вы всегда такъ, маменька: сами накликаете бѣду. Недавно опять проклинали невинныхъ младенцевъ...

— У, змѣеныши...—шипѣла вѣдьма, страшно ворочая своими мутными глазами.—Мало ихъ проклясть... да.

Надо было случиться такъ, что и Коля и Варя дѣйствительно умерли, умерли отъ тѣхъ безжалостныхъ дѣтскихъ болѣзней, безсмысленныхъ и обидныхъ, какъ самая величайшая несправедливость. Еще наканунѣ шалунъ Коля за общимъ чаемъ съ удивительной ловкостью отодвинулъ бабушкинъ стулъ, и вѣдьма полетѣла на полъ, а черезъ два дня онъ уже лежалъ на столѣ въ качествѣ одной изъ безчисленныхъ жертвъ дифтерита. Черезъ пять дней умерла Варя отъ той же болѣзни. Обезумѣвшая отъ горя Елена Ѳедоровна всю вину свалила на мать.

— Это ваша работа, маменька!.. — повторяла она, ломая руки. — Вотъ вы ихъ проклинали все... Недаромъ вся прислуга говоритъ, что вы въ чужой вѣкъ живете.

Весь домъ былъ противъ нея, а зять, мужъ Елены Ѳедоровны, заявилъ, что не можетъ видѣть эту отвратительную старуху. Оставалось еще двое старшихъ дѣтей — женатый сынъ Василій и замужняя дочь Маня. Они тоже были противъ бабушки, потому что у нихъ были свои дѣти, а она какъ разъ накличетъ бѣду. Особенно вооружалась Маня. Это была красивая женщина, которая привела въ домъ красавца-мужа изъ оголтѣлыхъ дворянъ. Она заявила вмѣстѣ съ отцомъ, что тоже не можетъ видѣть вѣдьму.

— Что же я буду съ ней дѣлать? — въ отчаяніи повторяла Елена Ѳедоровна, начиная держать сторону матери. — Не могу же я выгнать восьмидесятилѣтнюю старуху на улицу...

— Зачѣмъ же на улицу, мама? — сказала Маня. — Никто не гонитъ, а только можно бабушку устроить иначе...

— Напримѣръ?

— Мало ли какъ можно... Нанять комнату въ приличномъ семействѣ или небольшую квартирку.

— Чтобы всѣ указывали на насъ пальцами? Ахъ, Маня! Этакъ ты и меня въ меблированныя комнаты выселишь...

— Съ вами, мама, нельзя серьезно говорить... У васъ сейчасъ жалкія слова начнутся. Я говорю только о томъ, что бабушкѣ же было бы удобнѣе...

— Маня, ты ошибаешься, — съ ласковой строгостью сказалъ ей нахлѣбникъ-мужъ. — Дѣйствительно, будутъ говорить... Однимъ словомъ, неудобно, и maman права, какъ всегда.

Мужъ Мани былъ дипломатъ и во всемъ соглашался съ maman. Въ данномъ случаѣ, онъ больше всѣхъ ненавидѣлъ проклятую старуху и съ глазу на глазъ настраивалъ постоянно опеку противъ нея. Одно ужъ то, что она ходила въ какихъ-то ситцевыхъ платьяхъ и повязывала по-деревенски голову ситцевымъ платкомъ, — одно это чего стоило. Пріѣдутъ гости, люди солидные, а эта кикимора и вылѣзетъ.

— Можетъ-быть, можно старушку перевести въ нижній этажъ, — дипломатично совѣтовалъ онъ. — Тамъ есть очень милая комнатка рядомъ съ кухней. Старушки любятъ тепло.

Этотъ планъ былъ отложенъ на время, тоже изъ страха передъ знакомыми, — люди злы и наговорятъ Богъ знаетъ что: рядомъ съ кухней, изъ кухни постоянно идетъ чадъ, и т. д.

II.

Гости допимали всѣхъ, какъ это умѣютъ дѣлать милые знакомые. Елена Ѳедоровна нѣсколько разъ пробовала прятать старуху въ такіе моменты, но гости были неумолимы, особенно гостьи. „А гдѣ наша милая старушка? — спрашивали дамы. — Ахъ, какъ вы счастливы, Елена Ѳедоровна, что у васъ есть такая бабушка! Знаете, когда въ домѣ есть такая старушка, чувствуется такъ уютно и тепло... да“.

Это преувеличенное вниманіе добрыхъ знакомыхъ объяснялось общечеловѣческой слабостью кольнуть въ самое больное мѣсто: всѣ знали, что несчастная старуха всѣмъ мѣшаетъ и что ее никакъ не могутъ изжить, и поэтому устраивали самую ядовитую травлю. Съ другой стороны, всѣ знакомые отлично помнили, что мичуринскіе капитали пошли именно отъ бабушки и пошли темнымъ путемъ. Тайна этого богатства должна была умереть вмѣстѣ со старухой, и тогда наслѣдники вздохнули бы свободнѣе. Конечно, добрые знакомые завидовали Мичуринымъ и не упускали случая стороной распро-

странять про нихъ самыя ужасныя вещи. Напримѣръ, кто не зналъ, какъ эта бабушка ограбила родныхъ внучатъ? У Марьи Андреевны было двое дѣтей — сынъ Иванъ и дочь Елена. Сынъ Иванъ нажилъ большой капиталъ большими плутнями, а потомъ попалъ подъ судъ. Онъ предчувствовалъ бѣду и впередъ передалъ деньги матери, съ условіемъ, чтобы она ихъ въ свое время передала его дѣтямъ. Старуха, вмѣсто этого, передала капиталъ Еленѣ Ѳедоровнѣ. Сынъ Иванъ такъ и умеръ въ тюрьмѣ, а его дѣти остались нищими. У Мичуриныхъ о нихъ никогда не говорили, точно ихъ и на бѣломъ свѣтѣ не существовало. Особенной наслѣдственной жестокостью отличалась Елена Ѳедоровна. Она прямо ненавидѣла несчастныхъ племянницъ и считала личнымъ оскорбленіемъ, что онѣ имѣли дерзость существовать. Время отъ времени она все-таки испытывала смутныя угрызенія совѣсти и думала, что другіе люди умираютъ же, а вотъ эти несчастныя живутъ, несмотря на бѣдность. Если бы онѣ умерли, да и съ бабушкой вмѣстѣ!

Послѣ смерти Коли и Вари у Елены Ѳедоровны явилась счастливая мысль, именно — переселить бабушку вотъ къ этимъ ненавистнымъ племянницамъ. Вѣдь она не чужая имъ, пусть онѣ въ свою долю поухаживаютъ за ней.

— Мысль, maman, геніальная, — съ восхищеніемъ одобрилъ этотъ планъ зять-дипломатъ. — Знаете, мы даже не имѣемъ права лишать нашихъ милыхъ родственницъ этого удовольствія... Конечно, намъ не легко будетъ разстаться съ милой бабушкой, но онѣ имѣютъ на нее такое же право. Да...

Выселеніе бабушки состоялось необыкновенно быстро. Ограбленныя племянницы жили гдѣ-то на окраинѣ и вдвоемъ занимали одну комнату. Но „милой бабушкѣ“ нашлось мѣсто. И какое отличное мѣсто: у самой печки! Племянницы существовали работой, которую брали изъ модныхъ магазиновъ, и кое-какъ сводили концы съ концами. Бабушку онѣ приняли безъ удовольствія, но и безъ ненависти.

— Живите, бабушка... Мѣсто найдется.

Старуха посмотрѣла на дѣло иначе. Она ни за что не хотѣла переѣзжать къ озлобленнымъ внучкамъ и страшно протестовала. Изъ мичуринскаго дома ее увезли почти силой. Уѣзжая, она еще разъ прокляла Елену Ѳедоровну со всѣ чады и домочадцы.

— Маменька... успокойтесь... — уговаривала Елена Ѳедоровна. — Нехорошо, вы себя тревожите.

— У, змѣя... — шипѣла старуха.

Странно, что, поселившись у внучекъ, гдѣ былъ и уходъ и привѣтъ, старуха страшно скучала объ оставленномъ змѣиномъ гнѣздѣ и неутѣшно плакала.

— Я для нихъ все сдѣлала... — повторяла она въ отчаяніи. — На чьи деньги они живутъ? Тогда сынъ Иванъ все мнѣ оставилъ, а я все отдала Еленѣ. Да... Разорила я васъ, внучки, пустила по міру. Ну, а милая дочь Елена меня на старости лѣтъ выгнала изъ дому... Не будетъ имъ счастья!..

— Бабушка, зачѣмъ помнишь старое, — уговаривали внучки. — Намъ вѣдь ничего не нужно...

— Глупыя вы, вотъ что̀... Если бы у васъ были деньги, такъ не остались бы перестарками. Замужъ бы вышли, а теперь вотъ Христовыми невѣстами живете... Тоже не сладко. Другіе-то живутъ да радуются, а вы надъ иголкой высохли.

Внучки, дѣйствительно, были уже въ томъ возрастѣ, когда о женихахъ не думаютъ. Старшей было за сорокъ, а младшей подъ сорокъ. Впрочемъ, имъ и некогда было думать о своей женской „судьбѣ“, — все отнимала забота

о кускѣ хлѣба. А тутъ еще бабушку Богъ послалъ... Елена Ѳедоровна, спровадивъ старуху, не позаботилась обезпечить ее, — много ли старухѣ нужно? Пусть внучки позаботятся сами о ней, — не чужая.

У внучекъ старуха прожила недолго. Ее точно съѣла тоска по ненавидѣвшей ее семьѣ. Она все тосковала и не отходила отъ окна. Сядетъ и сидитъ, не шевелясь, цѣлые часы. Событія послѣднихъ лѣтъ какъ-то совсѣмъ выпали изъ ея памяти. Она жила далекимъ прошлымъ, гдѣ ярко вставали одна картина за другой. Ей тогда казалось, что она слышитъ шаги сына Ивана. Разъ она проснулась и заявила:

— Ну, внучки, не буду больше никого безпокоить... Скоро помру. Видѣла во снѣ сына Ивана. Вошелъ онъ въ комнату и этакъ пальцемъ меня манитъ... Ничего не говоритъ, а только пальцемъ...

Дѣйствительно, черезъ три дня старухи не стало. Она умерла, сидя на стулѣ у окна.

Извѣстіе о смерти бабушки произвело въ мичуринскомъ домѣ большой переполохъ. Всѣ были рады и всѣ старались не выдать своей радости. Многолѣтняя обуза спала съ плечъ. Только для приличія погоревала Елена Ѳедоровна.

— Это милыя внучки уморили старуху, — роптала она. — Она прожила бы еще лѣтъ десять, если бы не внучки...

1895.

СТАРИКИ НЕ ЗАПОМНЯТЪ.

I.

Старикъ Иванъ Герасимовичъ жилъ въ сарайной, т.-е. въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, устроенныхъ подъ сараемъ. Раньше здѣсь жили разныя старушки изъ бѣдныхъ родственницъ, а сейчасъ пришла очередь Ивану Герасимовичу. Пока старикъ былъ въ силахъ, онъ жилъ въ главномъ домѣ, выходившемъ на улицу пятью окнами. Домъ былъ деревянный, старый, но простоялъ бы еще лѣтъ двадцать съ лишкомъ, но сынъ Тихонъ взялъ и сломалъ его.

— Будетъ, пожили, тятенька, въ деревѣ достаточно, — объяснилъ онъ своимъ пѣвучимъ, ласковымъ голосомъ. — Поставимъ каменный домикъ, какъ у другихъ протчихъ. Чѣмъ мы ихъ хуже? У Нефедовыхъ вонъ какой домище схлопали, у Кондратьевыхъ, у Волковыхъ — всѣ строятся. Ну, а намъ какъ будто и совѣстно передъ другими... Слава Богу, капиталъ дозволяетъ.

Жаль было Ивану Герасимовичу зорить старое пепелище, а съ Тихономъ развѣ сговоришь, — ужъ что̀ задумалъ, точно на пень наѣхалъ. Характерный человѣкъ этотъ Тихонъ, изъ молодыхъ да ранній. Раньше предъ отцомъ слова пикнуть не смѣлъ, а теперь смѣлъ спорить и перечить, и дѣлалъ все по-своему. Иванъ Герасимовичъ, сухой и высокій старикъ съ окладистой сѣдой бородой, раньше держалъ весь домъ въ ежовыхъ рукавицахъ, а какъ жена Анна Петровна умерла лѣтъ пять тому назадъ, — сразу опустился и точно захирѣлъ. Попробуетъ крикнуть и задать острастку, а слушать некому. Даже кухарка Ѳекла, которая помнила, какъ Иванъ Герасимовичъ колачивалъ жену, и та нисколько сейчасъ не боялась его, потому что человѣкъ вышелъ изъ силы и никому не страшенъ.

— Будетъ, поцарствовалъ, — ворчала она себѣ подъ носъ. — Раньше-то всѣ какъ огня боялись, а теперь посиди въ сарайной-то... Покойница Анна Петровна вотъ какъ натерпѣлась. Можетъ, и въ землю ушла отъ тебя...

Паденіе Ивана Герасимовича въ собственномъ домѣ произошло какъ-то само собой, благодаря ласковой хитрости Тихона, который ограничивалъ отца шагъ за шагомъ съ ловкостью настоящаго дипломата. Окончательно убилъ старика новый каменный домъ. Случилось это такъ... Дѣло въ томъ, что, принимаясь за постройку новаго дома, Тихонъ сказалъ отцу:

— Тятенька, вы пока поживите въ сарайной, а я съ женой перебьюсь какъ-нибудь у тестя Павла Егорыча. Оно тяжеленько по чужимъ угламъ таскаться, а приходится потерпѣть... Часъ терпѣть — вѣкъ жить. Кстати, вы и за работой присмотрите, потому какъ свой глазъ алмазъ.

Иванъ Герасимовичъ согласился, о чемъ потомъ жалѣлъ. Очень ужъ

хитрымъ оказался Тихонъ... Постройка тянулась цѣлый годъ, и старикъ зорко наблюдалъ за всѣмъ. Все-таки не безъ дѣла сидѣть. Потомъ каменный домъ просыхалъ цѣлую зиму, потомъ его отстраивали полгода внутри, а когда пришлось переѣзжать въ новый домъ — Ивану Герасимовичу не оказалось въ немъ мѣста. Прямо этого Тихонъ не говорилъ отцу, но старикъ и самъ видѣлъ, что ему приходится оставаться въ своей сарайной.

— Нельзя, тятенька, по старинкѣ жить, — объяснялся Тихонъ, дѣлая безсовѣстное лицо. — Надо и гостиную, и кабинетъ, и спальню, и дѣтскую, и столовую — все, какъ у другихъ. Есть каморка около кухни, да и тамъ Ѳекла живетъ. А у васъ здѣсь преотлично: и тепло и уютно. Затеплили передъ образомъ лампадочку, затопили печку — отлично. Старички любятъ тепло... Самоварчикъ поставили. Тишина, покой, уютъ... Далъ бы, не знаю, что̀ далъ, чтобы такъ пожить.

Иванъ Герасимовичъ понялъ, въ какую онъ ловушку попалъ самымъ глупымъ образомъ, и молчалъ. Онъ началъ бояться Тихона, который забралъ всѣ дѣла въ свои руки и никого больше не хотѣлъ знать. У нихъ былъ свой кожевенный заводъ и лавки съ кожевеннымъ товаромъ.

Когда Иванъ Герасимовичъ по привычкѣ приходилъ на заводъ или въ лавку, то чувствовалъ себя и здѣсь чужимъ. Всѣ къ нему относились [illegible]женіемъ, дѣлали видъ, что слушаютъ каждое его слово, а дѣлали [illegible] хотѣлъ Тихонъ. И знакомые купцы, старые пріятели по торговлѣ, [illegible] къ нему такъ же.

— Богу молишься, Иванъ Герасимовичъ?—подшучивали надъ нимъ.

— И то молюсь,—отвѣчалъ Иванъ Герасимовичъ, сдерживая накоплявшееся озлобленіе.—Худого въ этомъ нѣтъ...

— За насъ по поклончику отложи, Иванъ Герасимовичъ... Тебѣ [illegible] заодно для души постараться. Хорошо, сказываютъ, у тебя въ сараюшкѣ...

— Да, ничего, тепло...

— Тихонъ Иванычъ ужъ устроитъ... Онъ ужъ для родителя ничего не пожалѣетъ.

— Ничего, не жалуюсь... Помирать пора... Къ ненастью мѣста не могу найти, а въ сарайной тепло, тихо.

— Вотъ-вотъ, въ самый разъ. Много ли старичку нужно: самоварчикъ поставилъ, лампадочку затеплилъ...

Уѣздный городокъ Казачинскъ затерялся въ далекой степной киргизской глуши. Онъ являлся типичнымъ представителемъ промышленнаго купеческаго пункта, какіе встрѣчаются только по ту сторону Урала. Въ уѣздѣ не было ни одного дворянскаго имѣнья. Купецъ-промышленникъ типичной сибирской складки составлялъ здѣсь все, а за нимъ уже шелъ уѣздный маленькій чиновникъ—полицеймейстеръ, исправникъ, засѣдатель. Даже здѣсь полицеймейстеръ являлся шишкой. Всѣ дѣла сосредоточивались на торговлѣ скотомъ, саломъ, кожей, шерстью и хлѣбомъ. Ни обрабатывающей ни добывающей промышленности не полагалось, кромѣ двухъ-трехъ салотопенъ да кожевеннаго завода. Жили по старинкѣ, какъ дѣды и прадѣды. Купечество было все средней руки, и самымъ богатымъ человѣкомъ считался татаринъ Антай, который жилъ въ двѣнадцати верстахъ отъ города. Въ Казачинскѣ не было даже трактира, несмотря на шесть тысячъ жителей. Единственнымъ развлеченіемъ служилъ торжокъ подъ Успеньевъ день, когда дѣлались крупныя закупки скота, да зимнія ярмарки по окрестнымъ деревнямъ. Вообще городокъ жилъ самой мирной жизнью, и никакихъ особенныхъ событій здѣсь не полагалось, за исключеніемъ пожаровъ, степныхъ голодовокъ и маленькихъ бѣдъ. Засѣдатель, по

обычаю простыхъ купеческихъ дѣтей, справлялъ именины и свадьбы, ходилъ по гостямъ „на огонекъ“ и вообще жилъ тихо и мирно, благословляя судьбу.

— У меня главное, чтобы все тихо, — повторялъ засѣдатель. — Чтобы ни-ни...

Въ собственномъ смыслѣ представителями интеллигенціи являлись старичокъ-докторъ, жившій въ Казачинскѣ съ незапамятныхъ временъ, и смотритель уѣзднаго училища, тоже старичокъ и тоже жившій съ незапамятныхъ временъ. Но и эти представители платили дань установившемуся духу городской жизни: у доктора была салотопенная заимка, а смотритель завелъ извозчичью биржу.

— Что же, намъ, слава Богу, жить можно,— говорили всѣ, когда проходилъ день.

Конечно, играли въ картишки, выпивали при случаѣ, сплетничали и совсѣмъ не знали, что такое скука. Кто придумалъ, что въ маленькихъ провинціальныхъ городахъ жить скучно, — неправда, чему Казачинскъ служитъ самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ.

II.

Иванъ Герасимовичъ былъ живой исторіей Казачинска. Его всѣ знали [illegible] всѣхъ зналъ. Исторію своего города онъ считалъ по большимъ пожарамъ. [illegible]рыхъ было три, когда весь Казачинскъ выгоралъ до тла. Въ третій пожаръ сгорѣли и соборъ и пожарная каланча. Сидя сейчасъ въ сарайной, Иванъ Герасимовичъ отъ-нечего-дѣлать припоминалъ прошлое и доходилъ постепенно къ заключенію, что, чѣмъ дальше, тѣмъ будетъ хуже. По [illegible]мъ къ нему завертывалъ кто-нибудь изъ старичковъ, и неслись тихіе [illegible]евные разговоры.

— Ужъ какъ только будутъ жить послѣ насъ, — судачили старики. — Чѣмъ дальше, тѣмъ труднѣе жить... Баранина-то нынче въ сапожкахъ ходитъ. Прежде за барана давали по полтинѣ, а нынче и приступу нѣтъ. Кишки бараньи и тѣ покупаютъ.

— А шерстка какъ взыграла? Маслице коровье, кожи... Съ саломъ еще всякоеато бываетъ, а къ другому протчему и не подходи. На что, кажется, яйца—самая пустая вещь, а и имъ пошелъ ходъ...

— Кто только все это добро лопаетъ, подумаешь... Кажется, кожу съ себя сними, и то покупатель найдется.

— На ярманкѣ сорокъ скупаютъ... Ну, куда ее, сороку, а покупаютъ.

Старички качали головами и рѣшали, что, въ концѣ концовъ, все это грѣшно и только.

— Я еще помню, какъ пшеничка по двугривенному была,—вспоминалъ Иванъ Герасимовичъ.—И то жаловались, что дорого. А нынче шесть гривенокъ пудикъ... Тоже вотъ крупы разныя, овесъ—ни къ чему приступу нѣту. Прежде старики жаловались, что житья нѣтъ отъ дороговизны, а пожили бы теперь. Ладанъ, и тотъ вздорожалъ... Похороны-то во что обойдутся?

Но всего удивительнѣе оказывались нынѣшніе люди.

— Голову нашего, Ивана Павлыча, я помню, когда еще онъ съ ребятами на улицѣ въ бабки игралъ...

— А я ему уши диралъ за озорство.

— Да... А теперь, поди-ка, и рукой не достанешь. И семья была небогатая, а вылѣзъ въ люди. Встрѣтишься на улицѣ, а онъ и не узнаётъ... Распыхался изъ ничего.

Стариковскія мысли выплывали, какъ талая вода, которая образуетъ ржавыя наледи. Всѣ чувствовали, хотя и смутно, что наступаетъ что-то новое, люди будутъ жить уже совсѣмъ по-новому. Наступалъ конецъ старины. Что̀ держалось отцами и дѣдами, точно провалилось. И какъ ловко орудуютъ нынѣшніе-то молодые. Еще материно молоко не обсохло на губахъ, а ужъ онъ расширился.

— Твой-то Тихонъ Иванычъ далеко пойдетъ,—говорили старику Ивану Герасимовичу.—Хватка у него мертвая, какъ у хорошаго волка... И при этомъ великая жадность на все. Все ему мало... Недавно что̀ онъ сказалъ одному старичку: „потуда, гритъ, и купецъ, пока въ немъ эта жадность“... Ей-Богу!.. И раньше это случалось, только не говорили всего своими словами. Случалось и не безъ грѣха, а только каждый про себя грѣхъ-то свой зналъ... А тутъ: на̀, смотрите всѣ, каковъ я есть человѣкъ.

Судачившіе старички напрасно старались припомнить, чтобы въ ихъ время было что-нибудь подобное. Бывали, конечно, разные случаи, а только то, да не то. А тутъ еще пошли слухи о желѣзной дорогѣ, которая должна была пройти какъ разъ черезъ Казачинскъ. Это ужъ выходило совсѣмъ несообразно ни съ чѣмъ.

— И для чего намъ эта самая чугунка? — роптали старички. — Слава Богу, жили безъ чугунки не хуже другихъ...

— Сказываютъ, эта самая чугунка все какъ метлой подмететъ: и сальце, и маслице, и шерстку, и сметанку, и главное—весь хлѣбушко слопаетъ.

— Ужъ это извѣстно... И въ газетахъ все давно описано. Отецъ протопопъ разсказывалъ...

— А молодые-то радуются, по глупости, конечно. Тотъ же Тихонъ Иванычъ вотъ какъ нагрѣетъ руки около этой самой чугунки. У него ушки на макушкѣ... Подряды какіе-то затѣваетъ, потомъ проѣзжающіе номерки хочетъ строить, потомъ въ городскіе головы мѣтитъ попасть...

— Отъ него сбудется. Увертливъ уродился...

— Вотъ такимъ-то все это на руку. Хлѣбомъ не корми...

Иванъ Герасимовичъ сначала судачилъ вмѣстѣ съ другими стариками, а потомъ вдругъ замолчалъ. Всѣ говорятъ, а онъ сидитъ и молчитъ.

— Иванъ Герасимовичъ, да скажи что-нибудь?—уговаривали его старые пріятели.—О чемъ раздумался-то? Вотъ твой-то Тихонъ Иванычъ, сказываютъ, несостоятельность хочетъ устроить и нарочно къ адвокату ѣздилъ, который этими самыми дѣлами занимается. „Пожалуйте на чашку чаю“, — и конецъ тому дѣлу. За рубликъ-то и получай любую половинку, а то и поменьше... Нынче это даже весьма просто. Всякій желаетъ капиталъ нажить...

Иванъ Герасимовичъ продолжалъ молчать и только загадочно улыбнулся. Всѣмъ сдѣлалось ясно, что старичку что-то вступило въ голову, и его оставили въ покоѣ.

Они были правы. У Ивана Герасимовича, дѣйствительно, явились свои мысли. Онъ даже по ночамъ не спалъ и все думалъ.

— Нѣтъ, довольно!..—повторялъ онъ, споря съ какимъ-то неизвѣстнымъ противникомъ.—Однимъ словомъ, будетъ... И желѣзную дорогу хочешь слопать, и шубу выворотить, и городскимъ головой быть,—нѣтъ, братъ, шалишь!.. Мы еще укоротимъ тебя, добра молодца, и въ оглобли заведемъ и хвостъ куфтой подвяжемъ въ лучшемъ видѣ. Силовъ моихъ больше не стало терпѣть... Стой, Тихонъ Иванычъ, и не моги дышать!

Въ одинъ прекрасный день, надѣвъ праздничный длиннополый сюртукъ и замотавъ по старинной модѣ шею черной атласной косынкой, Иванъ Гера-

симовичъ отправился къ сыну, въ каменный домъ, гдѣ уже не бывалъ давненько.

— Ахъ, тятенька, въ кои-то вѣки собрались, — запѣлъ Тихонъ, дѣлая сладкое лицо.—И при всей формѣ...

— Дѣло есть... надо поговорить съ тобой... — довольно сурово отвѣтилъ старикъ.—Да... Хочу тебя уничтожить,—и весь тутъ сказъ. Будетъ мнѣ дурака валять и добрыхъ людей смѣшить. Все мое, а ты какъ знаешь...

— Т.-е. какъ ваше, тятенька?

— Не о чемъ намъ съ тобой разговоры разговаривать. Сказано: все мое. Выѣзжай изъ дому, однимъ словомъ...

— Помилуйте, тятенька, да вѣдь вы же своими руками при собственной живности передали мнѣ все по формѣ. Я и держу-то васъ въ сарайной только по милости... ей-Богу-съ! Спросите кого угодно...

Иванъ Герасимовичъ ничего не отвѣчалъ, а только повернулся и ушелъ.

Потомъ онъ побывалъ и у засѣдателя, и у протопопа, и у исправника, и вездѣ объявилъ о своемъ намѣреніи опять вступить въ дѣла, а сына Тихона прогнать. Старику показалось, что его слушаютъ будто не такъ, какъ слѣдуетъ, и во всемъ соглашаются, какъ съ маленькимъ ребенкомъ.

— Да, да... — шамкалъ старичокъ-протопопъ. — Оно конечно, хотя во [illegible] случаѣ, несмотря на сіе...

[illegible]лнивъ все, какъ слѣдовало, Иванъ Герасимовичъ вернулся къ себѣ [illegible]ную совершенно успокоенный. Вечеромъ онъ сидѣлъ за самоваромъ [illegible]беннымъ удовольствіемъ попивалъ чай съ малиновымъ вареньемъ. [illegible] въ этотъ блаженный моментъ раздался осторожный стукъ, и въ дверяхъ показалась голова Тихона.

— Тятенька, можно къ вамъ?

Не дожидаясь позволенія, въ комнату вошли о. протопопъ, исправникъ, засѣдатель и старичокъ-докторъ. Они поздоровались и чинно усѣлись по мѣстамъ. Тихонъ остался у дверей, точно боялся, что отецъ убѣжитъ.

Послѣ нѣкоторыхъ пустыхъ разговоровъ докторъ надѣлъ золотые очки и проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Ну-ка, ангелъ мой, Иванъ Герасимычъ, покажи языкъ.

Въ первую минуту Иванъ Герасимовичъ совершенно растерялся, а потомъ сразу все понялъ. У него морозъ пробѣжалъ по спинѣ. Старикъ забормоталъ что-то совсѣмъ несвязное, а гости переглянулись между собой.

Черезъ мѣсяцъ Иванъ Герасимовичъ былъ объявленъ страдающимъ старческимъ слабоуміемъ. Тихонъ пришелъ къ нему въ сарайную, погрозилъ пальцемъ и проговорилъ:

— Теперь ужъ вамъ, тятенька, полагается одна постная пища... да-съ. Для души даже весьма пользительно. Мы еще вотъ двухъ такихъ же старичковъ устроили.

НОЧЕВКА.

I.

— А гдѣ мы въ Челябѣ остановимся? — спрашивалъ я своего кучера Андроныча, когда сквозь мягкую мглу лѣтней ночи глянули на насъ первые огоньки городского предмѣстья.

— Да сколько угодно мѣстовъ, — увѣренно отвѣтилъ Андронычъ. — Прежде-то я на постояломъ у Спирьки останавливался, а то еще старуха Криворотиха принимаетъ проѣзжающихъ. Я эту самую Челябу, можетъ, разовъ съ десять проѣхалъ.

— Поѣзжай, гдѣ лучше. А то нѣтъ ли гостиницы или номеровъ?

— Ну, насчетъ проѣзжающихъ номеровъ шабашъ: и въ заведеньи этого нѣтъ. У знакомыхъ больше останавливаются... Въ лучшемъ видѣ къ Спирькѣ на постоялый подкатимъ.

Я находился въ отличномъ расположеніи духа. Послѣдняя станція отъ Токтубаевской станицы къ городу Челябинску (Оренбургской губерніи) представляла собой что-то необыкновенное, точно мы цѣлыхъ тридцать верстъ ѣхали по широкой аллеѣ какого-то гигантскаго парка. Колеса мягко катились по утрамбованному песчаному грунту, кругомъ двѣ зеленыхъ стѣны изъ столѣтнихъ березъ, чудный лѣтній вечеръ — однимъ словомъ, что-то ужъ совсѣмъ фантастическое, и я не знаю въ Зауральѣ ни одной такой станціи. Лошади бѣжали съ необычной быстротой и тоже находились, видимо, въ прекрасномъ расположеніи духа, что̀ съ ними случалось не часто. Однимъ словомъ, станція промелькнула, какъ сонъ, а впереди сладко грезился удобный ночлегъ.

— Эй, шевели бородой:—покрикивалъ Андронычъ на свою пару, прибавившую въ виду станціи прыти.—Помѣшивай!

Вообще мы въѣхали въ Челябинскъ съ большимъ шикомъ, какъ, вѣроятно, ѣздитъ только мѣстное начальство. Маленькій степной городокъ уже спалъ, несмотря на то, что было ровно десять часовъ. Мы промчались по одной улицѣ, повернули въ какой-то переулокъ и вдругъ остановились на какой-то площади.

— Вотъ тѣ и разъ!—вслухъ удивился Андронычъ, почесывая затылокъ.— То ли переѣзжать рѣку Міясъ, то ли нѣтъ...

— Поѣзжай къ Спирькѣ...

— Да вотъ то-то и есть, что забылъ я, гдѣ онъ живетъ: на этой сторонѣ, али за Міясомъ...

— Ну, такъ къ Криворотихѣ ступай!

— Къ Криворотихѣ-то ближе, да только...

Новое чесанье затылка и неопредѣленный звукъ удивленія. Однимъ сло-

вомъ, мой Андронычъ оказался воронной и больше ничего. Недалеко отъ насъ проходили какіе-то молодые люди, видимо, гулявшіе, и я спросилъ ихъ, какъ проѣхать къ постоялымъ дворамъ.

— За Міясъ ступайте,—отвѣтилъ въ темнотѣ молодой голосъ.

— Конечно, за Міясъ,—сердито заворчалъ Андронычъ.—Разъ безъ него не знаемъ.

Спросить дорогу для Андроныча было смертной обидой, и онъ сейчасъ же впадалъ въ самое мрачное настроеніе. По этому поводу у насъ было уже нѣсколько столкновеній.

— Поѣзжай за Міясъ,—повторилъ я, чтобы поддразнить Андроныча.—Туда же, хвастается: „я проѣзжалъ Челябу"...

Андронычъ угнетенно молчалъ и такъ тронулъ вожжами, что лошади поплелись нога за ногу, точно пьяныя. Мы проѣхали мимо какихъ-то лавокъ, потомъ по большому мосту черезъ Міясъ. Эта великолѣпная степная рѣка катилась здѣсь широкимъ разливомъ, оживляя небольшой степной городокъ. Челябинскъ славится, какъ хлѣбный центръ. Степной хлѣбъ отсюда идетъ на горные заводы. За мостомъ опять начиналась какая-то площадь и ряды деревянныхъ лавчонокъ. По всѣмъ признакамъ, это былъ хлѣбный рынокъ.

— Ну, куда теперь?—спрашивалъ я.

— А вотъ тутъ и есть, у самаго базара...—неохотно отвѣтилъ Андронычъ, находившійся подъ впечатлѣніемъ обиды.—Переулокъ будетъ сейчасъ направо: тутъ и Спирька.

Не доѣзжая переулка, я замѣтилъ на воротахъ вывѣску: „Постоялый [illegible], и велѣлъ остановиться. Дѣлалъ я это на зло Андронычу, чтобы не [illegible] ъ его Спирькѣ. Вылѣзши изъ экипажа, я подошелъ къ запертымъ [illegible] и принялся стучать въ нихъ. Гдѣ-то брехнула собака и смолкла. [illegible] у рядомъ съ воротами выходилъ какой-то флигелекъ, но, очевидно, [illegible] пустовалъ. Главное жилье стояло гдѣ-то въ глубинѣ двора. Я стучалъ минутъ десять и не добился ничего, точно постоялый дворъ былъ заколдованъ или весь вымеръ. Андронычъ торжествовалъ, наблюдая мои безплодныя усилія.

— Ежели бы, напримѣръ, черезъ ворота...—посовѣтовалъ онъ ядовито.

— Ступай самъ черезъ ворота, дуракъ,—обругался я, усиливая стукъ.

Еще безплодныхъ пять минутъ, и я плюнулъ.

— Спятъ, какъ зарѣзанные,—ворчалъ Андронычъ.

— Ступай къ Спирькѣ...

— Вотъ тутъ, сейчасъ за угломъ... Такой низменный домъ пятистѣнный.

Мы завернули за уголъ и остановились у пятистѣннаго деревяннаго дома, точно вросшаго въ землю. Я остался въ экипажѣ, предоставивъ Андронычу проситься на квартиру.

Онъ увѣренно спустился съ козелъ, захлестнулъ вожжи къ сидѣнью и, не торопясь, своей развалистой походкой направился къ воротамъ. Послѣднія, конечно, оказались запертыми. Андронычъ презрительно толкнулъ ихъ ногой, прислушался и, плюнувъ, пошелъ къ окну. Началось осторожное постукиванье въ стекло. И этотъ домъ оказался выморочнымъ, какъ мой постоялый дворъ.

— Стучи сильнѣе...—посовѣтовалъ я.—А то черезъ ворота полѣзай. Спирька проснется и въ шею тебѣ накладетъ...

Андронычъ по очереди перебралъ всѣ окна и даже припадалъ ухомъ, стараясь уловить отвѣтное движеніе; наконецъ гдѣ-то послышался старческій голосъ, спрашивавшій, кто стучится.

— Пусти переночевать, Спиридонъ Егорычъ...

— Какой Спиридонъ Егорычъ? Никакого тутъ Спиридона нѣтъ...

— А постоялый кто держитъ? Прежде Спиридонъ держалъ...

— Былъ и Спиридонъ, да вышелъ: три года, какъ померъ.

Маленькое окошечко отворилось, и показалась старушечья голова.

— А я думала, обозъ пришелъ... — недовольнымъ тономъ проговорила она.

— Да вѣдь деньги-то одинаковыя, что̀ съ насъ, что̀ съ обоза,—заспорилъ Андронычъ, задѣтый за живое.

— Много съ васъ денегъ возьмешь, съ одной-то подводы,—ворчала старуха.—А безпокойства не оберешься... Савельюшка, вставай!..

— Старая крымза!—обругался Андронычъ вполголоса.

Въ отворенное окно было слышно, какъ шлепали босыя ноги, беззубый старушечій шопотъ и возгласы: „Савельюшка, да вставай же! Гдѣ у насъ спички-то?.. Савельюшка!“. Неизвѣстный Савельюшка, очевидно, спалъ, какъ зарѣзанный, и не подавалъ признаковъ жизни. Старухѣ надоѣло его будить, и она принялась сама разыскивать спички, охая и причитая.

— Да вотъ тебѣ спички, бабушка,—заговорилъ Андронычъ, подавая спички въ окно.—Да шевелись поскорѣе... Кони пристали, и баринъ вонъ спитъ въ повозкѣ.

Въ избѣ затеплился огонекъ, и поднялись новыя оханья и причитанья. Андронычъ плюнулъ отъ нетерпѣнья и пошелъ къ воротамъ. Старуха долго возилась около засова и едва его вытащила. Старыя ворота съ покосившимися полотнищами распахнулись, какъ беззубый ротъ, и моя повозка въѣхала наконецъ во дворъ. На улицѣ и по тракту стояла пыль столбомъ, а во дворѣ была такая грязь, точно мы заѣхали въ болото. Даже лошади остановились, увязнувъ по колѣно въ навозѣ.

— Куда это ты меня завезъ?—накинулся я на Андроныча.—И лошадей утопилъ, и экипажъ не вытащить...

— Да они, подлецы, сроду не чистили двора-то!—ругался, въ свою очередь, обозлившійся Андронычъ.—Прямо, какъ помойная яма...

Онъ сдернулъ съ крыши громаднаго навѣса драницу и бросилъ ее мнѣ, чтобы перейти отъ засѣвшаго въ навозѣ экипажа въ избу. Воздухъ былъ невозможный. Я кое-какъ перебрался на крылечко и вошелъ въ низкую избу, такую грязную, что страшно было сѣсть на лавку. Старуха сидѣла у стола и дремала. Оплывшая сальная свѣчка горѣла около нея въ облѣпленномъ разной гадостью желѣзномъ подсвѣчникѣ. Я съ тоской оглядѣлъ всю избу, напрасно отыскивая уголокъ, гдѣ бы можно было прилечь.

— А я думала, обозъ пришелъ...—ворчала старуха.

— Да вѣдь ты видѣла, бабушка, что не обозъ, такъ о чемъ тутъ разговаривать. Нельзя ли самоварчикъ...

— Ну вотъ, ставь еще самоваръ вамъ... Ежели бы обозъ... безпокоятъ добрыхъ людей... Обозные-то сколько одного сѣна возьмутъ, овса, а то одинъ самоваръ...

— Не буду же я ѣсть сѣно для твоего удовольствія!..

Пока мы такъ перекорялись со старухой, въ дверяхъ показался Андронычъ, и я опять накинулся на него.

— Куда ты меня завезъ, Андронычъ?.. Развѣ можно ночевать въ этой помойной ямѣ?

— И ступайте съ Богомъ, откудова пріѣхали...—ворчала старуха.—Самоваръ еще вамъ ставь... Спирьку спрашиваютъ, а Спирька три года какъ померъ.

Между старухой и Андронычемъ завязался довольно оживленный діалогъ, закончившійся настоящей ссорой. Ничего не оставалось, какъ убираться изъ этой проклятой помойной ямы, въ которой мы потеряли битый часъ.

— Ну, Андронычъ, ты выѣзжай на улицу, а я пойду самъ отыскивать квартиру,—рѣшилъ я.

— Вотъ язва сибирская!—ругался Андронычъ.

— Ахъ, ты, гужеѣдъ!—ругалась старуха.

II.

Оставивъ Андроныча ругаться со старухой, я отправился разыскивать квартиру. О тротуарахъ, конечно, не было помину, и, чтобы не сломать шею, я отправился серединой улицы. Но и тутъ приходилось постоянно натыкаться на какіе-то камни, точно ихъ подкидывала мнѣ подъ ноги какая-то невидимая рука. Раза два я дѣлалъ отчаянные курбеты, какъ лошадь на скачкахъ съ препятствіями. Какъ на грѣхъ, ночь была темная, а фонарей не полагалось, какъ и тротуаровъ. Я брелъ по улицѣ буквально ощупью, высоко поднимая ноги и ощупывая каждый разъ мѣсто, на которое ставилъ ногу. Какъ ѣздить по такой проклятой дорогѣ? Въ душѣ у меня закипѣло озлобленіе. Вотъ уже цѣлый часъ потерялъ... Точно въ отвѣтъ на мои мысли въ десяти шагахъ отъ меня тонко зазвенѣла чугунная доска ночного сторожа. Это былъ спасительный, братскій призывъ погибающему...

— Эй, сторожъ, гдѣ ты?—обратился я къ окружающей тьмѣ.

— Я здѣсь...—отвѣтилъ невидимый голосъ совсѣмъ близко.

— Вотъ что̀, голубчикъ, гдѣ бы найти квартиру,—взмолился я.—Мнѣ только лошадей поставить, а спать я буду въ экипажѣ...

— Да вотъ сейчасъ... У Перфенаго постоялый дворъ, вотъ за угломъ.

— Да насъ старуха выгнала оттуда...

— Ахъ, язва!.. Ну, такъ вотъ сюда пожалуйте...

Приглашавшій меня голосъ показался мнѣ необыкновенно симпатичнымъ, а въ умѣ мелькала торжествующая мысль: вотъ ужо я покажу дураку Андронычу, какъ ищутъ квартиры!

— Сюда, сюда...—манилъ меня сторожъ.—Тутъ канавка, такъ вы осторожнѣе...

Я перебрался черезъ канавку и чуть не стукнулся лбомъ въ заборъ. Старичокъ-сторожъ сидѣлъ на приступкѣ какой-то деревянной лавчонки. Я готовъ былъ обнять его, какъ Робинзонъ обнималъ Пятницу.

— Богъ съ ней, со старухой,—успокаивалъ меня сторожъ, подпимаясь.—Извѣстно, баба—разѣ съ ней сговоришь... А постоялый дворъ Уксенова вотъ сейчасъ.

— Гдѣ?

Сторожъ подошелъ къ забору и стукнулъ въ него: „здѣсь“. „Отлично, а Андронычъ еще разъ дуракъ...“

— Да я самъ разбужу Уксенова,—вызвался сторожъ и на мгновеніе исчезъ въ какой-то щели, отдѣлявшей лавку отъ забора.

Я слышалъ, какъ онъ завязъ гдѣ-то въ доскахъ и царапался ногтями, какъ кошка. Потомъ послышался угнетенный вздохъ, и изъ щели отвѣтилъ знакомый голосъ:

— Ахъ, прахъ его побери!.. Раньше-то въ заборѣ доска одна выпала, собаки лазили, ну, я и думалъ пролѣзть въ дыру-то. Ахъ, ты, грѣхъ какой, подумаешь...

Старикъ съ трудомъ вылѣзъ изъ щели и сейчасъ же далъ совѣтъ:

— Вотъ что, баринъ... Сейчасъ, значитъ, вы обогнете лавку, потомъ все вправо, вправо и сейчасъ, напримѣръ, новыя ворота: это и есть самый Уксеновъ. Новыя ворота... все направо...

— А собакъ нѣтъ около лавокъ?..

— На цѣпяхъ собаки-то, а ты все, напримѣрно, вправо забирай... Рукой подать.

Нечего дѣлать, пришлось воспользоваться этимъ коварнымъ совѣтомъ, въ чемъ я такъ быстро раскаялся. Въ провинціи всѣ лавки и торговыя помѣщенія оберегаются злющими псами, и поэтому я старался итти самой серединой прохода между лавками, забирая вправо. Это было довольно рискованное путешествіе, потому что съ обѣихъ сторонъ визжали блоки, гремѣли желѣзныя цѣпи, и на меня съ удушливымъ лаемъ бросались нарочито обозленные торговые псы. „А что, если порвется цѣпь или лопнетъ блокъ?.. Нѣтъ, лучше не думать...“ Еще разъ направо, и желтымъ пятномъ смутно обрисовались новыя ворота. Ну, слава Богу! Только я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ воротамъ, какъ мнѣ навстрѣчу грянулъ громадный песъ, коварно стороживший меня. Что произошло дальше—я плохо отдаю отчетъ. Конечно, я бросился бѣжать, подгоняемый удушливымъ лаемъ гнавшагося по пятамъ цербера. Гдѣ я бѣжалъ и какъ спасся отъ зубовъ челябинскаго злѣйшаго пса—не помню, но только я, въ концѣ концовъ, очутился опять на той же улицѣ, по которой шелъ раньше. Я узналъ ее по камнямъ. Возвращаться къ коварному сторожу, пославшему меня на растерзаніе, конечно, не стоило, и я уныло поплелся по улицѣ впередъ. Отъ необычно-быстраго бѣга просто духъ захватывало, и я ругалъ опять Андроныча вмѣстѣ съ проклятой старухой, проклятымъ сторожемъ и проклятыми торговыми псами.

Надежда не оставляетъ человѣка, какъ извѣстно, до послѣдняго момента, и я разсчитывалъ найти постоялый дворъ: Колумбъ открылъ Америку, а не найти постоялаго двора—стыдно.

— Эй, кто идетъ?..

Предо мной вырастаютъ неожиданно три всадника, какъ въ романѣ Майнъ-Рида. О, это былъ ночной обходъ и мое спасенье. Я объяснилъ свое общественное положеніе и причины, заставившія блуждать ночью по незнакомой улицѣ. Строго спрашивавшій голосъ объѣздного казака проговорилъ самымъ добродушнымъ тономъ:

— Да вотъ здѣсь можно ночевать... Вотъ домъ строится.

— Мнѣ только лошадей поставить, а самъ я усну въ экипажѣ,—повторилъ я стереотипную фразу такимъ жалобнымъ голосомъ, точно оправдывался.

— Да и искать было нечего: вонъ онъ, постоялый... — внушительно и добродушно повторяетъ объѣздной.—Эй, сторожъ!..

Около ближайшаго забора что-то завозилось, а потомъ спросонья сторожъ ударилъ въ доску.

— Ахъ, баранья голова!.. — обругалъ казакъ. — Вотъ г. проѣзжающій ищетъ, гдѣ остановиться, такъ ты тово, проводи къ Аѳонѣ.

Сторожъ бросилъ свою доску и обнаружилъ необыкновенную подвижность: забѣжалъ къ воротамъ, постучалъ, потомъ заглянулъ въ окно строившагося новаго дома и тоже постучалъ, и кончилъ тѣмъ, что отодвинулъ какую-то доску въ заборѣ и уползъ собачьимъ лазомъ.

— Ну, теперь онъ васъ устроитъ, — отечески проговорилъ казакъ, отъѣзжая.

— Спасибо... Увидите экипажъ, такъ посылайте сюда.

Объѣздъ удалился, а я остался у воротъ въ сладкомъ ожиданіи, что здѣсь наконецъ завершатся мои челябинскія злоключенія. Слышно было, какъ сторожъ босыми ногами прошлепалъ черезъ весь дворъ, поднялся по какому-то крылечку и необыкновенно ласково заговорилъ, постукивая въ дверь:

— Аѳоня... отворись, голубчикъ!.. Аѳонюшка, милый, будетъ спать-то... Аѳоня!..

Сторожъ модулировалъ свою нѣжность на всѣ лады и просился такимъ умильнымъ голосомъ, точно хотѣлъ проникнуть по меньшей мѣрѣ въ царство небесное.

— Аѳанасьюшка, голубчикъ!.. Аѳоня... Ахъ, Аѳоня!..

На эти умильные возгласы дверь наконецъ растворилась, и начались предварительные переговоры. „Да кто ѣдетъ-то?.. Развѣ не стало другихъ постоялыхъ дворовъ?“ Впрочемъ, этотъ Аѳоня оказался очень сговорчивымъ мужчиной и самъ вышелъ отворить мнѣ ворота. Это былъ средняго роста плечистый мужикъ съ окладистой русой бородой и удивительно добродушнымъ русскимъ лицомъ. Онъ осмотрѣлъ меня и проговорилъ:

— Давно бы вамъ ко мнѣ пріѣхать... Мѣста на двѣсти возовъ хватитъ. Самоварчикъ прикажете соорудить?

— Пожалуйста...

Отрядивъ сторожа навстрѣчу Андронычу, я наконецъ вздохнулъ свободно, какъ пловецъ, попавшій въ тихую пристань. Часы показывали половину перваго, такъ что поиски ночлега продолжались „битыхъ“ два съ половиной часа... Аѳоня оказался большимъ хлопотуномъ и принялся ставить самоваръ, пока я отдыхалъ, сидя на крылечкѣ. Пока я разсказывалъ ему о своихъ поискахъ, онъ смѣялся такимъ тихимъ, хорошимъ смѣхомъ и все приговаривалъ:

— Ну вотъ... Всѣ съ курицами спать ложатся у насъ, такое ужъ заведенье. И на городъ не походитъ...

Когда Андронычъ торжественно въѣхалъ во дворъ, самоваръ уже былъ готовъ и шипѣлъ съ такимъ отчаяннымъ усердіемъ, точно его поставили въ первый разъ.

— Ну и старуха!—ворчалъ Андронычъ, откладывая лошадей.— Настоящая купоросная кислота...

Пока строился домъ, Аѳоня перебивался въ небольшомъ флигелькѣ, который и предложилъ въ полное наше распоряженіе, даже вмѣстѣ съ какой-то дѣвицей, спавшей посреди пола въ довольно откровенной позѣ. Аѳоня прикрылъ ее какимъ-то халатомъ. Напиться чаю съ дороги — это удовольствіе понятно только для людей, которымъ приходится дѣлать тысячи верстъ на лошадяхъ. Но и это невинное удовольствіе для меня было отравлено мухами, которыхъ оказались цѣлыя полчища, какъ только внесли огонь. Онѣ самымъ нахальнымъ образомъ облѣпили столъ, хлѣбъ, сахаръ, кринку съ молокомъ, лѣзли въ ротъ, падали въ горячій чай, и вообще получался какой-то мушиный шабашъ. Пока несешь стаканъ съ чаемъ, въ него мухи валились буквально десятками... Никогда, ни раньше ни послѣ, я не видалъ ничего подобнаго и выразилъ невольное удивленіе незлобію Аѳони, который могъ жить въ такомъ ульѣ.

— Вы бы ихъ истребляли чѣмъ-нибудь...—посовѣтовалъ я.

— Пробовалъ изводить, да не помогаетъ,—отвѣтилъ Аѳоня.—Вотъ зима придетъ, такъ и мухамъ конецъ.

Оставаться спать во флигелѣ нечего было и думать. Я отправился въ свой дорожный тарантасъ. Послѣ всѣхъ тревогъ этого испорченнаго вечера

такъ пріятно было отдохнуть. Небо на востокѣ уже свѣтлѣло. Ночной холодокъ заставлялъ такъ сладко вздрагивать и еще крѣпче кутаться въ дорожное одѣяло. Гдѣ-то далеко пробило два часа, и на улицахъ зазвонили чугунныя доски. Я заснулъ сейчасъ же настоящимъ челябинскимъ мертвымъ сномъ. Но не больше, какъ черезъ часъ, былъ разбуженъ Андронычемъ, который застучалъ дверью.

— Ты это что̀?

— Да въ горницѣ легъ спать... ну, только и Аѳоня: настоящее муравьинце развелъ у себя — и клопы, и блохи, и тараканы, и мухи. Точно въ крапивѣ проснулся...

Андронычъ неистово чесался, дергалъ головой и обругалъ еще разъ всю Челябу.

1891.

ДРУЗЬЯ ДѢТСТВА.

I.

Авдей Семенычъ Гаряевъ волновался сегодня вдвойнѣ. Первое волненіе носило общій характеръ, — старикъ волновался каждую весну, когда открывалась навигація. Онъ сегодня нарочно поднялся пораньше, чтобы полюбоваться изъ окна своего кабинета, какъ побѣгутъ по Фонтанкѣ первые пароходы. Открывавшаяся навигація производила на него хорошее и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе, потому что съ нею для него неразрывно была связана мысль о далекой-далекой сибирской родинѣ. Зима надолго разлучала Сибирь со всѣмъ остальнымъ міромъ, а когда „проходили рѣки"—она точно дѣлалась ближе. Конечно, теперь уже проведена Великая Сибирская желѣзная дорога, но по старой привычкѣ Авдей Семенычъ все-таки волновался, глядя изъ своего окна на шныряющіе по Фонтанкѣ финляндскіе пароходики. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ молодымъ, кончилъ университетъ, поступилъ на службу, да такъ и застрялъ здѣсь навсегда. Сначала держала служба, хотя онъ поступилъ „пока", чтобы вернуться на родину съ нѣкоторымъ служебнымъ положеніемъ, потомъ онъ женился на дѣвушкѣ изъ петербургской чиновничьей семьи, которая не могла себѣ даже представить, что можно жить гдѣ-нибудь, кромѣ Петербурга, наконецъ появились дѣти и т. д. и т. д. Жизнь прошла какъ-то незамѣтно, хотя Авдей Семенычъ и не разставался съ завѣтной мечтой когда-нибудь уѣхать на родину и уѣхать навсегда. Вотъ откроется такая навигація, онъ и махнетъ въ Сибирь со всѣмъ своимъ чиновничьимъ гнѣздомъ. Дѣти уже подросли, и имъ слѣдуетъ посмотрѣть, какъ живутъ настоящіе люди и что̀ такое настоящая жизнь.

„Да, пусть молодежь послужитъ Сибири, — любилъ думать Авдей Семенычъ.—Кока будетъ врачомъ, Павликъ юристомъ, Сержъ инженеромъ, а Игорь... Ну, этотъ еще малъ, изъ него икона и лопата еще можетъ выйти, какъ у насъ говорятъ въ Сибири".

Будущая участь въ Сибири единственной дочери Милочки пока еще оставалась невыясненной. Дѣвушка пробовала учиться на курсахъ, но изъ этого ничего не вышло, потомъ такая же исторія была продѣлана съ консерваторіей, а сейчасъ Милочка мечтала о карьерѣ актрисы.

Вторую причину сегодняшняго волненія Авдей Семенычъ держалъ въ рукахъ. Это была телеграмма друга дѣтства Прохора Козьмича Окатова, который извѣщалъ изъ Москвы, что будетъ въ Петербургѣ утромъ, съ курьерскимъ поѣздомъ. Авдей Семенычъ перечитывалъ эту телеграмму и счастливо улыбался.

— Вотъ вѣдь что̀ придумалъ старикъ,—думалъ онъ вслухъ. — Никогда

не бывалъ въ столицахъ и вдругъ: „буду съ курьерскимъ поѣздомъ". Какъ Леля будетъ рада... да. Она его отлично знаетъ по моимъ разсказамъ. Какъ же, вмѣстѣ въ школѣ учились, вмѣстѣ голодали...

Въ гостиной, куда выходила дверь кабинета, горничная вытирала пыль; Авдей Семенычъ нѣсколько разъ показывалъ свою голову и получалъ довольно сухой отвѣтъ:

— Барыня еще спятъ...

— Гм... да...

Было еще рано, а барыня Елена Павловна по-петербургски вставала поздно. Авдей Семенычъ морщился и опять возвращался къ своему окну.

— А вѣдь Прошка теперь старикъ, — продолжалъ онъ думать, припоминая портретъ друга дѣтства.—Обросъ бородой, потолстѣлъ, посѣдѣлъ...

Сквозь призму сорокалѣтней разлуки онъ видѣлъ кудряваго мальчика съ задорно вздернутымъ носомъ, скуластаго и съ вѣчной улыбкой на губахъ. Какой онъ сейчасъ — портретъ, конечно, могъ дать только приблизительное понятіе.

Пробило девять часовъ. Терпѣніе Авдея Семеныча истощилось, и онъ отправился въ спальню къ женѣ. Она имѣла привычку, проснувшись, лежать въ постели, а потомъ мылась цѣлыхъ два часа, такъ что выходила къ утреннему чаю только въ одиннадцать. Въ собственномъ смыслѣ чая она не пила, а только кофе, какъ и всѣ дѣти. Авдей Семенычъ шелъ къ женѣ съ нѣкоторымъ страхомъ, потому что она не любила, когда ее тревожили утромъ. Но дѣло было особенное, и ему необходимо было переговорить съ ней.

— Можно войти, Леля?—спросилъ онъ у дверей спальни немного виноватымъ голосомъ.

Отвѣта пришлось подождать. Елена Павловна встрѣтила мужа довольно холодно, однимъ вопросительнымъ взглядомъ.

— Леля, я... т.-е. видишь ли...

— Гдѣ-нибудь пожаръ? — перебила она его, кутаясь подъ шелковымъ одѣяломъ до подбородка.—Вы врываетесь, Авдей Семенычъ, въ мою спальню съ такимъ лицомъ, что... что...

— Ахъ, Леля, совсѣмъ не то!—взмолился Авдей Семенычъ.—Ты помнишь Окатова?

— Котораго сослали въ каторгу?

— Ахъ, не то!.. Я тебѣ такъ много говорилъ о немъ. Мы вмѣстѣ росли съ нимъ, вмѣстѣ учились въ школѣ, вмѣстѣ голодали... да... И вдругъ онъ ѣдетъ къ намъ...

— Т.-е. какъ къ намъ?

— Т.-е. въ Петербургъ, — поправился Авдей Семенычъ, сдерживая радостное волненіе.—Ты знаешь, какъ я его люблю... Сорокъ лѣтъ не видались... да... Такихъ людей больше нѣтъ и на свѣтѣ, Леля.

Елена Павловна отнеслась къ этому извѣстію совершенно равнодушно и даже какъ будто была недовольна. Охъ, ужъ эти сибирскіе друзья дѣтства... Тащатся въ Петербургъ за тридевять земель неизвѣстно зачѣмъ. Авдей Семенычъ вдругъ почувствовалъ себя виноватымъ, какъ это съ нимъ случалось въ присутствіи жены нерѣдко.

— Да, такъ я того, Леля... гмм... — бормоталъ онъ, глядя на часы.— Мнѣ нужно торопиться на вокзалъ...

— Скажите, пожалуйста, какія нѣжности!.. Я предчувствую, что ты его притащишь къ намъ, и предупреждаю впередъ, что совсѣмъ этого не желаю. У насъ не постоялый дворъ...

Радостное настроеніе Авдея Семеныча какъ-то сразу погасло. Вѣдь нет уже впередъ уступалъ гостю свой кабинетъ. Пусть бы пожилъ, недѣльки двѣ можно было бы и потѣсниться. Но у Елены Павловны были спеціально-петербургскіе нервы, и она не выносила присутствія посторонняго человѣка въ своемъ домѣ. И спорить съ ней на этомъ основаніи было невозможно, а только приходилось соглашаться, какъ и въ данномъ случаѣ.

Изъ дому Авдей Семенычъ выѣхалъ огорченный, а тутъ еще и извозчикъ попался скверный. Едва-едва поспѣли къ поѣзду. Авдей Семенычъ торопливо бѣжалъ по платформѣ, вглядываясь въ лица пассажировъ, мелькавшія въ окнахъ. А если онъ не узнаетъ Окатова, и тотъ съ вокзала отправится съ багажомъ прямо къ нему? Но послѣдняго не случилось. Изъ вагона третьяго класса грузно выкатилась какая-то мѣховая масса. Это и былъ Окатовъ, одѣтый въ двѣ шубы. Друзья дѣтства узнали другъ друга почти сразу...

— Авдей Семенычъ...

— Прохоръ Козьмичъ...

Друзья расцѣловались, а потомъ начали удивляться, какъ оба постарѣли. Окатовъ обросъ бородой до самыхъ глазъ, и прежними оставались одни глаза. Гаряевъ имѣлъ наружность типичнаго петербургскаго чиновника.

— Да, братъ, вотъ какъ оба постарѣли, — громко говорилъ Окатовъ, крѣпко пожимая руку стараго друга.—А ты—настоящій питерскій чиподралъ... ха-ха... Поди, и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника имѣешь?

— Около того... Вотъ что̀, Прохоръ Козьмичъ, мы напьемся чаю здѣсь на вокзалѣ, и поболтаемъ. А дома у меня жена не совсѣмъ здорова...

Авдей Семенычъ лгалъ, не моргнувъ глазомъ. Окатовъ только посмотрѣлъ на него и что-то пробормоталъ себѣ подъ носъ.

II.

Друзья дѣтства прошли въ буфетъ и предались чаепитію, причемъ Окатовъ пилъ съ блюдечка и въ прикуску. Онъ раскраснѣлся и постоянно вытиралъ лицо какимъ-то бабьимъ платкомъ съ пестрыми разводами.

— Да, Авдей Семенычъ, того...—повторялъ онъ, отдуваясь и чмокая.— Порядочно-таки воды утекло... Скоро и помирать придется.

Авдей Семенычъ терпѣть не могъ разговоровъ о смерти и только морщился. Между прочимъ, онъ дипломатически ввернулъ въ разговоръ, что есть очень удобныя и недорогія меблированныя комнаты, въ которыхъ можно будетъ устроиться на время. Когда Окатовъ посмотрѣлъ на него прищуренными глазами, онъ немного смутился и перевелъ разговоръ на общихъ сибирскихъ знакомыхъ. Представьте себѣ, семья Корчагиныхъ вся вымерла, Егоръ Короткихъ два раза овдовѣлъ, Чикалевы разорились, Мишка Колотиловъ разбогатѣлъ, разоривъ всю родню, и т. д. Въ общемъ веселыхъ вѣстей было мало...

— Все, братъ, у насъ по-новому пошло,—объяснялъ со вздохомъ Окатовъ.—Старики повымерли, теперь наша очередь, а что̀ изъ молодыхъ выйдетъ—еще на водѣ вилами писано...

— Ну, а желѣзная дорога?

— Что̀ дорога... Голодъ она намъ привезла—вотъ тебѣ и желѣзная дорога.

— Это ты напрасно, Прохоръ Козьмичъ... Желѣзная дорога—великое дѣло. Теперь по всей-то Сибири 5—6 милліоновъ населенія, а будетъ пятьдесятъ. Однимъ словомъ, идетъ къ вамъ цивилизація...

— Вотъ она гдѣ намъ, ваша-то цивилизація,—проговорилъ Окатовъ, указывая на свой широкій, красный затылокъ.—Коснулась она насъ даже

очень... И какого только народа ни наѣхало, а скоро и намъ житья не будетъ. Да вотъ и я вылѣзъ изъ своей берлоги, чтобы похлопотать въ Питерѣ кой-о-чемъ. Дѣла, братецъ ты мой...

Авдей Семенычъ облегченно вздохнулъ, когда водворилъ друга дѣтства въ меблированныхъ комнатахъ на Лиговкѣ. Про себя онъ даже согласился, что жена права, не желая принимать сибирскаго гостя къ себѣ въ домъ. Однѣ сибирскія шубы чего стоили, а потомъ эти ужасные мѣшки вмѣсто чемодановъ, точно у переселенца. Совѣстно было бы передъ собственнымъ швейцаромъ. Наконецъ Окатовъ дѣлалъ все такъ громко: стучалъ ногами, двигалъ стуломъ, хохоталъ, сморкался. Петербургскій чиновникъ начиналъ чувствовать себя въ его присутствіи какимъ-то больнымъ человѣкомъ, какъ расколотая посуда, которая дребезжитъ, когда хлопнутъ дверью.

— Я, братъ, теперь завалюсь спать на двои сутки,—объяснялъ Окатовъ на прощанье.—Надо отоспаться... Вѣдь цѣлыхъ двѣнадцать денъ не спалъ на желѣзной дорогѣ. Такъ, какъ заяцъ, закроешь одинъ глазъ и лежишь всю ночь, настоящаго сна ни-ни!

Окатовъ сдержалъ свое слово, проспалъ „двои сутки“ и явился съ визитомъ къ Гаряевымъ только на третій день. Онъ принесъ прямо въ кабинетъ небольшой деревянный боченокъ и какой-то таинственный свертокъ, задѣланный въ рогожку. Авдей Семенычъ очень обрадовался ему, а Елена Павловна приняла его довольно сдержанно.

— Я такъ много слышала о васъ отъ мужа,—проговорила она какъ-то особенно кисло.

— Ну, это онъ напрасно,—отвѣтилъ Окатовъ.—Не велика птица, о которой стоитъ говорить... А вотъ я вамъ, сударыня, привезъ сибирскихъ гостинцевъ: въ боченкѣ соленые омули, а тутъ бутылки съ наливкой изъ облѣпихи. Моя баба отлично дѣлаетъ наливки...

Елена Павловна при словѣ „моя баба“ поморщилась, а Гаряевъ радостно замѣтилъ:

— Омули? Ахъ, вотъ это отлично... Леля, облѣпиха—это наша сибирская ягода, которую называютъ сибирскимъ ананасомъ. Спасибо, Прохоръ Козьмичъ... Изъ омулей мы устроимъ сибирскій пирогъ... да?

Гость довольно безцеремонно осмотрѣлъ всю квартиру, удивился ея цѣнѣ и все покачивалъ головой.

— Да, по-барски живете...

— Нельзя, Прохоръ Козьмичъ, отъ другихъ отставать,—точно извинялся Авдей Семенычъ.—Я, собственно говоря, не люблю всѣ эти обстановки... гм... да...

— Были много наберется,—согласился Окатовъ.

Елена Павловна была недовольна, что гость явился съ первымъ визитомъ прямо къ обѣду, точно не могъ выбрать другого времени. Она дала понять это мужу безъ словъ, и петербургскій мужъ принялъ виноватый видъ.

За обѣдомъ собралась вся семья, и всѣ смотрѣли на сибирскаго гостя, какъ на заморскаго звѣря. Кока шепнулъ Милочкѣ:

— Обрати вниманіе, какой у сибирскаго друга красный носъ...

— Мнѣ кажется, что онъ вотъ-вотъ подкрадется съ пальцемъ къ собственному носу...—отвѣтила Милочка, принимая по-институтски невинный видъ.

— Я тоже подозрѣваю, что онъ имѣетъ довольно смутное представленіе объ употребленіи носовыхъ платковъ... Это открытіе цивилизаціи еще не дошло до Сибири, какъ употребленіе мыла и ножницъ.

Молодые люди шептались довольно невѣжливо и сдерживали смѣхъ. А

гость ничего не замѣчалъ и держалъ себя довольно развязно. Онъ громко захохоталъ, когда горничная подала маленькій графинчикъ водки и какую-то ликерную рюмочку.

— Я, Прохоръ Козьмичъ, ничего не пью,—объяснилъ Авдей Семенычъ.

— А я все пью, Авдей Семенычъ... Только не найдется ли у тебя рюмки побольше?

„Онъ напьется и устроитъ какой-нибудь скандалъ",—рѣшила Елена Павловна, съ ужасомъ наблюдая, какъ гость хлопнулъ двѣ рюмки.

— По-нашему, по-сибирски, сударыня, между первой и второй рюмкой не дышатъ,—объяснилъ Окатовъ, прожевывая кусокъ селедки.—Да-съ... А вотъ скоро у насъ введутъ въ Сибири винную монополію, водка будетъ дешевая.

Хлопнувъ Авдея Семеныча по колѣнкѣ, Окатовъ прибавилъ:

— Какъ ведро водки выпьемъ, такъ рубль двадцать копеекъ въ карманѣ... Ха-ха!..

— Сибирская политическая экономія,—шепнулъ Павликъ Милочкѣ.—И очень просто...

А гость продолжалъ ничего не замѣчать, даже когда Кока довольно ехидно его спросилъ:

— Прохоръ Козьмичъ, а вы умѣете закусывать водку живой рыбой?

— Даже отлично... Спросишь живую стерлядку, графинчикъ водки, и закусываешь.

— Живой стерлядью?—съ ужасомъ спросила Елена Павловна.

— Да... Ломтиками ее нарѣжешь, перчикомъ посыплешь, солью—и отлично.

— Это ужасно...

— Нисколько, сударыня. Вѣдь ѣдятъ же живыхъ устрицъ...

Выпивъ графинчикъ, Окатовъ раскраснѣлся и окончательно повеселѣлъ. Когда подали рыбу, онъ опять осрамился, потому что началъ ее ѣсть съ ножа. Елена Павловна старалась не смотрѣть на него, а Милочка убѣжала изъ-за стола, чтобы отхохотаться въ коридорѣ. Но тамъ вышла новая бѣда: въ коридорѣ Милочку остановила горничная Маша и шопотомъ проговорила:

— И что̀ только будетъ, барышня...

— Что̀ случилось?

Горничная фыркнула, закрывъ ротъ изъ вѣжливости ладонью, и объяснила:

— Боченокъ-то, который гость привезъ, мы поставили въ кухню, а отъ него такой духъ пошелъ... Съ души претъ!..

— Ну, это дѣло мамы...

А въ столовой друзья дѣтства предавались своимъ воспоминаніямъ, которымъ не было конца. Окатовъ послѣ двухъ-трехъ фразъ повторялъ:

— Авдей Семенычъ, а помнишь, какъ мы съ тобой голодали? Ахъ, какъ жрать хотѣлось... Смерть. Одежонка плохонькая, сапоги дырявые, брюхо пустое... А тутъ еще дерутъ и за букву Ѣ, и за латынскія спряженія, и за пѣніе на гласы. Охъ, какъ драли... Изъ своей кожи готовъ выскочить,—вотъ какъ драли, сударыня. Зато теперь ужъ насъ ничѣмъ не проймешь, какъ дубленую кожу, которая не боится ни дождя, ни холода, ни жара.

III.

Окатовъ былъ еще нѣсколько разъ у Гаряевыхъ, а потомъ сразу прекратилъ посѣщенія. Это очень огорчало Авдея Семеныча, хотя дома онъ и

не рѣшался высказать своихъ мыслей открыто. Очевидно, сибирскій другъ дѣтства догадался, что онъ является въ обстановкѣ петербургской чиновничьей семьи и лишнимъ и смѣшнымъ. Это мучило Авдея Семеныча, какъ всякая несправедливость. Сибирскіе омули были выброшены въ помойную яму, а о наливкѣ изъ облѣпихи Сержъ сказалъ, что она пахнетъ кошачьими хвостами. Эта выходка взорвала Авдея Семеныча, и онъ „сдѣлалъ сцену".

— Какъ ты смѣешь такъ говорить, щенокъ? — накинулся онъ на Сержа. — Что ты понимаешь, кромѣ ресторановъ? Ты просто погибшій ресторанный человѣкъ...

За Сержа вступилась Елена Павловна, и разыгралась цѣлая семейная исторія.

— Вы всѣ ничего не понимаете! — кричалъ взбѣшенный Авдей Семенычъ. — Вы всѣ — дармоѣды и нахлѣбники. У васъ ни у кого живого мѣста нѣтъ, и поэтому свѣжій настоящій человѣкъ производитъ впечатлѣніе какого-то монстра.

Конечно, Авдею Семенычу за свою выходку пришлось просить потомъ прощенія у Елены Павловны. Впрочемъ, она поняла, что нужно держать себя съ сибирскимъ другомъ дѣтства вѣжливѣе, и сдѣлала дѣтямъ строгій выговоръ. Между прочимъ, она открыла, что мужъ потихоньку бываетъ у Окатова и тщательно это скрываетъ. Задѣто было женское любопытство. О чемъ они могли говорить и что могло ихъ связывать? Видимо, Авдей Семенычъ чѣмъ-то тревожился.

— Отчего твой другъ пересталъ бывать у насъ? — спрашивала Елена Павловна мужа. — Можетъ-быть, онъ чѣмъ-нибудь обидѣлся?..

— Нѣтъ... гмм... Зачѣмъ ему у насъ бывать?

— Мнѣ кажется, что мы его принимали, какъ слѣдуетъ, и я дѣлала все, чтобы онъ чувствовалъ себя у насъ, какъ дома.

Авдей Семенычъ засмѣялся, что съ нимъ случалось очень рѣдко.

— Зачѣмъ ему у насъ бывать, Леля? Это вольный человѣкъ, изъ совершенно другого міра... У него свои интересы, свои понятія и взгляды. Ты думаешь, онъ не понялъ, какъ его выпучивали наши милые молодые люди? Очень даже понялъ, хотя и не говорилъ ничего мнѣ. Я знаю только одно, что онъ жалѣетъ меня...

— Онъ?!. тебя?!. Этотъ... этотъ...

— Не договаривай, пожалуйста... Онъ для тебя „этотъ", а для меня... гмм... Нѣтъ, ты не поймешь меня, Леля. Мы будемъ говорить на двухъ разныхъ языкахъ.

— Онъ смѣетъ тебя жалѣть?!.

— Представь себѣ, что смѣетъ, потому что онъ правъ... Да, правъ... Развѣ это жизнь, какъ мы живемъ? Развѣ мы съ тобой живые люди?

— Благодарю васъ, Авдей Семенычъ...

Елена Павловна даже прослезилась и демонстративно ушла въ свою комнату.

Окатовъ прожилъ въ Петербургѣ около двухъ недѣль и какъ-то вдругъ собрался домой. Онъ пріѣхалъ прощаться въ воскресенье утромъ, а не къ обѣду, какъ дѣлалъ раньше. Авдей Семенычъ понялъ, что старикъ догадался, какъ петербургскія хозяйки не любятъ кормить лишняго человѣка.

— Да, братъ, уѣзжаю, — говорилъ онъ, тяжело расхаживая по кабинету Авдея Семеныча. — Будетъ, всего насмотрѣлся. Пора домой...

— Да вѣдь ты хотѣлъ прожить здѣсь цѣлый мѣсяцъ? — уговаривалъ его Авдей Семенычъ немного фальшивымъ тономъ.

— Хотѣлъ и передумалъ...

Извѣстіе объ отъѣздѣ сибирскаго друга дѣтства такъ тронуло Елену Павловну, что она назначила даже завтракъ на цѣлыхъ полчаса раньше. Это могъ оцѣнить только одинъ Авдей Семенычъ.

— Что же вы такъ рано насъ оставляете, Прохоръ Козьмичъ?—говорила она съ дѣланнымъ участіемъ.—Нашъ весенній сезонъ только-что открывается... Посмотрѣли бы на наши острова, съѣздили бы въ Павловскъ на музыку или на Иматру... Загородные сады начинаютъ открываться... Сержъ говоритъ, что будетъ хорошая оперетка...

— Нѣтъ, это намъ не рука-съ, сударыня,—довольно грубо отвѣтилъ Окатовъ.—Пора въ свою берлогу...

Улыбнувшись, онъ прибавилъ:

— Старъ я сталъ и ничего вашего не понимаю... Вотъ хоть у васъ: сидимъ за столомъ, полный порядокъ, а ежели разобрать, такъ все у васъ какое-то игрушечное—не графинъ, а графинчикъ, не рюмка, а рюмочка, не чашка, а чашечка... Да и люди мнѣ кажутся тоже какъ будто не настоящими, а такъ, какъ берутъ вещи на подержанье. Взять и Авдея Семеныча—совсѣмъ онъ отсталъ отъ своего-то родного и даже разговора нашего сибирскаго не понимаетъ.

— Ну, это ты ужъ напрасно,—обидѣлся Авдей Семенычъ.

— А вотъ и не понимаешь!—спорилъ Окатовъ.—Вотъ переведи-ка на свой питерскій языкъ: *Лонись мы съ братаномъ сундулей тени гусомъ хлыномъ хлыняли*... Ха-ха!..

— Да, пожалуй, и не понимаю,—согласился Авдей Семенычъ.—Мудрено что-то...

— А дѣло очень просто: *недавно мы съ двоюроднымъ братомъ вдвоемъ ѣхали на лошади въ гору*...

Сибирскій языкъ произвелъ впечатлѣніе, и всѣ громко смѣялись, а громче всѣхъ самъ Окатовъ.

— Это какой-то сибирскій волапюкъ,—замѣтилъ презрительно Павликъ.

— Что же, и за границей есть мѣстные говоры,—объяснилъ Авдей Семенычъ.—Провансъ и Вандея, Баварія и Мекленбургъ почти не понимаютъ другъ друга.

Авдей Семенычъ никогда ничего не пилъ, а тутъ на зло женѣ выпилъ краснаго вина и нѣсколько рюмокъ сибирской облѣпихи. Милочка не могла на него смотрѣть безъ улыбки. Какой папа смѣшной—весь покраснѣлъ, глаза сдѣлались мутными, языкъ началъ заплетаться. Окатовъ, кончивъ графинчикъ водки, хлопнулъ его по плечу и неожиданно заявилъ:

— А вотъ что, Авдей Семенычъ, смотрю я на тебя и думаю: эхъ, хорошо было бы, ежели взяли бы мы съ тобой и махнули въ Сибирь... а?..

— Я и самъ то же думаю,—еще неожиданнѣе согласился Авдей Семенычъ и даже стукнулъ кулакомъ по столу.—Да, ѣдемъ... Довольно!.. Ахъ, какъ я усталъ, весь усталъ!..

— У насъ, братъ, отдохнешь... Поля, лѣсъ, рѣки—все, чего душа проситъ. Другимъ человѣкомъ будешь...

— Вотъ-вотъ... И я то же думаю. Завтра же ѣдемъ... Даю тебѣ честное слово. Возьму отпускъ сначала, а потомъ переведусь на службу въ Сибирь. Слава Богу, земля не клиномъ сошлась...

— Въ Сибири мѣсто всѣмъ найдется,—поддерживалъ Окатовъ.—Люди нужны... Хорошо у насъ. Свѣтъ увидишь, по крайней мѣрѣ, живыхъ людей...

Авдей Семенычъ вскочилъ и нервно заходилъ по столовой. Елена Пав-

ловна молча глядѣла въ свою тарелку. Молодые люди переглядывались, едва сдерживая смѣхъ. Ахъ, какой смѣшной папа... Наконецъ Елена Павловна не выдержала и спросила:

— А какъ же я, Авдей Семенычъ? Ты говоришь все время только объ одномъ себѣ...

— Ты?..

Авдей Семенычъ вдругъ захохоталъ.

— Ты? Я тебя совсѣмъ не знаю... Да, не знаю. Ты для меня совсѣмъ чужой человѣкъ...

Расходившагося Авдея Семеныча едва увели спать. Онъ что-то такое громко говорилъ, размахивалъ руками и старался вырваться. Когда дверь кабинета заперли, оттуда долго еще слышался его охрипшій голосъ:

— Да дайте же мнѣ быть человѣкомъ хоть разъ въ жизни?!.. Оставьте меня!..

IV.

Авдей Семенычъ проспалъ мертвымъ сномъ до одиннадцати часовъ вечера и проснулся съ страшной головной болью. Въ домѣ было тихо. Онъ вышелъ въ гостиную — тамъ никого не было, въ столовой — тоже. Авдей Семенычъ послалъ горничную за сельтерской водой и вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Елена Павловна заперлась у себя въ спальнѣ, и итти къ ней было немыслимо.

„Пробужденіе пьянаго петербургскаго чиновника...“—съ горечью подумалъ Авдей Семенычъ, шагая изъ угла въ уголъ по кабинету.

Онъ припомнилъ до мельчайшихъ подробностей довольно безобразную сцену въ столовой, и ему сдѣлалось совѣстно передъ дѣтьми. Что̀ они подумаютъ о немъ? Ну, жена посердится, наговоритъ кислыхъ бабьихъ словъ, а затѣмъ примирится на какой-нибудь шляпкѣ. А вотъ дѣти... гмм... да... Вообще, скверно. Въ головѣ Авдея Семеныча еще бродили пары облѣпихи, и онъ не могъ признать себя виновнымъ по существу дѣла. Да, онъ былъ правъ, но только высказать все это слѣдовало другими словами и совсѣмъ ужъ при другой обстановкѣ.

Освѣжившись сельтерской водой, Авдей Семенычъ завалился спать.

— Спи, пьяненькій петербургскій чиновникъ,—думалъ онъ вслухъ.—Ты осмѣлился въ собственномъ домѣ, кажется, единственный разъ сказать правду...

Проснулся Авдей Семенычъ на другой день рано, потребовалъ себѣ чаю въ кабинетъ, одѣлся и вышелъ изъ дому раньше обыкновеннаго на цѣлыхъ два часа. Чтобы убить время, онъ долго гулялъ по набережной Фонтанки, выходилъ на Неву и вполнѣ освѣжился. Все вчерашнее ему показалось какимъ-то сномъ. Неужели это былъ онъ, Авдей Семенычъ, всегда скромный, вѣжливый, тихо и покорно тащившій тяжелое семейное ярмо?

— Да, случай,—бормоталъ онъ, покачивая головой.

Онъ боялся даже думать о томъ, какъ онъ вернется со службы домой и какъ покажетъ глаза женѣ и дѣтямъ. Да, положеніе было ужасное... Онъ былъ счастливъ, что можетъ итти въ свой департаментъ и съ головой зарыться въ безконечную работу до пяти часовъ вечера. А тамъ будь, что̀ будетъ... Подходя къ мѣсту своего служенія, Авдей Семенычъ припомнилъ, что вчера обѣщалъ Окатову пріѣхать на вокзалъ проводить его. Этого еще недоставало... Какъ онъ встрѣтится съ другомъ дѣтства и что̀ будетъ говорить съ нимъ?

— А это все онъ виноватъ, неистовый сибирякъ! — рѣшилъ наконецъ Авдей Семенычъ, оправдываясь передъ самимъ собой. — Конечно, онъ... Все онъ! Если бы не онъ, ничего бы и не было. Однимъ словомъ, не поѣду его провожать...

Но Окатовъ предупредилъ послѣднюю мысль и самъ явился въ департаментъ, чтобы пригласить друга дѣтства пообѣдать гдѣ-нибудь съ глазу на глазъ. Авдей Семенычъ испугался, когда курьеръ подалъ ему карточку Окатова.

— Они тамъ-съ, ждутъ васъ въ пріемной, ваше превосходительство, — докладывалъ курьеръ, почтительно вытянувшись.

Его превосходительство смущенно жевалъ губами и медлилъ.

— Гмм... да...—бормоталъ онъ, потирая лобъ рукой.—Да... Такъ скажи этому господину, что меня нѣтъ... т.-е. что я былъ на службѣ, а потомъ уѣхалъ... Нѣтъ, постой!.. Ты скажешь... скажешь... Однимъ словомъ, скажи, что меня нѣтъ!..

— Слушаю-съ, ваше превосходительство!

1902.

М-МЕ КВИСТЪ, БЛИКСЪ И К°.

Очеркъ.

I.

На соборной площади губернскаго города Красноскутска стоялъ домъ соборнаго протопопа Миловзорова, сдававшійся внаймы подъ торговыя помѣщенія. Городъ былъ хотя и бойкій, но протопоповскому дому какъ-то не везло,—кто его ни сниметъ, тотъ и прогоритъ. Была торговля „колоніальными товарами", потомъ галантерейная, потомъ мануфактурная, но всѣ онѣ провалились въ самомъ непродолжительномъ времени. Колоніальный торговецъ бѣжалъ отъ долговъ, галантерейщикъ объявилъ себя несостоятельнымъ, а мануфактуристъ предлагалъ своимъ кредиторамъ по десяти копеекъ за рубль. Мѣстные красноскутскіе коммерсанты объясняли эти крахи прямо домомъ, въ которомъ „неладно". Самъ протопопъ умеръ, а протопопица жила во флигелѣ съ сыномъ. Домъ стоялъ пустымъ уже цѣлыхъ два года, и это огорчало протопопицу до глубины души, потому что лишало ее главной статьи дохода. Что̀ думалъ сынъ протопопицы, занимавшій мѣсто въ одномъ изъ частныхъ банковъ, было неизвѣстно, потому что это былъ очень сдержанный молодой человѣкъ, не любившій болтать.

Въ одно прекрасное утро на роковомъ домѣ появилась громадная вывѣска: „Квистъ, Бликсъ и К°, комиссіонеры заграничныхъ торговыхъ фирмъ". По сторонамъ вывѣски были прибиты аншлаги съ изображеніемъ швейной машины, велосипеда, кофейной мельницы и разныхъ другихъ, болѣе или менѣе соблазнительныхъ предметовъ. Въ окнахъ новаго магазина можно было видѣть самые предметы торговли и цѣлый рядъ разноцвѣтныхъ афишъ, рекомендовавшихъ удивительнѣйшее мыло для вывода пятенъ (марка „послѣднее слово науки"), еще болѣе удивительный порошокъ для чистки металловъ, нѣсколько вѣрнѣйшихъ средствъ отъ насѣкомыхъ, необыкновенный инструментъ, замѣнявшій пилу, алмазъ для рѣзанія стекла, складной аршинъ, служившій, смотря по желанію, ножомъ и вилкой, и т. д. Удивительнѣе всего было то, что магазинъ открылся какъ-то вдругъ, неожиданно, а его вывѣска напоминала тѣ цвѣты, которые распускаются въ одну ночь.

— Нѣмцы какіе-то,—объясняла протопопица любопытнымъ.—Прямо съ желѣзной дороги пріѣхали вечеромъ, дали задатокъ за два мѣсяца впередъ, а утромъ ужъ магазинъ открыли.

Знакомые протопопицы только покачивали головой. Что-то ужъ очень быстро все сдѣлалось, особенно принимая во вниманіе то, что „нѣмцы" должны были отдохнуть послѣ дороги и, по крайней мѣрѣ, выспаться. Впрочемъ, на то они нѣмцы... На русскихъ магазинахъ по недѣлѣ одну вывѣску прилажи-

ваютъ: сначала привезутъ ее на дворъ, и стоитъ она на дворѣ дня два, потомъ вытащатъ на улицу—тоже стоитъ битыхъ три дня, потомъ начинаютъ поднимать—тоже дня два займетъ. А дальше перевозятъ товары, распаковываютъ, раскладываютъ, наводятъ „выставку“ для заманиванія довѣрчивыхъ покупателей,—глядишь, двухъ недѣль какъ не бывало. Хозяинъ ругается съ вывѣсочнымъ мастеромъ, съ приказчиками, задерживаетъ платежи за квартиру и такъ далѣе, а тутъ въ одну ночь все дѣло обернули, точно въ сказкѣ, гдѣ все дѣлается по щучьему велѣнью.

Когда степенный сынъ протопопицы проходилъ утромъ на службу, то замѣтилъ въ одномъ окнѣ открытаго магазина свѣжее и молодое личико какой-то женщины. Она была бѣлокурая, съ такими большими сѣрыми глазами. На окнѣ стояла спиртовая лампочка, на которой что-то варилось въ никкелированной кастрюлькѣ. Молодой человѣкъ оглянулся, а молодая женщина спряталась за штору, и онъ видѣлъ только краешекъ бѣлой утренней кофточки съ прошивками.

„Когда они успѣли шторы повѣсить?“ — подумалъ молодой человѣкъ и съ особеннымъ вниманіемъ нѣсколько разъ прочиталъ вывѣску, напрасно стараясь угадать, кто была прелестная незнакомка — m-me Квистъ или m-me Бликсъ.

Протопопица отличалась еще большей наблюдательностью и, когда сынъ вернулся со службы къ обѣду, сообщила ему подъ секретомъ, что „комиссіонеры“—люди семейные, и что у нихъ есть дѣти.

— Какъ у нихъ?—удивился сынъ.—У котораго-нибудь одного... Вѣдь одна женщина?

— А кто ихъ разберетъ... Можетъ, по ихнему закону и это можно.

— У всѣхъ, мамаша, законъ одинъ. Вотъ какъ они торговать будутъ, когда у насъ ужъ въ трехъ магазинахъ велосипедами торгуютъ, а швейными машинами и не сосчитаешь?

— Опять-таки ихъ дѣло, Сережа. Платили бы деньги за квартиру... Я свѣчу пообѣщала поставить Николаю Угоднику. А дѣточки славныя, дѣвочка да мальчикъ. Дѣвочка-то на Бликса смахиваетъ, — такая же черномазая,—а мальчишечка на Квиста больше напибаетъ—бѣлобрысый такой.

— Мамаша вы ошибаетесь: Бликсъ бѣлокурый, а Квистъ — сильный брюнетъ.

— Ну, это все равно, а только я про то, что дѣти-то разныя... Вотъ одѣты они по-господски, точно картинка. Нѣмка-то, и надо полагать, пробойная: вездѣ поспѣваетъ,—и за дѣтьми углядитъ, и кофій варитъ, и въ магазинѣ торчитъ за кассой. Кухарку и горничную нанимаютъ, а пока все сама... Славная бабочка, кабы не нѣмка.

Появленіе новой торговой фирмы послужило темой для разговоровъ сосѣдей на цѣлую недѣлю. Поговорили, посудачили и оставили въ покоѣ. Вопросъ о принадлежности молодой женщины Квисту или Бликсу такъ и остался открытымъ, хотя женщины и обсуждали его съ особенной настойчивостью. Удивляло всего больше то, что нѣмка жила, какъ часы: вставала въ извѣстное время, варила на спиртовкѣ молоко и кашу своимъ ребятишкамъ, а въ десять часовъ утра, несмотря ни на какую погоду, выводила ихъ гулять. А остальную часть дня, какъ птица въ клѣткѣ, сидитъ за проволочной рѣшеткой своей кассы, а когда нѣтъ работы—женскимъ дѣломъ что-то ковыряетъ и шьетъ. Общее мнѣніе резюмировало, что нѣмка хорошая и собой красивая, высокая, здоровая, веселая. Выйдетъ на улицу—любо посмотрѣть. Хоть бы и не Квисту съ Бликсомъ въ пору. Комиссіонеры, вообще, составляли тайну.

Извѣстно было только, что они отлично ѣздятъ на велосипедахъ, курятъ сигары и живутъ дружно.

Провинціальная публика съ какой-то жадностью накидывается на каждую новинку, а потомъ такъ же быстро свыкается съ ней и забываетъ. Новая фирма пережила этотъ приливъ вниманія, а затѣмъ попала въ полосу равнодушія, какъ судно, которое захватываетъ штиль. Извѣстно было одно, что и Квистъ и Бликсъ о чемъ-то усиленно хлопочутъ, ѣздятъ на извозчикахъ, со всѣми знакомятся и ведутъ какія-то свои дѣла. Покупателей было немного, и нѣмка могла свободно заниматься въ своей проволочной клѣткѣ шитьемъ и вязаньемъ.

II.

Наступила зима. По вечерамъ Сергѣй Миловзоровъ уходилъ въ клубъ. Скучища тамъ была ужасная, за исключеніемъ двухъ игорныхъ комнатъ и бильярдной. Даже семейные вечера не приносили оживленія. Дамы усаживались играть въ карты, а въ общей залѣ кружились двѣ-три пары. Красноскутскіе кавалеры не желали танцовать, дѣвицы уныло бродили изъ комнаты въ комнату, какъ стерляди въ трактирномъ акваріумѣ, и всѣ вмѣстѣ ужасно скучали, испытывая какое-то безпричинное озлобленіе. Миловзоровъ скучалъ вмѣстѣ съ другими и шелъ въ клубъ только потому, что рѣшительно некуда было дѣваться по вечерамъ. И вдругъ семейные вечера ожили, благодаря появленію въ нихъ комиссіонеровъ Квиста и Бликса. Они веселились напропалую, т.-е. танцовали, ухаживали за своей дамой, а потомъ ужинали. Получалось что-то необычайное для чопорной провинціальной публики, боявшейся на каждомъ шагу потерять собственное достоинство. А Квистъ и Бликсъ танцовали, правда, не особенно искусно, но зато такъ весело, что приходили даже присяжные клубные игроки въ общую залу, чтобы посмотрѣть на чудаковъ. Квистъ и Бликсъ удивлялись, въ свою очередь, скучающей красноскутской публикѣ,—помилуйте, такая хорошая зала, цѣлый оркестръ музыки, недурная кухня, — какъ же тутъ не веселиться? Потомъ они такъ трогательно ухаживали за своей дамой и танцовали съ ней поочередно съ отчаяннымъ усердіемъ, вызывая еще разъ въ публикѣ вопросъ, который же изъ нихъ настоящій мужъ? Больше,—когда одинъ комиссіонеръ уѣзжалъ куда-нибудь по дѣламъ, въ клубъ являлся другой и держалъ себя такъ, какъ будто онъ и есть настоящій мужъ, котораго такъ напрасно доискивались досужіе люди. Благодаря неугомонной веселости Квиста и Бликса, семейные вечера вдругъ оживились, и другіе начали веселиться просто изъ зависти.

Въ числѣ этихъ другихъ былъ и Миловзоровъ. На танцахъ онъ познакомился съ обоими комиссіонерами, которые представили его своей таинственной дамѣ.

— Зоя Егоровна, это нашъ молодой хозяинъ, Сергѣй Ивановичъ Миловзоровъ.

Зоя Егоровна молча протянула длинную бѣлую руку и посмотрѣла на молодого хозяина какими-то печальными глазами. Это выраженіе Миловзоровъ замѣтилъ у нея давно, и оно страшно не соотвѣтствовало внѣшнему веселью комиссіонеровъ. Она веселилась точно по обязанности, по крайней мѣрѣ ея лицо не принимало участія въ этомъ весельѣ. Миловзорову теперь она казалась красавицей, конечно, по сравненію съ красноскутскими дамами. Послѣ одной веселой кадрили-монстръ онъ предложилъ ей руку, чтобы пройтись по заламъ.

— Благодарю васъ...—какъ-то деревянно отвѣтила она, подавая свою руку.

Они шли нѣсколько времени молча.

— Извините—нескромный вопросъ, Зоя Егоровна, — заговорилъ Миловзоровъ, задерживая шаги:—у васъ такой грустный видъ...

Она остановилась и съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Развѣ это такъ замѣтно?—проговорила она и чуть покраснѣла.

— Да, т.-е. мнѣ такъ кажется. Вѣроятно, вы очень скучаете?..

— О, нѣтъ, мнѣ некогда скучать... нисколько...

Она говорила съ иностраннымъ акцентомъ и очень мило картавила, что̀ особенно нравилось Миловзорову. Онъ тоже ей нравился—плечистый, съ окладистой русой бородой и такимъ добродушнымъ русскимъ лицомъ. Изъ такихъ добродушныхъ увальней выходятъ прекрасные мужья.

— Почему вы сдѣлали такой вопросъ?—обратилась она къ нему послѣ длинной паузы и опять посмотрѣла своими печальными глазами.

— А такъ. Право, не знаю, я думалъ, что вы больны.

— О, нѣтъ, я здорова.

Это вниманіе ее тронуло. Совершенно чужой, незнакомый человѣкъ, а между тѣмъ интересуется ея здоровьемъ.

За первымъ разговоромъ послѣдовалъ рядъ другихъ. Обыкновенно встрѣчались въ клубѣ. Зоя Егоровна по привычкѣ сама искала глазами своего кавалера и улыбалась ему издали. Ей дѣлалось какъ-то легче, когда онъ былъ около нея, тутъ, рядомъ. Это было то чувство хорошей дружбы, которое такъ рѣдко встрѣчается и которое, вѣроятно, поэтому такъ цѣнится женщинами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Миловзоровъ замѣтилъ, что Зоя Егоровна вѣчно насторожѣ, какъ дрессированная цирковая лошадь. Она знала даже шаги своихъ комиссіонеровъ и повиновалась каждому ихъ взгляду безпрекословно. Ей иногда хотѣлось подольше остаться въ клубѣ, но одинъ взглядъ Квиста или Бликса мгновенно возвращалъ ее къ ея обязанностямъ.

Разъ Миловзоровъ спросилъ съ добродушной откровенностью настоящаго провинціала:

— Зоя Егоровна, скажите, пожалуйста, какъ ваша фамилія?

— M-me Квистъ, Бликсъ и К°,—отвѣтила она съ улыбкой.

Потомъ она чуть замѣтно вздохнула и прибавила:

— Представьте, Сергѣй Иванычъ, вы—поповичъ и я—поповна. Да, настоящая поповна, только англійская. Въ Россію я попала шестнадцати лѣтъ, и теперь мнѣ двадцать пять. Да...

— Вы скучаете о своей Англіи?

— И да и нѣтъ... Мнѣ какъ-то обидно думать о своей родинѣ. Впрочемъ, вы едва ли меня поймете... Это нужно испытать.

— Я постараюсь понять, Зоя Егоровна...

— Да? Впрочемъ, вы добрый и поймете... Помните, какъ вы въ первый разъ пожалѣли меня? Мнѣ это было больно... да. Я, дѣйствительно, испытываю тяжелое чувство, когда смотрю на вашу русскую публику, именно я завидую, что не родилась русской поповной. Вы не смѣйтесь, это такъ. Европейская дѣвушка уже является формой товара, который безжалостно отправляется во всѣ части свѣта, т.-е. подвергается изгнанію, какъ элементъ ненужный и обременительный у себя дома. На этомъ международномъ рынкѣ самымъ дешевымъ товаромъ является нѣмка, а за ней мы, англичанки. Француженки представляютъ выгодное исключеніе и умѣютъ продать себя дорого. Главный рынокъ для нѣмокъ—Россія, а для англичанокъ—Америка, Австралія

и частью азіатская Индія. Вы только представьте себѣ, что ежегодно десятки тысячъ такихъ европейскихъ дѣвушекъ должны покидать родной уголъ и подвергать себя страшной неизвѣстности. Да, за ними культура, всѣ чудеса цивилизаціи, извѣстная выдержка характера, но вѣдь главное-то для всякой женщины—свой уголъ, домашній очагъ, и эта международная женщина бродитъ по всему свѣту, какъ своего рода вѣчный жидъ. А русскую дѣвушку вы почти нигдѣ не встрѣтите, за исключеніемъ богатыхъ семей, которыя путешествуютъ по Европѣ для собственнаго удовольствія, и еще учащихся женщинъ, которыя потомъ возвращаются въ Россію. Русская дѣвушка нужна еще у себя дома, у нея есть свой уголъ. Наконецъ весь складъ русской жизни совсѣмъ другой, и прежде всего нѣтъ этого ужасающаго эгоизма, которымъ пропитанъ каждый европейскій мужчина. Вотъ почему англійская поповка для васъ является m-me Квистъ, Бликсъ и К°.

Она опять посмотрѣла на Миловзорова своими грустными глазами и вздохнула, а онъ смутился, какъ человѣкъ, который шутя вызвалъ наболѣвшую откровенность.

III.

Протопопица стала замѣчать, что съ Сережей какъ будто что-то неладное творится. Онъ всегда былъ неразговорчивымъ и серьезнымъ, а теперь ужъ началъ совсѣмъ задумываться. Или на службѣ торчитъ, или у себя дома шагаетъ изъ угла въ уголъ. Даже похудѣлъ за зиму. У матерей есть свой инстинктъ, и онѣ чуютъ бѣду.

— Сережа, ты бы сходилъ куда-нибудь,—совѣтовала она.—Молодой человѣкъ, что̀ сидѣть дома-то?..

— Куда же мнѣ итти?

— Мало ли у насъ знакомыхъ: къ судейскимъ кому-нибудь или къ своимъ банковскимъ.

— Не сто̀итъ, мамаша. Скучно одинаково вездѣ...

Семейные вечера въ клубѣ кончались на масленицѣ (этого слова Зоя Егоровна никакъ не умѣла выговорить), и Миловзоровъ серьезно скучалъ. Теперь онъ могъ встрѣчать Зою Егоровну только на улицѣ, когда она дѣлала свою утреннюю прогулку съ дѣтьми. Душевные разговоры кончились, и Зоя Егоровна точно начала сторониться русскаго поповича. А онъ смотрѣлъ на нее такими странными глазами, что заставлялъ ее краснѣть и хмурить тонкія брови.

— Почему вы никогда не пригласите меня къ себѣ?—откровенно спрашивалъ Миловзоровъ.—Вѣдь я хорошо знакомъ съ Квистомъ и Бликсомъ...

— У насъ это не принято. Мужчины у насъ не бываютъ... Это только русскіе тащатъ къ себѣ домой каждаго встрѣчнаго. Это не относится къ вамъ, Сергѣй Иванычъ, а я такъ, вообще, говорю...

Миловзоровъ смотрѣлъ на нее и думалъ про себя: „Какая она хорошая, вся хорошая. Съ такой женщиной не страшно связать всю жизнь“. Оборотной стороной этой простой и естественной мысли являлась какая-то глухая ненависть къ Квисту и Бликсу съ ихъ самодовольствомъ, выдержкой и европейскимъ эгоизмомъ. Собственно, положеніе Зои Егоровны являлось утонченнымъ цивилизованнымъ рабствомъ, за которое не приходилось даже платить, какъ это дѣлалось въ доброе старое время настоящаго откровеннаго рабства. Комиссіонеры эксплоатировали ее самымъ безсовѣстнымъ образомъ, кончая ея комиссіонерскимъ материнствомъ. Даже протопопица удивлялась безцвѣтности

мудреной нѣмки. А Миловзоровъ думалъ о ней все время и у себя въ банкѣ и дома по ночамъ. Какъ-то, послѣ одной изъ такихъ безсонныхъ ночей, онъ дождался Зои Егоровны во время утренней прогулки и проговорилъ безъ всякихъ предисловій, виновато опустивъ глаза:

— Зоя Егоровна, выходите за меня замужъ... Я васъ очень... очень люблю... Право, мы прожили бы недурно.

Она страшно смутилась и посмотрѣла на него испуганными глазами, какъ на сумасшедшаго.

— Я знаю, что вы даже не m-me Квистъ, Бликсъ и К°, а просто конторщица. Когда пройдетъ ваша молодость, васъ вышвырнутъ на улицу, какъ бросаютъ негодную тряпку... О, я все знаю, я столько думалъ объ этомъ!

Она схватила своихъ дѣтей за руки, точно искала въ нихъ защиты, и отвѣтила упавшимъ голосомъ:

— Если бы я встрѣтила васъ лѣтъ десять назадъ, когда была дѣвушкой, тогда... А теперь...

— Я не требую сейчасъ отвѣта. Вы подумайте серьезно... Я уже рѣшилъ про себя.

Онъ даже улыбнулся и такъ спокойно посмотрѣлъ на нее. Въ его карихъ добрыхъ глазахъ, дѣйствительно, свѣтилась рѣшимость, та отчаянная славянская рѣшимость, которая идетъ на все.

— Вы хорошая, хорошая, хорошая...—повторялъ онъ, продолжая улыбаться.—Вся хорошая! Я буду ждать...

Зоя Егоровна не выходила на обычную прогулку цѣлыхъ три дня, опасаясь новой встрѣчи, а Миловзоровъ три дня не ходилъ на службу. Онъ заперся у себя въ комнатѣ и шагалъ изъ угла въ уголъ. Протопопица окончательно была убита и не знала, что̀ ей дѣлать. На четвертый день, утромъ, онъ взялъ свой портфель и отправился на службу. Протопопица обрадовалась и видѣла, какъ онъ завернулъ въ магазинъ Квиста и Бликса.

Когда Миловзоровъ зашелъ въ магазинъ, Зоя Егоровна сидѣла за своей рѣшеткой, какъ всегда. Онъ даже не поздоровался съ ней, а подошелъ прямо къ прилавку съ витриной, за которой сидѣли Квистъ и Бликсъ.

— Я пришелъ... да, я пришелъ...—заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ, глядя въ упоръ на комиссіонеровъ.—Я хотѣлъ сказать... да...

Квистъ и Бликсъ подумали, что поповичъ пьянъ, и переглянулись.

— Скажите, пожалуйста, гг. комиссіонеры, если бы вы встрѣтили дѣвушку, которую два негодяя захватили бы въ самое позорное рабство... Да, именно, рабство. Нѣтъ, хуже...

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ Квистъ, сдвигая брови.

— Мнѣ угодно сказать вамъ, что такъ нельзя... Да, нельзя. Помилуйте! Вѣдь она человѣкъ, она мучается, у нея испорчена вся жизнь, она лучше и васъ, и меня, и многихъ другихъ.

— Послушайте, намъ не до философіи...—замѣтилъ Бликсъ. — Вообще, извините, намъ некогда...

— Некогда? Х-ха... А я васъ заставлю выслушать меня, потому что я говорю про нее, вотъ про эту дѣвушку, которая сидитъ въ вашей клѣткѣ.

Миловзоровъ указалъ на Зою Егоровну и поклонился ей издали.

— Милостивый государь, какое право вы имѣете вмѣшиваться въ чужія дѣла?—сказали въ одинъ голосъ комиссіонеры.

— Какое право? А вотъ какое право... Представьте себѣ, что у Зои Егоровны есть братъ... да, братъ... и этотъ братъ—я. Да, я, я!.. Я прихожу и говорю вамъ, Квистъ и Бликсъ, что вы негодяи... да, негодяи!..

Зоя Егоровна страшно перепугалась. Но дальше произошло все такъ быстро, что она не успѣла даже крикнуть о помощи. Она видѣла только, какъ Миловзоровъ выхватилъ изъ кармана револьверъ и въ упоръ выстрѣлилъ сначала въ Квиста, а потомъ въ Бликса. Квистъ присѣлъ и схватился за руку, а Бликсъ нырнулъ подъ прилавокъ, какъ заяцъ. Дальше Миловзоровъ какъ будто растерялся и съ удивленіемъ посмотрѣлъ кругомъ, а потомъ бросилъ револьверъ, сѣлъ на табуретъ и закрылъ лицо руками.

Черезъ десять минутъ въ магазинъ явилась полиція. Миловзоровъ оставался на прежнемъ мѣстѣ и спокойно говорилъ:

— Ахъ, какъ я ее люблю... да, люблю.

Квистъ отдѣлался легкой раной въ лѣвой рукѣ, а Бликсъ—однимъ испугомъ. Они не дождались суда и незамѣтно исчезли изъ Красноскутска, оставивъ на память протопопицѣ свою вывѣску. М-ше Квистъ, Бликсъ и К° исчезла вмѣстѣ съ ними. Черезъ полгода Миловзорова судили и нашли, что онъ дѣйствовалъ въ психически-разстроенномъ состояніи.

189-.

ПОСЛѢДНЯЯ ВѢТОЧКА.

Изъ старообрядческихъ мотивовъ.

I.

Когда мнѣ случается проѣзжать черезъ большое село Займище, я всегда завертываю въ старый бороздинскій домъ, къ старушкѣ Миропеѣ Михайловнѣ: такая милая и почтенная старушка, что совѣстно проѣхать мимо. Самъ бороздинскій домъ представлялъ собою нѣчто совсѣмъ особенное: двухъэтажный, большой, съ крутой желѣзной крышей, весь почернѣвшій отъ времени, онъ былъ построенъ еще старикомъ Бороздинымъ, и построенъ такъ крѣпко изъ кондоваго лѣса, что простоялъ цѣлыхъ сто лѣтъ и не пошатнулся, только бревна сдѣлались бурыми, да крышу нѣсколько разъ перемѣнили, точно старый домъ мѣнялъ шапку.

Въ Займищѣ была всего одна улица, огибавшая полукругомъ большое Черное озеро на цѣлую версту; дома вытянулись въ два порядка, и почти у каждаго въ огородѣ торчало по нѣскольку деревьевъ. Послѣднимъ Займище рѣзко отличалось отъ всѣхъ окрестныхъ селъ и деревень.

— Это еще наши дѣды сады сохранили... — объясняла Миропея Михайловна. — Ну, старинка-то и держится. Дикое прежде мѣсто было, раменье, а теперь все кругомъ вонъ какъ обчистили.

Бороздинскій старый домъ стоялъ въ самомъ центрѣ села и упирался задами въ озеро. Такихъ старинныхъ домовъ въ Займищѣ было нѣсколько, но они всѣ развалились или стояли пустые; держался одинъ только бороздинскій, такъ умненько поглядывавшій своими маленькими окнами на улицу и на своихъ новыхъ сосѣдей. Я всегда испытываю какое-то особенное чувство почтенія, когда еще издали завижу два ряда окошекъ бороздинскаго дома, вышку съ слюдяной оконницей, сплошную массу службъ, шатровыя ворота съ деревянной рѣзьбой, завалинку, на которой любилъ лѣтомъ посидѣть самъ старикъ Михайла Васильичъ, любуясь бѣгавшими по улицѣ внучатами: — что-то такое почтенное и строгое чувствовалось въ этой деревянной громадѣ, служащей живой лѣтописью четырехъ поколѣній. Нынче, въ наше грошовое и обманчивое время, такихъ хорошихъ, именно семейныхъ домовъ больше не строятъ, а изъ кожи лѣзутъ, чтобы изъ дома сдѣлать что-то въ родѣ трактира съ номерами для господъ пріѣзжающихъ. Михайла Васильичъ потому и не любилъ бывать въ городѣ и постоянно жаловался:

— Остановиться не у кого — съ души воротитъ... Трактиръ не трактиръ, казарма не казарма, а только настоящихъ домовъ нѣтъ. Испатался народъ, дома-то не живутъ, — ну, скворечницы себѣ и налаживаютъ..

Маленькая калитка съ желѣзнымъ кольцомъ вела на широкій дворъ,

устланный деревянными плахами; на Уралѣ еще сохранились кое-гдѣ такіе дворы съ деревяннымъ поломъ; они занесены къ намъ раскольничьими выходцами изъ лѣсныхъ заволжскихъ губерній. Иногда они дѣлаются совсѣмъ закрытыми, такъ что во дворѣ совсѣмъ темно даже среди бѣлаго дня. Кругомъ бороздинскаго двора вытянулись, сплошной деревянной стѣной, сараи, конюшни, амбары, стаи, кладовыя и кладовки; но теперь все это хозяйственное строеніе было пусто и замѣтно ветшало съ каждымъ годомъ: гдѣ крыша дала течь, гдѣ уголъ осѣлъ, гдѣ дверь покосилась; нуженъ былъ вездѣ хорошій хозяйскій глазъ, а его-то и не было. Самый домъ выходилъ на дворъ широкимъ крыльцомъ: за нимъ слѣдовали холодныя сѣни съ какими-то хозяйственными перегородками. Главные покои находились во второмъ этажѣ, подъ ними — теплыя повалуши, надъ ними — свѣтелка и лѣтникъ; около жилыхъ комнатъ жались разные тайнички, переходы, чуланы и каморки.

Въ бороздинскомъ домѣ больше пятидесяти лѣтъ существовала тайная раскольничья моленная, въ которой и теперь еще молились займищенскіе староверы. Эта моленная образовалась изъ разоренныхъ скитовъ, которые процвѣтали въ Займищѣ еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Скиты были опечатаны предержащими „властодержцами“, старики и старицы были изгнаны, а святыня, какую успѣли спасти, вся перешла въ бороздинскій домъ, и Михайла Васильичъ берегъ эту святыню, какъ зѣницу ока.

Теперь бороздинскій домъ стоялъ почти совсѣмъ пустой, за исключеніемъ одной только угловой комнаты въ нижнемъ этажѣ, гдѣ перебивалась сама Миропея Михайловна со своей десятилѣтней внучкой Аѳонюшкой.

— Главная причина — топить надо бы всю хоромину, а дрова нонѣ дорогія, — объясняла старушка съ неизмѣннымъ тяжелымъ вздохомъ. — Гдѣ взять-то!.. Наше дѣло сиротское, сами крохами питаемся отъ добрыхъ людей. Не оставляютъ насъ съ Аѳонюшкой...

Миропея Михайловна любила показывать родительскій домъ и не разъ водила меня по всѣмъ этажамъ. Комнаты были небольшія и сохранились въ томъ видѣ, въ какомъ остались послѣ самого Михайлы Васильича: старинная тяжелая мебель, выкрашенныя клеевой краской стѣны, желтые полы, изразцовыя печи, бронзовые канделябры, двухспальныя кровати, вездѣ по угламъ образа стариннаго письма. Въ гостиной канареечнаго цвѣта висѣлъ портретъ самого Михайлы Васильича, писанный масляными красками; это былъ сѣдой, благообразный старикъ съ темными, суровыми глазами.

По шатавшимся лѣсенкамъ и переходамъ мы поднялись въ свѣтелку, гдѣ росли и невѣстились четыре поколѣнія бороздинскихъ красавицъ и гдѣ выросла сама Миропея Михайловна, единственная дочь Михайлы Васильевича. Мнѣ эта свѣтелка нравилась больше всѣхъ другихъ комнатъ, потому что съ нея открывался отличный видъ на все Займище, Черное озеро и синѣвшіе вдали „уральскіе бугры“.

— Хорошо здѣсь! — говорилъ я, любуясь видомъ.

— Прежде лучше было, — вспомнила Миропея Михайловна, поглядывая въ окошечко.—Покойникъ-тятенька очень даже любили сюда захаживать... Прежде-то наше Займище было красивѣе невпримѣръ. Не было вонъ тѣхъ пустырей по улицѣ, да и домà не такъ строили...

— Пустыри отъ скитовъ остались?

— Отъ нихъ отъ самыхъ... Земелька одна осталась до могилки... А сколько боголюбиваго народичку тутъ проживало: старцы, старицы, странные люди, убогонькіе, сироты. А нынче чтò?.. Не глядѣли бы глазыньки... Домишко-другой поставятъ, такъ и тотъ заворуемъ глядитъ... Ну, такъ и живутъ!

Открывавшійся изъ свѣтлицы видъ окрестностей Займища былъ замѣчателенъ тѣмъ, что вся эта всхолмленная широкая равнина, по дну которой катилась горная рѣчонка Вежайка, образовавшая Черное озеро,—вся эта равнина была пропитана золотымъ пескомъ, снесеннымъ сюда съ восточныхъ отроговъ Уральскаго хребта. Когда-то по берегамъ Вежайки и Чернаго озера красовались вѣковые лѣса, а теперь, благодаря золоту, все превращено было въ безлѣсную пустыню, изрытую по всѣмъ направленіямъ; тамъ и сямъ желтыми пятнами выдѣлялись работавшіе и заброшенные пріиски, шахты, валы перемывокъ, старые отвалы.

— Вотъ какъ землю-то кругомъ изрыли!.. — печально говорила Миропея Михайловна, разсматривая окрестности. — Прежде-то куда ни повернись — вездѣ лѣсъ, шуба шубой, а нынче дѣвкамъ за грибами некуда сходить. Съ золотомъ-то этимъ всѣ по міру пошли... Бѣдуетъ народъ.

— Да вѣдь у васъ хорошіе были пріиски?

— А Господь съ ними, голубчикъ... Разореніе одно отъ нихъ, кто ежели по-истовому живетъ. Не таковское это дѣло... И безъ золота жили, а съ золотомъ все прожили остальное, что̀ было накоплено еще покойничкомъ-тятенькой. Домъ, вонъ, того гляди, начнетъ разваливаться, и поправить нечѣмъ... Тутъ бы гвоздикъ заколотить, тамъ бы досточку наладить, а управа-то не берстъ, да и дѣло наше съ Аѳонюшкой женское, неспособное.

Аѳонюшка, быстроглазая смуглая дѣвочка, всегда слушала розсказни бабушки съ нѣмымъ вниманіемъ и постоянно разспрашивала, кто жилъ въ этой комнатѣ, кто въ той, гдѣ спалъ дѣдушка Михайла, гдѣ обѣдали, работали, веселились. Старый бороздинскій домъ былъ до краевъ наполненъ такими семейными воспоминаніями: на лежанкѣ внизу жила юродивая Домнушка, въ свѣтелкѣ свои дѣвушки, дѣдушка Михайла умеръ въ угловой, гдѣ неугасимая горитъ и теперь, на Святкахъ играли въ „воимолки“ (жмурки) въ средней комнатѣ, гдѣ обѣдали, гостей принимали въ желтой гостиной и т. д. и т. д.

— А въ синей комнатѣ жилъ твой отецъ съ матерью,—прибавляла старушка. — Тихій онъ былъ характеромъ-то... Ну, а мать задорная была; такъ-то ничего — добрая, только сердцемъ горяча: чуть что̀ — и загорѣлась, какъ порохъ.

— У васъ всѣхъ дѣтей сколько было, Миропея Михайловна?

— Девять человѣкъ въ живыхъ, да шестерыхъ схоронила, голубчикъ. Изъ живыхъ-то четыре дочери замужемъ были, потомъ три сына были женатыхъ да два холостыхъ... Аѳонюшка отъ середняка пошла, Спиридономъ звали. При покойничкѣ въ дому за сорокъ человѣкъ постоянно живало, а какъ я своихъ дѣтей подняла на ноги да оженила, такъ и не сосчитаешь скоро-то... Дочери, конечно, при мужьяхъ жили, ну, старшій сынъ выдѣлился, а остальные всѣ одной кучей. Это до промысловъ было, а какъ занялись золотомъ — все и пошло врозь...

Къ этому старушка неизмѣнно прибавляла:

— Теперь вотъ одна Аѳонюшка осталась, какъ синь-порохъ... Всѣхъ я перехоронила; пошелъ, видно, нашъ бороздинскій родъ на переводъ.

II.

Всего интереснѣе въ бороздинскомъ домѣ была та угловая каморка, въ которой пріютилась Миропея Михайловна со своей внучкой. Довольно большая и длинная комната, съ низкимъ потолкомъ, была такъ загромождена какими-то сундуками и старинной мебелью, что буквально пошевелиться было негдѣ;

старушка, какъ мышь, сносила въ свою нору все, что оставалось хорошаго въ домѣ. Весь этотъ хламъ служилъ для нея безконечнымъ матеріаломъ для воспоминаній, которыя покрывали каждую вещь точно слоемъ пыли. Зеленое кресло, стоявшее въ углу, осталось отъ тятеньки Михайлы Васильевича, который любилъ на немъ сидѣть; комодъ съ бронзовыми уголками и ручками — отъ покойницы-мамеьки; въ сундукахъ хранились старинныя шубы, крытыя какой-то необыкновенной матеріей, толстой, какъ кожа, шелковые сарафаны, выложенные дорогимъ позументомъ, старинныя дорогія покрывала, повязки, кокошники, душегрѣйки и т. д. Раза два или три въ годъ, главнымъ образомъ весной, Миропея Михайловна извлекала все это „добро" изъ нѣдръ своихъ сундуковъ и провѣтривала. Это было настоящее торжество, и маленькая Аѳонюшка не отходила отъ „бабушки", разсказывавшей исторію каждой вещи своимъ ровнымъ, невозмутимымъ голосомъ, точно журчалъ по камешкамъ ручеекъ. И лицо у бабушки дѣлалось какое-то совсѣмъ особенное — такое ласковое-ласковое и печальное, а глаза подергивались слезой.

— Баушка, о чемъ ты плачешь? — спрашивала дѣвочка, сама готовая расплакаться надъ всѣми этими шубами и сарафанами.

— Такъ, милушка... Стара я, Аѳонюшка; раздумаешься да раздумаешься, ну, и защемитъ сердечушко. Тебѣ это еще рано знать...

— Развѣ всѣ старые люди плачутъ, баушка?

— Да какъ тебѣ сказать-то, милушка... Есть и веселые старички, только это рѣдко бываетъ: мало веселаго-то Богъ намъ посылаетъ, — ну, человѣкъ терпитъ-терпитъ, да и не вытерпитъ.

Дѣвочка плохо понимала печальныя размышленія бабушки и только ласково прижималась къ ней своей русой, кудрявой головкой. Небольшого роста, худощавая, но еще очень крѣпкая для своихъ шестидесяти лѣтъ, Миропея Михайловна невольно обращала на себя общее вниманіе тѣмъ, что переживаетъ красоту и молодость и что мы называемъ внутренней, душевной красотой. Эта красота сказывалась и въ неторопливыхъ движеніяхъ, и въ ласковой улыбкѣ, и больше всего въ спокойномъ, сосредоточенномъ взглядѣ большихъ темныхъ глазъ, полныхъ неугасавшаго огня. Темненькое платье и такой же платокъ на головѣ придавали старушкѣ немного монашескій видъ и еще лучше оттѣняли ея морщинистое лицо съ такой необыкновенной кожей, цвѣта церковной просвиры; это лицо было проникнуто внутреннимъ свѣтомъ, и ни одна тѣнь не ложилась на него. На такія лица хочется смотрѣть, точно самъ дѣлаешься лучше отъ одного ихъ присутствія.

Рядомъ съ бабушкой десятилѣтняя Аѳонюшка выглядѣла настоящимъ полевымъ цвѣточкомъ, хотя Миропея Михайловна одѣвала ее тоже во все темное: ситцевое темненькое платьице, такой же платочекъ на головѣ и только въ видѣ исключенія какая-нибудь свѣтленькая ленточка въ русой косѣ или нитки стеклянныхъ бусъ на шеѣ. Отъ этой монашеской простоты тоненькое и блѣдное личико дѣвочки казалось еще свѣжѣе, а свѣтло-каріе глаза блестѣли, какъ два дорогихъ камня. Въ тихой и однообразной жизни разрушавшагося бороздинскаго дома дѣтскій голосокъ, неугомонная возня и проказы Аѳонюшки являлись точно солнечнымъ лучомъ; дѣвочка выросла въ этой развалинѣ, какъ растетъ и гнѣздится гдѣ-нибудь въ забытомъ углѣ одинокая травка.

— Болитъ мое сердечушко объ этой Аѳонюшкѣ, охъ, болитъ! — не разъ говаривала Миропея Михайловна, когда дѣвочка играла подъ окномъ или на дворѣ. — Не жилица она на бѣломъ свѣтѣ!.. Вотъ и чашечку какъ-то разбила, — фарфоровая такая была чашечка, еще покойничекъ-тятенька у китайца въ Ирбитской купилъ. Изъ этой чашечки я маленькая чай пила, по-

томъ своихъ дочерей поила... И все въ шкапикѣ эта чашечка стояла, сколько годовъ стояла, а тутъ, какъ на грѣхъ, и попади на глаза Аѳонюшкѣ: „дай да дай, баушка миленькая...“—„Разобьешь!“ — „Нѣтъ, баушка“. Ну, ластилась, ластилась ко мнѣ, я и дала ей чашечку-то. Поиграла она съ ней, а потомъ сѣли чай пить, я только налила кипятку — чашечка-то на нѣсколько частей и развалилась, сама собой развалилась... И такъ мнѣ было жаль этой чашечки, такъ жаль, что и сказать не умѣю; даже смѣшно разсказывать-то, что о такихъ пустякахъ человѣкъ можетъ безпокоиться.

Нужно сказать, что въ комнатѣ Миропеи Михайловны былъ завѣтный стеклянный шкапъ, биткомъ набитый разной разностью: стояла въ немъ старинная чайная посуда, висѣли на гвоздикахъ фарфоровыя и сахарныя пасхальныя яйца, отдѣльной пирамидкой красовались старыя бонбоньерки: тутъ же лежали неизвѣстно для чего обломанныя дѣтскія игрушки, какія-то подушечки, вышитыя бисеромъ, дорожные серебряные стаканчики, нѣсколько обношенныхъ альбомовъ и т. д. Съ каждой вещицей здѣсь непремѣнно было связано какое-нибудь семейное воспоминаніе, заставлявшее Миропею Михайловну тяжело вздыхать: куклой въ синемъ сарафанѣ играла любимая дочь Феюшка, изъ серебрянаго стаканчика пилъ всегда тятенька, когда случалось ѣздить въ дорогу, зеленую бонбоньерку подарилъ свекоръ, сахарное яичко съ желтымъ барашкомъ привезла матушка-свекровушка, когда родился Спиря, въ альбомахъ были фотографіи всей родни и безчисленныхъ знакомыхъ.

— И нынче хорошіе-то люди не обѣгаютъ, а прежде знакомство большое у насъ было по всей округѣ,—любила повторять старушка, перебирая въ шкапу свои семейныя реликвіи.—Ужъ про нашихъ-то уральскихъ и говорить нечего: кругомъ свой народъ былъ—въ Екатеринбургѣ, въ Шадринѣ, въ Ирбитѣ, по заводамъ вездѣ, въ Тюмени, въ Верхотурьѣ. А были знакомцы изъ Нижняго, изъ Иркутска, изъ Москвы—хорошіе знакомцы, хоть и видались годами. Торговое дѣло, нельзя: на людяхъ жили...

Но, какъ ни дорогъ былъ Миропеѣ Михайловнѣ ея завѣтный стеклянный шкапъ, служившій для нея живой семейной лѣтописью, первое мѣсто въ ея каморкѣ принадлежало, конечно, переднему углу, гдѣ отъ полу до потолка, въ два створа, стоялъ старинный „иконостасъ“, выкрашенный синей краской. Этотъ иконостасъ былъ фамильной святыней, и всегда предъ нимъ теплилась неугасимая лампада. Всѣхъ иконъ было больше двадцати, и всѣ стариннаго рѣдкаго письма, съ темными ликами, дорогими окладами и самой подробной біографіей каждаго образа.

— Старинка все!—ласково говорила Миропея Михайловна, любуясь своимъ иконостасомъ.

Коллекція бороздинскихъ иконъ была въ своемъ родѣ замѣчательное явленіе. Она составилась въ смутную эпоху разоренія займищенскихъ скитовъ, когда Михайла Васильичъ много „облюбовалъ божьяго благословенія“, т.-е. пріобрѣлъ за большія деньги нѣкоторые „источники“ древнихъ письменъ. Такимъ образомъ къ нему попали „фрязи“ XVII вѣка, иконы новгородскаго пошиба, строгановское письмо и особенно много иконъ такъ называемаго сибирскаго письма. Между прочимъ, въ этомъ хранилищѣ былъ образокъ работы знаменитаго Рублева, хотя и подъ сильнымъ сомнѣніемъ: такихъ „истинниковъ“ греческаго, кіевскаго и новгородскаго дѣла много выпускаетъ Москва, гдѣ проживаютъ доднесь великіе мастера изъ новаго дѣлать старое. Вся эта „древляя“ иконопись была украшена дорогими окладами оброннаго и басменнаго дѣла, съ разными поднизями, рясно и цатами, унизанными жемчугомъ и самоцвѣтнымъ каменьемъ.

— Была еще одна у меня икона, да не умѣла хранить,—разсказывала однажды Миропея Михайловна, закручинившись.—Не къ рукамъ, видно, или ужъ такъ Господь хотѣлъ наказать.

— Куда же она у васъ дѣвалась?

— Икона-то?.. Потеряла я ее—мой грѣхъ... То-есть и не потеряла даже, а такъ, какъ-то сама собой ушла изъ дому. Такихъ иконъ я больше и не видывала: ликъ Еммануиловъ былъ, прямо радостный образъ самого Христа-Младенца. Ужъ я искала-искала его, ревѣла-ревѣла, обѣщанія всякія давала: нѣтъ,—какъ подъ землю ушелъ образокъ... Изъ себя-то онъ былъ такой маленькій, складенькомъ, и всегда въ иконостасѣ на первомъ мѣстѣ стоялъ, потому какъ онъ у насъ былъ родовой, и покойничекъ-тятенька, когда имъ меня благословлялъ, крѣпко наказывалъ: „Блюди его пуще глазу, ежели добра себѣ хочешь... По всему нашему роду прошелъ образокъ-то, съ нимъ прадѣдъ нашъ съ Керженца на Уралъ пришелъ; у прадѣда-то только всего и имущества было, что этотъ самый образокъ“. Такъ все и вышло, какъ покойничекъ-тятенька Михайла Васильичъ сказалъ... Хранила я этотъ образокъ, дѣйствительно, неусыпно и вездѣ его изъ дому съ собой носила. Такъ и замужъ выходила, и замужемъ больше двадцати лѣтъ прожила. Дѣтишекъ на ноги мало-мало успѣла поднять и пристроить по своимъ дѣламъ: дѣвокъ замужъ повыдала, сыновей по занятіямъ разнымъ... Все у насъ хорошо шло, домъ какъ полная чаша, а тутъ образокъ-то и потеряйся. И какъ это случилось—даже ума не приложу... Такъ ужъ, видно, Господу было угодно. Передъ самой это Пасхой случилось, на Страстной недѣлѣ... Уборка у насъ шла по дому-то; ну, домъ вонъ какой,—замоталась я грѣшнымъ дѣломъ, а тутъ сунуло меня въ сусѣди къ одной старушкѣ кардамону прихватить для соленья. Такъ, всего-навсего вывернулась я, можетъ, на полчаса. Прихожу домой, хвать, а образка-то и нѣтъ. Весь домъ перерыли—нѣтъ образка... Ко мнѣ въ моленную, окромя ребятишекъ своихъ да одной женщины-поломойки, никто не входилъ. Ну, кромѣ этой женщины некому взять... Согрѣшила, поклепала на нее—нѣтъ, говоритъ, не брала. Такъ и пошло съ тѣхъ поръ у насъ въ дому нестроенье, да вотъ до чего и дошли: все ушло, какъ дымъ. А я тогда съ горя-то чуть даже съ ума не сошла: день и ночь ревѣла объ образкѣ. Разъ этакъ лежу ночью и вдругъ удостоилась, грѣшная и недостойная раба, соннаго видѣнія одного старца. Входитъ онъ будто прямо ко мнѣ въ покои, поглядѣлъ-поглядѣлъ на меня таково строго и вымолвилъ: „Не умѣла ты, Миропеюшка, беречь своего счастья“... Только всего и сказалъ.

III.

Исторія бороздинской семьи очень характерна. Какъ большинство раскольничьихъ семей, Бороздины были выходцами изъ Россіи, откуда ихъ гнали „знаки“ гражданской „тѣлесно ощущаемой власти“ и „любезнаго никоніанскаго духоборнаго суда“. Это было въ началѣ XVII вѣка, когда Уралъ только еще населялся и представлялъ собою ту „любезную пустыню“, гдѣ свободно могли укрыться по лѣснымъ дебрямъ, болотинамъ, раменью и „за великими грязями“ цѣлыя тысячи „изящныхъ страдальцевъ“ за старую вѣру. Между прочимъ, бѣглые населенники облюбовали Черное озеро, и такимъ порядкомъ образовалось Займище, это сильное раскольничье гнѣздо, сохранившееся до послѣднихъ дней. Въ числѣ другихъ бѣжавшихъ изъ „расейскихъ“ насиженныхъ мѣстъ былъ и прадѣдъ Бороздинъ, участвовавшій въ основаніи Займища и принесшій съ собой на Уралъ только одинъ образъ „радостнаго Христа-Младенца“.

Займище, какъ большинство раскольничьихъ выселковъ, быстро окрѣпло, развилось и превратилось въ богатое промышленно-торговое село. „Ронили“ кругомъ лѣсъ, разбивали пашни, покосы и всякія угодья, завели разный промыселъ, и Займище быстро возсіяло, невпримѣръ другимъ православнымъ насельямъ и „жиламъ“ *). Крѣпкая раскольничья организація, артельный складъ, взаимная помощь, поддержка „отъинудъ“—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало свое дѣло: но самымъ главнымъ секретомъ быстраго процвѣтанія Займища являлся тотъ духъ единенія, который создается всякими гоненіями, а религіозными въ особенности. Итакъ, Займище процвѣло и мало-по-малу сдѣлалось самымъ укромнымъ уголкомъ для всѣхъ другихъ раскольничьихъ бѣглецовъ, находившихъ здѣсь пріютъ, хлѣбъ и ласку. „Миленькіе горемыки“, бѣжавшіе иноземной пестроты и никоніанскаго запинанія, „ухлѣбливались“ въ Займищѣ, слушали ночное правило и старое пѣніе и шли дальше отыскивать новыя дебри, медвѣжьи углы и непроходимыя трясины. Бороздины скоро выдѣлились своимъ достаткомъ изъ среды своихъ односельчанъ и крѣпко стали во главѣ ревнителей первобытнаго благочинія и раскольничьихъ милостивцевъ. Особенно на этомъ тернистомъ и опасномъ пути прославился старикъ Михайла Васильичъ, который „изрядно былъ болѣзненъ о дѣлѣ Божьемъ“, тѣмъ болѣе, что ему пришлось дѣйствовать въ тяжелыя николаевскія времена, когда на древнее благочестіе посыпались дождемъ административныя „запинанія“: скиты разорялись, моленныя запечатывались, книги и иконы отбирались, раскольничьихъ поповъ и старцевъ травили, какъ зайцевъ, и они должны были жить подъ вѣчнымъ страхомъ. Михайла Васильичъ, благодаря своему богатству и связямъ, умѣлъ ладить съ духовными и свѣтскими властодержцами, помогалъ направо и налѣво и постоянно горѣлъ ревностью къ своему дѣлу. Большой поддержкой для старика Бороздина былъ Екатеринбургъ, гдѣ процвѣтала раскольничья поповщина подъ крылышкомъ сильныхъ людей Рязановыхъ, хотя Михайла Васильичъ склонялся больше къ безпоповщинѣ.

Здѣсь необходимо оговориться. Кромѣ поименованныхъ выше внутреннихъ и внѣшнихъ условій, благопріятствовавшихъ быстрому насажденію и развитію раскола, существовала еще одна сила, которая, по нашему мнѣнію, имѣла въ высшей степени важное историческое значеніе въ историческихъ судьбахъ древняго благочестія: это выдающаяся роль, которую заняла во всѣхъ раскольничьихъ согласіяхъ женщина, особенно въ безпоповщинѣ. Послѣдняя и самая „немощнѣйшая чадь женская“, отринувши свою немощь, могла принимать самое живое и дѣятельное участіе во всѣхъ дѣлахъ своего гонимаго братства. Женскія слабыя руки съ молитвой, лаской и чисто-женской ловкостью сдѣлали то, чего не могла сдѣлать никакая „мужская крѣпость“: онѣ давали настоящую раскольничью закалку изъ поколѣнія въ поколѣніе. Въ бороздинской семьѣ женщины всегда имѣли видное положеніе и заправляли большими дѣлами. По наслѣдству эта черта перешла и къ Миропеѣ Михайловнѣ, которая послѣ смерти отца взяла на свои руки весь домъ; она вышла замужъ за небогатаго человѣка изъ своихъ старовѣровъ и держала мужа въ рукахъ.

Бороздинскій домъ подъ началомъ Миропеи Михайловны поднялся на небывалую высоту, особенно когда подросли у нея сыновья. Къ этому времени какъ разъ около Займища было открыто богатое золото, и сама старушка увлеклась легкой наживой, тѣмъ болѣе, что съ первыхъ же шаговъ на этомъ скользкомъ пути ее „сильно поманило“, т.-е. заявленные пріиски оказались

*) На Уралѣ называютъ всякое селенье „жиломъ“: „у насъ въ жилѣ...“, „осередь самаго жила...“ и т. д. *Прим. авт.*

очень богатыми. Раньше Бороздины занимались отчасти подрядами, отчасти торговлей, смотря „по времю“, какъ говорилъ Михайла Васильичъ; съ открытіемъ золота бороздинскій домъ закипѣлъ совсѣмъ новой жизнью и прогремѣлъ на цѣлый округъ. Но въ самый разгаръ этой бойкой жизни бороздинскій родъ какъ-то вдругъ „пошелъ на переводъ“—сыновья перемерли одинъ за другимъ, умерли дочери и даже всѣ внучата, за исключеніемъ Аѳонюшки. Капиталы всѣ были вложены въ дѣла, и Миропея Михайловна осталась почти ни съ чѣмъ, едва сохранивъ изъ общаго разгрома только жалкія крохи. Впрочемъ, молва говорила, что у старухи запрятаны чуть не цѣлые милліоны, какъ говорится всегда въ такихъ случаяхъ. Миропея Михайловна встрѣтила свое несчастье съ христіанской покорностью и только сказала:

— Богъ далъ, Богъ и взялъ... Господь за наши-то грѣхи и не это терпѣлъ.

Она не плакала, никогда не жаловалась, а только вся точно съежилась и ушла въ себя. Жизнь ея еще нужна была для Аѳонюшки, которая осталась круглой сиротой: нужно было „поднять“ дѣвочку, а главное—дать ей бороздинскую закалку. Далѣе для Миропеи Михайловны исходомъ горя служила сложная дѣятельность по нуждамъ своего раскольничьяго общества. Она вся ушла въ эту работу и мало-по-малу сдѣлалась мірскимъ человѣкомъ, къ которому шли со всѣхъ сторонъ встрѣчный и поперечный со всякой нуждой и задѣльемъ, за хорошимъ совѣтомъ, а чаще всего—за хорошимъ словомъ. Въ бороздинскомъ домѣ всегда можно было встрѣтить кого-нибудь изъ ея безчисленныхъ кліентовъ, и, кромѣ того, у ней вѣчно проживали какія-то безымечныя старушки, юродивые и просто „странные люди“. По раскольничьимъ домамъ этого выбитаго изъ всякой колеи люда толпится всегда видимо-невидимо.

— Охота вамъ водиться съ этими бродягами!—скажетъ кто-нибудь старушкѣ.—Еще украдутъ у васъ что-нибудь...

— А куда же имъ дѣться, миленькій?—спроситъ Миропея Михайловна.—Для Бога-то всѣ равны мы, грѣшные... Надо же и странненькимъ гдѣ-нибудь жить. Ихняя-то молитва, пожалуй, будетъ доходнѣе до Бога...

Разъ я встрѣтилъ у ней совершенно особеннаго субъекта. Это былъ парень лѣтъ двадцати, очень простоватый на видъ и съ какимъ-то дѣтскимъ выраженіемъ лица. Онъ сидѣлъ босой, въ одной ситцевой рубашкѣ, и какъ-то глупо улыбался.

— Откуда у васъ такой молодецъ?—спросилъ я.

— Этотъ-то? А изъ лѣсу, миленькій, пришелъ...

— Какъ изъ лѣсу?

— Да такъ... Онъ совсѣмъ ничего не понимаетъ по нашему-то, и словъ-то у него нѣтъ настоящихъ. Вотъ хлѣбъ знаетъ, лучину, воду, ну, такъ пустяки разные. Изъ бѣгуновъ онъ... Маленькимъ гдѣ-нибудь выкрали, затащили въ лѣсъ, да тамъ и воспитали по-своему.

— А къ вамъ-то какъ онъ попалъ?

— Да отъ знакомца одного получила... Имя даже у него никакого нѣтъ, братцемъ его звали. Ну, зовемъ теперь Иванушкой... Иванушка, ты чего въ лѣсу-то дѣлалъ?

Иванушка мотнулъ головой и пѣвуче отвѣтилъ:

— Дрова рубилъ, сестрица... Вокругъ кадочки съ водой бѣгали въ рубахахъ. Лучина горитъ... сестрицы бѣгаютъ.

— И не разберешь его хорошенько: то ли онъ изъ бѣгуновъ, то ли изъ хлыстовъ. Разумомъ-то ужъ больно простъ...

— Гдѣ же его нашли?

— А на дорогѣ увидали, съ топоромъ идетъ. Заплутался въ лѣсу и

вышелъ на дорогу. Ну, его и забрали: кто, чей, откуда?.. А у него вонъ какой разговоръ-то: сестрицы да братцы, около кадочки бѣгали... Давай по судамъ таскать, къ слѣдователю представляли; ну, побились-побились, да и отдали на поруки. Теперь у меня живетъ покуда...

— Что̀ же вы съ нимъ дѣлать будете?

— Да такъ... можетъ-быть, образуется; жаль, тоже живая душа, да и любопытный. Всякаго народу наглядѣлась на своемъ вѣку, а такихъ-то еще не видывала... Какъ есть человѣкъ отъ пня: разговору даже нашего не знаетъ. Теперь вонъ Аѳонюшка грамотѣ его учитъ,—такъ замаялась, сердечная. Не знаю, что̀ будетъ; пусть поживетъ пока.

Иванушка сидѣлъ на стулѣ и только какъ-то странно мычалъ. Лицо у него было настолько глупое, что сомнѣваться въ его пониманіи было трудно. Темные волосы, полное дряблое лицо, толстыя губы, какой-то вѣчный взглядъ въ сторону—все это, въ сущности, не представляло ничего особеннаго: человѣкъ какъ человѣкъ, какихъ встрѣтишь вездѣ, сто̀итъ выйти на улицу. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Иванушкѣ была какая-то неуловимая особенность, которая производила непріятное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ на меня. Есть люди, къ которымъ чувствуешь совершенно безотчетное недовѣріе.

Такъ братецъ Иванушка и остался жить въ бороздинскомъ домѣ въ качествѣ страннаго человѣка. Велъ онъ себя смирно и тихо, любилъ покушать и спалъ за троихъ. Занятія съ Аѳонюшкой подвигались крайне туго, хотя Иванушка, видимо, напрягалъ всѣ свои силы. Нужно было видѣть ихъ вмѣстѣ, и только тогда объяснялась политика старой „баушки". Однажды мы сидѣли и пили вечеромъ чай. Окно во дворъ было открыто. Миропея Михайловна взглянула на него и знакомъ пригласила меня тоже посмотрѣть. Картина была, дѣйствительно, оригинальная: въ тѣни у крыльца сидѣлъ прямо на полу Иванушка и, видимо, лѣзъ изъ кожи, чтобы прочитать безъ ошибки какое-то мудреное слово; изъ-за его плеча выглядывало личико Аѳонюшки, серьезное и сосредоточенное не по лѣтамъ. Дѣвочка держала себя совсѣмъ какъ большая и даже походила на маленькую старушку.

— Слава Тебѣ, истинному Христу! — набожно прошептала Миропея Михайловна, широко вздохнула, перекрестилась и вытерла навернувшуюся непрошенную слезу.—Въ бороздинскую кровь пошла дѣвчурка-то...

IV.

Въ раскольничьихъ дѣлахъ Миропея Михайловна всегда принимала самое живое участіе, а въ послѣднее время посвятила себя имъ окончательно. Да и было надъ чѣмъ поработать: расколъ извнѣ и изнутри подвергался самымъ разрушительнымъ вѣяніямъ.

— Развѣ жизнь по нынѣшнимъ временамъ?—роптала старушка, покачивая головой.—Только маются да себя обманываютъ... Вонъ какую штуку укололи наши-то займищенскіе съ городскимъ банкомъ вашимъ; слышалъ, поди?

— Мелькомъ слышалъ. Это о Митрофановѣ?

— Да, о Митрофановѣ... Нашъ вѣдь онъ, Митрофановъ-то, займищенскій старожилъ, старообрядецъ тоже. Ну, было у него кожевенное заведеніе въ Займищѣ и торговлишка въ городу. Хорошо... Только какъ-то попалъ онъ въ городскую управу да въ банкъ. Сидѣлъ-сидѣлъ тамъ и придумалъ штуку: давай займищенскихъ мужиковъ нашихъ соблазнять, чтобы они домишки свои въ банкъ закладывали, а ужъ я, дескать, своимъ-то помогу. И началась потѣха... Приходитъ мужикъ въ банкъ и закладываетъ свой домишко, кто за

двѣсти, кто за четыреста, а кто и за всю тысячу рубликовъ. Митрофановъ всѣхъ нахваливаетъ, какъ самыхъ справныхъ мужиковъ, а самъ вмѣсто денегъ-то и разсчитываетъ ихъ своими кожами, да еще по своей цѣнѣ. Сколь же онъ ни хитеръ, прости Ты меня, Господи!.. Выискался же такой песъ... Ну, наши-то займищенскіе и позакладывали своихъ потроховъ тысячъ на восемьдесятъ. Легкое мѣсто сказать!.. Ну, выкупить нечѣмъ, процепты нести въ банкъ тоже нечѣмъ,—и пошли все продавать съ укціону. Продавали-продавали, да едва тысячъ шесть набрали... Деньги-то мужики размотали, домовъ лишились, да и посиживаютъ теперь ни у чего. Скажи ты мнѣ, ради истиннаго Христа, слыханое это дѣло, а?.. Положимъ, Митрофанова судили, лишили правъ и сослали куда-то въ хорошее мѣсто, а все-таки наши займищенскіе захудали для его воровства, какъ послѣдніе нищіе. Это какъ по-твоему?..

— Очень некрасиво вышло...

— Ужъ на что некрасивѣе, милушка А главное, мужики—что̀ ни на есть самые простые—и тѣ на разныя хитрости поднялись; вотъ бѣда-то гдѣ наша! Диви бы были они ученые какіе, образованные тамъ, а то просто все народъ отъ пня. Да и вездѣ это пошло, на всякіе манеры поднимаются: одинъ домъ застрахуетъ да выжжетъ, другой несостоятельнымъ себя объявитъ, третій просто украдетъ здорово живешь... Охъ, тошнехонько и говорить-то!.. А все оттого, что ослабѣлъ народъ, шататься началъ изъ стороны въ сторону да искать, гдѣ ему легче... Вишь, всѣмъ за разъ тяжело стало, точно прежде не жили... Да еще какъ жили-то! Ужъ нынче ли не жить, кажется: слава Богу, до всего, кажется, свободно, а вотъ ты поди, потолкуй съ народомъ-то...

Старушка часто возвращалась къ этой темѣ и постоянно иллюстрировала ее новыми подробностями.

— Прямо, послѣднія времена наступаютъ,—нѣсколько разъ повторяла она въ заключеніе.—Чего же еще намъ ждать-то остается?.. Прежде мы все православныхъ корили за ихніе поступки, а нынче и наши старообрядцы въ отличку пошли: одинъ лучше другого стараются сдѣлать.

Уральскій раскольничій міръ за послѣднее время, дѣйствительно, переживаетъ самую пеструю полосу всяческихъ напастей, преимущественно внутренняго характера. Возникли нелады, мятежъ и свара немалые, а „сталось развратное прекословіе, неукротимое разсѣченіе и рознь даже до драки“. Первыя сѣмена раскола на Уралъ занесены безпоповщиной и были особенно утверждены выгорѣцкими выходцами и кержаками; поповщина явилась послѣ, но также утвердилась на Уралѣ и даже перевысила безпоповщину. Затѣмъ наступило междусвященство, и опять старчество забрало прежнюю силу, чему способствовала царившая между раскольничьими попами вражда и крайне соблазнительное поведеніе. Въ самое послѣднее время жестоко схватились между собой екатеринбургскіе раскольничьи попы Трефилій и Іоаннъ, такъ что эта „пря“ вызвала пріѣздъ на Уралъ самого Савватія, епископа тульскаго и пермскаго. Но Савватій не умиротворилъ, а еще больше подлилъ масла въ пылавшій огонь раздора, потому что сталъ на сторону Іоанна, отринувъ Трефилія, какъ черноризца; между тѣмъ послѣдній пользовался особенными симпатіями паствы. Однимъ словомъ, совершился великій соблазнъ, множившій новыя раздѣленія и свары.

Миропея Михайловна хотя душой и тяготѣла къ своимъ возлюбленнымъ старцамъ, но въ то же время сильно болѣла всѣми неустройствами и рознью пріемлющихъ священство.

— Всѣ, миленькій, отъ одного корня-то пошли,—говорила старушка и укоризненно качала головой.—Прежде этого не было... Нехорошо! Охъ, какъ

это нехорошо!.. Старики вздорятъ да тянутся промежду себя, а молодые въ сторону глядятъ. Какой-то совсѣмъ равнодушный народъ нынче пошелъ... Нельзя сказать, чтобы тамъ въ православные уходили, а такъ какъ-то, все имъ равно. Не стало прежняго прилежанія къ своему, Божье дѣло пустѣетъ.

Но самымъ больнымъ мѣстомъ старушки были тѣ секты, которыя народились и нарождаются на Уралѣ. Этого нельзя было объяснить ни равнодушіемъ къ Божьему дѣлу ни отпаденіемъ; выходило что-то такое совсѣмъ особенное, не подходившее ни подъ какія рамки. Миропея Михайловна просто отказывалась понимать цѣлую полосу народившихся религіозныхъ вѣяній, потому что эти послѣднія „новины“ казались ей хуже самаго заклятаго никоніанства.

— Воистину пестрая вѣра пошла!—съ какимъ-то ужасомъ говорила Миропея Михайловна.—Какіе-то „пахтеи“ завелись, бѣгуны эти самые, хлысты... Охъ прости Ты, Господи, наши великія согрѣшенія! А то вонъ въ Невьянскомъ заводѣ еще лучинкова вѣра завелась... Сказываютъ, ребятъ воруютъ да лучинками до смерти затыкиваютъ, чтобы кровь для причастія добыть.

— Все это сказки, Миропея Михайловна. Невьянскіе лучинковцы тѣ же бѣгуны и дѣтей крадутъ, чтобы воспитать гдѣ-нибудь въ лѣсу, вотъ какъ вашъ Иванушка.

— Знаю, что басни, только иногда сумлѣніе возьметъ; вонъ какой нынче откатной народъ пошелъ!

Мнѣ особенно часто приходилось встрѣчать въ послѣднее время въ бороздинскомъ домѣ какого-то высокаго мужика, который, очевидно, имѣлъ большое дѣло до старушки. Онъ всегда смиренно сидѣлъ въ углу на стулѣ и выглядывалъ исподлобья; по костюму въ немъ сразу можно было узнать заводскаго „мастерка“.

— Это еще что̀ у васъ за мужикъ?—спросилъ я Миропею Михайловну.

— Такъ, мужичокъ одинъ...—уклончиво отвѣчала старушка, строго собирая свои сухія губы.—Изъ Коробковскаго завода онъ будетъ,—ну, иногда забредетъ по пути. Надоѣлъ до смерти: самый сумлительный мужичонка и упрямый... Господь съ нимъ совсѣмъ!..

Видимо, что этотъ гость былъ изъ непріятныхъ, и старушка сильно волновалась послѣ каждаго его визита. Однажды я зашелъ къ ней въ разгаръ очень непріятной сцены: Миропея Михайловна бѣгала съ несвойственной ея возрасту быстротой по комнатѣ, размахивала руками и, видимо, сильно горячилась, о чемъ свидѣтельствовали красныя пятна, выступившія у нея на лицѣ; мужикъ стоялъ у окна и смотрѣлъ, по обыкновенію, въ сторону, а при моемъ появленіи сейчасъ же вышелъ изъ комнаты, не простившись ни съ кѣмъ. Миропея Михайловна отъ волненія долго не могла выговорить ни одного слова, пока я не принесъ ей воды.

— Что̀ у васъ такое случилось тутъ?—спросилъ я, когда старушка немного успокоилась.

— А вотъ видѣлъ мужичка-то? Такъ вотъ этотъ самый мужичокъ жилы изъ меня тянетъ!.. Онъ изъ неплательщиковъ, секта такая есть въ Коробковскомъ заводѣ. Только эти неплательщики женъ своихъ не хотятъ знать, дѣтишекъ—тоже, и все шлются на какую-то четырнадцатую статью горнаго устава, будто тамъ все это обозначено, т.-е. и насчетъ податей, чтобы не платить, и относительно женъ, чтобы ихъ не считать за настоящихъ женъ.

— Ничего тамъ нѣтъ такого, Миропея Михайловна, да и быть не можетъ.

— И я тоже говорю. Ну статочное ли это дѣло, чтобы начальство такой законъ написало! А вотъ поди, потолкуй съ ними: уперлись объ эту

четырнадцатую статью, какъ быки въ стѣну—и не своротишь. Да и всѣ Евангеліе на русскомъ языкѣ читаютъ, а старыхъ нашихъ книгъ и знать не хотятъ, тоже вотъ двуперстія... Это какъ по-твоему?

V.

Весной мнѣ нужно было по одному дѣлу съѣздить по недавно открытой Уральской желѣзной дорогѣ въ Пермь. Движеніе только-что открылось, и поѣздъ былъ биткомъ набитъ публикой, спѣшившей перебраться въ россійскую сторону. Я взялъ билетъ третьяго класса и сейчасъ же послѣ перваго звонка постарался занять мѣсто въ вагонѣ „у окошечка“ Публика совалась съ узлами и дорожными принадлежностями изъ вагона въ вагонъ, отыскивая мѣста получше. Происходили неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ недоразумѣнія и пререканія изъ-за мѣстъ, публика ссорилась, ворчала, на скорую руку прощалась съ провожавшими родственниками и знакомыми и вообще сильно волновалась. Напротивъ меня на скамьѣ помѣстился неизбѣжный „купецъ“, безъ котораго вы не обойдетесь ни на одной желѣзной дорогѣ или на пароходѣ. Такой купецъ непремѣнно занимаетъ три мѣста и отстаиваетъ ихъ всѣми правдами и неправдами, пока не наткнется на какого-нибудь зубастаго оберъ-кондуктора. „Купецъ“ вездѣ забралъ большую силу и располагается на желѣзныхъ дорогахъ и на пароходахъ, какъ у себя дома, а вся остальная публика служитъ только нѣкоторымъ дополненіемъ къ нему Мой купецъ былъ достойнымъ представителемъ своего сословія и держалъ себя съ большимъ апломбомъ, обложившись кругомъ мѣшками и подушками, точно крѣпость въ осадномъ положеніи. Рядомъ со мной—тоже купецъ, тоже занялъ два мѣста и тоже отбивался отъ осаждавшей публики.

— Занято мѣсто... нельзя-съ!.. Проходите дальше...

— Да у васъ цѣлыхъ три мѣста!

— Это женино мѣсто-съ, а тутъ дитю... пожалуйте дальше-съ!.. Въ слѣдующемъ вагонѣ даже пустота...

Довѣрчивые пассажиры тянули къ несуществовавшей пустотѣ, а купцы переглядывались и хихикали. Послѣ второго звонка показалась какая-то женщина съ мѣшкомъ въ рукахъ, и я въ ней узналъ сразу Миропею Михайловну.

— Мѣста ищете, Миропея Михайловна?

— Мѣста... Ахъ, да я и не признала васъ сразу-то! Заморилась совсѣмъ, все обзаведеніе обошла, и нигдѣ не пускаютъ...

— Садитесь вотъ сюда,—указалъ я мѣсто рядомъ съ собой.

— Занято-съ... дитю придетъ,—попробовалъ защититься купецъ.

— Нѣтъ. ужъ, пожалуйста, оставьте свои фокусы, ваше степенство... Это моя родственница.

— Сродственница? Ну, такъ пожалуйте-съ, мадамъ, а я, значитъ, напротивъ васъ сяду вотъ къ нимъ... По двое на лавочкѣ и будетъ!..

Старушка опустила на скамью свой кожаный мѣшокъ и какъ-то безнадежно посмотрѣла кругомъ, какъ ребенокъ, котораго „закружили“ и у котораго все вертится въ глазахъ. Она была одѣта по-дорожному, въ старую лисью шубку и въ тяжелую, теплую шаль. Помѣстившись на лавочкѣ, Миропея Михайловна истово перекрестилась сама, перекрестила окно вагона и даже купцовъ.

— Вы не въ первый ли разъ по желѣзной дорогѣ?—спросилъ я.

— Въ первый, голубчикъ... не бывала сроду, а вотъ привелъ Господь. Не думала, не гадала, а довелось. До смерти я напугалась: иду по ваго-

намъ-то, а сама думаю: вотъ раздавятъ... Иду, да про себя молитву творю. Охъ, согрѣшила я, грѣшная...

— А далеко вы собрались?

— Я-то? Ужъ не спрашивай, голубчикъ... Сама не знаю, куда ѣду. Сказываютъ, языкъ до Кіева доведетъ... Въ Москву пробираюсь; не знаю, какъ Господь донесетъ.

— А какъ же вы съ Аѳонюшкой-то разстались?

— Да вѣдь нѣту у меня Аѳонюшки-то, голубчикъ...

— Какъ такъ?

— Еще передъ Рождествомъ по осени умерла моя голубушка...

Старушка вытерла скатившуюся слезу и замолчала. Въ это время поѣздъ двинулся, и она торопливо начала креститься, боязливо посматривая въ окно, которое застилало клубами чернаго дыма.

— Охъ, страсть какая!.. — зашептала Миропея Михайловна съ непритворнымъ ужасомъ.—Батюшки, какъ бы не расшибло... Больно ужъ стучитъ, да и дымъ этотъ... Ежели бы знала, такъ ни въ жисть не поѣхала бы... Да, по осени, голубчикъ, преставилась моя Аѳонюшка... только не совсѣмъ будто правильно. Помнишь Иванушку-то? Ну, отъ него и въ землю пошла моя касаточка... Чуть вѣдь онъ ее до смерти не убилъ, едва живую отняли. Ну, извѣстное дѣло, много ли ребенку нужно... измялъ онъ ее, какъ медвѣдь. По осени-то въ огородѣ у меня уборка шла—картофель копали, лукъ рѣзали. Я сама-то въ подпольѣ копаюсь, а Иванушка съ Аѳонюшкой въ огородѣ овощь собираютъ. Только такъ что-то у меня съ самаго утра сердце давило... Ну, я, нѣтъ-нѣтъ, да и загляну въ огородъ. Все было ничего, а тутъ прихожу, да такъ и помертвѣла вся... Иванушка-то завалилъ Аѳонюшку въ борозду придавилъ ее колѣномъ да и душитъ. Господи, такъ у меня со страсти даже ноженьки подкосились... Не помню, какъ я ее вырвала у него; а Аѳонюшка вся синяя изъ лица-то, и пѣна на губахъ. Ахъ, грѣхъ какой!.. А Иванушка на меня тоже остребенился: я отъ него съ Аѳонюшкой, онъ за мной; да вѣдь я едва ушла отъ него! Страшный такой, глаза кровяные, трясется... Ну, отводилась я съ Аѳонюшкой и спрашиваю, что̀ у нихъ такое вышло. Аѳонюшка и говоритъ: „Ничего, баушка... Я посмѣялась надъ Иванушкой, что у него картофель хуже, а онъ меня и принялся душить. Дальше ужъ не помню“... Сильно онъ повредилъ ее тогда,—грудку измялъ, горлышко издавилъ; ну, она, Аѳонюшка-то, и начала чахнуть. Какъ свѣча таетъ... Все покашливать начала по ночамъ, нехорошо таково покашливать, да и преставилась.

— А сколько ей лѣтъ было, вашей Аѳонюшкѣ-то?—спросилъ одинъ изъ купцовъ, переглядывавшихся во время этого разсказа.

— Да тринадцатый годокъ пошелъ бы на зимняго Николу.

— Такъ-съ... А изъ себя какъ она была?

— Да что̀ же, дѣвочка-дѣвочкой... ребенокъ совсѣмъ.

— Нда-съ... случается-съ, ежели недосмотръ. Надо было освидѣтельствовать...

Миропея Михайловна только теперь поняла, куда гнулъ купецъ, и вся вспыхнула: это подозрѣніе оскорбило ее до глубины души, и она только прошептала:

— Что̀ вы, что̀ вы, Господь съ вами!.. Ребенокъ, ангельская душа...

— А Иванушку-то вы въ судъ предоставили?—спросилъ второй купецъ.

— Да вѣдь странненькій... какъ представлять-то?.. Не отъ ума...

— Ну, ужъ это вы совсѣмъ напрасно-съ, мадамъ... Нужно было прямо въ окружной, тамъ бы все разобрали.

— Нѣтъ ужъ, милушка, Господь насъ миловалъ отъ судовъ, а на суды и безъ насъ много охотниковъ-то... Меня вѣдь надо было судить-то, мой недосмотръ. Ужъ легче бы на душѣ, кабы такой судъ гдѣ былъ, а то теперь вотъ все и думаю да мучаюсь про себя. Два года выжилъ Иванушка-то у меня, все былъ ничего, тихій такой да покорный...

— Они, подлецы, всѣ на одну колодку! — заявилъ первый купецъ. — Странные-то эти... Все ничего, прихрулится, какъ путный какой, а потомъ и облапошитъ. У насъ этакъ же страшница одна жила, Ѳедосьей звали. Ну, для спасенія души держали, а она, шельма, запонъ кожаный у повозки срѣзала да и убѣжала съ нимъ... Это прежде странные-то будто точно что бывали, а по нонѣшнимъ временамъ... не такія времена, мадамъ!..

Поѣздъ мчался по холмистой равнинѣ, которая идетъ отъ Екатеринбурга къ Невьянску. Далѣе мѣстность все повышается и за Кушвой вступаетъ въ настоящую горную область. По сторонамъ мелькали небольшія лѣсистыя горки, торфяныя болота, полосы воды и тамъ и сямъ работавшіе старатели.

Въ Невьянскѣ наши купцы вышли.

— Хорошее было мѣсто!.. — печально замѣтила Миропея Михайловна, поглядывая въ окно на разстилавшуюся картину перваго по времени основанія уральскаго завода.—Много нашихъ старообрядцевъ отсюда вышло. Ну, а теперь то же, что̀ и у насъ въ Займищѣ: умаленіе и пестрота.

— А вы зачѣмъ въ Москву, можно узнать?

— Дѣльце вышло одно, голубчикъ,—отвѣтила старушка, оглядываясь по сторонамъ. — Вышло разрѣшеніе намъ на моленныя, значитъ, можемъ себѣ ставить ихъ; ну, и вездѣ ставятъ по своей силѣ: у васъ въ Екатеринбургѣ, въ Тагилѣ... Еще есть боголюбивые-то народы. У насъ въ Займищѣ тоже надумали моленную, ну, посудили, порядили и вырядили, чтобы нашъ бороздинскій домъ повернуть въ моленную. Въ самой середкѣ онъ стоитъ, осередь жила, да и крѣпко поставленъ... Я даромъ его отдала, потому — куда мнѣ домъ-то. Такъ же стоитъ, а мнѣ одну каморочку—и довольно. Еще вотъ Аѳонюшка-то жива была, такъ забота съ ней, какъ и что̀, а теперь... Ну, а намъ и не разрѣшили, начальство не разрѣшаетъ. Отводятъ мѣсто за жиломъ. Послали въ Питеръ особеннаго ходока. Хлопоталъ онъ тамъ цѣльную зиму и пишетъ, что расходовъ много, и что, главное, надобно сдѣлать какому-то чиновнику ужинъ съ французинкой... ей-Богу!.. Пятьсотъ цѣлковыхъ на ужинъ-то проситъ. Вотъ я и поѣхала сама, чтобы безъ французинки поужиналъ-то... Надо послужить міру и нашей сестрѣ. Только ѣду я, голубчикъ, а сердце у меня не лежитъ ни къ чему... даже весьма это грѣшно. Какъ умерла Аѳонюшка, точно во мнѣ что̀ оборвалось и точно я себѣ-то чужая стала... Послѣдняя вѣточка отъ Бороздинскаго роду была, и та изгибла. Да и старой вѣрѣ, видно, тоже конецъ приходитъ, хоть тамъ и моленныя разрѣшили: не стало прежняго... пестрота началась.

Странно было слушать эти рѣчи подъ грохотъ мчавшагося поѣзда, да и сама Миропея Михайловна чувствовала это, съ тоской поглядывая на проносившіяся мимо насъ синія дали. Все было кругомъ новое, все торопилось жить,—одна она оставалась въ сторонѣ, съ глазу на глазъ со своимъ старымъ горемъ, отъ котораго ни уйти ни уѣхать, а главное—незачѣмъ было больше жить... Что̀ можетъ быть страшнѣе этого?

Изъ своей поѣздки въ Москву старушка не вернулась: она умерла гдѣ-то дорогой.

1885.

СОКРАТЪ ИВАНЫЧЪ.

Глава изъ романа „Желѣзный голодъ“.

I.

...Сократъ Иванычъ страшно волновался уже цѣлыхъ двѣ недѣли. Вся петербургская главная контора Загорскихъ заводовъ тоже волновалась и по той же причинѣ, именно—старика заводовладѣльца Иннокентія Павлыча Мутнова разбилъ параличъ, и ждали его единственнаго наслѣдника Павла Иннокентича, который проживалъ бо̀льшую часть своего времени за границей. „Старикъ“ Иннокентій Павлычъ совсѣмъ не былъ старикомъ, — ему только исполнилось пятьдесятъ лѣтъ, но, благодаря широкой барской жизни, онъ представлялъ собою ходячую развалину. Выписанный изъ-за границы знаменитый докторъ, которому заплатили за визитъ двадцать пять тысячъ, осмотрѣлъ больного, покачалъ головой и сказалъ:

— Вы только напрасно бросили ваши деньги, вызывая меня. Этому человѣку нужно было умирать восемь лѣтъ тому назадъ...

Заграничная знаменитость не стѣснялся и говорилъ это при больномъ, который смотрѣлъ на него непонимающими глазами и бормоталъ:

— Пэ-пэ-пэ!..

Сократъ Иванычъ, въ качествѣ близкаго человѣка, присутствовалъ при этой сценѣ, и его душили слезы. „Господи, за что такое божеское попущеніе? Ужъ, кажется, Иннокентій Павлычъ не дѣлалъ ли добра—и вдругъ все кончено. Добрѣйшей души былъ человѣкъ, а тутъ хуже несмысленнаго младенца. А все эти заграничные дорогіе доктора довели... Чуть что̀—и сейчасъ за границу. Охъ, ужъ эта заграница, унесла она много вѣку у Иннокентія Павлыча. Кажется, здоровьемъ Богъ не обидѣлъ, — когда въ полку служилъ, всѣ остзейскіе бароны удивлялись его здоровью, потому какъ могъ цѣлую недѣлю пить безъ просыпу, а потомъ ледяную ванну приметъ и опять какъ стеклышко. Да, была сила, кажется, вѣкъ бы ея не изжить... Конечно, впослѣдствіи времени, когда Иннокентій Павлычъ перешли на одну русскую водку, они сразу начали жирѣть и достигли восьми пудовъ вѣса, — такъ что̀ же изъ того? Бываютъ господа и еще поувѣсистѣе. Ну, а тамъ отъ театра много Иннокентій Павлычъ перетерпѣли, можно сказать, настоящую муку принимали—и француженки, и балетчицы, и наѣздницы изъ цирка“.

Съ другой стороны, жалѣя „старика“, которому служилъ всю жизнь, какъ служилъ его отцу на уральскихъ заводахъ, Сократъ Иванычъ разсчитывалъ что-нибудь получить на свою долю отъ новаго барина, который въ заводскихъ дѣлахъ, конечно, ни въ зубъ толкнуть. Считая себя самымъ близкимъ человѣкомъ къ Иннокентію Павлычу, какимъ онъ былъ въ дѣйстви-

тельности. Сократъ Иванычъ имѣлъ полное основаніе разсчитывать, что будетъ какъ бы по наслѣдству пользоваться благоволеніемъ и новаго заводовладѣльца.

„Куда же онъ безъ меня-то?—думалъ Сократъ Иванычъ, перебирая въ умѣ свои заслуги „старику“.—Молоденекъ еще, въ настоящій разумъ не вошелъ, да и не господское это дѣло, чтобы разную черную работу дѣлать“.

Завѣтной мечтой Сократа Иваныча было попасть въ почетные опекуны или что-нибудь въ этомъ родѣ, неотвѣтственное, безконтрольное и всесильное. До сихъ поръ судьба къ нему благоволила. Отецъ Сократа Иваныча былъ простой заводскій фельдшеръ, влачившій самое жалкое существованіе благодаря запою. Сократъ Иванычъ выдвинулся своими рѣдкими способностями еще въ заводской школѣ, откуда его по протекціи заводскаго управляющаго помѣстили въ гимназію, а изъ гимназіи онъ уже самъ пробрался въ университетъ, гдѣ и кончилъ юридическій факультетъ. Съ университетскимъ дипломомъ въ карманѣ ему, конечно, вездѣ была скатертью дорога, но онъ вернулся на родной Уралъ и на своихъ заводахъ началъ прохожденіе службы, переходя съ мѣста на мѣсто по лѣстницѣ довольно сложной заводской іерархіи. Всѣ эти ступеньки, въ сущности, не вели ни къ чему, какъ понималъ и самъ Сократъ Иванычъ, но онъ выплылъ на свѣжую воду, когда пришлось ликвидировать заводское крѣпостное право. Онъ сразу сдѣлался крупной силой, потому что обставилъ такими непроходимыми западнями уставную грамоту, что и до сихъ поръ заводское населеніе ведетъ нескончаемую тяжбу о землѣ. За этотъ подвигъ Сократъ Иванычъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ представленъ лично самому Иннокентію Павлычу, который ни разу не бывалъ на своихъ уральскихъ заводахъ. Въ представленіи заводскаго населенія владѣлецъ заводовъ былъ чѣмъ-то въ родѣ полубога, и даже Сократъ Иванычъ испытывалъ какой-то суевѣрный страхъ, когда представлялся ему въ первый разъ. Этотъ страхъ усиливался особенно тѣмъ, что здѣсь всѣ говорили только по-французски, а онъ дальше грамматики не пошелъ.

— Много слышалъ о васъ... да...—шепеляво говорилъ Иннокентій Павлычъ, тогда еще молодой, но уже обрюзглый отъ полноты человѣкъ.—Да, много... Мнѣ будетъ пріятно работать вмѣстѣ съ вами... да.

Близкими людьми къ владѣльцу тогда были одинъ остзейскій баронъ и польскій графъ безъ титула. Насколько добродушно отнесся самъ владѣлецъ къ своему заводскому самородку, настолько высокомѣрно встрѣтили его эти приспѣшники. Они даже не подавали ему руки, и Сократъ Иванычъ сразу понялъ, какую борьбу ему придется вынести съ этими случайными людьми.

Попавъ въ Питеръ, Сократъ Иванычъ потянулъ новую лямку. Вся контора косилась на него, какъ на выскочку, и приходилось имѣть дѣло со сплоченнымъ годами, дружнымъ врагомъ. Много было непріятностей и каверзъ, пока Сократъ Иванычъ преодолѣлъ все и крѣпко сталъ на ноги. Онъ одѣвался по-провинціальному и прикидывался простачкомъ, котораго только телята не лижутъ. Именно эта уловка и производила самое выгодное впечатлѣніе на Иннокентія Павлыча, который, хлопая вѣрнаго раба по плечу, любилъ говорить:

— Самородокъ ты у меня, Сократъ Иванычъ... да... настоящій самородокъ!..

Сократъ Иванычъ носилъ старомодные длиннополые, съ узкими рукавами, высокой таліей и широкимъ воротникомъ сюртуки, пестрые бархатные жилеты и повязывалъ шею черной косынкой, брился каждый день и зачесывалъ волосы по-старинному—височками. За обѣдомъ онъ ѣлъ рыбу съ ножа, бралъ соль пальцами, крошилъ въ супъ хлѣбъ и шампанское закусывалъ со-

леным огурцом. Последнее приводило Иннокентія Павлыча въ восторгъ, и онъ показывалъ своимъ гостямъ уральскаго самородка, какъ рѣдкость. Нужно сказать, что Сократъ Иванычъ никогда не унижался передъ своимъ владыкой и вообще держалъ себя съ большимъ достоинствомъ. Въ конторѣ онъ скоро сдѣлался силой, такъ что недавніе враги стали заискивать передъ нимъ и скоро почувствовали на себѣ его тяжелую руку. Но Сократу Иванычу контора совсѣмъ не была нужна; у него были другіе планы и мысли, слишкомъ далекіе отъ канцелярской работы.

Благодаря протекціи владѣльца, Сократъ Иванычъ сдѣлался извѣстнымъ и въ „сферахъ". Съ нимъ начали совѣтоваться по заводскимъ дѣламъ настоящія особы, дѣльцы и даже ученые люди. Послѣднимъ шагомъ было его появленіе въ ученыхъ обществахъ, гдѣ трактовались вопросы отечественной промышленности и гдѣ составлялись всевозможныя ходатайства. Сократъ Иванычъ и здѣсь не потерялся, хотя и считалъ нужнымъ скрывать полученное имъ университетское образованіе. Онъ говорилъ по-сибирски на „о" и любилъ уснащать рѣчь народными поговорками. Орудовавшіе здѣсь представители науки совсѣмъ не знали провинціи, и Сократъ Иванычъ для нихъ сдѣлался незамѣнимымъ, золотымъ человѣкомъ, тѣмъ болѣе, что онъ всегда точно пряталъ самого себя, оставляя ученымъ людямъ пріятную увѣренность, что они додумались до всего своимъ собственнымъ умомъ. Онъ никуда не лѣзъ, не втирался, не искалъ протекціи, не домогался вліятельныхъ связей, а шелъ по своей собственной дорогѣ спокойно и увѣренно, какъ работаетъ хорошо налаженная машина. Кончилось тѣмъ, что Иннокентій Павлычъ началъ гордиться своимъ самородкомъ и слѣпо вѣрилъ каждому его слову. И Сократъ Иванычъ не обманулъ этого довѣрія, потому что отъ чистаго сердца работалъ въ интересахъ процвѣтанія фамиліи Мутновыхъ.

— Это мой Ришелье,—говорилъ про него Иннокентій Павлычъ.—Ужъ онъ вывезетъ изъ всякой бѣды... Другого такого человѣка не найти.

Въ скромной дѣятельности Сократа Иваныча была прямо блестящая эпоха, именно—въ разгаръ промышленнаго прогресса Россіи, когда возсіяли желѣзнодорожные концессіонеры и нарождались всевозможныя акціонерныя общества, банки и предпріятія, какъ грибы послѣ дождя. Это былъ великій промышленный праздникъ, когда изъ ничего создавались милліоны. Приглашали и Сократа Иваныча на этотъ пиръ, но онъ скромно отказался.

— Гдѣ ужъ намъ съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ. Со своими-то дѣлишками дай Богъ управиться...

А дѣлишки у Сократа Иваныча были не маленькія. Послѣ эмансипаціи, когда отошла даровая живая рабочая сила, нужно было ее чѣмъ-нибудь замѣнить и замѣнить такъ, чтобы милліонный дивидендъ Иннокентія Павлыча не умалился ни на одну іоту. Послѣднее было слабостью Сократа Иваныча. Тамъ, гдѣ-то далеко на Уралѣ, дѣлались сокращенія, урѣзки, тысячи мелочныхъ прижимокъ, а здѣсь, въ Петербургѣ, получался желаемый милліонъ ежегоднаго дохода. Сократъ Иванычъ все предусматривалъ, все предвидѣлъ, и на все у него было свое средствіе, хотя и приходилось трудненько. Нужно было замѣнить расходъ на живую заводскую силу чѣмъ-нибудь новымъ. Сократъ Иванычъ понималъ, что онъ, какъ одинъ человѣкъ, безсиленъ, и что нужно было создать артель, какъ онъ называлъ синдикаты. Конечно, дѣло было нелегкое, потому что свои уральскіе заводчики тянули кто въ лѣсъ, кто по дрова, и приходилось тащить ихъ чуть не за волосы.

Въ самый критическій моментъ, когда Сократъ Иванычъ готовъ былъ прійти въ отчаяніе, выручили его американцы, которые привезли въ Нижній

на ярмарку листовое кровельное желѣзо по 1 р. 20 к. за пудъ, тогда какъ уральское не могло продаваться дешевле 4 руб. Американское дешевое желѣзо произвело настоящую панику среди уральскихъ горнозаводчиковъ и поневолѣ сплотило ихъ. Результатомъ этого получилась та высокая пошлина на заграничный чугунъ, благодаря которой пудъ чугуна, стоившій въ Лондонѣ 14 копеекъ, въ Петербургѣ стоилъ 1 рубль. Разница въ этихъ цѣнахъ оставалась въ карманахъ уральскихъ горнозаводчиковъ, что̀ дѣлалось въ интересахъ преуспѣянія русскаго горнаго дѣла, потому что „Россія для русскихъ". Въ переводѣ это покровительство заводчикамъ означало то, что русскій народъ ежегодно долженъ былъ выплачивать заводчикамъ minimum двадцать милліоновъ рублей—„ни пито—ни ѣдено", какъ выражался Сократъ Иванычъ.

II.

Года за три до паралича Иннокентія Павлыча, въ русскомъ заводскомъ дѣлѣ произошелъ неожиданный крутой переворотъ, котораго не предвидѣлъ даже Сократъ Иванычъ. Вышло такъ, что китайской стѣной пошлинъ на привозимый изъ-за границы чугунъ они не только не обезпечили себя, а даже послужили на пользу заграничной конкуренціи. Хитрый иностранный человѣкъ перевелъ свои капиталы въ Россію, настроилъ на югѣ заводовъ и преспокойно началъ откладывать въ свой бездонный, заграничный карманъ заграничную пошлину, увеличивая производство съ невѣроятной быстротой. Даже вѣрившій всему, что̀ скажетъ Сократъ Иванычъ, Иннокентій Павлычъ замѣтилъ ему:

— А вѣдь того, Сократище, мы собственно для нихъ поработали... а? Они въ наши готовыя сани сѣли, да и поѣхали... Теперь они уже вырабатываютъ столько, сколько мы вырабатываемъ при всѣхъ нашихъ привилегіяхъ, при даровой землѣ, лѣсахъ и водяныхъ двигателяхъ, при фабрикахъ, созданныхъ еще даровымъ крѣпостнымъ трудомъ, а черезъ десять лѣтъ будутъ вырабатывать втрое больше нашего и сожрутъ всю заграничную пошлину. Такъ я говорю?

— Да-а... вообще...—бормоталъ Сократъ Иванычъ.—А мы что-нибудь придумаемъ...

Звѣзда Сократа Иваныча пошла къ закату, чего не желалъ замѣчать только онъ одинъ. Въ петербургской конторѣ уже чуть не въ глаза смѣялись надъ нимъ, особенно главный заводскій юрисконсультъ Мировичъ, человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія, выросшій у него подъ носомъ совершенно незамѣтно, какъ вырастаютъ новые зубы. Когда Иннокентія Павлыча хватилъ параличъ, юрисконсультъ при всѣхъ сказалъ всесильному Сократу Иванычу:

— Ну, ваша пѣсенка спѣта, многоуважаемый... Вы создали въ Россіи желѣзный голодъ, а придется его расхлебывать ужъ другимъ.

Сократу Иванычу пришлось вынести въ жизни много, и онъ только улыбнулся. Очень ужъ смѣлъ юрисконсультъ—видно, изъ молодыхъ, да ранній... Не такихъ фендриковъ обламывали. Обиднѣе всего было то, что на сторонѣ юрисконсульта были всѣ служащіе въ конторѣ, чего, какъ опытный служака, Сократъ Иванычъ, конечно, не могъ не замѣчать. Но у него уже выработалась логика избалованнаго счастьемъ человѣка, и онъ отнесся къ общественному мнѣнію своего заводскаго муравейника свысока. Поболтаютъ и перестанутъ. Даже на юрисконсульта Сократъ Иванычъ не могъ разсердиться по-настоящему, потому что тотъ умѣлъ говорить все въ какомъ-то шутливомъ тонѣ.

„Погодите, вотъ пріѣдетъ молодой баринъ, тогда увидимъ...—думалъ про себя упрямый старикъ.—Легкое-то перо поверхъ воды плаваетъ...“

Но все-таки Сократъ Иванычъ волновался, особенно, когда молодой баринъ извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ не его, а контору. Иннокентій Павлычъ, когда уѣзжалъ на теплыя воды, никогда такъ не дѣлалъ.

Время тянулось ужасно медленно, хотя, кажется, терпѣнію можно было научиться при безалаберномъ Иннокентіи Павлычѣ, у котораго всегда было семь пятницъ на недѣлѣ. Вотъ такъ же напишетъ, что выѣзжаетъ завтра, а потомъ и жди его. Сократу Иванычу случалось дежурить на варшавскомъ вокзалѣ по цѣлымъ недѣлямъ.

Можно себѣ представить изумленіе старика, когда ему доложили, что молодой баринъ пріѣхалъ.

— Когда пріѣхалъ?!.

— Да ужъ, почитай, дня съ три,—отвѣтилъ его собственный секретарь.

— Три дня?!. Не можетъ быть...

— Вѣрно-съ, Сократъ Иванычъ...

— Какъ же меня не извѣстили?

— Баринъ устали съ дороги и приказали никому не говорить о своемъ прибытіи. Даже въ конторѣ никто не зналъ-съ... Въ томъ родѣ, какъ инкогнито.

Сократъ Иванычъ полетѣлъ въ контору. Оказалось, что тамъ всѣ знали, когда пріѣхалъ владѣлецъ, а юрисконсультъ Мировичъ замѣтилъ:

— Что̀ же тутъ особеннаго, Сократъ Иванычъ? Съ каждымъ поѣздомъ люди пріѣзжаютъ изъ-за границы, и я не разъ пріѣзжалъ... Очень просто.

— Да, да...—бормоталъ растерявшійся старикъ.—Конечно, бываетъ... Иннокентій Павлычъ тоже пріѣзжалъ... да. Случается...

Самые маленькіе служащіе, еще недавно трепетавшіе передъ всесильнымъ Сократомъ Иванычемъ, теперь хихикали надъ нимъ, даже не закрывая ротъ ладонью. Крышка Сократу Иванычу...

Новый владѣлецъ, во избѣжаніе безпокойства, остановился не въ собственномъ домѣ на Васильевскомъ островѣ, а въ Европейской гостиницѣ, что̀ показалось Сократу Иванычу кровной обидой. Что̀ же это такое въ самомъ дѣлѣ, точно пріѣхалъ какой-то бѣдный родственникъ, который не знаетъ, куда ему голову преклонить. Сократъ Иванычъ отправился прямо изъ конторы въ Европейскую гостиницу и попросилъ доложить о себѣ. Вышелъ англичанинъ-камердинеръ, презрительно оглядѣлъ его съ ногъ до головы и даже не удостоилъ отвѣта, хлопнувъ дверью подъ самымъ носомъ Сократа Иваныча. Оставалось только вытолкать его, Сократа Иваныча, въ шею...

— Господи, что̀ же это такое?—застоналъ онъ.—Это... это... Всю жизнь вѣрой и правдой служилъ... И вдругъ...

Сократъ Иванычъ послалъ свою визитную карточку и получилъ ее обратно.

— Никого не велѣно принимать,—докладывалъ лакей.—Они еще изволятъ почивать...

— Да вѣдь сейчасъ скоро два часа?

Сократъ Иванычъ написалъ письмо и не получилъ отвѣта.

Свиданіе состоялось только черезъ нѣсколько дней. Молодой владѣлецъ написалъ самъ Сократу Иванычу, что ждетъ его вечеромъ, въ девять часовъ. Когда Сократъ Иванычъ пріѣхалъ, то былъ непріятно изумленъ, что у Павла Иннокентича сидитъ Мировичъ, и что, слѣдовательно, не можетъ быть настоящаго, серьезнаго разговора.

— Ахъ, очень радъ,—говорилъ Павелъ Иннокентичъ, пожимая руку Сократа Иваныча.—Я хорошо помню васъ... Прежде вы носили усы... да?

— Нѣтъ, не случалось, Павелъ Иннокентичъ.

— Ну, такъ баки или что-то въ этомъ родѣ...

Павелъ Иннокентичъ имѣлъ наружность заграничнаго комми-вояжера и по-русски говорилъ съ сильнымъ акцентомъ. Изъ наслѣдственныхъ признаковъ оставалась одна барская шепелявость, усиленная вставными зубами. Мировичъ смотрѣлъ на Сократа Иваныча со своей обычной улыбкой. Старикъ про себя обругалъ его прохвостомъ, который успѣлъ забѣжать впередъ и предупредилъ его.

— Да, радъ...—повторялъ Павелъ Иннокентичъ, рѣшительно не зная, что̀ ему говорить съ главнымъ уполномоченнымъ отца.—Рѣшительно, я помню васъ... Тогда вы не выпускали изо рта сигары.

— Сроду не курилъ, Павелъ Иннокентичъ.

— Да? Значитъ, у васъ такой видъ, какъ будто вы постоянно курите сигары.

Разговоръ получался совсѣмъ шуточный, какъ обыкновенно говорилъ Мировичъ. Сократъ Иванычъ тоже не зналъ, что̀ ему говорить. Выручилъ Мировичъ, который со свойственнымъ ему нахальствомъ проговорилъ:

— А мы только передъ вами, Сократъ Иванычъ, вели бесѣду съ Павломъ Иннокентичемъ о нашемъ русскомъ желѣзномъ голодѣ...

— Именно... да!—подхватилъ, обрадовавшись, Павелъ Иннокентичъ.—Вѣдь вы, Сократъ Иванычъ, если можно такъ выразиться, были однимъ изъ авторовъ этого голода...

— Помилуйте, куда ужъ мнѣ,—скромно отказался Сократъ Иванычъ, отмахиваясь рукой.—Поумнѣе насъ найдутся въ Санктъ-Петербургѣ люди... Старался—это было, ничего не жалѣлъ.

— Знаю, знаю...—перебилъ его владѣлецъ.—Въ прошломъ году, по вашему предписанію, было составлено на моихъ заводахъ пять тысячъ протоколовъ по части этихъ... этихъ... ну, какъ они по-русски называются?

— Покосы и лѣсныя росчисти...—поправилъ Сократъ Иванычъ.—Собственно, намъ они не нужны, но нужно было нарушить право давности владѣнія заводскихъ мастеровыхъ... Намъ отъ этихъ протоколовъ одинъ убытокъ. Спеціальнаго адвоката наняли... гербовыхъ марокъ сколько истрачено...

— Одной бумаги истрачено сто стопъ,—прибавилъ Мировичъ.—Это тоже чего-нибудь сто̀итъ... чернила... Адвокатъ свои сапоги износилъ.

Сократъ Иванычъ замолчалъ, огорченный до глубины души этимъ шутовствомъ.

— Нѣтъ, поговоримте серьезно, — началъ Павелъ Иннокентичъ, чистя свои ногти щеточкой.—Да, серьезно... Я знаю положеніе нашихъ заводскихъ дѣлъ и... и не желаю себя обманывать. Наше положеніе вполнѣ критическое, т.-е. уральскихъ заводчиковъ, и мы стоимъ на краю обрыва. Не правда ли? Скажу больше: мы собственными руками создали себѣ конкурентовъ. Я знаю, Сократъ Иванычъ, что вы серьезно и плодотворно поработали въ этомъ направленіи... Нашу пошлину преспокойно кладутъ въ карманъ южно-русскіе горнозаводчики, а потомъ они достигнутъ перепроизводства и будутъ играть на пониженіе желѣзныхъ цѣнъ. Кажется, я выражаюсь ясно? Намъ съ ними трудно будетъ конкурировать, вѣрнѣе сказать—невозможно, потому что за нихъ всесокрушающая сила европейскаго капитала. Не трудно предвидѣть и близящійся результатъ, т.-е. полное обезцѣненіе нашихъ уральскихъ горныхъ заводовъ...

— Нѣтъ, ужъ это вы позвольте...—вступился Сократъ Иванычъ, забываясь, что перебиваетъ „самого“.

— Позвольте досказать...—мягко остановилъ его Павелъ Иннокентичъ.— Для чего обманывать себя? Наступаетъ эпоха желѣзнаго голода самихъ заводчиковъ, т.-е. на Уралѣ. Пока мы не создали себѣ счастливыхъ конкурентовъ на югѣ, мы были въ цѣнѣ, какъ единственные производители желѣза, а теперь роли перемѣнились. Но это еще цвѣточки, а ягодки впереди,— нашимъ конкурентомъ явится вся Сибирь, которая до сихъ поръ служила для насъ рынкомъ. Мы потеряли всѣ до одного южные рынки, а сейчасъ теряемъ Сибирь...

Павелъ Иннокентичъ говорилъ совершенно спокойно, продолжая чистить ногти. Сократъ Иванычъ хотѣлъ что-то возразить, но былъ остановленъ.

— Позвольте, я доскажу свою мысль... Мнѣ кажется, что мы упустили удобный моментъ, когда можно было продать заводы.

— Продать?!—въ ужасѣ спросилъ Сократъ Иванычъ, не вѣря собственнымъ ушамъ.

— Да, продать,—отвѣтилъ спокойно Павелъ Иннокентичъ, не глядя на Сократа Иваныча.—Страшнаго въ этомъ ничего нѣтъ... Вещь самая обыкновенная. Конечно, продать не такъ, какъ продаютъ лошадь, а предварительно устроить акціонерную компанію и т. д. Понимаете?

— Но вѣдь заводы посессіонные, Павелъ Иннокентичъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло... Это тормозитъ развитіе настоящаго русскаго желѣзнаго дѣла, и въ этомъ смыслѣ мы должны были дѣйствовать сейчасъ же послѣ эмансипаціи, когда всякій мужикъ получилъ землю. О, тогда была эпоха широкихъ экономическихъ перспективъ, а для государства какихъ-то несчастныхъ тридцать милліоновъ десятинъ—пустяки...

— Совершенные пустяки,—подтвердилъ Мировичъ, раскуривая сигару.

Сократъ Иванычъ хотѣлъ что-то опять возражать, но у патрона явился сонный видъ, и аудіенція кончилась.

— Въ другой разъ какъ-нибудь мы кончимъ бесѣду,—заявилъ онъ, щупая свои виски.—Да, въ другой... У меня невралгія.

Это была принятая имъ манера избавляться отъ надоѣдливыхъ людей. Когда дверь за Сократомъ Иванычемъ затворилась, Павелъ Иннокентичъ понюхалъ какого-то спирта, улыбнулся и весело проговорилъ по-французски:

— Что̀ я такое говорилъ сейчасъ этому старому дураку?

— Ничего, все правильно,—успокоилъ его Мировичъ.—Необходимо его подтянуть съ перваго раза... Въ сущности, въ немъ сейчасъ столько же нужды, сколько въ гниломъ зубѣ, который только мѣшаетъ.

III

Сократъ Иванычъ вернулся домой въ совершенно оглушенномъ видѣ, точно его ударили обухомъ по головѣ. Онъ понялъ теперь, почему Мировичъ говорилъ, что его пѣсенка спѣта. Да, все было кончено. Вѣроятно, его мѣсто при новомъ владѣльцѣ и займетъ вотъ этотъ самый прохвостъ Мировичъ. А сколько было трудовъ, хлопотъ, непріятностей, чтобы Мутновы получали съ заводовъ свой милліонъ дохода. Сократъ Иванычъ, въ буквальномъ смыслѣ, выжималъ его изъ заводовъ, высчитывая каждую копейку. Онъ былъ преданъ безгранично своимъ владѣльцамъ, сохранялъ въ крови то крѣпостное право, въ которомъ родился. Это былъ добровольный рабъ, не щадившій ничего, чтобы только возвеличить своихъ патроновъ.

И вдругъ—нѣтъ ничего, точно оступился въ яму.

— Продать заводы... акціонерная компанія... — бормоталъ Сократъ Иванычъ, шагая по своему кабинету.

Старикъ понималъ, что ему не зачѣмъ самому итти къ новому владѣльцу, и что нужно выждать время, когда онъ одумается и самъ его призоветъ. Конечно, призоветъ... Въ этомъ случаѣ Сократъ Иванычъ,—нужно отдать ему справедливость,—меньше всего думалъ о самомъ себѣ. Что ему—есть у него и свой домишко на Петербургской Сторонѣ, за который по случаю заплачено семьдесятъ тысячъ, есть дача въ Павловскѣ, есть на черный день и маленькія деньжонки — тысченокъ триста. Дѣтей у него не было, а была только одна жена Анфуса Даниловна, изъ своихъ уральскихъ. Для двоихъ за-глаза всего хватитъ.

„Ничего мнѣ не нужно, — съ тоской думалъ отвергнутый патрономъ старикъ.—А для заводовъ могъ бы поработать, и еще вотъ какъ поработать... Да, куда угодно пошелъ бы къ другимъ заводчикамъ, и сейчасъ бы назначили тысченокъ тридцать въ годъ“.

Но развѣ можно измѣнить Мутновымъ? Сократъ Иванычъ не могъ себѣ представить, какъ заводское дѣло могло итти безъ его руководства. Конечно, стоитъ ему только уйти, какъ все пойдетъ черезъ пень-колоду. Земля-то вѣдь подъ заводами, въ сущности, казенная, и заводское населеніе давно хлопочетъ о надѣлѣ. И дадутъ надѣлы... Тогда Павелъ Иннокентичъ вотъ какъ вспомнитъ Сократа Иваныча... Придетъ да еще въ ножки поклонится. А теперь какой разговоръ: продать.

Цѣлый мѣсяцъ Сократъ Иванычъ ждалъ, ждалъ и думалъ, и наконецъ придумалъ. Это было утромъ. За утреннимъ чаемъ онъ нѣсколько разъ повторялъ:

— Желѣзный голодъ... хе-хе! Вотъ я вамъ покажу, какой бываетъ желѣзный голодъ... да-съ.

Жена смотрѣла на него удивленными глазами, ничего не понимая. Она, вообще, ничего не понимала въ его дѣлахъ, да и не интересовалась ими.

— Чему ты радуешься-то?—спросила она.

— А радуюсь потому, что весело... хе-хе!.. Придумалъ одну веселенькую штучку... Только я къ этому форсуну, Павлу Иннокентичу, не пойду. Шалишь... Вотъ тебѣ хомутъ и узда, а я тебѣ не слуга.

Сократъ Иванычъ наскоро одѣлся и отправился къ старому барину, у котораго уже не былъ давненько. Больной, конечно, былъ дома, забытый всѣми. Домашній врачъ еще спалъ, и Сократъ Иванычъ вошелъ безъ доклада. Больной сидѣлъ въ раздвижномъ креслѣ и даже не посмотрѣлъ, кто вошелъ въ комнату.

— Голубчикъ, Иннокентій Павлычъ, вѣдь это я... — говорилъ Сократъ Иванычъ, трогая его за плечо.

Больной повернулся къ нему лицомъ и забормоталъ:

— Пэ-пэ-пэ!..

— Да, да, я самый!..

Придвинувшись совсѣмъ близко и оглядѣвшись осторожно кругомъ, Сократъ Иванычъ заговорилъ, быстро роняя слова:

— А вѣдь я придумалъ штуку, Иннокентій Павлычъ. Теперь, значитъ, крышка всѣмъ этимъ южно-русскимъ заводчикамъ. Будетъ, поиграли... Пора и честь знать.

Больной проявилъ желаніе подремать, и его голова свѣсилась на одинъ бокъ, но Сократъ Иванычъ взялъ его за плечо и заставилъ слушать.

— Пэ-пэ-пэ! — уже сердито бормоталъ онъ, напрасно стараясь освободиться.

— Совершенно вѣрно-съ, Иннокентій Павлычъ, изволили выразиться: мы имъ пропишемъ пэ-пэ!.. И какъ просто все... — Онъ придвинулся еще ближе и прошепталъ больному на ухо:—Вѣдь Россія для русскихъ... да? Мы этихъ южно-русскихъ заводчиковъ и заставимъ принять православіе, да чтобы по два раза въ годъ каждый говѣлъ... Такъ-съ? Народъ все упрямый, ну, они и уберутся въ свою заграницу, какъ тараканы изъ нетопленной избы...

Въ дверяхъ стоялъ докторъ и отчетливо слышалъ все, хотя Сократъ Иванычъ и говорилъ шопотомъ.

„Ну, и этотъ готовъ",—думалъ онъ, поднимая брови.

1899.

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ.

Повѣсть.

I.

Маремьяна Власьевна убиралась на дворѣ и ворчала:

— Тоже, гость называется... И гость свое время должонъ знать. А мой-то Семенычъ и радъ лясы точить хоть до утра... тьфу!.. Вонъ и дворъ не прибранъ, и овса надо прикупить, и сѣна только-только осталось; а вдругъ обозъ придетъ?.. Съ гостями-то просидишься какъ разъ...

Высокая, рослая и полная женщина, Маремьяна Власьевна не походила на загнанную бабу и напрасно жаловалась на мужа. Такъ, просто хотѣлось поворчать бабьимъ дѣломъ.

Она нѣсколько разъ заглядывала въ окошко чистой половины, гдѣ останавливались проѣзжающіе почище, и видѣла, какъ за большимъ самоваромъ, какіе подаютъ только на постоялыхъ дворахъ, сидитъ все та же компанія: мужъ Гаврила Семенычъ, сосѣдъ Огибенинъ и проѣзжій гость, плотный, немолодой человѣкъ, одѣтый по-городски, въ сѣрое суконное пальто, подпоясанное гаруснымъ шарфомъ.

— И о чемъ, подумаешь, разговариваютъ... тьфу!—ворчала Маремьяна Власьевна, проходя сѣнями въ мелочную лавочку, гдѣ торговала вдовая дочь Душа.

Ей казался подозрительнымъ неизвѣстный гость. Охъ, и нанесетъ худого человѣка, тоже не обрадуешься; а Семенычъ—простъ!

— За водкой не посылали, Душа?—спросила она сердито.

— Гость посылалъ, а только тятенька не пьетъ. Огибенинъ такъ рюмку за рюмкой и хлещетъ.

— Ну, этому въ самый разъ!

Маремьяна Власьевна присѣла на скамеечку и съ жалостью посмотрѣла на дочь. Какая-то она ледащая да нескладная вся и старше своихъ лѣтъ кажется. Ужъ, кажется, голодомъ никто не моритъ, и работа не тяжелая сидѣть въ лавкѣ, а все чахнетъ. Вонъ купчихи или торговки на базарѣ—въ кожѣ мѣста нѣтъ. Напустилъ кто-нибудь на Душу сухоту, не иначе дѣло. Мало ли худыхъ людей на свѣтѣ!

На „чистой половинѣ“, дѣйствительно, шелъ самый оживленный разговоръ. Старикъ Огибенинъ, съ испитымъ хищнымъ лицомъ и жилистой шеей, горячился больше всѣхъ, размахивалъ руками и выкрикивалъ хриплымъ голосомъ:

— Господи, да ежели бы сила-мочь, да всю бы округу перевернули вверхъ дномъ!

Хозяинъ Гаврила Семенычъ держалъ себя солидно и говорилъ сдержанно, поглаживая окладистую темную бороду. Онъ сидѣлъ въ одномъ жилетѣ съ ситцевой рубахой-косовороткой на-выпускъ, какъ носятъ городскіе мѣщане. Худощавый, высокій, съ рѣшительнымъ взглядомъ небольшихъ сѣрыхъ глазъ, онъ производилъ впечатлѣніе именно солиднаго человѣка, видавшаго виды. Даже и чай онъ пилъ какъ-то солидно, не торопясь, аккуратно откусывая сахаръ. Гость былъ купеческой складки, коротенькій, съ заплывшими глазками и гнилыми зубами... Время отъ времени Огибенинъ въ подтвержденіе своихъ словъ обращался къ нему.

— Ужъ Гаврила Семенычъ знаетъ, онъ всю округу наскрозь знаетъ...

— Чего же тутъ не знать? — скромно отзывался Гаврила Семенычъ.— Всѣмъ извѣстно, слава Богу... Кто не знаетъ, отчего разорились Курчаевы? И очень просто... У нихъ золото шло гнѣздовое, а они развѣдку закатили по всей розсыпи шахматомъ. Ну, гдѣ шурфомъ-то угодишь прямо на гнѣздо?.. Бились-бились, денегъ издержали уйму, а подъ конецъ и обезсилѣли. Тыщъ пять проработали, а потомъ едва за пятьсотъ рублей продали пріискъ Мелькову.

— А тотъ близко восьмидесяти тысячъ нажилъ,—дополнилъ гость хозяйскую рѣчь.—Дѣйствительно, дѣло извѣстное... Можетъ, и не хватало-то сотни, другой.

— Вотъ-вотъ! — выкрикивалъ Огибенинъ. — Тоже взять Теленковыхъ... Вѣрное дѣло было, натакались *) на настоящую жилу, а силенки-то и не хватило!

— Ну, у Теленковыхъ особь статья вышла, — остановилъ его Гаврила Семенычъ. — Несуразный человѣкъ самъ-то Ареѳій... Ему все подавай дѣло смаху, а это не манеръ. Золото-то къ рукамъ идетъ тоже, а не зря.

Оказалось, что гость хорошо зналъ и дѣло Теленковыхъ... Справная была семья, а теперь въ конецъ изнищала.

— Подвелъ ихъ Лука Саввичъ Прохоровъ,—объяснялъ онъ, покачивая головой.—Все обѣщалъ помочь, а какъ дѣло коснулось,—онъ сейчасъ, напримѣръ, въ кусты. Теленковы-то и остались на бобахъ.

Маремьяна Власьевна не утерпѣла и вошла въ избу, чтобы послушать, о чемъ говорятъ. По выраженію лица мужа она догадалась, что и онъ относится къ гостю недовѣрчиво. Это ее успокоило. Старуха недолюбливала вообще этихъ проклятыхъ разговоровъ о золотѣ.

— Все-то у васъ золото на умѣ,—проговорила она, не обращаясь лично ни къ кому.—Аники-воины!

— И будетъ золото, кума!..—заплетавшимся языкомъ отвѣтилъ за всѣхъ Огибенинъ. — Ивана Панфилыча Оглоблина забыла? Вотъ такъ же сидѣлъ со мной на лавочкѣ и даже очень горевалъ; послѣдній у тещи вымолилъ четвертной билетъ; а теперь на тройкѣ разъѣзжаетъ, домъ двухъэтажный имѣетъ... Вотъ оно какое золото-то бываетъ!

— Это ему, надо полагать, теща наворожила золото-то, — замѣтилъ съ улыбкой гость. — Не иначе дѣло... Отъ ихняго брата, бабъ, тоже много зависитъ, ежели другой человѣкъ ослабѣетъ и начнетъ бабу слушать.

— А вотъ это ужъ ты напрасно говоришь!—сердито оборвала Маремьяна Власьевна шутливаго гостя. — У мужиковъ-то у всѣхъ одна вѣра: поколь у него деньги, такъ и шире его нѣтъ, и жена ни почемъ; а коль промоталъ деньги—ну, сейчасъ оглобли-то и поворотилъ къ женѣ.

---

*) Натакались—попали, нашли.

Гаврила Семенычъ не вступался въ этотъ разговоръ, а только нахмурился. Не любилъ онъ пустыхъ бабьихъ словъ.

Маремьяна Власьевна отлично знала, что̀ такое значитъ, когда мужъ молчитъ, и ушла.

Весенній день кончался. Гаврила Семенычъ зажегъ жестяную лампочку и молча слушалъ пьяную болтовню захмелѣвшаго Огибенина.

— Эхъ, и нѣтъ же лучше мѣста, какъ нашъ Міясскій заводъ!—повторялъ старикъ, точно кто-нибудь съ нимъ спорилъ. — Вотъ какое мѣстечко Господь уродилъ: направо—золото, налѣво—золото, кругомъ—золото... На̀, получай, ежели у тебя есть умственность! Конечно, Златоустъ городъ, напримѣръ, и Челяба — тоже, а какая имъ цѣна? Такъ, одно званье... По всему Уралу такого угоднаго мѣста не сыщешь, какъ нашъ Міясскій заводъ! Такъ я говорю, Гаврила Семенычъ?

— Говорить все можно,—уклончиво отвѣтилъ Гаврила Семенычъ, поглаживая бороду.—Мало ли золота по Уралу, особливо на сѣверѣ...

— Ахъ, то совсѣмъ даже наоборотъ, Гаврила Семенычъ... — захлебываясь, спорилъ Огибенинъ.—Бывать не бывалъ, а только слухомъ земля полнится. И золото тоже золоту рознь... Возьми теперь въ степѣ золото, ну, Кочкарь—опять свой манеръ, а супротивъ насъ не выйдетъ!

— Получше нашего-то будетъ, — вставилъ свое слово гость.—И даже весьма получше... Въ Кочкарѣ жильное золото работаютъ, казенное, ему и конца-краю не будетъ. Возьмите промысла Подванцева или Екатеринбургскій пріискъ: на сто лѣтъ золота хватитъ. Да... А у васъ кругомъ все розсыпи. Сегодня есть, а завтра—тю-тю!

— Къ казенному золоту большія деньги нужны, — объяснялъ Гаврила Семенычъ.—Чего одна шахта сто̀итъ? А тутъ паровую машину ставь, чтобы воду отливать, тутъ тебѣ бѣгуны и прочее. Большихъ это все тысячъ сто̀итъ.

Разговоръ завязался серьезный, и были разобраны всѣ золотые промыслы южнаго Урала по ниточкѣ, гдѣ, что̀ и какъ. Особенно хорошо были извѣстны ошибки неудачниковъ золотого дѣла.

— Да что̀ тутъ говорить!—заявилъ Гаврила Семенычъ, поднимаясь съ лавки.—Я самъ разъ съ пять зорился на этомъ самомъ золотѣ и могу вполнѣ соотвѣтствовать.

Откуда-то явилась вторая бутылка водки, и Гаврила Семенычъ „разрѣшилъ“. Послѣ двухъ рюмокъ онъ сразу раскраснѣлся.

— Что̀ вы меня учите?—говорилъ онъ.—Ученаго учить только портить... Сами отлично все можемъ понимать и соотвѣтствовать. Тоже на золотѣ выросли сызмальства... Слава Богу, всякихъ народовъ насмотрѣлись вполнѣ достаточно и можемъ понимать, что̀ и къ чему. Всю округу вотъ какъ понимаемъ...

— Ахъ, Господи! — подобострастно выкрикивалъ Огибенинъ. — Ежели, примѣрно, родительскаго дома не пожалѣли, Гаврила Семенычъ...

— А что̀ мнѣ родительскій домъ? — азартно заговорилъ Гаврила Семенычъ, ударивъ себя въ грудь.—Своихъ трехъ домовъ не пожалѣлъ... да! Ежели считать, такъ и не сосчитаешь, сколько тутъ капиталу убито. Однимъ словомъ, зараза!.. Нѣтъ, братъ, я это дѣло вотъ какъ знаю!..

Онъ даже стукнулъ кулакомъ по столу. Гость тоже раскраснѣлся и смотрѣлъ на него прищуренными, улыбавшимися глазами.

— Да, что̀ же дѣлать! Случается... — соглашался онъ, потирая жирной ладонью свою круглую колѣнку.

— Бываетъ?!—уже выкрикивалъ Гаврила Семенычъ.—Конечно, дураковъ учатъ и плакать не велятъ... Вѣрно!.. Ну, а теперь пусть кто-нибудь надуетъ Гаврилу Семеныча Поршнева. Хе-хе!..

II.

Гость остался ночевать.

— Кто онъ такой будетъ?—спрашивала Маремьяна Власьевна мужа.—Откуда взялся?

— А кто его знаетъ,—уклончиво отвѣтилъ Гаврила Семенычъ.—Сказывалъ, что съ Сойминскихъ промысловъ ѣдетъ въ Кочкарь.

— А зовутъ какъ?

— Зовутъ-то Егоромъ Спиридонычемъ Катаевымъ. По торговой части занимается...

— Оно какъ будто и не похоже. Очень ужъ онъ допытывался о нашемъ міясскомъ золотѣ...

— Кто его знаетъ, что̀ у него на умѣ? Сказывалъ, что ѣдетъ куда-то на Балбукъ... Пали слухи, будто башкиры обыскали золото въ верховьяхъ рѣки Бѣлой.

— Вотъ, вотъ!.. Въ самый разъ ему прикачнулась печаль о чужомъ золотѣ!

— Не наше дѣло,—строго остановилъ жену Гаврила Семенычъ.—Мало ли чужестранныхъ народовъ у насъ по золотымъ промысламъ околачивается! Можетъ, у него легкая рука на наше-то золото. Случается... Вонъ екатеринбургскіе купцы какъ поднимаютъ Кочкарь: деньги прямо лопатой гребутъ. Изъ Невьянска тоже и протчіе...

Утромъ на другой день Гаврила Семенычъ поднялся рано, какъ всегда, наскоро напился чаю и ушелъ съ гостемъ на базаръ. Послѣднее опять обезпокоило Маремьяну Власьевну.

А весеннее утро было отличное. Стояли послѣднія числа апрѣля, и снѣгъ вездѣ стаялъ. Начали распускаться вербы и березы. По низинамъ около воды высыпала первая зелень. Улицы въ Міясскомъ заводѣ въ буквальномъ смыслѣ тонули въ грязи, и возы съ кладью приходилось иногда добывать изъ нея бастрыгами и прочимъ дрекольемъ.

— Время-то какое... а?—повторялъ Катаевъ, любовно глядя на далекую линію горъ.—Вода тронулась... Самое время теперь работать на промыслахъ... Огнемъ горитъ работа...

— Это ужъ что̀ говорить,—соглашался Поршневъ.—Вся сила въ водѣ... Такъ, говоришь, обыскали башкиришки золото на Бѣлой?

— Богатое золото, сказываютъ... Въ самой верхотинѣ рѣки, гдѣ она выпадаетъ подъ Чи-Ташемъ.

— Случалось, бывалъ. Это за Теребинскомъ будетъ... Охъ, и народецъ только тамъ живетъ, первые воры на всю округу!

— Ну, и по другимъ мѣстамъ тоже рта не разѣвай, Гаврила Семенычъ! Извѣстно, промыслы...

— Да, случается... Я еще на Кумышакѣ бывалъ, Егоръ Спиридонычъ.

— Ну-у?..

Катаевъ даже остановился. Даже въ лѣтописяхъ Южнаго Урала, гдѣ добыто много золота, пріискъ Кумышакъ являлся чѣмъ-то сказочнымъ.

— Да, былъ... Въ горѣ башкиришки обыскали вотъ какую жилу! Прямо наверхъ вышла. Ну, только башкиришкамъ отъ нея ничего не досталось, по-

тому какъ дача-то приграничена къ Балбуку, значитъ, Базилевскому. Работы поставили кое-какъ,—смѣшно было смотрѣть... Кварцъ-то былъ облѣпленъ золотомъ, точно пчелами. Его толкли прямо въ чугунныхъ ступахъ, и не золото толкли изъ кварца, а кварцъ изъ золота.

— Пудовъ съ десять золота добыли, сказываютъ?

— Около того... А какъ поставили настоящія работы,—шахту ударили, бѣгуны устроили и прочее,—жила сразу изубежилась.

— Расщепилась?

— Да... Много тутъ денегъ даромъ было потомъ-то заколочено, да толку не вышло.

— Это ужъ всегда такъ бываетъ, ежели въ жилѣ видимое золото. Выбрали гнѣздо и прощай! Въ настоящей крѣпкой жилѣ крупинки не увидишь золота...

На базарѣ Катаевъ обошелъ всѣ лавки, гдѣ можно было купить разную пріисковую снасть: ломы, лопаты, кайлы, веревки и т. д. Онъ прицѣнялся къ товару, и видно было, что человѣкъ знаетъ свое дѣло до точности. Поршневъ указалъ ему, гдѣ можно заказать тачки, пріисковыя таратайки, вашгерды, насосы. Въ общемъ всего на прикидку выходило рублей на шестьсотъ съ хвостикомъ, да еще надо было прикинуть провозъ.

— Ну, провозъ-то пустое,—замѣтилъ Катаевъ.—Все равно придется купить штукъ пять своихъ лошаденокъ, три-четыре телѣги,—сами свеземъ.

Прикинувъ все въ умѣ, Поршневъ сообразилъ, что дѣло по расчету подходитъ къ тысячѣ рубликовъ. „Охъ, круглая денежка!..“ Про себя онъ даже пожалѣлъ Катаева. Какъ разъ мужикъ въ петлю головой залѣзетъ, а что будетъ—еще неизвѣстно. Но ему нравилась обстоятельность гостя и какое-то особенное дѣловое спокойствіе. Вотъ такимъ людямъ и золото въ руки... Въ душѣ Гаврилы Семеныча заныло что-то забытое, старое, обидное. Онъ припомнилъ свои личныя неудачи и послѣдовательный рядъ разореній. Конечно, глупъ былъ, не понималъ настоящаго дѣла, да и добрые люди помогли.

Домой съ базара они вернулись только къ обѣду. Гость остался еще на день, чтобы выѣхать завтра пораньше утромъ. За обѣдомъ опять шли разговоры о золотѣ и промысловомъ дѣлѣ.

— Да будетъ вамъ!—ворчала Маремьяна Власьевна.—Слушать-то тошнехонько...

— А ты и не слушай!—рѣзко оборвалъ ее Гаврила Семенычъ, начинавшій сердиться на жену.—Вѣдь никто не неволитъ. У насъ свои разговоры, и не вашего бабьяго ума это дѣло.

Маремьяна Власьевна обидѣлась и замолчала. Но Гаврила Семенычъ разошелся и, стукнувъ кулакомъ по столу, проговорилъ:

— И тѣ дураки, кто вашего брата, бабъ, слушаетъ!.. Да... А я вотъ возьму да вмѣстѣ съ Егоромъ Спиридонычемъ и махну на Бѣлую. Ей-Богу, уѣду!.. Что я тутъ сижу дома, какъ чирей?!. Съ постоялымъ-то и безъ меня управишься; а я, дастъ Богъ...

— Гаврила Семенычъ, голубчикъ, не снимай головы! — завопила Маремьяна Власьевна, бросаясь въ ноги мужу. — Прости глупую бабу на скоромъ бабьемъ словѣ!..

— Ладно, отвяжись!.. Довольно ужъ мнѣ тебя слушать-то. Досыта наслушался... Добрые люди дѣло дѣлаютъ, а я сижу да свою бабу слушаю! А вотъ поѣду—и конецъ тому дѣлу!

Изъ кухни, гдѣ обѣдали, дверь со стеклянным окошечкомъ вела въ лавку, чтобы на всякій случай видно было, что тамъ дѣлается. Когда въ этомъ окошечкѣ показалось испуганное лицо Души, Гаврила Семенычъ окон-

чательно разсвирѣпѣлъ и, оттолкнувъ валявшуюся у его ногъ жену, набросился на дочь:

— А тебѣ что нужно?!. А?!. Да я васъ всѣхъ вотъ какъ распатроню!..

Однимъ словомъ, Гаврила Семенычъ такъ разошелся, что гостю пришлось его успокаивать.

— Перестань грѣшить, Гаврила Семенычъ! И разговоръ-то самый нестоящій... Ну, съѣздимъ, ну, посмотримъ, а тамъ, примѣрно, какъ есть ничего нѣтъ,—ну, съ тѣми же глазами и домой возворотимся. Ты, Маремьяна Власьевна, даже совсѣмъ напрасно безпокоишься... Надо сказать такъ: сейчасъ всѣ рѣки играютъ, а намъ надо переѣзжать черезъ рѣку Уралъ. Положимъ, она въ верхотинѣ даже очень невеличка, и курицы ее въ бродъ перейдутъ; а по веснамъ она вотъ какъ играетъ, когда съ горъ полая, вешняя вода скатится. Не дай Богъ!.. А мостишко дрянной,—по нему, пожалуй, сейчасъ и не проѣдешь.

— Да я ничего, поѣзжайте съ Богомъ!..—со слезами въ голосѣ говорила Маремьяна Власьевна.—Я вѣдь не перечу.

Несмотря на эти умиряющія слова, Гаврила Семенычъ все-таки не могъ успокоиться и тяжело дышалъ. Онъ не вѣрилъ притворному согласію жены. Какъ на грѣхъ, въ самый критическій моментъ, въ дверяхъ показалась голова старика Огибенина. Въ обыкновенное время Гаврила Семенычъ не обращалъ на него вниманія и даже относился къ нему, какъ къ пустому и нестоящему человѣку, а тутъ такъ и набросился, точно родной братъ пришелъ.

— А, старикъ... то-есть въ самый разъ!.. Ахъ, ты, мой милый!..

Обнявъ ничего не понимавшаго Огибенина, Гаврила Семенычъ любовно проговорилъ:

— Вотъ человѣкъ... Господи, да ежели бы ему деньги!.. Такъ говорю, Савва Яковличъ?

— Дѣйствительно, Гаврила Семенычъ... весь изнищалъ... — бормоталъ Огибенинъ. — Можно сказать, превратился въ образъ червя, который одной землей питается...

— Вотъ, вотъ!.. Ничего, старикъ, въ нѣкоторое время ты намъ пригодишься. Егоръ Спиридонычъ, да это такой... такой человѣкъ, который, пряменько сказать, на два аршина подъ землей видитъ. Что подѣлаешь, бѣднота заѣла... Вотъ и пропадаетъ, какъ червь... Мы и его съ собой захватимъ, Егоръ Спиридонычъ! У меня и телѣжка подходящая есть... Заложимъ паречку и махнемъ. Огибенинъ за кучера...

Огибенинъ охотно соглашался со всѣмъ и только опасливо поглядывалъ на Маремьяну Власьевну, которая сидѣла въ сторонѣ на лавкѣ и не вступалась больше въ разговоръ. Она разсчитывала умолить мужа ночью. Они по старинкѣ спали на одной перинѣ, и безъ свидѣтелей легче было говорить. Но Гаврила Семенычъ увелъ гостя на чистую половину, велѣлъ поставить самоваръ, и Маремьяна Власьевна не могла его дождаться.

— Охъ, бѣда бѣдовая!..—плакала старушка.—Головушка съ плечъ...

III.

Утромъ поднялись чѣмъ свѣтъ. Гаврила Семенычъ торопился, точно на пожаръ. Маремьяна Власьевна не утерпѣла и накинулась на него.

— Бога ты не боишься, Гаврила Семенычъ!.. Кто мнѣ предъ образомъ клялся, что въ послѣдній разъ на золото разорился? А ты опять за то же... Все разоришь и всѣхъ по міру пустишь!

Поршневъ собирался молча, не обращая вниманія на жену, что̀ ее окончательно вывело изъ себя. Когда онъ сталъ запрягать въ телѣгу гнѣдого киргиза, она схватилась за узду.

— Не дамъ Гнѣдка!.. Мой Гнѣдко!.. Какая теперь дорога-то, разбойники вы этакіе?.. Въ одинъ день по распутицѣ изведете лошадь...

— А мы другую подпряжемъ, глупая!—спокойно отвѣтилъ Поршневъ.— Гнѣдко въ корню, а въ пристяжкѣ пойдетъ Воронко... Огибенинъ, орудуй!

— Разбойники вы всѣ, вотъ что̀!.. — кричала Маремьяна Власьевна на весь дворъ.—Погубители!..

Катаевъ попробовалъ-было уговорить расходившуюся старуху, но только махнулъ рукой.

— Ты-то къ чему прикачнулся, оборотень?! — вопила она на него. — Откуда тебя нелегкая принесла?.. Чтобы тебѣ ни дна ни покрышки, окаянной душѣ!..

Досталось по пути и старику Огибенину, который спорить и возражать по бѣдности не могъ, а только встряхивалъ головой. Онъ и не радъ былъ, что попалъ въ хорошую компанію, потому что постоянно случалось одолжаться у Маремьяны Власьевны, а теперь и на глаза къ ней не показывайся! Баба характерная, живьемъ съѣстъ, ежели разстервенится.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда выѣхали наконецъ изъ воротъ поршневскаго дома. Маремьяна Власьевна бѣжала за телѣгой по улицѣ и что-то кричала, грозила кулакомъ и вообще неистовствовала, какъ сумасшедшая. Гаврила Семенычъ угрюмо молчалъ. Ему было немножко и совѣстно передъ посторонними людьми и обидно за взбѣсившуюся жену. Что̀ же, кажется, онъ хозяинъ въ своемъ собственномъ дому, и никто ему не смѣетъ указывать...

— Черезъ недѣльку вернемся, — говорилъ Катаевъ. — Еще неизвѣстно, что̀ тамъ...

— Не таковское дѣло, чтобы его навѣрняка дѣлать,—спокойно отвѣчалъ Поршневъ.—Конечно, баба не понимаетъ ничего... Ну что̀ я буду мѣрить овесъ да выдавать сѣно ямщикамъ,—и безъ меня обойдутся. Засидѣлся я дома-то, набаловалъ жену,—вотъ она и дичитъ, какъ оглашенная. Ничего, обойдется...

Въ сущности, дѣйствительно, Маремьяна Власьевна совершенно напрасно такъ безпокоилась. Между Катаевымъ и Поршневымъ даже не было никакого серьезнаго уговора по части золотого дѣла, и своимъ вмѣшательствомъ она только подлила масла въ огонь. Гаврила Семенычъ просто хотѣлъ встряхнуться и подышать свѣжимъ промысловымъ воздухомъ. Сказалась вѣчная промысловая тоска о не дававшемся въ руки счастьѣ. А сейчасъ онъ сидѣлъ въ телѣгѣ и думалъ запавшей въ голову одной фразой: „А что̀, я — не хозяинъ въ своемъ дому? Слава Богу, не домъ меня нажилъ, а я его“.

Весенняя дорога была тяжелая, и на третьей верстѣ сильный коренникъ уже „задымился“ отъ пота.

— Ничего, подберется,—говорилъ Огибенинъ, отвѣчая на тайную хозяйскую мысль Гаврилы Семеныча.—Застоялись у тебя лошади...

Дорога шла на юго-западъ, пересѣкая волнистую равнину, въ глубинѣ которой красиво громоздились горы. Картину портило полное отсутствіе лѣса. А когда-то здѣсь былъ настоящій вѣковой башкирскій „урманъ“, т.-е. непроходимый лѣсъ. Но въ „нѣкоторое время“ онъ былъ безжалостно истребленъ на потребности открытыхъ еще въ „казенное время“ золотыхъ промысловъ, знаменитыхъ по своимъ богатствамъ даже въ лѣтописяхъ Урала. Остатки вѣковыхъ башкирскихъ боровъ были окончательно истреблены самымъ безжалостнымъ образомъ частными золотопромышленниками.

Въ первый день едва сдѣлали верстъ шестьдесятъ и заночевали въ открытомъ полѣ. Поршневъ опять не хотѣлъ, чтобы знали о его поѣздкѣ, и даже отворачивался, когда по дорогѣ кто-нибудь встрѣчался. Узнаютъ и будутъ болтать, что Поршневъ опять поѣхалъ золото искать. Примѣта самая нехорошая. Когда уже были на стану и сидѣли около огонька, подъѣхалъ кто-то верхомъ. Начинало темниться, и Поршневъ не сразу узналъ вершника.

— Миръ на стану, Гаврила Семенычъ!..

— Миръ дорогой!..

— Куды наклался, на ночь глядя?

— А такъ... дѣльце наклевалось... Да это никакъ ты, Артамонъ Максимычъ?

— Около того... Аль не узналъ?

Это былъ знаменитый гуртовщикъ Гусевъ, поставлявшій на промыслы киргизскихъ барановъ и быковъ. Онъ грузно спѣшился, со всѣми поздоровался и особенно пристально посмотрѣлъ на Катаева.

— Изъ подрядчиковъ будете?—спросилъ онъ.

— Да, около этого...

— Коней у насъ угнали, вотъ какой подрядъ выходитъ,—солгалъ Поршневъ.—Ѣдемъ въ Теребинскъ выкупать.

— Дѣло извѣстное... Теребинцы — первые конокрады, почище башкирцевъ будутъ.

Поршневъ чувствовалъ, что Гусевъ не вѣритъ его выдумкѣ, и былъ радъ, когда онъ уѣхалъ.

— Отчаянная башка!—ворчалъ онъ, когда затихъ лошадиный топотъ.—Вѣдь всѣ знаютъ, что онъ съ деньгами ѣздитъ... Ночное время, а въ полѣ одинъ Никола богъ.

Огибенинъ задалъ лошадямъ сѣна и, свернувшись клубочкомъ у огонька, сейчасъ же заснулъ. Катаевъ досталъ изъ внутренняго кармана завернутый въ платокъ кусокъ змѣевика со вкрапленнымъ въ него золотомъ, которое можно было разсмотрѣть простымъ глазомъ. Поршневъ долго разсматривалъ этотъ мудреный камень „со знаками“ и только покачивалъ головой.

— Не случалось такой оказіи видѣть, Егоръ Спиридонычъ... Настоящее жильное золото обязательно въ кварцѣ.

— А кто ему указалъ непремѣнно въ кварцѣ быть? Это—змѣевикъ-камень. Я показывалъ его знакомому штейгеру,—онъ одобрилъ и даже весьма. „Хоть бы,—говоритъ,—песъ да яйца несъ“. У меня заявка сдѣлана ужъ года съ два, да все какъ-то руки не доходили. А вотъ нынче собрался и своего паренька туда послалъ еще передъ Пасхой, чтобы орудовалъ.

— Вязковатъ камень-то, Егоръ Спиридонычъ! Трудно его будетъ изъ породы добывать, да и золото изъ него тоже не скоро выковыряешь.

— Ничего, добудемъ! Жила идетъ вершковъ въ десять ширины...

Опредѣленныхъ переговоровъ и условій раньше не было сдѣлано, и будущіе компаньоны уговорились тутъ же, около огонька.

— Да и какой разговоръ, Гаврила Семенычъ? Моя половина, твоя половина—вотъ и всѣ слова. А тамъ ужъ, что Господь пошлетъ...

Поршневъ долго не могъ заснуть. Его охватывала все сильнѣе и сильнѣе золотая лихорадка, и онъ для собственнаго оправданія перебиралъ въ умѣ десятки именъ тѣхъ счастливцевъ, которые разбогатѣли на золотѣ. Ничего не было, одолжали по десяти рублей, а сейчасъ и рукой не достанешь. Въ то же время ему представлялась плакавшая жена, и Гаврила Семенычъ только подавленно вздыхалъ. Ну что же, дѣйствительно, тогда и клятву

давалъ передъ образомъ и всякія неподобныя слова говорилъ, — было дѣло, только все это дѣлалъ въ отсутствіи ума. И жену Маремъяну Власьевну пожалѣлъ Гаврила Семенычъ. Что же, вѣкъ вѣковали, баба настоящая, сурьезная, все равно, какъ медвѣдица въ дому. Все ухранитъ, сбережетъ, усмотритъ,—ни сипь-пороха не пропадетъ.

Бываютъ ночныя мысли и бываютъ дневныя. Утромъ Гаврила Семенычъ проснулся бодрымъ и веселымъ. Его охватило то особенное настроеніе, которое даетъ только бойкая промысловая жизнь. Да и кругомъ уже все было очень хорошо. Вчера ѣхали цѣлый день по казеннымъ золотымъ промысламъ, гдѣ работы велись точно на парадъ. Зимой снимали верховики, а съ весны начинали работать розсыпи. Конечно, матушка-казна ухватила самые лучшіе куски, но и партикулярные люди не дремали. Поршневъ опытнымъ промысловымъ взглядомъ взвѣсилъ каждую работу и только любовался. Вездѣ золото, и дорога шла по золоту. Сколько лѣтъ работаютъ добрые люди, а золота не убавилось. Да еще мало ли золота лежитъ въ землѣ „на счастливаго"? Только надо умѣть его взять...

За казенными промыслами начиналась площадь частныхъ. Тутъ орудовали неизвѣстные питерскіе люди, которые сами никогда и въ глаза не видали своихъ пріисковъ, а за нихъ орудовали повѣренные, управляющіе и разная пріисковая челядь.

— По золоту ѣдемъ, Егоръ Спиридонычъ! — повторялъ Поршневъ. — Инженеры-то въ бѣлыхъ перчаткахъ только жалованье умѣютъ получать.

На пути попадались глухія башкирскія деревушки, ютившіяся по берегамъ горныхъ озеръ и впадавшихъ въ нихъ рѣчонокъ. Все это была вымирающая, отчаянная голытьба, кое-какъ питавшаяся около золотыхъ промысловъ.

— Фунта земли не пашутъ, — негодовалъ Катаевъ, на глазъ оцѣнивая башкирскую бѣдноту. — Ни съ чѣмъ несообразный народъ... Сдадутъ свою землю въ аренду за расколотый грошъ подъ промысла, да сами же и нанимаются въ работники.

— У него душа короткая, у башкирца,—объяснялъ Поршневъ.—Гдѣ же ему пашню поднимать? Онъ поработалъ день-два, много — недѣлю, и, напримѣръ, сейчасъ расчетъ подавай!

IV.

— Мнѣ нужно заѣхать въ Поляковку, — заявилъ утромъ Егоръ Спиридонычъ, когда Огибенинъ распрягъ лошадей.

Это было въ сторону отъ дороги въ Теребинскъ. Получался крюкъ верстъ въ десять. Да и разговора объ этомъ раньше не было. Поршневъ ничего не сказалъ, хотя ему именно въ Поляковку и не хотѣлось ѣхать, потому что тамъ у него было много знакомыхъ.

— А мы вотъ какъ сдѣлаемъ, — рѣшилъ Катаевъ: — ты поѣдешь, Гаврила Семенычъ, прямо въ Теребинскъ, а пока вы тамъ будете кормить лошадей—я васъ догоню. Дѣльце есть маленькое въ Поляковкѣ, — нужно повидать одного человѣка... Вы меня довезете до Балбука, а тамъ я пѣшечкомъ доберусь.

Балбукъ являлся центромъ громаднаго района, гдѣ сильной рукой работала компанія Базилевскаго. Промысла занимали арендованную у башкиръ землю въ нѣсколько сотъ тысячъ десятинъ. Дѣло было старинное, испытанное и давало вѣрный доходъ. Поршневъ бывалъ на этихъ промыслахъ по разнымъ дѣламъ сотни разъ и зналъ все, какъ у себя въ карманѣ.

Высадивъ Катаева подъ Балбукомъ, Огибенинъ обернулся къ Поршневу и сказалъ:

— Финтюритъ онъ...

— Не наше дѣло, Савва...

Огибенинъ только тряхнулъ головой. Онъ почему-то вдругъ не взлюбилъ Катаева и про себя назвалъ его „темной копейкой“.

До Теребинска было далеко. Дорога шла горами. Пришлось на половинѣ покормить лошадей, умаявшихся по весенней распутицѣ.

— Эхъ, пересобачимъ коней, — жалѣлъ Огибенинъ тяжело храпѣвшихъ лошадей.—По этакой-то дорогѣ только пьяному чорту на свадьбу ѣздить... Тоже понесла нелегкая!

Въ Теребинскъ пріѣхали только подъ вечеръ. Это селеніе красиво залегло на самомъ горномъ перевалѣ. Когда-то давно здѣсь былъ казенный мѣдный рудникъ, и сейчасъ можно было еще видѣть запущенную, обвалившуюся шахту. Теребинцы не пользовались особенно хорошей репутаціей, а славились, какъ завзятые конокрады, переправлявшіе лошадей съ одного склона Урала на другой. Поршневу не разъ случалось бывать здѣсь по дѣламъ. Онъ остановился у одного знакомаго, который сразу догадался, въ чемъ дѣло.

— Катаевскій змѣевикъ пріѣхалъ глодать, Гаврила Семенычъ?.. Его надобно зубами грызть... Никакая снасть не беретъ.

— Такъ, вообще... Полюбопытствовать охота, — условно признавался Поршневъ.—Гдѣ ужъ намъ золото добывать... Просто-то ходимъ, ногой за ногу запинаемся...

Катаевъ пріѣхалъ верхомъ, когда уже на столѣ весело кипѣлъ самоваръ. Онъ былъ веселъ и все время шутилъ.

— Люблю теребинцевъ, — говорилъ онъ, подмигивая. — У нихъ какая вѣра: самъ сытъ—конь голоденъ, конь сытъ — самъ голоденъ... хе-хе!.. Почище башкирцевъ выходитъ...

Поршневъ не любилъ шутовства вообще и молчалъ.

Они переночевали въ Теребинскѣ, а раннимъ утромъ на другой день отправились на „змѣевую жилку“, какъ Поршневъ назвалъ про себя новый пріискъ.

Передъ отъѣздомъ Огибенинъ устроилъ настоящій скандалъ. Когда Поршневъ велѣлъ ему запрягать лошадей, онъ отказался наотрѣзъ.

— И запрягать не буду и коней не дамъ, — заявилъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.—Вотъ тебѣ и весь сказъ...

— Да ты сбѣсился, старый чортъ?!—обругалъ его Поршневъ.

— Сказано: не дамъ. Это ты сбѣсился, а не я...

— Да вѣдь кони-то мои?

— Кони твои, а отвѣчать-то за нихъ Маремьянѣ Власьевнѣ долженъ я...

Сначала Поршневъ вспылилъ, а потомъ одумался. Пришлось взять теребинскихъ лошадей.

— Вы поѣзжайте, а я по колеѣ за вами и пѣшкомъ дойду,—говорилъ Огибенинъ.—Не угоните отъ меня далеко...

Дѣйствительно, угнать было трудно, потому что приходилось ѣхать „въ цѣло“, т.-е. безъ всякой дороги.

— Ничего, пусть пройдется,—шутилъ Катаевъ.—Для аппетиту это весьма пользительно...

Отъ Теребинска ѣхали битыхъ два часа. Здѣсь горы точно перепутались между собой, и приходилось дѣлать объѣзды.

— Зимой то совсѣмъ близко,—утѣшалъ Катаевъ.—А теперь вонъ какъ и настоящую-то дорогу развело...

Новый пріискъ Катаевъ называлъ „Змѣевикомъ“. Онъ залегъ въ горномъ ущельѣ, на берегу безыменной горной рѣчонки. Издали можно было разсмотрѣть нѣсколько новыхъ построекъ—небольшая казарма для рабочихъ, контора, амбаръ для разной пріисковой рухляди, конюшня съ навѣсомъ и т. д. Золотоносная жила „выпала“ прямо въ скалѣ, выступавшей къ рѣчкѣ каменной грудью. Мѣсто было красивое вообще.

— Ну, вотъ мы и дома,—весело говорилъ Катаевъ, когда лошади остановились у самой конторы.—Эй, человѣки, кто есть живъ?

Въ окнѣ конторы показалось очень миловидное дѣвичье личико, улыбнулось и скрылось.

— Вонъ какая у меня птаха приспособлена,—шутилъ Катаевъ.—Татьяной звать..

— А для чего она на пріискѣ живетъ? — спросилъ Поршневъ, нахмурившись.

— А пити кто намъ будетъ варить? Я люблю, чтобы все было въ аккуратѣ...

— Молода, чтобы въ лѣсу-то одной жить...

— Не одна живетъ, а съ добрыми людьми. На что намъ старухъ-то?..

Изъ-подъ навѣса показался бѣлобрысый парень, прихрамывавшій на лѣвую ногу. Онъ даже не поклонился хозяину, а только что-то буркнулъ себѣ подъ носъ.

— Ну, Миша, принимай гостей!.. Какъ у васъ дѣла?

— Два хомута третьева-дни украли...

— А рабочіе гдѣ?

— Ушли ночью. Они хомуты-то сблаговѣстили...

Катаевъ началъ ругаться, а Миша угрюмо смотрѣлъ куда-то въ сторону, не выражая никакого желанія оправдываться.

Контора была выстроена на живую нитку, какъ всѣ пріисковыя постройки, и дѣлилась на двѣ половины; въ большей была контора, а въ меньшей—кухня. Пока Татьяна ставила самоваръ, Катаевъ повелъ показывать жилу. Она проходила неправильной полосой прямо въ камнѣ. Правильной работы еще не было, а только дѣлались пробы въ томъ мѣстѣ, гдѣ прослоекъ змѣевика вспучило и образовался довольно большой желвакъ.

— Это и есть твоя жила? — спросилъ Поршневъ, тыкая палкой въ змѣевикъ.

— Она самая, Гаврила Семенычъ... Змѣевикъ—камень мягкій, хоть зубами его грызи!

— Да, тутъ, дѣйствительно, надо зубомъ выгрызать твое золото, — рѣшилъ Огибенинъ тономъ спеціалиста.—Самый вредный камень... Кварцъ трещину даетъ, ежели его порохомъ или динамидомъ рвать, а тутъ будетъ только воронки вырывать. Я видѣлъ такую-то одну жилу...

Жила не понравилась и Поршневу, но онъ промолчалъ.

Въ конторѣ ихъ уже ждалъ кипѣвшій самоваръ. Татьяна не показывалась, и Катаевъ насильно вывелъ ее за руку.

— Ну, иди, иди, пирожница!.. — уговаривалъ ее Катаевъ. — Покажись добрымъ людямъ.

— Отстань, смола!—довольно сурово отвѣтила дѣвушка, стараясь освободиться.—Ты вотъ постыдись лучше добрыхъ-то людей...

Поршневъ замѣтилъ, что „пирожница“ одѣта была слишкомъ форсисто

для пріисковой стряпки и отвѣчаетъ хозяину неподобно. Однимъ словомъ, нехорошо.

Послѣ чаю, захвативъ разную снасть, отправились дѣлать пробу. Нужно было произвести взрывъ. Огибенинъ и Миша принялись за работу, т.-е. при помощи желѣзнаго лома и молота сдѣлали глубокое отверстіе въ змѣевикѣ. Катаевъ самъ заложилъ въ него пороховой патронъ, провелъ пороховую нитку и заклинилъ наглухо отверстіе. Когда произведенъ былъ взрывъ, слова Огибенина оправдались: вмѣсто трещинъ и кусковъ жилы получилась одна воронка.

Работа шла до самаго вечера, а толку никакого не получилось. Наработался досыта и Гаврила Семенычъ, благо въ охотку было и поработать. Улучивъ минуту, онъ спросилъ Мишу, что̀ это за птаха Татьяна.

— Танька-то?—равнодушно отвѣтилъ Миша.—А такъ, просто, дура...

На другой день работа началась съ ранняго утра. Бились изо всей мочи. „Знаки“ золота были налицо, а жила не поддавалась, точно ее заворожила нечистая сила. У Поршнева все время не выходила изъ головы „птаха“. Красивая дѣвка, нечего сказать, а только неподобное это дѣло, чтобы баловство разводить. Встрѣтивъ ее на крыльцѣ, Поршневъ не утерпѣлъ и сказалъ:

— Нечего тебѣ дѣлать здѣсь, милая... Шла бы ты лучше, по-добру поздорову, домой...

— А ты зачѣмъ сюда пріѣхалъ?—огрызнулась птаха, не моргнувъ глазомъ.—Ступай ужъ ты лучше домой-то: тебя жена вотъ какъ ждетъ...

— Зачѣмъ со старикомъ вяжешься?

— А тебѣ какое дѣло пригрѣло? Очень онъ мнѣ нуженъ, старый песъ... Да я на него и глядѣть-то не хочу, на гнилое дерево.

— Ну и дѣвка!.. Не сносить тебѣ своей головы, Танька!

— Такая ужъ уродилась...

V.

Послѣ отъѣзда мужа Маремьяна Власьевна нѣсколько дней ходила, какъ помѣшанная. Она потихонку отъ дочери плакала и по десяти разъ выскакивала за ворота, когда слышала, что кто-нибудь ѣдетъ. Ей все казалось, что это Гаврила Семенычъ, и даже узнавала побѣжку своихъ лошадей. Но Гаврила Семенычъ и не думалъ возвращаться домой. Дочь Душа тоже не разъ всплакнула, глядя на убивавшуюся мать. Она улучила вечеромъ минутку и сбѣгала къ дядѣ по матери.

— Охъ, не ладно у насъ въ дому!—жаловалась она.—Мамынька слезьми изошла...

Дядя, родной братъ Маремьяны Власьевны, отнесся къ этому случаю довольно равнодушно и отвѣтилъ:

— Что̀ же, не вы первыя, не вы послѣднія черезъ это самое золото слезы льете... Гаврила Семенычъ человѣкъ сосредоточенный и лучше васъ знаетъ, что̀ дѣлаетъ.

Дядя самъ „ходилъ въ штейгерахъ“ на промыслахъ и сочувствовалъ зятю.

Маремьяна Власьевна вызнала на базарѣ про Катаева все, что̀ могли ей сообщить другіе. И какой онъ товаръ накупилъ, и когда товаръ былъ отправленъ, и откуда онъ взялся въ Міясѣ, и гдѣ раньше жилъ. Относительно послѣдняго показанія расходились, но всѣ въ голосъ хвалили его, какъ человѣка обстоятельнаго.

На базарѣ уже знали, куда уѣхалъ Поршневъ, и лавочники подшучивали надъ Маремьяной Власьевной.

— Ужо скоро купчихой первой гильдіи будешь, когда твой Гаврила Семенычъ накопаетъ золота...

— Настоящая купчиха и то, — соглашалась съ горькой улыбкой Маремьяна Власьевна.—Въ самый разъ колачами у васъ на базарѣ торговать...

Мужчины вообще были на сторонѣ Гаврилы Семеныча, а знакомыя торговки отъ души жалѣли Маремьяну Власьевну.

— Рука у него тяжелая на золото, у твово мужа, — судачили бабы. — Ужъ сколько разовъ зорились-то на этомъ золотѣ...

— Охъ, и не говорите, милыя!.. Другимъ и счастье Господь посылаетъ, а намъ одинъ разоръ.

— Денегъ-то много онъ съ собой взялъ?

— Ничего, ничего не знаю... Деньги всѣ у него. Большихъ-то денегъ и нѣтъ, а такъ, про черный день..

Маремьяна Власьевна не договаривала. Она отлично знала, что у мужа на рукахъ было близко „тысячи", и что онъ всѣ ихъ увезъ съ собой. „Еще убьютъ гдѣ-нибудь,—думала она.—Деньги не малыя, вызнаютъ и убьютъ"... На промыслахъ убійства изъ-за денегъ были не рѣдкостью, потому что промысловый народъ отчаянный, съ бору да съ сосенки. Заводскіе свои хороши, а промысловые еще почище...

Прошли мучительныхъ двѣ недѣли. Разъ, поздно вечеромъ, Маремьяна Власьевна хотѣла уже ложиться спать, какъ кто-то постучался въ ворота. Это былъ старикъ Огибенинъ, пріѣхавшій верхомъ. Маремьяна Власьевна обрадовалась ему, какъ родному, и даже расплакалась.

— Голубчикъ ты мой, Савва Яковличъ, а я уже не думала и въ живыхъ васъ видѣть,—причитала она, не зная, куда усадить дорогого гостя. — Ни слуху ни духу о васъ...

— А что намъ сдѣлается? Слава Богу, живы и здоровы... Вотъ меня за порохомъ послали да хомуты новые выправить. А твоихъ лошадей я вотъ какъ берегу, какъ свой глазъ... Не сумлѣвайся!

Чтобы выпытать отъ старика всю подноготную, Маремьяна Власьевна послала за водкой, велѣла разогрѣть старыя щи, сдѣлать яичницу, — однимъ словомъ, пущены были въ ходъ самыя рѣшительныя мѣры.

— Самъ скоро собирается пріѣхать, такъ лучше всего разскажетъ, — пробовалъ уклониться старикъ отъ прямыхъ отвѣтовъ.—Соскучился, говоритъ...

Водка, конечно, сдѣлала свое дѣло и развязала старику языкъ.

— Хорошаго мало, Маремьяна Власьевна... Крѣпко мнѣ наказывалъ Гаврила-то Семенычъ ничего тебѣ не говорить, потому какъ самое у насъ пропащее дѣло. Только понапрасну деньги травимъ... Оно, золото-то, на глазахъ, а въ руки не дается. Сперва-то Гаврила Семенычъ даже совсѣмъ-было отъ него отшатился, хотѣлъ все бросить и ѣхать домой, ну, а потомъ точно приклеился къ этой самой жилѣ. Наняли человѣкъ съ десять рабочихъ и долбятъ жилу съ утра до ночи, какъ дятлы. Оно ужъ очень любопытно: тутъ вотъ оно, золото, на глазахъ, а въ руки не дается. Одного пороху сколько извели... Гаврила Семенычъ все своими руками вотъ какъ старается. Да...

Захмелѣвъ и желая угодить Маремьянѣ Власьевнѣ окончательно, Огибенинъ разсказалъ и про Таньку-пирожницу.

— Ну, мой Гаврила Семенычъ на озорство не пойдетъ, — съ увѣренностью проговорила Маремьяна Власьевна.—А вотъ Катаеву-то и постыдиться можно... Сѣдой волосъ его прошибъ, а онъ пустяками занимается...

— А хороша дѣвушка изъ себя, можно сказать, что всѣмъ взяла, — не унимался Огибенинъ.—И ростомъ, и лицомъ, и карахтеромъ... А я только къ тому о ней завелъ рѣчь, что она вѣдьма... Это она заворожила нашу жилу, не иначе дѣло... Осиновымъ коломъ ее, вѣдьму!..

— Ну, миленькій, тебѣ пора и соснуть. Ступай-ка домой! Тоже, чай, жена-то вотъ какъ ждетъ. Завтра договоримъ...

Появленіе Огибенина немного успокоило Маремьяну Власьевну. У ней явилась надежда, что мужъ подуритъ-подуритъ и броситъ.

— Скажи Гаврилѣ Семенычу поклончикъ,—наказывала она, когда Огибенинъ уѣзжалъ на другой день.—Да еще скажи, что, молъ, жена баньку истопитъ, какъ онъ пріѣдетъ домой. Любитъ онъ у меня въ банькѣ попариться... Пусть пріисковую-то глину отмоетъ.

Поршневъ пріѣхалъ домой совершенно неожиданно, гораздо раньше, чѣмъ его ожидала Маремьяна Власьевна. Онъ пріѣхалъ вечеромъ, когда уже стемнѣло, на парѣ своихъ лошадей.

— Ну, какъ вы тутъ безъ меня живете? — ласково спросилъ онъ жену.

— Ничего, слава Богу, Гаврила Семенычъ! — съ бабьей покорностью отвѣтила Маремьяна Власьевна.—Разъ съ шесть обозы наѣзжали, такъ разные мужички останавливаются... Сѣно сейчасъ дорого и овесъ тоже.

Она представила мужу полный отчетъ за все время, и онъ остался доволенъ.

— Золото ты у меня, а не баба! — похвалилъ Поршневъ жену и по пути приласкалъ Душу, которую всегда любилъ.—Руководствуйте дома, а я...

Онъ не договорилъ и только вздохнулъ. Маремьяна Власьевна замѣтила, что онъ вообще какой-то „туманный". И его какая-то виноватая ласковость тоже ей не нравилась.

— Охъ, не къ добру!.. — думала она, припоминая обычную строгость мужа.

Поршневъ прожилъ дома два дня и все время ходилъ по какимъ-то дѣламъ. Маремьяна Власьевна не закинула ни одного слова объ его дѣлѣ, пока онъ самъ не разговорился.

— Дѣло, что̀ же, надо правду сказать,—не важное... Порохомъ ничего не можемъ взять, ну, попробуемъ динамидомъ. Такъ-то его не продаютъ, а есть у меня дружокъ, казенный штейгеръ, такъ чрезъ него раздобудемся. Порохъ-то въ одну сторону бьетъ, а динамидъ, какъ молонья, во всѣ стороны... Вотъ этакое дѣло выходитъ.

Разсказалъ онъ и про Катаева.

— Мудреный онъ какой-то... Не разберешь. А такъ ничего, дѣло свое знаетъ. Упорный мужичонка, можно сказать... У насъ такое условіе съ нимъ: твоя половина—моя половина. Чтобы, значитъ, никому не обидно. А тамъ, что̀ ужъ Богъ дастъ.

— Лукавый онъ... — замѣтила Маремьяна Власьевна и сейчасъ же пожалѣла, что не сдержала своего бабьяго языка.

Поршневъ только посмотрѣлъ на жену и замолчалъ. Онъ всегда какъ-то нехорошо молчалъ. Было очевидно, что онъ догадался относительно болтовни старика Огибенина.

Передъ отъѣздомъ Поршневъ точно отмякъ. Онъ купилъ на базарѣ два платка и подарилъ ихъ женѣ и дочери.

— Не кто, какъ Богъ... — замѣтилъ онъ вскользь, когда у Маремьяны Власьевны показались на глазахъ непрошенныя слезы.—Все отъ Бога...

Ей такъ много хотѣлось сказать ему, чтобы отошло наболѣвшее сердце,

но говорить было трудно. Ему было жаль жены и тоже хотѣлось сказать много, а ничего не сказалось.

— Ты на меня не сердись,—проговорилъ Поршневъ, когда лошади были уже заложены.—Мало ли что бываетъ...

Она молчала.

— Знаешь, Маремьяна,—прибавилъ онъ неожиданно для самого себя.— Какъ это тебѣ сказать... Однимъ словомъ, выходитъ въ томъ родѣ, какъ будто я боюсь Катаева... И не то, что боюсь, а вотъ онъ посмотритъ на меня—и конецъ тому дѣлу. Точно вотъ я весь чужой дѣлаюсь... И даже не люблю я его, очень даже не люблю, а не могу.

— Кругомъ онъ окрутилъ тебя, Гаврила Семенычъ...

Поршневъ не обидѣлся, а только молча обнялъ жену и тряхнулъ головой. Она хотѣла провожать его до базара, но онъ ее остановилъ.

— Не къ чему... Оставь!

Она не понимала, какъ ему тяжело было уѣзжать. Но его неудержимо тянула какая-то невѣдомая сила къ „Змѣевику“.

На другой день Маремьяна Власьевна узнала, что мужъ набралъ на базарѣ въ долгъ разнаго товара полную телѣгу. Этого она ужъ никакъ не могла понять. Деньги у него были, и должаться не было смысла.

VI.

Привезенный Поршневымъ динамитъ мало помогъ дѣлу. Змѣевикъ не поддавался. Приходилось добывать его ломомъ и кайлами. Въ результатѣ мѣсячной работы получилось едва нѣсколько золотниковъ.

— Ничего, привѣсимся къ дѣлу,—утѣшалъ Катаевъ.—Ужъ очень даже любопытно... Вотъ ежели бы бѣгуны поставить...

— А деньги гдѣ? Бѣгуны на худой конецъ стоятъ тыщи три-четыре...

У Катаева въ головѣ вѣчно сидѣли всевозможные замыслы, и только не хватало денегъ, чтобы приводить ихъ въ исполненіе.

Время шло, и жизнь на „Змѣевикѣ“ изо дня въ день тянулась безъ всякаго разнообразія, какъ и на другихъ промыслахъ, съ той разницей, что онъ былъ совсѣмъ въ сторонѣ, и никто посторонній не заглядывалъ въ эту глушь. Впрочемъ, разъ неожиданно пріѣхалъ гуртовщикъ Гусевъ.

— Былъ въ Теребинскѣ, наслышался чудесъ про вашу жилу и нарочно пріѣхалъ поглядѣть на оказію,—объяснялъ онъ. — Сказываютъ, вы золото-то прямо руками берете...

— Вотъ, вотъ, въ самый разъ, руками,—поддакивалъ Катаевъ.—Не хочешь ли поучиться? А то и насъ поучишь... Ты вѣдь не даромъ всю жизнь по промысламъ маячишь и всего наглядѣлся. Можетъ, и насъ поучишь...

Катаевъ по обыкновенію шутилъ, а вышла совсѣмъ не шутка. Гусевъ внимательно осмотрѣлъ всю жилу и работы и покачалъ головой.

— Эхъ, братцы, не съ того вы конца работу ведете! Надо какъ разъ совершенно наоборотъ...

— Ну, ну, поучи!

— А очень просто: вы самую-то жилу оставьте, а взрывайте пустую породу съ обѣихъ сторонъ. Она и останется у васъ, какъ облупленное яичко.

Этотъ совѣтъ изумилъ и Катаева и Поршнева.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой, вѣдь оно того... дѣйствительно... — бормоталъ Катаевъ, почесывая въ затылкѣ.—Оказали мы себя, Гаврила Семенычъ, вполнѣ лишенными ума... Вѣрное твое слово, Артамонъ Максимычъ. Ежели

по камню-то шарахнуть динамидомъ, такъ тутъ всю гору разворотитъ... Правильно!

Поршневъ тоже не могъ не согласиться съ мнѣніемъ Гусева, хотя уже и не вѣрилъ въ змѣевую жилу.

— Дорогонько обойдется пустую-то породу рвать динамидомъ,—замѣтилъ онъ.—Двойная работа...

— А это ужъ ваше дѣло. Чей возъ — того и пѣсенка, какъ говорится.

— Поступай къ намъ въ компанію, Артамонъ Мамксимычъ, — предложилъ Катаевъ.—Троимъ-то веселѣе...

— Не нашего это ума дѣло... Мое золото по степи гуляетъ да хвостикомъ помахиваетъ.

Поршневу казалось, что Гусевъ пріѣхалъ на „Змѣевикъ“ не спроста, и что у него съ Катаевымъ есть какія-то тайныя дѣла. Въ послѣднемъ онъ скоро убѣдился. По вечерамъ онъ любилъ сидѣть на крылечкѣ. Лѣто было въ разгарѣ и кругомъ было такъ хорошо. Сидя на своемъ мѣстечкѣ, Поршневъ услыхалъ сдержанный разговоръ, доносившійся изъ кухни, и сразу узналъ голоса Татьяны и Гусева.

— Подвелъ меня одинъ пріятель въ Троицкѣ...—разсказывалъ Гусевъ.— Изъ сартовъ онъ... Ну, и раньше съ нимъ дѣла дѣлывалъ, а тутъ забралъ онъ у меня товару близко фунта, да и былъ таковъ...

— Такихъ дураковъ, какъ вы съ Катаевымъ, не такъ еще надо учить... Не горохомъ торгуете!..

— Ахъ, Танюшка, случается и на дѣвушку бабій грѣхъ. Егоръ-то Спиридонычъ вотъ какъ на меня зарычалъ... полтыщи какъ не бывало...

— Денежная бѣда деньгами и раскрывается, а вы-то еще и сами влопаетесь. У Катаева-то отъ старости его лѣтъ совсѣмъ ума не стало...

— Ну, на его вѣкъ хватитъ... да и отъ него останется... Ты-то вонъ какъ за него уцѣпилась, Танюшка...

— Я-то? А мнѣ тошнехонько и глядѣть-то на него... „Духовную, гритъ, напишу и тебѣ, гритъ, Таня, триста рублей откажу...“ А самъ все вретъ, все вретъ...

— Да ты, глупая, возьми да сама и уйди отъ него... Свѣтъ не клиномъ сошелся, Танюшка...

— А ежели я не могу? Моченьки моей нѣтъ... Было дѣло и уходила, а потомъ сама же къ нему и приду, какъ собака... Старый дьяволъ онъ, вотъ что! Какая-нибудь у него есть присушка... За глаза-то я его вотъ какъ терпѣть не могу, а пришелъ, заговорилъ, поглядѣлъ—я точно и сама не своя. И боюсь я его... Не знаю чего, а боюсь... Просто въ другой разъ хоть руки на себя наложить.

Поршнева отъ этихъ словъ точно кипяткомъ ошпарило. Вѣдь и онъ то же самое говорилъ про Катаева своей женѣ. А потомъ онъ отлично понялъ этотъ таинственный разговоръ о „товарѣ“. На промыслахъ товаромъ называютъ краденое золото. Значитъ, и Катаевъ и Гусевъ промышляли по этой части, да и его могли подвести каждую минуту.

— Завтра же уйду!—рѣшилъ Поршневъ про себя.—Тутъ такой бѣды наживешь, что и не расхлебаешься съ ней. Недаромъ Маремьяна Власьевна такъ его не взлюбила съ перваго разу... Ее, братъ, не проведешь!

Но на слѣдующій день Поршневъ остался на „Змѣевикѣ“, проклиная самого себя. Все вышло какъ-то само собой. Онъ даже пробовалъ заговорить съ Катаевымъ по душѣ, но тотъ его предупредилъ.

— А ты не сумлѣвайся, Гаврила Семенычъ!.. Есть и поумнѣе насъ съ

тобой народы, которые ежели подвержены... Грѣхъ-то не по лѣсу ходитъ, а по людямъ.

— Да я что же, Егоръ Спиридонычъ... — бормоталъ Поршневъ съ виноватымъ видомъ.— Сегодня я здѣсь, а завтра ступай на всѣ четыре стороны...

Катаевъ хихикнулъ и, подмигнувъ, проговорилъ:

— Это тебя Гусевъ напугалъ? Хе-хе!.. А я не держу. Волка бояться— въ лѣсъ не ходить.

Въ сущности, Катаевъ говорилъ самыя пустыя слова, на которыя даже и отвѣчать было нечего, но вмѣстѣ съ тѣмъ Поршневъ чувствовалъ, какъ онъ его опутываетъ именно этими пустыми словами, какъ паукъ муху паутиной. Во время разговора, который происходилъ въ конторѣ, Поршневъ инстинктивно оглянулся на дверь въ кухню и увидѣлъ въ ней Татьяну, наблюдавшую его улыбавшимися и въ то же время строгими глазами. О, теперь они понимали другъ друга уже безъ словъ и соединялись невидимо въ общей слабости и въ общей ненависти,—ненавидятъ только безсильные люди.

Тѣмъ дѣло и кончилось, и все пошло своимъ чередомъ. Лѣтомъ Катаевъ уѣзжалъ раза три по какимъ-то дѣламъ, о которыхъ не любилъ говорить, и возвращался черезъ нѣсколько дней усталый, измученный, озабоченный. Оставаясь на пріискѣ одинъ, Поршневъ всячески избѣгалъ Татьяны, которая преслѣдовала его своими строгими, улыбавшимися глазами. Потомъ онъ видѣлъ, что она часто плакала, и разъ, когда онъ проходилъ мимо ея окна, ясно слышалъ ея слова:

— Убить его мало, стараго колдуна...

Въ счетахъ по пріиску Катаевъ отличался большой аккуратностью и выводилъ все до послѣдней копеечки.

— Твоя половина—моя половина,—любилъ онъ повторять при этихъ расчетахъ.—Мнѣ чужого не надо, сохрани Богъ... И своего не отдамъ. Денежка счетъ любитъ.

А денежные счеты все увеличивались. Нужно было содержать десять человѣкъ рабочихъ, четырехъ лошадей, потомъ стоила немало разная пріисковая снасть („безъ снасти и клопа не убьешь", говорилъ Катаевъ), поѣздки, постройки и т. д. Деньги текли незамѣтно, а прибыли было мало. Каждый золотникъ добытаго золота обходился дороже разъ въ десять, чѣмъ за него приходилось получать по ассигновкамъ горной лабораторіи.

Относительно сдачи добытаго золота скоро выяснилось, почему Катаевъ такъ упрямо держится за свой „Змѣевикъ", дававшій въ сущности громадные убытки. На каждомъ пріискѣ ведутся въ самомъ строгомъ порядкѣ пріисковыя книги, въ которыхъ записывается каждая доля добытаго золота, и Катаевъ преспокойно записывалъ въ книгу по „Змѣевику" стороннее золото.

— Это какъ же такъ выйдетъ, Егоръ Спиридонычъ?—рѣшился наконецъ спросить его Поршневъ.

— А вотъ такъ и выйдетъ... Это ужъ не твое дѣло, а у насъ комаръ носу не подточитъ. У меня еще есть пріискъ, подъ Кочкаремъ... А казнѣ-матушкѣ все равно, съ какого пріиска ни получить золото.

— Ну, за это по головкѣ не гладятъ, Егоръ Спиридонычъ.

— И пусть не гладятъ... Слава Богу, не мы первые, не мы послѣдніе. А главное—мораль. Что мы будемъ, какъ дураки, въ пустое мѣсто колотиться изо всѣхъ печеней? Зачѣмъ мы, напримѣрно, будемъ добрыхъ людей смѣшить своей дуростью? Нѣтъ, ужъ лучше я посмѣюсь. Убытокъ убыткомъ, а срамъ зачѣмъ же напрасно принимать?

Поршневъ не могъ не согласиться съ этими разсужденіями, тѣмъ болѣе, что отвѣтственнымъ лицомъ по пріиску являлся одинъ Катаевъ.

На „Змѣевикѣ“ были еще двое, которые не принимали прямого участія въ хозяйствѣ пріиска, но знали все, что̀ его касалось, лучше самихъ хозяевъ,— это „молодецъ“ Миша и Огибенинъ. Они сошлись между собой молча и слѣдили за каждымъ шагомъ своихъ хозяевъ. Миша не любилъ зря болтать, но умѣлъ слушать старческую болтовню Огибенина

— Теперь у нашего Гаврилы Семеныча перевалило, надо полагать, на шестую сотню,—говорилъ старикъ, подсчитывая расходы по пріиску.—А доходу наберется не наберется рублей съ пятьдесятъ...

„Молодецъ“ Миша молчалъ, какъ заколдованный, несмотря на всѣ попытки Огибенина заставить его разговориться. Выведенный этимъ упорнымъ молчаніемъ изъ всякаго терпѣнія, Огибенинъ бросалъ шапку оземь и начиналъ ругаться.

— А вотъ возьму, брошу все и уйду!.. Не глядѣли бы мои глаза на васъ. Что̀ я тутъ болтаюсь, какъ непокаянная душа?!.. Вотъ съ мѣста не сойти, если не уйду...

Миша упорно молчалъ.

Между прочимъ, этихъ людей соединяла всего крѣпче общая ненависть къ Танькѣ-пирожницѣ.

— Змѣя подколодная и вывела на змѣевую жилу!

VII.

Прошло лѣто. Наступила осень, всегда въ горахъ сырая и вѣтреная. На „Змѣевикѣ“ дѣла находились въ прежнемъ положеніи и царило уныніе. Даже рабочіе работали нехотя, какъ на всѣхъ промыслахъ, гдѣ золото идетъ плохо. Нѣкоторые прямо уходили.

— Что̀ намъ на пустомъ мѣстѣ биться?—объясняли они.—Даромъ только хлѣбъ ѣдимъ...

Но Поршневъ не желалъ разставаться съ дѣломъ и рѣшилъ его вести до конца, пока хватитъ силъ. Имъ овладѣло непобѣдимое упрямство. А деньги быстро подходили къ концу, хотя можно было работать до первыхъ заморозковъ. Катаевъ тоже замѣтно подтянулся и неохотно дѣлалъ расчеты, учитывая каждую копейку. Поршневъ понималъ, что онъ это дѣлаетъ только для отвода глазъ, чтобы не платить его поршневской доли, а что деньги у него есть и не маленькія.

„Краденое золото поднимаетъ“,—съ огорченіемъ думалъ Поршневъ.

Съ другой стороны, у Поршнева задѣта была его гордость, именно, что Катаевъ высосалъ изъ него всѣ деньги, а теперь надъ нимъ же и важничаетъ. Скоро будетъ прямо за послѣдняго нищаго считать. Вотъ такъ „твоя половина—моя половина“... Оно такъ и выйдетъ, когда Поршневу придется бросить все дѣло.

„Нѣтъ, погоди, я еще покажу тебѣ, старому чорту!“—про себя ругался Поршневъ.

По-настоящему, когда вылетѣлъ изъ кармана послѣдній рубль, слѣдовало бы вернуться къ себѣ домой и приняться за свое насиженное дѣло. Но Поршнева точно приковала какая-то невидимая сила къ „Змѣевику“. Ему казалось, что еще немного потерпѣть, перемочься, и дѣло наладится. Вернуться домой мѣшало отчасти и то, что всѣ знали о „Змѣевикѣ“, о которомъ ходили самые нелѣпые слухи, и его одолѣли бы разспросами и шуточками.

— Поѣзжай-ка ты, въ самомъ дѣлѣ, домой, Гаврила Семенычъ,—ласково угощивала его Татьяна.—Только даромъ здѣсь путаешься... Пора и честь знать. А дома у тебя полная чаша, самъ большой—самъ маленькій.

— А ты отчего не ѣдешь?

— Ну, мое дѣло десятое... Однимъ словомъ, непокрытая дѣвичья голова, какъ домъ безъ крыши. Некуда мнѣ ѣхать...

Сначала Поршневъ сторонился пирожницы и дѣлалъ видъ, что совсѣмъ ея не замѣчаетъ, а потомъ свыкся и даже любилъ съ ней поговорить. Дѣвушка была умная и съ характеромъ. Она ему нравилась чередовавшимися припадками ласковости и какой-то особенно красивой тоски.

Поршнева на время спасло то, что ударили ранніе заморозки, и работы пришлось прекратить. Ставить теплыя казармы для работъ не хватало средствъ. По окончательному расчету, Поршневъ остался долженъ Катаеву около двухсотъ рублей.

— Я тебѣ къ Рождеству все заплачу,—говорилъ Поршневъ.—Какъ-нибудь сколочусь...

— Знаю, что заплатишь, да я тебя и не неволю,—отвѣтилъ Катаевъ.—Человѣкъ ты обстоятельный и самъ вполнѣ можешь понимать...

Невесело возвращался къ себѣ въ Міясъ Гаврила Семенычъ на парѣ своихъ лошадокъ. Огибенинъ правилъ за кучера и всю дорогу потряхивалъ головой.

Маремьяна Власьевна встрѣтила мужа съ великой радостью и ни однимъ словомъ не заикнулась объ его дѣлахъ. Надо, такъ и самъ скажетъ. Дома все было благополучно. Постоялый дворъ и мелочная лавочка работали хорошо, и Поршневъ получилъ около ста рублей чистой прибыли.

„Катаевскія денежки...—съ горечью думалъ онъ, пересчитывая засаленныя кредитки.—На эту прорву никакихъ денегъ не напасешься...“

И передъ женой ему было совѣстно: вотъ пріѣдетъ Катаевъ и за здорово живешь оберетъ трудовыя, кровныя денежки... По пятачкамъ да по копеечкамъ копила Маремьяна Власьевна свой капиталъ, а онъ пойдетъ прахомъ, какъ вѣтромъ дунуло. Обида взяла Гаврилу Семеныча, и онъ рѣшилъ, когда пріѣдетъ Катаевъ, разсчитаться съ нимъ по-своему. Пусть чувствуетъ кошка, чье мясо съѣла.

Занялся своими дѣлами Поршневъ, и все пошло, какъ по-писаному. Вообще жить было можно, хотя нажива была и небольшая

Прошло около мѣсяца, и Поршневъ отдохнулъ, точно стряхнулъ съ себя налетѣвшее вихремъ увлеченіе легкой наживой. Въ минуту откровенности онъ разсказалъ женѣ все, какъ было. Маремьяна Власьевна даже не убивалась о потерянной тысячѣ рублей да о долгѣ въ двѣсти, а только сказала:

— Твое дѣло, Гаврила Семенычъ... Ты наживалъ деньги, тебѣ и знать, что̀ и къ чему. А я—твоя раба послѣдняя. Что̀ прикажешь, то и буду дѣлать. Вѣкъ вѣковали, и дѣлить намъ нечего.

Очень понравился ему этотъ отвѣтъ жены, и еще разъ сдѣлалось совѣстно, что онъ ее и обижалъ, и скрывался, и обманывалъ. И она же еще жалѣла его, по-хорошему жалѣла, на совѣсть. Съ такой бабой жить, какъ за каменной стѣной. Эта ужъ ухранитъ, сдѣлай милость, и не выдастъ, что̀ бы ни случилось. Правильная баба, однимъ словомъ...

Опять зажили Поршневы душа въ душу. Маремьяна Власьевна опять повеселѣла и опять воротила всё хозяйство. А работы было немало, когда привалитъ обозъ телѣгъ въ сорокъ. Всѣхъ ямщиковъ надо накормить, напоить, обо всемъ позаботиться. А Гаврила Семенычъ самъ пересталъ даже на ба-

заръ ходить, а все поручалъ женѣ. Онъ точно стыдился своей лѣтней прорухи. И знакомыхъ избѣгалъ, а только когда зайдетъ Огибенинъ—ну, посудачатъ вдвоемъ о разныхъ пріисковыхъ дѣлахъ. Выходило такъ, какъ будто ничего и не было.

— Деньги дѣло наживное,—говорила Маремьяна Власьевна къ случаю.— Пришли—ушли... Не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми.

Старикъ Огибенинъ былъ того же мнѣнія, тѣмъ болѣе, что никогда не имѣлъ денегъ, а всю жизнь „околачивался у воды безъ хлѣба“.

Однимъ словомъ, все пришло въ порядокъ, и Маремьяна Власьевна даже начинала забывать эту налетѣвшую вихремъ бѣду, какъ вдругъ, недѣли за двѣ до Рождества, неожиданно пріѣхалъ Катаевъ, да еще вмѣстѣ со своей пирожницей, которую Маремьяна Власьевна сейчасъ же назвала поганкой.

— Не наше дѣло,—замѣтилъ ей Гаврила Семенычъ.—Наше дѣло сторона...

— И все-таки поганка!..—настаивала Маремьяна Власьевна, охваченная неожиданной тревогой.

Гаврилу Семеныча неожиданно выручила безотвѣтная дочь Душа, которая какъ-то сразу сошлась съ пріисковой пирожницей и сдѣлала открытіе, что та уже „на тѣхъ порахъ“, т.-е. беременна, и пріѣхала въ Міясъ „разродиться“. Маремьяна Власьевна сразу осѣла. Какъ не покрыть дѣвичьяго грѣха? А по уральской поговоркѣ, тѣмъ море не испоганилось, что песъ налакалъ...

Судили-рядили на тысячу ладовъ, судачили, бранили стараго грѣховодника Егора Спиридоныча за его баловство, а въ концѣ порѣшили такъ, что надо пирожницу укрыть.

— Сотельный билетъ тебѣ скощу, Гаврила Семенычъ,—говорилъ Катаевъ.—А только сослужи службу... Конечно, грѣшный человѣкъ... совѣстно...

— Это не мое дѣло,—строго отвѣтилъ Поршневъ.—Поговори съ моей женой... Это ихъ, бабье дѣло.

Маремьяна Власьевна и Душа приняли сторону пирожницы. Ужъ очень дѣвушка хороша издалась, и безотвѣтная какая-то, а старый змѣй хитеръ.

— Маремьяна Власьевна, голубушка,—говорилъ Катаевъ, прижимая руки къ сердцу.—Вотъ какъ передъ Богомъ, такъ и передъ тобой... Грѣшный я человѣкъ, дѣйствительно, а только по духовной откажу Танѣ триста рублей... Меня же будетъ вспоминать, старика.

Пожалѣла Маремьяна Власьевна непокрытую дѣвичью головушку и даже оставила ее у себя. Не дорого—не дешево, а купилъ ее скощенными со счета ста рублями. Деньги не маленькія, хотя и виноватъ кругомъ. На дворѣ у Поршневыхъ былъ флигелекъ, и Татьяну туда можно было упомѣстить въ лучшемъ видѣ. Все-таки не звѣрь, а живой человѣкъ. Пса и того жалѣютъ.

Устроивъ свою пирожницу, Катаевъ оставался въ Міясѣ недолго.

— Охъ, дѣла у меня, Маремьяна Власьевна!—повторялъ онъ, качая головой.—Вотъ какія дѣла... Въ томъ родѣ, какъ въ котлѣ кипишь. Можетъ, ты и сердитуешь на меня, а только напрасно: моя половина—твоя половина.

— И не говори, Егоръ Спиридонычъ, — отвѣтила съ бабьей отчетливостью Маремьяна Власьевна.—Не нашего бабьяго это ума дѣло... Говори съ Гаврилой Семенычемъ, а мое—бабье дѣло.

Гаврила Семенычъ все время отмалчивался. Онъ какъ-то вдругъ точно потемнѣлъ. Первая замѣтила это Душа.

— Мамынька, съ тятенькой не ладно... Опять закрутилъ его Егоръ Спиридонычъ.

— Ну, это не твоего ума дѣло, — почему-то сурово отвѣтила дочери Маремьяна Власьевна.

Передъ отъѣздомъ Катаевъ, какъ будто между прочимъ, замѣтилъ Поршневу:

— Ну, Гаврила Семенычъ, ты, значитъ, того... Сколачивайся за зиму-то деньжонками, а весной я опять пріѣду въ гости.

— На „Змѣевикъ“ я не поѣду, Егоръ Спиридонычъ. Ну его...

— И окромя „Змѣевика“ дѣла найдемъ до усовъ...

VIII.

Въ первый моментъ къ предложенію Катаева попытать счастья лѣтомъ еще разъ Поршневъ отнесся очень недовѣрчиво и даже посмѣялся про себя.

„Ишь, какой сахаръ нашелся!.. Закопалъ я на „Змѣевикѣ“ близко тысячи рубликовъ — и будетъ. Очень даже благодарны вамъ, Егоръ Спиридонычъ. Сыты по горло...“

Поршневъ не скрылъ закинутаго Катаевымъ лукаваго словечка отъ жены, и Маремьяна Власьевна страшно перепугалась.

— Да не змѣй ли, прости Господи!..—повторяла она въ ужасѣ.—Вотъ человѣка нанесло на насъ... Погубитель онъ нашъ!

— А ты не бойся, старуха,—утѣшалъ Поршневъ жену.—И мы тоже не лыкомъ шиты... Не на таковскихъ напалъ. Одурачилъ онъ меня тогда, прямѣнько сказать... Въ другой-то разъ и поумнѣе будемъ.

Но Маремьяна Власьевна не успокоилась. Она сердцемъ чуяла неминучую бѣду. Змѣй не отстанетъ, пока не изведетъ въ конецъ всю семью.

Предчувствія не обманули Маремьяну Власьевну. Гаврила Семенычъ началъ потихоньку собирать деньги, гдѣ только могъ. Были кое-какіе долги, и онъ получилъ ихъ съ особенной настойчивостью. Потомъ онъ налегъ на свой постоялый дворъ и торговлю; но тутъ много получить было нельзя. Къ марту онъ едва-едва сколотилъ рублей триста. Пришлось обратиться къ займамъ.

— Что же, получу и отдамъ, — успокаивалъ себя Поршневъ. — Самъ давалъ взаймы...

Но тутъ вышла непріятная исторія. Люди, которые имѣли деньги и могли дать и дали бы еще годъ тому назадъ, теперь точно сговорились и въ голосъ отвѣчали:

— На что тебѣ деньги-то, Гаврила Семенычъ? Слава Богу, кажется, все у тебя есть...

— Оборотецъ надо сдѣлать одинъ... — лгалъ Поршневъ, скрывая свои планы.

Богатые мужики отлично знали, какой оборотецъ на умѣ у Поршнева, но дѣлали видъ, что ничего не подозрѣваютъ. Въ первое время Поршневу было очень трудно просить и обманывать, но потомъ все какъ рукой сняло, лишь бы добыть денегъ. Онъ не постыдился обобрать до нитки старуху-тетку, вѣрившую ему по старой памяти.

— Охъ, Гаврилушка, распослѣднія копеечки тебѣ отдаю,—стонала старуха.—Это у меня смертныя денежки, чтобы похорониться чѣмъ было...

Не легко было Поршневу слушать такія слова, но дѣлать было нечего, приходилось терпѣть.

Въ началѣ апрѣля Катаевъ пріѣхалъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что пріѣхалъ навѣстить Татьяну, а потомъ по пути побывать на „Змѣевикѣ“, гдѣ оставалась разная пріисковая снасть. Поршневъ встрѣтилъ гостя хмуро и почти непривѣтливо, а Маремьяна Власьевна вся почти насторожилась, какъ птица

надъ своимъ гнѣздомъ. Но змѣй сдѣлалъ такой видъ, что ничего не замѣчаетъ. Онъ оказывалъ теперь преувеличенную заботливость по отношенію къ „пирожницѣ“ и подолгу засиживался у нея во флигелькѣ, гдѣ она пока еще жила. Родившійся у нея ребенокъ сейчасъ же былъ отданъ на воспитаніе куда-то въ дальнюю деревню, и дѣвушка страшно тосковала. Она, какъ говорится, не находила себѣ мѣста, и Маремьяна Власьевна искренно ее жалѣла. Когда Катаевъ вошелъ во флигелекъ, Татьяна страшно испугалась. Она вся тряслась и смотрѣла на гостя округлившимися отъ страха глазами.

— А я тебѣ гостинца привезъ, Танюшка,—говорилъ Катаевъ, подавая шелковый головной платокъ.—Вотъ носи да не потеряй...

Она не взяла платка и только отодвинулась подальше отъ гостя.

Потомъ Татьяна побѣжала къ Маремьянѣ Власьевнѣ вся въ слезахъ.

— Убѣгу... убѣгу...—шептала она въ отчаяніи.—Охъ, погубитель онъ мой!..

— Обижаетъ онъ тебя?

— Нѣтъ, никогда не обижалъ... А только боюсь я его до смерти. Онъ ласково-ласково заговоритъ, а я трясусь, какъ осиновый листъ... Теперь зоветъ меня на лѣто въ Кочкарь, — тамъ у него новый пріискъ; а я ему: не поѣду! Ну, а онъ смотритъ на меня и улыбается... Вотъ это самое мнѣ ножъ вострый, когда онъ улыбается. Взяла бы его и на мелкія части растерзала...

— Тебя вѣдь никто не неволитъ, Татьяна, ѣхать съ нимъ... Живи у насъ, дѣло найдется. Хочешь, я съ нимъ сама переговорю...

— Охъ, голубушка Маремьяна Власьевна, ничего не говори!.. Мнѣ же хуже будетъ! Вотъ и сейчасъ я его ругаю, а онъ рукой повелъ—я и пошла за нимъ, какъ овца. Нѣту моей волюшки, точно связалъ онъ меня, старый хрѣнъ...

Дѣвушка и плакала, и смѣялась, и ластилась къ приголубившей ее Маремьянѣ Власьевнѣ. Старуха ее полюбила и за глаза называла „приворотной гривенкой“,—и тиха, и ласкова, и на всякое дѣло быстрая. Этакой-то дѣвушкѣ да пропадомъ пропадать—вчужѣ жаль.

Одно только смущало Маремьяну Власьевну по отношенію къ Катаеву, что онъ змѣй—въ этомъ не было сомнѣнія, — а въ то же время такой богомольный. Каждое утро онъ молился по часу, да еще какъ молился: станетъ на колѣни и заливается слезами.

— Или ужъ очень грѣховъ много накопилъ, — соображала Маремьяна Власьевна,—или ужъ такой угодникъ уродился...

Катаевъ пожилъ въ Міясѣ нѣсколько дней, съѣздилъ на „Змѣевикъ“, а потомъ отправился въ Кочкарь, захвативъ съ собой Татьяну. Безотвѣтная, болѣзненная Душа очень привязалась къ ней и провожала съ горькими слезами, да и Маремьяна Власьевна жалѣла красавицу-дѣвушку: что̀ она — ни баба, ни дѣвка, ни вдова.

При отъѣздѣ Катаевъ сказалъ Поршневу всего нѣсколько словъ:

— Вода скоро пройдетъ, Гаврила Семенычъ... Каждый день вотъ какъ дорогъ.

Послѣ отъѣзда Катаева Поршневъ ходилъ какъ въ туманѣ. Онъ точно боролся съ самимъ собой. Маремьяна Власьевна чуяла неминуемую бѣду и разъ вечеромъ сама первая проговорила:

— Ѣхалъ бы ужъ ты лучше къ Катаеву, Гаврила Семенычъ... Смотрѣть на тебя тошнехонько. А мы тутъ и безъ тебя съ Душей управимся...

Поршневъ ничего не отвѣтилъ женѣ, а только вышелъ изъ комнаты. Ему было совѣстно до слезъ и жаль ужъ очень жену. Хорошая она женщина, правильная до послѣдней ниточки. И какъ его насквозь понимаетъ...

Черезъ недѣлю Поршневъ уѣхалъ въ Кочкарь къ Катаеву да такъ и пропалъ на цѣлое лѣто. Маремьяна Власьевна точно вся окаменѣла. Она знала, что мужъ занималъ денегъ вездѣ, гдѣ только могъ ихъ достать, и что онъ вернется домой только тогда, когда спуститъ все до послѣдней копеечки. А слухи шли стороной. Проѣзжалъ чрезъ Міясъ гуртовщикъ Гусевъ и болталъ на базарѣ, что видѣлъ Гаврилу Семеныча на Кочкарѣ, и что дѣло у него съ Катаевымъ идетъ неважно. Лучше, чѣмъ на „Змѣевикѣ", а все-таки неважно. Потомъ Маремьяна Власьевна посылала старика Огибенина вызнать, что̀ и какъ, но Огибенинъ доѣхалъ только до Челябинска, пропилъ деньги и пропалъ безъ вѣсти. Часъ отъ часу дѣлалось не легче.

Наступилъ августъ. Зарядило непроглядное уральское ненастье. Желѣзная дорога еще не была проведена, а по тракту и проселочнымъ дорогамъ не было ни прохода ни проѣзда. Безконечные обозы просто тонули въ непроглядной грязи. Вообще на Уралѣ августъ бываетъ хуже сентября.

Разъ, поздно вечеромъ, когда Маремьяна Власьевна хотѣла уже ложиться спать, кто-то осторожно постучалъ съ улицы въ окна. Душа уже спала, и она сама пошла отворять ворота. Это былъ Гаврила Семенычъ. Онъ пріѣхалъ верхомъ, весь мокрый, иззябшій, несчастный. Привязавъ измученную лошадь къ столбу выстаиваться, онъ прошелъ въ заднюю избу, не снимая мокраго татарскаго азяма, присѣлъ къ столу, закрылъ лицо руками и горько заплакалъ.

— Гаврила Семенычъ... голубчикъ... Господь съ тобой!..

— Ахъ, не говори ты со мной!.. Убить меня мало, — вотъ каковъ я есть человѣкъ... Только всего и осталось, что̀ на себѣ: крестъ да воротъ.

— Что̀ ты говоришь, Гаврила Семенычъ?!.. Перестань, родной... Не съ деньгами жить—съ добрыми людьми.

— Вотъ именно... съ добрыми...

Поршневъ какъ-то нехорошо засмѣялся и ударилъ кулакомъ по столу.

— Не жалѣй ты меня, Маремьяна Власьевна!..

Маремьяна Власьевна поставила самоваръ, сдѣлала яичницу-исправницу, добыла откуда-то водочки и стала угощать мужа.

— Назябся ты, вотъ погрѣйся-ка лучше, Гаврила Семенычъ; а поговорить еще успѣемъ...

— И то успѣемъ... Здорово я промерзъ. Нитки сухой не осталось...

Поршневъ выпилъ всю бутылку водки, чего раньше съ нимъ не случалось, съѣлъ яичницу и сейчасъ же завалился спать. Маремьяна Власьевна видѣла, что ему все время хотѣлось ей что-то разсказать, и что онъ пожалѣлъ разстраивать ее на ночь. Онъ проспалъ до самаго обѣда, попросилъ опохмелиться, но ничего не разсказывалъ. Маремьянѣ Власьевнѣ показалось, что онъ какъ будто чего-то боится и какъ будто прячется.

— Ты никому не говори, что я пріѣзжалъ,—предупредилъ онъ жену.— Мнѣ тутъ нужно одного человѣка повидать вечеромъ... Дѣльце есть.

Маремьяна Власьевна, конечно, догадалась, какое у мужа дѣльце, но промолчала. Какъ стемнѣло, Поршневъ ушелъ и вернулся только около полуночи. Видимо, онъ гдѣ-то раздобылся деньгами и замѣтно повеселѣлъ.

— Ничего, старуха, еще поживемъ...—говорилъ онъ, укладываясь спать.— Не кто, какъ Богъ.

— Я вѣдь ничего тебѣ не говорю, Гаврила Семенычъ,—покорно отвѣтила Маремьяна Власьевна. — Тебѣ лучше знать твои дѣла, а я—твоя раба послѣдняя. Что̀ прикажешь, то и буду дѣлать.

IX.

Изъ дому Поршневъ уѣхалъ какъ-то крадучись, какъ и пріѣхалъ, раннимъ утромъ, когда еще было совсѣмъ темно. Онъ ѣхалъ въ хорошемъ настроеніи и все потряхивалъ головой.

— Ахъ, ты, братецъ ты мой... а?!.—повторялъ онъ вслухъ, точно кому-то отвѣчалъ.—Да-а... Какъ по-писаному все вышло. Ай да Егоръ Спиридонычъ!..

Дорога на Кочкарь была не близкая, а въ осеннюю распутицу и очень тяжелая. Но зато легко было на душѣ у Гаврилы Семеныча. Онъ такъ легко раздобылся въ Міясѣ деньгами, совсѣмъ даромъ получилъ, т.-е. не даромъ, конечно, а подъ вексель, какъ научилъ Катаевъ. Раньше-то какъ выпрашивалъ, унижался и вездѣ отказъ, а тутъ сказалъ одно словечко: вексель — и готово. Раньше онъ слыхалъ о векселяхъ и даже видахъ ихъ, но хорошенько не понималъ, въ чемъ суть. А тутъ Катаевъ научилъ: скажи имъ, что за вексель-то и домъ у тебя продадутъ. Только и всего. Поршневъ у двухъ самыхъ скупыхъ толстосумовъ подъ вексель взялъ цѣлую тысячу рублей, повторяя слова Катаева. Раньше отказывали, а тутъ катаевскими словами ихъ точно обморокомъ обнесло. Поршневу казалось, что Катаевъ, дѣйствительно, немножко колдунъ: какъ скажетъ—точно топоромъ отрубитъ.

До Кочкаря Поршневъ ѣхалъ цѣлыхъ три дня, хотя и сильно торопился. Очень ужъ распутица одолѣла, и лошадь выбилась изъ силъ. Подъ самой Челябой (вмѣсто „Челябинскъ“ на Уралѣ говорятъ „Челяба“) Поршневъ встрѣтилъ Гусева, который всегда появлялся неожиданно, точно изъ земли вырастетъ.

— Гаврилѣ Семенычу нижайшее...

— Артамону Максимычу сорокъ одно съ кисточкой. Куда Богъ несетъ?..

— А такъ... волка ноги кормятъ... Егоръ-то Спиридонычъ соскучился по тебѣ. Поторапливайся... Поклончикъ наказывалъ сказать.

Кочкарь—по-ученому Кочкарская система золотыхъ промысловъ—представляетъ собой одно изъ старинныхъ проявленій несмѣтныхъ уральскихъ сокровищъ. Это степное ровное мѣсто, отдѣленное отъ главныхъ горныхъ массивовъ Урала громаднымъ разстояніемъ, было въ буквальномъ смыслѣ насыщено золотомъ, разработка котораго, вѣроятно, займетъ не одну сотню лѣтъ. Удивительнѣе всего здѣсь то, что главную силу здѣсь составляли коренныя мѣсторожденія золота, такъ называемыя „жилы“, тогда какъ въ горахъ и предгорьяхъ онѣ составляли рѣдкое исключеніе. Въ Кочкарь, какъ въ обѣтованную землю, стекались десятки тысячъ рабочихъ со всего Урала. Это было что-то въ родѣ маленькой Калифорніи.

Отъ Челябы, ѣдучи прямо на югъ, было до Кочкаря около ста верстъ. Здѣсь начинались уже благодатныя земли Оренбургскаго казачьяго войска. Золотая лихорадка охватила громадную область уже лѣтъ пятьдесятъ, и ей не предвидѣлось конца. Катаевскій пріискъ находился на „обочинѣ“ главныхъ промысловъ, недалеко отъ казачьей станицы Михайловской. Въ этой степной мѣстности какимъ-то чудомъ сохранился казенный сосновый боръ, и около него давно шли мелкія развѣдки. Катаевъ сдѣлалъ заявку по старымъ брошеннымъ шурфамъ и поставилъ работы. Золото было разсыпное, въ разрушистыхъ, легко обрабатываемыхъ пескахъ, но добыча его обходилась дорого, благодаря отсутствію воды. Промывку песковъ приходилось производить водой изъ степныхъ озеринокъ, куда нужно было отвозить пески. Поршневу разсыпная добыча золота была знакома съ ранняго дѣтства, и онъ относился къ

дѣлу съ большимъ довѣріемъ, хотя оно и требовало денегъ, денегъ и денегъ. Что значитъ какая-нибудь тысяча рублей, когда каждый субботній расчетъ рабочихъ уносилъ сотни рублей? Однимъ словомъ, расходы по пріиску превышали доходы, и даже всегда спокойный и невозмутимый Катаевъ хмурился и кряхтѣлъ. Впрочемъ, Поршневъ больше не вѣрилъ ему ни на волосъ и только мечталъ о томъ счастливомъ времени, когда онъ вернетъ затраченныя на „Змѣевикѣ" и здѣсь деньги.

— Ну, вотъ и отлично,—похвалилъ Катаевъ, когда Поршневъ разсказалъ о добытыхъ имъ деньгахъ.—Теперь мы живой рукой обернемся... Вотъ только этой тысячи и недоставало, Гаврила Семенычъ.

Между Катаевымъ и Поршневымъ были какіе-то странные счеты. Когда Поршневъ считалъ одинъ, все выходило въ его пользу; а когда начиналъ считать Катаевъ, получались обратные результаты. Такъ случилось и съ привезенной Поршневымъ тысячей рублей: деньги точно растаяли. Оказались неоплаченными счета за харчи рабочихъ, за пріисковыя постройки и т. д. и т. д. Даже вышло какъ-то такъ, что и денегъ не стало, да еще Поршневъ оказался должнымъ Катаеву.

— А ты считай, малиновая голова, — совѣтовалъ Катаевъ. — Денежка счетъ любитъ... Мнѣ твоихъ-то денегъ не нужно. Терпѣть это я ненавижу, ежели сумлѣніе въ расчетахъ. А у меня одинъ расчетъ: твоя половина—моя половина.

Поршневъ какъ-то сразу растерялся и даже не нашелъ, что сказать Катаеву. Ѣздилъ, хлопоталъ, заложился свыше ушей — и вдругъ ничего. Онъ вдругъ весь потемнѣлъ.

Катаевъ больше не стѣснялся и откровенно жилъ въ одной комнатѣ съ Татьяной. Дѣвушка очень скучала о брошенномъ ребенкѣ и по-своему ненавидѣла стараго сожителя, хотя и не могла уйти отъ него. Она давно жалѣла Поршнева за его простоту и не разъ совѣтовала бросить все и заняться въ Міясѣ своимъ дѣломъ.

— Стыдно, Татьяна, домой-то съ пустыми руками ворочаться, — объяснялъ Поршневъ.—Авось, Богъ поможетъ какъ-нибудь справиться, ну, тогда и домой...

Когда Катаевъ отобралъ у него привезенныя деньги, онъ сказалъ Татьянѣ:

— Меня Богъ наказываетъ, Таня... Передъ образомъ тогда клялся, что въ послѣдній разъ, и переступилъ клятву.

— И въ самомъ дѣлѣ нехорошо,—соглашалась Татьяна, участливо качая головой. — Большой это грѣхъ.

Поршневъ чувствовалъ себя уже лишнимъ на пріискѣ. Катаевъ точно не замѣчалъ его, какъ не замѣчаютъ бѣдныхъ приживальцевъ. Прямой обиды не было, а чувствовалось скверно. И оставаться на пріискѣ скверно и уходить некуда. Особенно тяжело дѣлалось по ночамъ, когда въ голову лѣзли самыя дикія мысли.

Съ своей стороны, Катаевъ тоже началъ тяготиться присутствіемъ обнищавшаго компаньона. Прогнать его такъ, за здорово живешь, какъ будто и совѣстно, а держать безъ всякаго дѣла на своей шеѣ—начетисто. Катаевъ соображалъ и такъ и этакъ, пока не придумалъ новой штуки, отъ которой Поршневъ еще разъ ахнулъ.

Разъ сидѣли они вечеромъ за самоваромъ и пили чай. Катаевъ какъ-то особенно пристально смотрѣлъ на Поршнева, а потомъ проговорилъ со вздохомъ:

— Гляжу я на тебя, Гаврила Семенычъ, и вчужѣ жалѣю... Что ты теперь, миляга, дѣлать-то будешь?

— Не знаю, Егоръ Спиридонычъ... Двѣ руки остались — вотъ и весь капиталъ.

— Такъ-то оно такъ, а только съ однѣми голыми руками недалеко уѣдешь... Безъ снасти, говорится, и клопа не убить. Да... Главная та причина, что выйдетъ тотъ срокъ твоимъ векселямъ, ну, у тебя за нихъ домъ-то и отберутъ.

— Отберутъ, Егоръ Спиридонычъ! Съ тѣмъ и деньги у добрыхъ людей бралъ...

— Такъ, такъ...

Подумавъ немного, Катаевъ прибавилъ:

— А вѣдь можно домъ-то за вексель и не отдавать, Гаврила Семенычъ... Есть такой фортель, и я даже очень хорошо удумалъ. Тебя жалѣючи говорю... Векселя — векселями, а домъ — домомъ.

Поршневъ ничего не понималъ.

— А ты, Гаврила Семенычъ, продай мнѣ домъ-то... Понимаешь? Векселя-то съ носомъ и останутся... Надо вѣдь умѣючи деньги-то въ долгъ давать. Ты подумай хорошенько, я тебя не тороплю... Можно сказать, прямо даромъ съ меня денежки получишь. Однимъ словомъ, жалѣючи...

Предложеніе было заманчиво, и думать тутъ было рѣшительно нечего. При окончательныхъ переговорахъ Катаевъ сильно прижалъ въ цѣнѣ, но выбирать было нечего. Уплативъ Поршневу наличными шестьсотъ рублей, Катаевъ проговорилъ:

— Совсѣмъ даромъ денежки получаешь, Гаврила Семенычъ. Ну, а пока пусть твои живутъ въ моемъ домѣ попрежнему. Я его потомъ въ духовной откажу своей прожницѣ, ежели она, напримѣръ, будетъ вполнѣ соблюдать себя по своей женской части.

Обидно было все это слушать Поршневу, но, снявши голову, о волосахъ не тужатъ. Онъ опять ожилъ въ надеждѣ на какое-то дикое счастье. А вдругъ пойдетъ золото,—въ одну недѣлю можно разбогатѣть. До заморозковъ оставалось еще больше мѣсяца.

Но тутъ случилась новая бѣда. Отъ осеннихъ дождей выступила подпочвенная вода, и пришлось поставить дорогіе насосы для откачки, а главное— терять дорогое время. Пески затягивало иломъ, и промывка замедлялась.

— Экое наше горькое съ тобой счастье! — жаловался Катаевъ.

Полученныя за домъ деньги ушли по той же дорожкѣ, какъ и добытыя векселями. Черезъ мѣсяцъ Поршневъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ денежныхъ знаковъ и неожиданно исчезъ съ пріиска, не простившись ни съ кѣмъ.

Весной слѣдующаго года нашли въ лѣсу „тѣло неизвѣстнаго человѣка“, какъ гласилъ полицейскій протоколъ. По произведенному дознанію, это тѣло принадлежало „купеческому брату“ Егору Спиридонову Катаеву.

Прошло еще полгода. Въ міясское волостное правленіе явился Поршневъ съ повинной:

— Берите меня... это я убилъ Катаева...

1903.

СТАРЫЙ ШАЙТАНЪ.

I.

Осипъ Максимычъ Чебаченко, „ушибленный женой“ докторъ, какъ говорили про него злые языки, по обыкновенію молчалъ, а его жена Дарья Гавриловна, бывшая акушерка, ликовала.

— Это будетъ цѣлесообразно... — повторяла она ни къ селу ни къ городу.—Да, цѣлесообразно... Мадамъ Нансенъ исходила съ мужемъ на лыжахъ всю Швецію, а затѣмъ Шпицбергенъ; мистриссъ Пири тоже на лыжахъ исходила со своимъ мужемъ, капитаномъ Пири, всю Гренландію... Ты слышишь, Осипъ Максимычъ?..

— Гм... да... т.-е. цѣлесообразно...

— Отчего же я не могу ѣхать, т.-е. итти съ вами въ экспедицію? Кажется, ничего нецѣлесообразнаго въ этомъ нѣтъ?

— О, да... гм... вообще... Очень цѣлесообразно...

Въ тонѣ мужа слышалась нѣкоторая иронія, но жена давно привыкла не обращать на него вниманія. Онъ былъ плечистый, коренастый мужчина, съ окладистой русой бородой, лѣтъ подъ сорокъ; она — сильная брюнетка съ усиками и большими красными руками. Въ послѣднее время она была особенно занята собой, что̀ забавляло мужа. Такая простецкая бабища и вдругъ принялась на старости лѣтъ рядиться. Дарья Гавриловна и въ молодости не блистала красотой, а теперь модные костюмы положительно дѣлали ее смѣшной. Она походила на горничную, донашивающую старыя платья своей барыни. Всего больше доставалось лицу,—Дарья Гавриловна чѣмъ-то каждый вечеръ растирала его, засыпала пудрой, массировала морщины въ углахъ глазъ, подводила глаза, чтобы они казались больше, и подолгу „работала“ передъ зеркаломъ, не стѣсняясь присутствіемъ мужа. Секретъ этого запоздалаго кокетства заключался въ томъ, что въ заброшенномъ на далекій сѣверъ уѣздномъ городишкѣ Заволочьѣ она являлась почти единственной дамой и на этомъ основаніи пользовалась нѣкоторымъ вниманіемъ мужчинъ.

Въ Заволочьѣ было всего четыре тысячи жителей, а интеллигенція — на перечетъ по пальцамъ. И какая интеллигенція: какіе-то дряхлые старцы, дослуживавшіе свой срокъ на пенсію, молодые, начинающіе люди, пріѣзжавшіе сюда на короткое время, до пріисканія настоящаго мѣста, и наконецъ очень сомнительные чиновники съ прошлымъ, которые отбывали здѣсь свою чиновничью ссылку. Народъ былъ все безсемейный, а двѣ-три дамы достигли того предѣльнаго возраста, когда мужчины бываютъ только вѣжливы. Однимъ словомъ, Дарья Гавриловна почувствовала себя женщиной.

„Что̀ же, на чужой сторонѣ и старушка—хлѣбъ“,—ядовито думалъ про себя Осипъ Максимычъ, наблюдая молодившуюся жену.

По наружному виду докторъ казался добродушнымъ малымъ, но, въ сущности, онъ отличался скрытою ехидностью и даже ядовитостью. Если эти милыя душевныя качества не проявлялись постоянно, то только потому, что онъ боялся своей жены. Ненавидѣлъ ее и боялся. Она отвѣчала ему тою же монетой, но съ тою разницей, что нисколько его не боялась. Въ общемъ они составляли то, что̀ называется счастливой парочкой.

Поднятый разговоръ объ экспедиціи, затѣянной предсѣдателемъ земской управы Костылевымъ, какъ докторъ и предчувствовалъ, закончился слѣдующимъ супружескимъ діалогомъ:

— Съ нами приметъ участіе Люстигъ, — вскользь замѣтила она.

— Не можетъ быть? У него блуждающая почка... Это нецѣлесообразно... Виноватъ, я только теперь догадываюсь, для чего ты сшила себѣ зеленую фланелевую мужскую блузу...

— Оставь, пожалуйста... Ты ничего не понимаешь. У тебя всегда найдется какой-нибудь палліативъ...

Образованіе Дарьи Гавриловны было довольно скудно, и на этомъ основаніи она особенно любила вставлять иностранныя слова, иногда совершенно неумѣстно, какъ въ данномъ случаѣ. Впрочемъ, ея репертуаръ въ этомъ отношеніи не отличался обширностью: палліативъ, корректно, компромиссъ и т. д.

— Ты съѣздишь къ нашему предсѣдателю земской управы... — продолжала Дарья Гавриловна, какъ ни въ чемъ не бывало:—и уговоришься съ нимъ окончательно... Онъ такъ упрашивалъ меня принять участіе въ этой экспедиціи.

„Вретъ, все вретъ... — думалъ докторъ. — Впрочемъ, милѣйшій Григорій Семенычъ и самъ немного того... не всѣ дома...“

Чтобы быть послѣдовательнымъ, докторъ отправился къ предсѣдателю и повелъ дѣло довольно дипломатически, чтобы не показаться навязчивымъ. Но Григорій Семенычъ предупредилъ его:

— А я только хотѣлъ ѣхать къ вамъ, Осипъ Максимычъ, чтобы уговориться относительно нашей экспедиціи. Меня уже спрашивали Люстигъ и Ѳоминъ.

Предсѣдатель земской управы Костылевъ отличался очень веселымъ характеромъ и неистощимой предпріимчивостью. Въ качествѣ холостяка, онъ имѣлъ всѣ права быть веселымъ, но за предпріимчивость ему попадало. Послѣднимъ предсѣдательскимъ „пунктикомъ“ было оживленіе глухого сѣвернаго края при помощи путей сообщенія, для чего онъ выпрямлялъ теченіе глухихъ упрямыхъ рѣкъ, проводилъ новыя дороги по непроходимымъ дебрямъ, мечталъ о соединительныхъ каналахъ, пароходствѣ и даже своей собственной, земской Заволочской желѣзной дорогѣ. Его называли мечтателемъ и совѣтовали обратиться къ воздухоплаванію. Затѣваемая экспедиція была связана именно съ цѣлью пройти новую линію земской дороги, которая должна была соединить Заволочье съ бассейномъ Печоры. Наполовину была уже сдѣлана просѣка, и оставалось докончить вторую половину.

— Очень хорошо... — повторялъ Костылевъ, потирая руки отъ удовольствія.—Какія мѣста я вамъ покажу... Пальчики оближете!..

Доктора немного смущало только то, что Костылевъ ни слова не говоритъ объ участіи въ экспедиціи Дарьи Гавриловны, что̀ составляло суть его визита. Самому ему какъ-то неловко было говорить объ этомъ. Докторъ сидѣлъ на диванѣ и курилъ папиросу за папиросой, а Костылевъ, кудрявый блондинъ, съ большими близорукими глазами, шагалъ по комнатѣ и развивалъ свои планы, постоянно повторяя: „Не правда ли?“.

У доктора уже являлось предательское желаніе уйти домой, что̀ онъ и сдѣлалъ бы, если бы не боялся показаться женѣ съ пустыми руками. Но въ самый критическій моментъ его выручили Люстигъ и Ѳоминъ,—въ Заволочьѣ звонковъ не полагалось, двери не затворялись (во всемъ городѣ былъ всего одинъ воръ), и гостепріимный хозяинъ, когда въ передней слышалось топтанье и предупредительный кашель, обыкновенно кричалъ, какъ часовой на посту: „Кто тамъ?". Но свои люди вваливались безъ всякихъ церемоній. Лѣсничій Люстигъ, тонкій, черноволосый господинъ съ претензіями провинціальнаго щеголя, съ брелоками, булавкой въ галстукѣ и модными перстеньками, еще въ передней визгливо продолжалъ споръ, очевидно, начатый еще дорогой:

— А я вамъ говорю, Аркадій Яковличъ, что будетъ прекрасная погода... да!.. Мой анероидъ никогда меня не обманываетъ, а потомъ я — старый лѣсной волкъ...

— А мой барометръ предсказываетъ ненастье, — сказалъ Ѳоминъ, довольно неуклюжій господинъ, косолапый и съ несоразмѣрно-длинной спиной, точно самой природой предназначенный всю жизнь волочить таксаторскую цѣпь. — Да, ненастье...

— Вретъ вашъ барометръ! А вы вѣчно желаете спорить и портите другимъ характеръ... Мой анероидъ... Впрочемъ, вы можете и дома оставаться, а мы совершимъ экспедицію и безъ васъ... Ахъ, докторъ, здравствуйте!.. Вотъ кстати, голубчикъ! А я только-что отъ васъ... да...

Люстигъ игралъ въ Заволочьѣ роль души общества. Немного игралъ на гитарѣ, пѣлъ больнымъ теноринкомъ малороссійскія пѣсни, никогда не отказывался отъ партіи въ винтъ, разсказывалъ остроумные анекдоты и при всякомъ удобномъ случаѣ считалъ почему-то нужнымъ увѣрять всѣхъ, что онъ— настоящій, коренной хохолъ, несмотря на свое имя, отчество и фамилію — Карлъ Карловичъ Люстигъ.

— Ну, такъ ка̀къ, Григорій Семенычъ?—говорилъ Люстигъ, фамильярно хлопая Костылева по плечу. — Рѣшено: оживляемъ край? Пусть губернаторъ говоритъ, что у насъ въ Заволочскомъ уѣздѣ пѣтухъ съ тремя курицами подохнетъ съ голоду, а мы ананасы будемъ разводить... Ахъ, кстати: Дарья Гавриловна согласилась принять участіе въ нашей экспедиціи. Знаете, это— самый лучшій знакъ: развѣ возможна жизнь безъ женщины? Я ей, т.-е. Дарьѣ Гавриловнѣ, свои лакированные ботфорты послалъ еще утромъ... Ахъ, виноватъ, я, кажется, выдаю чужой секретъ...

— Что̀ же, отлично... — бормоталъ Костылевъ, поглядывая на ухмылявшагося Ѳомина. — Да, хорошо...

Такимъ образомъ вопросъ былъ рѣшенъ, и докторъ могъ вернуться на свое пепелище со спокойной совѣстью. Дорогой онъ тоже ухмылялся и повторялъ про себя: „Тоже обрадовала милѣйшая Дарья Гавриловна почтеннѣйшую публику... Вотъ дурища писаная!" Онъ былъ правъ, потому что не успѣла за нимъ затвориться дверь, какъ Ѳоминъ и Костылевъ накинулись на Люстига.

— Вы насъ безъ ножа зарѣзали!.. Ну куда мы потащимъ за собой эту корову?.. И все вашъ языкъ, Карлъ Карлычъ...

— Я... что̀ же я?—вертѣлся Люстигъ.—Я тутъ ни при чемъ. Она сама пристала ко мнѣ съ ножомъ къ горлу... Какъ же отказать дамѣ?

— Ну и ступайте съ ней вдвоемъ оживлять край...—ворчалъ Ѳоминъ, пользуясь случаемъ.—Двѣ ночи придется провести въ лѣсу, и вдругъ дама... тьфу!.. А вы ей свои сапоги посылаете...

— Это какая-то зебра полосатая!—ругался Костылевъ.—И я могу только удивляться, что нѣкоторые люди могутъ на нее обращать вниманіе.

Друзья доктора разсуждали, какъ истинные друзья, и чуть не подрались.

II.

Сборы въ экспедицію немного затянулись изъ-за того, что Дарья Гавриловна слишкомъ долго выбирала фасонъ мужскихъ панталонъ для своего костюма. Вопросъ получился самый серьезный и разсматривался со всѣхъ точекъ зрѣнія, съ принятіемъ во вниманіе всевозможныхъ дорожныхъ случайностей. Разрѣшился онъ тѣмъ, что Дарья Гавриловна собственноручно соорудила себѣ настоящіе кавалерійскіе рейтузы. Докторъ такъ и покатился со смѣху, когда она показалась ему въ примѣркѣ.

— Вотъ это такъ цѣлесообразно и никакихъ палліативовъ!—замѣтилъ онъ съ обычной ядовитостью.—Корректно вполнѣ и безъ компромиссовъ...

— Болванъ!

Члены экспедиціи собрались у Костылева и всячески изощряли свое остроуміе по адресу Дарьи Гавриловны.

— Недаромъ говорится, что бабьи сборы — гусиный вѣкъ,— ворчалъ Ѳоминъ.—Однимъ словомъ, будетъ зеленая чортова кукла... А все Люстигъ со своимъ языкомъ... У меня барометръ падаетъ, господа...

Не менѣе вниманія занялъ вопросъ относительно головного убора, пока Дарья Гавриловна не остановилась на высокой шляпѣ тирольскихъ охотниковъ съ орлинымъ перомъ. Послѣднее, впрочемъ, пришлось замѣнить пѣтушинымъ, но это были уже пустяки.

Наконецъ костюмъ былъ готовъ въ окончательной формѣ и назначенъ день выступленія экспедиціи. Стояли послѣдніе іюльскіе дни, и погода начала хмуриться. Но ждать дольше было некогда. Въ составъ экспедиціи, кромѣ упомянутыхъ выше лицъ, входили лѣсникъ Пароенъ, въ качествѣ „вожа", и предсѣдательскій кучеръ Евсей. Половину дороги предполагалось сдѣлать по просѣкѣ на лошадяхъ, а дальше—пѣшкомъ. Раннимъ утромъ у воротъ докторскаго дома стояли шесть верховыхъ лошадей. Первоначально Дарья Гавриловна хотѣла ѣхать въ дамскомъ сѣдлѣ, но въ виду трудностей пути согласилась сѣсть въ мужское, тѣмъ болѣе, что гдѣ-то читала объ англичанкахъ, которыя ѣздятъ по-мужски. Картина получилась во всякомъ случаѣ эффектная, и Люстигъ былъ въ восторгѣ, когда круглыя ноги Дарьи Гавриловны обрисовались въ сѣдлѣ во всей своей красотѣ.

— Я даже и не подозрѣвалъ, что у васъ такія красивыя ноги, Дарья Гавриловна,—съ утонченной любезностью говорилъ Люстигъ.

— Мало ли вы чего не подозрѣваете...—кокетливо отвѣчала она, краснѣя отъ комплимента.

Костылевъ и Ѳоминъ только переглядывались, а докторъ морщился. А вдругъ рейтузы при какомъ-нибудь прыжкѣ лошади лопнутъ? Кучеръ Евсей ухмылялся, а лѣсникъ Пароенъ, человѣкъ мрачнаго характера, старался не смотрѣть на шалую барыню и даже отплевывался.

Было рано, и экспедиція выступила изъ Заволочья, не возбуждая вниманія еще спавшихъ обывателей. Скверно было только то, что небо начинало хмуриться. За городомъ сейчасъ же начинался лѣсъ, прорѣзанный еще свѣжей просѣкой. Вездѣ валялись неубранныя бревна, вывороченные пни, кучи хвороста, такъ что экспедиція вытянулась гуськомъ. Люстигъ все время ѣхалъ за Дарьей Гавриловной и болталъ всякій вздоръ.

— Если бы вы вмѣсто блузы, Дарья Гавриловна, надѣли гусарскій мундиръ, было бы еще лучше.

— Ахъ, отстаньте, насмѣшникъ... Мнѣ и безъ того такъ стыдно... Все мужчины, и я одна женщина...

— А мнѣ такъ совсѣмъ не стыдно...

Въ головѣ экспедиціи ѣхалъ „вожъ“ Пароенъ съ двумя ружьями за спиной, а послѣдними—предсѣдатель и Ѳоминъ.

— А вѣдь она походитъ на зеленаго попугая,—увѣрялъ Костылевъ.— Не правда ли?

— И отчасти на Робинзона Крузе.

— Вѣрнѣе—помѣсь Робинзона съ зеленымъ попугаемъ... Новый зоологическій видъ. А милѣйшій Люстигъ напоминаетъ огорченную миногу...

Просѣка тянулась на двадцать верстъ, до урочища Ядьва. Конечная цѣль путешествія была рѣка Кибасъ, гдѣ была небольшая деревушка Войтухъ. Костылевъ, страстный поклонникъ природы, цѣлую зиму разсказывалъ о красотахъ дѣвственнаго лѣса, но ихъ пока никто еще не замѣчалъ. Лѣсъ тянулся какой-то чахлый, болотный. Ели и березы были вытянуты какими-то метелками и обросли бородатымъ лишайникомъ, точно старческой бородой. Жесткая болотная трава не придавала особенной красоты пейзажу, а проросли бѣлаго оленьяго моха придавали ему траурный характеръ. Единственно, что было красиво, это—гиганты сибирскіе кедры. Они стояли, какъ бояре, въ дорогихъ бархатныхъ зеленыхъ шубахъ. Нѣкоторыя деревья были въ два обхвата.

— Развѣ это не красиво?—кричалъ Костылевъ, когда проѣзжали мимо такого великана.—Не правда ли? Нѣкоторыя деревья были такъ красивы, что мы ихъ обходили просѣкой... Жаль рубить такого красавца.

Сначала этотъ восторгъ раздѣляли и другіе, а потомъ начались протесты.

— И совершенно напрасно не рубили. Мы теперь вдвое дольше проѣдемъ изъ-за вашей сентиментальности.

Дарья Гавриловна, отъѣхавъ верстъ пять, перестала болтать и напрасно старалась устроиться въ сѣдлѣ поудобнѣе. У нея начали отекать ноги и ломило спину. Сѣдло оказалось самое неудобное, заставлявшее чувствовать каждое движеніе лошади. Въ довершеніе всего пошелъ дождь, и Дарья Гавриловна гнѣвно обратилась къ предсѣдателю:

— Что же это такое, Григорій Семенычъ?

— Очень просто: дождь...

— А гдѣ же обѣщанная вами природа?

— Посмотрите внимательно кругомъ. Вонъ впереди прекрасный кедръ.

— Благодарю васъ...

Къ счастью, начавшійся дождь прекратился, и всѣ пріободрились, даже унылый скептикъ Ѳоминъ. Докторъ только теперь догадался, что слѣдовало захватить пледы и макинтошъ. Вонъ предсѣдатель оказался хитрѣе другихъ: Пароенъ везъ въ торокахъ для него походный брезентъ.

— Благодарите Бога, что въ концѣ іюля нѣтъ мошкары,—оправдывался предсѣдатель.

— Мы походимъ сейчасъ на героевъ Майнъ-Рида или Купера и безъ мошкары,—отозвался докторъ.—Вѣроятно, вы помните романы „Всадникъ безъ головы“, „Слѣдопытъ“...

— Первое относится къ Люстигу,—замѣтилъ Ѳоминъ.—Этотъ милордъ плохо кончитъ, я это предчувствую.

Послѣднія версты для Дарьи Гавриловны были настоящей пыткой. Она стерла ноги до крови и должна была молчать, чтобы не подать повода къ остроумію мужчинъ. А Пароенъ точно на-зло на всѣ вопросы, скоро ли будетъ Ядьва, самымъ хладнокровнымъ тономъ отвѣчалъ:

— А вотъ сейчасъ, барышня... въ одинъ секундъ...

— Онъ или сошелъ съ ума, или смѣется надъ нами! —негодовала Дарья Гавриловна, едва держась въ сѣдлѣ.

— Pour être belle—il faut souffrir,—отвѣчалъ Люстигъ.

До Ядьвы ѣхали часовъ пять. Дарью Гавриловну сняли съ сѣдла чуть не полумертвую. Она едва держалась на ногахъ, и Люстигъ долженъ былъ водить ее подъ руку, какъ опосную лошадь. Остановку сдѣлали на красивой лужайкѣ, на берегу рѣчки Ядьвы, гдѣ кончалась просѣка. Пароенъ устроилъ сейчасъ же громадный костеръ и повѣсилъ надъ нимъ походный мѣдный чайникъ, чтобы согрѣть воды для чая.

— А вѣдь недурно, господа!..—восхищался Костылевъ.—И если подумать, что всего черезъ нѣсколько лѣтъ эта пустыня оживится... Появятся заводы, фабрики, мельницы, бумажные заводы, хлѣбопашество,—и все это только благодаря новой дорогѣ!.. Вырастутъ починки, деревушки, цѣлыя села... Не правда ли?.. Я вѣрю въ нашъ сѣверъ, который до сихъ поръ совершенно пропадалъ. Прибавьте къ этому, что здѣсь найдутъ каменный уголь, мѣдныя руды, золото, нефть...

Всѣ ничего не имѣли противъ будущаго оживленія настоящей пустыни, и только Ѳоминъ прибавилъ:

— Вы забыли, Григорій Семенычъ, алмазныя копи, клюквенный морсъ, маринованные грибы, трюфели, шелковичныхъ червей и жень-шень...

Всѣ позавтракали съ удивительнымъ аппетитомъ, и каждому казалось, что онъ никогда еще не ѣлъ такъ вкусно. Одна Дарья Гавриловна молчала: ей трудно было сидѣть, и каждое движеніе вызывало гримасу. Ѳоминъ и Костылевъ посматривали на нее съ затаеннымъ злорадствомъ. „Э, пусть второй разъ не лѣзетъ, куда не слѣдуетъ!“

— Господа, здѣсь, конечно, хорошо, а мы не должны забывать, что къ вечеру должны быть на Кибасѣ, чтобы не заночевать въ лѣсу...—предупреждалъ Костылевъ.—Правда, остается всего верстъ пятнадцать...

Онъ намѣренно убавилъ цѣлыхъ пять верстъ, чтобы поддержать настроеніе. Впрочемъ, мужчины, когда выпили водки за процвѣтаніе окружавшей ихъ пустыни, ободрились и готовы были итти хоть къ сѣверному полюсу. Дарья Гавриловна тоже выпила большую рюмку мадеры и получила способность слушать любезности сидѣвшаго рядомъ съ нею Люстига.

— Ну, господа, пора...—заявилъ Костылевъ, глядя на часы.—Пароенъ, смотри, не ошибись дорогой!..

— Эхъ, баринъ, неладно вы сказали...—ворчалъ „вожъ“.—Слава Богу, не впервой! А только вы подъ руку говорите...

Его безпокоило, главнымъ образомъ, то, что въ артели замѣшалась баба. „Ужъ это, извѣстно, не къ добру... И чортъ ее понесъ, подумаешь. Не бабьяго это ума дѣло. Вонъ и Карла Карлычъ увязъ съ ней, какъ косачъ на току...“ Дарья Гавриловна соображала про себя, что хотя пѣшкомъ и будетъ итти трудненько, но все-таки лучше, чѣмъ ѣхать верхомъ по-мужски, да и отдохнуть можно.

— Теперь мы пойдемъ уже настоящимъ дѣвственнымъ лѣсомъ,—объяснилъ Костылевъ съ апломбомъ хозяина.—Прошу, господа, обратить вниманіе... Я тоже въ первый разъ здѣсь лѣтомъ, а линію проходили зимой.

Будемте въ нѣкоторомъ родѣ піонерами цивилизаціи, Дарья Гавриловна... Не правда ли?

Предсѣдательскій кучеръ отправился домой. Лошади бѣжали къ родному стойлу безъ поводьевъ, съ дѣловымъ видомъ.

III.

Рекомендованный Костылевымъ дѣвственный лѣсъ съ первыхъ шаговъ оправдалъ свое названіе. Сначала шли по какой-то тропѣ, которая потомъ, какъ въ сказкѣ, вдругъ исчезла. Деревья поднимались все выше и точно сознательно загораживали заволочскимъ піонерамъ дорогу. Хуже всего были лежавшія въ разныхъ направленіяхъ, давно поваленныя бурей или упавшія отъ собственной старости громадныя деревья. Они поросли зеленымъ мохомъ и лишайниками, и приходилось черезъ нихъ перелѣзать съ большимъ трудомъ. Этотъ буреломъ и валежникъ отравлялъ буквально каждый шагъ впередъ. Особенно доставалось Дарьѣ Гавриловнѣ, которой, благодаря короткимъ ногамъ, приходилось перелѣзать черезъ каждую колодину по-ребячьи.

— Дда-а...—повторялъ докторъ, наблюдая смѣшно карабкавшуюся по колоднику жену.—Получается исторія съ географіей.

Въ довершеніе всего попали въ моховое болото. Ноги вязли по щиколотку.

— Пароенъ, да ты куда насъ завелъ, негодяй?!—ругался Люстигъ, уставшій помогать Дарьѣ Гавриловнѣ въ ея акробатическихъ упражненіяхъ.

Пароенъ остановился, почесалъ въ затылкѣ и только покрутилъ головой. Зимой тутъ никакого болота не было.

— Извѣстно, Карла Карлычъ, лѣсъ... ну, лѣсъ и есть...

— А болото откуда?

— Зимой-то его не было, значитъ, этого самаго болота...

— Дуракъ!..

Сдѣлали передышку. Костылевъ, какъ всегда, чувствовалъ себя превосходно и восхищался даже болотомъ. Онъ не желалъ замѣчать, что члены экспедиціи начинаютъ на него коситься. Его сейчасъ больше всего занимала точно изъ-подъ земли выскочившая собака, настоящая промысловая лайка. Дарья Гавриловна сочла нужнымъ по-дамски испугаться.

— А можетъ-быть, это волкъ?.. А вдругъ она бѣшеная и укуситъ меня?..

— Что̀ вы, барышня, зачѣмъ бѣшеная,—объяснилъ Пароенъ.—Просто глупый песъ... Лыской звать... И такой хитрый животъ: я-то не хотѣлъ ее брать съ собой, такъ она огородами обѣжала, а потомъ, значитъ, стороной за нами гналась. На стану и не подошла къ намъ, потому, молъ, отправятъ вмѣстѣ съ конями домой...

— Да, миленькое путешествіе...—ворчалъ Ѳоминъ.

— А мы скоро придемъ въ эту деревню?..—по-дѣтски спрашивала Дарья Гавриловна.—У меня ужъ ноги промокли... Вы, Карлъ Карлычъ, нарочно подсунули мнѣ какіе-то дырявые сапоги, чтобы у меня сдѣлался насморкъ.

Принятая довольно снисходительно собака присоединилась къ общей компаніи и съ задорнымъ лаемъ бросалась по сторонамъ, обнюхивая невидимые слѣды. Весь лѣсъ былъ наполненъ самыми соблазнительными ароматами: пахло бѣлками, лисицами, зайцами, тетеревами... Напавъ на слѣдъ, она радостно взвизгивала и исчезала, какъ тѣнь.

Дальнѣйшее путешествіе являлось уже настоящимъ мученіемъ. Дарья Гавриловна поминутно отдыхала, просила пить и капризничала.

— Знаете, что̀ мы устроимъ? — говорилъ Ѳоминъ предсѣдателю. — Устроимъ волокушу и запряжемъ въ нее Люстига. Пусть везетъ свою даму.

Волокушами называютъ на сѣверѣ самый оригинальный и очень остроумный экипажъ: двѣ длинныхъ жерди привязываются по бокамъ лошади такимъ образомъ, что задніе ихъ концы волокутся по землѣ. На этихъ концахъ и устраивается сидѣнье. Жерди выбираются тонкія, чтобы качало. На такомъ экипажѣ можно вездѣ проѣхать безъ дороги.

Рѣшающій моментъ для всей экспедиціи наступилъ тогда, когда пошелъ дождь. Кругомъ болото, и даже укрыться негдѣ.

— Что̀ же это такое? — проворчала Дарья Гавриловна, въ изнеможеніи опускаясь на первую болотную кочку. — Григорій Семенычъ, куда вы насъ завели? У меня будетъ воспаленіе легкихъ... перитонитъ... Это совсѣмъ не корректно съ вашей стороны!..

— Да, дѣйствительно... какъ-то странно... — поддержалъ жену докторъ.

— Господа, если вы припомните, я рѣшительно никого не приглашалъ... — оправдывался Костылевъ. — Да, рѣшительно никого...

— А кто зимой всѣ уши намъ прожужжалъ о красотахъ дѣвственнаго лѣса, чортъ бы его побралъ?! — наступалъ докторъ, повышая голосъ.

— Пожалуйста, безъ компромиссовъ... — визгливо прибавила Дарья Гавриловна.

— Намъ остается только заблудиться въ этомъ проклятомъ болотѣ, — ворчалъ Ѳоминъ, обращаясь тоже къ Костылеву.

— Господа, прежде всего необходимо выбраться изъ болота, — отвѣтилъ Костылевъ, сохраняя спокойствіе. — А тамъ поговоримъ... Пароенъ, иди впередъ... Господа, терпѣніе...

Вся экспедиція какъ-то сразу получила самый жалкій видъ. Піонеры заволочской цивилизаціи шагали съ самымъ озлобленнымъ видомъ, проклиная предсѣдателя. А дождь все продолжался. Часы показывали четыре. Костылевъ только теперь встревожился, именно когда Пароенъ оглянулся на него и почесалъ въ затылкѣ. Экспедиція заблудилась... Придется ночевать въ лѣсу, всѣ промокнутъ до нитки, запасовъ никакихъ. Однимъ словомъ, отлично... Приходилось итти по компасу наудалую. Черезъ часъ Пароенъ вывелъ господъ изъ болота, чему всѣ обрадовались несказанно. По крайней мѣрѣ можно развести огонь и обсушиться.

Дорогой Костылевъ имѣлъ удовольствіе слышать, какъ друзья безъ особенныхъ церемоній прохаживались на его счетъ, называя, напримѣръ, идіотомъ, сумасшедшимъ и т. д. Онъ, скрѣпя сердце, дѣлалъ видъ, что ничего не слышитъ, и утѣшалъ себя поговоркой, что истинные друзья познаются только въ игрѣ и въ дорогѣ.

Пароенъ быстро устроилъ подъ развѣсистой елью громадный костеръ, а около него изъ мягкихъ пихтовыхъ вѣтвей ложе для барышни. Дарья Гавриловна повалилась на эту импровизированную постель и залилась настоящими слезами. Она и устала смертельно, и промокла, и хотѣла ѣсть... Доктору пришлось ухаживать за ней, какъ за ребенкомъ: онъ съ трогательной заботливостью сушилъ надъ огнемъ всѣ принадлежности ея костюма. Мужчины, конечно, ушли подальше и устроили себѣ другой костеръ. Здѣсь уже разыгралась настоящая драма.

— Это просто свинство! — рѣшительно заявлялъ Люстигъ, размѣстивъ кругомъ костра въ живописномъ порядкѣ подробности своего туалета. Да, свинство...

— Это вы, кажется, по моему адресу? — замѣтилъ Костылевъ, начиная утрачивать хладнокровіе.

— Если хотите, то по вашему...

— Вы... вы... вы...

Произошла очень бурная сцена, такъ что Ѳомину пришлось невольно принять на себя роль добраго генія.

— Господа, ради Бога успокойтесь! Простая случайность... Я предупреждалъ, что мой барометръ падаетъ, Карлъ Карловичъ, а вы спорили и смѣялись...

— Убирайтесь вы къ чорту съ вашимъ барометромъ!..

— Позвольте, вы забываетесь, милостивый государь!.. Я... я... я...

Тутъ пришлось вступиться уже предсѣдателю, но враги накинулись на него съ необыкновеннымъ азартомъ. Костылевъ началъ даже потихоньку отступать, потому что самыя разумныя и убѣдительныя слова потеряли теперь всякій смыслъ.

— Куда вы насъ завели... а?..

— У васъ въ головѣ зайцы прыгаютъ!..

На шумъ и крикъ прибѣжалъ докторъ. Онъ былъ въ одномъ жилетѣ и безъ шапки.

— Господа, пожалуйста, успокойтесь!.. — убѣждалъ онъ, дѣлая самые трогательные жесты обѣими руками. — У Дарьи Гавриловны лихорадка, можетъ образоваться сыпной тифъ, а вы тутъ поднимаете крикъ на цѣлый лѣсъ... Дарья Гавриловна плачетъ... у нея истерика... Карлъ Карлычъ, Аркадій Яковлевичъ, Григорій Семенычъ!

— Убирайтесь вы къ чорту, т.-е. къ вашей женѣ... да!..

Кто крикнулъ роковую фразу, осталось неизвѣстнымъ, но докторъ затрясся отъ бѣшенства и ни съ того ни съ сего бросился, поднявъ кулаки, къ Костылеву. Что могло произойти среди этихъ промокшихъ до костей героевъ, трудно сказать, но Парѳенъ испугался и спрятался за кустомъ. Еще наотвѣчаешься за одурѣвшихъ господъ... Вонъ какая музыка пошла!..

— Микола милосливый, Успленья Матушка... — шепталъ онъ, закрывая со страха глаза.

Когда онъ открылъ глаза, ему сразу сдѣлалось все понятно. Сначала предупредительно зарычала Лыска и сдѣлала нѣсколько прыжковъ къ лѣсной опушкѣ, но сейчасъ же вернулась и, поджавъ хвостъ, спряталась за хозяина.

„Господи, ужъ не медвѣдь ли?“ — подумалъ Парѳенъ.

Привычнымъ охотничьимъ глазомъ онъ сразу замѣтилъ человѣка, прятавшагося за стволомъ сухарины, т.-е. высохшаго на корню дерева. Собственно онъ видѣлъ не самого человѣка, а только выставлявшуюся изъ-за дерева лысую, совсѣмъ, какъ пасхальное яйцо, голую голову. Недаромъ Лыска, ходившая на медвѣдя, такъ оробѣла и схоронилась за хозяйскую спину. Въ слѣдующій моментъ Парѳенъ, размахивая своей шапкой, уже бѣжалъ къ продолжавшимъ галдѣть господамъ и, задыхаясь на ходу, кричалъ:

— Баринъ... ваше благородіе, Григорій Семенычъ!.. родимый мой!.. Енъ пришелъ самъ!..

— Кто ёнъ?

— А который, значитъ, все время намъ глаза отводилъ и въ болото всѣхъ загналъ... „старый шайтанъ“... ёнъ самый... Эвонъ за деревомъ прячется!.. Ахъ, ты, Господи, грѣхъ-то какой вышелъ!.. А я на барышню судачилъ, потому какъ неподобное дѣло женскому полу бродить по лѣсу безъ дороги... Я его сейчасъ предоставлю, стараго колдуна!..

Никто ничего не понималъ. Но появленіе „стараго шайтана“ сразу прекратило начинавшійся бой въ рукопашную, именно, когда докторъ бросился съ кулаками на Костылева.

IV.

„Старый шайтанъ“ продолжалъ стоять на старомъ мѣстѣ. Это былъ невысокій, сгорбленный старикъ, одѣтый въ лохмотья, и даже не въ лохмотья, а во что-то такое, чего разобрать было нельзя. Вѣрнѣе сказать, этотъ костюмъ состоялъ изъ всевозможныхъ заплатъ, причемъ куски матеріи мѣшались съ вытертыми, изношенными кусками собачьяго и оленьяго мѣха. Онъ былъ безъ шапки и босой. Старое лицо тоже точно было составлено изъ отдѣльныхъ кусковъ тонкой и сухой старческой кожи, а глубокія морщины показывали мѣста безчисленныхъ швовъ. Узкіе темные глазки, какъ у хищнаго звѣрька, совсѣмъ прятались подъ напухшими красными вѣками. На этомъ лицѣ изъ кожаной мозаики волосы топорщились какой-то бурой шерстью, какъ лишайники на очень старыхъ деревьяхъ. Голова была совершенно голая, и только за ушами осталось по коротенькой прядкѣ волосъ, — остатки косъ, какія носятъ вогулы.

Рядомъ со старикомъ стояла пестрая, черная, съ ярко-желтыми пятнами собака, точно застывшая въ своей неподвижной позѣ. Она вся была зрѣніе и слухъ. Это былъ великолѣпный экземпляръ породистой вогульской лайки, которой въ лѣсу не было цѣны. Доказательствомъ ея благороднаго происхожденія были желтыя круглыя пятна на бровяхъ, что̀ знатоками-охотниками особенно цѣнится. Широкая грудь, тонкія ноги, задранный на спину кольцомъ пушистый хвостъ, острая морда и большіе, необыкновенно живые глаза довершали картину рѣдкаго типа. Къ этому еще нужно добавить необыкновенную чистоту и особенный блескъ густой шерсти, какой встрѣчается только у лѣсныхъ животныхъ и уже теряется у домашнихъ собакъ, вкусившихъ запретнаго плода цивилизаціи — собачьихъ конуръ, дворовъ и комнатъ.

„Старый шайтанъ“ долго и внимательно смотрѣлъ, что̀ дѣлается у докторскаго костра, а потомъ какъ-то по-заячьи присѣлъ на корточки и удушливо захохоталъ. Именно въ этотъ моментъ его и накрылъ Парѳенъ.

— Ты это чему обрадовался, „старый шайтанъ“?

— Дѣпка смѣшной!.. Ухъ, какой смѣшной дѣпка!..

Дарья Гавриловна передъ костромъ сушила распущенные волосы и, дѣйствительно, имѣла оригинальный видъ, потому что осталась въ однѣхъ зеленыхъ рейтузахъ. Зеленая блуза, безпомощно опустивъ пустые рукава, висѣла на колышкѣ передъ огнемъ.

— Ахъ, ты, старый шайтанъ!.. Это — наша барышня... — объяснилъ Парѳенъ, благочестиво отворачиваясь отъ соблазнительнаго зрѣлища.

— Дѣпка... — упрямо повторялъ „старый шайтанъ“ и опять хохоталъ, широко раскрывая свой беззубый ротъ. — Ухъ, какой смѣшной дѣпка!..

Собаки сначала поворчали другъ на друга и продѣлали всѣ церемоніи перваго собачьяго знакомства, особенно когда вогулъ сдѣлалъ пріятное открытіе, что Лыска — дама. Впрочемъ, за излишне торопливыя любезности онъ получилъ отъ Парѳена ударъ ногой въ бокъ, а Лыска пребольно рванула его зубами за ухо. Парѳенъ обратилъ особенное вниманіе на берестяный заплечникъ, болтавшійся на спинѣ „стараго шайтана“, и безъ церемоніи открылъ его.

— Эге, да тутъ и уха будетъ господамъ, и косачъ на жаркое... Давленый косачъ-то?

— Давленый...

— Этакій ты чортъ иванычъ... Ну, да ничего, не говори только господамъ, а самимъ имъ не догадаться, что ты силками душишь птицу.

— Стрѣляная скоро портится...

Появленіе „стараго шайтана“ произвело извѣстную сенсацію. Всѣмъ вдругъ сдѣлалось стыдно. Вѣдь еще немного, и могла произойти настоящая свалка. И все это происходило на глазахъ посторонняго человѣка, Пароѳена, который вернется домой и будетъ всѣмъ разсказывать, какъ дрались въ лѣсу образованные господа. Вообще очень хорошо... Теперь, чтобы затушевать собственное смущеніе, всѣ съ особеннымъ вниманіемъ отнеслись къ „старому шайтану“.

— Ты, братецъ... да... гм... Ты здѣсь живешь? — совершенно глупо спрашивалъ Люстигъ.

— Вездѣ живу... — отвѣчалъ старикъ, улыбаясь своей беззубой дѣтской улыбкой.

— У тебя домъ есть гдѣ-нибудь?..

— Какой у него домъ, Карла Карлычъ, — объяснилъ Пароѳенъ. — Лѣтомъ-то по лѣсу шляется... Наладитъ себѣ шалашикъ изъ еловой коры и спитъ въ немъ, а зимой околачивается около добрыхъ людей. Въ избы-то его не пущаютъ, ну, такъ онъ по банямъ живетъ.

Ѳоминъ занялся разсматриваніемъ ружья „стараго шайтана“. Это была самая старинная малопульная винтовка съ самодѣльной ложей. Какъ старикъ ухитрялся убивать изъ нея бѣлокъ и куницъ, трудно было понять.

— Да, орудія... — замѣтилъ Пароѳенъ тономъ спеціалиста. — А шайтанъ изъ нея вотъ какъ лихо запаливаетъ. Бѣлку прямо въ голову бьетъ... Онъ изъ рыбы кожу умѣетъ дѣлать. Ну-ка, шайтанъ, покажи господамъ свою рубаху.

Рубаха оказалась верхомъ вогульскаго искусства. Она была, дѣйствительно, сдѣлана изъ выдѣланной рыбьей кожи и сшита бѣличьими жилами.

— Настоящій пещерный человѣкъ, — опредѣлилъ докторъ. — Интересный экземпляръ вообще. Прямо для этнографическаго музея.

Костылевъ ничего не спрашивалъ „стараго шайтана“, не осматривалъ его, а просто налилъ походный серебряный стаканчикъ водки и молча поднесъ его старику. „Старый шайтанъ“ взялъ стаканчикъ, перекрестился и выпилъ, блаженно закрывъ глаза.

— Да ты развѣ православный, старикъ? — удивлялся Ѳоминъ.

— Мой четыре раза православный!.. — не безъ гордости отвѣтилъ „старый шайтанъ“. — Два раза отецъ крестилъ, да два раза самъ себя крестилъ... Рубаха получалъ, крестъ получалъ... потомъ острогъ сидѣлъ...

— Это его, ваше благородіе, за омманъ въ острогъ-то садили, — объяснялъ Пароѳенъ: — потому не омманывай поповъ, что некрещеный. Исправникъ-то тебя дралъ, шайтанъ?

— У! у!.. Шибко дралъ... Шайтанъ умирать хотѣлъ...

Всѣмъ это показалось очень смѣшнымъ, и „старый шайтанъ“ получилъ отъ Люстига второй стаканчикъ водки.

— Вы ему не очень втравляйте водку, Карла Карлычъ, — замѣтилъ Пароѳенъ не безъ зависти. — Много ли старику надо... Ему-то, сказываютъ наши старики, больше ста лѣтъ. А напьется прежде время и изъ лѣсу не выведетъ...

— Развѣ мы заблудились? Этого еще недоставало!.. Господа, поздравляю!.. Пароѳенъ, да ты сбѣсился?.. Какъ ты смѣлъ, каналья?!. А?..

— Ваше благородіе, Карла Карлычъ, моей тутъ причины никакой нѣтъ, — смѣло оправдывался Пароенъ. — Зимой ѣздили съ Григорій Семенычемъ, — никакого болота не видали... Я и самъ дивился: откуда болото взялось? А это, Карла Карлычъ, ёнъ глаза отвелъ, шайтанъ... Ужъ я вѣрно вамъ говорю. Рукомесло-то у него извѣстное... Ни одной свадьбы безъ него не играютъ у насъ. Самый вредный человѣкъ... Извѣстно, живетъ въ лѣсу и съ разной нечистой силой знается. Давѣ какъ напугалъ у меня Лыску... Я ужъ подумалъ, не медвѣдь ли, грѣшнымъ дѣломъ.

— Такъ онъ, по-твоему, колдунъ?

— Извѣстно, колдунъ... Ёнъ все можетъ: и кровь заговариваетъ, и килу устроитъ въ лучшемъ видѣ, и глаза отведетъ. Бабы, которыя выкликаютъ, до смерти его боятся. Это у него разлюбезное дѣло, чтобы въ бабу запустить бѣса... У него, ваше благородіе, на все есть свой заговоръ.

— И травами лѣчитъ? — спросилъ докторъ.

— И травами и кореньями, а главное — наговорами. Онъ слово знаетъ...

— Какое слово?

— А это ужъ онъ знаетъ... Наши мужички давно собираются его порѣшить, да только страшно: не простъ человѣкъ.

„Старый шайтанъ“ слушалъ и улыбался своей дѣтской улыбкой.

— Шайтанъ, знаешь слово? — спрашивалъ его Люстигъ.

— Знаю много словъ... хорошія слова...

— Ёнъ, ваше благородіе, и звѣря и птицу заговариваетъ... Идешь рядомъ съ нимъ по лѣсу и ничего не видишь, а ёнъ хлопъ да хлопъ изъ своей орудіи. А рыбу удитъ перстомъ. Своими глазами видѣлъ: опуститъ руку въ воду, оттопыритъ одинъ перстъ, ну, рыба къ нему и бѣжитъ.

— Можетъ-быть, рыба принимаетъ его палецъ за червя?

— Нѣтъ, она тоже не бросится зря, значитъ, рыба... Хитрая она... А ёнъ ее сцапаетъ и тутъ же живую съѣстъ. Да вотъ у него и сейчасъ, ваше благородіе, въ заплечникѣ и тетерька и рыбина. Мы-то шли по лѣсу и ничего не видѣли, а онъ зацѣпилъ тетерьку.

Послѣднее всѣхъ обрадовало. Значитъ, будетъ и уха и жаркое. Всѣ уже испытывали первые приступы голода.

Докторъ только теперь вспомнилъ, что жена сидитъ у своего костра одна, и торопливо направился къ ней съ радостной вѣстью объ ужинѣ. Дарья Гавриловна встрѣтила его съ особенной суровостью.

— Это очень хорошо съ вашей стороны бросать меня одну... Вы тамъ деретесь, а я тутъ хоть пропадай... Очень корректно!..

— Никто не думалъ драться, а только вышелъ крупный разговоръ... да...

Онъ торопливо разсказалъ объ интересномъ колдунѣ, о томъ, что они заблудились, что будетъ ужинъ. Дарья Гавриловна успокоилась. Она успѣла высушить свое платье и была довольна, что дождь пересталъ итти. А провести ночь въ лѣсу у костра даже весело... Когда зашелъ разговоръ объ ужинѣ, она огорчила мужа хозяйственнымъ вопросомъ:

— А гдѣ же у насъ соль?

Докторъ не нашелъ ничего сказать лучше, какъ обвинить предсѣдателя, который долженъ былъ предусмотрѣть все.

— Онъ кругомъ виноватъ, Даша... Ахъ, негодяй!.. А колдунъ—преинтересный субъектъ и ѣстъ рыбу живую безъ всякой соли... да...

—Ну, это ужъ совсѣмъ нецѣлесообразно!..

V.

Скоро вся компанія собралась около костра подъ елью. Стояла темная іюльская ночь. Гдѣ-то въ болотѣ скрипѣлъ неугомонный коростель. Общее вниманіе сосредоточивалось теперь на „старомъ шайтанѣ“, который сидѣлъ передъ огнемъ на корточкахъ. Водка на него сильно подѣйствовала, и онъ улыбался блаженной улыбкой.

— Сколько тебѣ лѣтъ, дѣдушка? — спрашивала Дарья Гавриловна.

— А я забылъ... Парѳенъ говоритъ, что больше ста...

— У тебя родные кто-нибудь есть?

— Всѣ подохъ... Много было, а хлѣба было мало... звѣря мало, птицы мало...

„Старый шайтанъ“ совершенно не къ мѣсту засмѣялся, точно вспомнилъ какой-нибудь веселый анекдотъ. Онъ говорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, но его можно было понять.

— Совершенно дикарь... — брезгливо замѣтилъ Люстигъ, пожимая плечами.

— А развѣ тебѣ ихъ не жаль, покойныхъ родственниковъ?—продолжала экзаменовать Дарья Гавриловна.—Вѣдь не чужіе были...

Слово „жаль“ оказалось совсѣмъ непонятнымъ старику, какъ ни старались его объяснить.

— Подохъ... околѣлъ...—бормоталъ онъ, продолжая улыбаться. — И ты околѣешь...

— А давно это было, когда подохла твоя родня?

— Ухъ, давно!.. Водка былъ дорогой тогда...

У „стараго шайтана“ была своя хронологія,—онъ считалъ по цѣнѣ на водку, т.-е. когда былъ откупъ и когда появился акцизъ. Всѣмъ это казалось очень забавнымъ, и всѣ чувствовали себя весело. Парѳенъ сварилъ въ чайникѣ уху, но не было хлѣба и соли. Дарья Гавриловна захватила съ собой только нѣсколько пирожныхъ и фунтъ карамелекъ.

— А что же, это будетъ очень оригинально, — заявилъ Люстигъ. — Кажется, еще никто не ѣлъ уху съ карамельками и пирожнымъ.

— Сахаръ замѣняетъ до извѣстной степени соль, — прибавилъ докторъ.

Уху съѣли и безъ соли, а затѣмъ съѣли зажаренную въ золѣ тетерьку, причемъ какъ-то забыли, что „вожъ“ Парѳенъ и „старый шайтанъ“ тоже хотятъ ѣсть. Костылевъ почти все время молчалъ. Ему не нравился тонъ, какимъ разговаривали со старикомъ-вогуломъ цивилизованные люди. Потомъ, зачѣмъ Дарья Гавриловна угощаетъ старика водкой?

— Шайтанъ, а ты бывалъ въ городѣ?

— Очень бывалъ... три раза бывалъ... Острогъ сидѣлъ...

— За что же тебя въ острогъ садили?

— А не знаю... Бумагу требовалъ начальникъ, у шайтана бумага нѣтъ...

— За безписьменность судился, — объяснилъ Парѳенъ. — Значитъ, начальство паспорта требовало...

— Нехорошо въ острогѣ, шайтанъ?

— Зачѣмъ нехорошо? Два раза въ день кормили... Ухъ, хорошо!.. Потомъ шайтана на судѣ судили... лишили всѣхъ правъ состоянія...

— А какія у тебя права?

— Не знаю... начальство знаетъ...

— Ну, какъ же ты теперь безъ всякихъ-то правъ живешь?

— Ничего, живу...

Всѣ хохотали. Что̀ можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, смѣшнѣе дикаря, лишеннаго какихъ-то миѳическихъ правъ? Смѣялся вмѣстѣ съ другими и „старый шайтанъ". У него было единственное право — умирать съ голоду, и этого священнаго права не могла его лишить даже самая сердитая власть.

— У насъ сегодня этнографическая ночь,—замѣтилъ докторъ, любившій научныя опредѣленія.—Не правда ли, Григорій Семенычъ? Что̀ вы все время молчите?

— Да такъ... не говорится. Да и спать пора, господа. Завтра рано придется встать. Предупреждаю...

Былъ уже девятый часъ, и всѣ охотно согласились съ этой счастливой мыслью. Пароенъ очень искусно устроилъ „дѣвственное ложе" для Дарьи Гавриловны. Онъ надралъ моху, наломалъ мягкихъ пихтовыхъ вѣтокъ и даже пожертвовалъ собственный зипунъ.

— Настоящая перина будетъ, барышня...

— Я боюсь одна спать, господа, — предупредила Дарья Гавриловна.— Пожалуйста, не бросайте меня на произволъ судьбы, какъ давеча... Это будетъ некорректно съ вашей стороны.

Кругомъ ели устроилось настоящее становище. Каждый устроился, какъ хотѣлъ. У огня оставались Костылевъ и „старый шайтанъ". Старикъ сильно захмелѣлъ, крутилъ время отъ времени своей головой и продолжалъ улыбаться.

— Зачѣмъ ты водку пьешь, шайтанъ? —спрашивалъ Костылевъ, раскуривая папироску.

— Ухъ, люблю!.. Шибко люблю!

— Потомъ будешь хворать... голова заболитъ...

— У меня не болитъ...

Молчаніе. Тихо-тихо кругомъ, точно въ пустой церкви. Изрѣдка эта тишина нарушалась только тѣми неясными звуками, которые по ночамъ слышатся въ лѣсу и происхожденіе которыхъ трудно объяснить. Осторожно ли крадется хищный звѣрь, шарахнулась ли шальная ночная птица, стучитъ ли собственная кровь въ ушахъ, — ничего не разберешь. Вѣковой лѣсъ стоитъ темной загадкой, въ немъ чувствуется что-то недосказанное, какая-то затаенная дума... Фантазія невольно разыгрывается, но—увы!—у цивилизованнаго человѣка она, какъ ощипанная птица, безсильна подняться съ земли. Костылевъ съ завистью смотрѣлъ на дикаря-вогула, для котораго лѣсъ былъ живымъ существомъ и говорилъ съ нимъ тысячью голосовъ. Да, тутъ было все живое, и незримо витали въ воздухѣ добрые и злые духи. Въ каждомъ шорохѣ слышался ихъ таинственный шопотъ, предупреждающій, повелительный, вѣщій.

— Почему ты остался здѣсь? — спрашивалъ Костылевъ начинавшаго дремать „шайтана". — Вѣдь другіе вогулы давно переселились за Уралъ, на Лозьву... Ты помнишь, какъ они уходили отсюда?

— Шибко помню... Тамъ лучше—вотъ и ушли.

— А ты почему не пошелъ съ ними?

— Мнѣ нельзя... Они—простые вогулы, а я—князь.

— Ты князь?..

— Шибко князь... князь Киваста... Меня русскіе шайтаномъ зовутъ, а я—князь. Когда начальникъ меня дралъ, я и ему не сказалъ, что я—князь Киваста... Шибко дралъ, а мнѣ смѣшно... Мнѣ нужно его было драть, а я молчалъ. И въ острогѣ молчалъ... Вотъ я и остался здѣсь. Все мое здѣсь, каждое дерево...

— Это—казенная дача...

— Я не отдавалъ ее никому... Я ее берегу... каждое дерево берегу...

— А вотъ я проведу дорогу, и поселятся въ твоемъ лѣсу русскіе?

— Пусть селятся, а все-таки все мѣсто мое... Я не могу его отдать никому.

— А когда ты умрешь, тогда что̀ будетъ?

„Старый шайтанъ“ посмотрѣлъ на Костылева своими темными глазками и засмѣялся, какъ смѣются надъ наивнымъ ребенкомъ.

— Тогда всѣ вогулы вернутся сюда и прогонятъ всѣхъ русскихъ,— увѣренно проговорилъ онъ. — О, вогуловъ много, какъ листьевъ на деревѣ!.. Вогулы самый сильный народъ... Вотъ ты строишь для нихъ свою дорогу... И всѣ другіе будутъ работать для вогуловъ... Я ужъ видѣлъ въ Усольѣ, какія для нихъ устроены русскими желѣзныя лодки и желѣзная лошадь... Все это для вогуловъ... Они только ждутъ, когда имъ итти... Вернутся и всѣ покойники... они только отдыхаютъ пока... Всѣ покойники придутъ. Старый шайтанъ все знаетъ, только молчитъ... И я буду управлять своимъ народомъ, а ты будешь мнѣ кланяться... Всѣ вогулы будутъ ѣсть каждый день и всѣ будутъ счастливы...

„Старый шайтанъ“ долго говорилъ о свѣтломъ вогульскомъ будущемъ и улыбался блаженной, дѣтской улыбкой.

1903.

ВЪ БОЛОТѢ.

Изъ записокъ охотника.

На Уралѣ есть цѣлый рядъ заросшихъ озеръ. Если смотрѣть на нихъ откуда-нибудь съ возвышенности, можно отлично видѣть сохранившійся уровень воды, линію берега, острова. Замѣчательно то, что образовавшіяся торфяники и болота сохранили прежній водяной уровень, тогда какъ обыкновенно онъ понижается въ видѣ широкихъ ложбинъ и неправильной формы ямъ.

Ходить по такому заросшему озеру довольно опасно; почва такъ и колышется подъ ногами, точно идешь по натянутому полотну; въ другихъ мѣстахъ нога проваливается совсѣмъ, а кое-гдѣ еще сохранились полузатянутыя осокой и лопушникомъ глубокія озерныя „окна", которыя даже не замерзаютъ зимой. Растительность на такихъ мертвыхъ озерахъ совершенно особенная, тоже какая-то мертвая: жесткая осока, ситникъ, бѣлоусъ, мхи и разнообразный кустарникъ, начиная со смородины по краямъ и кончая вербой. Особенно замѣчательны болотныя сосны и березы, по которымъ сразу узнаешь настоящее болото: деревья здѣсь превращаются въ жалкихъ карликовъ, точно золотушныя дѣти, а между тѣмъ такимъ карликамъ бываетъ иногда лѣтъ за сто. Болотная дичь любитъ эти мертвыя мѣста и плодится здѣсь во множествѣ, тѣмъ болѣе, что есть такія болота, которыя рѣшительно лѣтомъ недоступны охотникамъ.

Разъ утромъ, въ концѣ іюля, я долго бродилъ съ собакой по берегу такого болота, еще находившагося въ періодѣ зарастанія: торфяной слой залегъ всего на глубинѣ полуаршина, а поверхность представлялась рѣдкимъ кочкарникомъ, съ водяными просвѣтами. Подъ водой отчетливо можно было разсмотрѣть пестрый коверъ прошлогоднихъ водорослей, точно дно было выложено деревянной коричневой мозаикой. Въ девять часовъ уже сильно парило. Небо было совершенно безоблачно, и отъ болота поднимались тяжелыя испаренія. Становилось просто душно, и время было подумать объ отдыхѣ; собака тоже устала и смотрѣла на разстилавшееся болото лѣнивыми глазами, опустивъ хвостъ. Недалеко высилась каменистая горка, съ сосновой гривкой наверху и зеленой опушкой изъ рябинъ внизу; я направился къ ней, чтобы отдохнуть гдѣ-нибудь въ тѣни у ключика.

Я забылъ упомянуть о страшномъ врагѣ, который гналъ насъ изъ болота сильнѣе солнечнаго зноя; этотъ врагъ — болотный комаръ и какая-то мошка, безсовѣстно лѣзшая въ ротъ, въ носъ и даже въ уши. Приходилось постоянно отмахиваться, при чемъ врагъ исчезалъ, какъ дымъ, а лицо, руки и шея начинали просто пухнуть отъ безчисленныхъ укушеній. Люди съ чувствительной кожей иногда возвращаются изъ такого болота съ совершенно взду-

тыми лицами, такъ что даже глаза заплываютъ, но, конечно, привычка и нѣкоторая опытность предохраняютъ нѣсколько отъ подобныхъ превращеній. Шлепая по болоту, я думалъ съ особеннымъ удовольствіемъ о разведенномъ огонькѣ-куревѣ, который разгонитъ болотныхъ разбойниковъ, но въ этотъ моментъ собака глухо заворчала, предупреждая о присутствіи чужого человѣка.

Въ десяти шагахъ отъ меня, по колѣни въ водѣ, стояла низенькая старушка съ глубоко надвинутымъ желтымъ платочкомъ на головѣ; въ подолѣ желтаго сарафана она держала пучки какой-то желтоватой болотной травы.

„Какая-нибудь деревенская знахарка...“ — мелькнуло у меня въ головѣ.

— Бабушка, гдѣ здѣсь найти ключикъ? — спросилъ я, подходя къ старушкѣ.

— А вотъ сейчасъ подъ горкой, милый... вонъ черемуха гдѣ, — привѣтливо отвѣтила знахарка, нагибаясь за новой травкой.

— Спасибо, бабушка... Травку собираешь?

— Травку, баринъ, травку... хорошую травку.

Я поплелся впередъ къ указанному мѣсту, но старуха меня остановила.

— А тамъ, баринъ, у ключика-то у меня внучка махонькая покинута, — предупреждала она, заслоняя морщинистое высохшее лицо отъ солнца рукой: — вотъ песикъ-то твой не напугалъ бы...

— Хорошо, бабушка, не испугаемъ.

— Спитъ она, внучка-то...

Подъ кустомъ черемухи я, дѣйствительно, нашелъ и ключикъ и спавшую внучку. Мѣсто было прелестное, но можно было пройти въ двухъ шагах не замѣтивъ его. Въ глубинѣ сцены высился скалистый гребень, обр[illegible] молодымъ соснякомъ, а ближе къ водѣ тянулась опушка изъ черемухи, р[illegible] и тальника. Нужно было раздвинуть вѣтви низкой черемухи, чтобы п[illegible] на неправильной формы лужайку, поросшую густой зеленой травой. Бли[illegible] болоту, гдѣ сочился изъ земли свѣтлый, какъ горный хрусталь, ключикъ, [illegible] сдѣлана даже ямка въ пескѣ и обложена по краямъ пестрыми камешками. Очевидно, старушка-знахарка частенько бывала здѣсь.

Найти спавшую дѣвочку было тоже довольно трудно, хотя она спала почти совсѣмъ на виду, въ тѣни той самой черемухи, на которую указывала старушка. Это была совсѣмъ еще маленькая дѣвочка, лѣтъ четырехъ; она спала прямо на травѣ, покрытая поношеннымъ ситцевымъ фартукомъ, изъ-подъ котораго выставлялись только босыя ножки, покрытыя грязью и царапинами.

Устроить курево было дѣломъ минуты, и скоро ѣдкій соломенный дымъ потянулъ кверху столбомъ, потому что день былъ безвѣтреный и воздухъ стоялъ, не шелохнувшись. Я съ наслажденіемъ напился ключевой воды, умылся и, не торопясь, принялся готовить охотничій завтракъ изъ убитыхъ куликовъ.

— Дай-ка я тебѣ, баринъ, сама изжарю пташекъ-то...—проговорилъ за мной голосъ знахарки.

Я даже вздрогнулъ отъ неожиданности, и сконфуженная собака, прокараулившая подкравшуюся старуху, зарычала не на шутку и долго не могла успокоиться. Теперь я вспомнилъ, что я давеча совсѣмъ не замѣтилъ старухи, хотя она бродила по совершенно открытому мѣсту и въ моментъ встрѣчи, какъ и теперь, точно выросла изъ земли. Признаюсь, меня всегда пугаютъ эти неожиданныя молчаливыя появленія, вырастающія изъ земли, какъ тѣни, и я каждый разъ нѣсколько времени испытываю непріятное чувство человѣка, который бродитъ въ темнотѣ и неожиданно наталкивается на совсѣмъ незнакомые предметы.

Пока я передумывалъ все это, знахарка съ какимъ-то ласковымъ шопо-

томъ выложила собранную траву около спавшей внучки, а потомъ принялась за моихъ куликовъ; она, очевидно, умѣла обращаться съ этой дичью, хотя крестьяне болотной дичи сами никогда не ѣдятъ, считая ее поганой. Меня заинтересовало это обстоятельство.

— Бабушка, ты это гдѣ научилась куликовъ-то жарить?—спросилъ я, вынимая еще двухъ на ея пай.

— Нѣтъ, баринъ, я не ѣмъ... никакого мяса не ѣмъ,—отказалась старушка и какъ-то печально улыбнулась.—А гдѣ я научилась куликовъ-то жарить... старая я, баринъ, больно старая. Мало ли чего знаю... Да, старая, даже на что комары—и тѣ не ѣдятъ. Тебя вотъ какъ накрасили, а меня не ѣдятъ, потому и комаръ свой вкусъ знаетъ: одно—старое, другое—молодое...

Знахарка опять улыбнулась и, не торопясь, принялась завертывать куликовъ въ широкіе листья какой-то травы, а потомъ зарыла ихъ въ золу. Я разсмотрѣлъ ее подробно только теперь. Сгорбленная, но еще бодрая, она была одѣта въ поношенный темный ситцевый сарафанъ и такую же рубашку; большой темный платокъ покрывалъ голову вмѣстѣ съ загорѣлой морщинистой шеей. Ноги были босы, со слѣдами болотной тины. Сморщенное лицо смотрѣло ласковыми, свѣтлыми глазами, сохранившими еще таившуюся въ нихъ искру жизни; когда-то это лицо, вѣроятно, было очень красиво, потому что и теперь еще не утратило извѣстной пріятности, особенно когда старушка улыбалась такой хорошей, спокойной улыбкой. Очевидно, она умѣла водиться съ господами и держала себя съ тѣмъ ласковымъ достоинствомъ, съ какимъ умѣютъ обходиться заслуженныя старушки-няни. Обыкновенныя деревенскія старухи какъ-то дичатся незнакомаго барина и постоянно охаютъ и стонутъ, [illegible] ворчатъ.

— Какую это ты, бабушка, травку собирала въ болотѣ?—спросилъ я, [illegible] кулики были уже готовы.

— Травку-то?.. А хорошая, Божья травка... Петровъ-Крестъ прозывается.

Старушка принесла нѣсколько стебельковъ и подала мнѣ; Петровъ-Крестъ походилъ на ландышъ, только былъ длиннѣе и имѣлъ мясистый бѣлый корень въ формѣ раздвинутыхъ пальцевъ.

— Почему эта травка Петровымъ-Крестомъ называется?—спросилъ я, продолжая разсматривать отдѣльные стебельки.

Старушка выбрала одинъ стебелекъ, повернула его вверхъ корешкомъ и подала мнѣ: корешокъ имѣлъ неправильную форму креста. Дальнѣйшихъ объясненій не требовалось.

— Для чего же тебѣ эта травка?

— А хорошая травка, баринъ, пользительная... помогаетъ во многихъ болѣстяхъ: когда къ сердцу подкатитъ, поясницу ломитъ, отъ головы... Ото всего пользуетъ...

— Одну эту травку собираешь, или еще и другія?

— И другія травы собираю, которыя на пользу... Помогаю, кто попроситъ... Есть больно хорошія травки, баринъ. Ахъ, какія травы есть!..

Старушка благочестиво покачала головой и тяжело вздохнула.

Старуха сидѣла на самомъ припекѣ и жевала какую-то корочку, которую прикрывала ситцевымъ платочкомъ; зубы у ней были еще крѣпкіе, такъ что слышно было, какъ она смѣло разгрызала сухія мѣста. Моя собака, прищурившись, все время слѣдила за ней и нѣсколько разъ переводила глаза на меня, точно спрашивая, какъ ей быть. Курево дымилось попрежнему; подъ кустами черной смородины толклись столбомъ комары, въ травѣ стрекотали какія-то козявки, гдѣ-то далеко перекликались журавли. Лѣтній зной все нали-

была, и даже въ тѣни не было спасенія -изъ кустовъ такъ и несло тяжелой, теплой струей, бросавшей въ потъ. Я надѣялся уснуть, чтобы переждать самое жаркое время дня, но всѣ попытки въ этомъ направленіи кончились полной неудачей, и въ результатѣ получилось чувство какого-то разслабленія, точно послѣ жаркой бани. А старушка все сидѣла, вытянувъ впередъ ноги, и не думала уходить съ солнечнаго припека.

— Бабушка, ты изжаришься на солнышкѣ!—проговорилъ я наконецъ, чувствуя, какъ мнѣ самому дѣлается жарче при взглядѣ на эту жарившуюся на солнцѣ старуху.

— Нѣтъ, милушка, я рада солнышку-то... люблю его. Кровь-то старая, не грѣетъ, а солнышкомъ ее и разгоняетъ: все бы вотъ такъ-то сидѣла... хорошо... Больно я люблю это солнышко, милушка, ждешь не дождешься его зиму-то зимскую, а какъ солнышко начало пригрѣвать—я все по лѣсу брожу, по лугамъ, по болотамъ. Дотоль буду ходить, поколь тѣла своего не изношу... На что оно мнѣ теперь? Будетъ ужъ, пожила, погрѣшила...

— Да какіе у тебя и грѣхи, бабушка... Такъ, пустяки какіе-нибудь?

Старушка пытливо посмотрѣла на меня и тяжело-тяжело вздохнула.

Въ это время проснулась спавшая дѣвочка; завидѣвъ чужого человѣка, она сдѣлала серьезное лицо и вопросительно посмотрѣла на бабушку. Это былъ прехорошенькій ребенокъ—круглолицая, съ синими глазками и льняными волосиками, съ румянцемъ во всю щеку, съ такимъ дѣтски-серьезнымъ складомъ пухленькаго ротика и свѣтлымъ, чистымъ взглядомъ, какимъ умѣютъ смотрѣть только дѣти. Въ крестьянской средѣ рѣдко встрѣчаются очень красивыя дѣти, и я съ особеннымъ удовольствіемъ разсматривалъ маленькую внучку.

— Красавица будетъ,—проговорилъ я какъ-то невольно.

Старушка вдругъ нахмурилась и какъ-то ворчливо заговорила:

— Охъ, милушка, не нужно это слово говорить... не ладно ты ск[illegible] нехорошее это слово, баришъ.

— Какъ нехорошее?

— Да ужъ такъ, видно... Танюшка, милушка, что̀ ты такъ воззрилась на барина-то? Баринъ хорошій... Хошь поѣсть-то? На-ка, вотъ, дитятко, у меня тебѣ припасено было...

Старушка достала спрятанный подъ кустомъ узелокъ и вынула изъ него ломоть бѣлаго хлѣба; дѣвочка слѣдила за ней съ заспанной блаженной улыбкой и крѣпко ухватилась за ломоть обѣими ручонками.

— Что̀ же я нехорошее такое сказалъ?—допрашивалъ я, когда кусокъ хлѣба былъ съѣденъ и Таня опять успѣла заснуть.—Вотъ и въ пѣсняхъ про красоту-то поютъ...

— Ахъ, милушка, милушка... Погибель эта самая красота нашему брату, бабѣ... да! Ты думаешь, я всегда такая-то была: сморщенная, да желтая, да старая?.. Охъ, нѣтъ, милушка! Красивая была въ дѣвкахъ, а замужъ вышла—еще краше стала. По шестнадцатому годку замужъ-то вышла, такъ оно было изъ чего хорошѣть-то... Въ Березовскомъ заводѣ тогда мы жили, настоящіе, значитъ, березовскіе были, а въ тѣ времена—ухъ, какъ строго было... Казенные были, а тутъ начальство сторожитъ, потому и съ начальства тоже спрашивали. Давно это, милушка, было, тогда еще тебя и въ поминѣ-то не завелось,—ну, вотъ и присылаютъ къ намъ въ Березовскъ одного начальника, Павла Лександрыча... А какъ прислали его, народъ весьма взвылъ, волкомъ взвылъ, потому больно строгъ былъ Павелъ-то Лександрычъ. Изъ нѣмцевъ онъ: ну, и все требовать зачалъ, чтобы по закону, а тогдашніе-то порядки хуже смерти были... Да и работа эта въ Березовскѣ на промыслахъ была

самая проклятущая: золото добывали по шахтамъ, въ землѣ, милушка, робили, какъ черви землю-то точили... Тяжелая была работа,—ну, а начальство требуетъ, а чуть что—сейчасъ палками... Нынче ужъ этого нѣтъ, а прежде у насъ на промыслахъ за все палками мужиковъ колотили. Павелъ-то Лександрычъ больно ужъ донялъ тогда весь Березовскъ: и работою и своими порядками... Пробовали его подкупать, какъ другихъ начальниковъ, такъ куда тебѣ—приступу нѣтъ. Просто бѣдовенная бѣда, народу-то по пріискамъ тыщи прикалотились—всѣ забѣдовали... И раньше начальство было, и взятки оно брало, сколько хотѣло, и вообще дѣйствовало не по закону, а жилось куда легче, чѣмъ при Павлѣ Лександрычѣ; а онъ все по закону дѣлалъ...

„Да вотъ поди жъ ты... и человѣкъ онъ былъ все-таки, надо сознаться, очень хорошій, дай ему, Господи, царство небесное!—жалобнымъ голосомъ вставила старушка.—Давно ужъ его нѣтъ въ живности-то... Работой онъ томилъ народъ больно. Помаялись-помаялись наши мужики, а вѣдь тогда по-военному все было—вездѣ солдаты стояли, казаки. Ну, старики которые промежъ себя поговорили, посовѣтовались и вырѣшили, что надо выручать міръ, потому всѣмъ петля на шею. Избился народъ-то, а Павелъ-то Лександрычъ все нажимаетъ, все нажимаетъ...

„А я тогда молода была, совсѣмъ глупа,—совершенно другимъ тономъ заговорила старушка, мѣшая угольки въ куревѣ.—Ну, извѣстно, ничего этого не понимаю... Старики такъ промежъ себя говорятъ, а намъ—какое дѣло? Бабъ развѣ спрашиваютъ въ этакія дѣла мѣшаться? А тутъ и до меня дошла очередь... Былъ у меня дѣдушка, совсѣмъ древній старикъ, подъ сто годовъ ему было и разумомъ уже началъ онъ мѣшаться, и все больше съ ребятишками возился. Вотъ этотъ дѣдушка и говоритъ мнѣ: „Матушка, ты бы хоть ягоды продавала, либо грибы... Наши бабы таскаютъ къ Павлу Лександрычу, и ты бы съ ними“.—„Чтой-то, говорю, дѣдушка, учишь меня, у меня свой мужъ есть“.

„Прошло такъ малое время, онъ опять свое, я къ мужу—тотъ изъ лица такъ выступилъ да и сказалъ только всего: „Дѣдушкѣ больше нашего съ тобой знать“... Бабенка я въ тѣ поры была совсѣмъ молодая, бойкая на рѣчахъ; ну, думаю, коли вы такъ, буду, молъ, ягоды продавать. И точно, наберу круженьку земляники и къ Павлу Лександрычу снесу,—онъ самъ любилъ ягоды покупать у бабъ. Ну, такимъ манеромъ покупалъ у меня ягоды и деньги платилъ, супротивъ другихъ бабъ даже больше платилъ, и все наказывалъ чаще носить... Гляжу я, сталъ Павелъ Лександрычъ со мной заговаривать, слово за слово, а самъ таково крѣпко въ меня всматривается. Глупое мѣсто было: мнѣ бы бѣжать, а мнѣ это даже пріятно было... Ей-Богу, отъ глупости больше!.. Потомъ зачалъ онъ меня пощипывать да заигрывать, а я бросила съ ягодами къ нему ходить. Дома ничего не говорю, а сама нейду къ нему, и конецъ дѣлу. Только дѣдушка меня опять донимать сталъ—ступай да ступай, ну, я и повинилась ему во всемъ, какъ на духу.—„Пустое, говоритъ:—надо терпѣть, Матренушка...“—„А мужъ?“ говорю.—„А что, говоритъ, мужъ твой означаетъ, коли тутъ цѣлый міръ терпитъ, можетъ, тыщи народу томятся... а?“ И пошелъ наговаривать, и пошелъ наговаривать, складно умѣлъ таково говорить. Тутъ ужъ и я поняла, къ чему онъ рѣчь-то подводитъ, и даже ужаснулася; ноженьки мои подкосились, свѣтъ изъ глазъ... Конечно, по промысламъ бабы вездѣ балуются, а въ Березовскомъ это даже совсѣмъ ни почемъ, а мнѣ-то стало обидно, что меня свои же въ яму толкаютъ. И вскинулась я на дѣдушку, такъ съ кулаками надъ нимъ и хожу: „Ты, такой-сякой, чему меня учишь, а? Какъ у тебя, стараго, языкъ повернулся?..“ А онъ на

меня:—„Развѣ, говоритъ, я тебя изъ-за денегъ посылаю, глупая?.. Ежели, говоритъ, міръ такъ порѣшилъ, потому какъ отъ Павла Лександрыча житья нѣтъ... міръ-то больше насъ съ тобой: послужи міру-то, а твоей вины тутъ никакой не будетъ"... Я ревѣть, а дѣдушка смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня, снялъ рубаху, повернулся спиной и говоритъ: „Смотри, дитятко, какіе у меня узоры-то нарисованы, да я не ревѣлъ, когда міру надо было послужить..." А спина у дѣдушки вся исполосована бѣлыми рубцами, точно вотъ обожжена чѣмъ, и кости даже знать, гдѣ были измочалены палками... Это его палками наказывали, когда онъ еще въ шахтѣ робилъ и шахту затопилъ, потому ему тоже отъ міра наказъ такой былъ. Ему за это за самое пятьсотъ палокъ и всыпали... Подневольный народъ тогда былъ, замаяли подземной работой, вотъ міръ и порѣшилъ шахту у начальства затопить, а дѣдушка въ штегеряхъ ходилъ—его и заставили".

Старушка замолчала, съ трудомъ переводя духъ. Гдѣ-то далеко-далеко, какъ пушечный выстрѣлъ, прокатился глухой раскатъ грома; надъ горизонтомъ выплывало темное грозовое облачко и быстро подвигалось къ намъ. Зной стоялъ прежній, но теперь порывами набѣгалъ легкій вѣтерокъ и качалъ черемухами и рябинами. Таня проснулась и заплакала.

— Слава Тебѣ, Господи...—крестилась старуха, разсматривая катившуюся по небу тучку.—Давно ужъ земля дождичка проситъ... травушка-то больно притомилась.

— Что̀ же дальше-то было, бабушка?—спрашивалъ я, заинтересованный разсказомъ.

— Дальше-то? А ничего: Павелъ-то Лександрычъ совсѣмъ стишалъ, точно другой человѣкъ сдѣлался... Сначала я ягоды ему все носила, потомъ грибы, а потомъ и совсѣмъ къ нему перешла жить. Вдовецъ онъ былъ,—ну, я и жила у него. До меня онъ больно добрый былъ—одѣвалъ, дарилъ, баловалъ... А я все дѣлаю, какъ дѣдушка училъ, все за міръ хлопотала. Мужа штегеремъ сдѣлалъ Павелъ-то Лександрычъ, родню въ люди вывелъ. Ох-хо-хо!.. А я отъ хорошей жизни еще краше стала: идешь, бывало, по улицѣ, такъ чужой народъ любуется. Кланяться стали, потому, что̀ хочу, то и дѣлаю—большую силу забрала у Павла Лександрыча. Чудной онъ какой-то былъ, прости его, Господи... Сначала-то я даже боялась его, а потомъ привыкла,—такъ привыкла, что и про мужа совсѣмъ забыла. Вотъ она, красота-то куда завела: мужа не жаль, а Павла Лександрыча жалѣть начала, точно вотъ приросла къ нему. Даже какая-то злость на меня нашла: нарочно, бывало, дразню мужа, чтобы онъ меня колотилъ, какъ другихъ бабъ мужья бьютъ... А то, бывало, совѣсть зачнетъ мучить, ночи не спишь, Богу все молишься—нѣтъ, ничего не беретъ. Такъ-то разъ мучилась-мучилась, да и порѣшила: брошусь я отъ этой жизни въ шахту, все одно—моченьки моей не стало. Совѣсть доняла... Похудѣла, задумываться стала, а дѣдушка-то все ужъ примѣчалъ за мной, что не ладно, молъ, что-то съ бабой дѣется. Умственный былъ старичокъ... Ну, разъ я вечеркомъ и отправилась въ лѣсъ, думаю, брошусь куда-нибудь въ шахту, потому тошнехонько; иду это я болотомъ, а дѣдушка мнѣ навстрѣчу, такъ же вотъ разную травку собиралъ. Пользовалъ онъ народъ травкой... Увидалъ меня и говоритъ: „Нехорошее у тебя на умѣ, внученька"... Я ему опять все и разсказала: реву и разсказываю, а онъ слушаетъ и тоже плачетъ. Вотъ онъ тогда и добылъ изъ-за пазухи эту самую травку, Петровъ-Крестъ, и говоритъ: „Внученька, вотъ тебѣ травка хорошая... пей ее съ молитвой, можетъ, Господь и поможетъ, а рукъ на себя не накладывай. Это травка особенная, крестомъ въ землю растетъ, Божья травка; отъ нашихъ грѣховъ крестъ Господень въ

землю ушелъ". Стала я эту травку пить—и точно, облегчало... Въ тѣ поры и Павелъ Лександрычъ померъ, дѣвочка у меня отъ него осталась, —ну, я изъ Березовска ужъ ушла—тяжело было на людей глядѣть. Съ дѣдушкой все жила, онъ меня и травы научалъ собирать, и какая въ какой травѣ польза... Дочка-то потомъ замужемъ была да померла, а мнѣ вонъ Танюшку оставила.

— А мужъ?

— Мужъ?.. Совсѣмъ онъ свихнулся, водкой зашибалъ сильно... Давно ужъ его тоже въ живыхъ нѣтъ. Охъ, грѣхи, грѣхи!.. Танюшка, милушка, оболокайся, можетъ, еще поспѣемъ до дождя домой добѣжать.

Старушка заторопилась, связала свои травы, спрятала какой-то узелокъ въ кусты и, простившись со мной, исчезла въ кустахъ. Я тоже пошелъ и, взобравшись на каменный утесъ, долго провожалъ торопливо уходившую парочку: старуха тащила дѣвочку за руку и скоро скрылась въ березовой рощицѣ. Мнѣ съ возвышенности видно было все мертвое озеро, тянувшееся верстъ на пять; направо, изъ-за сосноваго лѣса, выдвигался острый мысикъ, а за нимъ бурымъ пятномъ виднѣлась глухая деревушка, гдѣ жила старуха. Туча уже висѣла надъ головой и совсѣмъ закрыла солнце; было душно, недалеко пронеслась со свистомъ стая утокъ и пала въ болото. Вотъ и первыя крупныя капли дождя застучали съ сухимъ шумомъ по зелени, вотъ и глухой шумъ отъ надвигавшейся грозы, и молнія, и раскатистый гулкій ударъ грома, гулко грянувшій около самаго уха... Я шагалъ съ собакой чрезъ кусты къ лѣсу, чтобы укрыться отъ ливня гдѣ-нибудь подъ деревомъ.

1885.

ГОВОРОКЪ.

Очеркъ.

I.

Что можетъ быть лучше свѣтлаго озера, когда оно, лѣтнимъ утромъ, все изъ края въ край курится радужнымъ туманомъ? Въ глубинѣ синей стѣной поднимаются горы, за которыми спрятались Чудскіе заводы—старый и новый; направо зеленой каймой подошли камыши и заливные луга, а налѣво шелковой скатертью уходитъ изъ глазъ башкирская степь. На выдающемся въ озеро мысу мохнатой шапкой стоитъ сосновый боръ, а за лугами—зелеными пятнами разсажались березняки. На откосѣ, гдѣ песчаный берегъ уходилъ въ воду, какъ осиное гнѣздо, присѣла къ землѣ, своей сотней избушекъ, деревня Кучки. Лѣтомъ даже эта деревня красива, точно она сушится на своемъ откосѣ, а послѣднія избушки совсѣмъ подошли къ водѣ и смотрятся въ озеро, какъ въ зеркало.

Раннимъ утромъ, на самомъ берегу, изъ крайней избушки выходилъ сгорбленный, худенькій мужикъ Матвѣй, садился въ ботъ и плылъ осматривать выкинутыя съ вечера снасти. Нужно было перекосить все озеро, обогнуть боровой мысъ и попасть въ курью, гдѣ у Матвѣя изъ года въ годъ ловилась рыба. Съ горъ всегда дулъ вѣтеръ и волна шла къ деревнѣ, а въ курьѣ всегда затишье и вода точно застыла. Проплывая подъ мысомъ, Матвѣй останавливался у арендаторской избушки, гдѣ жилъ караулившій озеро сторожъ, и говорилъ:

— Ну, Ильичъ, за твоей рыбой поѣхалъ...

— А мнѣ какая печаль сдѣлалась?.. Твой грѣхъ, твой и отвѣтъ...

— Ладно, разговаривай да кланяйся арендателю.

— И то скажу: способу съ вами нѣтъ. Гдѣ же мнѣ одному съ цѣлой деревней управиться... Вотъ начальство выѣдетъ, такъ тогда поговорите.

— И поговоримъ.

— Мотри, Матвѣй, не миновать тебѣ острогу...

— А кто въ острогѣ-то сидитъ, можетъ, получше насъ съ тобой.

Кривой Ильичъ обыкновенно уходилъ въ свою избушку, а Матвѣй плылъ дальше. „На-ка, арендатель тоже выискался на озеро,—ворчалъ онъ, стоя въ боту на ногахъ и ловко загребая воду одноперымъ веселкомъ.—Этакъ и житья не будетъ: земля господская, вода арендателева...“ Матвѣй промышлялъ на озерѣ уже тридцать лѣтъ, а тутъ вдругъ его озеро въ аренду сдали. Еще надо спросить, чье оно, озеро-то. У арендатора, конечно, денегъ много, да всего деньгами тоже не укупишь. И вся-то штука въ томъ, что помѣщику покориться не охота,—вотъ и сдалъ озеро.

— Нѣтъ, братъ, постой...—вслухъ говорилъ Матвѣй, вынимая изъ воды разную снасть и выбирая запутавшуюся въ ней рыбу.—И земля твоя и озеро твое—нѣтъ, погоди. Жирно будетъ... Еще покойникъ-родитель на озерѣ-то рыбачилъ, а тутъ здорово живешь. Нѣтъ, ты еще обожди маненько!..

Въ Матвѣѣ много было задорной энергіи, выливавшейся въ вѣчныхъ спорахъ и пререканіяхъ то съ сосѣдями, то со старостой, а то просто со своей собственной бабой Авдотьей. Особенно доставалось отъ него волостнымъ. Староста Маркелъ иначе не называлъ Матвѣя, какъ язвой—„ишь, наша-то язва зудитъ". Сборщики податей боялись его, какъ огня, потому что ужъ Матюшка подыщется къ чему-нибудь, а потомъ не развяжешься. Когда повѣряли волостныя суммы и усчитывали старшину, Матвѣй былъ впереди всѣхъ и, жертвуя собственной работой, „достигалъ" каждую неустойку. Неугомонный мужичонка, однимъ словомъ, сидѣвшій въ Кучкахъ, какъ заноза. Даже выбрать его старшиной или старостой было невозможно: первое—бѣдный человѣкъ, второе—дѣло у него такое, что оторваться нельзя, а третье—не уладитъ съ начальствомъ. Въ сельское начальство обыкновенно верстаютъ тѣхъ, кто въ силѣ и можетъ постоять за себя, или же въ наказаніе—пусть отдувается передъ начальствомъ за все общество, а Матвѣй не подходилъ ни подъ какую линію.

— Матюшка у насъ, какъ кривое полѣно,—говорилъ старшина Судыгинъ:—никакъ ты его не укладешь.

— Ты у меня учись жить-то, Палъ Андронычъ,—отвѣчалъ Матвѣй, встряхивая головой.—Ума у меня противъ всего отчества много—вотъ главная причина. Все я могу смозговать... да...

Однообщественники въ шутку называли его „козьими рогами", которые, [illegible]ловицѣ, ни изъ короба ни въ коробъ. Матвѣй Козьи-Рога сдѣлалось [illegible]мъ прозвищемъ. Подъ этой кличкой знала его вся волость, а дома до[illegible]ена:

— Ну, заскулили Козьи-Рога...

Сосѣдки давались диву, какъ это Авдотья живетъ съ такимъ мужемъ: вѣдь онъ поѣдомъ ѣстъ бабу—и стала не тамъ, и пошла не этакъ, и у другихъ-то все не по-нашему.

— А вотъ онъ уплыветъ въ курью, такъ я быдто и передохну безъ него...—говорила въ свое оправданіе безотвѣтная баба Авдотья.—Ежели бы да онъ все дома-то сидѣлъ—помереть!

— Что̀ ужъ и говорить, бабонька: трясучая осина, а не мужикъ.

Выслушивая эти жалостливыя сосѣдскія рѣчи, баба Авдотья однажды отвѣтила:

— Да вѣдь онъ, Матвѣй-то, добрый... Такъ онъ кажется только, что все скулитъ. Я вѣдь его не больно слушаю...

Вся улица хохотала надъ Авдотьей: вотъ такъ нашла добряка. То-то глупая баба! Матвѣй такую и подобралъ себѣ, чтобы можно было походя ее долбить—дерево смолевое, а не баба. Конечно, надо и то сказать, что не пьянчуга онъ и не озорникъ—это правда, но все-таки душеньку вымотаетъ одними своими наговорами. А баба Авдотья жила да жила, поглощенная своей безконечной бабьей работой—и дома и въ полѣ надо поспѣть, и огородъ и скотину доглядѣть, а тутъ еще что̀ ни годъ, то ребята. На что эти ребята и родятся, когда въ дому непокрытая бѣдность? Рожали бы однѣ богатыя бабы, имъ есть кѣмъ замѣниться, а на бѣдную бабу—чистая напасть съ ребятами. Теперь бы вотъ и съ рыбой этой: отстать бы Матвѣю отъ озера, а онъ тягается съ арендателемъ. Конечно, Ахметовъ богатѣющій человѣкъ и затаскаетъ по судамъ, а Матвѣй все ему наперекоръ. Когда помѣщикъ сдалъ

Свѣтлое въ аренду, другіе рыбаки мало-по-малу и поотстали, потому, гдѣ же тягаться съ Ахметовымъ: сегодня кривой Ильичъ протоколъ съ урядникомъ составитъ, завтра къ мировому, послѣзавтра на высидку—тутъ и рыбѣ не радъ будешь.

Разъ лѣтнимъ утромъ, когда Авдотья, изнемогая отъ натуги, стирала разное тряпье прямо въ озерѣ, съ другого конца улицы подошла кучка мужиковъ. Впереди всѣхъ шелъ Судыгинъ, плечистый и высокій мужикъ въ красной рубахѣ, за нимъ рыжій Маркелъ и нѣсколько стариковъ. Когда Авдотья увидѣла мужиковъ, у нея сердце такъ и екнуло отъ страха передъ какой-то неизвѣстной бѣдой. Баба была на „тѣхъ порахъ“ и едва разогнулась, чтобъ поздороваться съ мужиками.

— Авдотья, гдѣ у тебя Козьи-то Рога?—спрашивалъ Судыгинъ ласковымъ голосомъ—богатырь любилъ бабъ и теперь съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на выпиравшій животъ Авдотьи.

— А куда ему дѣться: въ избѣ, поди, валяется... Ночѣсь только съ рыбалки воротился, Палъ Андронычъ,—отвѣчала Авдотья, нѣмѣя отъ страха.

— А ты опять, Авдотьюшка...—еще ласковѣе сказалъ Маркелъ и покачалъ головой.—Ишь вѣдь какъ тебя обмотало всю.

Высыпавшіе изъ избы ребятишки обступили мать и со страхомъ глядѣли на переминавшихся мужиковъ.

— Эй, Матвѣй, гдѣ ты схоронился?—кричалъ Маркелъ, подходя къ покривившемуся оконцу.—Выходи-ка, милашъ, дѣло до тебя есть...

Въ окнѣ показалась голова Матвѣя и недовѣрчиво поглядѣла на обступившихъ завалинку мужиковъ. Солнце такъ и свѣтило во всѣ глаза, а отъ озера наносило кружившимъ голову паромъ. Мужики переминались, не зная, съ чего начать. Неестественная ласковость голосовъ еще болѣе увеличила подозрительность Матвѣя, и онъ теперь смотрѣлъ въ упоръ на рыжую, окладистую бороду Маркела.

— Насчетъ озера?—спросилъ Матвѣй, стараясь проникнуть въ тайный замыселъ подступившаго начальства:—отъ Ахметова?

Мужики недовѣрчиво оглянулись на Авдотью: она была лишняя и точно мѣшала всѣмъ своимъ вздутымъ животомъ.

— Входите въ избу,—пригласилъ Матвѣй, желая сохранить свое достоинство главы дома.—Чего на солнцѣ-то торчать?

Мужики одинъ за другимъ вошли въ избу, стараясь не смотрѣть на Авдотью, которая провожала ихъ испуганными глазами. Сознавая свое бабье положеніе, она пересилила себя, и валекъ громко захлопалъ по мокрымъ тряпицамъ, отдаваясь на озерѣ гулкимъ эхомъ, точно хлопала по водѣ крылатая какая-то деревянная птица. О чемъ будутъ мужики говорить съ Матвѣемъ? Зачѣмъ Судыгинъ и Маркелъ такъ ласково разговаривали съ ней, Авдотьей? У бѣдной бабы кружилась голова, и она еще сильнѣе колотила свое тряпье, точно хотѣла выбить изъ него всю свою бѣдность. Оборванные и чумазые ребятишки окружили ее, какъ спугнутый охотникомъ выводокъ, и тоже пугливо озирались на избушку. Самый младшій даже попробовалъ-было заревѣть, но мать пригрозила ему валькомъ.

А въ избѣ въ это время происходила такая сцена.

— Мы къ тебѣ отъ опчества, Матвѣй,—заговорилъ Маркелъ, степенно разглаживая бороду.—Значитъ, послужи міру... Допрежь тебя не просили, а теперь невозможно. Прижимка идетъ большая отъ Миловзорова...

— Ну?..

— Такъ ужъ ты тово... Опять начальство наѣдетъ, учнутъ деревню

драть, такъ вотъ старички на сходкѣ и порѣшили: Матвѣй у насъ за слогомъ въ карманъ не полѣзетъ—ему и быть въ первой головѣ.

— А ежели я не хочу?—окрысился Матвѣй.

— А ежели невозможно?—отвѣтилъ вопросомъ Судыгинъ.—Развѣ ты одинъ въ деревнѣ? Всѣмъ не сладко приходится. Раньше Ипатъ выхаживалъ, а теперь твой чередъ... Главная причина: невозможно.

Наступила неловкая пауза. Кто-то широко вздохнулъ. Судыгинъ машинально оглядывалъ голыя, закоптѣлыя стѣны избушки, покосившуюся печь, полати—бѣдность такъ и глядѣла изъ каждой щели, та жуткая бѣдность, которую во всемъ объемѣ въ состояніи оцѣнить только опытный глазъ.

— Вотъ избенку надо выправить...—вслухъ проговорилъ Маркелъ невольную мысль Судыгина.—Какъ же!.. На то и міръ.

— А это какъ?—спрашивалъ Матвѣй, указывая въ окно на свою бабу съ ребятами.

— Опять же міръ есть...

Этимъ вопросомъ Матвѣй себя погубилъ: въ немъ уже слышалась готовность послужить міру. Онъ испугался не своей смѣлости, а поспѣшности. Какъ же это такъ вдругъ? Ночесь только вернулся человѣкъ съ рыбалки, въ курьѣ на тычкахъ еще сушатся мережи, а тутъ за здорово живешь... Матвѣй вдругъ почувствовалъ себя оторваннымъ отъ своей избушки, точно онъ уже не Козьи-Рога, а кто-то другой, и этотъ другой идетъ на вѣрную погибель. Страшная жалость вдругъ охватила сердце Матвѣя, и онъ опять глянулъ въ окно на свою бабу, колотившую валькомъ, и на столпившихся около нея ребятишекъ.

— Главная причина—никакъ невозможно...—подхватилъ Судыгинъ, стараясь прогнать напавшее на Матвѣя сомнѣніе.

— Невозможно?—переспросилъ тотъ машинально.

— Міръ послалъ... Я бы и самъ, да языкъ-то у меня, какъ лопата,—поддерживалъ Судыгинъ съ фальшивой ласковостью.—Разговору во мнѣ нѣтъ настоящаго.

Этого было достаточно. Главное объявлено, и всѣ загалдѣли разомъ. То, что̀ говорилось раньше между строкъ, теперь пошло напрямки. Старики размахивали руками и не давали говорить другъ другу. Маркелъ вытиралъ катившійся по широкому лицу потъ. Одинъ Матвѣй сидѣлъ на лавкѣ, свѣсивъ голову, какъ приговоренный. Въ его мозгу стояла одна мысль: „невозможно“.

— Съѣстъ насъ Миловзоровъ,—повторялъ Маркелъ основную мысль.—Теперь вотъ наше озеро сдалъ, а тамъ и до земли доберется... Такъ я говорю?.. Начальство наѣдетъ... Опять будутъ оконницы выставлять, крыши сымать съ дворовъ, печки разворачивать, а наше дѣло правое. Отцы еще здѣсь жили, и потомъ правильный у насъ акъ... Покойникъ Ипатъ и скопію выправилъ съ его, съ ака-то. Такъ я говорю?

Авдотья все колотила валькомъ, когда мужики одинъ за другимъ начали выходить изъ избы. Они шли въ томъ же порядкѣ, какъ и входили.

— Прощай, Авдотьюшка...—ласково проговорилъ Маркелъ, поровнявшись съ ней.—Экъ тебя разнесло... а?.. Ты не нагинайся очень-то, милая.

Баба молчала и, тяжело дыша, смотрѣла на мужиковъ остановившимися глазами. Она чувствовала себя такой несчастной, точно ее что̀ придавило. Матвѣй вышелъ также за ворота. Онъ былъ безъ шапки, въ одной пестрядиной рубахѣ. Поглядѣвъ на свою бабу, на дымившееся подъ лучами утренняго солнца озеро и на удалявшуюся кучку односельчанъ, онъ съ подавленнымъ отчаяніемъ махнулъ рукой—въ этомъ жестѣ сказалось все, точно онъ

нъ отмахнулся отъ всего своего прежняго существованія. Это былъ великій моментъ, въ родѣ того, какъ вода, накопившаяся въ таинственныхъ нѣдрахъ земли, прорываетъ послѣднюю преграду и вырывается на Божій свѣтъ. Судьба Матвѣя была рѣшена.

II.

Чтобы сдѣлать понятнымъ все происходившее въ избушкѣ Матвѣя, мы считаемъ нужнымъ объяснить исторію Кучекъ.

Происхожденіе этой деревушки отодвигалось въ глубь временъ не далѣе полустолѣтія. На берегу Свѣтлаго озера сначала поставлено было нѣсколько рабочихъ балагановъ, и потомъ на ихъ мѣстѣ выросли избы и цѣлый поселокъ. Дѣлалось все это какъ-то само собой, такъ что даже помѣщикъ, на землѣ котораго образовалось новое селеніе, открылъ его уже послѣ эмансипаціи. Администрація была изумлена не менѣе помѣщика: откуда, когда, почему появились невѣдомые люди?.. Объясненіемъ такой странности можетъ служить то, что зауральскій помѣщикъ никогда не бывалъ въ своихъ владѣніяхъ, а всѣ дѣла вершили разные управляющіе, довѣренные и уполномоченные, какъ и вообще на Уралѣ. Владѣлецъ являлся какимъ-то миѳическимъ лицомъ, исчезавшимъ въ невѣдомыхъ высяхъ—никто его не видалъ, кромѣ управляющаго и довѣренныхъ. Да и вообще помѣщичье владѣніе на Уралѣ является какимъ-то миѳомъ: есть крупные заводовладѣльцы, захватившіе въ свои руки десятки милліоновъ десятинъ, а помѣщики прошли сюда какъ-то боткомъ. Въ Загорскомъ уѣздѣ изъ помѣщичьихъ земель образовался цѣлый островъ, втиснутый между дачей Чудскихъ заводовъ и башкирской степью. Ихъ было всего до десятка, и самымъ крупнымъ являлся тотъ неизвѣстный никому Шмитъ, на дачѣ котораго выросли Кучки. Нѣмецъ Шмитъ сдѣлался зауральскимъ помѣщикомъ совершенно случайно, именно, когда женился на дочери отставного генералъ-майора Кереметева и, въ качествѣ приданаго, получилъ двадцать тысячъ десятинъ земли гдѣ-то въ невѣдомыхъ глубинахъ Зауралья. Генералъ-майоръ Кереметевъ тоже сдѣлался помѣщикомъ по женѣ и тоже не бывалъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ и Шмитъ, потому что громадное помѣстье не приносило никакого дохода. Наживались одни управляющіе и довѣренные. Послѣ эмансипаціи, когда даровой трудъ отошелъ въ вѣчность, имѣніе стало приносить даже дефициты, и, кромѣ того, возникли неожиданныя непріятности, въ родѣ открытія невѣдомой деревни Кучекъ. Это произошло такъ: управляющій Миловзоровъ всучилъ бывшимъ крѣпостнымъ даровой надѣлъ, и, когда подошла очередь подписывать уставную грамоту Кучкамъ, мужики наотрѣзъ отказались отъ всякаго надѣла, потому что считали землю своей. Можно себѣ представить положеніе Миловзорова, желавшаго выслужиться предъ своимъ миѳическимъ патрономъ: подъ самымъ носомъ существовала никому неизвѣстная деревня, захватившая до полуторы тысячи десятинъ лучшей земли! Это уже былъ скандалъ, и Миловзоровъ самолично отправился осматривать открытую Америку.

— Когда же эти подлецы успѣли выстроить цѣлую деревню!—удивлялся онъ, проѣзжая по Кучкамъ.

— Мы вашими помѣщичьими и не бывали, Аркадій Евгенычъ,—заявляли съ своей стороны кучковскіе мужики.—Вы сами по себѣ, мы сами по себѣ... Мы еще до генерала здѣсь жили: отцовская у насъ земля.

Миловзорова огорчила такая неблагодарность, но онъ тутъ же сдѣлалъ второе открытіе: купецъ Ахметовъ съ незапамятныхъ временъ ловитъ рыбу

въ Свѣтломъ озерѣ безданно и безпошлинно, тогда какъ озеро принадлежитъ Шмиту. Мало того, Ахметовъ впередъ зналъ о прибытіи Миловзорова въ Кучки и встрѣтилъ его здѣсь самолично.

— Ушки откушать милости просимъ, Аркадій Евгенычъ,—приглашалъ купецъ, держа наотлетъ свой картузъ.—Первый сортъ ушка...

— Послушай, братецъ, что это такое: озеро мое, а ты тутъ хозяйничаешь?—озлился Миловзоровъ, знавшій Ахметова по преферансу у протопопа Глаголева.

— Помилуйте-съ, Аркадій Евгенычъ... какъ можно-съ! Еще покойный родитель мой озеро-то кортомили...

— Какъ кортомили?

— А у мужиковъ-съ... Въ самъ-дѣлѣ откушайте ушки, Аркадій Евгенычъ!..

— Перестань ты, Ахметовъ, дурака-то валять... Вѣдь ты отлично знаешь, что земля и озеро мои, а мужики—бунтовщики. А ты заодно съ ними: „покойный родитель“... Я вамъ покажу не только родителя, а и родительницу!..

Конечно, Ахметовъ обманывалъ—никакой кортомы онъ никому не платилъ, а просто хотѣлъ пугнуть Миловзорова. Увѣренный тонъ послѣдняго однако поколебалъ его купеческую сноровку, и Ахметовъ прибавилъ:

— Сурьезно бы поговорить съ вами, Аркадій Евгенычъ... Давно это слѣдоваетъ, да все какъ-то сумлѣвался я достигнуть васъ. А мужики, точно, изрядно землицы прихватили... цѣлая округа.

Они вмѣстѣ объѣхали всю захваченную землю, и Миловзоровъ не могъ надивиться: сотни десятинъ распаханы, лѣса вырублены, а на картѣ имѣнія у него все это мѣсто покрыто зеленой краской, что, по „объясненію знаковъ“, означало строевой лѣсъ. И какъ это могло случиться?.. А тутъ шельма Ахметовъ тоже пристроился и можетъ напакостить. Удивленіе управляющаго перешло всякія границы, когда онъ самолично убѣдился, что кучковскіе мужики, дѣйствительно, никогда и не бывали крѣпостными Шмита, а набрались сюда со всего Урала—съ горныхъ заводовъ, изъ другихъ помѣщичьихъ имѣній, съ казенныхъ промысловъ и т. д. Что же, спрашивается, смотрѣла администрація? Да-съ, администрація, которая должна знать все... Но администрація всегда останавливалась у Миловзорова и пользовалась доставленными имъ же свѣдѣніями. Вотъ такъ положеніе... Если поднять дѣло, то тотъ же миѳическій Шмитъ скажетъ: „А гдѣ вы, Миловзоровъ, раньше-то были!“ Съ другой стороны, и администрацію подводить не приходится... Обыкновеннымъ выходомъ во всѣхъ такихъ недоразумѣніяхъ было то, что всѣ прорухи и пелады сваливались на предшествовавшаго управляющаго, а тутъ подъ носомъ карта имѣнія и зеленое поле, означающее строевой лѣсъ.

— Вамъ бы, Аркадій Евгенычъ, хошь бы разокъ объѣхать было имѣнье-то...—сожалѣлъ Ахметовъ, хрустя заплывшими пальцами.—Въ самомъ дѣлѣ, объѣхать бы, — то-есть раньше бы объѣхать... Въ самую бы точку вышло.

— Послѣ свадьбы-то всякъ тысяцкій... Чортъ его зналъ, что тутъ цѣлая деревня стоитъ. Не самъ же я ее выстроилъ... Ну, положеніе!

Нужно отдать справедливость, что Миловзоровъ горячо принялся за дѣло, выкупая свою прежнюю небрежность. Онъ открылъ еще двѣ спорныхъ межи въ имѣніи: одну съ Чудскими заводами, другую съ башкирами. Но это были пустяки. Бѣльмомъ на глазу у него сидѣла самовольная и самозванная деревня, врѣзавшаяся въ центръ имѣнія. Нужно было повести дѣло умненько, исподволь, посовѣтовавшись съ знающими людьми. На повѣрку оказалось, что

кучковскіе мужики тоже хлопочутъ въ Загорьѣ и какъ разъ подведутъ какую-нибудь каверзу, а впереди новые суды.

— Вотъ что, Ахметовъ: ты будешь моимъ арендаторомъ на озеро, — заявилъ Миловзоровъ послѣ таинственныхъ совѣщаній съ нужными людьми: — и напишемъ такъ условіе: „по примѣру прошлыхъ лѣтъ, я, нижеподписавшійся, арендую Свѣтлое озеро у штабсъ-капитана Шмита на слѣдующихъ условіяхъ“... Понялъ?

— Понимаемъ-съ... Только я, Аркадій Евгенычъ, рыбную часть брошу. Ей-Богу-съ... Хлопотливое дѣло, а мы тутъ стоношимъ заводишко винный. Это будетъ невпримѣръ способнѣе. А озеръ-то по Зауралью, слава Богу, весьма достаточно.

Пришлось уламывать прожженаго человѣка и ему же платить за аренду, да еще на свой счетъ содержать на озерѣ сторожа: все это устраивалось, чтобы прервать „теченіе земской давности“. Вообще, стоило громадныхъ усилій, чтобы всему дѣлу придать извѣстное положеніе и ввести его въ оглобли до новыхъ судовъ. Миловзоровъ лѣзъ изъ кожи, потому что защищалъ въ этомъ дѣлѣ самого себя. Кучки тоже не дремали. Мужики собрали денегъ, послали ходоковъ, и каша заварилась. На сцену появился какой-то таинственный „акъ“, по которому захваченная земля оказалась родовой собственностью не менѣе миѳическихъ Ивановъ и Сидоровъ, чѣмъ генералъ Кереметевъ и штабсъ-капитанъ Шмитъ. Реальная деревня Кучки вступила въ отчаянную борьбу съ миѳическимъ помѣщикомъ, земную тѣнь котораго составлялъ Миловзоровъ. Неопытные въ кляузахъ и юридическихъ тонкостяхъ мужики положились, главнымъ образомъ, на свой „акъ“, что было на руку Миловзорову: безпрепятственное владѣніе землей въ теченіе тридцати лѣтъ стушевывалось. Явилась на мѣсто дѣйствія администрація, явились сопротивленіе властямъ, протоколы, предварительная высидка ходоковъ — однимъ словомъ, дѣло пошло впередъ полнымъ ходомъ. Миловзоровъ торжествовалъ, пользуясь сплошностью противной стороны.

Въ этой стадіи дѣла самымъ тяжелымъ для Кучекъ было то, что въ одно прекрасное утро явилась власть и потребовала очистить мѣсто. Кучковцы оказали отчаянное сопротивленіе, ухватившись за родное пепелище съ энергіей утопающаго человѣка. Собственно говоря, сопротивленіе выражалось въ самой пассивной формѣ, — въ нежеланіи оставлять насиженное гнѣздо. Съ своей стороны, власть тоже употребляла кроткія мѣры: разбирала крыши, выставляла окна, ломала печи въ избахъ и водворяла на мѣсто жительства самовольныхъ посельщиковъ. Кучки представляли самую жалкую картину разрушенія: мужики разбѣжались, а оставались однѣ ревѣвшія бабы съ ребятами да ополоумѣвшая отъ разора скотина. Но стоило начальству отвернуться, какъ „выдворенные“ являлись на старое мѣсто, и Кучки быстро реставрировались. Жертвой этого разгрома явился знаменитый ходокъ Ипатъ, забранный властью въ качествѣ вещественнаго доказательства. Нужно ухватить видимую причину безпорядковъ, живое доказательство затраченной энергіи, — и ходокъ пошелъ по обычнымъ въ такихъ случаяхъ мытарствамъ.

— Наше дѣло правое... — твердилъ Ипатъ вездѣ. — Вся прижимка отъ Аркадія Евгеныча. Еще родители жили...

За энергичную дѣятельность и усердіе Миловзоровъ получилъ „отличную благодарность“ и праздновалъ полную побѣду. Но пораженнаго по всѣмъ пунктамъ непріятеля нужно было еще взять, а тутъ новый губернаторъ, новые суды и, вообще, усложняющія дѣло обстоятельства. Земскіе налоги подорвали окончательно экономическую правоспособность миѳическаго зауральскаго помѣ-

щика, и онъ очутился въ разрядѣ неплательщиковъ. Земля лежала совершенно непроизводительно; выпущенные на даровой надѣлъ крестьяне бѣдствовали, и единственной доходной статьей являлся недѣйствовавшій винокуренный заводъ, выстроенный Миловзоровымъ съ единственной цѣлью получить отступное съ Ахметова и К°. Легендарный „акъ“ выплылъ съ новой силой и пошелъ гулять по новымъ судамъ, а Миловзоровъ донималъ врага мелкими исками о самовольныхъ порубкахъ, потравахъ и т. д. Эта партизанская война оказалась для Кучекъ горше недавняго одолѣнія, потому что въ самую горячую рабочую пору вырывала сотни поденщинъ и штрафы. Нашелся какой-то адвокатъ, который взялся вести дѣло кучковскихъ мужиковъ, и этотъ процессъ тянулъ изъ нихъ жилы. Нужно было много стойкости и вѣры въ свою правоту, чтобы выдерживать такую неравную борьбу. Въ рѣшительный моментъ, когда нужно было отправляться въ городъ, дѣло остановилось за ходокомъ. Старый Ипатъ, ходившій по дѣлу лѣтъ двадцать и обтерпѣвшійся въ своихъ мытарствахъ, умеръ года три тому назадъ. Онъ едва дотащился до родного пепелища, больной неопредѣленной мужицкой болѣзнью, когда человѣкъ „весь не можетъ“, и умеръ черезъ два дня. Въ немъ Кучки потеряли неутомимаго заступника и радѣтеля, который безропотно шелъ всюду, куда было нужно. Никто въ Кучкахъ не удивлялся подвигу этого Ипата, какъ и онъ самъ: такъ было нужно. Если бы Ипатъ не пошелъ, за него пошелъ бы другой, а не другой, такъ третій. Есть вещи и положенія сильнѣе каждой отдѣльной личности. Именно въ такомъ положеніи очутился Матвѣй Козьи-Рога въ то роковое утро, когда къ нему явилась депутація односельчанъ.

— Надо собираться...—коротко и глухо проговорилъ онъ женѣ, не объясняя, куда и зачѣмъ собираться.

По своей бабьей приниженности, Авдотья не спросила его, куда онъ уходитъ и по какому дѣлу. Она только чуяла своимъ бабьимъ сердцемъ какую-то неминучую бѣду, надвинувшуюся вдругъ. Сборы Матвѣя были не долгіе: новые штаны и рубаха, старый зипунъ да котомка — и весь тутъ. Обряжая мужа во все лучшее, точно она готовила его къ принятію какого-то таинства, Авдотья не плакала, не жаловалась и не стонала: такъ нужно... Она это чувствовала, простая деревенская баба: дешевымъ бабьимъ слезамъ еще будетъ время, а теперь нужно думать о другомъ. Безотвѣтность и бабья покорность Авдотьи тронули Матвѣя больше всякихъ слезъ и причитаній. Эхъ, славная баба эта Авдотья, да и ребятишекъ жаль, ну, да ничего не подѣлаешь.

— Ну, дастъ Богъ, вернусь... — хмуро проговорилъ Матвѣй женѣ на прощанье. — Мотри, соблюдай ребятенокъ, а ежели коли что... ну, къ Палъ Андропычу въ правую ногу: не оставитъ.

Авдотья убѣжала въ избу, чтобы спрятать свои непрошенныя слезы, а Матвѣй опять махнулъ рукой и зашагалъ къ избѣ Маркела, гдѣ его ждали волостные старики съ послѣдними совѣтами и наставленіями. А черезъ часъ онъ уже шагалъ по проселку къ городскому тракту, помахивая длинной палкой, съ какими по всей Руси расхаживаютъ странники, богомольцы, нищіе и всякіе другіе Божьи люди. Выйдя за околицу, Матвѣй остановился, поглядѣлъ на Свѣтлое озеро, на свою деревушку, отыскалъ глазами знакомую крышу и еще разъ удивился: третьяго-дня онъ вонъ тамъ въ курьѣ выметывалъ мережи, а сегодня идетъ куда-то въ невѣдомую даль.

— Никакъ невозможно!.. — вслухъ проговорилъ онъ и зашагалъ съ усиленной скоростью, точно хотѣлъ уйти отъ схватившихъ за сердце думъ.

III.

Прошло лѣто, прошла осень, зима, а о Матвѣѣ ни слуху ни духу. Какъ въ воду канулъ! Авдотья нѣсколько разъ „посылалась“ добиться отъ односельчанъ, куда задѣвался мужъ, но старички только мычали, чесали въ затылкахъ и бормотали что-то совсѣмъ несообразное,—надо же было какъ-нибудь отвязаться отъ пристававшей съ ножомъ къ горлу бабенки. Правда, помощью ее не оставляли—то хлѣбомъ, то деньгами, то дровами. Но это была обязательная помощь, которую Авдотья принимала только въ крайнемъ случаѣ.

— Ежели тебѣ что надо будетъ, Авдотьюшка, такъ ты только мигани... — повторялъ каждый разъ Маркелъ. — Обязанность свою весьма даже чувствуемъ.

— Есть у меня все, слава Богу...

— Ну то-то. Мотри, соблюдай ребятенокъ, чтобы, значитъ, Матвѣй на насъ опосля не судачилъ.

Авдотья низко кланялась и уходила въ свою мурью. Пользоваться мірской помощью она вообще стѣснялась. Матвѣй—гордый человѣкъ, не любилъ кланяться. Вотъ по сосѣдству, другое дѣло: кто молочка ребятамъ принесетъ, кто дровецъ приволокетъ, кто что—все же свои люди. Разъ, зимой, въ самый лютый морозъ, притащился съ курьи кривой Ильичъ и привезъ съ собой цѣлый мѣшокъ рыбы.

— Это я тебѣ гостинецъ... — довольно сурово проговорилъ сторожъ, смущенный собственной нѣжностью. — Ребята-то привыкли къ рыбѣ, когда отецъ былъ.

— А какъ я съ тобой разсчитываться буду...—смутилась въ свою очередь Авдотья.

— Да никакъ... Не стало ея, что ли, въ озерѣ, рыбы-то. Слава Богу, вполнѣ даже достаточно... Мы хоть и вздорили съ Матвѣемъ, а рыба тутъ не виновата. Я какъ, значитъ, обвязался Ахметову, ну, а онъ опять отступаться не хотѣлъ... Да и то сказать: свѣтъ я увидалъ безъ Матвѣя-то. Лежу себѣ въ избушкѣ и знать ничего не хочу. Помѣщикъ помѣщикомъ... А то Матвѣй-то все у меня, какъ бѣльмо на глазу, сидѣлъ. Грѣшнымъ дѣломъ, дирались мы съ нимъ не однова...

Этотъ подарокъ заставилъ Авдотью проревѣть цѣлую ночь. Первый врагъ Матвѣя, и тотъ помянулъ его добрымъ словомъ, точно покойника... Да и рыба напомнила ей про мужа. Гдѣ-то онъ теперь, Матвѣй?.. Ужъ живъ ли, а не то сидитъ гдѣ-нибудь за семью замками. Ребятишки малешеньки, несмысленны, а и тѣ, нѣтъ-нѣтъ, да и припомнятъ тятьку.

Кривой Ильичъ, дѣйствительно, былъ доволенъ больше всѣхъ невольнымъ отсутствіемъ Матвѣя, хотя это слишкомъ эгоистическое чувство и претило ему. Нехорошо радоваться чужому безвременью. Конечно, Матвѣй пошелъ своей волей, ну, а все-таки не за себя пошелъ, а за міръ. Странный былъ этотъ Ильичъ, съ дѣтства жившій въ лѣсу. Онъ служилъ на соймахъ у арендаторовъ, лѣсникомъ, сторожемъ, и совсѣмъ свыкся съ лѣсной тишью. Несоразмѣрно длинная сгорбленная спина, кривыя короткія ноги, длинныя руки и лохматая голова дѣлали его похожимъ на медвѣдя. Зиму и лѣто Ильичъ ходилъ безъ шапки. Такой ужъ родился несообразный человѣкъ: въ лѣсу ему и жить. Избушка, поставленная на мысу, была поставлена, какъ казалось, на живую нитку, но въ ней было тепло, а это — главное. Сбитая изъ глины, широкая русская печь держала въ себѣ жаръ по недѣлѣ. Всю

жизнь Ильичъ провелъ бобылемъ, а подъ старость, чтобы не скучно было, обзавелся пѣтушкомъ и курочкой. Прежде спалъ Ильичъ, какъ убитый: стемнѣло—легъ, забрезжилось—всталъ. Какая ночь, такой и сонъ. А подъ старость не стало прежняго сна: то ноги заноютъ, то поясницу ломитъ. Ворочается, ворочается Ильичъ на своей печкѣ, а кругомъ темь стоитъ, хоть глазъ выколи. Вотъ и завелъ старикъ пѣтушка съ молодкой, потому все-таки ночью пѣтушокъ вспоетъ, и сторожъ знаетъ, какой часъ на дворѣ. По веснѣ накладетъ курочка яичекъ, выведетъ гнѣздо, и пойдетъ у Ильича настоящее хозяйство. Пѣтушокъ съ молодкой жили подъ печкой. Была еще у Ильича собака Бѣлка, такая же лохматая и кривопогая, какъ хозяинъ; у нея даже и глазъ былъ кривой, тоже какъ у хозяина. Славная прежде была собака, а теперь годы ушли — лежитъ себѣ подъ лавкой день и ночь и чуть брехаетъ на волковъ, или когда бродяжки подойдутъ къ избушкѣ. Въ подполье проживали ужи. Свистнетъ Ильичъ, и поползутъ молоко пить.

По своему общественному положенію, Ильичъ былъ озерной сторожъ, а въ дѣйствительности онъ проживалъ такъ, изо дня въ день. Жалованья ему никто не платилъ, хотя и была ряда съ Ахметовымъ. Разбогатѣлъ, раздулся Ахметовъ и слышать ничего не хочетъ о жалованьи. Придетъ къ нему Ильичъ въ Чудской заводъ и начнетъ просить хлѣба, а купецъ примется ругаться.

— Какой тебѣ хлѣбъ, старому чорту? Задарма проѣдаешься на озерѣ... Рыбу я не ловлю. Ступай, выправляй жалованье съ Миловзорова...

— Ты арендатель-то, съ тобой ряда была... Вотъ лопать *) обносилась, сапоги развалились, то-се... И то кучковскіе мужики посыкались осенью убить, зачѣмъ рыбу препятствую ловить.

— Бродягъ хлѣбомъ кормишь, старый чортъ!—ругается Ахметовъ.

Ильичъ смолчалъ: было дѣло. Да и какъ не дать бродяжкѣ, когда хуже волка человѣкъ придетъ. Ахметовъ все знаетъ, прожженая душа... Но сколько ни ругается, а все-таки велитъ отпустить муки, завалящіе сапоги выкинетъ, одежонку и еще разъ обругаетъ. Вотъ и все жалованье. Пробовалъ Ильичъ толкнуться къ Миловзорову, но тотъ такъ затопалъ на него ногами, такъ заоралъ, и еще хотѣлъ въ кутузку посадить—хуже собаки. Уйти съ озера Ильичу было некуда: крестьянская работа не подъ силу, да и привыкъ онъ къ своему лѣсному житью. Самъ большой, самъ меньшой въ избушкѣ своей. Конечно, зимой скучно бываетъ, а пройдетъ зима, и точно праздникъ какой откроется. Вспухнетъ и надуется ледъ на озерѣ, по лѣсу пойдутъ проталинки, выступитъ вода въ низкихъ мѣстахъ, нальется почка, а потомъ, когда вскроется ледъ, пролетитъ птица. Много ея летитъ по веснѣ съ полудня и, стая за стаей, отдыхаетъ на Свѣтломъ озерѣ. Гуси, лебеди, утки, чайки—стономъ стонъ стоитъ на водѣ. Много озеръ по Зауралью, и весной вездѣ тьма тьмущая дикой Божьей птицы; заходитъ рыба въ водѣ, начнетъ икру метать по затонамъ и мелкимъ рѣчонкамъ, а въ ясные дни по озеру гулъ идетъ: рыба мечется. А тутъ ужъ первые цвѣтики пошли по лѣсу, зазеленѣла травка, пахарь выѣхалъ въ поле... Все это видитъ Ильичъ,—видитъ и радуется, и славитъ Бога: у Бога всего много.

Лежалъ такимъ образомъ Ильичъ весенней ночью въ своей избушкѣ и совсѣмъ началъ засыпать, какъ Бѣлка ни съ того ни съ сего заворчала и брехнула.

— Цыцъ ты, кривая ерёхта!—обругалъ ее вслухъ Ильичъ.

Собака повиляла хвостомъ и опять брехнула. По лаю Ильичъ зналъ,

*) Лопать—одежа.

что къ избушкѣ человѣкъ подходитъ. Кому бы быть о такую пору? Бродяжки идутъ по осени—развѣ заблудился кто. Слѣзъ Ильичъ съ печи, вышелъ изъ избушки,—дѣйствительно, человѣкъ подходитъ и палочкой помахиваетъ. Выскочила Бѣлка и бросилась навстрѣчу.

— Кто крещеный?—спросилъ Ильичъ, разглядывая темную человѣческую фигуру.

— Такъ, заплутался...

— Ты бы подальше плуталъ-то, а то возьму орясину.

— Буде, Ильичъ... ну тебя.

Голосъ знакомый, и Бѣлка унялась. Только хвостомъ вилястъ тварь—узнала кого-то, подлая.

— Не угадалъ, что ли?—спрашиваетъ знакомый голосъ.—Матвѣй изъ Кучекъ.

— Нно-о?!..

Ильичъ вдругъ чего-то испугался и бросился въ избу вздувать огня. Матвѣй вошелъ за нимъ, перекрестился въ передній уголъ, сѣлъ на лавку къ столу и молчитъ, а Ильичъ стоитъ съ зажженной лучиной и смотритъ на него.

— Откедсва путь держишь, Матвѣй?—спросилъ наконецъ старикъ.

— Издалече будетъ... Отсюда не видать.

— Пошто мимо деревню-то свою обошелъ?

— А не рука мнѣ... По волчьему паспорту, значитъ. Убегъ я изъ острогу... Къ озеру потянуло—вотъ и пришелъ поглядѣть. Охъ, моченьки моей не стало... тошнехонько.

— Ахъ, Матвѣй, Матвѣй...

— Ну ладно... Ежели опасаешься—уйду.

— Да куда уйдешь-то, голова съ мозгомъ?

— А въ лѣсъ... Небось, мѣста въ лѣсу всѣмъ хватитъ.

— Да ты, поди, поѣсть хочешь?..

— А не знаю... два дня не ѣдалъ, пожалуй, отвыкъ. Ну, что Авдотья моя?..

— Ничего, живетъ... Славная баба.

Поѣлъ Матвѣй и сейчасъ же заснулъ, точно его гвоздями приколотили къ лавкѣ, а Ильичъ проворочался до самаго свѣта. Вотъ такъ гостя Господь послалъ... Да не надумалъ ли чего Козьи-Рога?.. Пока бродяга спалъ, Ильичъ осмотрѣлъ снасти и навезъ рыбы. А Матвѣй ужъ всталъ и смотритъ на него съ берега, какъ онъ въ боту по камышамъ ѣздитъ.

— Вотъ что, Ильичъ, спасибо тебѣ на добромъ словѣ, а я того...—заговорилъ Матвѣй, глядя въ сторону.—Не хочу тебя подъ отвѣтъ подводить. Еще начальство присыкнется къ тебѣ, того гляди...

— Перестань... Мѣста не просидишь, а тамъ и уйдешь, когда слѣдоваетъ.

Одежонка на Матвѣѣ была плохонькая, на ногахъ лапти, да и самъ онъ сильно исхудалъ, пожелтѣлъ, обросъ дикимъ волосомъ и посѣдѣлъ. Долго, видно, сердяга въ острогѣ высидѣлъ. Напоилъ его, накормилъ Ильичъ, а спросить про дѣло не смѣетъ—какъ бы не обидѣть человѣка. Какъ разъ по напруженному мѣсту попадешь... Матвѣй ничего не говорилъ до вечера, а потомъ уже все обсказалъ.

— Доходилъ до самого...—глухо началъ онъ.—До Шмита до этого... Въ Питерѣ былъ. Агромаднѣющій городъ...

— Ишь ты, куды махнулъ.

— Было дѣло... Сперва-то я въ Загорьѣ выправлялъ дѣло. Ну, вижу,

пользы мало: тотъ одно скажетъ, другой—другое... Путаютъ, а дѣло наше правильное. Ну, я въ Питеръ. Достигъ и самого Шмита... Думаю, человѣкъ вѣдь тоже, пожалѣетъ. Цѣлую деревню зорятъ, а ему что плюнуть! Все одно земля-то такъ же пустуетъ, а вся прижимка отъ Миловзорова. Ну, и достигъ...

— И обсказалъ?

— Все, какъ на ладонкѣ, выложилъ... Разѣ это порядокъ: у Чудскихъ заводовъ пятьсотъ тыщъ земли пустуетъ въ Ордѣ, можетъ, не одинъ мильонъ ея тоже задарма лежитъ, а тутъ еще двадцать тыщъ у Шмита и тоже зря—Миловзоровъ, молъ, зайцевъ гоняетъ. Выискалась, молъ, всего-навсего одна деревнюшка, произошла она горбомъ, опахалась, обсѣялась—ну, зачѣмъ зорить?.. Въ жалость хотѣлъ его привести: бабы, говорю, ребятенки малые... Разоръ, говорю, и вамъ и намъ, ежели мы будемъ еще дальше тягаться. Все ничего, выслушалъ, а какъ я помянулъ про акъ... ну, по этапу меня и предоставили въ Загорье, а тамъ въ острогъ. Въ острогѣ-то, какъ своего, приняли: „говорка привели", кричатъ рестанты. Конечно, ихнее дѣло привычное, какъ присмотрѣлись значитъ, они ко всякому народу и всѣхъ ходоковъ *говорками* зовутъ. Цѣльную зиму и высидѣлъ, а какъ подошла весна, какъ ударила оттепель,—ну, не вытерпѣлъ... Всего-то оставалось съ мѣсяцъ досидѣть. Тошно стало... чуть рукъ на себя не наложилъ...

— Досидѣть бы лучше, Матвѣй.

— А ежели тошно мнѣ?..

Матвѣй поселился опять въ своей курьѣ, тщательно избѣгая всякой встрѣчи съ односельчанами. Два раза ночью онъ на боту переплывалъ озеро, обходилъ кругомъ свою избушку, но войти въ нее не смѣлъ: Авдотья испугается и перебудитъ ребятъ. Одна собака Жучка узнала хозяина и подползла къ нему, изъ покорности, на брюхѣ. Раньше Матвѣй совсѣмъ не замѣчалъ эту собачонку, которую щенкомъ притащили откуда-то ребятишки, а теперь онъ обласкалъ ее со слезами на глазахъ, какъ родного человѣка. Во второй разъ собака уже дожидалась его на берегу и бросилась подъ ноги съ радостнымъ визгомъ. У него захватило духъ отъ прилива нѣжныхъ чувствъ, но и на этотъ разъ онъ не рѣшился войти въ избу. Увидалъ онъ жену только въ слѣдующій разъ, когда она выглянула въ окошко, чтобы посмотрѣть, кто это бродитъ около избы.

— Зачѣмъ ты ушелъ безъ спросу?—повторяла Авдотья въ сотый разъ и ломала въ отчаяніи руки.—Засудятъ тебя... охъ, горемычная моя головушка, пропали мы всѣ!

— А ты молчи и никому виду не подавай... Лошадка-то въ полѣ, видно?..

— Въ ночное угнали... Телочку безъ тебя принесла Пестрянка... ярочку одну волкъ зарѣзалъ... у Мареушки огневица зимой прикинулась... Матвѣюшка, родимый, поди ты по начальству и объявись—можетъ, лучше будетъ.

Матвѣй молчалъ, какъ пришибленный. Раньше было тяжело, а теперь вдвое. Приходилось скрываться отъ людей, какъ лѣсному звѣрю. Эхъ, если бы не жена да не ребятишки, ушелъ бы на Кукань, гдѣ земля вольная и паспортовъ не спрашиваютъ—все равно пропадать. Сидя въ острогѣ, онъ произошелъ въ тонкости всю острожную географію. Но другимъ было все равно, куда ни итти, а его неудержимо тянуло домой, къ Свѣтлому озеру.

Почти каждую ночь сталъ ѣздить Матвѣй къ женѣ, надрывая свою и ея душу. Онъ теперь уже зналъ все, что дѣлалось въ Кучкахъ. Односельчане не оставляли своихъ хлопотъ, и вмѣсто него ходокомъ ушелъ братъ рыжаго

старосты Маркела. Нельзя, нужно итти... А Миловзоровъ грозился пуще прежняго и обѣщаетъ разметать всѣ избы по бревнышку,—такъ что крестьяне прозвали его Мамаемъ. Въ случаѣ чего, кучковцы грозились прогнать его колами изъ деревни. Дѣло принимало скверный оборотъ.

— За что же это напасть такая? -удивлялся Матвѣй, бесѣдуя по вечерамъ съ Ильичомъ у огонька.—Вѣдь живутъ же другіе люди на бѣломъ свѣтѣ... Кругомъ такая тьма земли, а намъ мѣста нѣтъ. Найдемъ же и мы правду...

На себя Матвѣй смотрѣлъ, какъ на обреченнаго, и не разсуждалъ, зачѣмъ и почему: *такъ нужно!* Но его удивляла безсмыслица окружающей обстановки. Земли пустуютъ на сотни верстъ, а ихъ гонятъ отъ своей работы. Неужели одинъ Миловзоровъ на свѣтѣ будетъ жить?

Однажды, когда Матвѣй сидѣлъ такимъ образомъ съ Ильичомъ у огонька, его схватили.

— Хоть бы до осени дали погулять...—простоналъ говорокъ, не пытаясь сопротивляться.—Ильича-то не троньте. Мой грѣхъ—мой и отвѣтъ.

IV.

Возвращенный въ тюрьму, Матвѣй какъ-то совсѣмъ потерялся, замолкъ и началъ сторониться отъ другихъ. Любимымъ его мѣстомъ было окно—встанетъ и смотритъ сквозь желѣзный переплетъ на клочокъ неба, а самъ шепчетъ: „Эхъ, до осени бы“. Его душу охватывала смертная тоска. Ночами являлся бредъ. Матвѣй вскакивалъ, оглядывалъ окружавшую его тьму и тихо-тихо плакалъ. Каждую ночь, какъ желанный гость, къ нему приходилъ все одинъ и тотъ же сонъ: онъ видѣлъ свое Свѣтлое озеро, Кучки, курью, гдѣ тридцать лѣтъ ловилъ рыбу, свою избушку, балаганъ Ильича. Недалекое прошлое заволакивалось для него такимъ радужнымъ туманомъ. Днемъ иногда передъ нимъ съ такой яркостью вставала какая-нибудь своя деревенская забота, что онъ нѣсколько времени совсѣмъ не видѣлъ окружающаго.

— Эй, говорокъ, очумѣлъ!

Арестанты отъ-нечего-дѣлать часто потѣшались надъ Матвѣемъ съ его неумолкавшей тоской по родинѣ и ждали, когда онъ опять уйдетъ. Такіе молчаливые и скромные арестанты—для тюремнаго начальства были чистымъ наказаніемъ: за ними приходилось смотрѣть въ десять глазъ. И самъ Матвѣй отлично зналъ, что онъ уйдетъ, и выжидалъ свое время. Острожные юристы впередъ объяснили, что̀ его ожидаетъ: за „бунтъ“ его сошлютъ на поселеніе, а за побѣгъ не миновать каторги.

— Кому что̀ Господь пошлетъ,—повторялъ Матвѣй, выслушивая острожныхъ правовѣдовъ:—такъ, значитъ, нужно.

Покорность судьбѣ, съ одной стороны, и сознаніе необходимости сдѣланнаго, съ другой—страннымъ образомъ уживались въ душѣ Матвѣя, раздѣляя общественнаго человѣка отъ личности. Общественный человѣкъ безропотно дѣлалъ то, что̀ было нужно, а „только Матвѣй“ думалъ о своемъ. Что-то теперь дѣлаетъ Авдотья?.. Вытянулась бабенка на работѣ, а подмоги никакой. Теперь и однообщественники какъ-то помогать ей будутъ, если онъ отъ себя попалъ въ острогъ. Ахъ, нехорошо. Тоже вотъ и кривой Ильичъ былъ на совѣсти у Матвѣя: подвелъ онъ мужика ни за грошъ. Иногда Матвѣю начинало казаться, что Авдотья точно умерла, и онъ припоминалъ всю свою жизнь. Побилъ ее какъ-то пьяный, потомъ всегда такъ грубо обращался съ ней, какъ съ домашней скотиной,—нѣтъ, хуже, чѣмъ со скотиной. Въ душѣ

Матвѣя накипали тѣ ласковыя и душевныя слова, какихъ онъ не выговорилъ бы вслухъ при Авдотьѣ. Истомилась, поди, сердечная, а онъ сидитъ, какъ птица въ клѣткѣ.

Судъ приговорилъ Матвѣя на поселеніе. Онъ выслушалъ приговоръ совершенно безстрастно и только ждалъ, когда его отправятъ. Съ дороги Матвѣй бѣжалъ и долго скрывался вмѣстѣ съ другими бродягами, но къ веснѣ слѣдующаго года былъ опять на Свѣтломъ озерѣ. На этотъ разъ онъ былъ осторожнѣе и далеко обходилъ пустовавшую избушку кривого Ильича, который за пристанодержательство отсиживалъ гдѣ-то въ тюрьмѣ. Матвѣй скрывался больше на Уралѣ, на дачѣ Чудскихъ заводовъ, гдѣ на сотню верстъ шубой стоялъ лѣсъ. Только временами онъ появлялся въ Кучкахъ, чтобы повидаться съ женой. Авдотья, какъ ни любила мужа, но боялась этихъ посѣщеній, какъ огня.

— Матвѣюшка, пымаютъ тебя...—жалилась она каждый разъ.

— Не пымаютъ... мы тоже достаточно учены.

— А какъ попадешь?..

На заморозкахъ Матвѣя, дѣйствительно, поймали. Его накрыли въ его собственной избушкѣ, гдѣ онъ заночевалъ. За лѣто онъ совсѣмъ одичалъ въ лѣсу и смотрѣлъ волкомъ, но сопротивленія не оказалъ.

— По веснѣ опять жди...—успѣлъ онъ шепнуть женѣ.—Теперь мы знаемъ всѣ ходы и выходы.

А въ Кучкахъ было не до Матвѣя. Дѣло принимало самый острый характеръ. Зимой у Миловзорова сожгли молотягу и нѣсколько скирдовъ хлѣба. Обѣщали поджечь и домъ въ самомъ имѣньи. На сцену выступало глухое чувство общаго отпора. Заговорила упрямая сибирская складка общаго характера. Появившееся на мѣсто дѣйствія начальство было встрѣчено глухимъ молчаніемъ. Возникло крупное дѣло о сопротивленіи власти, но кучковцы твердо стояли на своемъ. Всѣ юридическія права миѳическаго помѣщика оказывались безсильными предъ реальной и живой силой. Новый губернаторъ выѣхалъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ и долго толковалъ мужикамъ, что они не правы и что ихъ выселятъ силой. Кучковцы продолжали стоять на своемъ.

— Родители наши жили здѣсь, и мы здѣсь же помремъ...—гудѣла толпа.

Миловзоровъ струсилъ и бросилъ мѣсто. Онъ нажилъ кругленькій капиталчикъ и уѣхалъ отдыхать отъ понесенныхъ трудовъ на благословенный югъ, гдѣ у него было пріобрѣтено свое имѣніе и гдѣ совсѣмъ нѣтъ такихъ упрямыхъ сибирскихъ мужиковъ. Новый управляющій, хотѣвшій уладить дѣло миромъ, не ужился на мѣстѣ. Кучковцы продолжали стоять на своемъ. Оказался въ бѣгахъ и другой ходокъ, заступившій мѣсто Матвѣя. И его такъ же тянуло съ неудержимой силой къ своему мѣсту, и такъ же безропотно онъ переносилъ свою участь.

Авдотья попрежнему жила въ своей развалившейся избушкѣ и съ бабьимъ терпѣніемъ ждала, когда подниметъ на ноги старшаго сына. Она сама пахала и боронила, сама косила и кое-какъ сводила концы съ концами. Всякое горе притупляется, и Авдотья покорно вытягивала свою непосильную ношу. Было и у нея свое „нужно“... Общественники иногда помогали ей по старой памяти, но она крѣпилась и сама не напрашивалась на помощь.

За второй побѣгъ Матвѣй былъ приговоренъ къ каторгѣ, и о немъ не было ни слуху ни духу около двухъ лѣтъ. Но черезъ два года онъ появился опять въ Кучкахъ. Въ деревнѣ все было по-старому, и по-старому шла безконечная тяжба съ миѳическимъ помѣщикомъ. Самъ Шмитъ умеръ, и на его

мѣсто выступили наслѣдники. Имѣніе не приносило доходовъ, и поэтому не было даже управляющаго. Дѣло съ кучковскими мужиками на время замолкло: обѣ стороны настолько обезсилѣли, что требовалось перемиріе. Бродя по лѣсу, Матвѣй встрѣтился съ братомъ Маркела, заступившимъ его мѣсто. Вдвоемъ все-таки было веселѣе. Они никого не трогали и лѣтомъ перебивались по покоснымъ избушкамъ. Односельчане при встрѣчахъ дѣлали видъ, что не узнаютъ ихъ, и давали хлѣба, какъ всѣмъ бродяжкамъ. На покосѣ Матвѣй видалъ и свою жену, которая страдовала недалеко отъ озера.

— Докуда же это будетъ, Матвѣй? — спросила она однажды мужа, безсильно опуская руки. — Вѣдь вся душенька моя изболѣла... тошнехонько на бѣлый свѣтъ глядѣть, а ты еще тутъ надрываешь меня... охъ, спобѣдная моя головушка!..

Еще первый разъ безотвѣтная Авдотья взъѣлась на судьбу. Матвѣй молчалъ, придавленный безвыходностью собственнаго положенія. Кому какое зло онъ сдѣлалъ?.. Ропотъ Авдотьи даже какъ-то облегчилъ его... Сколько лѣтъ молчала безотвѣтная баба, а теперь сказала скорое слово и сейчасъ же раскаялась въ немъ. Чѣмъ Матвѣй-то виноватъ, что такъ все вышло?

— Будетъ правда, Авдотья, погоди... — бормоталъ Матвѣй, схваченный за сердце словами жены. — Не мы одни съ тобой на свѣтѣ живемъ. Говорю тебѣ: погоди... Выйдетъ земля хоть дѣтямъ.

Свои мѣста, къ которымъ такъ неудержимо тяготѣла душа Матвѣя, казались ему теперь постылыми. Сколько онъ перенесъ изъ-за нихъ, а что̀ толку?.. Лежитъ Матвѣй въ лѣсу у ключика и думаетъ. Около курится въ ямкѣ бродяжническій огонекъ, гдѣ-то насвистываетъ птичка... Тошно Матвѣю, словно онъ умираетъ. Сколько мѣста исхожено, сколько горя перенесено, а легче все нѣтъ. Ушелъ бы онъ туда, куда воронъ костей не заноситъ, да только уйти ему отъ своего Свѣтлаго озера — приросъ онъ къ нему всей душой. Много земли кругомъ пустуетъ, исходилъ ее Матвѣй и все думаетъ, все думаетъ... Сколько народу тутъ жило бы, если бы все шло по-божески, по правдѣ. Иногда ему начинало казаться, что онъ сходитъ съ ума или видитъ все во снѣ. Опять его поймаютъ, опять будутъ судить и опять въ каторгу — теперь ужъ безъ срока. А можетъ, и такъ Господь пронесетъ: мало ли по лѣсамъ да разнымъ трущобамъ народу скрывается.

Однако Матвѣю недолго пришлось гулять на своей вольной волѣ. Наступали первые заморозки. Онъ жестоко простудился и долго пролежалъ въ лѣсу безъ всякой помощи, какъ лежитъ раненый звѣрь. Поправившись, онъ побрелъ прямо въ Кучки.

— Предоставьте меня по начальству... — просилъ онъ, какъ милости. — Больше мочи моей не стало.

Его опять судили. Когда подсудимому предоставлено было послѣднее слово, онъ, едва держась на ногахъ, проговорилъ:

— Господа присяжные, за что?..

Авдотья сидѣла въ публикѣ и тихо плакала.

1889.

КОМБИНАЦІЯ.

I.

Дѣти ужасно шумѣли, какъ они умѣютъ шумѣть только въ большихъ семьяхъ, гдѣ на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Тутъ были представители всевозможныхъ возрастовъ обоего пола, начиная съ младенца, едва перебиравшагося отъ одного стула до другого, и кончая взрослыми гимназистами. По утрамъ половина была занята дѣломъ: большіе уходили въ гимназію, подростки занимались въ классной, а мелкая дѣтвора сбивалась въ дѣтской, около старуxи няньки. Зато вечеромъ начинался цѣлый адъ, особенно когда къ Ка- [illegible] приходилъ „женихъ"... Невинное дѣтство было изобрѣтательно и умѣло [illegible] Катенькѣ каждый шагъ.

[illegible]одня было, какъ вчера, какъ третьяго-дня — какъ всегда. Когда [illegible], учитель латинскаго языка Владимиръ Евгеньевичъ Кекинъ, явился [illegible]ромъ со своимъ дежурствомъ къ невѣстѣ, Катенька встрѣтила его въ передней съ красными пятнами на лицѣ. Женихъ приписалъ это радостному волненію, которое вызвано было его присутствіемъ. Онъ даже поцѣловалъ руку у дѣвушки и задержалъ ее въ своей холодной и потной рукѣ.

— Вы взволнованы, Екатерина Васильевна? — спрашивалъ онъ, глядя на нее черезъ золотыя очки, отпотѣвшія на морозѣ.

— Нѣтъ... такъ...

Катенька вспыхнула до ушей и потупилась, что̀ привело Кекина въ восторгъ: этакая миленькая барышня... Онъ даже причмокнулъ и посмотрѣлъ на ея статную фигуру съ чувствомъ собственности. А дѣвушка въ это время была, какъ на иголкахъ: за спиной у ней, за косяками у дверей шушукала и хихикала цѣлая толпа маленькихъ мучителей. Дѣти ждали, какъ праздника, появленія жениха и тѣшились смущеніемъ Катеньки.

— Здравствуйте, Владимиръ Евгеньичъ!—привѣтствовала эта маленькая орда, когда Кекинъ вошелъ въ гостиную.

— А... здравствуйте, милыя дѣти,—протянулъ онъ, щуря близорукіе глаза.

Когда онъ изъ залы проходилъ въ гостиную, вслѣдъ ему донесся пѣтушиный басъ одного изъ гимназистовъ: „Комбинація!". Это была его классная кличка въ гимназіи, потому что Кекинъ къ мѣсту и не къ мѣсту употреблялъ это полюбившееся ему почему-то словечко. Катенька еще больше покраснѣла, точно это крикнула она сама, а не эти сорванцы. Какъ она сейчасъ ненавидѣла и эту голубую гостиную, и Кекина, и самоё себя, и тотъ вечеръ пытки, который ей предстояло вынести съ глазу на глазъ съ женихомъ. Отвратительнаго, впрочемъ, въ женихѣ ничего не было, а скорѣе это былъ видный мужчина лѣтъ 30, плотный и здоровый, съ большимъ лицомъ,

крупнымъ носомъ, большими руками и тяжелой походкой. Правда, въ выраженіи его свѣжаго лица было что-то неподвижное, точно онъ разъ застылъ, да такъ и не могъ оттаять, но съ этимъ маленькимъ недостаткомъ положительно можно было помириться въ виду остальныхъ наружныхъ достоинствъ. Конечно, рядомъ съ нимъ Катенька казалась, можетъ-быть, слишкомъ эффектной— средняго роста, граціозная, гибкая, съ задумчивой красотой типичнаго русскаго лица. Мягкій шелкъ русыхъ, слегка вившихся волосъ эффектно оттѣнялъ бѣлизну кожи, а изъ сѣрыхъ лучистыхъ глазъ ласково и призывно глядѣли ея восемнадцать лѣтъ. Маленькимъ противорѣчіемъ являлся только серьезно сложенный ротъ, говорившій о томъ, что старитъ человѣка прежде времени.

Кекинъ былъ влюбленъ въ Катеньку, влюбленъ, конечно, настолько, насколько позволяла ему его солидность и общественное положеніе. Онъ теперь еще разъ обвелъ дѣвушку такимъ взглядомъ, точно дѣлалъ ей экзаменъ, и остался доволенъ. Какъ однако она измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее зналъ еще гимназисткой: женщина развертывалась на его глазахъ. При вечернемъ освѣщеніи она казалась ему всегда лучше, чѣмъ днемъ, какъ было и теперь — голубая гостиная освѣщалась всего одной лампой подъ розовымъ абажуромъ, и на всемъ лежали такія мягкія, ласкающія тѣни. Конечно, въ этой гостиной всегда царилъ страшный безпорядокъ, благодаря дѣтямъ; но Кекину нравился даже онъ, этотъ безпорядокъ, на фонѣ котораго еще рельефнѣе выступала дѣвичья красота, и притомъ являлась невольная мысль о другой маленькой гостиной, гдѣ будетъ и тепло, и свѣтло, и уютно, какъ въ гнѣздышкѣ.

— Отчего вы сѣли такъ далеко? — спрашивалъ Кекинъ, стараясь говорить ласково.

— Мнѣ все равно... я могу подвинуться.

— То-есть какъ все равно?.. Тогда лучше я подвинусь... Знаете, есть такой анекдотъ про Магомета. Да, именно про Магомета... Однажды онъ сказалъ своимъ послѣдователямъ: „Дѣти мои, видите вонъ ту гору,—я скажу ей, и она подойдетъ ко мнѣ“... Тогда одинъ изъ родственниковъ шепнулъ ему на ухо: „Учитель, а если она не подойдетъ?“ Магометъ улыбнулся и отвѣтилъ: „Тогда я подойду къ ней...“ Такъ и я, Екатерина Васильевна.

Довольный своимъ анекдотомъ, Кекинъ первый засмѣялся, а въ залѣ послышалось сдержанное дѣтское хихиканье — у самыхъ дверей кто-то подслушивалъ. Но слишкомъ счастливый Кекинъ ничего не хотѣлъ замѣчать и даже потянулся своей большой рукой, чтобы обнять оглянувшуюся къ дверямъ дѣвушку—она всегда такъ мило и наивно сопротивлялась его ласкамъ, возбуждая въ немъ желаніе обнять ее еще разъ и еще.

— Я думаю, что намъ сегодня всего лучше докончить нашъ вчерашній разговоръ,—заговорилъ Кекинъ, спохватившись, что очень ужъ разнѣжился— тонъ голоса у него былъ совсѣмъ другой, какимъ онъ въ классѣ читалъ Овидія, и глаза посмотрѣли такъ тускло, какъ у замороженной рыбы.

„Началось!..“ — въ ужасѣ подумала Катенька, стараясь сдѣлать внимательное лицо.

— Да... Между людьми, которые сходятся на всю жизнь, не должно оставаться ничего недосказаннаго, неопредѣленнаго. И я лично считаю своимъ долгомъ... да, долгомъ, вѣрнѣе сказать—обязанностью выяснить свои взгляды на жизнь вообще и на женщину въ частности.

Ему самому понравилась закругленность фразы, и онъ посмотрѣлъ на Катеньку, какое впечатлѣніе на нее произвела она. Но дѣвушка разсѣянно смотрѣла въ потолокъ, по которому бродили колебавшіяся пятна свѣта.

— Прежде всего, женщина — человѣкъ... — тянулъ Кекинъ, ерзая рукой по спинкѣ дивана.—Это ужъ цѣлая идея... Въ женщинѣ я прежде всего уважаю именно человѣка, какъ уважаю самъ себя. Это не прихоть, не игрушка... однимъ словомъ, получается цѣлая комбинація!

Въ залѣ опять послышался смѣхъ и шептанье. Затѣмъ невидимыя руки вытолкнули въ гостиную дѣвочку лѣтъ восьми. Она неловко присѣла у дверей, дѣлая гостю реверансъ, и потомъ бѣгомъ бросилась въ слѣдующую комнату, закрывъ ротъ рукою.

Начиналось представленіе... Катенька быстро поднялась и вышла въ залу, гдѣ около рояля стоялъ большой гимназистъ, двѣ дѣвочки и нѣсколько мальчиковъ въ курточкахъ. Она молча погрозила имъ пальцемъ, на что гимназистъ сдѣлалъ ей реверансъ и показалъ языкъ.

— Негодяи!—прошептала Катенька, возвращаясь въ гостиную.—Господи, когда же этому будетъ конецъ!

— Комбинація!.. комбинація!..—неслось ей вслѣдъ.

— Да... такъ въ женщинѣ я прежде всего уважаю человѣка, — тянулъ Кекинъ, точно пережевывая свою мысль.—Это значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что, уважая человѣка въ другомъ, я уважаю его и въ самомъ себѣ... Если разобрать сложную природу каждаго чувства, то на повѣрку окажется, что нашъ умъ скользитъ только по поверхности явленій и точно боится заглянуть внутрь, въ самый корень... Напримѣръ, возьмемъ... возьмемъ хоть любовь.

Послѣднюю фразу Кекинъ сказалъ съ трудомъ, по возможности сладкимъ [illegible]ъ, и сбоку посмотрѣлъ на свою слушательницу, — дѣвушка сидѣла съ [illegible]ной головой, какъ сидѣла когда-то въ классѣ на скучномъ урокѣ гео[illegible] Кекину былъ виденъ только профиль ея лица и бѣлая рюшка, охва[illegible]тая нѣжную круглую шейку, точно вѣнчикомъ цвѣтка,—о, эти женщины [illegible] одѣваться и изъ какихъ-нибудь пустяковъ, какъ рюшка, сумѣютъ сдѣлать такое... такое... Позвольте, на чемъ онъ остановился?

— Да, любовь...—уже шопотомъ продолжалъ Кекинъ, придвигаясь ближе къ своей жертвѣ:—это всесильное, міровое чувство... Конечно, я не имѣю въ виду физической стороны, а то высшее, неуловимое духовное родство, которое заставляетъ биться два сердца въ униссонъ. Женщина особенно велика въ этомъ чувствѣ, это ея нормальная сфера... Да, любовь творитъ чудеса, любовь все понимаетъ, любовь все прощаетъ...

— Комбинація! — громко крикнулъ дѣтскій голосъ въ залѣ, и затѣмъ послышались торопливые шаги улепетывавшаго непріятеля.

Катенька быстро поднялась, но Кекинъ удержалъ ее, — онъ не любилъ, когда его прерывали, и нахмурился.

Дѣвушка осталась. Глаза у ней расширились и лицо поблѣднѣло. О, она отлично знала, что̀ ее ждетъ впереди — этотъ деревянный чурбанъ задушитъ ее одними своими разглагольствованіями! И какое самодовольство: онъ впередъ уже прощаетъ ее... Да вѣдь это не жизнь, а какая-то насмѣшка, и она все-таки должна быть его женой, потому что другого выхода нѣтъ.

— Все понимать — все прощать, — продолжалъ Кекинъ. — Это сказала умнѣйшая женщина.

Раздавшійся въ передней звонокъ заставилъ Катеньку вздрогнуть, и она слышала, какъ дѣти всей гурьбой бросились черезъ гостиную. Это, навѣрно, былъ Тихменевъ, — онъ приходилъ къ нимъ именно въ это время. Конечно, онъ, потому что дѣти шумятъ, какъ сумасшедшіе.

— Я сейчасъ, Владиміръ Евгеньичъ...—проговорила Катенька, торопливо поднимаясь съ мѣста.

Кекинъ только пожевалъ губами и посмотрѣлъ на нее черезъ очки злыми, остановившимися глазами. „Я понимаю...“—мелькнуло въ этомъ взглядѣ. Дѣвушкѣ стоило большого труда, чтобы не выбѣжать изъ гостиной навстрѣчу гостю.

— Комбинація сидитъ съ невѣстой... — кричалъ въ передней дѣтскій голосъ.—Онъ про любовь говоритъ...

Катенька остановилась на полдорогѣ, точно ее ударили. „За что?“ — стучало у ней въ головѣ. —„Ахъ, всѣ злые, всѣ“... Она быстро повернулась и пошла назадъ въ гостиную, когда изъ передней показался Тихменевъ.

II.

— Аркадій Борисычъ!.. Аркадій Борисычъ!.. — кричали дѣти на всѣ голоса, хватая гостя за руки, за фалды сѣрой визитки и забѣгая впередъ.

— А гдѣ папахенъ? — спрашивалъ онъ груднымъ тенoромъ, отбиваясь отъ облѣпившей его дѣтворы. — И мутерхенъ тоже дома?..

Невысокаго роста, съ широкой грудью и курчавой головой, Тихменевъ выглядѣлъ настоящимъ молодцомъ. Едва опушенное русой бородкой блѣдное лицо нравилось всѣмъ, и только сѣрые большіе глаза смотрѣли немного жестко. Онъ одѣвался съ разсчитанной небрежностью, какъ человѣкъ, готовившійся „посвятить себя сценѣ“. Пока Тихменевъ служилъ въ акцизѣ и пожиналъ дешевые успѣхи на любительской сценѣ, по чиновничьимъ вечеринкамъ и особенно въ кружкѣ скучавшихъ провинціальныхъ дамъ. Его находили интереснымъ — чего же больше? Тихменевъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ и ухаживалъ за всѣми женщинами. Единственнымъ его недостаткомъ — людей безъ недостатковъ, какъ извѣстно, не существуетъ — было то, что онъ былъ женатъ на гимназической подругѣ Катеньки и, какъ семейный человѣкъ, терялъ много въ глазахъ мамашъ и дочекъ.

У Вициныхъ онъ чувствовалъ себя, какъ дома, и безъ всякаго доклада отправился изъ гостиной въ столовую, а оттуда въ кабинетъ къ папахену, т.-е. къ самому Вицину.

— А, вертопрахъ, здравствуй!.. — встрѣтилъ его старикъ съ остриженной подъ гребенку сѣдой головой. — Ну, что̀ можешь сказать въ свое оправданіе?

— Не виновенъ, докторъ, но заслуживаю снисхожденія... — бойко отвѣтилъ Тихменевъ, усаживаясь въ кресло. — Хотѣлъ повидать Катеньку, жена ей поклонъ посылаетъ, да эта комбинація у ней завелась...

Оба посмотрѣли и захохотали. Когда въ дверяхъ кабинета показались головы ребятъ, старикъ вскочилъ и, замахнувшись книгой, крикнулъ:

— Эй, вы, челядь... къ чорту!..

Успокоившись и запахнувъ поношенный халатъ, онъ опять опустился въ кресло и проговорилъ совсѣмъ другимъ тономъ:

— Ну, ты, Аркашка, смотри... того...

— Чего?

— А вотъ этого... Зачѣмъ дѣвку смущаешь? Не оправдывайся: все знаю. Выйдетъ замужъ, тогда дорога открыта, а теперь пусть ихъ потѣшатся... Вотъ у насъ новая горничная, такъ можешь изощрять на ней свои таланты.

Пока докторъ говорилъ все это, Тихменевъ равнодушно оглядывалъ незавидную обстановку докторскаго кабинета: заваленный книгами и бумагами письменный столъ, у стѣны шкапъ съ медицинскими книгами, другой шкапъ съ инструментами и походной аптечкой, желѣзную кровать и т. д. Вицинъ доживалъ вѣкъ военнымъ врачомъ, и окружавшая его бѣдность кричала изъ каждой щели. Семья была большая, а казенное жалованье микроскопическое.

— Только? — насмѣшливо спросилъ Тихменевъ ероша свою бородку, когда докторъ кончилъ.

— Кажется, достаточно? Вѣдь Катенька не родная мнѣ дочь, и даже не разберешь, какъ она мнѣ приходится: жена вышла за Ордина уже за вдовца, значитъ, Катенька была дочерью отъ первой жены и приходилась ей падчерицей, а когда Ординъ умеръ и я женился на ней... однимъ словомъ, чортъ знаетъ, какая путаница. А я тебѣ скажу одно. Катенька очень ужъ ласково на тебя поглядываетъ... скажу больше: прямо влюблена... Какъ порядочный человѣкъ, ты...

— Понимаю, пожалуйста, безъ нравоученій... Вы, какъ порядочный человѣкъ, считаете своей обязанностью ловить Катеньку въ коридорахъ и обнимать ее очень ужъ... по-родственному!..

— Ради Бога... шш... — зашипѣлъ старикъ, оглядываясь на дверь.

— Ха-ха... Испугались, ваше благородіе?.. Ничего, не безпокойтесь: я Антонидѣ Степановнѣ не выдамъ, если будете вести себя хорошо. Кстати, признайтесь, вы очень боитесь Антониды Степановны?

— Послушай... ты ужъ слишкомъ, Аркашка!.. А Катеньку, дѣйствительно, разъ обнялъ въ коридорѣ...

— Потому что принялъ за жену? Ха-ха...

Когда въ кабинетъ вошла сама Антонида Степановна, рыхлая и вѣчно больная дама съ желтымъ лицомъ, разговоръ принялъ серьезный оборотъ. Говорили о приданомъ для Катеньки, о днѣ свадьбы, разбирали жениха и тому подобное, что̀ говорится въ такихъ случаяхъ.

— Ужъ, кажется, я и не дождусь, — повторяла Антонида Степановна, вздыхая, — когда пристрою Катеньку... Дѣвушка на возрастѣ, того гляди, сядетъ на рукахъ Христовой невѣстой — тогда куда я съ ней? Конечно, она въ домѣ была необходима — занималась съ дѣтьми, помогала мнѣ, но пора ей и о себѣ подумать... Не съ нами же ей вѣкъ вѣковать, — а жениховъ-то нынче и съ огнемъ не найдешь. Пойдемте, господа, чай пить, а Катенькѣ я пошлю чаю туда...

Дѣйствительно, Антонида Степановна велѣла горничной подать чай жениху и невѣстѣ въ гостиную. Катенька даже побѣлѣла вся, когда увидѣла подносъ со стаканомъ чая и свою чашку — у ней оставалась единственная надежда на вечерній чай, чтобы хоть на часъ избавиться отъ своего уединенія, но и эта надежда оказалась разбитой. Зато Кекинъ былъ предоволенъ и смѣшно вытягивалъ губы, прихлебывая горячій кипятокъ. Какъ онъ противно чмокалъ губами, а потомъ облизывалъ ихъ. Дѣвушка впередъ переживала всю свою жизнь съ этимъ ненавистнымъ уродомъ, и глухія слезы подступали къ самому горлу. Что̀ она такое — хуже сироты, а чужой хлѣбъ горекъ. Когда была маленькой, то это еще не такъ выдѣлялось, но потомъ... Конечно, Антонида Степановна — добрая женщина, если бы не избывала ее замужъ за перваго встрѣчнаго, а остальныхъ она ненавидѣла. Старикъ Вицинъ, безхарактерный, боявшійся жены человѣкъ, преслѣдовалъ ее своими родственными любезностями съ седьмого класса гимназіи и, когда жены не было, одолѣвалъ ее скабрезными анекдотами, объятіями и поцѣлуями. Старшіе гимназисты писали на ея тетрадкахъ непонятныя ей слова и подсовывали неприличныя фотографіи. А она должна была молчать, чтобы не тревожить напрасно Антониды Степановны. Въ послѣднее время она просто боялась оставаться дома одна.

Единственное мѣсто, гдѣ она отдыхала, это былъ домъ замужней подруги Любочки Тихменевой, — какъ у нихъ всегда хорошо, уютно и какъ-то вообще

тепло. Конечно, Аркадій Борисычъ былъ вѣтреный человѣкъ и рѣдко засиживался дома, но онъ всегда являлся такимъ веселымъ, остроумнымъ. Особенно любила Катенька, когда онъ пѣлъ. Между прочимъ, онъ и ее училъ пѣнію, и они исполняли даже одинъ дуэтъ на любительскомъ спектаклѣ. Вотъ единственное свѣтлое мѣсто въ ея молодой жизни, и понятно, что въ Катенькѣ проснулись къ мужу подруги тѣ чувства, какія она боялась назвать ихъ настоящимъ именемъ, — она просто чувствовала себя необыкновенно тепло въ его присутствіи, скучала, когда его не было, и жила только ожиданіемъ, когда онъ придетъ. Никакихъ расчетовъ на Тихменева она, конечно, не могла имѣть и старалась не думать, къ чему ведетъ такое сближеніе, — ей было пріятно, что онъ выдѣляетъ ее изъ среды другихъ женщинъ и такъ необидно ухаживаетъ.

Сейчасъ послѣ чая Тихменевъ перешелъ въ залу, сѣлъ за рояль и привычной рукой взялъ нѣсколько громкихъ аккордовъ. Дѣти опять столпились около него и заглядывали прямо въ ротъ. Катенька вздрогнула, заслышавъ знакомыя рулады. Потомъ онъ запѣлъ одинъ изъ тѣхъ романсовъ, какіе такъ любятъ провинціальныя барышни. Пѣлъ онъ недурно, хотя и кривлялся порядочно. Какъ на зло попадались именно тѣ романсы, которые любила Катенька. Когда Тихменевъ запѣлъ: „Не говори, что молодость сгубила...“, у ней на глазахъ показались слезы.

— О чемъ вы плачете, Катенька? — спрашивалъ Кекинъ, напрасно сдерживая поднимавшуюся въ немъ злость.

— Такъ...

— Это не отвѣтъ...

— Да просто потому, что такъ принято: всѣ невѣсты плачутъ.

Она пересилила себя и даже улыбнулась сквозь слезы. Кекинъ успокоился, — дѣйствительно, всѣ невѣсты плачутъ. А въ залѣ полный мужской теноръ такъ и выводилъ жестокія слова:

„... Близка-а-а ммоя ммо-ги-ла-а!..“

Потомъ Кекинъ опять говорилъ что-то, долго и убѣдительно, но Катенька уже не слушала его. Когда Тихменевъ кончилъ свое пѣніе и съ шумомъ захлопнулъ крышку рояля, Катенька безъ всякихъ предисловій выбѣжала къ нему, взволнованная, блѣдная, съ горѣвшими глазами.

— А, вы дома? — удивился Тихменевъ, крѣпко пожимая маленькую дрожавшую ручку. — Любочка вамъ кланяется...

У него улыбались одни глаза, но Катенька прощала ему и фальшивое удивленіе и фальшивыя слова, потому что онъ сейчасъ пѣлъ для нея, ея любимыя вещи, точно хоронилъ ее заживо.

— Мнѣ нужно вамъ сказать одно слово...—прошептала она, опуская глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Вы сейчасъ уходите?.. Я скажу въ передней...

— Вы меня гоните, Катерина Васильевна... — замѣтилъ Тихменевъ, пожимая плечами.

Въ передней, когда онъ наматывалъ себѣ на шею шелковый платокъ, она припала къ его груди русоволосой головкой и глухо зарыдала...

— Я... я... люблю васъ... — шептали побѣлѣвшія губы.

— Милая... — ласково прошепталъ онъ, обнимая ее и цѣлуя. — Милая...

Этотъ поцѣлуй заставилъ дѣвушку опомниться. Она посмотрѣла на него совсѣмъ дикими глазами, быстро повернулась и убѣжала... Тихменевъ нѣсколько времени постоялъ въ передней, улыбаясь довольной улыбкой, тряхнулъ головой и вышелъ.

Кекинъ попрежнему сидѣлъ на диванѣ въ гостиной и начиналъ терять терпѣніе. Чортъ знаетъ, въ самомъ-то дѣлѣ, какое глупое положеніе... Куда Катенька убѣжала?.. Но въ этотъ моментъ вошла Антонида Степановна.

— Мы еще съ вами не видались сегодня, Владимиръ Евгеньичъ... — проговорила она, тяжело опускаясь въ кресло. — Катенька сейчасъ выйдетъ... Знаете, молодая дѣвушка... все для нея такъ ново... нервы... вѣдь всѣ мы, женщины, одинаковы.

Она уговаривала разсерженнаго жениха, какъ ребенка, и Кекинъ постепенно отошелъ. Если ужъ дѣйствительно всѣ женщины одинаковы, то что̀ тутъ подѣлаешь?..

— Вы поставьте себя на мѣсто Катеньки... — продолжала Антонида Степановна, прикладывая платокъ къ глазамъ. — Она еще такъ молода... не понимаетъ своего счастья...

— О, я понимаю... все понимаю... — растроганно отвѣчалъ Кекинъ и даже поцѣловалъ руку у Антониды Степановны. — Вообще комбинація...

III.

Семья Вицыныхъ сложилась довольно оригинальнымъ образомъ, какъ складываются семьи, можетъ-быть, только на Руси.

Антонида Степановна за доктора Вицина вышла уже вдовой. Первый ея мужъ, отецъ Катеньки, былъ вдовецъ, и она „вышла на дѣтей“, какъ говорятъ свахи. У Ордина осталось отъ первой жены двое дѣтей — старшая дочь Катенька и сынъ Семенъ. Антонида Степановна пригрѣла сиротъ и прибавила еще отъ себя троихъ дѣтей, такъ что, когда Ординъ волею Божіей помре, у ней осталось на рукахъ цѣлыхъ пять сиротъ. Положеніе было совсѣмъ безвыходное, если бы она не вышла замужъ во второй разъ за доктора Вицина и опять „на дѣтей“ — у доктора сиротѣло цѣлыхъ четверо ребятъ.

— Что̀ же, намъ ужъ заодно возиться съ ребятами, Антонида Степановна, — говорилъ Вицинъ, когда дѣлалъ предложеніе. — Такая ужъ судьба... Богъ дастъ, не съѣдятъ, пока мы живы.

У „молодыхъ“ образовался съ первыхъ дней воспитательный домъ, а потомъ Антонида Степановна подарила мужу еще троихъ. Получился настоящій муравейникъ, причемъ трудно было разобрать чужихъ отъ своихъ, да Антонида Степановна и не дѣлала между дѣтьми различія — всѣхъ Богъ далъ, что̀ же тутъ разбирать. Самъ Вицинъ былъ не злой человѣкъ, но на дѣтей онъ не обращалъ никакого вниманія, предоставивъ все женѣ: это ея бабье дѣло. У него служба, дѣла, а ребятишки только мѣшаютъ. Онъ замѣтилъ Катеньку уже въ седьмомъ классѣ гимназіи, когда она совсѣмъ выровнялась и сдѣлалась взрослой, красивой дѣвушкой. Даже и по женѣ Катенька была доктору чужая, и онъ часто поглядывалъ на нее прищуренными глазами. Женщинъ онъ всегда любилъ, но жизнь такъ сложилась, что пришлось удовольствоваться самой сѣренькой обстановкой, а тутъ постоянно на глазахъ вертится такая свѣженькая и красивая дѣвушка. Дурныхъ мыслей старикъ не имѣлъ, но его такъ и тянуло обнять это цвѣтущее молодое тѣло, которое точно говорило ему о собственной старости и неудовлетворенной жаждѣ жизни. Антонида Степановна хорошо знала слабости мужа и поэтому никогда не держала въ домѣ красивой женской прислуги — вѣдь всѣ мужчины одинаковы, какъ и женщины. Это было ея философіей, которая каждый день приносила какое-нибудь новое подтвержденіе. Старшій сынъ доктора, гимназистъ седь-

мого класса, тоже ухаживалъ за Катенькой и не пропускалъ удобнаго случая поймать ее гдѣ-нибудь въ темной комнатѣ, ущипнуть и прошептать на ухо что-нибудь скабрезное. Разъ Антонида Степановна наткнулась на сцену, когда Сережа обнималъ Катеньку, загнавъ ее въ уголъ гостиной.

— Дѣти... что̀ вы дѣлаете?!. — ужаснулась Антонида Степановна, пораженная, какъ громомъ. — Вѣдь вы братъ и сестра...

Сережа, конечно, убѣжалъ, какъ и слѣдуетъ мужчинѣ, а Катенька осталась, сконфуженная, обиженная, жалкая.

— Развѣ можно себя такъ держать? — обрушилась на нее Антонида Степановна. — Ты самая большая въ семьѣ и должна подавать примѣръ другимъ... Наконецъ каждая женщина сама заслуживаетъ того, какъ съ ней обращаются. Я сама была дѣвушкой и могу сказать, что никто не смѣлъ обнимать меня, какъ горничную.

— Я... я не виновата... — бормотала Катенька, сгорая отъ стыда и новой несправедливости. — Если они сами лѣзутъ... не даютъ прохода.

— Кто это „они"? Сережка?.. Да вѣдь онъ мальчишка, котораго нужно за уши еще драть... И не оправдывайся: для меня всѣ вы равны, и за всѣхъ я должна дать отвѣтъ Богу. Да...

Изъ этого случая Катенька вывела только одно заключеніе, что женщины всегда, вездѣ и во всемъ виноваты, а мужчины всегда, вездѣ и во всемъ правы. Имъ все можно, а женщины должны все переносить. Это было несправедливо, и она возненавидѣла сильнѣйшій полъ, больше — она почувствовала къ мужчинамъ чисто-физическое отвращеніе, какъ къ чему-то неприличному и вообще гадкому.

Средства доктора Вицина были очень ограниченныя, а поэтому громадная семья, какъ тыномъ, была окружена тысячью неотступныхъ нуждъ. Одна обувь чего стоила, а потомъ всѣхъ нужно было одѣть и накормить. Квартира была мала и неудобна, а дѣти сбились въ двухъ комнатахъ. Катенька, въ качествѣ старшей въ семьѣ, должна была помогать мачехѣ и по хозяйству и по части первоначальнаго обученія. Эта орава дѣтей требовала страшнаго напряженія, чтобы все было въ порядкѣ, да еще сама Антонида Степановна постоянно прихварывала. Съ подраставшими дѣтьми увеличивались и нужды. Недостатокъ надзора отзывался, конечно, на дѣтяхъ прежде всего тѣмъ, что они никого знать не хотѣли въ домѣ и забрали незамѣтно такую волю, что посторонній человѣкъ, въ первый разъ попавшій въ докторскую квартиру, въ ужасѣ затыкалъ уши. Это былъ настоящій адъ, гдѣ голосили, ревѣли, орали и выкрикивали на всѣ тона неугомонные дѣтскіе рты.

Какъ мы уже сказали, Катенька отдыхала только у Тихменевыхъ, куда ей рѣдко приходилось попадать. Ея подруга Любочка была пухлая и избалованная дѣвушка, которая еще гимназисткой увлеклась талантами Тихменева и вышла за него замужъ противъ воли родителей, убѣгомъ. Она была молода и красива, ничего не дѣлала и по-своему чувствовала себя счастливой, потому что ни о чемъ не нужно было думать. Самъ Тихменевъ рѣдко бывалъ дома, потому что вѣчно пропадалъ гдѣ-нибудь по чиновничьимъ вечеринкамъ, на холостыхъ пирушкахъ, по любительскимъ спектаклямъ, а если некуда было итти, то коротал время въ клубѣ или въ театрѣ. У него весь городъ былъ знакомъ, а за кулисами онъ былъ, какъ у себя дома. Такая разсѣянная жизнь не удивляла Любочку, потому что у ней вѣчно кто-нибудь вертѣлся изъ хорошихъ знакомыхъ, и она удовлетворялась легкими ухаживаніями этихъ гостей. Все-таки въ результатѣ получался хотя призракъ счастья, и Катенька завидовала этой Любочкѣ, у которой былъ свой уголъ, извѣстное обществен-

ное положеніе и условная свобода замужней женщины. Тихменевъ всегда былъ внимателенъ къ женѣ, веселъ, и день за днемъ время катилось незамѣтно. Катенька съ удовольствіемъ помѣнялась бы съ Любочкой житейскими ролями.

Тихменевъ со всѣми женщинами усвоилъ себѣ то свободное и полушутливое обращеніе, какое позволяется такимъ добрымъ малымъ; поэтому Катенька не обращала вниманія, когда онъ по ошибкѣ обнималъ ее.

— Я васъ все смѣшиваю съ женой...—отшучивался онъ съ развязностью избалованнаго человѣка.—Что̀ дѣлать: проклятая близорукость.

Близорукости никакой не было, но Тихменевъ носилъ пенсне для шика, особенно когда бывалъ въ театрѣ.

Разъ на масленицѣ они катались цѣлой компаніей. Катенька попала въ одни сани съ Тихменевымъ. Онъ былъ слегка навеселѣ и фамильярно обнялъ ее.

— Послушайте, Аркадій Борисычъ...—строго замѣтила Катенька, освобождаясь отъ этихъ объятій.—Вы такъ себя ведете, что я должна буду пожаловаться Любочкѣ...

— Что̀ же, жалуйтесь,—засмѣялся онъ, привлекая ее къ себѣ и цѣлуя въ щеку.—Во-первыхъ, Богъ велѣлъ любить ближняго, во-вторыхъ, сегодня масленица, въ-третьихъ, я катаюсь съ дамой, и наконецъ я просто пьянъ. Для чего же устраиваются такіе пикники, на которыхъ мужей и женъ разсаживаютъ по разнымъ экипажамъ?.. Перестаньте, пожалуйста, разыгрывать изъ себя недотрогу-царевну, а то я самъ долженъ пожаловаться на васъ Любочкѣ...

Потомъ Катенька узнала, что Тихменевъ велъ вообще очень свободную жизнь и потихоньку отъ жены разыгрывалъ свои дешевенькіе романы, не пропуская ни одной горничной. Къ Антонидѣ Степановнѣ время отъ времени завертывали разныя старушки и своя сестра чиновница. Эти женщины всегда приносили съ собой цѣлый ворохъ самыхъ свѣжихъ новостей, и городская жизнь дѣлалась извѣстной до послѣднихъ интимныхъ новостей. Гостьи не стѣснялись присутствіемъ Катеньки,—что̀ же, дѣвушка большая, того гляди сама замужъ выскочитъ,—и разсказывали всю подноготную. Антонида Степановна почти нигдѣ не бывала и сама говорить о другихъ дурное не любила, но послушать чужіе толки и пересуды была не прочь. Благодаря этимъ разговорамъ кумушекъ, Катенька окончательно убѣдилась въ своемъ мнѣніи, что всѣ мужчины мерзавцы, и если есть среди нихъ порядочные люди, то это потому только, что это или круглые дураки, или такія рѣдкія исключенія, какія не могутъ итти ни въ какой счетъ, да и своихъ живыхъ примѣровъ было достаточно—тотъ же рара Вицинъ, Сережка, Тихменевъ.

Это—съ одной стороны, а съ другой—Катенька уже была сформировавшаяся дѣвушка, и въ ней иногда просыпались чувственные порывы. Вся окружавшая ее обстановка наталкивала ея мысль и чувство именно въ эту сторону. Являлись тоска, апатія и припадки унынія. Мечтать она не любила, какъ другія дѣвушки, можетъ-быть, потому, что у ней не было подругъ, да и времени свободнаго тоже. Появленіе Кекина не обрадовало ее и не опечалило: не все ли равно, за кого ни выходить замужъ. Когда Антонида Степановна приступила къ ней съ предварительными объясненіями, Катенька откровенно сказала:

— Мама, вѣдь я не маленькая и понимаю, зачѣмъ онъ ходитъ къ намъ.

Конечно, Антонида Степановна прослезилась, начала креститъ Катеньку и все повторяла, что она не гонитъ ее, какъ другія мачехи, не избываетъ, а какъ она сама хочетъ. Кекинъ не красавецъ и не первой молодости, но человѣкъ хорошій и т. д.

Но, чѣмъ ближе дѣлался роковой моментъ, Катенькой начинало овладѣвать безотчетное безпокойство. Хотя она и не ждала ничего особеннаго отъ жизни, но провести ее съ глазу на глазъ съ Кекинымъ, сдѣлаться матерью его дѣтей—это ее пугало все больше и больше. Она его не только не любила, но и не уважала,—что̀ же это будетъ за жизнь? А тутъ еще Тихменевъ зачастилъ къ нимъ въ домъ и все распѣваетъ свои романсы... Она чувствовала, что онъ приходитъ именно къ ней, поцѣловать у ней руку, вообще—ухаживаетъ. Сначала ее это злило, а потомъ она сама не могла дать себѣ отчета, какъ произошелъ въ ней переворотъ, и она съ какой-то жадностью пошла навстрѣчу къ нему. Пусть будетъ, что̀ будетъ.

Въ роковой вечеръ своего объясненія съ Тихменевымъ въ передней Катенька была окончательно разбита. Она не спала всю ночь напролетъ и все думала, думала, думала... Она уже видѣла себя m-me Кекиной, видѣла обстановку своей новой жизни и ту страшную пустоту, которую она принесетъ туда. Все равно, Кекинъ получитъ то, чего искалъ—ея молодость и дѣвичью красоту, а что̀ же ей останется?.. Катенька плакала и ломала руки въ отчаяніи. Скверно было оставаться здѣсь и скверно было впереди. Въ забытьѣ она звала Тихменева и чувствовала, какъ надъ ней наклонялось его молодое, красивое лицо, а въ ушахъ стояли страстно призывавшія строфы его романсовъ. Вѣдь за мигъ такого счастья можно отдать всю жизнь, чѣмъ зачахнуть съ этой деревяжкой.

— А, такъ вы вотъ какъ...—корила она кого-то:—такъ я же знаю, что̀ мнѣ дѣлать. Да... У меня есть своя комбинація.

Мысль, ударившая ее какъ молнія, дѣйствительно, была дикая и нелѣпая, но Катенька ухватилась именно за нее: хотя что-нибудь взять у мачехи-судьбы. Она и встала съ веселымъ лицомъ, полная отчаянной рѣшимости привести въ исполненіе свой планъ. Все равно, вѣдь она уже сказала Тихменеву, что любитъ его.

IV.

Вечеромъ Кекинъ пришелъ въ свой часъ и занялъ свое мѣсто на диванѣ въ гостиной. Катенька встрѣтила его въ передней съ блѣднымъ и встревоженнымъ лицомъ.

— Вы не совсѣмъ здоровы?—замѣтилъ Кекинъ, заглядывая въ лицо.

— Да... я плохо спала ночь.

— Нужно беречь здоровье. Mens sana in corpore sano...

Дѣвушка молчала, по-гимназически перебирая пуговицы платья.

Гостиная такъ же была освѣщена одной лампой, и такъ же Катенька сѣла далеко отъ своего жениха. Разговоръ какъ-то плохо клеился, и шмыгавшія чрезъ гостиную дѣти мѣшали Кекину подсѣсть ближе. Онъ два раза протеръ свои очки и улыбнулся въ пространство. У него сегодня выдался счастливый день: въ седьмомъ классѣ написали прекрасный emendatum, потомъ директоръ поздравилъ съ женитьбой, лукаво подмигнулъ, и наконецъ онъ послѣ обѣда заходилъ на будущую свою квартиру, гдѣ уже дѣлались необходимыя приготовленія. Вообще, все шло отлично, и Кекинъ, шагая по тротуарамъ къ квартирѣ Вицина, даже бунчалъ какой-то мотивъ неизвѣстнаго происхожденія.

— Итакъ, я считаю, что мы объяснились вполнѣ... — заговорилъ онъ, протягивая руку по спинкѣ дивана.—Это главное. Не правда ли?..

Онъ забылъ только одно, что говорилъ все время онъ одинъ, а Ка-

енька только слушала и соглашалась. Но вѣдь это все равно: онъ такъ привыкъ, чтобы его всѣ слушали. Міръ въ его представленіи рисовался чѣмъ-то въ родѣ громаднаго класса, гдѣ одни учатъ, а другіе учатся.

— Вы, Владимиръ Евгеньичъ, говорили, что въ женщинѣ уважаете прежде всего человѣка...—начала нерѣшительно Катенька, чувствуя, что лицо ней покрывается розовыми пятнами.

— Да, говорилъ...

— Потомъ вы говорили... Какъ это сказать?.. Все понимать—все прощать...

— Это сказала m-me Сталь. Очень умная женщина, которая знала даже латинскій языкъ...

— Потомъ вы говорили еще про откровенность...

— Да... Это непремѣнное условіе, чтобы впослѣдствіи не происходило никакихъ недоразумѣній. Впрочемъ, я говорилъ относительно...

— Но вѣдь есть нѣкоторыя вещи, которыя невозможно сказать... т.-е. человѣкъ скрываетъ изъ страха позора, презрѣнія.

Она остановилась и посмотрѣла на дверь въ залу, за которой уже слышался сдержанный шопотъ и топтанье дѣтскихъ ногъ.

— Что вы хотите сказать?—удивился Кекинъ и еще разъ протеръ очки.

— Я говорю, что иногда страхъ удерживаетъ человѣка отъ желанія высказаться... Въ обществѣ такъ много предразсудковъ и вообще несправедливости. Наконецъ есть извѣстныя требованія, которыя почему-то предъявляются одной сторонѣ... Мужчина, когда женится, идетъ съ открытымъ лицомъ, и никто не спрашиваетъ... не спрашиваетъ, какъ онъ провелъ свою молодость. Даже больше: его самые некрасивые поступки сходятъ за какое-то молодечество... Мужчины думаютъ, что женщины, т.-е. дѣвушки, ничего не понимаютъ и вѣрятъ ихъ каждому слову.

— Ну да... конечно, бываютъ случаи... — мычалъ Кекинъ, съ удивленіемъ глядя на заговорившую въ первый разъ Катеньку. — Но мнѣ не ясно одно... Да, одно. Къ чему вы ведете рѣчь въ такомъ именно направленіи?

— Я хочу сказать только то, что мужчина все себѣ можетъ позволить и ни за что не отвѣчаетъ...

— Вы хотите сказать: холостой мужчина?

— А развѣ это не все равно? Холостой будетъ женатымъ... Развѣ невѣста не въ правѣ спросить его откровенно... т.-е. я, конечно, васъ не буду спрашивать, Владимиръ Евгеньичъ, потому что такой вопросъ для дѣвушки считается неприличнымъ. Женщины должны удовлетворяться тѣмъ, что имъ достанется...

„Вотъ тебѣ и откровенность: самъ навязалъ“, — думалъ Кекинъ, предчувствуя какую-то непріятность.

Катенькѣ вдругъ сдѣлалось дурно, и Кекину пришлось въ первый разъ въ жизни бѣжать за стаканомъ воды для женщины. Въ залѣ онъ наткнулся на кучу ребятъ, которые бросились отъ него врассыпную. „Комбинація!“ — едва успѣлъ крикнуть кто-то, удирая во всѣ лопатки. Когда онъ вернулся съ водой, Катенька сидѣла на диванѣ блѣдная, какъ полотно. Выпивъ воды, она замѣтно успокоилась.

— Оставимте этотъ разговоръ...—просилъ Кекинъ, расхаживая по гостиной.—Я лучше разскажу вамъ о квартирѣ, т.-е. о *нашей* квартирѣ. Да. Всего пять комнатъ, мебель я беру на прокатъ, улица тихая и недалеко отъ гимназіи, однимъ словомъ—всѣ условія... да, всѣ условія.

— Нѣтъ, мнѣ необходимо докончить этотъ разговоръ... — перебила Катенька съ непонятной для него настойчивостью.

— Не лучше ли въ другой разъ, Катерина Васильевна?

— Нѣтъ, сегодня или никогда.

Кекину пришлось занять свое мѣсто на диванѣ и приготовиться сл шать, но имъ помѣшала горничная, подававшая чай. Чайная ложечка жалоб зазвенѣла въ рукахъ Катеньки, точно она дрожала со страха.

— Вотъ вы говорите о справедливости, объ уваженіи къ женщинѣ...- заговорила дѣвушка, переводя духъ.—Но этого нѣтъ...

— Нѣтъ, ужъ извините... я знаю такую женщину, т.-е. дѣвушку, кот рую уважаю и люблю больше всего на свѣтѣ!—выпалилъ Кекинъ неожидан для самого себя.

— Дайте мнѣ кончить... Все это одни хорошія слова. Уваженіе къ же щинѣ вращается въ такомъ тѣсномъ кругу и не переходитъ границъ... ка это сказать? Ну, да это все равно... Возьмите такой случай: можетъ-быть, та называемая дѣвушка съ прошлымъ...

— Какъ вы сказали?

— Развѣ вы не знаете, что̀ называется дѣвушкой съ прошлымъ?

— Ахъ, да... виноватъ...—смутился Кекинъ и какъ-то вдругъ съежилс

— Мужчины всѣ съ такимъ прошлымъ, а дѣвушки являются исключ ніемъ... Можетъ быть со всякимъ человѣкомъ извѣстная ошибка, увлечені просто случайность, вообще несчастье, но развѣ дѣвушкѣ прощается чт нибудь?

Теперь Катенька смотрѣла уже прямо въ глаза Кекину и даже придв нулась къ нему. Глаза у ней горѣли, а рука, лежавшая на столѣ, вздрагивал

— Такая дѣвушка покрыта вѣчнымъ позоромъ... Ее казнятъ... и что̀ ж Тотъ человѣкъ, который сдѣлалъ дѣвушку несчастной, остается въ сторон и у него только однимъ пріятнымъ воспоминаніемъ больше, да и общест на такія шалости смотритъ снисходительно... Есть жертва, на которой и вым щается все. Позвольте... Если простая физическая ошибка, замѣтьте — все одна ошибка, навсегда губитъ дѣвушку, то что̀ же намъ говорить объ ув женіи къ женщинѣ, о всепрощеніи—вообще о томъ, чего нѣтъ и не бывал На чемъ же держится вся наша нравственность и уваженіе?.. Вѣдь это н конецъ обидно...

— Позвольте... что̀ вы хотите этимъ сказать, Екатерина Васильевна?- бормоталъ Кекинъ, отодвигаясь отъ нея.

— Вы не догадываетесь, Владимиръ Евгеньичъ, а еще столько говори объ откровенности... Вы впередъ готовы возненавидѣть человѣка, котор проповѣдывали эту мораль...

— Вы... вы... вы...

— Да, я именно такая дѣвушка... съ прошлымъ...

Послѣднія слова Катенька проговорила уже стоя, ухватившись одн рукой за столъ. Роковое слово точно остановилось у нея въ горлѣ... Кекин предчувствовалъ ударъ и старался не смотрѣть на нее. Когда онъ открыл глаза—Катеньки уже не было въ гостиной.

— Вотъ такъ комбинація...—растерянно бормоталъ онъ, не зная, ч дѣлать: убѣжать какъ-то неловко, оставаться—того хуже.

На выручку ему явилась Антонида Степановна,—она прибѣжала встр воженная, испуганная, жалкая.

— Что̀ такое случилось, Владимиръ Евгеньичъ: съ Катенькой истерика.

— Истерика?—переспросилъ Кекинъ.—Ахъ, да... До свиданья, Ант нида Степановна.

— Да куда же вы, Владимиръ Евгеньичъ? Нѣтъ, я васъ не пущу.

Можетъ-быть, какіе-нибудь пустяки... Катенька еще глупа и ничего не понимаетъ...

— Потомъ... потомъ...—бормоталъ Кекинъ, отыскивая свою шапку.

Такъ онъ и не сказалъ ничего Антонидѣ Степановнѣ, какъ она ни удерживала его. Развѣ онъ имѣлъ право выдавать чужую тайну, а Катенька ему сейчасъ была чужая... А онъ и квартиру нанялъ, и директоръ поздравилъ—вотъ такъ комбинація, въ самомъ-то дѣлѣ.

Въ передней Кекинъ лицомъ къ лицу столкнулся съ Тихменевымъ. Они посмотрѣли другъ на друга, смѣрили съ головы до ногъ и отвернулись,—Кекинъ, какъ виноватый, выскочилъ изъ передней, а Тихменевъ только развелъ руками.

— Спятилъ, голубчикъ...—даже пожалѣлъ онъ

— Ну, братъ, у насъ истерики...—объяснилъ все докторъ, когда Тихменевъ вошелъ въ кабинетъ.—Моя старуха катается въ гостиной, а Катенька упражняется въ своей комнатѣ, т.-е. въ дѣтской... Ничего не пойму. И все это болванъ Кекинъ надѣлалъ...

— Дикарь, однимъ словомъ.

Вечеръ въ домѣ Вициныхъ, несмотря на присутствіе Тихменева, прошелъ скучно. Антонида Степановна ходила съ заплаканными глазами и нѣсколько разъ напрасно стучалась въ комнату къ Катенькѣ—добрая женщина уже впередъ обвиняла падчерицу во всей исторіи.

Когда Тихменевъ уходилъ, Катенька наконецъ показалась изъ своего заточенія. Она улучила минутку, чтобы разсказать ему все.

— Катерина Васильевна,—бормоталъ онъ, пораженный всѣмъ случившимся.—Да какъ это вамъ въ голову-то пришло?.. Да это что̀ же такое?..

— Ахъ, не спрашивай... Все равно пропадать...—шептала она.—Онъ глупъ и, посмотри, самъ же придетъ ко мнѣ... Я его ненавижу... онъ повѣрилъ, что я дѣвушка съ прошлымъ... ха-ха!..

— Катенька... Катя... Катька...

— Ты теперь мой, мой, мой... хоть на день, на недѣлю, но мой... Уѣдемъ куда-нибудь... Я впередъ пережила свой позоръ, свой дѣвичій стыдъ...

На Тихменева вдругъ накатилось раздумье: если эта Катенька была способна выкинуть такую штуку, то потомъ отъ нея не скоро отвяжешься... Такія бабы прямо съ револьверомъ охотятся за своими аманами: цокъ—и амана какъ не бывало. Но, съ другой стороны, его захватила самая смѣлость Катенькиной выдумки, и потомъ, въ какихъ дуракахъ Кекинъ-то останется.

— Завтра я получу отъ него письмо и выговорю себѣ условіемъ одну недѣлю... нѣтъ, двѣ... У меня есть какая-то тетка, такъ будто къ ней съѣздить. Ты будь готовъ.

Она теперь цѣловала его уже сама, какъ сумасшедшая, плакала и смѣялась, и опять плакала, улыбаясь сквозь слезы.

— Люблю, люблю... тебя люблю...—шептала она, прижимаясь къ нему всѣмъ тѣломъ, точно хотѣла прирасти къ нему.—Я погибла, не живя... не любя... я гадкая... Ахъ, какъ мнѣ было стыдно лгать на себя и обманывать его... я что-то такое много говорила и даже на него нападала...

V.

Письма отъ Кекина не было три дня, но Катенька была спокойна—шла впередъ, очертя голову. Объясненіе съ Антонидой Степановной ни къ чему не повело, и Катенька повторяла только одно:

— Оставьте меня, мама... M-me Кекиной я еще успѣю быть.

На четвертый день явилось наконецъ письмо. Его принесъ почтальонъ вечеромъ, когда Тихменевъ сидѣлъ за роялемъ, а Катенька разучивала подъ его руководствомъ цыганскій романсъ: „Ночи безумныя, ночи безсонныя...". Катенька ниоткуда не получала писемъ, поэтому всѣ ребята смотрѣли на почтальона съ разинутымъ ртомъ.

— Екатеринѣ Васильевнѣ Ординой...—громко провозгласилъ гимназистъ, подавая письмо.—Отъ Комбинаціи...

Тихменевъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и продолжалъ разбирать ноты.

Катенька равнодушно взяла письмо, разорвала конвертъ, пробѣжала небольшой листикъ почтовой бумаги и подала Тихменеву.

„Милостивая государыня, Екатерина Васильевна,—писалъ Кекинъ мелкимъ, сливавшимся почеркомъ.—За эти три дня я такъ много пережилъ... Вы поймете мои чувства. Но не будемъ говорить о прошломъ, а будущее зависитъ отъ васъ. Обдумайте свое положеніе, загляните въ собственную душу и рѣшите, въ состояніи ли вы принять на себя священныя обязанности жены и, можетъ-быть, матери. Отъ своихъ словъ я не отказываюсь, потому что слишкомъ любилъ васъ и люблю... У всякаго, видно, есть своя судьба, отъ которой не уйдешь. Греки называли это „ананке", а римляне—fortuna adversa... Мнѣ страшно не за себя—я провѣрилъ себя и приготовился, но страшно за васъ. Уважающій въ васъ свою будущую жену Владиміръ Кекинъ".

— Дуракъ...—рѣшилъ Тихменевъ, возвращая письмо.—Этакими болванами тынъ подпирать.

Катенька отвѣтила только черезъ день и поставила непремѣннымъ условіемъ, что передъ свадьбой уѣдетъ на двѣ недѣли къ теткѣ. „Мнѣ тоже нужно подумать и прійти въ себя,—писала она своимъ ученическимъ почеркомъ:—а при нашей обстановкѣ это невозможно... Я тоже много пережила за эти дни и не думаю, чтобы вамъ было тяжелѣе. Во всякомъ случаѣ, я не желаю и не имѣю права связывать васъ даннымъ словомъ: вы ошиблись въ томъ, чего искали... Не лучше ли будетъ, если мы разстанемся навсегда?"

Увѣренная въ чувствахъ Кекина, Катенька писала эти строки съ легкимъ сердцемъ: нужно выдержать свою роль до конца. Только, когда письмо совсѣмъ было готово, на Катеньку напало раздумье,—она еще разъ перечитала письмо Кекина, и ее точно кольнулъ его простой, душевный тонъ. А она, что̀ она дѣлаетъ? Но теперь уже поздно...

Вмѣсто отвѣта, Кекинъ явился самъ, желтый, растерянный, жалкій. Онъ соглашался со всѣмъ, только бы скорѣе все кончилось.

— Вы были больны?—спрашивала Катенька, проникаясь участіемъ къ нему.—У васъ такой цвѣтъ лица нехорошій.

— Это такъ... это пройдетъ... Пришелъ взглянуть на васъ... Соскучился—не могу...

Ей сдѣлалось вдругъ жаль его, но это было мимолетное чувство, погасшее такъ же быстро, какъ вспыхнуло. Опять та же гостиная, та же лампа, тотъ же tête-à-tête и тотъ же шопотъ за дверями. Кекинъ больше не читалъ наставленій и не заводилъ поучительныхъ разговоровъ, а только потиралъ очки и теръ себѣ лобъ.

— Я вамъ разскажу когда-нибудь о лучшемъ римскомъ императорѣ...—говорилъ онъ ни къ селу ни къ городу.—Маркъ Аврелій... да. Замѣчательный человѣкъ... Кстати, вы позволите мнѣ проводить васъ, Екатерина

Васильевна?.. Я непремѣнно приду... Вѣдь двѣ недѣли одиночества для меня— это ужасно долго.

— Нѣтъ, лучше не приходите: мнѣ будетъ тяжело прощаться съ вами.

Онъ согласился. Это было наконецъ возмутительно: въ этомъ глупомъ человѣкѣ даже не было мужского самолюбія, именно, настоять на своемъ.

Катенька уѣхала по желѣзной дорогѣ. Тихменевъ уѣхалъ днемъ раньше и ждалъ ее на одной изъ промежуточныхъ станцій. Кекинъ прибѣжалъ къ Вицинымъ въ тотъ же вечеръ, „повернулся“ съ четверть часа и ушелъ.

— Какой-то онъ чудной, Христосъ съ нимъ,—рѣшила Антонида Степановна, качая озабоченно головой.

— Не забыла ли она калошъ?—спрашивалъ Кекинъ.—И пледъ взяла? Ну, отлично...

Онъ еще завертывалъ разъ пять и смотрѣлъ выжидательно на Антониду Степановну. Она понимала этотъ нѣмой вопросъ: бѣдняга ждалъ письма, но письма не было. Настоящій пѣтухъ, у котораго курица забѣжала въ чужой дворъ...

Ровно черезъ двѣ недѣли въ назначенный срокъ Кекинъ забрался на вокзалъ за часъ до прихода поѣзда. Публики было мало, и онъ то ходилъ по залѣ, то заглядывалъ на часы. Мало ли что̀ можетъ быть: сойдетъ поѣздъ съ рельсовъ, стрѣлочникъ перепутаетъ сигналъ... Въ довершеніе несчастья, поѣздъ, дѣйствительно, опоздалъ на цѣлыхъ десять минутъ, благодаря какому-то снѣжному заносу. Вѣдь вотъ, ни раньше ни позже явился этотъ заносъ. Наконецъ часы показали 7 часовъ и 11 минутъ. Вдали, гдѣ-то, точно подъ землей, раздался хриплый свистокъ, потомъ длинная пауза—и поѣздъ съ лязгомъ и шипѣньемъ подползъ къ платформѣ, точно желѣзная змѣя, собиравшая свои кольца. Она весело выпорхнула изъ вагона второго класса и немного смутилась, когда увидала его счастливо встревоженное лицо. За ней показался, Тихменевъ, который сейчасъ же спрятался, завидѣвъ Кекина.

— Наконецъ-то...—счастливо шепталъ Кекинъ, отнимая у невѣсты какой-то кожаный мѣшочекъ.—Ну что̀, какъ твоя тетка?...

Онъ еще въ первый разъ сказалъ „твоя“ и точно самъ испугался собственной смѣлости. Но она такъ устала съ дороги, что не замѣтила этого смущенія и только чуть не спросила: какая тетка? Лицо у ней было такое утомленное, движенія вялыя.

— Это пройдетъ...—устало отвѣтила она, когда онъ спросилъ о здоровьѣ.

Черезъ недѣлю Катенька была уже m-me Кекина. Свадьба была скромная, такъ что докторъ Вицинъ не успѣлъ даже разсказать тѣхъ пикантныхъ анекдотовъ и намековъ, какіе говорятся въ такихъ случаяхъ.

Молодые устроились на новой квартирѣ. Какъ сжалось сердце у Катеньки, когда она въ первый разъ переступила порогъ своего новаго гнѣзда. Предчувствіе чего-то тяжелаго и нехорошаго явилось у ней при видѣ этой пустой квартиры, которую она должна была оживить. Но она не плакала, не горевала, а точно вся застыла. Кекинъ объяснялъ такое состояніе по-своему и старался развлечь жену. О, теперь онъ отвѣчаетъ за все—есть только одно настоящее. У него есть свой home, есть жена, а остальное все пустяки: подозрѣніе да не коснется жены цезаря, а въ своемъ home каждый человѣкъ цезарь. Эти ласки и вниманіе смущали Катеньку больше всего, и она краснѣла каждый разъ. Такая застѣнчивость приводила Кекина въ восторгъ: жена сразу поддавалась ему и входила въ кругъ его вліянія.

— Не хочешь ли ты чего-нибудь, Катя?—повторялъ онъ каждый день, возвращаясь съ уроковъ въ гимназіи.

— Нѣтъ, мнѣ ничего не нужно...—отвѣчала она съ какой-то торопливостью.

Это его огорчало, и онъ напрасно старался угадать ея вкусы и маленькія желанія.

Когда въ первый разъ явилась къ Кекинымъ Антонида Степановна, она сдѣлала строгую ревизію всему хозяйству и высыпала цѣлый рядъ совѣтовъ. Кекинъ былъ въ восторгѣ и во всемъ соглашался.

— Что̀ же ты все молчишь?—спросила Антонида Степановна молодую хозяйку и посмотрѣла на нее строгимъ и проницательнымъ взглядомъ—ея любящее, материнское сердце подсказало ей, что здѣсь что-то не ладно.

Когда Кекинъ уходилъ на службу, наступали такіе томительно-долгіе часы. Катенька ходила по комнатамъ, пробовала читать, но ничего у ней не клеилось. Эти стѣны были для нея чужія, да и сама она чувствовала себя чужой, какой-то тѣнью, призракомъ той женщины, которая по праву заняла бы здѣсь свое мѣсто. Она просто боялась оставаться одна, но вмѣстѣ съ тѣмъ никуда не желала ни выходить ни выѣзжать. Тихменевъ подсылалъ къ ней нѣсколько записокъ, назначалъ свиданія, но отвѣта не получалъ. Катенька точно въ воду канула.

Однажды, когда Кекинъ вернулся изъ своей гимназіи, Катенька встрѣтила его въ передней и бросилась къ нему на шею. Она съ нетерпѣніемъ ждала его цѣлое утро и теперь, краснѣя и сбиваясь, объяснила, что, можетъ-быть, скоро онъ будетъ отцомъ. Кекинъ даже уронилъ очки отъ радости.

— Я?.. отцомъ?..—бормоталъ онъ, обводя глазами комнату.—Да я сейчасъ счастливѣе десяти Марковъ Авреліевъ...

Эти ожиданія оправдались. Опять явилась Антонида Степановна со своими совѣтами, но отнеслась къ этой семейной радости какъ-то холодно и какъ-то все подозрительно поглядывала на Катеньку.

— Что̀ же, дай Богъ...—повторяла она.—Дѣло житейское...

Въ слѣдующій разъ она явилась въ сопровожденіи своей знакомой акушерки Маремьяны Петровны, которая походила на монахиню. Женщины приняли самое дѣятельное участіе въ положеніи Катеньки и долго что-то шептались между собой, многозначительно переглядывались и качали головами. Кекинъ отъ радости расцѣловалъ вмѣсто Антониды Степановны акушерку, которая даже отплюнулась.

Катенькѣ были прописаны прогулки. Она протестовала, но Маремьяна Петровна была неумолима: нужно—значитъ, и говорить не о чемъ.

— Нечего привередничать...—говорила Антонида Степановна.—Пока мужъ въ гимназіи, ты и гуляй.

Чего Катенька боялась, то и случилось. На одной изъ такихъ утреннихъ прогулокъ она встрѣтилась съ Тихменевымъ. Онъ сначала издали раскланялся, а потомъ пошелъ за ней. Она слышала его приближавшіеся шаги и остановилась.

— Что̀ вамъ еще нужно отъ меня?—спросила она, тяжело переводя духъ.

— Катенька, да что̀ съ вами?

Она съ удивленіемъ посмотрѣла на него широко раскрытыми, испуганными глазами и сдѣлала шагъ впередъ.

— Катенька...

— Не смѣйте меня такъ называть...—остановила она его.

— Да перестань, пожалуйста: все это глупыя сентиментальности... Нужно смотрѣть на вещи прямо.

— Послушайте, Аркадій Борисычъ...—заговорила она, тяжело переводя ухъ.—Знаете ли вы, что онъ, этотъ смѣшной Владиміръ Евгеньичъ, лучше асъ обоихъ въ тысячу разъ?

— Это и не трудно, Катерина Васильевна...

— Да, лучше, — повторяла она, не слушая его. — Онъ дѣйствительно юбитъ меня... онъ такъ добръ... а я... я должна еще разъ обмануть его: онъ удетъ отцомъ чужого ребенка. Прощайте навсегда... навсегда...

Тихменевъ остался одинъ на тротуарѣ и долго провожалъ глазами уходившую отъ него Катеньку. „Всѣ эти бабы походятъ одна на другую...—думалъ онъ въ огорченіи:—ну съ чего она такъ размякла?..“

VI.

Стояла глубокая осень. Земля промерзла и звенѣла подъ колесами экипажей, какъ стекло. Начиналъ выпадать снѣгъ, но сейчасъ же таялъ, превращаясь въ тонкій слой льда. Пѣшеходы падали, лошади спотыкались, и движеніе даже по главной улицѣ замѣтно уменьшилось. Вообще весь городъ точно спрятался. Это была пора семейныхъ радостей и маленькихъ домашнихъ удовольствій. Никого не тянуло вонъ изъ дома, какъ лѣтомъ, и люди сгрудились, какъ сбившаяся на зимнихъ становищахъ перелетная птица.

Когда по улицѣ катился экипажъ, особенно ночью, Катенька съ болѣзненнымъ напряженіемъ прислушивалась къ приближавшимся и исчезавшимъ звукамъ. Вотъ это стучитъ колесо, а это лязгъ копытъ по обледянѣвшей мостовой. Странно, что теперь всѣ звуки, какъ въ центрѣ, сосредоточивались у ней въ ухѣ, а потомъ отдавались внутреннею болью. Раньше Катенька не чувствовала, что она слушаетъ и что у ней есть уши, — процессъ слуховыхъ впечатлѣній совершался помимо сознанія, которое пользовалось только готовыми матеріалами. То же было и съ глазами: тогда Катенька только видѣла то или другое, а теперь чувствовала, что она смотритъ. Вообще, нервная чуткость развивалась въ ней все сильнѣй. Катенька даже удивлялась, что другіе могутъ такъ спокойно ходить и вообще двигаться, когда она должна лежать совершенно неподвижно и боялась шевельнуться, — раздавленный человѣкъ, вѣроятно, испытываетъ то же. Всякое постороннее движеніе ее раздражало, особенно когда по комнатѣ мимо ея кровати своими неслышными шагами двигалась Маремьяна Петровна. Катенька закрывала даже глаза, чтобы не видѣть ея.

— Не нужно шевелиться, милая,—повторяла акушерка по тысячѣ разъ на день.—Потерпите, голубушка, еще пять дней. Много терпѣли — немножко остается дотерпѣть.

Неужели Катенька опять будетъ ходить, двигаться, даже танцовать? Эта мысль ее удивляла. Назади оставалось что-то такое страшное, безсмысленное, жестокое и вообще ужасное, что она старалась о немъ не думать. Первыя муки материнства на время уничтожили начинавшійся въ ней внутренній переломъ. Она даже не боялась умереть, только бы все это случилось скорѣе. Тѣ радости матери, когда она слышитъ первый крикъ перваго ребенка, для нея оставались неиспытанными.

Она даже не полюбопытствовала узнать, кто родился — мальчикъ или дѣвочка. Не все ли равно? Это равнодушіе очень безпокоило Маремьяну Петровну, и старушка смѣшно поднимала одну бровь. Антонида Степановна завертывала провѣдать больную каждый день и таинственно шепталась съ акушеркою.

— Конечно, мальчикъ бы лучше...—повторяла грустно акушерка.—Ну, да ничего, дѣвчонка такая славная, какъ огурчикъ.

Роды были трудные, и докторъ удивлялся терпѣнію больной, не проронившей ни одной жалобы. Когда ей показали родившуюся дѣвочку, Катенька взглянула на ребенка какъ-то мелькомъ и даже не поцѣловала, а знакомъ руки попросила унести его: она узнала въ немъ того, о комъ боялась думать. Это было страшное наказаніе, которое останется на цѣлую жизнь и переживетъ ее. Только мать могла почувствовать то, что̀ чувствовала она, угадывая чутьемъ по формѣ лба и разрѣзу глазъ настоящаго отца ребенка. Шумная радость Владимира Евгеньича приводила ее въ отчаяніе, хотя онъ, по эгоизму всѣхъ молодыхъ мужей, радовался не за ребенка, а за мать—вѣдь онъ такъ любилъ ее, а она могла умереть.

А онъ такъ радовался и постоянно бѣгалъ въ дѣтскую, вызывая покровительственную улыбку Маремьяны Петровны. Когда онъ въ первый разъ захотѣлъ взять ребенка на руки, акушерка предупредила его:

— Пожалуйста, осторожнѣе, а то нѣкоторые отцы берутъ дѣтей за голову...

Да, онъ былъ отецъ и переживалъ цѣлый рядъ еще неиспытанныхъ ощущеній, начиная съ какого-то виноватаго чувства передъ женой. Вѣдь она одна своими муками выстрадала его радость, и онъ пользовался какъ бы краденымъ счастьемъ. По ночамъ онъ часто приходилъ въ спальню, чтобы узнать, спитъ ли жена и не нужно ли ей чего. О, она никогда ничего не просила у него и оставалась такой же и теперь. За время болѣзни она очень измѣнилась, и онъ замѣтилъ, что она рада, когда онъ заходитъ къ ней въ комнату. Она встрѣчала и провожала его глазами, улыбаясь печальной улыбкой.

— Все идетъ отлично...—успокаивалъ докторъ, когда Кекинъ приставалъ къ нему съ тѣми глупыми вопросами, какіе родятся въ головѣ встревоженныхъ людей и ужасно сердятъ докторовъ.—Вы, кажется, воображаете, что на всемъ земномъ шарѣ вы единственный отецъ? Даже въ болѣзняхъ люди повторяются, какъ во всемъ другомъ.

— Я больше не буду, докторъ... — по-школьнически оправдывался Кекинъ.

А больная все лежала и думала. Старое возвращалось къ ней съ новой силой. Она чувствовала, что съ ней что-то дѣлается, чего не замѣчаютъ другіе и чего не провѣрить никакими термометрами. Иногда начиналось головокруженіе, являлась острая боль въ спинѣ, а въ глазахъ предметы расплывались въ пятна. Однажды, когда она проснулась утромъ, Маремьяна Петровна посмотрѣла ей въ лицо и встревожилась.

— У васъ, голубушка, глаза не хороши...—прошептала она, поднимая уже обѣ брови.

— Пустяки, это вамъ такъ кажется...—оправдывалась больная.

Но эти пустяки оказались серьезнѣе, чѣмъ въ первый разъ предположила старая акушерка. У Катеньки открывалась родильная горячка... Экстренно приглашенный докторъ только покачалъ головой.

— Что̀, докторъ?—спрашивалъ Кекинъ, дожидавшійся въ передней.

— Хорошаго ничего нѣтъ...

Кекину показалось, что онъ ослышался, и онъ посмотрѣлъ на доктора остановившимися глупыми глазами.

— Нужно терпѣніе и... твердость,—посовѣтовалъ докторъ, надѣвая калоши.—Жизнь—плохая шутка.

Кекинъ въ ужасѣ почувствовалъ себя несчастнѣе десяти Марковъ Авреліевъ... Въ одной Россіи родятся милліоны дѣтей, и неужели она, Катенька, должна умереть? Нѣтъ, это глупо, безсмысленно и дико. Его такъ и тянуло взглянуть на больную, но онъ боялся итти въ спальню, чтобы не выдать себя печальнымъ выраженіемъ лица, вздохомъ, вообще движеніемъ. Онъ чувствовалъ себя виноватымъ, какъ провалившійся изъ главнаго предмета на экзаменѣ школьникъ.

— Вотъ оно спокойствіе-то и объяснилось,—шушукала акушерка.

Катенька сама позвала мужа въ спальню. Когда онъ вошелъ, она лежала вся красная отъ охватившаго ее жара, а потомъ сейчасъ же начался пароксизмъ лихорадки, такъ что онъ слышалъ, какъ стучали у ней зубы. Боже мой, а давно ли они сидѣли вдвоемъ на диванѣ тамъ, въ гостиной у Вициныхъ, и она такъ мило краснѣла, слушая его. Счастье разваливалось на его глазахъ, а онъ могъ только смотрѣть и страдать, молча и глубоко страдать.

— Подойди ближе...—шептала она.—Наклонись.

Она взяла его за голову и долго смотрѣла ему въ глаза,—неужели это тотъ Кекинъ, какого она знала раньше? Онъ ее такъ любилъ...

— Ты добрый... хорошій...—продолжала она.—Спасибо за все...

— Катя, ты точно... точно прощаешься... зачѣмъ?..

У ней лицо вдругъ сдѣлалось серьезнымъ, и явилось то дѣтское выраженіе, которое такъ любилъ Кекинъ.

— Я не боюсь смерти... Ты мнѣ скажи, Володя, когда пойдетъ первый снѣгъ.

— Для чего это тебѣ?

— О, нужно... очень нужно...

Кекинъ выбѣжалъ и долго рыдалъ въ своемъ кабинетѣ. Это были тѣ безсильныя, жалкія слезы, какими плачутъ только мужчины.

А больная всѣхъ спрашивала, когда пойдетъ первый снѣгъ, и ждала этого момента съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Даже въ бреду, когда она металась на своей кровати, мысль о снѣгѣ не покидала ее... Наконецъ въ одно утро показался снѣгъ—Маремьяна Петровна даже распахнула занавѣски, чтобы показать больной, какъ въ воздухѣ кружились пушистыя снѣжинки. Катенька какъ-то вдругъ успокоилась и затихла,—о, ей еще въ первый разъ сдѣлалось такъ легко, точно она сбросила съ себя давившую ее тяжесть. Въ окно врывался какой-то бѣлый свѣтъ.

— Позовите мужа...—просила больная.

Онъ пришелъ, стараясь не выдать душившихъ его слезъ. На этотъ разъ больная не просила его садиться ближе, а нѣсколько времени молчала, точно собираясь съ силами. Обведя комнату глазами, она сдѣлала Маремьянѣ Петровнѣ знакъ, чтобы та вышла изъ комнаты.

— Тебѣ лучше, моя дорогая...

— Да... лучше!

Въ немъ вспыхнула на мгновеніе какая-то безумная надежда на возможность благополучнаго исхода: недаромъ же она такъ ждала перваго снѣга. Онъ жаждалъ чуда, потому что умъ отказывался понимать.

— Владимиръ Евгеньичъ...

— Я, моя хорошая, здѣсь... тебѣ трудно говорить...

Но она съ непонятной для него энергіей облокотилась на подушку и заговорила — какъ его душа жаждала чуда, такъ ея душа искала исповѣди, прощенія, покоя. Прежнее спокойствіе смѣнилось страшной тоской.

— Какъ я жить хочу... — шептала она. — Но все равно: я скоро уйду отъ тебя совсѣмъ... и мнѣ не хотѣлось бы оставить тебя...

Бросивъ всякія предисловія, она вдругъ высказала ему все то, что̀ ее давило камнемъ. Да, нужно скорѣе, сейчасъ все сказать, потому что время не ждетъ, и каждая минута дорога... Вѣдь она была такая дурная, такъ ловко обманывала его до послѣдней минуты, но не хочетъ уносить съ собой обмана въ могилу. Кекинъ оторопѣлъ, точно его вели на казнь, — такое выраженіе бываетъ только у приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. А она все говорила, припоминая малѣйшія подробности своей „комбинаціи".

— Теперь все...—закончила она, падая на подушки.—Я не сказала бы вамъ ничего, если бы... если бы не полюбила васъ въ послѣднее время... дайте мнѣ унести это хорошее чувство съ собой...

Когда Маремьяна Петровна вошла въ спальню, Кекинъ сидѣлъ все на томъ же стулѣ въ какомъ-то столбнякѣ.

Черезъ пять дней Катеньку похоронили, но онъ пришелъ въ себя только черезъ мѣсяцъ и, встрѣтивъ Маремьяну Петровну на улицѣ, проговорилъ:

— Вѣдь это былъ бредъ... да, ужасный бредъ!

1889.

ПАНЪ КОПАЧИНСКІЙ.

I.

Въ кабинетѣ Суходоева всегда царилъ пріятный для глазъ полумракъ. Два большихъ окна были почти совсѣмъ закрыты драпировками, а свѣтъ могъ проникать въ нихъ только черезъ шелковыя синія ширмочки. Темные обои, темная мебель, нѣсколько фотографій на стѣнѣ, два шкапа съ книгами, широкій диванъ, обитый тисненой кожей—все было просто, солидно и очень дорого, какъ въ кабинетахъ у настоящихъ дорогихъ дѣльцовъ. Когда панъ Копачинскій вошелъ сюда, онъ сразу оцѣнилъ опытнымъ глазомъ мельчайшую подробность. О, ужъ если кто зналъ толкъ въ обстановкѣ, то, конечно, онъ, панъ Юзефъ, и никто больше! Копачинскій даже прищурился и понюхалъ подкуренный послѣобѣденной дорогой сигарой воздухъ. Да, отлично, какъ и слѣдуетъ быть у порядочнаго человѣка, который имѣетъ два кабинета—одинъ для обыкновенныхъ посѣтителей, а другой—для интимныхъ бесѣдъ и дорогихъ кліентовъ. Копачинскій сразу попалъ именно въ этотъ второй кабинетъ, хотя и почувствовалъ съ перваго раза на себѣ пытливо-недовѣрчивый, съ легкимъ оттѣнкомъ брезгливости, взглядъ хозяина. Э, пусть его морщится: панъ Юзефъ видалъ и не такіе пріемы.

— Игнатій Савельичъ поручилъ мнѣ вести съ вами переговоры относительно городского выгона, который необходимъ для нашего вокзала, — началъ дѣловымъ тономъ Копачинскій, ловко бросая въ правый глазъ монокль.— Да, это дѣло необходимо, наконецъ, вырѣшить въ ту или другую сторону.. Вообще, мы должны объясниться, Илья Васильичъ.

— Что̀ касается лично меня, то я не избѣгаю объясненій,—сухо отвѣтилъ Суходоевъ, вопросительно глядя изъ-подъ золотыхъ очковъ на своего гостя.—Если вы...

— Не я, ахъ, совсѣмъ не я, а Игнатій Савельичъ... — быстро поправилъ Копачинскій и даже отмахнулся рукой, точно одно сопоставленіе его имени съ именемъ Игнатія Савельича являлось по меньшей мѣрѣ святотатствомъ.—Моя роль самаго скромнаго характера: твори волю пославшаго...

Копачинскій говорилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, который заставлялъ Суходоева ежиться и фукать носомъ. Эти два человѣка являлись полнымъ контрастомъ. Суходоевъ былъ кряжистый, полный господинъ съ широкимъ, русскимъ лицомъ и небольшими умными глазками; его характерную голову съ угловатымъ выпуклымъ лбомъ портила только преждевременная лысина и усталый взглядъ. Одѣтъ онъ былъ въ просторный домашній костюмъ, какъ одѣваются старинные баре, не привыкшіе себя стѣснять. Но въ глазахъ Копачинскаго онъ являлся все-таки кацапомъ, въ лучшемъ случаѣ —

рагуеви глухого губернскаго городка. Самъ Копачинскій являлся сильно изношеннымъ старымъ джентльменомъ съ претензіями на изысканность. Когда-то онъ былъ очень красивъ, но сейчасъ отъ прежней красоты остались только однѣ морщины, желтый цвѣтъ лица, слегка дрожавшія руки и дурныя привычки дамскаго баловня. Типичное польское лицо, сухое и вытянутое, съ римскимъ носомъ и крашеными усами, сохранило живыми одни глаза, большіе и темные, глядѣвшіе безпокойно и вопросительно, какъ у насторожившейся птицы. Вообще, подвижность изношеннаго пана рядомъ съ тугой солидностью доморощеннаго дѣльца являлись рѣзкимъ контрастомъ, и Суходоевъ выдерживалъ съ гостемъ дѣловой, солидный тонъ только благодаря магическому имени самого Игнатія Савельича. „Прохвостъ какой-то...“—думалъ Суходоевъ, глядя куда-то въ уголъ.

— Я васъ не буду задерживать,—продолжалъ Копачинскій со своей обычной торопливостью.—По-моему, дѣло ясно, какъ день... Если хотите, Игнатій Савельичъ тоже хлопочетъ въ интересахъ города: чѣмъ ближе будетъ вокзалъ къ чертѣ города, тѣмъ лучше для васъ, т.-е. для обывателей. Я говорю совершенно откровенно, потому что, чѣмъ скорѣе мы кончимъ, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ.

— Откровенность за откровенность: зачѣмъ Игнатій Савельичъ ведетъ переговоры съ Кичигинымъ?—отвѣтилъ Суходоевъ вопросомъ и посмотрѣлъ на гостя въ упоръ.—Это называется: двойная игра... Кичигинъ—нашъ врагъ, потому что его имѣніе врѣзывается въ городской выгонъ. У насъ идетъ съ нимъ процессъ уже лѣтъ двадцать, т.-е. у города. Мы, безъ сомнѣнія, выиграемъ дѣло, но пока вопросъ остается все-таки спорнымъ... По-моему, Игнатію Савельичу вѣрнѣе и выгоднѣе было бы имѣть дѣло съ городомъ, а не съ спорнымъ землевладѣльцемъ. Вотъ мое мнѣніе.

— О, вы совершенно правы!.. Представители города забываютъ только одно, именно—что Игнатій Савельичъ здѣсь совершенно новый человѣкъ, который имѣетъ право и не знать нѣкоторыхъ обстоятельствъ... Сегодня онъ выстроитъ вамъ желѣзную дорогу, а завтра онъ въ Самаркандѣ или въ Архангельскѣ.

— Тѣмъ болѣе ему слѣдовало имѣть дѣло съ городомъ и только съ городомъ.

Панъ Копачинскій съежился и лукаво прищурился, что̀ заставило Суходоева подумать, ужъ не сказалъ ли онъ чего-нибудь лишняго. Ему показалось, что изношенный панъ только ждетъ малѣйшаго повода, чтобы заговорить съ нимъ амикошонскимъ тономъ, какъ съ любымъ изъ желѣзнодорожныхъ подрядчиковъ. Гость рѣшительно не хотѣлъ замѣчать производимаго его словами впечатлѣнія, подвинулся вмѣстѣ со стуломъ къ гостепріимному хозяину и улыбнулся, показывая вставные зубы, совсѣмъ весело.

— Говоря между нами, все это вопросъ самолюбія...—вкрадчивымъ полуголосомъ продолжалъ Копачинскій, улыбаясь одними глазами:—да, самолюбія... И вы должны согласиться со мной, Илья Васильичъ. Городъ ждалъ, когда Игнатій Савельичъ придетъ къ нему съ поклономъ, а Игнатій Савельичъ ждалъ, въ свою очередь, когда городъ къ нему придетъ... Вопросъ перваго шага—не больше... Да. Конечно, въ интересахъ города, чтобы вокзалъ былъ построенъ ближе, и, какъ мнѣ кажется, Игнатій Савельичъ имѣетъ нѣкоторое право на ваше вниманіе, хотя, какъ видите, и дѣлаетъ самъ этотъ первый шагъ. Признаться сказать, мнѣ не особенно было лестно принять эту щекотливую миссію, но Игнатію Савельичу стоило только выразить желаніе, и я немедленно отправился къ вамъ. Полагаю, что въ моемъ лицѣ вы уже получили достаточное удовлетвореніе для перваго раза.

Изношенный панъ былъ или безнадежно-глупъ, или ужъ слишкомъ умепъ. ь другой стороны, почему-то Игнатій Савельичъ послалъ его, а не кого-нибудь ругого изъ своихъ „желѣзнодорожныхъ молодцовъ“. Эта мысль обезоружила одозрительность Суходоева, и онъ безъ обиняковъ приступилъ къ дѣлу.

— Обратите вниманіе, что Игнатій Савельичъ послалъ меня не къ ородскому головѣ, а именно къ вамъ,—повторялъ Копачинскій, начинавшій увствовать подъ своими ногами твердую почву.—Я не буду объяснять этого собеннымъ почтеніемъ къ вамъ, а простымъ коммерческимъ расчетомъ... Для аженія необходимо слишкомъ хорошо знать человѣка, а здѣсь только вопросъ корѣйшаго разрѣшенія возникшей путаницы. Ни для кого не тайна, что ородскія дѣла вершатся подъ вашимъ сильнымъ вліяніемъ...

Кора неприступности провинціальнаго дѣльца растаяла, и послѣдовалъ ереходъ къ дѣлу. Появился на сцену планъ города, отчеты думскихъ засѣаній, какія-то смѣты и соображенія, примѣрныя выкладки и проекты. Копачинскій, какъ оказалось, былъ въ курсѣ дѣла, и соглашеніе, тянувшееся нѣколько лѣтъ, состоялось въ нѣсколько минутъ. Условія, предложенныя городомъ, не противорѣчили намѣреніямъ Игнатія Савельича. Въ заключеніе этой дѣлки послѣдовалъ легкій завтракъ, и Копачинскій, попивая подогрѣтое красное вино, добродушно говорилъ:

— А какое я пилъ вино, когда жилъ въ Парижѣ, въ шестидесятыхъ годахъ!..

Онъ даже закрылъ глаза и причмокнулъ. Эта выходка опять заставила Суходоева съежиться, и онъ простился съ гостемъ довольно сухо.

— Могу считать мою миссію законченной?—спрашивалъ Копачинскій уже ъ передней.

— О, совершенно... Мой поклонъ Игнатію Савельичу.

II.

Постройка желѣзной дороги для города Пропадинска являлась цѣлымъ обытіемъ: онъ входилъ въ семью другихъ русскихъ городовъ, переставшихъ ыть захолустными. Всѣхъ охватила какая-то лихорадка и смутныя предчувствія чего-то лучшаго, точно первый свистокъ паровоза могъ разбудить мирно ремавшее захолустное болото. Наѣхавшіе инженеры окрестили Пропадинскъ личкой „лягушатника“. Проснувшіеся обыватели подняли цѣны на квартиры на свои „продукты“, торговля оживилась, а мѣстный общественный клубъ уквально процвѣлъ. Въ Пропадинскѣ, конечно, было два клуба—Благородный и Общественный, но инженеры-строители примкнули къ послѣднему. По вечерамъ ъ немъ шла настоящая толкучка: играла музыка, танцовали дамы, въ бильрдной щелкали шары, а въ отдѣльныхъ кабинетахъ рѣзались въ штосъ. Однимъ ловомъ, закипала настоящая жизнь, точно неизвѣстная благодѣтельная фея ролетѣла незримо надъ Пропадинскомъ и взмахнула своей волшебной палочкой.

Мы уже сказали, что жизнь сосредоточивалась, главнымъ образомъ, въ Общественномъ клубѣ. Суходоевъ пріѣзжалъ туда часовъ около десяти, чтобы овидаться кой съ кѣмъ изъ нужныхъ людей и поужинать; онъ держалъ себя собнячкомъ, какъ и приличествуетъ дѣловому человѣку. Сегодня Суходоевъ увствовалъ себя особенно хорошо и вошелъ въ клубъ маленькимъ побѣдителемъ. Снимая въ передней пальто, онъ замѣтилъ игравшаго на бильярдѣ Копачинскаго и прошелъ прямо наверхъ, не желая встрѣчаться съ прохвостомъ, какимъ въ его глазахъ остался этотъ сомнительный панъ. Обойдя нѣсколько комнатъ, гдѣ играли въ винтъ, и заглянувъ въ танцовальную залу, онъ остановился въ дверяхъ буфета. Половина стола была занята инженерами-

строителями, являвшимися въ клубъ каждый вечеръ полнымъ составомъ: тутъ были и Бринкъ, и Кельшъ, и Лексъ, и Горбатовичъ, и фонъ-Укке.

— Илья Васильичъ!..— послышалось разомъ нѣсколько голосовъ.

Это общее вниманіе польстило Суходоеву: онъ былъ самолюбивъ, какъ всѣ самородки, и кокетничалъ своей дѣловой неприступностью.

— Весь желѣзнодорожный иконостасъ въ сборѣ,—сострилъ онъ, здороваясь съ „молодцами“.— Недостаетъ только протодьякона...

Протодьякономъ Суходоевъ называлъ Игнатія Савельича, что̀ вызывалъ каждый разъ дружный смѣхъ, но сейчасъ всѣ лица обернулись къ запертымъ дверямъ отдѣльнаго кабинета, и послышалось предупредительное шипѣнье: *самъ* былъ здѣсь... И Бринкъ, и Кельшъ, и Лексъ, и Горбатовичъ, и фонъ-Укке дѣлали Суходоеву телеграфные знаки, что̀ его окончательно развеселило.

— Такая провинція!— ругался фонъ-Укке, когда Суходоевъ подсѣлъ къ нему.— Такъ нельзя, Илья Васильичъ... Услышитъ, пожалуй, нашъ-то принципалъ.

— Такъ что̀ же изъ того: и пусть слышитъ... Мнѣ все равно. Хорошо я испугалъ васъ всѣхъ...

— Ну, будетъ, Илья Васильичъ. Вѣдь мы вѣримъ, что ты остроумный человѣкъ.

„Молодцы“ были веселый народъ и не любили терять время даромъ. Появленіе Суходоева оживило веселую компанію еще больше, и посыпались шутки и остроты по адресу „лягушатника“. Суходоевъ только улыбался и, въ свою очередь, отшучивался. Съ фонъ-Укке онъ былъ „на ты“.

— Я слышалъ, что ты получилъ командировку въ Петербургъ?—спрашивалъ Суходоевъ пріятеля.—Говорятъ, Игнатію Савельичу понадобились десть бумаги и дюжина карандашей, такъ тебя и командировали... Однихъ прогоновъ получишь больше тысячи рублей.

„Молодцы“ весело смѣялись, а Горбатовичъ громко хохоталъ, откинувъ голову назадъ. Немного задѣтый фонъ-Укке отдѣлался обратной шуткой:

— Я вѣдь не Горбатовичъ, Илья Васильичъ... Это Горбатовичъ въ третьемъ году ѣздилъ въ Лондонъ посмотрѣть, въ которомъ часу отходитъ поѣздъ въ Бирмингамъ.

— Что̀ же, дѣйствительно, ѣздилъ,—согласился Горбатовичъ, не смущаясь.

Выпивъ краснаго вина, Суходоевъ подхватилъ фонъ-Укке подъ руку и повелъ изъ буфета.

— А вѣдь протодьяконъ-то самъ ко мнѣ пришелъ,—сообщилъ онъ по секрету.—Да... т.-е. онъ подослалъ „молодца“.

— Не можетъ быть!

— Я тебѣ говорю...

— Да сегодня же утромъ былъ объ этомъ разговоръ, и Игнатій Савельичъ заявилъ категорически, что первый одного шага не сдѣлаетъ.

Суходоевъ разсказалъ о визитѣ Копачинскаго, и фонъ-Укке развелъ только руками. При чемъ тутъ Копачинскій? Онъ, собственно говоря, чортъ знаетъ зачѣмъ и живетъ здѣсь. Такъ, околачивается около Игнатія Савельича... Что-нибудь да не такъ. Наконецъ это просто глупо. Освободившись отъ Суходоева, фонъ-Укке полетѣлъ съ докладомъ къ Игнатію Савельичу, который ужиналъ въ отдѣльномъ кабинетѣ со своей содержанкой Марьей Андреевной tête-à-tête. Это былъ средняго роста сѣдой, плотный старикъ купеческаго склада. Русское бородатое лицо смотрѣло хитрыми карими глазами насквозь. Марья Андреевна, представительная полная дама, всюду слѣдовала за нимъ и слыла въ средѣ „молодцовъ“ подъ именемъ „мамаши“. Выслушавъ докладъ фонъ-Укке, Игнатій Савельичъ даже покраснѣлъ отъ волненія и коротко сказалъ:

— Позвать его сюда...

Фонъ-Укке полетѣлъ въ бильярдную за Копачинскимъ; онъ, какъ охотничья собака, понималъ каждый жестъ владыки-концессіонера. Копачинскій „палъ шара“, когда фонъ-Укке потащилъ его наверхъ.

— О, сто тысячъ дьябловъ!—ругался Копачинскій, смахивая дорогой мѣлъ съ сюртука.—Дайте кончить партію...

— Приказано доставить васъ немедленно, живого или мертваго.

Въ кабинетѣ Игнатія Савельича собрались всѣ „молодцы“: и Бринкъ, и Кильшъ, и Лексъ, и Горбатовичъ. Появленіе сконфуженнаго Копачинскаго вызвало нѣсколько улыбокъ и сдержанный шопотъ. „Мамаша“ тихонько толкала своей полной рукой Горбатовича,—это былъ ея фаворитъ. Суходоевъ украдкомъ видѣлъ, какъ фонъ-Укке протащилъ Копачинскаго, и въ волненіи ждалъ, чѣмъ разыграется вся комедія.

— Тебя кто посылалъ къ Суходоеву?—въ упоръ спросилъ Игнатій Савельичъ, не глядя на Копачинскаго.

— Я, Игнатій Савельичъ... меня... я...

— Дуракъ!..—оборвалъ его старикъ и даже ударилъ кулакомъ по столу, такъ что Марья Андреевна вздрогнула всѣмъ своимъ грѣшнымъ тѣломъ.—Не лезься не въ свое дѣло, болванъ...

„Молодцы“ переглянулись, довольные даровой комедіей. При всякихъ недоразумѣніяхъ Копачинскій являлся козломъ отпущенія, и на его голову сыпалось все.

— Нѣтъ, вы посмотрите на него!—кричалъ Игнатій Савельичъ, бѣгая около стола.—Посмотрите на него... Да развѣ такихъ болвановъ посылаютъ съ какими-нибудь порученіями? Меня-то въ какое положеніе поставилъ... Я пойду съ поклономъ къ какому-нибудь Суходоеву? Ха-ха... Они должны прійти ко мнѣ и придутъ, если не хотятъ, чтобы я кончилъ съ Кичигинымъ...

— Конечно, Игнатій Савельичъ,—хоромъ подтвердили „молодцы“.

Копачинскій стоялъ въ самомъ жалкомъ видѣ, точно онъ сразу состарился на десять лѣтъ. Онъ и ростомъ казался ниже, и лицо какъ-то осунулось, и ноги дрожали. Даже Марья Андреевна сжалилась надъ старикомъ и своимъ лѣнивымъ, пѣвучимъ голосомъ замѣтила:

— Будетъ тебѣ, Игнатій Савельичъ... Рябчики совсѣмъ остынутъ. Подоѣлъ...

— Вонъ!—крикнулъ Игнатій Савельичъ и еще разъ стукнулъ кулакомъ по столу такъ, что Марья Андреевна даже вскрикнула и схватилась за руку Горбатовича.—Нѣтъ, каковъ гусь?—ругался Игнатій Савельичъ, когда Копачинскій исчезъ.—Я буду посылать такого мерзавца къ Суходоеву?.. Да я... тьфу!

Неистовствовавшій старикъ еще хотѣлъ что-то прибавить по адресу несчастнаго пана, но Марья Андреевна торжественно поднялась съ мѣста, и онъ сразу утихъ.

— Ну, не буду, Маша...—слащаво заговорилъ онъ.—Виноватъ... Святого доведутъ изъ себя...

Когда фонъ-Укке сообщилъ результаты этой очной ставки Суходоеву, онъ, въ свою очередь, остолбенѣлъ. Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? Какая-то странная комедія... И кто изъ нихъ троихъ дуракъ?..

— Да что онъ у васъ такое, этотъ Копачинскій?—обратился онъ къ фонъ-Укке.

— Ничто. Такъ, ходитъ кругомъ да около. Просто—дуракъ...

— Однако съ чего онъ придумалъ такую штуку?

— Да такъ, отъ-нечего-дѣлать...

III.

Суходоевъ чувствовалъ себя скверно. Вернувшись изъ клуба категорически заявилъ лакею, чтобы Копачинскаго не принимать.

— Такъ и скажи ему: „дома, а принимать не приказано“,— Суходоевъ особенно внушительно.

— Слушаю-съ...

Дѣйствительно, Копачинскій явился на другой же день и был огорченъ отвѣтомъ лакея.

— Какъ же такъ, братику...—растерянно бормоталъ онъ.—А видѣть твоего барина... Очень нужно!..

— Не могу знать-съ...

Изъ окна своего второго кабинета Суходоевъ видѣлъ, какъ пр Копачинскій къ нему и обратно. Это его взволновало до такой ст онъ даже огорчился собственнымъ малодушіемъ. Конечно, онъ, вчера разыгралъ съ этимъ прожженымъ паномъ порядочнаго дура чортъ его зналъ, что̀ онъ за человѣкъ... И человѣкъ имѣетъ нахальст еще разъ въ домъ, откуда его выгонятъ въ шею? Нѣтъ, это, воля кого обезкуражитъ...

Цѣлый день для Суходоева какъ-то не удался: утромъ прогл кліентовъ, за обѣдомъ поссорился съ женой и долженъ былъ просит послѣ обѣда не могъ заснуть, какъ это дѣлалось обыкновенно. Одни цѣлый день былъ испорченъ. Вечеромъ, разбирая какое-то дѣло, чувствовалъ, что сегодня не можетъ работать, но изъ упрямства хотѣлъ это дурацкое настроеніе. Было всего часовъ семь, когда такъ хорошо Сдѣлавъ надъ собой усиліе, Суходоевъ наконецъ сосредоточился на и совсѣмъ не слыхалъ, какъ отворилась въ его кабинетъ небольш выходившая въ коридоръ. Кто-то вошелъ осторожными шагами и еще кашлянулъ: это былъ Копачинскій, пробравшійся въ домъ черны

— Вы... вы...—забормоталъ Суходоевъ, вскакивая.

— Нѣтъ, вы... что̀ вы со мной дѣлаете, Илья Васильичъ? — въ свою очередь, Копачинскій.—Вы заставляете меня попадать з задняго крыльца...

— Послушайте, вы сошли съ ума, или меня считаете за ду

Суходоевъ протянулъ руку къ колокольчику, но Копачинскій его умоляющимъ жестомъ.

— Выслушайте меня, Илья Васильичъ... всего два слова...

— Не желаю!.. Убирайтесь вонъ, если не хотите, чтобы в лакей... Всему есть границы, милостивый государь! Понимаете? То могутъ врываться въ домъ подобнымъ образомъ, какъ это сейчасъ с

Копачинскій поблѣднѣлъ, выпрямился, заложилъ руку за бор и съ достоинствомъ отвѣтилъ:

— Благодарите Бога, милостивый государь, что вы имѣете дѣ вѣкомъ хладнокровнымъ... да. Я пришелъ къ вамъ требовать удо

— Что-о?!.. Ха-ха... Это еще что̀ за комедія?..

— Да-съ... И вы мнѣ его дадите. Давеча оскорбилъ меня І вельичъ, а сейчасъ оскорбили вы... Еще разъ: благодарите Бога, выдержать характеръ до конца. Да, вы поступили два раза безта гомъ виноваты... Я еще могъ бы извинить вашу вчерашнюю вы щинѣ, но мужчину я привыкъ считать за равнаго... Съ какой стат милостивый государь, разболтали все о нашемъ соглашеніи фон

повторяю, разболтали... Вы, серьезный человѣкъ, поступили, какъ женщина. Что же осталось дѣлать Игнатію Савельичу? Чтобы сохранить свой престижъ, онъ, конечно, пожертвовалъ мной и сдѣлалъ это съ приличной помпой... Да-съ, я краснѣлъ, и краснѣлъ не за себя, а за васъ! Понимаете вы наконецъ меня, порть мою душу возьми?

Не дожидаясь приглашенія, Копачинскій подошелъ къ столу и занялъ тотъ стулъ, на которомъ сидѣлъ во время происходившаго соглашенія. Суходоевъ смотрѣлъ на него широко раскрытыми глазами и не могъ сказать ни одного слова.

— Васъ удивляетъ моя роль при Игнатіи Савельичѣ?—отвѣтилъ на его нѣмой вопросъ Копачинскій и горько усмѣхнулся.—Вы угадали: роль жалкая... Я понимаю это и самъ, понимаю, можетъ-быть, въ тысячу разъ лучше, чѣмъ всѣ тѣ, кто радуется моему позору. Что дѣлать, такъ сложились обстоятельства...

— Что же вамъ нужно отъ меня?—спросилъ Суходоевъ послѣ нѣкоторой паузы.—Съ своей стороны, могу только пожалѣть васъ за ваше неудобное положеніе... Согласенъ: скверное положеніе. Но я-то при чемъ тутъ? Другое дѣло, если бы вы предупредили меня въ моментъ соглашенія...

— А сами вы не могли догадаться, Илья Васильевичъ?—какъ-то грустно спросилъ Копачинскій.—Французы называютъ это ставить точку надъ буквой і... Для меня лично нѣкоторымъ оправданіемъ является то, что на мое мѣсто при Игнатіи Савельичѣ нашлись бы десятки желающихъ; наконецъ я несу свой позоръ по грустной необходимости: нужно же чѣмъ-нибудь жить. На какую другую службу примутъ меня?.. Вообще, могу сказать, что я ѣмъ очень горькій кусокъ хлѣба... да. Но и при всемъ томъ я считаю себя все-таки выше хоть того же фонъ-Укке, который бѣжитъ наушничать Игнатію Савельичу на меня... Вы согласны?

— Просто могъ быть простой разговоръ...

— Нѣтъ, извините, Илья Васильевичъ!.. Охъ, какъ хорошо я знаю эти простые разговоры. Мнѣ вѣдь приходится отдуваться за нихъ. Да... Я васъ задерживаю? Сейчасъ кончу. Всего одну минуту терпѣнія. Мнѣ хотѣлось бы знать, за кого вы меня считаете? Вотъ смотрите на меня и думаете: „мерзавецъ этотъ панъ Копачинскій“... Такъ?

Суходоевъ даже покраснѣлъ и въ волненіи заходилъ по своему кабинету. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Видалъ онъ всякіе виды на своемъ вѣку, но такой случай выпадалъ на его долю еще впервые. Дѣльцу вдругъ сдѣлалось какъ-то совѣстно и за свою богатую обстановку, и за ошельмованнаго пана Копачинскаго, и вообще за всю ту грязь, которая окружала ихъ обоихъ.

— Извините — нескромный вопросъ: вы человѣкъ семейный? — спрашивалъ Суходоевъ, останавливаясь.

— Ахъ, да... — какимъ-то упавшимъ голосомъ залепеталъ панъ Копачинскій и полѣзъ въ карманъ за бумажникомъ.—Вотъ тутъ все... Жена умерла давно, но есть дочь Гедвига... она въ институтѣ... Боже, если бы она могла только подозрѣвать...

Онъ подалъ Суходоеву нѣсколько фотографій. Одна особенно была характерна: такое смѣлое и наивное женское личико съ ясными глазами и тонкимъ очеркомъ носика и рта. Да, это настоящая польская красота... Подержавъ карточку въ рукахъ, Суходоевъ возвратилъ ее и сказалъ:

— Вы несчастный человѣкъ, панъ Копачинскій...

У старика отъ этого теплаго слова выступили слезы на глазахъ.

1890.

ИНФЛУЭНЦА.

Монологъ.

I.

Самое смѣшное слово, какое мнѣ извѣстно, это—дама... Да. Я не могу удержаться отъ смѣха каждый разъ, когда его слышу, потому что дама—это я. Не правда ли, какъ это забавно? Давно ли я ходила въ коротенькихъ платьицахъ и всѣ называли меня Зиночкой, потомъ, въ гимназіи, я превратилась въ Зинаиду Ремезову, а сейчасъ я — Зинаида Васильевна Книзева,— однимъ словомъ, постепенное превращеніе изъ гусеницы въ бабочку. Я еще и сейчасъ попадаюсь иногда впросакъ, если встрѣчаю кого-нибудь незнакомаго: разъ пять дѣлала реверансы... Это я-то, Зинаида Васильевна!.. Вѣдь дамы не дѣлаютъ реверансовъ, и я ужасно краснѣю, особенно, если виновникъ моего дамскаго положенія налицо... Сеня ужасно смѣется надо мной въ такихъ случаяхъ, и я чувствую, что начинаю ненавидѣть его. Вѣдь это глупо мечтать, что именно благодаря ему я удостоилась такого титула: m-me Книзева. Если я его люблю, такъ это еще не даетъ права думать о себѣ такъ много.

— Милая моя дама, сдѣлайте реверансъ!—смѣется онъ.

Какое самообольщеніе, — точно я не могла сдѣлаться дамой благодаря какому-нибудь Низеву, Изеву и т. д. Мужчины не понимаютъ и никогда не поймутъ, сколько обиднаго въ этой невинной комбинаціи, потому что всегда думаютъ только о себѣ и во всемъ видятъ только самихъ себя. По моему мнѣнію, это зависитъ просто отъ грубости мужской натуры, въ чемъ я убѣдилась личнымъ опытомъ. Мужчины просто притворяются, когда приходятъ въ восторгъ отъ стиховъ, восхищаются чудной картиной природы или повторяютъ глупыя нѣжности любимой женщинѣ, — я это навѣрное знаю, я убѣждена въ этомъ глубоко. Что̀ такое мужчина? Грубый реалистъ, для котораго нѣтъ ничего святого, печальная необходимость, съ которой роковымъ образомъ связала женщинъ мачеха-природа, и вообще, говоря откровенно, самое грубое животное... Позвольте, я, кажется, впадаю въ пессимизмъ, а это совсѣмъ нейдетъ ко мнѣ, какъ увѣряетъ Сеня. Замѣтьте, какое вульгарное имя: Сеня. Оно меня сначала приводило въ полное отчаяніе, потому что не поддавалось никакимъ ласковымъ уменьшительнымъ, — Сеня, Сенечка и только. Попробуйте помѣстить такое имя въ любовное стихотвореніе, и вамъ захохочутъ въ лицо. Я даже не могла привыкнуть къ этому вульгарному звуку, пока не родился мой первенецъ Вадимъ, и теперь я представляю моего мужа такъ: папа моего Вадима.

— Семенъ Семенычъ Книзевъ, рекомендуется мужъ уже самъ.

Для меня мужъ сейчасъ больше всего отецъ моего Вадима. Да... Отецъ и мать—вотъ святыя слова, ради которыхъ прощаешь даже грубость мужчинъ и несправедливость природы.

Все, что я сейчасъ говорила, къ дѣлу не относится и сорвалось такъ, между прочимъ, à propos des bottes. Лучше всего, если все это останется между нами... Не правда ли? Развѣ вы можете отказать просьбѣ дамы...

Итакъ, я—дама, я—жена, я—мать, а со временемъ буду, несомнѣнно, бабушкой и, такимъ образомъ, завершу тотъ роковой кругъ, который начертила рука природы. Въ скобкахъ: Сеня не выноситъ подобныхъ фигуральныхъ выраженій, какъ „рука природы"—развѣ есть у природы руки? Должна признаться, что раньше я смотрѣла на жизнь довольно легкомысленно, какъ и всякая другая женщина на моемъ мѣстѣ. Мнѣ хотѣлось веселиться, прыгать, радоваться... Но появленіе Вадима сразу открыло мнѣ существованіе другого міра, новыхъ интересовъ и великихъ цѣлей. О, милый ребенокъ, если бы только онъ зналъ, сколько счастья онъ принесъ съ собой!.. Раньше, напримѣръ, я, конечно, любила папа и maman, любила инстинктивно, но не понимала хорошенько, что значитъ слово: мать. Да... Нужно вынести все материнство съ его болѣзнями, безсонными ночами и святыми заботами, чтобы оцѣнить и понять все. Я еще никогда такъ не любила maman, какъ въ моментъ своего собственнаго материнскаго счастья. Милая, дорогая maman... Я стала повѣрять ей рѣшительно все, что происходило со мной, и какъ она понимала меня, какъ любила моего Вадима!.. Доходило до смѣшного, когда maman принималась ревновать меня къ собственному ребенку и даже хотѣла отнять у меня Вадима, подъ предлогомъ, что я не сумѣю его воспитать. Всѣ бабушки, вѣроятно, одинаковы, и я отъ души ее пожалѣла: мой ребенокъ пробудилъ въ ней заснувшее материнство. Вотъ папа — такъ тотъ совсѣмъ другое дѣло: онъ даже подсмѣивался.

— Ты, Зиночка, думаешь, что на свѣтѣ только всего и есть одинъ ребенокъ, твой Вадимъ,—говорилъ онъ.—Успокойся... Такихъ ребятишекъ милліоны. Я недавно читалъ въ газетѣ, что каждую секунду гдѣ-нибудь родится человѣкъ, и каждую минуту гдѣ-нибудь другой человѣкъ умираетъ. Да...

Нѣтъ, ужъ позвольте, я не согласна: пусть родятся и умираютъ милліоны людей и еще разъ родятся, а Вадимъ все-таки одинъ, и другого такого нигдѣ нѣтъ. Такихъ ребятишекъ милліоны — благодарю покорно... У папа скверная привычка дразнить меня, и я серьезно побранилась съ нимъ. Но это не мѣшаетъ ему быть прекраснымъ человѣкомъ, и другого такого папа нѣтъ, какъ другого Вадима. Папа и maman — образцовая супружеская чета, и я съ ужасомъ думаю о томъ моментѣ, когда кто-нибудь изъ нихъ умретъ первымъ. Ужасно!.. Прожить цѣлую жизнь и потерять любимаго человѣка... Никакая заслуга, никакая жизнь не спасетъ отъ этого рокового конца, и я даже раза два плакала, когда думала, что все это должно случиться въ свое время, и въ свое время умремъ и мы съ Сеней, и умретъ нашъ Вадимъ. Вѣдь жизнь, въ сущности, ужасная вещь, и насъ спасаютъ отъ отчаянія только наши ежедневныя заботы и наше легкомысліе. Когда молодые стоятъ подъ вѣнцомъ, они не думаютъ, что который-нибудь изъ двоихъ долженъ будетъ оплакивать другого. Нѣтъ, все это слишкомъ грустно, и я не хочу объ этомъ думать: будетъ то, что будетъ.

II.

Чрезъ годъ послѣ Вадима родилась у меня дочь Ольга. Сынъ да дочь—красныя дѣтки, какъ говоритъ моя нянька Петровна. Признаюсь, что второй

ребенокъ не произвелъ уже такого впечатлѣнія, какъ первый, хотя я и желала имѣть дѣвочку. Дѣло въ томъ, что наши самыя лучшія, святыя чувства переплетены самыми прозаическими соображеніями, въ родѣ того: а что, если каждый годъ новая семейная радость? Положимъ, Сеня ничего подобнаго не говоритъ, но это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать недосказанную мысль. Ему и меня жаль, и средства у насъ небольшія. Бѣдная моя дѣвочка—она принесла съ собой первую заботу. Но я чувствую себя хорошо и готова для дѣтей итти на все. Одна maman понимаетъ меня и нѣсколько разъ повторяла, между прочимъ:

— Ты не безпокойся, Зиночка, мы будемъ помогать.

Милая maman, какъ она необидно умѣетъ все сдѣлать!.. Я начинаю ее просто боготворить. Такая добрая-добрая, милая-милая... Папа, по обыкновенію, подшучиваетъ надо мной и говоритъ, что намъ съ Сеней необходимо прочитать теорію какого-то Мальтуса. Навѣрно, этотъ Мальтусъ былъ нехорошій человѣкъ, и я инстинктивно чувствую къ нему отвращеніе. Къ чему тутъ Мальтусъ, когда мы такъ счастливы съ Сеней и безъ него!

Одна непріятность никогда не приходитъ: Сеню перевели на службу въ другой городъ. Мнѣ это особенно больно потому, что пришлось разстаться съ папа и maman еще въ первый разъ. Сколько было слезъ, когда мы разставались... Мнѣ было такъ жаль maman, которая теперь все думаетъ обо мнѣ: какъ я, да что я, да здоровы ли дѣти. У меня даже есть какое-то дурное предчувствіе, хотя я и не выдаю его, чтобы не показаться смѣшной въ глазахъ хотя того же Сени. Показаться смѣшной — это нашъ общій недугъ, въ жертву которому мы готовы принести все. Впрочемъ, я дала себѣ слово, что буду каждый день писать maman, хоть нѣсколько строкъ. Изъ моихъ писемъ впослѣдствіи составится настоящій дневникъ, и мнѣ самой лѣтъ черезъ двадцать будетъ интересно провѣрить себя по нему. Что-то будетъ черезъ двадцать лѣтъ, когда Вадимъ и Ольга вырастутъ совсѣмъ большіе? Даже страшно думать объ этомъ: Вадимъ будетъ тогда двадцати одного года, тогда какъ его maman исполнится только нынѣшней осенью двадцать. Право, это смѣшно. Жаль, что maman не можетъ отвѣчать на каждое письмо: ей некогда, да она что-то и прихварываетъ. Папа могъ бы, конечно, писать, но онъ вообще ненавидитъ писаную бумагу. У него всегда готово какое-нибудь обидное словечко, какъ и въ данномъ случаѣ. „Пожалѣй почтальона, который долженъ приносить каждый день твое письмо,—пишетъ онъ: — у бѣдняги, какъ я подозрѣваю, тоже есть своя семья, и, благодаря твоему рвенію, ему не остается времени поцѣловать жену“. Однако какъ скоро бѣдный папа раскаялся въ этихъ словахъ... Шутка вышла самая неудобная. Случилось... Нѣтъ, перо выпадаетъ изъ моихъ рукъ, и я не могу написать рокового слова. Да и до сихъ поръ я сама еще не вѣрю случившемуся несчастью, которое, просто, несправедливо.

Maman собралась въ Великій постъ навѣстить меня и все откладывала свою поѣздку за разными недосугами. Мы не видались цѣлыхъ два мѣсяца, и можете себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждала maman. Два раза назначался срокъ отъѣзда и два раза отмѣнялся. Наконецъ получаю письмо: maman больна... Помните, что я говорила вамъ о предчувствіи? Забираю своихъ ребятишекъ и лечу. Дорогой на меня напалъ какой-то страхъ— опять дурное предчувствіе. Maman я нашла въ постели. Она такъ измѣнилась, что я первую минуту ее даже не узнала. Бѣдняжка, чтобы успокоить меня, привѣтливо улыбалась... Развѣ мужчины способны на что-нибудь подобное?

ъ, рѣшительно дальше я не могу писать... Это какой-то тяжелый
ı котораго я не могу проснуться до сихъ поръ. Неужели maman
ı моихъ рукахъ? Неужели я не услышу ея ласковаго голоса? Мнѣ
ı кажется, что вотъ-вотъ она войдетъ въ комнату, обниметъ меня и
„Дурочка моя, все это былъ дурной сонъ!“ Да, сонъ, отъ котораго
ıаются. Я не могу помириться съ мыслью, что maman нѣтъ — это
ı и нелѣпо, что я каждый разъ вздрагиваю. Нѣтъ, она здѣсь, около
го чувствую и въ этомъ глубоко убѣждена. Милая, дорогая, хоро-
папа?.. Онъ сходилъ съ ума и рвалъ на себѣ волосы, онъ говорилъ
сныя вещи, отъ которыхъ у меня волосы поднимались дыбомъ.
За что?—повторялъ онъ, сжимая кулаки.—Почему другія женщины
Милліоны женщинъ... И какъ живутъ?—въ бѣдности, въ нищетѣ, въ
Нищіе живутъ, а она умерла... Нѣтъ, это несправедливо!..
было бурное мужское горе, которое не давало мнѣ времени поду-
бѣ: и въ самомъ горѣ мужчины остаются эгоистами. Конечно, я
о не думала, а утѣшала отца тѣми жалкими словами, какія гово-
такихъ случаяхъ. Онъ на время стихалъ и смотрѣлъ на меня уди-
глазами: онъ привыкъ видѣть во мнѣ дѣвочку, которая не пойметъ
горя. Нужно сказать, что папа отличался нѣкоторымъ эгоизмомъ,
е молился и о религіи отзывался довольно свободно. Но тутъ онъ
оснулся и заставлялъ меня молиться вслухъ: это было послѣднее
ло maman—она раскрыла въ послѣдній разъ очерствѣвшую въ жи-
розѣ душу. Мы тогда много и откровенно говорили съ отцомъ, кото-
ался совсѣмъ не такимъ, какимъ я его представляла себѣ: съ него
ла какая-то кора. Онъ говорилъ со мной, какъ съ другомъ.
Да, жизнь — великая тайна, Зиночка, — повторялъ онъ, качая голо-
: не знаемъ ничего и можемъ только плакать...
нъ плакалъ, горько плакалъ, припоминая разные мелкіе случаи,
ı былъ несправедливъ къ maman: засиживался подолгу въ гостяхъ,
ı, ворчалъ, однимъ словомъ — все то, что дѣлаютъ всѣ мужья во
ротахъ и долготахъ. Сеня любитъ иногда повинтить и раза два
домой въ четыре часа утра, — теперь онъ почувствовалъ угрызеніе
ı шепнулъ мнѣ:
Зиночка, этого никогда не будетъ больше.
переводѣ это значило, что вѣдь и ты можешь умереть, какъ maman,
елаю тебя обижать. Онъ вообще отнесся ко мнѣ съ особенной нѣж-
ухаживалъ за мной, какъ въ медовый мѣсяцъ. Это опять maman,
an и вездѣ maman... А папа просто не отходилъ отъ меня, какъ
ı: такъ и заглядываетъ въ глаза. Вотъ что значитъ настоящее,
э горе, которое всѣхъ дѣлаетъ лучше. Передъ отъѣздомъ папа отвелъ
сторону и шепнулъ:
Голубчикъ, извини меня... Помнишь, я тогда писалъ тебѣ о твоихъ
ыхъ письмахъ къ матери? Какъ это было глупо съ моей стороны, и
жестоко наказанъ теперь за свое легкомысліе...

III.

жно представить себѣ отчаяніе папа, когда намъ пришлось разста-
ь нимъ, чтобы ѣхать домой. Что можетъ быть ужаснѣе одиночества!
Я чувствую себя заживо погребеннымъ, — повторялъ онъ на про-
У меня нѣтъ будущаго... Да и для чего жить?..

Однимъ словомъ, произошла самая раздирательная сцена. Я не могла говорить отъ слезъ, и мой Сеня даже разсердился. Это вышло очень оригинально... Я не могу сочувствовать горю родного отца,—какъ это вамъ понравится? Хорошо. Это была наша первая размолвка.

— Слезами все равно не поможешь,—ворчалъ Сеня.—Наконецъ и мы съ тобой когда-нибудь умремъ. А вотъ ходить съ красными глазами—нехорошо. Наконецъ, у насъ есть свои дѣти, для которыхъ мы должны поберечь свое здоровье.

— А я скажу тебѣ на это вотъ что̀: одинъ греческій философъ горько оплакивалъ умершаго друга, и друзья замѣтили ему такъ же, какъ сейчасъ это сдѣлалъ ты, — зачѣмъ плакать, когда слезами не поможешь? Философъ отвѣтилъ: „оттого-то я и плачу, что ничѣмъ не верну моего умершаго друга“.

— Чортъ бы взялъ этихъ всѣхъ дураковъ-философовъ!..

— Нѣтъ, извините, это намъ разсказывалъ въ гимназіи учитель исторіи, и мы всѣ плакали.

— Ну, такъ и вашъ учитель...

Прекрасная сцена, не правда ли? А мужчины спорятъ тѣмъ отчаяннѣе, чѣмъ они виноватѣе, такъ было и въ данномъ случаѣ. Мнѣ тяжело вспоминать про эту первую семейную сцену, въ которой вырисовывались, съ одной стороны, святая любовь дочери, а съ другой — чисто-мужской эгоизмъ. Я стала даже, кажется, меньше любить моего Вадима: вѣдь изъ него со временемъ вырастетъ такой же эгоистище, какъ и его папа. Какой ударъ для материнскаго любящаго сердца... Да, жизнь есть компромиссъ, и приходится мириться на каждомъ шагу съ несправедливостью.

Единственнымъ моимъ утѣшеніемъ оставались только письма къ папа, бѣдному, одинокому папа. Говоря между нами, я даже боялась, какъ бы онъ не кончилъ самоубійствомъ. Что̀ было дѣлать? Опять полетѣли ежедневныя письма, но не къ maman, а къ нему, и я нарочно показывала каждое письмо Сенѣ. Мнѣ хотѣлось его позлить: смотри, вотъ какъ любитъ женское сердце!.. Папа тоже смѣялся надо мной (припомните остроту о почтальонѣ, которому некогда поцѣловать жену) и раскаялся, и мой Сеня тоже раскается, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Послѣдняя мысль навела меня на самыя грустныя размышленія. Если разобрать, такъ жить на свѣтѣ рѣшительно не сто̀итъ: очень ужъ много хлопотъ. Конечно, я тщательнѣйшимъ образомъ скрываю свой пессимизмъ и отъ папа и отъ Сени, но все-таки становится грустно. А время такъ и бѣжитъ... Давно ли, кажется, не стало maman, а между тѣмъ скоро уже годъ. Да, цѣлый годъ... Папа отвѣчаетъ мнѣ все рѣже и рѣже, что̀ обозначаетъ нарастающее спокойствіе: острое горе уже миновало. Наконецъ онъ совсѣмъ замолчалъ, что̀ меня ужасно встревожило: цѣлая недѣля прошла, вторая, третья—нѣтъ письма. Посылаю телеграмму — отвѣчаетъ, что живъ и здоровъ, и что „подробности письмомъ“. Получаю и письмо, въ которомъ всего нѣсколько строкъ и никакихъ подробностей: некогда,—вѣчная мужская отговорка. Но я чувствую, что во всемъ этомъ что-нибудь кроется, и написала отцу, что очень соскучилась объ немъ и рѣшилась навѣстить его вмѣстѣ со своими ребятишками, а было бы еще лучше, если бы онъ пріѣхалъ къ намъ. Отвѣтъ получаю телеграммой: „Пожалуйста, не ѣзди и пощади себя и своихъ дѣтей,—у меня инфлуэнца“. Вы, конечно, понимаете, что̀ я сдѣлала: сейчасъ же отправилась въ дорогу, оставивъ дѣтей на попеченіе Сени. Сама я рѣшительно ничего не боялась, потому что долгъ—прежде всего. Что̀ меня удивило и огорчило передъ отъѣздомъ, такъ это поведеніе мужа: онъ и не отговаривалъ меня, и не сочувствовалъ, и вообще держался какъ-то странно.

Мнѣ показалось даже, что онъ потихоньку отъ меня улыбался: это ужъ изъ рукъ вонъ! Для этого эгоиста умирающій отецъ кажется смѣшнымъ?

Можно себѣ представить, съ какими чувствами я ѣхала къ папа, который сейчасъ составлялъ для меня все на свѣтѣ. Можетъ случиться, что я больше и не увижу его... Эта мысль заставила меня рискнуть, и я ѣхала всю ночь, чтобы не потерять напрасно ни одного часа. Наконецъ вотъ и онъ, родной городъ, знакомыя улицы, наша гимназія, театръ и напротивъ театра — нашъ домъ. Было всего часовъ восемь, и я едва дозвонилась. Прислуга была новая и приняла меня, какъ чужую.

— Гдѣ папа? Проведите меня къ нему...

— Обождите-съ... Они сейчасъ...—бормочетъ какая-то вертлявая горничная.—Они сейчасъ... я доложу...

Что̀ такое? Или я съ ума начинаю сходить, или эта особа сумасшедшая. Кое-какъ раздѣваюсь въ передней и прямо иду чрезъ гостиную въ кабинетъ къ папа, но не успѣла я сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ меня точно что̀ кольнуло въ самое сердце... На креслѣ стояли прелестныя женскія туфельки, а на столѣ валялась бальная дамская перчатка на двѣнадцать пуговицъ. Туфли могли предназначаться мнѣ, но перчатка... Она, очевидно, была забыта здѣсь.

— Мадамъ, вы не безпокойтесь: они сейчасъ будутъ... — уговаривала меня горничная, наслаждавшаяся моимъ смущеніемъ.

Я была уничтожена, убита и не могла сказать ни одного слова. Потомъ все у меня точно завертѣлось въ глазахъ, и дальше я рѣшительно ничего не помню. Въ головѣ, какъ маятникъ въ часахъ, стучало одно слово: инфлуэнца! инфлуэнца! инфлуэнца!... Такъ вотъ въ чемъ дѣло, милый папа... Въ кого же и во что остается вѣрить послѣ этого? Ваше горе было такимъ же притворствомъ, какъ ваша болѣзнь... О, я ничему, ничему, ничему не вѣрю!.. Я переживала такое чувство, какъ будто сама умирала... Очнулась я только дома у себя въ постели. Надо мной сидѣлъ мой собственный Сеня.

— Ну что̀, какъ ты себя чувствуешь? — съ дѣланной заботливостью спросилъ онъ.

— А ты надѣялся, что я умру?

— Зиночка... Извини меня, но я не виноватъ, что твой отецъ дѣлаетъ глупости: онъ, дѣйствительно, женится, и теперь, вѣроятно, уже женился... на семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ... Это ужъ, дѣйствительно, того...

— Договаривай: что̀ „того“?

— Болѣзнь... инфлуэнца!..

ДОРОГІЕ ГОСТИ.

Эскизъ.

I.

Въ казачьей станицѣ Веселый-Кустъ уже три дня готовились къ пріему дорогихъ заграничныхъ гостей. Станица разметала свои избенки у подножья горы Караульной, отрога Общаго-Сырта. Кругомъ — ни кустика, ни былинки, и только старые громадные пни по скату горы свидѣтельствовали, что здѣсь когда-то стоялъ громадный сосновый боръ. Башкиры его берегли не одну сотню лѣтъ, но надвинувшаяся „казачья цивилизація", какъ выражался горный инженеръ Черногоровъ, не согласилась съ его существованіемъ и свела все до послѣдней вѣточки. Станичные старички и старушки еще помнили столѣтнія сосны, куда ребятами бѣгали за грибами, а теперь отъ бора остались одни пни, точно гнилые зубы. Да, прежде все было: на горѣ стоялъ боръ, подъ горой протекала горная рѣчка Незамайка, въ рѣчкѣ было видимо-невидимо рыбы и т. д. Когда вырубили боръ, Незамайка пересохла, а рыбу выловили до тла еще раньше. Однимъ словомъ, дыханіе казачьей цивилизаціи сказывалось на всемъ.

Сама по себѣ казачья станица, какъ и всѣ казачьи станицы, ни издали ни вблизи ничего привлекательнаго не представляла, кромѣ казачьяго убожества и непокрытой бѣдноты. Избенки крохотныя, кое-какъ сгороженныя изъ березы и осины, крыши соломенныя; единственная станичная улица замѣняла собою помойную яму и мѣсто свалки всякаго домашняго сора и не просыхала даже въ самое жаркое лѣто. Лучшая изба—сравнительно, конечно, какъ и все на свѣтѣ—принадлежала станичному атаману Кузьмѣ Псалму. Въ ней сейчасъ помѣщалась главная контора золотыхъ промысловъ Мутныхъ и К°. Пріиски были разбросаны въ верховьяхъ Незамайки и по ея притокамъ.

Сейчасъ въ конторѣ находились самъ хозяинъ Егоръ Никитичъ, сѣденькій старичокъ съ козлиной бородкой, выбившійся въ золотопромышленники изъ простыхъ рабочихъ, и горный инженеръ Черноноговъ, полный, упитанный господинъ за сорокъ лѣтъ, съ краснымъ носомъ и красивыми глазами на выкатѣ. Хозяинъ все сидѣлъ у окна и угнетенно вздыхалъ, а Черноноговъ все время придумывалъ, что̀ бы ему съѣсть, благо всевозможныхъ закусокъ было заготовлено достаточно.

„Если взять сардинку и посыпать ее зеленымъ сыромъ,—думалъ вслухъ Черноноговъ,—да прибавить костяного мозга, да поджарить испанскаго лучку, да гарнировать фаршированными оливками..."

Онъ закрывалъ глаза, чмокалъ жирными красными губами и безнадежно махалъ затекшей отъ жиру короткой рукой.

— Егоръ Никитичъ, что же это будетъ, а? — спрашивалъ онъ, охваченный съѣдобнымъ изнеможеніемъ.

— Надуютъ эти самые французы—вотъ что и будетъ,—ворчливо отвѣчалъ Мутныхъ.—И что это тебѣ только далась эта самая ѣда?

— Ѣда. Ахъ, ты, сыромятный человѣкъ... Да въ ѣдѣ вся сила... Не понимаешь? Вотъ ты наѣшься своего студня изъ бычьихъ ногъ, нахлебаешься рѣдьки съ квасомъ, наѣшься зеленаго лука—сидѣть съ тобою рядомъ нельзя. А тутъ пріѣдутъ люди культурные. Однимъ словомъ, цивилизація... Все-таки не понимаешь?

— Чего тутъ понимать? Такіе же люди, какъ и мы грѣшные... У нихъ свой законъ, у насъ—свой. Только и всего...

Чернопоговъ возмущался. Въ молодости онъ былъ раза два въ Парижѣ, когда тамъ пѣла Жюдикъ, и считалъ себя спеціалистомъ по части заграницы. Ни одного спектакля съ m-me Жюдикъ не пропустилъ и пообѣдалъ во всѣхъ лучшихъ ресторанахъ.

— Французы—самый веселый народъ,—объяснялъ онъ.—Только французы умѣютъ веселиться и жить вообще. Мы—дикари... Да, настоящіе дикари... И потомъ... да... Да что тутъ говорить, все равно ничего не поймешь! Кстати, гдѣ Кузьма?

— Самъ же ты его послалъ за этой киргизкой.

— Ахъ, да. Красавица эта Макэнъ... А французы любятъ красивыхъ женщинъ и знаютъ въ нихъ толкъ.

Мутныхъ вскакивалъ, начиналъ бѣгать по комнатѣ и отплевывался.

— Грѣшно это, Антонъ Павлычъ... да. Не стало тебѣ по станицамъ казачекъ? Нѣтъ, подавай ему нехристь... Тьфу! Тьфу! Тьфу!.. Да я и куска въ ротъ не возьму, когда она будетъ въ избѣ... Не хочу грѣха на душу брать. Да...

— Опять не понимаешь ничего... Вѣдь это настоящій шикъ: этнографическая горничная... Ха-ха... Живая этнографія, понимаешь?

— Она и въ избѣ будетъ въ шапкѣ ходить. Подумать-то, такъ тошно.

— Глупости. Мы этой этнографіей такъ сразу и придавимъ милѣйшихъ нашихъ французовъ.

— Охъ, горе душамъ нашимъ! Только что и будетъ... Не отмолишь потомъ грѣховъ-то.

— Вотъ продадимъ пріиски, тогда и молись, сколько душѣ угодно...

— Что-то отъ Введенскаго нѣтъ письма.

— Что ему писать — онъ ждетъ французовъ въ Златоустѣ. Срочная телеграмма изъ Парижа получена еще на той недѣлѣ.

— Ждетъ-то онъ ждетъ, а я до смерти боюсь этихъ самыхъ обвокатовъ... Увертливы ужъ очень.

— Есть чего бояться... Мы сами кого не обманули бы.

— Охъ, продастъ онъ насъ,—стоналъ Мутныхъ.

— У насъ условіе...

— Да вѣдь условіе-то онъ самъ же писалъ. Да... Онъ и съ насъ сдеретъ и съ французовъ сдеретъ...

Дѣло шло о продажѣ промысловъ французской анонимной компаніи, представителей которой ждали сейчасъ въ Веселомъ-Кустѣ. Простой пріисковый старатель изъ раскольниковъ, Мутныхъ случайно разбогатѣлъ и сдѣлалъ цѣлый рядъ новыхъ заявокъ. Но разрабатывать ихъ у него не хватало денегъ, и заявки пустовали. Чтобы вывернуться, Мутныхъ затѣялъ устроить компанію и сразу попалъ на такихъ компаньоновъ, какъ горный инженеръ не у дѣлъ

Черноноговъ и провинціальный адвокатъ Введенскій. Мутныхъ хотѣлъ убить двухъ зайцевъ разомъ: и горный инженеръ и адвокатъ были люди нужные по своимъ спеціальностямъ. Но оба компаньона оказались на бѣду полными безсребренниками, и Черноноговъ весело отшучивался на эту тему.

— Я себя считаю за золотую валюту,—оправдывался онъ. — Счетъ на серебряные рубли не для меня... Я стою выше предразсудковъ.

Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія для Мутныхъ являлась продажа промысловъ. Иностранцы за послѣдніе годы просто наводняютъ Уралъ своими капиталами, и Введенскій предложилъ устроить продажу. Дѣло было аховое, и Мутныхъ дѣйствительно трепеталъ за собственное существованіе.

Атаманъ Кузьма Псаломъ явился рано утромъ. Онъ ѣхалъ на мохноногомъ рыжемъ иноходцѣ, а за сѣдломъ бокомъ сидѣла Макэнъ, очень красивая дѣвушка-киргизка, въ сѣрой мерлущатой шапкѣ и въ пестромъ шелковомъ бешметѣ.

— Вотъ какую птаху привезъ... — объяснялъ атаманъ, спѣшиваясь. — Самъ бы ѣлъ, да деньги надо.

Въ наружности атамана ничего атаманскаго не было. Самый простой мужичокъ съ песочной бородкой и кривой на одинъ глазъ. Въ качествѣ станичнаго начальства, онъ ничего не дѣлалъ и только выискивалъ даровой выпивки. И сейчасъ онъ былъ подъ хмелькомъ, хотя и держался въ сѣдлѣ крѣпко.

Черноноговъ сдѣлалъ Макэнъ настоящій солдатскій смотръ. Дѣвушка улыбалась, показывая два ряда чудныхъ зубовъ. Это была настоящая степная красавица, съ такимъ тугимъ степнымъ румянцемъ и шелковымъ загаромъ.

— Я думалъ, что тебя отецъ не отпустить, — говорилъ Черноноговъ, довольный осмотромъ.

— Отчего ему не пускать? — отвѣтила дѣвушка; она говорила бойко по-русски.—Я не замужемъ...

У атамана Кузьмы Псалма была жена, рябая, костлявая баба, но Черноноговъ впередъ выговорилъ условіе, чтобы она не смѣла и носу показывать, когда наѣдутъ французы.

— Повѣрьте, я ужъ знаю, какой вкусъ у французовъ,—увѣрялъ онъ.— А твоя Дарья, Кузьма, все дѣло испортитъ.

II.

Отъ адвоката Введенскаго не было ни слуху ни духу, и Черноноговъ отъ-нечего-дѣлать занимался воспитаніемъ Макэнъ. Онъ училъ ее, какъ нужно приготовлять постели, накрывать на столъ, подавать кушанье и т. д. Для наглядности онъ самъ усаживался за столъ, изображая предполагаемаго гостя-француза, и заставлялъ Макэнъ служить. Макэнъ оказалась понятливой дѣвушкой, хотя и не могла отучиться отъ дурной привычки закрывать лицо широкимъ рукавомъ своей татарской рубахи.

„Прелестная дикарка...“ — думалъ вслухъ Черноноговъ, смакуя приготовленное для гостей вино; носъ у него краснѣлъ все больше и больше.

Мутныхъ иногда наблюдалъ эту комедію въ дверную щель и вздыхалъ все угнетеннѣе. Прямо, бѣсовская потѣха... Макэнъ онъ называлъ кобылятницей и не упускалъ случая устроить ей какую-нибудь каверзу. По его настоянію атаманиха водила Макэнъ въ баню и мыла чуть не съ пескомъ.

— Лошадью отъ нея такъ и воняетъ,—увѣрялъ Мутныхъ.—Всю посуду

перепоганитъ... Ахъ, Антонъ Павлычъ, Антонъ Павлычъ!.. Можетъ, эти самые французы тоже кобылятину жрутъ.

— Еще похуже, чѣмъ кобылятину: лягушекъ ѣдятъ, — увѣрялъ Черноноговъ.—А яйца ѣдятъ засиженныя, когда въ нихъ заведется цыпленокъ.

— Горе душамъ нашимъ!

— Сыръ ѣдятъ непремѣнно съ червями, а сандвичи приготовляютъ изъ дупелинаго помета...

Собственно своя горная часть совсѣмъ не интересовала Черноногова. Всѣ его мысли сосредоточивались на ѣдѣ. А вдругъ Введенскій не привезетъ обѣщаннаго повара изъ Златоуста? Тогда все пропало. Меню Черноноговымъ было выработано съ особеннымъ стараніемъ, при чемъ главную роль играла „національная идея". Напримѣръ, московская рыбная жидкая селянка изъ харюзовъ? Что̀ вы скажете на это? А ботвинья съ уральскимъ балыкомъ и растегаями изъ налимьей печенки? А настоящій кавказскій шашлыкъ? А карась въ сметанѣ, поросенокъ съ хрѣномъ, гурьевская каша, фаршированный калачъ, уха изъ живыхъ налимовъ? Получалась настоящая артиллерія, и Черноноговъ торжествовалъ впередъ. Для couleur locale можно пустить сибирскіе пельмени и сибирскіе пироги съ рыбой. Ну, а тамъ ужъ поваръ долженъ знать спеціально-французскую кухню — всѣ эти бульоны, соуса, бифштексы, рагу и прочую дребедень. Черноногова убивала въ этомъ отношеніи только мысль о салатѣ. Для настоящаго француза обѣда безъ салата не существуетъ, а гдѣ его возьмешь въ Веселомъ-Кустѣ? Конечно, Введенскій захватитъ салатъ изъ Златоуста, но это обезпеченіе много-много на два дня, а дальше срамъ и позоръ.

— Охъ, ужъ этотъ мнѣ салатъ!—повторялъ онъ, ломая руки.

Кузьма Псаломъ былъ свидѣтелемъ этого отчаянія и только чесалъ въ затылкѣ.

— Боже мой, а о шампиньонахъ я и забылъ?!—чуть не плакалъ Черноноговъ.—Французы признаютъ только два гриба: трюфели и шампиньоны. Да...

— По-нашему, просто поганки,—замѣтилъ Мутныхъ.

Наконецъ изъ Златоуста прискакалъ нарочный. Введенскій писалъ на ресторанномъ счетѣ, что французовъ пріѣхало трое. Они передохнутъ одинъ день, а потомъ отправятся въ Веселый-Кустъ. По расчетамъ Черноногова, триста верстъ можно было проѣхать въ однѣ сутки съ небольшимъ. На счастье погода стояла прекрасная.

— А о салатѣ ни одного слова,—стоналъ Черноноговъ.—Зарѣжетъ меня злодѣй! Вся моя этнографія къ чорту полетитъ.

Но въ назначенный день французы не пріѣхали, и Черноноговъ съ горя напился съ Кузьмой Псалмомъ. Ожиданіе было самое томительное.

Гости не пріѣхали и на слѣдующій день. Черноноговъ не зналъ, что̀ и думать. Не случилось ли дорогой какого-нибудь несчастья, а то, можетъ-быть, Введенскій могъ допустить какую-нибудь ошибку. По-французски онъ говорилъ, какъ собаки лазаютъ черезъ заборъ, и по части тонкости обращенія тоже плоховатъ. Еще проврется что-нибудь.

Черноноговъ спалъ, когда наконецъ гости пріѣхали. Макэнъ попробовала его будить, но безуспѣшно. Когда онъ проснулся утромъ, Макэнъ, улыбаясь, объяснила ему:

— Она пріѣхала...

— Кто она?

— А гость...

— Какъ пріѣхала?!..

— На лошадяхъ пріѣхала.

— Вотъ тебѣ и фуштъ... А гдѣ Введенскій!

— Она спитъ.

— Ты смотри, не разбуди гостей...

Макомъ только засмѣялась.

— Она давно ушла,—объяснила она, указывая рукой въ сторону горъ.— Вся троя ушла... и Егоръ ушла...

Черноноговъ въ отчаяніи схватилъ себя за волосы. И во всемъ виноватъ этотъ идіотъ Введенскій... Онъ бросился къ нему въ избу, разбудилъ и напустился на него съ пѣной у рта.

— Зарѣзалъ, разбойникъ... зарѣзалъ!..

— Нѣтъ, ты меня зарѣзалъ, — оправдывался Введенскій.—Во-первыхъ, тебя не могли ночью разбудить — разъ... а потомъ эта твоя этнографія... Представь себѣ, тѣ заходятъ въ комнату, а она здоровается съ ними за руку да еще улыбается, каналья. Французы приняли ее за мою жену... Веселенькій пейзажикъ получился.

— Но вѣдь меня могли разбудить рано утромъ, чтобы проводить ихъ?

Адвокатъ, полный, съ сѣдѣющей бородкой господинъ, потянулся, сладко зѣвнулъ и спокойно отвѣтилъ:

— Ну, это напрасно... Ихъ тоже не слѣдуетъ баловать. Народъ такой, знаешь...

— Какой?

— А чортъ ихъ разберетъ... Мнѣ кажется, что они притворяются. Представь себѣ, не могутъ ѣхать въ нашемъ тарантасѣ, а подавай имъ рессорный экипажъ... Ну, три дня и тащились триста верстъ... Намаялся я съ ними порядочно.

— А салатъ?—вспомнилъ Черноноговъ.

— Спроси у повара... я совсѣмъ забылъ о твоемъ салатѣ.

Черноноговъ изобразилъ статую нѣмого отчаянія. Забыть салатъ?!.. И это называется дѣло дѣлать... А еще адвокатъ! Все дѣло начинало проваливаться...

Черноноговъ наскоро умылся, наскоро выпилъ „заказную“ утреннюю рюмку водки, чтобы заморить червячка, сдѣлалъ необходимыя распоряженія подлецу-повару, которому сказано было о салатѣ и который забылъ о немъ второпяхъ, и потащилъ Введенскаго на пріискъ.

— Я-то что̀ буду тамъ дѣлать?—ворчалъ адвокатъ, любившій покейфовать за самоваромъ.—Это ужъ твое дѣло...

— Нѣтъ, братъ, пойдемъ. Ты меня представишь...

Было уже часовъ десять, когда они отправились на Незамайку. Во дворѣ стояли дорожные тарантасы, а около нихъ ходилъ Кузьма Псаломъ, чувствовавшій влеченье, родъ недуга, къ каждому экипажу. Черноноговъ одѣлъ для неизвѣстной цѣли охотничьи сапоги, захватилъ палку со стальнымъ молоточкомъ и даже бинокль. Введенскій, покряхтывая, шелъ за нимъ въ лѣтней чесучевой парѣ.

— Эхъ, планы-то я и забылъ! — спохватился Черноноговъ, когда они подходили уже къ караульной.

— Планы у нихъ,—коротко объяснилъ Введенскій.—Не безпокойся, они не забудутъ, какъ мы съ тобой.

До перваго Аристарховскаго пріиска было версты четыре, и Введенскій ворчалъ, жалуясь на свои городскіе лѣтніе башмаки. Французы были уже на пріискѣ, очевидно, провѣряя межи подъ руководствомъ Мутныхъ.

— Высокій сѣдой старикъ съ бородой—это и есть хозяинъ,—объяснялъ Введенскій.—M-r де-Круа... А рядомъ съ нимъ толстенькій бритый старичокъ—его помощникъ, m-r Жобель. А худенькій молодой человѣкъ—горный инженеръ, m-r Лудье. Тебѣ съ нимъ придется имѣть дѣло...

Знакомство произошло какое-то странное. M-r де-Круа едва протянулъ Черноногову два пальца и сейчасъ же обратился къ Введенскому за разъясненіемъ какой-то неточности въ планѣ. M-r Жобель оказался гораздо любезнѣе, хотя невольно бросалась въ глаза его странная привычка слѣдить за каждымъ движеніемъ хозяина. Впрочемъ, такъ же дѣлалъ и m-r Лудье.

— У нихъ, братъ, солдатская субординація, — объяснилъ Введенскій, подмигивая Черноногову.—Вотъ этотъ черномазенькій — горный инженеръ, а въ присутствіи хозяина не смѣетъ сѣсть. Старикъ держитъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ.

— Меня онъ, кажется, принялъ за приказчика или что-нибудь въ этомъ родѣ? — уныло догадывался Черноноговъ, сразу потерявшій присущую ему юркость.

— У нихъ, братъ, тамъ свои порядки.

Пока шелъ самый подробный осмотръ Аристарховскаго пріиска, m-r де-Круа не обращалъ никакого вниманія на Черноногова и самымъ обиднымъ образомъ не замѣчалъ его присутствія и даже не отвѣчалъ, когда онъ вставлялъ какое-нибудь замѣчаніе. Черноноговъ подъ-конецъ обидѣлся.

— А, чортъ...—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ. — А еще считается самой вѣжливой націей.

— А ты замѣтилъ, какъ онъ два раза посмотрѣлъ на твой красный носъ?—шутилъ Введенскій.

— А ну ихъ къ чорту...

III.

Огорченія не приходятъ, какъ извѣстно, въ одиночку, а семьями. Всѣ надежды Черноногова заключались по части желудка дорогихъ гостей, но и тутъ онъ потерпѣлъ полное фіаско. Этнографической кухни они не понимали и ѣли только бульонъ съ гренками, яйца и бифштексъ. Къ „французскимъ" винамъ отношеніе было тоже самое обидное. Впрочемъ, m-r Жобель хотѣлъ-было выпить вторую рюмку русской водки, которая ему очень понравилась, но m-r де-Круа строго на него посмотрѣлъ и еще строже проговорилъ:

— M-r Жобель, нельзя... Мы пріѣхали сюда работать, а не пить русскую водку.

Это уже было нахальство, возмутившее Черноногова до глубины души. Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь, кажется, m-r Жобель не мальчикъ и можетъ себѣ позволить вторую рюмку... Вообще старикъ де-Круа возмущалъ своимъ поведеніемъ на каждомъ шагу. Держалъ онъ себя совершенно неприступно, едва удостаивая отвѣтомъ. По части французской любезности было совсѣмъ плохо, что доставляло Введенскому большое удовольствіе.

— Ты-то чему радуешься?—накидывался на него Черноноговъ съ пѣной у рта.—Кажется, мы ни въ чемъ не можемъ себя упрекнуть по части любезности... А если они держатъ себя скотами, то вѣдь я не виноватъ. Я самъ приготовлялъ ботвинью, а старикъ взялъ въ ротъ всего одну ложку и выплюнулъ. То же и съ растегаями и съ пельменями...

Весь образъ жизни дорогихъ гостей представлялся Черноногову однимъ сплошнымъ оскорбленіемъ, начиная съ того, что французскій день начинался

ровно въ шесть часовъ утра. Вечеромъ всѣ отправлялись спать по командѣ въ десять часовъ. Не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы посидѣть за столомъ часиковъ до двухъ утра, поѣсть хорошенько и лихо выпить. Черноноговъ привыкъ вставать въ одиннадцать часовъ утра, а тутъ долженъ былъ подниматься тоже въ шесть, чтобы сопровождать гостей на промыслы. Они все хотѣли видѣть, изслѣдовать лично и провѣрить. Происходили прекомичныя сцены. Французы самымъ тщательнымъ образомъ провѣряли каждый пріискъ, поскольку онъ соотвѣтствуетъ планамъ. При такой повѣркѣ случился курьезъ: двухъ пріисковъ, нанесенныхъ на планъ, не оказалось, а третій пріискъ оказался внѣ всякаго плана.

— Странно... Это очень странно,—повторялъ m-r де-Круа, разсматривая красный носъ Черноногова съ особеннымъ вниманіемъ.

— Планъ составлялъ не я, а горное правленіе,—оправдывался Черноноговъ.—Во-вторыхъ, не могъ же я спрятать въ карманъ эти дурацкіе два пріиска.

— И все-таки странно, — невозмутимо повторялъ m-r де-Круа, дѣлая гримасу.

— Ну, наконецъ это ошибка!

— Въ дѣлѣ не должно быть ошибокъ...

Какъ оказалось, о границахъ своихъ владѣній у всѣхъ компаньоновъ оказались довольно смутныя представленія. Мутныхъ только вздыхалъ, разводилъ руками и ссылался на свою безграмотность.

— Странно... Очень странно,—повторялъ m-r де-Круа, пожимая плечами. — Вы спросите у m-r Жобель, онъ укажетъ вамъ то, чего вы не знаете...

Ровно въ двѣнадцать часовъ французы завтракали, потомъ отдыхали, а въ два часа опять уходили на работу до восьми часовъ вечера. И такъ каждый день... Даже Введенскій, смотрѣвшій на все и на всѣхъ съ ироніей,— и тотъ замѣтно пріунылъ.

— Это чортъ знаетъ, что̀ такое!—ругался Черноноговъ.—Они всѣ жилы вымотаютъ изъ живого человѣка...

— Да... того, вообще...

Въ теченіе двухъ недѣль работы на пріискахъ были закончены. Всѣ границы опредѣлены въ точности, m-r Жобель составилъ свои собственные планы, а m-r Лудье устроилъ что-то въ родѣ минералогическаго кабинета. Мѣсторожденіе всѣхъ золотоносныхъ розсыпей было изслѣдовано самымъ точнымъ образомъ во всѣхъ деталяхъ. Но все это были только подготовительныя работы, а настоящее изслѣдованіе горныхъ породъ и песковъ должно было произойти въ спеціальной лабораторіи въ Парижѣ.

— А мы-то все на глазъ дѣлаемъ, — удивлялся безъ конца Мутныхъ, почесывая въ затылкѣ.—Ну, и французы... Вотъ это такъ грамотные, охулки на руку не положатъ. Недаромъ у нихъ денегъ куры не клюютъ... Душеньку вынули, прямо сказать. А главное—въ аккуратѣ себя содержатъ.

Своими впечатлѣніями Мутныхъ дѣлился, главнымъ образомъ, съ атаманомъ Кузьмой, который вполнѣ ему сочувствовалъ.

— Я такъ полагаю, что эти самые французы изъ военныхъ,—соображалъ Кузьма.—Очень ужъ строго себя содержатъ... изъ антиллеріи, не иначе.

— А моимъ-то компаньонамъ какъ они хвостъ прижали?!..—злорадствовалъ Мутныхъ.—Хоть матушку-рѣпку пой.

— Вполнѣ прижали... Антонъ-то Павлычъ вонъ даже похудѣлъ изъ себя и напивается въ одиночку.

— Они, братъ, выучатъ, какъ жить на бѣломъ свѣтѣ. А мы-то сдуру: „французы, деньги у нихъ шальныя“ и прочее такое несообразное. А у француза каждый пятакъ двухвершковымъ гвоздемъ приколоченъ... У насъ по старой вѣрѣ крѣпко живутъ, а они себя попревосходнѣе оказали...

Черноноговъ не могъ выдержать до конца двухнедѣльнаго искуса и послѣдніе четыре дня сказывался больнымъ, несмотря на всѣ увѣщанія Введенскаго. Онъ лежалъ въ избѣ и плевалъ въ потолокъ.

— А чортъ съ ними со всѣми! — ругался онъ. — Это какія-то выжиги. Золото ищутъ, какъ бѣжавшаго съ каторги преступника... Нѣтъ, братъ, шалишь. Ищи, хоть лопни...

Введенскій только махнулъ рукой. Съ горя Черноноговъ напивался каждый день, приглашалъ Макэнъ и заставлялъ ее пѣть киргизскія пѣсни.

— А вотъ на зло *имъ* возьму да и женюсь на тебѣ, Макэнъ,—говорилъ онъ.—Пойдешь за меня, орда?

— Нѣтъ,—отвѣчала Макэнъ не безъ кокетства.—У меня есть женихъ лучше тебя...

Наканунѣ отъѣзда m-r де-Круа „позволилъ себѣ“ просидѣть за ужиномъ часовъ до двѣнадцати и даже разговорился. M-r Жобель воспользовался моментомъ и позволилъ себѣ выпить вторую рюмку русской водки, причемъ отъ души пожалѣлъ что m-r Черноноговъ не могъ принять участія въ общемъ пиршествѣ.

— Я въ первый разъ въ Россіи,—говорилъ m-r де Круа:—и невольно удивляюсь... да... Очень оригинальная страна. Никто не хочетъ работать... Да, странно...

Французы раннимъ утромъ уѣхали одни. Ихъ провожалъ атаманъ Кузьма, сидѣвшій на козлахъ молодцомъ. Черноноговъ видѣлъ въ окно, какъ выѣхали со двора два тарантаса, и проговорилъ:

— Къ чорту!..

Пришелъ Введенскій и долго молчалъ.

— Ну, братъ Антонъ, и задали *они* намъ баню.

— Къ чорту!—рычалъ Черноноговъ.

— Нѣтъ, знаешь, оно того... Какъ это тебѣ сказать? Однимъ словомъ, мы—вымирающіе, лѣнивые, пьяные русскіе люди... Я это почувствовалъ въ первый разъ въ жизни... да. Дикари.

— Къ чорту!..

1898.

НОЧЬ.

Эскизъ.

I.

— Они уже вышли...—сказалъ онъ, когда начало стемняться и въ передней избѣ зажгли сальную свѣчу.

— Кто вышелъ?—спросилъ старикъ-хозяинъ.

Онъ только опустилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Приставать съ разспросами къ *нему* не полагалось. Въ избѣ царила тишина, нарушавшаяся только жалобнымъ воемъ зимняго вѣтра въ трубѣ. При *немъ* никто не смѣлъ говорить.

Потомъ *онъ* всталъ и старческой походкой вышелъ въ сѣни. Было слышно, какъ хлопнула дверь въ заднюю избу, гдѣ была въ боковушкѣ устроена потаенная молельня. Въ избѣ продолжало царить молчаніе, потому что всѣ знали, что *онъ* ушелъ молиться. Старуха-свекровушка, возившаяся у печи, старалась не стучать своими ухватами, сноха, молодайка Домна, закачивала на рукахъ полугодового ребенка, чтобы онъ не закричалъ не вò-время.

Свекоръ, Спиридонъ Агапычъ, сегодня былъ какъ-то особенно суровъ и старался не смотрѣть ни на кого. Сноха Домна понимала, что онъ труситъ. А вдругъ наѣдутъ и накроютъ раскольничьяго владыку Ираклія, котораго уже давно выслѣживаютъ? Не пустилъ бы его къ себѣ Спиридонъ Агапычъ, да боялся итти противъ своего раскольничьяго міра. И что̀ ему вздумалось, владыкѣ Ираклію, остановиться именно у него? Развѣ не стало другихъ боголюбивыхъ народовъ въ Озорномъ?.. Труслив былъ старикъ. Онъ боялся даже собственнаго сына Ефима, который характеромъ уродился въ мать. Со стороны это выходило даже смѣшно: отецъ былъ большого роста, плечистый и могутный мужикъ, а Ефимъ маленькій, сутулый, безбородый. Но физическая сила находилась у обоихъ въ обратно-пропорціональномъ отношеніи съ нравственной. Собственно домъ вела матушка-свекровушка, но и она поддавалась Ефиму, который забиралъ силу молча.

Владыка Ираклій нѣсколько разъ возвращался въ среднюю избу. Онъ, видимо, не могъ размолиться по-настоящему. Худенькое, изрытое оспой лицо, съ козлиной бородкой и глубоко посаженными сѣрыми глазками, было полно тревоги. На видъ ему можно было дать подъ шестьдесятъ, но въ темныхъ волосахъ еще не было даже признаковъ старческой сѣдины.

— Ѣдутъ...—бормоталъ онъ, поглядывая въ окно.

— Да кто ѣдетъ-то, владыко?—спрашивалъ свекоръ.

— А кому надо, тотъ и ѣдетъ... Се женихъ грядетъ въ полунощи.

У Спиридона Агапыча захолонуло на душѣ отъ этихъ темныхъ наме-

ковъ. Молодайка Домна отвертывалась отъ пристальнаго взгляда владыки и дѣлала видъ, что укачиваетъ ребенка.

Вошелъ Ефимъ, задававшій на дворѣ кормъ скотинѣ. Владыка Ираклій посмотрѣлъ на него такъ любовно и сказалъ:

— Ты бы погрѣлся, Ефимушка... Вонъ какая непогодь.

— Мы привычны...—отвѣтилъ Ефимъ, снимая полушубокъ.

На улицѣ поднималась настоящая вьюга. Вѣтеръ набѣгалъ порывами, обсыпая сухимъ снѣгомъ, точно его бросала невидимая рука. Старикъ каждый разъ крестился и шепталъ: „О, Господи милосливый!". Владыка Ираклій сидѣлъ въ переднемъ углу у стола и тоже вздыхалъ.

— Немощенъ человѣкъ, а лукавства въ немъ преизбытокъ,—думалъ онъ вслухъ.—И все думаетъ сдѣлать лучше для себя, лукавый-то... А нѣтъ горше грѣха, какъ преданіе, — предателю нѣсть покаянія. Да... Предатель-то тоже думаетъ, что все лучше дѣлаетъ.

Владыка Ираклій усмѣхнулся съ горечью, точно припоминая что-то далекое.

— А ежели преданіе по нуждѣ?—спросилъ Спиридонъ Агапычъ, прислушиваясь къ завыванью вѣтра въ трубѣ.

— Это одно мечтаніе... Такой нужды не бываетъ, а только наша душевная ложь. Отъ чего остуда, прекословіе и неистовство? Сначала-то мы другихъ предаемъ, а потомъ себя начнемъ предавать...

— Значитъ, по-твоему, владыка честной, всѣ предатели?

— Всѣ!—рѣшительно отвѣтилъ Ираклій.—Самое легкое преданіе, когда человѣкъ предаетъ человѣка въ руки человѣковъ... Это даже на пользу иногда бываетъ, когда человѣкъ въ немощахъ силу обрѣтаетъ. Душевное злато ввергается въ горнило... ввергохомъ злато въ огонь, и изліяся телецъ. Путь узокъ и тернистъ, а ходящіе по нему сущи маловѣры и малоумы.

Дальше владыка Ираклій заговорилъ о послѣднихъ временахъ. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и кончилъ тѣмъ, что началъ обличать безпоповщину съ ея подраздѣленіями на десятки толковъ.

— Какъ гнилое мочало расщепляется безъ конца... гнилая нитка рвется на нѣсколько частей... и хуже этого не можетъ быть, какъ рознь и свара въ своей семьѣ. Аще и бѣсъ раздѣлится на ся — погибнуть бѣсу тому, и дому погибнуть, у котораго всѣ четыре угла рубятъ и крышу снимаютъ... Единеніе во множество въ единеніи.

Старикъ даже прослезился, увлекаясь нарисованной картиной грядущаго разрушенія. Матушка-свекровушка тоже всплакнула, стоя у своей печки.

— Ну, я пойду...—проговорилъ Ираклій, заглядывая въ окно. — Часъ мой уже близится...

Онъ опять ушелъ въ заднюю избу, а за нимъ ушелъ Ефимъ. Спиридонъ Агапычъ проводилъ ихъ глазами за дверь и началъ ворчать:

— И къ чему онъ все это говоритъ?.. Какъ будто не ладно, старуха...

— Ты бы ужъ молчалъ, Спиридонъ Агапычъ,—довольно сурово отозвалась старуха.—Не нашего ума это дѣло...

— А вдругъ ежели начальство? А вдругъ за пристаподержательство поволокутъ? Охъ, грѣхи, грѣхи...

II.

Наступила ночь. Свѣча въ передней избѣ была потушена, но никто не спалъ. Домна прилегла какъ всегда, на лавку у зыбки (люлька) и слышала,

какъ на полатяхъ ворочается старикъ. Свекровушка спала около печи на сундукѣ и тоже ворочалась съ боку на бокъ. Изъ задней избы доносилось заунывное раскольничье чтеніе, точно гудѣлъ большой шмель.

„Ахъ, скорѣе бы...“ — думала Домна, и ей дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе.

Она теперь припоминала каждое слово Ираклія—онъ все это говорилъ ей одной. Учуялъ, видно, что дѣло не ладно. И никто его не понимаетъ... Предателю, слышь, не будетъ прощенія. А мужа отбивать у женъ — за это будетъ прощеніе? На Ломовскомъ заводѣ кто увелъ въ скиты пудлинговаго мастера Куркина? Ираклій... Теперь у Куркина осталась жена съ махонькимъ младенчикомъ—ни баба ни дѣвка, — на комъ будетъ грѣхъ за нее? Сейчасъ Ираклій къ Ефиму подбирается... При послѣдней мысли Домна чувствуетъ, какъ она начинаетъ вся холодѣть. Ей уже представлялось, какъ она останется одна-одинешенька въ чужой семьѣ съ ребенкомъ на рукахъ, какъ ее будетъ донимать свекоръ-батюшка, какъ будетъ поѣдомъ ѣсть свекровь-матушка. Она же и будетъ кругомъ виновата: мужа остудила, вотъ онъ и ушелъ въ скиты, а ты майся съ ребенкомъ.

— Ахъ, скорѣе бы...

Домна чутко прислушивалась къ каждому шороху на улицѣ и на дворѣ, и ей нѣсколько разъ казалось, что кто-то подъѣхалъ, что слышны чьи-то осторожные шаги, что чьи-то руки нащупываютъ дверную скобу. Но это бушевала мятель, такая же мятель, какая бушевала въ ея собственной душѣ.

Домна была изъ безпоповщинскаго толка, вышла за поповца Ефима. Очень ужъ крѣпко полюбился ей этотъ серьезный не по лѣтамъ парень. Пришлось для него бросить родную семью, которая проводила ее съ проклятіями. Тяжелѣе горы родительское проклятіе... Не долго порадовалась Домна, хотя и любила мужа безъ ума. Вѣдь другихъ такихъ людей и на свѣтѣ не бываетъ, какъ Ефимъ. Два года бабьяго счастья промелькнули незамѣтно, а тутъ еще появился ребенокъ. Но и въ самую счастливую пору Домна замѣчала, какъ Ефимъ начиналъ какъ будто задумываться и все чаще смотрѣлъ на нее какими-то удивленными глазами, точно спрашивалъ, зачѣмъ она здѣсь. Этотъ взглядъ давилъ ее, точно камень.

— Что̀ съ тобой, Ефимъ?—спрашивала она.

— А ничего... такъ... грѣхъ...

— Какой грѣхъ?

— О душѣ своей не думаемъ — вотъ и грѣхъ. Только тѣшимъ свою скверную плоть...

— Какой же грѣхъ между мужемъ и женой?

— Ангелы не знаютъ ни мужей ни женъ...

По зимамъ Ефимъ пропадалъ иногда на цѣлую недѣлю и возвращался домой измученный, больной, со странно горѣвшими глазами. Домна потомъ уже узнала, что онъ проводилъ это время у Ираклія на покаяніи. Ираклій скрывался гдѣ-то въ скитахъ, въ горахъ, куда къ нему и сходились. Онъ вербовалъ себѣ самыхъ лучшихъ овецъ, и въ число этихъ лучшихъ попалъ Ефимъ. Разъ онъ сказалъ женѣ прямо:

— Я скоро уйду въ скиты, Домна...

— Тебя Ираклій сманиваетъ?

— Не Ираклій, а совѣсть. Не могу больше терпѣть...

— А какъ же я-то останусь?

— Ступай и ты въ скиты...

— А ребенокъ?

— Ребенокъ останется у стариковъ...

Какъ ни плакала Домна, какъ ни умоляла мужа—Ефимъ стоялъ твердо на своемъ. У молодой бабы совершенно опустились руки... За что же такая напасть? За что разбитая жизнь? А тутъ еще на рукахъ останется ребенокъ хуже сироты. Для Домны ясно было одно, именно, что заводчикомъ всего дѣла былъ владыка Ираклій. Да, онъ сманилъ не одного Ефима и будетъ сманивать другихъ. У Домны явилась страстная жажда мести. Э, пропадать, такъ пропадать всѣмъ, а владыкѣ Ираклію въ первую голову, какъ хищному волку въ овечьей шкурѣ. Случай ей помогъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Батюшка-свекоръ какъ-то проболтался о срокѣ, когда владыка Ираклій поѣдетъ изъ скитовъ на южные уральскіе заводы, и что остановится у нихъ, какъ наказывалъ Ефиму. Старикъ трусилъ впередъ и ворчалъ.

Домна воспользовалась этимъ извѣстіемъ по-своему.

Сейчасъ она лежала и ждала исполненія. И страшно до смерти, и жаль любимаго человѣка, и грѣхъ передъ Богомъ, какъ говорилъ давеча самъ Ираклій. А самое главное, стоило только ей сказать одно слово, и владыка Ираклій спасенъ,—но именно этого слова она и не находила въ себѣ. Ею овладѣла фатальная рѣшимость: пусть будетъ, что̀ будетъ.

Вьюга продолжала гудѣть тысячью звуковъ. Въ одно время кто-то и хохоталъ, и плакалъ, и бѣжалъ, и подкрадывался, и дышалъ тысячью холодныхъ пастей. Спиридонъ Агапычъ даже садился на полатяхъ и начиналъ креститься.

— О, Господи милосливый!..—шепталъ онъ, прислушиваясь къ непогодѣ.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ. Прислушавшись, что всѣ спятъ, онъ потихоньку спустился съ полатей, надѣлъ валенки, полушубокъ, шапку и вышелъ. Въ сѣняхъ онъ прислушался. Читалъ Ефимъ раскольничьимъ речитативомъ акаѳистъ Богородицѣ.

— Матушка Пресвятая Богородица, спаси и сохрани!—помолился старикъ про себя, осторожно выходя изъ сѣней на крыльцо.

Дворъ былъ крытъ наглухо, какъ строятся въ этой полосѣ Урала, гдѣ лѣсу достаточно. Онъ ощупью прошелъ въ конюшню, гдѣ были лошади, и въ темнотѣ началъ обряжать старую бѣлоногую кобылу. Лошадь его узнала и любовно терлась о его рукавъ своей угловатой головой. Захомутавъ ее, онъ осторожно вывелъ изъ конюшни и запрягъ въ легкія пошевни на высокихъ копыльяхъ, на какихъ ѣздятъ въ горахъ по глубокому снѣгу.

„Вотъ такъ-то повѣрнѣе будетъ,—думалъ онъ, стараясь не шумѣть. — Чуть что̀—сейчасъ и изловимъ владыку. Ступай, ищи вѣтра въ полѣ... Не впервой ему отъ никоніанъ спасаться“.

III.

Домна не утерпѣла и выбѣжала въ сѣни послушать, что̀ дѣлаетъ свекоръ-батюшка. По топтанью лошади она поняла, въ чемъ дѣло. Старикъ сильно трусилъ и готовилъ на всякій случай „погоню“. Она стояла въ сѣняхъ босая и не чувствовала холода. Въ задней избѣ продолжалась та же молитва. Заунывное чтеніе Ефима нарушалось только поправками, которыя Ираклій дѣлалъ наизусть—онъ зналъ каноны наизусть.

— ...радуйся многихъ согрѣшеній прощеніе... радуйся любы всяко желаніе побѣждающи...

Былъ моментъ, когда Домна готова была броситься въ заднюю избу, пасть въ ноги владыкѣ Ираклію и покаяться; но послышались шаги батюшки-

свекра, и она убѣжала въ избу. Прилегши на лавку, она опять превратилась въ одинъ слухъ. „Ахъ, скоро все будетъ кончено...“ Ее начинала бить лихорадка. Вьюга выла попрежнему, и попрежнему слышались голоса, подкрадывавшіеся шаги и чье-то жалобное причитанье, какъ причитаютъ по покойникѣ. Заслушавшись вьюги, Домна совсѣмъ не замѣтила, какъ въ избу вошелъ владыка Ираклій, и чуть не закричала, когда онъ въ темнотѣ пощупалъ ее руками.

— Вставай...—шепталъ онъ.—Часъ уже приспѣлъ...

Она поднялась, чувствуя, какъ зубы выбиваютъ барабанную дробь. Владыка Ираклій положилъ ей на голову обѣ руки, что-то шепталъ, а потомъ неожиданно поклонился въ ноги.

— Прости, жено, мою твердость... *Они* уже близко... настало время... Не печалуйся, что черезъ тебя принимаю узилище и душевныя раны... Иду на великій праздникъ неистоваго гоненія... Я все знаю... Слышишь? Это за мной пришли...

Одновременно раздался сильный стукъ въ ворота и въ окно.

— Уходи скорѣе...—заговорила Домна.—Батюшка и лошадь запрягъ... А я ихъ тутъ задержу.

— Отъ воли Божіей не уйдешь...

Въ избу вбѣжалъ испуганный Спиридонъ Агапычъ и потащилъ владыку за рукавъ.

— Не нужно... Куда ты меня тащишь?—упирался Ираклій.

— Владыко, не погуби ты насъ всѣхъ... Изъ-за тебя вся семья въ разоръ пойдетъ...

Это доказательство подѣйствовало. Спиридонъ Агапычъ накинулъ на Ираклія свою шубу и шапку. Они осторожно вышли на дворъ и пошли къ заднимъ воротамъ, у которыхъ стояла запряженная лошадь.

— Спустись на рѣку...—шепталъ хозяинъ.—А потомъ поверни направо... тамъ выпадетъ тебѣ куренная дорога...

Спиридонъ Агапычъ торопливо отворилъ ворота и сразу попалъ въ руки четверыхъ мужиковъ.

— Держи его!—громко крикнулъ кто-то.—Э, какой здоровущій архирей... Вяжи его, братцы!

— Братцы, да тутъ два архирея!..—крикнулъ другой голосъ.—Этотъ совсѣмъ маленькій...

— Вяжи и его на случай! Да ворота отоприте Палъ Митричу... Сразу двухъ архиреевъ накрыли.

Черезъ минуту вся передняя изба была занята понятыми и переодѣтыми стражниками. Въ переднемъ углу сидѣлъ знаменитый становой Палъ Митричъ, сухой и жилистый мужчина съ рыжей бородой. Онъ потиралъ одно колѣно и говорилъ совершенно равнодушно:

— Ну и погодка... Настоящая волчья ночь. Который я разъ тебя ловлю, владыко Ираклій?

Владыка Ираклій молчалъ, опустивъ глаза. Спиридонъ Агапычъ совершенно растерялся. У него тряслись руки и ноги. За нимъ стоялъ Ефимъ и смотрѣлъ на станового спокойными строгими глазами.

— Д-да, погодка...—продолжалъ думать вслухъ Палъ Митричъ.—Хорошій хозяинъ собаку на улицу не выгонитъ. Д-да... Ну, а ты, сахаръ, что скажешь?—обратился онъ къ Спиридону Агапычу.

— Я его совсѣмъ не знаю, ваше высокое благородіе... Это какой-то бродяга попросился переночевать.

— Такъ, такъ... Ну и погодка. Такъ ты его счелъ за бродягу? Отлично... Пожалѣлъ, что можетъ замерзнуть? Превосходно... Такъ и запишемъ: добрый мужичокъ Спиридонъ.

Это издѣвательство заставило выступить впередъ Ефима. Онъ тряхнулъ головой и заявилъ:

— Отецъ ничего не знаетъ, Палъ Митричъ. Прикажите меня взять— мое все дѣло...

Становой равнодушно посмотрѣлъ на него своими по-дѣтски голубыми глазами и, мотнувъ головой стражнику, лѣниво проговорилъ:

— Завяжите и этого сахара узелкомъ...

Въ отвѣтъ послышались глухія рыданія Домны.

КРУПИЧАТАЯ.

I.

Вечеръ. Накрапываетъ мелкій осенній дождь, точно просѣянный сквозь тонкое сито. По дорогѣ медленно двигаются обозы. Бѣдныя лошади вязнутъ въ липкой глинѣ и едва тащатъ тяжело нагруженныя телѣги.

„И куда это только везутъ столько товару?—думала Афимья [illegible] по грязи.—Везутъ, везутъ, и конца-краю нѣтъ... А все въ Торговищ[illegible], на ярманку. Богатые московскіе купцы наѣхали теперь“.

Итти пѣшкомъ было тяжело, и Афимья дѣлала частыя передыш[illegible]. У ней захватывало духъ. А итти было нужно, чтобы поспѣть въ Т[illegible] пока еще на постояломъ не заснули. Отъ Притыки до Торговища трактомъ считалось двѣнадцать верстъ. Была и прямая дорога, лугами, но Афимья ночнымъ дѣломъ боялась итти по ней: долго ли до грѣха, ярмарочное время, еще обидятъ какъ разъ, а по тракту народъ день и ночь валомъ валит[illegible]. Собственно, Афимья боялась не за себя—что̀ съ нея взять, больной и старо[illegible], а за таскавшуюся за ней дочь, Соньку.

— Устала, Сонька?—спрашивала Афимья время отъ времени, и въ [illegible] голосѣ звучала какая-то боязливая нѣжность.

— Ѣсть хочу, мамынька...

— Ну, придемъ на ярманку, тамъ у тетки Егорихи перекусимъ... Дастъ чего-нибудь поѣсть. У нихъ теперь всего достаточно...

Сонька ничего не отвѣчала, и мать слышала только, какъ она въ темнотѣ шлепала босыми ногами. И сарафанишко на Сонькѣ дыра на дырѣ, и кафтанишко весь обносился,—стыдно въ люди показаться. У себя-то въ Притыкѣ хоть въ чемъ ходи, привыкли ужъ всѣ къ непокрытой бѣдности. Охъ, горькое дѣло эта бабья бѣдность, когда ниоткуда никакой подмоги. Живутъ же другіе люди на бѣломъ свѣтѣ... Эти горькія мысли стояли у Афимьи на сердцѣ, какъ давнишнее несчастіе.

Было уже часовъ девять, когда вдали мелькнуло неясное зарево отъ ярмарки въ Торговищахъ. Тамъ все было устроено на городскую руку: и фонари, и трактиры, и театръ—однимъ словомъ, чего душа проситъ. У Афимьи дрогнуло сердце, когда выступило впереди это ярмарочное зарево, и она опять присѣла на первый камень, чтобы перевести духъ. Въ темнотѣ слышно было, какъ тяжело катились по грязной, избитой дорогѣ возы съ кладью, какъ фыркали лошади, почуявшія близкій ночлегъ, какъ переговаривались ямщики, шагавшіе по грязной дорогѣ рядомъ съ возами. Подъ самымъ Торговищемъ мѣсто было безпокойное: того и гляди, товаръ срѣжутъ, а то и цѣлый возъ стащатъ. На тракту въ ярмарку сильно пошаливали, такъ что былъ даже устроенъ казачій „бекетъ“.

Сонька плелась за матерью съ равнодушной покорностью и ни разу даже не спросила, куда и зачѣмъ онѣ идутъ. Такая ужъ она выросла, точно деревянная. Вотъ ѣсть да спать, такъ ее поискать. Задыхавшаяся отъ ходьбы Афимья чувствовала теперь какое-то озлобленіе противъ рослой и здоровой дочери, точно она отняла у матери всю силу.

— Все бы ты только жрала...—ворчала Афимья, поднимаясь.—Эхъ, затемнѣли мы, пожалуй, тетка-то Егориха укладется спать.

А зарево все разгоралось, точно отъ настоящаго пожара. Мѣсто было ровное, степное, а по нему, какъ по блюду, катилась степная рѣчонка Мурмолка. Торговище появилось всего лѣтъ сорокъ, когда въ степи, на берегу Мурмолки, была найдена явленная икона Парасковеи Пятницы. Для иконы поставили деревянную часовенку, а около часовенки выросъ степной сибирскій торжокъ. Стали наѣзжать по осени, когда убирался хлѣбъ, краснорядцы изъ ближайшаго степного городка и торговали всякимъ товаромъ прямо съ возовъ, потомъ выросли ярмарочные балаганы, лари и деревянные „ряды“, и въ результатѣ получилось Торговище. Сейчасъ это было настоящее село въ нѣсколько улицъ и съ каменной церковью. Нѣсколько каменныхъ двухъэтажныхъ домовъ, деревянный ярмарочный театръ и каменныя торговыя бани на Мурмолкѣ придавали ему даже городской видъ, какъ увѣряли мѣстные патріоты. Но жизнь въ Торговищѣ продолжалась ровно мѣсяцъ, пока происходила ярмарка, а затѣмъ это село засыпало на цѣлый годъ вплоть до слѣдующей ярмарки. Больше половины домовъ заколачивалось наглухо, и Торговище являлось какимъ-то мертвымъ селомъ. Оставались только такъ называемые „жильцы“, т.-е. оставшіеся караулить мертвые дома. Одиннадцатимѣсячный сонъ съ лихвой выкупался лихорадочнымъ оживленіемъ дикаго ярмарочнаго мѣсяца, когда днемъ кипѣла торговля, а ночью гремѣли своими машинами трактиры, распѣвали хоры арфистокъ и до утренней зари творилось всякое ярмарочное безобразіе.

Афимья вошла въ ближайшій постоялый дворъ, запруженный обозными телѣгами и экипажами. Она прошла прямо въ заднюю избу, гдѣ была „стряпущая“ тетки Егорихи. Передняя изба была набита биткомъ ямщиками, мелкими торговцами, прасолами и пріѣхавшими на ярмарку мужиками, но мѣста нехватило, и часть постояльцевъ перебралась въ стряпущую, гдѣ управлялась тетка Егориха у громадной русской печки.

Тетка Егориха не выразила особенной радости, когда увидѣла Афимью.

— Давно не видались...—ворчала дворничиха, орудуя ухватомъ.— Сперва-то я тебя и не признала, Афимья: краше въ гробъ кладутъ.

— И то помирать пора, Егориха... Въ чужой вѣкъ живу.

— На ярмарку помирать приволоклась?—ядовито замѣтила Егориха, оглядывая стоявшую рядомъ съ матерью Соньку.—А это нешто дочь тебѣ приходится?

Афимья застыдилась и только тяжело вздохнула, а Егориха оглядывала Соньку съ ногъ до головы и качала головой.

— Ну и выростила дѣвку, нечего сказать... Въ кого она такая-то уродилась у тебя крупичатая?.. Не ущипнешь...

— Пятнадцать годковъ минуло въ Успенскомъ посту... На бѣдность Богъ здоровья посылаетъ. Можетъ, въ горничныя куда опредѣлю...

— Такъ,—протянула Егориха и усмѣхнулась.—Ну, я съ тобой покалякаю потомъ, а сейчасъ-то мнѣ не до тебя. Какъ береста на огнѣ, кручусь я день-то денской... А ты, дѣвонька, ужо поѣшь,—проговорила она Сонькѣ,— да вотъ на лавочку за печкой и приляжь... Утро вечера мудренѣе.

Она сунула гостьѣ кусокъ пирога и деревянную чашку со щами. Сонька присѣла къ столу и принялась съ жадностью за непривычную ѣду: дома она и во снѣ не видала такихъ щей. А Егориха смотрѣла на Сонькины голыя ноги, покрытыя грязью, на заплатанный вылинявшій сарафанишко, и опять качала головой, переполненной бабьими мыслями. Очень ужъ красива изъ себя издалась дѣвка: кровь съ молокомъ. Волосъ русый, мягкій, шелкъ-шелкомъ, глазъ сѣрый съ поволокой, румянецъ во всю щеку, а тѣло бѣлое-бѣлое, какъ у городской барыни... Ну и уродилась дѣвка, всему міру на украшеніе. Однимъ словомъ: крупичатая. Егориха подлила Сонькѣ щей вторую чашку.

— Ее не накормишь, прорву,—замѣтила Афимья.

— Пусть поѣстъ нашихъ ярмарочныхъ-то щей... Ѣшь, касатка.

Сонька наконецъ наѣлась, вытерла ротъ, по-деревенски, рукой и зѣвнула: ее томилъ крѣпкій молодой сонъ. Тетка Егориха увела ее за печку и сама уложила спать.

— Размалѣла дѣвонька...—смѣялась Егориха, возвращаясь къ своимъ ухватамъ.—Это ее съ ѣды разобрало: какъ пьяная, такъ съ ногъ и валится. И красоту же ты выростила, Афимьюшка...

— Никто ея не ростилъ; сама выросла. Телка холмогорская... Смучилась съ ней. Самой ѣсть нечего... голь непокрытая... Избенка провалилась совсѣмъ... Помереть бы такъ въ самую пору. А она, Сонька, какъ на зло, вонъ какая лупоглазая...

Тетка Егориха слушала эти жалобныя рѣчи въ полъ-уха, потому что нужно было накормить запоздавшую ямщину; Афимья сидѣла на лавкѣ противъ печи и слипавшимися глазами наблюдала лошадиную работу ярмарочной стряпухи. Проворная была баба, хотя и въ годахъ,—за пятьдесятъ перевалило. Лицомъ не вышла тетка Егориха, такая рябая да скуластая, а ужъ все остальное, какъ у возовой лошади. Рядомъ съ этой бабой-богатыремъ Афимья чувствовала себя уже совсѣмъ несчастной и никуда негодной.

— Эй, тетка, поворачивайся!—покрикивали ямщики изъ-за стола.

— Угорѣла я поворачиваться-то для васъ,—огрызнулась Егориха.

Обозные ямщики ѣли, какъ ѣдятъ только обозные ямщики: цѣлый котелъ однѣхъ щей съѣли, пока отъ самихъ не пошелъ паръ, какъ отъ загнанныхъ лошадей. А тамъ еще каша, да пирогъ съ просомъ, да пирогъ съ соленой моксуниной, да толокно съ сусломъ. Ѣли до того, что приходилось распоясываться, потомъ отдыхать, запивать квасомъ и снова ѣсть. Изъ ѣдоковъ больше обозной ямщины ѣдятъ одни пильщики. Афимья сидѣла и смотрѣла на всѣхъ, какъ смотритъ чужой человѣкъ, который боится „просидѣть мѣсто“ въ чужомъ домѣ. Она чувствовала себя среди этихъ работящихъ могучихъ людей еще несчастнѣе, еще бѣднѣе, какъ, вѣроятно, чувствовала бы себя заплата на изношенномъ платьѣ, если бы только она могла чувствовать.

II.

— Ну, теперь мы съ тобой перекусимъ, чѣмъ Богъ послалъ,—говорила тетка Егориха, накормивъ ямщину.—Бываетъ и свиньѣ праздникъ: такъ и мое дѣло... Ты, поди, притомилась съ дороги-то, сердяга?

— Нѣтъ... неможется мнѣ... Вся не могу...

— А мы полѣчимся малымъ дѣломъ...

Тетка Егориха поставила на столъ сороковку и налила по рюмкѣ. Афимья начала-было отказываться, но хозяйка заставила ее выпить.

— Съ устатку-то оно пользительно, Афимья: по всѣмъ суставчикамъ,

по всѣмъ жилочкамъ прокатится. Давно я тебя не видала... Гляжу давѣ на тебя и думаю: „помреть Афимья не сегодня—завтра“... До Рождества, поди, не дотянуть?..

— Гдѣ тутъ дотянуть, когда съ ногъ валюсь...

— Вотъ, вотъ... Безпремѣнно этакъ въ посту помрешь, ежели протянешь до поста-то. Охъ, горькая... Да ты ѣшь больше, можетъ, силы-то прибавишь.

Угощая Афимью, Егориха, главнымъ образомъ, не забывала себя и хлопала одну рюмку за другой. Скоро лицо у ней раскраснѣлось, какъ кумачъ, глаза налились кровью, а языкъ началъ заплетаться.

— Нѣтъ. Сонька-то у тебя... а?—повторяла она.—Рѣпа другая такая-то уродится: ядреная, да бѣлая, да ямистая... Ну что же, ей же лучше, значитъ, Сонькѣ твоей. Вѣрно я говорю?.. У меня есть и сарафанишко ситцевенькій, и ботинки козловыя, и платочекъ—обрядимъ дѣвушку, какъ слѣдовастъ. Кому ее такую-то грязную да рваную нужно... Да косу-то ту-угую заплетемъ, волосъ къ волосу, чтобы все формепно. А ты не сумлѣвайся: не ты первая, не ты послѣдняя... Охъ, и грѣхъ только съ этими дѣвками!.. Я-то не занимаюсь этимъ дѣломъ, а такъ, пожалѣю иногда, ну, сарафанишко дамъ, ботинки, платочекъ—для этого и держу... Не первая твоя-то Сонька. Послѣ какое спасибо говорятъ теткѣ Егорихѣ...

— Да ужъ не оставь, будь добренькая... Въ своей кожѣ не выведешь ее на люди-то.

— И много ихъ, такихъ-то, каждую ярманку изъ деревень привозятъ: изъ вашей Притыки, изъ Облѣпихи, изъ Парменовскаго волока—со всей округи дѣвокъ на ярманку волокутъ на службу.

Оглядѣвшись, Егориха подсѣла совсѣмъ близко къ Афимьѣ и принялась нашептывать:

— Ты только, мотри, сама все дѣло оборудуй, а то есть тутъ такія бабешки, которыя окручиваютъ дѣвокъ... Какъ разъ ничего не получите. Мнѣ-то все равно, а жаль, ежели дѣвушка даромъ пропадетъ. Вчужѣ жаль... Ну, такъ ужъ ты сама. Да что я учу-то тебя, глупая: лучше меня понимаешь...

Афимья опустила глаза.

— Тошнехонько самой-то,—прошептала она.—Тоже вѣдь родная дочь, хоть и не въ законѣ...

— Эка невидаль: одинова по рядамъ пройти... Больше и не допустятъ. Да я бы сама, кабы могла удосужиться... Въ лучшемъ бы видѣ все устроила, сдѣлай милость. Вотъ бы какъ: комаръ носу не подточитъ... Главное, не продешевить бы такую кралю писаную. Вѣдь такой другой и не сыскать... Право! Личико-то еще ребячье, а сама ужъ вполнѣ—лучше этого скусу не бываетъ...

У Афимьи тоже начинало шумѣть въ головѣ отъ выпитой водки. Непривычное дѣло, да и слаба она была, а тутъ какъ будто и легче. Э, все равно, не подыхать же, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду...

— А мнѣ плевать...—храбрилась Афимья, стукая кулакомъ по столу.—Кто Соньку замужъ возьметъ? Съ лица-то не воду пить, а женихи выглядываютъ, гдѣ приданаго больше дадутъ... А у насъ одно приданое—голь перекатная. Истомилась я, тетка Егориха... Вытянулась... вся не могу. Ну, теперь Сонькина очередь...

— Да ты что Сонькой своей бахвалишься-то?—вздорила пьяная Егориха.—Гладкая дѣвка, нечего сказать... А только нонѣ по деревнямъ кругомъ такихъ крупичатыхъ дѣвокъ не обернешься: все московскіе гостинцы.

Куда ни поглядишь—всѣ дѣвки на подборъ... Раньше-то этого въ заведеніи не было. Стыдились тоже... А нынче только давай денежки... Такая-то дѣвушка, ежели съ умомъ, ярманки двѣ-три поживетъ въ Торговищѣ, такъ любой женихъ возьметъ, потому—у ней свои деньги...

— У насъ въ Притыкѣ послѣ каждой ярманки свадьбы играютъ... Не брезгаютъ... Ничего...

— Вездѣ такъ-то, Афимьюшка... Это прежде строгость была на дѣвокъ, а нонѣ развѣй горе веревочкой. Вотъ, хоть тебя взять: изъ-за пустяковъ ты пропала тогда...

— А сраму-то сколько напринималась, тетка Егориха?—плакала Афимья, отмахиваясь рукой.—Проходу не давали по деревнѣ, какъ тяжелой ходила, а потомъ, какъ Соньку родила—пуще того срамъ... Ребятишки Соньку и посейчасъ корятъ: „ярманочный колачъ". У насъ всѣхъ такъ, кто не въ законѣ... Ну, а ей ребячьимъ дѣломъ обидно, жалуется, а больно-то все же мнѣ.

— И не говори, всякій издѣвался бы надъ нашей сестрой... Такъ, здря ты пропала, Афимьюшка. Вотъ погляди, какъ Сонька замужъ выскочитъ, ежели съ умомъ... Нонѣ-то она еще молода, а черезъ годъ выйдетъ.

— Боюсь я... совѣстно тоже въ ряды выходить.

— Ахъ, дура, дура... Какая тамъ совѣсть, коли съ голоду подыхать приходится. А вы такъ сдѣлайте: будто на приданое собирать пошли по рядамъ... Это наши же бабешки придумали. Ну, купцы и будутъ присматривать Соньку... Да не льститесь на молодыхъ: молодые-то обманчивы... Да отъ молодого-то сразу съ гостинцемъ уйдетъ. А выбирайте этакого старенькаго, поласковѣе... Ужъ старенькій-то не обидитъ... Много ли ему надо, а за свою охотку озолотитъ. Погонные есть старички на такихъ вотъ дѣвчонокъ... Имъ не надо другую, а давай вотъ этотъ самый скусъ.

— Слыхала...

— И озорства отъ старенькаго не будетъ, а все честь-честью. Не обидитъ сироту... Ужъ я эти дѣла вотъ какъ знаю: тоже на людяхъ болтаюсь. Кабы сама молодая была, такъ не ломалась бы въ стряпухахъ, да ужъ изъ годковъ вышла... Тьфу!.. Мелю, и сама не знаю что̀...

Весь постоялый давно спалъ, только въ стряпущей горѣла оплывшая сальная свѣчка, слабо освѣщавшая бесѣдовавшихъ женщинъ. Тетка Егориха уже давно клевала носомъ, но бодрилась, подогрѣтая этими ярмарочными душевными разговорами. Дальше начались ужъ настоящіе „бабьи шопоты".

— Я такъ полагаю, что четвертной билетъ... — шептала Афимья.

— Дура ты, вотъ что̀... Безъ сотельной и не разговаривай...

— А не дадутъ?

— И съ удовольствіемъ... Двѣ со̂тельныхъ отвалитъ старенькій-то, ежели разгорится сердцемъ. Бѣ-ѣдовые изъ нихъ издаются... Ничего не жаль!..

Тетка Егориха такъ и заснула, повалившись на столъ, а Афимья прилегла на лавочку да такъ и не могла глазъ сомкнуть вплоть до бѣлаго свѣта. И тяжело ей дышать, и грудь поетъ, и холодомъ обдаетъ, а въ головѣ мысли разныя, какъ камни, пересыпаются. Закроетъ глаза, какъ будто забудется, и сейчасъ же вздрогнетъ... Страхъ на нее нападаетъ. Давно это было, какъ ее, круглую сироту, привезла на ярмарку двоюродная тетка и продала одному молодому купцу. Конечно, какой разумъ у глупой дѣвчонки по шестнадцатому году — радехонька, что сарафанъ новый купецъ подарилъ, да ботинки, да платокъ. Да и купецъ нравился — бѣлый да румяный, какъ теперь Сонька. Вся въ него уродилась... Обѣщался въ другой годъ пріѣхать... Воротилась

Афимья съ ярмарки домой и почувствовала себя беременной. Пошла къ теткѣ, а та ее срамить, да въ шею. Такъ и износила свое безчестье Афимья одна и чуть рукъ на себя не наложила. Потомъ родилась Сонька... Тутъ и стыда не стало, а начала Афимья ждать ярмарки осенью въ Торговищѣ: пріѣдетъ Василій Иванычъ, какъ звали Сонькина отца, и поможетъ ей, а то и совсѣмъ увезетъ. Что̀ ему стоило, Василію Иванычу,—богатый купецъ и три лавки съ краснымъ товаромъ въ рядахъ держалъ. Только фамилію купца Афимья забыла, да и раньше не знала... И ждала же она этой ярмарки, какъ Христова дня: недѣли считала, дни считала, часы считала. Не каменный же человѣкъ Василій Иванычъ: увидитъ свою кровь Соньку и сжалится. Намаялась она за его лакомство, настыдилась, а дѣвичьихъ слезъ и не пересчитать.

Наступила и ярмарка. Захватила Афимья съ собой Соньку и отправилась въ Торговище. Чего только ни передумала она, когда подходила къ рядамъ, гдѣ торговали краснымъ товаромъ. Вотъ и лавки Василія Иваныча... Подошла она къ первой, гдѣ онъ самъ сидѣлъ, и видитъ, что кто-то другой торгуетъ. И сердитый такой...

— Мнѣ бы Василія Иваныча повидать... Онъ здѣсь торговалъ.

— Никакого Василія Иваныча нѣтъ, да и не было никогда.

— Ну, ужъ это я знаю, какой Василій Иванычъ былъ...

— А знаешь, умница, такъ поищи хорошенько.

Сошлись купцы и подняли на смѣхъ несчастную Афимью, а она разревѣлась,—имъ еще смѣшнѣе.

— Ты бы на него тогда колокольчикъ надѣла, чтобы не потерялся, — высмѣивали московскіе краснорядцы-зубоскалы. — Фамилія-то какъ будетъ?

— Василій Иванычъ...

Такъ и ушла Афимья ни съ чѣмъ, кромѣ того, что набралась новаго сраму.

И вторую ярмарку такъ же было, и третью: пропалъ Василій Иванычъ, точно въ воду канулъ. Стала перебиваться Афимья отъ ярмарки до ярмарки, потомъ служила горничной, потомъ кухаркой на той же ярмаркѣ, пока была въ силахъ. Такъ и износилась заживо...

III.

На другой день утромъ тетка Егориха поднялась въ дурномъ расположеніи духа: у ней трещала голова съ похмелья. На Афимью съ Сонькой она не обращала никакого вниманія и съ особеннымъ ожесточеніемъ совала свои котлы въ топившуюся печь. Афимья не рѣшалась первой завести рѣчь объ обѣщанной одежѣ и терпѣливо ждала, когда тетка Егориха заговоритъ сама.

Немного прочухавшись, стряпуха добыла изъ сундука сарафанъ изъ дешевенькаго ситца, ботинки и платокъ.

— Ну-ка, рвань деревенская, оболокайся! — сердито командовала Егориха, тыкая въ носъ Сонькѣ своей одеждой.—Да рожу-то сперва вымой...

Туалетъ происходилъ за печкой, чтобы не видно было мужикамъ. А потомъ тетка Егориха устыдилась собственной грубости, посадила Соньку на лавку и сама расчесала ей голову и заплела тугую косу.

— Ну, дѣвушка, теперь совсѣмъ... — проговорила Егориха, оглядывая Соньку съ ногъ до головы. — Кабы тебѣ прицѣпить хвостъ, такъ полная бы барыня вышла... Пора, Афимьюшка. Эхъ, жисть наша бабья...

Послѣ безсонной ночи Афимья едва держалась на ногахъ. Когда-то красивое лицо было покрыто мертвой блѣдностью. Сонька ничего не понимала, для чего ее обрядили, и вопросительно смотрѣла то на мать, то на тетку Егориху.

— Ну, ступайте, горькія... — выпроваживала ихъ Егориха. — А ты, Афимьюшка, попомни мой-то наказъ... Ну, чего еще стоите столбами, деревня немшоная!..

Афимья плохо помнила, какъ онѣ вышли на улицу, какъ дошли до церкви, какъ повернули мимо ярмарочныхъ палатокъ и ларей къ деревяннымъ рядамъ, пестрѣвшимъ яркими вывѣсками. Народу было нетолченая труба, и Афимья боялась только одного, какъ бы не встрѣтить своихъ притыканскихъ: увидятъ обряженную Соньку и подымутъ на смѣхъ.

Вотъ и ряды съ красными товарами... Афимья остановилась перевести духъ: ее точно душила какая-то невидимая рука, а въ глазахъ шли круги и красныя пятна. Сонька съ любопытствомъ глазѣла на пеструю толпу, сновавшую у рядовъ. Шли, ѣхали, галдѣли, размахивали руками, божились, ругались—однимъ словомъ, ярмарочная толпа. Главными покупателями являлись, конечно, деревенскіе. Около рядовъ особенно много было бабъ. Изъ сотни этихъ толкавшихся и глазѣвшихъ бабъ покупала одна, а остальныя могли только завидовать этимъ рѣдкимъ счастливицамъ. Главная покупка краснаго товара шла на осеннія свадьбы. Краснорядцы выскакивали изъ лавокъ и зазывали покупателей съ московскимъ нахальствомъ, чуть не хватая ихъ за горло.

— Эй, тетка, у насъ покупала!—ревѣлъ краснорожій молодецъ, галантно изогнувъ весь свой корпусъ.—Сегодня на деньги—завтра въ долгъ... Лутчіе ситцы! Миткаль! Плисъ... Иголки, нитки, тесемки, каленкоръ!..

— Сукно, сатинъ, треко, драпъ!.. Пальты готовыя!.. Пожжалуйте... Безъ запросу... Кто купитъ — три года спасибо говоритъ и другихъ къ намъ же посылаетъ. Шерстяныя матеріи... люстринъ... бумазея...

Гдѣ-то въ ближайшемъ балаганѣ немилосердно наяривала охрипшая шарманка, и неистово выкрикивалъ Петрушка: „Кар-раулъ... ограбили! Утащили шапку изъ ековаго мѣху, да шубу на мѣху изъ гусиныхъ лапокъ, да желѣзную трубу отъ серебрянаго самовара, да прошлогодняго снѣгу возъ, да два фунта дыму... Ой, батюшки, ограбили!..“

У Афимьи захолонуло на сердцѣ, когда онѣ подошли къ первой лавкѣ. Она вошла и остановилась у порога, заслонивъ Соньку однимъ бокомъ.

— Тетка, что покупаешь?—присталъ къ ней краснорожій молодецъ.

— Мнѣ бы хозяина повидать...

Молодецъ смѣрилъ Афимью съ головы до ногъ, осклабился и молча ткнулъ пальцемъ на конторку, за которой стоялъ бородатый купецъ.

— Не будетъ ли милости на бѣдность...—заговорила Афимья.—Дочь вотъ невѣста... Замужъ хочу выдавать...

Купецъ отодвинулъ счеты, поднялъ глаза на просительницу и отрѣзалъ:

— Мы эфтакими дѣлами не занимаемся... Проходи. Эй, вы, очертѣлые, зачѣмъ всякую шваль пущаете?..

Когда Афимья вышла изъ лавки, между молодцами поднялся шопотъ и смѣхъ.

— Невѣсту повели!..—галдѣли краснорядцы.—Кто дороже дастъ!.. А дѣвка ничего: макъ...

Во второй лавкѣ Афимью и Соньку обступили молодцы и загалдѣли прямо въ лицо: хозяина не было въ лавкѣ.

— А жениха-то гдѣ возьмешь, тетка?.. Тоже бы привела показать: оно бы куда жалобнѣе вышло.

Старый сѣдой приказчикъ, стоявшій у кассы, сердито отплюнулся и, сунувъ Афимьѣ двугривенный, выпроводилъ ее.

— Иди-ка, матушка, лучше домой да не срами дочь... — посовѣтовалъ

онъ. — Тоже, крестьяны здѣшніе: въ конецъ около ярмарки измалодушествовались. Родную дочь повела...

Въ третьей лавкѣ хмельной купчикъ подарилъ Сонькѣ платокъ и все хотѣлъ ее обнять, но она убѣжала. Кое-гдѣ давали мелкую монету или обрывокъ ситца и вездѣ встрѣчали и провожали шуточками, насмѣшками и грубымъ издѣвательствомъ. У Соньки выступали уже слезы на глазахъ, и она одной рукой крѣпко уцѣпилась за мать.

— Мамынька, пойдемъ домой... — шептала она.

Безъ того взволнованная и огорченная, Афимья ударила Соньку кулакомъ въ бокъ такъ, что та разревѣлась совсѣмъ ужъ не къ мѣсту. Ихъ окружила хохотавшая толпа.

— Вотъ такъ невѣста!.. О-хо-хо!.. Ее еще съ ложки кашей надо кормить.

Взбѣшенная Афимья ударила Соньку по лицу, а потомъ схватила за косу и сбила платокъ съ головы. Кругомъ стоялъ настоящій стонъ отъ хохота. Но вдругъ толпа разступилась, и подошелъ сѣденькій розовый старичокъ.

— Нехорошо, милая... ахъ, нехорошо!—уговаривалъ онъ расходившуюся Афимью, придерживая ее за руку. — Первое дѣло, въ публичномъ мѣстѣ не дозволено производить скандалъ, а второе... Эй, вы, что вы, въ самомъ-то дѣлѣ, проходу не даете бабѣ! Ну, ступай, милая, своей дорогой...

Афимья обрадовалась случаю и чуть не бѣгомъ потащила Соньку впередъ, только бы уйти изъ проклятыхъ рядовъ. Когда она шла уже по площади, ее догналъ купеческій молодецъ и таинственно пригласилъ слѣдовать за собой. У Афимьи екнуло сердце, какъ у рыбака, у котораго клюнула большая рыба. Молодецъ повелъ женщинъ позади рядовъ, гдѣ свалены были пустые коробья, сундуки и всякій хламъ, а потомъ задней дверкой въ какую-то контору при лавкѣ. Тамъ уже ждалъ ихъ тотъ самый сѣденькій старичокъ, который только-что освободилъ ихъ отъ нахальной толпы. Онъ сдѣлалъ молодцу знакъ, и тотъ исчезъ, какъ тѣнь.

Старичокъ приперъ дверь и заговорилъ:

— Ну, невѣста, будетъ тебѣ ревѣть-то... хе-хе! Слезы-то твои ужо шелковымъ платочкомъ утремъ.

— Дѣвичье дѣло... застыдилась малымъ дѣломъ...—оправдывалась Афимья, оправляя платокъ на головѣ Соньки.—Пристали охальники... ржутъ...

— Все исправимъ...—повторялъ старичокъ, притягивая Соньку къ себѣ за руки. — Сколько тебѣ лѣтъ? А зовутъ какъ?.. Словомъ, дѣвушка, нечего сказать: ходить бы тебѣ въ кумачѣ да въ шелку.

Онъ ласково потрепалъ ее по заалѣвшей щекѣ, а самъ такъ и впился въ нее глазами. Очень ужъ аппетитная штучка... Всѣмъ взяла — и ростомъ, и лицомъ, и румянцемъ, а глаза совсѣмъ бархатные. Сонька тоже смотрѣла на ласковаго старичка и улыбалась: ей вдругъ стало весело. Вотъ эта улыбка, точно обухомъ, ударила старика по головѣ... Онъ выпустилъ Сонькину руку и самъ поблѣднѣлъ. Губы что-то шептали и не могли выговорить. Старикъ смотрѣлъ то на мать, то на дочь и напрасно старался что-то припомнить, какъ неожиданно разбуженный человѣкъ припоминаетъ вылетѣвшій изъ головы яркій сонъ.

— Такъ... такъ...—шепталъ онъ.—Софьей, говоришь, звать?.. Да... Такъ-съ. А тебя Афимьей?.. Ну-ка, ты, Сонюшка, выдь малымъ дѣломъ, а мы тутъ потолкуемъ...

Когда дѣвушка вышла, старикъ ухмыльнулся, приперъ дверь и вполголоса повелъ переговоры. Афимья старалась не смотрѣть на него и машинально повторяла подсказанную Егорихой цифру.

— Дорожишься маленько...—торговался старичокъ, соображая что-то про себя.—Такихъ-то невѣстъ по ярмаркѣ ходитъ сколько угодно...

— Много ихъ, да супротивъ моей Соньки рожей не вышли...

— Такъ, такъ... Вотъ что̀ я скажу тебѣ, миленькая: ты посиди пока здѣсь съ Сонькой-то, а я за деньгами въ банкъ съѣзжу. При себѣ-то такихъ большихъ денегъ не держу...

Афимья согласилась. Старичокъ впустилъ Соньку и по пути ущипнулъ ее за щеку.

— Подождите меня, красавицы, а я живой рукой оберну.

Старичокъ еще разъ пощипалъ Соньку по щекѣ и, приподнявъ ея лицо за подбородокъ, проговорилъ:

— Ну, улыбнись, ягодка... хе-хе!..

Онъ опять впился въ нее своими ласковыми глазами и опять почувствовалъ себя жутко, когда Сонька засмѣялась отъ щекотки.

„Она и есть!..“—думалъ старикъ, припирая дверь, чтобы гостьи не ушли безъ него.

Онъ ужасно торопился и, схвативъ перваго извозчика, велѣлъ ѣхать къ исправнику. На его счастье исправникъ былъ дома. Старикъ сунулъ стражнику какую-то мелочь и просилъ доложить о себѣ не въ очередь: другіе просители могли ждать. Исправникъ, Иванъ Семенычъ, зналъ его лично и не заставилъ просить во второй разъ.

— Что̀ такъ ускорился, Василій Иванычъ? — пошутилъ исправникъ, когда старикъ вошелъ къ нему въ кабинетъ.

— Да ужъ такъ-съ... Особенное такое дѣльце-съ, Иванъ Семенычъ. Даже, можно сказать, изъ ума вышибло...

Онъ, видимо, стѣснялся, съ чего начать, и все посматривалъ на дверь, а потомъ махнулъ рукой и торопливо разсказалъ про свою встрѣчу съ Сонькой.

— Ну, такъ что̀ же?—улыбнулся исправникъ, молодцовато подмигнувъ.— Ахъ, шалунъ... Давно надо Богу молиться, а онъ вонъ что̀ придумалъ... Хе-хе!..

— Нѣтъ, вы выслушайте-съ, Иванъ Семенычъ... Дѣйствительно, былъ и такой грѣхъ: польстился. Ужъ очень хороша дѣвочка: одинъ сокъ... Хорошая. Послалъ я за ними молодца, ну, то-се, разговариваю, а какъ она улыбнется, значитъ, Сонька...

— Ахъ, Василій Иванычъ, Василій Иванычъ... Нехорошо...—повторилъ исправникъ, качая головой.—Вѣдь вы, москвичи, весь уѣздъ у меня развратили, а кругомъ Торговища верстъ на двадцать все населеніе незаконнорожденное. Ну-съ, улыбнулась Сонька и...

— Меня точно обухомъ по головѣ: дочь у меня есть, такъ вотъ какъ есть вылитая Сонька... Даже страшно мнѣ сдѣлалось. Потомъ гляжу я на мать-то: мой грѣхъ былъ. Еще подумалъ: какъ разъ годы-то Сонькины сходятся. Ну, ужъ тутъ мнѣ совсѣмъ муторно сдѣлалась: моя кровь эта самая Сонька...

— Вотъ такъ фунтъ!..

— И, напримѣръ, эта ея мать желаетъ непремѣнно продать ее, Соньку, а Сонька, напримѣръ, моя кровная дочь... И продастъ!.. Вотъ я и пришелъ къ вамъ, Иванъ Семенычъ... Явите божескую милость, насчетъ Соньки, напримѣръ, чтобы сраму этого не было...

Иванъ Семенычъ сдѣлалъ большіе глаза и покачалъ только головой: въ его практикѣ это былъ еще первый случай.,

— Что̀ же я могу сдѣлать, Василій Иванычъ? — соображалъ онъ.—Сегодня помѣшаемъ продать — завтра продастъ... Выслать въ деревню могу.

— Нѣтъ, зачѣмъ высылать—опять придетъ. А нельзя ли ее задержать на время ярмарки вмѣстѣ съ дочерью, а потомъ ужъ выпустить? Напримѣръ, я объявлю подозрѣніе на нихъ вотъ сейчасъ же, а вы ихъ на цѣпочку... Жалѣючи Соньку хлопочу, Иванъ Семенычъ. Тоже вѣдь не чужая... Охъ, грѣхи!.. грѣхи!.. И, кромѣ всего этого, я желаю ее обезпечить, значитъ, Соньку...

Старикъ досталъ бумажникъ и выложилъ предъ Иваномъ Семенычемъ пятирублевую ассигнацію.

— Когда изъ высидки выпустите ихъ, такъ это Сонькѣ на приданое,— не безъ самодовольства проворчалъ онъ.—Тоже и на насъ крестъ есть... Можемъ чувствовать.

Афимья съ Сонькой, дѣйствительно, просидѣли всю ярмарку въ кутузкѣ по подозрѣнію въ кражѣ бумажника у Василія Иваныча, а потомъ были выпущены. Сонька не получила и того „приданаго", какое ей оставилъ Василій Иванычъ...

1891.

АВВА.

Очеркъ.

I.

— А у насъ, дѣва, попъ новый... — докладывала мнѣ Фатѣвна, разбитная заводская прасолка. — Совсѣмъ еще молоденькій, а такой, Христосъ съ нимъ...

— Какой?

— Спроси у Андроника, какой... Онъ тебѣ скажетъ!..

Фатѣвна поправила сбившійся на груди длинный передникъ и загадочно хихикнула себѣ въ носъ. Очевидно, Фатѣвнѣ хотѣлось продолжать начатый разговоръ, и она нерѣшительно переминалась съ ноги на ногу, ожидая реплики. Толстая, коренастая, точно сколоченная фигура Фатѣвны такъ и дышала той изворотливостью и неугомонной суетой, какія присущи всѣмъ мелкимъ торговкамъ, промышляющимъ всякую малость однимъ собственнымъ трудомъ. Особенно характерно было лицо Фатѣвны: рябое, морщинистое, съ широкимъ ртомъ, орлинымъ носомъ и сѣрыми ястребиными глазками. Она умѣла все на свѣтѣ видѣть „наскрозь" и рѣзала своимъ языкомъ хуже ножа. Въ своемъ ситцевомъ сарафанѣ, розовой ситцевой рубашкѣ, въ козловыхъ мягкихъ башмакахъ „ступняхъ" и въ какой-то мудреной повязкѣ на головѣ, Фатѣвна выглядѣла настоящей бой-бабой, которой пальца въ ротъ не клади. Говорила она скоро, бормоткомъ, точно сухой горохъ сыпала, и въ тактъ сыпавшимся словамъ сильно размахивала своими длинными руками; особенно интересно умѣла Фатѣвна повертываться на одномъ мѣстѣ стопочкой, точно деревянная кукла на пружинѣ. Впрочемъ, повертывалась она такъ только въ хорошемъ расположеніи духа, а когда ссорилась со своей квартирантой Глафирой, ограничивалась только движеніями одной головы, которую совсѣмъ почти повертывала назадъ, какъ это дѣлаютъ хищныя птицы. Къ числу особенностей Фатѣвны принадлежала привычка всѣмъ безъ различія говорить „дѣва". Теперь, пока я пилъ чай, Фатѣвна подробно „отлепортовала" о новомъ священникѣ, который, очевидно, сильно ее занималъ.

— Ничего, онъ оборотистый, дѣва, — заключила свою рѣчь Фатѣвна, разводя руками, точно сновала пряжу. — Не чета Андронику-то... Только будто у Андроника денегъ много, а такъ, ежели его взять, такъ все равно, что мѣшокъ съ травой, — ничего онъ не стоитъ.

— Что, видно, поссорились опять съ Андроникомъ-то?

— Я?.. Охъ, и не говори!.. Одинъ только грѣхъ, дѣва, съ этимъ Андроникомъ. Прямо сказать... А на его-то деньги мнѣ плевать!.. Мое дѣло женское, каждую копеечку изъ-подъ ноготка добываешь, а и то съ поклономъ

къ Андронику не пойду... Вотъ ужо подведетъ ему животы новый-то. Его отцомъ Егоромъ звать... Ну, я распустила съ тобой басни-то, а ты, поди, ѣсть хочешь?

— Пожалуй...

— Постный день-то сегодня, плохая у насъ ѣда. Разѣ вотъ пирогъ съ грибами немножко отдохнетъ, такъ его тебѣ подать?..

— Ничего и пирогъ...

Фатѣвна повернулась стопочкой и поплыла къ выходу; ходила она, по своей толщинѣ, съ легкимъ перевальцемъ, какъ ходятъ маленькія дѣти.

— А ты пойдешь къ имямъ? — спросила Фатѣвна, останавливаясь въ дверяхъ.

— Къ кому это?

— Обнакновенно къ кому: къ попу Андронику...

— Да вѣдь Андроникъ одинъ...

— Ну, а дьячокъ Паньша, учитель Краснопѣвцевъ, — вѣдь они и днюютъ и ночуютъ у Андроника. И по улицѣ такъ гнѣздомъ и ходятъ... Учитель у насъ недавно, почитай вмѣстѣ съ о. Егоромъ пріѣхалъ, а водку пить — такъ и хлещетъ, такъ и хлещетъ. Какъ-то идутъ мимо насъ, то-есть Паньша съ учителемъ, а Глафира увидала ихъ въ окошко и говоритъ: — „Вотъ, говоритъ, бредутъ двѣ глисты“... Ей-Богу, дѣва!.. У Глафиры въ зубахъ не завязнетъ...

— Мамынька, гдѣ ты запропастилась? — послышался въ сѣняхъ звонкій голосъ единственной дочери Фатѣвны, Ѳеклисты.

— Иду, иду... Экъ тебя взяло!.. Такъ я тебѣ пирога подамъ, не обезсудь на нашей простотѣ.

Бывая въ Мугайскомъ заводѣ, я всегда останавливаюсь въ опалубленномъ домикѣ Фатѣвны не потому, чтобы сама Фатѣвна или ея домъ мнѣ особенно нравились, а просто по старой привычкѣ: остановился разъ, а тамъ и пошло. Да и выбирать собственно было не изъ чего: или на земскую квартиру, или къ Фатѣвнѣ. Я изъ двухъ золъ предпочиталъ послѣднее, потому что на земской квартирѣ ужъ слишкомъ было неприглядно.

Какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему устройству, домикъ Фатѣвны служилъ характернымъ дополненіемъ своей бойкой хозяйки. Онъ стоялъ на высокомъ берегу заводскаго пруда, на самомъ углу улицы, и такъ сыто поглядывалъ кругомъ своими пятью окнами... Желѣзная крыша, бѣленыя трубы, раскрашенныя зеленой краской ставни и рядъ хозяйственныхъ пристроекъ придавали ему типичный видъ купеческой архитектуры средней руки. Такія опалубленныя стѣны, расписныя ставни, крѣпкія ворота и желѣзныя крыши точно отмѣчаютъ накопившееся среди остальной заводской голытьбы плотное довольство тѣхъ счастливцевъ, которые успѣли выдѣлиться изъ остальной человѣческой массы и вполнѣ утвердились на своей линіи. Въ такихъ крѣпкихъ домахъ и живутъ крѣпко, превращая отдѣльные дни въ кольца какой-то желѣзной цѣпи, которая не порвется и всегда постоитъ за себя.

Внутри домъ Фатѣвны былъ устроенъ замѣчательно, въ томъ отношеніи, что въ немъ, точно съ спеціальной цѣлью, были сгруппированы всевозможныя неудобства, какія только можно придумать. Всѣхъ комнатъ было четыре, пятая кухня, но онѣ были такъ расположены, что собственно не было ни одной отдѣльной комнаты, а всѣ были проходныя, такъ что составляли что-то въ родѣ широкаго коридора, раздѣленнаго перегородками съ дверями. Жить въ общечеловѣческомъ смыслѣ въ такихъ покояхъ не было никакой физической возможности, потому что и строились и убирались они преимущественно „на случай гостей“. Эти гости были чѣмъ-то въ родѣ пункта помѣшательства для

Фатѣвны, и она лѣзла изъ кожи, чтобы не ударить въ грязь лицомъ. Съ этой нарочитой цѣлью вездѣ были разостланы чистые половики домашней работы, на окнахъ развѣшены кисейныя занавѣси съ бахромками, на подоконникахъ разставлены мѣщанскіе цвѣты — пѣтухи, герани, красный перецъ и т. д. Мебель, состоявшая изъ расклеившихся ломберныхъ столовъ, подержанныхъ вѣнскихъ стульевъ, пріобрѣтенныхъ по случаю двухъ дивановъ, обитыхъ пестрымъ ситцемъ и жесткихъ, какъ чугунныя плиты, и парадной двухспальной постели, на которой сама Фатѣвна никогда не спала, — эта мебель являлась жалкимъ сколкомъ съ купеческой городской роскоши и наводила тоску на свѣжаго человѣка своимъ безпріютнымъ видомъ, точно здѣсь былъ собранъ музей самыхъ неудобныхъ вещей для домашняго обихода. Прибавьте къ этому, что всѣ наружныя стѣны дома были изрублены окнами, а внутреннія — дверями, такъ что, собственно говоря, негдѣ было поставить кровати. Я устраивался обыкновенно на одномъ диванѣ, который стоялъ подъ тремя окнами, что̀ зимой было особенно неудобно и съ чѣмъ приходилось все-таки мириться, чтобы не ложиться головой къ наружной двери, а ногами къ печи.

Мнѣ обыкновенно приходилось проводить въ Мугайскомъ заводѣ всего нѣсколько дней, и Фатѣвна съ удовольствіемъ уступала мнѣ свои парадныя горницы, вѣроятно, желая блеснуть своей обстановкой предъ заѣзжимъ человѣкомъ, который лучше другихъ могъ оцѣнить всѣ достоинства ея горницъ. Сама Фатѣвна перебивалась съ мужемъ Денисычемъ и косоглазой дочерью Оеклистой въ темной и холодной „куфнѣ“, гдѣ всегда было сыро и пахло гнилью, а зимой холодно, какъ въ погребѣ. Чтобы не нарушать великолѣпія парадныхъ горницъ, Фатѣвна спала даже зимой на полу кухни, подъ тремя шубами, уступая печку Денисычу, а полати Ѳеклистѣ. Благодаря такимъ условіямъ, Фатѣвна цѣлую зиму маялась то зубами, то поясницей, то животомъ, то головой, но я увѣренъ, что въ ея трещавшей отъ угара, холода, сырости и сквозного вѣтра головѣ ни разу не мелькнула мысль о возможности занять, хоть на время, одну изъ горницъ.

— А гости навернутся?! — съ ужасомъ объяснила мнѣ Фатѣвна, когда однажды я намекнулъ ей на такую возможность. — Что̀ ты, что̀ ты, дѣва... Устраивала-устраивала, налаживала-налаживала горницы, а тутъ стану сама же ихъ срамить. Экое ты слово вымолвилъ, дѣва!..

— Хуже постоянно хворать, Фатѣвна, а неровенъ часъ — и Богу душу отдашь, а горницы останутся.

— И пусть останутся, Ѳеклиста будетъ жить... А что̀ насчетъ смерти, дѣва, такъ ты это даже совсѣмъ напрасно, — вонъ наша Глафира скрипитъ, а я противъ нея еще верба вербой. Это господа придумали разныя простуды, а мы и такъ износимъ.

Въ ожиданіи, пока пирогъ съ грибами „отдохнетъ“, я разрѣшилъ почти математическую задачу, въ родѣ четвертаго измѣренія, — какъ устроиться со своими пожитками въ средней горницѣ, на неумолимо-жесткомъ диванѣ, точно набитомъ булыжникомъ. Главное неудобство моей позиціи заключалось, во-первыхъ, въ томъ, что вечеромъ, при огнѣ, въ моей комнатѣ было все видно, какъ въ фонарѣ, потому что парадныхъ занавѣсокъ опускать не полагалось; во-вторыхъ, косая Ѳеклиста имѣла привычку шмыгать черезъ всѣ комнаты какъ разъ въ тѣ моменты, когда только начнешь раздѣваться или одѣваться. Время было лѣтнее, самый полдень; съ улицы такъ и тянуло тяжелымъ зноемъ, самоваръ погасъ и только изрѣдка пускалъ одну протяжную пискливую нотку, точно удавленный. Размѣстивъ свои пожитки частью подъ гостепріимный диванъ, частью въ уголъ, я съ удовольствіемъ мечталъ послѣ отдохнувшаго

пирога вздремнуть гдѣ-нибудь въ прохладномъ мѣстечкѣ, но это благочестивое желаніе было нарушено криками и руганью, которые донеслись со двора. Я распахнулъ окно на дворъ.

— Вонъ онъ, баринъ-то... Онъ все слышитъ! — голосилъ знакомый мнѣ голосъ Глафиры, которая сидѣла на приступкѣ подсарайной, съ чулкомъ въ рукахъ.

— И пусть слышитъ!.. — азартно отвѣчала Фатѣвна, выступая по двору фертомъ и даже поставивъ руки въ боки. — А ты все-таки живая боль... Чего размыргалась, какъ ворона передъ непастьемъ?

— И ты хороша, сухая мозоль, — отвѣчала Глафира, стараясь выдержать незлобный тонъ. — Ровно бы тебѣ, Фатѣвна, и помолчать пора. Правду, видно, говорятъ, что бабье серсо *), какъ худой горшокъ, все бренчитъ. Ты бы хоть чужихъ-то людей постыдилась. Своя дочь на возрастѣ, а дѣвисѣ развѣ пристало твои непогожія рѣчи слушать?

Слабымъ мѣстомъ Фатѣвны была ея „дѣвиса“ Ѳеклиста, которая изъ-за своего косого глаза совсѣмъ „зачичеревѣла“ въ дѣвкахъ, что̀ родительскому сердцу Фатѣвны было особенно прискорбно. Въ крайнихъ случаяхъ Глафира умѣла именно съ этой стороны напасть на Фатѣвну, и послѣдняя лѣзла на стѣну, стараясь, въ свою очередь, отзолотить злыдню Глафирку на всѣ корки. Теперь, когда баринъ въ окошко все видѣлъ и слышалъ, отношенія воюющихъ сторонъ обострились въ высшей степени и перешли въ настоящее ратоборство. Посыпалась обоюдная брань. Фатѣвна въ азартѣ даже бросала щепами въ своего врага, а Глафира плевала въ нее, хотя щепы и плевки и не достигали своихъ конечныхъ цѣлей. Закончилась эта ссора тѣмъ, что обѣ стороны, уставъ ругаться, обратились къ моему третейскому суду, причемъ старались перекричать другъ друга, такъ что понять въ этой сумятицѣ рѣшительно ничего нельзя было, хотя по особенно частому упоминовенію имени Ѳеклисты и можно было догадаться, что дѣло вышло изъ-за нея.

— Мамынька, пирогъ-то отдохнулъ!.. — крикнула Ѳеклиста, появляясь на крыльцѣ въ подтыканномъ ситцевомъ сарафанѣ.

— Ахъ, я дура!.. — обругала себя Фатѣвна, направляясь къ „куфнѣ“. — Простудила совсѣмъ пирогъ-то изъ-за этой злыдни...

— Ступай, ступай, воевода... — поддразнивала Глафира, хихикая короткимъ смѣшкомъ, причемъ закрывала свой ротъ широкой костлявой ладонью. — По словамъ, какъ по лѣстницѣ, ходишь, а баринъ съ голоду умирай...

Фатѣвна, занеся ногу на приступокъ крыльца, остановилась и, обернувшись назадъ, какимъ-то неестественно высокимъ голосомъ закричала:

— А ты, моль, уходи отъ меня!.. Слышишь? Чтобы и духу твоего не было у меня въ дому!

— И уйду... сейчасъ уйду!.. Испугала, подумаешь, своимъ-то домомъ, да я... Важное кушанье: плюнуть и растереть нечего.

— Моль, моль, моль!..

Конечно, вся эта сцена была самымъ невиннымъ упражненіемъ въ краснорѣчіи, чтобы убѣдить барина и весь свѣтъ, какая вѣдьма эта Фатѣвна и какая злыдня Глафирка. Стороны, взывая къ моему третейскому нелицепріятному суду, конечно, разсчитывали каждая исключительно въ свою пользу. Невинными свидѣтелями происходившаго ратоборства, кромѣ меня, были двѣ копавшіяся въ мусорѣ курицы, шарашившійся на длинной привязи теленокъ,

---

*) Къ особенностямъ заводскаго говора на Уралѣ принадлежитъ смягченіе *ц* въ *с*, такъ что говорятъ: серсо вмѣсто сердце, сарь вмѣсто царь, дѣвиса, рукависы и т. д.

лаявшая на воздухъ цѣпная собака Соболь, Денисычъ, запрягавшій подъ навѣсомъ лошадь, и дѣвица Ѳеклиста, гремѣвшая въ кухнѣ посудой. Денисычъ, сутулый и низенькій мужикъ въ нестрядевой рубахѣ и такихъ же портахъ, въ развалившихся сапогахъ и рваной шляпенкѣ, меньше всего походилъ на то, чѣмъ долженъ былъ бы быть мужъ Фатѣвны. Онъ сильно смахивалъ на одного изъ тѣхъ кухонныхъ мужиковъ, какихъ можно встрѣтить гдѣ-нибудь на черной лѣстницѣ большого столичнаго дома. Впрочемъ, въ домѣ Фатѣвны онъ и выполнялъ роль такого кухоннаго мужика. Какое-то полинялое лицо, мочальная бороденка, вялыя движенія, апатичный, мрачный взглядъ — все говорило не въ пользу Денисыча. Народъ зоветъ такихъ мужиковъ мусорными. Заложивъ лошадь и поплевавъ на руки, Денисычъ постоялъ около телѣги минутъ пять, потомъ почесалъ въ затылкѣ и, передвинувъ свою шляпенку съ уха на ухо, въ прежнемъ раздумьѣ вяло побрелъ въ кухню, вѣроятно, съ слабой надеждой, не перепадетъ ли и на его долю отдохнувшаго пирога. На дворѣ, залитомъ яркимъ іюльскимъ солнцемъ, осталась теперь одна Глафира. Зѣвнувъ устало нѣсколько разъ въ свою костлявую руку, она посмотрѣла на кухню и неожиданно запричитала тоненькимъ плаксивымъ голосомъ, точно ее придавили:

— Сирота-а я горемычная... Нѣту у меня батюшки-заступничка [illegible]тушки-заботушки. Некому за меня заступиться... Охъ-хо-хо!.. Хоть бы у[illegible] отъ этой каторжной жисти! Вонъ она, эта вѣдьма, какъ меня собачила. [illegible] у ней, слышь, такъ ступай изъ дому. И уйду... У покойнаго тятеньки [illegible] домъ былъ, — почище этого въ сто разъ, да и то не хвастался. Со[illegible] Фатѣвна, настоящая цѣпная собака... И уйду, непремѣнно уйду... Попадья о. Егора давно меня сманиваетъ — и уйду къ ней. Охъ, я сирота беззащитная, горе-горькая сиротинушка!.. У Фатѣвны-то у самой дочь. Вонъ какое косое дерево уродилось.

Глафирѣ давно было за сорокъ; по общественному положенію она была Христовой невѣстой, потому что уродилась такой длинной и нескладной вислятью, что ни одинъ женихъ не рѣшился вступить съ ней въ законъ. Точно вытянутая фигура Глафиры поражала своей непропорціональностью, и общая костлявость дѣлала ее совсѣмъ безобразной. Длинныя руки висѣли безжизненно; двигалась Глафира на своихъ длинныхъ ногахъ съ такимъ неувѣреннымъ видомъ, точно онѣ у ней были отморожены, или подъ тощими складками безжизненно болтавшейся на ней шерстяной юбки были деревянныя ходули вмѣсто ногъ. Длинное, желтое лицо Глафиры было покрыто мелкими морщинами, большой ротъ открывалъ два ряда гнилыхъ зубовъ, которые она напрасно старалась закрыть своей костлявой рукой, жидкіе темные волосики на вдавленныхъ по-щучьи вискахъ точно были прилизаны,—вообще, эта почтенная дѣвственница отличалась большимъ безобразіемъ, и только наступившая старость придавала ей извѣстную долю благообразности, скрывая своими морщинами пороки и недостатки. Только крошечные голубенькіе глаза, какъ двѣ незабудки, смотрѣли всегда такъ любовно и съ насмѣшливымъ добродушнымъ огонькомъ, да большой некрасивый ротъ улыбался точно что-то спрашивавшей застѣнчивой улыбкой, какой умѣютъ улыбаться всѣ русскіе божьи люди. Голосъ у Глафиры былъ слабый, чахоточный, но онъ такъ хорошо переливался, точно ручеекъ бѣжитъ, такъ что хотѣлось его слушать безъ конца. Въ самомъ тонѣ было что-то такое безобидное, успокаивающее. Такъ умѣютъ говорить старыя няни,—няни по призванію, которыя заговариваютъ самыхъ неспокойныхъ ребятъ, когда тѣ капризничаютъ и купоросятся передъ сномъ. Я любилъ слушать, какъ говорила Глафира, особенно, когда она что-нибудь раз-

сказывала,—она умѣла схватить самыя типичныя особенности людей и особенно ихъ слабыя стороны.

Къ числу особенностей этой Христовой невѣсты, между прочимъ, принадлежала способность сочинять стихи, вѣрнѣе—складывать, потому что грамоты Глафира почти не знала. Сюжеты она выбирала изъ текущей дѣйствительности, причемъ ея недругамъ перепадало на долю немало злыхъ сарказмовъ. Гдѣ училась Глафира этому искусству и какъ научилась—трудно сказать; въ ней, можетъ-быть, сказывалась та поэтическая жилка чисто-народнаго склада, посредствомъ которой создавались всѣ народныя пѣсни, сказки, притчи, былины и сказанія. Въ данномъ случаѣ даръ боговъ размѣнивался на слишкомъ мелкую монету...

Потрапезовавъ пирогомъ съ грибами, я только прилегъ на диванъ немножко отдохнуть послѣ дороги, какъ въ мою комнату неслышными монашескими шагами вошла Глафира. Она таинственно оглядѣлась по сторонамъ и, убѣдившись, что засады нигдѣ нѣтъ, заговорила:

— А вѣдь я вамъ, надо полагать, помѣшала? Тятенька-покойничекъ всегда, бывало, какъ закуситъ пирожкомъ, сейчасъ на лежанку—теплая у насъ такая была лежанка—и отдернетъ часикъ-другой... Я ужъ лучше уйду, а вы отдыхайте.

— Нѣтъ, садитесь... Что̀ давеча не приходили чай пить?

— Охъ, ужъ до чаевъ ли намъ!.. Слышали, какъ даве Фатѣвна-то меня золотила? Ужъ она меня и такъ и этакъ... А мое дѣло спротское... да...

Глафира какимъ-то деревяннымъ жестомъ закрыла своей костлявой рукой глаза и тихонько захныкала; между пальцами у ней посыпались мелкія старческія слезки, падая на бутылочнаго цвѣта полинялое шерстяное платье.

— Да о чемъ вы ссорились съ Фатѣвной?—спросилъ я, чтобы прервать наступившую тяжелую паузу.—Садитесь, пожалуйста.

Глафира присѣла на кончикъ стула, неторопливо высморкалась въ кончикъ клѣтчатаго платочка и, смахнувъ имъ же слезы и еще разъ оглянувшись кругомъ, таинственно заговорила:

— Съѣла она меня, Фатѣвна-то, поѣдомъ съѣла, какъ пила день и ночь пилитъ... Со свѣту сживаетъ. Просто проходу нѣтъ... И изъ-за чего?.. Просто головушки не приложу...

— Да давеча-то о чемъ вы ссорились?

— Давеча-то?.. Долго это вамъ разсказывать будетъ, да и разсказывать-то, пожалуй, не о чемъ. Просто Фатѣвна бѣсится, какъ псица другая...

При послѣднихъ словахъ Глафира улыбнулась сквозь дрожавшія еще на рѣсницахъ слезы и, поправивъ концы шерстяного платка, которымъ была повязана у ней голова, заговорила тѣмъ особеннымъ тягучимъ речитативомъ, какимъ умѣютъ говорить только странники, разные божьи люди и особенно сказатели раскольничьихъ стиховъ.

— Насъ съ Фатѣвной и судить—такъ не разсудить, сударь, ежели по-настоящему все разсказывать-то, а такъ, къ слову пришлось, такъ ужъ обскажу вамъ... Учитель къ намъ въ Мугай новый пріѣхалъ, Помпей Агаѳонычъ Краснопѣвцевъ. Слышали? Ужъ успѣла Фатѣвна отлепортовать... Этакое жало змѣиное, подумаешь! Ну, такъ я про учителя-то начала... Изъ-за него собственно все и дѣло у насъ вышло. Парень онъ молодой, холостой. Изъ себя-то не то, чтобы ужъ очень завидный, ну, а которая дѣвица зачичеревѣла, такъ ей даже очень интересно и за такого мужа выскочить. Все же, какъ-никакъ, мужчинка, хоть и пьетъ онъ... Отъ попа Андроника не выходитъ, такъ тамъ живмя и живетъ: Паньша да онъ. Хорошо. А какъ пріі-

ѣхалъ учитель къ намъ въ Мугай, поискалъ, поискалъ фатеры, да, не хуже — не лучше, къ Фатѣвнѣ на хлѣбы и стань.. Я еще подивилась тогда, зачѣмъ она его пустила: какая отъ учителя корысть ей, ежели онъ, можно сказать, одной водкой живетъ, а тутъ и вышло, что Фатѣвна-то похитрѣе насъ всѣхъ будетъ. Она вѣдь его чуть-чуть не женила на своемъ косомъ-то деревѣ, на Ѳеклистѣ... Ей-Богу!.. И безсовѣстная же эта Фатѣвна... Вѣдь совсѣмъ загубила бы парня. Помпей теперь убиралъ бы навозъ да чистилъ конюшни у Фатѣвны, ежели бы не я. Грѣшный человѣкъ, пожалѣла я его и разстроила все дѣло... Ну, натурально, Помпей-то, какъ очнулся, чуть мнѣ не въ ноги, а потомъ ужъ... И разсказывать-то даже непріятно! Этотъ же самый Помпей большія мнѣ непріятности дѣлаетъ, потому, не поя, не кормя, ворога не наживешь. За мое-то добро Помпей на меня же и остребенился. Ей-Богу!.. Онъ въ церкви поетъ со своими парнишками, и ничего, хорошо поетъ. Какъ-то, этакъ въ Великомъ посту, сидимъ мы на именинахъ у Ивана Прохорыча, у надзирателя... служащіе, духовные, старшина. Хорошо. Только Помпей подходитъ ко мнѣ, а самъ ужъ за галстукъ успѣлъ палить,—подходитъ и говоритъ:—„А ты, говоритъ, Глафира Марковна,—такъ и тычетъ меня,—ты, говоритъ, зачѣмъ про меня да про косую Ѳеклисту стихи написала?“ И пошелъ и пошелъ... Смѣшно такъ говоритъ, всѣ хохочутъ, мнѣ совѣстно, а онъ: „Вотъ ты, Глафира, умрешь скоро, такъ мы тебя отпѣвать съ вершка будемъ... За каждый вершокъ отдѣльно плати, потому у тебя ростъ вонъ какой!“ Ой, онъ тогда меня сконфузилъ..

— А стихи-то вы про него все-таки написали?

— Вотъ даже нисколько не писала... Хоть сейчасъ икону сниму! Про Фатѣвну, дѣйствительно, составила стишокъ, да еще про Андроника, ну, тутъ и про Помпея будто помянула немножко. А Помпей-то ничего бы и не узналъ, ежели бы его попъ Андроникъ не настроилъ. Случай тутъ маленькій вышелъ... Смѣшно и разсказывать-то!

Глафира перевела духъ и улыбнулась.

— Какой же случай-то, Глафира Марковна?

— Да такъ, пустяки... Я и про Андроника-то не писала ничего, а только про Фатѣвну, ну, а Андронику покажись это обидно, вотъ онъ и напустилъ на меня и Помпея и Паньшу. Напьются у Андроника, да ночью — къ нашему дому... У Паньши вонъ какая пасть-то,—какъ заоретъ: „...и сотвори рабѣ твоей Глафирѣ вѣчную память...“, а потомъ вдвоемъ и затянутъ: „Вѣчная память...“. Къ старшинѣ ходила ужъ жаловаться на нихъ, потому житья мнѣ не стало отъ нихъ. Хорошо... Такъ вотъ, я про случай-то начала вамъ разсказывать... Лошадникъ вѣдь Андроникъ-то у насъ, страшный лошадникъ. И была у него вороная кобылка, грива на лѣвую сторону и копыта стаканчиками. Мягкія у ней были копытцы-то, не больно важныя, ну, а бѣгала она ничего — какъ слѣдуетъ лошади. Ну, и приглянулась эта самая кобылка нашей Фатѣвнѣ, а ужъ ей, что̀ приглянется, вынь да положь. Вѣдь обошла она попа Андроника, кругомъ обошла... Тотъ совсѣмъ и не думалъ лошади продавать, а тутъ спустилъ ее Фатѣвнѣ за пятьдесятъ цѣлковыхъ. Хорошо. Привела Фатѣвна лошадь, сгоняла на ней раза два въ городъ, а потомъ и продала ее новому нашему попу, о. Георгію, за сто цѣлковенькихъ. Ей-Богу... При мнѣ и продавала. Чистый цыганъ,—куда, и цыгану не сдѣлать супротивъ Фатѣвны. Приведетъ это попа къ себѣ и давай представляться съ своей кобылкой: подъ брюхомъ у ней пролѣзаетъ, верхомъ гоняетъ... Ну, и продала! А попу-то Андронику это вдвойнѣ обидно, потому пятьдесятъ цѣлковыхъ, первое, жаль, а вто-

рое, на его же кобылкѣ теперь о. Георгій по всему заводу разъѣзжаетъ. А у нихъ промежду себя контры выходятъ: сильно рознятъ. Ну, я все это и описала про Фатѣвну, да еще прибавила, какъ она дочь свою хотѣла выдать за Помпея... На меня всѣ и накинулись. Изъ-за этого самаго и сегодня Фатѣвна лаялась на меня. А мнѣ что: все равно, я уйду отъ нея, хоть она озолоти меня,—не останусь...

Въ какихъ-нибудь полчаса Глафира высыпала всѣ мугайскія новости, которыхъ было очень немного: назначили въ Мугай новаго управителя, какого-то француза; сгорѣлъ домъ у бухгалтера, поймали весной у бучила щуку въ полтора аршина, попъ Агдроникъ чуть не утонулъ вмѣстѣ съ учителемъ и Паньшей, и т. д. Разсказывала она все съ мельчайшими подробностями, какъ умѣютъ разсказывать только самыя записныя сплетницы. Меня всегда удивляли аналитическія особенности Глафириныхъ мозговъ, потому что въ ея маленькой головкѣ всѣ впечатлѣнія дѣйствительности переваривались съ той отчетливой тонкостью, съ какой идутъ только химическія реакціи. Этотъ оригинальный умъ работалъ, какъ сѣрная кислота, разлагая безпощаднымъ образомъ все, что попадало подъ руку. Между прочимъ, съ ловкостью настоящаго дипломата, Глафира освѣдомилась, надолго ли я пріѣхалъ въ Мугай и зачѣмъ.

— Наболтала я у васъ съ три короба,—заговорила Глафира, поднимаясь съ мѣста.—Ужъ извините, пожалуйста... Поговорила съ чужимъ-то человѣкомъ—все же на сердцѣ легче. Не привыкла я къ мужицкому-то обращенью, какъ Фатѣвна, вотъ меня и тянетъ къ вамъ... Если бы покойничекъ-тятенька былъ живъ, да я и смотрѣть-то на это змѣиное жало не стала бы, на Фатѣвну-то.

Между Фатѣвной и Глафирой существовала какая-то почти органическая ненависть, которая проявлялась въ самыхъ яркихъ и крикливыхъ формахъ, а между тѣмъ эти двѣ женщины жили подъ одной кровлей не одинъ годъ даже,—мало этого, кажется, даже не могли существовать одна безъ другой. Что ихъ связывало—трудно сказать, но эта невозможная комбинація продолжала существовать, какъ существуетъ многое другое на бѣломъ свѣтѣ. Глафира происходила изъ обѣднѣвшаго управительскаго рода, кажется, имѣла маленькій капитальчикъ про черный день и существовала исключительно работой собственныхъ рукъ. Занимая крошечную каморку гдѣ-то въ подсарайной *), она вѣчно возилась съ полосами ситца и другихъ матерій, изъ которыхъ выкраивала заводскимъ щеголихамъ самые модные фасоны. Въ своей спеціальности Глафира настолько „наварлыжилась“, что могла существовать вполнѣ безбѣдно, конечно, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, потому что вѣчно у ней что-нибудь болѣло, и она вѣчно лѣчилась по всевозможнымъ рецептамъ. Въ ея лицѣ сгруппировались всевозможныя болѣзни, какія только въ состояніи придумать медицина, и, по всей вѣроятности, Глафира давно отошла бы въ селенія праведныхъ, если бы ее не поддерживала упорная и ожесточенная борьба съ Фатѣвной, которая бодрила и крѣпила ее лучше всевозможныхъ лѣкарствъ.

Фатѣвна являлась полной противоположностью Глафиры, какъ типичная представительница разбитной, проворной заводской бабы, которая сумѣла не только выбиться изъ остальной заводской босоты и наготы, а, поднявшись на извѣстную экономическую высоту, отвоевала себѣ совершенно особенное мѣсто

*) У зажиточныхъ заводскихъ обывателей въ службахъ, подъ сараемъ, обыкновенно выдѣлывается горенка на всякій случай, гдѣ проживаетъ прислуга или кто-нибудь изъ дальней бѣдной родни; такія горенки называются подсарайными.

въ природѣ. Она вела небольшую торговлишку, торговала всякимъ товаромъ, какой подвертывался подъ руку за сходную цѣну: зимой—хлѣбомъ, осенью—крестьянскимъ товаромъ, въ Петровки—косами-литовками и т. д. Особой спеціальностью Фатѣвны была торговля лошадьми, вѣрнѣе, барышничество, потому что она чаще мѣняла ихъ съ непремѣнной придачей. За лошадьми она ѣздила на конныя ярмарки, сама выбирала изъ пригонныхъ киргизскихъ табуновъ подходящихъ скотовъ, сама объѣзжала ихъ, а потомъ неизмѣнно сбывала ихъ какому-нибудь хорошему человѣку, какихъ у ней было по заводамъ цѣлая „пропасть". Кромѣ этого, Фатѣвна брала на себя всевозможныя комиссіи, и брала часто не изъ расчета, а просто изъ любви къ искусству: понадобилось женѣ плотиннаго перемѣнить пеструю корову непремѣнно на бурую—сейчасъ къ Фатѣвнѣ; у француза-управителя для ребенка искали дойную козу—и тутъ безъ Фатѣвны дѣло не обошлось; достать лѣсу, обрядить невѣсту, найти писаря въ волость—все это Фатѣвна орудовала въ лучшемъ видѣ, какъ никто другой. У себя дома она рѣшила „женскій вопросъ" по-своему и держала Денисыча совсѣмъ въ черномъ тѣлѣ, предоставивъ ему самую тяжелую домашнюю работу, въ то время, какъ сама разъѣзжала по ярмаркамъ, покупала, мѣняла, объѣзжала лошадей и вѣчно что-нибудь промышляла и гоношила. Нужно однако оговориться: по праздникамъ, когда Денисычъ успѣвалъ гдѣ-нибудь напиться, онъ вдругъ начиналъ чувствовать себя настоящимъ, заправскимъ мужемъ, бушевалъ, ругался и даже колотилъ Фатѣвну чѣмъ попадя. Въ такихъ исключительныхъ случаяхъ Фатѣвна принималась неистово голосить и, простоволосая и съ исцарапаннымъ лицомъ, выбѣгала на улицу, поднимая на ноги всю ее. Денисыча связывали, усмиряли домашними средствами, и этотъ примѣрный мужъ опять везъ свой возъ какъ ни въ чемъ не бывало. Меня всегда удивляло поведеніе Фатѣвны съ пьянымъ мужемъ, котораго она непремѣнно задирала, точно сама напрашивалась на побои. Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ Фатѣвна только платила извѣстную дань своему все-таки бабьему положенію и хоть „на часъ мѣста" желала быть такой же бабой, какъ всѣ другія заводскія бабы: ей нравилось дразнить пьянаго Денисыча, чтобы потомъ поголосить вдоволь по улицѣ.

— Да вѣдь онъ мнѣ мужъ, дѣва!—объяснила однажды Фатѣвна эту аномалію въ своей жизни.

II.

Изъ оконъ дома Фатѣвны открывался великолѣпный видъ на Мугайскій заводъ, главнымъ образомъ—на ту его часть, которая расположилась по берегамъ заводскаго пруда. Домикъ Фатѣвны стоялъ на береговомъ угорѣ, недалеко отъ заводской плотины. Такихъ заводовъ, какъ Мугайскій, по восточному склону Урала разсыпано нѣсколько десятковъ, и всѣ они походятъ одинъ на другой въ общихъ чертахъ, съ той разницей, какую вноситъ природа: на югѣ и на сѣверѣ Урала горы выше и живописнѣе, а въ средней части представляютъ только большой величины холмы, разбросанные по зеленому простору, безъ всякаго плана и порядка, какъ высыпанныя изъ мѣшка ковриги хлѣба. Горы, окружавшія Мугайскій заводъ, или попросту—Мугай, были невысоки и сплошь покрыты вѣчно-зелеными ельниками; вдали, повитыя синеватой мглой, онѣ кучились, какъ темныя грозовыя облака, выплывавшія изъ-за горизонта круглившимися линіями. Широкая полоса заводскаго пруда вдавалась между горами широкимъ свѣтлымъ языкомъ; по берегамъ пруда заводскіе домики выровнялись въ правильныя линіи, образуя широкія, убитыя за-

водскимъ шлакомъ улицы. Можно было пожалѣть только объ одномъ, что заводскіе дома выходили на прудъ, большею частью, своими задворками и огородами, за небольшимъ числомъ исключеній, въ родѣ домика Фатѣвны. Если бы повернуть всѣ дома фасадомъ къ пруду, видъ на заводъ много выигралъ бы относительно красоты общаго вида, но русскій человѣкъ какъ-то меньше всего заботится о такой красотѣ. Другимъ недостаткомъ постройки являлось полное отсутствіе садовъ. Панорама жилья поражала своимъ голымъ видомъ; только два-три кедрика одиноко торчали кое-гдѣ въ огородахъ, какъ позабытые смертью инвалиды. Крайнія постройки отдѣляла отъ лѣса неширокая полоса пашенъ и кулигъ *). Особенно хорошъ былъ видъ на Мугай рано утромъ, когда весь прудъ еще дымился туманомъ.

Заводскіе домики, по своей архитектурѣ, представляли нѣчто среднее между городскими постройками и деревенскими избами, вѣрнѣе сказать—здѣсь перемѣшались и тѣ и другія. Какъ особенность мѣстной архитектуры, можно отмѣтить только обычай крыть дворы наглухо. Въ лѣсной полосѣ Россіи, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ расколъ, большинство домовъ выстроено такимъ образомъ, что̀ объясняется, разъ—обиліемъ строительнаго лѣсного матеріала, а второе—историческій сложившейся привычкой жить „усторожливо“. Каждый дворъ представлялъ собой небольшую деревянную крѣпостцу, попадать въ которую незнакомому гостю очень трудно; такъ строится каждый справный мужикъ, хотя особенной нужды въ такихъ усторожливыхъ постройкахъ и не имѣется. Непривычному человѣку даже непріятно, отворивъ ворота, попасть въ кромѣшную тьму, гдѣ долго глазъ не можетъ отыскать отдѣльные предметы.

Прудъ былъ перехваченъ широкой плотиной, изъ-за которой выставлялись дымившія фабричныя трубы. На лѣвой сторонѣ пруда стояла деревянная низенькая церковь, совсѣмъ утопавшая въ зелени липъ и черемухъ; напротивъ нея—заводская контора съ бѣлыми колоннами у подъѣзда. Въ концѣ небольшой квадратной площади, которая отдѣляла собственно фабрику отъ „базара“, какъ забытый въ лѣсу грибъ, сидѣлъ старый господскій домъ. На правой сторонѣ пруда, у подножія оголенной горки, строилась новая каменная церковь; за ней, вверхъ по горѣ, тянулись черные угольные валы. Сейчасъ за плотиной мѣстность сильно понижалась, и бойкая горная рѣчонка Мугай весело разливалась въ своихъ глинистыхъ плоскихъ берегахъ, образуя широкую и красивую излучину. Здѣсь живописно разсажались самыя бѣдныя избушки, и, между прочимъ, здѣсь же стоялъ одноэтажный деревянный домикъ попа Андроника, глядѣвшійся въ Мугай своими пятью большими окнами съ крѣпкими новыми ставнями.

Отдохнувъ послѣ дороги, вечеркомъ я отправился провѣдать стараго знакомаго, попа Андроника. Отъ дома Фатѣвны сначала нужно было пройти по берегу пруда, потомъ обогнуть фабрику, перейти переброшенный черезъ Мугай деревянный мостикъ и спуститься внизъ по рѣкѣ. Когда я поровнялся съ фабрикой, отдали свистокъ,—это былъ конецъ трудового фабричнаго дня,—и изъ воротъ фабричнаго двора высыпала пестрая и чумазая толпа рабочихъ. Среди устало бревшихъ мастеровыхъ весело толкались подростки и ребята лѣтъ десяти, которыхъ не могла угомонить даже двѣнадцатичасовая фабричная работа; пестрядевыя рубахи, войлочныя шляпы и фуражки, потныя красныя лица и устало висѣвшія руки—все было точно пропитано заводской сажей. Отдѣльной артелькой торопливо бѣжали поденщицы и дровосушки; слышался кокетливый визгъ и молодой беззаботный смѣхъ. Я шелъ за этой толпой по

*) Кулигами на Уралѣ называютъ огороженные прясломъ—изгородью—покосы.

мосту и затѣмъ свернулъ по берегу Мугая. Около берега, засучивъ штанишки выше колѣнъ, стояли въ водѣ мальчики съ длинными удочками; мутная вспѣненная вода катилась мимо нихъ, унося съ собой щепы и разный хламъ. А вотъ и домикъ о. Андроника, съ крѣпкими воротами и высокимъ заборомъ; изъ-за него зелеными шапками поднимались кусты рябины. Попъ Андроникъ жилъ всегда крѣпко, и нечего было думать напасть на него врасплохъ: ворота, всѣ двери и окна всегда были на запорѣ.

— Кто тамъ?—послышался чей-то незнакомый голосъ, когда я постучался въ ворота.

— Отецъ Андроникъ дома?

Мой стукъ поднялъ страшный лай двухъ цѣпныхъ собакъ, потомъ загремѣлъ желѣзный засовъ съ желѣзной цѣпью, и калитка наконецъ отворилась. Предо мной стоялъ молодой человѣкъ, длинный и худой, съ болѣзненнымъ тонкимъ лицомъ; казинетовое коротенькое пальтецо лоснилось около кармановъ и по борту, парусинныя панталоны были заправлены въ сапоги, фуражки на головѣ не было. По описанію Глафиры, я узналъ въ молодомъ человѣкѣ учителя Краснопѣвцева, который смотрѣлъ на меня прищуренными маленькими глазами вызывающе и насмѣшливо.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ...—загремѣлъ хриплый басъ о. Андроника, который въ одномъ бѣльѣ и жилетѣ поверхъ ситцевой розовой рубашки патріархально сидѣлъ на крылечкѣ.—Откуда, куда и зачѣмъ? Ну, здравствуй, братчикъ...

Попъ Андроникъ былъ невысокъ ростомъ, коренастъ и плечистъ; его сильную, на диво сколоченную фигуру портилъ только большой животъ, сильно выпиравшій изъ-подъ шелковаго атласнаго жилета, какіе носили франты лѣтъ сорокъ тому назадъ. Большая голова о. Андроника съ висѣвшими космами темныхъ волосъ, сильно прохваченныхъ сѣдиною, придавала ему суровый видъ. Большой, мясистый носъ, крупныя губы, густыя сросшіяся брови и одутловатыя щеки, обильно обросшія рѣдкой щетинистой бородой, еще усиливали первое впечатлѣніе суровости. Только, когда попъ Андроникъ начиналъ громогласно хохотать, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и поднимая жирныя плечи, онъ превращался въ оригинальнаго и добродушнаго человѣка, которому природа дала суровую физіономію Богъ знаетъ съ какой цѣлью. Впрочемъ, этотъ массивный старикъ, сдѣланный изо всего дерева, не былъ чуждъ нѣкоторыхъ недостатковъ и, между прочимъ, любилъ задать тону своей представительной фигурой, пока самъ первый не начиналъ хохотать. А посмѣяться попъ Андроникъ любилъ и смѣялся мастерски, такъ что, глядя на него, самому хотѣлось тоже хохотать. Отъ низкихъ басовыхъ нотъ онъ быстро переходилъ къ теноровымъ и, закрывъ глаза, заливался самымъ высшимъ гласомъ. Въ семинаріи, во времена оны, онъ слылъ за перваго силача, но теперь сильно постарѣлъ, обрюзгъ и просто зажирѣлъ.

— Это Паганини, братчикъ...—коротко отрекомендовалъ о. Андроникъ учителя.—Онъ у меня съ Паньшей такіе концерты задаетъ, что отдай все.

Около сарая я только теперь замѣтилъ сгорбленную жидкокостную фигуру самого Паньши, который, несмотря на лѣтній день, былъ облеченъ въ толстый драповый подрясникъ цвѣта Bismarck furioso. Одной рукой Паньша придерживалъ расходившіяся полы своего подрясника, а другой пряталъ за спиной рваную баранью шапку, въ которой ходилъ и зиму и лѣто. Испитое, смуглое лицо Паньши съ жиденькой растительностью на подбородкѣ и спутанными на головѣ длинными волосами того же цвѣта Bismarck furioso, длинный, смотрѣвшій въ рюмку носъ,—все это, взятое вмѣстѣ съ общей протя-

женной сложенностью Паньши, полнымъ отсутствіемъ живота, ввалившейся грудью, острыми угловатыми плечами и несоразмѣрно длинными руками,— производило тяжелое и непріятное впечатлѣніе. Это былъ настоящій дьячокъ старой школы, униженный и льстивый, отдававшій чѣмъ-то пришибленнымъ. Только небольшіе темные глазки, смотрѣвшіе льстиво и дерзко, придавали физіономіи Паньши оригинальное выраженіе.

— Мы тутъ, братчикъ, пса усмиряемъ,—объяснилъ мнѣ о. Андроникъ, тыкая пальцемъ въ согнутую фигуру Паньши.—Онъ похвастался, что подойдетъ къ Нигеру...

— И подойду, отецъ Андроникъ,—отозвался Паньша, вынимая изъ-за спины свою шапку.—Я многихъ собакъ укрощалъ, а вашего Нигера...

— Не хвастай, братчикъ,—загудѣлъ о. Андроникъ.—Нигеръ тебя пополамъ перекуситъ,..

— Отецъ Андроникъ, позвольте-съ... Одно движеніе—и усмирю.

— О, чортъ съ тобой, усмиряй,—согласился о. Андроникъ.—Только я не отвѣчаю, если Нигеръ тебѣ носъ откуситъ... Братчики, будьте свидѣтелями!..

— И пойду... да!.. Вы не смѣйтесь, отецъ Андроникъ... одно движеніе...

Физіономіи дѣйствующихъ лицъ свѣтились подозрительнымъ румянцемъ; Паньша, повидимому, не совсѣмъ былъ увѣренъ въ своихъ длинныхъ, подгибавшихся ногахъ, а Паганини забавно моргалъ слишавшимися глазами. Нигеръ, пестрая собака-дворняга, лежалъ у своей конуры, положивъ большую голову между передними лапами, и подозрительно-вызывающе помахивалъ своимъ пушистымъ бѣлымъ хвостомъ. Онъ точно понималъ, что рѣчь идетъ о немъ. Двѣ другихъ собаки, прикованныхъ къ сараю, внимательно наблюдали за каждымъ движеніемъ Паньши, вѣроятно, испытывая большое искушеніе запустить свои бѣлые зубы въ тощую плоть укротителя. Получивъ разрѣшеніе въ окончательной формѣ, Паньша сдѣлалъ нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ Нигеру и сейчасъ же отскочилъ назадъ, болтая въ воздухѣ правой рукой.

— Что̀? Я тебѣ говорилъ, братчикъ?—торжествовалъ о. Андроникъ, колыхаясь всѣмъ тѣломъ.—Ай да Нигеръ, молодецъ!..

— Перстъ, отецъ Андроникъ... ваша собачка мнѣ укусила перстъ...— лепеталъ Паньша, обертывая раненую руку въ грязный носовой платокъ.

— Дуракъ! Благодари Бога, что она тебѣ голову не оторвала... Братчики, пойдемте въ комнаты,—предложилъ о. Андроникъ, поднимаясь съ крылечка.—Паганини, ты куда?

— А я домой...—нерѣшительно заявилъ Паганини.

— Врешь, братчикъ... Мы еще концертъ устроимъ...

Дворъ у о. Андроника былъ открытый, но устроенъ хозяйственно. Крѣпкія службы, конюшни, баня, небольшой садикъ, гдѣ любилъ хозяинъ пить чай лѣтомъ; подъ навѣсомъ стояли крѣпкая телѣга, дорожная повозка и легкая желѣзная долгушка, выкрашенная зеленой краской. Саженъ двадцать сухихъ березовыхъ дровъ занимали задній планъ; ближе были сложены какія-то бревна и свѣжій тесъ. Гдѣ-то кудахтали куры и весело горланилъ голенастый кохинхинскій пѣтухъ; изъ отворенныхъ дверей конюшни доносился храпъ и топотъ жевавшихъ сѣно лошадей. Въ густой травѣ, въ чертѣ садика, лежала привязанная къ изгороди коза съ двумя козлятами. Вообще, по всему былъ виденъ хозяйскій заботливый глазъ. Самый домъ былъ устроенъ по-старинному, съ низенькими теплыми комнатами, безъ форточекъ и съ высокими порогами въ каждой двери. На окнахъ стояли припечатанныя сургучомъ ведерныя бутыли съ наливками. Березовая мебель чинно стояла около стѣнъ; широкій диванъ въ гостиной, съ придавленнымъ сидѣньемъ, свидѣтельствовалъ о гостепріим-

помъ характерѣ своего хозяина. Но въ этой приличной обстановкѣ уютныхъ, теплыхъ комнатъ поповскаго дома чего-то недоставало,—недоставало тѣхъ мелочей и пустяковъ, какіе вноситъ съ собой женская рука, оживляя мертвую обстановку. Даже излишняя чистота и опрятность комнаты отдавали чѣмъ-то нежилымъ и мертвымъ, какъ у всѣхъ старыхъ холостяковъ. Попъ Андроникъ овдовѣлъ въ молодыхъ лѣтахъ, дѣтей не имѣлъ, и теперь всѣмъ хозяйствомъ заправляла у него какая-то дальняя родственница, совсѣмъ безцвѣтная, молчаливая старушка, походившая на монахиню. Говорили, что попъ Андроникъ скупъ, какъ кощей, и дрожитъ надъ каждой копейкой. Но я лично очень любилъ его, какъ вырождающійся типъ попа стараго покроя,—именно попа, а не батюшки. Къ числу особенностей о. Андроника принадлежала его слабость къ часамъ. У него былъ цѣлый ассортиментъ карманныхъ часовъ, начиная со старинной луковицы и кончая золотыми часами новѣйшей конструкціи. Кромѣ того, въ каждой комнатѣ о. Андроникъ повѣсилъ по стѣннымъ часамъ и строго наблюдалъ, чтобы всѣ часы въ домѣ ходили изъ минуты въ минуту, что стоило ему не только большихъ хлопотъ, но и порядочныхъ издержекъ.

— Ну, вы тутъ посидите, а я схожу, распоряжусь...—говорилъ о. Андроникъ, вводя насъ въ свою гостиную.

Черезъ пять минутъ онъ явился, облеченный въ синій люстриновый подрясникъ и съ бутылками въ рукахъ. Паганини пріятно осклабился и толкнулъ локтемъ Паньшу, который не зналъ, куда ему дѣваться со своей шапкой.

— А гдѣ ты остановился?—спросилъ меня о. Андроникъ, устанавливая бутылки на угловомъ столикѣ.—У этой архибестіи Фатѣвны?

Имя Фатѣвны произвело сенсацію. Паганини усиленно заморгалъ глазами, а Паньша торопливо сунулъ свою шапку подъ стулъ.

— Она, братъ, меня такъ оплела...—жаловался о. Андроникъ, поднимая брови.—Слышалъ, братчикъ?

— Слышалъ мелькомъ...

— Да это еще ничего, что оплела, а взяла да мою-то лошадь отцу Егору и продала... И про Егорку слышалъ? Тоже хорошъ, съ Фатѣвной-то—два сапога пара. Можетъ, Глафира и стихи про меня читала?

Отецъ Андроникъ разсердился и тяжело засопѣлъ носомъ, но потомъ улыбнулся и, тряхнувъ головой, добродушно забасилъ:

— А у меня былъ одинъ знакомый стихотворецъ... Ей-Богу! Вотъ какъ теперь тебя, вижу его, братчикъ. Я еще тогда въ Кунгуръ ѣздилъ, къ брату въ гости. Ну, какъ-то собралась компанія. Сидимъ. И стихотворецъ сидитъ съ нами. Онъ по акцизу служилъ... Выпили. Я и говорю ему: „а ну-ка, братчикъ, скажи стихи!“. Поддразнить его хотѣлъ, а онъ сейчасъ и брякнулъ:

Вижу, вижу
Даму рыжу,—
Я ее ненавижу...

— Это не стихи, а рубленая говядина,—вяло замѣтилъ Паганини, наливая себѣ рюмку водки.

— Врешь, братчикъ!—защищался обиженный старикъ.—Ты ничего не понимаешь въ стихахъ... Говорятъ тебѣ, настоящій стихотворецъ былъ. А Глафира меня, говорятъ, всего описала...

Паньша успѣлъ себѣ налить рюмку и умильно поглядывалъ на владыку, выжидая позволенія.

— Батюшка, о. Андроникъ, благословите...—нерѣшительно проговорилъ онъ.

— Богъ тебя благословитъ на хорошее, а на худое самъ догадаешься...— пошутилъ старикъ и первый раскатился самымъ завиднымъ хохотомъ.—Ну, чего ты ко мнѣ присталъ: поставлено—пей...

— А я, батюшка, о. Андроникъ, могу сконфузить и Фатѣвну и Глафиру,— объяснялъ Паньша, опрокидывая рюмку.—Ей-Богу, могу сконфузить...

— Чѣмъ ты ихъ сконфузишь?

— Очень просто, батюшка, о. Андроникъ... Даже какую угодно высокую даму могу сконфузить. Подойду и скажу: вы—тварь.

— А она тебѣ скажетъ: ты—дуракъ... Ха-ха-ха!..

— Нѣтъ, позвольте, батюшка, о. Андроникъ... У меня есть доказательство: Адама Богъ создалъ изъ персти земной, а Еву сотворилъ изъ ребра, слѣдовательно всякая женщина—тварь... Я могу сконфузить всякую женщину въ большой компаніи.

— Погоди, вотъ насъ съ тобой Егорка ужо такъ сконфузитъ, что небо съ овчину покажется,—задумчиво проговорилъ о. Андроникъ и опять нахмурилъ брови.—Заведется же такой человѣкъ, подумаешь... а?..

На угольномъ столикѣ, кромѣ водки и домашней наливки, появились чисто-поповскія вина—тенерифъ и лиссабонское, но они служили только для декораціи, — центръ тяжести оставался попрежнему въ водкѣ. Самъ хозяинъ сначала отказывался отъ выпивки, но, когда рѣчь зашла объ о. Егорѣ, онъ залпомъ выпилъ нѣсколько рюмокъ, точно стараясь залить какого-то червяка, который мучительно сосалъ его. Пока Паньша болталъ разный вздоръ, а Пагапини ходилъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ, старикъ какъ-то уныло молчалъ. Въ немъ не было прежней безпечности и добродушія, лицо было озабочено, въ глазахъ свѣтилась какая-то напряженная мысль, которая не хотѣла никакъ выходитъ.

— О чемъ вы такъ задумались, о. Андроникъ?—спросилъ я.

— Я?.. Гм...

Старикъ почесалъ въ затылкѣ и тяжело вздохнулъ.

— Послѣднія времена, братчикъ, пришли...—уныло отвѣтилъ онъ, опять наливая рюмку.—Кончено!..

— Что̀ кончено?

— Ну, все кончено... Я все про Егора-то толкую, братчикъ. Пріѣхалъ онъ къ намъ безъ году недѣля, а ужъ всѣхъ прибралъ къ рукамъ. Проворный человѣкъ... хоть и ни съ чѣмъ пирогъ.

— То-есть какъ же это такъ? И проворный и ни съ чѣмъ пирогъ?

— А ужъ такъ: ума настоящаго въ немъ мало, а хитрости пропасть! Вѣрно, братчикъ... Такіе нынче люди пошли... Вѣдь и смотрѣть не на что, вотъ въ родѣ Пагапини—мозглявый такой, худенькій, а такъ всѣхъ и загребаетъ. По-настоящему-то я—настоятель, а онъ мой помощникъ... Такъ? А на дѣлѣ все такъ выходитъ, что, чего онъ захочетъ, то и будетъ. И самъ не знаю, какъ это онъ устраиваетъ. Нарочно въ свою сторону гну, а глядишь, все по-Егоркиному. Я даже, братчикъ, иногда боюсь его... Ей-Богу!.. Ласковый такой, обходительный, а самъ веревки изъ всѣхъ вьетъ. Взять теперь хоть такое дѣло: сборы. Жалованьишко у насъ мѣсячное—двѣнадцать съ полтиной... ну, доходы тамъ кое-какіе, а все-таки въ общей сложности пустяки получаешь. Я раньше въ деревнѣ служилъ и привыкъ къ сборамъ: петровское беру, ругу беру, осеннее беру... Гдѣ парочку яичекъ, гдѣ масла ложку, гдѣ овса,—оно и сбѣжится малую толику. Другая баба заартачится, а я ей: „Ой, баба, баба, попу жалѣешь, а умрешь—все останется...“ Ха-ха!.. Ну, бабенка испугается и лишнюю ложку масла накинетъ. Въ другой разъ лаской берешь: „А вѣдь

ты, Матрена, ровно помолодѣла... а?“ Опять баба и разступится яичкомъ попу Андронику за ласковое слово. Такъ-то... Нелегко нашему брату добыча-то достается, ежели разобрать; тоже живой человѣкъ — и языкъ переболтается. Хорошо. Пріѣхалъ о. Егоръ и все по-своему повернулъ: „не хочу осеннее да петровское собирать“. „Врешь, — думаю, — жрать захочешь, даромъ, что хитеръ“. Прошли Петровки, а онъ и въ усъ не дуетъ, — сидитъ да газету читаетъ у окошечка. Что̀ бы вы думали, бабенки все это пронюхали и на меня, какъ осы: „Вотъ о. Егоръ не собираетъ петровскаго... новое положеніе вышло“.—„Дуры вы, говорю, этакія, никакого новаго положенія не вышло, а о. Егоръ васъ просто оплетаетъ...“ Куда! слышать ничего не хотятъ! Вѣдь я половины не собралъ, а онъ сидитъ съ газетой да посмѣивается... Вотъ онъ какой гусь!..

— Что̀ же, отецъ Андроникъ, вольному воля. Нельзя же его заставить насильно петровское собирать...

— Нѣтъ, ты постой, братчикъ, послушай дальше-то... Деньгу и о. Егоръ любитъ; вотъ онъ и смозговалъ такую штуку: придетъ мужикъ свадьбу вѣнчать,—тутъ его о. Егоръ и оборудуетъ, да еще заставитъ ходить недѣли двѣ. Я яичкомъ беру, а онъ рубликомъ, да еще лучше его нѣтъ: мы, дескать, не христарадничаемъ, не просимъ по подоконью, какъ старый дуракъ, попъ Андроникъ. Да это еще бы ничего, а то обидно, что мужики его же и уважаютъ, Егора.

— Очень мозговитый человѣкъ о. Егоръ,—резюмировалъ все сказанное Паньша.

— И вездѣ онъ носъ суетъ, вездѣ ему дѣло, — продолжалъ сердито о. Андроникъ, отпыхивая, какъ тульскій, давно не луженый самоваръ.—Взять хоть теперь Паганини... Эй, Паганини, про тебя говорю!

— Ну?—апатично отозвался Паганини, продолжая шагать изъ угла въ уголъ.

— Чего нукать-то, братчикъ... Этотъ Егоръ и Паганини подвелъ животы. Въ школѣ законоучителемъ состою я, какъ настоятель,—ну, какое ему дѣло до школы?—такъ нѣтъ, и въ школу пролѣзъ. Чуть не каждый день таскался въ школу и до своего добился: произвелъ Паганини въ нигилисты и даже чуть съ мѣста не сжилъ... Настоящій нокоть, какой лошадей беретъ!.. А потомъ въ волость повадился: какъ сходъ, онъ тутъ какъ тутъ. Проповѣди въ церкви каждое воскресенье говоритъ, какія-то книжонки даромъ раздаетъ мужикамъ, раскольниковъ увѣщаетъ. И какъ только ему не лѣнь во всякую дыру свой носъ совать...

— Іезуитъ...—промычалъ Паганини, наливая рюмку.

— Мазепа,—прибавилъ Паньша.

— Нѣтъ, Гришка Отрепьевъ!—громогласно рѣшилъ о. Андроникъ и захохоталъ прежнимъ раскатистымъ смѣхомъ.

Безцвѣтная старушка подала на тарелочкахъ разной домашней поповской закуски: соленыхъ грибковъ, паюсной икры, пирожковъ съ капустой, и разговоръ о хитростяхъ и подвохахъ о. Егора на время умолкъ. Говорили о разныхъ разностяхъ, о старыхъ знакомыхъ, о дороговизнѣ на харчи и т. д. Паганини вытащилъ откуда-то свою скрипку и довольно фальшиво сыгралъ на ней сначала вальсъ „Il Basio“, а потомъ какую-то мудреную Херувимскую „Разоренную“. Паньша и о. Андроникъ подпѣвали. Каждый истинно-русскій человѣкъ чувствуетъ непреодолимое влеченіе къ такому духовному пѣнію, и я съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ это оригинальное тріо. Паньша прижался въ уголокъ, по обыкновенію прихвативъ одной рукой полы

своего рыжаго подрясника, а другой закрывая ротъ. Но изъ его шершавой глотки съ выдававшимся кадыкомъ выливались такія бархатныя, тягучія, таявшія ноты, что хотѣлось слушать безъ конца. Это былъ настоящій, богатѣйшій баритонъ, который то спускался низкими мягкими октавами прямо въ душу, то съ силой поднимался вверхъ и звенѣлъ, какъ туго натянутая струна. Паганини исполнялъ на своей скрипкѣ теноровую партію. Волосы у него свалились на лобъ, ноги немного согнулись въ колѣняхъ, лицо поблѣднѣло. Отецъ Андроникъ давилъ густой октавой, плавно и съ подавленной силой вершившей оригинальную мелодію. Я ничего не ожидалъ подобнаго и слушалъ, затаивъ дыханіе. Можно было только пожалѣть, что некому было срисовать эту своеобразную группу пѣвцовъ. Когда пѣніе кончилось, наступила тяжелая пауза. У о. Андроника на глазахъ блестѣли слезы, и онъ тихо улыбался своей добродушной, стариковской улыбкой.

— Хорошо, братчикъ... — проговорилъ наконецъ старикъ. — Паганини, вкуснмъ по единой. Паньша, ты самъ знаешь, что̀ дѣлать...

— Нѣтъ, вы посмотрите на скрипку, — приставалъ ко мнѣ Паньша съ скрипкой Паганини:—это не скрипка, а актриса... Да!..

Скрипка была изъ самыхъ плохихъ и была выкрашена, какъ рисуютъ на вывѣскахъ скорняковъ лисьи шкурки: бока ярко-желтые, а средина крестомъ покрыта густой черной краской. Замѣтивъ мой недовѣрчивый взглядъ, Паньша обратилъ вниманіе на какой-то стеклянный кошачій глазъ, вдѣланный въ кобылку, что̀, по его мнѣнію, служило для скрипокъ чѣмъ-то въ родѣ серебряной медали восемьдесятъ четвертой пробы.

— Нѣтъ, это особенная скрипка... — доказывалъ Паньша азартно и съ непослѣдовательностью совсѣмъ пьянаго человѣка началъ разсказывать о какомъ-то необыкновенномъ орга̀нѣ, который провозили лѣтъ десять тому назадъ черезъ Мугай одному самодуру-заводчику.—Милліонъ стоилъ органъ-то!—увѣрялъ Паньша, стараясь сохранить равновѣсіе.

— А сколько совралъ, братчикъ?

— Батюшка, о. Андроникъ: милліонъ... Своими глазами его видѣлъ.

— Можетъ-быть, рѣзьба какая-нибудь,—старался догадаться Паганини, желая повѣрить совсѣмъ несбыточной цифрѣ.

— И рѣзьба и прочее, а главное—въ орга̀нѣ былъ одинъ валъ... сизый!..

Отецъ Андроникъ чуть не задохся отъ смѣха: сизый валъ дѣйствительно былъ неподражаемъ. Вранье Паньши развеселило старика, и остатокъ вечера прошелъ въ самой непринужденной болтовнѣ, причемъ даже о. Егоръ оказался совсѣмъ не такимъ ужъ мозговитымъ человѣкомъ, чтобы его перемозговать нельзя было. Глафиру о. Андроникъ называлъ скрипкой и громогласно хохоталъ на цѣлый кварталъ, такъ что вздрагивали даже стекла въ рамахъ, а безцвѣтная старушка только охала и крестилась въ сосѣдней комнатѣ.

Домой вернулся я поздно ночью. Все кругомъ давно спало мертвымъ сномъ, только глухо гудѣла фабрика, далеко разсыпая изъ высокихъ трубъ снопы яркихъ искръ. Ярко-красное пламя вырывалось широкими языками изъ доменныхъ жерлъ и жадно лизало холодный ночной воздухъ. Гдѣ-то съ подавленнымъ визгомъ рѣзалось холодное желѣзо, и тяжело громыхали чугунные валы, колеса и шестерни, заставляя вздрагивать самую землю, точно по ней кто топалъ могучей ногой. Распахнувъ окно на прудъ, я долго любовался развертывавшейся далекой горной панорамой, потонувшей въ бѣломъ туманѣ... Сверху трепетными волнами лился фосфорическій свѣтъ, дрожавшій и переливавшійся въ прозрачной синевѣ голубого сѣвернаго неба. Массы горъ точно выросли, а зубчатая линія хвойнаго лѣса красиво вырѣзывала ближайшія кру-

тизны и прикрутости. Лѣтнія уральскія ночи безумно-хороши, какъ хорошъ бываетъ молодой крѣпкій сонъ, который нагоняетъ въ душу вереницу свѣтлыхъ видѣній и чудныхъ призраковъ. Я долго сидѣлъ въ своемъ окнѣ, и въ моихъ ушахъ еще стояла стонавшая мелодія „Разоренной“.

На берегу сидѣла какая-то счастливая парочка, слышался шопотъ и сдержанный смѣхъ, а тамъ, за прудомъ, кто-то неистово кричалъ „караулъ“, какъ можетъ кричать только человѣкъ, котораго рѣжутъ.

III.

Въ Мугайскомъ заводѣ мнѣ пришлось прожить нѣсколько дней. Между прочимъ, мнѣ нужно было достать кой-какія статистическія свѣдѣнія изъ метрическихъ книгъ. Обратился я было къ Андронику, но тотъ только рукой махнулъ и послалъ меня къ Егоркѣ. Дѣлать нечего, прямо отъ Андроника я пошелъ къ домику о. Георгія, стоявшему рядомъ съ избушкой Паньши. Эта избушка сильно покосилась и однимъ угломъ совсѣмъ вросла въ землю; крыша сквозила прогнившими дырами, одно окно было заклеено синей сахарной бумагой, точно подбитый глазъ. Рядомъ съ этимъ разлагавшимся убожествомъ, чистенькій домикъ, въ которомъ обиталъ о. Георгій, производилъ самое пріятное впечатлѣніе: новенькій, съ свѣтлыми окнами, съ желѣзной крышей, съ бѣлыми занавѣсками и левкоями на подоконникахъ, онъ такъ и дышалъ жизнью и довольствомъ. Отворивъ маленькую калитку, я очутился во дворѣ, по которому ходилъ самъ о. Георгій, разговаривая съ какимъ-то мужикомъ. Мужикъ былъ безъ шапки и самымъ убѣдительнымъ образомъ упрашивалъ батюшку сбавить цѣну за вѣнчаніе сына.

— Не могу, мой другъ, — мягко объяснялъ батюшка, не замѣчая меня. — Никакъ не могу... Если сбавлю тебѣ, долженъ буду сбавлять и другимъ. Понялъ?

— Андроникъ дешевле вѣнчаетъ... — говорилъ „другъ мой“, почесывая въ затылкѣ.

— Что̀ же, я очень радъ... Ты и обратись къ о. Андронику. А я не могу. Эту недѣлю я служу, а ты подожди слѣдующей...

— Отецъ Егоръ, развяжи ты мнѣ руки, ради истиннаго Христа! — взмолился наконецъ мужикъ, хлопая себя руками по бедрамъ. — Ахъ, какой ты, право... Время-то теперь какое... а?.. Вѣдь страда настанетъ, каждый часъ дорогъ, а ты: „подожди недѣлю“... Да въ недѣлю-то...

— Не могу, не могу, другъ мой...

Замѣтивъ меня, о. Георгій немного смутился и, сказавъ мужику, чтобы онъ приходилъ въ другой разъ, пытливо посмотрѣлъ на меня своими изжелена-сѣрыми глазами и проговорилъ самымъ любезнымъ тономъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Я назвалъ себя и коротко объяснилъ цѣль моего посѣщенія.

— А... очень радъ, очень радъ!.. — торопливо заговорилъ о. Георгій, крѣпко пожимая мою руку. — Буду совершенно счастливъ, если чѣмъ-нибудь могу быть вамъ полезенъ... Я тоже немножко занимаюсь статистикой. Пойдемте въ комнаты.

Батюшка направился къ новенькому крылечку, блестѣвшему самой благочестивой чистотой. Самъ о. Георгій былъ еще совсѣмъ юноша, лѣтъ двадцати пяти, не больше, съ блѣднымъ, красивымъ лицомъ и окладистой русой бородкой. Бѣлый пикейный подрясникъ облегалъ его длинную сухощавую фигуру самымъ благообразнымъ образомъ, такъ что о. Георгій меньше всего

походилъ на русскаго попа. Крахмальные, безукоризненно бѣлые воротнички и лѣтнія панталоны изъ чесучи, выставлявшіяся изъ-подъ подрясника, красноречиво свидѣтельствовали о несомнѣнной принадлежности о. Георгія къ новому типу русскихъ батюшекъ. Голосъ у о. Георгія былъ мягкій и пѣвучій, не то, что хриплая, перепитая октава о. Андроника; двигался онъ неслышными, торопливыми шагами, какъ монастырская послушница. Вообще, первое впечатлѣніе о. Георгій произвелъ самое подкупающее, только выраженіе блѣднаго лица было неподвижно, улыбка неестественно-ласкова, и взглядъ большихъ глазъ холоденъ. Забѣжавъ немного впередъ, о. Георгій съ предупредительностью отворилъ мнѣ дверь въ небольшую темную переднюю, а оттуда, черезъ чистенькую гостиную съ роялемъ у одной стѣны, провелъ въ свой кабинетъ — свѣтлую угловую комнату. Здѣсь все дышало такой милой, рабочей и серьезной простотой: у окна стоялъ письменный столъ, заваленный бумагами и кабинетными бездѣлушками, у дверей шкапъ съ книгами, въ дальнемъ концѣ виднѣлись мягкая кушетка и круглый лакированный столикъ съ раскрытой книгой и яшмовой пепельницей. Мягкій коверъ у письменнаго стола и глубокое рабочее кресло довершали картину. Все было мило, прилично, ничего лишняго и ужъ совсѣмъ не по-поповски, какъ у о. Андроника; маленькое исключеніе представляли только висѣвшія на стѣнахъ преміи, но противъ этихъ премій безсильно борется цѣлая Россія, а о. Георгію такое невѣдомое мѣщанство и Богъ проститъ.

— Садитесь вотъ сюда... — заговорилъ о. Георгій и еще разъ выразилъ свое удовольствіе быть полезнымъ. — Я самъ занимался нѣкоторое время статистикой, но, знаете, разныя служебныя обязанности и житейскія дрязги совсѣмъ отвлекли меня отъ этихъ занятій.

Безъ лишнихъ приступовъ, о. Георгій прямо приступилъ къ дѣлу, т.-е. отправился къ своему книгохранилищу и извлекъ оттуда цѣлую кипу метрическихъ книгъ, разныхъ сводовъ, выборокъ и реестриковъ. Чистенькіе, опрятные листочки были усыпаны рядами и колоннами цифръ съ итогами, средними выводами и различными математическими выкладками. Больше всего меня поразило въ о. Георгіи то обстоятельство, что онъ совсѣмъ не выспрашивалъ меня, кто я такой, откуда пріѣхалъ, зачѣмъ мнѣ эти цифры и т. д. Всякій другой провинціалъ на его мѣстѣ вытянулъ бы всѣ жилы, пока не разузналъ бы всю подноготную до седьмого колѣна по восходящей и нисходящей линіи, но о. Георгій держался настоящимъ европейцемъ и все время говорилъ только о дѣлѣ. Вообще, батюшка оказался очень развитымъ человѣкомъ, понюхавшимъ отъ всего; говорилъ онъ складно и просто, хотя въ его рѣчи и проскакивали нѣкоторыя поповскія словечки, какъ „любочестіе“, „благоначиніе“ и др. Особенно затрудняли о. Георгія ударенія на нѣкоторыя слова, и, несмотря на всѣ усилія говорить вполнѣ правильно, онъ произносилъ: „случа̀й“, „средства̀“, „прѐдметъ“, „Соврѐменныя Извѣстія“ и т. п. Но этотъ маленькій недостатокъ вполнѣ выкупался всѣми другими достоинствами. Когда я преисполнился невольнаго уваженія къ о. Георгію и даже усомнился въ истинѣ нападокъ на него попа Андроника, онъ проговорилъ съ нерѣшительной улыбкой:

— Я и въ литературѣ пыталъ счастья... То-есть, собственно, не въ литературѣ, въ общемъ смыслѣ слова, а просто въ нашихъ „Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ напечаталъ одну статейку. Я вамъ сейчасъ покажу ее.

Порывшись въ шкапу, о. Георгій досталъ перегнутый пополамъ листъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ и подалъ его мнѣ, обязательно развернувъ даже страницу, на которой было начало его статьи.

Я прочелъ заголовокъ: „*Еще благочестивый крестьянинъ*“.

— Конечно, „Еще благочестивый крестьянинъ“ только слабый опытъ и не выдержитъ серьезной критики, — скромничалъ о. Георгій, пока я пробѣгалъ его статейку.

Намъ подали кофе. Прилично одѣтая горничная держала себя съ достоинствомъ, какъ и слѣдуетъ настоящей горничной у настоящихъ господъ. Прихлебывая изъ своего стакана, о. Георгій долго распространялся на тему о печальномъ положеніи русскаго духовенства.

— Взять хоть ту сцену, свидѣтелемъ которой вы невольно сдѣлались, — ораторствовалъ батюшка: — что̀ можетъ быть тяжелѣе? А между тѣмъ поставьте себя на мое мѣсто... Нужно жить и хочется жить, какъ всѣ другіе трудящіеся люди, а между тѣмъ, съ первыхъ же шаговъ, встрѣчаешься съ этой прозой жизни, въ видѣ разныхъ сборовъ, платы за требы и прочихъ дрязгъ нашей бытовой обстановки. Конечно, во многомъ, даже очень во многомъ виноваты и мы сами, что̀ и вызываетъ относительно насъ совершенно справедливыя нареканія общества, но, съ другой стороны, нужно же войти и въ наше положеніе. Я хочу сказать о томъ, что необходимо поднять престижъ русскаго духовенства, по меньшей мѣрѣ, до того уровня, на которомъ стоитъ духовенство за границей... Простой народъ не уважаетъ попа за его сборы натурой и пятаками, интеллигенція — за необразованность, купечество — за недостатокъ самоуваженія. Мы компрометируемъ собственный санъ изъ-за пятаковъ и ложекъ сметаны!.. По-моему, уже лучше сидѣть голодомъ, чѣмъ добывать себѣ пропитаніе путемъ униженія.

Въ подтвержденіе своихъ словъ о. Георгій мягко потянулся въ своемъ креслѣ и хрустнулъ длинными бѣлыми пальцами.

— Затѣмъ, наше духовенство живетъ слишкомъ изолированной жизнью, — продолжалъ о. Георгій, ставя стаканъ на столъ. — Мы, точно нарочно, отстраняемъ себя отъ всякой иной общественной дѣятельности, кромѣ узко-церковной, а между тѣмъ это наша прямая обязанность. Общественныя дѣла школа, земство — вотъ на первый разъ и широкое поле для труда. Конечно всякое начало обходится дорого, но нужно же когда-нибудь начинать. Важно чтобы провести идею цѣликомъ, черезъ всѣ мелочи и пустяки...

— Васъ желаетъ видѣть псаломщикъ, о. Георгій, — почтительно доложила горничная.

— Ага... Пусть войдетъ.

Въ дверяхъ кабинета показалась протяженно-сложенная фигура Паньши; онъ оторопѣлъ, сдвинулъ въ одно мѣсто свои громадные сапоги и напрасно старался удержать въ приличномъ видѣ расходившіяся полы рыжаго подрясника. Рядомъ съ чистенькой и кошачьи-опрятной фигурой о. Георгія, скромно охорашивавшагося въ своемъ креслѣ, Паньша сегодня казался особенно жалокъ.

— Вы, о. Георгій, прислали за мной служанку... — нерѣшительно заговорилъ Паньша, бѣгая глазами по кабинету.

— Да, да... Вы приготовите къ завтрашнему дню вѣдомость о родившихся и передадите ее вотъ имъ, — мягко проговорилъ о. Георгій, указывая глазами на меня.

— А я, о. Георгій, думалъ... мы съ о. Андроникомъ собрались рыбки побродить, такъ я хотѣлъ уволиться у васъ...

Паньша засопѣлъ носомъ и смолкъ, только пальцы руки, придерживавшіе измызганный и захватанный край полы, усиленно перебирали какой-то лихорадочный мотивъ. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ, о. Георгій только немного приподнялъ свои плечи и покачалъ укоризненно головой.

— Я васъ не задерживаю съ о. Андроникомъ, но лучше было бы сна-
ала представить вѣдомость о родившихся, — прибавилъ о. Георгій. — Ваша
ыба можетъ и подождать...

Паньша переложилъ свою шапку изъ руки въ руку и съ уныніемъ
перся глазами въ уголъ. „Вотъ тебѣ, дескать, о. Андроникъ, и рыбка... на-
бродишь съ нимъ!“

Когда Паньша удалился, вѣрнѣе — выпятился въ дверь, о. Георгій улыб
нулся съ печальнымъ достоинствомъ.

— Вотъ вамъ наше духовенство... полюбуйтесь!.. „Рыбку побродить“!
Нечего сказать, хорошо... Впрочемъ, nomina sunt odiosa, я это только къ
слову сказалъ.

Я сталъ прощаться. Въ гостиной мы встрѣтили жену о. Георгія, моло-
денькую и красивенькую даму, о которой попъ Андроникъ говорилъ, что у
. Егора и „попадья съ музыкой“, потому что матушка играла на роялѣ.
Молоденькая матушка, хотя была тоже духовнаго родопроисхожденія, но дер-
жала себя, какъ подобаетъ настоящей свѣтской дамѣ. Лѣтнее сѣренькое баре-
жевое платье обрисовывало красивую молодую фигуру очень эффектно, скромная
отдѣлка была подобрана со вкусомъ, цѣломудренной бѣлизны воротнички и
манжеты свидѣтельствовали о томъ, что матушка не жила живмя на кухнѣ,
какъ другія попадьи. Безукоризненныя манеры и строго-привѣтливое лицо
матушки досказывали то, что и она вполнѣ раздѣляла мнѣніе мужа о необхо-
димости поднятія престижа русскаго духовенства.

— Оставайтесь обѣдать, — предлагала матушка. — Мы обѣдаемъ рано...
по-деревенски.

Мнѣ оставалось только поблагодарить за любезное приглашеніе, котораго
принять я не могъ. Для перваго раза было слишкомъ много любезностей,
которыхъ я ничѣмъ не заслужилъ, такъ что мнѣ сдѣлалось даже немножко
совѣстно. Пожавъ маленькую, выхоленную ручку эмансипированной попадейки,
я удалился съ миромъ.

Къ моему удивленію, Паньша ждалъ меня за воротами.

— А мы съ Андроникомъ рыбку было-собрались побродить... — заговорилъ онъ, тяжело шаркая своими громадными сапогами и по пути раскуривая крючокъ злѣйшей крупки, извѣстной въ бурсѣ подъ названіемъ „самъ-кроше“.

— Я могу подождать съ вѣдомостью, — объяснилъ я, стараясь утѣшить огорченнаго Паньшу.

— А если онъ узнаетъ? Еще, пожалуй, на поклоны поставитъ... Бѣдовый онъ у насъ.

— Ужъ не знаю, какъ мнѣ быть.

— Вотъ что, у меня блеснула искра, — съ оживленіемъ заговорилъ Паньша. — Онъ васъ непремѣнно спроситъ о вѣдомости, а вы ему скажите, что получили сегодня.

— Хорошо.

— Покорно васъ благодарю! — растроганнымъ голосомъ проговорилъ Паньша и, схвативъ мою руку, неожиданно поцѣловалъ ее. — Такую уху заварим съ Андроникомъ да съ Паганини...

Отъ меня Паньша перешелъ на другую сторону улицы и, подобравъ полы подрясника, болтавшіяся по бокамъ, какъ подшибленныя у птицы крылья, однимъ махомъ перебросилъ свое протяженно-сложенное тѣло черезъ прясло въ чей-то огородъ, гдѣ и пропалъ.

Я зналъ попа Андроника больше десяти лѣтъ. Это былъ истинно-русскій человѣкъ, безъ всякой примѣси, и, какъ въ каждомъ истинно-русскомъ чело-

вѣкѣ, достоинства и недостатки въ попѣ Андроникѣ представляли собой самую пеструю смѣсь. Въ одно и то же время оригинальный старикъ былъ хитеръ и наивенъ, добръ и скупъ, хотя не старался скрывать своихъ недостатковъ и не выставлялъ на показъ добродѣтелей. Умъ у о. Андроника былъ отъ природы сильный, но совсѣмъ нетронутый образованіемъ, какъ неотшлифованный драгоцѣнный камень. Въ его разговорѣ всегда звучала ироническая нотка, причемъ онъ чаще всего смѣялся надъ самимъ же собой. Прибавьте къ этому безграничное добродушіе, въ которомъ, какъ въ водѣ, растворялось и тонуло все остальное. Бурсацкая закваска настолько въѣлась въ попа Андроника, что онъ совсѣмъ не замѣчалъ ея и оставался старымъ, закоренѣлымъ бурсакомъ, не поддаваясь никакимъ новымъ вѣяніямъ и знаменіямъ времени. „Меня еще въ деревянной колодкѣ водили въ бурсѣ-то,—разсказывалъ старикъ въ веселую минуту: — а все за матушку-водочку... Поймали пьянаго, сначала отодрали, какъ сидорову козу, а потомъ на шею завинтили два деревянныхъ бруса да такъ и продержали цѣлую недѣлю. Вотъ у насъ какая была наука-то... Нынче ужъ, пожалуй, и въ острогахъ такъ не держатъ, какъ насъ учили!“ Колодка, это варварское, чисто-китайское наказаніе въ Россіи давно вывелась, но въ сибирской бурсѣ процвѣтала еще пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

— А въ семинаріи-то мы, братчикъ, учились развѣ по-нынѣшнему! — разсказывалъ о. Андроникъ. — Народъ все большой былъ — великовозрастіе... По тридцати лѣтъ бывали лбы. И здоровенный народъ. Взять хоть меня: подковы гнулъ, братчикъ, двухпудовыя гири бросалъ на крыши. Силища былъ у меня, какъ у хорошаго чорта. Въ однихъ тиковыхъ халатикахъ ходили въ семинаріи, а зимой въ шубахъ въ классѣ сидѣли. А каждое воскресенье у насъ кулачный бой происходилъ съ мѣщанами — стѣна на стѣну. На масленицѣ какъ-то, братчикъ, мы двоихъ мѣщанъ уходили—и не дохнули... Однимъ словомъ, могутный былъ народъ, не осѣвки какіе-нибудь. Крѣпко иногда доставалось и намъ... Однажды, братчикъ, одинъ столяръ такъ меня угостилъ по головѣ гирькой, что двѣ недѣли безъ памяти вылежалъ въ больницѣ. Только одно плохо было: все бѣдный народъ былъ, гроша расколотаго за душой не бывало. Какъ птицы небесныя, братчикъ, жили, и ничего... Бывало, на вакацію насъ обозомъ отправляли, какъ дрова. Подводъ семьдесятъ наберутъ, нагрузятъ семинаристами и повезутъ. Недѣлю въ обозѣ-то плывешь: лошадь везетъ, а кушать нечего. Сами должны были промышлять пропитаніе... Ужъ насъ знали по тракту: какъ обозъ съ семинаристами въ деревню, бабы всѣ двери на запоръ, потому—гусь попалъ—гуся въ мѣшокъ, поросенокъ—и поросенка туда же, хлѣба, овоща, молока. Силой такъ и отбираемъ, какъ разбойники хорошіе. Вѣдь насъ орда валитъ человѣкъ въ полтораста, ничего не подѣлаешь... И головы только, братчикъ, были!.. Маленькія деревни такъ мы приступомъ брали... Ну, разъ и намъ досталось на орѣхи. Ѣхали мы мимо одной татарской деревни,—большая деревня, а у татаръ какой-то праздникъ случись — ну, ураза по-ихнему. Хорошо. Ѣдемъ мы мимо мечети, а въ мечети народъ Аллѣ молится. Тутъ кому-то и пади въ голову: схватилъ мѣшокъ съ двумя поросятами, забѣжалъ въ мечеть да мѣшокъ и бросилъ по самой серединѣ. Сдѣлали мы это дѣло, а потомъ и видимъ, братчикъ, что неладно сдѣлали... Отмолятся татаришки, въ погоню за нами ударятся, а на обозѣ не ускочишь. Ямщики сильно струхнули... Ну, выпили ведро водки для храбрости и поземъ по дорогѣ. Только вдругъ, слышимъ, погоня: вся деревня за нами гонится на вершныхъ. Человѣкъ сто татаришекъ такъ и мчатся на насъ,—кричатъ, нагайками машутъ. Дреколье разное съ ними... Ну, мы были

не плохи: телѣги сдвинули стѣной, а сами за телѣгами засѣли, тоже съ дрекольемъ да съ камнями. И началась, братчикъ, настоящая битва: едва мы живы ушли тогда... Больно злы эти татаришки, — такъ съ ножами и лѣзутъ на насъ. Крѣпко намъ досталось... Кому глазъ подбили, кому спину отшибли, кому голову... настоящее поле на брани убіенныхъ!..

Паньша во многихъ отношеніяхъ былъ полной противоположностью о. Андроника и, вѣроятно, въ силу такой противоположности питалъ къ старику какую-то собачью привязанность. Самъ по себѣ Паньша являлся тѣмъ, что̀ принято называть широкой русской натурой; широчайшая безхарактерность и непреодолимая страсть къ водкѣ сдѣлали изъ Паньши неудачника и вѣчнаго дьячка. Онъ былъ уменъ, изворотливъ, находчивъ, умѣлъ польстить, но, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, обнаруживалъ всѣ признаки самой черной неблагодарности, хитрилъ, обманывалъ и продавалъ. Особенностью Паньши въ этихъ качествахъ было то, что онъ всегда дѣйствовалъ „подъ наитіемъ“ или когда въ его головѣ „блеснетъ искра“. Мугайская церковь имѣла при себѣ большой причтъ, причемъ попы, дьяконы, дьячки вѣчно рознили, и Паньша являлся великимъ дѣльцомъ въ сферѣ этой внутренней политики,—обманывалъ, подстрекалъ, наушничалъ и просто клеветалъ. Въ своей роли онъ являлся неподражаемымъ и даже обнаруживалъ какую-то поэтическую складку, когда приходилось изобрѣтать что-нибудь необыкновенное. Какъ оправданіе, Паньша могъ бы привести свое затаенное желаніе какъ-нибудь сдѣлаться дьякономъ, — это желаніе превратилось у него въ настоящую idée fixe. Но дьяконство, за разными независящими обстоятельствами, какъ-то всегда ускользало изъ-подъ самаго носу Паньши: то Паньша подерется въ пьяномъ видѣ, то сгрубитъ попу, то крѣпко побьетъ жену,—однимъ словомъ, вѣчно устроитъ что-нибудь самое неудобосказуемое, а начальство все это мотаетъ да мотаетъ себѣ на усъ. Сближеніе Паньши съ о. Андроникомъ и съ учителемъ разсматривалось заводскими политиками, какъ явный заговоръ противъ новенькаго и неопытнаго священника.

IV.

Въ Мугайскомъ заводѣ я пробылъ недѣли двѣ, а затѣмъ уѣхалъ въ другую часть Урала, но года черезъ полтора, послѣ Рождества, мнѣ опять пришлось заѣхать къ Фатѣвнѣ.

Видъ на Мугайскій заводъ зимой былъ самый печальный, потому что всѣ домики и даже фабрика точно утонули въ глубокомъ снѣгу.

Небольшія избушки совсѣмъ исчезали въ сугробахъ снѣга, и только къ воротамъ у хорошихъ хозяевъ были прогребены въ снѣгу глубокія траншеи; изъ оконъ такихъ избушекъ не видно улицы въ теченіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ. Домикъ Фатѣвны стоялъ на самомъ юру, и сѣверо-восточный вѣтеръ наметалъ вокругъ него громадные снѣжные завалы, такъ что во дворъ намъ приходилось въѣхать, точно въ яму. Расчищать снѣгъ вокругъ дома Фатѣвна считала излишней роскошью, потому что, все равно, въ первую же пургу намететъ вдвое больше, — значитъ, супротивъ Бога не пойдешь, а только даромъ деньги изводить на снѣговыя раскопки.

— И въ самый ты часъ, дѣва, пріѣхалъ! — встрѣтила меня Фатѣвна, появляясь на крылечкѣ въ двухъ шубахъ.

— А что̀? — спрашивалъ я, съ трудомъ вылѣзая изъ глубокой кошевой.

— Да ужъ такъ... Пойдемъ въ горницы, тамъ самъ увидишь. Сугробно

ѣхать-то было, поди?.. Не въ проворотъ нынѣшнимъ годомъ снѣга напали: совсѣмъ замело.

Въ слѣдующей комнатѣ я, къ своему удивленію, встрѣтилъ Помпея Агаѳоныча Краснопѣвцева, который былъ одѣтъ по-домашнему, въ какомъ-то пестромъ халатѣ.

— Узналъ?—спрашивала Фатѣвна меня, забѣгая впередъ.—На фатерѣ у меня стоитъ теперь... Какъ же!.. Ну, ужъ говорить, что ли, всю правду, Агаѳонычъ? А?..

— Говори, если языкъ чешется,—угрюмо отозвался Паганини, вспыхнувъ до ушей.

— И скажу, дѣва... Развѣ это худое что-нибудь? Ты ужъ поздравь насъ,—обратилась Фатѣвна ко мнѣ.—Въ женихахъ у насъ Помпей-то Агаѳонычъ живетъ... Вотъ тѣ истинный Христосъ!.. Въ законъ вступить хочетъ...

— А на комъ онъ женится?—спросилъ я.

— Какъ на комъ, дѣва? На Ѳеклистѣ моей... Какъ же!.. Второй мѣсяцъ теперь приданое ей проворимъ съ Глафирой. Въ настоящемъ видѣ свадьбу справляемъ, какъ слѣдуетъ быть свадьбѣ... Обрученье ужъ было... Отецъ Егоръ и благословлялъ жениха съ невѣстой.

— Будетъ тебѣ молоть-то, Фатѣвна!—огрызнулся Паганини, начиная терять терпѣніе.—Ступай лучше, насчетъ самовара орудуй...

Фатѣвна самодовольно посмотрѣла на будущаго зятя своими ястребиными глазами: дескать, вотъ, погляди-ка, какого я зятька для Ѳеклисты обработала,—въ лучшемъ видѣ... Въ ея обращеніи съ Помпеемъ такъ и сквозило то особенное чувство собственности, съ какимъ всѣ женщины относятся къ своимъ вещамъ: очевидно, Паганини попалъ въ движимое имущество Фатѣвны. И ситцевый сарафанъ сидѣлъ на Фатѣвнѣ какъ-то не такъ, какъ раньше, и лицо точно помолодѣло, и повертывалась она еще быстрѣе прежняго,—видимо, она переживала свою самую счастливую минуту, какъ баба по преимуществу, для которой вступленіе Ѳеклисты въ законъ являлось настоящимъ торжествомъ. Направившись къ двери, Фатѣвна вернулась съ полдороги и, уставивъ руки въ боки, проговорила:

— А вѣдь мы съ попомъ-то Андроникомъ опять вздоримъ... Ей-Богу, дѣва!.. Такъ вздоримъ, такъ вздоримъ... страсть!..

— Знаю, что вздорите... Это все изъ-за той лошади, которую ты купила тогда у о. Андроника за пятьдесятъ рублей и продала за сто?

— Вона... хватился!.. Мы ужъ послѣ того помирились и опять разссорились, и тоже изъ-за лошади все дѣло вышло. Какъ же, дѣва, я лошадку продала попу-то Андронику, семьдесятъ цѣлковыхъ взяла, а ему лошадь-то и не поглянись... Ей-Богу!.. Онъ мнѣ сейчасъ лошадь назадъ, а я деньги не отдаю; шире—далѣ—и пошло, и пошло.

— Лошадь, вѣроятно, была скверная?

— Лошадь? Ну ужъ, дѣва, ты это врешь... Лошадь первый сортъ. Я на ней верхомъ по всему заводу ѣздила: картина, а не лошадь... Ну, а попъ-то Андроникъ, хоть до коней и большой охотникъ, а толку не хватаетъ... Новокупка-то у него совсѣмъ отъ рукъ отбилась, теперь способу съ ней никакого нѣтъ. Да и куда Андронику съ конями возиться, когда у него брюхо вонъ какое, точно тройней собирается родить.

— Да ужъ что̀ тутъ попусту болтать,—замѣтилъ Паганини:—надула ты Андроника лошадью, и вся тутъ...

— Я? Да вотъ сейчасъ на этомъ самомъ мѣстѣ... съ мѣста вотъ мнѣ не сойти, ежели я отъ Андроника хоть на синь-порохъ попользовалась, дѣва!..

— Не божись, Фатѣвна, и въ доягъ повѣримъ...

— Лошадь-то какая была: угодница... Каряя съ ремнемъ во всю спину, и ушки поротыя. Пашистая она была маненько и на бабки у заднихъ ногъ садилась, ну, а все-таки настоящая лошадь: хоть воду, хоть воеводу вози. А чтобы я стала надувать отца духовнаго лошадью,—ужъ это ты напраслиной обносишь меня. Теперь-то Андроникъ ее, конечно, извелъ: приступу къ лошади нѣтъ,—такъ задними и передними ногами и хлещетъ и зубами хватаетъ. Четверо, слышь, ее едва запрягутъ! Оказія, дѣва, каку страсть изъ этакой смирнящей лошади сдѣлаютъ... Вотъ тѣ Христосъ!..

Мы съ Паганини долго смѣялись надъ Фатѣвной, которая никогда и ни въ чемъ не была виновата.

— И вѣдь все вретъ: отъ перваго до послѣдняго слова,—увѣрялъ Паганини, когда я по комнатѣ разминалъ ноги.

— То-есть относительно чего вретъ: относительно лошади или вашей женитьбы?

— Нѣтъ, относительно лошади вретъ, а женитьба это ужъ совсѣмъ другое...

Помпей Агаѳонычъ сдѣлался мраченъ и замолчалъ; пока Фатѣвна воздвигала на столъ кипѣвшій самоваръ со всѣми его атрибутами, онъ шагалъ изъ угла въ уголъ, какъ маятникъ. Собственно, чайной частью завѣдывала Феклиста, но сегодня она не показывалась почему-то. Когда на столѣ появилась семга и бутылка водки, мы, въ торжественномъ молчаніи, приступили къ трапезѣ. Паганини опрокинулъ сразу двѣ рюмки водки и долго прожевывалъ ломтикъ соленой рыбы. Самоваръ кипѣлъ, какъ самый радушный хозяинъ, который не знаетъ, чѣмъ угостить дорогихъ гостей; въ комнатѣ сдѣлалось еще теплѣе, и окна отпотѣли. Короткій зимній день кончался, и съ улицы глядѣла вѣтреная и холодная зимняя ночь. Мы долго сидѣли въ полумракѣ, наслаждаясь тѣмъ сибирскимъ кейфомъ, который называется сумерничаньемъ. Тамъ, сейчасъ за стѣной, бушевала снѣжная вьюга, гдѣ-то далеко-далеко подвывала волчья стая, а здѣсь было такъ тепло и уютно. Согрѣвшись послѣ дороги, я чувствовалъ во всемъ тѣлѣ ту пріятную истому, когда крѣпкій, здоровый сонъ вяжетъ человѣка, какъ веревками. Глаза слипались сами собой, самоваръ запускалъ отдѣльныя пискливыя ноты и вдругъ ихъ обрывалъ, точно пробовалъ какую-то позабытую мелодію; Паганини жегъ одну папироску за другой, прихлебывалъ изъ стакана чай и упорно молчалъ, какъ запертый шкапъ.

— А вѣдь дѣло дрянь... — проговорилъ наконецъ Паганини, зажигая оплывшую сальную свѣчку въ высокомъ мѣдномъ подсвѣчникѣ.

Длинное, худощавое лицо учителя было покрыто красными пятнами; длинные волосы падали на узкій бѣлый лобъ какими-то косицами, но въ этомъ странномъ лицѣ было что-то симпатичное. Есть такіе некрасивые люди, которыхъ какъ-то не замѣтишь съ перваго раза, а потомъ полюбишь ихъ всей душой. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и Помпей Агаѳонычъ. Онъ и держалъ себя какъ-то особенно,—постоянно въ сторонкѣ, точно все боялся чего-нибудь, особенно, если въ комнатѣ былъ новый человѣкъ.

— А что?—спросилъ я.

— Подлость...—коротко отвѣтилъ Паганини, бросая на полъ недокуренную папиросу.—Представьте себѣ, вѣдь Андроника просто сживаютъ со свѣту... Да. Все отецъ Егоръ подсиживаетъ. Два раза ужъ судъ наѣзжалъ на Андроника; ну, конечно, ихній же, поповскій судъ, а теперь третьяго ждать нужно. Андроникъ-то два раза самъ въ губернію ѣздилъ, консисторію замазывать.

— Да въ чемъ у нихъ дѣло-то?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что собственно даже дѣла никакого не вышло, а такъ, рознятъ—и вся тутъ... Это всегда, положимъ, было, но отецъ Егоръ задушилъ консисторію жалобами. А теперь еще переманилъ на свою сторону Паньшу... Помните?

— Какъ же, отлично помню: еще усмирялъ тогда собаку у отца Андроника...

— Да, да... И представьте себѣ, этотъ самый Паньша, который живмя жилъ у отца Андроника, теперь противъ него же, а отцу Егору это и на руку, потому что Паньша является главнымъ свидѣтелемъ противъ отца Андроника. Вѣдь онъ знаетъ всю подноготную про старика,—этимъ отецъ Егоръ и воспользовался... Теперь идетъ такая кляуза у нихъ, что не приведи Господи.

Учитель опять заходилъ по комнатѣ и нѣсколько разъ поправилъ свои длинные волосы, точно они мѣшали ему думать. Измѣна Паньши произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, что̀ я и высказалъ.

— Я сначала то же самое думалъ, что̀ и вы,—отвѣтилъ Паганини, наливая рюмку.—Но теперь я нѣсколько измѣнилъ свой взглядъ. Да... Время такое подлое... А что̀ значатъ какой-нибудь отецъ Егоръ или Паньша, взятые отдѣльно? Рѣшительно ничего, даже говорить не сто̀итъ, кромѣ того, что плюнуть на нихъ. Но совсѣмъ другой вопросъ получается, если мы взглянемъ на дѣло шире: прежде такіе кляузники являлись исключеніями, а теперь они перешли въ общее правило.

Выпивъ рюмку водки, Паганини горячо заговорилъ о новомъ типѣ батюшекъ, представителемъ которыхъ являлся о. Георгій.

— Вѣдь онъ вездѣ пролѣзетъ, увѣряю васъ!—горячился Паганини, взмахивая руками, какъ вѣтряная мельница.—Ему до всего дѣло, его вездѣ спрашиваютъ... И всѣ эти молодые попики на одну колодку! Въ земство лѣзутъ, въ школы, въ волость, и вездѣ проводятъ свои идеи: забрать понемногу въ руки и то, и другое, и пятое, и десятое. Взять теперь хоть школы: гдѣ новый батюшка завелся, учитель держи ухо востро... Особенно учительницамъ достается отъ этихъ батюшекъ... Прежнимъ попамъ, въ родѣ Андроника, тогда узна̀ютъ цѣну, когда ихъ не будетъ... До сихъ поръ въ старыхъ попахъ видѣли только однѣ смѣшныя стороны, а хорошихъ никто не хотѣлъ замѣчать. Посмотрите на Андроника: вѣдь это натура,—настоящая, цѣльная натура, у которой все оригинально, все по-своему... Онъ самъ навязываетъ себѣ такіе недостатки, о какихъ новые батюшки благоразумно умалчиваютъ. Даже самая необразованность и неотесанность старыхъ поповъ имѣла свою хорошую сторону: разъ—они стояли ближе къ мужику, а второе—довольствовались самой скромной обстановкой и привычками... Новые батюшки будутъ ближе стоять къ образованнымъ и зажиточнымъ классамъ, но они совсѣмъ разойдутся съ народомъ, которому, главнымъ образомъ, и должны были бы служить. Даже сравнительно большое развитіе умственное и внѣшняя отесанность являются здѣсь новымъ зломъ. Вотъ подите вы, какая штука выходитъ... Я не говорю объ исключеніяхъ, объ единицахъ, которыя вездѣ найдутся, но важенъ общій характеръ, самый тонъ движенія.

Мы долго проговорили о трудныхъ временахъ и о текущихъ мугайскихъ событіяхъ. Паганини все пилъ, рюмку за рюмкой, и наконецъ совсѣмъ опьянѣлъ, такъ что не могъ уже ходить по комнатѣ, а сидѣлъ на диванѣ, придерживаясь за его ручку. Наша сальная свѣча давно нагорѣла и сильно оплыла; въ комнатѣ было накурено; меня „долилъ сонъ“.

— Послушайте... вѣдь вы меня считаете за подлеца... да!..—неожиданно проговорилъ Паганини послѣ длинной паузы.—Я вѣдь это чувствую...

— Что̀ вы, Помпей Агаѳонычъ... Съ какой это стати!..

— Отлично вижу... Что̀ я такое... а? Женихъ Ѳеклисты... будущій зять Фатѣвны... Ха-ха!.. Я вамъ разскажу все, какъ было...—продолжалъ Паганини съ откровенностью пьянаго человѣка.—Да... даже очень просто вышло. А впрочемъ, вы, можетъ-быть, думаете, что я опьянѣлъ и сдуру болтаю?.. Нѣ-ѣтъ...

Паганини тихо засмѣялся, сдѣлалъ безсильное движеніе подняться съ дивана и опять сѣлъ, мотнувъ головой, какъ теленокъ.

— Вы думаете, что это моя первая любовь... Ха-ха!.. Да... Ѳеклиста... Позвольте, вы, можетъ-быть, полагаете, что я женюсь на этомъ уродѣ изъ-за денегъ? Домомъ Фатѣвны хочу завладѣть?.. Н-нѣтъ, ошибаетесь... Да. Я долженъ жениться, послику... однимъ словомъ, грѣхъ покрыть закономъ нужно. Какъ же... свой же и грѣхъ-то... Осенью дѣло было... На вечеринкѣ встрѣтился съ Ѳеклистой... ну, выпилъ, а потомъ вотъ очутился здѣсь, да и не выходилъ отсюда. А теперь Ѳеклиста въ такомъ положеніи, что я, какъ честный человѣкъ, долженъ вступить съ ней въ законъ... А Фатѣвна радуется... цѣпочку серебряную мнѣ подарила... какъ же... Ежели разобрать, такъ я, собственно, даже не сто̀ю Ѳеклисты... Ей-Богу!.. Она глупа, какъ соленая рыба, но хорошая дѣвушка и любитъ меня по-своему. А позвольте, вы меня все-таки считаете поддецомъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же... Какое кому дѣло до вашей интимной жизни.

— Вотъ именно... благодарю. Да... А признаться сказать, была у меня одна маленькая страстишка... Съѣздъ былъ учительскій, а на съѣздъ пріѣхала одна новенькая учительша... Изъ дворяночекъ она, изъ бѣдныхъ... Съ матерью живетъ... И славная такая, бѣленькая вся да нѣжная... и ручки бѣлыя, маленькія, а сама еще совсѣмъ почти ребенокъ. Ну, а тутъ и пришлось свой хлѣбъ горбомъ добывать, да попала она въ глушь, куда воронъ костей не носитъ... Скучно, жить хочется. Въ такомъ положеніи за одно ласковое слово человѣкъ душу отдастъ... Ну, встрѣтились, познакомились... Славная она такая, умненькая... такъ въ глаза и смотритъ... Хорошо. Какъ-то мы гуляли съ ней вечеромъ, она и говоритъ: „Женитесь на мнѣ, Помпей Агаѳонычъ...“. А сама какъ заплачетъ, по-ребячьи такъ заплачетъ... Ахъ, какъ мнѣ тогда было жаль ее... нѣтъ, и теперь жаль... Вся она бѣленькая такая, и платье на ней было бѣлое. Умѣла она это сдѣлать все, то-есть одѣться къ лицу и всякое прочее... Дворянская косточка, у нихъ въ крови ужъ это. И звали ее Ниной... Да, Ниночка... Ха-ха!.. Ѳеклиста и Ниночка... Я эту бѣленькую Ниночку въ бѣломъ платьицѣ какъ-то сразу полюбилъ, такъ и хожу за ней, какъ очумленный, а она все цѣлуетъ меня... урода этакого цѣлуетъ... Рѣшилъ я на ней жениться совсѣмъ и слово ей далъ... Хорошо. А потомъ пришелъ къ себѣ на квартиру и цѣлую ночь не спалъ... мысли одолѣли... даже плакалъ... Очень ужъ она мнѣ полюбилась,—рука не поднималась загубить. Ну, куда съ ней повернусь, когда у меня всего и жалованьишка двадцать пять рублей, да съ этими двадцатью пятью и помру... Да еще вотъ запиваю я частенько, въ обхожденіи грубъ.... Ну, а тамъ дѣтишки полѣзутъ... Ниночкѣ-то и пришлось бы и корову доить, и полы самой мыть, и всякую грязь тащить на себѣ... Это съ ея-то ручками! Отлично я представлялъ себѣ эту Ниночку своей женой... въ прозѣ-то самой представлялъ: какъ и личико у ней потухнетъ, и ручки загрубѣютъ, и сама она сдѣлается такой жалкой... Вотъ тогда я и разсудилъ, что не имѣю права губить ее изъ-за своего личнаго чувства, а что она мнѣ сама болтала, такъ это отъ жизни отъ тяжелой... Думалъ я тогда, что встрѣтитъ Ниночка лучше меня кого-нибудь,—зачѣмъ же ея-то счастью мѣшать? Да... Написалъ ей письмо, все написалъ и взялъ свое слово назадъ, а она

мнѣ послала свой локонъ... Бѣлые у ней волосы съ этакимъ золотымъ отливомъ...

Паганини махнулъ рукой и опять потянулся къ рюмкѣ.

— А теперь гдѣ эта Ниночка?—спросилъ я.

— Ниночка?.. Пропала ни за грошъ... да. Встрѣтилась она вскорѣ послѣ меня съ однимъ хорошимъ человѣкомъ, который ее обманулъ... а потомъ она и пошла чертить. Теперь гдѣ-то на пріискахъ болтается. Да... точно вотъ сонъ какой вижу... А вы, милостивый государь, все-таки считаете меня за подлеца?.. Да?.. А вѣдь я въ семинаріи кончилъ, батенька,—какъ же... Въ попы могъ поступить, какъ отецъ Егоръ. Даже могъ бы написать „И еще благочестивый крестьянинъ". Ха-ха!.. А оно вонъ что̀ вышло... Ѳеклистинъ мужъ! Да... Работать хотѣлось, убѣжденія проводить въ жизнь... А вышла вонъ какая исторія! Сначала-то я вѣдь долго не пилъ, все крѣпился, а тутъ какъ-то вдругъ... это послѣ Ниночки ужъ пошло... На все рукой махнулъ. А знаете, что̀ я вамъ скажу: вотъ вы слушаете меня, а не понимаете... и другой никто не пойметъ. Нужно въ нашу учительскую кожу влѣзть... Вотъ посидите-ка такъ, въ четырехъ стѣнахъ, восемь зимнихъ мѣсяцевъ,—тогда такая одурь возьметъ, такая одурь... точно вотъ червякъ какой сосетъ тебя... Ей-Богу, такъ и сосетъ день и ночь... А вотъ Андроникъ отлично понимаетъ... онъ все понимаетъ... Охъ, какая это душа... Золотая душа!.. Это онъ только съ виду этакимъ чортомъ-иванычемъ выглядитъ, а онъ все понимаетъ... Да-а... Онъ, хоть и хвалится своимъ поповскимъ житьемъ и любитъ деньгу, а тоже его сосетъ... Вотъ она, жизнь-то наша, какъ складывается: подлостей дѣлать не хочется, а настоящимъ человѣкомъ, какъ въ книжкахъ-то пишутъ, прожить не умѣемъ.

Когда Паганини заснулъ на своемъ диванѣ, въ комнату на носочкахъ вошла Фатѣвна и шопотомъ освѣдомилась относительно ужина.

— Очень онъ къ водкѣ слабъ,—замѣтила она про своего будущаго зятя.—Ну, да женится—перемѣнится!.. Это онъ теперь отъ своего холостого житья слабостями-то занимается, а послѣ не до того будетъ. А что̀, онъ не жаловался тебѣ на свое-то житье?..

— Нѣтъ, ничего...

Фатѣвна испытующе посмотрѣла на меня своимъ ястребинымъ окомъ и продолжала прежнимъ полушопотомъ:

— А ужъ я, признаться тебѣ сказать, даже струсила, какъ ты пріѣхалъ къ намъ... Вотъ-те Христосъ, дѣва!.. Думаю про себя, какъ примешься ты его разстраивать, примешься разстраивать...

— То-есть какъ разстраивать?

— А такъ, какъ жениховъ разстраиваютъ... То да се, и невѣста изъ мужичекъ, и всякое прочее, дескать, на поповнѣ жениться лучше. Вѣдь я это даже весьма понимаю, что Агаѳонычъ, хотя и дьяконскій сынъ, а совсѣмъ на господскомъ положеніи, въ томъ родѣ, какъ настоящій баринъ. Вонъ къ управителю въ гости ходитъ... Какъ же!.. Ну, съ нами-то ему скучно покажется... Вотъ я и боялась, дѣва, а сказать-то тебѣ позабыла, что думаю я въ третью гильдію записаться. Да, все же купчиха буду, дѣва... И Агаѳонычу не совѣстно будетъ передъ другими, потому какъ въ томъ родѣ, что на купеческой дочери женатъ. Оно гораздо даже любопытнѣе... А вѣдь я какъ за нимъ, за Агаѳонычемъ-то, ухаживаю,—съ ногъ сбилась. Теперь, съ осени считать—одной водки третье ведро идетъ... Ни въ чемъ не стѣсняю, дѣва, пусть побалуется, а тамъ ужъ какъ Господь пошлетъ. Духовную обѣщала на него записать—и домъ, и лавку, и всякое прочее обзаведеніе.

На улицѣ попрежнему бушевала снѣжная пурга; вѣтеръ съ остервенѣніемъ рвалъ ставни, завывалъ въ трубѣ и горстями разбрасывалъ во всѣ стороны сухой снѣгъ, точно толченое стекло. Помпей, не раздѣваясь, уснулъ на диванѣ, тяжело храпѣлъ и нѣсколько разъ начиналъ бредить. Изъ кухни, гдѣ собственно жила Фатѣвна, долго доносился какой-то неопредѣленный стукъ и сдержанный говоръ. До моихъ ушей донеслась обрывками ядовитая ругань, какой Фатѣвна имѣла привычку, на сонъ грядущій, прощаться съ Денисычемъ. „Пропасти на тебя нѣтъ...—ругалась Фатѣвна.—Хлѣбъ-отъ умѣешь ѣсть, а по чемъ онъ нонѣ,—а?.. Вонъ теперь сколько денегъ издержала опять на приданое Ѳеклистѣ: легкое мѣсто вымолвить,—какъ въ яму, такъ деньги и валишь. Водки одной...“ Я отлично представлялъ себѣ убитую и точно выжатую фигуру Денисыча, который въ покорномъ молчаніи выслушивалъ градъ сыпавшихся на него попрековъ. Навѣрно, онъ цѣлый день проработалъ на морозѣ, продрогъ и, грѣя на печкѣ свои смиренныя кости, отъ души завидовалъ своему будущему зятю, Агаѳонычу, который трескаетъ третье ведро водки... Хорошо бы пропустить стаканчикъ-другой съ холоду, такъ бы хорошо, а то Фатѣвна съ голоду не уморитъ—досыта не накормитъ. Навѣрно, Денисычъ слышалъ, какъ мы съ Помпеемъ пили водку, и завидовалъ намъ... А можетъ-быть, этотъ непроницаемый человѣкъ думалъ и свою думу: вотъ, дескать, погоди, Помпей Агаѳонычъ, отойдетъ и тебѣ масленица, какъ попадешь въ законъ. Фатѣвна-то завяжетъ тебя узломъ, а потомъ и Ѳеклиста заберетъ свою волю и такъ же будетъ тебя поѣдомъ ѣсть по вечерамъ.

Мнѣ вдругъ сдѣлалось страшно за беззаботно спавшаго Паганини, который попалъ въ это ястребиное гнѣздо, гдѣ все было такъ крѣпко и туго прилажено: погибнетъ онъ окончательно въ новой обстановкѣ „Ѳеклистина мужа“. А буря все выла на улицѣ свою безконечную пѣсню, и вѣтеръ неистово гулялъ по улицамъ, взрывая тучи снѣжной пыли. Лежа съ закрытыми глазами, я чувствовалъ, какъ подъ порывами этого вѣтра вздрагивалъ весь домъ Фатѣвны, точно на улицѣ бродилъ какой-то исполинъ-сумасшедшій, который напрасно старался, въ слѣпой ярости безумнаго, все разрушить кругомъ себя...

Вотъ чья-то громадная рука обшариваетъ уголъ дома, пробуетъ обшивку, задѣваетъ по пути за ставень; вотъ та же рука толкнула ворота... вотъ загремѣло желѣзо на крышѣ, завыло въ трубѣ, а онъ уже далеко, и только сквозь бурю доносится съ улицы его безумный хохотъ и стоны и опять хохотъ. Иллюзія получалась поразительная: вотъ опять кто-то крадется возлѣ самой стѣны дома... вотъ остановился, и слышно, какъ хруститъ снѣгъ подъ ногами, а потомъ кто-то опрометью бросился подъ гору, на прудъ, гдѣ бѣлой стѣной ходитъ снѣжная пыль, и всѣ звуки тонутъ въ одной надрывающей душу нотѣ именно сумасшедшей нотѣ...

V.

Справивши кое-какія свои дѣла, я отправился къ о. Андронику. Заложивъ руки за широкую спину, онъ, по обыкновенію, въ одномъ жилетѣ, тяжело ходилъ изъ угла въ уголъ по своей парадной гостиной и, видимо, былъ не въ духѣ.

— Ну, что, братчикъ, новенькаго на бѣломъ свѣтѣ дѣлается?—спрашивалъ старикъ, грузно повертываясь на каблукахъ.

— Да особеннаго ничего, отецъ Андроникъ.

Разговоръ не вязался; я, очевидно, явился тѣмъ гостемъ не въ пору,

который хуже татарина. Старику было не до гостей, а до себя. Посидѣвъ съ четверть часа, я началъ прощаться.

— Постой, братчикъ,—остановилъ меня о. Андроникъ. — Я сейчасъ... только за разговоромъ схожу.

Онъ улыбнулся и, подмигнувъ, отправился въ завѣтную темную каморочку, гдѣ у него хранились наливки. Черезъ минуту онъ вернулся съ двумя бутылками и по пути заказалъ безцвѣтной старушкѣ подать закуску. Это и былъ „разговоръ". Мы молча выпили по первой рюмкѣ, причемъ о. Андроникъ такъ крякнулъ, точно хотѣлъ раздавить диванъ, на которомъ возсѣдалъ. По наружности онъ замѣтно измѣнился: лицо совсѣмъ заплыло, подъ глазами появились мѣшки, вся фигура какъ-то обрюзгла и опустилась. Обыкновенно при гостяхъ о. Андроникъ изъ вѣжливости надѣвалъ сейчасъ же подрясникъ, а теперь оставался въ своемъ жилетѣ.

— Ты у Фатѣвны опять остановился?—спрашивалъ старикъ, грузно опыхивая.—Ахъ, шельма, какъ она меня оплела опять... Разсказывала, поди?.. Такую пропастину мнѣ всучила, что просто срамъ. Вѣдь не денегъ жаль, а совѣсть зазритъ: гдѣ глаза у стараго чорта были... Ей-Богу, изъ-за этой проклятой лошади теперь и дома больше сижу. Глаза въ люди стыдно показать, потому сейчасъ всѣ въ голосъ: „съ покупочкой, отецъ Андроникъ"...

— Зачѣмъ же вы у Фатѣвны покупали: вѣдь она уже разъ обманула васъ лошадью?

— Зачѣмъ? А врагъ-то силенъ... да. Я и другимъ всѣмъ заказывалъ, чтобы подальше отъ этой шельмы, а самъ и пришелъ къ ней. Такъ и зашелъ изъ любопытства, какъ она меня обманывать будетъ... Ну, она и выведи эту самую карюю лошадь: сѣла на нее верхомъ,—прогнала улицу, потомъ сама запрягла ее,—опять по улицѣ шаркнула. И лошадь только: такъ и стелетъ, такъ и рубитъ. Такъ она мнѣ понравилась, эта лошадь, что самъ вздумалъ ее попробовать, конечно, для любопытства,—еще лучше у меня бѣжитъ... Тутъ меня врагъ и попуталъ: на семидесяти цѣлковыхъ и по рукамъ ударили. А какъ привелъ покупку домой,—точно другая лошадь. Вѣдь вотъ и поди же ты!.. Ужъ я думалъ, не напустила ли она слѣпоту на меня да другую лошадь и подсунула... Ей-Богу, братчикъ! Приступу нѣтъ къ лошади—и конецъ: всѣми четырьмя ногами бьетъ, головой вертитъ, въ оглобляхъ падаетъ, на дыбы встаетъ... Чортъ, а не лошадь!..

Разсказывая о своей покупкѣ, о. Андроникъ сильно оживился.

— Видишь, братчикъ, эта лошадь ужъ не спроста въ мои руки попала, а такъ...

— Какъ?

— Да ужъ такъ... Оно, братчикъ, все, какъ пойдетъ на одну руку, тутъ только держись. Слышалъ про Паньшу-то? Какъ же, къ Егоркѣ переметнулся... И кляузы на меня вмѣстѣ пишутъ. Вѣдь два раза ужъ судъ на меня наѣзжалъ, а я и въ усъ не дую... Вотъ имъ всѣмъ...

Старикъ показалъ пальцами нѣчто очень вульгарное и разсыпался своимъ заливистымъ хохотомъ, но сейчасъ же смолкъ и нахмурился.

— Въ чемъ же у васъ дѣло-то, отецъ Андроникъ?

— Да ни въ чемъ... И дѣла никакого нѣтъ, а такъ, Егоркѣ хочется меня выкурить изъ Мугая, а я говорю: „Погоди, братчикъ, еще материно молоко на губахъ не обсохло"... Вотъ и все. Самъ два раза въ консисторію гонялъ, три сотенныхъ свезъ кровопійцамъ.

Отецъ Андроникъ выпилъ нѣсколько рюмокъ и замѣтно раскраснѣлся; очевидно, воспоминаніе о консисторіи подѣйствовало на него очень непріятно.

— А вѣдь Егорка-то, братчикъ, оказывается попъ съ оттѣнкомъ,—проговорилъ наконецъ старикъ послѣ долгой паузы.

— То-есть какъ съ оттѣнкомъ?

— А вотъ такъ же... Ты вотъ послушай, братчикъ.

Поднявшись съ дивана и вытянувъ лѣвую руку впередъ, о. Андроникъ пригнулъ первый палецъ и проговорилъ:

— Во-первыхъ, Егорка обвиняетъ меня въ незаконномъ сожитіи съ солдатской вдовой Василисой... Это какъ по-твоему, братчикъ? Василиса, дѣйствительно, иногда приходитъ полы мыть и козъ доить,—не самому же мнѣ въ поломойки итти и съ дойникомъ въ хлѣвъ ходить! Во-вторыхъ, Егорка обвиняетъ меня за недозволительную игру свѣтскихъ пѣсенъ на гитарѣ. На гитарѣ я, дѣйствительно, игралъ, но и царь Давидъ „скакаше играя", не то что на гуслѣхъ и органѣхъ, но и тимпанѣхъ доброгласныхъ... Ха-ха!.. Что̀ такое гитара? Какъ-то, дѣйствительно, Паньша съ Паганини пѣли прошлымъ лѣтомъ „Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту", а я на гитарѣ наигрывалъ. Это точно, было, ну, а вины за мной все-таки никакой нѣтъ... Только меня одно смущаетъ: и прежде рознь была между попами, а только такого еще не бывало. Ну что̀ я сдѣлалъ этому Егоркѣ, ежели разобрать? Ничего... Вотъ меня это и удивляетъ больше всего! Неисходимая въ немъ злость, въ Егоркѣ-то, вотъ онъ меня и таскаетъ по судамъ. Только, братчикъ, Егоркѣ ничего не взять съ меня: шалишь!

Въ подтвержденіе своихъ словъ о. Андроникъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что бутылки и рюмки зазвенѣли. Я старался успокоить расходившагося старика, но онъ еще сильнѣе разгорячился и принялся, съ своей стороны, обвинять о. Егора въ разныхъ неподобныхъ поступкахъ, которые тутъ же выдумывалъ и которымъ самъ первый не вѣрилъ...

— Только попадись мнѣ въ лапы этотъ Егорка!—уже кричалъ о. Андроникъ, бѣгая по комнатѣ съ развѣвавшимися волосами.—Меня разсердить трудно, а ужъ какъ разсержусь—хуже льва, братчикъ...

Я нѣсколько разъ заходилъ къ о. Андронику послѣ этого, и каждый разъ наши разговоры вертѣлись все около одной и той же темы. Старикъ сильно храбрился, особенно подкрѣпившись „стомаха ради и частыхъ недугъ", но видно было, что онъ чувствовалъ себя не по себѣ и часто задумывался.

— Нѣтъ, братчикъ, мудрено нынче на свѣтѣ жить,—повторялъ о. Андроникъ нѣсколько разъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Ужъ на что, кажется, я старикъ, а и то помѣшалъ, сживаютъ съ мѣста... Конечно, у меня есть свои недостатки: испиваю рюмочку, ну, еще, можетъ, что̀ найдется. Кто безъ грѣха, братчикъ, а только другимъ-то я никому зла не дѣлалъ... Эхъ, братчикъ, да что̀ тутъ говорить!.. Если по-человѣчеству-то взять да разсудить: овдовѣлъ я на двадцать третьемъ году, а составъ-то у меня вонъ какой... Теперь-то я разбухъ, а прежде лошадь за переднія ноги поднималъ, двухпудовыя гири за ворота перекидывалъ. Да... Егорка пьянствомъ меня коритъ, а куда бы я съ силой-то своей дѣвался, если бы не водка?.. Еще спасибо, что, она, матушка, силы-то поубавила, а то безъ бѣды бѣда... Всѣ люди, какъ люди, а ты какимъ-то гороховымъ чучеломъ и живи, да еще всѣ каждый шагъ у тебя усчитываютъ. Конечно, на мнѣ священный санъ... Это вѣрно. Только, братчикъ, есть поговорка, что къ мірскому человѣку одинъ бѣсъ приставленъ, а къ попу-то семь... Оно такъ и выходитъ, ежели разобрать: и то тебѣ нельзя, и пятое-десятое нельзя... А что̀ Паганини?

— Ничего особеннаго...

— Свадьба у него передъ масленицей?

— Кажется...

— Что же, вполнѣ одобряю, поелику самъ Господь сказалъ, что „не хорошо жить человѣку одному“... Одобряю, братчикъ. Что онъ ко мнѣ-то не заглянетъ? Ты ему скажи, что я самъ бы къ нему забрелъ, да эта... Фатѣвна тамъ... видѣть ея не могу, братчикъ,—такъ съ души и воротитъ. Претитъ... Да и Егорка у нихъ теперь присутствуетъ,—тоже мнѣ не рука. Я ужъ больше дома теперь отсиживаюсь, какъ травленый волкъ...

Однажды, когда я зашелъ къ о. Андронику, онъ ходилъ въ старой енотовой шубѣ по двору. Двое трапезниковъ (церковные сторожа) ввертывали въ рогожную кошевку новыя оглобли. Очевидно, готовилась торжественная запряжка новокупки.

— Хочешь, прокачу на карькѣ?—предлагалъ о. Андроникъ.—Зима на исходѣ, надо объѣзжать лошадь, а то совсѣмъ отъ рукъ отобьется.

Подростокъ-кучеръ, какихъ держатъ всѣ попы, вывелъ изъ конюшни лошадь и, притпрукивая, началъ надѣвать на нее хомутъ. Это была самая обыкновенная каряя лошадь съ большой головой и длинными ушами. Она позволила себя ввести въ оглобли, но, когда стали затягивать супонь, неожиданно пала во весь бокъ. Это было только началомъ представленія. Когда, совмѣстными усиліями двухъ трапезниковъ, кучера и самого о. Андроника, ее подняли на ноги и опять поставили въ оглобли, она принялась бѣшено мотать своей головой, бить задними ногами и т. д. Въ виду предстоящей работы, о. Андроникъ препоясался по шубѣ широкимъ гаруснымъ шарфомъ и вооружился новымъ хлыстомъ.

— Это для актрисы у меня овесъ,—смѣялся старикъ, пробуя хлыстъ.— Я ей убавлю порцію-то, чтобы дурила меньше. Вишь, какое представленіе задаетъ... У!.. шельма!..

Послѣ долгой возни, новокупка наконецъ была запряжена, но вся дрожала и все оглядывалась назадъ, какъ мы будемъ садиться. Мальчикъ-кучеръ стоялъ у воротъ, ожидая момента, когда можно будетъ ихъ распахнуть. Наконецъ мы съ о. Андроникомъ сидимъ въ кошевой, ворота открыты, и лошадь вихремъ выноситъ насъ на улицу, гдѣ начинается вторая половина представленія. Отецъ Андроникъ, намотавъ вожжи на руки, напрасно старается сдержать ходъ новокупки, которая скачетъ по дорогѣ козломъ, задравъ голову. Наша кошевка летитъ стрѣлой по широкой улицѣ къ выѣзду; въ ныркахъ насъ такъ встряхиваетъ, что нужно держаться обѣими руками за раму экипажа.

— Держи меня, братчикъ!—проситъ о. Андроникъ, откидываясь всѣмъ тѣломъ назадъ, чтобы сильнѣе натянуть вожжи.

Но послѣднія слова онъ проговорилъ уже за кошевой, потому что лошадь сдѣлала неожиданный поворотъ за уголъ, въ другую улицу, и старикъ выкатился изъ экипажа, какъ тыква. Это происшествіе окончательно взбѣсило лошадь, и она понеслась по улицѣ, какъ стрѣла. Въ одномъ ныркѣ я тоже вылетаю изъ кошевой, а о. Андроникъ потащился на вожжахъ дальше. Черезъ минуту лошадь, кошевая и о. Андроникъ исчезаютъ на поворотѣ улицы, а я отправляюсь къ себѣ на квартиру, благо катастрофа произошла недалеко отъ дома Фатѣвны. Вся шуба у меня въ снѣгу, въ одномъ колѣнѣ чувствуется боль, и я, ругая новокупку и о. Андроника, подхожу къ отвореннымъ воротамъ своей квартиры. На дворѣ застаю живую картину: у столба стоитъ привязанная новокупка, одна оглобля расщеплена, о. Андроникъ въ разорванной шубѣ, весь въ снѣгу и безъ шапки, напрасно старается отбиться отъ Фатѣвны и Паганини, которые тащатъ его подъ руки въ горницу.

— Нѣтъ ужъ, дѣва, самъ пріѣхалъ, такъ нечего кочевряжиться!..—кричитъ Фатѣвна, ухватившись за рукавъ шубы о. Андроника.—Вонъ какъ на тебѣ одежда-то вся испластана...

— А все твоя лошадь, Фатѣвна,—ругается старикъ, уступая силѣ.—Это не лошадь, а дьяволъ!..

Костюмъ у о. Андроника въ самомъ печальномъ видѣ: передняя пола шубы изорвана, потому что онъ проѣхалъ на собственномъ животѣ цѣлыхъ три улицы; одинъ конецъ гаруснаго шарфа оторванъ, одна нога безъ калоши. Пока я шелъ, новокупка протащила о. Андроника двѣ улицы, прямо повернула къ дому Фатѣвны, гдѣ, на бѣду, ворота были отворены, и втащила о. Андроника во дворъ самымъ торжественнымъ образомъ.

— Тебѣ, дѣва, на козлухахъ ѣздить, а не на коняхъ,—говоритъ Фатѣвна, стаскивая въ передней разорванную шубу съ гостя.

— Это твоя работа!—огрызается о. Андроникъ.

— Нѣтъ, лошадь-то умная: знаетъ, что сердиться нехорошо, и привезла тебя къ намъ. Я сейчасъ самоварчикъ, о. Андроникъ, спроворю и всякое прочее. Милости просимъ, дорогой гостенекъ. И поговорка такая есть: званый да жданый гость милъ хозяину, а нежданый вдвое...

Къ счастью, о. Андроникъ отдѣлался только разорванной шубой и легкимъ ушибомъ лѣвой руки. Особенно серьезныхъ поврежденій не оказалось, и послѣ двухъ рюмокъ водки старикъ былъ въ самомъ хорошемъ расположеніи духа. Посланный на развѣдки Денисычъ принесъ потерянныя шапку и калошу.

— Вотъ и отлично,—торжествовалъ Паганини, не зная, какъ ему угощать о. Андроника.—Дѣйствительно, лошадь-то недурно сдѣлала... а?

— Подлецъ ваша лошадь, вотъ что̀!..—уже добродушно гремѣлъ о. Андроникъ, приводя въ порядокъ свою спутанную бороду.—Она меня ужъ не въ первый разъ такъ угощаетъ... А я все-таки держусь на вожжахъ—и конецъ дѣлу, такъ на брюхѣ за ней и качу.

Примиреніе о. Андроника и Фатѣвны состоялось при самой торжественной обстановкѣ, и мы проболтали до поздняго вечера, удерживая развеселившагося старика подъ разными предлогами. Появилась на сцену даже смиренная Глафира, которая прежде всего подошла подъ благословеніе къ о. Андронику и долго не соглашалась раздѣлить веселую компанію.

— Да садись, чего ты галеганишься?—упрашивалъ вмѣстѣ съ другими о. Андроникъ.—Вѣдь ужъ я знаю, что ты меня всего въ стихахъ описала... Да. Ну, признавайся: вѣдь описала, братчикъ?

— Ужъ какіе стихи, о. Андроникъ,—скромно отзывалась Глафира, закрывая ротъ своей костлявой, длинной рукой.—Еле ноги таскаемъ. Вотъ теперь съ приданымъ Ѳеклистѣ съ ногъ сбились... не шутка мѣсто! Тоже въ законъ дѣвиса вступаетъ, надо все выправить форменно... А какъ у васъ новокупка-то, о. Андроникъ?

— Охъ, не спрашивай... Камень на шею—вотъ мнѣ что̀ ваша новокупка, братчикъ! Вѣдь ты вмѣстѣ съ Фатѣвной тогда продавала лошадь... а?

— Не знаю ничего я въ этихъ коняхъ, о. Андроникъ. Это все Фатѣвна, у ней спрашивайте... А я, дѣйствительно, видѣла, какъ вы покупали лошадку, тогда еще порадовалась. Думаю про себя: веселенькая лошадка досталась о. Андронику, славная...

Паганини тоже развеселился и нѣсколько разъ проговорилъ:

— Эхъ, Паньши-то нѣтъ, а то мы такую „Разоренную“ спѣли бы, что чертямъ тошно...

— А я на Паньшу не сержусь, братчикъ,—добродушно басилъ о. Андроникъ.—Онъ не отъ ума въ клеветники обратился... Судить меня съ Егоркой хочетъ... Да. Ежели разобрать, такъ меня и безпокоить имъ не слѣдовало бы...

Воспоминаніе объ измѣнѣ Паньши какъ ножомъ обрѣзало веселое настроеніе о. Андроника, и онъ началъ прощаться. Фатѣвна однако взяла съ него слово пріѣхать въ гости черезъ день, когда у ней назначенъ былъ офиціальный балъ.

— Обѣщать-то я тебѣ пообѣщалъ,—говорилъ старикъ, надѣвая въ передней шапку:—а не знаю, можетъ, и обману... Вѣдь меня въ консисторію вызывали опять, а я написалъ, что боленъ. Егорка узнаетъ, что я по гостямъ хожу, накляузитъ такъ, что не расхлебаешь.

— Ну, дѣва, чего испугался: былъ нездоровъ, а тутъ Богъ здоровья послалъ,—успокаивала Фатѣвна съ своей обычной находчивостью.—А вашито суды извѣстные: воронъ ворону глазъ не выклюетъ...

— Не тѣ времена, братчикъ, не тѣ времена. Нынче своего-то бойся пуще чужого...

Чтобы о. Андроникъ не отказался, Фатѣвна послала за нимъ въ день бала свою лошадь, и старикъ волей-неволей пріѣхалъ. Теперь горницы Фатѣвны были биткомъ набиты гостями, преимущественно изъ мелкихъ торговцевъ и мелкихъ заводскихъ служащихъ. Въ одной комнатѣ танцовали кадриль подъ гармонику, въ другой дѣвушки пѣли пѣсни, въ третьей была устроена закуска. Въ числѣ гостей былъ и Паньша, который уже успѣлъ лизнуть нѣсколько рюмокъ, замѣтно осовѣлъ и къ каждому слову говорилъ: „хорошо“. Завидѣвъ входившаго о. Андроника, Паньша отправился за благословеніемъ.

— Преподобный отче... благослови!—говорилъ клеветникъ, лобызая руку о. Андроника своимъ дьячковскимъ лобзаніемъ.

— На хорошее Богъ тебя благословитъ, братчикъ, а на худое самъ догадаешься,—весело отвѣтилъ о. Андроникъ.

— Хорошо... Вы говорите, отче, чтобы на худое я самъ догадался... хорошо... Значитъ, вы подозрѣваете меня?

— Чего тутъ подозрѣвать-то?—отрѣзалъ старикъ.—Вмѣстѣ съ Егоркой кляузы разводите. На томъ свѣтѣ васъ обоихъ на одинъ крюкъ за языкъ повѣсятъ, вотъ и весь разговоръ...

— Вотъ, о. Андроникъ, встрѣчную,—просилъ Паганини, подводя гостя къ столу съ закуской.—Вмѣстѣ, пожалуй, и выпьемъ.

О. Андроникъ не отказался и только велегласно крякнулъ. За первой рюмкой послѣдовала другая, за второй третья и т. д. Меня удивляло, что старикъ разрѣшилъ въ такой мѣрѣ, но онъ самъ объяснилъ причину.

— Для храбрости дернулъ, братчикъ... Навѣрно, Егорка приплетется, такъ я ему покажу, курицыну сыну, гдѣ раки зимуютъ. Онъ думаетъ, я его боюсь... Ха-ха!..

Такой оборотъ дѣла не обѣщалъ ничего добраго, и я предупредилъ Паганини, чтобы онъ не упускалъ изъ виду о. Андроника, если появится о. Георгій.

Балъ былъ въ полномъ разгарѣ. Подгулявшіе гости кричали, какъ пѣтухи, и постоянно „повторяли“ у стола съ закуской. Въ одномъ углу, за ломбернымъ столомъ, усѣлись картежники и ломили въ стуколку. Табачный дымъ, винныя испаренія и жаръ выгнали меня въ ту комнату, гдѣ шли танцы. Провинціальныя барышни въ самыхъ пестрыхъ платьяхъ съ „паньями“ и прочей благодатью чинно разсѣлись на стульяхъ около стѣнъ и кокетничали

со своими кавалерами въ самой примитивной формѣ. Платья работы Глафиры положительно портили фигуры дѣвушекъ, но мода здѣсь, какъ, можетъ-быть, нигдѣ, являлась въ самой безпощадной формѣ. Я не могъ найти ни одной дѣвушки въ сарафанѣ—на всѣхъ были „паньи“. Молодые люди въ сюртукахъ и стоячихъ воротничкахъ были лучше, но тоже являлись жертвой моды по части широчайшихъ раструбовъ у панталонъ и совсѣмъ четырехугольныхъ носковъ у сапогъ. Танцовали въ четыре пары все одну и ту же кадриль безъ конца, и танцовали, нужно отдать справедливость, очень плохо. Глядя на эту молодежь, я сравнилъ невольно этотъ вечеръ съ одной крестьянской вечеркой, куда ни „паньи“ ни крахмальные воротнички еще не проникли,—и, право, у мужиковъ все было веселѣе, и красивѣе, и оригинальнѣе.

Только когда подгуляли старики, картина измѣнилась. Какой-то сѣдой прасолъ потребовалъ „руськую“ и вывелъ въ кругъ Фатѣвну, которая въ шелковомъ зеленомъ платьѣ была сегодня эффектна. Она сильно выпила и, какъ всѣ пьяныя бабы, хотѣла удивить міръ злодѣйствомъ. Гармоника, захлебываясь, пиликнула „камаринскую“, и началась „руськая“. Уставивъ руки въ боки и скосивъ голову на сторону, какъ пристяжная лошадь, Фатѣвна поплыла бѣлой лебедью; расходившійся прасолъ пустился вприсядку. Публика замѣтно оживилась и сочувственно притоптывала. Воодушевленная общимъ вниманіемъ, Фатѣвна усиленно сѣменила ногами и размахивала платочкомъ.

Въ дверяхъ, въ этотъ горячій моментъ, напротивъ о. Андроника, показалась блѣдная, испытующая физіономія о. Георгія, который явился на балъ неожиданно для всѣхъ.

VI.

На другой день послѣ бала, когда мы съ Паганини пили утренній чай, заявилась Глафира и послѣ обычной нерѣшительности проговорила:

— А вѣдь ночесь слѣдователи пріѣхали... попа Андроника будутъ судить. Какъ же... протопопъ да два депутата. На земской фатерѣ остановились...

Сейчасъ послѣ чая мы съ Паганини отправились къ о. Андронику. Старикъ, противъ обыкновенія, былъ въ подрясникѣ и только-что передъ нами читалъ „Духовный регламентъ“. Онъ встрѣтилъ насъ молча и молча же указалъ на 28 параграфъ „регулъ“ о пресвитерахъ, дьяконахъ и „прочихъ причетникахъ“, который гласилъ: „Прочее не токмо наблюдать надлежитъ, не безчинствуютъ ли священницы и дьяконы и прочіе церковники, не шумятъ ли по улицамъ пьяни, или, что̀ горшее, не шумятъ ли пьяни въ церквахъ, не дѣлаютъ ли церковнаго молебствія двоегласно, не ссорятся ли по-мужичью на обѣдахъ, не истязуютъ ли въ гостяхъ потчеванія (а сіе нестерпимое безстудіе бываетъ), не храбрствуютъ ли въ бояхъ кулачныхъ—и за таковыя вины жестоко ихъ наказывати. Но и сіе прилежно имъ заповѣдать епископъ долженъ, чтобы хранили на себѣ благообразіе, а именно, чтобы одѣяніе ихъ верхнее, хотя убогое, но чистое было, и единой черной, а не иной краски, не ходили бы простовласы, не ложилися бы спать по улицамъ, не пили бы по кабакамъ, не являли бы въ гостяхъ силы и храбрости къ питію и прочая симъ подобная. Таковыя бо неблагообразія показуютъ имъ быти ярыжными: а они поставлены пастырьми и отцами въ народѣ“.

— Конечно, братчики, тихое и мирное наше житіе!—какъ-то грустно проговорилъ о. Андроникъ, поглядывая въ окно на улицу.

— Ну, Богъ не безъ милости,—успокаивалъ Паганини.—Вѣдь не въ первый разъ судъ-то судитъ... Слѣдователь не велика важность,—что̀ еще скажутъ въ консисторіи.

— Нѣтъ, братчикъ, конецъ пришелъ... чувствую. Сонъ былъ сегодня такой... Ужъ это вѣрно! Я все приготовилъ, ежели что̀, на всякій случай...

— Да полно хандрить, отче,—уговаривалъ Паганини.—Не велика бѣда, что посудятъ. Ну, въ консисторію лишній разъ съѣздишь,—и вся тутъ.

— И въ консисторію больше не поѣду, братчикъ: будетъ. Пусть ихъ: все равно сживутъ.

Меня удивило необыкновенное малодушіе о. Андроника, который въ одну ночь какъ-то совсѣмъ опустился и состарился, точно перенесъ какую-нибудь тяжелую болѣзнь. Не было даже прежнихъ гнѣвныхъ вспышекъ, которыя смѣнились неестественной кротостью. Наши утѣшенія не придали о. Андронику бодрости, а только усугубили его мрачное настроеніе.

— Да я и не боюсь ничего... ничего не боюсь,—говорилъ старикъ, когда мы начали прощаться.—Никому я не сдѣлалъ никакого зла, а что̀ до моихъ грѣховъ—такъ это уже Богу буду каяться. Не о томъ я теперь думаю, братчикъ.

— А о чемъ?

— Да такъ, разныя мысли... Самое первое: жить надоѣло. А ты бы какъ думалъ? Ну что̀ я такое, ежели разобрать?.. Будетъ ужъ небо-то коптить... Пусть помоложе насъ поживутъ, а съ насъ даже очень довольно.

— А деньги-то какъ, отецъ Андроникъ?—пошутилъ Паганини.

— Деньги... Небось, братчикъ, тебѣ ихъ не оставлю, онѣ всегда найдутъ себѣ хозяина. Только я этимъ консисторскимъ ни-ни! расколотой полушки больше не дамъ. Это они выдумали изъ меня жилы тянуть,—нѣтъ, братчикъ, шалишь, съ деньгами-то я и безъ нихъ проживу...

Появленіе слѣдователя произвело въ Мугаѣ большое движеніе.

Свидѣтелямъ разнесены были повѣстки, причемъ вызывались на судъ Фатѣвна, Глафира и Паганини. Судбище имѣло происходить въ церкви, что̀ заставило клеветниковъ призадуматься въ виду присяги. Свидѣтели были народъ простой и боялись присяги, какъ огня.

— Пойдемте въ церковь?—предлагалъ мнѣ Паганини.—Интересно посмотрѣть...

— А меня не попросятъ уйти?

— Нѣтъ, ничего... Все свой народъ: кстати, вы и съ отцомъ Георгіемъ немножко знакомы, а онъ тамъ главный запѣвала.

Въ назначенный часъ мы были въ церкви, гдѣ народу набралось порядочно,—все вызванные сторонами свидѣтели. Дѣйствіе происходило въ лѣвомъ придѣлѣ, недалеко отъ прилавка старосты. Слѣдователь—лысый старичокъ-протоіерей—сидѣлъ за столомъ; по сторонамъ помѣщались два депутата-священника. Середину стола занимали бумаги и слѣдственно-духовныя книги. Отецъ Георгій торопливо перешептывался съ свидѣтелями, которые испытывали въ этой торжественной обстановкѣ невольное смущеніе. Трапезникъ, еще недавно запрягавшій намъ съ о. Андроникомъ новокупку, ставилъ въ сторонкѣ аналой съ крестомъ и евангеліемъ, завернутымъ по-походному въ епитрахиль,—значитъ, допросъ будетъ производиться подъ присягой, отъ чего передернуло многихъ. Въ толпѣ свидѣтелей было нѣсколько заводскихъ служащихъ, мастеровые, какая-то старушка съ палочкой и Фатѣвна съ Глафирой. Когда появился о. Андроникъ, эта толпа почтительно разступилась, давая дорогу. Поздоровавшись со своими судьями, о. Андроникъ занялъ мѣсто у стола

и внимательно обвелъ глазами толпу свидѣтелей. Паньша старался прятаться за чужими спинами, избѣгая встрѣчи со своимъ недавнимъ покровителемъ.

Начался допросъ свидѣтелей, причемъ они предварительно были уведены въ сторожку трапезникомъ, откуда и вызывались по одному, какъ это дѣлается въ настоящемъ судѣ.

— Что̀ вы можете разсказать по этому дѣлу?—обращался слѣдователь къ каждому новому лицу.

Свидѣтели изъ мастеровыхъ ничего особеннаго не показали, но зато одинъ прасолъ съ тонкой жилистой шеей утѣшилъ за всѣхъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сутягъ, которые встрѣчаются вездѣ, и особенно старался изобличить о. Андроника. Выискался такой же свидѣтель изъ заводскихъ служащихъ, который долго распространялся о томъ, какъ о. Андроникъ игралъ на гитарѣ свѣтскія пѣсни. Самый интересный моментъ слѣдствія наступилъ, когда была вызвана Фатѣвна, которая отрапортовала все, что̀ сама знала, и, между прочимъ, съ неподражаемымъ искусствомъ передала недавній случай, какъ она плясала, а о. Андроникъ кричалъ ей: „Чище, шельма!“.

— Не имѣете ли вы что-нибудь сказать свидѣтелю?—обращался слѣдователь къ о. Андронику послѣ допроса каждаго свидѣтеля.

— Можетъ-быть... а не помню... ничего не помню,—отвѣчалъ о. Андроникъ.

— А извѣстно ли вамъ, свидѣтельница Трегубова,—авторитетно тянулъ одинъ изъ депутатовъ,—какъ отецъ Андроникъ въ пьяномъ видѣ ѣздилъ по всему Мугайскому заводу, даже не ѣздилъ, а таскался на вожжахъ за лошадью?..

— Даже очень извѣстно, дѣва... И лошадь то, поди, моя у Андроника. Отличная лошадь... Ей-Богу!.. Ну, а у Андроника она пошаливаетъ и, точно, таскаетъ его на вожжахъ, даже во дворъ ко мнѣ затащила одинова... Стою я на крыльцѣ, а онъ, Андроникъ-то, и въѣхалъ во дворъ,—прямо на пузѣ такъ и тащится. А лошадка ничего, въ табунѣ давана пятьдесятъ цѣлковыхъ... Славная лошадка.

— Что̀ же, о. Андроникъ былъ пьянъ, когда въ такомъ видѣ былъ втащенъ къ вамъ во дворъ?

— Нѣтъ, дѣва, не замѣтила... Можетъ, и пропустилъ рюмочки двѣ, а я не замѣтила.

За допросомъ Фатѣвны послѣдовалъ допросъ Глафиры, причемъ прочитаны были даже ея стихи, обязательно доставленные слѣдователю о. Георгіемъ. Это была настоящая былина, начинавшаяся строфой:

Днесь Мугайская страна прославляется—
О. Андроникъ въ сметанѣ валяется...

Бойкая у себя дома на словахъ, особенно у себя во дворѣ, Глафира теперь сильно смутилась духомъ и понесла какую-то околесную.

— Это ваши стихи?—допрашивалъ старичокъ-слѣдователь.

— Ужъ оставьте вы меня, ваше высокоблагословеніе, съ этими стихами, ради истиннаго Христа... Сироту долго ли обидѣть. Если бы покойничекъ-тятенька былъ живъ, да развѣ бы я жила у Фатѣвны...

— Васъ не объ этомъ спрашиваютъ, свидѣтельница... Если эти стихи ваши, значитъ, вы хорошо знали описанныя въ нихъ событія?

— Охъ, сирота я горемычная...

Дѣло кончилось тѣмъ, что Глафира расплакалась и даже запричитала, такъ что ее попросили удалиться. Теперь оставался одинъ Памфилій Лихо-

шерстовъ, котораго и вызвали. Онъ подошелъ къ столу и самымъ униженнымъ шагомъ, придерживая лѣвой рукой полы расходившагося подрясника; но лицо Паньши было спокойно, и только маленькіе глазки смотрѣли съ вызывающей дерзостью, какъ у человѣка, отлично знающаго свое дѣло. Это былъ опытный клеветникъ, искушенный въ непрерывавшейся розни мугайскихъ поповъ. Отецъ Андроникъ, сидѣвшій до сихъ поръ спокойно, сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой и глубоко вздохнулъ, точно ему мало было воздуха.

— Что̀ вы имѣете сказать по этому дѣлу?—предложилъ предсѣдатель свой стереотипный вопросъ, склоняя голову на бокъ.

— Я-съ... О чемъ собственно разсказывать?

— Разсказывайте все, что̀ вы знаете...

Паньша окончательно воодушевился и всѣ свои вины свалилъ на голову о. Андроника. Происходила очень типичная сцена, точно цѣликомъ выхваченная изъ какой-то глупѣйшей сказки. Внутренность церкви была ярко освѣщена пыльными широкими полосами солнечнаго свѣта, падавшаго подъ угломъ сверху; въ глубинѣ высился сплошной золотой стѣной богатый иконостасъ; ближе со стѣнъ глядѣли образа̀ всевозможной формы, пахло ладаномъ, восковыми свѣчами. Столъ съ батюшками служилъ дополненіемъ этой картины. Старичокъ-слѣдователь, съ выхоленной благообразной сѣдиной, принадлежалъ къ типу заводскихъ священниковъ, какіе встрѣчаются только на Уралѣ; онъ держалъ себя съ тѣмъ приличнымъ достоинствомъ, какое пріобрѣтается долгой жизнью въ образованномъ, приличномъ кругу. Такіе заводскіе батюшки не принадлежатъ ни къ старымъ ни къ новымъ попамъ, а живутъ сами по себѣ. Своими слѣдовательскими обязанностями слѣдователь, видимо, тяготился и все поглядывалъ на золотые часы съ брелоками. Двое депутатовъ отличались только по цвѣту волосъ; одинъ молодой, бѣлокурый, съ веселой беззаботной физіономіей; другой постарше, съ начинавшейся лысинкой въ темныхъ волнистыхъ волосахъ, замѣтно дремалъ и, чтобы разогнать накатывавшійся сонъ, нѣсколько разъ принимался что-то писать на листѣ бумаги. Отецъ Георгій составлялъ душу этого слѣдовательскаго персонала и постоянно юлилъ около старичка-слѣдователя, нашептывая ему на ухо. Спрошенные свидѣтели чинно сидѣли въ уголкѣ, на двухъ скамьяхъ; съ этихъ скамей доносился сдержанный шопотъ, тяжелые вздохи и подавленная зѣвота. Вообще, получалась довольно однообразная и скучная картина, такъ что я хотѣлъ итти домой.

— Погодите, сейчасъ Паньша будетъ про Васеньку разсказывать,— шепнулъ мнѣ Паганини, уже освободившійся отъ своихъ свидѣтельскихъ показаній.—Посмотрите, какъ онъ вретъ,—глазомъ не моргнетъ...

Началась самая тяжелая сцена. Желавшій непремѣнно выслужиться, Паньша выворачивалъ всю подноготную изъ интимной жизни о. Андроника, причемъ невозможно было отличить, гдѣ кончалась ложь и начиналась правда. Отецъ Георгій сдѣлалъ печальное лицо и нервно потиралъ свои длинныя, бѣлыя руки, изрѣдка взглядывая на свою жертву пристальнымъ торжествующимъ взглядомъ. Лицо о. Андроника было красно, на лбу выступилъ крупный потъ. Собственно, прямыхъ уликъ, въ юридическомъ смыслѣ, Паньша не могъ представить, но косвенныхъ доказательствъ нагромоздилъ массу.

— Теперь намъ остается только произвести очную ставку между нѣкоторыми свидѣтелями, которыхъ показанія не сходятся,—проговорилъ слѣдователь, откидываясь на спинку стула.

Выслушивать еще разъ повтореніе прежнихъ дрязгъ и пустяковъ я совсѣмъ не желалъ и вмѣстѣ съ Паганини отправился домой. При выходѣ изъ

церкви мы столкнулись съ Паньшей, который съ другими свидѣтелями, подъ конвоемъ трапезника, опять препровождался въ сторожку.

— Ужъ и подлецъ же ты, Паньша!—ругался Паганини, останавливаясь.— Зачѣмъ вралъ-то цѣлый часъ?..

— Я?..—удивился Паньша совершенно естественно.—Совсѣмъ напрасно, Помпей Агаѳонычъ, вы меня подлецомъ крестите...

— Какъ напрасно? Вѣдь я-то ужъ знаю все, что̀ ты говорилъ...

— Хорошо вамъ такъ разговаривать, а вотъ ежели бы...

— Что̀ ежели бы?..

— Да вотъ такъ же, какъ меня, положить бы между двумя жерновами да и молоть,—тогда не то заговорили бы...

Паньша скрылся въ сторожкѣ, а мы вышли на паперть. День былъ солнечный, снѣгъ слѣпилъ глаза; въ воздухѣ чувствовалась приближавшаяся весна. Гдѣ-то съ крыши звонко падали крупныя капли таявшаго снѣга.

— Самое дрянное дѣло,—замѣтилъ Паганини, нахлобучивая шапку на глаза.—Собственно говоря, этой исторіи съ Васенькой даже я и не знаю, хотя бывалъ у о. Андроника каждый день. И Паньша тоже ничего не знаетъ, а вретъ потому, чтобы себя выправить... Этакое свинство!.. Только все это одна комедія. Вѣдь такія слѣдствія рѣшительно ничего не значатъ; все зависитъ отъ консисторіи. Не такія дѣла тонули въ рѣкѣ забвенія, только о. Андроникъ держитъ себя какъ-то совсѣмъ странно...

Слѣдствіе продолжалось дня четыре, причемъ свидѣтелей вызывали нѣсколько разъ для передопросовъ и очныхъ ставокъ. Затѣмъ слѣдователь и депутаты уѣхали, и потревоженная мугайская жизнь вошла въ свою колею. Въ виду близкой свадьбы Паганини, въ домѣ Фатѣвны все было перевернуто вверхъ дномъ; было два дѣвичника, потомъ явились подруги Ѳеклисты, въ качествѣ офиціальныхъ свадебныхъ „дѣвисъ“, и т. д. Чтобы избавиться отъ свадебной суеты, я часто уходилъ къ о. Андронику, особенно по вечерамъ. Старикъ скучалъ и радъ былъ побесѣдовать.

— Что̀ же вы въ консисторію-то не ѣдете?—нѣсколько разъ спрашивалъ я о. Андроника.—Вѣдь дѣло, пожалуй, дрянь будетъ...

— А я не поѣду—и вся тутъ... Пусть дѣлаютъ, что̀ хотятъ, братчикъ. Съѣздилъ два раза, побаловалъ, а въ третій-то жирно будетъ, пожалуй, подавятся. Все равно, ежели бы я и выжилъ Егорку, другого на его мѣсто такого же пошлютъ. Ну, теперь, ежели разобрать, зачѣмъ эти слѣдователи пріѣзжали? Осрамить меня осрамили, а узнать ничего не узнали...

Бывая у о. Андроника, я замѣтилъ по нѣкоторымъ признакамъ, что старикъ запилъ самымъ опаснымъ запоемъ. Раньше онъ всегда пилъ въ компаніи, а теперь нарѣзывался одинъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать. Въ теченіе нѣсколькихъ дней лицо у него опухло, голосъ охрипъ и глаза помутились.

— Вы нездоровы, о. Андроникъ?—нѣсколько разъ спрашивалъ я его.— Не мѣшало бы съ фельдшеромъ посовѣтоваться, а то и къ доктору съѣздить

— Нѣтъ, братчикъ, это такъ... пройдетъ,—отговаривался старикъ.

Мы сидѣли одни. На столѣ стоялъ потухшій самоваръ, стеариновая свѣча слабо освѣщала комнату, въ которой теперь водворилась какая-то жуткая тишина. Разговоръ не вязался, читать не хотѣлось, а спать было совѣстно,—всего семь часовъ на дворѣ. Мы долго молчали, и, когда я взглянулъ на о. Андроника, онъ сидѣлъ на диванѣ и плакалъ... Крупныя слезы такъ и лились по лицу, блестѣли на бородѣ и скатывались на подрясникъ.

— Охъ, скучно мнѣ, братчикъ,—тихо заговорилъ о. Андроникъ, выти-

рая глаза кулакомъ.—Тошно!.. Судомъ меня хотѣли застращать, а не знаютъ того, какой у меня судъ бываетъ по вечерамъ вотъ здѣсь, въ своемъ дому... Какъ стемнѣетъ, ставни запрутъ, тихо сдѣлается вездѣ,—меня и засосетъ тошнехонько. Страхъ какой-то нападаетъ... Самъ не знаю, чего боюсь. А такъ, хоть сейчасъ петлю на шею... Лягу пораньше спать, закрою глаза, а тутъ и пойдетъ и пойдетъ въ башкѣ-то представленіе... Богу молиться начну, такъ опять молитвы во мнѣ нѣтъ настоящей, а такъ въ головѣ слова-то переливаются, какъ вода, и—только. И все мнѣ тяжелѣе, точно я даже жизни своей не радъ. Вѣдь грѣшно это, а ничего не подѣлаешь. И мысли какія въ башку лѣзутъ: зачѣмъ жилъ, да зачѣмъ еще жить?.. Ей-Богу!.. Въ монахи даже нѣсколько разъ собирался,—все же оно на людяхъ... Развѣ Егорка это можетъ понять? Поглядѣть на него, такъ онъ весь тутъ, хоть выжми. Даже иногда, какъ раздумаюсь, мнѣ жаль сдѣлается этого Егорки: больно ужъ въ немъ этого ехидства много, а самъ пустъ...

— Надо лѣчиться, о. Андроникъ: у васъ просто нервы разстроены...

— Нервы... Эхъ, братчикъ, никакихъ во мнѣ нервовъ нѣтъ, а просто душа болитъ отъ этого постылаго житья. Я тогда на судѣ долго смотрѣлъ на этихъ свидѣтелей: рады-радехоньки про попа всякія глупости говорить, а сами развѣ лучше меня? Развѣ они были у меня на душѣ? Нашли въ чемъ обвинять!

Черезъ недѣлю былъ полученъ указъ преосвященнаго о запрещеніи о. Андроника. Вѣсть объ этомъ принесла Глафира. Мы съ Паганини сейчасъ же отправились навѣстить старика. Ворота домика о. Андроника, противъ обыкновенія, не были заперты, и мы безпрепятственно вошли на дворъ.

Меня еще издали поразилъ какой-то говоръ и глухое вскрикиваніе, которое доносилось изъ горницы. На порогѣ гостиной дѣло разъяснилось: на диванѣ, вытянувшись, лежалъ о. Андроникъ съ бѣлымъ застывшимъ лицомъ, а около него на колѣняхъ ползалъ Паньша.

— Авва... авва... авва!—кричалъ онъ, схватывая себя за жиденькія косицы.

— Что̀ такое, Паньша?.. О. Андроникъ?

Паньша обернулся, посмотрѣлъ на насъ какимъ-то изступленнымъ взглядомъ и опять затянулъ свое: „Авва... авва... авва!..“ Отецъ Андроникъ лежалъ мертвый. Параличъ избавилъ его отъ всѣхъ житейскихъ дрязгъ...

1884.

ДЕПЕША.

I.

Дворецкій Иванъ Андреичъ въ обыкновенное время имѣлъ очень важный видъ, а передъ праздниками точно замерзалъ въ собственномъ величіи. Послѣднее объяснялось тѣмъ, что къ Новому Году подавались всевозможные счета, являлись комиссіонеры, поставщики и разныя темныя личности, напоминавшія шакаловъ. У Ивана Андреича было всего два отвѣта: „барина нѣтъ дома“ и „баринъ спитъ“. Въ томъ и другомъ случаѣ ничего нельзя было [illegible]ать. Исключеніе представлялъ Новый годъ, когда Иванъ Андреичъ [illegible] уполномочіе отъ опеки производить расчеты за молодого барина, [illegible]ловіемъ, чтобы счета были подписаны.

— [illegible]тель извѣстная...—ворчалъ старикъ, надѣвая золотое пенснэ.— [illegible] урвать живымъ мясомъ, потому какъ нашъ баринъ, по молодости [illegible]ихъ лѣтъ, ничего не понимаютъ.

Молодой баринъ, который ничего не понималъ, носилъ очень громкую историческую фамилію: Мездринъ-Ухватовъ. Эта фамилія выдвинулась въ темное время бироновщины, когда родоначальникъ всѣхъ Мездриныхъ-Ухватовыхъ отличался особой преданностью временщику. Затѣмъ слѣдовалъ длинный періодъ, когда Мездрины-Ухватовы какъ-то были позабыты исторіей и снова возсіяли только во времена аракчеевщины. Къ этому періоду относится накопленіе фамильныхъ богатствъ, отчасти благопріобрѣтенныхъ личнымъ усердіемъ, а отчасти полученныхъ черезъ родство съ другими богатыми фамиліями. Въ эпоху реформъ Мездрины-Ухватовы опять были забыты неблагодарными современниками, хотя и не теряли надежды, что въ свое время ихъ призовутъ. Настоящее положеніе фамиліи было въ такомъ видѣ: глава семьи, Елена Анатоліевна, проживала въ теплыхъ краяхъ, какъ говорилъ Иванъ Андреичъ, а дѣти въ Петербургѣ. Старшій сынъ, Платонъ Ефимычъ, когда-то служилъ въ одномъ изъ дорогихъ кавалерійскихъ полковъ, а сейчасъ проживалъ въ собственномъ дворцѣ на Большой Морской и занимался отчасти меценатствомъ, поощряя молодые таланты въ области хореографіи, а отчасти изобрѣтеніемъ какого-то необыкновеннаго соуса, который долженъ былъ обезсмертить фамилію Мездриныхъ-Ухватовыхъ на всѣхъ ресторанныхъ счетахъ. Впрочемъ, Платонъ Ефимычъ былъ очень добрый и довѣрчивый человѣкъ, котораго не разоряли и не обирали только лѣнивые.

Младшій отпрыскъ Мездриныхъ-Ухватовыхъ точно отказался отъ семьи и жилъ отдѣльно. Когда онъ былъ бебе, мать любила его показывать своимъ гостямъ и таскала за собой по теплымъ краямъ. Маленькій Коко началъ свое образованіе въ Англіи, гдѣ у него была строгая миссъ; потомъ онъ очу-

тился въ Швейцаріи, въ одномъ привилегированномъ пансіонѣ, гдѣ маленькихъ знатныхъ иностранцевъ морили голодомъ; потомъ онъ попалъ въ католическій монастырь въ Италіи, гдѣ и былъ позабытъ до шестнадцати лѣтъ, когда получилъ право выбрать себѣ опекуна. Его выписали въ Петербургъ, и старый дворецкій Иванъ Андреичъ занялся окончательнымъ воспитаніемъ молодого набоба.

— Ничего, вотъ поступимъ въ гусары или уланы, тогда все пойдетъ само собой,—разсуждалъ вѣрный слуга.—Слава Богу, не какіе-нибудь другіе протчіе... Кто не знаетъ Мездриныхъ-Ухватовыхъ!

Увлекшись фамильнымъ величіемъ, Иванъ Андреичъ по пальцамъ перечислялъ всѣ мездринскія сокровища: въ Крыму—виноградники, въ Каспійскомъ морѣ—рыбные промыслы, въ Сибири—золотые пріиски, въ степи—два соленыхъ озера, въ Олонецкой губерніи—пятьдесятъ тысячъ десятинъ лѣса, въ Оренбургской губерніи—цѣлый заводскій округъ, и т. д. и т. д. Какъ ни мотали Мездрины-Ухватовы, какъ ихъ ни обирали разные приспѣшники и опекуны—фамильныя богатства были неистощимы.

Собственно, семья Мездриныхъ-Ухватовыхъ, какъ семья, давно уже не существовала, именно съ того момента, какъ кончился блестящій петербургскій періодъ Елены Анатоліевны, и она, не желая переживать своей славы бывшей красавицы, навсегда переселилась въ теплые края. При ней состоялъ тоже преданный старый слуга, Максимъ Алексѣичъ, который, помимо всякихъ другихъ дѣлъ, завѣдывалъ всѣми семейными обязанностями, т.-е. въ опредѣленные дни годовыхъ праздниковъ, рожденій и именинъ писалъ и отправлялъ дѣтямъ отъ имени Елены Анатоліевны стереотипныя телеграммы.

— Ты знаешь, что̀ нужно написать, и, пожалуйста, не безпокой меня этими глупостями,—сказала ему разъ навсегда Елена Анатоліевна.—Меня это разстраиваетъ...

Въ свою очередь, Иванъ Андреичъ писалъ и отсылалъ телеграммы отъ имени своего молодого барина Еленѣ Анатоліевнѣ. Читали эти телеграммы только эти двое вѣрныхъ слугъ, поддерживая священный огонь на семейномъ очагѣ. Иванъ Андреичъ называлъ телеграммы по-старинному—депешей.

II.

Итакъ, наканунѣ Новаго года Иванъ Андреичъ принялъ торжественный видъ и приготовился впередъ къ цѣлому ряду непріятностей. Молодой баринъ вернулся домой только утромъ и проспитъ до самаго вечера. Иванъ Андреичъ принималъ по дѣламъ въ особой комнатѣ, которую называлъ конторой. Лакей, извѣстный подъ именемъ Гришки Отрепьева, зналъ, что̀ будетъ происходить, и весело ухмылялся впередъ, потому что и на его долю перепадало кое-что отъ дорогихъ гостей со счетами.

Первымъ явился услужающій татаринъ изъ загороднаго кабака.

— Куда прешь?—оборвалъ его Гришка Отрепьевъ.

— Мнѣ бы Ивана Андрея...

— То-то вотъ: Ивана Андрея,—передразнилъ его Гришка Отрепьевъ.—Подождешь.

— Кто тамъ?—спросилъ Иванъ Андреичъ, слышавшій изъ коридора, какъ Гришка Отрепьевъ дерзитъ кому-то.

— Махмудка изъ „Пукета“.

Дѣло Махмудки было очень несложное: не заплачено по тремъ счетамъ, взято на извозчика десять рублей, слѣдовало получить за облитое краснымъ

випомъ платье цыганской пѣвицы Евгеши, потомъ „уваженіе“ прислугѣ къ празднику—и только. Иванъ Андреичъ посмотрѣлъ счетъ, покачалъ головой и проговорилъ:

— Любую половину, а подъ счетомъ подпишешься, что получилъ все сполна. Понялъ? Это не для меня, а для опеки.

Настеганный услужающій татаринъ спорить и прекословить не сталъ, получилъ половину, расписался на счетѣ и удалился.

За татариномъ явились два лихача, потомъ таперъ изъ „Букета“ (взято на извозчика десять рублей, кромѣ игры), потомъ закройщикъ отъ моднаго портного. Появленіе этого номера всегда волновало Ивана Андреича. Ну, скажите, пожалуйста, какой это порядокъ, ежели по счету за сюртукъ нужно было уплатить сто сорокъ рублей, за лѣтнее пальто двѣсти, за штаны по сорока? Голова Ивана Андреича качалась, какъ маятникъ старинныхъ часовъ, пока онъ провѣрялъ портняжную бухгалтерію. Приходилось переплачивать, по крайней мѣрѣ, въ шесть разъ противъ настоящей цѣны.

— Что̀ же это такое? — взмолился старикъ, прикидывая итогъ на счетахъ.—Дневной грабежъ.

— Это дѣло хозяйское, Иванъ Андреичъ, — отвѣчалъ закройщикъ. — А наше дѣло маленькое... Дѣйствительно, нужно получить съ васъ десять рублей, которые я заплатилъ за вашего барина лихачу.

— Десять рублей?!

— Спросите ихъ сами... Значитъ, какъ у нихъ не было при себѣ мелкихъ.

Эти „десять рублей“ являлись вездѣ и возмущали вѣрнаго раба больше всего. И какъ не стыдно срамиться барину передъ такими холуями...

Всѣ эти мелкіе счета раздражали Ивана Андреича именно своей ничтожностью. А главное было впереди. Старикъ чутко прислушивался къ каждому новому звонку и по лицу Гришки Отрепьева догадывался, что опять пустяки. Подали счетъ изъ голландскаго магазина бѣлья, гдѣ, между прочимъ, значилось двѣ дюжины женскихъ рубашекъ и дюжина ночныхъ кофточекъ, что̀ заставило Ивана Андреича вздохнуть и улыбнуться: молодой баринъ быстро дѣлался настоящимъ Мездринымъ-Ухватовымъ. Былъ даже счетъ изъ макаронной фабрики.

Наконецъ явился и *онъ*, т.-е. вѣжливый, приличный, улыбающійся французъ съ распушенными, какъ у кота, усиками.

— Какъ поживаете, Иванъ Андреичъ?

— Благодарю васъ, m-r Кабо. Какъ васъ Господь носитъ?

Французикъ только вздохнулъ и закатилъ глаза. О, какъ трудно имѣть дѣло съ настоящими русскими боярами, которые умѣютъ только подписывать счета̀ изъ ресторановъ, а деньги получать съ которыхъ такъ трудно! Иванъ Андреичъ чувствовалъ, какъ онъ холодѣетъ, ожидая рокового удара. Въ прошломъ году m-r Кабо преподнесъ ему счетецъ, ни больше ни меньше какъ въ одиннадцать тысячъ, и старику пришлось доплатить изъ своего кармана, чтобы не конфузить молодого барина передъ опекой. Годика черезъ три будетъ въ совершенныхъ лѣтахъ и тогда за все разсчитается.

— Да, трудненько, Иванъ Андреичъ, — тараторилъ m-r Кабо, потирая короткія ручки.—Я ужъ не знаю, какъ нынче выверется мой хозяинъ. Мы вѣдь должны всѣмъ вѣрить, чтобы поддержать честь заведенія, а это даетъ страшные убытки... Двое нашихъ кліентовъ застрѣлились передъ Рождествомъ, и — кнопсъ! — мы ничего не получимъ по ихъ счетамъ; третій — тоже очень хорошій человѣкъ—сосланъ въ Сибирь... за неосторожное обращеніе съ чужими

бланками на векселяхъ, а за четвертаго мы даже сами заплатили, пока умретъ его дядя. Вообще, очень и очень трудно.

М-г Кабо даже расчувствовался и уже полѣзъ въ отдувавшійся боковой карманъ своего щегольского смокинга, какъ вошелъ Гришка Отрепьевъ и сунулъ Ивану Андреичу чуть не въ носъ телеграмму.

— Изъ Парижу...

— Хорошо, убирайся вонъ,—разсердился Иванъ Андреичъ, откладывая „депешу“ въ сторону.

М-г Кабо молча положилъ на конторку общій счетъ своего ресторана и кипу оправдательныхъ документовъ съ подписью ничего не понимавшаго молодого барина. Иванъ Андреичъ, взглянувъ на итогъ, просто онѣмѣлъ: проклятые французики „заитожили“ цѣлыхъ тридцать шесть тысячъ.

— Это... это... это что̀ же такое? — бормоталъ старикъ. — Нѣтъ, я не могу... Обращайтесь къ опекѣ.

— Намъ все равно. Можете провѣрить всѣ счета.

Иванъ Андреичъ, по привычкѣ, взялъ одинъ счетъ и дочиталъ только до поросенка, оцѣненнаго въ шестнадцать рублей.

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не знаю,—застоналъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ до свиданія-съ...

— Всего хорошаго.

III.

Когда французъ ушелъ, Иванъ Андреичъ отдалъ приказъ никого больше не принимать. Онъ былъ возмущенъ до глубины души этимъ кабацкимъ счетомъ. Вотъ такъ Николай Ефимычъ, даже весьма отличились!.. Прежде Платонъ Ефимычъ по гусарской своей части сильно курили, и тоже бывали аховые счета къ Новому году, но тамъ военное дѣло было, невозможно никакъ иначе, а Николай по-штатски какіе поступки начинаетъ поступать.

— Вотъ ужо зададутъ опекуны жару и пару, а то и совсѣмъ просто сдѣлаютъ—пошлютъ проклятому французу цидулку: „такъ и такъ, счета̀ подписаны несовершеннолѣтнимъ, и мы не желаемъ платить“. Эхъ, не посмотрѣлъ, есть ли марки гербовыя на счетахъ, а то въ окружномъ судѣ здорово бы подтянули французишку... Да и счета̀ еще вотъ какъ надо провѣрить. Шестнадцать рубликовъ поросенокъ... На такія деньги мужичокъ можетъ коровушку купить, дѣтки съ молочкомъ бы были... Эхъ, Николай Ефимычъ, Николай Ефимычъ! Тоже хорошо вотъ двѣ дюжины женскихъ рубашекъ—двѣсти сорокъ рубликовъ плакали. Это ужъ штуки нѣмки Берты. Очень она жадна на одежу... И кофточекъ захотѣла... Тьфу!..

Благодаря болтливости кучеровъ, швейцаровъ и разныхъ услужающихъ, Иванъ Андреичъ отлично зналъ всѣ шашни молодого барина и смотрѣлъ на многое сквозь пальцы. Напримѣръ, нѣмка Берта еще ничего, можно терпѣть. Француженка Клемансъ — ну, эта похуже. Эту рубашками да кофточками не утѣшишь, а больше по ювелирной части. А хуже всѣхъ англичанка Свенъ— та прямо потребовала дачу въ Павловскѣ, полный выѣздъ и прочую сервировку, какая полагается на ихнемъ гусарскомъ положеніи. Тоже, хоть и дѣвицы, а своя служба, въ этомъ родѣ...

А молодой баринъ все спалъ и спалъ. Иванъ Андреичъ два раза посылалъ Гришку Отрепьева въ спальню, и тотъ возвращался ни съ чѣмъ: спитъ молодой баринъ.

— Врешь ты все, непутевая голова!—обругалъ его Иванъ Андреичъ и направился самъ.

„Надо переговорить, а то французъ увертливъ, навретъ не знаю что̀. Какъ это языкъ этотъ французскій поворачивается на такія слова: тридцать шесть тысячъ... Вѣдь на такія деньги церковь можно выстроить гдѣ-нибудь въ бѣдной деревушкѣ“.

Молодой баринъ, дѣйствительно, спалъ и, когда Иванъ Андреичъ его разбудилъ, страшно разсердился.

— Э... э... Что̀ тамъ случилось? Пожаръ? Наводненіе?

— Николай Ефимычъ, тутъ, значитъ, французъ этотъ...

— Какой французъ?

— А этотъ... Изъ ресторана... Счетъ въ тридцать шесть тысячъ приволокъ... Какъ же это такъ?

— Очень просто: гони его въ три шеи и самъ убирайся вмѣстѣ съ нимъ къ чорту...

— Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно...—обидѣлся старикъ.

— Именно мнѣ это и угодно: къ чорту, въ адъ, въ пекло...

Иванъ Андреичъ обиженно удалился и долго ворчалъ.

— Ну, и пусть платитъ опека... Мнѣ-то какая печаль? Кажется, ужъ стараюсь вполнѣ, изъ своей кожи готовъ вылѣзти...

Потомъ у Ивана Андреича явились такія мысли: положимъ, молодой баринъ его обругалъ и даже выгналъ, только вѣдь онъ это сдѣлалъ спросонья, да и такъ, все равно, ничего не понимаетъ. Пусть тамъ опека считается съ проклятымъ французомъ... Да, ежели разсудить правильно, такъ что̀ такое для Мездриныхъ-Ухватовыхъ тридцать шесть тысячъ? Наплевать — только и всего. Конечно, обидно платить французишкѣ за „здорово-живешь“, ну, да, видно, ничего не подѣлаешь.

Вернувшись къ себѣ въ контору, Иванъ Андреичъ увидѣлъ лежавшую на конторкѣ „депешу“ и подумалъ вслухъ:

— Ну-ка, что̀ намъ изобразилъ Максимъ Алексѣичъ... Хе-хе! Тоже по-французски нажариваетъ старикъ... Охъ, грѣхи, грѣхи!..

Въ сущности, Иванъ Андреичъ впередъ зналъ содержаніе этой праздничной телеграммы изъ Парижа, но все-таки, для порядка, осѣдлалъ носъ пенснэ и прочелъ вслухъ:

— „Же фелиситъ монъ Коко де ля нувель анэ“... Такъ-съ. Ахъ, старый хрѣнъ... А тутъ еще прибавилъ что-то...

Старикъ напрасно старался разобрать прибавку и швырнулъ телеграмму.

— Это старый хрѣнъ надо мной хотѣлъ пошутить, а мы ему брякнемъ: „Же фелиситъ ма шеръ меръ де ля нувель анэ“... Хе-хе!..

Эти двѣ стереотипныхъ французскихъ фразы аккуратно пересылались между Петербургомъ и Парижемъ нѣсколько лѣтъ. Иванъ Андреичъ списывалъ съ бумажки заученную фразу, какъ дѣлалъ и Максимъ Алексѣичъ.

Въ припискѣ, которую Иванъ Андреичъ не могъ разобрать, стояло: „votre mère est morte“, хотя телеграмма и была за подписью Елены Анатоліевны, т.-е. покойницы, которая сама извѣщала о своей смерти.

Истина раскрылась только на другой день, когда къ Коко пріѣхалъ опекунъ. Молодой баринъ съ недовольнымъ видомъ проговорилъ, вызвавъ Ивана Андреича:

— Ну, вы тамъ что-нибудь телеграфируйте... Однимъ словомъ, такое...

Опекунъ стоялъ у окна, спиной къ нимъ, и чистилъ щеточкой ногти.

1889.

ПО ДЕШЕВОЙ ЦѢНѢ.

Глава изъ романа.

...Чѣмъ ближе купецъ Жерловъ подъѣзжалъ къ Петербургу, тѣмъ хуже дѣлалось у него на душѣ. Являлась какая-то скверная оторопь и малодушное желаніе вернуться назадъ, въ свою далекую сибирскую трущобу. Вѣдь всего-то взять обратный сквозной билетъ — и опять самъ большой, самъ маленькій. Глядя на скуластое, заросшее до самыхъ глазъ щетинистой бородой лицо Жерлова, трудно было бы предположить объ его внутренней подкладкѣ. Жерловъ часто вздыхалъ, вытиралъ безъ особенной надобности лицо шелковымъ китайскимъ платкомъ и съ тоской смотрѣлъ на мѣнявшихся сосѣдей. Пробовалъ онъ знакомиться, но изъ этого какъ-то ничего не выходило. Къ нему относились съ явнымъ недовѣріемъ.

— Вторую недѣлю ѣду... — смущенно объяснялъ Жерловъ, напрасно стараясь поддержать невязавшійся разговоръ.

— Вы изъ Сибири?—слѣдовалъ вопросъ.

— Около того...

— А далеко это будетъ?

— Да вотъ вторая недѣля пошла, какъ я выѣхалъ изъ дому.

— Въ Питеръ?

— Да, около того...

— По дѣламъ, конечно?

— Есть такой грѣхъ... Хлопотъ много: отъ городской управы, потомъ отъ земства, потомъ...

Случайные собесѣдники сразу угадывали самыя тайныя мысли Жерлова, что̀ его и удивляло и огорчало.

— Желѣзнодорожную вѣточку хотите приспособить къ своему Пропадиску? Такъ-съ... И заемъ при этомъ городу для устройства электрическаго освѣщенія, дѣтскаго убѣжища и поднятія кустарныхъ промысловъ? Очень хорошо. А можетъ-быть, что-нибудь продать желаете или организовать компанію для эксплоатаціи чего-нибудь?

— Да, около того... — смущенно отвѣчалъ Жерловъ, начиная бояться словоохотливаго собесѣдника.

Ему казалось, что ѣхавшіе господа все былъ народъ отпѣтый и рано или поздно попадутъ въ мѣста не столь отдаленныя. Конечно, одѣты всѣ превосходно и держатъ себя очень даже свободно, а подсудимой скамьи не миновать.

„Видали мы вашего брата, — озлобленно думалъ Жерловъ. — На словахъ-то вы всѣ, какъ гуси на водѣ... Мы тоже вѣдь не въ уголъ рожей“.

Чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ пассажиры въ глазахъ Жерлова дѣлались подозрительнѣе, а въ Москвѣ насѣли такіе господа, что онъ постоянно ощупывалъ боковой карманъ, гдѣ въ толстомъ бумажникѣ лежали разные документы и деньги. На видъ все народъ чистый, холеный, а что̀ у каждаго на умѣ — неизвѣстно. Потомъ, до Москвы всѣ точно боялись другъ друга, оглядывались и говорили вполголоса, а тутъ начались совсѣмъ откровенные разговоры. Оказалось, что большинство ѣхало въ Петербургъ по такимъ же дѣламъ, какъ и Жерловъ: депутаты отъ дворянства, земцы, чиновники, помѣщики и просто люди съ такимъ видомъ, точно они что-то потеряли и непремѣнно должны найти. Особенно Жерловъ не довѣрялъ помѣщикамъ—для его сибирскаго глаза это были уже окончательно неизвѣстные и крайне подозрительные люди. Чѣмъ живутъ люди? — ни ремесла, ни промысла, ни службы, ни торговли. Въ концѣ концовъ для Жерлова сдѣлалось яснымъ только одно, именно, что всѣ эти люди будутъ его жестокими конкурентами и, навѣрно, вездѣ сумѣютъ забѣжать впередъ, потому что народъ тертый, бывалый, и у всякаго въ Питерѣ найдется не одна „рука“.

„Эти-то ужъ пролѣзутъ“, — думалъ Жерловъ, прислушиваясь къ свободному разговору совсѣмъ неизвѣстныхъ ему людей.

А говорили больше всего о дворянскомъ банкѣ, о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ, о нефти, объ южномъ желѣзѣ, каменномъ углѣ, астраханской рыбѣ, московскихъ миткаляхъ и плисахъ, о казенной винной монополіи и т. д. Всѣ эти вопросы мало интересовали Жерлова, какъ непонятное и чужое дѣло. Его удивляло больше всего то, что всѣ его конкуренты были необыкновенно веселы, точно ѣхали на какой-то праздникъ. Одна сцена произвела на Жерлова жуткое впечатлѣніе. Среди пассажировъ былъ одинъ почтенный старикъ съ окладистой сѣдой бородой, одѣтый безукоризненно, съ шикомъ настоящаго стараго барина. Всю дорогу отъ Москвы онъ служилъ какой-то живой мишенью для остротъ, всѣ смѣялись надъ нимъ, и старикъ самъ смѣялся надъ собой.

— Помирать ѣдешь, Иванъ Петровичъ?

— Да... Надо когда-нибудь помирать,—соглашался старикъ, разглаживая бороду.—Вотъ что̀ скажетъ дворянскій банкъ...

Одно слово „банкъ“ вызывало неудержимый хохотъ. Насколько Жерловъ могъ понять, этотъ Иванъ Петровичъ ухитрился получить изъ банка за свое имѣніе вдвое больше, чѣмъ оно стоило. Потомъ говорили о конскомъ заводѣ Ивана Петровича, по пальцамъ перечисляя его матокъ и знаменитыхъ производителей. Дальше спрашивали о какой-то борзой „Кралѣ“, имѣвшей пять медалей, о тамбовской теткѣ, которая должна скоро умереть, о доѣзжачемъ Бухмѣ, который сломалъ ногу, и т. д. Вѣроятно, все это, взятое вмѣстѣ, было очень смѣшно.

— Вамъ нужно просить пенсію отъ дворянскаго банка, — совѣтовалъ кто-то Ивану Петровичу, и всѣ опять хохотали.

Жерловъ только ежился отъ этого смѣха. Какъ-то очень ужъ нехорошо всѣ смѣялись. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ завести серьезный разговоръ, но изъ этого ничего не выходило.

— Вы не знаете ли господина Ноникова?—таинственно спрашивалъ онъ, подсаживаясь къ кому-нибудь.

— Ноникова? Кажется, есть наѣздникъ Нониковъ...

— Нѣтъ-съ, совсѣмъ даже не наѣздникъ,—обижался Жерловъ.

— Значитъ, адвокатъ?

— Около того... то-есть онъ совсѣмъ не адвокатъ, а былъ прежде провизоромъ въ аптекѣ. Да... А сейчасъ воротила по всякимъ дѣламъ...

— Тэ-тэ-тэ... Егоръ Матвѣичъ? Такъ вы такъ бы и сказали съ перваго раза. Кто же не знаетъ Егора Матвѣича... Онъ живетъ въ ресторанѣ Кюба, т.-е. не живетъ, а въ томъ родѣ, какъ приходитъ туда каждый день завтракать. У него тутъ всѣ дѣла...

Жерловъ даже обрадовался, но сейчасъ же былъ огорченъ Иваномъ Петровичемъ, который шепелявымъ барскимъ выговоромъ объяснялъ:

— Конечно, Ноликовъ... Я его отлично знаю, а прежде мы были даже друзьями. Да... Какъ пріѣду, бывало, въ Питеръ и сейчасъ посылаю въ аптеку за Ноликовымъ. Ну, пообѣдаемъ въ „Маломъ Ярославцѣ", а потомъ играть на бильярдѣ. Я за каждую проигранную партію платилъ ему сто рублей, а онъ,—денегъ тогда у него не было,—онъ пролѣзалъ подъ бильярдомъ. Да, его хорошо знаю...

Всѣ такъ хохотали, что Жерлову сдѣлалось неловко. Помилуйте, о такомъ человѣкѣ и такъ разговаривать. Можно сказать, все зависитъ отъ Егора Матвѣича, а они ржутъ. И Иванъ Петровичъ хорошъ, а еще баринъ называется.

Когда поѣздъ былъ уже недалеко отъ Петербурга, этотъ Иванъ Петровичъ подсѣлъ къ Жерлову, весело подмигнулъ и, фамильярно хлопнувъ по колѣнкѣ, проговорилъ:

— Продаваться ѣдете? По физіономіи вижу... Мы ужъ свою Расею распродали, а теперь ваша сибирская очередь. Читалъ въ газетахъ, что у васъ открылась дешевка на все... У насъ такъ же было, а сейчасъ и продавать нечего. Такъ-съ, батенька... Въ свое время всѣ тамъ будемъ. Кланяйтесь Егору Матвѣичу... Онъ помнитъ меня. Я его прежде Егоркой звалъ.

II.

По совѣту всезнающаго Ивана Петровича, Жерловъ остановился въ „Европейской гостиницѣ".

— Нельзя, голубчикъ,—объяснялъ старикъ, подмигивая.—Конечно, дорогонько, но зато престижъ... А это главное! Остановитесь гдѣ-нибудь въ меблированныхъ комнатахъ, и уваженіе совсѣмъ другое. Всѣ наши всегда останавливаются въ „Европейской", и я тоже. Меня тамъ всѣ знаютъ, и съ управляющимъ я на ты,

Дѣйствительно, всѣ „наши" остановились въ „Европейской", и Жерловъ встрѣчалъ ихъ въ буфетѣ. Они не говорили уже о своихъ дѣлахъ, а только объ ѣдѣ: „Боже мой, какую уху изъ налима подали въ „Мало-Ярославцѣ"... Печенка у подлеца была, какъ у алкоголика".—„А какъ орудуетъ у „Контана" поваръ-французъ. Тоже невредно готовятъ у „Эрнеста" на островахъ". „Палкинъ" былъ единогласно забракованъ, какъ „выдохнувшееся учрежденіе", причемъ Иванъ Петровичъ увѣрялъ, что у него и никогда не было „настоящей традиціи", не было руководящей идеи вообще и опредѣленной физіономіи въ частности. Жерловъ рѣшительно ничего не понималъ въ этихъ желудочныхъ дѣлахъ и съ тоской думалъ о родныхъ сычугахъ, о степной баранинѣ, струганинѣ изъ нельмы, мороженыхъ пельменяхъ и прочихъ прелестяхъ доброй сибирской кухни. Впрочемъ, желудочное хвастовство его конкурентовъ заставило его сказать нѣкоторое слово:

— А вы закусывали когда-нибудь живой стерлядью?

— Т.-е. какъ живой?

— Очень просто: взять живую стерлядку, выпить рюмку водки, отрѣзать ломтикъ и закусить.

Всѣ „наши“ были поражены, хотя Иванъ Петровичъ и увѣрялъ, что то „стара штука“.

— А вы сами можете это продѣлать, г. Жерловъ?

— И даже очень просто... Интересно, когда ломтикъ живой стерляди шевелится у васъ во рту.

— А вы намъ это можете показать?

— Около того...

Явились, конечно, критики, которые увѣряли, что въ этомъ рѣшительно ничего нѣтъ особеннаго, и что на Невѣ зимой самоѣды ѣдятъ какую угодно живую рыбу. Но все-таки сибирякъ-купецъ сдѣлался нѣкоторой кулинарной величиной. Можно даже демонстрировать его за какимъ-нибудь дѣловымъ жиномъ. Вообще, человѣкъ серьезный, у котораго есть будущее. Увлеченный спѣхомъ, Жерловъ разсказалъ, какъ у него на заимкѣ есть одинъ работникъ, который глотаетъ живыхъ ершей.

— Ну, это, кажется, уже лишнее,—заявилъ Иванъ Петровичъ, дѣлая гримасу.

Впрочемъ, попавшій впросакъ Жерловъ сейчасъ же поправилъ свою репутацію.

— А знаете, господа, какъ пьютъ на шарапъ? У насъ это постоянно дѣлается, и выходитъ даже очень смѣшно. Напримѣръ, насъ четырнадцать душъ собралось, ну, а хозяинъ нальетъ всего тринадцать рюмокъ. Всѣ должны пить вмѣстѣ, и одинъ остается безъ рюмки. Дѣло доходитъ иногда до драки...

„Дѣла“ начали обдѣлывать только послѣ того, какъ порядочно проѣлись. Жерловъ тоже не торопился, и Ноликовъ, толстенькій лысенькій человѣчекъ, очень былъ удивленъ, что онъ живетъ въ Петербургѣ уже вторую недѣлю и глазъ не кажетъ.

— Какъ-то вы это, Иннокентій Ѳомичъ?

— А такъ, компанія хорошая попалась. Ну, такъ мы того... Я въ „Европейской“ остановился.

— А, понимаю... Тамъ у меня нѣсколько кліентовъ проѣдаются. Да, понимаю...

Когда Жерловъ принялся перечислять всѣ ходатайства, которыя привезъ съ собой, брови Ноликова поднимались все выше и выше, и онъ въ тактъ разсказа повторялъ: „такъ, такъ“, точно у него въ головѣ ходилъ маятникъ.

— А еще ничего нѣтъ?—спросилъ онъ, дослушавъ терпѣливо до конца.— значитъ, все?

— Около того... т.-е. все.

— Такъ, такъ... Удивительный вы народъ, гг. провинціалы. Всѣ натащите въ Петербургъ столько ходатайствъ, жалобъ и воплей, что самъ царь Соломонъ ничего не разберетъ. Да... Вошли во вкусъ и ходатайствуете рѣшительно обо всемъ. Кто это только придумываетъ вамъ эти ваши нужды?

— Помилуйте, Егоръ Матвѣичъ... Вѣдь я не отъ себя лично, а по довѣренности. Мое дѣло представить, куда слѣдуетъ, обратить вниманіе, заинтересовать...

— Такъ, такъ... Очень мило.

— Лично вѣдь я тутъ ни при чемъ...

Послѣднему Ноликовъ, конечно, не вѣрилъ. У всѣхъ его кліентовъ былъ одинъ способъ обманывать его: сначала одолѣютъ всякими общественными нуждами и ходатайствами, а потомъ уже, какъ будто между прочимъ, раскроются и со своей личной нуждой. Такъ же держалъ себя и Жерловъ. Всѣ эти хитрые провинціалы напоминали собой тѣхъ налимовъ, которые пря-

чутся по угламъ просторныхъ аквариумовъ, пока не придетъ поваръ и не вытащитъ сѣткой самаго жирнаго на уху.

— Будемъ работать, Иннокентій Ѳомичъ,—говорилъ Ноликовъ, принимая дѣловой видъ.—Только я долженъ предупредить, что сейчасъ заваленъ всякими дѣлами по горло... да. Въ буквальномъ смыслѣ дохнуть некогда. Знаете, мы съ вами будемъ встрѣчаться за завтракомъ у Кюба. Да, тамъ встрѣтишь кой-кого, кто можетъ пригодиться.

— Что же, мнѣ все равно...

Жерловъ уже слышалъ о ресторанѣ Кюба, какъ главномъ пунктѣ, гдѣ собираются дѣльцы по всѣмъ отраслямъ и куда приходятъ ходатайствующіе провинціалы. Этотъ ресторанъ былъ какъ бы преддверіемъ для всѣхъ учрежденій. Сѣдовласый Иванъ Петровичъ повторялъ, закативъ глаза:

— Ахъ, Кюба... это... это—идея. Тутъ увидишь такихъ людей, такихъ людей, что... вообще... А какихъ тамъ устрицъ подаютъ... Прежде всего: идея. Вѣдь всякій человѣкъ ѣстъ, а тутъ ѣда соединена съ дѣломъ. Отъ Кюба батенька, зависитъ все...

Жерлову пришлось скоро на опытѣ убѣдиться, какъ дѣлаются въ Петербургѣ дѣла. Въ двѣнадцать часовъ онъ отправлялся туда, какъ на службу, заказывалъ завтракъ и ждалъ Ноликова, который являлся съ такимъ озабоченнымъ видомъ и говорилъ каждый разъ:

— Ахъ, какъ я усталъ!..

У Кюба Ноликова всѣ знали, и онъ всѣхъ зналъ. Лакеи ему улыбались какъ своему человѣку, и у него было даже свое мѣсто, точно онъ приходилъ на службу. Жерловъ тоже скоро изучилъ собиравшуюся въ ресторанѣ публику и зналъ почти всѣхъ постоянныхъ посѣтителей. Тутъ были и военные генералы, и разныхъ вѣдомствъ инженеры, и адвокаты, и всевозможные дѣльцы и какіе-то мудреные иностранцы, и просто люди, которые точно хотѣли умереть именно при такой ресторанной обстановкѣ. Ноликовъ особенное вниманіе обращалъ на провинціаловъ, большинство которыхъ онъ тоже зналъ со всей подноготной.

— У насъ, Иннокентій Ѳомичъ, идетъ нынче настоящая дешевка, какъ въ гостиномъ дворѣ. Продаемъ всю матушку Русь по частямъ и вообще... Тутъ всякаго злата по лопатѣ: вонъ кавказскій нефтяной князь, тамъ екатеринославскіе угольщики, тамъ сибиряки-золотопромышленники, мурманскіе рыбники, табачники, винодѣлы, сахарозаводчики и т. д. Золотое, небывалое время, потому что заграничный капиталъ на насъ двинулся и все забираетъ—уголь, виноградъ, желѣзную руду, яйца, ленъ, рыбу, золото, нефть. Однимъ словомъ, продаемъ съ себя послѣднюю кожу...

Ноликовъ, видимо, подготовлялъ своего кліента для рѣшительнаго объясненія. Происходившая „дешевка“ приводила Жерлова въ отчаяніе. Что же это такое, въ самомъ-то дѣлѣ? Все продадимъ, а что самимъ останется?.. С другой стороны, онъ отлично понималъ, почему Ноликовъ такъ распространился о дешевкѣ. Послѣднее слово начинало его просто возмущать, какъ и другіе термины. Напримѣръ, что такое означаетъ желѣзный голодъ?

Дешевка шла на такіе предметы, самаго названія которыхъ Жерловъ никогда не слыхалъ. Одинъ офицеръ продавалъ какой-то аэролитъ, доставшійся ему по наслѣдству отъ тетки, другой господинъ предлагалъ купить альбуминный заводъ, и т. д. и т. д. Жерловъ чувствовалъ только одно, именно—что у него начинаетъ кружиться голова.

А Ноликовъ все тянулъ и тянулъ. Ходатайства были представлены, куда слѣдуетъ. Вездѣ обѣщали содѣйствовать и были чрезвычайно любезны, хотя

рѣшительныхъ отвѣтовъ и не послѣдовало. Нужно подождать, сдѣлать доклад, передать въ комиссію и еще подождать. Обворожительная готовность петербургскихъ чиновниковъ пожертвовать собственной жизнью за нужды далекаго Пропадинска сначала трогала Жерлова чуть не до слезъ. Помилуйте, такія важныя лица—вѣдь каждое слово на вѣсъ золота. Но потомъ оказалось, что и другіе провинціалы пользовались не меньшимъ вниманіемъ, а Поликовъ только молча улыбался.

— Ужъ здѣсь все устроятъ...—говорилъ онъ.—А что бы начъ съѣсть такое?.. Да, гм...

Въ сущности, Жерловъ плохо помнилъ, какъ онъ выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ пришелъ въ себя только около Твери и съ радостью подумалъ:

— Домой, въ Пропадинскъ... да.

Свое личное дѣло онъ все-таки устроилъ при любезномъ содѣйствіи, при чемъ страшно продешевилъ.

— Что дѣлать, Иннокентій Ѳомичъ, — утѣшалъ его Поликовъ. — Такое ужъ время...

САМОРОДОКЪ.

I.

... Знаете ли вы, что̀ происходитъ, когда останавливается паровая машина, водяное колесо перестаетъ вертѣться, и тысячи колесъ, валовъ и шестеренъ безмолвствуютъ? Недавній трудовой гулъ громадной производительной силы смѣняется мертвой тишиной, похолодѣвшіе горны печей смотрятъ раскрытой черной пастью, безконечные приводы безсильно висятъ на своихъ мѣстахъ, какъ тяжелая паутина какого-то спрятавшагося гиганта-паука, и васъ охватываетъ ужасъ смерти именно здѣсь, подъ этими высокими, закоптѣлыми сводами, гдѣ даже камни вздрагивали отъ грузной работы машинъ, а веселое пламя вырывалось изъ горновъ снопами ослѣпительныхъ искръ, и темными клубами день и ночь валилъ черный дымъ изъ заводскихъ высокихъ трубъ. Такую именно картину смерти представлялъ собою Максупскій заводъ, въ которомъ оставался живымъ всего одинъ уголокъ, гдѣ дымились двѣ старинныхъ доменныхъ печи. Изсякшая жизнь едва теплилась, и ночью, при фантастическихъ всполохахъ пламени, вырывавшагося красными языками изъ рѣшетчатыхъ желѣзныхъ башенокъ надъ жерломъ печей, стоявшая молча фабрика походила на громаднаго покойника, лежавшаго въ желѣзномъ гробу всѣми своими желѣзными членами.

Всѣ ждали пріѣзда новаго главнаго управляющаго, который долженъ былъ поправить ошибки всѣхъ предшествовавшихъ ему заводскихъ администраторовъ, обновить все заводское дѣло и, вообще, изъ ничего сотворить міръ. На Уралѣ это вошло уже въ обычай: плохія дѣла на заводахъ поправляются новымъ главнымъ управляющимъ и ничѣмъ больше. Такимъ образомъ выработался даже типъ такого главнаго управляющаго, котораго вызываютъ изъ-за тридевяти земель съ спеціальной цѣлью поднять на приличную высоту цѣлый заводскій округъ, спасти вѣками установленное дѣло и влить живыя силы въ умирающаго. Конечно, такой чародѣй можетъ проявлять свои силы только при наличности нѣкоторыхъ экстраординарныхъ условій, т.-е. увеличеннаго жалованья. Нормальный главный управляющій довольствуется скромной цифрой въ 10 или 15 тысячъ, а „главный управляющій по преимуществу“ поднимаетъ себѣ цѣну въ 30 тысячъ minimum. На Уралѣ такихъ необыкновенныхъ людей называютъ самородками. Самородокъ поднимаетъ себѣ цѣну тѣмъ выше, чѣмъ отчаяннѣе положеніе заводовъ. Впрочемъ, это явленіе выработалось историческимъ путемъ и не должно удивлять неподготовленный умъ. Чѣмъ богаче заводскій округъ на Уралѣ, тѣмъ хуже его дѣла—это уже аксіома. Въ прежнія времена, когда горные инженеры сосредоточивались на казенныхъ заводахъ, заводское дѣло вершили сами заводо-

владѣльцы и ихъ близкіе родственники. Когда при помощи этихъ родственныхъ усилій дѣло доводилось до невозможнаго положенія, спасителемъ являлся какой-нибудь свой доморощенный самородокъ, который гнулъ въ бараній рогъ всякое дыханіе, дулъ палочьемъ и плетями, морилъ голодомъ и всякими увѣчьями, наконецъ выколачивалъ извѣстный дивидендъ. Это могло совершаться только въ „обязательное время", когда жизнь крѣпостного равнялась нулю. Съ эмансипаціей старые порядки должны были кануть въ вѣчность. Доморощенные самородки не могли пускать въ ходъ своего единственнаго „средствія". При сокращеніи казеннаго горнаго дѣла остался свободнымъ цѣлый штатъ горныхъ инженеровъ, который и поступилъ на службу къ частнымъ заводовладѣльцамъ. Практика показала, что и эти ученые администраторы, поднимавшіе казенное горное дѣло шпицрутенами, были безсильны вести частный интересъ нормальными средствами. Находились, правда, искусники, которые на время поднимали владѣльческій дивидендъ на сотни тысячъ, но все это оказывалось временнымъ и скоропреходящимъ: искусникъ выжигалъ до тла ближайшія лѣсныя дачи, не затрачивалъ на ремонтъ ни одного гроша, не вводилъ никакого усовершенствованія, спекулировалъ на старательскомъ золотѣ и т. д. Въ концѣ концовъ, искусникъ, разыгравъ свою партію, долженъ былъ стушеваться во-время, а его мѣсто заступалъ свой дешевый самородокъ, который начиналъ по-домашнему гнуть всѣхъ въ бараній рогъ. Но какъ повѣрить своему доморощенному человѣку, который за двѣ тысячи жалованья сдеретъ кожу съ родного отца? Появился въ послѣднее время самородокъ интеллигентный, вооруженный всѣми чудесами современной техники.

Округъ Максунскихъ заводовъ, выражаясь реторически, въ коронѣ Урала является лучшимъ камнемъ. Полмилліона десятинъ земли черезъ край наполнены всякими богатствами, а поэтому этотъ округъ прошелъ черезъ всѣ стадіи, показанныя выше. Въ результатѣ получилось то, что дача Максунскихъ заводовъ представляла собою печальную пустыню. Заводы все падали и падали. Двадцатитысячное горнозаводское населеніе испивало горькую чашу тамъ, гдѣ могли припѣваючи жить сотни тысячъ. На десятки верстъ шла совсѣмъ пустая земля, и только въ четырехъ заводахъ ютилось созданное еще крѣпостнымъ правомъ жительство. Да и тѣ жили только потому, что некуда было итти. Цѣлый рядъ самородковъ довелъ дѣло до невозможнаго положенія, а число наслѣдниковъ все росло и дошло наконецъ до парадной цифры 101. Конечно, всѣ эти 101 наслѣдникъ требовали дивидендовъ, и, чтобы общіе интересы процвѣтали, было назначено три главныхъ управляющихъ. Если два медвѣдя не уживаются въ одной берлогѣ, то три главныхъ управляющихъ и подавно. Они ссорились, интриговали, подводили другъ друга и кончили тѣмъ, что всѣхъ ихъ прогнали, а заводское дѣйствіе было пріостановлено. Прижатые къ стѣнѣ наслѣдники наконецъ согласились на одномъ главномъ управляющемъ, которому назначено было жалованье всѣхъ бывшихъ до него трехъ, да еще сдѣлана прибавка, потому что положеніе заводовъ было признано всѣми отчаяннымъ.

Трудно даже приблизительно представить картину, когда фабрики перестаютъ работать и тысячи людей остаются не у дѣлъ. Бѣдствуютъ рабочіе, бѣдствуютъ служащіе, а фабрика безмолвствуетъ, какъ разбитая параличомъ. Тысячи нуждъ охватываютъ все заводское населеніе и въ нѣсколько недѣль высасываютъ послѣднія крохи. Поэтому понятно то нетерпѣніе, съ какимъ въ Максунскомъ заводѣ ожидали пріѣзда новаго главнаго управляющаго. На крылечкѣ у заводской конторы каждое утро собирались служащіе и просижи-

кали здѣсь до обѣда. Опредѣленнаго никто ничего не зналъ, а поэтому всякимъ слухамъ и пересудамъ являлось открытое поле. Рабочіе толпились у фабрики, на базарѣ и около громаднаго господскаго дома, куда долженъ былъ пріѣхать главный управляющій. Это былъ цѣлый дворецъ, построенный еще въ доброе старое время самимъ заводовладѣльцемъ, родоначальникомъ 101 наслѣдника. Господскій домъ былъ сейчасъ пустъ. Вся дворня разбрелась, куда глаза глядятъ. Оставался одинъ дворецкій Корляковъ, лысый и кривой старикъ, служившій вѣрой и правдой всѣмъ главнымъ управляющимъ. Онъ представлялъ собою типичнаго представителя раболѣпной заводской дворни: льстилъ, заискивалъ, пресмыкался предъ начальствомъ и притѣснялъ всѣхъ, кто отъ него зависѣлъ. У него была своя кличка: „подносъ пролизалъ“.

— Эй, Корляковъ, когда новый управляющій пріѣдетъ?—кричали ему голоса съ широкаго двора.—Ну-ка, скажи...

— А вотъ погодите, горлопаны: достанется всѣмъ на орѣхи.

— Нко-о?..

Корляковъ велъ эти бесѣды съ балкона, на которомъ располагался со всѣмъ комфортомъ. Къ мужичью онъ относился съ презрѣніемъ, потому что причислялъ себя къ заводскому начальству: „мы покажемъ!“... Мелкіе заводскіе служащіе часто заискивали передъ Корляковымъ, чтобы при случаѣ замолвилъ словечко у начальства. Теперь всѣ были почему-то увѣрены, что одинъ Корляковъ знаетъ, какой управляющій пріѣдетъ. Если въ конторѣ ничего не знали, такъ кто-нибудь долженъ же знать,—конечно, Корляковъ знаетъ, потому что на его обязанности приготовить „покои“ и встрѣтить.

— Ивановъ ѣдетъ...—отвѣчалъ Корляковъ съ приличной важностью.

— Врешь ты все... Нѣмца, навѣрное, пришлютъ. Ужъ ты лучше не притворяйся...

Увѣренность, что пришлютъ нѣмца, немало угнетала всѣхъ. Охъ, [illegible]жметъ же всѣхъ этотъ нѣмецъ. Дѣло извѣстное. Нѣмцевъ-управляющихъ народъ не любитъ: хоть живодеръ, да свой. Въ конторѣ говорили, что [illegible] хорошаго нечего ждать. Были тутъ опытные люди, видавшіе виды. [illegible] того же надзирателя Очкина—прожженый человѣкъ, или главный бухгалтеръ Сыромолотовъ. Много служащихъ перемѣнялось при разныхъ управляющихъ, а они сидятъ себѣ, точно приросли. Вонъ дома какіе понастроили, а у Сыромолотова цѣлая заимка на озерѣ. Конечно, съ подрядчиками рука въ руку живутъ—вотъ и богатство. Мелкая заводская сошка, придавленная домашней нуждой, думала одно: только бы скорѣе... При перемѣнахъ главныхъ управляющихъ прежде всего доставалось служащимъ, потому что новая метла начинала всегда съ конторы. И то неладно, и это не такъ, и пятое-десятое не годится. Да каждый управляющій еще съ собой навезетъ родни да разной челяди—каждому нужно отнять чей-нибудь кусокъ. Положеніе рабочихъ несравненно лучше. Если понизятъ плату, такъ всѣмъ, а на людяхъ и смерть красна.

Было извѣстно только одно, что пріѣдетъ одинъ главный управляющій, который будетъ загребать жалованье всѣхъ трехъ смѣщенныхъ, и что онъ ѣдетъ съ особыми полномочіями. Очкинъ утверждалъ, что ѣдетъ какой-то Таракановъ, служившій раньше гдѣ-то „въ казнѣ“, а Сыромолотовъ оспаривалъ его и называлъ Шулятникова, служившаго въ Западномъ краѣ.

— А все равно: одинъ чортъ,—соглашались оба.—Такое копье пришлютъ, что чертямъ тошно...

Мелкая заводская сошка глухо молчала. Вотъ лѣсной смотритель Треповъ, докторъ Носковъ и другая заводская аристократія, такъ тѣ въ усъ

себѣ не дуютъ. Имъ что: сегодня—здѣсь, завтра—тамъ. А настоящему заводскому человѣку дѣваться совсѣмъ некуда...

II.

Онъ пріѣхалъ ночью, пріѣхалъ въ такой моментъ, когда его меньше всего ждали. Встрѣчалъ одинъ Корляковъ, который съ вечера переложилъ лишнее и поэтому бросился услуживать съ пьяной угодливостью, какъ дрессированный песъ.

— Ты кто здѣсь будешь?—довольно грубо спрашивалъ пріѣзжій, мѣряя изловчившагося на господской службѣ „человѣка“ немного тусклыми глазами.

— А какъ случится, вашескородіе... Теперь за всѣхъ отвѣчаю: и за дворецкаго, и за камардина, и за человѣка.

Вытаскивая изъ экипажа вещи, Корляковъ смекнулъ въ умѣ, что у барина не густо въ карманѣ: чемоданишко съежился, осеннее пальто на среднюю руку, остальное все такъ себѣ. Впрочемъ, всѣ они пріѣзжаютъ сюда въ „худыхъ душахъ“, а потомъ такъ раздуются, что и рукой не достанешь. Одно не понравилось старому слугѣ въ новомъ баринѣ: никакого вниманія онъ не обратилъ на княжескую обстановку господскаго дома, точно вотъ на постоялый пріѣхалъ. Средняго роста, немного сутулый, съ большой головой, Шулятниковъ походилъ на несовсѣмъ разжатый кулакъ. Эта же кулачность сказывалась и въ складѣ всего лица. Съ дороги онъ не попросилъ даже чаю и сейчасъ же завалился спать.

„Ну, этотъ доймет...—рѣшилъ про себя Корляковъ, мигая слипавшимися глазами.—Орёлко!.. Ахъ, кошки его залягай, и сунуло же меня съ вечера натренькаться...“

Утромъ Шулятниковъ проснулся чѣмъ свѣтъ, растолкалъ Корлякова и, на ходу выпивъ стаканъ чаю, отправился на фабрику. День стоялъ сѣренькій и дождливый. Съ горъ тянуло осеннимъ холодкомъ. Накопленная за лѣто въ прудѣ вода глухо бурлила у шлюзовъ и около водяныхъ ларей. Неремонтированная фабрика выглядѣла очень неказисто: стѣны облупились, крыши проржавѣли, вездѣ желтѣли полосы дождевыхъ потековъ и ямы отъ выкрошившагося кирпича. Однѣ доменныя печи имѣли живой видъ. По лицамъ доменныхъ рабочихъ и доменного надзирателя Шулятниковъ видѣлъ, что его уже ждали здѣсь. Это заставило его поторопиться. Обѣжавъ наскоро фабрику, онъ зашелъ въ контору, гдѣ и нашелъ всѣхъ служащихъ въ полномъ составѣ.

— Однако сколько васъ...—удивился онъ, не снимая фуражки.—Цѣлая армія.

Когда бухгалтеръ, по заведенному обычаю, хотѣлъ отрекомендовать служащихъ, онъ махнулъ рукой: не нужно церемоній. Буркнувъ что-то себѣ подъ носъ, онъ молча оглядѣлъ всѣхъ и быстро вышелъ.

Вся контора притихла, какъ одинъ человѣкъ. Вотъ она когда бѣда-то накатилась: этотъ не спуститъ. У маленькихъ и забитыхъ служащихъ со страха захолонуло на душѣ. Куда они дѣнутся съ семьями?

— Жалованье будетъ урѣзывать... — вздохнулъ кто-то въ смущенной толпѣ.

— Хорошо еще, если одно жалованье, а то и совсѣмъ по шапкѣ...

Старые служаки достаточно видали на своемъ вѣку всякаго начальства и порѣшили въ голосъ, что добра нечего ждать.

А онъ былъ уже дома и, не глядя на вытянувшагося въ струнку Корлякова, быстро и рѣшительно проговорилъ:

— Главное, не пускай гурьбой... Буду принимать по одному. Самъ пошлю, кого нужно... Ворота запереть.

— А если хлѣбъ-соль рабочіе принесутъ...—заикнулся-было Корляковъ и самъ испугался собственной смѣлости.

— Что-о?.. Гони въ шею... Я пріѣхалъ не въ куклы играть.

Корляковъ сдѣлалъ налѣво кругомъ, чтобы уходить, но Шулятниковъ его остановилъ:

— Да, вотъ что... Поищи кого-нибудь на свое мѣсто. Мнѣ твоя физіономія не нравится...

— Не погубите, вашескородіе... Я тридцать лѣтъ вѣрой и правдой...

— Пожалуйста, безъ разговоровъ... Не люблю.

Первымъ козломъ отпущенія долженъ былъ явиться управитель Утяковъ, старый заводскій человѣкъ, но онъ, провѣдавъ бѣду, сказался больнымъ. Такимъ образомъ, пришлось испить чашу первому бухгалтеру Сыромолотову. У него подгибались колѣна, когда онъ входилъ въ кабинетъ самого.

— Имѣю честь представиться...

Шулятниковъ быстро взглянулъ на него и, не приглашая садиться, проговорилъ:

— Имѣете свой домъ?

— Точно такъ-съ...

— А сколько стоитъ?

— Да какъ сказать...

— Не отнимайте моего времени и говорите прямо!

— Двѣ тысячи... нѣтъ, три.

— Такъ-съ... А жалованье?

— Шестьдесятъ пять рублей семьдесятъ четыре копейки. Семья большая...

— Такъ-съ... Семья большая, жалованье маленькое, а откуда же домъ явился?

— Еще отъ родителей...

— Вздоръ!

— У другихъ тоже дома: у надзирателя, у управителя, у лѣсного смотрителя, у плотиннаго...

— Значитъ, всѣ вы воры... да. Ищите себѣ мѣста... До свиданія.

— Семья... ребятишки... не погубите... — бормоталъ несчастный, протягивая руки впередъ.

— Корляковъ, кто слѣдующій?..

— Слушаю-съ.

Сыромолотовъ вышелъ изъ кабинета, пошатываясь, какъ пьяный. Въ его головѣ коротенькая сценка пріема колесомъ вертѣлась. Куда?.. Слѣдующимъ номеромъ былъ Очкинъ, который по лицу пріятеля видѣлъ, что дѣло плохо. Онъ подтянулся, перекрестился и пошелъ въ кабинетъ.

— Надзиратель Очкинъ...

— Ага... Домъ имѣете?

Вмѣсто отвѣта, Очкинъ началъ тихимъ голосомъ, какъ это дѣлалъ раньше, наушничать на своихъ сослуживцевъ. Что же домъ,—есть и домъ, какъ и у другихъ. Жалованье, конечно, маленькое, и приходится иногда получить благодарность. Такъ ужъ заведено... Да и какой у него домъ? Вотъ у лѣсного смотрителя Треногова или у управителя Утякова, такъ у нихъ, дѣйствительно, дома, а у Сыромолотова еще заимка.

— Значитъ, взятки берете?—спрашивалъ Шулятниковъ въ упоръ.

— Не отпираюсь... Благодарятъ нѣкоторые: кто бревно привезетъ, кто пару рябчиковъ, фунтъ чаю... Всѣ берутъ.

Эта откровенность понравилась Шулятникову, и онъ проговорилъ:

— Садитесь... Такъ всѣ берутъ?

— Рѣшительно всѣ... Это ужъ такъ заведено. Маленькій человѣкъ маленько возьметъ, большой—много...

— Ага... Если берете съ рабочихъ и подрядчиковъ, то, само собой, ворусте владѣльческое желѣзо, выводите плутни съ подрядчиками, составляете фальшивые счета—такъ?..

Началась тихая, откровенная бесѣда. Очкинъ, спасая себя, продалъ всѣхъ остальныхъ, а Шулятниковъ во время разговора дѣлалъ бѣглыя замѣтки въ своей записной книжкѣ.

— Вы себя спасли откровенностью... -замѣтилъ онъ, дѣлая знакъ, что аудіенція кончилась.—Я буду имѣть васъ въ виду.

Этотъ приступъ къ дѣлу навелъ на всѣхъ панику. Что же будетъ дальше, если съ перваго раза половина заводскихъ служащихъ осталась не у дѣлъ, а другая половина ожидала ежечасной кончины? О жалованьи, конечно, никто и не заикался: что дадутъ, то и хорошо. Уныніе сдѣлалось общее. Заводскіе служащіе составляли свой замкнутый мірокъ, который родился, жилъ и умиралъ въ предѣлахъ своей заводской дачи. Кромѣ своего заводскаго дѣла они ничего не знали, и имъ некуда было итти. Поэтому можно себѣ представить отчаяніе нѣсколькихъ десятковъ семействъ, выкинутыхъ на улицу... Но Шулятниковъ былъ неумолимъ, потому что его принципомъ было всегда держать данное слово. Онъ пріѣхалъ сюда не съ благотворительными цѣлями, а заводы не богадѣльня. Всякая радикальная реформа требуетъ жертвъ, а Макс[illegible] заводы совсѣмъ заплѣсневѣли въ своихъ допотопныхъ порядкахъ.

[illegible]іе, дѣйствительно, явились съ хлѣбомъ-солью и не были приняты.

— [illegible]ставьте хлѣбъ-то себѣ: пригодится, — посовѣтовалъ ехидно Корля[illegible], [illegible]ще не увѣрившійся въ собственной отставкѣ. — А соли вамъ на[illegible]...

Да и какъ было повѣрить: тридцать лѣтъ безвыходно Корляковъ прожилъ въ господскомъ домѣ, тридцать лѣтъ пресмыкался передъ каждымъ новымъ начальствомъ, наушничалъ, подлаживался, подличалъ, — и вдругъ, за здорово живешь, пожалуйте на чистый воздухъ. Въ отчаяніи Корляковъ отправился къ своему заклятому врагу, заводскому управителю Утякову. Управительскій каменный домъ красовался у самаго базара, какъ только-что снесенное яичко. Ворота крашеныя, въ палисадникѣ цвѣты, дворъ мощеный, все поставлено такъ крѣпко и плотно, какъ умѣютъ строиться одни заводскіе управители изъ готовыхъ „господскихъ“ матеріаловъ. Утяковъ прослужилъ на своемъ управительскомъ мѣстѣ тоже тридцать лѣтъ, и Корляковъ пошелъ къ нему, какъ къ сослуживцу и товарищу по несчастію. Конечно, онъ наушничалъ на Утякова, но въ заводѣ только онъ да Утяковъ на одномъ мѣстѣ прослужили тридцать лѣтъ.

— Ну что, подколодный змѣй, получилъ награду?—встрѣтилъ Утяковъ гостя.

— Одно звѣрство, Спиридонъ Митричъ.

— А на меня опять наушничалъ?

— Не скрою, былъ такой грѣхъ.

— И не помогло?

— Нѣтъ... Вотъ Очкинъ, такъ тотъ въ самую точку попалъ. Ловокъ!..

Дома Утяковъ ходилъ въ халатѣ и съ длинной трубкой въ рукахъ. Его сѣдая голова точно вросла въ широкія плечи; темные живые глаза смотрѣли изъ-подъ нависшихъ бровей насквозь. Суровый былъ человѣкъ, и фабрика

боялась его какъ огня. Отъ Спиридона Митрича не укроешься: на два аршина вотъ землей видитъ. Съ управляющимъ онъ держалъ себя независимо, какъ человѣкъ обезпечившій себя на черный день. Попыхивая трубкой, Утяковъ нѣсколько разъ прошелъ подъ носомъ Корлякова, а потомъ по привычкѣ вдругъ остановился и заговорилъ:

— А я вотъ никого не боюсь... слышалъ?.. Мнѣ онъ тоже откажетъ, а я и въ усъ не дую. Такъ и скажи: боленъ Утяковъ. Ишь, налетѣлъ, и давай орать людей... Всѣ воры, а того не знаетъ, что и самъ будетъ тоже в ро-жать. Молодъ еще, на рылѣ молоко не обсохло...

— Это вы правильно, Спиридонъ Митричъ, — вторилъ Корляковъ какимъ-то разслабленнымъ голосомъ.—Мы съ вами по тридцать лѣтъ вытянули— и вдругъ здорово живешь, пожалуйте на свѣжій воздухъ... Очкинъ-то чѣмъ лучше насъ?

— Дуракъ ты, Корляковъ, вотъ что! А впрочемъ, хочешь рюмку водки?..

— Ахъ, Спиридонъ Митричъ... то-есть такъ вы правильно сказали!..

— А ты скажи идолу-то: Утяковъ боленъ... Утяковъ не будетъ кланяться.

III.

Повалилъ клубами черный дымъ изъ заводскихъ желѣзныхъ трубъ, загромыхали машины, засверкалъ въ горнахъ веселый огонь, и желѣзный мертвецъ проснулся. Привычные къ огненной тяжелой работѣ мастерки стали по своимъ мѣстамъ, гдѣ работали еще отцы и дѣды. Тяжело повернулось главное водяное колесо, завертѣлся тысячепудовый маховикъ, и съ лязгомъ и шипѣньемъ начали свою работу чугунные валы, шестерни и безконечные ремни.

— Зачѣмъ у васъ голуби на фабрикѣ?—спросилъ Шулятниковъ дозорныхъ, расхаживая по корпусамъ.

— А такъ, сами привадились, вашкобродіе,—докладывали подневольные люди, вытягиваясь, какъ лягавыя на стойкѣ.—Прилетятъ и живетъ... Извѣстно, Божья птица.

Рабочіе почувствовали отъ новаго управляющаго съ первыхъ же шаговъ большую прижимку. И работу на часъ увеличилъ въ сутки, и придираться началъ къ каждому шагу, и очень ужъ ругаться лютъ. Такъ и норовитъ въ зубы заѣхать... Первый обжимочный мастеръ, ворочавшій подъ молотомъ десятипудовыя крицы, не понравился Шулятникову и былъ уволенъ. Въ листокатальней, въ механической, въ пудлинговой—вездѣ пошлись неполадки. Оказались лишними дровосушки, помощникъ машиниста, два дозорныхъ, лошади, голуби и т. д. Прежде деньги выдавали выписками, черезъ двѣ недѣли, а теперь стали выдавать помѣсячно, какъ жалованье служащимъ. Но со всѣмъ этимъ можно было помириться: новая метла чисто мететъ. А скверно было то, что Шулятниковъ всѣмъ сбавилъ работу наполовину. Такимъ образомъ количество рабочихъ оставалось на фабрикѣ то же, а заработокъ вдвое меньше. Сокращая работы, заводы должны, по „Горному уставу“, доставлять рабочимъ какое-нибудь другое занятіе, а Шулятниковъ ловко обошелъ законъ своей половинной работой. Количество рабочихъ на заводѣ оставалось то же, значитъ, чего же еще требовать отъ заводоуправленія?

Тяжело пришлось всѣмъ подрядчикамъ и разнымъ поставщикамъ, а всѣхъ тяжелѣе углежогамъ. Шулятниковъ предложилъ углепоставщикамъ такія невозможныя условія, что хоть сейчасъ въ петлю. Сразу забастовали двѣ деревни, жившія поставкой дровъ и угля цѣлыхъ сто лѣтъ. Шулятниковъ былъ

неумолимъ. Для него было рѣшительно безразлично, кто являлся дѣйствующимъ лицомъ: голуби, беззаконно обитавшіе подъ крышей фабрики, или цѣлая деревня углежоговъ. Прежде всего принципъ, идея, а остальное вздоръ. Нужно привить чувство законности, съ одной стороны, а съ другой—сдѣлать изъ людей живыя машины—и только. Что за глупости, въ самомъ дѣлѣ, когда потерявшіе мѣсто служащіе клянчили и плакались, а рабочіе отказывались отъ своего дѣла,—это какой-то романтизмъ. Когда Шулятникова выводили изъ себя пристававшіе къ нему просители, онъ отвѣчалъ одно и то же всѣмъ:

— Поймите одно: я продалъ себя заводовладѣльцамъ и прежде всего долженъ соблюдать ихъ интересы... Вы хотите, чтобы я поступилъ противъ совѣсти!

Нужно сказать, что Шулятниковъ, несмотря на свою выдержку, все-таки иногда чувствовалъ себя какъ-то не по себѣ, особенно на фабрикѣ. Контора смирилась и уничтожилась. Думать здѣсь о какомъ-нибудь сопротивленіи было бы смѣшно. Каждый дрожалъ за свою шкуру. Но другое дѣло фабрика. Переходя изъ корпуса въ корпусъ, Шулятниковъ встрѣчалъ цѣлый рядъ недовольныхъ лицъ, и на него смотрѣли такіе озлобленные глаза; иногда вдогонку слышалось весьма тяжелое словечко или глухой ропотъ. Но Шулятниковъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и проходилъ сквозь строй недовольныхъ лицъ со спокойствіемъ человѣка, исполняющаго свой долгъ. Что дѣлать, рабочіе слишкомъ распущены и не могутъ понять своихъ прямыхъ обязанностей. Нужно выждать время, пока все упорядочится. А все-таки, когда вечеромъ Шулятниковъ оставался одинъ въ своемъ кабинетѣ, у него дѣлалось тяжело на душѣ. Тамъ, за толстыми стѣнами господскаго дома, какъ вода, поднималось глухое массовое недовольство. Именно скверно было то, что здѣсь [illegible] даже указать на извѣстную единицу, а недовольны были всѣ. [illegible] бороться почти со стихійной силой.

[illegible]нъ изъ такихъ скверныхъ вечеровъ новый швейцаръ, замѣнившій [illegible] доложилъ, что пришелъ Утяковъ, бывшій управитель.

— Этого зачѣмъ принесло? — вслухъ подумалъ Шулятниковъ, предчувствуя какую-нибудь непріятную сцену.—Впрочемъ, зови...

Утякову было отказано, какъ и другимъ служащимъ, безъ суда и слѣдствія — это предоставлялось новому управляющему особой статьей въ его контрактѣ съ наслѣдниками. Отправляясь на Уралъ, Шулятниковъ рѣшилъ впередъ, что все мелкое и крупное заводское начальство — воръ на ворѣ, а рабочіе—лѣнтяи и мерзавцы, поэтому необходимо было формально обезпечить себя для радикальной реформы дѣла. Относительно мелкихъ служащихъ Шулятниковъ не безпокоился, но другое дѣло Утяковъ, прослужившій управителемъ тридцать лѣтъ. Понятно нѣкоторое волненіе, съ которымъ хозяинъ ожидалъ своего гостя. Онъ даже всталъ съ кресла, когда въ дверяхъ показалась сѣдая голова выгнаннаго управителя.

— Утяковъ, бывшій управитель...

— Чѣмъ могу служить вамъ, милостивый государь?..

Оба стояли на ногахъ и оба старались не смотрѣть другъ на друга. Зеленый абажуръ лампы давалъ мало свѣта, и Утяковъ не узналъ комнаты, въ которой столько лѣтъ дѣлалъ свои доклады и сообщенія управляющимъ разныхъ формацій: никакой обстановки, а однѣ бумаги да книги. Обведя всю комнату глазами и широко вздохнувъ, Утяковъ подошелъ къ самому столу и заговорилъ:

— Вы не подумайте, Кирила Григорьичъ, что я пришелъ къ вамъ проситься опять на службу или жаловаться... Силой милому не быть. Потомъ... я не задержу васъ,—прибавилъ онъ, поймавъ нетерпѣливый жестъ хозяина.

— Не угодно ли вамъ садиться,—сухо пригласилъ Шулятниковъ, продолжая стоять у стола въ министерской позѣ.

— Я не задержу, нѣтъ, не залержу,—бормоталъ Утяковъ, грузно опускаясь на стулъ и еще разъ оглядывая комнату.—Я вѣдь родился и выросъ здѣсь, Кирила Григорьичъ, и прошелъ службу съ конторскаго писца... Все вижу насквозь, что̀, напримѣръ, вамъ даже и непонятно. Все-таки вы новый человѣкъ.

— Если вы пришли читать мнѣ наставленія, то это совершенно напрасный трудъ...

— Ахъ, не то... совсѣмъ не то... Благодарить пришелъ васъ, Кирила Григорьичъ... да. Не утерпѣлъ... Извините старика.

Такой переходъ былъ настолько неожиданъ, что Шулятниковъ даже отступилъ отъ стола и только развелъ руками. Онъ даже посмотрѣлъ на гостя такими глазами, какими смотрятъ на рехнувшагося человѣка. А Утяковъ сидѣлъ и улыбался.

— Извините, я, можетъ-быть, не понялъ...—забормоталъ теперь Шулятниковъ, еще разъ оглядывая гостя съ ногъ до головы.

— Нѣтъ, такъ-съ... именно благодарить пришелъ,—съ удовольствіемъ повторилъ Утяковъ свое странное признаніе. — Что вы мнѣ отказали отъ службы—это особь статья... Что̀ же, будетъ, послужилъ. А знаете, трудно отставать отъ дѣла... Одинъ свистокъ всю душу выворотитъ, а тутъ сиди да поглядывай. Привычка-съ... Съ малыхъ лѣтъ каждый день на фабрикѣ. А все-таки сижу я въ своемъ домишкѣ, гляжу на фабрику и радуюсь... На настоящую вы точку стали, Кирила Григорьичъ. Мало ли до васъ было главныхъ управляющихъ, а не могли проникнуть настоящей сути... да-съ. А вы сразу. Такъ и слѣдуетъ.

Старикъ даже вскочилъ со своего мѣста, протянулъ впередъ сжатый кулакъ и повторилъ нѣсколько разъ:

— Вотъ такъ-съ слѣдуетъ, Кирила Григорьичъ... Это ужъ вѣрно. На паровыхъ машинахъ недалеко уѣдешь да на разныхъ усовершенствованіяхъ: за границей свое, у насъ свое... Одобряю, Кирила Григорьичъ!

— Да высадитесь и потолкуемте,—приглашалъ Шулятниковъ, все еще не рѣшаясь поддаться на льстивыя слова прожженаго заводскаго дипломата.— Мнѣ очень пріятно, что нашелся хотя одинъ человѣкъ, который меня понимаетъ.

— Прежде-то Максунскіе заводы какъ красовались — продолжалъ Утяковъ, покачивая головой. — Конечно, это еще до освобожденія было... Какъ годъ, такъ и милліонъ дивиденда. Всѣмъ на удивленіе, можно сказать, дѣло дѣлали, а какъ народъ распустили—и пошло все скрипѣть, какъ немазаное колесо. Все видишь, все понимаешь, а ничего подѣлать было нельзя... Рабочіе набаловались — вотъ главная причина. Прежде-то въ три часа поденщина начиналась, и всякая работа на урокъ. Не выработалъ урока,—ну, его сейчасъ въ машинную да горрячихъ. Управляющіе были все свои и шутить не любили: всю шкуру спустятъ. Былъ одинъ управляющій, Потапъ Меркулычъ, такъ у того даже особое кладбище было для скоропостижно умершихъ... Нельзя, заводское дѣло трудное. Всѣ въ струнку ходили... А какъ начали заводить новые порядки—все и пошло черезъ пень колоду. На моихъ глазахъ все было, Кирила Григорьичъ, и, можетъ, слезами плачешь другой разъ, а сила не беретъ. Управляющіе сами послабляли народу. Думаютъ: воля—такъ ничего не подѣлаешь. А по-моему это одно пустое и даже очень глупое слово... Конечно, нельзя плетями наказывать рабочаго или тамъ на смерть его заби-

вать, а зато онъ теперь весь въ рукахъ у васъ. Только характеръ надо выдержать... Чуть что—сейчасъ его на холодокъ, пусть провѣтрится да пощелкаетъ зубами съ семьей-то. Прежде заводчикъ семью корми, а нынче самъ промышляй... Земли у рабочихъ нѣтъ—ну, куда они дѣнутся? По новымъ-то порядкамъ лучше стараго пойдетъ, ежели у человѣка, напримѣръ, характеръ и подтянуть... Хе-хе!.. Ей-Богу, сижу я въ своемъ домишкѣ и радуюсь, Кирила Григорьичъ. Въ самую вы точку попали...

Старый крѣпостникъ съ наслажденіемъ потеръ свои красныя руки. Въ немъ сказывался тотъ фанатикъ заводскаго дѣла, какихъ создавалъ только одинъ крѣпостной режимъ. Новые порядки, заведенные Шулятниковымъ, пришлись ему какъ разъ по душѣ, хотя старикъ и не могъ понять, что новый управляющій совсѣмъ чужой человѣкъ для заводовъ и что онъ выводитъ свою линію изъ другихъ побужденій. Это были два міра, столкнувшіеся только на прижимкѣ рабочихъ.

Тронутый признаніями стараго заводскаго служаки, Шулятниковъ началъ развивать передъ нимъ свою систему. Бесѣда продолжилась за полночь. Утяковъ слушалъ цѣлую лекцію о ввозныхъ пошлинахъ, о заработной платѣ на заграничныхъ заводахъ, о новыхъ порядкахъ, какіе должны быть введены, и въ тактъ качалъ головой: „Именно такъ, Кирила Григорьичъ. Совершенно вѣрно-съ...“ Только одного онъ никакъ не могъ понять, именно, что заводамъ выгодно работать только вполовину, сбивая заработную плату и выжидая цѣны на свой товаръ.

— А куда же рабочіе дѣнутся?—удивлялся старикъ, ожидая отъ Кирилы Григорьича какой-нибудь новой замысловатой штучки.

— А это ужъ ихъ дѣло, Спиридонъ Дмитріевичъ... Заводы не богадѣльня, а я продалъ себя заводовладѣльцамъ. Знаете русскую поговорку: нанялся—продался.

— Такъ-съ, такъ-съ... Я-то ужъ старъ сталъ, другого и не пойму, такъ вы ужъ не взыщите.

IV.

Дѣла у Максунскихъ заводовъ сразу пошли въ гору,—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Шулятниковъ: идея торжествовала. Вмѣсто старыхъ служащихъ набраны были новые, вмѣсто Утякова явился какой-то горный инженеръ; жалованье у мелкой сошки было доведено до невозможнаго minimum'а, а сошкѣ большой получились прибавки и новыя льготы. Помѣшавшійся на воровствѣ мѣстныхъ заводскихъ служащихъ, Шулятниковъ теперь успокоился: застарѣвшее зло было вырвано съ корнемъ. Много сбереженій получилось отъ прекращенія такихъ непроизводительныхъ расходовъ, какъ пенсіи, дѣтскій пріютъ, школа и т. д. Урѣзали содержаніе больницы, расходы на аптеку, жалованье доктору, разныя пособія и вспомоществованія.

— Я долженъ итти въ данномъ случаѣ противъ собственной совѣсти,—увѣрялъ Шулятниковъ заѣзжавшихъ къ нему гостей:—въ душѣ я сочувствую и школьному дѣлу, и больничамъ, и разумной благотворительности. Но я не въ правѣ распоряжаться чужими средствами въ ущербъ моимъ довѣрителямъ... Принципъ въ каждомъ дѣлѣ прежде всего.

Во всемъ, что касалось новаго порядка заводской администраціи, урѣзокъ и сокращеній, дѣло шло, какъ по маслу. Сокращенія не кричали и не плакали. Но центръ тяжести былъ не тутъ. Стихійные дѣятели слагаются изъ ничтожныхъ силъ, а въ данномъ случаѣ приходилось упорядочивать сложную

массу рабочихъ. Съ ними именно у Шулятникова и не клеилось дѣло. Эти глупые люди не хотѣли знать никакихъ принциповъ и лѣзли съ жалобами къ разному начальству. Больше всего не любилъ негаторъ, когда на дворъ господскаго дома заявлялась цѣлая толпа съ какой-нибудь просьбой и непремѣнно добивалась видѣть „самого". Раза два его выждали такіе просители гдѣ-то на улицѣ и наговорили дерзостей. Это было уже слишкомъ, и Шулятниковъ тоже обратился за содѣйствіемъ къ соотвѣтствующей власти. На базарѣ, у волости и около кабаковъ собирались толпы недовольныхъ и подолгу галдѣли.

— Мы и до министра дойдемъ!..—кричали самые смѣлые.

Въ видахъ предосторожности, Шулятниковъ велѣлъ наглухо затворить массивныя желѣзныя ворота господскаго дома и никого не пускать. На фабрикѣ онъ появлялся только на самое короткое время и большею частью неожиданно.

— Ужъ вы потерпите какъ-нибудь, Кирила Григорьичъ, — уговаривалъ его Утяковъ.—Только бы завести ихъ, подлецовъ, въ оглобли.

Самымъ больнымъ мѣстомъ являлись забастовавшіе углежоги. Заводъ невозможно было остановить, а старые запасы быстро истощались. Наступившая весна грозила тѣмъ, что заводы останутся безъ дровъ и угля. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, Шулятниковъ прибѣгъ къ крайней мѣрѣ: онъ сдалъ подряды постороннимъ крестьянамъ, которымъ даже набавилъ цѣну. Это повело къ тому, что произошелъ цѣлый рядъ недоразумѣній между коренными углежогами и посторонними рабочими.

— Конечно, дроворубовъ вездѣ можно найти, — соглашался Утяковъ, являвшійся чѣмъ-то въ родѣ посторонняго совѣтчика.—Погодите, упыхаются...

Такая же исторія вышла съ транспортомъ металловъ, съ подвозомъ руды и другими статьями заводскаго хозяйства. Гдѣ отказывались выходить на работу своя, немедленно ставили чужихъ. Молчала, но не сдавалась одна фабрика. Здѣсь работалъ привычный къ огненному дѣлу народъ, тотъ заводскій рабочій, который выработался поколѣніями. Шулятниковъ иногда самъ любовался на работу лучшихъ мастеровъ, составлявшихъ гордость и славу Максунскихъ заводовъ. Такой живой рабочей силы не найти въ цѣлой Россіи. И какой народъ: рослый, здоровый, красивый—настоящая заводская гвардія, по сравненію съ которой россійскій мастеровой или фабричный просто жалки.

Фабрика терпѣла и молчала цѣлый годъ. Были, конечно, разрозненныя проявленія недовольства, но они не имѣли особеннаго значенія. Рабочая масса имѣла значеніе только въ своемъ полномъ составѣ, да и она такъ привыкла къ своему дѣлу, что ей трудно было бы съ нимъ разстаться. Ждали рѣшенія отъ коноводовъ, отъ тѣхъ старыхъ мастеровъ, которые составляли голову.

— Ничего, привыкнутъ... Сами укротятъ себя,—нашептывалъ Утяковъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившій за ходомъ дѣла.—Конечно, вамъ-то тяжело достается, Кирила Григорьичъ, да что̀ подѣлаешь...

— Ахъ, терплю, все терплю...—жаловался Шулятниковъ, устало закрывая глаза.—Дорого бы я далъ, чтобы развязаться съ этими проклятыми заводами. Точно я для себя хлопочу... Вѣдь если разобрать, такъ я, право, святой человѣкъ, Спиридонъ Дмитричъ!

— Совершенно святой... А вы не сомнѣвайтесь; укоротятся. Только во̀время надо и повода отпустить... Тоже живые люди.

— Ну, ужъ извините: этого никогда не будетъ. Понимаете, принципъ...

Какъ оказалось потомъ, у фабрики оказался свой принципъ.

Стояла весна, та ранняя весна, которая на Уралѣ является рѣдкой и дорогой гостьей. Весело синѣли высокія горы, обложившія заводъ со всѣхъ сторонъ, зеленѣлъ лѣсъ, распускался живой коверъ лѣсныхъ цвѣтовъ и пахучихъ травъ. Съ балкона господскаго дома открывался великолѣпный видъ на горную панораму, уходившую изъ глазъ туманными силуэтами. Фіолетовыя дали тонули въ переливавшейся розоватой мглѣ. Шулятниковъ по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на балконѣ и любовался, — вѣдь кругомъ было такъ хорошо. У плотины подавленно гудѣла и точно скрежетала желѣзными зубами фабрика, глухо шумѣла на сливахъ вода, а отъ плотины живой гладью уходилъ къ самому лѣсу громадный прудъ. При господскомъ домѣ находилась великолѣпная оранжерея и старый садъ съ тѣнистыми аллеями, клумбами и куртинами. У садовника-нѣмца готовились чудеса, и онъ терпѣливо выжидалъ времени, когда можно будетъ высаживать цвѣты на воздухъ. Оранжерея была пощажена отъ сокращеній и урѣзокъ, потому что Шулятниковъ любилъ цвѣты,—можно же себѣ позволить маленькую роскошь. Онъ если не сидѣлъ на балконѣ, то уходилъ въ оранжерею и тамъ проводилъ цѣлые часы.

Разъ, когда Шулятниковъ прогуливался въ какой-то мудреной тепличкѣ съ ананасами, туда ворвался Утяковъ. Старикъ былъ безъ шапки и выглядѣлъ сумасшедшимъ.

— Что̀ такое случилось?—удивился Шулятниковъ.—Пожаръ?

— Нѣтъ...

— Плотину прорвало?

— Нѣтъ...

По лицу Шулятникова промелькнула тѣнь недовольства: онъ не любилъ, чтобы ему мѣшали даже въ пустякахъ. А тутъ человѣкъ ворвался безъ шапки, задыхается — настоящій помѣшанный. „Этимъ дуракамъ только позволь...“—подумалъ Шулятниковъ, оставляя оранжерею.

— Уѣзжаютъ, Кирила Григорьичъ,—шепталъ старикъ, забѣгая впередъ.

— Да кто уѣзжаетъ?..

— Ахъ, Боже мой... Неужели вы ничего не знаете?.. Почти вся фабрика собралась... Да вотъ сами увидите.

— Что-нибудь вы путаете... — пробормоталъ Шулятниковъ, стараясь сохранить свою неподвижность.—Можетъ-быть, какіе-нибудь дураки и уѣзжаютъ—скатертью дорога. А я думалъ невѣсть что̀: пожаръ, наводненіе...

— Нѣтъ, вы только посмотрите, Кирила Григорьичъ.

Они поднялись на балконъ, съ котораго и увидѣли все.

По улицѣ, мимо заводской конторы и господскаго дома, медленно двигался громадный обозъ. Нагруженныя всякимъ скарбомъ телѣги тянулись одна за другой, какъ звенья живой цѣпи. По сторонамъ шагали мужики, бѣжали ребята, и за ними едва поспѣвали голосившія бабы. Этотъ поѣздъ провожала цѣлая толпа родныхъ и любопытныхъ, увеличивавшаяся съ каждымъ шагомъ впередъ. Около базара народа набралось столько, что обозъ долженъ былъ остановиться.

— Что̀ же это такое?—шопотомъ спрашивалъ Утяковъ.—Переселеніе народовъ...

Шулятниковъ наблюдалъ происходившее въ бинокль и, передавая его Утякову, проговорилъ:

— Обратите вниманіе на третій возъ...

— Батюшки, да вѣдь это Корляковъ?!..—изумился Утяковъ.—Стоитъ на колѣняхъ... снялъ шапку и раскланивается на всѣ четыре стороны.

— Куда же они ѣдутъ?—спрашивалъ Шулятниковъ.

— А кто куда: на желѣзную дорогу, на золотые промыслы... Это еще первая партія, а за ней двинутся другія.

— Ага!.. Что же, скатертью дорога.

Съ улицы доносился глухой гулъ шаговъ, причитанье бабъ и сдержанный говоръ сгружившейся толпы. Утяковъ смотрѣлъ то въ сторону базара, то на Шулятникова и началъ волноваться все сильнѣе.

— Кирила Григорьичъ...

— Ахъ, будетъ вамъ... Что еще?..

— Да вѣдь это же невозможно, Кирила Григорьичъ... Ежели народъ разбѣжится, такъ что же останется? Значитъ, ужъ невтерпежъ, ежели все бросили: и дома и всякое обзаведеніе. Надо бы ослабить, чтобы хоть остальные не ушли..

— Не могу, Спиридонъ Дмитричъ... А рабочихъ мы найдемъ, не безпокойтесь.

— Такихъ рабочихъ, какъ наши максунскіе, нѣтъ, ужъ извините, Кирила Григорьичъ. Умный вы человѣкъ, и рука у васъ твердая, а вотъ главнаго-то вы и не можете понять: вѣдь это сила уходитъ... Все равно, что кровь отворить.

— Пустяки... Вы знаете мой принципъ: сказалъ—и свято.

Старый крѣпостной управитель даже отступился отъ своего идола—вѣдь это былъ чужой человѣкъ на заводахъ, которому все трынъ-трава. Сегодня здѣсь, а завтра за тридевять земель. Если крѣпостные управляющіе и звѣрствовали, но они не разгоняли народъ... Надо же войти и въ ихъ положеніе, вотъ этихъ самыхъ рабочихъ.

— Кирила Григорьичъ, опомнитесь...—умолялъ старикъ.—Вѣдь этакъ-то, пожалуй, будетъ похуже крѣпостного времени... Надо и о душѣ подумать, Кирила Григорьичъ. Тоже совѣсть есть въ каждомъ человѣкѣ...

— Оставьте меня, пожалуйста, съ вашими совѣтами,—строго замѣтилъ Шулятниковъ и повернулся уходить.—Я лучше одинъ останусь на фабрикѣ... да.

— А, такъ вы вотъ какъ... Эхъ, Кирила Григорьичъ, Кирила Григорьичъ...

Старикъ вдругъ засмѣялся, круто повернулся и безъ шапки, какъ былъ, пошелъ домой.

Черезъ годъ половина рабочихъ выселилась изъ Максунскаго завода. Шли, куда глаза глядятъ. А Шулятниковъ продолжалъ выдерживать свой принципъ.

1888.

ГЛУПАЯ ОКСЯ.

Эскизъ *).

I.

Что Окся глупа, въ этомъ всѣ были убѣждены. Въ Ельникахъ такъ ее и звали: „глупая „Окся“... Высокая и широкая въ кости дѣвка съ рябымъ и скуластымъ лицомъ, дѣйствительно, существовала, кажется, исключительно одними растительными процессами, а умственная жизнь находилась въ зачаточномъ состояніи. Впрочемъ, о послѣднемъ трудно было и судить, потому что Окся постоянно молчала. Если ее очень ужъ начинали донимать бойкіе промысловые парни, она схватывала палку или камень и защищалась, какъ обезьяна.

— Уродилось же дерево смолевое!..—удивлялся отецъ Окси, промысловый „швецъ“ Тарасъ Пиканниковъ.—Ни къ чему ее не примѣнишь... Одно слово, не въ людяхъ человѣкъ.

Вся семья такъ и смотрѣла на Оксю, какъ на рабочую скотину. Сила у ней, дѣйствительно, была лошадиная, точно несправедливая судьба хотѣла вознаградить ее хоть этимъ за большіе пробѣлы по части красоты и ума. Работала Окся въ своей семьѣ за двоихъ и такъ же безотвѣтно, какъ работаетъ лошадь; но ея работы никто не хотѣлъ замѣчать, точно это такъ и должно быть. Въ сущности, она везла весь домъ и ни отъ кого еще не слыхивала добраго слова, а пьяный отецъ ее же колотилъ сапожными колодками. Пьяный былъ Тарасъ безъ малаго каждый день, какъ настоящій сапожникъ. Нельзя, работа тяжелая: съ устатку, всѣ промысловые пировали. Его широкое лицо съ чахлой бороденкой давно опухло отъ безпросыпнаго пьянства, маленькіе черные глазки постоянно были налиты кровью, а носъ выглядывалъ клюквой.

Проваленная избушка, въ которой околачивалась Гарасова семья, стояла на самомъ краю селенія. Она давно покосилась, и въ единственномъ окнѣ половина стеколъ замѣнялась синей „сахарной“ бумагой. Издали эта избушка такъ и походила на человѣка съ подбитымъ глазомъ. Около избы ни загородки, ни конюшни, ни амбарушка, ни навѣса—хоть шаромъ покати. Лѣсъ былъ рукой подать, и Тарасъ разсуждалъ такъ, что выстроиться всегда успѣетъ; поэтому же онъ никогда и дровъ не запасалъ. Отправится Окся въ лѣсъ, приволокетъ на себѣ сухарину **), да и долбитъ ее.—сколько нужно, столько и отрубитъ. Внутри избушка походила на плохую кузницу или конюшню. Закопченный потолокъ, дымившая печь изъ битой глины, горбатый полъ изъ

*) Эскизъ этотъ въ переработанномъ видѣ вошелъ въ романъ „Золото“.

**) Сухарина—засохшее на корню дерево.

кое-какъ обтесанныхъ плахъ, двѣ лавки, палати—и все обзаведеніе тутъ. По зимамъ въ одной этой избѣ проживало цѣлыхъ пять душъ: самъ Тарасъ со своей старухой Акулиной, его сынъ Вахрушка съ женой и Окся.

— Все-таки свой уголъ,—утѣшался Тарасъ.—Захочу—и новую избу поставлю: лѣсъ-отъ вонъ онъ стоитъ. Получше насъ добрые люди въ землянкахъ живутъ, а мы еще слава Богу...

Вахрушка по своей безпечности и характеру напоминалъ отца. Зиму онъ работалъ дома, а съ первой вешней водой бросалъ все и уходилъ на промыслы вмѣстѣ съ женой. На заморозкахъ къ осени онъ возвращался подъ отчій кровъ и обыкновенно ничего не приносилъ съ собой. Что̀ зарабатывалось, то и пропивалось; но Тарасъ гордился своимъ единственнымъ сыномъ. Какъ же, все-таки сынъ, работникъ въ дому, а не то, что̀ дѣвка. Окся тоже все лѣто работала на промыслахъ, и Тарасъ забиралъ деньги впередъ подъ ея работу. Она и возвращалась съ промысловъ съ деньгами, и Тарасъ опять отбиралъ у ней все, чтобы пропить съ Вахрушкой. На что деньги глупой дѣвкѣ? Чтобы дѣло было вѣрнѣе и Окся не утаила какого гроша, Тарасъ просто отдавалъ ее въ аренду.

— Лошадь, а не дѣвка,—нахваливалъ онъ дочь въ кабакѣ своимъ нанимателямъ.—Сколько хошь сробитъ, потому безотвѣтная... Какъ упрется, такъ даже глядѣть на нее страшно. Говорю: дерево смолевое.

Своя „швальная часть“ у Тараса по зимамъ шла полнымъ ходомъ. По пріисковому дѣлу разный „обуй“ составлялъ главную статью расхода: безъ обутокъ нельзя, а въ водѣ да въ грязи кожа точно горѣла. Когда Тарасъ былъ помоложе, онъ на промыслахъ занималъ должность шорника, но потомъ женился, началъ пить и поэтому исключительно занялся своимъ дѣломъ. Все мастерство—дома: сноха тачаетъ голенища, Вахрушка обдѣлываетъ закаблучья и подошвы, Окся—все, что̀ потруднѣе. Самъ Тарасъ любилъ больше починку: положитъ заплатку, поправитъ „подборы“ къ стоптаннымъ козловымъ ботинкамъ какой-нибудь пріисковой щеголихи,—выпивка и готова. Болѣе крупные заработки пропивались совмѣстно съ Вахрушкой, какъ главной подпорой и надеждой всей семьи.

Только разъ безотвѣтная Окся взбунтовалась и потребовала себѣ козловыя ботинки.

— Да на что тебѣ, дурѣ?—изумился Тарасъ.—Не къ рожѣ...

Но за Оксю вступилась мать, и ботинки были сшиты, т.-е. сшила ихъ сама же Окся, работая по ночамъ.

— Пусть ее потѣшится,—уговаривала Акулина мужа.—Конечно, глупая: видитъ у другихъ бабъ ботинки, вотъ и ей забрело въ башку... Незамужница она у насъ, такъ пусть хоть на ботинки на свои поглядитъ.

Тарасъ свеликодушничалъ,—развѣ съ бабами сговоришь? Но ботинки Окси смущали его каждое утро, когда голова трещала съ похмелья: рубль серебра задарма пропадаетъ. Раза два Тарасъ пробовалъ стащить ихъ у дочери, но та лѣзла на стѣну и не давала единственнаго своего сокровища. Эта исторія съ ботинками однако кончилась для Окси очень скверно. Въ одно прекрасное утро передняя стѣна избушки оказалась вымазанной дегтемъ.

Оксю били сильно и долго. Тарасъ и Вахрушка соединились въ общей ревности за попранную фамильную честь. Избитая и покрытая синяками Окся молчала, какъ убитая... Въ результатѣ явился мертвый ребенокъ, и только тутъ Окся заговорила: какъ она плакала и убивалась надъ крошечнымъ мертвымъ тѣльцемъ!.. Тутъ даже Тарасъ отступился и только развелъ руками.

— Вотъ дура-то... а?.. Вѣдь позьстился же какой-то озорникъ на этакое дерево... Вотъ тебѣ и козловыя ботинки! Другая бы радовалась, что Господь прибралъ младенца, а она ревмя-реветъ, какъ корова.

II.

Ельники—самые старинные золотые промыслы на Уралѣ, и въ крѣпостное время населеніе было согнано сюда изъ разныхъ мѣстностей. Такимъ путемъ образовалось большое селеніе съ типичнымъ промысловымъ характеромъ. Всѣ постройки ставились какъ-то такъ, какъ строятъ на время: то крыша не докончена, то недостаетъ по „плану“ двухъ оконъ, то службы поставлены черезъ улицу и т. д. Даже церковь, и та не избѣгла общей участи. Каменное зданіе было начато очень широко, да такъ и осталось недостроеннымъ. Впрочемъ, трудно и винить ельниковскихъ мужиковъ за эти недочеты въ стилѣ, потому что подземныя шахты подходили подъ самое селеніе, отчего тамъ и сямъ образовались провалы. Въ другихъ мѣстахъ прямо черезъ улицу шли громадныя свалки изъ пустой породы. Въ центрѣ селенія разливался небольшой прудъ, а у плотины день и ночь гремѣла толчея.

Издали видъ на Ельники все-таки былъ очень красивъ, благодаря обступившимъ жилье зеленымъ горамъ. Какъ на хорошей картинѣ, получалось много свѣта и воздуха, а синѣвшая даль уходила изъ глазъ. Самый безпорядокъ построекъ придавалъ селенію тотъ промысловый характеръ, когда людямъ некогда думать о комфортѣ, да и неизвѣстно, сколько поживется. Пока золото идетъ—и селеніе стоитъ, а „изубожились“ жилы—и все разбредется, куда глаза глядятъ. Но, несмотря на это существованіе „пока“, каждый годъ появлялось нѣсколько новыхъ избъ и далеко желтѣли новыя тесовыя крыши. По такимъ желтымъ пятнамъ построекъ можно было безошибочно опредѣлить, кому повезло счастье: кто находилъ „хорошее золото“, тотъ и начиналъ строиться. Такъ какъ счастье не одинаково, то эти постройки останавливались на разныхъ стадіяхъ: у одного выстроена вся изба и службы, у другого—однѣ службы, а у третьяго только поставленъ заборъ.

Земля, на которой красовались Ельники, была казенная, но надѣловъ крестьянамъ не полагалось. Нарѣзку земли тормозила изъ года въ годъ громадная компанія, арендовавшая всю казенную землю. Такимъ образомъ ельниковцы или работали у компаніи, какъ поденщина, или брали на себя отрядныя работы, т.-е. получали отъ компаніи крошечный лоскутокъ земли съ условіемъ сдавать все добытое золото компаніи по извѣстной цѣнѣ. Компанія страшно эксплоатировала безземельное населеніе и обставляла его трудъ невозможными условіями, особенно отрядныя работы. Но каждый изъ рабочихъ мечталъ именно о послѣднемъ, потому что только здѣсь представлялась единственная возможность поправиться и даже разбогатѣть, конечно, если кому Господь пошлетъ счастья. Это была самая азартная игра—игра на трудъ. Въ результатѣ получалось то, что дивиденды компаніи все росли, а населеніе бѣднѣло и развращалось.

Въ одно прекрасное утро въ кабакѣ цѣловальника Пятачка поднялся неистовый хохотъ кабацкихъ завсегдатаевъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся Тарасъ Никанниковъ, который пришелъ въ новомъ азямѣ и заявилъ, что пошабашилъ свою швальню и будетъ съ семьей робить на отрядъ, какъ другіе.

— Землю тачать кайломъ хочешь, Тарасъ?..

— А ужъ это какъ Господь покажетъ... Будетъ мнѣ сапоги вамъ шить, подлецамъ.

— Онъ шиломъ, того гляди, наковыряетъ себѣ золота, братцы...

Настоящіе пріисковые рабочіе всегда смотрѣли съ презрѣніемъ на такихъ новичковъ, которые берутся искать золото, а сами не умѣютъ взять лопату въ руки. Попадетъ такой новичокъ въ забой или въ ледяную воду,— и шабашъ, съ копыльевъ долой. Гдѣ ужъ такимъ бѣлоручкамъ тягаться съ пріисковыми волками, одеревянѣвшими на каторжной промысловой работѣ? Поэтому заявленіе Тараса и вызвало неудержимый хохотъ: шваль, который цѣлую жизнь, согнувшись въ три погибели, ковырялъ шиломъ, вдругъ пойдетъ на отрядную работу...

— Бить тебя некому, Тарасъ,—заявилъ и самъ цѣловальникъ Пятачокъ, покачивая головой.—Погляди ты на себя, какой ты отрядный...

Но Тарасъ оказался хитрѣе, чѣмъ можно было предполагать. Онъ выбралъ дѣлянку уже съ готовымъ золотомъ. Компанія отдавала на отрядъ участки земли въ двадцать пять квадратныхъ саженъ, съ условіемъ, чтобы шахты не углублялись ниже девяти саженъ. Опытомъ было уже установлено, что золотоносныя жилы встрѣчаются именно на этой глубинѣ, и когда отрядные рабочіе отыскивали жилу, компанія ставила свои работы. Такимъ образомъ самая дорогая и рискованная часть промысловаго дѣла—развѣдки—производилась даромъ. Тарасъ взялъ заброшенную дѣлянку, съ готовой шахтой-дудкой, которая была оставлена, какъ пустая, на шестой сажени. Какой-то отрядный рабочій выбился изъ послѣднихъ силъ на половинѣ работы и умеръ отъ натуги. Вахрушка, болтавшійся по промысламъ, развѣдалъ какъ-то, что именно въ этой дѣлянкѣ есть хорошіе знаки, и, потихоньку ото всѣхъ, недѣли двѣ ковырялъ въ дудкѣ, пока не напалъ на кварцевую жилу. Тогда только оставалось оформить дѣло, т.-е. взять дѣлянку отъ компаніи со всѣми канцелярскими церемоніями.

Въ проваленную избушку Тараса Пиканникова заглянулъ настоящій золотой лучъ, оживившій разомъ все. На радостяхъ Тарасъ прежде всего поставилъ въ своей избушкѣ громадныя новыя ворота и даже выкрасилъ ихъ. Появился ведерный самоваръ, у снохи—кумачные платки на головѣ, у старухи Акулины—новенькій ситцевый сарафанъ, у Вахрушки—плисовыя шаровары, и только одна Окся, наученная горькимъ опытомъ, отказалась отъ всякой обновки.

— Совсѣмъ глупая дѣвка!—рѣшили сосѣди въ окончательной формѣ.

Тарасъ Пиканниковъ сдѣлался героемъ промысловаго дня. Любопытные приходили съ другого конца селенія, чтобы посмотрѣть новыя ворота, а разная деревенская родня лѣзла прямо въ избу. На радостяхъ Тарасъ уже совсѣмъ развернулся и купилъ у цыгана лошадь, хотя ѣздить ему было некуда. Потомъ явился новый овчинный полушубокъ, мѣшокъ крупчатки, гармонія у Вахрушки, а водка не сходила со стола. Проворный цѣловальникъ Пятачокъ до того ввѣрился Тарасу, что отпускалъ водку четвертями прямо въ долгъ.

— Экъ распихался какъ Тарасъ!—завидовали всѣ дурацкому счастью.

Болѣе проницательные прибавляли:

— Ничего, скоро откантуетъ... Не велика жилка, а подойдетъ девятая сажень—и шабашъ.

Но и здѣсь Тарасъ оказался хитрѣе другихъ. Онъ не накинулся на свое золото, а добывалъ его сколько нужно. Отправится всей семьей къ дудкѣ, поработаетъ до полуденъ—и кончено. Когда добытое золото проѣдалось, опять выходили на работу.

— Оно вѣрнѣе, когда въ землѣ золото мое лежитъ,—объяснилъ Тарасъ.

Дѣлянка Тараса отъ Ельниковъ была верстахъ въ двухъ, и любопытные нарочно ходили туда, чтобы посмотрѣть, какъ шваль добываетъ свое золото. Дудка—это круглая дыра аршина полтора въ діаметрѣ. Преимущество ея передъ обыкновенной квадратной шахтой въ томъ, что не нужно крѣпить стѣнокъ. Положимъ, что работать въ такой дудкѣ крайне опасно, и горный уставъ строго запрещаетъ такія работы, по всякому закону по нуждѣ бываетъ „премѣненіе". Въ дудкѣ работала, конечно, Окся, потому что это была самая трудная часть предпріятія. Вахрушка управлялся наверху, „выхаживая" на вороткѣ изъ дудки разную породу. Сноха на тачкѣ отвозила пустую землю подъ горку.

— Да не дура ли эта Окся? — дивились еще разъ всѣ, заглядывая въ дудку.—Задавитъ ее землей... Бабье ли это дѣло въ забоѣ робить?

Тарасъ обыкновенно пріѣзжалъ къ дудкѣ верхомъ и, не слѣзая съ лошади, распоряжался, какъ главнокомандующій.

— Нѣтъ, вы вотъ что,—объяснилъ онъ своимъ завистникамъ: — какъ она, Окся-то, тамъ поворачивается... на восьмой сажени... Вѣдь это помереть надо, а она изворачивается.

Когда жилки добывалось достаточно, Тарасъ подходилъ къ дудкѣ и кричалъ:

— Шабашъ, Окся!..

Отецъ и сынъ, впрочемъ, жаловались, что ужъ очень тяжело поднимать эту Оксю изъ дудки: прицѣпится къ веревкѣ и точно чугунная. Оксю вытаскивали изъ дудки всю покрытую красной пріисковой глиной и мокрую по колѣна, но она не жаловалась на свою работу и, по обыкновенію, молчала, какъ пень.

III.

Отрядныя работы, какъ и компанейскія, были обставлены сплошнымъ воровствомъ. Причина заключалась въ томъ, что рабочимъ платили за добытое золото „любую половину" его номинальной стоимости, а то и меньше. Если отрядный рабочій попадалъ на очень большую жилу, компанія платила ему все меньше и меньше, по мѣрѣ увеличенія добычи. Понято, что это вызывало утаиваніе добытаго металла и тайную продажу его скупщикамъ. Въ Ельникахъ образовалось что-то въ родѣ воровской биржи, съ пониженіями и повышеніями. Кабатчикъ Пятачокъ являлся главнымъ посредникомъ и всегда выходилъ сухъ изъ воды.

Пока золото шло хорошо, Тарасъ не нуждался въ сбытѣ его на сторону. Пятачокъ одобрялъ придуманную Тарасомъ систему не вырабатывать всей жилки за разъ.

— Все равно деньги пропьете, — уговаривалъ онъ Тараса. — Успѣете. Помаленьку-то года два пьяны будете, а заразъ-то и на полгода не хватитъ.

— Обыкновенно, гдѣ хватитъ,—соглашался Тарасъ. — Извѣстно, какая наша жисть. Вотъ лошадь завелъ, ворота поставили... Какъ же, нельзя, надо все, какъ у добрыхъ людей.

— Ты избу-то выправляй, Тарасъ.

— Изба отъ насъ не уйдетъ.

Такъ шло дѣло цѣлую зиму. Тарасъ совсѣмъ опухъ отъ водки и началъ даже заговариваться—„играли хмельники". Теперь онъ самъ не ѣздилъ на свою дудку, а возила его жена въ новенькихъ пошевняхъ. Подъѣдетъ Тарасъ къ работѣ, вылѣзетъ изъ саней и подойдетъ.

— Окся, ты тутъ?—крикнетъ онъ въ дудку.

— Здѣсь, тятенька,—изъ-подъ земли донесется знакомый голосъ.

— Идетъ жилка?

— Идетъ, тятенька.

— Ну, старайся, милая.

Иногда на Тараса нападало что-то въ родѣ сомнѣнія: зачѣмъ они, въ самомъ-то дѣлѣ, морятъ въ забоѣ дѣвку? Въ кабакѣ проходу не даютъ Оксиной работой. Тарасъ пробовалъ даже принимать энергичныя мѣры и накидывался на Вахрушку.

— Ты чего, лодырь, у воротка торчишь?—ругался Тарасъ.—Полѣзай въ дудку!

— Полѣзай самъ, коли охота,—грубилъ Вахрушка.

— Да вѣдь мы измаемъ Оксю-то! Не ровенъ часъ, еще придавитъ землей. Кто ее знаетъ, какъ она тамъ копается.

— Коли она дура, такъ я не виноватъ тому дѣлу.

Однажды подъ пьяную руку Тарасъ даже подрался съ Вахрушкой, но толку изъ этого все-таки не вышло. Окся продолжала оставаться въ забоѣ и работала тамъ до тѣхъ поръ, пока сверху ей не крикнутъ: „шабашъ, Окся!". Она даже позеленѣла отъ подземной работы и начала кашлять.

— Вы бы хоть работника прихватили, — совѣтовали жалостныя бабы-сосѣдки.—Измывается дѣвка на вашемъ золотѣ.

— Работникъ,—удивлялся Тарасъ.—А Вахрушка на что? Слава Богу, свой работникъ въ дому. Да я и самъ, ежели касаемо что̀, такъ могу вполнѣ соотвѣтствовать... Самъ въ забой пойду.

— Такъ и пошелъ!—корили бабенки. — Одинъ у васъ, у мужичковъ, забой: въ кабакѣ у Пятачка проклажаться.

Къ веснѣ Тарасъ сталъ замѣчать, что жила „изубожилась". Кварцъ все самый форменный, а золота прежняго не стало. Конечно, виновата глупая Окся, которая непремѣнно упустила настоящую линію и работаетъ въ дудкѣ чортъ знаетъ какъ. Тарасъ даже рѣшился самъ спуститься и проползъ по узкой норѣ до того мѣста, гдѣ, лежа на животѣ, работала Окся.

— Куда ты, дура, золото наше дѣвала?—ругался Тарасъ, толкая Оксю кайломъ въ бокъ.—Понадѣйся на чужую работу.

— Девятая сажень, тятенька, подходитъ.

— Молчи, дура. Не твоего ума дѣло.

Золота стало попадать все меньше, а потомъ Вахрушка совсѣмъ замотался: пируетъ въ кабакѣ и на работу нейдетъ. Пришлось Тарасу самому стать къ вороту и „выхаживать" деревянную бадью съ землей. Работа хоть и не тяжелая, но послѣ цѣлаго года бездѣлья она казалась Тарасу очень горькой. Хорошо еще, что Пятачокъ научилъ: половину золота сдавай въ контору, а другую половину скупщикамъ — вотъ опять и будетъ та же цѣна. Не хотѣлось Тарасу возжаться со скупщиками, но дѣлать нечего. Старуха Акулина, и та ворчитъ, что денегъ стали мало приносить домой.

Въ виду такихъ стѣсненныхъ обстоятельствъ, Тарасъ рѣшился поставить хоть новую избу, а то и въ самомъ дѣлѣ безо всего останешься. Сказано—сдѣлано. Ворота ужъ есть. Заказалъ Тарасъ бревенъ мужикамъ, а самъ принялся разворачивать свою избушку. Окся попрежнему работала въ забоѣ, а у ворота стояла жена Вахрушки. Тарасъ, подъ предлогомъ постройки, являлся на дудку только поругаться съ бабами. Разъ, когда онъ пріѣхалъ верхомъ на работу, снова сидѣла безъ всякаго дѣла.

— Ты это что̀ лодырничаешь?—обругался Тарасъ.

— Да чего мнѣ дѣлать-то, коли Окси нѣтъ...

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ... Видно, домой пошла, а я вотъ и сижу одна.

— Врешь что-нибудь...

Наклонившись къ дудкѣ, Тарасъ крикнулъ:

— Окся, куда ты запропастилась?.. Эй, Окся...

Отвѣта не послѣдовало.

— Спитъ, видно, подлая...—рѣшилъ Тарасъ. — На этихъ бабъ только попадѣйся!

Онъ спустился въ дудку, чтобы отлупить Оксю на всѣ корки, но тамъ никого не было: дудка стояла пустая.

— Ну и дура же!—удивлялся Тарасъ, вылѣзая на свѣтъ Божій.

Окси и слѣдъ простылъ, точно она въ воду канула. Пока Тарасъ ее разыскивалъ, какой-то штегерь успѣлъ донести, что дудка уже на девятой сажени и пора ставить компанейскія работы. Такимъ образомъ Тарасъ разомъ лишился всего: ни дудки, ни Окси, ни избушки. Оставался одинъ кабакъ Пятачка.

— Куды Оксю-то дѣли, анаѳемы?—приставалъ цѣловальникъ, не отпускавшій теперь въ долгъ ни на грошъ.

— Отстань...

Но разъ Пятачокъ расщедрился и самъ предложилъ Тарасу стаканчикъ,—счетъ шелъ подъ новыя ворота.

— Поздравить тебя надо, Тарасъ,—ухмылялся Пятачокъ.

— Съ чѣмъ это?

— Окся-то законъ приняла...

— Н-но-о?..

— Вѣрно тебѣ говорю... Въ Карягиной и свадьба была. Форменное приданое себѣ справила да еще деньгами рублевъ сорокъ принесла. Этакъ-то хошь кто женится... Я бы женился, кабы зналъ.

— Да гдѣ она деньги-то взяла, дура?

— А въ ноздрѣ, говоритъ, все изъ дудки носила... ну, и натаскала. Вотъ тебѣ и глупая Окся!..

1889.

ТАИНСТВЕННЫЙ НЕЗНАКОМЕЦЪ.

Очеркъ.

I.

Откуда онъ явился на Симскіе промыслы — такъ и осталось неизвѣстнымъ... А всякая неизвѣстность пугаетъ, какъ пугала она и обитателей знаменитыхъ золотыхъ пріисковъ. Ясно было одно, именно то, что онъ—безсовѣстный и нахальный человѣкъ. Достаточно было взглянуть на это круглое, румяное лицо съ выкаченными сѣрыми глазами, на вѣчную улыбку жирныхъ чувственныхъ губъ, на легкую лысину, говорившую о бурной молодости, на подкрашенные усы, вытянутые шильцемъ, на эти перстни и булавки, которые блестѣли самымъ подозрительнымъ образомъ,—словомъ, все въ немъ располагало къ недовѣрію, и самъ онъ являлся диссонирующей нотой въ сложившейся мелодіи пріисковой жизни. Даже это русское имя—Иванъ Семенычъ Михайловъ—и въ немъ звучала какая-то скрытая фальшь и заставляла пріисковыхъ скептиковъ многозначительно качать головой.

— Пусть я издохну шестнадцать разъ съ разомъ, — говорилъ старикъ Чиковъ,—если этотъ Михайловъ не оборотень... Развѣ такіе Михайловы бываютъ?.. Нѣтъ, голубчикъ, не на таковскихъ напалъ... Какой-нибудь Попандопуло, Кацманъ, Пшицкій, а тутъ—Михайловъ, шалишь, братъ... И въ вѣдомостяхъ давно печатаютъ вотъ про этакихъ-то Михайловыхъ: одинъ банкъ обокралъ, другой богатую старушку зарѣзалъ, третій... все Михайловъ! Нѣтъ, братъ, дудки...

Худощавое морщинистое лицо Чикова краснѣло отъ волненія, и онъ начиналъ рубить воздухъ руками. Слушатели безмолвно соглашались съ опытнымъ человѣкомъ, перебирая въ умѣ безстыжіе глаза незнакомца, его усы шильцемъ, нахальную улыбку, фальшивые брильянты и вообще весь фальшивый видъ. Вѣдь Чиковъ жилъ на промыслахъ лѣтъ двадцать, со дня ихъ открытія, потомъ Чиковъ читалъ всякія „вѣдомости“, какъ въ глуши называютъ газеты, наконецъ самъ онъ былъ тоже изъ проходимцевъ, съ очень сомнительнымъ прошлымъ,—такіе люди не ошибаются. Нужно сказать, что золотопромышленники не обязаны быть праведниками, и общественное мнѣніе здѣсь не отличалось особенной придирчивостью. Да и какая публика набралась на Симскихъ промыслахъ: выгнанный со службы по третьему пункту исправникъ Касаткинъ, сомнительный докторъ богословія Скоттъ, еще болѣе сомнительный полковникъ Охапенко, купеческій братъ Лучшихъ и т. д.

Можетъ показаться страннымъ, что представители такого „смѣшаннаго общества“ отнеслись съ такимъ недовѣріемъ къ таинственному незнакомцу Михайлову, но здѣсь мы наталкиваемся только лишній разъ на старую, какъ

нашъ грѣшный міръ, истину, что въ другихъ каждый подозрѣваетъ и ненавидитъ свои личные недостатки и пороки. Впрочемъ, было одно обстоятельство, которое, такъ сказать, давало таинственному незнакомцу права гражданства на Симскихъ промыслахъ, это—артистическое умѣнье сдавать карты... Раньше безусловное преимущество въ этомъ отношеніи принадлежало Касаткину, который изъ любви къ искусству проигралъ даже казенныя деньги, но онъ, уволенный по третьему пункту исправникъ Касаткинъ, оказался предъ таинственнымъ незнакомцемъ просто мальчишкой и щенкомъ. Именно за карточнымъ столомъ незнакомецъ являлся совсѣмъ другимъ человѣкомъ и даже какъ будто стыдился проявлять свое превосходство въ полномъ объемѣ, а присущія ему фальшь и нахальство переходили въ дѣвичью скромность. Это обстоятельство положительно смущало всю почтенную компанію, и даже чувствовалось нѣкоторое колебаніе: сила — вездѣ сила. Можетъ-быть, именно поэтому Чиковъ особенно и нападалъ на незнакомца, чтобы предупредить всякую возможность реакціи.

— Нѣтъ, вы посмотрите, какія у него руки,—задумчиво говорилъ Охапенко:—бѣлыя, нѣжныя... какъ у женщины. И какія мягкія... А когда онъ сдаетъ—карты сами летятъ. Ей-Богу!..

— Шулеръ!—спорилъ Чиковъ.—А то просто фокусникъ съ ярмарки.

— А какъ вы находите розовую жемчужину у него въ галстукѣ? Если бы фокусники имѣли средства на такую роскошь, то и я пошелъ бы въ фокусники...

Руки у незнакомца, дѣйствительно, были замѣчательныя—длинныя, бѣлыя, съ прекрасными розовыми ногтями, такъ что Капитолина Марковна, сожительница Скотта и единственная дама на промыслахъ, начала увѣрять всѣхъ, что этотъ Михайловъ, навѣрно, акушеръ, — вѣдь сама Капитолина Марковна цѣлыхъ два года пробыла на фельдшерскихъ курсахъ и отлично знала, какія руки у акушеровъ.

— Ну, ужъ вы, Капитолина Марковна, кажется, того...—замѣтилъ Чиковъ, не ожидавшій такого оборота.—Конечно, есть и акушеры Михайловы, да только у насъ-то не родильный домъ, сударыня. А руки, дѣйствительно... Уродится же этакій человѣкъ, подумаешь!..

II.

А фальшивый человѣкъ, видимо, не хотѣлъ обращать никакого вниманія на общественное мнѣніе Симскихъ промысловъ; мало того, онъ обнаружилъ несомнѣнные признаки основаться здѣсь попрочнѣе. Былъ купленъ домъ, привезли откуда-то другую мебель, и даже появился рояль. Это былъ первый рояль на Симскихъ промыслахъ, и этого было достаточно для новыхъ толковъ и всевозможныхъ предположеній. Для чего Михайлову рояль? Если есть рояль, то долженъ быть и тотъ, кто играетъ на немъ. Конечно, Михайловъ отлично сдавалъ карты, и руки у него были, какъ у акушера, но это еще не значило, что онъ самъ будетъ играть на роялѣ. Въ туманѣ этихъ предположеній промелькнула сама собой тѣнь неизвѣстной женщины. Да, именно женщины, которая не-сегодня-завтра должна была явиться на промысла,—это было вѣрно, какъ то, что завтра взойдетъ солнце.

— Какая-нибудь арфистка...—рѣшила Капитолина Марковна.

Полковникъ Охапенко задумчиво покручивалъ усы и повторялъ про себя: „Мы знаемъ, что̀ такое за штука фортепьяно... да“. У бывшаго исправника Касаткина, когда говорили о женщинахъ, являлось какое-то особенно воро-

ватое выраженіе въ глазахъ, и только одинъ докторъ богословія Скотъ оставался равнодушнымъ, потому что онъ совершенно растворялся въ одной своей Капитолинѣ Марковнѣ. Какъ единственная женщина на промыслахъ, эта послѣдняя приняла загадочно-оборонительный видъ: до сихъ поръ она не знала соперницъ, а тутъ вдругъ цѣлый рояль на голову свалился... Нужно замѣтить, что этотъ рояль являлся для Капитолины Марковны чѣмъ-то въ родѣ личнаго оскорбленія, потому что сама она ни на какой „музыкѣ" не играла и впередъ испытывала чувство самой жгучей зависти къ невѣдомой соперницѣ.

— Какая-нибудь мерзавка...—повторяла она.—Посмотримъ!..

Но мы еще ничего не сказали о самихъ промыслахъ, которые занимали довольно обширную площадь въ отрогахъ южнаго Урала, по берегамъ горной рѣки Сима. Золотое дѣло здѣсь утвердилось давно и постоянно привлекало къ себѣ предпринимателей. Слава Симскихъ промысловъ то поднималась, то падала. Одни разорялись, другіе богатѣли, третьи оставались загадочнымъ неизвѣстнымъ — этихъ послѣднихъ было больше. Чѣмъ они существовали, зачѣмъ толклись на промыслахъ и на что разсчитывали — все это являлось загадкой и для нихъ. Главными двигателями служили привычка къ бродяжничеству и какая-то необъяснимая надежда на то, что вотъ—погодите немного—дѣла поправятся, и тогда... — что̀ будетъ „тогда", было ясно для всѣхъ. Богатство заслоняетъ всякое прошлое, и каждый изъ теперешнихъ промышленниковъ съ благороднымъ негодованіемъ отвернулся бы отъ своихъ вчерашнихъ друзей. Около золота вертѣлись всѣ помыслы и желанія,—вѣдь оно было тутъ, подъ ногами, и только недоставало счастливаго случая, чтобы его взять. Главное—счастье... А пока не было своего золота, симскіе золотопромышленники скупали чужое, которое воровали рабочіе на другихъ пріискахъ, и на этомъ поприщѣ пользовались довольно громкой популярностью.

По наружному виду, какъ всѣ пріиски, Симскіе промыслы рѣшительно ничего внушительнаго собою не представляли; нѣсколько заброшенныхъ шахтъ, отвалы пустой породы и промытыхъ песковъ, въ двухъ мѣстахъ деревянные бараки надъ новыми шахтами, пробныя ямы и канавы—не могли служить особенно удачнымъ матеріаломъ для картины. Собственно „жительство" сгруппировалось на мысу, гдѣ стояли дома главныхъ золотопромышленниковъ, казармы для рабочихъ и лѣпились старательскіе балаганы. Кругомъ разстилалась степь, уходившая волнистой линіей изъ глазъ, и только на западѣ синевато-сѣрой глыбой грузно лежала гора Самородка.

Домъ, въ которомъ поселился таинственный незнакомецъ, стоялъ особнякомъ. Онъ былъ построенъ разорившимся золотопромышленникомъ Тузовымъ и пустовалъ лѣтъ десять. Теперь онъ сразу ожилъ: поправляли крышу, выводили стеклянную галлерею и даже разбивали по плану небольшой садикъ. Вообще предвидѣлось что-то необычайное, тѣмъ болѣе, что Михайловъ готовился возобновить шахту № 6, на которой уже разорилось четверо. Это было безуміемъ. Общую сенсацію увеличило еще то, что на промысла привезли паровую машину — это былъ онъ же, таинственный незнакомецъ, который хотѣлъ повести дѣло по-новому, въ большихъ размѣрахъ.

— Вылетитъ въ трубу,—рѣшили единогласно всѣ, хотя въ то же время общая подозрительность усилилась.—Кто старыя шахты подымаетъ? Да лучше десять новыхъ пробить... Кажется, дѣло извѣстное.

Если Капитолина Марковна была лично обижена роялемъ, то остальные еще болѣе задѣты были паровой машиной: что̀, она развѣ глупѣе его, Михайлова?.. Паровыхъ машинъ не выкупишь, а у нихъ дѣло старинное, кондовое...

Самъ Михайловъ попрежнему оставался загадкой: свѣжій, вѣжливый, веселый, точно онъ вернулся изъ какого-то далекаго путешествія къ себѣ домой. По вечерамъ онъ завертывалъ то къ тому, то къ другому, а потомъ приглашалъ къ себѣ, причемъ особенно настаивалъ на согласіи Капитолины Марковны и, когда та послѣ нѣкотораго доманія изъявила свое согласіе, поцѣловалъ у ней руку.

— Скажу вамъ по секрету, Капитолина Марковна, что я жду одну особу... — съ очаровательной интимностью замѣтилъ онъ, слегка прищуривая одинъ глазъ.—Впрочемъ, вы сами увидите. А пока я на бивакахъ...

Эта откровенность обезоружила Капитолину Марковну, точно она сдѣлалась сообщницей таинственнаго незнакомца и сразу стала на его сторону. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ открылъ свою душу не кому-нибудь другому, а именно ей: дѣло, очевидно, шло о таинственной женщинѣ, которая имѣла появиться на промыслахъ.

Осмотръ квартиры новаго золотопромышленника произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: обстановка для промысловъ была совсѣмъ роскошная, такъ что рояль совсѣмъ терялся среди другихъ вещей. Исправникъ Касаткинъ сдѣлалъ всего одно замѣчаніе, именно, что одна комната оставалась запертой, а въ ней-то, можетъ, и заключался весь секретъ.

— Это доказываетъ только, что онъ—порядочный человѣкъ,—таинственно замѣтила Капитолина Марковна. — Семейный домъ не казарма, чтобы показывать все и всѣмъ...

Въ общественномъ мнѣніи незамѣтно появилась скрытая рознь—это всѣ чувствовали. Прежняго единодушія уже не было, и полковникъ Охапенко, задумчиво покручивая усы, говорилъ: „А кто его знаетъ, можетъ-быть, этотъ Михайловъ и порядочный человѣкъ...“ Полковникъ еще самъ не вѣрилъ этому, но уже желалъ вѣрить, что возмущало непстоваго старика Чикова больше всего.

Однажды вечеромъ, когда вся компанія играла въ карты у Капитолины Марковны, подъ окнами прозвенѣлъ почтовый колокольчикъ и грузно прокатился тяжелый экипажъ.

— Это ко мнѣ...—равнодушно замѣтилъ Михайловъ, не оставляя картъ.

Капитолина Марковна не утерпѣла и, закрывшись шалью, сама побѣжала посмотрѣть, кто пріѣхалъ. Экипажъ стоялъ у крыльца, а изъ него съ трудомъ вылѣзалъ длинный молодой человѣкъ. Онъ, пошатываясь, остановился на одномъ мѣстѣ, презрительно оглядѣлъ промысловую городьбу и даже свистнулъ.

— Это какое-то воронье гнѣздо, чортъ возьми... — заплетавшимся языкомъ проговорилъ онъ, направляясь въ домъ.—А гдѣ папахенъ?..

„Бѣдняжка пьянъ, какъ сапожникъ...“ — въ ужасѣ думала Капитолина Марковна, стараясь спрятаться у забора.

Но молодой человѣкъ уже замѣтилъ ее, пріободрился и, подмигнувъ, проговорилъ:

— Эй, вы, полудѣвица, у этиль монъ перъ?..

Капитолина Марковна, поступившись своимъ достоинствомъ единственной промысловой дамы, бросилась бѣжать, какъ облитая водой горничная, а молодой человѣкъ весело хохоталъ ей вслѣдъ.

— Какая-то дура...—бормоталъ онъ, около стѣнки пробираясь въ домъ.

Когда Капитолина Марковна перевела духъ, ей вдругъ сдѣлалось жаль таинственнаго незнакомца—она съ женскимъ инстинктомъ поставила себя на мѣсто этого папахена и нарисовала бойкую картину родственной встрѣчи. Это чисто-женское чувство еще больше сблизило ее съ нимъ, и Капитолина

ватое выраженіе въ глазахъ, и только одинъ докторъ богословія Скотъ оставался равнодушнымъ, потому что онъ совершенно растворялся въ одной своей Капитолинѣ Марковнѣ. Какъ единственная женщина на промыслахъ, эта послѣдняя приняла загадочно-оборонительный видъ: до сихъ поръ она не знала соперницъ, а тутъ вдругъ цѣлый рояль на голову свалился... Нужно замѣтить, что этотъ рояль являлся для Капитолины Марковны чѣмъ-то въ родѣ личнаго оскорбленія, потому что сама она ни на какой „музыкѣ“ не играла и впередъ испытывала чувство самой жгучей зависти къ невѣдомой соперницѣ.

— Какая-нибудь мерзавка...—повторяла она.—Посмотримъ!..

Но мы еще ничего не сказали о самихъ промыслахъ, которые занимали довольно обширную площадь въ отрогахъ южнаго Урала, по берегамъ горной рѣки Сима. Золотое дѣло здѣсь утвердилось давно и постоянно привлекало къ себѣ предпринимателей. Слава Симскихъ промысловъ то поднималась, то падала. Одни разорялись, другіе богатѣли, третьи оставались загадочнымъ неизвѣстнымъ — этихъ послѣднихъ было больше. Чѣмъ они существовали, зачѣмъ толклись на промыслахъ и на что разсчитывали — все это являлось загадкой и для нихъ. Главными двигателями служили привычка къ бродяжничеству и какая-то необъяснимая надежда на то, что вотъ—погодите немного—дѣла поправятся, и тогда... — что̀ будетъ „тогда“, было ясно для всѣхъ. Богатство заслоняетъ всякое прошлое, и каждый изъ теперешнихъ промышленниковъ съ благороднымъ негодованіемъ отвернулся бы отъ своихъ вчерашнихъ друзей. Около золота вертѣлись всѣ помыслы и желанія,—вѣдь оно было тутъ, подъ ногами, и только недоставало счастливаго случая, чтобы его взять. Главное—счастье... А пока не было своего золота, симскіе золотопромышленники скупали чужое, которое воровали рабочіе на другихъ пріискахъ, и на этомъ поприщѣ пользовались довольно громкой популярностью.

По наружному виду, какъ всѣ пріиски, Симскіе промыслы рѣшительно ничего внушительнаго собою не представляли; нѣсколько заброшенныхъ шахтъ, отвалы пустой породы и промытыхъ песковъ, въ двухъ мѣстахъ деревянные бараки надъ новыми шахтами, пробныя ямы и канавы—не могли служить особенно удачнымъ матеріаломъ для картины. Собственно „жительство“ сгруппировалось на мысу, гдѣ стояли дома главныхъ золотопромышленниковъ, казармы для рабочихъ и лѣпились старательскіе балаганы. Кругомъ разстилалась степь, уходившая волнистой линіей изъ глазъ, и только на западѣ синевато-сѣрой глыбой грузно лежала гора Самородка.

Домъ, въ которомъ поселился таинственный незнакомецъ, стоялъ особнякомъ. Онъ былъ построенъ разорившимся золотопромышленникомъ Тузовымъ и пустовалъ лѣтъ десять. Теперь онъ сразу ожилъ: поправляли крышу, выводили стеклянную галлерею и даже разбивали по плану небольшой садикъ. Вообще предвидѣлось что-то необычайное, тѣмъ болѣе, что Михайловъ готовился возобновить шахту № 6, на которой уже разорилось четверо. Это было безуміемъ. Общую сенсацію увеличило еще то, что на промысла привезли паровую машину — это былъ онъ же, таинственный незнакомецъ, который хотѣлъ повести дѣло по-новому, въ большихъ размѣрахъ.

— Вылетитъ въ трубу,—рѣшили единогласно всѣ, хотя въ то же время общая подозрительность усилилась.—Кто старыя шахты подымаетъ? Да лучше десять новыхъ пробить... Кажется, дѣло извѣстное.

Если Капитолина Марковна была лично обижена роялемъ, то остальные еще болѣе задѣты были паровой машиной: что̀, они развѣ глупѣе его, Михайлова?.. Паровыхъ машинъ не выкупишь, а у нихъ дѣло старинное, кондовое...

Самъ Михайловъ попрежнему оставался загадкой: свѣжій, вѣжливый, веселый, точно онъ вернулся изъ какого-то далекаго путешествія къ себѣ домой. По вечерамъ онъ завертывалъ то къ тому, то къ другому, а потомъ пригласилъ къ себѣ, причемъ особенно настаивалъ на согласіи Капитолины Марковны и, когда та послѣ нѣкотораго доманія изъявила свое согласіе, поцѣловалъ у ней руку.

— Скажу вамъ по секрету, Капитолина Марковна, что я жду одну особу... — съ очаровательной интимностью замѣтилъ онъ, слегка прищуривая одинъ глазъ.—Впрочемъ, вы сами увидите. А пока я на бивакахъ...

Эта откровенность обезоружила Капитолину Марковну, точно она сдѣлалась сообщницей таинственнаго незнакомца и сразу стала на его сторону. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ открылъ свою душу не кому-нибудь другому, а именно ей: дѣло, очевидно, шло о таинственной женщинѣ, которая имѣла появиться на промыслахъ.

Осмотръ квартиры новаго золотопромышленника произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе: обстановка для промысловъ была совсѣмъ роскошная, такъ что рояль совсѣмъ терялся среди другихъ вещей. Исправникъ Касаткинъ сдѣлалъ всего одно замѣчаніе, именно, что одна комната оставалась запертой, а въ ней-то, можетъ, и заключался весь секретъ.

— Это доказываетъ только, что онъ—порядочный человѣкъ,—таинственно замѣтила Капитолина Марковна. — Семейный домъ не казарма, чтобы показывать все и всѣмъ...

Въ общественномъ мнѣніи незамѣтно появилась скрытая рознь—это всѣ чувствовали. Прежняго единодушія уже не было, и полковникъ Охапенко, задумчиво покручивая усы, говорилъ: „А кто его знаетъ, можетъ-быть, этотъ Михайловъ и порядочный человѣкъ...“ Полковникъ еще самъ не вѣрилъ этому, но уже желалъ вѣрить, что возмущало неистоваго старика Чикова больше всего.

Однажды вечеромъ, когда вся компанія играла въ карты у Капитолины Марковны, подъ окнами прозвенѣлъ почтовый колокольчикъ и грузно прокатился тяжелый экипажъ.

— Это ко мнѣ...—равнодушно замѣтилъ Михайловъ, не оставляя картъ.

Капитолина Марковна не утерпѣла и, закрывшись шалью, сама побѣжала посмотрѣть, кто пріѣхалъ. Экипажъ стоялъ у крыльца, а изъ него съ трудомъ вылѣзалъ длинный молодой человѣкъ. Онъ, пошатываясь, остановился на одномъ мѣстѣ, презрительно оглядѣлъ промысловую городьбу и даже свистнулъ.

— Это какое-то воронье гнѣздо, чортъ возьми... — заплетавшимся языкомъ проговорилъ онъ, направляясь въ домъ.—А гдѣ папахенъ?..

„Бѣдняжка пьянъ, какъ сапожникъ...“ — въ ужасѣ думала Капитолина Марковна, стараясь спрятаться у забора.

Но молодой человѣкъ уже замѣтилъ ее, пріободрился и, подмигнувъ, проговорилъ:

— Эй, вы, полудѣвица, у этиль монъ перъ?..

Капитолина Марковна, поступившись своимъ достоинствомъ единственной промысловой дамы, бросилась бѣжать, какъ облитая водой горничная, а молодой человѣкъ весело хохоталъ ей вслѣдъ.

— Какая-то дура...—бормоталъ онъ, около стѣнки пробираясь въ домъ.

Когда Капитолина Марковна перевела духъ, ей вдругъ сдѣлалось жаль таинственнаго незнакомца—она съ женскимъ инстинктомъ поставила себя на мѣсто этого папахена и нарисовала бойкую картину родственной встрѣчи. Это чисто-женское чувство еще больше сблизило ее съ нимъ, и Капитолина

Марковна считала себя до извѣстной степени посвященной въ грустную семейную тайну, а такія вещи налагаютъ свои обязанности. Когда она вернулась въ комнату, Михайловъ пытливо посмотрѣлъ на нее и едва замѣтно пожалъ плечами,—о, они отлично понимали другъ друга безъ словъ!

Когда партія кончилась, Михайловъ подошелъ къ ней и спросилъ:

— Видѣли?..

— Да...

Онъ немного театральнымъ жестомъ, какъ это дѣлаютъ на сценѣ благородные отцы, прижалъ надушенный платокъ къ глазамъ и отвернулся, чтобы „скрыть слезу", какъ объяснила это движеніе Капитолина Марковна.

III.

Однажды Михайловъ выходилъ отъ Чикова поздно вечеромъ. Старикъ провожалъ его на крыльцо и, когда таинственный незнакомецъ скрылся, схватилъ себя за волосы.

— Дуракъ... старый дуракъ!..—стоналъ онъ отъ безсильной ярости

Не онъ ли, Чиковъ, ругалъ Михайлова по всѣмъ промысламъ, а теперь...—нѣтъ, это сонъ, дьявольское навожденіе... Чтобы провѣрить себя, старикъ при огнѣ еще разъ пробѣжалъ только-что написанный вексель: „Я, купеческій братъ Иванъ Семеновъ Михайловъ, повиненъ по сему векселю заплатить купцу первой гильдіи Антону Евграфычу Чикову или кому онъ прикажетъ десять тысячъ рублей... Деньги сполна получилъ"... Десять тысячъ!.. Нѣтъ, это ужасно... Гдѣ же были у него глаза? Самый подозрительный человѣкъ, и вдругъ вырвалъ цѣлый капиталъ, да еще какъ вырвалъ: пришелъ точно въ свой сундукъ. Все сидѣли, разговаривали, а потомъ какъ-то такъ, само собой...

Чиковъ не спалъ цѣлую ночь и рано утромъ побѣжалъ къ Скотту, который копался въ своемъ садикѣ. Капитолина Марковна вставала поздно, и докторъ богословія пользовался въ эти немногіе часы полной свободой. Старикъ едва добрался до скоттовскаго садика, оперся грудью на загородку и, указывая рукой на квартиру Михайлова, проговорилъ всего одно слово:

— Разбойникъ...

Скоттъ не повернулъ даже лица, продолжая копаться въ свѣжей грядкѣ. Это былъ невозмутимѣйшій нѣмецъ, какихъ только производилъ свѣтъ въ прежнія времена. Его безучастіе нѣсколько расхолодило Чикова.

— Ему ножъ въ руки да на большую дорогу...

— Зачѣмъ?..—отозвался Скоттъ, поднимая наконецъ свои бѣлые глаза на Чикова. — Онъ у меня тоже взялъ деньги, и я считаю его порядочнымъ человѣкомъ. Капитолина Марковна тоже...

— А много денегъ?

— Да всѣ, какія были... Ему очень нужны деньги.

Чиковъ вдругъ захохоталъ. Чужія глупости хотя и не дѣлаютъ насъ умнѣе, но служатъ иногда прекраснымъ утѣшеніемъ. О своей ошибкѣ старикъ, конечно, ничего не сказалъ, а сейчасъ же полетѣлъ въ городъ, чтобы навести о Михайловѣ необходимыя справки. До города было съ лишкомъ четыреста верстъ, но все равно: нужно было съѣздить по другимъ дѣламъ. Вернулся изъ города Чиковъ темнѣе ночи и сейчасъ же побѣжалъ къ Скотту, который опять копался въ своемъ садикѣ.

— Поздравляю васъ: Михайловъ шулеръ и жуликъ!—кричалъ старикъ, размахивая руками.—Что, хорошо?

— Капитолина Марковна увѣрена... наконецъ есть вексель...—бормоталъ докторъ богословія.

— У меня тоже вексель, да чортъ ли въ немъ?!.

— Такъ и вы давали ему денегъ?..

— Я?.. Нѣтъ... это такъ... случайно попался его вексель,—ну, я навелъ справки. Мошенникъ...

— О-о... неужели?..

— И вы ничего съ него не получите... да!..

— Капитолина Марковна...

— Послушайте, Скоттъ, вы ничего не говорите про наши векселя... понимаете? Пожалуй, еще просмѣютъ... А я сгонялъ въ городъ и посовѣтовался съ адвокатами: дѣло вѣрное, и только не нужно пропускать срока. Понимаете?.. Какъ выйдетъ срокъ, мы этого подлеца и накроемъ... Денегъ у него, конечно, нѣтъ, а все-таки домъ, паровая машина, фортупьяны, золотые часы — мало ли что̀ наберется по домашности. Съ паршивой собаки хоть шерсти клокъ...

— О, я согласенъ...

— А въ это время пусть онъ оберетъ другихъ: Охапенко, Касаткина, Чистыхъ... Такъ я говорю? А то одинъ срамъ.

— Гроссъ-скандалъ...

— Главное—молчите.

— О, я умѣю молчать!

Этотъ маленькій заговоръ серьезныхъ послѣдствій имѣть не могъ по той простой причинѣ, что у остальныхъ золотопромышленниковъ, взятыхъ вмѣстѣ, была дыра въ горсти. Но это не помѣшало Касаткину отвѣтить вполнѣ галантно:

— Въ самомъ непродолжительномъ времени, Иванъ Семеновичъ, я надѣюсь ссудить васъ кругленькой суммой, а теперь, по французской поговоркѣ, я, какъ самая красивая дѣвушка, не могу дать больше того, что̀ самъ имѣю...

— Благодарю васъ... Мы отлично понимаемъ другъ друга, — отвѣчалъ Михайловъ, пожимая обѣ руки будущаго милліонера. — У меня предвидятся тоже большія полученія въ самомъ непродолжительномъ времени, и вы позволите мнѣ предложить вамъ мои услуги... Услуга за услугу, не правда ли?..

Паровая машина весело попыхивала клубами бѣлаго пара; изъ шахты № 6 бойко лилась откачиваемая вода, строилась новая казарма для рабочихъ, подвозились бревна, крѣпи и чурки — однимъ словомъ, работа кипѣла. Самъ Михайловъ занятъ былъ дома своими смѣтами, счетами, планами и корреспонденціями, а на мѣстѣ дѣйствія похаживалъ въ щегольскихъ лакированныхъ ботфортахъ его сынъ Левушка, тотъ самый молодой человѣкъ, который явился на промысла въ такомъ веселомъ настроеніи. Онъ быстро освоился со всей пріисковой обстановкой и старался придать своему испитому лицу дѣловое выраженіе. Это не мѣшало ему каждый день къ вечеру напиваться самымъ исправнымъ образомъ, а для развлеченія Левушка разъѣзжалъ по пріискамъ на сивомъ иноходцѣ и не пропускалъ мимо ни одной толстой крестьянской дѣвки. Касаткинъ былъ отъ него въ восторгѣ: Левушка бывалъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Флоренціи и сыпалъ такими анекдотами, отъ которыхъ покраснѣли бы его сапоги, если бы и у нихъ были уши.

— Я скоро уѣду въ Берлинъ, — сообщалъ Левушка своему другу съ ребячьей болтливостью.—У папахенъ съ Берлиномъ большія дѣла... Да, вотъ городъ: какой-то знаменитый путешественникъ сказалъ, что статуя Германіи

вшаго Левушку; конечно, Левушка пилъ ужасно, но онъ былъ совсѣмъ не злой человѣкъ и постоянно раскаивался въ своемъ поведеніи. Кольцо она, дѣйствительно, подарила ему, но это не имѣло никакого дурного значенія: кольцо было залогомъ того, что Левушка исправится. Къ толкамъ и пересудамъ своихъ пріисковыхъ друзей Капитолина Марковна относилась совершенно равнодушно: поговорятъ и перестанутъ.

Истина открылась, когда на прииски пріѣхалъ самъ баронъ фонъ-Флигель и съ нимъ оба адвоката. Михайловъ устроилъ имъ княжескую встрѣчу и держалъ себя настоящимъ хозяиномъ всѣхъ промысловъ, что̀ привело въ смятеніе остальныхъ симскихъ золотопромышленниковъ. Гости что-то мѣряли, ставили какіе-то таинственные межевые знаки и вообще имѣли самый дѣловой видъ, какъ люди, явившіеся исполнить печальную, но неизбѣжную операцію.

— Что̀ же это будетъ? — съ ужасомъ спрашивали другъ друга застигнутые врасплохъ золотопромышленники. — Вѣдь это дневной грабежъ.

Молчалъ теперь одинъ Чиковъ — старикъ зналъ, что̀ нужно дѣлать. Срокъ векселю истекалъ, и, когда гости уѣхали, онъ отправился къ Михайлову. „Посмотримъ, какъ ты теперь вывернешься", думалъ онъ дорогой, помахивая палкой, безъ которой не выходилъ изъ дому. До квартиры Михайлова было рукой подать, и, чтобы не обращать на себя вниманія, старикъ отправился пѣшкомъ. Когда онъ уже подошелъ къ крыльцу, вылетѣвшіе въ форточку окна аккорды заставили его остановиться.

— Вотъ тебѣ разъ, — пробормоталъ онъ.

Кто-то такъ бойко и весело игралъ на молчавшемъ до сихъ поръ роялѣ, и это ничтожное обстоятельство смутило Чикова: въ этомъ проклятомъ домѣ были вѣчныя неожиданности. Самъ Иванъ Семенычъ никогда не игралъ, а Левушка прошелъ еще утромъ къ Капитолинѣ Марковнѣ... Когда старикъ вошелъ въ переднюю и кашлянулъ, изъ залы къ нему навстрѣчу вышла молодая бѣлокурая дѣвушка.

— Вамъ, вѣроятно, нужно папу? — привѣтливо спросила она. — Пожалуйте сюда, а онъ сейчасъ выйдетъ...

— Да я по дѣлу, сударыня... — бормоталъ Чиковъ, пряча вексель въ кулакъ. — Не безпокойтесь.

— Папа мнѣ говорилъ, что ждетъ васъ.. Если не ошибаюсь, вы Антонъ Евграфовичъ Чиковъ?

— Точно такъ, сударыня... А вы дочкой Ивану-то Семенычу приходитесь?

— Да... Пріѣхала погостить къ отцу.

Она была такая свѣжая и цвѣтущая и смотрѣла такимъ счастливымъ, сіяющимъ взглядомъ. Простенькое ситцевое платье сидѣло на ней какъ перчатка; пепельно-сѣрые волосы, небрежно собранные на затылкѣ, открывали точеную бѣлую шею, а маленькія мягкія руки такъ тепло пожали закорузлую воровскую лапу Чикова. Это была настоящая барышня, какой старикъ еще не видалъ. Онъ, какъ ястребъ, уставился теперь на два брильянта, горѣвшіе каплями утренней росы въ маленькихъ розовыхъ ушахъ молодой хозяйки.

— Вотъ такъ красота...—вслухъ подумалъ старикъ и самъ испугался собственной смѣлости.

Красавица только улыбнулась, и Чиковъ почувствовалъ, что въ комнатѣ точно сдѣлалось свѣтлѣе отъ этой улыбки, а у него, въ глубинѣ его ястребиной души, поднялось еще небывалое и такое хорошее молодое чувство. Онъ плохо помнилъ, какъ она его усаживала въ гостиной на мягкій голубой диванчикъ, какъ щебетала и опять улыбалась, такъ привѣтливо и хорошо улыбалась.

— На музыкѣ-то сыграйте, сударыня... — просилъ Чиковъ, набираясь смѣлости. — А тятеньку мы подождемъ.

Она не заставила себя просить и непринужденно заняла свое мѣсто за роялемъ. Изъ-подъ розовыхъ маленькихъ пальцевъ опять вырвались эти смѣлые, уносившіе вдаль звуки, точно вся комната наполнилась невидимымъ роемъ веселыхъ птицъ. Чиковъ даже закрылъ глаза отъ удовольствія и очнулся только тогда, когда Иванъ Семенычъ положилъ ему свою руку на плечо и ласково проговорилъ:

— Оничка, будетъ... У насъ есть серьезное дѣло съ Антономъ Евграфовичемъ. Иди и приготовь намъ закусить...

Когда Чиковъ вышелъ на крыльцо, чтобы итти домой, онъ долго стоялъ на одномъ мѣстѣ и задумчиво качалъ головой. Вслѣдъ ему призывно рвались тѣ же звуки — Оничка опять играла на роялѣ. Теперь Чиковъ уже не рвалъ на себѣ волосъ, какъ въ первый разъ, а какъ-то равнодушно вынулъ изъ кармана переписанный вексель и махнулъ рукой. Вмѣсто того, чтобы протестовать его, онъ переписалъ и еще прибавилъ пять тысячъ. Вотъ такъ устроилъ штуку...

„Какое же это имя — Оничка... — думалъ онъ, надѣвая шапку. — Должно полагать, по-нашему выйдетъ Анисья... Такъ-съ, Анисья Ивановна. Вотъ такъ фунтъ!..“

V.

Положеніе золотопромышленниковъ на Симскихъ промыслахъ становилось все хуже. Не нужно было особенной проницательности, чтобы предвидѣть развязку: имъ ничего не оставалось, какъ уходить съ насиженнаго мѣста. Иванъ Семенычъ затянулъ ихъ мертвой петлей. Поднятый имъ процессъ въ интересахъ еще болѣе таинственнаго барона фонъ-Флигель являлся послѣднимъ звеномъ въ цѣпи общихъ злоключеній. Черезъ какой-нибудь годъ Симскіе промыслы сдѣлались неузнаваемы, и царившіе здѣсь царьки сидѣли по своимъ домамъ, повѣсивъ носы.

— Уходить надо... — повторялъ полковникъ Охапенко.

Касаткинъ былъ съ нимъ согласенъ, а остальные молчали. Капитолина Марковна болѣе не участвовала въ этихъ совѣтахъ, какъ лицо скомпрометированное подозрительнымъ сближеніемъ съ Левушкой. Она относилась теперь ко всему совершенно равнодушно. Загадочнѣе всего было то, что у Ивана Семеныча деньги не переводились: шахта работала, пріѣзжали какіе-то гости, Оничка весело играла на роялѣ. Старикъ Чиковъ никуда больше не показывался и наглухо закрылъ всѣ окна, чтобы не слышать предательской музыки.

Когда общее натянутое положеніе достигло послѣдней степени и оставалось только выбрать день позорнаго общаго бѣгства, надъ Симскими пріисками разразился необыкновенный случай: Левушка застрѣлился. Блудный сынъ захватилъ у отца какія-то деньги, прокутилъ ихъ въ городѣ и, вернувшись на промыслы съ пустыми руками, застрѣлился. Его холодный трупъ нашли въ сосновой рощѣ, недалеко отъ шахты.

— Такъ и нужно!.. — вырвалось у враговъ Ивана Семеныча.

Иванъ Семенычъ горько оплакивалъ самоубійцу, еще сильнѣе плакала Оничка. Единственной утѣшительницей ихъ являлась Капитолина Марковна, которая теперь живмя жила въ домѣ Михайлова. Левушка былъ единственнымъ сыномъ и унесъ съ собой всѣ фамильныя надежды. Озлобленіе сим-

скихъ золотопромышленниковъ и ихъ глухое злорадство дѣлали это горе слишкомъ одинокимъ, точно оно заперлось въ четырехъ стѣнахъ.

— Левушка былъ такой добрый, — вздыхала Капитолина Марковна, сосредоточившая свою нѣжность на Оничкѣ. — Его не умѣли цѣнить... Конечно, у него были свои недостатки, но стоило поддержать, уговорить — и ничего бы не было. Ахъ, столько злыхъ людей на свѣтѣ!

Любящая душа Капитолины Марковны окружила память блуднаго сына цѣлымъ ореоломъ изъ непроявленныхъ имъ достоинствъ. Иванъ Семенычъ сильно горевалъ и все запирался въ своемъ кабинетѣ; Оничка ходила съ заплаканными глазами и дала себѣ слово не прикасаться къ роялю. Это семейное горе не находило только отклика въ душѣ симскихъ золотопромышленниковъ, которые начали подымать головы. Иванъ Семенычъ ничего не дѣлалъ, и для нихъ еще не все погибло. О, нужно ловить время и столкнуть задумавшагося врага въ первую яму... Такъ ему и нужно, этому проклятому таинственному незнакомцу. Пусть Капитолина Марковна оплакиваетъ своего любовника, а они знаютъ, что̀ имъ дѣлать.

Это шелъ уже третій годъ, какъ Михайловъ поселился на промыслахъ. Стояло лѣто, самое горячее время. Заброшенныя работы начали оживать; по вечерамъ у Касаткина происходили таинственныя совѣщанія, а Иванъ Семенычъ все сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и не хотѣлъ ничего знать. Его видали только на могилѣ Левушки, куда онъ отправлялся каждый вечеръ. Но и это проявленіе отцовскаго горя нисколько не растрогало симскихъ золотопромышленниковъ, не вѣрившихъ ни одному шагу таинственнаго незнакомца, точно можно было поддѣлать самое горе, какъ поддѣлывались карты, брильянты и векселя. Общая фальшь нарушалась только присутствіемъ Оничкн, про которую трудно было сказать что-нибудь дурное.

— Да она не дочь ему, ей-Богу, — серьезно увѣрялъ Касаткинъ съ апломбомъ человѣка, привыкшаго производить дознанія.—Что̀ угодно, но только не дочь.

— Ну, ужъ ты, кажется, того...—бормоталъ Охапенко.—Отчего же Ивану Семенычу не имѣть дочери?..

— Дочь, да не такую ему нужно...

Оничка обезоруживала своимъ трауромъ и плерезами. Въ память Левушки она теперь помогала бѣднымъ, ухаживала за больными и окружила себя чумазыми пріисковыми ребятишками, которыхъ начала учить грамотѣ. Она не боялась обходить самыя крайнія землянки, гдѣ въ кротовыхъ норахъ скрывалась отчаянная пріисковая голь, и вездѣ ея появленіе было лучомъ солнечнаго свѣта. Единственное развлеченіе, какое позволяла себѣ дѣвушка— это прогулка верхомъ. Она ѣздила одна, и полковникъ Охапенко съ удовольствіемъ наблюдалъ за ней потихоньку, изъ-за косяка: хорошо ѣздила эта Оничка, чортъ возьми!.. Правда, и лошадь у ней была отличная, хорошей англійской выѣздки, но и на хорошихъ лошадяхъ ѣздятъ скверно, а старый полковникъ зналъ цѣну этому искусству. Если бы не общее ожесточеніе противъ Ивана Семеныча, онъ показалъ бы, какъ нужно кавалеру ѣздить съ такой амазонкой. Старикъ даже подтягивался и надувалъ грудь, какъ старый пѣтухъ.

— Гопъ, гопъ, гопъ!.. — повторялъ Охапенко, провожая глазами галопировавшую Оничку, и отбивалъ тактъ рукой.—Отлично... гопъ!.. Превосходно...

Иванъ Семенычъ тоже любовался потихоньку на дочь и дѣлился своими восторгами съ одной Капитолиной Марковной, сдѣлавшейся своимъ человѣкомъ въ его домѣ. Эта оригинальная и немножко эксцентричная по-пріиско-

вому дама очаровывала его своей преданностью и тѣмъ запасомъ нѣжности, какую она вносила съ собой,—сказывалась вѣчно жаждавшая привязанности хорошая женская душа. Капитолина Марковна съ глазу на глазъ съ Иваномъ Семенычемъ фамильярно называла Оничку: „наша принцесса“.

— И точно она мнѣ родная дочь, — нѣсколько разъ повторяла Капитолина Марковна и тяжело вздыхала. — Ночью, и то о ней думаю, Иванъ Семенычъ.

Разговоры объ Оничкѣ доставляли таинственному незнакомцу видимое удовольствіе, и онъ разъ даже поцѣловалъ у Капитолины Марковны руку, что̀ сильно смутило единственную пріисковую даму.

Осенью, когда наступили первые заморозки, Оничка каталась верхомъ каждый день и возвращалась домой такой розовой, сіяющей здоровьемъ и всѣми красками нетронутой молодости. Это было опьяненіе отъ избытка силъ. Разъ она вернулась особенно веселая. Глаза такъ и блестѣли, грудь поднималась высоко, а по лицу розовой тѣнью переливался румянецъ.

— Такъ немного осталось хорошихъ дней, — съ сожалѣніемъ говорила Оничка, цѣлуя Капитолину Марковну.—Нужно пользоваться временемъ... Наступитъ зима — и сиди въ четырехъ стѣнахъ.

— Кожа сухая у васъ, Оничка,—замѣтила Капитолина Марковна, ощупывая руки дѣвушки.—И голова какъ будто горяча.

— Пустяки...

Оничка такъ весело засмѣялась, что было бы глупостью думать о какой-нибудь болѣзни. Но къ вечеру у ней открылся жаръ и легкая боль въ горлѣ. Капитолина Марковна не сочла нужнымъ безпокоить Ивана Семеныча, надѣясь обойтись домашними средствами. Къ утру у больной открылся бредъ, и въ головѣ Капитолины Марковны мелькнула страшная мысль о дифтеритѣ,

— Посылайте нарочнаго въ городъ за лучшимъ докторомъ,—предупредила она Ивана Семеныча. — Помощь необходима самая энергичная.

Таинственный незнакомецъ смотрѣлъ на нее широко раскрытыми глазами и ничего не понималъ: Оничка вчера каталась верхомъ, она такая была веселая цѣлый вечеръ — какой же тутъ докторъ?.. Какіе-нибудь пустяки. Но мысль о возможности потерять Оничку навела на него столбнякъ. До сихъ поръ онъ какъ-то никогда не думалъ объ этомъ, и потомъ развѣ она, Оничка, можетъ умереть?

— Я сама распоряжусь...—рѣшила Капитолина Марковна.

Дѣвушка лежала въ своей комнатѣ съ закрытыми глазами. Когда вошелъ отецъ, она тяжело раскрыла вѣки и какъ-то равнодушно посмотрѣла на него. Таинственный незнакомецъ весь похолодѣлъ отъ этого взгляда: она не узнала его.

— Оничка...

Онъ хотѣлъ что-то сказать, обнять ее, своими поцѣлуями разогнать сгустившуюся надъ милой головкой тучу, но зашатался на мѣстѣ и едва вышелъ изъ комнаты.

Остальное все происходило какъ въ туманѣ. Оничка больше не вставала. Пріѣхавшій докторъ осмотрѣлъ ее и покачалъ головой. Потомъ Капитолина Марковна что-то такое говорила ему... а дальше? Въ залѣ краснымъ пламенемъ горѣли похоронныя свѣчи, въ переднемъ углу стоялъ бѣлый шелковый гробъ, а въ немъ лежала Оничка, скошенная дифтеритомъ въ три дня. Чужія руки заставляли его закрывать ей глаза; эти же руки ставили его у гроба, когда шла похоронная служба, и наконецъ онѣ же сунули ему заступъ, чтобы бросить послѣднюю горсть земли въ свѣжую могилу, отнявшую у него все.

Онъ не плакалъ, не жаловался, не волновался, а смотрѣлъ кругомъ съ удивленіемъ посторонняго человѣка, случайно попавшаго на похоронную церемонію. Кругомъ него толпились знакомыя лица его заклятыхъ враговъ: тутъ былъ и старикъ Чиковъ, и Касаткинъ, и Охапенко.

— Теперь все?—спросилъ Иванъ Семенычъ, когда надъ могилой выросла свѣжая кучка земли.

— Пойдемте домой...—ласково шепталъ голосъ Капитолины Марковны.— Нужно отдохнуть, Иванъ Семенычъ.

„Домой... отдохнуть... да что̀ такое отдохнуть?“ — Иванъ Семенычъ потеръ себѣ лобъ и вздохнулъ. Около него была другая рука и тоже ласково, съ женской нѣжностью, старалась увести его—обернувшись, Иванъ Семенычъ узналъ старика Чикова, а за нимъ стояли Охапенко и Касаткинъ. Недавніе враги теперь старались не смотрѣть на Ивана Семеныча, какъ виноватые. Взглянувъ на нихъ, Иванъ Семенычъ что-то смутно припомнилъ и горько улыбнулся: это сожалѣніе враговъ сдѣлало еще глубже его собственное горе, и онъ глухо простоналъ: „Оничка... милая, дорогая Оничка!“.

Они проводили его домой, гдѣ стараніями Капитолины Марковны устроенъ былъ поминальный обѣдъ. Эта тяжелая церемонія смягчилась тѣмъ вниманіемъ, какимъ все время былъ окруженъ таинственный незнакомецъ. Скоттъ распоряжался по хозяйству, какъ другъ дома. Когда поданы были поминальные блины, Чиковъ отвернулся и потихоньку вытеръ слезы. Эхъ, не Оничкѣ бы умирать, а ему, старику... Это движеніе не ускользнуло отъ Ивана Семеныча— онъ нахмурился, оглядѣлъ своихъ гостей и еще въ первый разъ зарыдалъ. Крупныя слезы катились по щекамъ и падали на тарелку, но онъ не закрывалъ лица, облегченный этимъ припадкомъ.

— Иванъ Семенычъ, Богъ съ вами... —шептали голоса.—Всѣ мы подъ Богомъ ходимъ... Конечно, жить бы, радоваться Анисьѣ Ивановнѣ надо было, да только и тамъ, видно, хорошихъ людей тоже нужно.

На мгновеніе, всего на одно мгновеніе въ этихъ людяхъ проснулось то совѣстливое и хорошее чувство, которое дѣлаетъ человѣка человѣкомъ. Нераскаянные грѣшники, до краевъ преисполненные всякой неправдой, точно почувствовали невидимое присутствіе чистой души, которая пронеслась надъ ихъ головами, какъ дыханіе весенняго вѣтра... А Иванъ Семенычъ все рыдалъ и рыдалъ, неутѣшно и горько, какъ ребенокъ, просвѣтленный своимъ отцовскимъ горемъ. Старикъ Чиковъ тоже плакалъ, а другіе смущенно кусали губы, стараясь удержаться.

— Неужели ей нужно было умереть, чтобы... чтобы... —шепталъ Иванъ Семенычъ, тронутый этимъ сочувствіемъ.—Нѣтъ, она не умерла... Это вздоръ! Я не хочу... я не могу... Она здѣсь... я это чувствую.

Таинственный незнакомецъ остался на Симскихъ пріискахъ навсегда, прикованный къ этому роковому мѣсту дорогими для него могилами. Онъ такъ страдалъ и мучился, что его враги, желавшіе ему всякаго зла, теперь ухаживали за нимъ, какъ за ребенкомъ. Изъ здороваго, краснощекаго мужчины въ полгода онъ превратился въ сѣдого старика и едва ходилъ, опираясь на палку.

— Она здѣсь, она съ нами...—повторялъ онъ, часто прислушиваясь къ незамѣтному для другихъ шороху.

1888.

СЕДЬМАЯ ТРУБА.

Эскизъ.

I.

... На улицѣ бушевала снѣжная мятель. Вѣтеръ такъ и рвалъ, бросаясь изъ стороны въ сторону, какъ сумасшедшій. Сухой и разсыпчатый снѣгъ носило по улицамъ бѣлымъ столбомъ. У пѣшеходовъ захватывало духъ, и даже уличные фонари едва мерцали, точно самому огню дѣлалось холодно. Зато какъ хорошо было теперь въ старинномъ двухъэтажномъ каменномъ домѣ Шелковниковыхъ, который глядѣлъ на улицу ярко освѣщенными окнами. Въ высокихъ комнатахъ такъ тепло, и замерзавшая на уллцѣ голь смотрѣла въ окна съ завистью. Нѣкоторые даже останавливались, чтобы хоть издали полюбоваться, какъ добрые люди живутъ на бѣломъ свѣтѣ. Но окна нижняго этажа были завѣшаны шелковыми драпировками, а верхнія были высоко.

Въ угловой гостиной, богато омеблированной въ стилѣ сороковыхъ годовъ, собралась веселая компанія. Молодыя лица совсѣмъ ужъ не гармонировали съ тяжелой старинной мебелью изъ цѣльнаго краснаго дерева, старомодными низенькими драпировками и чахоточной бронзой стиля empire. На десертномъ столѣ, передъ диваномъ, на тонкой высокой ножкѣ стояла старинная лампа,—она давала такъ мало свѣта, что углы комнаты терялись въ темнотѣ.

— Бабушка, миленькая, позволь намъ подурачиться, вѣдь теперь Святки!—упрашивала дѣвушка лѣтъ двадцати съ такимъ красивымъ и типичнымъ лицомъ.

— Грѣшно, Клавдія, — строго отвѣчала сидѣвшая на диванѣ старуха, одѣтая въ косоклинный старинный сарафанъ.—Развѣ я мѣшаю вамъ: играйте во имолки *), олово топите, гадайте, а столы вертѣть грѣшно.

— Да мы немножко, бабушка... А мысли отгадывать можно, черезъ вліяніе?..

— Клавдія...

— Ничего, бабушка: грѣхъ на насъ взыщется, — рѣшилъ молодой человѣкъ, шептавшійся съ двумя горными инженерами. — Вотъ мы всѣ грѣхи на горное вѣдомство запишемъ, или на доктора...

— Мы согласны, Марѳа Захаровна... — въ голосъ повторили молодые люди, окружая старуху. — Клавдія Семеновна интересуется послѣднимъ словомъ науки.

Дремавшій въ глубокомъ креслѣ лысый старикъ проснулся и присоединился къ молодежи:

---

*) Имолки—жмурки, отъ слова имать, т.-е. ловить.

— Мамынька, въ самомъ-то дѣлѣ... нельзя же-съ...

— А тебя кто спрашиваетъ, Капитоша? — рѣзко оборвала его старуха.

— Да мнѣ все равно, мамынька... я такъ-съ... гм...

Старикъ посмотрѣлъ кругомъ мутными глазами, откинулъ голову на спинку кресла и опять задремалъ. Это еще сильнѣе развеселило неугомонную молодежь: дядя Капитонъ боялся матери, хотя самому было уже подъ шестьдесятъ.

— Ну, господа, усаживайтесь, — командовалъ молодой человѣкъ.— Клавдія, садись вотъ къ этому круглому столу... а вы, господа, составите цѣпь. Докторъ, пожалуйста, руководите всѣмъ, и чтобы все серьезно.

— А Капитонъ Поліевктовичъ не приметъ участія?— спрашивалъ докторъ.

— Нѣтъ, у него руки трясутся...

— А... что? — спрашивалъ старикъ въ просонкахъ.—Мамынька, я тово...

— Бабушка, миленькая, не сердись... —ласкалась къ старухѣ Клавдія.— Это такъ интересно... Вотъ сами увидите.

— Коли Поліевктъ захотѣлъ, такъ ужъ развѣ сговоришь,—ворчала старуха, любовно поглядывая на красавицу-внучку.—Окружили вы меня совсѣмъ... Статочное ли это дѣло, чтобы столы вертѣть?

Кругомъ небольшого столика молодежь образовала живую цѣпь. Клавдія попала между докторомъ и кудрявымъ горнымъ инженеромъ. Десять молодыхъ рукъ соединились на лакированной поверхности небольшого столика съ точеной ножкой. Лица были напряженно-серьезны, и всѣ старались не смотрѣть другъ на друга. А молодое, нетронутое веселье такъ и подымало всѣхъ: смѣшно сердилась бабушка, смѣшно похрапывалъ въ креслѣ дядя Капитоша, и недоставало пустяковъ, чтобы это веселое настроеніе прорвалось дружнымъ смѣхомъ. Всѣхъ серьезнѣе оставалась Клавдія, въ красотѣ которой чувствовалось что-то такое болѣзненное, особенно въ большихъ, темныхъ глазахъ, опушенныхъ тяжелыми бархатными рѣсницами. Она изрѣдка посматривала на брата и строго складывала полныя губы. Поліевктъ Шелковниковъ являлся послѣдней отраслью вымиравшаго богатаго рода, и на немъ покоились всѣ надежды Мареы Захаровны. Въ немъ, въ этомъ внучкѣ, она любила все свое прошлое и все будущее фамиліи Шелковниковыхъ. Вотъ и теперь она не умѣла ему отказать и съ тайной грустью смотрѣла на красивую черноволосую голову, наклонившуюся надъ столомъ.

— Господа... начинается...—шепталъ неизвѣстный голосъ.

— Тсс!..

Деревянный круглый столикъ, дѣйствительно, сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и легонько стукнулъ деревянной ножкой. Молодые люди совсѣмъ замерли въ ожиданіи дальнѣйшихъ движеній. Но въ самый интересный моментъ, когда столъ началъ подниматься однимъ бокомъ, въ дверяхъ появилась коровница Афимья съ подойникомъ въ рукахъ и полотенцемъ черезъ плечо, отвѣсила по-раскольничьи низкій поклонъ и пѣвуче проговорила:

— Матушка, Мареа Захаровна, благословите коровушку подоить...

— Богъ тебя благословитъ...—отвѣтила Мареа Захаровна.

Эта маленькая сценка вызвала сдержанный смѣхъ, и столъ пересталъ двигаться. Поліевктъ вскочилъ и рѣзко проговорилъ:

— Что это, бабушка, въ самомъ интересномъ мѣстѣ помѣшали... Вѣдь это же невозможно, наконецъ. Понадобилось какую-то глупую корову доить... Это... это чортъ знаетъ что такое!..

— Какъ ты сказалъ, миленькій?—спросила тихо старуха.—Съ кѣмъ ты разговариваешь-то?

— Ну, бабушка, не сердись... миленькая...—уговаривала Клавдія.—Поля, а ты не груби бабушкѣ. Не велика важность: сядемъ во второй разъ, и только.

— А ты что̀ за заступница выискалась?—оборвала ее старуха.—У него свой языкъ есть... Какъ онъ разговариваетъ-то съ бабушкой?..

— А... что̀?.. Я ничего, мамынька...—бормоталъ проснувшійся Капитоша и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на всѣхъ своими мутными глазами.

— Дѣлайте, какъ знаете...—рѣшила Мароа Захаровна и принялась за свое вязанье.

Наступила неловкая пауза, а потомъ Поліевктъ сказалъ, не обращаясь ни къ кому:

— Все равно, теперь ничего не выйдетъ со столомъ... Господа, лучше займемтесь внушеніемъ мыслей. Докторъ, вы будете дѣлать внушенія, а Клавдіи давно хотѣлось испытать на себѣ это состояніе гипнотизированія...

Онъ все это проговорилъ увѣреннымъ, немножко задорнымъ тономъ, чтобы отплатить бабушкѣ за проклятую коровницу, которая всегда при гостяхъ заявится въ гостиную и только срамитъ. Положимъ, свои люди привыкли къ такимъ допотопнымъ порядкамъ, а вотъ какъ образованные люди подумаютъ про нихъ... Вмѣсто стола вотъ тебѣ, бабушка, угадываніе мыслей, да еще пусть Клавдія первая подвергнется испытанію.

— Вы согласны, Клавдія Семеновна?—изысканно-вѣжливо спрашивалъ докторъ, поправляя пенснэ.—За полный успѣхъ перваго опыта я не ручаюсь, но нужно пройти цѣлую школу такихъ внушеній...

— Да, я согласна...—твердо выговорила дѣвушка и сама испугалась собственной смѣлости: и достанется же ей отъ бабушки, когда гости разойдутся!

Мароа Захаровна сдѣлала видъ, что ничего не слышитъ, и наклонилась надъ вязаньемъ. Спорить съ Поліевктомъ было безполезно, и запретить прямо тоже нельзя—убѣжитъ изъ дому, только его и видѣлъ. А Клавдія-то, тихоня-то, хороша?.. Такъ и отрѣзала какъ ножомъ. „Будешь ты у меня сегодня на поклонахъ въ моленной стоять!“—сердито̀ думала старуха, довольная, что могла сорвать сердце на внучкѣ.

— Что̀ мы загадаемъ для перваго раза?—спрашивалъ докторъ, когда Клавдія вышла въ залу и двери за ней были затворены.

— Пусть она подойдетъ къ дядѣ, погладитъ его по головѣ и переведетъ на диванъ,—предлагалъ Поліевктъ.

— Нѣтъ, это очень сложно для перваго раза... Будетъ достаточно одного дѣйствія,—сказалъ докторъ.

Рѣшено было, что дѣвушка подойдетъ къ Мароѣ Захаровнѣ и возьметъ у нея платокъ изъ кармана.

— Поліевктъ, ради ты Христа...—жалобнымъ голосомъ проговорила Мароа Захаровна, бросая вязанье.—Снимешь ты съ меня голову!

— Что̀ же, бабушка, мы можемъ и бросить...—холодно отвѣтилъ внучекъ, пожимая плечами.—Извините, господа, у насъ все грѣшно... Пойдемте лучше куда-нибудь.

— Ахъ, дѣлайте, какъ знаете...—застонала Мароа Захаровна, отмахиваясь рукой.

Когда дѣвушка вернулась въ гостиную, докторъ завязалъ ей глаза платкомъ, поставилъ среди комнаты и, положивъ руки на плечи, проговорилъ:

— Вы старайтесь, Клавдія Семеновна, рѣшительно ни о чемъ не думать... А вы, господа, упорно думайте о загаданномъ.

Наступила мертвая тишина. Мароа Захаровна со страхомъ смотрѣла то на внучку, то на доктора, и потихоньку читала Исусову молитву. Да не грѣ-

ховодники ли, что придумали... На бѣду и лѣстовка осталась въ моленной, а то бы по счету прочитать сорокъ разъ молитву-то, все же лучше. Полное лицо Марѳы Захаровны, когда-то замѣчательно красивое, теперь имѣло такой испуганный и жалкій видъ, что даже Поліевктъ пожалѣлъ ее про себя. Если бы не гости, онъ приласкался бы къ ней и даже попросилъ прощенія; но вѣдь вотъ эти инженеры видѣли коровницу, какъ она въ своемъ кубовомъ затрапезномъ сарафанѣ залѣзла въ гостиную, да еще съ подойникомъ... Будутъ смѣяться надъ ними, разнесутъ по всему городу.

— Угодники безсребренники, помилуй насъ...—шептала старуха, закрывая въ ужасѣ глаза, когда Клавдія нерѣшительно сдѣлала два шага къ ней.

— Тсс!..

Сначала движенія дѣвушки были нерѣшительны. Она видимо колебалась, и тонкіе пальцы рукъ судорожно сжимались. Но потомъ она пошла прямо къ столу, пощупала скатерть и потянулась къ бабушкѣ. Это движеніе заставило Марѳу Захаровну придвинуться въ самый уголъ дивана, и она умоляюще протянула руки впередъ. Еще одинъ шагъ, и дѣвушка взяла ее за руку, стала ощупывать сарафанъ,—но въ этотъ моментъ въ дверяхъ показалась кухарка Ѳекла. Марѳа Захаровна махнула ей рукой, чтобы убиралась, но Ѳекла только растворила испуганно ротъ и что-то маячила руками.

— Да чего тебѣ?..—сердито спросила Марѳа Захаровна.

— Охъ, матушка, родимая... пріѣхалъ...—бормотала Ѳекла.

— Да кто пріѣхалъ-то, говори толкомъ.

— Охъ, самъ пріѣхалъ... Садокъ пріѣхалъ, матушка, велѣлъ тебя посылать...

На нѣсколько мгновеній Марѳа Захаровна совершенно оторопѣла, [illegible] по ней выстрѣлили, но потомъ быстро поднялась, на ходу поправила [illegible]ковый платокъ на головѣ и почти бѣгомъ бросилась изъ гостиной. Кл[illegible] сорвала повязку съ глазъ и смотрѣла съ ужасомъ на брата.

— Кажется, что-то случилось?—заговорилъ докторъ, оглядываясь.—Мы можемъ повторить сеансъ въ другое время...

— Нѣтъ, все это пустяки...—съ дѣланымъ смѣхомъ отвѣтилъ Поліевктъ и прибавилъ:—Это старичокъ одинъ пріѣхалъ, изъ нашихъ... Онъ у насъ за святого слыветъ.

— А... что?—спрашивалъ Капитоша, просыпаясь.—Кто пріѣхалъ?

— Садокъ пріѣхалъ, дядюшка,—объяснялъ Поліевктъ.—Не желаете ли его встрѣчать итти?

Старикъ смѣшно вытянулъ губы, сморщился и только заморгалъ глазами.

— А... Садокъ... ну его...—бормоталъ Капитоша, снова погружаясь въ свою дремоту.

Клавдія бросилась вдогонку за бабушкой и настигла ее только у самой лѣстницы. Старуха съ несвойственной ея годамъ живостью хотѣла спускаться въ нижній этажъ.

— Бабушка, куда вы?.. Позвольте, лучше я сбѣгу внизъ и приведу его къ вамъ.

Старуха посмотрѣла на нее непонимающими глазами и укоризненно покачала головой.

— Лѣстовку... въ моленной...—проговорила она упавшимъ голосомъ, начиная спускаться по лѣстницѣ; съ одной стороны подъ руку ее поддерживала Ѳекла, а съ другой Афимья.

II.

На дворѣ у самаго подъѣзда стояли самыя обыкновенныя крестьянскія розвальни, запряженныя лопоухой клячей. Въ передкѣ розвальней, съѣжившись, сидѣлъ какой-то мужикъ. Его наполовину занесло снѣгомъ, и онъ отъ холода похлопывалъ рукавицами. Когда на подъѣздъ выскочила Ѳекла съ фонаремъ въ рукахъ, а за ней показалась въ дверяхъ сама Марѳа Захаровна, мужикъ приподнялся, но не сказалъ ни слова.

— Батюшка, Садокъ Иванычъ...—бормотала старуха, закрывая голову отъ вѣтра большой ковровой шалью.—Милости просимъ, голубчикъ...

— А ты пуще проси, Марѳа Захаровна... Проси пуще... — отвѣтилъ гость.—Да не бойся, подходи ближе...

Марѳа Захаровна, какъ была въ одномъ сарафанѣ, пошла къ самымъ санямъ и низко поклонилась сидѣвшему въ нихъ сѣдому старику.

— Бабушка, да вы простудитесь!..—крикнула появившаяся въ дверяхъ Клавдія.—Безъ шубы... въ однихъ башмакахъ... Бабушка, простудитесь, вернитесь!

— Ничего, не простудится...—спокойно замѣтилъ старикъ, вылѣзая изъ розвальней.—Ужо лошадь-то надо прибрать. Верстъ съ тридцать тоже пробѣжала [illegible]на...

[illegible]но тянулъ, чтобы подержать лишнюю минуту старуху на мо[illegible] [illegible]авдія выскочила на снѣгъ сама и потащила бабушку въ [illegible] замѣтилъ:

— [illegible]... Прежде босая по снѣжку-то бѣгала да не студилась... Ну, принимайте гостя...

Стряхнувъ снѣгъ съ нагольнаго тулупа и еще разъ хлопнувъ рукавицами, старикъ вошелъ въ сѣни. По лѣстницѣ онъ поднялся совсѣмъ молодцомъ, стараясь ступать заледянѣвшими валенками не по ковру, а на каменныя ступени. Когда Ѳекла сунулась поддержать его за одну руку, онъ грубо ее оттолкнулъ и назидательно проговорилъ:

— Развѣ я архирей, что самъ не могу ходить!..

Въ верхней передней, замѣтивъ надъ дверями мѣдный литой безпоповщинскій крестъ, старикъ снялъ мѣховой малахай и положилъ началъ. Когда онъ кончилъ, Марѳа Захаровна тяжело повалилась ему въ ноги, приговаривая:

— Прости, батюшка, Садокъ Иванычъ.

— Богъ тебя проститъ, Марѳа Захаровна... Да ты ниже, ниже кланяйся—вотъ такъ. Ты вѣдь богатая...

Онъ нагнулся и рукой придавилъ голову старухи къ самому полу.

— Благослови, батюшка, Садокъ Иванычъ...

— Богъ тебя благословитъ, Марѳа Захаровна. Ну, вотъ такъ, до полу, миленькая.

Тѣ же уставныхъ три метанія сдѣлали и остальныя три женщины: Клавдія, Ѳекла, Афимья. Когда послѣдняя кланялась въ третій разъ, показались изъ залы гости и остановились въ дверяхъ.

— Это кто?—грубо спросилъ старикъ, показывая рукой на шептавшихся между собой молодыхъ людей.

— Гости, Садокъ Иванычъ... Посидѣли, а теперь домой пошли.

— Ну, пусть идутъ...

Старикъ посторонился къ стѣнкѣ и внимательно смотрѣлъ, какъ бритоусы и табачники прощались съ хозяевами.

— Пойдемъ ко мнѣ, гостенекъ дорогой,—приглашала Мароа Захаровна, когда гости, торопливо накинувъ шубы, начали спускаться по лѣстницѣ.

— Приглашаешь, такъ и то надо итти...—согласился старикъ, съ трудомъ ступая по налощенному полу.

Мароа Захаровна понуро шла за нимъ, огорченная Поліевктомъ, который не только не сдѣлалъ метанія передъ Садокомъ Иванычемъ, а еще убѣжалъ изъ дому вмѣстѣ съ гостями—для того и не остался, чтобы не покориться. За ней, какъ тѣнь, неслышными шагами шла Клавдія. Дѣвушка испытывала теперь тяжелое и непріятное чувство, какое нагонялъ на нее съ дѣтства старый начетчикъ Садокъ. Онъ всегда былъ старъ, всегда пріѣзжалъ невзначай, и всегда она боялась его до слезъ. Старикъ самъ прошелъ на половину Мароы Захаровны, гдѣ начинались такія низенькія комнатки, съ крашеными стѣнами и потолками, и гдѣ всегда такъ жарко было натоплено. Въ небольшой гостиной онъ снялъ съ себя верхній тулупъ, потомъ полушубокъ и остался въ одномъ полукафтанѣ изъ простого крестьянскаго сукна и валенкахъ. Теперь ужъ онъ совсѣмъ былъ не страшенъ: низенькій, сгорбленный, худенькій старческой худобой, съ рѣдкой сѣдой бородой и легкой лысиной на головѣ. Живыми оставались одни глаза—большіе, строгіе, темные глаза, глядѣвшіе насквозь. Окружавшіе ихъ лучи глубокихъ морщинъ придавали лицу выраженіе угодника съ иконы стариннаго письма.

— Мимо ѣхалъ... завернулъ провѣдать тебя, миленькая,—съ ласковой строгостью заговорилъ онъ, не глядя на старуху.—Чай, небось, пила съ гостями?..

— Нѣтъ, такъ сидѣли, Садокъ Иванычъ... Праздничное дѣло, у самихъ въ дому молодые люди...

— Въ праздникъ молиться надо, миленькая... молиться надо...

— Закусить съ дорожки не прикажешь ли, Садокъ Иванычъ?..

— Прикажу, миленькая... Вотъ дѣвушка и принесетъ страннику угощенье: ломоть ржаного хлѣбца, сольцы да луковку...

Когда Клавдія торопливо вышла изъ комнаты, старикъ строго спросилъ:

— Отчего замужъ не выдаешь?.. Нехорошо... А съ гостями-то внучекъ убѣжалъ... Видѣлъ...

— Охъ, Садокъ Иванычъ, не прогнѣвайся ты на насъ, родимый мой...—жалобно запричитала Мароа Захаровна.—Молодъ еще... не вступилъ въ настоящій разумъ.

— Отъ гордости, миленькая... отъ гордости... Постыдился старику поклониться при табачникахъ.

Голосъ у старика былъ необыкновенно свѣжъ и гибокъ, съ быстрыми переходами отъ ласковыхъ нотъ къ грубымъ. Когда Клавдія вернулась съ тарелкой, на которой лежалъ ломоть ржаного хлѣба, луковка и стояла солонка, Садокъ Иванычъ погладилъ ее по головкѣ и отпустилъ.

— Ступай къ себѣ, миленькая... Нечего тебѣ наши стариковскіе разговоры слушать.

Старикъ помолился передъ образомъ, сначала посмотрѣлъ на него изъ-подъ руки, не мазаный ли, а потомъ принялся за скромную трапезу. Онъ переломилъ хлѣбъ пополамъ, круто его посолилъ и, подставивъ одну пригоршню, чтобы не уронить крошекъ, началъ закусывать. Луковка только захрустѣла на зубахъ—у Садока Иваныча въ восемьдесятъ лѣтъ всѣ зубы были цѣлы. Мароа Захаровна стояла передъ нимъ, подперши одной рукой голову, и смотрѣла.

— Ну, вотъ спасибо на угощеніи, миленькая...—проговорилъ старикъ, собирая языкомъ упавшія въ пригоршню крохи.

— Да ужъ какое угощенье-то, Садокъ Иванычъ... Не обезсудь, голубчикъ.

— Ладно намъ, а по грѣхамъ нашимъ такъ и за насъ перешло... Плоть недугуетъ, миленькая, а и того бы не надо. Прямо сказано: каменіе претворю въ хлѣбы... Маловѣрны мы и скудны сущи умомъ... Ну, какъ ты поживаешь, Мароа Захаровна? Тепло у тебя, свѣтло, а у другихъ-то, можетъ, и темно и холодно... Получше насъ съ тобой, а въ холодѣ и темнотѣ сидятъ. Богатая ты, съ тебя и взыску больше: овому убо таланъ, овому убо два...

— Охъ, не говори, Садокъ Иванычъ: пропала моя головушка.

Старикъ прошелся по комнатѣ, разминая ноги, круто повернулся и строго спросилъ:

— А ну-ка, скажи, богатая, что̀ съ гостями дѣлала?.. Все говори, какъ передъ Богомъ... Скроешь—тебѣ же хуже.

Мароа Захаровна вмѣсто отвѣта повалилась начетчику опять въ ноги. О, онъ все зналъ! Съ причитаньемъ и слезами она подробно разсказала весь вечеръ, какъ забавлялась молодежь, и какъ она, многогрѣшная, уступила, вмѣсто того, чтобы поначалить за бѣсоугодныя затѣи. Начетчикъ слушалъ эту исповѣдь съ опущенными глазами и въ тактъ печально кивалъ головой. Иногда онъ быстро вскидывалъ на каявшуюся грѣшницу глазами и бормоталъ: „Такъ... такъ“. Когда рѣчь дошла до стола, онъ ее прервалъ:

— Знаю... довольно. *Онъ* его всегда поднимаетъ и когтемъ еще поцарапаетъ. Все знаю... Табачники теперь вездѣ черезъ столъ бѣсовъ вызываютъ, а онъ имъ когтемъ: цапъ!.. Вотъ до чего дошло... Небось, подавай *ему* столъ. Тоже знаетъ, гдѣ вылѣзти. А ты знаешь, миленькая, что̀ такое есть столъ? Охъ, великій и непоправимый грѣхъ: хлѣбъ на столѣ ѣдятъ, миленькая, и съ молитвой ѣдятъ... Помрешь, миленькая, куда тебя положатъ-то? Вотъ *онъ* тебя тогда со стола-то когтемъ и зацѣпитъ... Вѣрно тебѣ говорю: вездѣ теперь маловѣрніи бѣсоиманіемъ занялись, и вездѣ *онъ* оказываетъ свой звѣриный образъ... Ну, дальше говори.

— Да нечего говорить-то, Садокъ Иванычъ!

— Говори все!..—закричалъ на нее старикъ и затопалъ ногами.

Нечего дѣлать, пришлось разсказывать о внушеніи мыслей черезъ вліяніе, причемъ сама Мароа Захаровна сбивалась на каждомъ шагу и не умѣла объяснить всего по порядку.

— Дѣвица съ завязанными глазами и подошла къ тебѣ? — спрашивалъ старикъ, стараясь понять эту безсвязную рѣчь.

— Къ самой, и рукой этакъ ищетъ... ищетъ рукой-то, а я со страху даже отодвинулась... Внѣ себя она какъ будто сдѣлалась, Клавдія-то...

— А ты сидишь и глядишь, какъ *онъ* ее къ тебѣ ведетъ? На̀ вотъ, молъ, получай преданное въ мои бѣсовскія лапы чадо... Самъ-то побоялся ухватить невинную отроковицу, а привелъ къ тебѣ же и лапу свою мерзкую суетъ... Какъ бы я во̀-время не подъѣхалъ, такъ *онъ* сцапалъ бы тебя и задавилъ. Были случаи... Отъ человѣка одинъ смрадъ останется...

— Богъ тебя принесъ, Садокъ Иванычъ... Конечно, гдѣ же намъ устоять, грѣшные люди... темные...

— Нѣтъ, *онъ* больше къ богатству льнетъ, бѣсъ-то: и слаще ѣсть, и мягче спать, и праздныхъ мыслей больше... Тутъ когтемъ цапнетъ, въ другомъ мѣстѣ и всю лапу высунетъ, а богатымъ-то забава. О, грѣхи, грѣхи...

Старикъ уже раскрылъ ротъ, чтобы обличить нечестивыхъ, но вдругъ смолкъ и тихо проговорилъ:

— А я къ тебѣ, миленькая, по дѣлу пріѣхалъ... Надо потолковать съ тобой. Чуяло мое сердце, что и у васъ неладно... Сперва помолиться надо, а

потомъ потолкуемъ. Великія знаменія явились, Мароа Захаровна... Настали послѣднія времена, и земля затворися: народился льстецъ всескверны. Сынъ погибельный мечтательну плоть воспринялъ, и сія убо лестныя его козновенія въ прочихъ изъявлена быша... Горе, горе душамъ нашимъ!

III.

Мароа Захаровна повела гостя въ моленную. Нужно было пройти цѣлый рядъ низенькихъ комнатъ, отворить потайную дверь въ стѣнѣ и спуститься по темной лѣсенкѣ въ нижній этажъ. Низкая и узкая комната была безъ оконъ. Въ глубинѣ всю стѣну занимала божница, или иконостасъ. Иконы были завѣшаны шелковой зеленой пеленой съ нашитымъ на ней восьмиконечнымъ раскольничьимъ крестомъ. Въ отдѣльномъ кіотѣ стояла икона Казанской Божіей Матери въ дорогомъ золотомъ окладѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями,—она никогда не закрывалась, и предъ ней всегда горѣла неугасимая лампада. Эта икона была родовой и перенесена была въ моленную Шелковниковыхъ изъ разореннаго на Имосѣ знаменитаго Кесаревскаго скита. Около стѣнъ шли деревянныя скамейки. На нихъ лежали разноцвѣтные „подрушники". Въ стѣнѣ у божницы, гдѣ стоялъ раздвижной монашескій аналой, прикрѣплены были двѣ деревянныя укладки — одна съ божественными книгами, а другая со свѣчами, ладаномъ и кацеями.

Отдернувъ пелену съ иконостаса, Мароа Захаровна зажгла передъ иконами свѣчи и лампады. Изъ потемнѣвшихъ окладовъ оброннаго и басменнаго дѣла глянули суровые лики строгановскаго письма, мѣдные литые складни, образки, кресты и цѣлыя иконы. Безпоповцы предпочитаютъ мѣдныя иконы, но у Шелковниковыхъ допускалось и старое письмо *) на доскахъ,—оно по наслѣдству досталось изъ разныхъ скитовъ, разоренныхъ въ гонительныя николаевскія времена. Зорко оглядѣвъ знакомую шелковниковскую святыню и найдя все въ порядкѣ, Садокъ положилъ установленный началъ и сейчасъ же поставилъ Мароу Захаровну на поклоны.

— Двѣсти поклоновъ, миленькая, положишь за свои прегрѣшенія... Нужно было бы тысячу, да вижу твою немощную плоть и остальные самъ доложу за тебя.

Трудно было Мароѣ Захаровнѣ отбивать эти поклоны, но Садокъ стоялъ рядомъ съ ней и отсчитывалъ ихъ по лѣстовкѣ. Старуха обливалась потомъ, задыхалась, но начетчикъ былъ неумолимъ. Когда епитимія была кончена, Садокъ принялся читать нараспѣвъ канонъ Казанской Богородицѣ. Онъ читалъ въ носъ, растягивая слова. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голосъ его прерывался и слышались слезы. Мароа Захаровна молилась съ горькими слезами, ожидая какой-то неминучей бѣды. При мерцающемъ свѣтѣ зажженныхъ лампадокъ и восковыхъ свѣчей сѣдой старикъ казался ей пришельцемъ не изъ здѣшняго міра. А онъ все читалъ, и слезы текли по его сѣдой бородѣ...

Кончивъ моленье, Садокъ въ изнеможеніи сѣлъ на скамейку и нѣсколько минутъ сидѣлъ съ закрытыми глазами. У Мароы Захаровны отнимались ноги отъ усталости, но она не смѣла сѣсть и ждала, когда онъ заговоритъ.

— Знаешь, что сказано у Игнатія Богоносца: „Всякъ глаголяй, кромѣ повелѣнныхъ, аще и достовѣренъ будетъ, аще и поститъ и дѣвствуетъ, аще и знаменія творитъ, аще и пророчествуетъ, волкъ тебѣ да мнится во овчей

*) Раскольники признаютъ только писаные образа, т.-е. краски на воску, на водѣ или яичномъ бѣлкѣ, а всѣ остальныя иконы, писаныя масляными красками, называютъ «мазаными» и имъ не молятся.

кожѣ, овцамъ пагубу содѣвающъ"... А въ Кирилловой книгѣ сказано: „Да не бываемъ къ тому младенцы умомъ, влающеся и скитающеся во всякомъ вѣтрѣ ученія во лжи человѣчестей, въ коварствѣ козней льщенія. Блюдемъ истинствующе въ любви"... Понимаешь?.. „И власть перваго звѣря всю творитъ и поклонятся ему... и огнь сотворитъ нисходити на землю предъ человѣка... работы египетскія вмѣстятся"... И этого не понимаешь?..

— Охъ, боюсь я, Садокъ Иванычъ... тошнехонько...

— И нужно бояться: будетъ внѣ страхъ, внутрь трепетъ, гладъ и жажда, въ домѣхъ рыданіе... Увянутъ доброты лицъ и образовъ, и лѣпоты женскія увядятся, и желаніе всѣмъ человѣкомъ и похоть отбѣгнетъ... Восплачется лютѣ всякая душа!..

Начетчикъ говорилъ прямо цитатами изъ раскольничьихъ цвѣтниковъ,— память у него была изумительная. Но все это было только вступленіемъ къ настоящему дѣлу, чтобы не такъ былъ рѣзокъ переходъ отъ канона къ обыденной рѣчи.

— А ты присядь, миленькая, — пригласилъ Садокъ изнемогавшую старуху: — еще бы постоять тебѣ, да ужъ лѣта твои не малыя... Былъ я въ Москвѣ, а теперь объѣзжаю боголюбивые народы... Горе душамъ нашимъ: вострубн седьмая труба. Знаменія вездѣ, а мы слѣпотствуемъ въ своемъ малодушіи... И огнь сведенъ съ неба, а намъ все мало.

— Это ты про телеграфъ?

— Про него... Твои же слова по проволокамъ бѣси волокутъ. Мало: жизнь свою начали страховать въ Москвѣ... Не надѣются на милость Божію, а на свою хитрость. Мало и этого: на аеръ поднимаются и въ бездны падаютъ... Въ Москвѣ мнѣ сказывали, какъ одна нѣмка на воздушномъ шарѣ летала—ухватится зубами за веревку и летитъ. А другая нѣмка въ театрѣ заберется подъ самый потолокъ да оттуда внизъ головой и бросится... И живы обѣ. Это какъ, по-твоему?.. Сами онѣ собой этакую страсть принимаютъ? Онъ, бѣсъ, подымаетъ ихъ на аеръ, а потомъ низвергнетъ тычмя головой. Ѣсть тоже онѣ хотятъ, хоть и нѣмки: льстецъ ихъ гладомъ и донимаетъ. То же и съ ними будетъ... Сказывали въ Москвѣ же, какъ бѣсоугодныя пляски творятся всенародно оголеннымъ женскимъ поломъ, какъ по трактирамъ прельщенно распѣваютъ безстыжія нѣмки и жидовки, а властодержцы и богоборные потаковники всякіе зломерзкіе заводы утверждаютъ, идеже лютѣ гибнетъ и женскъ и мужескъ полъ. Такъ я говорю?..

— Охъ, такъ, родимый мой...

— То-то: такъ... А зачѣмъ внучку замужъ не выдаешь? А внуку зачѣмъ потачишь?..

— Голубчикъ, Садокъ Иванычъ, да гдѣ же нынче жениховъ-то возьмешь? Рада бы радешенька съ рукъ сбыть, и случаи такіе навертывались, да сама-то Клавдія говоритъ: „Бабушка, денегъ мои женихи ищутъ во мнѣ, а не меня"... Не гнать же ее мнѣ силомъ!.. Дѣвушка воды не замутитъ, а не хочетъ себя потерять. Внучка Поліевкта люблю и знаю сама, что грѣшу, а какъ быть мнѣ: разѣ за нимъ угоняешься?

— По трактирамъ, небось, внучекъ-то ухлестываетъ?..

— Не скрою: есть грѣхъ... Выговаривала я, началила и слезами плакала, а онъ изъ дому бѣжитъ. На невѣстъ и не глядитъ, потому любопытно ему на своей полной волѣ отгулять...

— Такъ, такъ... Все вѣрно: и желаніе всѣмъ человѣкомъ отбѣгнетъ— прямо въ писаніи сказано. Всѣ боятся нынче законъ принимать... Жаль мнѣ васъ, горемыкъ богатыхъ. Вонъ Капитонъ-то Семенычъ изнищалъ какъ плотію

и главою зѣло оскорбѣлъ... То же и съ Поліевктомъ твоимъ будетъ: достигнетъ и его собачья старость. О, горе, горе душамъ нашимъ!.. Ищутся не жены, а богатства и покупаютъ себѣ остуду... Изсякла радость въ супружествѣ, и нѣтъ правильнаго рожденія дѣтямъ, ибо затворилось само небо, и затворились въ себѣ потерявшія желанія жены. Роду человѣческому погибель, даже прежде, какъ появится изъ утробы матерней... Вижу, тягчишь ты, миленькая, и воздыханія утробу твою терзаютъ: всѣ мы сидимъ въ челюстяхъ мыслящаго льва.

— Что дѣлать-то, Садокъ Иванычъ?..

— А то и дѣлай: рыдай и молись... Будетъ, побоярила, а теперь казнись.

— Да я не про себя: другіе-то какъ?

— И другіе то же самое... Работать не хотятъ, а каждый боярилъ бы. А я тебѣ еще послѣднее знаменіе скажу: настроили фабрикъ, наставили машинъ... пошли вездѣ ситцы да самовары... Все придумано, одно хитрѣе другого, а хлѣбъ все дорожаетъ, и вездѣ у машинъ египетскія работы вмѣстились... Это какъ?.. Хлѣбъ дорожаетъ, а его къ нѣмцамъ везутъ... *Онъ* его увозитъ, хлѣбъ-то, а назадъ отрыгаетъ желѣзомъ да блондами. Тутъ запляшешь голая, когда хлѣба захочешь... Тутъ тебѣ бѣсы по проволокамъ бѣгутъ, тутъ бѣсы машины ворочаютъ, а лѣпота женская на поруганіе отдается... Вотъ хлѣба не могутъ только придумать, а подаютъ алчущимъ камень. Пошла по всей землѣ иноземная пестрота, неукротимая рознь и разсѣченіе... Вотъ я и пришелъ сказать тебѣ: возгласи седьмая труба, и конецъ близится. Слезами омывайте лица ваши и утро и вечеръ, и будьте готовы...

Мареа Захаровна тихо плакала, сидя на скамейкѣ: Садокъ говорилъ правду... Спасенья не было.

— Иди-ка ты, миленькая, спать,—ласково проговорилъ начетчикъ.

— А ты-то какъ?

— А я, видно, здѣсь останусь... Да не забудь наказать, чтобы скоту моему сѣнца бросили охапочку.

Сотворивъ метаніе, Мареа Захаровна вышла изъ моленной. Она шаталась, поднимаясь по лѣстницѣ, и нѣсколько разъ садилась отдыхать. Слезы ее нѣсколько облегчили, но сердце надрывалось за другихъ. Огорченная старуха не замѣтила спрятавшейся въ углу у лѣстницы темной фигуры: это была Клавдія... Дѣвушка подслушала весь разговоръ бабушки съ начетчикомъ.

А Садокъ, проводивъ хозяйку, опять сталъ на молитву и плакалъ слезами о суетѣ-суетъ погрязшаго во грѣхахъ міра. Онъ вслухъ читалъ покаянные псалмы и каноны, истово крестился широкимъ раскольничьимъ крестомъ, отбивалъ земные поклоны и опять плакалъ.

IV.

Ночь не спалось Мареѣ Захаровнѣ, неотвязныя думы одолѣвали. И все Садокъ изъ головы не выходилъ: праведный человѣкъ... Всѣ спятъ, а онъ одинъ стоитъ на молитвѣ. Усталъ съ дороги и назябся, а ничего его не беретъ. Конечно, Богъ поддерживаетъ праведнаго человѣка. И все-то онъ правду говоритъ, все правду и всякаго насквозь видитъ. Небось, сейчасъ запримѣтилъ, какъ Поліевктъ убѣгалъ отъ него давеча.

— Седьмая труба возгласи, — повторяла старуха, напрасно стараясь стряхнуть съ себя непосильное бремя ежедневныхъ заботъ и всяческой житейской суеты.—Скоро кончина міра... Садокъ все знаетъ.

Страхъ смерти нападалъ на нее, и зубы начинали выбивать лихорадочную дробь. Господи, что̀ на свѣтѣ-то дѣлается, да и у ней въ домѣ тоже хорошо. Охъ, грѣхи,—много грѣховъ, безъ конца краю, и за каждый грѣхъ свой отвѣтъ.

Припомнилась ей вся ея долгая жизнь...

Родилась она на озерѣ Имосѣ, гдѣ процвѣтали знаменитые скиты — Вѣринскій, Кесаревскій, Никольскій, Косовской. Семья была бѣдная, и дѣвочкой она бѣгала босая во всякую погоду. Хлѣба даже не всегда хватало, и отецъ перебивался кое-какъ около скитовъ. Въ Кесаревскій скитъ ее отдали учиться грамотѣ у старицъ. Строго жили скитницы и строго наказывали ученицъ ременными лѣстовками. Когда отецъ умеръ, семья осталась безо всего, и маленькую дѣвочку Марѳеньку старицы взяли къ себѣ въ скитъ — очень ужъ пригожая изъ себя была дѣвочка, и голосъ такой звонкій, что всѣ заслушивались. Скитницы прочили изъ сироты сдѣлать уставщицу, но судьба ей вышла другая.

У старцевъ и старицъ на Имосѣ были старинныя крѣпкія связи со всѣми одновѣрцами, а съ Москвой въ особенности. Слава объ Имосѣ разошлась далеко, и сюда пріѣзжали, какъ въ тихое убѣжище, на покой разные богатые старики и старушки. Они занимали отдѣльныя келейки и жили по строгому скитскому правилу. Такими были старики Нижегородцевы, которыхъ Марѳенька застала уже въ скитахъ. Про нихъ шла молва, что старики богатые и пришли на Имосъ откуда-то изъ-подъ Москвы. Дѣтей у нихъ не было, и Нижегородцева съ перваго раза привязалась къ красивой и ласковой послушницѣ. По праздникамъ они брали ее къ себѣ и заставляли пѣть умильное скитское пѣніе. Здѣсь въ первый разъ Марѳенька увидѣла и Садока. Онъ бывалъ на Имосѣ наѣздомъ, по какимъ-то тайнымъ дѣламъ, о которыхъ знали однѣ матери-наставницы. Бывалый человѣкъ — и на Вѣткѣ живалъ, и въ Стародубьѣ, и на Керженцѣ, и въ Иргизскихъ скитахъ, и на Выгѣ.

Особенно зачастилъ онъ въ скиты, когда Шелковниковы бросились искать въ Сибири золото. Много было тутъ заколочено денежекъ, а трудовъ и не сосчитать. Семья богатыхъ сальниковъ Шелковниковыхъ выдвинулась на первый планъ, а Поліевктъ Шелковниковъ впослѣдствіи прославился на всю Сибирь. Это былъ уже не молодой человѣкъ и притомъ вдовецъ. Полученное отъ отца наслѣдство онъ закопалъ въ Сибири и сдѣлался бы банкротомъ, если бы не выручили Нижегородцевы. Свелъ ихъ все тотъ же Садокъ, знавшій всѣхъ вдоль и поперекъ. Старики были крѣпкіе, но Поліевктъ далъ великую клятву, что десятую часть всего сибирскаго золота отдастъ на скиты, а золото онъ уже нашелъ, и только недоставало денегъ, чтобы обставить необычайное и сложное дѣло. Садокъ тянулъ сторону Поліевкта и уломалъ Нижегородцевыхъ. Какъ теперь видитъ Марѳа Захаровна всѣ эти совѣты, разговоры и пересуды, которые шли по скитамъ цѣлую зиму. Весной Садокъ скрылся—онъ поѣхалъ въ тайгу вмѣстѣ съ Шелковниковымъ. Вернулись они только поздней осенью, по первопутку: дѣло было сдѣлано, и Шелковниковъ не только самъ сдѣлался милліонеромъ, но озолотилъ всю родню. Въ скиты онъ наѣзжалъ довольно часто и привозилъ каждый разъ дорогіе гостинцы. Скитскія матери и наставницы ухаживали за дорогимъ гостемъ, какъ за кладомъ, а онъ больше льнулъ къ Нижегородцевымъ. Здѣсь онъ высмотрѣлъ красавицу-послушницу и женился на ней.

Переходъ отъ домашней нищеты и скитскаго послушанія къ богатой жизни не испортилъ Марѳы Захаровны; она навсегда сохранила немного монашескій характеръ и повела самую строгую жизнь. Лѣтъ черезъ десять По-

ліенктъ Шелковниковъ умеръ отъ удара, а Мароа Захаровна осталась „матерой“ вдовой, съ двумя сыновьями на рукахъ. Пришлось самой вести всѣ дѣла, а изъ бывшей скитской послушницы выработался настоящій дѣлецъ, какихъ немало въ средѣ женщинъ-раскольницъ. А дѣла Мароа Захаровна вела такъ, что всѣ ей завидовали. Были и другіе богатые золотопромышленники— Савины, Оглоблины, Мышкины, да тѣ недолго покружились: богатство такъ же скоро уплыло, какъ и приплыло. Осталась цѣлой одна Мароа Захаровна и твердо поддерживала фамильную промысловую честь. Ей же приходилось помогать разорившимся милліонерамъ и разной забѣднѣвшей роднѣ. И себя она держала строго, и дѣтей, и весь домъ. Громадное богатство давало всѣ средства сдѣлаться вліятельнымъ членомъ раскольничьей общины, и безъ благословенія Мароы Захаровны ничего здѣсь не предпринималось. Она опять ушла бы въ скиты, если бы не дѣти и не большія дѣла съ Сибирью. Садокъ при ней былъ главнымъ совѣтникомъ, хотя наѣзжалъ только временами — у него по всей Россіи и Сибири были дѣла и хлопоты. Въ шелковниковскомъ домѣ установился немного монашескій строй жизни, почти какъ въ скитѣ. Дѣтей Мароа Захаровна воспитала въ страхѣ Божіемъ, но младшій, Капитоша, не издался—вышелъ скорбенъ и припадоченъ къ водкѣ. Онъ такъ и остался старымъ холостякомъ. Семенъ былъ любимцемъ матери и скоро сталъ ей подмогой. Изъ ея воли онъ не выходилъ до сѣдого волоса. Женатый человѣкъ, имѣвшій большихъ дѣтей, не смѣлъ пикнуть передъ матерью и на каждые пустяки долженъ былъ по-раскольничьи просить благословенія. Съ годами изъ Мароы Захаровны выработался тяжелый семейный деспотъ, предъ которымъ пресмыкалось все кругомъ. Прибавьте къ этому еще скитскіе свычаи и обычаи и гнетъ всего раскольничьяго обихода. Особенно тяжело доставалось въ домѣ женщинамъ—дочерямъ Мароы Захаровны и женѣ Семена. Всѣ онѣ жили какъ-то такъ, между прочимъ, какъ домашняя скотина; Мароа Захаровна даже дѣтей отняла у невѣстки. Впрочемъ, дочери скоро повыходили замужъ—весь родъ Шелковниковыхъ славился красотой, а тутъ еще и богатство на придачу. Оставалась на рукахъ одна невѣстка, которая не смѣла дохнуть и прожила жизнь какъ-то совсѣмъ въ сторонѣ. Никто въ домѣ не обращалъ на нее вниманія, и только по праздникамъ ее наряжали, какъ куклу, чтобы показать гостямъ. Она и умерла такъ же незамѣтно, какъ жила.

Чѣмъ старше становилась Мароа Захаровна, тѣмъ дѣлалась строже, и, конечно, всего больше доставалось окружающимъ. Утромъ и вечеромъ всѣ домочадцы и прислуга собирались въ моленной. Сначала всѣ кланялись въ ноги Мароѣ Захаровнѣ, а потомъ дѣлала то же она. Подъ праздники въ моленной шла безконечная служба, и Мароа Захаровна сама „говорила кануны“, зажигала свѣчи и кадила кацеей образа. Около нея сплотился цѣлый замкнутый кружокъ, но вліяніе шло и дальше. Скиты на Имосѣ были разорены въ сороковыхъ годахъ грознымъ архіереемъ Мокіемъ, и Мароа Захаровна должна была пристроить сотни людей по разнымъ раскольничьимъ заповѣднымъ угламъ. Въ своемъ городѣ она, конечно, пользовалась большимъ почетомъ, и генералъ Пентефрій, зорившій съ архіереемъ Мокіемъ скиты на Имосѣ, каждый праздникъ являлся къ ней съ визитомъ. Это былъ николаевскій строгій генералъ, попавшій изъ кавалерійскаго полка въ горные начальники; Пентефріемъ его прозвалъ Садокъ, ненавидѣвшій властодержца за разные „знаки гражданской, тѣлесно ощущаемой власти“,—въ переводѣ это означало острогъ, кандалы, шпицрутены и плети. Даже самъ Мокій бывалъ въ домѣ Мароы Захаровны, и она принимала его съ политичной раскольничьей вѣжливостью, хотя послѣ каждаго архіерейскаго визита и бучила въ щелокѣ всѣ мѣдныя

иконы, а писаные образа мыла въ водѣ съ мыломъ. Нечего и говорить, какъ послѣ такого архіерейскаго визита мыли, чистили и вообще чередили весь домъ.

Положеніе старшаго сына Семена было не изъ завидныхъ. Онъ прожилъ всю жизнь какимъ-то дофиномъ, да такъ и не дождался своего „боярства". Онъ умеръ на сорокъ седьмомъ году, какъ-то вдругъ, отъ удара. Мароа Захаровна даже не оплакивала его особенно, потому что оставался Поліевктъ— вылитый дѣдушка.

— Надо бы Капитошѣ померетъ-то...—проговорила она на поминкахъ.

— Не избывай постылаго, приберетъ Богъ милаго, — отрѣзалъ ей Садокъ, разозленный этой безчувственностью. — Переначалила ты Капитона-то Поліевктыча, миленькая. А своя кровь: изъ роду-племени не выкинешь.

Единственной грозой для Мароы Захаровны оставался Садокъ; только его одного она и боялась. Домашняя челядь была рада его неожиданнымъ появленіямъ, потому что онъ хоть на недѣлю утихомиривалъ „ндравную" старуху. Въ раскольничьемъ мірѣ онъ пользовался громкой популярностью, какъ дѣвственникъ и вообще подвижникъ. Съ Мароой Захаровной Садокъ обращался нарочито строго и постоянно корилъ богатствомъ.

— Въ монастырь пора, миленькая, давно пора, — повторялъ онъ послѣднія десять лѣтъ.—Будетъ, побоярила... Наги родимся, наги и въ землю пойдемъ, а о душѣ надо позаботиться. Много, поди, грѣховъ-то набоярила?

— Охъ, и не говори, Садокъ Иванычъ!.. Сама бы давно ушла, да на кого покину сиротъ-то своихъ? Нужно вотъ внучку замужъ выдавать, Поліевкта женить... Капитоша вонъ живетъ ни къ шубѣ рукавъ.

И вдругъ: седьмая труба!..

Было тутъ о чемъ подумать. Все кончено...

Мароа Захаровна лежала въ своей постели съ закрытыми глазами и все думала, думала безъ конца. Она даже видѣла себя мертвой и въ собственномъ домѣ уже чувствовала мерзость запустѣнія: моленная заперта, неугасимая не теплится, старые слуги всѣ разбрелись, а наверху неистовствуютъ пьяные гости, слетѣвшіеся на даровое угощеніе... Вотъ и онъ, Поліевктъ, погибаетъ въ объятіяхъ продажной красоты, и дѣдовскій домъ гулко отдаетъ бѣсоугодный женскій смѣхъ, визгъ и неистовую пляску. Развѣютъ по вѣтру всѣ богатства Шелковниковыхъ, какъ это было съ другими.

— Господи, помилуй!..—въ ужасѣ шептала старуха, просыпаясь отъ этихъ грезъ наяву.

— А что же Клавдія? Куда она дѣнется безъ нея?.. Останется она непокрытой головушкой, а богатой невѣстѣ кругомъ соблазнъ. Будетъ потомъ клясть бабушку, что во-время не пристроила.—Смертный страхъ охватываетъ старуху; она хочетъ подняться и позвать внучку...

— Клавдія... Клавдія...—едва бормочутъ посинѣвшія губы, и Мароа Захаровна чувствуетъ, какъ что-то тяжелое, какъ гора, начинаетъ давить ее.— Клавдія...

V.

Комната Клавдіи была рядомъ, и дѣвушка слышала, какъ ворочалась и охала старуха. Ей тоже не спалось... Чего-чего она ни передумала за эту ночь и нѣсколько разъ принималась плакать.

„Не пойду я замужъ...—думала дѣвушка, припоминая слова Садока. — Лучше въ скиты уйти, какъ дѣлаютъ бѣдныя дѣвушки... Еще какой мужъ попадется..."

Изъ трехъ тетокъ ни одна не была счастлива въ замужествѣ: старшій зять—игрокъ, промотавшій состояніе жены, второй—пьяница, а третій—банкротъ. Плохо приходится богатымъ невѣстамъ, на которыхъ женятся изъ-за денегъ... Въ умѣ она перебрала всѣхъ знакомыхъ молодыхъ людей, которые за ней ухаживали, и ни одинъ изъ нихъ ей не нравился. Нѣтъ, страшно, лучше уйти въ скиты... Дѣвушка уже видѣла на своей головѣ иночество *) и черную наметку, прикрывавшую ея дѣвичью косу. Ею овладѣлъ религіозный экстазъ, и она долго молилась, лежа съ закрытыми глазами. Завтра же утромъ она пойдетъ и скажетъ бабушкѣ все... Кстати и Садокъ Иванычъ здѣсь—онъ ей поможетъ уговорить упрямую старуху.

Она забылась только къ утру тяжелымъ и тревожнымъ сномъ и проснулась чѣмъ свѣтъ. Умывшись на скорую руку и накинувъ поверхъ ночной кофточки теплую шаль, она постучала въ дверь бабушкиной комнаты, но отвѣта не послѣдовало. Старуха всегда спала чутко и подымалась чѣмъ свѣтъ, но безсонная ночь сломила и ее. Дѣвушка на цыпочкахъ вышла изъ комнаты черезъ другую дверь и встрѣтила въ столовой Ѳеклу—самоваръ ужъ былъ на столѣ и все остальное для утренняго чая.

— Спитъ наша бабушка...—шопотомъ проговорила Ѳекла.—Умаялась-таки вчера... А Садокъ Иванычъ цѣльную ночь выстоялъ на молитвѣ.

Пробило восемь часовъ. Гдѣ-то зазвонили къ ранней обѣднѣ, а бабушка все не просыпалась. Ѳекла нѣсколько разъ подкрадывалась къ дверямъ бабушкиной комнаты и прикладывала ухо къ замочной скважинѣ—„нѣтъ, спитъ наша воевода. Достигъ, видно, ее Садокъ Иванычъ...“

Пробило девять часовъ. Въ столовую вышелъ Поліевктъ съ заспаннымъ и измятымъ лицомъ. Клавдія старалась не смотрѣть на него: ей вдругъ сдѣлалось гадко—она знала, гдѣ онъ пропадалъ ночь и откуда вернулся къ утру. И всталъ пораньше, чтобы обманывать бабушку.

— Миленькіе... не ладно что-то...—шептала Ѳекла.—Ужъ не попритчилось ли нашей матушкѣ что̀?..

Эти глупости разсердили Поліевкта, и онъ самъ пошелъ къ бабушкѣ. Постучалъ въ дверь сначала тихо, потомъ громче—отвѣта не было. Но дверь была не заперта, и онъ послалъ сестру. Мароа Захаровна лежала мертвая, съ посинѣвшимъ и обезображеннымъ конвульсіями лицомъ... Клавдія, какъ птица, полетѣла въ моленную и съ плачемъ объявила Садоку Иванычу, что бабушка умерла.

— Я знаю, — спокойно отвѣтилъ старикъ. — Зачѣмъ и пріѣхалъ... Все знаю...

Онъ, не торопясь, закончилъ канунъ, положилъ уставные поклоны и, такъ же не торопясь, поднялся наверхъ. Войдя въ комнату Мароы Захаровны, онъ положилъ передъ образа̀ми началъ, потомъ поклонился въ землю покойницѣ, благословилъ ее и тихо проговорилъ:

— Земля и въ землю отыдеши...

Клавдія стояла въ углу и глухо рыдала.

1888.

---

*) Иночество—черная монашеская шапочка.

ПОПРОСТУ *).

I.

— Кликните мнѣ, пожалуйста, извозчика,—вѣжливо проговорилъ молодой человѣкъ, только-что пріѣхавшій докторъ въ глухой провинціальный городъ Пропадинскъ.

— Извозчика?—удивилась старуха-кухарка, отвѣчавшая за горничную.— Развѣ по Ѳомку сбѣгать, онъ у собора стоитъ, а другихъ никого нѣтъ.

— Все равно: Ѳомка или кто другой... Я тороплюсь, нужно визиты сдѣлать.

Павелъ Иванычъ Кочетовъ, молодой врачъ, только-что сорвавшійся съ университетской скамьи, вчера пріѣхалъ на мѣсто своей службы и, такъ какъ въ Пропадинскѣ „проѣзжающихъ номеровъ" не оказалось, остановился на первой попавшейся частной квартирѣ у какого-то прасола. Этотъ прасолъ, пожилой человѣкъ съ окладистой бородой, вышелъ къ нему босикомъ и въ одной ситцевой рубахѣ, внимательно осмотрѣлъ гостя съ ногъ до головы и рѣшилъ про себя: „Молодъ еще, а пооперится—человѣкомъ будетъ".

„Вотъ патріархальные нравы!" — думалъ, въ свою очередь, Кочетовъ, любуясь босыми ногами хозяина и его ситцевой рубахой, перехваченной гарусным поясомъ.

Утромъ онъ проснулся рано, потому что не давали спать самые патріархальные клопы, и теперь съ нетерпѣніемъ повернулся нѣсколько разъ передъ зеркаломъ. Средняго роста, плотный, съ широкимъ русскимъ лицомъ и небольшой бородкой, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ и долженъ быть провинціальный врачъ: ничего *этакого* не было ни въ костюмѣ, ни въ манерахъ, ни въ лицѣ. Просто пріѣхалъ человѣкъ на мѣсто и будетъ тянуть свою лямку, какъ тянутъ всѣ другіе люди.

— А Ѳомки-то нѣтъ у собора,—заявила вернувшаяся кухарка.—Надо полагать, его къ Бубновымъ перешибли...

— Ну, а другіе?

— Другихъ-то, видно, не бывало, баринъ.

— Какъ же я, по-твоему, буду дѣлать; на улицѣ грязь по колѣно, я по грязи и отправлюсь съ визитами, подогнувъ штаны?

Кухарка только развела руками:

— Нѣту Ѳомки...

— Эй, Авдотья, а ты къ Луковкинымъ сбѣгай,—послышался изъ-за перегородки голосъ хозяина:—можетъ, они дадутъ лошадь... У нихъ два эки-

*) Разсказъ этотъ въ переработанномъ видѣ вошелъ въ романъ „Хлѣбъ".

пажа, такъ иногда ссужаютъ на случай бракосочетанія или на похороны. Такъ и скажи: господинъ дохтуръ пріѣхали, такъ имъ весьма требовается...

— Но вѣдь это неловко: незнакомые люди...—бормоталъ Кочетовъ, начиная, въ виду затянувшихся переговоровъ, снимать свѣжія перчатки.

— Ничего, Павелъ Иванычъ,—утѣшалъ тотъ же голосъ изъ-за перегородки съ увѣренной ноткой.—Какъ быть-то?.. Не вы одни, а для перваго раза по колѣно залѣзть въ грязь, оно, тово, не способно!.. А Луковкинымъ что̀, все равно задарма лошадь стоитъ. Да вы не сумлѣвайтесь, потому какъ у насъ все попросту: сегодня вамъ Луковкины удружатъ, а завтра вы имъ.

— Все-таки, знаете, оно какъ-то неловко.

Черезъ полчаса Авдотья пріѣхала на лошади Луковкиныхъ, причемъ вся улица уже знала, кому понадобилась лошадь и для чего. Городъ былъ маленькій, всего тысячъ пять жителей, а чѣмъ меньше русскій городъ, тѣмъ сильнѣе обывательское любопытство. Усаживаясь въ экипажъ, докторъ съ улыбкой припомнилъ, что лошадь у Луковкиныхъ берутъ на случай бракосочетанія или на похороны, такъ что онъ являлся и женихомъ и покойникомъ.

— Къ городскому головѣ...—лаконически приказалъ онъ кучеру, нѣсколько взволнованный своимъ офиціальнымъ визитомъ.

Выходило неловко только одно, что онъ съ своимъ первымъ визитомъ явится на чужой лошади, точно у него нѣтъ денегъ на извозчика. Но эта безпокойная мысль сейчасъ же улетучилась подъ вліяніемъ ужасныхъ толчковъ, какими усыпанъ былъ путь. Пропадинскія улицы осенью буквально утопали въ грязи, и экипажъ тащился изъ одной выбоины въ другую, какъ черепаха. Вѣдь улицъ совсѣмъ немного: главная улица, конечно, Соборная, потомъ неизбѣжная Московская, потомъ проспектъ—и только, а дальше начинались окраины со своими Теребиловками, Дрекольными и Ерзовками. Въ центрѣ, конечно, была Соборная площадь, на площади зеленый соборъ, дальше каменный гостиный дворъ, походившій, какъ всѣ гостиные дворы, на плохія конюшни, еще дальше деревянная каланча, опять церковь, но уже ярко-желтая, зданіе „градской“ думы, обывательскія хоромы и грязь безъ конца, а въ хорошую погоду пыль.

Проѣзжая мимо собора, кучеръ обернулся, внушительно ткнулъ кнутовищемъ на утоптанное мѣстечко и проговорилъ:

— Вотъ на эфтомъ самомъ мѣстѣ Ѳомка и стоитъ... Проѣзжающіе господа весьма одобряютъ, ежели онъ, значитъ, Ѳомка, не урѣзалъ. Къ Бубновымъ его, сказываютъ, съ утра взяли...

Домъ градского головы Семена Гаврилыча Затыкина, конечно, стоялъ на Соборной улицѣ и еще издали кидался въ глаза своимъ блѣдно-розовымъ цвѣтомъ. Всѣ окна точно были залѣплены разными ветхозавѣтными цвѣтами въ родѣ фуксій, гортензій, синелей и даже гераней. Недоставало только пѣтуховъ и краснаго перца, каковые красуются на подслѣповатыхъ окнахъ въ Ерзовкѣ. Подъѣздъ, впрочемъ, былъ очень приличенъ: раздѣланная подъ дубъ массивная дверь, воздушный звонокъ, даже желѣзный тентъ на тонкихъ чугунныхъ колонкахъ. На звонокъ выскочила краснощекая горничная.

— Семенъ Гаврилычъ дома?

— Они въ думѣ...

Кочетовъ сунулъ горничной свою визитную карточку, постоялъ на подъѣздѣ и рѣшился ѣхать прямо въ думу, благо чужая лошадь стояла тутъ же и первая неловкость была сдѣлана.

До думы было рукой подать. Подчищенный двухъэтажный каменный домъ имѣлъ очень приличную внѣшность, а черная вывѣска такъ и горѣла

золотой надписью. Даже былъ золотой гербъ: въ голубомъ полѣ серебряная лисица, пронизанная золотой стрѣлой. Нужно замѣтить, что въ Пропадинскомъ уѣздѣ, кромѣ мышей и зайцевъ, другихъ звѣрей по штату не полагалось. Въ подъѣздѣ стоялъ настоящій швейцаръ и даже швейцаръ въ ливреѣ. Конечно, это частность и пустяки, но Кочетовъ почувствовалъ себя какъ-то легче при видѣ такого осязательнаго знака пропадинской цивилизаціи.

— Пожалуйте въ ремесленную управу—Семенъ Гаврилычъ тамъ чай кушаютъ,—заявилъ швейцаръ, не дожидаясь вопроса.—Въ двѣнадцать часовъ они завсегда тамъ...

Чай и ремесленная управа немного не вязались между собой, но что̀ вы подѣлаете съ провинціей... По приличной лѣстницѣ Кочетовъ вбѣжалъ во второй этажъ, заглянулъ на вывѣски у дверей—ремесленная управа была сейчасъ направо, и въ пріотворенную дверь доносился гулъ спорившихъ голосовъ. Изъ вѣжливости Кочетовъ постучалъ въ дверь—отвѣта не послѣдовало.

— Да вы, сударь, прямо отворяйте дверь,—посовѣтовала голова швейцара, наблюдавшая неизвѣстнаго человѣка съ лѣстницы:—у насъ вѣдь попросту.

Ничего не оставалось, какъ только войти „попросту". Большая комната, затянутая табачнымъ дымомъ, съ длиннымъ столомъ посрединѣ, походила на желѣзнодорожный буфетъ: на столѣ кипѣли два самовара, стояла чайная посуда, корзинки съ хлѣбомъ и бутылки съ ромомъ, а кругомъ стола размѣстились представители мѣстнаго самоуправленія. Появленіе новаго человѣка произвело нѣкоторую сенсацію, и общій говоръ смолкъ.

— Могу я видѣть г. городского голову?—освѣдомился Кочетовъ, обращаясь къ толстому сѣдому старику.

— Къ вашимъ услугамъ...—отозвался краснощекій мужчина среднихъ лѣтъ и пошелъ навстрѣчу гостю съ протянутой рукой.—Съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Врачъ Кочетовъ...

— Ахъ, помилуйте, очень пріятно... очень!..

— Я заѣзжалъ къ вамъ, но, къ сожалѣнію, не засталъ дома и вотъ рѣшился... Извините, я, можетъ-быть, мѣшаю вамъ?

— Вы?.. Нѣтъ, вы въ самую точку попали, и лучше ничего нельзя было придумать: въ двѣнадцать часовъ мы всегда здѣсь, какъ рыба въ ухѣ... Господа, позвольте представить: нашъ новый докторъ...

Подхвативъ Кочетова подъ локоть, голова повелъ его вокругъ стола и быстро рекомендовалъ присутствующихъ. Сѣдой старикъ въ очкахъ оказался тѣмъ самымъ Луковкинымъ, на лошади котораго пріѣхалъ въ думу Кочетовъ, потомъ слѣдовалъ членъ управы Огибенинъ, затѣмъ предсѣдатель земской управы Голяшкинъ, судебный слѣдователь Нагибинъ, два купца Ивановыхъ, три купца Поповыхъ, старшій городской врачъ Кацманъ и т. д.

— То-то я смотрю въ окошко: на моей лошади кто-то подъѣзжаетъ къ думѣ,—добродушно басилъ Луковкинъ.—Вотъ, думаю, оказія... Кому бы быть, думаю, а оно вонъ что̀ вышло. Моя лошадь-то, и кучеръ мой, Анфимъ, а сѣдокъ незнакомый. Хе-хе...

Кочетовъ началъ объясняться, но голова хлопнулъ его по плечу, усадилъ насильно къ столу и проговорилъ:

— Перестаньте, батенька: мы что̀, развѣ французы какіе... У Захара-то Леонтьича лошадь одурѣла отъ стоянія, а теперь все-таки ей проминажъ. Вамъ же спасибо скажетъ... У насъ, голубчикъ вы мой, все попросту.

— Все попросту!—отвѣтило нѣсколько голосовъ заразъ.

— Одной семьей живемъ, миленькій вы нашъ...—продолжалъ голова и любовно похлопывалъ доктора по плечу.—Чего намъ дѣлить? А въ двѣнадцать часовъ мы всегда здѣсь, въ управѣ, чайкомъ балуемся... Конечно, оно присутственное мѣсто, но дѣлъ никакихъ нѣтъ, а напиться въ свое время чайку чѣмъ не ремесло?.. У насъ попросту...

Этотъ Семенъ Гаврилычъ оказался великимъ краснобаемъ и постоянно тыкалъ своимъ „попросту". Въ Пропадинскѣ это слово, кажется, не сходитъ съ языка: и хозяинъ квартиры, и кучеръ, и швейцаръ, и городской голова употребляютъ его къ мѣсту и не къ мѣсту.

„Можетъ-быть, это мѣстная особенность выраженія мыслей,—думалъ про себя Кочетовъ:—а можетъ-быть, и дѣйствительно всѣ живутъ попросту".

II.

Чай въ ремесленной управѣ продолжался довольно долго, и Кочетовъ успѣлъ перезнакомиться со „всѣмъ Пропадинскомъ"—городъ былъ налицо, такъ что не нужно было дѣлать и визитовъ. Эти провинціалы, говоря правду, произвели на него пріятное впечатлѣніе: дѣйствительно, въ нихъ было что-то такое простое и добродушное, граничившее съ халатомъ и босыми ногами; даже старшій врачъ Кацманъ, несмотря на свое семитское происхожденіе, и тотъ заразился общимъ настроеніемъ и для перваго раза далъ коллегѣ товарищескій совѣтъ.

— У васъ хорошій желудокъ?—спрашивалъ онъ, прищуривая лѣвый, косившій глазъ.

— Не могу пожаловаться...—улыбнулся Кочетовъ, понявъ тонкій намекъ.

— Вашъ предшественникъ поплатился именно этимъ путемъ,—задумчиво проговорилъ еврей и пожевалъ губами.—Знаете, нужна вездѣ мѣра, даже въ извѣстномъ порядкѣ хорошихъ чувствъ...

Но Семенъ Гаврилычъ не далъ имъ кончить интереснаго разговора и, въ качествѣ души своего общества, объяснилъ новому члену:

— Вы его не слушайте: Самойла Мосеичъ совсѣмъ швахъ... Ничего онъ не стòитъ у насъ и только компанію портитъ. У насъ такъ: какъ двѣнадцать часовъ—всѣ въ ремесленную управу и бредутъ... Попьемъ чайку, покалякаемъ—не нужно и съ визитами трепаться.

Взглянувъ на часы, Кочетовъ сдѣлалъ движеніе человѣка, желающаго вò-время удалиться во свояси.

— Чтò это вы, батенька?..—изумился Семенъ Гаврилычъ.—Домой?.. Да чтò, развѣ у васъ дѣти тамъ плачутъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, у насъ такъ не играютъ: не пустимъ... Только человѣкъ глаза успѣлъ показать—и сейчасъ тягу!..

— Не пустимъ!—послышались голоса, и чья-то рука ласково отняла у доктора его шляпу.

— Видите ли, мнѣ неудобно оставаться уже потому, что я задерживаю чужую лошадь...—бормоталъ Кочетовъ, невольно поддаваясь напору пріятельскихъ чувствъ.

— Лошадь? Эге, батенька, хватились чего...—заливался Семенъ Гаврилычъ такъ, что у него прыгали розовыя щеки.—Да я ее давнымъ-давно отослалъ и привезу васъ домой въ собственномъ экипажѣ. Мы, хоть и живемъ въ медвѣжьемъ углу, а можемъ понимать...

Кочетова занималъ вопросъ, чтò „весь Пропадинскъ" будетъ теперь дѣлать здѣсь, когда чай конченъ, разговоры переговорены и время подвигалось

къ обѣду. Но изъ недоумѣнья его вывело то, что всѣ, точно сговорившись, поднялись съ мѣста заразъ и толпой направились къ выходу. Правда, странно было, что пропадинцы не прощались другъ съ другомъ, но, можетъ-быть, это было такъ принято.

— Ѣдемте,—коротко рѣшилъ Семенъ Гаврилычъ, поглядывая на часы.

У подъѣзда уже ждала приличная пролетка, и кучеръ, не спрашивая, направился къ гостиному двору. Когда экипажъ повернулъ съ Соборной улицы на проспектъ, Кочетовъ замѣтилъ:

— Мнѣ, Семенъ Гаврилычъ, по Соборной улицѣ...

Голова посмотрѣлъ опять на гостя удивленнымъ взглядомъ, но ничего не отвѣтилъ, потому что экипажъ уже остановился передъ новымъ каменнымъ зданіемъ съ привѣтливой вывѣской: „Ахалъ-Теке“.

— Вотъ мы и дома...—заговорилъ Семенъ Гаврилычъ, помогая своему гостю вылѣзть изъ экипажа.—Вы еще молодой человѣкъ, учитесь жить у насъ, стариковъ. То-есть здѣсь мы повернемся на одну минутку, а потомъ ужъ домой.

Издали было слышно, какъ щелкали бильярдные шары, и, къ удивленію Кочетова, въ общей залѣ они встрѣтили ту же публику, которая угощалась въ ремесленной управѣ. Какъ оказалось, гостиница „Ахалъ-Теке“ принадлежала Семену Гаврилычу, и онъ здѣсь былъ, дѣйствительно, дома. Публика распоряжалась тоже по-домашнему и называла лакеевъ полуименами: „Мишка, мнѣ графинчикъ водки и салфеточной икры“ и т. д. Большинство было за мадеру, хотя это еще служило только приготовленіемъ къ обѣду. Кочетовъ выпилъ въ управѣ для чего-то стаканъ чая, сдобреннаго ромомъ, а теперь Семенъ Гаврилычъ приставалъ съ мадерой.

— Я предпочелъ бы рюмку водки...—замѣтилъ онъ въ нерѣшительности.

— Ахъ, какой вы: водка отъ насъ не уйдетъ, Павелъ Иванычъ... У насъ ужъ такое заведеніе, а въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ.

Пристали другіе, и Кочетовъ, чтобы отвязаться, выпилъ первую рюмку, за которой послѣдовала вторая и третья. Выпитое вино пріятно ударило ему въ голову, и онъ вдругъ почувствовалъ себя совсѣмъ легко, такъ легко, точно онъ всегда жилъ въ Пропадинскѣ и попалъ въ родную семью. Всѣ кругомъ пили, и онъ пилъ. Время летѣло незамѣтно. Кто-то разспрашивалъ его о мельчайшихъ подробностяхъ его генеалогіи: чей сынъ, сколько семьи, сколько жалованья получаетъ отецъ и т. д. Кочетовъ, пригрѣтый общимъ участіемъ, незамѣтно разболтался и пустился даже въ нѣкоторую откровенность, но вовремя спохватился и посмотрѣлъ на своего собесѣдника—съ нимъ разговаривалъ какой-то совсѣмъ незнакомый господинъ, котораго онъ не видалъ даже въ управѣ.

„Что же это я распоясался...—съ недовольнымъ лицомъ подумалъ онъ про себя, оглядывая еще разъ незнакомца.—Въ незнакомомъ обществѣ, въ первый разъ, а ужъ языкъ точно узломъ завязанъ“.

Виноватой, конечно, оказалась проклятая мадера, которую Семенъ Гаврилычъ приготовлялъ въ собственномъ погребкѣ. Дальше все происходило въ какомъ-то туманѣ. Кочетовъ опять ѣхалъ въ пролеткѣ Семена Гаврилыча, краснощекая горничная отворяла знакомый подъѣздъ, а тамъ высокая лѣстница во второй этажъ и цѣлая анфилада хорошо убранныхъ комнатъ. Что всего удивительнѣе, такъ это то, что здѣсь они встрѣтили ту же публику, какая угощалась въ „Ахалъ-Теке“: и Голяшкинъ, и Нагибинъ, и Огибенинъ. Но изъ двухъ Ивановыхъ сдѣлалось три, а изъ трехъ Поповыхъ—два; какъ это

случилось, Кочетовъ никакъ не могъ разобрать. Можетъ-быть, и онъ, Кочетовъ, перепуталъ, а можетъ-быть, одинъ Ивановъ прибылъ, а одинъ Поповъ убылъ.

— Душенька, рекомендую: мой другъ, Павелъ Иванычъ...—представлялъ хозяинъ доктора пожилой, но все еще красивой дамѣ купеческаго склада.— Отличный человѣкъ!.. Павелъ Иванычъ, ты ужъ меня извини; у меня, что на умѣ, то и на языкѣ. Широкая русская натура, терпѣть ненавижу скалдырниковъ, въ родѣ нашего Кацмана.

Этотъ переходъ на „ты“ и появленіе дамъ заставили Кочетова прійти въ себя: гдѣ онъ?.. Нѣтъ, нужно подтянуться—въ мужской компаніи мало ли что бываетъ, а при дамахъ нельзя безобразничать.

— А вотъ это сестрица Пашенька...—рекомендовалъ Семенъ Гаврилычъ высокую, красивую брюнетку съ такими ласковыми темными глазами и фамильнымъ румянцемъ во всю щеку.—Прошу любить да жаловать, Павелъ Иванычъ, а у насъ первое дѣло, чтобы все попросту... Пашенька, давай поцѣлуемся!..

Братъ и сестра особенно звонко расцѣловались. Кочетову показалось, что красавица особенно пристально посмотрѣла на него своими темными глазами, а „душенька“ нахмурилась. Но неугомонный хозяинъ уже тащилъ гостя въ слѣдующую комнату, гдѣ во всю длину внутренней стѣны стоялъ широкій столъ, уставленный бутылками въ три ряда, и необходимая къ нимъ „арматура“ изъ закусокъ.

— Вотъ теперь мы добрались и до настоящаго фундамента!—радостно проговорилъ хозяинъ, многозначительно останавливая вниманіе гостя на графинѣ съ очищенной.

— Я не могу, Семенъ Гаврилычъ...

— Павелъ Иванычъ... и ты это говоришь?..

— Нѣтъ, я ужъ того... Мнѣ довольно.

— Вздоръ! Пашенька, заставь Павла Иваныча исполнить долгъ...

Кочетовъ почувствовалъ присутствіе красавицы около себя, именно почувствовалъ, а она уже сама своими бѣлыми руками наливала рюмки. Что-то такое горячее прилило къ самому сердцу Кочетова—то безумное молодое веселье, которое бьетъ черезъ край. Ивановы и Поповы хлопали рюмки, точно въ „Ахалъ-Теке“. Пашенька тоже кокетливо пригубила рюмочку съ неизбѣжной мадерой, а непосредственно за этимъ слѣдовалъ обѣдъ, причемъ стулъ Кочетова оказался рядомъ со стуломъ Пашеньки.

— Вы женаты?—спрашивала она, съ серьезнымъ лицомъ разжевывая своими крѣпкими бѣлыми зубами корочку чернаго хлѣба.

— Мы его женимъ, Пашенька,—отвѣчалъ хозяинъ за гостя.—Сначала пусть такъ поживетъ, порадуется, а потомъ мы его и подъ рѣшето.

По другую руку Кочетова оказался давешній любопытный господинъ, который опять началъ донимать своими разспросами. Это былъ сѣденькій ласковый старичокъ, съ какимъ-то утинымъ носомъ, прилизанными на височкахъ волосами и слезившимися глазками. Назойливость этого господина начала бѣсить Кочетова, и онъ только хотѣлъ рѣзко оборвать его, какъ Пашенька нагнулась къ его уху и прошептала съ милой интимностью:

— Будьте осторожны: милліонеръ... единственная дочь—невѣста.

Рука Кочетова какъ-то сама отыскала подъ столомъ теплую руку Пашеньки и крѣпко ее пожала, а Семенъ Гаврилычъ поймалъ гримасу отъ боли на лицѣ сестры и покачалъ головой. Онъ обладалъ счастливой способностью видѣть заразъ всѣхъ, какъ расторопный приказчикъ, который понатерся съ публикой. Кочетовъ, конечно, не замѣтилъ этого братскаго движенія: ему было

опять такъ хорошо, точно онъ вернулся въ этотъ домъ изъ какого-то далекаго путешествія, и точно этотъ домъ былъ его собственный.

Обѣдъ продолжался безъ конца: пили, ѣли, спорили, шумѣли, смѣялись и опять пили. Подали свѣчи. Пашенька угощала своего сосѣда виноградомъ и мизинцемъ указывала на самыя крупныя ягоды. А старичокъ-милліонеръ опять разспрашивалъ Кочетова о его родныхъ, жевалъ сухими губами и постукивалъ ножомъ о тарелку. У него была манія выбирать жениховъ для своей дочери, и каждый новый пріѣзжій человѣкъ дѣлался его жертвой, какъ было и теперь.

Что̀ было дальше—Кочетовъ плохо сознавалъ. Въ комнатѣ было ужасно жарко, потомъ всѣ шумѣли, а Семенъ Гаврилычъ по-разбойничьи приставалъ ко всѣмъ со своей мадерой. Потомъ одинъ изъ Поповыхъ затянулъ высокимъ теноркомъ:

„Пей токайское вино,
Въ сердце жаръ вольетъ оно...“

— У насъ все попросту, голубчикъ ты мой...—шепталъ Семенъ Гаврилычъ, обнимая гостя:—всѣ тутъ, какъ на ладонкѣ. Давай, поцѣлуемся...

Поцѣлуи были безъ конца—всѣ лѣзли цѣловаться: и Нагибинъ, и Огибенинъ, и Голяшкинъ, и всѣ Поповы, и всѣ Ивановы.

— Эй, холодненькаго!—командовалъ хозяинъ, взмахивая салфеткой захваченному изъ „Ахалъ-Теке“ офиціанту.

Потомъ... Позвольте, что̀ же было потомъ?.. Да, потомъ пѣла Пашенька какія-то цыганскія пѣсни, кто-то тяжело плясалъ, гдѣ-то полетѣла со звономъ посуда на полъ, и опять сладкій туманъ покрывалъ все, а Кочетовъ уже самъ лѣзъ цѣловаться къ совершенно незнакомому господину.

III.

Пробужденіе Кочетова на другой день было ужасно: голова болѣла отчаянно, но хуже всего было душевное состояніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ первый же день своей службы онъ напился, какъ сапожникъ... очень мило!.. Если пьютъ купцы, то имъ и Богъ велѣлъ, а вѣдь онъ, Кочетовъ, человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ и долженъ служить примѣромъ для другихъ Наконецъ въ интересахъ службы неудобно, да и вообще скверно, гадко, возмутительно... Проклятая студенческая привычка — натренькаться съ пріятелемъ—сказалась, но тамъ это дѣлалось и съ холоду, и съ голоду, и еще по многимъ другимъ уважительнымъ причинамъ.

— Скотина... какъ есть скотина!..—вслухъ повторялъ Кочетовъ, испытывая жгучее чувство раскаянія.—Навѣрно, вчера Авдотья съ удивленіемъ принимала пьяное шарашившееся тѣло новаго жильца, а хозяинъ только ухмылялся... „У насъ все попросту!..“ Чортъ бы ихъ взялъ... А кучеръ Семена Гаврилыча: вѣдь, навѣрно, онъ отвозилъ пьянаго гостя на фатеру?.. И теперь весь городъ знаетъ ужъ все, да еще отъ себя прибавитъ столько же...

Чѣмъ дальше Кочетовъ думалъ, тѣмъ становилось ему хуже. Семенъ Гаврилычъ чуть не съ перваго раза началъ говорить ему „ты“—видитъ птицу по полету, потомъ всѣ цѣловали его, и онъ лѣзъ цѣловаться, съ кѣмъ-то пускался въ откровенность, съ кѣмъ-то спорилъ и говорилъ какимъ-то дамамъ пошлыя любезности, какъ развернувшійся въ компаніи „фершалъ“ или писарекъ. Нѣтъ, это просто гнусно... А кучеръ головы везетъ мертвое тѣло новаго дохтура и думаетъ: „Здорово нахлесталось его благородіе, а еще образован-

ные!". Нѣтъ, слово-то проклятое, которое такъ и лѣзло ему теперь въ голову, какъ назойливая осенняя муха: „у насъ попросту, все попросту".

— Развѣ удрать?—мелькнула у Кочетова малодушная мысль.—Сказать Авдотьѣ, чтобы сбѣгала на почтовую станцію за лошадьми, на скорую руку собрать тощіе пожитки—и Пропадинскъ фюить!..

Эта мысль значительно ободрила Кочетова, хотя уѣхать теперь ему рѣшительно было не съ чѣмъ: только поступилъ человѣкъ на мѣсто, и отъ прогонныхъ денегъ осталось одно пріятное воспоминаніе. Нужно было экипироваться, то да се, студенческіе должишки, наконецъ оставить нѣсколько крохъ старику-отцу, который едва тянется на своей грошовой пенсіи. А когда старикъ вышелъ провожать его, то отвелъ въ сторону и таинственно прошепталъ на ухо: „Знаешь, Паша, въ новомъ-то мѣстѣ того... поосторожнѣе. Особливо поимѣй въ виду горячительные и спиртные напитки..." Старикъ самъ попивалъ и зналъ, что̀ говоритъ. Вѣроятно, и самъ въ юности дѣлалъ глупости, да и всѣмъ людямъ свойственно ошибаться. „Ты, Паша, ежели что̀, такъ въ своей квартирѣ устрой кутежку: ну, пришли двое-трое товарищей, поколобродили, и шито-крыто... понимаешь?.." И теперь Кочетовъ точно видѣлъ это доброе отцовское лицо, которое смотрѣло на него съ укоризной и шептало: „Эхъ, Паша, Паша, тово... не ладно вышло вчера съ горячительными-то напитками! Я тебѣ говорилъ, Паша..." Да, Паша хорошъ... Однако позвольте, какое странное совпаденіе: Паша, Пашенька... она что-то шептала ему про милліонную невѣсту, а онъ пожималъ ей руку подъ столомъ. Да, все это было... Семенъ Гаврилычъ такъ сочно расцѣловалъ ее прямо въ губы—это тоже было.

— Эге, да я начинаю себя оправдывать?—во̀-время спохватился Кочетовъ.—Нѣтъ, братъ, дудки: ничѣмъ не прикроешь своего свинства, какъ ни вывертывайся. Еще осуждалъ пьяныхъ купцовъ, которые скандалятъ по трактирамъ, а самъ-то какъ безобразничалъ вчера... А все проклятая русская мягкая натура: нѣтъ выдержки, нѣтъ наконецъ уваженія къ самому себѣ,—и это пьяное свинство... бррр!..

Осторожный стукъ въ перегородку заставилъ Кочетова очнуться.

— Павелъ Иванычъ... а, Павелъ Иванычъ?..

— Что̀ угодно, Яковъ Григорьичъ?..

— Извините, пожалуйста, что я васъ разбудилъ, а только, изволите ли видѣть, лошадь отъ Бубновыхъ второй часъ дожидается... Васъ къ больному приглашаютъ. Карточка у васъ на столѣ...

Кочетовъ соскочилъ съ кровати, подбѣжалъ къ столу и взялъ визитную карточку: „Ефимъ Назаровичъ Бубновъ". А на оборотѣ тонкимъ женскимъ почеркомъ написано: „Пожалуйста, поторопитесь къ тяжелому больному". Карточка приличная и фамилія знакомая: Бубновъ, Бубновъ, Бубновъ... Да, вчера Бубновы отбили у него единственнаго извозчика Ѳомку. Однако голова зѣло трещитъ, и самого даже пошатываетъ. И физіономія хороша, особенно выраженіе глазъ—вообще, самый надлежащій видъ, чтобы ѣхать съ первымъ медицинскимъ визитомъ. Прекрасно, вотъ и Яковъ Григорьичъ лѣзетъ прямо въ комнату, чтобы полюбоваться, какъ ломаетъ человѣка съ похмелья. Удивительное нахальство... Да, можетъ-быть, и лошадь отъ Бубновыхъ послана затѣмъ только, чтобы посмотрѣть, какимъ онъ явится послѣ вчерашней попойки. Эта мысль просто обезкуражила Кочетова, и онъ сѣлъ на ситцевый просиженный диванчикъ, какъ ошпаренный.

— А я, знаете, ужъ припасъ еще съ утра...—добродушно говорилъ Яковъ Григорьичъ, показывая пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ.—Какъ

рукой сниметъ, и даже хорошо внутрь каплю или двѣ принять. Конечно, вы молодой человѣкъ, такъ оно вамъ не въ привычку.

— Послушайте, у Бубновыхъ есть, дѣйствительно, больной?..

— А какъ же... Самъ хозяинъ захворалъ, не знаю, какая его болѣсть ущемила... А я Авдотью услалъ за сельтерской...

Это родственное участіе Якова Григорьича и вообще весь его добродушный видъ тронули Кочетова. Ему даже хотѣлось, чтобы вотъ этотъ самый старичокъ пожурилъ его отечески, а ему бы, Кочетову, сдѣлалось такъ стыдно, какъ напроказившему школьнику.

— Вчера-то я хорошъ явился?—спрашивалъ Кочетовъ, чтобы узнать мнѣніе посторонняго лица.

— А я, видите ли, Павелъ Иванычъ, нарочно не велѣлъ Авдотьѣ дожидать васъ, потому какъ видѣлъ, что кучеръ Луковкина назадъ пріѣхалъ, а Семена Гаврилыча извѣстная повадка... Ну, и поджидалъ васъ, а ужъ вы этакъ часу во второмъ обратились и, можно сказать, весьма грузны. Только вы напрасно безпокоитесь, Павелъ Иванычъ... Никто не осудитъ, потому что отъ Семена Гаврилыча живъ человѣкъ не уйдетъ.

Двѣ бутылки сельтерской и нашатырный спиртъ достигли своей цѣли, и черезъ четверть часа Кочетовъ ѣхалъ къ паціенту, удивляясь изящному экипажу на лежачихъ рессорахъ и великолѣпной сѣрой лошади. Бородатый кучеръ съ шикомъ подкатилъ его къ двухъэтажному дому. Застоявшаяся лошадь такъ и шарахнулась у подъѣзда всѣми четырьмя ногами. На звонокъ выскочила такая же краснощекая горничная, какъ у Семена Гаврилыча, и молча повела его во второй этажъ. Въ залѣ, убранной съ трактирной роскошью, какъ и у Семена Гаврилыча, видимо, дожидалась его сама хозяйка дома—высокая молодая дама въ черномъ шелковомъ платьѣ.

— Извините, что я такъ безцеремонно рѣшилась побезпокоить васъ, докторъ...—проговорилъ знакомый женскій голосъ, и Кочетовъ только сейчасъ узналъ въ этой женѣ больного мужа вчерашнюю Пашеньку.

— Помилуйте, это мой долгъ... Виноватъ, я не знаю, какъ васъ зовутъ?..

— Прасковья Гавриловна...

Однако какъ женщины умѣютъ мѣняться вмѣстѣ съ обстановкой: эта Прасковья Гавриловна совсѣмъ не походила на вчерашнюю Пашеньку—лицо строгое, манеры сдержанныя, однимъ словомъ, настоящая римская матрона. Впрочемъ, болѣзнь мужа могла повліять.

— Вы мнѣ позволите, Прасковья Гавриловна, познакомиться съ вашимъ больнымъ?..

Она знакомъ пригласила его слѣдовать за собой. Прошли гостиную съ коврами, тяжелыми драпировками и шелковой мебелью, потомъ столовую и наконецъ остановились у дверей спальни или кабинета—трудно было разобраться издали. Оказался кабинетъ и довольно плохой, сравнительно съ обстановкой другихъ комнатъ. На клеенчатомъ диванѣ, разметавъ руки, лежалъ и больной, еще молодой господинъ въ расшитомъ шелками халатѣ.

— Ефимъ Назарычъ...—недовольно, строгимъ голосомъ окликнула она.— Докторъ пріѣхалъ.

Больной повернулъ къ нимъ свое опухшее блѣдное лицо, сдѣлалъ какой-то жестъ трясшейся рукой и прохрипѣлъ:

— Пашенька, ррю-умочку...

Двухъ минутъ было совершенно достаточно, чтобы сдѣлать самый неопровержимый діагнозъ: у Ефима Назарыча былъ delirium tremens.

— Вы докторъ, что ли?—спрашивалъ больной, когда хозяйка, не отвѣтивъ, вышла изъ комнаты.

— Да, я...

— Такъ вотъ что... Вонъ въ углу, гдѣ этажерка... поймайте его, пожалуйста!.. Да по ногамъ... Пашенька, ррю-умочку!..

„Хорошъ больной...“—думалъ про себя Кочетовъ, наскоро набрасывая рецептъ.

Вернувшись въ гостиную, Кочетовъ нашелъ тамъ хозяйку въ обществѣ Семена Гаврилыча. Они о чемъ-то таинственно совѣтовались, и появленіе доктора заставило хозяйку быстро выдернуть свою руку, которую Семенъ Гаврилычъ держалъ обѣими руками.

— Ну, что, какъ вы, милѣйшій докторъ, нашли больного?..—освѣдомился Семенъ Гаврилычъ.—Мѣсяца три чертилъ... Что ни день, то полведра мадеры. Конечно, сильный человѣкъ, здоровый, но все-таки... А я за вами завернулъ, Павелъ Иванычъ: поѣдемте въ ремесленную управу.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Мнѣ вотъ необходимо принять нѣкоторыя мѣры съ больнымъ.

— А Пашенька на что? Вы ей скажите только, а сестрица ужъ все сдѣлаетъ... Вѣдь не въ первый разъ отваживаться-то ей со своимъ сокровищемъ!.. Кстати, тамъ переговоримъ съ вами и о дѣлѣ. Больничку новую строимъ, такъ нужно смѣту провѣрить, потомъ... Да мало ли у насъ дѣла наберется.

Отъ такого приглашенія трудно было отказаться, да и Прасковья Гавриловна больше не удерживала. Она внимательно выслушала его совѣты, ласково пожала руку и не безъ ловкости сунула конвертъ съ подаяніемъ. Семенъ Гаврилычъ сдѣлалъ видъ, что занятъ приставшей къ сюртуку пушинкой, и усердно скоблилъ ее ногтемъ.

IV.

Уѣздный городишко Пропадинскъ, заброшенный въ черноземную равнину, граничившую съ безконечной Киргизской степью, или Ордой—на мѣстномъ жаргонѣ, принадлежалъ къ числу разорявшихся русскихъ городовъ. Сравнительно еще недавно онъ пользовался громкой популярностью: купцы и счету не знали своимъ деньгамъ, а пропадинскія богатыя невѣсты вошли въ поговорку. Но, какъ исторія богатства, такъ и пропадинской бѣдности, не отличалась большой сложностью. Расположенный въ центрѣ черноземной полосы, Пропадинскъ служилъ долгое время главнымъ хлѣбнымъ рынкомъ, но освобожденіе крестьянъ и приливъ сильныхъ капиталовъ все перевернули вверхъ дномъ. Открылись новые хлѣбные рынки, а пропадинскіе толстосумы оказались малыми ребятами передъ надвигавшейся Богъ знаетъ откуда грозой — счетъ шелъ уже не на десятки и сотни тысячъ рублей, а прямо на милліоны. Сильные капиталы давили пропадинскихъ толстосумовъ безпощадно, а открывшіеся банки и легкій кредитъ дополняли картину разоренія. Къ этому нужно прибавить еще то, что пропадинскіе коммерсанты какъ-то остались въ сторонѣ отъ общаго промышленнаго движенія и вели свои дѣла по старинкѣ, что ихъ и доконало. Городъ кое-какъ влачилъ свое жалкое существованіе, а послѣдніе представители захудавшаго купечества проѣдали послѣдніе гроши и пускались на разныя художества.

Попавши въ эту разлагавшуюся среду, Кочетовъ быстро освоился съ ней и незамѣтно для самого себя втянулся въ окружающую обстановку. День за днемъ, недѣля за недѣлей—время тянулось само собой, а съ нимъ приви-

вались и новыя привычки. Работы было немного. Городская больница все еще строилась. Богатые паціенты приглашали только за тѣмъ, чтобы поболтать съ докторомъ и вмѣстѣ выпить рюмку водки.

Чаще другихъ ему приходилось бывать у Бубновыхъ. Здѣсь было какое-то царство мадеры, и „самъ“ не успѣвалъ поправиться отъ одного запоя, какъ сейчасъ же переходилъ къ слѣдующему номеру. Это было что-то ужасное. Дрянная пропадинская мадера выпивалась прямо четвертями. Молва гласила, что Семенъ Гаврилычъ нарочно спаиваетъ зятя, и указывала на его братскіе поцѣлуи съ Пашенькой. У Бубнова былъ еще капиталъ, но не было никого изъ близкой родни, и въ этомъ видѣли тонкую политику „градского“ головы. Въ маленькихъ провинціальныхъ захолустьяхъ извѣстно все и про всѣхъ, хотя Кочетовъ, бывая въ бубновскомъ домѣ чуть не каждый день, не могъ бы сказать ни да ни нѣтъ. Сначала онъ являлся по приглашенію, а потомъ, освоившись съ захолустными приличіями, ѣхалъ такъ, чтобы убить время. Вечеромъ пропадинцы просто ѣздили „на огонекъ“—увидятъ въ окнѣ свѣтъ, значитъ, кто-нибудь есть дома, а если есть кто-нибудь дома, то должна быть и мадера.

У Кочетова была болѣе уважительная причина; онъ немного ухаживалъ за Прасковьей Гавриловной, которая ему, чѣмъ дальше, тѣмъ больше нравилась. Сначала онъ принялъ ее за податливую бабенку, бѣсившуюся съ жира, и разсчитывалъ на легкій успѣхъ,—нужно же чѣмъ-нибудь развлекаться, когда нѣтъ ни театра ни клуба. Но, присмотрѣвшись ближе, онъ долженъ былъ перемѣнить свое заключеніе. Прасковья Гавриловна была любезна съ нимъ и часто подавала нѣкоторые шаловливые поводы, но провертывались моменты, когда она съ такимъ удивленіемъ смотрѣла на Кочетова и обдавала его такимъ холодомъ, что оставалось только благоразумно уходить подальше.

— Я васъ не понимаю,—говорилъ онъ ей однажды въ припадкѣ откровенности.—Въ васъ двѣ женщины, Прасковья Гавриловна: одна ласковая, веселая, а другая холодная и даже суровая. Я васъ иногда просто боюсь... А главное, никогда нельзя за васъ поручиться.

— Пустяки вы говорите, докторъ: всѣ наши пропадинскія купчихи одинаковы. Только по шляпкамъ и можно различить...

— Я не говорю про другихъ, а про васъ.

— Перестаньте, пожалуйста...

Въ Прасковьѣ Гавриловнѣ была еще третья женщина, которой Кочетовъ и не подозрѣвалъ: она собственноручно вела всѣ свои торговыя дѣла и вела очень недурно. Вынесенный въ приданое капиталъ увеличивался, и Прасковья Гавриловна дѣлала близкимъ людямъ ссуды подъ двойные векселя и жидовскіе проценты. Цѣловавшій ее братецъ былъ у нея по уши въ долгу. Замужъ она была выдана старикомъ-отцомъ противъ своей воли, никогда не любила мужа и по временамъ потихоньку отъ всѣхъ утѣшалась той же мадерой. Послѣднее зналъ только одинъ Семенъ Гаврилычъ и по-своему пользовался этой слабостью.

— Отчего вы не женитесь на Сѣделкиной?—спрашивала иногда доктора Прасковья Гавриловна и задумчиво смотрѣла ему прямо въ глаза такимъ страннымъ взглядомъ, очевидно, думая о другомъ.

Старикъ Сѣделкинъ былъ тотъ милліонеръ, который все искалъ подходящаго жениха своей дочери.

— Не подходящее дѣло,—коротко объяснилъ Кочетовъ.—Она богата, а я бѣденъ,—что же изъ этого можетъ выйти?.. Притомъ она совсѣмъ мнѣ не нравится...

— У насъ всегда женятся на богатыхъ невѣстахъ и даже издалека пріѣзжаютъ за этимъ. А что у васъ денегъ нѣтъ, такъ по-моему такимъ людямъ и нужно жениться на богатыхъ. Хотите, я посватаю вамъ?..

— Вы меня дразните, Прасковья Гавриловна?..

— Нисколько! Отъ чистаго сердца...

— Въ такомъ случаѣ, мы совсѣмъ не понимаемъ другъ друга...

— Очень можетъ быть... Я неученая и едва умѣю подписать свою фамилію, и то братецъ три года училъ.

— Неужели вамъ пріятно было бы видѣть меня мужемъ Сѣделкиной?.. Теперь я бѣдный человѣкъ, но все-таки совершенно независимый, а тогда...

— Ахъ, какой вы странный!.. Да вѣдь нужно же когда-нибудь жениться, а не все ли равно на комъ...

— Нѣтъ, не все равно... Видите ли, я немножко поздно явился къ вамъ въ Пропадинскъ, а если бы пріѣхалъ пораньше, тогда, можетъ-быть, и женился бы на богатой невѣстѣ, но только не изъ-за денегъ.

— Это вы про меня, что ли? — какъ-то по-дѣтски просто удивлялась Прасковья Гавриловна и такъ хорошо смѣялась, а потомъ съ кокетствомъ горничной прибавила:—я не вѣрю мужчинамъ.

По вечерамъ въ большомъ бубновскомъ домѣ было такъ хорошо. Вездѣ цвѣты, мягкая мебель, много свѣта и вообще какого-то уюта. Нужда еще долго не постучитъ въ рѣзную дубовую дверь подъѣзда, а Прасковья Гавриловна такъ и состарится среди окружавшаго ее тупого купеческаго довольства. Ее огорчало только то, что не было дѣтей. Часто по вечерамъ, когда Прасковья Гавриловна сидѣла въ гостиной на диванѣ съ какой-нибудь дамской работой въ рукахъ, докторъ читалъ ей что-нибудь или разсказывалъ. Она умѣла слушать, и ему нравилось, какъ звуки его собственнаго голоса отчетливо раздаются подъ высокимъ потолкомъ. Просыпалась какая-то буржуазная зависть къ этому комфорту и беззаботному существованію, но Кочетовъ во-время вспоминалъ о своей бѣдности и уличалъ самого себя въ грѣхопаденіи.

— А какъ вы думаете, докторъ, долго еще протянетъ мой мужъ?—спросила однажды Прасковья Гавриловна, когда они такимъ образомъ сидѣли въ гостиной.

— Не думаю, чтобы долго, если онъ не броситъ свою мадеру...

У Прасковьи Гавриловны этотъ отвѣтъ вызвалъ на глазахъ слезы, и она низко наклонилась надъ своей глупой работой. О чемъ она плакала? Неужели о мужѣ, котораго не любила, или о своей молодой жизни, не видавшей ни одного солнечнаго дня? Вообще, какая-то загадочная натура,—думалъ про себя Кочетовъ, какъ всѣ безхарактерные люди, не выносившій женскихъ слезъ.

Такія tête-à-tête удавались не часто. Обыкновенно являлся или самъ Бубновъ, или Семенъ Гаврилычъ, а съ ними—и безконечная мадера. Бубновъ трезвый былъ несчастнымъ человѣкомъ — одутловатый, съ нездоровымъ цвѣтомъ лица и съ удушливымъ кашлемъ, онъ молча ходилъ изъ угла въ уголъ и похрустывалъ холодными влажными пальцами. Въ періодъ запоя онъ буйствовалъ, какъ чумный быкъ, и его обыкновенно связывали. Кочетовъ пробовалъ-было уходить отъ мадеры, но это ни къ чему не вело.

— Э, батенька, отъ насъ не уйдешь, — фамильярно объяснялъ Семенъ Гаврилычъ, прищуривая глаза.—Возьму да самъ пріѣду къ тебѣ въ гости, а безъ мадеры какой же я человѣкъ...

— А я не буду васъ угощать...

— А я съ собой привезу... Нѣтъ, у насъ, голубчикъ, все попросту!

Отъ Семена Гаврилыча все-таки еще можно было отвязаться разными правдами и неправдами, но было хуже, когда принималась угощать сама Прасковья Гавриловна. Она это дѣлала съ такой милой настойчивостью и такъ ласково смотрѣла прямо въ глаза, что у Кочетова не было силъ отказаться.

— Пашенька, пригубь, а то онъ можетъ подумать, что мадера съ отравой...—хохоталъ Семенъ Гаврилычъ, довольный этой комедіей.

Прасковья Гавриловна не заставляла себя просить, наливала себѣ маленькую рюмочку, отпивала крошечный глоточекъ и съ улыбкой смотрѣла на доктора.

— Вотъ у насъ какъ!.. — повторялъ довольный Семенъ Гаврилычъ и опять цѣловалъ сестру въ губы.—Ай да сестрица... люблю!

Рѣдкій день проходилъ безъ того, чтобы Кочетовъ не являлся домой немного навеселѣ. Сначала онъ стѣснялся въ такомъ видѣ показываться передъ Яковомъ Григорьичемъ или передъ Авдотьей, но потомъ это неловкое чувство прошло само собой. Лицо у доктора замѣтно пополнѣло, появился даже румянецъ какого-то кирпичнаго цвѣта, и пришлось передѣлывать платье.

— У насъ уже климатъ такой, — добродушно объяснялъ Яковъ Григорьичъ, тоже ходившій вѣчно съ мухой.—Поживетъ человѣкъ, и сейчасъ въ немъ полнота начнется...

— Это отъ мадеры, Яковъ Григорьичъ.

V.

Бубнову дѣлалось все хуже, и Кочетову приходилось дежурить у него по цѣлымъ днямъ. Развивалась водянка. Печень была увеличена, какъ у всѣхъ пьяницъ.

— Вѣдь мнѣ всего двадцать восемь лѣтъ...—простоналъ однажды Бубновъ, съ какимъ-то отчаяніемъ глядя на доктора.—А какое здоровье-то было: подковы ломалъ.

— А давно вы начали пить?..

— Да не помню хорошенько... Послѣ женитьбы постарался.

Кочетовъ замѣтилъ, что больной боится жены, и просилъ ее не ходить въ его комнату. Съ нимъ дѣлалось дурно, когда въ сосѣдней комнатѣ шуршали легкіе шаги. Чтобы скрыть свое волненіе, онъ притворялся спящимъ и лежалъ съ закрытыми глазами все время, пока Прасковья Гавриловна сидѣла въ кабинетѣ. По конвульсіямъ дрожавшихъ рукъ Кочетовъ зналъ, что Бубновъ не спитъ, но не выдавалъ его. А какъ онъ страдалъ, этотъ несчастный пропойца... Лицо получало какой-то зеленоватый трупный цвѣтъ, на лбу выступалъ холодный потъ, кулаки судорожно сжимались, и больной кусалъ губы, чтобы не выдать своихъ мукъ. Теперь онъ просилъ мадеры одними глазами, въ которыхъ застывало какое-то животное отчаяніе.

Въ январѣ Бубновъ уже лежалъ вплотную, а въ февралѣ онъ умеръ. Смерть даже пустого и никому ненужнаго человѣка имѣетъ въ себѣ что-то внушительное, что̀ невольно заставляетъ задумываться. Глядя на холодѣвшій трупъ своего паціента, Кочетовъ думалъ о томъ, что неужели вотъ этотъ купецъ Бубновъ и родился на свѣтъ только для того, чтобы выпить нѣсколько бочекъ мадеры? Нѣтъ, это ужасно... Вѣдь былъ онъ ребенкомъ, его ласкала любящая материнская рука, потомъ онъ выросъ такой сильный и красивый, встрѣтился съ Прасковьей Гавриловной, а тамъ ужъ пошла сплошная мадера,

мадера безъ конца... Вѣдь думалъ же о чемъ-нибудь этотъ странный человѣкъ, что-нибудь чувствовалъ и желалъ? Можетъ-быть, въ мадерѣ онъ топилъ свое одинокое горе, котораго не могъ или не хотѣлъ ни съ кѣмъ дѣлить...

Купеческія похороны со всѣмъ ихъ безобразіемъ служили только логическимъ заключеніемъ безобразной жизни. Конечно, явился „весь Пропадинскъ", пившій чай въ ремесленной управѣ и отсюда дѣлавшій каждый день обходъ по знакомымъ— сегодня у Семена Гаврилыча легкая закуска, завтра у Нагибина, послѣзавтра у Голяшкина или Огибенина, а тамъ экстраординарные случаи для усиленной выпивки — именины, родины, крестины, похороны, годовые праздники и даже юбилеи. Это было что-то ужасное, роковой кругъ, изъ котораго трудно было вырваться. Бубновъ умеръ раньше другихъ, потому что былъ сильнѣе и могъ больше злоупотреблять. Заливался хоръ соборныхъ пѣвчихъ, соборный протопопъ сказалъ на свѣжей могилѣ небольшое слово на тему, что всѣ люди смертны и есть вѣчная жизнь, а потомъ все закончилось уже похоронной мадерой.

— Пашенька, не плачь...—говорилъ Семенъ Гаврилычъ, утѣшая сестру съ обычной фамильярностью.—Слезами не воскресишь человѣка, ежели онъ прошелъ свой предѣлъ.

Три Иванова и два Поповыхъ повторили то же самое съ нѣкоторыми варьяціями. Кочетову было гадко, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не могъ не замѣтить, что траурный костюмъ очень шелъ къ Прасковьѣ Гавриловнѣ, черной рамой выдѣляя ея молодую, полную силъ красоту. Конечно, на похоронахъ такъ думать не совсѣмъ прилично, и Кочетовъ все пилъ мадеру, чтобы забыться отъ какого-то сумбура, который начиналъ его давить. Жизнь — глупая вещь.

— Вѣдь вотъ: жилъ-жилъ человѣкъ, а потомъ взялъ да и умеръ, — со вздохомъ говорилъ старикъ Сѣделкинъ, преслѣдовавшій доктора своимъ вниманіемъ.

— Жилъ долго, а умеръ скоро,—глубокомысленно вторилъ предсѣдатель земской управы.

Накатывалось что-то въ родѣ раздумья на этихъ безшабашныхъ людей, но и этотъ проблескъ заливался мадерой. Семенъ Гаврилычъ разыгрывалъ роль хозяина и съ какимъ-то цинизмомъ повторялъ:

— Господа, помянемте покойника мадерцей... Всѣ тамъ будемъ! Не правда ли, отецъ дьяконъ?.. У насъ все попросту: былъ человѣкъ и нѣтъ его... А Ефимъ Назарычъ уважалъ весьма мадерцу.

Съ похоронъ Кочетовъ вернулся домой совершенно пьяный, и Яковъ Григорьичъ бережно уложилъ его въ постель. Старикъ вполнѣ сочувствовалъ квартиранту, потому что нужно же было помянуть покойника... Даже и онъ, поджидая квартиранта, перепустилъ лишнюю рюмочку — тоже жаль человѣка. Бывало, идетъ по улицѣ Бубновъ, весь въ бобрахъ, а увидитъ старика и поклонится. Обходительный былъ человѣкъ, нечего сказать.

Когда на другой день утромъ докторъ проснулся съ отчаянной головной болью, Яковъ Григорьичъ завернулъ къ нему поправиться вмѣстѣ, — поправлялись очищенной.

— Она, очищенная эта самая, отлично расшибаетъ кровь,—тономъ спеціалиста объяснялъ старикъ, нюхая корочку чернаго хлѣба.

— Расшибаетъ?..

— Такъ точно-съ... Отъ мадеры кровь, напримѣръ, сгущается, и выходитъ зловредная вещь. Да-съ... Вы какъ думаете, Семенъ-то Гаврилычъ пьетъ? Онъ, напримѣръ, пьетъ на ряду съ другими и дойдетъ до своего градуса,

значитъ, въ полную мѣру... Хорошо-съ. А на другой день, хоть сегодня взять, васъ ломаетъ и кочевряжитъ, какъ Мазепу, а онъ, Семенъ-то Гаврилычъ, какъ стеклышко. Это какъ, по-вашему?

— Не знаю... Желѣзное здоровье такое.

— А Бубновъ-то плохъ былъ? Двумя четырехпудовыми гирями крестился.

Оглянувшись со свойственной ему осторожностью, Яковъ Григорьичъ шопотомъ сообщилъ:

— Все дѣло въ насосѣ, Павелъ Иванычъ...

— Въ какомъ насосѣ?..

— А въ Нижнемъ былъ Семенъ-то Гаврилычъ, ну, тамъ эту самую штучку и пріобрѣлъ... Весьма даже оно любопытно: какъ напился до своего градуса, начало его мутить, онъ, значитъ, Семенъ Гаврилычъ, насосъ себѣ въ пасть и запуститъ, да все и выкачаетъ оттуда, а завтра, какъ встрепанный. Неужели не слыхали?

— Нѣтъ...

— По-моему, это нехорошо и даже весьма нехорошо... Вонъ покойному Бубнову предлагали, такъ онъ всю машину изломалъ у Семена Гаврилыча, потому какъ я, говоритъ, не хочу быть скотиной. Нѣтъ, это уже что же, Павелъ Иванычъ? И вы не поддавайтесь Семену-то Гаврилычу, ежели онъ къ вамъ тоже съ машинкой со своей подсыплется... Лучше ужъ, по-моему, въ законъ вступить: другого это весьма поддерживаетъ.

— Жениться?

Переходъ отъ насоса къ женитьбѣ былъ сдѣланъ такъ быстро и неожиданно, что Кочетовъ хохоталъ, какъ сумасшедшій. Вотъ такъ логика!..

Мысль о женитьбѣ заставляла Кочетова задумываться серьезно, хотя онъ и не имѣлъ никакихъ серьезныхъ намѣреній въ этомъ направленіи.

Вотъ уже скоро годъ, какъ онъ прозябаетъ въ Пропадинскѣ, но что изъ этого вышло? Своимъ дѣломъ онъ занимался спустя рукава, потому что больница все еще строилась, а практика была ничтожна. Нужно купить книгъ и засѣсть дома. Но, съ другой стороны, свободнаго времени у него почти не было: туда да сюда, глядишь, день и прошелъ. Потомъ эти вѣчныя выпивки... Попивалъ онъ и студентомъ, но тогда это дѣлалось просто съ голода, а теперь не могло быть даже и этого оправданія. Да, онъ незамѣтно втянулся въ эти выпивки и, презирая окружавшихъ его пьяницъ, уже испытывалъ непреодолимую потребность въ извѣстный часъ выпить: сначала передъ завтракомъ, потомъ передъ обѣдомъ, а потомъ и такъ, за здорово живешь, гдѣ случится. Иногда онъ завертывалъ и „на огонекъ", какъ это дѣлали всѣ. Но часто, возвратившись домой, Кочетовъ предавался глубокому раскаянію и давалъ себѣ слово бросить все завтра же. Дѣйствительно, проходило дня два и даже три, а потомъ незамѣтно повторялась старая исторія.

— Господа, Павелъ Иванычъ у насъ не пьетъ...—подшучивалъ Семенъ Гаврилычъ при каждомъ удобномъ случаѣ.—Значитъ, мы всѣ горькіе пьяницы, и больше ничего.

Все это было слишкомъ глупо, но у Кочетова недоставало выдержки, и онъ, разсердившись, дѣлалъ какую-нибудь глупость.

— Жениться для того, чтобы не спиться,—думалъ онъ иногда въ минуты раскаянія.—Что же это такое: обманывать самого себя?.. Нѣтъ, это ужъ совсѣмъ глупо. Больше: нечестно...

Оставался еще другой выходъ: уѣхать изъ Пропадинска при первой возможности. Кочетовъ и остановился на этой спасительной мысли. Въ самомъ дѣлѣ, уѣхать, и дѣло съ концомъ. Всякая мадера останется въ Пропадинскѣ,

а онъ, Кочетовъ, начнетъ жить снова... Какъ это хорошо. Больные думаютъ такъ же, точно можно уѣхать отъ своей болѣзни.

Чтобы не откладывать дѣла въ долгій ящикъ, Кочетовъ написалъ кое-кому изъ старыхъ знакомыхъ, не найдется ли ему гдѣ-нибудь мѣста не въ такой глуши, какъ Пропадинскъ. Одному старому товарищу онъ даже откровенно исповѣдался относительно истинныхъ причинъ такого желанія, и это значительно его облегчило.

Онъ сталъ смотрѣть на свое существованіе въ Пропадинскѣ, какъ на что-то временное, и на этомъ совершенно успокоился.

„Вотъ удивится Семенъ Гаврилычъ, когда я къ нему залвлюсь съ послѣднимъ визитомъ!—съ улыбкой думалъ Кочетовъ, представляя себѣ удивленное лицо градского головы.—„Какъ? куда? зачѣмъ?.. Не хотите ли, Павелъ Иванычъ, мадерцы“... Ха-ха!..“

VI.

Попрежнему заходить къ Прасковьѣ Гавриловнѣ теперь было неудобно. Она хотя и носила трауръ, но провинціальная сплетня не знаетъ пощады. Да и сама Пашенька въ послѣднее время какъ-то перестала нравиться Кочетову. Въ ней было что-то такое отталкивающее и непріятное, хотя по наружности она оставалась прежней завидной красавицей.

— Вы что̀ же это меня забыли, Павелъ Иванычъ? — ласково пеняла она, встрѣтивъ доктора у Семена Гаврилыча.—Завернули бы когда-нибудь поболтать...

— Не знаю... я постараюсь...

— Вы знаете, что за вдовушками всегда ухаживаютъ...

Эта шутка вышла ужъ совсѣмъ неловко, да она была, по меньшей мѣрѣ, и неумѣстна. Но докторъ вспомнилъ, что онъ скоро уѣдетъ изъ Пропадинска, и рѣшилъ возобновить знакомство. Прасковья Гавриловна встрѣтила его, какъ стараго друга, и пожаловалась на скуку. Зеркала вездѣ были затянуты кисеей, и вѣяло замѣтной пустотой.

— Когда я остаюсь одна въ этихъ комнатахъ, — говорила хозяйка, занимая гостя,—мнѣ дѣлается даже страшно... Слышатся какіе-то шаги, какой-то стукъ, и я по ночамъ не тушу огня въ своей спальнѣ. Вы не можете понять этого чувства, потому что для васъ, какъ холостого человѣка, все трынъ-трава...

„Ну, теперь начнется опять разговоръ о женитьбѣ...“ — невольно подумалъ Кочетовъ, но, вспомнивъ про свой отъѣздъ, проговорилъ съ большой развязностью, удивившей его самого:—А я, Прасковья Гавриловна, надумалъ жениться... Говорю совершенно серьезно!..

Прасковья Гавриловна пытливо посмотрѣла своими большими глазами прямо ему въ лицо и только покачала головой.

— Увѣряю васъ, Прасковья Гавриловна... Вы не вѣрите?..

— Вы шутите... Вижу по лицу.

— Нисколько... Я даже хотѣлъ обратиться къ вамъ за совѣтомъ, Прасковья Гавриловна, тѣмъ болѣе, что вы сами еще недавно предлагали мнѣ.

Эта мистификація забавляла Кочетова, и онъ продолжалъ разговоръ въ этомъ направленіи, стараясь подзадорить бабью страстишку устраивать счастливые браки. Къ его удивленію, Прасковья Гавриловна туго поддавалась и не шла на закинутую удочку.

— Нынѣшніе женихи только на языкѣ,—замѣтила она на прощанье.— И такъ изживете вѣкъ: развѣ не стало нашего брата, бабъ...

Встрѣчаясь съ Прасковьей Гавриловной, Кочетовъ каждый разъ старался заводить этотъ разговоръ, который ее замѣтно волновалъ и даже сердилъ. Она такъ хорошо сердилась: глаза темнѣли, губки надувались, на бѣломъ низкомъ лбу всплывала такая хорошенькая морщинка.

— Да вы серьезно, что ли? — спросила она однажды и заалѣлась еще сильнѣе, точно онъ сватался за нее.

— Серьезно... Я ужъ рѣшился жениться на этой Акулинѣ Сѣделкиной.

— Не Акулина, а Марья...

— Виноватъ: дѣйствительно, Марья... Это очень красивое имя: Маня, Манечка. Не правда ли?.. Кстати, вы позволите мнѣ зайти для окончательныхъ переговоровъ по этому поводу?..

— Послушайте, вы смѣетесь надо мной, какъ надъ дурой!..

— Прасковья Гавриловна...

— Ничего и слушать не хочу. Вы противный человѣкъ, а я считала васъ гораздо лучше...

— Я постараюсь исправиться. Знаете поговорку: женится—перемѣнится...

— Вы насмѣшникъ!..

Подъ предлогомъ серьезно поговорить о дѣлѣ, докторъ началъ бывать въ бубновскомъ домѣ почти каждый день и раза два совсѣмъ вывелъ хозяйку изъ себя. Эта шутка ему нравилась. Разъ, заявившись въ бѣломъ галстукѣ и свѣжихъ перчаткахъ, Кочетовъ весело заявилъ:

— Ну-съ, я заѣхалъ за вами, дорогая Прасковья Гавриловна.

— Это еще что̀ за новость?..

— Вы обѣщали съѣздить со мной къ невѣстѣ... Одному какъ-то, знаете, неловко, да и старикъ Сѣделкинъ... Ну, однимъ словомъ, о чемъ я буду съ нимъ разговаривать? А если вы займете его, тогда ужъ я переговорю съ невѣстой...

— Вамъ слѣдуетъ сдѣлать визитъ сначала одному, Павелъ Ивановичъ, — серьезно отвѣтила Прасковья Гавриловна, сдвигая свои соболиныя брови.

— Ахъ, помилуйте, что̀ за глупыя церемоніи! Лучше все попросту устроить... Да и Марью Семеновну я встрѣчалъ у васъ же, а старика Сѣделкина каждый день встрѣчаю въ управѣ.

— Я пойду одѣваться?.. — нерѣшительно проговорила Прасковья Гавриловна.

— Пожалуйста...

Эта комедія незамѣтно начала нравиться Кочетову тѣмъ, что сближала его съ Прасковьей Гавриловной, какъ всякіе любительскіе спектакли. Онъ, въ качествѣ жениха, смѣло садился теперь рядомъ съ ней на диванъ, бралъ ее за руку и позволялъ самыя интимныя темы. Когда изъ своей комнаты Прасковья Гавриловна показалась въ тяжеломъ шелковомъ платьѣ, Кочетовъ подбѣжалъ къ ней и горячо поцѣловалъ руку. Нѣтъ, рѣшительно, получалась пресмѣшная комедія... Когда поѣхали къ Сѣделкинымъ, Кочетовъ смѣло обнялъ свою даму за талію и только улыбнулся, когда она на него взглянула удивленными глазами и сдѣлала слабое усиліе освободить талію изъ крѣпко охватившей ее руки.

Сѣделкины были дома. Они жили по-старинному, на купеческую руку. Каменный домъ дѣлился на двѣ половины; парадная большая половина стояла всегда пустой, и хозяева жались въ двухъ маленькихъ комнаткахъ гдѣ-то около кухни. Появленіе нежданныхъ гостей взбудоражило это тугое гнѣздо до основанія. Старикъ выбѣжалъ навстрѣчу, торопливо застегивая засаленный длиннополый сюртукъ, а Марья Семеновна показалась только потомъ —

дѣвушка, видимо, торопилась одѣваться и вышла къ гостямъ съ взволнованнымъ лицомъ. Она не была красива, но свѣжая миловидность замѣняла красоту.

Прасковья Гавриловна повела дѣло съ увѣренностью настоящей свахи и раза два принималась горячо цѣловать конфузившуюся дѣвушку.

— У меня все поясница къ ненастью отзывается...—говорилъ старикъ, стараясь попасть въ тонъ будущему зятю-доктору. — Конечно, мои года ужъ не маленькіе, да и своя забота вездѣ.

— А вамъ нужно какого-нибудь молодого человѣка, — вмѣшалась Прасковья Гавриловна: — вотъ и будетъ замѣна... У васъ и въ комнатахъ перестало жилымъ пахнуть, Семенъ Игнатьичъ.

Кочетовъ, улыбаясь про себя, старался въ тонкости разыграть заправскаго, всамдѣшняго жениха и съ удовольствіемъ чувствовалъ на себѣ боязливый взглядъ невѣсты. Она такъ мило опускала глазки, когда онъ смотрѣлъ на нее, а когда онъ подошелъ къ ней и заговорилъ какіе-то пустяки, у бѣдняжки даже дрожали руки. „Нѣтъ, ужъ я, кажется, того, слишкомъ разгулялся...“ — подумалъ Кочетовъ, и въ немъ проснулось совѣстливое хорошее чувство. Зачѣмъ онъ ломается надъ этимъ старикомъ и его дочерью?.. Онъ живо представилъ себѣ тѣ чувства и мысли, которыя переживали они сейчасъ, и сдѣлалъ глазами знакъ своей свахѣ, что пора убираться во-свояси.

— Милости просимъ въ другой разъ... — приглашалъ старикъ, и эти простыя слова стояли въ ушахъ Кочетова всю дорогу, какъ живой упрекъ въ шалопайствѣ.

— Что̀, понравилась вамъ невѣста?—спрашивала Прасковья Гавриловна, переживая то свадебное волненіе, изъ-за котораго такія женщины лѣзутъ устраивать чужія свадьбы.

— Во-первыхъ, вы не должны мнѣ говорить вы, — отвѣтилъ Кочетовъ, притягивая сваху за талію совсѣмъ близко къ себѣ: — вы будете моей посаженой матерью... А во-вторыхъ, я сегодня хочу мадеры, чтобы вспрыснуть хорошее дѣло!

Прасковья Гавриловна ничего не отвѣтила и бойко вбѣжала по лѣстницѣ своего дома, такъ что Кочетовъ, поднимавшійся за ней, могъ любоваться ея бѣлыми юбками и шелковыми модными чулками, такъ соблазнительно охватывавшими точно выточенную ногу.

Въ передней, помогая раздѣваться свахѣ, онъ прямо обнялъ ее и поцѣловалъ въ затылокъ, гдѣ золотистыми завитками прятались отдѣлявшіяся короткія прядки волосъ. Прасковья Гавриловна кокетливо ударила его по рукамъ и убѣжала въ свою комнату съ легкостью и граціей расшалившейся дѣвочки.

„Э, да и посаженая маменька не дурна...“ — думалъ Кочетовъ, расхаживая въ гостиной въ ожиданіи мадеры и припоминая шелковые чулки.

— Вотъ что̀, посаженый сынокъ, ты порядочный повѣса... — заговорила Прасковья Гавриловна, возвращаясь съ бутылкой и рюмками. — Я думала о тебѣ гораздо лучше!..

— Мамынька, исправлюсь...

По возбужденному лицу Прасковьи Гавриловны румянецъ разошелся горячими пятнами, и она старалась не смотрѣть на гостя. Это оживленіе заразительно подѣйствовало на Кочетова, и онъ разомъ выпилъ двѣ рюмки.

— Ну, такъ что̀ же, какъ невѣста?—спрашивала Прасковья Гавриловна, глядя на Кочетова влажными глазами съ расширившимся зрачкомъ.—Славная дѣвочка, право... Домъ—полная чаша.

— Мнѣ на эти пустяки наплевать, а главное — сколько старикъ даетъ за ней денегъ, — продолжалъ Кочетовъ свою комедію. — Будемте говорить серьезно, мамынька. Деньги первая вещь, а уговоръ на берегу...

— Вотъ ты какой?.. а?.. А раньше что̀ говорилъ? Теперь, видно, за умъ хватился... Семенъ Игнатьичъ даетъ за дочерью пятьдесятъ тысячъ, а послѣ своей смерти остальное.

— А нельзя ли до смерти ухватить все, мамынька?

Прасковья Гавриловна откинулась на спинку кресла и посмотрѣла на Кочетова улыбавшимися глазами. Потомъ она налила себѣ рюмку мадеры и залпомъ выпила ее, поперхнулась и такъ смѣшно закашлялась. Кочетовъ ходилъ по гостиной, пилъ рюмку за рюмкой и дурачился все время, какъ школьникъ.

Въ окна смотрѣла душистая, лѣтняя ночь — въ Пропадинскѣ хороши такія ночи. Изъ садика подъ окнами несло ароматомъ левкоевъ и резеды.

— Мнѣ жарко!—проговорила Прасковья Гавриловна, стараясь не смотрѣть на жениха. — А вы, Павелъ Иванычъ, большой повѣса, и вотъ отъ васъ-то я не ожидала ничего подобнаго.

Яковъ Григорьичъ долго и напрасно ждалъ своего квартиранта, подкрѣпляя свои слабѣющія силы новой рюмочкой очищенной. Онъ такъ и заснулъ у отвореннаго окна, а Кочетовъ вернулся только утромъ, когда на соборѣ ударили къ поздней обѣднѣ.

Осенью, ровно черезъ годъ послѣ своего пріѣзда въ Пропадинскъ, Кочетовъ женился на Прасковьѣ Гавриловнѣ.

VII.

Впослѣдствіи Кочетовъ часто спрашивалъ самого себя, какъ онъ женился и зачѣмъ: безсмысленный чувственный порывъ, бездѣлье, легкомысліе—и вотъ результаты всего этого. Въ довершеніе всего онъ утѣшался тогда пошлой фразой, что „долженъ такъ поступить, какъ честный человѣкъ“. Развѣ честные люди могутъ разыгрывать такія пошлости? У него было одно богатство: полная свобода, но и это преимущество онъ оцѣнилъ только теперь, какъ больные цѣнятъ свое потерянное здоровье.

Молодые жили въ бубновскомъ домѣ, который принадлежалъ, какъ оказалось, Прасковьѣ Гавриловнѣ, а не мужу. Этотъ богатый домъ давилъ теперь Кочетова, какъ тюрьма,—нѣтъ, хуже въ тысячу разъ. Все въ этомъ домѣ до малѣйшихъ пустяковъ кричало ему, что онъ здѣсь чужой и что онъ занялъ мѣсто другого. Мебель, посуда, ковры и стѣны были свидѣтелями чужого счастья, можетъ-быть, короткаго счастья, но все-таки счастья, а для него все это является свидѣтелемъ позора. Прасковья Гавриловна не постѣснялась даже отвезти ему тотъ же самый кабинетъ, гдѣ жилъ и умеръ Бубновъ. Она даже не понимала, что это можетъ его тяготить, и съ удивленіемъ спросила:

— Вамъ развѣ не нравится эта комната, Павелъ Иванычъ?..

Они были на „вы“ съ перваго дня свадьбы, потому что Кочетовъ не могъ называть жену тѣми же полуименами, какъ первый мужъ или братецъ Семенъ Гаврилычъ. Да, съ перваго дня свадьбы дѣло у нихъ какъ-то не пошло на ладъ, и виной была она, а не онъ. По крайней мѣрѣ, онъ былъ въ этомъ увѣренъ, припоминая ту холодность и сдержанное презрѣніе, съ какими она къ нему относилась.

— Вы меня не любите, Прасковья Гавриловна, зачѣмъ же въ такомъ случаѣ вы выходили за меня замужъ?

— Для меня это простой практическій расчетъ, а вотъ вы-то зачѣмъ женились на женщинѣ, которую даже не могли любить?..

Она была, къ несчастью, умна и зла. Даже, пожалуй, и не зла, а бываютъ такіе особенные властные характеры, которые требуютъ покорности всего окружающаго, включая сюда и неодушевленные предметы. Не будь она богата, Кочетовъ, можетъ-быть, и помирился бы съ этимъ; но теперь его бѣсило и унижало: что̀ же, онъ развѣ содержанка какая, или продавалъ себя?.. Нѣтъ, извините, Прасковья Гавриловна, не на того напали... Чуть не каждый день происходили самыя жаркія схватки. Каждый считалъ себя правымъ и во всемъ обвинялъ другого. Но Прасковья Гавриловна оказывалась настойчивѣе и выдерживала характеръ дольше. За нее были и знакомые, и вся прислуга, и даже общественное пропадинское мнѣніе, т.-е. городскія сплетни.

Выходя на улицу, Кочетовъ чувствовалъ, что на него указывали пальцами и шептались за его спиной. Онъ даже получилъ спеціальную кличку: „бубновскій зять". Нечего сказать, отличная кличка... Конечно, могутъ сказать про всякаго, что̀ угодно, а важно то, чтобы совѣсть была спокойна, и Кочетовъ далъ себѣ честное слово никогда не брать ни одного гроша отъ Прасковьи Гавриловны и рѣшительно ничѣмъ не обязываться передъ ней. Если она что̀ дѣлала для себя, онъ умывалъ руки.

— Мы къ этому не привычны... — говорила она ему на своемъ горничномъ жаргонѣ, если онъ совѣтовалъ ей сократить какую-нибудь статью ненужныхъ расходовъ.

Какъ это онъ раньше не замѣчалъ, что она говоритъ совсѣмъ какъ судомойка или горничная, и, вообще, самая дурацкая купчиха, какихъ только производилъ бѣлый свѣтъ?

Когда Кочетову дѣлалось ужъ очень тяжело, онъ отправлялся къ своему бывшему хозяину квартиры Якову Григорьичу, который всегда встрѣчалъ его, какъ родного. Въ самомъ дѣлѣ, перебирая своихъ пропадинскихъ знакомыхъ, Кочетовъ не имѣлъ ни одного близкаго человѣка. А у Якова Григорьича было такъ хорошо всегда — не богато и не бѣдно, а середка наполовинѣ. Даже та бѣдная комнатка, которую занималъ Кочетовъ и которой стѣснялся передъ богатыми знакомыми, теперь такъ нравилась ему, и онъ чувствовалъ себя легче подъ низкимъ, бѣленымъ известкой потолкомъ.

— Что̀ же это вы ко мнѣ никогда не завернете, Яковъ Григорьичъ? — выговаривалъ докторъ старику.

— А собираюсь, каждый день собираюсь, Павелъ Иванычъ. Да все какъ-то недосужится: то то, то это. Хотя маленькія, а свои дѣлишки гоношимъ.

Конечно, дѣло было не въ этомъ, а просто старикъ стѣснялся и разъ самъ проговорился:

— Ужъ я вамъ, Павелъ Иванычъ, всю правду-матку скажу: все не могу я насмѣлиться... Два раза даже подходилъ къ крыльцу, ей-Богу, а какъ увижу эти ваши звонки да рѣзныя двери, меня точно ошибетъ что̀. И то̀ думается, что люди мы простые, ни стать ни сѣсть не умѣемъ, а еще, пожалуй, и васъ сконфузишь на людяхъ-то.

— Что̀ вы, Яковъ Григорьичъ! Какъ вамъ не совѣстно!

— Нѣтъ, ужъ оно такъ, Павелъ Иванычъ... Вы, конечно, отъ своей доброты такъ меня привѣчаете, а я свое понятіе держу. Все-таки заверну какъ ни на есть: трахмальную рубаху надѣну, сапоги со скрипомъ... хе-хе!..

Въ сущности старикъ былъ правъ. Кочетовъ понималъ то, чего онъ не договаривалъ, и долженъ былъ согласиться съ нимъ. Онъ самъ бѣжалъ отъ своего богатства, а чужого человѣка приглашаетъ.

Разъ, когда они такимъ образомъ сидѣли и мирно бесѣдовали, Яковъ Григорьичъ хлопнулъ рукой по колѣнку и проговорилъ:

— А знаете, отчего Ефимъ-то Назарычъ въ землю ушелъ?..

— Какой Ефимъ Назарычъ?..

— Ну, значитъ, Бубновъ... Конечно, по глупости и молодымъ онъ сильно испивалъ, — по купеческому званію бываетъ эта самая глупость, хорошо-съ, а какъ женился — и остепенился. Другой человѣкъ-съ... Жена — красавица, домъ — полная чаша: чего хочешь, того просишь. Только этакъ прошло годика два-три, ему въ голову и пади мысль... т.-е. оно опять глупость, ежели такъ со стороны глядѣть. Совершенная даже глупость... Сами знаете, какой характеръ обязательный у Семена-то Гаврилыча: увидитъ Прасковью Гавриловну и сейчасъ: „Пашенька", „сестрица", и прямо ее въ губы цѣловать. Оно, конечно, братъ, ежели такъ разсуждать... это даже и закономъ не воспрещается... да-съ. А только Семенъ-то Гаврилычъ сегодня въ губы Пашеньку, завтра въ губы, а люди-то, которые посторонніе, значитъ, они ужъ свое примѣчаютъ... Худого сказать нечего, а ужъ цѣлый разговоръ выходитъ... Съ этого съ самаго Ефимъ-то Назарычъ и заскучалъ, а потомъ въ мадеру свою ударился. Оно и пошло и пошло...

Увлекшись своими стариковскими воспоминаніями, Яковъ Григорьичъ только теперь взглянулъ на молчавшаго доктора, да такъ и остался съ раскрытымъ ртомъ, — Кочетовъ сидѣлъ блѣдный, какъ полотно, и смотрѣлъ на разсказчика такими страшными и остановившимися глазами.

— То-есть я-то самъ этого, конечно, не видалъ, а такъ люди болтаютъ... — виновато пробормоталъ старикъ, желая поправиться. — Оно, конечно, пустяки, и я первый скажу, что ни капельки въ этомъ правды нѣтъ...

— Конечно, все врутъ, — поддакнулъ докторъ съ какой-то странной улыбкой.

— Все врутъ... Ей-Богу, все врутъ!.. — уже божился Яковъ Григорьичъ.

Докторъ выпилъ рюмку водки, попрощался и ушелъ, а Яковъ Григорьичъ, оставшись одинъ, посмотрѣлъ кругомъ, пожевалъ губами, хлопнулъ себя по колѣнку и проговорилъ:

— Вотъ такъ хлопнулъ, старый дуракъ... а?.. Вотъ такъ убилъ бобра... а?.. Что̀ же это я намололъ?.. Вѣдь это называется безъ ножа зарѣзать живого человѣка... Совсѣмъ изъ башки даже выкатилось, что Пашенька теперь въ дохтурши попала, — вотъ до чего доводитъ человѣка треклятый языкъ!..

Дѣйствительно, болтовня старика ошеломила Кочетова, точно его ударили обухомъ по головѣ... Да, теперь все ясно, рѣшительно все. Вотъ гдѣ секретъ преждевременной смерти Ефима Назарыча. — „Пашенька, сестрица... У насъ все попросту!" Совершенно ясно: сегодня въ губы сестрицу, завтра въ губы... Нельзя же было Ефиму Назарычу ревновать жену къ родному брату?.. Это было похуже „бубновскаго зятя". Кочетовъ отлично себѣ представлялъ эти ревнивыя думы, это одиночество, потому что нельзя было показать глазъ въ люди... Можетъ-быть, Ефимъ Назарычъ тайно сдѣдилъ за женой и самъ же мучился своимъ шпіонствомъ. Да, вотъ одинокое бѣшенство, которое овладѣвало имъ, когда раздавались въ домѣ шаги Семена Гаврилыча, его болтовня и жирный купеческій смѣхъ. А когда жена уѣзжала изъ дому, какая тоска надвигалась сюда, вотъ въ эти самыя комнаты, гдѣ Ефимъ Назарычъ переживалъ свой позоръ... Вотъ отчего онъ сталъ бояться появленія жены и притворялся спящимъ: онъ боялся не ея, а собственнаго позора, который она вносила съ собой!

„Впрочемъ, это я такъ думаю, а въ дѣйствительности ничего подобнаго,

вѣроятно, никогда и не было... — думалъ Кочетовъ, хватаясь за голову. — Конечно, все это я самъ придумалъ, а Бубновъ пилъ свою мадеру — и вся тутъ психологія".

Кочетовъ чувствовалъ, что у него точно что̀ захлопнуло на душѣ. Ему противно было показываться въ люди, а когда пріѣзжалъ Семенъ Гаврилычъ, онъ запирался въ кабинетъ на ключъ. Но странно: какъ только щелкнетъ пружина въ замкѣ, его такъ и потянетъ взглянуть, что̀ они теперь дѣлаютъ въ гостиной, о чемъ говорятъ... Даже хорошо было бы подслушать. Напримѣръ, изъ столовой это очень легко сдѣлать: пріотворить дверь и въ щель, между косякомъ и полотнищемъ двери, можно все отлично видѣть.

— Нѣтъ, это гадко... отвратительно!.. — повторялъ себѣ Кочетовъ, шагая по кабинету. — Если другіе люди дѣлаютъ подлости, то это еще не даетъ права самому дѣлаться подлецомъ.

Въ кабинетѣ Бубнова висѣлъ рѣзной орѣховый шкапикъ, въ которомъ докторъ нашелъ еще недопитыя бутылки. Онъ самъ теперь началъ прятать сюда вино и потихоньку отъ жены порядочно напивался къ вечеру, особенно, когда Прасковья Гавриловна ѣздила къ братцу или тотъ ее навѣщалъ. Что-то непреодолимое тянуло его къ завѣтному шкапику, и онъ по рюмочкѣ отравлялъ тѣло, мозгъ и душу. Разъ, пьяный, когда все затихло въ домѣ, Кочетовъ не утерпѣлъ и въ однихъ носкахъ отправился къ жениной спальнѣ, чтобы подслушать, что̀ тамъ происходитъ. Онъ не видалъ, какъ уѣхалъ Семенъ Гаврилычъ, и подозрѣвалъ, что онъ здѣсь... Подкравшись на цыпочкахъ къ дверямъ спальни, Кочетовъ припалъ глазомъ къ замочной скважинѣ и увидѣлъ... Онъ увидѣлъ, какъ полураздѣтая Прасковья Гавриловна, оглянувшись на затворенную дверь, подошла къ такому же шкапику, какой у него былъ въ кабинетѣ, достала бутылку и залпомъ выпила рюмку, какъ дѣлаютъ записные пьяницы. Онъ нарочно постучалъ въ дверь. Она загремѣла ключами и отворила съ обыкновеннымъ недовольнымъ лицомъ — въ спальнѣ никого не было.

„Вѣдь это называется фельдфебельскимъ запоемъ..." — думалъ Кочетовъ, пошатываясь.

VIII.

Къ подъѣзду бубновскаго дома каждый день утромъ съ жалобнымъ дребезгомъ подкатывались старинныя дрожки на круглыхъ рессорахъ. Весь Пропадинскъ зналъ этотъ экипажъ, и по нему дѣлалось извѣстнымъ, въ какомъ домѣ больной, потому что старикъ Кацманъ ѣздилъ только по больнымъ. Сгорбленный, сухой, онъ рѣзко звонилъ и молча взбѣгалъ по лѣстницѣ во второй этажъ, а оттуда торопливо проходилъ въ кабинетъ.

— Ну, что̀, collega, какъ мы сегодня чувствуемъ себя? — спрашивалъ старикъ каждый разъ, подходя къ кушеткѣ, на которой лежалъ Кочетовъ.

— Мнѣ лучше... — обыкновенно отвѣчалъ collega и смотрѣлъ на Кацмана мутными, воспаленными глазами. — Кашель меньше, боль въ боку не такая острая.

— Мы скоро будемъ молодцомъ, collega, — говорилъ Кацманъ, считая пульсъ.

Разъ, когда докторъ отворилъ дверь въ кабинетъ, онъ сдѣлалъ-было шагъ назадъ: Кочетовъ стоялъ на ногахъ и смотрѣлъ на него съ улыбкой. Ноги у него давно отекли, а онъ ходитъ.

— Точно на чужихъ ногахъ хожу или на подушкахъ, — объяснялъ Ко-

четовъ съ необыкновенною бодростью. — Черезъ два дня я буду совсѣмъ здоровъ.

Это была подозрительная бодрость, и старикъ, усадивъ больного въ кресло, долго качалъ головой.

— Мнѣ совсѣмъ хорошо, — продолжалъ Кочетовъ, опуская безсильно голову на мягкую и высокую спинку кресла. — Только, знаете, меня ужасно безпокоитъ одно...

Оглянувшись на дверь, онъ шопотомъ прибавилъ:

— Мнѣ кажется, collega, что я и Бубновъ — одно лицо... Помните Ефима Назарыча Бубнова, который умиралъ вотъ въ этой же самой комнатѣ? Такъ вотъ мнѣ и показалось, что я не Кочетовъ, а Бубновъ... Это ужасная мысль! У меня даже холодный потъ выступилъ на лбу, и я почти на четвереренькахъ подползъ къ зеркалу... И что же?.. Представьте себѣ: изъ зеркала смотрѣлъ на меня живой Бубновъ, т.-е. я самъ... Мнѣ такъ сдѣлалось страшно, что я закричалъ, а когда прибѣжала Прасковья Гавриловна, я такъ же притворился спящимъ, какъ дѣлалъ это Бубновъ... и руки такъ же тряслись у меня...

— Вамъ нужно успокоиться, collega... Это былъ, конечно, бредъ.

— Ахъ, нѣтъ... Я и теперь то же самое чувствую. Опять начинаю превращаться въ Бубнова... Вы замѣчаете?.. да?..

Кацманъ стоялъ и смотрѣлъ, строго сложивъ свои толстыя губы. Collega былъ безнадеженъ — начинался параличъ мозга... Видъ больного былъ ужасенъ. Опухшее, сѣрое лицо сквозило уже мертвыми тонами, глаза смотрѣли расширеннымъ зрачкомъ, разбухшее тѣло потеряло всякую жизненную энергію.

— Вы, можетъ-быть, чего-нибудь хотите? — спросилъ Кацманъ, чтобы сказать что-нибудь.

Больной сдѣлалъ усиліе и только глазами показалъ на завѣтный шкапикъ, какъ это дѣлалъ Бубновъ. Онъ даже вытянулъ губы, чтобы сказать знакомое слово: — „рю-умочку!“, но въ легкихъ не было силы, и, вмѣсто членораздѣльнаго звука, со свистомъ вырвалась мертвая струя воздуха. Старикъ-докторъ отворилъ шкапикъ, налилъ рюмку мадеры и подалъ больному, который съ жадностью сдѣлалъ одинъ глотокъ, а остальное выплюнулъ.

— Какая гадость... — промычалъ больной и попросилъ поднять шторы. — Мнѣ все кажется, что темно, докторъ. Глаза, видно, ослабѣли.

— Это бываетъ, collega, а потомъ пройдетъ.

— Конечно, пройдетъ...

Состояніе больного, когда начинались галлюцинаціи, было ужасно. Въ немъ со страшной силой боролись два призрака. Очнувшись съ холоднымъ потомъ на лбу, онъ опять начиналъ думать, что мучился не онъ, Кочетовъ, а тотъ, второй, который неотступно преслѣдуетъ его день и ночь. Да, ночь... Какое это ужасное слово: ночь!.. Все затихнетъ кругомъ, и *онъ* входитъ въ комнату — вотъ эти тяжелые шаги, подъ которыми гнутся половицы, хриплое дыханіе, скрипъ кресла, когда онъ грузно садится на него. У Кочетова захватывало дыханье въ груди отъ ожиданія, когда онъ не будетъ самимъ собой, а превратится въ Бубнова, — это самый мучительный моментъ, за которымъ сейчасъ же слѣдовало облегченіе. Иногда они разговаривали между собой, какъ хорошіе старые знакомые, т.-е. опять-таки это былъ призракъ разговора, потому что мысль не нуждалась въ своей звуковой оболочкѣ и вообще въ какомъ-нибудь вещественномъ знакѣ.

Такъ продолжалось недѣли двѣ, но потомъ больному вдругъ сдѣлалось лучше — онъ очнулся и посмотрѣлъ кругомъ осмысленнымъ взглядомъ. Оста-

валась только легкая усталость, которую испытываетъ отдыхающій человѣкъ. Кочетову казалось, что онъ сдѣлалъ какое-то длинное путешествіе и только-что вернулся домой.

— Позовите мнѣ Якова Григорьича... — попросилъ онъ заглядывавшую въ двери горничную.

Вотъ именно этого хорошаго старика ему и недоставало. Потомъ онъ вспомнилъ то хорошее, что̀ должно было его окончательно спасти, — вѣдь и раньше онъ думалъ объ этомъ хорошемъ, но оно какъ-то ускользнуло изъ головы. Теперь Кочетовъ закрывалъ глаза, напрягая всѣ силы, чтобы не забыть счастливаго спасительнаго слова, которое онъ можетъ передать только одному Якову Григорьичу. И какъ все это просто: *уѣхать*, нѣтъ — *убѣжать*... Кочетову даже сдѣлалось весело, и онъ встрѣтилъ съ улыбкой входившаго въ кабинетъ стараго пріятеля. Яковъ Григорьичъ пришелъ къ нему еще въ первый разъ и такъ смѣшно шагалъ по паркетному полу, точно онъ шелъ по льду или по стеклу. Оглянувшись на дверь, старикъ присѣлъ на стулъ къ кушеткѣ и угнетенно вздохнулъ.

— Яковъ Григорьичъ, вы меня совсѣмъ забыли...—попрекнулъ его больной.

— Это точно-съ... виноватъ, Павелъ Иванычъ, собирался, да все, знаете, дѣлишки наши... Ей-Богу, собирался!

— Да вы чего боялись-то?.. Я не сержусь, голубчикъ...

Больной съ усиліемъ перевелъ духъ и опять улыбнулся.

— А мнѣ васъ такъ было нужно... — продолжалъ онъ, разсматривая отекшіе пальцы. — Да, очень нужно... Помните, какъ я пріѣхалъ въ Пропадинскъ? Это была ошибка, а всякая ошибка ведетъ за собой цѣлый рядъ другихъ... Прежде всего, я былъ дурной, безхарактерный человѣкъ. Понимаете? Это съ перваго шага замѣтно... И въ первый же день я напился тогда. Вѣдь я не былъ пьяницей, а напился... да. Потомъ пошло все остальное... и самое гадкое, что̀ я дѣлалъ, было то, что въ своихъ собственныхъ недостаткахъ я обвинялъ другихъ. Порядочный, уважающій себя человѣкъ не допуститъ ничего подобнаго...

— Что̀ вы, Павелъ Иванычъ, напраслину на себя взводите... Мало ли съ кѣмъ что̀ бываетъ?

— Нѣтъ, не то... Помните, что̀ вы мнѣ разсказывали про Прасковью Гавриловну и братца Семена Гаврилыча? Вѣдь я тогда повѣрилъ и потомъ слѣдилъ за женой... Подсматривалъ и подслушивалъ... Не правда ли, какъ это гадко?..

— Самое пустое дѣло, Павелъ Иванычъ...

— Да... Если бы была правда то, что̀ вы мнѣ разсказывали тогда, зачѣмъ бы ей выходить снова замужъ?..

— Это вѣрно-съ... Такъ я тогда сдуру обмолвился, больше по своей простотѣ дурацкой, Павелъ Иванычъ.

— Знаете, мнѣ тогда слѣдовало уѣхать сейчасъ же... нѣтъ: нужно было бѣжать. На другой же день по пріѣздѣ сюда... Запомните, пожалуйста, всего одно это слово: *бѣжать*. А у меня въ головѣ иногда путается... Самъ виноватъ, кругомъ виноватъ.

— Павелъ Иванычъ, одно вамъ скажу: не вы первые... — умиленно шепталъ Яковъ Григорьичъ, покачивая головой. — Гдѣ же образованному человѣку съ этакой трущобою совладать?..

— Какой я образованный человѣкъ... — застоналъ Кочетовъ, тяжело перекатывая голову на подушкѣ. — Просто, имѣлъ дипломъ на легкую жизнь... Много насъ такихъ-то!..

— Нѣтъ, это ужъ совсѣмъ другое-съ, Павелъ Иванычъ... Трущоба, темнота-съ, а тутъ свѣжій человѣкъ навернется, особенно молодой. Главное, кость въ немъ еще совсѣмъ жидкая, а у насъ осатанѣлый народъ, прямо сказать...

Кочетовъ вдругъ замолкъ. У него закружилась голова отъ слишкомъ сильнаго напряженія мысли.

— Не забудьте слово-то... — шептали посинѣвшія губы.

— „Бѣжать", Павелъ Иванычъ?

Черезъ нѣсколько дней изъ бубновскаго дома тянулась къ собору похоронная процессія. „Весь Пропадинскъ" шлепалъ за гробомъ по осенней грязи.

„Эхъ, Павелъ Иванычъ, Павелъ Иванычъ... — думалъ Яковъ Григорьичъ, шагая въ хвостѣ процессіи. — Жить бы да жить надо... охъ-хо-хо!.."

1887.

Оглавленіе

V тома.

Сибирскіе разсказы.

	стр
Сибирскіе орлы	3
Главный баринъ	9
Звѣрство. Лѣтніе эскизы	15
На перевалѣ. Изъ осеннихъ мотивовъ	21
Не у дѣлъ	30
Подснѣжникъ. Очеркъ	39
Кладъ	52
Мòрокъ. Очеркъ	64
Пріисковый мальчикъ	75
Крестникъ. Этюдъ	85
Удивленный человѣкъ. Очеркъ	92
Мизгирь	98
Пиръ горой. Повѣсть	110
Не укажешь...	150
Оборотень	156
Семейная радость	162
Старики не запомнятъ	167
Ночевка	172
Друзья дѣтства	179
M-me Квистъ, Бликсъ и К°. Очеркъ	188
Послѣдняя вѣточка. Изъ старообрядческихъ мотивовъ	195
Сократъ Иванычъ. Глава изъ романа „Желѣзный голодъ“	209
Въ послѣдній разъ. Повѣсть	218
Старый шайтанъ	244
Въ болотѣ. Изъ записокъ охотника	279
Говорокъ. Очеркъ	266
Комбинація	281
Панъ Копачинскій	301
Инфлуэнца. Монологъ	308
Дорогіе гости. Эскизъ	314
Ночь. Эскизъ	322
Крупичатая	328
Авва. Очеркъ	338
Депеша	377
По дешевой цѣнѣ. Глава изъ романа	382
Самородокъ	388
Глупая Окся. Эскизъ	401
Таинственный незнакомецъ. Очеркъ	408
Седьмая труба. Эскизъ	421
Попросту	435

494388
LR
M2655B
Mamin, Dmitry Narkisovich
Полное собраніе сочиненій ... [П.В.Быков]
v.5. [Translit: Polnoe sobranie sochineny ...
~~[P.V.Buikov]]~~

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED